Д.В. Мосяков

ИСТОРИЯ КАМБОДЖИ

XX век

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

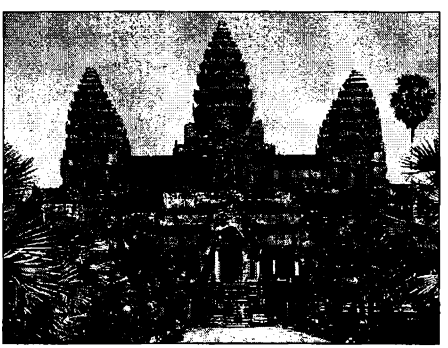
Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

Наумкин В. В. (главный редактор), Алпатов В. М.,
Белокреницкий В. Я., Ванина Е. Ю., Воронцов А. В.,
Егорин А. З., Зайцев И. В., Молодякова Э. В., Мосяков Д. В.,
Чудодеев Ю. В. (ученый секретарь серии)

Д. В. МОСЯКОВ

ИСТОРИЯ КАМБОДЖИ XX ВЕК



ИВ РАН
2010

ББК 63.3 (5 К)
М84

Рецензент Ю. О. Левтонова
Редактор А. З. Алмазова

Мосяков Д. В.
М84 **История Камбоджи. XX век.** — М.: Институт востоковедения РАН, 2010. — 743 с.: ил. (История стран Востока. XX век).
ISBN 978-5-89282-404-0

Монография охватывает более чем столетний период камбоджийской истории — от превращения страны во французский протекторат в 1863 г. и до всеобщих выборов в парламент Королевства Камбоджа в 2003 г. Центральное место в работе занимает изучение событий, происшедших в стране после Второй мировой войны. Автор рассматривает политические и экономические реалии, приводившие к смене в стране типов государственного правления — от монархического во главе с Н. Сианук, военно-республиканского, установленного Лон Нолом, тоталитарной модели военного коммунизма Пол Пота, и до режима Народной Республики Кампучия. Освещен период перехода управления страной к временной администрации ООН и в итоге — установление современной конституционно-демократической власти во главе с монархом.

Книга написана на уникальных, впервые вводимых в научный оборот источниках, хранящихся в Российском государственном архиве современной политической истории (РГАСПИ) и Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

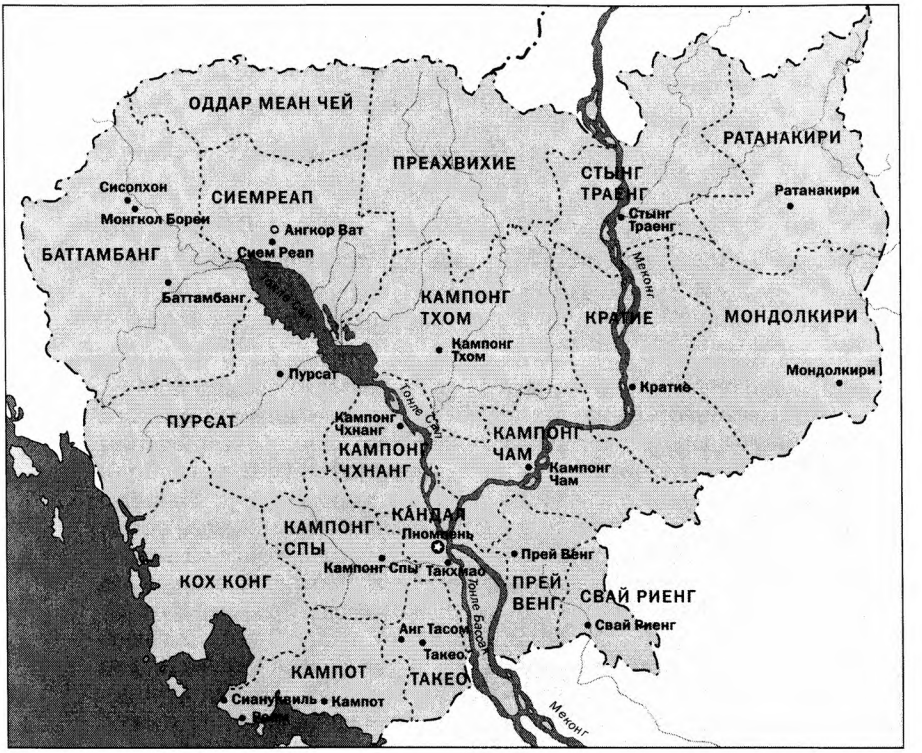
ББК 63.3 (5 К)

ISBN 978-5-89282-404-0

© Д. В. Мосяков, 2010
© Институт востоковедения РАН, 2010

Посвящается моей жене Светлане

Камбоджа, административное деление



Административное деление Демократической Кампучии в 1975–1979 гг.

Ц – Центральная зона
С – Северная зона
С-З – Северо-западная зона
С-В – Северо-восточная зона
Ю-З – Юго-восточная зона
З – Западная зона
В – Восточная зона
цифрами обозначена нумерация районов (дамбан)

ВВЕДЕНИЕ

История Камбоджи в XX веке во многом уникальна, имея в виду, что эта страна оказалась в эпицентре политической и идеологической борьбы, которую вели между собой мировые сверхдержавы. Ее существование в XX веке четко подразделяется на два основных этапа: в первой половине этого века до начала Второй мировой войны Камбоджа являла собой сонный и спокойный французский протекторат, в котором не происходило каких-либо значимых политических событий. Она была похожа на десятки других стран мира и, казалось, мало что говорило о том, какие испытания ждут эту страну во второй половине века. После Второй мировой войны все изменилось и внутри страны и вокруг нее. Камбоджа неожиданно для себя втянулась в мировую геополитическую борьбу. Через это небольшое государство, расположенное в южной части Индокитайского полуострова с общей площадью 181 035 кв. км и населением примерно в 5 млн. человек протянулись «горячие» фронты «холодной войны», которые коренным образом деформировали ее развитие. Она перестала напоминать похожие на нее страны, ее судьба в XX веке стала уникальной, так как за 50 лет своей независимой истории, за исключением разве что сравнительно короткого периода с 1954 по 1967 г., Камбоджа почти все время находилась в состоянии гражданской войны. Она участвовала в первой 1945–1954 годов и второй индокитайских войнах, в первой войне коммунистических государств между собой 1978–1979 гг., являлась передовым фронтом противостояния социалистического лагеря и стран Запада в 1979–1989 гг. За эти же годы она сменила несколько моделей организации общества и национальной экономики, несколько типов идеологии. Период правления «красных кхмеров» в Камбодже и крах их «эксперимента», стоившего стране почти полутора миллиона жизней, имел универсальное значение как наглядная демонстрация утопичности воплощения идеалов коммунизма посредством тотального террора и тотального обобществления. Уникальным событием камбоджийской и мировой истории стала и международная операция по установлению мира и восстановлению страны, благодаря которой Камбоджа вновь вернулась на стезю устойчивого развития. Совокупность всех этих событий делает историю Камбоджи в XX веке

уникальной, не сравнимой по масштабу и значению происходивших перемен с большинством даже куда более крупных и влиятельных в мире государств.

Кхмеры, как один из древнейших народов Юго-Восточной Азии, имеют давние традиции национальной государственности. Первым крупным государством на территории современной Камбоджи был Бапном (I–VI вв.), известный также под названием Фунань (от китайской транслитерации кхмерского слова пном — гора). Возникло оно на юго-востоке современной Камбоджи с центром в нижнем течении реки Меконг. Здесь же находилась его столица — город Вьядхапура. Во II–IV вв. Бапном был самым крупным государством на Индокитайском полуострове и его влияние распространялось на территории современного Таиланда, Бирмы и Малайзии. Материальную основу этого государства составляло долинное земледелие, в основном рисоводство по берегам Меконга и Тонлесапа, и ремесленное производство. В стране была развита внутренняя торговля, о чем свидетельствуют находки местных монет из золота, серебра, бронзы и олова, а также каменных и металлических гирь.

К VI в. Бапном приходит в упадок, тогда как на севере все более крепнет ранее зависимое от него государство Ченла. В середине VI в. правитель Ченлы Бхававarман завоевывает Бапном и основывает новое государство Камбоджу, названное так в честь мифического родоначальника династии правителей Ченлы аскета Камбу. Политическое единство этого царства оказалось непрочным. Непрерывные войны и междоусобицы привели к тому, что к 710 г. оно распалось на две независимые части — Ченла Воды на юго-востоке Индокитая и Ченла Земли в среднем течении Меконга.

В IX веке начинается становление могущественной по тем временам и в том районе мира империи Камбуджадеша с центром близ Ангкора. Ядром этой империи стало одно из государств, на которые распалась Ченла Воды — Индрапура, находившееся в зависимости от правителей Явы. История империи Камбуджадеша распадается на три основных периода: ранний охватывает конец VIII–X вв., период расцвета длится с начала XI по начало XIII в., поздний приходится на XIII — середину XIV в.

Ранний период истории империи связан с деятельностью Джаявармана II (802–854) — объединителя кхмерских земель и основателя новой династии. В последней из основанных им столиц Махедрапарвате он провозгласил независимость своего государства от

яванских властителей, построил первый религиозный центр страны и учредил официальный культ дева-раджи (бога-короля).

Государство, сложившееся при Джаявармане II, было неограниченной монархией, в которой король считался воплощением бога и обладал и духовно-религиозной и административной властью над своими подданными. В X — начале XIII в. происходит дальнейшее политическое усиление Камбуджадеши, превращение ее в полиэтническую империю. В этот период в результате многочисленных завоевательных походов кхмерами были захвачены обширные территории, включавшие помимо нынешней Камбоджи части земель современных Бирмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама и Малайзии.

Наибольший подъем Камбуджадеши связан с именами королей Сурьявармана II (1113–1150) и Джаявармана VII (1181–1220).

Сурьяварман II, отправив несколько посольств в Сунский Китай, сумел установить с ним хорошие отношения. Это позволило ему начать войны на востоке с Дайвьетом и Чампой, а на западе с монским государством Харипунджая и первыми тайскими княжествами. Империя в это время достигла своих максимальных размеров и намного превышала территорию современной Камбоджи. Помимо кхмеров в империи проживали моны, тайцы, чамы, малайцы, горные племена. Символом могущества страны в это время стал построенный Сурьяварманом огромный храмовый комплекс Ангкорват — один из крупнейших в мире, ставший усыпальницей этого монарха.

Другим крупным правителем эпохи расцвета империи был Джаяварман VII. Начав свою деятельность с победоносной войны с Чампой, он в дальнейшем сыграл выдающуюся роль в деле обращения кхмерского общества к новой религии — буддизму. Закладывая основы новой национальной религиозной системы, Джаяварман VII развернул широкое строительство культовых сооружений. В его правление был построен и знаменитый храм Байон, в гигантских башнях которого он запечатлел себя в виде Будды.

При Джаявармане VIII (1243–1295), который вступил на престол после смерти Индравармана II — сына Джаявармана VII, и его преемниках признаки упадка кхмерской империи становятся все более очевидными. Истощение основного земледельческого района вокруг Ангкора, связанное с латеризацией орошаемых земель, неудачные войны, особенно против тайского государства Сукотаи, религиозные распри (к этому времени относятся попытки восстановления шиваизма как государственного культа) все более ослабляют государственную

власть. Падение столицы империи Ангкортхома в 1432 г. под ударами тайских армий, перенос столицы кхмеров на восток Индокитая в район нынешнего Пномпеня и приход к власти новой буддийской династии означал переход кхмеров от империи к национальному государству и окончательному торжеству буддизма тхеравады в Камбодже.

Постепенно страна продолжает слабеть под ударами усиливающихся соседей. Сначала в 1592 г. тайцы захватывают камбоджийскую столицу Ловек, позже все более актуальной становится угроза со стороны вьетнамского государства Нгуенов, уничтожившего соседнее с Камбоджей государство Чампу и вышедшего непосредственно к камбоджийским границам. Постепенно страна попадает в зависимость от своих быстро усиливающихся соседей — Вьетнама и Сиама. Соперничество этих государств за преобладание на Индокитайском полуострове крайне обостряло междоусобные распри кхмерских феодалов, стремившихся в борьбе за власть опереться на поддержку иноземных правителей. В результате Камбоджа оказалась в двойной зависимости: от Сиама и Вьетнама. Отношения двойного сюзеренитета были характерны для страны со второй половины XVIII и первой половины XIX в. Территория Камбоджи тогда превратилась в поле длительного сиамско-вьетнамского противостояния. Воспользовавшись ослаблением Сиама в ходе разрушительной войны с Бирмой в 1767 г., Вьетнам присоединил к себе целый ряд камбоджийских провинций в дельте Меконга, так называемую Кампучию кром (нижнюю Камбоджу) вместе с ее столицей Прейнокором (ставшей позже Сайгоном). В 1834 г., воспользовавшись династическими распрями в кхмерской элите, Вьетнам ввел свои войска в Пномпень и фактически оккупировал страну. Камбоджа была разделена на тридцать три провинции, причем все они получили новые вьетнамские названия. Тогда же был принят закон, обязывавший кхмерских феодалов говорить по-вьетнамски и даже одеваться так, как это было принято во Вьетнаме. Угроза окончательной потери независимости и национальной культуры объединила кхмеров. Они подняли всеобщее восстание и, получив поддержку от Сиама, сумели изгнать вьетнамцев из страны. Эта война и длительная оккупация Вьетнамом камбоджийских земель оказали глубокое воздействие на национальное самосознание кхмеров, для которых вьетнамцы стали ассоциироваться с представлением об опасном и жестоком враге.

Война с Вьетнамом, однако, полной независимости стране так и не принесла. Территория Кампучии кром осталась под властью Вьетнама.

По соглашению 1845 г. Камбоджа вновь оказалась «под совместной защитой» правителей Вьетнама и Сиама. Попытки камбоджийского короля-реформатора Анг Дуонга провести в стране реформы, которые укрепили бы центральную власть и национальный суверенитет, особых успехов не принесли. Правящая верхушка выступала против любых изменений, которые могли бы ограничить ее власть и привилегии. После смерти Анг Дуонга в 1860 г. на трон вступил его сын король Нородом, при котором в Камбодже вновь начались внутренние смуты и мятежи. В 1861 г. младший брат короля Си Ватха предъявил свои права на престол, восстал и заставил Нородома искать поддержки у своего сюзерена — короля Сиама, который и помог ему восстановить его власть. Си Ватха отступил, однако продолжал оспаривать право на престол, и его отряды создавали постоянную угрозу безопасности кхмерской столицы. Общий беспорядок усугублялся еще и тем, что на востоке страны действовали повстанцы под руководством буддийского монаха, который присвоил себе имя По Комбао — принца королевской семьи Камбоджи, умершего через несколько часов после рождения. Он также претендовал на камбоджийский престол, впрочем, как и еще один монах — Ачар Суа, — также объявивший себя принцем королевской крови. Все эти деятели опирались на довольно крупные вооруженные отряды: число сторонников По Комбао, в частности, доходило до 10 тысяч, они свободно перемещались по стране и собирали силы для похода на Пномпень.

В такой нестабильной ситуации, когда власть нового короля оставалась крайне непрочной, в Пномпене появились французские представители, которые после подчинения Францией Кохинхины (Южного Вьетнама) стремились расширить зону французского влияния в Индокитае. В 1861 г. к Пномпеню подошла канонерка, посланная адмиралом Шарнэ для эвакуации французских миссионеров в связи с действиями сторонников Си Ватхи, а в апреле 1863 г. в Пномпень прибыл и французский офицер Бриер де Лиль, который стал убеждать короля Нородома перейти под защиту Франции. Появление французов оказало сильнейшее влияние на обстановку как внутри Камбоджи, так и вне ее и обозначило начало современной истории страны, что и составляет предмет исследования в настоящей книге.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАМБОДЖИ В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА (1863–1945 гг.)

1. От подписания договора о протекторате Франции и до окончания Первой мировой войны (1863–1919 гг.)

В сферу непосредственных интересов Франции Камбоджа вошла в начале 60-х годов XIX века, после того, как французы захватили Сайгон и прилегающие территории и стали готовиться к новым захватам в Индокитае. Вдохновителем и организатором французского наступления на Камбоджу стал адмирал Ла Грандьер, занимавший пост губернатора Кохинхины (Южного Вьетнама). Воспользовавшись относительным спокойствием в захваченных провинциях в дельте Меконга и обострением англо-сиамских отношений, Ла Грандьер пришел к выводу, что настало подходящее время для продвижения в глубь Индокитая, на территорию Камбоджи. По его указанию в страну был направлен один из приближенных к нему офицеров — Дудар де Лагре[1], которому было предписано представлять в Камбодже политические, торговые и военные интересы Франции, преследуя конечную цель — установление над ней французского протектората.

Прибыв ко двору короля Нородома, Дудар де Лагре обнаружил, что и король, и многие его приближенные выражают крайнюю обеспокоенность растущей зависимостью Камбоджи от Сиама, тем что король Сиама Монгкут «пользовался в стране большим влиянием, чем сам кхмерский король»[2]. Воспользовавшись этим настроением кхмерских верхов, французский представитель стал внушать Нородому, что только Франция способна защитить его от все более жесткой сиамской опеки и гарантировать его права на престол. В условиях, когда три претендента на его власть готовились к штурму столицы, предложение французов показалось Нородому вполне приемлемым, и он, после длительных бесед с Дударом де Лагре, дал согласие на визит Ла Грандьера

и подписание договора о протекторате. Этот договор был составлен французами и секретно подписан Ла Грандьером и Нородомом 11 августа 1863 г. Быстрота и скрытность франко-камбоджийских переговоров не позволили представителю сиамского короля, бывшего по договору 1845 г. вместе с вьетнамским императором со-протектором Камбоджи, вмешаться и не допустить перехода страны под власть Франции. Впоследствии, когда секретные договоренности раскрылись и Сиам заявил протест французскому правительству, Ла Грандьер категорически отрицал свое давление на короля в какой-либо форме, тогда как Нородом, оправдываясь перед сиамским сюзереном, ссылался на неприкрытое давление французской стороны[3].

Сегодня трудно установить, как все происходило на самом деле, однако известно, что люди, близко знавшие закулисную сторону подготовки и согласования всех статей секретного договора, полагали, что на Нородома не только оказывалось давление, но его к тому же просто обманули. Один из помощников Ла Грандьера позже вспоминал, что кхмерский король «едва ли понимал истинный смысл слова «протекторат»[4].

Подписание договора о протекторате Франции над Камбоджей еще не означало, что она установила реальный контроль над этой страной. Узнав о достигнутом соглашении, разгневанный представитель сиамского короля заставил Нородома подписать другой документ, в котором тот не только признавал себя вассалом Сиама, но и соглашался с тем, что его официальный титул будет уже не король, а лишь правитель Камбоджи, а королевство должно было стать данником Сиама. Договор устанавливал, что правитель Камбоджи назначался только по указу из Бангкока, а в случае, если он не будет «вести себя хорошо», Сиам оставлял за собой право захватить провинции Пурсат и Кампонгспы в дополнение к передаваемым под его юрисдикцию провинциям Баттамбанг и Ангкор[5].

Однако расчеты сиамского представителя противопоставить новый документ договору о протекторате Франции не оправдались: под давлением французского правительства король Сиама Монгкут отказался от прав протектора и согласился предоставить Камбодже независимость. При этом он выдвинул несколько условий, которые должны были позволить Сиаму «сохранить лицо» при своем уходе из Камбоджи. Он, в частности, потребовал, чтобы король Нородом был коронован совместно представителями Сиама и Франции, а также передать Сиаму западные провинции Камбоджи. Французы согласились

и в начале июня 1864 г. совместно с сиамскими представителями короновали Нородома. Позже, в 1867 г., Париж и Бангкок пришли к соглашению, по которому Сиам окончательно отказывался от всех сюзеренных прав над Камбоджей в обмен на западные провинции Баттамбанг и Ангкор (Сиемреап), которые передавались в его состав[6].

В результате всех этих переговоров, соглашений и компромиссов Франция стала единственным сюзереном Камбоджи. Секретный договор 1863 г., который теперь окончательно вступил в силу, переводил кхмерское королевство в зону французского влияния и тем самым предопределял неизбежность и модернизации камбоджийского общества, и постепенное превращение страны, уже как части французской колониальной империи, в субъекта глобальных международных отношений.

Ключевой документ, описывавший новый статус Камбоджи, состоял из 19 статей, причем уже в самой первой указывалось, что «французский император соглашается принять Камбоджу под свой протекторат»[7]. В соответствии с другими статьями Франция получала право назначать своего консула, которому в королевстве должны были воздаваться те же почести, что и важнейшим сановникам Камбоджи. Договор лишал правительство Камбоджи права проводить самостоятельную торговую политику: все порты страны открывались для французских торговых кораблей, французские подданные получали возможность свободно передвигаться по стране и торговать. Франция принимала на себя также обязательство поддерживать в Камбодже порядок и спокойствие и охранять ее от всякого рода внешних нападений[8]. Взамен этого ограничивалась свобода внешнеполитической деятельности кхмерского королевства. В договоре, в частности, указывалось, что «ни один представитель иностранного государства не имеет права находиться на территории страны без предварительного согласия французского губернатора Южного Вьетнама и правительства Камбоджи»[9].

Последствия договора 1863 г. и перехода Камбоджи под протекторат Франции первое время ощущались лишь на вершине власти, где ключевые политические решения уже не могли приниматься без участия французского представителя. В остальном существенных перемен в стране долгое время не происходило, традиционная система управления и хозяйствования оставалась неизменной. Причина такого положения заключалась в том, что во Франции в первое время рассматривали Камбоджу не как объект для экономической экспансии, а скорее

как стратегический форпост в глобальном соперничестве с Англией за преобладание в регионе. Поэтому 14 лет (1863–1877) французы почти не вмешивались во внутренние дела и не предпринимали серьезных попыток реальной модернизации кхмерского общества.

Постепенно, однако, по мере того как Франция все более активно продвигалась во Вьетнаме и Лаосе, формируя из своих новых владений Французский Индокитай, позиция французских резидентов при камбоджийском короле все больше менялась. Вместо прежней индифферентности и пассивности они стали заинтересованнее вникать в камбоджийские дела. Причина этого заключалась в том, что все откровеннее проявлялось желание французского правительства найти пути экономического освоения Камбоджи, подключения ее к хозяйству метрополии. От резидента в Пномпене стали требовать, чтобы он содействовал созданию в стране возможно более благоприятных условий для притока французского капитала. А чтобы добиться этого, он должен был активно участвовать в решении вопросов внутренней политики.

Быстро выяснилось, что в условиях сохранения существовавшей в стране системы традиционных политических и экономических отношений возможностей прибыльно вкладывать финансовые средства в Камбоджу просто не существует. Главным препятствием на этом пути стала господствовавшая в кхмерском королевстве традиционная модель организации власти и общества. В Камбодже для нее были характерны такие черты, как всесилие и бесконтрольность государственной бюрократии, широко распространенное рабство, неопределенность и слабая защищенность землевладельческих прав непосредственных производителей, налоговые злоупотребления чиновников. Уровень прибавочного продукта, производимого в аграрном секторе, был крайне низок, и он растворялся без следа в многочисленном административно-бюрократическом аппарате[10]. В такой ситуации получить путем взимания налогов реальные дивиденды от господства в Камбодже, без коренного изменения прежней модели организации кхмерского общества, оказывалось невозможным.

Еще менее реальным делом представлялось массовое инвестирование капиталов в страну для покупки земель, создания плантационного хозяйства, которое работало бы на экспорт, образования банков, торговых компаний и т.д. А между тем экспорт капитала являлся одним из основных путей развития французской экспансии в Индокитае, и в самой Франции представители финансового капитала стремились

вложить свободные средства во Французский Индокитай, причем с максимальной надежностью и эффективностью. Для этого необходимы были понятные европейцам институциональные реформы, которые открыли бы легитимные возможности эксплуатации колониальных территорий. О давлении финансового капитала на политику французской колониальной власти говорит тот факт, что с 1888 и по 1920 г. только частные французские инвестиции в Индокитае составили 500 млн. золотых франков. К этому надо добавить, что еще почти 500 млн. франков были вложены в регион по государственной линии[11].

Все большее давление финансового капитала, очевидная необходимость экономического освоения Камбоджи, тесной привязки страны к колониальной империи — все это вынуждало французские власти в Индокитае заняться внутренним переустройством кхмерского общества. При этом, по свидетельству Ж. Шено, многие в Париже и во французской администрации в Индокитае не желали проводить реформы, но «вынуждены были делать это под воздействием неумолимых обстоятельств»[12]. Под «неумолимыми обстоятельствами» подразумевалось, по всей видимости, то, что французский колониализм как система экономических отношений, как определенный административно-правовой механизм, оказался абсолютно несовместим с традиционной организацией камбоджийского общества. Прежде чем вкладывать в Камбоджу, необходимо было создать иную социально-экономическую модель, которая бы адекватно отражала интересы инвесторов и позволяла активно проводить экономическое освоение страны.

Первая попытка модернизации традиционной модели была предпринята в январе 1877 г., когда король Камбоджи Нородом под давлением французского резидента подписал декрет, по которому члены королевской семьи лишались всех функций управления, сохраняя, однако, свои титулы. Им назначалось государственное содержание. В декрете указывалось, что «все новые налоги могут вводиться только с одобрения Королевского совета». Тем самым французский резидент получал возможность влиять на внутреннюю политику кхмерского королевства, ибо он вместе с ближайшими к кхмерскому монарху чиновниками входил в состав этого высшего государственного органа. Менялось и положение крестьян, для которых устанавливался денежный выкуп за так называемые королевские работы (ремонт дорог, ирригационных каналов, строительство плотин и т.д.) вместо необходимых для их отработки 90 дней в году. Отменялись всякого рода государ-

ственные монополии, кроме монополии на продажу опиума и рисовой водки[13].

В столице учреждался Верховный суд, который одновременно становился и апелляционной инстанцией для судов низшей ступени. Судебные функции чиновников тем самым существенно ограничивались. В соответствии с этим декретом в стране отменялась и система пожизненного рабовладения. Каждый, кто находился в рабстве за долги, мог быть выкуплен или получал право добиться освобождения с учетом своей работы на хозяина. Приобретение всякого нового раба обусловливалось возможностью его выкупа. Причем специально подчеркивалось, что это распространялось на всех рабов, включая даже «диких» (т. е. жителей горных районов, так называемых кхмае лы — горных кхмеров), и иностранцев любой национальности, попавших в рабство. В декрете специально оговаривались права семьи, глава которой оказался в долговом рабстве[14].

Декрет 1877 г., также как и предыдущие попытки реформирования традиционного общества в Камбодже, предпринятые в пятидесятые годы XIX века королем-реформатором Анг Дуонгом, существенных изменений в камбоджийскую реальность не внес. Необходимость глубоких перемен в стране понимали и поддерживали виднейшие представители верхушки кхмерского общества. «Второй человек» в Камбодже принц Сисоват, например, заявил представителю Франции при королевском дворе, что он находит французские предложения, касающиеся реформирования всего аппарата управления страной, правильными, и «если бы я был королем, то я бы их принял»[15]. Однако одной только воли принца Сисовата было мало: главной преградой на пути любых преобразований и перемен, защитником «традиционных ценностей и обычаев Камбоджи» выступал многочисленный и влиятельный слой феодально-чиновничьей бюрократии, который совершенно не собирался терять свою власть.

Административный аппарат проигнорировал инспирированный французами королевский декрет 1877 г., справедливо усмотрев в нем посягательства на свои доходы и власть. Никаких реальных изменений после его провозглашения в стране отмечено не было. В письме, направленном в адрес министра по делам колоний, глава администрации Кохинхины отмечал в 1882 г., что «охота за людьми и продажа их в рабство продолжаются, особенно в зоне обитания пнонгов и стиенгов (малых горных народов. — *Д. М.*); чиновники, которым не выплачивают денег, продолжают свои вымогательства и живут за счет

мародерства и грабежа; общественные службы существуют только на словах, а в реальности их нет; продажность должностных лиц на всех уровнях также не уменьшилась; расходы двора продолжают в то же время возрастать год от года»[16]. В другом документе глава администрации Кохинхины высказывал такое мнение: «Мы напрасно потеряем время, стараясь гальванизировать эту нацию, которую фатальные законы, кажется, приговорили к уничтожению»[17].

Очевидный неуспех реформы 1877 г. вынудил французов более решительно взяться за реорганизацию системы власти и управления в Камбодже. В 1884 г. они попытались поставить под свой контроль и разом реформировать весь традиционный управленческий аппарат королевства. В Париже понимали, что без этого власть Франции в Камбодже так и будет в значительной степени номинальной. Резидент и его окружение рассчитывали при этом на поддержку части высшего кхмерского чиновничества, выступавшего за модернизацию системы управления страной. В беседе с французским резидентом министр флота Камбоджи говорил, например: «Вы (французы) не должны обманывать себя в отношении административного аппарата. Ваше присутствие здесь составляет препятствие для большинства чиновников, которые рассчитывают, что вы закроете глаза на их образ жизни»[18].

Главным содержанием навязанной королю новой программы реформ стало введение в Камбодже прямого французского управления. Под угрозой применения военной силы 17 июня 1884 г. представители Франции заставили короля Нородома подписать с ними договор, первый пункт которого гласил: «Король Камбоджи гарантирует принятие административных, юридических и финансовых реформ, которые Французская республика считает полезным предложить для облегчения управления протекторатом»[19]. Таким образом, король как бы заранее одобрял весь комплекс мер, которые французы собирались провести для модернизации страны. В последующих пунктах соглашения излагалась программа предложенных французами радикальных реформ: в сфере государственного управления предусматривалось, например, что камбоджийские чиновники — главы провинций ставились под прямой контроль французских резидентов (ст. 3); число провинций сокращалось с 57 до 8; они делились на округа, штат чиновников которых утверждался французским резидентом. При короле Нородоме учреждалась должность не дипломатического представителя Франции, как раньше, а Верховного резидента, подчинявшегося губернатору Кохинхины. Резидент получал свободный доступ

к королю Камбоджи (ст. 5), устанавливался цивильный лист для содержания короля в размере 30 тыс. пиастров (1 пиастр — 4,55 франка), а для содержания принцев и королевской семьи — 250 тыс. (ст. 7)[20].

Полностью менялась и организация власти в камбоджийской столице. Пномпень переходил под прямое управление французского верховного резидента или его заместителя — председателя муниципального совета. Совет состоял из 6 французов (чиновников или коммерсантов), назначаемых губернатором Кохинхины, а также 3 кхмеров, 1 вьетнамца, 2 китайцев и 1 чама, которые назначались королем, но утверждались французским губернатором Кохинхины[21].

Долгое время при оценке этого «соглашения» вопросы, связанные с коренным переустройством, модернизацией камбоджийского общества, затрагивались в отечественных исследованиях лишь вскользь. Внимание было сосредоточено главным образом на том, что и договор 1863 г. о протекторате, и «соглашение» 1884 г. о реформах были неравноправными, навязывались камбоджийскому монарху силой и фактически вели к закабалению страны. В подтверждение справедливости подобных утверждений приводили известные крестьянские волнения во главе с Ачар Суа (1864–1866), По Камбао (1865–1867) и, конечно, наиболее массовое и организованное антифранцузское выступление в 1885–1886 гг., когда практически вся страна, за исключением Пномпеня и нескольких провинциальных центров, оказалась под контролем восставших. На анализе движущих сил этого восстания хотелось бы остановиться особо, поскольку в отличие от первых двух движений, которые, по определению Ю. П. Дементьева, носили традиционный для Камбоджи «династический характер»[22], последнее выступление было направлено исключительно против французов и проходило при самом активном участии кхмерской управленческой элиты. Это был ответ на попытки французской администрации отстранить кхмерскую бюрократию от управления страной.

Восстание, организованное чиновниками, при негласной поддержке со стороны короля Нородома, началось в 1885 г. и быстро охватило всю страну. В современной кхмерской истории оно получило название «движения в защиту короля», так как чиновники поднимали крестьян на борьбу под лозунгом защиты монархии от попыток ее фактической ликвидации. Они убеждали, что отстранение короля и кхмерских чиновников от власти будет означать окончательное закабаление Камбоджи и гибель страны[23]. О размахе движения, его характере и масштабе можно судить по сообщениям французских резидентов,

находившихся к этому времени в различных провинциях страны. Так, резидент в провинции Кампонгчам сообщал, например, что «за исключением нескольких пунктов на реке, где наши сторонники держатся с большим трудом, восставшие хозяйничают во всем районе. Повсюду двигаются отряды мятежников, которые собирают налоги с населения, набирают людей в армию, сжигают дома наших сторонников, пытаясь отправить их жен и детей во внутренние области страны, чтобы подчинить себе других». Далее этот резидент сообщает о том, что почти все население провинции «поднялось на восстание»[24].

При изучении этих и подобных им сообщений, которые французские резиденты слали из других районов Камбоджи, можно сделать вполне определенный вывод, что массовость и организованность восстанию придавало активное участие в нем служащих всех звеньев административного аппарата и особенно чиновников на местах, игравших в восстании руководящую роль. По свидетельству очевидцев, в конце февраля 1885 г. они даже провели мобилизацию населения: лица, пригодные к военной службе, были призваны в армию и пополнили отряды регулярных камбоджийских войск, выступивших против французской администрации[25].

Анализ требований восставших показывает, что не идея борьбы за независимость была главным стимулом выступлений (хотя в некоторых местах и этот лозунг активно использовался) — на первом месте было стремление отменить ключевые положения реформы 1884 г., сохранить прежнюю социально-политическую и экономическую систему. Кхмерские чиновники требовали не изгнания французов из страны, а лишь сохранения независимой кхмерской королевской администрации, лишения французского резидента в Камбодже права решающего голоса и контроля над кхмерской администрацией. Еще яснее о подлинном характере восстания свидетельствовали требования о сохранении традиционной налоговой системы и о безусловном сохранении рабства в Камбодже[26].

Под давлением восставших французы вынуждены были пойти на определенные уступки кхмерской бюрократии, согласились заключить с королем другое соглашение, которое бы учитывало интересы кхмерской административной элиты. Новый документ об организации и распределении власти в стране был подписан и вступил в действие в июне 1886 г. Это стало сигналом к повсеместному прекращению восстания. Восставшие не были разбиты, просто по негласному при-

казу короля чиновники вернулись к исполнению своих обязанностей, а крестьяне — к своим наделам.

По соглашению 1886 г., королю и кхмерской бюрократии возвращались функции управления. С 1 января 1887 г. камбоджийская администрация в стране восстанавливалась. Вместо восьми резидентов, которые по договору 1884 г. должны были управлять провинциями, оставалось только четыре. Верховный резидент Франции в Камбодже продолжал быть членом Королевского совета, но лишался права решающего голоса[27]. Благодаря успеху восстания, Камбоджа, сохранившая статус французского протектората, приобрела права довольно широкой внутренней автономии. В таком качестве в 1889 г. кхмерское королевство и было включено в сформированный Францией Индокитайский Союз.

Уступки, сделанные кхмерской бюрократии в 1886 г., не означали, однако, что французы вообще отказались от желания монопольно управлять Камбоджей. Только теперь был избран другой более медленный и постепенный путь, когда властные полномочия короля и феодально-бюрократической верхушки не отнимались, а покупались. В 1888–1896 гг. французская администрация в Камбодже заключила с королем Нородомом ряд соглашений (в форме его указов), по которым у него «откупались» те уступки, на которые Франция вынуждена была пойти в 1886 г. Каждый новый указ, расширявший полномочия ее администрации, «уравновешивался» увеличением средств, выделявшихся на содержание королевского двора, а также передачей в собственность короля богатых земельных наделов. Это была своего рода капитуляция камбоджийской власти, но капитуляции почетная с «сохранением лица».

Чаще всего откупы касались сферы экономики и налогообложения, которые переходили под непосредственный контроль администрации протектората, но немало соглашений было и политических, направленных на расширение власти Франции. Они превращали французского резидента в Камбодже в реального главу исполнительной власти. Расширение полномочий французского верховного резидента вело и к увеличению численности чиновников метрополии в Камбодже. Так, например, после подписания откупных соглашений более чем в два раза выросло число французских резидентов, управлявших камбоджийскими провинциями. В 1889 г. было лишь 4 резидента, а в 1894 г. их число увеличилось до 10[28].

Наиболее существенной уступки французы добились в июле 1897 г., когда король Нородом подписал указ, который во многом повторял соглашение, вызвавшее восстание 1884 г. На этот раз никакого восстания уже не последовало, хотя в своем указе король заявил об отказе от какого-либо участия в делах государственного управления[29]. За кхмерским королем осталось лишь право подписывать декреты, подготовленные в аппарате французского верховного резидента в Камбодже. Он стал номинальным главой кхмерской администрации, а также, как и раньше, выступал как глава буддийского духовенства и пользовался правом помилования по отношению к своим подданным.

Вслед за ограничением власти короля претерпели существенные перемены и привилегии традиционной феодальной элиты. 21 мая 1904 г. специальным указом была отменена система комлангов[30] и крестьяне были освобождены от каких-либо обязательств по отношению как к своему комлангу, так и к его главе. Функции защиты их прав, вместо бывшего патрона — главы комланга, взял на себя учреждаемый суд. Позднее, 5 мая 1905 г. и 7 мая 1907 г., на свет появились и другие указы, касающиеся властных полномочий кхмерской элиты. Была отменена так называемая система уделов, по которой каждый член королевской семьи, крупный чиновник (входивший в состав Совета министров) «представлял» перед королем соответствующее количество провинций Камбоджи и пользовался доходами с них[31].

Отличительная черта всех этих нововведений состояла в том, что при ликвидации привилегий и отстранении от власти старой феодальной элиты максимально учитывались ее финансовые интересы. Французская администрация прекрасно помнила масштаб и организованность восстания 1885–1886 гг. и стремилась всячески избежать повторения тех событий. Вместо традиционной многоступенчатой системы «кормления» не только сам король, но и феодалы разного ранга стали получать денежное содержание непосредственно от администрации протектората. Содержание это, надо сказать, было немалым: мелкий чиновник в Пномпене получал, например, 192 пиастра, губернатор провинции — 810, высшие чиновники — 1800 пиастров. (Для сравнения пномпеньские кули зарабатывали в среднем около 8 пиастров в месяц, постройка обычного дома обходилась от 32 до 36 пиастров)[32].

Высокие доходы кхмерских чиновников, вместе с жестким контролем за их деятельностью со стороны французских резидентов, привели к существенному ограничению традиционной для страны массовой

коррупции. Теперь, в случае получения взяток, любой чиновник рисковал не только своим положением, но и стабильно высоким доходом. Кроме этого, для всего бюрократического аппарата была введена единая градация. Все чиновники стали подразделяться на три категории, причем даже к третьей категории могли относиться только те, кто получил образование в открытой французами в Пномпене так называемой административной школе, где готовили управленцев низшего звена[33].

Что же касается чиновников высшего звена, то они за добровольный отказ от сохранения традиционной системы клиентельных отношений (комлангов) и отказ от своей доли в доходах от «опекаемых» провинций также получили дополнительные и очень значительные денежные выплаты. Таким путем французы в буквальном смысле этого слова «выкупили» традиционные права и привилегии кхмерского чиновничьего аппарата, особенно его верхушки, и таким образом сумели относительно мирно завершить перестройку системы управления государством.

На вершине пирамиды кхмерской администрации, которая практически полностью была сохранена, стоял король, он же, как уже отмечалось, оставался главой буддийского духовенства (сангхи) и обладал по отношению к своим подданным высшей судебной властью — правом помилования. За подписью короля выходили указы и постановления, которые регулировали всю жизнь кхмерского общества. Однако особенность этих документов заключалась в том, что они получали законную силу только после подписи французского верховного резидента в Камбодже. Без этой подписи в силу они вступить не могли. Кроме этого, сами указы, которые приносили на подпись королю, готовились в администрации протектората французскими чиновниками, подчинявшимися непосредственно верховному резиденту.

Таким образом, страна являла собой иллюстрацию принципа — «король царствует, но не правит». Этот принцип был закреплен в соответствующем соглашении камбоджийского монарха с администрацией Индокитайского Союза. Глава Камбоджи получал от колониальной администрации крупное по камбоджийским меркам ежегодное содержание. Денежное содержание получали и представители феодальной элиты более низкого ранга — родственники короля и чиновники различных ступеней.

Структура местных органов власти строилась в соответствии с административным делением страны. Во главе каждой из шестнадцати провинций стоял кхмерский чиновник, все распоряжения

которого получали законную силу только после их одобрения французским резидентом. Функции кхмерских и французских чиновников были разделены следующим образом: кхмерский глава провинции — чаовайкхет отвечал за исполнение королевских указов и распоряжений, а его французский начальник — за составление списка налогоплательщиков, сбор и поступление налогов, разбор судебных дел. С августа 1904 г. при французских чиновниках были созданы совещательные советы из представителей местного населения. Избираемые путем многоступенчатых выборов из числа наиболее влиятельных жителей, они собирались раз в год, чтобы вместе с французским резидентом обсуждать положение дел в своей провинции.

На следующей ступени административной иерархии — округе (по-кхмерски — срок) французских резидентов уже не было. Чаовайсрок — глава округа назначался главой провинции из числа доверенных лиц при одобрении его кандидатуры французским провинциальным резидентом. Еще ниже находилась община кхум с мекхумом во главе. Эта низшая административная и налоговая единица была новым для Камбоджи административным образованием, созданным французами для управления массой разбросанных по огромной территории деревень — пхумов, возглавляемых сельскими старостами — мепхумами. Кхум объединял от одной до десяти таких деревень на территории, размеры которой зависели от степени населенности района. Обычно в кхуме жило от 4 до 8 тысяч человек.

Создание кхумов и их администрации, а также уточнение их юрисдикции было оформлено указами короля в 1908, 1919 и 1925 гг. Мекхум избирался советом кхума, в который входили выборные от всех налогоплательщиков местной общины, достигшие 21 года. Совет кхума собирался четыре раза в год, составлял бюджет, который затем подлежал утверждению главой провинции и одобрению французского провинциального резидента. Нельзя не обратить внимание на то, что королевские указы 1919 и 1925 годов об организации власти в сельских общинах впервые в кхмерской истории вводили в стране местное самоуправление.

Выборные советы кхумов были наделены широкими полномочиями — решали вопросы о подушном налоге, определяли число лиц, внесенных в налоговые списки, ведали распределением трудовой повинности, набором в армию, следили за порядком на территории общины.

Строго централизованная система управления, полностью подконтрольная верховному резиденту Франции в Камбодже, оказывала двойственное влияние на жизнь страны. С одной стороны — несомненно ущемляла камбоджийские свободы и суверенитет и создавала предпосылки для дестабилизации обстановки и роста националистических и антифранцузских настроений. Но с другой — обеспечивала необходимую политическую стабильность и эффективность в управлении, что вкупе с экономической реформой позволило стране в период колониального правления сделать огромный рывок во всех областях своего развития.

Продуманный и последовательно проводившийся в жизнь экономический курс и относительная эффективность административной власти позволили Камбодже более 30 лет жить без массовых социальных конфликтов и кровавых междоусобиц. Отдельные антиправительственные выступления, конечно, были и в 1905 г. в Стынгтраенге на севере, и в 1908 г. в Баттамбанге на западе Камбоджи, когда недовольные засильем французов крестьяне на короткое время даже захватили город Монгколборей[34]. Из относительно крупных социальных волнений можно указать также на крестьянские манифестации в январе-феврале 1916 г. В разгар Первой мировой войны население таким путем выражало недовольство новыми налогами, мобилизациями на строительство и реконструкцию дорог и призывом во французскую армию. В движении, охватившем почти всю страну, приняло участие около 100 тыс. человек[35]. Антифранцузские выступления в Камбодже происходили синхронно с протестами, которые в это время прокатились по приграничной с Камбоджей провинции Тяудок в Южном Вьетнаме. Французский чиновник, находившийся в это время в провинции Прейвенг, расположенной к востоку от Пномпеня близ границы с Вьетнамом, отмечал, что «последние события в Южном Вьетнаме быстро стали здесь известны и камбоджийцы стали распространять слухи, что вьетнамцы поднялись на восстание, чтобы прийти им на помощь». Он указывал также, что «положение в провинции неспокойно, поэтому требуется продлить пребывание в Прейвенге полицейских сил, отправленных на помощь местным властям»[36]. Только после того как 20 тысяч наиболее активных участников движения были арестованы[37], выступления в стране пошли на убыль, тем более что и королю Сисовату после встречи с крестьянами удалось убедить их прекратить борьбу.

2. Политическая борьба в 1919–1945 гг.

В период между мировыми войнами политическое положение в Камбодже оставалось довольно стабильным и внешне страна производила впечатление вполне смирившейся со статусом французского протектората. Милтон Осборн называл это время «эпохой колониального покоя»[38]. В отличие от соседнего Вьетнама, где борьба за независимость способствовала появлению многочисленных легальных и полулегальных политических групп и организаций националистического и коммунистического толка, где происходили масштабные антифранцузские акции типа Йенбайского восстания 1930 г., в Камбодже ничего подобного не наблюдалось. Однако сказать, что там в это время ничего не менялось, нельзя. Перемены в общественном сознании камбоджийцев, особенно образованных, наступали медленно, но неотвратимо: постепенно нарастали националистические тенденции и связанные с ними требования независимости.

Росту национализма камбоджийцев способствовали сами французы: исторические изыскания французских ученых в провинции Сиемреап подарили кхмерам великую историю, возможность гордиться блестящими достижениями своих предков Ангкорского периода. Французы не учли, что в сознании камбоджийцев сравнение их настоящего с великой империей Камбуджадеша, чьи границы простирались от перешейка Кра на Малаккском полуострове и до пределов современного северного Лаоса, — далеко не в пользу Франции. Слишком велик был контраст с тем прошлым и современным, что осталось от былого могущества Камбоджи к XIX–XX векам. Статус французского протектората, бессильные короли, неспособные принять ни одного решения без согласия иноземного верховного резидента, положение граждан «второго сорта» в собственной стране стали для кхмеров внешними признаками упадка и кризиса. Это противоречие между великим прошлым и униженным настоящим спровоцировало в 30–40-е годы XX века всплеск новой самоидентификации среди образованных кхмеров. Суверенитет, достижение полной независимости как залог возрождения страны и возвращения к былому величию — с этого периода все эти лозунги стали неотъемлемой частью любого камбоджийского политического движения от промонархического и до радикально коммунистического. Считалось, что раз люди, создавшие Ангкор, были кхмерами, то их потомки не могут не обладать такими же талантами. Французы вернули кхмерам их потерянную историю, и эта

история превратилась в фактор реальной политики. Начиная с 1940-х годов изображение башен храмового комплекса Ангкор-Ват стало появляться почти на всех камбоджийских флагах, а история империи Камбуджадеша легла в основу системы национального образования и превратилась в ключевой элемент национальной мифологии.

С этого времени все будущие правители Камбоджи от короля Сианука и до коммуниста Хун Сена станут апеллировать к великой эпохе Ангкора как важнейшему элементу национального единства и величия. Нельзя исключать и того, что действия «красных кхмеров», взявшихся переустраивать устои страны, также могли быть отчасти вызваны идеей величия Ангкора, попыткой доказать, что кхмеры способны на такие же сверхусилия, как это было в Средние века — в период их доминирования в Юго-Восточной Азии. По крайней мере, известны сказанные в 1977 г. слова лидера этого движения Пол Пота: «Если наш народ был способен построить Ангкор-Ват, то мы сможем сделать все, что угодно»[39].

Все эти перемены в самосознании кхмеров происходили постепенно и подспудно и долгое время слабо отражались в политической жизни Камбоджи, где почти не происходило заметных событий. В сельской местности, где сосредоточилась основная часть населения страны, людей больше занимали заботы о семье и пропитании, чем колониальная несправедливость. К тому же аграрная реформа и отмена рабства заметно улучшили ситуацию в деревне, обитатели которой хоть и оказались в долговой зависимости от китайских ростовщиков, все равно стали намного более свободными, чем раньше, поскольку избавились от массы феодальных повинностей. Это стало одной из причин того, что среди кхмерских крестьян не отмечалось особых волнений, несмотря на то, что французские налоги на душу населения в Камбодже оставались самыми высокими в Индокитае. В борьбе против этих налогов иногда случались серьезные эксцессы, вроде убийства 15 ноября 1925 г. французского губернатора провинции Кампонгчхнанг и «его прислужников», которые, как сказано было в одном из документов кхмерских коммунистов, «не давали нашему народу покоя»[40]. Но это нападение не вызвало больших волнений и осталось единичным актом протеста.

Если рассматривать ситуацию в целом, то, хотя в некоторых районах недоедание и неполная занятость стали в это время весьма ощутимы, простые камбоджийцы открыто не жаловались и не брались за оружие. Причина этого во многом заключалась в том, что у них всегда

была возможность либо уйти в город на поиски работы, либо отправиться в рамках программы переселения в другие провинции, где было много свободной земли, и получить там надел. Кроме того, в массе своей крестьяне были настроены крайне консервативно и монархически. Они воспринимали королевскую власть как некую данность, такую же, как смена времен года, точно так же воспринимали и установившуюся в деревне систему экономических отношений. Они скорее приспосабливались к ней, чем стремились ее сломать. Кое-кто из французских наблюдателей ошибочно принимал спокойствие камбоджийцев за преданность существующему режиму, а их учтивость — за проявление уважения. Другие французы были более осторожны и указывали на скрытую в психологии камбоджийцев склонность к насилию, ссылаясь на некоторые факты из сельской жизни. Действительно, в деревушках в это время получил широкое распространение бандитизм, а ограбления зачастую сопровождались изнасилованиями, поджогами и убийствами. Однако в целом Камбоджа оставалась одной из наиболее спокойных французских колоний[41].

В то же время нельзя сказать, что в стране вообще не существовало организованной оппозиции режиму французского протектората. Она существовала, но долгое время была слаба и малочисленна. В ее составе можно было выделить две основные группы: первые — адепты коммунистической идеологии, члены нелегальной кхмерской секции Компартии Индокитая, созданной при поддержке Коминтерна в 1930 г., вторые — националистически настроенные представители кхмерской интеллигенции, группировавшиеся вокруг высшей школы Пали и Буддийского института в Пномпене. Про Буддийский институт следует сказать особо, так как именно его учащиеся составили ядро первого организованного националистического движения. Основан был этот институт в 1930 г. при самом активном содействии французской администрации. Новое заведение должно было служить местом проверки и хранения камбоджийских религиозных и литературных текстов, а также центром встреч буддийской интеллигенции. Институт, кроме того, координировал высшие ступени монастырского образования. В издаваемом им журнале *«Камбуджа Сурья»* («Солнце Камбоджи») публиковались стихи, романы, поговорки, хроники, народные сказки и религиозные тексты[42]. Вполне вероятно, что посредством этого учебного заведения французы рассчитывали контролировать и влиять на настроения кхмерского буддийского духовенства. Они полагали, что новый Институт станет центром его подготовки

и обучения и сотням монахов уже не придется отправляться в независимый Таиланд за получением буддийского образования, где, как подозревали власти протектората, молодых людей настраивали против французской администрации, убеждали в необходимости борьбы за национальную независимость.

На практике получилось так, что расчеты французских властей не оправдались. Несмотря на открытие Института, кхмерские монахи продолжали поддерживать самые тесные связи с таиландскими буддистами — сторонниками независимости единоверных стран Юго-Восточной Азии. Более того, очень быстро Буддийский институт превратился в центр консолидации образованных и националистически настроенных людей, которые получили вполне легальную площадку для выражения своего мнения и возможность организации совместных обсуждений и дискуссий. Более того, монашеский статус позволял им свободно передвигаться по стране и вести под флагом буддийской проповеди антифранцузскую пропаганду. Буддийские монахи, особенно такие как Ачар Хем Чиеу (преподаватель пали), Ачар Панг Кат (преподаватель санскрита), Ачар Ук Чеа и многие другие, вели пропаганду среди кхмерских солдат, состоявших на французской службе, призывая их «любить свою страну и готовиться к борьбе»[43]. После каждой своей поездки по стране и многочисленных встреч с самыми разными людьми, монахи докладывали руководству Буддийского института о том, как простые крестьяне и особенно кхмерские солдаты и полицейские реагировали на их призывы, особенно отмечая тех, кто выражал непосредственную поддержку их действиям. Сон Нгок Тхань — будущий главный лидер кхмерских националистов, который тогда служил в Буддийском институте, отправлял к этим солдатам и полицейским своих наиболее доверенных людей, с тем чтобы включить их в антифранцузскую борьбу и ознакомить более подробно с планом предстоящих действий[44].

Из всего этого следует, что монахи Буддийского института под прикрытием буддийских проповедей вели не только пропаганду борьбы за независимость, но многие из них были еще и непосредственными участниками этой борьбы, занимаясь разведкой. Они собирали сведения о числе солдат и об оружии, хранившемся во французских военных казармах в Пномпене, о наиболее уязвимых для неожиданного удара местах в городе[45]. Естественно, что именно они и люди, с ними связанные, сформировали ядро националистического движения,

и в июле 1942 г. вышли на первую антифранцузскую манифестацию в Пномпене.

Что касается коммунистической оппозиции, то ее истоки самым тесным образом были связаны с распространением коммунистических идей во Вьетнаме и деятельностью партии вьетнамских коммунистов. Как следует из источников, в 20-е годы никаких сторонников марксизма в Камбодже не было, хотя в соседнем Вьетнаме они уже играли заметную роль в антиколониальном движении. В октябре 1930 г. пленум ЦК Компартии Вьетнама принял решение о переименовании партии в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК) и о созыве партийного съезда. Это означало, что вьетнамские коммунисты приняли принципиальное решение о расширении своих действий в Индокитае и о переносе активности партии не только на собственно вьетнамские районы, но и на территорию соседних Камбоджи и Лаоса.

На съезде были приняты Политические тезисы о расширении борьбы в Индокитае и распространении этой борьбы на Камбоджу и Лаос. В письме ЦК КПИК от 9 декабря 1930 г. говорилось: «В политическом отношении все три страны испытывают один и тот же гнет — гнет французского империализма и находятся под управлением империалистического правительства, единого для всего Индокитая. Революционное движение в одной стране без участия в нем двух других стран не может привести к свержению власти французских империалистов»[46].

В связи с такими переменами в деятельности Компартии Вьетнама была изменена и структура коммунистического движения в Индокитае. Новая партия в отличие от старой КПВ состояла из трех секций — собственно вьетнамской, камбоджийской и лаосской, которые формально имели равные права на определение линии всей партии. На деле же и в это время и практически на всем протяжении истории КПИК 1930–1950 гг. все властные рычаги в партии находились в руках вьетнамских коммунистов. В специальном письме, направленном в 1934 г. руководством КПИК «товарищам в Камбодже», указывалось без обиняков, что «вопрос об отдельной камбоджийской революции не может стоять на повестке дня, так как власть французов распространяется на весь Индокитай. Существует только одна индокитайская революция. В связи с тем что весь Индокитай находится под властью одного империалистического правительства, все революционные силы должны быть объединены в рамках одной партии — Компартии Индокитая ... у Камбоджи нет права иметь отдельную Компартию»[47].

Нельзя не отметить, что это письмо есть первое свидетельство того, что в Камбодже появились коммунистические кадры, которые, вероятно, рассчитывали образовать собственную, отдельную от Вьетнама партийную организацию. Подтверждает это и официальная история кхмерских коммунистов. В ней указывается, что в начале 1930 г. в пномпеньском колледже Сисовата была создана первая коммунистическая группа[48], еще одна ячейка появилась среди вьетнамских плантационных рабочих на каучуковых плантациях в провинции Кампонгчам, а в конце 1931 г. в основных центрах сосредоточения вьетнамских рабочих и поселенцев в Камбодже — Пномпене, Кандале, Кампонгчаме, Кратие появились новые коммунистические ячейки[49]. Ничего конкретного о борьбе этих первых коммунистических групп не известно. Скорее всего, почти все они, за исключением той, что появилась в лицее Сисовата, состояли из этнических вьетнамцев и ориентировались на борьбу за их специфические в условиях Камбоджи интересы. Деятельность коммунистов ограничилась в основном распространением листовок с призывом к борьбе против колониального гнета, за улучшение положения трудящихся. Характерно, что распространялись они в основном среди китайско-вьетнамского населения в приграничных с Южным Вьетнамом районах Камбоджи. Кхмерские крестьяне к призывам борьбы за социальное и национальное освобождение оставались глухи. Не имея серьезной социальной базы для разжигания классовой борьбы, коммунисты в Камбодже прилагали в это время усилия к созданию подпольных ячеек и расширению численности членов партии. В 1934 г. в стране был образован так называемый комитет уполномоченных КПИК, руководивший 7–8 ячейками с 30 членами партии и несколькими сотнями сочувствующих. Во главе этого комитета, по поручению КПИК, был поставлен Тхач Чхоен, как написано в официальной истории — рыбак с озера Тонлесап, тесно связанный с вьетнамскими коммунистами и вступивший в КПИК в 1932 г.[50]

В отличие от Вьетнама, где активность коммунистов была в целом довольно заметна, в Лаосе и Камбодже коммунистам каких-либо серьезных социальных конфликтов организовать не удалось, хотя так же, как и во Вьетнаме, они стремились сочетать нелегальную и легальную работу. Легальная работа должна была проводиться как часть широкой кампании формирования Демократического фронта Индокитая и борьбы за проведение в Пномпене Индокитайского конгресса. На нем планировалось публично заявить о существовании

партии и выступить с требованием широких демократических реформ.

В начале 1937 г. в целях оказания поддержки движению за созыв Индокитайского конгресса был создан Комитет действия. Впервые в истории французского протектората в Камбодже — в Пномпене и других городах под прикрытием этого комитета стали распространяться легальные издания КПИК[51]. Однако особого подъема среди кхмеров движение за создание Демократического фронта Индокитая не вызвало и охватило оно по большей части лишь вьетнамцев, работавших и живших в стране. В то же время легальная деятельность позволила коммунистам в Камбодже сорганизоваться и несколько расширить социальную базу своей борьбы, ибо появились первые связи коммунистов с кхмерскими буддийскими монахами, настроенными антифранцузски, а также с представителями кхмерской интеллигенции.

В марте 1937 г. состоялся расширенный пленум ЦК КПИК, который рассмотрел итоги революционного движения в Индокитае и принял решение все силы партии направить на создание Демократического фронта Индокитая. КПИК обратилась ко всем партиям и организациям Индокитая, ко всем демократическим и прогрессивным слоям общества с призывом войти в единый фронт под объединяющими всех демократическими лозунгами[52]. Естественно, что главной площадкой для деятельности этого фронта должен был стать Вьетнам, где коммунисты рассчитывали возглавить широкое народное движение. Камбоджа находилась на периферии этой борьбы, которая здесь также охватывала главным образом местных вьетнамцев. Свидетельством такого положения стал приезд в Пномпень делегации Народного фронта Франции во главе с Ж. Годаром. В городе ее встретила организованная коммунистами мирная демонстрация нескольких десятков вьетнамцев, среди которых было лишь несколько кхмеров. Манифестанты выдвигали те же самые требования, что и их собратья во Вьетнаме, призывали к расширению демократических свобод и выступали за создание Демократического фронта Индокитая. В подтверждение своего растущего влияния коммунисты в это же время организовали на каучуковых плантациях Кампонгчама забастовку. Ее участники — около 300 вьетнамских рабочих требовали повышения заработной платы, сокращения продолжительности рабочего дня и права на создание профсоюза[53].

Деятельность КПИК в период борьбы за создание Демократического фронта в Индокитае развивалась в тесной связи с политикой Народного фронта во Франции. На короткое время коммунисты

получили возможность вести политическую борьбу вполне легальными средствами, однако падение правительства Народного фронта в Париже резко изменило ситуацию в Индокитае. Французские власти немедленно ужесточили свое отношение к местным организациям коммунистов и националистов. Их лидеры подверглись аресту, а члены этих организаций либо ушли в подполье, либо оказались в руках французской полиции. В дальнейшем репрессии против них продолжались, и в 1938 г. партийные организации в Камбодже были разгромлены, базы партии уничтожены[54].

Это событие не вызвало особого резонанса в стране, ибо и легальная и подпольная активность коммунистов в целом оказывала крайне незначительное влияние на политическую жизнь. КПИК рассматривалась большей частью кхмерского населения как партия вьетнамцев и для вьетнамцев. Вьетнамские рабочие, особенно на каучуковых плантациях, были чувствительны к ее пропаганде, подавляющее большинство кхмеров оказались глухи к коммунистическим лозунгам и почти ничего не знали о деятельности коммунистов. Только некоторые представители интеллигенции, увлекшиеся коммунистическими идеями, проявили интерес к партийной борьбе. Они сумели избежать репрессий и проявили себя в марте 1945 г., когда сразу после переворота, устроенного японскими военными, ворвались в королевский дворец и потребовали немедленной отставки Сианука и формирования независимого правительства. Из семи человек, которые совершили эту акцию, пятеро, по информации Бена Кьернана, оказались тесно связанными с вьетнамскими коммунистами, под началом которых они вели борьбу и впоследствии[55]. Прорыв прокоммунистических интеллигентов во дворец не был заранее подготовленной акцией, это была стихийная реакция на события, происходившие в стране. Единичность такого протеста только подчеркивала слабость коммунистов в Камбодже. Накануне и даже в конце мировой войны мало что указывало на то, что Компартии предстоит сыграть столь важную роль в последующей кхмерской истории.

Политический вес националистической оппозиции был более заметным, чем коммунистической. Ее влияние ощущалось в среде буддийского духовенства, учащейся молодежи, образованных городских слоев, среди представителей властной верхушки, придерживавшихся националистических убеждений. Организационно националисты оформились в 1935 г., когда в Пномпене сложилась группа молодых националистически настроенных интеллигентов, тесно связанных

с уже упоминавшимся Буддийским институтом, а также с другим центром религиозного образования — Высшей школой пали. В престижном колледже Сисовата среди преподавателей и студентов также было много их сторонников. Лидерами националистов стали преподаватель Высшей школы пали Сон Нгок Тхань и преподаватель Буддийского института Буор Хорнг, тесно связанные с так называемой старшей ветвью королевского дома Камбоджи, которую в 1904 году, когда по указанию французов королем был избран Сисоват, фактически отстранили от первенствующего положения в кхмерской властной иерархии[56].

Вначале сторонники Сон Нгок Тханя и Буор Хорнга выступили с радикальной идеей отмены монархии, обвинили короля и его приближенных в тесном сотрудничестве с властями протектората, а также потребовали немедленного расширения прав национальной администрации и даже политической автономии Камбоджи в рамках французского Индокитая. В 1936 г. по предложению Сон Нгок Тханя эта группа приступила к изданию общедоступной газеты на кхмерском языке «Нагараватта» («Анкорват»)[57]. Это была первая газета на родном для населения языке, и уже потому она привлекла к себе особое общественное внимание. Ее тираж превышал пять тысяч экземпляров, но еженедельная читательская аудитория, вероятнее всего, была гораздо больше, особенно среди буддийских монахов, передававших газету из рук в руки[58].

Несмотря на то что в этой газете Сон Нгок Тхань и примкнувший к нему молодой преподаватель Сим Вар, ставший в будущем одним из наиболее уважаемых и влиятельных камбоджийских политиков, выступили с умеренной критикой деятельности французских властей и не выдвигали радикальных призывов и требований к администрации протектората, они так и не сумели добиться королевского покровительства своей деятельности. Все их доводы о том, что издание «Нагараватты» будет служить исключительно просвещению народа, встретили резкие возражения старшего сына короля Монивонга принца Сисовата Монирета. Тот сказал им, что, на его взгляд, «образование лишь пустая трата времени, поскольку более образованными кхмерами будет трудно управлять»[59]. Он, по всей видимости, был прекрасно осведомлен об отрицательном отношении авторов «Нагараватты» к идее монархии вообще и к правам династии Сисоватов на камбоджийский трон в частности. Сон Нгок Тханя и Сим Вара поддержал тогда принц Нородом Суримарит, который согласился стать патроном их газеты[60].

Получив поддержку влиятельного принца, издатели «Нагараватты» от умеренной критики французских властей постепенно перешли на более радикальные позиции. Они стали все активнее пропагандировать кхмерские и так называемые азиатские ценности в противовес «бездуховной европейской культуре», а позже предоставили свои страницы безудержному восхвалению Японии, которую стали рассматривать как единственную силу, способную принести Камбодже независимость. Из авторского и редакторского коллективов «Нагараватты» позже выросла Демократическая партия Камбоджи, бывшая ведущей политической организацией в стране во второй половине 40-х — начале 50-х годов.

Французы, внимательно следившие за требованиями националистов, постарались смягчить их непримиримость. Они содействовали тому, что королем после смерти Сисовата Монивонга стал не его старший сын принц Монирет, а шестнадцатилетний Нородом Сианук, представлявший одновременно старшую и младшую ветви кхмерского королевского дома. Его отец принц Нородом Суримарит находился с националистами в самых дружеских отношениях[61]. Назначая Нородома Сианука на пост кхмерского короля, адмирал Деку — губернатор Французского Индокитая, полагал, что этим шагом сможет успокоить националистов из «Нагараватты», выступавших против власти младшей ветви королевского дома — королей Сисосвата (1904–1928) и Сисовата Монивонга (1928–1941), которые в отличие от представителей старшей ветви всегда пользовались наибольшим покровительством французов.

Избрание королем Нородома Сианука как компромиссного кандидата не остановило, однако, радикализации кхмерских националистов, тем более что поражение Франции в Европе в 1940 г. существенным образом повлияло на расстановку сил в ЮВА. Рассчитывая изменить в свою пользу границы с Камбоджей и Лаосом, Таиланд 30 ноября 1940 г. начал военные действия против французского Индокитайского Союза. Однако успеха они не имели. Тайский флот 17 января 1941 г. был разгромлен Францией в Сиамском заливе, на суше наступление тайских войск было также приостановлено. Используя, однако, поддержку Японии, Таиланду все же удалось 9 мая 1941 г. подписать с правительством Виши мирный договор, по которому часть камбоджийской территории, расположенной к северу от 15-й параллели, а именно территории провинций Сисопхон, Сиемреап, Кампонгтхом и Стынгтраенг отходили к Таиланду[62].

С точки зрения кхмерских националистов в войне с Таиландом слабость Франции проявилась в полной мере. Несмотря на убедительные военные победы, французская администрация в лице режима Виши под давлением японцев оказалось неспособной отстоять территориальную целостность кхмерских земель. Националисты полагали, что, отдав кхмерские территории Таиланду, французы тем самым лишились легитимности своей власти в Камбодже. Их надежды на освобождение страны от власти Франции основывались еще и на том, что в это время в противовес администрации протектората в Индокитае все более усиливалось влияние Японии. Под давлением Токио 29 июля 1941 г. французский адмирал Дарлан подписал соглашение, по которому Япония получала право на размещение своих войск на территории Индокитая, а также на строительство дополнительных авиационных и морских баз. Через пять месяцев, 8 декабря 1941 г., адмирал Деку подписал с представителями японского командования новое еще более масштабное соглашение о совместной обороне стран Индокитайского полуострова[63].

Появление японских офицеров в Пномпене обнадежило националистов, и Сон Нгок Тхань немедленно вступил в контакты с японским штабом в Индокитае, рассчитывая, что выступление его сторонников в Камбодже, которое он готовил, получит японскую поддержку[64]. Однако эти надежды не оправдались: в 1941–1942 гг. японцы продолжали рассчитывать на лояльность французской администрации Индокитая и не хотели нарушать достигнутые договоренности о невмешательстве в дела французских владений. Поэтому они ничего не предприняли даже тогда, когда французская полиция раскрыла заговор националистов и арестовала одного из его организаторов, известного буддийского проповедника — Хем Чиеу. Этот монах был известен как наиболее непримиримый и радикальный националист, он активно вел антифранцузскую пропаганду среди кхмеров, мобилизованных французами в территориальные войска. Один из кхмерских солдат выдал его, и он был арестован. Хем Чиеу был помещен в тюрьму 17 июля 1942 г. «за подстрекательство к мятежу», и это событие вынудило лидеров националистов выступить немедленно, нарушив все свои планы. 20 июля в Пномпене прошла демонстрация почти 2 тысяч буддийских монахов и нескольких тысяч их «светских» учеников. Окружив резиденцию французского верховного резидента, манифестанты потребовали немедленного освобождения Хем Чиеу. По всей видимости, организаторы демонстрации, связанные с японцами,

ожидали, что те все-таки поддержат их выступление. Этого, однако, не произошло, и в результате французская полиция без каких-либо помех со стороны японского гарнизона разогнала собравшихся людей и взяла под стражу их лидеров. Арестованный ранее Хем Чиеу был приговорен к смерти, которую позже ему заменили пожизненной каторгой. В 1943 году он умер в тюрьме на острове Пуло-Кондор[65].

Другой активный лидер националистов — Сон Нгок Тхань сумел избежать полицейского ареста и укрылся в японском штабе[66]. Японские покровители так и не передали его французской полиции, а тайно вывезли из Пномпеня и отправили в Японию, где позже зачислили в так называемую школу Великой Восточной Азии, которая была создана властями Токио для подготовки прояпонских политических лидеров для стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

События июля 1942 г. подтолкнули администрацию протектората пойти на незначительные уступки кхмерским националистам: было, в частности, принято постановление впредь вместе с французским флагом выставлять и кхмерское королевское знамя. В то же время французы резко ужесточили административную вертикаль власти: по инструкции из Виши, все выборные органы Камбоджи подлежали роспуску. Палата представителей народа Камбоджи (учрежденная 10 июля 1940 г. вместо прежней местной консультативной ассамблеи) так и не приступила к работе[67].

Ситуация в стране изменилась в пользу националистов 9 марта 1945 г., когда японцы совершили в Индокитае государственный переворот и одним ударом уничтожили власть французской администрации не только в Камбодже, но и во Вьетнаме и Лаосе. Японские войска интернировали французские подразделения, отстранили от власти французских резидентов, сокрушили практически весь политический механизм, существовавший в Индокитае. Власть в стране перешла к японскому военному командованию, которое приказало немедленно выпустить из французских тюрем всех политических заключенных. Решительные действия Японии в Индокитае в самом конце мировой войны объяснялись тем, что во Франции режим Виши пал, а новая власть во главе с генералом де Голлем была целиком на стороне англо-американских союзников, воевавших против Японии. В Токио подозревали, что французские силы в Индокитае в преддверии высадки там союзных войск могут ударить «в спину» японским войскам. Кроме того, в поисках соратников в сопротивлении англо-американским силам, Япония наконец-то решила, что в Индокитае есть смысл

опереться на националистов. Наверстывая упущенное время, японцы действовали энергично, стремясь как можно быстрее сформировать в Камбодже национальную администрацию под своим контролем. В Пномпене они даже направили армейские грузовики к тюрьмам, где содержались участники выступления 1942 г., с тем чтобы быстрее ввести во власть бывших узников. В спешке уже 12 марта 1945 г. японские кураторы продиктовали молодому королю Камбоджи Нородому Сиануку два декрета, в которых тот объявил о расторжении всех соглашений, ранее подписанных с Францией. 9 августа 1945 г. прибывший из Токио Сон Нгок Тхань провозгласил себя премьер-министром, а 14 августа объявил о государственной независимости Камбоджи, и заявил о своей готовности «защищать независимость страны до конца»[68]. Действия Сон Нгок Тханя Сианук позже назвал государственным переворотом: Тхань и его группа, заверял он, «пытались листовками подстрекать наш народ к свержению меня с трона, но не нашлось ни одного гражданина, который бы последовал этому»[69]. Сианук явно преувеличивал свою тогдашнюю популярность и недооценивал Тханя, но, на его счастье, Япония — покровитель Сон Нгок Тханя капитулировала, а 23 сентября 1945 г. войска союзников освободили Сайгон. Чуть позже, 9 октября, французские воздушно-десантные подразделения без боя вошли в Пномпень и по приказу генерала Леклерка арестовали Сон Нгок Тханя и всех членов его правительства. Первого премьер-министра независимой Камбоджи французы обвинили в предательстве и судили. Суд состоялся в Сайгоне в 1946 г. Приговор был на удивление мягким — Сон Нгок Тхань был выслан во Францию без права возвращения в Индокитай[70].

После восстановления французской администрации ситуация в стране внешне оставалась спокойной. Сотрудничавшие с японцами националисты либо вновь оказались в тюрьме, либо эмигрировали в Таиланд. Затишье, однако, оказалось очень коротким. Это было затишье перед бурей.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАМБОДЖИ В 1863–1945 гг.

1. Реформы 1877 и 1884 гг. и становление новой экономической модели в Камбодже

Первая программа реформ камбоджийской экономики, разработанная французами, появилась на свет в 1877 г. Она представляла собой несколько ключевых предложений (ограничение рабства, введение частной собственности на землю, перестройка налоговой и таможенной систем и их переход под контроль французской администрации), которые были интегральной частью большого договора о перестройке управления страной, заключенного в то время с кхмерским королем. Франция рассчитывала, что реализация этих предложений откроет возможность широкого инвестирования французского капитала в страну и ее экономического освоения. Однако надежды французов не оправдались, потому что кхмерское чиновничество желало сохранить свои права и привилегии и при негласной поддержке двора практически проигнорировало договор 1877 г.

В течение почти семи лет в стране сохранялась полная неопределенность, когда договор о реформах хотя и был подписан, но не исполнялся. В связи с этим экономическое освоение Камбоджи, к которому стремилось французское правительство и которого желал капитал, оказывалось невозможным, поскольку без появления прибыльных сфер для денежных инвестиций и гарантии их сохранности страна оставалась закрытой для французской экспансии. Настойчивые требования Парижа ускорить экономические реформы вынудили французского верховного резидента в июне 1884 г. вновь вернуться к реализации программы не осуществленных ранее нововведений. Кхмерскому королю было навязано новое соглашение, которое в общих чертах повторяло документы 1877 г. В его экономической части программа реформ 1877 г. воспроизводилась почти в полном объеме. Отличие состояло

только в первом пункте, где теперь говорилось, что «король Камбоджи соглашается на все административные, судебные, финансовые и торговые реформы, которые правительство Франции сочтет полезным ввести в будущем, с целью облегчить осуществление своего протектората»[1]. Тем самым король и кхмерские чиновники фактически отстранялись от управления страной и реформы становились исключительно прерогативой французской администрации. В договоре также указывалось, что прямое и косвенное налогообложение, таможенные сборы, организация общественных работ должны были целиком перейти в ведение французской администрации. В новом документе подтверждалось так и не вступившее в силу важнейшее положение декрета о реформах 1877 г. о новом статусе земель любого назначения в Камбодже, которые перестают быть неотчуждаемой собственностью короля, а становятся объектом свободной купли-продажи. Ограничения на рабовладение в Камбодже, установленные также декретом 1877 г., отменялись и провозглашались отмена и полное запрещение рабства[2].

Соглашение 1884 г. было решительно отвергнуто верхушкой кхмерского общества, которая подняла восстание в защиту своих прав. Это восстание завершилось историческим компромиссом с французами, в результате которого в документ 1884 г. были внесены существенные коррективы. В сфере экономики эти коррективы заключались в согласии Франции на то, чтобы администрация кхмерского короля вернула себе реальные фискальные и управленческие функции. Под давлением кхмерской знати французы отказались и от немедленного уничтожения в стране системы рабства[3]. Один из высших французских чиновников в Камбодже признавался: «Мы были вынуждены пойти на это, так как камбоджийские чиновники требовали сохранить рабство, заявляя, что рабы — это «в основном долговые крепостные и что они обеспечивают важный источник процветания для более богатых членов общества»[4]. В сфере экономики в ведении французских властей оставались лишь таможня и надзор за торговлей опиумом.

Согласие французов разделить власть с кхмерскими чиновниками и отказаться от части экономических реформ совершенно не означало, что администрация протектората пересмотрела свои планы установления в стране своей полной власти. После того как в Камбодже воцарилось спокойствие, французы снова начали осторожно и постепенно расширять сферу своего контроля. Теперь только они изменили методы — уже не заставляли короля подписывать заведомо неприемлемые для него соглашения, а стали выкупать уступки, увеличивая

субсидии королю и бюрократической верхушке в обмен на согласие добровольно расстаться с былыми сферами их экономического контроля и привилегиями. Точно так же они действовали и в политической сфере, добиваясь максимального ограничения властных полномочий кхмерского короля. Можно сказать, что в это время власть французской администрации в сфере политики расширялась синхронно с ее позициями в сфере экономики. В августе 1890 г., например, администрация протектората выкупила у кхмерской короны право налогообложения вывозимого из страны риса, сделав взамен крупный взнос в королевскую казну. В 1891 г. все налоги были поставлены под контроль французской администрации, вместо чего король получил цивильный лист на содержание двора и другие нужды. С января 1892 г. была создана специальная служба, которую возглавляли французские должностные лица, куда должны были стекаться поступления от всех налогов, собранных в королевстве[5]. Таким образом, несмотря на уступки, сделанные ими в 1886 г., французы за короткий срок сумели поставить под свой контроль систему прямого и косвенного налогообложения.

После перехода под французское начало фискальная система в стране претерпела коренные изменения. Вместо бесчисленных традиционных налогов и поборов все граждане Камбоджи, за исключением членов королевской семьи, священнослужителей и верхушки административного аппарата, должны были платить два вида налогов: подушный и земельный. Все натуральные виды налогов отменялись. Оба прямых налога должны были выплачиваться раз в год, и только в денежной форме. Исключения были сделаны лишь для горцев из труднодоступных районов, которым разрешили платить налоги натурой. По свидетельству А. Руссо, «народы, обитавшие в Кардамоновых горах, выплачивали налоги в натуральной форме (обычно кардамоном), а торговля с ними была также сведена к обмену кардамона на рис»[6].

Подушный налог, которым облагалось практически все землевладельческое население Камбоджи, был дифференцированным. В возрасте от 21 года до 50 лет крестьянин должен был выплачивать 2,5 пиастра (1 пиастр — 4,55 франка) в год, а в возрасте от 51 до 60 лет лишь 0,8 пиастра; с 18 до 20 лет — также 0,8 пиастра. Поземельный налог был установлен в размере одной десятой урожая риса и отличался от традиционной королевской десятины лишь своим денежным содержанием[7].

Еще одной формой налога стал в Камбодже и так называемый откуп от призыва на королевские общественные работы. Крестьяне ежегодно должны были 90 дней в году участвовать в этих работах, занимаясь главным образом ремонтом дорог, дамб, рытьем оросительных каналов, выполняя разного рода поручения местных чиновников. Французская администрация освободила население от этой феодальной повинности, обязав выплачивать соответствующую сумму, которая прибавлялась к подушному налогу. Ставки здесь также были дифференцированными. За первые 20 дней необходимо было уплатить 2 пиастра — по 0,1 пиастра в день. За последующие дни сумма назначалась существенно меньшей[8].

До 1901 г. взимание налогов с крестьян оставалось делом чиновников королевской администрации. По свидетельству многих авторов[9], это открывало широкие возможности для традиционного произвола. По указу 1901 г. кхмерская администрация от взимания налогов была отстранена, и староста деревни (мепхум) стал передавать налоговые поступления непосредственно представителю французского провинциального резидента.

Важным элементом налоговой системы стало введение новой административной единицы — кхума (общины) с мекхумом (старостой) во главе. Эта административная и фискальная единица, как уже отмечалось, была образована искусственно для того, чтобы улучшить управление массой разбросанных по огромной территории деревень — пхумов во главе с местными старостами — мепхумами. Кхум объединял от одной до нескольких, а иногда и десятки небольших деревень на территории, размеры которой зависели от степени населенности района. Население кхума могло колебаться от 4 до 8 тыс. человек[10].

Образование кхумов и их администрации было оформлено декретами короля от 5 июня 1908 г., 24 сентября 1918 г. и 15 ноября 1925 г. Мекхум избирался советом кхума, состоявшим из лиц, которые в свою очередь были избраны всеми налогоплательщиками кхума, достигшими 21 года. Так, впервые за всю историю страны крестьяне получали возможность избирать органы местного самоуправления. Эта в полном смысле революционная реформа на практике, однако, полностью так и не осуществилась, — французы так и не сумели преодолеть сопротивление кхмерских чиновников на местах, выступавших за то, чтобы представитель вышестоящей администрации просто назначал крестьянам мекхума.

Советы кхумов выполняли главным образом фискальные функции и были наделены в пределах общины широкими полномочиями: они решали вопросы о подушном налоге, определяли количество лиц, внесенных в списки жителей данной общины, отвечали за регулярное поступление налогов, ведали распределением трудовой повинности, набором в армию, следили за политическими настроениями крестьян. В совете кхума обеспечивалось пропорциональное представительство от всех вошедших в него пхумов[11].

В результате введения новой налоговой системы общий объем средств, официально изымаемых из кхмерской деревни, практически мало изменился по сравнению с доколониальным периодом. Однако в реальности крестьяне стали платить существенно меньше, потому что практически прекратились незаконные поборы. По данным А. Фореста, теперь общие выплаты крестьян составляли не более 1/6 части всех доходов[12].

В целом же введение ясных, фиксированных и стабильных налогов оказало стабилизирующее влияние на положение в стране, заметно улучшило финансовые возможности местных бюджетов. Например, в 1900 г. общие доходы провинции Кампонгчам составляли лишь 287 тыс. пиастров, а в 1911 г. они достигли 456 тыс., доходы Прейвенга составляли 270 тыс. и соответственно выросли до 514 тыс.[13]

Массовое рабовладение — еще один атрибут традиционной экономической системы, окончательно канул в лету в 1897 г., когда в принятом указе короля было сказано, что «запрещается продажа и покупка любого индивида, даже если он согласен с этим и этого желает»[14]. Каждый должник должен был перейти на содержание своим кредитором и получать за свой труд не менее 3 пиастров в месяц. Для тех крестьян, которые попали в долговое рабство после первого указа об отмене рабства в 1877 г., долг кредиторам автоматически сокращался в два раза. В указе было также подчеркнуто, что «зависимость должника от кредитора должна прекратиться после того, как он выплатит первоначальную сумму долга без учета процентов»[15]. Все зависимые и рабы, входившие в категории кхном крау и каун кхмуой, как и все королевские рабы[16], работавшие на земле, получали свободу вместе с земельным участком, который они возделывали.

Таким путем французская администрация сумела разорвать, казалось бы, незыблемую зависимость крестьян от своих феодальных владетелей, добиться того, что оказалось невозможным для короля-реформатора Анг Дуонга, который еще перед приходом французов

безуспешно пытался предотвратить переход неимущих крестьян в рабское состояние и восстановить многочисленный слой мелких и средних сельских собственников. Французы пытались провести эту реформу дважды — в 1877 г. и в 1884 г. — и оба раза вынуждены были отступить. Теперь, в 1897 г. они сумели сломить сопротивление чиновников-рабовладельцев, практически выкупив у них согласие на эту реформу, а также на реформы налогообложения, землевладения и землепользования.

Немаловажным для успеха аграрных преобразований было то, что после проведения налоговой реформы в 1891 г. значение денег в кхмерском обществе резко увеличилось и существенно изменились условия эксплуатации лично зависимых: их хозяевам требовалось теперь не право распоряжаться их временем и трудом, а наличные деньги либо больший объем сельскохозяйственной продукции. Экономическое значение рабовладения упало, что облегчило его отмену.

Налоговая реформа, отмена рабовладения, изменение методов управления государством формировали новую реальность, иную политико-экономическую систему, в которой возникали иные, чем прежде, ценности и импульсы. Это особенно хорошо видно по тем изменениям, которые происходили в сфере землевладения и землепользования. По словам А. Фореста, «на протяжении 30 лет реформа системы собственности в Камбодже находилась в центре всех усилий администрации протектората»[17]. Модернизируя камбоджийское общество, французы никак не могли принять систему двойной собственности, когда верховным владетелем всех земель в стране оставался король, который как бы передавал свои земли в пользование подданным. Эта норма мешала появлению частновладельческих хозяйств, делала права собственности на землю неопределенными, что препятствовало вложениям французов в сферу аграрного производства.

В связи с этим, частную собственность на землю французы попытались ввести еще королевским указом 1877 г. Позже они включили этот пункт в соглашение 1884 г. Однако полный успех был достигнут только в 1897 г., когда были приняты два королевских указа, которые расширяли возможности правительства в практическом применении права частной собственности на землю. В указе короля Нородома от 11 июля 1897 г. (статья № 12) указывалось, что правительство оставляет за собой право отчуждать все незанятые земли королевства, а все «собственники-концессионеры будут пользоваться полным правом собственности на проданные или предоставленные им земли». В другом

указе от 27 декабря 1897 г. это положение уточнялось. В этом документе говорилось, что «правительство сохраняет за собой право продажи или бесплатной уступки всех земель королевства с целью сделать эти земли окончательной собственностью их владельцев, обеспечить стабильность их владения землями, а также для того, чтобы создать благоприятные условия для обработки максимального количества земли под посевы риса, постепенно увеличивая богатство земельных собственников, поскольку большие земельные площади в стране остаются неиспользованными и свободными»[18].

Указы 1897 г., окончательно закрепившие и расширившие сферу действия права частной собственности на землю, коренным образом изменили всю систему земельной собственности в стране. Были четко определены земли, находившиеся в собственности короля, феодально-чиновничьей олигархии, значительные массивы земель перешли в частную собственность крестьянских семей.

Главным собственником страны оставалась королевская семья. Ко времени смерти короля Сисовата в 1924 г. он лично владел 6 тыс. га в уезде Киенсвай в столичной провинции Кандал. Из этой площади под рис было отведено 1007 га. Эти земли не использовались как единая латифундия. Они были разделены на 840 отдельных участков, которые сдавались в аренду за 157,8 тыс. пиастров в год. В других районах страны в собственности короля находилось еще 1156 га, которые были поделены на 94 участка, также сдававшихся в аренду за 87,2 тыс. пиастров в год. Король распоряжался также и имуществом своего покойного сына Эссаровонга, владевшего при своей жизни 881 рисовым полем в уезде Ловек, которое сдавалось в аренду за 1 млн. 351 тыс. пиастров, 661 рисовым полем в уезде Понхеау (Кандал), которое сдавалось за 616,5 тыс. пиастров в год. Аренда еще 337 полей в уезде Срейсантхор (провинция Кампонгчам) приносила ежегодно 256,3 тыс. пиастров.

Таким образом, в личном владении кхмерского короля было 1879 рисовых полей[19], за аренду которых он ежегодно получал 2 млн. 294 тыс. пиастров. Другим членам королевской семьи также принадлежали обширные личные угодья. По свидетельству французского резидента, принцесса Мича Фуа, например, владела в 1899 г. 160 рисовыми полями и лесом Тьеутьеп в местечке Чыанпрей в провинции Кампонгчам[20].

Немаловажно, что король владел наиболее богатыми и плодородными землями в дельте Меконга, которые давали по два урожая

риса в год. Кроме риса здесь на землях чамкар получали стабильно высокий урожай овощей и фруктов. Это были самые ценные земли Камбоджи. Что касается так называемых «низких земель», отданных под производство риса, то они располагались дисперсно, отдельные поля были отделены друг от друга другими владениями. Такая схема расположения участков была намеренной, — администрация протектората стремилась к тому, чтобы система латифундий в рисопроизводстве не утвердилась и в этой сфере господствовали бы мелкие фермеры и арендаторы. Участки сдавались в пользование отдельным крестьянским семьям, и таким образом, и собственность, и земельные доходы были раздроблены.

Богатство и стабильность доходов короля гарантировались тем, что даже самые кабальные условия аренды земель его личного домена привлекали крестьян, поскольку урожайность их была в 2–2,5 раза выше, чем у обычных земель. По данным Г. Г. Сочевко, стоимость валового урожая с 1 гектара среднего по своим качествам рисового поля составляла примерно 2–3 тыс. риелей против соответственно 10–12 тыс. риелей на землях чамкар[21]. Отсюда и доходы арендаторов королевских земель оказывались выше, чем даже с больших по площади, но существенно менее плодородных полей в других районах страны.

По данным, приведенным в исследовании Дельвера, например, в годы благоприятной рыночной конъюнктуры наиболее плодородные участки чамкар, приносившие по два урожая в год (на них обычно выращивали табак и кукурузу), сдавались в аренду по 6 тыс. риелей за 1 га против 1–1,5 тыс. риелей, взимавшихся за аренду 1 га рисового поля[22]. Таким образом, несмотря на высокую арендную плату, мелкие арендаторы на землях чамкар получали вдвое-втрое бóльшие доходы, чем крестьяне-рисоводы, имевшие собственные наделы размером в 1 га.

В колониальной Камбодже преобладали два вида земельной ренты: издольная и фиксированная. Наиболее распространена была издольная рента, встречавшаяся как на западе в провинции Баттамбанг, так и в центральных провинциях, а также в Свайриенге и Прейвенге, т. е. в районах наиболее интенсивного сельскохозяйственного производства. По условиям издольной аренды земельный собственник предоставлял крестьянину участок земли (обычно 0,5–1 га) и семенной материал, за что взимал с последнего половину урожая. По свидетельству такого авторитетного исследователя, как Дельвер, «в тех местах, где ощущалась нехватка рабочих рук, в частности в провинции Баттамбанг, были

известны случаи, когда издольщики отдавали только 35–45% урожая риса-сырца (падди) и, кроме того, оставляли у себя урожай так называемых дополнительных культур: кукурузы, фасоли и т.д.»[23]

В то же время более жесткими условиями аренды отличались центральные провинции Камбоджи, где практически нигде арендная плата не была меньше 50% урожая. Более того, здесь встречались случаи, когда кроме 50% урожая издольщики должны были нести дополнительные обязательства в пользу землевладельца, такие, например, как продажа оставшейся у них половины урожая землевладельцу по заниженным ценам.

Наиболее тяжелые условия аренды были для тех крестьян-издольщиков, которые не имели рабочего скота и были вынуждены кроме участка земли нанимать еще и буйволов, выплачивая за это дополнительно 20–25% своего урожая[24].

Фиксированная рента была распространена среди малоземельных крестьян, имевших собственную тягловую силу и семенной материал. По данным Г. Г. Сочевко, «при фиксированной ренте размер арендной платы определялся в каждом отдельном случае заранее и не зависел от объема урожая»[25].

Фиксированная рента в стране встречалась в двух основных видах: натуральном и денежном. Натуральная фиксированная рента, так же как и издольщина, встречалась главным образом в центральных рисоводческих провинциях страны, а также на западе в провинции Баттамбанг. При фиксированной ренте средний размер арендуемых участков составлял обычно 1–2 га, причем в аренду сдавались рисовые поля, не требовавшие трудоемкой операции по высадке рассады, что сокращало и заметно облегчало общий цикл рисопроизводства. По данным Дельвера, число арендаторов, обрабатывавших землю на условиях фиксированной ренты, составляло в разных сроках (уездах) провинции Баттамбанг от 7 до 28% общего числа сельских хозяйств. Обычно у арендаторов был свой семенной материал, поэтому арендная плата не превышала 20–25% урожая[26].

Денежная форма фиксированной ренты была распространена на наиболее богатых в Камбодже землях чамкар. Здесь, как уже отмечалось, кроме риса выращивали красную кукурузу, различные технические культуры (табак, хлопчатник, клещевину). К началу 50-х годов на землях чамкар насчитывалось свыше 100 тыс. крестьянских хозяйств, многие из которых велись мелкими арендаторами, работавшими на участках до 1 га[27]. Именно здесь, на этих землях появились

первые в Камбодже хозяйства, которые можно было отнести к категории товарных, фермерских. Производство в них было ориентировано исключительно на рынок, а доходов даже с небольшого участка земли вполне хватало для расширенного воспроизводства.

Частная собственность на землю закреплялась на основании введенного королевским указом от 25 апреля 1902 г. земельного кадастра. В каждой деревне должны были «вывесить списки владельцев земли с указанием ее количества»[28]. Выполнение этого указа растянулось надолго. Регистрация земель проводилась и в 1908 и в 1912 гг., после некоторого перерыва продолжилась с 1930 и шла вплоть до окончания Второй мировой войны в 1945 г.

Медленное заполнение земельного кадастра вызывалось тем, что требовался он главным образом в центральных, наиболее плодородных районах, где плотность крестьянских владений была особенно высока. В окрестностях Пномпеня и на плодородных землях долины Меконга в провинции Кампонгчам земельный кадастр существовал реально и охранял право собственности на эти земли. Кроме того, земельный кадастр был создан и для тех районов Камбоджи, где французы были заинтересованы в концессиях свободных земель для плантационного выращивания хлопка, перца, а позднее и гевеи. На большей же части территории страны особой нужды в нем не было, поскольку там существовал значительный массив свободных сельскохозяйственных земель, которые периодически использовались крестьянскими семьями. При этом в кхмерской деревне продолжали сохраняться нормы землепользования и землевладения, основанные на традиционном праве. И без официального кадастра повсеместно признавалось, что до тех пор, пока крестьянин обрабатывает свой участок земли, никто отобрать у него землю не может. Неукоснительное выполнение этого неписаного закона практически гарантировало крестьянам право обладания обрабатываемым участком.

Введенная французской администрацией частная собственность на землю получила свое юридическое закрепление и в принятом в 1920 г. камбоджийском гражданском кодексе. В соответствии с ним впервые в камбоджийской истории была предпринята попытка разграничить понятия «владелец земли» и «собственник земли». Владельцем земли отныне считался крестьянин, который ее обрабатывает, а собственником — тот, кто имеет специальное удостоверение, указывающее, что его земля включена в кадастр и он платит за нее налог. Переход от владения землей к собственности на нее мог произойти только после того,

как крестьянский участок заносился администрацией в списки земель, включенных в кадастр[29].

Однако попытка разделить понятия «владение» и «собственность», предпринятая французами в камбоджийском гражданском кодексе, успеха не принесла. Кхмеры в своей реальной практике земельных отношений по-прежнему не разделяли эти два понятия. Ведь в соответствии с обычным правом «владельцы» имели те же права и обязанности, что и «собственники». Неразделенность этих понятий в кхмерском традиционном праве хорошо отражает термин «камсатхи», который в одном случае мог трактоваться как собственность, а в другом — как владение[30]. В Камбодже исстари владелец земли мог распоряжаться ею по своему усмотрению, при соблюдении лишь одного критерия — надел должен был обрабатываться. Право собственности на землю возникало не после официальной регистрации в земельном кадастре, а благодаря покупке, наследованию или вследствие обработки незанятой земли в течение пяти лет. Право осваивать земельный участок крестьянину давали местные власти. Обилие свободной земли и прямая заинтересованность местных властей в ее использовании, когда любой человек мог легко получить земельный участок, приводили к тому, что даже после принятия законов о частной собственности на большей части территории страны одновременно действовали как новое формальное право, основанное на кадастре и регистрации наделов, так и традиционное право собственности на землю, основанное на факте ее реальной обработки. Французы вынуждены были смириться с таким положением и, несмотря на отсутствие регистрации, по факту возделывания, зачисляли в число собственников земли подавляющее большинство камбоджийских крестьян (80% лиц, занятых в сельском хозяйстве)[31].

К 1930 г. распределение земельной собственности в рисоводческих провинциях Камбоджи выглядело так[32]:

Провинция	**Процент земельных собственников, владеющих участками площадью (га)**			
	0–5	5–6	10–50	свыше 50
Баттамбанг	76,3	18,3	5,3	0,12
Кандал	99,0	0,9	0,1	0,02
Кампонгчам	96,8	2,8	0,4	–
Прейвенг	87,0	10,5	2,4	0,14
Свайриенг	80,3	16,5	3,0	0,12

Как показывают данные, приведенные в таблице, почти 88% всех земельных собственников в главных рисоводческих провинциях Камбоджи владели наделами, которые не превышали 5 га. Однако этот общий, усредненный для всей страны показатель не позволяет вскрыть истинную структуру земельных отношений в деревне. На деле средний размер земельных наделов резко колебался по разным районам Камбоджи. В плодородных и давно освоенных районах провинций Кандал и Кампонгчам абсолютно преобладала мелкая земельная собственность. Значительная часть крестьян имела здесь наделы, не превышающие 1 га. Многие из тех, чей надел был меньше 1 га, вынуждены были переходить в разряд арендаторов на правах издольной аренды.

Что же касается районов нового освоения в провинциях Баттамбанг, Свайриенг и Прейвенг, то там процент мелких крестьянских хозяйств был существенно ниже, чем в старых районах. Значительная часть земель оказалась занятой средними по размеру крестьянскими наделами — размером в 4–6 га. Характерно и то, что немногочисленные в Камбодже крупные 10–50-гектарные участки также встречаются в основном именно в этих провинциях. Такое различие в площади крестьянских участков между сельскохозяйственными районами можно объяснить тем, что при освоении новых земель крестьяне стремились получить возможно больше земли, которую они могли обработать. Известно также, что пять гектаров — это, как следует из уже приведенной таблицы, тот естественный предел пахотного клина, который крестьянская семья могла освоить при использовании традиционных предметов труда и семенного материала. В то же время если более внимательно изучить статистику доходов крестьянских хозяйств, то выясняется, что такое объяснение не совсем отражает кхмерскую специфику.

Анализ урожайности с одного гектара в разных местностях свидетельствует, что в новых районах крестьяне вынуждены были брать средние по размеру участки, так как новые земли существенно уступали по плодородию старым. Например, в 1911 г. в провинции Кандал с 1 га собирали 1450 кг риса, а в провинциях Прейвенг и Свайриенг — лишь 1100[33]. Если учесть, что в показатель 1450 кг французские регистраторы включили и среднюю урожайность с гораздо менее плодородных полей провинции Кампонгспы, то разница в урожайности оказывается еще выше. Очевидно, что крестьяне вынуждены были

увеличивать обрабатываемые площади, чтобы хотя бы сохранить на новых землях прежний уровень доходов.

Получается, что у крестьян в Прейвенге и Свайриенге с земельными наделами 4–5, иногда и 6 га средний доход был не выше, чем у крестьян, имевших, скажем, 2 га в прилегающих к Меконгу плодородных чамкарах в провинциях Кандал, Кампонгчам или Кратие. Не исключено даже и то, что возделываемые круглый год 2 гектара многоотраслевого хозяйства чамкаров, включавшего в себя овощеводство, выращивание фруктов и сахарных пальм, давали больший доход, чем 5 или 6 га рисовых полей даже в районах регулярного орошения в Прейвенге и Свайриенге. Поэтому бедным и малоземельным крестьянам было выгоднее арендовать участки в старых рисоводческих провинциях, чем отправляться на освоение новых земель.

В то же время переселение в районы нового освоения было неизбежным, поскольку изменение экономико-политических условий жизни, стабилизация обстановки в стране, улучшение системы здравоохранения привели к подлинному демографическому взрыву. В старых рисоводческих районах наблюдался переизбыток рабочих рук. Следствием бурного роста населения стало и прогрессирующее дробление и без того мелких и мельчайших земельных наделов, приводившее к тому, что буквально тысячи крестьян выталкивались из привычных мест обитания на новые земли.

Так, в результате проведенных французами аграрных реформ появился, если можно так сказать, «экономический механизм» обратного заселения и освоения кхмерами многих районов своей страны. Двойственность этого механизма состояла в том, что потеря земли в старых районах для тысяч крестьянских семей была подлинной катастрофой и тяжелая нужда гнала их на новые земли. С этой точки зрения безжалостность прорыночных реформ очевидна. Но, с другой стороны, этот «экономический механизм» обеспечивал не только стремительный рост пахотных площадей в стране, но и определенную социальную стабильность: несмотря на потерю земли, у крестьян всегда оставался шанс получить новый надел из еще неосвоенного земельного фонда. Таким образом, жестокие для отдельной крестьянской семьи новые экономические отношения оказались благотворными для кхмерского общества в целом. До тех пор пока не был исчерпан фонд земель регулярного орошения, социальных и политических катаклизмов фактически не возникало, если не считать волнения 1916 г., связанные не столько с экономическими проблемами, сколько с попыткой

внеэкономического принуждения, которую предприняла администрация протектората во время Первой мировой войны.

2. Ростовщический капитал и его роль в формировании натурально-товарного типа хозяйства Камбоджи

Важнейшим элементом экономической системы, установившейся в результате проведенных французской администрацией реформ, стал ростовщический капитал, который быстро занял ключевые позиции в сельском хозяйстве. Дело в том, что, по словам А. Фореста, после отмены рабства «быстро распространилась во всей сельской Камбодже задолженность крестьян»[34]. Главным толчком для развития этого процесса стало решение администрации протектората, обязавшее все государственные органы получать различные выплаты и собирать налоги с крестьян только в денежной форме. Необходимость постоянно иметь деньги, продавать свою продукцию и покупать различные товары нарушила простоту, основанной на преимущественно натуральном обмене, кхмерской сельской экономики. Крестьянские хозяйства к такому повороту дел явно не были готовы. Теперь даже в годы неурожаев они вынуждены были продавать необходимый им для пропитания рис, только чтобы получить деньги. Например, в 1911 г., несмотря на то что из-за неурожая в провинции Кампот была запрещена торговля рисом, крестьяне, нуждавшиеся в средствах, продолжали тайно продавать его по низким ценам китайским торговцам и во Вьетнам[35].

Для крестьян ситуация усугублялась еще и тем, что у них не было навыков в торговле, они не знали реальных цен, не имели никаких материальных накоплений, чтобы вести стабильное товарное хозяйство. В таких условиях ростовщики и перекупщики превратились в естественный элемент новой экономической системы. Именно их капитал, без наличия иных материальных источников, стал обеспечивать, в конечном счете, возможность расширенного рисопроизводства в стране.

Механизм развития ростовщичества в деревне чаще всего был следующим: крестьяне, которым не хватало, например, посадочного материала, перед севом обращались к китайцу-ростовщику с просьбой авансировать им несколько пиастров и некоторое количество риса для проведения сева. По условиям контракта они должны были

вернуть долг через три месяца плюс дополнительную сумму из расчета 20–30% ростовщического кредита в месяц. Чаще всего должник не мог отдать долг в положенный срок. В этом случае первое соглашение аннулировалось и заключалось новое, по которому ставки ростовщического кредита увеличивались. Такая операция возобновлялась «три или четыре раза и за короткое время незначительный долг становился просто подавляющим»[36]. Не видя выхода, крестьяне закладывали свою землю ростовщику и оставались на ней в качестве арендаторов. Такая практика приобрела в стране огромный размах. Обследование, проведенное в провинции Кампот в 1911 г., показало, что из 10 рисовых полей, выбранных произвольно, 6 или 7 принадлежали китайцам, которые либо сами их возделывали, либо там, на условиях аренды, продолжали работать бывшие хозяева-кхмеры[37].

Администрация протектората, стремившаяся не допустить социальных волнений, предпринимала попытки ограничить такое приобретение земли китайцами, сократив высокие ставки ростовщического кредита. По указу 1897 г. они не должны были превышать 3% в месяц, а в декабре 1914 г. — понижены до 8% в год. Но эти законы на практике не действовали, поскольку должники и кредиторы заключали контракты из расчета от 40 до 100% годовых. В отдельные годы ростовщический пресс становился особенно тяжелым. В 1930 г., например, ставки кредита поднялись до 15–30% в месяц, и власти протектората пошли на кардинальную меру — вообще отменили крестьянский долг ростовщикам[38]. Так же они поступили и в кризисном 1933 г., когда были отменены долги 1932 и предшествовавших лет, понижен земельный налог и налог на некоторые предметы потребления[39]. Французская администрация четко преследовала свои главные цели: обеспечить в стране социальную стабильность и сохранить класс многочисленных средних землевладельцев как основу податного населения Камбоджи.

В то же время нельзя не отметить, что борьба администрации протектората с ростовщичеством все время оставалась, так сказать, «дозированной», ограниченной рамками сложившейся социально-экономической системы. Было стремление сохранить среднее и мелкое крестьянское землевладение, при этом администрация протектората учитывала, что именно ростовщический капитал оставался важнейшим инструментом изъятия товарного риса у крестьян. Его «аппетиты» в разные годы ограничивали, вводили в разумные рамки, но уничтожить его и не пытались, поскольку это означало бы на деле

крах всего камбоджийского рисового экспорта и получаемых от него немалых доходов.

Примером «борьбы» с экспансией ростовщичества может служить принятое в 1926 г. положение, в соответствии с которым лицам, не являвшимся французскими гражданами и не относившимся к категории «покровительствуемых», запрещалось землевладение в Камбодже. Введение такой правовой нормы было направлено главным образом против китайских ростовщиков и перекупщиков. Теперь они уже не имели возможности легально переводить в свою собственность пахотные земли своих должников. Но это запрещение никак не отразилось на размахе ростовщических операций, только вызвало к жизни новый вид контракта между должниками и кредитором: крестьяне, получая кредит, закладывали под него не свой земельный участок, а будущий урожай с этого участка, причем иногда договор заключался сроком на несколько лет вперед.

В Камбодже получили распространение две основные формы ростовщического кредита: товарная и денежная. По свидетельству Ж. Делвера, особенно процветал товарный кредит[40].

Система товарного кредита в деревне была представлена широкой сетью стационарных торговых пунктов, принадлежавших в основном местному китайскому капиталу. В 1953 г. в стране насчитывалось 34 тыс. деревенских лавок[41], чаще всего торговавших в кредит на ростовщических условиях. В стране, где насчитывалось более 800 тыс. крестьянских хозяйств, в среднем на каждые 18–20 из них приходился один торговец-ростовщик. Обычно в основных рисоводческих районах товарный кредит предоставлялся крестьянину на девять-десять месяцев, т. е. на период от начала полевых работ и до уборки урожая.

Дельвер пишет: «В начале полевых работ, когда у крестьян иссякали запасы риса и они оставались без продовольствия и даже без семенного материала, деревенский лавочник отпускал им в долг рис, сушеную рыбу и другие товары первой необходимости. Все они предоставлялись под залог будущего урожая и цены на них устанавливались обычно в пересчете на стоимость риса на момент выдачи ссуды»[42]. Такой порядок открывал широкие возможности для ростовщических операций, потому что после уборки урожая, когда крестьянам предстояло выплачивать долг, цена риса в сельской местности понижалась обычно вдвое, что обеспечивало лавочнику возможность получать на авансированный товар 100% прибыли[43].

В районах земель чамкар товарный кредит выдавался, как правило, на более короткие сроки, чем на низких и тем более высоких землях[44] — обычно 5–6 месяцев. Такая практика соответствовала особенностям земледелия на этих угодьях, где преобладали технические и огородные культуры с более коротким, чем у риса, сроком вегетации. Крестьяне, занимавшиеся производством табака, брали в кредит товары сроком на 6 месяцев. К концу этого срока они обязаны были выплатить долг с 50%-ной надбавкой[45].

Ростовщические займы в денежной форме на протяжении всего колониального периода играли второстепенную роль, что свидетельствовало о слабом развитии товарно-денежных отношений в деревне. Лишь к началу независимости их удельный вес стал, по свидетельству Г. Г. Сочевко, несколько выше[46]. Кредитная ставка при денежных займах составляла 10–12% в месяц[47]. Причем сам денежный кредит предоставлялся обычно на шесть или восемь месяцев, т. е. так же, как и в случае с товарным кредитом на срок возделывания технических культур и риса. Повышенный ссудный процент взимался в тех случаях, когда заем выдавался под залог движимой и недвижимой собственности кредитора-крестьянина (рабочий скот, личное имущество и т. п.).

Таким образом, ростовщик вместо права распоряжаться земельным наделом своего должника получал право пользоваться большей частью его урожая. А. Форест свидетельствует: «Ростовщики бережно заботились о «курице, несшей золотые яйца». Они всегда оставляли крестьянину необходимый минимум и практически перестали требовать, чтобы крестьяне-должники покинули свою землю»[48]. Так, вместо залога личной свободы земледельца, характерного для доколониальной традиционной Камбоджи, в залог при новой системе стал отдаваться урожай.

Деревенские лавочники никогда не действовали в одиночку, а почти всегда являлись торговыми агентами более крупных китайских коммерсантов-оптовиков, проживавших в уездных или провинциальных городах. Практически все товары, поступавшие в деревенскую лавку, принадлежали торговцу-оптовику. Он же владел транспортными средствами и зернохранилищами.

Контролируя внутреннюю торговлю рисом и другими видами сельскохозяйственной продукции, крупные коммерсанты-китайцы, в свою очередь, представляли лишь промежуточное звено в системе ростовщической эксплуатации кхмерской деревни. Большинство из них находилось в финансовой зависимости от китайских и французских

внешнеторговых компаний, которые, собственно, и предоставляли им кредит на ростовщические операции. Объем этих кредитов, по данным Г.Г. Сочевко, достигал 60–70% стоимости оборотного капитала китайских коммерсантов-оптовиков[49]. В конечном счете основной доход от ростовщических операций поступал в крупные банки, находившиеся под французским контролем, и прежде всего в Индокитайский банк.

Таким образом, французская администрация и капитал были заинтересованы в укреплении новой экономической системы, которая помимо прямых налогов обеспечивала и значительные денежные поступления в банковскую сферу и товарный рис для экспорта. Поэтому, несмотря на сложные, а подчас и враждебные отношения с властями протектората, ростовщический капитал превратился фактически в главного регулятора сельскохозяйственного производства в стране, оказывал большое влияние на специализацию крестьянских хозяйств Камбоджи. Как правило, деревенский лавочник выдавал кредиты только под те культуры, которые представляли для него наибольший коммерческий интерес. Так, при сокращении выдачи кредитов под рис в 30-е годы одновременно с этим были увеличены займы под широко вывозимую за границу красную кукурузу. В результате лишь за это десятилетие производство кукурузы в Камбодже увеличилось в 4 раза: со 100 тыс. до 400 тыс. тонн[50].

В период Второй мировой войны товарное направление ростовщического кредита резко изменилось. Европейский рынок, куда главным образом поступала красная кукуруза, оказался закрытым и основное кредитование пошло тем хозяйствам, которые выращивали технические культуры, например клещевину, а также фасоль, табак, капок. В результате за пять лет производство кукурузы упало в три раза, а крестьяне переориентировались на другие, более выгодные культуры.

По данным 1952 г., 75% крестьянских хозяйств Камбоджи находились в той или иной степени в долговой зависимости от ростовщиков[51]. Исследования, проведенные французскими учеными, показывают, что к середине 50-х годов общая сумма ростовщического кредита в деревне достигала 750–1000 млн. риелей, что составляло 20% стоимости валовой продукции сельского хозяйства Камбоджи в этот период[52].

Другой характерной чертой экономической политики в эпоху протектората стало развитие плантационного хозяйства — совершенно новой сферы в аграрной экономике Камбоджи. В отличие от рисоводства, где власти протектората всячески препятствовали образованию крупных хозяйств и интенсивной концентрации земли, в сфере

производства каучука, выращивания табака и перца был выбран путь создания крупных плантационных хозяйств.

В первые годы после установления протектората верховный резидент Франции в Камбодже имел право на фактически бесплатную выдачу земельных концессий значительных размеров (до одной тысячи га). В 1928 г. выдача бесплатных концессий была отменена. Вместо этого концессию можно было получить лишь с аукциона, к участию в котором допускались не только французы, но и крупные чиновники-кхмеры, представители кхмерской элиты. К 1930 г. общая площадь земельных концессий, предоставленных французской администрацией за годы своего правления, достигла уже 190–200 тыс. га. Из них французы владели примерно 140 тыс. (т. е. примерно 70% земель, отданных в концессию)[53].

Передача земель в концессию французским предпринимателям привела к заметному укреплению экономического потенциала Камбоджи. Наряду с рисом в стране появилась вторая по значению экспортная культура — каучук, который давали основанные французами плантации гевеи. Экономический эффект от введения этой культуры для Камбоджи усиливался еще и тем, что под гевею шли практически неиспользуемые под рис или другие традиционные культуры красноземы провинции Кампонгчам. Вложения иностранного капитала в плантационное хозяйство позволили стране ввести в оборот тысячи гектаров ранее заброшенных и неиспользуемых земель. В 1921–1922 гг., когда каучуковый бум еще только начинался, под посадками гевеи было занято лишь 1224 га. В 1945 г. эта культура выращивалась уже на площади почти 30 тыс. га (29 922 га). В одном только 1937 г. из страны было вывезено 12 тыс. т латекса[54]. Выращивание гевеи и производство каучука стали настолько выгодным делом, что, по некоторым данным, инвестиции французских компаний в производство каучука составили накануне Второй мировой войны около 60% всех инвестиций в Камбодже[55].

Развитие каучуководства лишь один из примеров эффективности предпринятых реформ, открывших Камбоджу для экспансии французского капитала.

Еще одним направлением французских инвестиций в 1914–1945 гг. стало формирование современной инфраструктуры. Тогда как в 1910 г. в Камбодже было лишь 406 км мощеных дорог, — к 1920 г. их протяженность достигла уже 1518. Были построены магистральные трассы, связавшие Пномпень с Сайгоном, главным городом на западе

страны — Баттамбангом и портом Кампот. В 1929 г. — возведен крупный мост через реку Бассак, а в 1932 г. первый поезд прошел по железнодорожной линии Пномпень — Баттамбанг[56].

Строительство новых дорог позволило ввести в хозяйственный оборот тысячи гектаров новых земель и способствовало огромным переменам, которые происходили в главной отрасли камбоджийской экономики — рисоводстве. Уже к 1904 г. площадь земель под рисом возросла почти в два раза по сравнению с началом 80-х годов XIX века и достигла 300 тыс. га. В последующие 13 лет она увеличилась еще втрое и к 1927 г. составила 900 тыс. га[57]. Освоение новых земель происходило по всей территории страны, но особенно интенсивно в провинциях Прейвенг и Кампонгчам. В 1919 г. общая площадь обрабатываемых земель в Прейвенге составляла лишь 55 тыс. га, в 1937 г. она достигла уже 124 тыс. га, а в 1952 г. накануне получения Камбоджей независимости — 188 тыс. В провинции Кампонгчам в 1919 г. было 45 тыс. га обрабатываемых земель, в 1937 — 64 тыс. и в 1952 — 110 тыс.[58]

За сравнительно короткое время общий объем риса, выращиваемого в стране, увеличился настолько, что Камбоджа стала превращаться в крупного экспортера зерна этой сельскохозяйственной культуры. С середины 20-х годов из страны ежегодно вывозилось 150–200 тыс. т риса. В 1937 г. его экспорт составил уже 400 тыс. т[59]. Необходимо, однако, отметить, что все эти успехи были связаны не столько с интенсификацией сельскохозяйственного труда, сколько с упомянутым экстенсивным фактором — заметным расширением площади пахотного клина. Урожайность риса практически на протяжении всего существования режима протектората менялась мало и оставалась, в зависимости от качества земель, в пределах 0,5–0,6 т с гектара[60].

Экономический подъем аграрного сектора способствовал быстрому демографическому росту в Камбодже. До прихода французов численность населения страны сокращалась, но с установлением протектората процесс пошел в обратном направлении. В Камбодже к 60–70-м годам XIX в. насчитывалось 800 тыс. — 1 млн. человек[61]. К 1911 г. в стране было уже 2 млн. 430 тыс. жителей[62].

Как мы видим, установление французского господства в стране, при всех его издержках, дало мощный импульс глубокому реформированию и развитию кхмерского общества. За сравнительно короткое время — примерно 25 лет (1884–1910) практически все основные структуры этого общества претерпели существенные изменения.

В сфере управления вместо архаичного и неэффективного чиновничьего аппарата стала действовать новая колониальная администрация во главе с французскими резидентами в центре и на местах. Был введен жесткий контроль над деятельностью чиновников, разработаны четкие и конкретные правила, определены границы их компетенции, ликвидированы многочисленные традиционные поборы с крестьян.

Благодаря реформам налогообложения, введения и закрепления права частной собственности на землю и отмене рабовладения в стране коренным образом изменилась социальная структура, появился массовый слой мелких землевладельцев, в который вошли как бывшие лично свободные неак тиа, так и различные категории зависимого населения типа кхном краой и каун кхмуой.

Важные перемены наступили и в социально-психологической сфере. Отмена системы клиентельных отношений (комлангов), введение земельного кадастра и земельного законодательства, отмена традиционных методов решения имущественных споров местными чиновниками и введение судебной системы создали основу существования нового и самого многочисленного социального слоя страны — мелких землевладельцев.

Все эти внутренние перемены сопровождались и в некотором смысле даже подстегивались процессом постепенного втягивания Камбоджи в международное разделение труда и в мировой рынок. Рынок в рамках новой системы давал импульс для изменений в обществе, стал их источником и проводником и в узком значении — «как локализованный институт обмена стоимостей», и в широком — как «ключевой механизм системы общественных связей нового типа, пронизывающий все общество от основ его материального бытия и до высших форм сознания»[63]. Вторгаясь в традиционное общество, рынок, как свидетельствует вся история нового времени, его деформирует, разрывает традиционные связи, ломает устоявшиеся ценности. Кхмерское крестьянское хозяйство как основная ячейка этого общества стало главным объектом этого влияния.

Выше уже отмечалось, что в традиционном кхмерском обществе существовали отдельные элементы товарно-денежных отношений — в форме сделок по купле-продаже недвижимости, закладов под залог земель, а также торговли рисом в городах. Но очевидно также, что отдельные элементы товарно-денежных отношений были прочно встроены в традиционную экономическую структуру, нигде фактически не противореча ей.

Установление режима французского протектората и решительное вытеснение в результате последовательных реформ натуральных форм обмена, господствовавших в доколониальной экономике, резко изменили это положение. Товарно-денежные отношения превратились в доминирующие и сами стали формировать новую реальность. В Камбодже, как отмечал А. Форест, получилось, «как будто две противоположные системы пришли в соприкосновение»[64]. В результате этого соприкосновения отдельное крестьянское хозяйство оказалось в двойственной ситуации. С одной стороны, оно перестало быть только самообеспечивающимся и было включено в рыночную экономику, производя товарный рис и кукурузу, но с другой — материальные условия жизни крестьян, их психология, тип поведения изменились мало, сельский мир остался глубоко традиционным и патриархальным.

Причины такой раздвоенности крестьянского мира проистекали от особенностей его подключения к колониальной экономике, от того, что в Камбодже, как, впрочем, и во многих других странах Востока, в период французского протектората произошло, если так можно сказать, асимметричное включение крестьянского хозяйства в рыночную экономику. Это очень важный феномен, не раз отмечавшийся в востоковедной литературе. В трудах В.Г. Растянникова особенно четко показывается различие понятий товарность сельского хозяйства и товарное производство в сельском хозяйстве.

Согласно его выводам, крестьянин может производить меновую стоимость, т.е. рыночную продукцию, но при этом оставаться в рамках натурального по своей ориентации хозяйства. Он — простой производитель меновых стоимостей, осуществляющий производство на натуральной основе. Производимая им продукция принимает форму меновой стоимости, реализуется на рынке, воплощая односторонний, безвозмездный поток продукта из сферы сельскохозяйственного производства. Поэтому характерной чертой аграрной экономики ... является разительная диспропорция ... между уровнем товаризации результатов производства (превращение продукта в товар в фазе выхода его из процесса производства) и уровнем товаризации воспроизводственного процесса (потребление товарного продукта во всем потребляемом в производстве продукте). Первый намного выше второго[65]. Таким образом, крестьянский продукт превращался в товар лишь после того, как он у крестьянина отчуждался, без его ведома и без какого-либо влияния на воспроизводственный процесс внутри крестьянского хозяйства[66].

Сложившаяся в Камбодже подобная асимметрия стала немалым препятствием для формирования фермерских в полном смысле слова капиталистических хозяйств. К подобному типу хозяйствования камбоджийские крестьяне не были готовы ни психологически, ни материально (отсутствие сил и средств для налаживания стабильного товарного хозяйства).

Таким образом, в результате проведенной аграрной реформы и вхождения страны в мировой рынок в Камбодже образовалась гибридная натурально-товарная система сельскохозяйственного производства, которая хотя и оказалась более эффективной, чем традиционная, была, однако, далека от внутреннего равновесия и даже обладала намного большим социально-взрывчатым потенциалом, чем предыдущая. На основе этой системы в Камбодже сформировался огромный массив крестьянских хозяйств, которые осуществляли воспроизводство на натуральном и полунатуральном (т. е. с вкраплением отношений товарного обмена) базисе и функционировали исключительно (или почти исключительно) ради получения средств к жизни, но «под воздействием различных форм внеэкономического принуждения, расставались с той или иной частью своего необходимого продукта»[67].

Внутри такой гибридной системы неизбежно возникали глубокие противоречия между крестьянами и ростовщиками, а в более широком плане между остававшейся на уровне натурального производства деревней и все более богатевшим и капитализировавшимся городом. В то же время внутри социально однородного крестьянского мира происходила имущественная дифференциация, на селе развивалось батрачество и испольная аренда, появились довольно многочисленные, особенно в беднейших районах страны, группы безземельных крестьян, фактически пауперов, вытолкнутых из традиционной деревни. Все эти противоречия, имманентно связанные с господством натурально-товарной системы, оказывали огромное влияние на политические процессы в стране.

Это влияние особенно проявилось в 40-е годы XX века, когда из-за начала мировой войны и краха экспортно-импортного рынка экономический механизм, позволявший Камбодже стабильно развиваться, оказался нарушенным. Рис, который производили крестьяне, уже не находил платежеспособного сбыта, ростовщики, в свою очередь, лишались кредитов от крупных китайских и европейских банков. Если учесть, что сотни тысяч тонн риса ежегодно отправлялись практически за бесценок в Японию (в 1941 г. из Индокитая было отправлено 585 тыс. т,

в 1942 — уже 973 тыс. в обмен на мало что стоившие так называемые специальные иены), то понятно, что глубокий кризис в аграрной экономике стал неизбежен.

От этого кризиса пострадали в первую очередь наиболее развитые хозяйства, ориентированные на внешние рынки. За короткое время регресс в аграрном секторе стал очевиден: от товарного производства многие крестьяне вновь возвращались к производству риса для самообеспечения и минимального обмена. Из-за отсутствия сбыта была заброшена и значительная часть ранее освоенных пахотных земель. За 1941–1946 гг. по самым скромным подсчетам объем сельскохозяйственного производства сократился на 20–30%[68]. Заметно ухудшилось положение ремесленников в городах, хуже стали жить чиновники, интеллигенция, студенчество. Все это, вместе с инфляцией, ростом стоимости жизни, порожденным войной, вызывало неуклонный рост социальной напряженности, который привел к открытым протестам и массовой антифранцузской манифестации в июле 1942 г. Только жесткая административная власть французского резидента удерживала кхмеров от новых бурных социальных выступлений. Как только эта власть была ликвидирована Японией в марте 1945 г., Камбоджа вступила в период новой нестабильности и ожесточенной политической борьбы, последствия которой оказались для страны крайне разрушительными.

ГЛАВА III

БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ СТРАНЫ И ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ (1945–1953 гг.)

1. Противостояние короля и его политических оппонентов по поводу путей достижения независимости

Вернувшись в Камбоджу после недолгого отсутствия, французы неожиданно обнаружили, что политические настроения в этой стране кардинально изменились. Провозглашение национальной независимости и формирование первого национального правительства, даже при том, что сделано это было с подачи Японии, взбудоражило все слои кхмерского общества, осознавшего вдруг, что свобода страны близка, что она возможна и реальна. Идеи независимости и национализма овладели местными правящими элитами, распространились в широких слоях населения, особенно в городах. От былой пассивности кхмеров не осталось и следа, в стране наблюдался настоящий взрыв патриотизма. И когда французская администрация в октябре 1945 г. вернулась в Камбоджу, неожиданностью для нее стала реакция в стране на арест министров прояпонского и коллаборационистского правительства Сон Нгок Тханя.

Обвинение их в сотрудничестве с японскими оккупантами вызвало неодобрение и даже осуждение большинства кхмеров. Французы обнаружили, что Сок Нгок Тхань и члены его кабинета продолжают пользоваться широкой симпатией народа. Из-за этого суд над ними был перенесен из Пномпеня в Сайгон и всем коллаборационистам вынесли сравнительно мягкий приговор.

Осторожность французской политики в Камбодже объяснялась также и тем, что восстановленная французская администрация уже не была столь же дееспособной и организованной, как до Второй мировой войны. Предпринятые японскими оккупационными властями

аресты и преследования подорвали ее кадровые и организационные возможности, привели к разрушению отлаженного механизма управления страной. Всю структуру былых рычагов своей власти в протекторате Франции приходилось восстанавливать заново. А это было делом сложным, потому что после молниеносного низвержения ее японцами авторитет французского правления во всем Индокитае был подорван и выяснилась его непрочность и даже некоторая беззащитность. Страх перед ним и вера в его всесилие исчезли.

В высших кругах кхмерского общества, а также среди интеллигенции ввод французских войск в Камбоджу и восстановление над ней французского господства воспринимались как явления временные, неспособные остановить неизбежное продвижение страны к независимости. На повестке дня кхмерской политики стояли вопросы, как, когда и каким образом страна получит независимость. Радикалы, связанные с бывшим правительством Сон Нгок Тханя, требовали добиваться ее немедленно и вооруженным путем. Они выступали за скорейшее начало вооруженной борьбы, умеренные, группировавшиеся главным образом вокруг короля Сианука, считали, что к независимости следует двигаться постепенно и поэтапно, путем компромиссов с метрополией. Франция, прекрасно осведомленная о настроениях кхмерской политической верхушки и реально оценивавшая ситуацию и свои возможности, заявила о готовности искать компромиссы с высшими кругами Камбоджи относительно прерогатив французской администрации.

После переговоров с принцем Мониретом, заменившим арестованного премьера — Сон Нгок Тханя в качестве главы правительства, стороны пришли к соглашению о том, что Камбоджа получит конституцию, в стране будет разрешена свобода политической деятельности, будут образованы политические партии и проведены выборы в Национальную ассамблею. На основании этой договоренности 8 января 1946 г. Франция подписала с королевским правительством так называемое временное соглашение — «модус вивенди», которое окружение короля представило кхмерской общественности как важный шаг на пути восстановления государственной независимости страны[1].

Камбоджа должна была оставаться в составе Французского Союза как автономное государство. Это предполагало сохранение контроля Франции за ее внешними сношениями. Французский комиссар сохранял право вето на законодательные и административные акты и другие важнейшие решения правительства и короля Камбоджи.

Многие исследователи истории Камбоджи расценивали этот документ как акт фактической капитуляции королевского правительства перед французскими представителями, поскольку «в Кампучии был фактически восстановлен режим французского протектората»[2]. Однако на деле это был большой шаг к независимости по сравнению с довоенным режимом протектората. Особенно это проявилось в сфере демократизации внутренней политики.

Не менее существенным было и то, что «модус вивенди» с согласия обеих сторон был соглашением временным и не фиксировал окончательный статус страны. В тексте этого договора указывалось, что он предусматривает в дальнейшем расширение власти кхмерского правительства[3]. Именно за такой постепенный путь к независимости — через поэтапные соглашения о расширении властных полномочий правительства страны и ратовало окружение молодого кхмерского короля.

Заключение этого соглашения стало вехой в политической истории страны. Впервые легально в Камбодже стали формироваться и бороться за власть политические партии, с отличными одна от другой программами. Наибольшую популярность сразу же получила Демократическая партия, основанная в 1946 г. директором лицея Сисовата Чхеан Вамом[4]. В некотором смысле эта партия продолжала уже описанное выше предвоенное националистическое движение, группировавшееся вокруг газеты «*Нагара Вамса*». Взгляды руководства партии были в целом близки программе первого национального правительства Сон Нгок Тханя, тем более что многие деятели партии были лично знакомы и дружили с членами его кабинета.

Почти все руководители Демократической партии во главе с Чхеан Вамом, ставшим ее генеральным секретарем, получили высшее образование во Франции, что не мешало выступать им с радикально антифранцузских и националистических позиций. Самым авторитетным из лидеров партии был вернувшийся в это время из Франции после пятнадцатилетнего отсутствия принц Сисоват Ютевонг. Он был харизматической для камбоджийских интеллектуалов личностью: член королевской семьи, ратовавший за социальное равенство, против ростовщичества и эксплуатации крестьян, считавший, что власть в стране надо строить с последовательно демократических позиций. У него была докторская степень по математике и докторская степень по астрономии, а в политической сфере он поддерживал тесные связи с деятелями Французской социалистической партии. Его долгое

отсутствие на родине и непричастность к дворцовым интригам только способствовали его высокому авторитету: в отличие от огромного числа своих королевских родственников он не был опутан сетями патронажа, дворцового протокола и обязательств[5]. Он был прост и доступен и выступал, с одной стороны, за немедленное достижение независимости и переход всей власти в стране из рук короля к национальному парламенту, а с другой — добивался выделения специальных государственных стипендий для получения образования во Франции камбоджийским учащимся независимо от их социального происхождения и материального положения. Именно при его поддержке будущие деятели «красных кхмеров» — Пол Пот, Иенг Сари, Кхиеу Самфан, Ху Ним, равно как и многие другие камбоджийские политики, получили возможность учиться во Франции.

Демократы, привлекшие к себе симпатии националистически настроенных молодых представителей кхмерской интеллигенции, отвергали план «поэтапного освобождения», противопоставляя тем самым себя сторонникам короля и его окружению. Они резко критиковали Нородома Сианука за его стремление достичь компромисса с колонизаторами. Партия пользовалась поддержкой в среде городской интеллигенции, монахов, учителей, молодых чиновников и большинства выпускников и студентов старших курсов Лицея Сисовата. Демократическая партия стала первой в Камбодже радикальной политической организацией, ориентированной не только на независимость, но и на смену основ политического строя. Ее позиция состояла в том, что стране необходима не абсолютная, а конституционная монархия, где вся власть должна принадлежать демократически избранному парламенту[6].

Демократам противостояла Либеральная партия, образованная в 1946 г., вторая по численности и влиянию в 1947–1953 гг. Ее основателем был принц Нориндет — консерватор и западник, до конца своих дней убежденный в том, что французское правление было благом для Камбоджи и что возвращение французов в 1946 г. объяснялось их желанием «превратить Камбоджу в великую державу»[7]. Лидер либералов полагал, что стране была нужна не столько независимость, сколько порядок при французском патронаже. Нориндет далеко не обладал убедительностью и демократизмом своего противника — принца Ютевонга, что в условиях камбоджийской политики резко снижало политические перспективы либералов. Позиции этой партии были сильны главным образом среди чиновничества, связанного

с французской администрацией. Сама партия позиционировала себя как представляющая интересы финансово обеспеченных, вполне процветающих и близких к учреждениям протектората торговых и административных кругов. В столице была хорошо известна профранцузская направленность Либеральной партии, которая даже не выдвигала требования предоставления независимости Камбодже. Более того, в ее программе было сказано, что лишь Франция смогла «защитить Камбоджу от соседей и что с приходом французов страна уже в течение 80 лет живет в условиях безопасности»[8]. Либералы выступали также за принятие конституции и за некоторые умеренные реформы в области образования, административного управления при сохранении и укреплении монархического строя.

Пока в стране сохранялась французская администрация, либералы в силу своей близости к ней пользовались и поддержкой со стороны значительной части пномпеньских предпринимателей и высшего буддийского духовенства секты Дхаммаютиникай, которые считали их крайне влиятельными и полезными при решении многих вопросов. Однако после ухода французов этот ореол исчез и поддержка либералов сократилась до минимума. В 1953 г. Нориндет отошел от политики и место председателя партии занял ее политический советник адвокат Фернандес[9].

В 1946 г. была образована еще одна партия во главе с принцем Монтаной — Демократическая прогрессивная, с очень расплывчатой программой и объединявшая главным образом друзей и сторонников принца[10]. Позже, в 1947 г., на свет появилась и Партия кхмерского обновления во главе с Лон Нолом. Тогда этот будущий главный организатор переворота 1970 г. только пробовал себя на политическом поприще и выступал с националистических и антивьетнамских позиций, которые находили поддержку в королевской семье, особенно у влиятельных принцев Монирета и Монипонга[11].

Помимо названных партий в стране образовались еще около десятка небольших и маловлиятельных политических организаций, вроде партий Национального союза, Национального возрождения и Народной, которые представляли собой устойчивые клановорегиональные группы, лидеры которых в обмен на политическую поддержку всегда стремились получить место в правительстве или какой-либо государственный пост. Среди этих организаций, гордо именовавшихся партиями, наиболее заметной была так называемая Партия победоносного Северо-Востока, образованная в 1951 г. Дап Чхуоном,

который пользовался определенным влиянием в провинции Сиемреап и некоторых районах провинции Баттамбанг.

По своему масштабу все эти партии и близко не могли сравниться с Демократической, которая доминировала на политической сцене страны. Подтверждением ее популярности стали выборы в Консультативную ассамблею, состоявшиеся в сентябре 1946 г. Эта партия получила пятьдесят мест из шестидесяти семи, либералы, которых субсидировали французы, — четырнадцать, а оставшиеся три кресла достались независимым кандидатам[12]. Именно эта Ассамблея, в которой доминировали демократы, приняла проект первой в стране конституции (утверждена королем 6 мая 1947 г.), провозгласившей Камбоджу конституционной монархией.

Эта конституция, в подготовке которой представители Демократической партии сыграли решающую роль, тем не менее оказалась совсем не столь радикальна, как взгляды партии на устройство камбоджийского общества. В основном законе провозглашалось, что «вся власть в стране исходит от короля»[13], и король Камбоджи сохранял за собой массу важных полномочий. Он председательствовал на заседаниях парламента, депутаты приносили ему клятву верности. По предложению Совета министров король в случае необходимости мог распустить Национальное собрание. Он утверждал главу правительства, назначенного Национальным собранием. Кроме того, король, по согласованию с Национальным собранием и министерствами, издавал распоряжения и указы, назначал дипломатических представителей, а также двух членов Совета короны, имел право помилования. У него, как и членов парламента и национального правительства, сохранялось и право законодательной инициативы. При этом король в течение десяти дней мог потребовать повторного рассмотрения своего законодательного предложения в том случае, если парламент его отверг[14].

Главной причиной компромисса, на который пошла Демократическая партия относительно характера и полномочий королевской власти, было то, что ее лидеры полагали, что в период перехода к независимости следует поддерживать мир среди кхмеров и не обострять разногласия в обществе, и особенно с королем и его окружением. Поэтому, вместо формулы «король царствует, но не правит», Демократическая партия согласилась с формулой фактического разделения власти между собственно королевским окружением и правительством. Впоследствии этот компромисс самым пагубным образом скажется на судьбе самой партии, так как он разочаровал и оттолкнул

многих ее избирателей. Получилось, что политический радикализм демократов, их требования парламентской республики на деле оказались дутыми. Более того, приняв новую конституцию, они фактически согласились с «модус вивенди», против которого так резко выступали.

Между тем король и его окружение, сохранившие по конституции властные полномочия, спешили ими воспользоваться и обозначить новый этап в движении страны к независимости. В 1948–1949 гг. начались переговоры с французами о заключении нового договора, который должен был расширить компетенцию камбоджийского правительства и гарантировать стране «внутреннюю» независимость. Объясняя свою позицию относительно предмета переговоров, Сианук заявлял позже: «Я должен был обратиться к новому договору с Францией, чтобы законным путем освободить Камбоджу от подчинения и создать как бы мост между "берегом" протектората, который следовало покинуть, и "берегом" полной независимости, до которого следовало еще доплыть»[15].

В ходе открывшихся новых переговоров (сентябрь 1949 г.) наиболее острыми стали вопросы о предоставлении Камбодже подлинного внутреннего суверенитета; о необходимости признания независимости Камбоджи основными «мировыми державами в форме международного представительства и участия в работе ООН»; вопрос об автономии страны в военной области (королевское правительство выступило с требованием постепенного сокращения зон, отведенных для действий французских вооруженных сил, и передачи их под свой непосредственный контроль)[16]. Отдельно был поставлен вопрос об амнистии и освобождении кхмерских политзаключенных и бойцов сопротивления[17].

Последний пункт был особенно важен, учитывая, что с 1946 г. в стране против французских войск вели вооруженную борьбу прокоммунистические силы. Поэтому королевскому правительству было необходимо продемонстрировать свой общенациональный и законный статус, показать, что оно выступает от имени всех национальных политических сил.

После напряженных переговоров текст нового франко-камбоджийского договора был подписан 8 ноября 1949 г. в Париже. Этот договор заменил временное Соглашение 1946 г. («модус вивенди») и стал основой для новой фазы в франко-камбоджийских отношениях. В соответствии с этим договором Франция признавала Камбоджу «независимым государством», а Камбоджа подтверждала

свою принадлежность к Французскому Союзу как «присоединившееся государство». В договоре 1949 г. отмечалось, что «королевское правительство Камбоджи в полной мере осуществляет полномочия и прерогативы, вытекающие из внутреннего суверенитета страны»[18].

Однако полной независимости достигнуто не было, так как внешняя политика оставалась в сфере французского контроля и, в частности, страна могла устанавливать дипломатические отношения с другими государствами только с одобрения правительства Франции. Особое значение имело специальное приложение к договору 1949 г. (так называемая дополнительная конвенция по военным вопросам), в соответствии с которой Камбоджа получила право на создание собственной национальной армии, которая должна была подчиняться непосредственно королю. При этом оговаривалось, что руководство этой армией во время военных действий будет передано французскому командованию.

Соглашение 1949 г. стало вторым этапом в движении страны к полной независимости. По сравнению с предыдущим соглашением «модус вивенди» права кхмерских органов власти значительно расширялись, особенно во внутренней политике, где они теперь самостоятельно могли решать все вопросы. Такой исход переговоров привел к заметному укреплению позиций короля и его окружения, давал им возможность подтвердить правильность политики постепенного движения к полной независимости. Не менее существенным стало и то, что согласно дополнительной конвенции по военным вопросам король получал под свое командование формирующиеся национальные вооруженные силы, тем самым становясь главным центром власти в Камбодже. Последствия этого решения вскоре сказались самым непосредственным образом на политической борьбе в стране.

Дело в том, что после подписания соглашения 1949 г. демократы и контролируемое ими Национальное собрание выступили резко против этого договора. Они требовали немедленной и полной независимости, вступили в жесткую конфронтацию с королем и его окружением. Сианука называли «французской марионеткой»[19], а себя представляли единственной политической силой, способной привести к подлинной независимости. Разногласия между королем и парламентом привели их к жесткой конфронтации. И хотя Сианук заявил, что он «пошел на подписание этого соглашения с той целью, чтобы не ввергнуть страну в состояние смертельного для нее кровавого беззакония»[20], Национальное собрание отказалось ратифицировать договор 1949 г.

За свою неуступчивость парламент был немедленно распущен королем. В результате в стране начался затяжной политический кризис: в отсутствие парламента власть все более сосредотачивалась в руках королевского правительства, которое возглавил принц Монипонг, твердо выступавший в поддержку договора 1949 г. При нем Камбоджа вошла в таможенный и валютный союз, заключенный между Францией и «присоединившимися государствами Индокитая», где право решающего голоса принадлежало Франции[21].

Демократическая партия, лишившаяся власти, перешла в открытую оппозицию королевскому правительству. Все более радикально критиковала она как соглашения 1949 г., так и действия самого короля и его окружения. Эти взгляды разделяли и многие представители кхмерской националистически настроенной интеллигенции, которые открыто называли короля предателем, слугой французских колонизаторов, «который хочет уничтожить свободу кхмеров»[22]. Сианук впоследствии писал: «Мои противники высмеивали полученные результаты, которые, по их мнению, представляли собой лишь постыдную подделку под независимость. Они отказывались допустить, что в действительности это был трамплин для достижения независимости, тогда как они говорили молодежи и народу, что, если бы я был действительно патриотом, я бы не согласился на эту половинчатую независимость, которая представляет собой настоящий обман доверия народа»[23].

Сианук и его окружение оказались перед трудной проблемой, поскольку обвинения демократов в адрес короля и его правительства, которые вместо полной независимости страны согласились на фиктивную, разделяло большинство политически активного кхмерского населения. Король и его сторонники оказались в явном меньшинстве и, казалось, вот-вот вынуждены будут передать власть Демократической партии. Накал политической борьбы достиг высшей точки, когда в январе 1950 года был убит лидер Демократической партии — Иё Коёсс. Заказчиков убийства так и не нашли, но подозрения людей пали на французов, короля и подконтрольное ему правительство, которым была особенно выгодна смерть наиболее радикально настроенного вождя демократов. На похороны Коёсса пришли огромные толпы людей. Такое паломничество говорило о том, что Демократическая партия опирается на массовую поддержку населения и вполне может отодвинуть короля от власти.

Подтверждением этого стали и прошедшие в сентябре 1951 г. новые выборы в Национальное собрание, когда из 496 кандидатов

700 тыс. кхмерских избирателей должны были избрать 78 депутатов нового парламента. В избирательную борьбу вступили партии: Демократическая (78 кандидатов), Либеральная (75), Национального возрождения (78), Кхмерского возрождения (7), Победоносного Северо-Востока (61), Народная (45), Демократическая прогрессивная (27), Национального союза (9), Независимая (62).

Политическое сражение вновь завершилось убедительной победой Демократической партии, которая завоевала 54 места. 18 мест получила Либеральная партия[24]. Торжество демократов было полным, и перед Сиануком и его окружением замаячила угроза утраты реальной власти и политической инициативы. Ведь после выборов в октябре 1951 г. вместо лояльного королю правительства было избрано новое во главе с Ху Кантхоулом, составленное исключительно из членов Демократической партии. Критики Сианука занимали в этом правительстве ведущие посты, и могло показаться, что демократы уверенно перехватили политическую власть и инициативу у короля. Свидетельством их популярности и силы стало триумфальное возвращение в Камбоджу 29 октября 1951 г. отбывавшего наказание во Франции бывшего премьера прояпонского правительства Сон Нгок Тханя. Он был встречен правительством, жителями столицы, молодежью как национальный герой и последовательный борец за независимость. Эта легендарная для многих кхмеров личность, от которой ждали немедленных действий, направленных на достижение независимости, быстро стала харизматическим лидером Демократической партии[25].

В разгар торжеств по поводу возвращения Сон Нгок Тханя мало кто обратил внимание на то, что король официально объявил о нежелании с ним встречаться. Тем самым Сианук показал, что не считает для себя борьбу за власть оконченной и не соглашается исполнять роль, которую ему навязывали его торжествовавшие политические противники. Против демократов у короля оставался последний, но очень весомый ресурс — контроль над национальными вооруженными силами.

Между тем радикализм вернувшегося в кхмерскую политику Сон Нгок Тханя, немедленно выступившего и против короля и против французской администрации, еще более накалил отношения между правительством и парламентом, с одной стороны, и королем — с другой. Демократическая партия заявила о своем стремлении провести «конституционную революцию», что вело к «созданию в Камбодже парламентской системы европейского образца, где король не должен

был обладать реальными властными функциями, а самому ему, как считали демократы, «следовало быть простодушным и пассивным»[26]. Демократическая партия, как планировали разработчики «конституционной революции», должна была стать по-настоящему правящей. Как писала газета «Прачеатхипатай» — печатный орган демократов, — «вмешательство короля в политику противоречит демократии»[27].

Еще один удар по Сианука демократы нанесли и в такой чувствительной для него сфере, как борьба за полную независимость от Франции. В противовес его планам поэтапного достижения этой цели демократы выступили с требованием немедленного и полного освобождения от власти Франции. Они обвинили Сианука и его окружение в предательстве национальных интересов и в саботаже борьбы всей нации за эту высокую цель. Желая показать позорное соглашательство короля и его окружения в противовес решительности и действенности его противников, Сон Нгок Тхань в феврале 1952 г. неожиданно объявил о том, что начинает вооруженную борьбу за независимость. Покинув Пномпень, он обосновался в горах Дангрек, близ таиландской границы, откуда по радио обратился к народу с призывом выступить с оружием в руках за освобождение Камбоджи от французских войск[28].

Положение Сианука в это время оказалось весьма сложным, если не сказать критическим. Возможностей для маневра и сохранения политической инициативы у него осталось мало, власть все больше переходила к правительству демократов. В такой, казалось бы, безвыходной для себя ситуации он избрал довольно рискованный план действий, который позднее его сторонники назовут «крестовым походом за независимость». Цель его плана заключалась в том, чтобы убедить французское правительство в необходимости добровольно предоставить Камбодже независимость. Так он рассчитывал стать «отцом национальной независимости» и окончательно взять верх над своими политическими противниками. Успех этого плана позволил бы ему и его окружению сохранить за собой политическую инициативу и власть, а также возможность управлять страной в будущем.

Король начал действовать неожиданно для своих противников: 15 июня 1952 г. он объявил о роспуске Национального собрания. По существу, Сианук осуществил государственный переворот, отстранил демократически избранный парламент от власти и возвратил страну к режиму абсолютной монархии. Для сохранения спокойствия в стране

он объявил, что берет всю полноту власти только на три года, пока не добьется полной независимости Камбоджи[29].

Расчет Сианука на то, что его антиконституционные действия не встретят серьезного сопротивления демократов, оказался верным: в критический для государства момент Демократическая партия показала свое полное бессилие. Кроме словесных протестов и не слишком бурных манифестаций ничего более весомого демократам организовать не удалось. Выяснилось также, что и Сон Нгок Тхань явно переоценил свою популярность. Объединиться с коммунистами и возглавить партизанское движение он не сумел, а его немногочисленные приверженцы, собравшиеся в лесном лагере, не представляли для властей реальной угрозы. Даже лидеры демократов отказывали ему в поддержке, полагая, что в вооруженной борьбе нет необходимости, ибо затея короля все равно обречена на провал. Они рассчитывали, что когда Сианук окончательно подорвет свой авторитет, то тогда Демократическая партия и скажет свое слово.

Еще одна причина беспомощности крупнейшей партии Камбоджи заключалась в том, что ее к тому времени уже раздирали глубокие противоречия противостоявших друг другу политических группировок. Французский политолог Ф. Прешец указал на несколько из ее основных фракций: *экстремисты* — для них, по его словам, были характерны республиканские устремления, они выступали сторонниками полной независимости; *умеренные* — они оставались верными монархии и старались поддерживать традиции партии; *оппортунисты* — в основном группировались в руководстве и стремились примирить обе эти тенденции, хотя отдавали все же предпочтение экстремистам, не разделяя однако их республиканских устремлений[30]. Внутренние распри между всеми этими направлениями парализовали демократов и, в критический момент, политическая инициатива вновь полностью перешла к королю.

Свой «поход за независимость» Сианук начал 9 февраля 1953 г., когда поручил председательство в Совете короны принцу Сурамариту, а в Совете министров своему ближайшему соратнику — Пен Нуту. После этого король отбыл во Францию, в свое поместье на Лазурном берегу. Оттуда он направил президенту Франции Венсану Ориолю два послания, в которых обосновывал необходимость предоставить Камбодже полную независимость. Он писал: «Политика Франции в Индокитае своей целью ставит успешную борьбу с Вьетминем, после чего остальные проблемы будут легко разрешены». Такой

подход к событиям в Индокитае, по его словам, не отвечает интересам Камбоджи, и «эта цель отличается от точки зрения камбоджийской стороны»[31]. В своих посланиях Сианук подчеркивал, что «в случае, если Камбодже будет предоставлена полная независимость, ее народ избежит в будущем упрека в неблагодарности по отношению к Франции»[32].

Получив послания кхмерского короля, Венсан Ориоль пригласил Сианука для личной беседы, которая, однако, не привела стороны к согласию. В предоставлении Камбодже полной независимости кхмерскому королю было решительно отказано. Сианук, хотя и был разочарован очевидной неудачей своей миссии, вскоре направил Венсану Ориолю еще одно послание, которое также не дало результата. Он даже не был приглашен в Елисейский дворец для продолжения переговоров. От имени французского правительства кхмерского короля посетил лишь министр по делам ассоциированных государств М. Летурно, который еще раз дал ему понять, что просьбы о предоставлении стране независимости «несвоевременны» и что трудности, о которых Сианук писал В. Ориолю, могут быть при желании легко устранены самим кхмерским королем. «Ваш народ, — сказал Летурно Сиануку, — слушается мановения вашего пальца и только и ждет, чтобы вы сами образумили его»[33].

Все попытки кхмерского короля добиться от французских властей согласия на полную независимость страны существенных результатов так и не принесли. Безуспешность миссии серьезно осложнила его положение внутри страны, поскольку его политические противники и, в первую очередь, сторонники Демократической партии только и ждали его неудачи, чтобы объявить узурпатором и отстранить от власти. В таких обстоятельствах признание собственного поражения нанесло бы непоправимый удар авторитету Сианука и королевской власти вообще, поставило бы под сомнение правильность всего пути к независимости, который он отстаивал. У Сианука не оставалось иного выбора, как продолжать свой поход за независимость и свою борьбу, иначе можно было поставить крест на всех его политических планах. Более того, в случае неудачи его не только могли отстранить от власти, но и даже отдать под суд, как предлагали некоторые демократы. По словам Тринь Хоаня — влиятельного в то время кхмерского политика, «в определенные моменты 1951–1952 гг. положение Сианука как короля было настолько тяжелым, что назревал вопрос о ликвидации монархии[34].

Свой следующий шаг в походе за независимость Сианук сделал в апреле 1953 г. Надеясь, что на правительство Франции может повлиять давление извне, он предпринял пропагандистское турне за океан. Он рассчитывал заручиться поддержкой правительства США и с помощью сильнейшей державы западного мира воздействовать на Францию. Этот план вполне учитывал реальную обстановку в Индокитае, где французы, завязшие в колониальной войне, все более зависели от американской военной и финансовой поддержки.

Прибыв сначала в Канаду, кхмерский король сделал ряд заявлений для печати. Он подчеркнул необходимость решить две взаимосвязанные проблемы — расширить борьбу с коммунизмом в Индокитае и предоставить независимость Камбодже. Свою позицию он аргументировал тем, что сохранение власти Франции только способствует усилению коммунистов и, наоборот, с укреплением национальных прозападных правительств в странах Индокитая, с получением ими независимого статуса, оказываются развязаны руки для антикоммунистической борьбы. Затем Сианук в Вашингтоне встретился с государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом. Однако и он не внял аргументам кхмерского короля, повторив в сущности слова Венсана Ориоля о том, что «необходимо отложить решение вопроса о предоставлении стране независимости «до разгрома Вьетминя». Далее Даллес посоветовал Сианук не ссориться с Францией, а помогать ей вести войну[35].

В своих заявлениях для американской печати Сианук, несмотря на отказ Даллеса поддержать его, продолжал последовательно отстаивать свою позицию. После его беседы с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» появилась статья, в которой отмечалось, что «Нородом Сианук — король Камбоджи, одного из трех ассоциированных государств Индокитая, предупреждает, что, если французы не предоставят его народу независимость «в ближайшее время», имеется реальная опасность, что камбоджийский народ восстанет против существующего в стране строя и примкнет к движению Вьетминя, руководимого коммунистами»[36].

Доводы Сианука относительно угрозы захвата власти в Камбодже коммунистами особого впечатления в Америке не произвели. Там понимали, что судьба Индокитая решалась во Вьетнаме, где американцы все более ввязывались в конфликт, помогая Франции и прозападному вьетнамскому правительству Бао Дая. Никакого давления на Францию ради спасения политического будущего и авторитета

камбоджийского монарха США оказывать не желали. Несмотря на новую неудачу в своем «походе за независимость», Сианук не терял надежды на успех и решил временно обосноваться в Токио, где ждал, какие результаты дадут демарши, которые продолжала предпринимать камбоджийская делегация в Париже, в составе его ближайших соратников (Пен Нут, Сам Сари и принц Монирет) на переговорах с французскими представителями. 9 мая 1953 г. они вновь направили свои предложения правительству Франции, однако снова получили отказ.

Признать поражение своего плана Сианук не мог, поэтому, чтобы «спасти лицо», он вынужден был предпринять отчаянный шаг: из Токио он было переехал в Камбоджу, но, почувствовав разочарование своих сторонников, снова покинул родину и отправился в Таиланд. Там он намеревался остаться в добровольной ссылке в знак протеста против нежелания Франции предоставить Камбодже независимость. Однако и здесь ему не повезло: таиландские власти встретили кхмерского короля откровенно холодно и немедленно запретили ему заниматься на территории их страны политической деятельностью. Представители правительства указали Сианук, что его рассматривают как «простого политэмигранта» и что правительство Таиланда заинтересовано в сохранении дружественных отношений с Францией[37]. В этот критический момент «важные услуги Сианук и трону» оказал китайский предприниматель Чау Кхонг, которого Пен Нут, многолетний ближайший друг и верный соратник кхмерского монарха, «считал нареченным братом»[38]. Китайский посол в Камбодже рассказывал своему советскому коллеге, что «когда Сианук в ходе борьбы за независимость вынужден был выехать в Таиланд, то он оказался в трудном финансовом и политическом положении ... Пен Нут помог ему ... Китайский коммерсант Чау Кхонг почти еженедельно совершал в это время путешествия между Камбоджей и Таиландом и не только информировал Сианука о положении в Камбодже, но также передавал ему необходимые финансовые средства»[39].

В начале июня 1953 г. кхмерский король, который так и не добился нигде искомого результата, вновь возвратился в Камбоджу. Однако вместо признания неудачи своей миссии он неожиданно для политических противников сделал ход, которого от него никто не ожидал: вместо королевского дворца в Пномпене он поселился на западе страны в Баттамбанге в зоне, где с 1951 г. уже не было ни французской администрации, ни французских войск. Там он выступил с обращением к народу, в котором объявил о мобилизации «активных сил нации».

На этот призыв, как считал Сианук, откликнулись 400 тыс. кхмеров, которые стали стекаться к королю, выражая готовность пройти военное обучение и продемонстрировать всему миру свою решимость бороться за осуществление своего идеала[40].

По утверждению французского исследователя Ш. Мейера, заявления Сианука о 400 тыс. бойцов, готовых его поддержать, были откровенным блефом[41], — у короля в то время и близко такой поддержки не было. Призыв к мобилизации являлся, по сути, последней ставкой Сианука в большой игре за независимость, и ход этот в политической игре, в отличие от всех предыдущих, себя вполне оправдал. Королю и его окружению удалось напугать Францию угрозой массового восстания. Французское правительство, и так обремененное в то время массой колониальных конфликтов, явно не желало появления еще одной зоны военных действий в Индокитае. Воевать в Камбодже, когда ситуация в соседнем Вьетнаме все ухудшалась, представлялось делом абсолютно бессмысленным. Убедившись в решимости кхмерского монарха организовать массовое выступление против французской власти, Франция выразила готовность пойти на уступки.

3 июля 1953 г. правительство IV республики заявило о своей готовности пойти на переговоры о «предоставлении независимости» Камбодже, равно как и другим «ассоциированными странам» Индокитая — Лаосу и Вьетнаму. Франко-камбоджийские переговоры о независимости начались 25 августа. Вскоре, 29 августа, были подписаны протокол и соглашение о предоставлении полномочий королевскому правительству Камбоджи в области судопроизводства, управления полицией и внутренней безопасности. Переговоры о передаче контроля над вооруженными силами длились несколько дольше, но и они завершились 17 октября 1953 г. подписанием специального протокола. 9 ноября в Пномпене состоялась церемония спуска французского флага и прекращения деятельности в Камбодже французской администрации. В тот же день из столицы Камбоджи были выведены и все французские части.

Достижение независимости стало подлинным триумфом кхмерского монарха. Сама жизнь, казалось, подтвердила правильность его плана и основанных на нем действий. Уже мало кто вспоминал о перевороте и о разгоне парламента, который мешал монарху в борьбе за независимость. Из потенциального предателя и коллаборациониста в глазах тысяч кхмеров Сианук превратился в национального героя. Именно тогда появилась его знаменитая харизма, которая не

раз спасала его на протяжении всей его долгой политической жизни. Добившись независимости, он окончательно сломил и своих политических оппонентов, которые сильно потеряли в глазах тысяч кхмеров. Успех в королевском походе за независимость превратил Сианука не просто в короля, а в политика номер один в Камбодже, наиболее авторитетного и влиятельного человека в стране.

В то же время, одержав победу в борьбе с оппозицией в лице Демократической партии, Сианук немедленно столкнулся с другой, куда более серьезной проблемой. Проблема эта заключалась в том, что коммунистическое сопротивление французам во Вьетнаме давно вышло за пределы этой страны и довольно многочисленные силы кхмерских и вьетнамских коммунистов контролировали обширные районы Камбоджи. У них был свой, отличный от Сианука взгляд на настоящее и будущее Камбоджи. Уже на конференции в Женеве в мае 1954 г. из уст главы северовьетнамской делегации Фам Ван Донга ближайший соратник Сианука премьер-министр королевского правительства Пен Нут неожиданно услышал: Фам Ван Донг считает, что Франция должна одновременно признать независимость всех трех стран Индокитая и, с этой точки зрения, вьетнамское руководство согласно со словами Пен Нута о том, что: «результаты, достигнутые во время переговоров с Францией о независимости Камбоджи, являются неполными»[42]. Далее вьетнамский представитель особо подчеркнул, что, судя по информации того же Пен Нута, «многие французские офицеры остаются в камбоджийской армии». Более того, Фам Ван Донг заявил: «Колонизаторы по-прежнему оказывают определяющее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Камбоджи. Все более или менее крупные предприятия в стране принадлежат французским капиталистам, а армия находится под командованием главнокомандующего «силами французского Индокитайского Союза». Вьетнамский премьер отметил также, что подавляющее большинство стран Азии, в частности Бирма, Пакистан, Индонезия, не признали независимую Камбоджу[43].

Заявление высокопоставленного вьетнамского представителя таило в себе большую угрозу для Сианука и его власти. Фактически вьетнамские коммунисты заявили о своем непризнании франко-кхмерских сепаратных договоренностей 1953 г. и предъявили камбоджийской стороне свои условия. Получалось, что вьетнамские коммунисты, под крылом которых быстро развивалась кхмерская коммунистическая организация, не считали освободительную борьбу

законченной и не собирались ее прекращать вплоть до выполнения тех условий, которые были названы Фам Ван Донгом. С учетом растущей мощи коммунистических сил и того, что обширные территории страны были неподконтрольны королевскому правительству, это означало на деле реальную угрозу перерастания королевского похода за независимость в войну гражданскую, где против Сианука выступили бы объединенные силы кхмерских и вьетнамских коммунистов. А это, как мы увидим ниже, был куда более сильный политический противник, чем рассорившиеся друг с другом лидеры Демократической партии.

2. Борьба кхмерских коммунистов за власть и независимость страны

Нельзя не признать, что до сих пор, несмотря на фолианты книг, написанных об истории коммунистического движения в Камбодже, у нас нет достоверных данных о том, как развивались коммунистические организации после их разгрома в 1938 г. и во время Второй мировой войны. Со слов вьетнамского историка То Кюена известно только то, что «постановления и директивы Компартии Индокитая периода 1940–1945 гг. широкого распространения в Камбодже не получили, хотя камбоджийские коммунисты и сумели развернуть антивоенное движение во время боевых действий на границе Камбоджи и Таиланда (в 1940–1941 гг.), а также выступить в поддержку вьетнамских товарищей из Кохинхины»[44]. Из некоммунистических источников об антивоенной борьбе кхмерских коммунистов ничего не известно, впрочем, как и о какой-либо иной их деятельности. Выше уже упоминалось, что накануне мировой войны все немногочисленные коммунистические ячейки в стране были разгромлены, а их члены арестованы. Судя по составу руководства кхмерских коммунистов 40–50-х годов, куда не вошел почти никто из деятелей предыдущего десятилетия, можно заключить, что в 1938 г. французская полиция нанесла жестокий удар по их организации, и она почти совсем исчезла с политической арены Камбоджи. В то же время последующие события доказывают, что хотя своими репрессиями французы и парализовали активность коммунистов, однако полностью уничтожить коммунистическое движение в стране им не удалось, тем более что его организационный центр — руководство Компартии Индокитая — находился не в Камбодже, а на севере Вьетнама во Вьетбаке.

В этом труднодоступном районе вьетнамские коммунисты активно создавали партизанские базы и готовили партийные кадры для всех стран Индокитая. Усилия вьетнамских агитаторов и очевидная тогда привлекательность распространяемых ими идей привели к тому, что во время Второй мировой войны в ряды Компартии Индокитая вступили бывшие кхмерские монахи, взявшие революционные псевдонимы Сон Нгок Минь (Ачар Миен) и Ту Самут. Оба они выросли в Южном Вьетнаме, хорошо говорили по-вьетнамски, что заметно облегчало их общение с руководством КПИК. Вскоре они возглавили коммунистов Камбоджи[45]. Вместе с ними и особенно после Второй мировой войны в это движение пришло молодое поколение революционеров, которые и составили ядро новой коммунистической организации. Подтверждением притока новых кадров в ряды коммунистов может служить интересный документ 50-х годов, посвященный деятельности так называемой группы Прачеачун — легальному крылу коммунистического движения в Камбодже. В нем отмечается, что «эта партия объединяет в своих рядах бывших участников движения сопротивления Кхмера, большинство из которых в 1944 г. активно участвовало в организации вооруженных партизанских отрядов на территории Камбоджи»[46]. Информация о том, что партизанские отряды в Камбодже были организованы коммунистами именно в 1944 г., очень важна: до сих пор было принято относить появление первых партизанских отрядов к послевоенным 1945–1946 гг., когда в страну вернулась французская администрация. Но как выясняется, такие отряды создавались намного раньше, еще до того как в марте 1945 г. японцы поставили Камбоджу под свой контроль.

Коммунистическая организация в это время пополнялась как камбоджийцами, связанными с Компартией Индокитая, так и теми, кто стремился с оружием в руках выступить за независимость своей страны и потому рассматривавших вьетнамских коммунистов как своих естественных союзников. Все эти люди вступали в «Некхум Иссарак Кхмер» (Национальный фронт «Свободный Кхмер»), решение о создании которого Компартия Индокитая предусмотрительно приняла еще в 1941 г. одновременно с образованием Лиги независимости Вьетнама (Вьетминь) и Патриотического фронта Лаоса («Лао Итсала»). Решение об образовании этих организаций следовало из специального постановления восьмого пленума ЦК КПИК, состоявшегося в 1940 г., который констатировал необходимость «решения национальных проблем в Индокитае в рамках каждой из трех стран — Вьетнама,

Лаоса и Камбоджи». Ставилась задача «создать благоприятные условия кхмерскому и лаосскому народам для развития духа независимости и суверенитета»[47].

В брошюре «К истории вьетнамо-кампучийского конфликта», изданной во Вьетнаме, дается вполне логичное объяснение причин образования кхмерского освободительного фронта. Авторы указывают, что поскольку после начала Второй мировой войны «положение в мире и в Индокитае коренным образом изменилось», Компартия Индокитая считала необходимым «разбудить национальное сознание народов» и повести их на борьбу против фашизма, а задачу национального освобождения решать в пределах каждой в отдельности страны, а не в масштабе всего Индокитая. КПИК постановила создать в каждой стране национальный фронт. Так во Вьетнаме был создан «Вьетминь», в Лаосе — «Лао Итсала», а в Камбодже — «Кхмер Иссарак»[48].

Точной даты числа и месяца основания «Кхмер Иссарака» известные нам камбоджийские и вьетнамские источники не дают. Причина этого состоит, по всей видимости, в том, что после решения ЦК КПИК об образовании фронта и до его организационного оформления в реальную политическую силу прошло определенное время. В краткой истории НРПК, выпущенной в 1984 г., утверждается, что «из-за террора, развязанного врагами, создать "Союз независимого Кхмера" и "Союз независимого Лао", как это планировали коммунисты в 1941 г., не удалось». Этот фронт был образован только в 1945 г., когда «ряд кампучийских патриотических деятелей эмигрировал на юг Вьетнама и создал там «Комитет национального освобождения Кхмера»[49]. Об этом же пишет и Д. Чандлер, который утверждает, что на границе с Вьетнамом «сопротивление координировалось Коммунистической партией Индокитая, в которой преобладали вьетнамцы. Хотя в 1946 г. партия была якобы распущена в рамках стратегии единого фронта, нацеленного на сопротивление французам, она продолжала тайно существовать. По мере разрастания борьбы в Индокитае коммунисты стремились привлекать новых членов из Лаоса, Камбоджи и Вьетнама»[50].

Создание национального фронта «Кхмер Иссарак», который объявлял себя не коммунистической, а национальной организацией, борющейся не за классовые, а за общенациональные цели и против сохранения французского господства в стране, придало коммунистическому движению в Камбодже «второе дыхание». Коммунисты оказались в авангарде антифранцузского сопротивления, к ним стали присоединяться и те, кого не устраивала половинчатая и осторожная политика

монарха, радикалы, жаждавшие добиться независимости Камбоджи немедленно и с оружием в руках.

По существу, коммунистам отныне принадлежала монополия на освободительную вооруженную борьбу, и их возможности привлекать в свои ряды массы новых людей многократно увеличились. Немаловажно было и то, что организационное формирование фронта в 1945–1946 гг. велось главным образом на западе Камбоджи в провинциях Сиемреап, Баттамбанг и Преахвихеа, которые с момента завершения франко-тайской войны 1941 г. находились не под жестким контролем Франции, а под относительно мягкой таиландской оккупацией. Именно в этих провинциях, отмечается в краткой истории НРПК, «с помощью вьетнамских кадровых работников и солдат-добровольцев кампучийский комитет КПИК по контролю за делами партии организовал антифранцузское движение и создал вооруженные подразделения "Кхмер Иссарак"». В Баттамбанге в июне 1945 г. была образована организация КПИК, «в которую входили кхмеры, включая товарища Сон Нгок Миня (одного из главных лидеров кхмерских коммунистов в будущем. — *Д. М.*)»[51]. Здесь же появились и революционные базы коммунистов, которые впоследствии сыграют столь важную роль во всей послевоенной истории страны.

После возвращения этих провинций под камбоджийский суверенитет в 1946 г. и введения туда французских войск и полиции, часть членов «Кхмер Иссарака» перешла на территорию Таиланда, другие же укрылись в Южном Вьетнаме. Еще одна группа во главе с одним из будущих лидеров Компартии Камбоджи Сью Хенгом осталась на своих базах на западе и северо-западе страны в готовности выступить против французской власти[52].

Подпольная и полуподпольная деятельность коммунистов из «Кхмер Иссарака» переросла в вооруженную борьбу в конце 1946 г., когда переговоры их старших товарищей и кураторов — вьетнамских коммунистов с французскими властями о признании провозглашенной Хо Ши Мином 2 сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) и независимости страны зашли в тупик. Война против французской власти во Вьетнаме стала неизбежной, и руководители Вьетминя, которые представляли одновременно и руководство Компартии Индокитая, постарались привлечь все имевшиеся силы к участию в этой борьбе. Было решено активизировать ячейки «Кхмер Иссарака» и направить их для партизанских действий в Камбодже, чтобы отвлечь хотя бы часть французских сил от военных операций

во Вьетнаме. В ноябре 1946 г. вооруженный отряд «Кхмер Иссарака» захватил и какое-то время удерживал город Сиемреап — центр одноименной провинции на западе страны. Только после подхода французских подкреплений партизаны оставили этот город.

Затем отряды «Кхмер Иссарака» несколько изменили свою тактику. Они отказались от нападений на крупные населенные пункты и перешли к классической тактике партизанской войны, организовав регулярные нападения на коммуникации французских войск, затрудняя их действия в Южном Вьетнаме и в пограничной вьетнамо-камбоджийской полосе. Дорога № 1 Пномпень — Сайгон и дороги, ведущие на запад от Пномпеня, стали объектами постоянных атак и засад.

Популярность национального фронта Кхмер Иссарак в это время стала быстро возрастать. Поддержка его борьбы кхмерским населением была настолько очевидной, что под названием Кхмер Иссарак кроме коммунистов стали действовать и «некоторые объединения повстанцев, которые были основаны тайцами и называли себя "Кхмер Иссарак" ("Освобожденные кхмеры"); в состав других отрядов, также называвших себя "Кхмер Иссарак", входили бывшие бандиты и лица, скрывавшиеся от французской полиции»[53]. Не исключено, что подобная подмена была сделана специально французскими властями, чтобы подорвать доверие к настоящему Кхмер Иссараку, выставить его сбродом бандитов, грабителей и убийц на службе у вьетнамских коммунистов. Позднее Сианук тоже не раз обвинял кхмерских коммунистов в бандитизме и убийствах, которые совершали на самом деле отряды лжеиссараковцев[54].

Необходимость столь хитроумных усилий, направленных на дискредитацию Кхмер Иссарака, была вызвана тем, что этот фронт оказался единственной в Камбодже организацией, которая реально с оружием в руках выступила за национальную независимость. При этом многих кхмеров не смущало, что среди руководителей фронта было много вьетнамцев, а его действия также направлялись из Вьетнама. Во многих местах, особенно в Кардамоновых горах на западе Камбоджи, появлялись новые военные базы Кхмер Иссарака, а среди крестьян велась активная пропагандистская работа для привлечения новых бойцов в ряды фронта. Как отмечалось в одной из брошюр, изданных кхмерскими коммунистами, «войска Кхмер Иссарака вели боевые действия, основывали опорные базы, вооружая население, рас-

ширяя партизанскую войну. На территории освобожденных районов устанавливалась власть Кхмер Иссарака»[55].

По данным, приведенным во вьетнамских источниках, распространение военных действий Кхмер Иссарака на всю территорию страны происходило следующим образом: в 1947 г. опорная база Кхмер Иссарака была организована в юго-Восточной части Камбоджи. Отряды фронта заняли и целый ряд районов в провинциях Прейвенг и Свайриенг близ вьетнамской границы. В 1948 г. опорные базы появились и на северо-востоке страны. В это же время военные действия были перенесены на юго-запад, где был образован Национальный комитет освобождения Юго-Западной Камбоджи, который возглавил один из будущих лидеров кхмерских коммунистов Сок Нгок Минь. К марту 1949 г. в провинциях Стынгтраенг и Кратие полностью подконтрольный Кхмер Иссараку район занимал площадь в несколько тысяч квадратных километров. В конце 1949 г. власть национального фронта была установлена уже в 418 общинах Камбоджи, входивших в состав 40 уездов 10 камбоджийских провинций, что составляло более трети территории страны. В опорных зонах и в освобожденных районах проживал почти 1 млн. человек, революционные организации насчитывали 107 тыс. членов и более 80 тысяч состояли в силах народного ополчения и партизанских отрядах. К 1950 г. уже во всех провинциях страны действовали отряды Кхмер Иссарака[56].

Сейчас трудно однозначно сказать, насколько все эти данные соответствовали объективной реальности. Очевидно, что влияние Фронта на положение в Камбодже в них явно преувеличивается. Дело в том, что районы, где господствовал Кхмер Иссарак, находились в наиболее труднодоступных и малонаселенных областях страны, поэтому происходившее там мало влияло на обстановку в ключевых, экономически развитых провинциях, где проживала большая часть населения.

Не менее существенно и то, насколько все описанные выше успехи относились к собственно кхмерскому национальному коммунистическому движению. Большинство исследователей склонны критически оценивать утверждения о том, что победы Кхмер Иссарака 1946–1950 гг. были делом рук только кхмерских революционеров, учитывая, что в реальности ударную силу отрядов Кхмер Иссарака и основной костяк руководящих кадров составляли вьетнамские коммунисты, а этнических кхмеров было сравнительно немного. Известно, что и действовали они под вьетнамским руководством. По крайней мере, к 1950 г. во всей кхмерской секции КПИК, состоявшей

из 300 членов, собственно кхмерских коммунистов насчитывалось не более 40[57], и говорить о том, что эта горстка людей могла самостоятельно контролировать треть страны, просто несерьезно. О том, что именно вьетнамцы реально направляли борьбу Кхмер Иссарака в этот период, свидетельствуют, например, документы так называемой учебно-подготовительной встречи, которая в марте 1950 г. в течение десяти дней проходила в южновьетнамском городе Хатьен. На эту «встречу» прибыли партийные работники КПИК, находившиеся в Камбодже. Конференция вся шла на вьетнамском языке, а ее кульминацией стало выступление Нгуен Тань Шона, одного из известных вьетнамских коммунистов, который тогда руководил вьетнамскими и кхмерскими партизанскими силами в Камбодже, а также занимался привлечением кхмеров в отряды Кхмер Иссарака[58].

В его докладе впервые были изложены взгляды вьетнамских коммунистов на перспективы революции в Камбодже. Нгуен Тань Шон отметил, что способ производства в Камбодже по-прежнему характеризуют «автаркия и семейная ориентированность». Под этим вьетнамский комиссар, видимо, подразумевал самостоятельное и отдельное ведение хозяйства крестьянскими семьями. Кроме того, он нашел, что камбоджийцы «честны, искренни и нередко импульсивны». По его словам — это крестьяне, которые живут в самой безнадежной нищете: «Они пробуждаются медленно, но верно и составляют главную силу кхмерской революции». В то же время он считал камбоджийское крестьянство еще неразвитым, склонным к автаркии, неорганизованным и в целом апатичным. Однако кроме как на крестьянство опираться революционерам в Камбодже было не на кого, так как, по словам Нгуен Тань Шона, другие социальные группы, среди которых могли бы работать коммунисты — национальная буржуазия, буддистская сангха и невьетнамские этнические меньшинства, — отличались еще большим консерватизмом. Что касается существующих в Камбодже политических партий, то все они и, в том числе, Демократическая, реакционны, а их политика состоит в низкопоклонстве перед французами. По мнению докладчика, и принц Ютевонг и Коёсс («последний радикальный элемент в партии») были убиты по приказу французов.

Другой проблемой коммунистического движения в стране Нгуен Тань Шон назвал практически полное незнание партийными работниками в Камбодже трудов классиков марксизма. Среди революционеров лишь единицы имели представление о марксизме-ленинизме. «Теория Карла Маркса — Ленина, — подчеркнул Шон, — должна

в первую очередь распространяться среди наиболее развитых элементов в Камбодже, чей культурный, социальный и экономический статус в целом оставляет желать лучшего». Этот критический пассаж был обращен непосредственно к кхмерским кадрам КПИК и показывал, что докладчик не испытывает иллюзий относительно уровня их теоретической подготовки.

В связи с этим особенно интересным представляется та часть его выступления, где он объясняет причины преобладания и руководящей роли вьетнамцев в кхмерском революционном движении. Такое положение Нгуен Тань Шон расценивал как удачно сложившееся для кхмерских коммунистов и по причине отсутствия прогрессивных сил в Камбодже предлагал, чтобы ключевую роль в движении сыграли местные вьетнамские коммунисты, численно превосходившие кхмерских в семь раз. «Они могут придать кхмерской революции тот же самый порыв, что и вьетнамской, — заявил Шон. — Они являются движущей силой, которая запустит ... революционное движение».

Из выступления Нгуен Тань Шона можно сделать вывод о том, что в тот момент вьетнамцы явно недооценивали возможность развития собственно камбоджийских коммунистических сил и, в общем, делали ставку скорее не на кхмеров, а на вьетнамцев, проживавших в стране. В речи Нгуен Тань Шона об этом свидетельствует не только отсутствие указаний на то, что необходимо готовить и выдвигать собственно национальные камбоджийские коммунистические кадры, но и его заявление о реакционности кхмерского буддийского духовенства. Между тем именно буддийские монахи стояли у истоков борьбы за независимость и почти все кхмерские члены КПИК вышли из монашеской среды. С точки зрения вьетнамского комиссара это было их недостатком, препятствующим самостоятельной руководящей работе.

Постепенно, однако, численность и влияние в освободительном движении этнических кхмеров стали возрастать, и из них позже сложился костяк будущей Компартии Камбоджи. Среди кхмерских коммунистов появились и свои авторитетные лидеры, как-то упомянутый выше Сон Нгок Минь, а также Ту Самут, который был выходцем из монашеской среды. Вместе с Кео Муни он тесно сотрудничал с вьетнамцами в Прейвенге и Свайриенге. На Юго-Западе выдвинулся Сью Хенг и ряд других руководителей, сыгравших далеко не последние роли в развернувшихся позже событиях.

В то же время нельзя не отметить практически полное отсутствие каких-либо контактов и связей между руководством Кхмер Иссарака

и действовавшей легально Демократической партией. Если исключить неудачные попытки Сон Нгок Тханя объединить все силы, выступавшие с оружием в руках против французов, в единый фронт в 1952 г., когда он основал свою партизанскую базу в Сиемреапе, то можно сказать, что партизанское движение коммунистов было полностью оторвано от борьбы политических партий, существовавших в Пномпене[59]. При том, что цели, провозглашаемые обеими организациями, во многом совпадали — скорейшее достижение Камбоджей полной независимости, — вопрос о создании единого национального фронта из оппозиционным французам и королю сил, т. е. Демократической партии и Кхмер Иссарака, даже не поднимался. По всей видимости, слишком многое их разъединяло. Кхмер Иссарак был организацией, опиравшейся на представителей средних и бедных слоев деревни, а в его руководстве преобладали вьетнамцы. В Демократической партии главенствовали кхмеры, причем выходцы из обеспеченных городских страт, опиравшиеся, в первую очередь, на предпринимательские круги и образованную часть городского населения.

Существенно различались эти организации и во взглядах на обустройство постколониальной Камбоджи: Кхмер Иссарак планировал будущее устройство страны по образцу советской социалистической модели — с авторитарной властью, огосударствлением и коллективным хозяйствованием. Демократическая партия имела в виду модель западной демократической республики с частным предпринимательством, политическим плюрализмам и свободными выборами. При таком раскладе политических сил и почти непреодолимых противоречиях выгоднее всего оказалось положение короля и его окружения. Нородом Сианук оказался как бы в центре политического спектра и мог по мере надобности использовать лозунги и левых и правых, а позже привлекать к себе политиков из обоих лагерей, искусно балансируя между ними.

Важной вехой в развитии коммунистического движения в стране стал так называемый Конгресс народных представителей. Он прошел в апреле 1950 г. на территории подконтрольной Кхмер Иссараку как раз тогда, когда наметился решительный перелом в войне в Индокитае. После победы коммунистов в Китае и выхода частей китайской Красной армии на вьетнамо-китайскую границу районы, находившиеся под контролем вьетнамских коммунистов, сомкнулись на севере с Китаем и через границу начала поступать военная и иная помощь. Благодаря этому у вьетнамских коммунистов появились возможности

активизироваться не только во Вьетнаме, но и в Камбодже и Лаосе. Для этого они и приступили к реорганизации и расширению контролируемых ими политических структур в этих странах. Кхмер Иссарак в том виде, как он существовал с 1946 г., их уже не устраивал, и поэтому они решили создать более амбициозный, претендующий на достижение господства в стране общенациональный фронт, организованный по типу Вьетминя. Собрав на Конгресс народных представителей 200 делегатов, которые по заявлению организаторов представляли интересы крестьян, ремесленников, рабочих и представителей интеллигенции, они объявили, что эти полномочные представители кхмерского народа создали Национальный единый фронт Кхмера, приняли его программу и устав, одобрили Декларацию независимости и избрали Комитет национального сопротивления Кхмера[60].

Для придания большего авторитета этому собранию было объявлено, что в его работе участвовали еще и некие общественные организации, созданные будто бы в ходе освободительной войны: Крестьянская организация, Кхмерский профессиональный союз, Молодежный и Женский союзы. Руководство этих организаций находилось в освобожденных зонах, а в районах подконтрольных французам существовали их подпольные отделения. Всего в этих организациях насчитывалось почти 100 тыс. человек[61].

Проверить достоверность этих данных сейчас невозможно, полагаться на них трудно, потому что эти неожиданно возникшие общественные организации вместе с их делегатами позже сгинули в безвестности, так же как Национальный Единый фронт Кхмера, и более уже никогда не упоминались. Но при всей фантомности и этого конгресса и его участников сам факт его организации, и особенно принятие на нем политической программы и декларации независимости, говорили о существенных переменах в рядах коммунистов.

Дело в том, что в программе, принятой на конгрессе, впервые официально было обнародовано, что коммунисты претендуют на власть в стране. Их программа была по содержанию и антифранцузской, обещавшей «усиление и расширение партизанской войны, создание и укрепление национальной армии, консолидацию и развитие фронта Кхмер Иссарак, а также установление в Камбодже политической власти движения сопротивления[62], но и постфранцузской, в которой предусматривалось обеспечение свободы совести и вероисповедания, равные права для всех национальностей Камбоджи, увеличение производства для удовлетворения потребностей населения и повышение его

жизненного уровня. Кхмер Иссарак гарантировал «сохранение и развитие традиционной кхмерской культуры, а во внешней политике — борьбу за мир и демократию во всем мире»[63].

Центральный исполнительный комитет Кхмер Иссарака возглавил Ту Самут, «состоятельный кхмер из Кохинхины (Южного Вьетнама), как характеризует его Чандлер[64]. Этот лидер в свое время, как и многие другие кхмерские политики националистического толка, был монахом, связанным с упомянутым выше Институтом буддизма. В 1945 г. он сложил с себя сан и стал вести активную антифранцузскую пропаганду на востоке Камбоджи и среди кхмеров Южного Вьетнама. В 1946 г. он вступил в ряды Компартии Индокитая, где быстро продвинулся до самых высоких постов. В 1953 г. у него уже было несколько военных и политических званий — глава фронта Кхмер Иссарак, глава территориальной партийной организации, помощник руководителя партийного комитета по кадрам. Именно под началом Ту Самута начал свою политическую и партийную карьеру приехавший после учебы во Франции молодой преподаватель Салотх Сар — будущий Пол Пот[65].

Формирование высших эшелонов власти кхмерских коммунистов завершилось, когда было образовано Временное национальное правительство во главе с другим бывшим монахом Сон Нгок Минем. Первыми актами этого правительства стало принятие гимна и герба независимой Камбоджи и публикация манифеста, в котором провозглашалась полная независимость страны и содержался призыв к народам мира ее признать.

По всей видимости, вьетнамцев, которые жестко контролировали формирование революционных сил в Камбодже и фактически руководили работой конгресса, тандем Ту Самута, примкнувшего к партии после войны (доверие к нему возрастало еще и потому, что он прекрасно говорил по-вьетнамски и родиной его была Кохинхина), с давним членом КПИК Сон Нгок Минем вполне устраивал. Сон Нгок Минь олицетворял традиции КПИК, а Ту Самут энергию новых членов партии. После утверждения у власти этих лидеров строительство собственно кхмерской части Компартии Индокитая резко ускорилось. Например, к декабрю 1950 г. этнических кхмеров — членов партии насчитывалось уже около 300, и они состояли в 27 армейских, 28 общинных и сельских ячейках, 4 ячейках на предприятиях и в одной городской в Пномпене[66].

В феврале 1951 г. на II съезде Компартии Индокитая было принято решение о разделении этой партии на три самостоятельные

коммунистические организации — вьетнамскую, лаосскую и камбоджийскую. В решениях этого съезда говорилось, что «в силу новых условий, сложившихся в Индокитае, в мире и во Вьетнаме, будет создана Партия трудящихся Вьетнама с политической программой и уставом, соответствующими конкретным условиям Вьетнама, а в Камбодже и Лаосе будут созданы соответствующие условиям этих стран революционные организации»[67].

Совершенно очевидно, что разделение КПИК в момент решительного перелома в освободительной антифранцузской войне было не более чем пропагандистским ходом вьетнамских коммунистов. Им надо было, с одной стороны, показать, что коммунистические организации Лаоса и Камбоджи достаточно сильны для самостоятельной борьбы за власть в своих странах, а с другой — опровергнуть широко распространившиеся толки о том, что в случае победы вьетнамские коммунисты создадут Индокитайскую федерацию, в которой Камбоджа и Лаос будут играть подчиненную и зависимую от Вьетнама роль. Но, как это часто бывает в истории, пропагандистское решение в конкретных условиях борьбы в Камбодже привело к гораздо более значительным последствиям, чем это предполагалось ранее.

Первое время вьетнамцы еще сохраняли полный контроль над своими кхмерскими собратьями и в июне 1951 г. под присмотром Фам Ван Ба — их специального представителя, находившегося в Пномпене якобы в качестве журналиста, прошел I съезд Народно-революционной партии Камбоджи, партии, возникшей на базе кхмерской секции Компартии Индокитая[68]. Уставные документы партии были написаны на вьетнамском языке и затем только переведены на кхмерский. В отличие от Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ), Народно-Революционная партия Камбоджи не упоминала в своем уставе ни Маркса, ни Ленина. Во временный Центральный Комитет НРПК вошло несколько вьетнамцев. Возглавили партию те же лица, что и руководили Кхмер Иссараком — Сон Нгок Минь стал председателем, а Ту Самут — генеральным секретарем[69].

В дальнейшем, однако, контроль со стороны ПТВ за положением дел в НРПК стал слабеть. Особенно это проявилось в такой ключевой для любой коммунистической организации сфере, как подбор и расстановка кадров. За короткое время в ряды коммунистов вступила целая группа молодых выпускников французских учебных заведений, которые и своим происхождением, и образованием, и кругозором, и стилем общения сильно отличались от действующих партийных кадров.

Эти люди не были связаны с Вьетнамом, не принимали участия в освободительной войне и даже не говорили по-вьетнамски, — на языке, который, судя по всему, был вторым, а по существу даже первым официальным языком НРПК. Такое послабление в вопросах отбора партийных кадров было сделано вьетнамцами в силу того, что они в это время считали НРПК «не авангардом рабочего класса, а авангардом нации, который объединяет все патриотические и прогрессивные элементы кхмерского населения»[70]. В августе 1953 г. в ряды партии вступил и Салотх Сар, который, по словам Фан Ван Ба, сказанным много позже, «был молодым человеком средних способностей, но с амбициями, жаждавший власти». Он был направлен в отдел массовой пропаганды, а позднее стал посещать школу подготовки партийных кадров[71].

В марте 1951 г. вьетнамские коммунисты организовали конференцию солидарности народов трех стран Индокитая. Проходила она с 3 по 11 марта 1951 г. в контролируемом коммунистами районе Северного Вьетнама, и в ней приняли участие представители Единых национальных фронтов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Любопытно, что проведение этой конференции совпало с вводом на территорию Камбоджи первых соединений вьетнамских коммунистов, бойцы которых именовались вьетнамскими народными добровольцами[72]. Цель их состояла в том, чтобы расширить вооруженную антифранцузскую борьбу на территории Камбоджи, оттянуть сюда французские силы, воевавшие во Вьетнаме. Не менее важным было и очевидное стремление закрепить за Кхмер Иссараком подконтрольные ему районы, поскольку королевская армия Камбоджи при содействии французской администрации существенно выросла и численно и качественно.

Однако для полной легитимности присутствия своих войск в Камбодже и Лаосе Вьетминю требовалось придать им законный статус. Эту задачу как раз и выполнила конференция солидарности народов трех стран, на которой было объявлено о решении создать союз народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Представители трех национальных фронтов создали постоянный комитет Единого фронта, который должен был координировать боевые действия во всех трех странах Индокитая. Манифест, принятый на конференции, провозглашал: «Солидарность народов трех стран Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, основанная на принципах равенства, добровольности, взаимопомощи и уважения друг друга, имеет целью разгром французских колонизаторов и американских интервентов, наказание марионеток — изменников

родины, достижение подлинной независимости для народов трех стран». В программном документе выражалась уверенность в «доведении войны сопротивления братских народов до скорой победы»[73].

Очевидно, что проект манифеста был подготовлен вьетнамскими коммунистами, и собственно кхмерские лидеры имели к нему лишь косвенное отношение. Интересен он тем, что ориентировал коммунистов на перерастание войны освободительной и антифранцузской в войну гражданскую против национальных предателей и изменников, которые пользуются поддержкой французских колонизаторов и американских интервентов. Для кхмерских коммунистов, которые до этого боролись за независимость страны против присутствия власти Франции, перенесение центра тяжести борьбы на завоевание власти стало новым элементом их программы. Под давлением вьетнамских соратников они все более позиционировали себя противниками короля и всего господствующего класса. Как показали дальнейшие события, это была ошибочная в целом политика, которая обернулась для них тяжелыми поражениями.

Нельзя не сказать и о том, что образование Единого фронта и введение на основании его решений в Камбоджу вьетнамских войск крайне отрицательно сказалось на имидже и положении кхмерских коммунистов. После того как вьетнамские солдаты и политические работники расположились в районах действия Кхмер Иссарака и начали набирать крестьян в подконтрольные себе части, иллюзии многих кхмеров, веривших в национальный характер Кхмер Иссарака, окончательно развеялись. Реальная жизнь словно подтверждала заявления Сианука о том, что Кхмер Иссарак создан вьетнамцами и им же служит. Очевидная опора Кхмер Иссарака на вьетнамцев привела к резкому ограничению его политических возможностей и фактическому удалению его из реального поля кхмерской политики. И хотя в 1951–1953 гг. войска Кхмер Иссарака совместно с вьетнамскими частями и добивались некоторых успехов (в провинции Кампот, на дороге № 13) и, по их собственным данным, контролировали около 2/3 территории страны, насчитывая 790 тыс. человек[74], в массовом сознании кхмерского населения они выступали уже не как национальная политическая сила, а как сила, подчиненная соседнему государству. Ситуацию не спасали их лозунги социальной справедливости, ликвидации ростовщиков и перекупщиков, что прежде вызывало к ним симпатии среди низов кхмерской деревни. Правда, надо учесть, что в начале 50-х годов беднейшие и безземельные крестьяне оставались

еще сравнительно политически инертными и слабо реагировали на призывы коммунистов к участию в вооруженной борьбе.

Достижение страной независимости под руководством Сианука еще более подорвало политические позиции и влияние кхмерских коммунистов. После 9 ноября 1953 г. расклад политических сил в стране изменился коренным образом. Нородом Сианук превратился в верховного национального лидера, «отца независимости», популярность и влияние которого были несопоставимы с авторитетом других политических деятелей и организаций. В новых условиях, когда власть перешла в руки собственно кхмерского правительства, коммунистам и их вьетнамским союзникам требовалось объяснить людям против кого и зачем они ведут свою вооруженную борьбу. Сделать это было очень трудно: цели национального освобождения от французской власти оказались исчерпанными, а задачи социальной и антимонархической революции под коммунистическими лозунгами были еще очень далеки от осознания их простыми кхмерами. Люди в реальности видели только то, что политическая организация, тесно связанная с вьетнамцами, открыто выступает против законной и легитимной королевской власти, которая только что добилась для страны независимости и обещает народу прочный мир и процветание. Даже те, кто симпатизировал Кхмер Иссараку, не могли не поддержать Сианука, когда он заявил, что «проблема достижения национального мира в стране — это для нас вопрос жизни и смерти, это то, о чем мы должны думать в первую очередь: любой ценой сохранять независимость, чтобы страна процветала и развивалась, чтобы народ снова жил в мире»[75].

Очевидный кризис в Кхмер Иссараке стал одной из главных причин, предопределивших ту легкость, с которой королевские войска разгромили силы Национального фронта в скоротечной гражданской войне 1953–1954 гг. Кхмерские крестьяне, мобилизованные в отряды Кхмер Иссарака для борьбы с французами, не выказывали никакого желания воевать с кхмерской национальной армией. Они полагали, что раз французы ушли и независимость завоевана, то и боевые действия должны быть прекращены. Поэтому многие рядовые бойцы стали покидать свои подразделения и возвращаться домой[76].

Другим несчастьем для Кхмер Иссарака стало то, что в критический момент борьбы за власть в Камбодже кхмерские коммунисты на короткое время остались без вьетнамской помощи, когда все имевшиеся силы вьетнамских коммунистов были брошены в Лаос под Дьенбьенфу, где происходило последнее и решающее сражение

Индокитайской войны. Воспользовавшись этим, королевские войска при участии французских военных советников стали наносить один за другим удары по районам дислокации частей коммунистов. Боевые отряды Кхмер Иссарака, ослабленные все возраставшим дезертирством, стали быстро распадаться, сдаваться в плен или отступать в горные и неприступные районы.

Наиболее крупная в это время операция под названием «Самакки» («Солидарность») была проведена в провинции Баттамбанг, где королевские войска под командованием самого Сианука и его заместителя, тогда еще малоизвестного полковника Лон Нола (будущего маршала и одного из лидеров переворота 1970 г.), внезапно атаковали несколько опорных баз Кхмер Иссарака. В операции принимали участие регулярные части королевской армии, численность которых достигала 4–5 тыс., французские офицеры, выполнявшие функции советников, а также королевское ополчение[77]. Большого сопротивления оказано им не было, хотя в этих районах Кхмер Иссарак господствовал чуть ли не с 1945 г. Руководитель провинциальной организации фронта попал в плен, сдались и многие его соратники и простые бойцы, после чего все районы важнейшей провинции на западе страны перешли под контроль королевского правительства.

В результате другой военной кампании в декабре 1953 г. правительственные войска захватили важные административные центры — Кратие и Ломпхат, а также обширные территории на северо-востоке и севере страны. Для того чтобы окончательно лишить отряды Иссарака связи со своими сторонниками в районах, попадавших под контроль королевского правительства, там немедленно вводилось военное положение, проводились массовые переселения крестьян в так называемые укрепленные деревни, где они жили под присмотром кхмерских военных. Таким путем обеспечивалась изоляция крестьян от остатков иссараковских сил, а те в свою очередь лишались возможности пополнить запасы продовольствия и набирать новых бойцов в свои поредевшие отряды. В провинции Такео, например, были переселены 282 тыс. жителей, в Кампонгчаме — 30–40 тыс., в Кампоте — также 30 тыс. Всего же с 1952 по 1954 гг. подверглось переселению из родных краев около одного млн. человек[78].

После таких тяжелых поражений, разгрома большинства опорных баз, потери налаженных каналов связи с местным населением Кхмер Иссарак даже с приходом новых вьетнамских подкреплений, которые были брошены на спасение кхмерских союзников весной 1954 г.,

оправиться уже не смог. Вьетнамцы атаковали кхмерскую армию в провинции Кратие и в других районах, в некоторых местах восстановили прежние зоны контроля коммунистов, однако переломить ситуацию в свою пользу они уже не смогли. Сианук немедленно обратился в ООН и обвинил вьетнамских коммунистов в агрессии против Камбоджи[79]. Для руководства ДРВ такое обращение было тем более неприятным, что в своей борьбе оно рассчитывало на симпатию и поддержку международной общественности. Демарш Сианука угрожал также срывом решающей для окончания Индокитайской войны Женевской конференции, на которой, как ожидали коммунисты, Франция объявит о своем уходе из Индокитая, а их власть в стране или, по крайней мере, на севере Вьетнама получит международное признание.

Ввиду всего этого вьетнамские части в Камбодже приостановили свои атаки и тем самым военная фаза конфликта в стране завершилась. В условиях необъявленного перемирия из отрядов Кхмер Иссарака продолжали уходить бойцы. Последние возвращались в свои села, поверив заявлениям Сианука, что в случае добровольной сдачи в плен и прекращения вооруженной борьбы они получат прощение и смогут вернуться к мирной жизни. Многие в иссараковском движении, как рассказывал мне Чан Вен, были обнадежены этим заверением кхмерского короля и решили сложить оружие[80].

Окончательно судьба Кхмер Иссарака была решена на Женевской мирной конференции, которая состоялась в апреле-июне 1954 г. Помимо министров иностранных дел СССР, Англии, КНР, США и Франции для участия в ней были приглашены представители вьетнамских коммунистов (Демократической Республики Вьетнам), делегация опиравшегося на Францию и США баодаевского Вьетнама, делегации королевских правительств Лаоса и Камбоджи. Незадолго до рассмотрения там индокитайского вопроса было опубликовано следующее заявление правительства Кхмер Иссарака: «Народ Кхмера и правительство приветствуют созыв Женевского совещания и, для того чтобы оно прошло успешно, правительство сопротивления Кхмера заявляет, что его официальная делегация должна участвовать в работе этого совещания»[81].

В ответ на это обращение представители королевского правительства в Женеве заявили, что Камбоджа уже добилась полной независимости от Франции, что положение в стране отличается от положения во Вьетнаме и Лаосе и для нее должно быть найдено особое решение. Всю проблему урегулирования они старались свести к необходимости

вывода с территории страны вьетнамских добровольцев, в чем их поддерживали и Франция и США. В результате острых дискуссий «предложение делегации ДРВ о том, чтобы представители лаосского и камбоджийского правительств сопротивления приняли участие в совещании на равных основаниях с другими участниками, поддержки на совещании не получило»[82].

На конференции было достигнуто соглашение о прекращении огня во Вьетнаме и на всем индокитайском театре военных действий, стороны договорились о выводе французских войск, о разделе Вьетнама по 17-й параллели между коммунистами на севере и опиравшимся на Францию и США режимом императора Бао Дая на юге. В Лаосе было решено создать для сил сопротивления зоны перегруппировки, включавшие две провинции Самнеа и Пхонгсали, примыкавшие на востоке к вьетнамской границе. Этот горный и труднодоступный район потом на долгие десятилетия станет опорной базой лаосских коммунистических повстанческих сил.

В Камбодже предусматривалась в 30-дневный срок демобилизация сил сопротивления без создания для них зон перегруппировки. Из-за того, что делегатов от кхмерских революционных сил в Женеву так и не пригласили и Камбоджу на этой конференции представляла только делегация королевского правительства, соглашение о прекращении боевых действий в Камбодже подписал заместитель министра национальной обороны ДРВ Та Куанг Быу, действовавший одновременно и от имени боевых частей вьетнамских добровольцев и от имени отрядов Кхмер Иссарака. Со стороны королевского правительства соглашение было подписано министром обороны генералом Неак Тиулонгом. В соответствии с ним с 7 августа 1954 г. военные действия в Камбодже полностью прекращались на всей территории страны. Предусматривалось, что в течение 90 дней все иностранные войска (т. е. вьетнамские добровольцы) будут выведены с территории Камбоджи[83].

Контроль за выполнением положений и условий соглашения по Камбодже возлагался на международную контрольную комиссию (МКК), в состав которой вошли представители Индии, Канады и Польши. Для содействия выполнению Женевских соглашений была образована смешанная кхмерско-вьетнамская комиссия под наблюдением МКК, призванная облегчить задачу вывода вьетнамских войск. Председателем комиссии стал близкий в то время к Сианук полковник Лон Нол, а вьетнамскую сторону возглавил уже упомянутый выше

Нгуен Тань Шон, много лет отвечавший в Компартии Индокитая за развитие революционного движения в Камбодже. Выбор именно на него пал, по всей видимости, потому, что он долгое время был связан с руководством кхмерских коммунистов и скорее мог убедить их в необходимости сложить оружие. В течение августа-сентября 1954 г. вооруженные отряды Кхмер Иссарака были демобилизованы. 12 октября 1954 г. кхмерский король объявил амнистию всем бывшим участникам движения сопротивления[84] и тем самым как бы подвел черту и под длительной войной Кхмер Иссарака за независимость и под короткой войной за власть в стране. События в это время развивались стремительно, и уже 18 октября 1954 г. эвакуация частей вьетнамских добровольцев из Камбоджи завершилась. Королевская армия заняла все районы, которые находились под контролем Кхмер Иссарака, и вернула их под власть Сианука[85].

Все эти события означали катастрофическое поражение сил кхмерского сопротивления. Капитуляция Кхмер Иссарака, ликвидация правительства фронта и его руководящих органов означала фактически и капитуляцию кхмерских коммунистов. Их организационные структуры были подорваны, партия, в рядах которой насчитывалось к 1954 г. 1800 членов, объединенных в 165 первичных ячеек[86], обладавшая боевыми отрядами, опорными базами, управлявшая целыми районами, быстро превратилась в полуподпольную политическую группу, члены которой оказались под неусыпным контролем правительства. Перед кхмерскими коммунистами в этот момент встал сложный выбор — либо остаться в стране и продолжить борьбу в новых условиях, либо покинуть Камбоджу вместе с частями вьетнамских добровольцев. Решено было сделать и то и другое. В краткой истории НРПК образца 1984 г. отмечалось, что «партия направила на учебу в Северный Вьетнам более 1 тыс. кадровых работников, из которых 190 были членами партии. Большинство же партийных организаций перешли в это время на нелегальное положение, некоторые на легальную работу и создали политическую группу “Прачеачун” (“Народ”), которую возглавил Кео Миа»[87].

Эти сухие данные не могут скрыть истинной трагедии коммунистического движения в стране. Все высшее партийное руководство эмигрировало во Вьетнам вместе с Сон Нгок Минем, Ту Самутом (он позже, правда, вернулся в страну), так же как и некоторые деятели среднего звена, а оставшиеся без руководящих указаний активисты либо отошли от партии, либо перешли на сторону правительства.

Большинство первичных организаций самораспустились или просто прекратили свою деятельность. Военные базы и лагеря были брошены, боевые отряды перестали существовать, а их рядовые участники возвращались в свои деревни под надзор полиции как потенциальные преступники и враги государства, на которых стояла печать участия в Иссараке и связей с коммунистами. И хотя Сианук обязался уважать права бывших участников сопротивления и не преследовать их, многие были подвергнуты жестоким репрессиям. Их поставили под постоянное наблюдение органов безопасности, арестовывали под различными предлогами, отдавали под суд и заточали в тюрьмы. За короткое время коммунисты как крупная политическая сила, оспаривавшая у Сианука лидерство в борьбе за независимость и власть, перестала существовать. Впоследствии новые партийные структуры пришлось создавать заново уже в других условиях, другими людьми и на другой почве.

После исчезновения с политической арены Кхмер Иссарака и ухода вьетнамских войск в Камбодже сложилась новая политическая конфигурация. Противники короля в лице Демократической партии (легальная оппозиция) и в лице Национального фронта Кхмер Иссарак и Народно-революционной партии (нелегальная оппозиция) оказались в состоянии распада и разложения. Это стало одной из причин, почему политический режим в стране быстро приобрел черты авторитарного, в котором власть концентрировалась в руках Нородома Сианука — «отца независимости и национального героя» (это звание король присвоил себе собственным указом 7 ноября 1953 г.). С момента получения независимости и разгрома Иссарака он начинает господствовать на политической арене страны, выстраивая режим единоличной власти, который просуществовал вплоть до марта 1970 г.

3. Некоторые аспекты экономического положения в стране

Вторая мировая война и последующие события, связанные с вооруженными действиями на камбоджийской территории, оказали самое негативное влияние на экономическое развитие страны, где за относительно короткое время (1941–1950 гг.) объем сельскохозяйственного производства уменьшился на 20–30 %[88]. Это падение усугублялось еще и введенной в 1947 г. системой реквизиции сельскохозяйственной продукции для нужд французского экспедиционного корпуса в Индокитае.

Не менее жестким ударом по экономике стала политика искусственного снижения курса индокитайского пиастра по отношению к французскому франку, что вызвало резкое падение цен на сельскохозяйственное сырье из Индокитая. Соответственно и доходы от экспорта риса и других культур заметно снизились, поскольку тысячи тонн сельскохозяйственной продукции из Камбоджи отправлялись на экспорт фактически за бесценок.

Сложная финансовая ситуация, военные действия внутри страны не могли не сказаться и на положении Камбоджи в системе мировой торговли продуктами сельского хозяйства. Страна потеряла традиционный рынок потребителей красной кукурузы. С 1941 по 1952 г. производство и вывоз этого товара сократились в три раза[89], причем больше всего пострадали от этого ориентированные на рынок товарные хозяйства, расположенные на плодородных землях чамкар вдоль Меконга. На больших площадях крестьяне были вынуждены вернуться к рисоводству, доходы от которого были существенно ниже, чем от экспорта красной кукурузы. Вместо заботы о росте товарности своих хозяйств, крестьяне возвращались к самообеспечению рисом, а отношения натурального обмена в деревне стали заметно расширяться.

От военных действий сильно пострадала аграрная инфраструктура: были разрушены сотни населенных пунктов, выведены из строя ирригационные каналы и плотины, заброшены тысячи гектаров пахотных полей, уничтожены мосты и паромные переправы. Целые районы пришли в запустение. Во многих провинциях положение усугублялось еще и тем, что из-за войны с Кхмер Иссараком и его вьетнамскими союзниками королевское правительство, как уже говорилось выше, проводило политику так называемой «перегруппировки сельского населения». На практике это оборачивалось насильственным переселением крестьян из разбросанных дисперсно небольших поселков и хуторов в крупные населенные пункты. В результате этих крупномасштабных мер были уничтожены почти все появившиеся в конце 30-х годов хутора, т. е. наиболее ориентированные на рынок крестьянские хозяйства. А хутора, не затронутые «перегруппировкой», были уничтожены коммунистическими отрядами, которые последовательно выступали против частного крестьянского хозяйствования.

Ликвидация хуторской и полухуторской системы хозяйства, вызванная массовыми переселениями, проходила одновременно с нарастанием другой социальной проблемы — увеличения числа безземельных крестьян. В конце 40-х — начале 50-х годов этот процесс

еще не принял массового характера, не затрагивал всю страну, а проявлялся лишь в наиболее плодородных и освоенных районах. Так, по данным 1948–49 гг., в провинции Баттамбанг в кхуме Каук Кхмум безземельные крестьяне, ставшие арендаторами, составили 48% общего числа земельных собственников этого района, а в провинции Свайриенг в кхуме Чамбак — 47%[90]. Высокий процент безземельных был отмечен и на землях чамкар, где отношения аренды всегда были особенно развиты. В отдельных кхумах провинций Кандал и Такео прослойка безземельных достигала 20% общего числа крестьян[91]. В менее развитых районах безземельных было гораздо меньше, по данным Дельвера — не более 10%[92].

Наряду с разорением части крестьян постепенно наблюдалась концентрация собственности в руках других владельцев. Этот процесс объяснялся очевидным ослаблением контроля со стороны администрации протектората над земельными отношениями. Крупные земельные владения появлялись не по всей Камбодже, а в основном на наиболее богатых землях чамкар. Эти земли не входили в состав концессионного фонда и поэтому передавались частным лицам небольшими участками до 5 га. Такое ограничение, однако, не помешало появлению в этих районах прослойки средних землевладельцев. По свидетельству Дельвера, к концу 40-х годов только в двух уездах провинции Кандал, где были земли чамкар, насчитывалось 164 хозяйства размером свыше 10 га[93]. По мнению Г. Сочевко, появление таких хозяйств «служило косвенным подтверждением экспроприации крестьянских земель в районах товарного производства сельскохозяйственных культур»[94].

В то же время распространения крупных земельных владений за пределы земель чамкар ни в это время, ни позже почти не отмечалось. По данным камбоджийского кадастра, в 1956 г. крупные и средние помещики составляли всего один процент от общего числа земельных собственников. Это были около 1200 владельцев крупных латифундий (хозяйства свыше 20 га) и более 9 тыс. хозяев средних поместий площадью 10–20 га[95]. Причина сравнительно небольшой численности этих социальных групп состояла в том, что в условиях Камбоджи крупные рисопроизводящие хозяйства на низких и особенно на высоких землях были нерентабельны, поэтому на этих землях, разделенных невысокими насыпями на мелкие чеки, преобладали небольшие крестьянские хозяйства.

В целом данные обследования, проведенного в 1956 г., показывают, что по сравнению с 1930 г. соотношение между различными

категориями земельных собственников изменилось мало. Из 727 тыс. собственников земли в центральных провинциях Камбоджи 402 тыс. (55%) владели участками менее 1 га, 183 тыс. (25%) — 1–2 га, 90 тыс. (12%) — от 2 до 5 га, 48 тыс. (7%) — от 5 до 10 га[96]. Как мы видим, в центральных провинциях Камбоджи 92% всех крестьянских хозяйств владели наделами от 1 до 5 га. Это число вполне коррелируется с 99 и 96,8% подобных же владений, зафиксированных соответственно в провинциях Кандал и Кампонгчам в 1930 г.[97] В сводных данных 1956 г. к центральным провинциям были отнесены еще и Перейвенг и Свайриенг, где в 1930 г. число хозяйств с наделом до 5 га составляло соответственно 87 и 80,3%[98].

Таким образом, к моменту достижения страной независимости в центральных районах Камбоджи абсолютно преобладало среднее и мелкое крестьянское хозяйство. Бедные и безземельные крестьяне хотя и составляли существенную долю, особенно на землях чамкар в долине Меконга, однако в целом по стране они были не слишком многочисленны. Также относительно невелика была и прослойка крупных и средних земельных собственников.

Такой социальный расклад свидетельствовал об определенной устойчивости существовавшей экономической системы, хотя такие ее черты, как несправедливое распределение прибавочного продукта, зависимость крестьян от ростовщиков и перекупщиков, низкая производительность крестьянского труда, крайне низкий уровень жизни, — вызывали необходимость осуществления кардинальных экономических решений. После 1953 г. ответственность за их принятие стали нести национальные правительства независимой Камбоджи.

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАМБОДЖИ 1953–1970 гг.

1. Стремление Нородома Сианука к установлению режима единоличной власти

После завоевания независимости борьба за власть в Пномпене еще более обострилась, особенно между королем Нородомом Сианук и Демократической партией. По существу, это была борьба двух тенденций в политической жизни — авторитарной и демократической. Король после своего триумфа рассчитывал получить неограниченную власть, а демократы всячески старались ему в этом помешать и по возможности вернуть себе былое влияние. Правительственные кризисы, скандалы и взаимные обвинения и как результат политическая нестабильность характеризовали первый год политической жизни государства.

Первое правительство независимой Камбоджи смогло продержаться у власти немногим более четырех месяцев. В апреле 1954 г. было сформировано новое правительство во главе с королем. Оно правило страной рекордно короткий срок — 10 дней. Затем за 8 месяцев — с апреля 1954 по январь 1955 г. — сменилось еще 4 коалиционных правительства. Вопросами экономического развития все они занимались мало, в основном действовали в личных, клановых и партийных интересах своих лидеров. Политические партии в Национальном собрании никак не могли договориться и проводить согласованную политику в пользу большинства населения — бесконечные споры и отсутствие реального дела показывали их несостоятельность. Такое положение вполне устраивало Сианука, поскольку подрывалось доверие людей к дееспособности многопартийной системы и к самим партиям как выразителям воли народа. На фоне политического разброда и взаимных обвинений политиков в коррупции, надежды камбоджийцев на стабильность и порядок все более связывались с именем Нородома Сианука, авторитет которого после «крестового похода за независимость» был очень высок. В свою очередь, Сианук, стремившийся

воспользоваться этим авторитетом для достижения единоличной власти, возможности лично управлять Камбоджей, искал пути для реализации своих планов.

В январе 1955 г. он начинает сложную политическую комбинацию, смысл которой состоял в том, чтобы перестроить политическую систему страны из многопартийной в однопартийную и превратиться в полновластного правителя Камбоджи. Он формирует новое правительство, в которое включает представителей всех партий, кроме демократов и появившейся на руинах Кхмер Иссарака прокоммунистической «Прачеачун». Тем самым монарх как бы указал на своих союзников и противников. Следующим шагом стало проведение 7 февраля 1954 г. референдума по итогам «крестового похода за независимость». По мнению вьетнамских коммунистов, это был «зондаж настроений масс накануне выборов, в пользе которых для себя правящая элита теряла прежнюю уверенность»[1]. Граждане должны были ответить на вопрос, удовлетворили ли их итоги королевской миссии. Голосование белым бюллетенем означало положительный ответ, черным — отрицательный. К участию в референдуме были допущены 70 тыс. монахов и 30 тыс. военных. Голосование проходило открыто, и те, кто был против короля, сильно рисковали, так как должны были в присутствии других людей выбросить бюллетень с изображением Сианука, тем самым нанося как бы оскорбление монарху, а по камбоджийским законам это могло послужить основанием для ареста[2]. Результаты референдума были вполне ожидаемы — за короля было подано 925 тыс. бюллетеней, т. е. 99,8%, против — 1,8 тыс. Больше всего черных бюллетеней — 1,2 тыс. — было опущено в избирательные урны жителями провинции Кампот: свыше 250 человек голосовали против короля в провинции Кампонгспы и около 200 — в провинции Прейвенг[3].

На самом деле поддержка короля не была столь очевидной. Рассчитанный на проведение за один день — 7 февраля референдум затянулся на три дня, «так как население не обнаруживало энтузиазма»[4]. Однако монарх объявил о полном успехе референдума, о поддержке народом его политического курса. Далее Сианук решил оформить установление своей единоличной власти в рамках предложенной им административной реформы. Он обнародовал довольно радикальные предложения, смысл которых заключался в том, чтобы перейти от парламентской системы к просвещенному авторитаризму, при котором монарх, т. е. он сам, становился непререкаемым средоточием власти.

Эти предложения были оглашены во время выступления короля перед правительством, членами МКК и дипломатического корпуса, которое состоялось через 12 дней после референдума — 19 февраля 1955 г. Свой доклад, подготовленный его ближайшими соратниками — Сам Сари и Йем Самбуром, король назвал проектом конституционной реформы, означавшей переход от «режима партий» к «демократии понятной для народа»[5].

Суть этой «демократии понятной для народа» сводилась к тому, чтобы внести изменения в закон о выборах: депутатов в Национальное собрание избирать не прямым голосованием, а через выборщиков, которые, в свою очередь, избирались бы из депутатов местных провинциальных собраний жителями низшей административной единицы — кхума. Депутат, избранный в провинциальное собрание, автоматически занимал бы пост мекхума (главы кхума)[6], что позволяло бы ему поддерживать тесный контакт с населением и быть хорошо осведомленным о положении дел в своем избирательном округе.

Сианук собирался превратить Национальное собрание в своего рода коллегию преданных ему глав местных администраций, а не в представительство политических партий, а выборы в Национальное собрание проводить на беспартийной основе. Кроме того, король предложил ввести для кандидатов в депутаты трехлетний ценз оседлости. В связи с этим, по сообщению радио Франс-Ази, королевское правительство заявило, «что бывшие мятежники, а также лица, не проживавшие на одном месте в течение трех лет, не могут участвовать в выборах»[7]. Реализация этого предложения фактически лишила бы как некоторых столичных политиков из числа членов Демократической партии, так и коммунистов — бывших участников Кхмер Иссарака активного избирательного права. Это было прямым нарушением Женевских соглашений.

План другого радикального нововведения состоял в том, чтобы превратить Национальное собрание в двухпалатный орган с высшей палатой — консультативной, в которую вошли бы люди, постоянно занимающиеся политикой, которых назначал бы сам король[8]. Кроме того, предлагалось лишить Национальное собрание права роспуска правительства, которое было бы ответственным только перед королем.

Конечным итогом в реализации всех этих предложений стало бы низведение Национального собрания — по конституции высшего органа власти в стране — до уровня консультативного совета при

короле, положение которого в системе государственной власти становилось доминирующим. Для того чтобы обеспечить легитимность перехода власти в свои руки, Сианук предложил вынести обсуждение проекта конституции на новый референдум и провести его еще до всеобщих выборов.

Однозначно оценить мотивы действий кхмерского монарха и сегодня, спустя полвека, довольно сложно. С одной стороны, налицо его откровенное стремление к самовластию, желание контролировать все сферы жизни страны. С другой — он был движим, по крайней мере в то время, мессианской идеей своего предназначения как спасителя страны. Считая себя своего рода сакральным выразителем чаяний большинства кхмеров, он думал, что лучше других знает, чего они хотят и как этого добиться. По наблюдению Ж. Бриссе, «он был абсолютно предан неблагодарной задаче вывести свою страну и свой народ из векового оцепенения и заставить их плавно, без резких изменений войти в современный ему мир»[9].

Однако реализовать свои замыслы через укрепление королевской власти, превращение монарха в реального правителя страны ему не удалось. Разочарование ожидало его сразу же после объявления плана конституционной реформы. Все его предложения натолкнулись на резкий протест со стороны партий, демократической общественности, а также части придворных кругов, не возражавших против расширения полномочий монархии, но не желавших установления власти лично Сианука. Осознав, что одним ударом установить в стране режим личной власти не удастся, и обнаружив довольно сильную оппозицию своим планам, король был вынужден от них отказаться, тем более что члены МКК, а именно представители Польши, выразили протест Сиануку по поводу его намерения изменить избирательный закон в целях дискриминации бывших участников движения сопротивления. 28 февраля 1955 г. премьер-министр Камбоджи официально объявил, что предстоящие выборы состоятся на основе демократической конституции 1947 г.[10]

Очевидное политическое поражение не остановило кхмерского короля. Стать абсолютным монархом путем изменения конституции он не смог, поэтому выбрал иной путь к своей цели — решил стать авторитарным правителем за фасадом демократических форм власти. Для достижения этого он предпринял на первый взгляд довольно неожиданный, а в действительности тщательно продуманный шаг. 2 марта 1955 г. по радио было передано заявление короля об отречении

от престола в пользу своего отца Нородома Суримарита. «Если я останусь на троне, запертым в своем дворце, — говорилось в обращении Сианука к народу, — то я не смогу иметь точного представления ни о положении народа, ни о тех нарушениях, жертвой которых он является...»[11]. Сианук заявил, что этим шагом он хотел развязать себе руки для участия в политической жизни страны в качестве «простого гражданина»[12].

Все эти утверждения были и очередной политической уловкой в борьбе за неограниченную власть, и отражением его веры в свою исключительную, мессианскую роль в жизни страны. Он стремился к полновластию, искренне уверенный в том, что лучше всех знает, как распорядиться им на благо Камбоджи. Оставаясь королем, он был ограничен конституцией и парламентом и не мог ни править единовластно, ни реализовать свои планы относительно ее будущего. Отречение от престола открывало возможность активного участия в политической борьбе. Сианук прекрасно понимал, что, отрекшись от королевской власти, «в глазах народа он не перестанет оставаться монархом»[13], поэтому как политик всегда будет иметь преимущество перед своими оппонентами. Он решил превратить себя в демократического монарха, лидера страны, власть которому принадлежит не по праву наследования, а по праву доверия народа.

Следующим шагом Нородома Сианука стало объявление об образовании новой политической организации — Народно-социалистического сообщества, Сангкума, который должен был стать политическим фундаментом власти бывшего монарха и единственной в стране и господствующей политической силой. В уставе этой организации говорилось, что ее цель — «сформировать кадры добровольцев для общего дела ... чтобы осуществить союз всех кхмеров, нарушенный существованием политических партий, чтобы установить в стране действительно социалистическую демократию и равенство, а также возродить родину с учетом ее великого прошлого»[14]. Сообщество, говорилось в этом документе, ставит своей задачей возрождение страны на принципах «преданности триаде — нации, религии, королю». Оно стремится «поднять уровень жизни народа, осуществить социальный, экономический и культурный прогресс ... оно защищает национальное единство, возвращает к прекрасным традициям, которые составляли величие родины в ее славном прошлом, в тесном единении с двумя ее естественными защитниками — религией и троном»[15]. В уставе Сангкума отмечались следующие главные

условия членства в этой организации: не входить ни в какую другую политическую партию, быть готовым посвятить все силы осуществлению целей движения, а также быть бескорыстным, дисциплинированным и преданным народу[16]. Сианук в своих выступлениях не раз перечислял те позитивные изменения в жизни страны, к которым, по его мнению, привело образование Сангкума, как то: сплочение нации; укрепление патриотизма и верности традициям; борьба против несправедливости и коррупции; развитие демократии для народа, но, что самое главное, — отказ от многопартийной системы, этой основной причины политической нестабильности[17].

Все эти утверждения реальности соответствовали мало. На самом деле учреждение новой организации преследовало одну цель: разрушить существующее политическое пространство и обеспечить единоличную власть Сианука. Включив в Сангкум существующие в стране партии, он полагал, что таким путем сможет ликвидировать многопартийную систему, а сам как бы возвысится над партиями и их политическими лидерами. Расчет при этом делался на веками существовавшую в Камбодже идеологию сакрально неразрывной связи «король — массы». В рамках этой идеологии король рассматривался как носитель божественной силы, как верховный защитник интересов простых крестьян, связанный с ними незримыми узами. Модернизация этой политической традиции заключалась лишь в том, что вместо единения «король — массы» предлагалось «вождь — массы», и при этом устранялись все промежуточные звенья между этими двумя полюсами в виде партий и Национального собрания. Сангкум рассматривался как механизм для непосредственного участия населения в политической жизни страны, что позволяло Сианук при необходимости использовать свой неоспоримый авторитет у населения.

То, что все действия и заявления Сианука в то время были нацелены на достижение режима личной власти, понимали многие политики в Камбодже, в том числе и люди из его ближайшего окружения. Например, бывший премьер-министр Камбоджи Кхим Тит в беседе с послом СССР в Пномпене назвал Сангкум «слепым орудием Сианука, предназначенным для укрепления его личной власти»[18]. Он добавил также, что Камбоджа — не конституционная монархия, а страна, где установлена абсолютная диктатура[19].

Без сомнения, слова Кхим Тита соответствовали складывавшейся политической реальности. Но в то же время, анализируя выступления Сианука и его действия, особенно на международной арене (участие

в 1955 г. в Бандунгской конференции, где было положено начало Движению неприсоединения), возникает ощущение, что при всех тщательно продуманных комбинациях в борьбе за личную власть он сохранял некоторый политический идеализм — реальную веру в свою избранность, в свою миссию объединить нацию и построить справедливую и стабильную Камбоджу. Позже этот идеализм исчезнет, уступив место голому расчету, но на первых порах — в 50-е годы в меру своих возможностей он стремился создать условия для реализации этих целей, полагая, что преданность монархии и религии должны стать основой идеологии кхмерского общества. Следует заметить, что сама триада «нация — религия — трон», которая легла в основу идеологии Сангкума, была заимствована им у его политических соперников — демократов, которые в обновленном уставе своей партии, принятом на съезде в январе 1955 г., указывали, что цель партии — «служение нации — религии — трону в духе уважения Конституции»[20].

Провозглашая такие цели, Демократическая партия фактически выходила на то же электоральное поле, что и Сианук, что заранее предопределяло ее политическое поражение. И дело даже не в том, что «скрытый» монарх обладал даром выражать те же идеи на простом и понятном народу языке, а в том, что эта партия все более теряла свою идентичность как организация республиканского толка, выступающая за введение в Камбодже многопартийности и демократии по американскому образцу. Из сторонницы модернизации и свободного рынка эта партия за десять лет превратилась в традиционалистскую организацию, разногласия с правителем которой носили не столько принципиальный, сколько личный характер, что, конечно, не могло укрыться от многих кхмеров, которые постепенно утрачивали к Демократической партии былое доверие.

С момента создания Сангкума численность его сторонников росла очень быстро. К организации присоединились приверженцы Сианука из дворцовой аристократии и несколько мелких политических партий, шансы которых на предстоящих выборах были практически равны нулю и которые желали получить свою «порцию» власти в обмен на лояльность. Так, в апреле распались партии Национально-демократическая, победоносного Северо-Востока, в мае — Партия кхмерского обновления, в июне — Народная[21]. Некоторые авторитетные деятели Демократической партии — Сим Вар, Сон Санн, Пен Нут покинули ее и вошли в Сангкум. Бывший лидер Либеральной

партии принц Нориндет присоединился к Сангкуму, но в целом эта организация отказалась войти в сообщество[22].

В результате всех перемен на политическом поле стал доминировать новосозданный Сангкум, быстро превратившийся в партию кхмерского чиновничества. Бюрократия в центре и на местах увидела в Сангкуме новую партию власти и активно стала в нее внедряться. Администраторы в провинциях и уездах вступали в Сангкум и формировали там местные комитеты партии, которые сами и возглавляли. Как правило, представитель администрации становился и председателем отделения Сангкума в своем районе. «Если выбор данной кандидатуры и делался без особых раздумий, — писал известный французский исследователь этого периода истории Камбоджи Ф. Прешец, — то по крайней мере с твердой уверенностью, что боязнь наказания будет достаточной, чтобы обеспечить лояльность с его стороны»[23]. Таким путем с первых дней существования народно-социалистического сообщества происходило сращивание государственного аппарата с партийным.

Кроме бюрократии в социальное ядро Сангкума вошло и крестьянство, для которого Сианук оставался символом монархии и единства нации. В этой связи, вполне справедливо замечание Н. Н. Бектемировой о том, что «вступление в сообщество означало не столько то, что камбоджиец отдает предпочтение именно этой политической организации, сколько являлось выражением симпатии к ее руководителю ... и что участие традиционалистски настроенных крестьян в Сангкуме базировалось главным образом на персональной приверженности Сиануку»[24]. По мнению Г. Гура, первая волна вступления в Сангкум была выражением доверия к главе организации. «Несомненно, что успех Сангкума — был успехом Сианука и монархической традиции»[25].

По уставу Народно-социалистическое сообщество возглавлял ежегодно избираемый Центральный комитет из 16 человек. Председателем его был сам Сианук, генеральным секретарем стал перешедший из Демократической партии на сторону бывшего монарха ветеран «Нагараватты» и один из самых авторитетных и популярных национальных политиков Сим Вар. Такая связка должна была, по мысли Сианука, демонстрировать национальное примирение наиболее последовательных и, казалось, непримиримых противников. Во всех провинциях в это время создавались отделения Сангкума, куда вливалось все провинциальное чиновничество. То же самое происходило и на более низком административном уровне — в сроках и кхумах.

В соответствии с уставом Сангкума не менее одного раза в год должен был собираться общенациональный съезд. Впервые он состоялся 13 июня 1955 г. незадолго до всеобщих выборов в Национальное собрание[26]. На эти выборы Сангкум пошел с политической программой, обещавшей стабильность, развитие экономики и рост уровня жизни, призывавшей к объединению народа вокруг трона и буддийской религии. Бывший король, а ныне лидер Сангкума обещал предпринять коренное оздоровление госаппарата, обеспечить «социальную справедливость», «оказать помощь бедным»[27]. Для пропаганды основных положений этой программы были пущены в ход контролируемые государством средства массовой информации. Делалось все, чтобы затруднить политическим соперникам их предвыборную кампанию. По сообщениям сотрудников Международной контрольной комиссии (МКК), члены Сангкума срывали митинги Демократической партии, а полиция никак им в этом не препятствовала[28]. Были также попытки запретить партии «Прачеачун» выставлять своих кандидатов — ее члены только после вмешательства представителей МКК были допущены к выборам[29]. Однако давление на бывших коммунистов не ослабевало, и их печатный орган газета «Прачеачун» все время оказывался под угрозой закрытия. Первый номер этой газеты вышел 1 апреля 1955 г., после 19 номера она была запрещена властями до 10 июня. После 24 июня правительство временно разрешило выпуск газеты, но после 39 номеров снова запретило ее — до 25 октября.

Таким образом, фактически весь предвыборный период бывшие коммунисты были лишены своего печатного органа и, соответственно, предельно ограничены в средствах агитации. То же можно было отнести и к печатным органам Демократической партии. У них тоже власти при первой возможности закрывали газеты и прочие издания. Бен Кьернан отмечал, что в руках Сангкума была вся администрация и он пользовался этим в полной мере»[30]. Был запрещен выход наиболее популярных оппозиционных газет, в адрес которых правительство выдвигало подчас абсурдные обвинения. Одну из них, например, закрыли только за то, что в ней утверждалось, что своей независимостью Камбоджа обязана усилиям всего народа. Это, по мнению властей, преуменьшало роль короля, искажало реальную историю. Другую газету закрыли за то, что она указала на «империалистическую суть» американской помощи Камбодже. По мнению властей, это не соответствовало действительности[31].

Во время избирательной кампании арестовали Кенг Вансака, кандидата от Демократической партии — заместителя ее генерального секретаря[32]. Был убит кандидат партии «Прачеачун» Суон Сенг, который должен был баллотироваться от провинции Баттамбанг и имел там неплохие шансы на успех[33]. Более того, давление оказывалось даже на тех, кто формально не принадлежал к оппозиционным силам, а просто выражал им сочувствие. Накануне выборов группа кхмерских студентов, обучавшихся в Париже, провела конференцию, на которой выразила поддержку оппозиции. В результате 11 студентов были лишены стипендий для продолжения обучения[34].

Всеобщие выборы состоялись 11 сентября 1955 г. В них приняли участие 7 партий, а в голосовании участвовало 75% избирателей — 761,9 тыс. человек. Сангкум завоевал 83% голосов (630,6 тыс.) и получил все места в Национальном собрании. Демократическая партия набрала 12% голосов (93,9 тыс.), а «Прачеачун» — 4% (29,5 тыс.). Остальные партии собрали лишь 1% голосов. В 25 избирательных округах оппозиция получила 25% голосов[35].

Главным результатом прошедших в сентябре 1955 г. выборов стала смена политической парадигмы развития страны — состоялся переход от многопартийной системы к режиму личной власти. Это произошло в условиях, когда подготовка к народному волеизъявлению и его процедура были далеки от демократических норм и сильно отличались от предыдущих выборов, на которых доминировали демократы. Есть масса свидетельств злоупотреблений на выборах: «Деревенским жителям угрожали наказанием, вплоть до смертной казни, если они не будут голосовать за Сангкум, население принуждали брать сангкумовские бюллетени, а крестьянам говорили, что в случае, если кто-то проголосует за другую партию, то подвергнется наказанию. Их заставляли давать клятву, что они будут голосовать за Сангкум, после чего уже те не решались поступать иначе»[36].

Все эти нарушения не были учтены избирательной комиссией, а в распространении слухов о подтасовках обвинили тех, кто сочувствовал демократам и стремился таким образом объяснить их крушение. В то же время нельзя не учитывать и того, что и без нарушений окончательный результат вряд ли сильно отличался бы от опубликованных цифр. Сангкум и его лидер Сианук находились в то время на вершине популярности, и многие кхмеры связывали свои надежды с ними.

Победа на выборах закрепила положение Сангкума как главной политической силы страны. После объявления результатов голосования

новая волна служащих госаппарата хлынула в Сангкум, в том числе и многие члены Демократической партии, занимавшие различные посты в административных структурах, которые стремились сохранить свои места и понимали, что смогут сделать это, только вступив в Сангкум. В Народно-социалистическое сообщество вошли и многие представители кхмерской интеллигенции, ранее симпатизировавшие демократам. Они прекрасно понимали, что субсидии на развитие культуры получат только те, кто участвует в Сангкуме и поддерживает Сианука. После успеха на выборах к победителям присоединились многие предприниматели из числа сино-кхмеров — традиционно влиятельной в Камбодже этнической и социальной группы, состоявшей из потомков смешанных кхмерско-китайских семей. В поддержку Сангкума выступила и часть кхмерско-китайских предпринимателей и землевладельцев, которые быстро поняли, какая политическая сила будет решать их вопросы в предстоящее время. Практически все мелкие политические организации заявили о своем самороспуске и присоединении к новой партии власти.

В состав Сангкума вошли и некоторые члены группы «Прачеачун», получившие от своих партийных лидеров задание участвовать в работе господствующей проправительственной организации и сформировать в ней левое крыло. Этот политический шаг был предпринят по инициативе вьетнамских товарищей, которые порекомендовали кхмерским коммунистам «послать своих людей как в Демократическую партию, так и в Сангкум с целью мобилизации их членов к созданию Единого антиамериканского фронта»[37]. По словам Чан Вена, это были преимущественно молодые и малоизвестные люди, которые тайно продолжали оставаться в рядах НРПК. Официально они действовали как члены правящей партии и должны были использовать легальную трибуну для работы с населением, а также по мере возможности оказывать влияние на политический курс руководства Сангкума. Оставаться далее в легальной организации коммунистов — партии «Прачеачун» — было признано для них нецелесообразным, поскольку руководство партии убедилось в том, что Сианук не позволит членам «Прачеачун» активно заниматься политической деятельностью. Действуя только в рамках «Прачеачун», сказал Чан Вен, представители левых сил имели бы ограниченные возможности для работы с массами[38].

После успеха Сангкума на выборах Сианук мог праздновать победу. Он, казалось, добился своей цели, однако хотел большего, — он стремился стать не просто лидером сильнейшей партии, но и лидером

всего народа, имеющим возможность прямо обращаться к нему в обход всей административно-бюрократической и политической верхушки. Для этого он образовал внеконституционный орган, который, по его мысли, должен был стать дополнительной опорой режима личной власти. Так на свет появился Национальный конгресс Сангкума — новый политический институт, который должен был созываться два раза в год для обсуждения важнейших вопросов внутренней и внешней политики. В заседаниях Национального конгресса могли участвовать не только делегаты от местных комитетов сообщества, но и представители оппозиционных партий, а также все камбоджийские граждане, желавшие высказать свое мнение по тому или иному вопросу. Количество участников конгресса, как правило, достигало нескольких тысяч, и все это напоминало большое театрализованное шоу, в котором Сианук выступал как главный режиссер.

По указанию принца дни работы конгресса объявлялись в стране выходными[39]. Руководил работой конгресса всегда сам Сианук, который каждый раз при открытии торжественно объявлял, что доступ на его трибуну открыт для любого гражданина страны. Тем самым он создавал иллюзию участия народных масс в выработке политических решений, хотя на самом деле большинство выступлений простых кхмерских тружеников с мест были хорошо подготовлены и отрежиссированы. Национальные конгрессы оказались очень эффективны с точки зрения укрепления личной власти Сианука, к их поддержке он прибегал в самых сложных для себя ситуациях.

Вскоре после победных для Сангкума выборов выяснилась полная неспособность Народно-социалистического сообщества обеспечить руководство страной. Дело в том, что старая межпартийная борьба перенеслась в рамки сообщества. Инициативы Сианука постоянно подвергались саботажу и критике, в самом Сангкуме боролись разные клановые и лоббистские группы, блокировавшие принятие даже простейших решений. В противовес этому Национальные конгрессы оказались куда более эффективны. Если конгресс принимал решение, то считалось, что оно выражает волю всего народа, и представители оппозиции, рискнувшие выступить с критикой этого решения, могли быть объявлены «предателями нации».

Сианук заявлял, что, созывая Национальные конгрессы, он сам и правительство будто бы ставят свою деятельность под контроль простых людей. Противники же Сианука выступали против самой идеи конгрессов, считая, что «эти форумы сродни толпе, которая ждет от

своего вождя всего: справедливости, достоинства, советов и решений»[40]. Такие утверждения были недалеки от истины, поскольку важнейшие решения на конгрессах принимались открытым голосованием путем поднятия рук. Такой способ волеизъявления голосовавших почти всегда гарантировал, что резолюции конгрессов принимались в том виде, в каком их предлагал Сианук, так как мало кто решался открыто ему оппонировать.

Для того чтобы сохранить за страной облик демократического и независимого государства, бывший монарх инициировал на первом Национальном конгрессе внесение ряда важных изменений в конституцию. Отныне в ней не содержалось никаких упоминаний о былой принадлежности Камбоджи к Французскому Союзу и она провозглашалась независимым и суверенным государством. Кхмерский язык объявлялся государственным (ст. 2). Конституция пополнилась новыми положениями о равноправии мужчин и женщин в области активного и пассивного избирательного права (ст. 49, 50); за избирателями признавалось право досрочного отзыва депутатов (ст. 51); Национальное собрание получало право участвовать в «оздоровлении администрации» и требовать наказания провинившихся чиновников (ст. 68, 69); вводилась глава о народных собраниях провинций и столицы, создававшихся в целях привлечения населения к участию в решении государственных дел в масштабе соответствующей провинции[41].

Последний пункт представлялся Сианук особенно важным, так как позволял осуществить его старый замысел о введении в стране местного самоуправления — альтернативы всевластию местной бюрократии. Вскоре, однако, от этой идеи пришлось отказаться, поскольку выяснилось, что народные собрания стали злейшими врагами чиновников на местах, практически парализовали их работу. Опасаясь потерять поддержку бюрократического аппарата, Сианук согласился упразднить полномочия народных собраний. Это была одна из первых уступок Сианука кхмерской бюрократии.

Другим его разочарованием стало то, что никак не удавалось погасить политическую и межфракционную борьбу внутри Сангкума. За один 1955 год сменилось пять правительств, сформированных из членов правящей партии. Они находились у власти в среднем чуть меньше двух с половиной месяцев, все время подвергаясь ожесточенным нападкам со стороны своих однопартийцев. Сианук не стал активно вмешиваться в эту борьбу, опасаясь, видимо, способствовать развалу всей политической конструкции. В то же время такая ситуация

была ему выгодна: его возможные политические противники обратились друг против друга, апеллируя к нему, как верховному арбитру. В дальнейшем он стал активно использовать борьбу внутри сообщества для сохранения своей власти, поддерживая то правый, то левый фланг этой организации.

Добившись политического доминирования, Сианук решил выступать не просто политическим лидером, но и идеологом социально-экономического и политического развития Камбоджи. Он сформулировал и стал пропагандировать собственную программу строительства государства и общества, которую назвал программой «кхмерского буддийского пути к социализму». Показывая свое видение будущего, он рассчитывал еще более укрепить свой авторитет и отделить себя и от правительства и от Национального собрания, которые погрязли в борьбе амбиций, в коррупции и не оправдывали доверие народа. Он показывал, что стоит над ними и что его задача — определить правильные цели и курс национального развития, а реализовывать эти идеи должны правительство и административный аппарат. Такой подход к управлению государством давал бывшему монарху возможность на Национальных конгрессах, выступая от лица народа, резко критиковать политиков, не решавших задач национального строительства, не ставших проводниками выдвинутого им правильного политического курса.

Историческое существование программы «кхмерского буддийского пути к социализму» делится обычно на три основных этапа: 1956–1960 гг., когда рассматривались различные аспекты социальной политики буддийского и «социалистического» государства; в начале и в середине 60-х годов, когда первостепенное внимание уделялось уже вопросам экономической политики, а к концу этого десятилетия, когда попытки реализовать социальные и экономические положения программы не привели к успеху, на первое место вышли чисто этические проблемы буддийского общества и государства.

При оценке социально-политических аспектов программы «кхмерского буддийского пути к социализму» не вызывает сомнений ее очевидная популистская направленность, попытка сформулировать постулаты «особого пути развития Камбоджи». В основу этой программы, по мысли Сианука, должны были быть положены идеи социального равенства, справедливости, неприятия капитализма — все те принципы, которые во время борьбы за независимость привлекали камбоджийцев, особенно бедных и неимущих, в лагерь коммунистов. К этим

априорно популярным и понятным большинству кхмеров идеям бывший монарх добавил лозунги национализма и соблюдения традиций буддизма как высшего выражения кхмерской идентичности. Он заявил, что дальнейшее развитие страны — это «специфический путь, пронизанный буддийским духом и учитывающий все национальные особенности»[42]. И с самого начала он четко противопоставлял свой социализм социализму коммунистов. Он подчеркивал, что «кхмерский социализм не имеет ничего общего с социализмом Маркса и Энгельса, так как опирается на учение Будды»[43]. Идеология марксизма, по его словам, «советует слабым разгромить сильных и установить собственную пролетарскую диктатуру», которая, однако, не может не породить новый клан сильных, руководящих слабыми. Буддизм же рекомендует правящим уважать управляемых, воспитывая у них доброту и сострадание. Отсюда ясно, почему столь трудно создать буддийско-марксистскую амальгаму[44].

Общий смысл рассуждений Сианука на первых порах разработки буддийского социализма можно свести к формуле — «все очень просто». Не надо никаких реформ и изменений. Все насущные проблемы можно решить. Для этого достаточно, чтобы монархия была демократизирована, чтобы капиталисты были принуждены стать более гуманными и чтобы народ всецело проникся буддийским духом. Тогда люди будут довольны своей жизнью и у коммунизма, полагал Сианук, не будет никаких шансов на победу в Камбодже. Не без гордости он часто повторял: «"наш социализм" содействует и повышению жизненного уровня народа и препятствует победе коммунизма в Камбодже»[45].

Сианук любил рассуждать о демократизации монархии, поэтому эта тема вполне закономерно заняла одно из центральных мест в политическом разделе программы «кхмерского буддийского пути к социализму». Бывшему монарху необходимо было заявить о себе как о сторонике современных демократических норм и представлений о власти, ответив тем самым на обвинения своих политических противников в стремлении к единоличному господству. Он отрицал эти намерения, утверждая, что не держится за власть и доказал это своим отречением от престола. Отказ от престола позволил ему свободно рассуждать на тему реформирования кхмерской монархии и даже заявлять: «...Наша монархия стала одной из самых демократичных в мире. Она должна идти и далее по пути социалистического движения»[46].

Сама программа «демократизации монархии» включала практику проведения дважды в неделю так называемых «народных аудиенций»

и еженедельных «пресс-конференций» с участием членов правительства, королевской семьи и высокопоставленных государственных деятелей. Все это должно было служить установлению прямых контактов между народом и представителями власти. Для демократизации монархии бывший король предложил также избирать провинциальные собрания, которые контролировали бы деятельность местной администрации. Он хотел создать в кхумах так называемые «коллективные центры» для обсуждения политических, экономических и социальных проблем; ввести выборность мекхумов. Из всех этих лозунгов самым популистским стало предложение привести доходы министров и членов Национального собрания в соответствие с уровнем жизни рядовых кхмерских граждан. Предполагалось запретить высокопоставленным чиновникам пользоваться служебными машинами и резиденциями, носить парадные мундиры вне королевского дворца, а также упразднить форму обращения к ним «ваше превосходительство»[47]. Примером образцового служения народу Сианук всегда приводил себя: «Я подаю пример другим членам королевской семьи, отказавшись от служебных автомобилей, принадлежащих королевскому двору, от демонстрации вне стен дворца "желтого кресла" ... и наград, от флажка на машине и эскорта мотоциклистов...»[48].

Вся эта политическая и популистская риторика бывшего монарха оказалась сплошной демагогией — после всех его громогласных заявлений о «демократизации монархии» в стране ничего не изменилось. Никакого воздействия ни на кхмерское общество, ни на кхмерскую монархию она не оказала. Еженедельные пресс-конференции и «народные аудиенции» быстро ему наскучили, зарплата высших чиновников так и не была снижена, а решение об ограничении их власти народными собраниями разного уровня осталось лишь на бумаге. Неспособность Сианука реализовать свои обещания поколебала в глазах многих кхмеров его авторитет как политического лидера, умеющего добиваться поставленных целей. Бывший монарх явно недооценил моральные последствия невыполнения своих обещаний относительно демократизации монархии и власти в стране и окончательно убедил многих в своей двуличности, когда снова стал всюду появляться в мундире и при орденах, пользоваться всеми привилегиями пребывания у власти и передвигаться по Пномпеню в окружении почетного эскорта мотоциклистов.

В конце 50-х годов Сианук пришел к выводу о необходимости юридического закрепления своей позиции единоличного лидера страны,

поскольку он никак не мог наладить эффективное управление структурами, которые он возглавлял, и, прежде всего, Сангкумом. Расчеты на то, что, став председателем этой политической организации, он сможет контролировать деятельность и правительства и Национального собрания, так и не оправдались. Никакой дисциплины и жесткой иерархии власти ему создать в народно-социалистическом сообществе не удалось. Его указания и решения плохо исполнялись и часто просто саботировались. Депутаты при любой возможности критиковали как внутреннюю, так и внешнюю политику своего председателя, обвиняя его в стремлении упразднить демократию и установить свою личную власть. В правящей партии оказались люди разных взглядов и политических предпочтений, там быстро оформились правое и левое крыло, немедленно вступившие между собой в борьбу.

Реальная власть Сианука как официального лидера Сангкума оказалась во многом эфемерной. В организованной им политической структуре ему не только не внимали, с ним спорили, отказывались выполнять его указания и жестко критиковали. Навести в этом сообществе порядок, ужесточить дисциплину и превратить Сангкум в приводной ремень своей политики он не мог, так как опасался, что с ужесточением дисциплины разрушится вся с таким трудом созданная организация и вышедшие или исключенные из нее депутаты могут стать его непримиримыми врагами. В связи с этим он решил повысить статус Национальных конгрессов Сангкума, превратить их в конституционный орган, который вместе с ним стоял бы над правительством и Национальным собранием.

В январе 1957 г. состоялось открытие IV Национального конгресса Сангкума, на который Сианук собрал 10 тыс. делегатов со всей страны. Такой массовый съезд людей из провинций был призван показать противникам председателя Сангкума масштабы поддержки народом его политики. Бывший монарх действовал решительно и первым же пунктом повестки дня поставил вопрос о включении в конституцию специальной главы о Национальном конгрессе. Сианук предложил определить функции Национального конгресса, отведя ему роль главного органа, определяющего политическую линию развития страны, и закрепив эти функции законодательно. Он предложил обязать Национальное собрание и правительство руководствоваться в своей деятельности решениями конгрессов. В своем выступлении на форуме Сианук заявил, что после принятия этой поправки «...пожелания народа могут быть полностью приняты во внимание. Мы очень

ценим мнение наших крестьян и рабочих. Голос народа должен быть услышан. И только через Национальный конгресс это можно сделать эффективно. Депутаты и министры встречаются с народом раз в четыре года, когда хотят быть переизбранными. Им следует приходить сюда и давать отчет о своей деятельности каждые шесть месяцев, отвечать на вопросы граждан, выслушивать их мнения»[49]. Он также сообщил, что желает ввести положение о конгрессе в конституцию, так как хочет, чтобы «конгресс стал силой, которая сможет направлять нас по демократическому пути, чтобы не сворачивать с дороги, как это раньше бывало, когда политические деятели и партии, получавшие голоса народа, брали власть в Национальном собрании и правительстве и забывали о мнении народа»[50].

Предложения Сианука, несмотря на оппозицию сторонников Демократической партии, утверждавших, что Национальные конгрессы вообще не нужны и только дублируют функции Национального собрания, были одобрены в полном объеме и Национальный конгресс наделили статусом государственно-политического органа, которому надлежало знакомить народ с делами общенационального значения. Правительству и Национальному собранию следовало выполнять все постановления конгрессов, созываемых два раза в год. Если Национальное собрание и правительство выражали свое несогласие с решениями конгресса, то принятие окончательного решения откладывалось до следующего конгресса. В случае, если делегаты конгресса не приходили к единому мнению, вопрос выносился на референдум[51].

В новой конфигурации власти парламент был низведен фактически до уровня совещательного органа, а бывший монарх, казалось, приобрел эффективный способ контроля над деятельностью всех политических структур. Однако вскоре выяснилось, что и здесь успех Сианука оказался относительным. В обмен на согласие бюрократии поддержать идею конституционного статуса Национальных конгрессов он вынужден был отказаться от намерения поручить провинциальным собраниям и коллективам граждан контроль над деятельностью местных администраций. То была важная уступка провинциальной бюрократии, давно противившейся такому плану. Многие в стране восприняли это решение Сианука не как компромисс, а как проявление слабости и неуверенности в собственных силах.

В это время вновь активизировались, казалось бы, поверженные на выборах 1955 г. демократы. Их новые лидеры попытались сплотить всех политических оппонентов бывшего монарха внутри Сангкума

и вне его и создать фронт объединенной оппозиции. Опасаясь этого, Сианук решил вообще уничтожить эту партию, которая с самого начала своего появления на политической арене оставалась его злейшим врагом. Деятельность Демократической партии, говорил советскому послу близкий к Сиануку Пен Нут (которого «китайцы рассматривали как "персонаж номер два в Камбодже"»[52]), носит теперь определенно подпольный характер. Встал вопрос, чтобы нанести демократам политическое поражение. В этих целях Сианук, по словам Пен Нута, предложил им «организовать между представителями Сангкума и Демократической партии публичную дискуссию по наиболее важным вопросам политической жизни: о политическом режиме, о нейтралитете, о продажности сангкумовской администрации»[53].

Обладая всей полнотой власти, бывший монарх сделал из этой политической дискуссии целый спектакль. На ней присутствовали главы двух буддийских сект, а также представители местной и иностранной прессы. Перед дворцом, где проходила встреча, сторонники Сианука провели 50-тысячную хорошо организованную «народную демонстрацию» с участием 4 тыс. военных и представителей всех провинций страны в поддержку Сангкума. Манифестанты провели митинг, во время которого выразили поддержку монархии и Сангкуму и выдвинули требование о роспуске Демократической партии[54]. В это же время в некоторых провинциях были спровоцированы «стихийные вооруженные столкновения» между сторонниками Сианука, которых поддерживала полиция, и сторонниками демократов[55]. Пен Нут объяснил советскому послу причину этих инцидентов: «...Поведение демократов в ходе обмена мнениями показало, что Демократическая партия остается на своих позициях. Такое поведение вызвало резкую реакцию по всей стране. Были совершены нападения на демократов в Пномпене, особенно со стороны отдельных групп солдат и офицеров. Состоялись демонстрации с участием военных, выражавших преданность Сиануку и требовавших роспуска Демократической партии[56].

Конец этого политического спектакля оказался вполне предсказуем: под мощным давлением лидеры демократов признали правильность политики Сианука и Сангкума и неправильность своих действий. Один из их лидеров Нородом Пхуриссара (получивший вскоре министерский пост уже как член Сангкума) от имени ЦК Демократической партии заявил, что «в ближайшем будущем демократы изменят свою позицию и будут сотрудничать с правительством»[57].

После убедительной демонстрации своей силы Сианук опять-таки в духе героя театральной постановки милосердно заявил о том, что члены Демократической партии, которые признают политическую программу Сангкума, могут к нему свободно присоединиться. В Демпартии многие увидели в этом последний шанс остаться в политике и поспешили воспользоваться приглашением правителя. Камбоджийская пресса сообщала о все новых членах Демпартии, которые, осознав свои ошибки, гурьбой потянулись в Сангкум, благодаря бывшего монарха за проявленное милосердие. На этом театральное действо под названием «ликвидация Демократической партии» закончилось: партия прекратила свое существование и на политическом поле Камбоджи вне Сангкума осталась лишь прокоммунистическая группа Прачеачун.

В то время как Сианук крепил свое политическое лидерство и расправлялся с последними оппозиционерами, оставшимися вне Сангкума, управление страной не становилось эффективнее. Правительства менялись примерно каждые три месяца. Всего за два года и четыре месяца существования Национального собрания, избранного в 1955 г., сменилось девять правительств. Камбоджийская печать отмечала: «Разногласия возникают в рамках каждого кабинета министров ... Придерживаясь различных политических взглядов, наши министры часто стремятся создать кланы, соперничество между которыми трудно поддается анализу»[58].

Ситуация не изменилась и после новых выборов в Национальное собрание, которые состоялись 23 марта 1958 г. Перед выборами Сианук принял решение лично подбирать всех кандидатов от Сангкума. Сделал он это под тем предлогом, чтобы «устранить заурядных, слабых и комбинаторов, которые слишком склонны смешивать общие интересы со своими личными, а также тех, кто, прикрываясь Сангкумом, занимались подрывной пропагандой, инспирируемой из заграницы»[59]. Голосование за предварительно подобранных кандидатов, как и можно было предполагать, принесло полную победу Сангкуму, у которого к этому времени соперников на политическом поле не осталось. Из оппозиционных кандидатов только лидер «Прачеачун» — Кео Миа, баллотировавшийся по пномпеньскому избирательному округу, набрал 396 голосов (против 13542 сангкумовского кандидата)[60]. Представители народно-социалистического сообщества получили все места в высшем законодательном органе страны.

После новой своей политической победы Сианук, казалось, наконец достиг цели и превратился в полновластного правителя страны. Он был главой общенациональной политической организации, которая охватывала все политическое поле и контролировала все органы законодательной и исполнительной власти, он выступал как главный идеолог национального развития. Избранные депутаты Национального собрания по его требованию принесли клятву на верность моральным принципам буддизма (что означало верность его программе «кхмерского буддийского пути к социализму»). Его авторитет в стране был как никогда высок, парламентской оппозиции не существовало.

Однако в этот момент триумфа выяснилось, что его власть во многом эфемерна: возглавленный им Сангкум оказался недееспособной и плохо поддающейся руководству организацией, в которой в непримиримой борьбе за власть и привилегии сошлись многие амбициозные политики. Своей непрерывной борьбой друг с другом они фактически парализовали эту организацию. Программа «буддийского социализма» оставалась лишь на бумаге, в то время как реальная оппозиция его власти, особенно внешнеполитическому курсу, который становился постепенно все более антиамериканским и нейтралистским, не просто окрепла, но и была готова приступить к активным действиям. Многим в верхушке камбоджийской власти не нравился его авторитарный стиль управления, нежелание вступать в организованный под патронатом США военный блок СЕАТО, его активное участие в Бандунгской конференции, где было учреждено Движение неприсоединения, успешные визиты в Москву и Пекин. Противодействие этому курсу оформилось, прежде всего, среди людей из его близкого окружения. Речь идет о пресловутом заговоре Сам Сари и Дап Чхуона, потрясшем всю политическую систему страны. Один из инициаторов заговора — Сам Сари был близким соратником Сианука, занимал посты политического советника ЦК Сангкума, заместителя премьер-министра, посла в Великобритании. Другой главарь заговорщиков — Дап Чхуон в прошлом военный, которого Сианук назвал «показательным губернатором провинции Сиемреап» (правда, позже он обвинил его в связях со спецслужбами США[61]). Сианук не догадывался, что ранее Дап Чхуон был связан с вьетнамцами: «до 1948 г. находился в рядах сопротивления (Кхмер Иссарака. — *Д. М.*) и имел задачу организовать Комитет национального освобождения. Но он ее не выполнил, так как перешел в королевский лагерь»[62].

Оппозиция этих высокопоставленных политиков своему патрону и его внешнеполитическому курсу была общеизвестна. Они выступили против концентрации власти в руках Сианука и удушения им всех форм реальной демократии в стране. Сам Сари не скрывал, что разошелся с Сиануком по вопросам внутренней и внешней политики. Он написал открытое письмо бывшему монарху, напечатанное в газете «Риехтхипатай», в котором заявил о переходе в оппозицию и о создании новой оппозиционной партии «Демократические кхмеры». Вслед за этим, в газете «Риехтхипатай», на короткое время ставшей главной оппозиционной газетой Камбоджи, стали публиковаться откровенно антиправительственные материалы, в которых содержались прямые призывы к отказу от курса нейтралитета и сотрудничества с социалистическими странами, заявления о том, что «нейтралитет ведет страну к катастрофе», что внешний курс Сианука — «тупиковая политика», «политика самоубийства»[63]. Нападкам подвергся и лично Сианук, которого бывший соратник обвинил в установлении «диктатуры, в невежестве и некомпетентности»[64].

Сианук недолго терпел критику со стороны своих бывших соратников и вскоре объявил их заговорщиками, связанными с американским ЦРУ, замышлявшим свержение законной власти в стране. Заговор был назван Бангкокским, потому что якобы из столицы Таиланда тянулись все его нити. В этой связи не может не возникать вопрос, а собственно был ли сам заговор, если его главный участник открыто выступал как противник и политический оппонент правителя. Если доверять подконтрольной Сиануку камбоджийской прессе, то заговор был, и он был разработан в Бангкоке при участии официальных представителей США, Таиланда и Южного Вьетнама[65]. План переворота предусматривал организацию в столице в начале 1959 г. беспорядков путем вывода из строя системы водоснабжения и сети электропередач; также намечалось провести операцию «массовых похищений детей», чтобы вызвать панику среди пномпеньцев[66]. Все эти события должны были послужить сигналом к началу вооруженных действий в Сиемреапе. Командовать восстанием поручалось Дап Чхуону, на которого возлагалась задача захватить и отторгнуть провинции Сиемреап и Кампонгтхом, объявив их территорией «Свободной Камбоджи» с последующим учреждением правительства во главе с Сон Нгок Тханем, Сам Сари и Дап Чхуоном[67]. Сон Нгок Тхань должен был ввести в две провинции отряды созданной им организации «Кхмер Серей» («Свободные кхмеры»), базировавшейся на территории Таиланда.

Из всего этого зловещего плана заговорщики выполнить почти ничего не успели, они лишь установили несколько громкоговорителей на границе Камбоджи, через которые передавали призывы к свержению монархии и Сианука, и распространили среди населения Камбоджи листовки, в которых изображали себя борцами «за независимость Камбоджи и счастье народа, а движение «Кхмер Серей» — «движением в защиту справедливости»[68]. По личному приказу Сианука правительственные войска под командованием Лон Нола, который занял пост министра обороны, неожиданным ударом захватили Сиемреап и ликвидировали центр заговорщиков. В штаб-квартире Дап Чхуона был обнаружен склад американского оружия, боеприпасы, документы, подтверждавшие иностранное вмешательство в дела Камбоджи, и шесть чемоданов с золотом[69]. Дап Чхуон был смертельно ранен. Там же удалось задержать двух офицеров южновьетнамской армии. Устранив руководителей заговора, правительство подавило основные очаги оппозиционных сил в провинциях Свайриенг, Такео, Сиемреап, Кампонгтхом, арестовало более 100 человек, причастных к подготовке переворота, 13 из них были приговорены к смертной казни[70].

При анализе всех сообщений о деталях этого заговора возникает некоторое недоверие к официальной версии. В сценарии заговора скорее ощущается некий режиссерский стиль Сианука. Фантастические планы заговорщиков вроде массового похищения детей или отторжения от страны ключевых камбоджийских провинций, при опоре на иностранное вмешательство — все наводит на подозрение, что Сианук действовал по хорошо отработанным в СССР и в Китае схемам борьбы с политическими оппонентами. И в этом случае он показал себя способным учеником. Действительно, по существу, единственным человеком, кому все это оказалось выгодно, был сам Сианук. Он давно хотел избавиться от опеки Сам Сари[71], а также от самой личности такого вполне самодостаточного губернатора, как Дап Чхуон. Если бы эти политики действительно решили бороться против него, то без всякого заговора быстро сформировали бы влиятельную политическую силу, которая сумела бы выступить противником и Сангкума и единоличной власти правителя. Допустить такого поворота событий Сианук не мог, все его усилия по формированию режима личной власти потеряли бы смысл. Не исключено, что именно сам он и враги Сам Сари и Дап Чхуона в его окружении и разыграли весь фарс с заговором — с тем чтобы опорочить и устранить этих политиков.

2. Политика балансирования между правыми и левыми силами и ее печальный финал

Разгром заговора Сам Сари — Дап Чхуона оказал сильное влияние на последующую политику Сианука. Как ни парадоксально, но после этого события его страхи потерять личную власть не только не развеялись, а даже усилились. Глава Сангкума убедился, насколько он заблуждался относительно непререкаемости своего авторитета. Он неожиданно обнаружил, насколько широкой и влиятельной оказалась оппозиция его внутренней и внешней политике в правящей верхушке. По информации советских дипломатов, противостоявшая ему группировка во главе с Сам Сари «представляла собой верхушечную оппозицию, своеобразный клан, не имеющий четких границ, поскольку многие его члены предпочитали оставаться в тени и вести закулисную деятельность»[72]. Многие представители правящей верхушки симпатизировали заговорщикам, выступали за укрепление отношений с США, за сохранение демократической системы организации власти, за более активную и решительную борьбу с коммунистической угрозой. Все это шло вразрез с политическим курсом Сианука на укрепление личной власти, на нейтралитет и поддержание отношений как с США, так и с коммунистическим Северным Вьетнамом, а также с Москвой и Пекином.

Перед Сиануком возникла дилемма: пойти на поводу у проамерикански настроенной части политиков и тем самым гарантировать себя от появления новой группы заговорщиков или двинуться влево, искать поддержки у коммунистических и антиимпериалистических сил. Оказавшись перед трудным выбором, Сианук, чтобы сохранить свободу действий, выбирает неожиданное решение — действовать так, чтобы постоянно сталкивать правых и левых как по вопросам внешней политики, так и внутри страны и, балансируя между ними, сохранять свою единоличную власть. Тупиковость такой политики он, по-видимому, не вполне осознавал, рассчитывая, что таким путем сможет контролировать ситуацию бесконечно долго. Более того, модель такого своего поведения он посчитал универсально пригодной для успеха своей политики как внутри страны, так и вне ее, балансируя между коммунистическим лагерем во главе с СССР и Китаем и лагерем империализма во главе с США.

Для того чтобы реализовать новый курс внутри страны, ему необходимо было дать возможность левой прокоммунистической

оппозиции существенно усилиться, поскольку в это время левые по всем статьям уступали правым и в Сангкуме и в Национальном собрании и в целом по стране. Согласно данным французского журналиста А. Тонга, они составляли только 10% всех членов Сангкума[73]. Поворот к левым представлялся вполне разумным шагом, при котором глава Сангкума практически ничего не уступал, так как с левыми у него были многочисленные точки соприкосновения: вместе с ним они гневно обличали американский империализм, усматривая в действиях США угрозу независимости Камбоджи, готовы были поддержать курс Нородома Сианука на утверждение нейтральной политики страны, сближение с коммунистическим Северным Вьетнамом, развитие связей с Пекином и Москвой.

Многократные заявления бывшего монарха относительно ужасов капиталистической эксплуатации также всецело одобрялись левыми, так же как и его ставка на развитие госсектора и вытеснение иностранного капитала из страны. Проблема состояла только в том, что на левом фланге политического спектра у него оказался соперник — группа «Прачеачун», которой в той или иной степени симпатизировали многие камбоджийцы. Следовало убрать это препятствие на пути консолидации с левыми в рамках Сангкума и под его покровительством.

Необходимость укрепления своей власти за счет опоры на левый политический фланг стала еще более очевидной, когда в начале апреля 1960 г. скончался отец Сианука король Нородом Суримарит. Облеченный «демократической властью» сын сразу же почувствовал уязвимость своего положения, ибо выбор нового короля стал для его противников демонстрацией силы и решимости ограничить его власть. Атака на Сианука развивалась с нескольких направлений. Одна часть правящей элиты с нескрываемым удовольствием обсуждала недостаточные права на престол Сианука и преимущественные у другого принца Сисовата Монирета, у которого, как они утверждали, «семья Сианука фактически "украла" трон в 1940 г.»[74] Другие его враги выступили с идеей упразднения монархии как таковой и установления демократической республики во главе с Сон Нгок Тханем[75]. В Баттамбанге на западе страны были даже организованы демонстрации с призывом передать трон его матери-королеве Коссамак.

На бывшего монарха оказывалось столь сильное давление, что он вынужден был заявить о том, что и он сам и его дети отказываются от всяких претензий на престол. Этим он несколько сбавил накал борьбы, а главное — выиграл время, чтобы разработать свой план выхода из

нараставшего политического кризиса, грозившего его правлению серьезными последствиями. Дело в том, что новый король в реальных условиях Камбоджи неизбежно стал бы и новым центром власти, точкой притяжения сил всех его противников. Поэтому Сианук вновь сделал неожиданный политический ход — предложил не избирать короля, а учредить должность главы государства. А ради сохранения в стране самого института монархии он предложил объявить свою мать королеву Коссамак символом трона[76].

Для того чтобы осуществить такую сложную комбинацию и преодолеть скрытое сопротивление противников, Сианук должен был в очередной раз продемонстрировать оппонентам силу народной поддержки своего режима. Это он мог сделать только на референдуме. Для проведения плебисцита он выбрал фактически беспроигрышную тему: отношение к борьбе за нейтральную внешнюю политику против агрессивных планов США и ближайших соседей Южного Вьетнама и Таиланда, которые, будучи американскими союзниками, оказывали давление на Камбоджу с целью изменения ее внешней политики. Всенародный референдум по проблеме нейтралитета решал для Сианука еще одну задачу — продемонстрировать левым свою поддержку их политических устремлений и, в свою очередь, заручиться поддержкой с их стороны.

21 мая в журнале «Неактийетнийюм» Сианук опубликовал так называемое «Открытое письмо к империалистическим кругам». В этом послании он заявил, что США, нападая на Камбоджу и обвиняя ее в наступлении на демократию, пытаются отвлечь внимание общественности своей страны от промахов и неудач американской политики в Азии. Между тем «соседи Камбоджи используют американское оружие, чтобы угрожать нашей стране, чтобы захватывать нашу территорию, вооружать и обучать группы предателей, совершающих опустошительные рейды по нашим провинциям»[77]. Подготовка к референдуму проходила в условиях нагнетаемой в стране истерии по поводу якобы многочисленных угроз ее независимости и суверенитету. Утверждалось, что вокруг Камбоджи враги, а за их спиной главный враг — США и что единственный политик, способный защитить страну и народ, — это Сианук и все кхмеры обязаны поддержать его политический курс.

Само народное волеизъявление было организовано в кратчайшие сроки. Оно состоялось 5 июня 1960 г. и носило откровенно фарсовый и в некотором смысле театрализованный характер. Бюллетени

с портретом Сианука означали одобрение нейтральной внешней политики Сангкума, с портретом Сон Нгок Тханя — поддержку движения «Кхмер Серей» и ориентации на политику США, красные бюллетени — одобрение взглядов коммунистов и ориентации страны на СССР и Китай. Примечательно, что в отличие от двух других бюллетеней бюллетень за коммунистов был обезличен, просто красного цвета без портрета какой-либо личности.

В голосовании, по официальным данным, приняло участие 91,8% избирателей, из них 99,98% проголосовали за Сангкум и Сианука. Численность приверженцев Сон Нгок Тханя не превысила 133 человек[78]. Столько же проголосовали и за «Прачеачун». Уже эти удивительные цифры (по 133 человека за левых и за правых) показывают истинную цену референдума. Его результаты были подтасованы, но даже если на самом деле за правых проголосовало процентов 15, а за левых 5–8, — все равно Сианук вышел бы победителем, так как продолжал пользоваться поддержкой подавляющего большинства кхмеров.

Свою победу на референдуме Сианук немедленно использовал для разрешения политического кризиса в связи с вопросом о престолонаследии: он перевел в практическое русло свою идею учреждения должности главы государства. При этом он заявил, что готов занять этот пост, если «его об этом попросит народ». Вслед за этим в столице и провинциях состоялись массовые и якобы «стихийные» демонстрации населения. На них люди требовали положить конец кризису и наделить Сианука полномочиями главы государства[79]. Под искусно организованным «давлением масс» Национальное собрание и Совет королевства приняли решение просить Сианука взять в свои руки верховную власть и стать главой государства[80]. В конституцию Камбоджи немедленно была внесена статья о том, что обе палаты парламента могут в соответствии с пожеланием народа вручить полномочия главы государства политическому деятелю, получившему поддержку народа в результате всеобщего голосования. Так как референдум по одобрению внешней политики Камбоджи приравняли к всеобщему голосованию, то никаких препятствий для вступления Сианука на высший в стране пост не осталось, и 20 июня 1960 г. бывший кхмерский монарх, принеся присягу Национальному собранию, вступил в должность главы государства[81].

По справедливому замечанию Н. Н. Бектемировой, Сианук был наделен «по существу, диктаторскими полномочиями, лишь формально ограниченными конституцией»[82]. Казалось, что наконец-то бывший

монарх добился окончательной легитимизации своей единоличной власти и волен свободно проводить предложенный им внутри- и внешнеполитический курс. Ведь несмотря на то что на референдум выносился только вопрос о курсе внешней политики, результаты народного волеизъявления автоматически трактовались как одобрение его политической линии в целом.

Однако на самом деле триумф Сианука, достигнутый в результате всех предпринятых ухищрений, был обманчив, — расстановка сил в правящей верхушке оставалась без изменений. Те, кто против его власти и раньше скрытно выступал в рядах Сангкума и вне их, сохраняли свои позиции и угроза постепенного усиления правых, проамериканских сил оставалась очень большой. Глава государства отдавал себе отчет в том, что, несмотря на разгром «Бангкокского заговора», его оппоненты на правом фланге сильны и только ждут возможности вновь посягнуть на его власть и влияние. Противостоять этому, сохранить свободу политического маневра он рассчитывал благодаря политике балансирования между правыми и левыми силами в стране и в Сангкуме. При проведении такой политической стратегии в жизнь он намеревался консолидировать и укрепить левый фланг камбоджийской политики, который, несмотря на популярность левых лозунгов и социалистических идей, сильно уступал во всех властных структурах правым. При этом «Прачеачун» как оппонент Сианука на левом фланге должен был исчезнуть, а собранные под покровительством Сианука левые уравновесили бы правых и в Сангкуме и в Национальном собрании.

Ощущая непрочность своих побед, глава государства немедленно начал разыгрывать новую политическую комбинацию. В желании сокрушить «Прачеачун» его не остановило даже то, что эта партия всячески демонстрировала ему свою лояльность и поддержку. В известном заявлении от 17 июня 1960 г. ее представители полностью поддержали все аспекты его политики, одобрили назначение главой государства и «решительно осудили маневры империалистических кругов, направленные на разжигание в стране внутриполитической борьбы»[83]. Более того, «Прачеачун» призвала камбоджийцев быть готовыми «отдать свою жизнь для отражения, под руководством Сианука, вражеской агрессии, в защиту нашего национального лидера и политики нейтралитета»[84].

Сианук намеренно не замечал таких откровенно верноподданнических заявлений и постоянно упрекал коммунистов из «Прачеачун»

в том, что они «клевещут на монархию, враждебно относятся к курсу независимости и нейтралитета», что они хотят «поднять на бунт бедных против богатых»[85]. В начале октября 1960 г. он даже заявил, что желает временно уйти с поста главы государства из-за «яростной кампании, развязанной против него коммунистами»[86]. Почувствовав угрозу разгрома партии, руководство «Прачеачун» обратилось с письмом к председателю Национального собрания, в котором выразило солидарность с курсом правительства, «направленным на укрепление союза всех слоев населения в борьбе против империалистических агрессоров, и их союзников внутри страны». Партия также заявила, что «в современных условиях в Камбодже только Сианук может выполнить роль общенационального лидера и осуществлять руководство государством»[87]. Казалось, что это заявление несколько разрядило ситуацию вокруг партии, и 17 октября Национальное собрание сообщило Сиануку, что «вся нация снова изъявила свое желание видеть его на посту главы государства»[88].

Некоторое время после этих событий создавалось впечатление, что «Прачеачун» с ее верноподданническим курсом и полной поддержкой любых начинаний главы государства уже не грозит уготовленный ей разгром. Однако переиграть Сианука деятелям «Прачеачун» так и не удалось. Игра в «кошки-мышки» закончилась: в январе 1962 г. в Кампонгчаме были арестованы 14 активистов «Прачеачун» во главе с членом ЦК Нон Суоном, и Сианук обвинил партию в национальном предательстве. Их сразу же объявили государственными изменниками и агентами иностранного государства. Полиции якобы удалось обнаружить у них документы, доказывавшие их связи с иностранной разведкой, планы осуществления государственного переворота, а также листовки, содержавшие высказывания, противоречившие конституции и подстрекавшие народ к мятежу против правительства. Заявление руководства партии, в котором оно открещивалось от задержанных и вновь подтверждало, что поддерживает курс правительства на сохранение независимости и нейтралитета страны и мира в Индокитае и что нападки на прогрессивные силы страны являются частью плана американских империалистов и их сторонников с целью внести раскол и добиться потери Камбоджей нейтралитета[89], никакой ощутимой разрядки теперь не дали.

Процесс над деятелями «Прачеачун» был поручен военному трибуналу, который обвинил руководство этой политической организации в заговоре против правительства с целью государственного переворота.

11 мая трибунал приговорил всех 14 обвиняемых к смертной казни, которая впоследствии была заменена пожизненным заключением[90].

Арест Нон Суона и его товарищей фактически означал полный разгром «Прачеачун». Десятки людей, с ней связанных и сочувствующих, подверглись арестам и допросам, уничтожена была и молодежная организация партии, созданная в 1961 г.[91] Репрессии и преследования со стороны властей коснулись, в первую очередь, учителей многих школ и лицеев, известных своими левыми настроениями. Сотни из них вынуждены были перейти на нелегальное положение. Среди них и скромный преподаватель одного из лицеев по имени Салотх Сар, который впоследствии станет больше известен миру как Пол Пот, опасаясь ареста, перешел на нелегальное положение и покинул Пномпень в 1963 г.[92] Сианук показал левонастроенной интеллигенции, что участие в деятельности «Прачеачун» стало небезопасным и что спокойнее для нее будет переключить свои симпатии на поддержку левых сил в Сангкуме.

При оценке всех этих событий нельзя не отметить, что «Дело Нон Суона и его соратников» удивительно напоминает заговор Сам Сари и Дап Чхуона. Те же признательные показания арестованных участников, горы изъятых антиправительственных документов. Разница только в том, что Сам Сари обвинялся в связях с ЦРУ США, а Нон Суон — в служении интересам северовьетнамских коммунистов. По всей видимости, и здесь Сианук в борьбе со своими оппонентами прибегнул к тактике откровенных провокаций и фальсификаций. Нет никаких доказательств того, что «Прачеачун», будучи легальной частью, ушедшей в глубокое подполье Компартии, собиралась свергать Сианука. Кроме того, очевидно, что ни Северный Вьетнам, ни другие покровители кхмерских коммунистов совершенно не были в этом заинтересованы. Можно с большей определенностью сказать, что дело Нон Суона было чистой воды провокацией, которую устроил Сианук, чтобы уничтожить «Прачеачун».

Разгром легальной прокоммунистической организации и очищение левого политического фланга от влияния коммунистов Сианук совместил с поддержкой левых политиков в Сангкуме, которые, как он считал, находятся там под его контролем и покровительством. Он как бы показывал амбициозным и молодым левым политикам, где можно добиться успеха и на кого надо опираться в своей деятельности. Для участия в выборах в Национальное собрание, состоявшихся в июне 1962 г., он, как и раньше, лично подбирал будущих депутатов. Он снова

позволил многим откровенно левым и прокоммунистическим политикам получить таким путем депутатский мандат. Ху Юн, Ху Ним, Кхиеу Самфан — будущие члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК Компартии прошли в парламент по спискам Сианука. Более того, в сформированном после выборов правительстве они получили важные должности государственных секретарей: Ху Юн — в министерстве планирования, Кхиеу Самфан — в министерстве торговли, еще один политик, близкий к ним по своим взглядам, Чао Сенг — в министерстве сельского хозяйства[93].

Укрепив позиции левых в Сангкуме и правительстве, Сианук пришел к выводу, что настало время нанести удар по представителям правых, которых он рассматривал как своих главных противников и непосредственную угрозу своей власти. Этот удар он рассчитывал нанести с неожиданной стороны, пойдя на резкое обострение отношений с США, на которые у него были давние личные обиды. Он считал, что в США встретил пренебрежение во время своего «похода за независимость», да и после этого там часто изображали его этаким хитрым азиатским диктатором. Кроме того, он искренне верил, что именно Америка финансирует его злейшего врага Сон Нгок Тханя и отряды «Кхмер Серей» в Таиланде, готовые в любой момент бросить ему вызов, что именно по американскому наущению совершаются нападения на камбоджийскую территорию южновьетнамских войск на востоке и таиландских войск на западе. Он был убежден также, что и многие правые политики в Сангкуме, так же как и разоблаченные Сам Сари и Дап Чхуон, получают деньги от ЦРУ США.

Объявив США главным врагом Камбоджи, обвинив их в подрывной деятельности, направленной на свержение законной власти, глава государства рассчитывал подорвать авторитет тех, кто призывал к союзу с этим врагом. Он полагал, что в условиях противостояния с США многие его оппоненты справа в мгновение ока превратятся в национальных предателей и их политическая карьера и личная свобода окажутся в его руках.

Атака на США началась в ноябре 1962 г., когда глава государства в обращении к народу заявил, что империалисты и их марионетки в лице двух соседних государств (имелись в виду Южный Вьетнам и Таиланд), а также движение «Кхмер Серей» во главе с Сон Нгок Тханем и Сам Сари уже несколько лет постоянно угрожают Камбодже. Они, сказал он, «вынашивают планы раскола союза камбоджийского народа, уничтожения независимости страны, нейтралитета и мира,

изменения государственного строя и развязывания гражданской войны»[94]. Глава государства потребовал от «Кхмер Серей» и их покровителей прекратить провокационную деятельность и клеветническую кампанию против кхмерского народа и лично против него. Он заявил, что в противном случае Камбоджа будет вынуждена отказаться от помощи Запада[95].

Вслед за этим 10 ноября Нородом Сианук в своем выступлении перед военной и административной верхушкой страны сказал, что в условиях, когда не прекращается антикамбоджийская кампания, которую ведет «Кхмер Серей» при поддержке империалистов, с особой остротой встает вопрос о достижении страной экономической самостоятельности и вытеснении иностранного капитала из ее экономики. По словам Сианука, особенно глубокие корни этот капитал пустил в сферах внешней торговли и банковской системы. В случае продолжения подрывной деятельности «Кхмер Серей» он указал на возможность национализации этих отраслей экономики[96].

Выступление Сианука вызвало бурную реакцию в политических и финансовых кругах Камбоджи. Состоялось экстренное заседание Национального собрания, на котором обсуждались предложения главы государства. Как Сианук и ожидал, в поддержку его заявлений выступило все левое крыло Сангкума. Особенно энергично осуждал политику США депутат Ху Юн (впоследствии один из виднейших деятелей Компартии Камбоджи). Он, в частности, заявил, что «Кхмер Серей» — организация, созданная американцами для осуществления их широкомасштабных планов уничтожения независимости, мира, территориальной целостности и суверенитета Камбоджи». Он также указал, что: «...военная помощь США не дает необходимых средств для защиты страны, ее территориальной целостности и престижа, экономическая и культурная помощь лишь отравляют камбоджийское общество. Экономическая помощь направлена на то, чтобы закрыть глаза на истинное положение дел в экономике, чтобы мы наслаждались легкой жизнью благодаря их "дарам". Цели экономической помощи не соответствуют задачам достижения нами независимости и в корне противоречат идеям Сангкума...»[97]

Сианук мог быть доволен: левые были на его стороне, в Национальном собрании они помогли создать атмосферу антиамериканизма, которая позволила без особого сопротивления со стороны правых принять решение об отказе от американской помощи. Уже через два дня после его обращения Национальное собрание приняло

специальное заявление, в котором вслед за главой государства указывало, что в случае продолжения провокационных акций со стороны «Кхмер Серей» депутаты дадут согласие на то, чтобы с января 1964 г. правительство Камбоджи отказалось от помощи Запада. В экономическом разделе принятого документа содержалось одобрение проекта банковской реформы и реформы внешней торговли, предусматривавшей запрещение с 1 января 1964 г. деятельности всех внешнеторговых фирм, а с 1 июля 1964 г. — частных коммерческих банков[98].

На поднятой им волне антиамериканизма Сианук созвал Чрезвычайный Национальный конгресс, на котором предложил принять решение о немедленном отказе от американской помощи. Для придания большей убедительности словам о происках США против Камбоджи делегатам конгресса был представлен один из пойманных камбоджийскими спецслужбами агентов «Кхмер Серей», который подтвердил, что ЦРУ финансирует и вооружает их организацию[99]. 20 ноября правительство США было официально уведомлено о том, что Камбоджа отказывается от американской военной, экономической, технической и культурной помощи[100].

Сианук сделал все эти решительные антиамериканские шаги несмотря даже на то, что прекрасно понимал роль и значение американской помощи его стране. Еще в 1956 г. на встрече с представителями высшего руководства СССР он говорил: «[Американцы] скрепя сердцем предоставляют нам помощь». Сианук далее пояснил свою мысль: «Делая это, они стремятся укрепить линию обороны против коммунизма. Они знают, что не могут не оказывать помощь, так как если они перестанут, то Камбоджа полностью сблизится с социалистическим блоком и место американского влияния займет влияние СССР и это будет дурным примером для соседних государств. В то же время наша судьба в какой-то степени зависит от их помощи, так как мы нуждаемся в средствах для содержания армии»[101]. На самом деле Сианук в беседе с представителями советского руководства сильно лукавил, поскольку американская помощь шла не только на содержание армии. Ведь с 1955 по 1964 г. США предоставили Камбодже военную помощь на сумму 94 млн. долл., а экономическую на сумму в 309,7 млн. долл.[102] Можно было бесконечно говорить об этой помощи как инструменте американской политики, направленной на создание частнокапиталистических предприятий и вербовку в Камбодже своих агентов[103], но факт состоял в том, что на средствах, предоставляемых США, во многом зиждилось экономическое развитие страны. С помощью США

строились ирригационные системы, финансировался мелкий частный бизнес, небольшие предприятия, занятые переработкой риса, древесины, ремонтом и производством промышленных изделий. Это был как раз тот частный бизнес, который тогда развивался особенно быстро и играл роль локомотива экономического роста.

Что касается армии, то она вообще почти полностью финансировалась на американские деньги. Отказываясь от них, глава государства, по-видимому, рассчитывал на соглашение, заключенное им в это время с Северным Вьетнамом. Условия этой сделки состояли в том, что Камбоджа предоставляла Северному Вьетнаму возможность использовать свою территорию для создания на ней тыловых баз на так называемой «тропе Хо Ши Мина», — сети дорог, соединявших Северный Вьетнам с Южным, которые проходили по пустынным восточным районам Лаоса и Камбоджи. Он также договорился о том, что Северный Вьетнам мог использовать камбоджийский порт Сианукville для переброски вооружения своим отрядам на Юг с условием безвозмездной передачи кхмерской стороне 10%[104] всех военных грузов. Вьетнамцы быстро оценили выгоды такой сделки и вскоре сами стали контролировать поступление «своих» грузов. Они настолько освоились с обстановкой, что стали даже зондировать у советских представителей возможность перевозки направляемого во Вьетнам советского оружия и боеприпасов через порт Сианукville, считая, что «это можно осуществить с согласия камбоджийских властей или же в секрете от них»[105].

Кроме открытия транспортных коридоров Сианук сделал еще несколько очень важных уступок вьетнамским коммунистам. Советские дипломаты в Пномпене сообщали, что «из бесед с вьетнамскими товарищами посольству известно, что камбоджийцы молчаливо разрешили НФОЮВ (Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама. — *Д. М.*) производить закупки у китайских коммерсантов в Камбодже значительных партий риса, не препятствуют деятельности в столице отдельных представителей НФОЮВ, разрешают вьетнамцам свободный переход границы в освобожденные районы (в Южном Вьетнаме. — *Д. М.*)[106].

Так, всего за один месяц Сианук, в угоду своим политическим расчетам, фактически втянул Камбоджу в горнило разгоравшейся второй индокитайской войны, так как по «тропе Хо Ши Мина» в Южный Вьетнам непрерывным потоком двинулись северовьетнамские части, боевая техника, вооружение и боеприпасы. В пограничном районе

провинции Ратанакири расположился вьетнамский штаб фронта В-3, «который руководил коммунистической кампанией в западных горных районах Южного Вьетнама»[107]. Другой крупный штаб стал действовать на камбоджийской территории в районе горы Нам Лир. В районе горы Чи Чам появилась еще одна военная база с тяжелыми орудиями, где, по американским данным, находились тысяча северовьетнамских и пятьсот вьетконговских горных стрелков»[108]. Как сообщал посол США в СССР Ллуэллин Томпсон министру иностранных дел СССР А. А. Громыко, «с октября 1964 г. целые подразделения — 11 из 21 полка и 5 из 28 батальонов, действовавших в Южном Вьетнаме, всего более 19 тысяч человек, проникли туда через территорию Камбоджи»[109].

В связи с такими событиями многие приграничные с Вьетнамом районы Камбоджи подверглись непрерывным авиаударам американских самолетов и вскоре фактически выпали из-под кхмерской юрисдикции, оказавшись под контролем северовьетнамских сил (хотя Сианук и его окружение пытались отрицать этот факт). Характерный эпизод произошел на встрече заместителя председателя Совета министров Камбоджи Сон Санна с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, состоявшейся в сентябре 1965 г. Сон Санн вынужден был «подробно остановиться на провокационных утверждениях бангкокской прессы о том, что на территории Камбоджи якобы расположена 235-я дивизия Фронта национального освобождения Южного Вьетнама. Он заявил, что камбоджийские власти опровергли эту клевету, и попросил, чтобы члены МКК и дипкорпуса посетили упоминавшиеся бангкокской прессой районы, чтобы убедиться, что там находятся только беженцы из Южного Вьетнама»[110].

Вскоре, однако, камбоджийские представители отказались от подобных маловразумительных опровержений и, хоть и с неохотой, стали признавать наличие сил НФОЮВ на своей территории. Под огнем критики со стороны политических оппонентов глава государства объяснял свои действия тем, что «кооперироваться с вьетнамцами он решил для того, чтобы поставить их в зависимое от Камбоджи положение и таким образом воспрепятствовать, чтобы они подняли руку на нашу страну и наш народ — своих благодетелей»[111]. Эти объяснения никого не убедили, поскольку до подписания соответствующих соглашений северных вьетнамцев в Камбодже не было, а получили они возможность легально проникать в страну и контролировать отдельные ее территории в результате поспешных и необдуманных шагов самого

Сианука. Многие в Камбодже открыто критиковали его, рассуждали об его ошибочных действиях, но, думается, мало кто догадывался, что сближение с Северным Вьетнамом — это осуществление далекоидущей политической стратегии, цель которой — удержание власти и разгром правой оппозиции.

В своей антиамериканской игре глава Камбоджи вскоре пошел еще дальше и предложил созвать конференцию патриотических организаций народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Задача такой конференции была очевидна — продемонстрировать свою политическую решимость, показать, что в борьбе с США и их агрессией в Индокитае Камбоджа выступает в одном ряду с вьетнамскими и лаосскими коммунистическими и прокоммунистическими силами. Эта затея Сианука вполне удалась, и «конференция народов Индокитая» состоялась в марте 1965 г. в Пномпене. В ней приняли участие представители 39 патриотических организаций стран Индокитая, в том числе Отечественного фронта ДРВ, Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Патриотического фронта Лаоса, камбоджийского Сангкума, а также других более мелких организаций. Все они клеймили американский империализм и его марионеток в Индокитае, выражали единство взглядов в оценке агрессивной сущности американской политики в регионе. В общей резолюции, единогласно принятой 8 марта 1965 г., они «решительно осудили вмешательство США во внутренние дела стран Индокитая и признали необходимым укреплять фронт борьбы против империализма и колониализма»[112].

Получив поддержку своих новых друзей из Ханоя, глава Камбоджи в первых числах мая 1965 г. объявил о разрыве дипломатических отношений Камбоджи с США. Этот шаг он мотивировал бомбардировками камбоджийской территории, которую совершали самолеты США, базировавшиеся в Южном Вьетнаме[113]. Вслед за этим Нородом Сианук выступил в Национальном собрании, где заявил, что «если народы повсеместно создадут антиимпериалистический барьер и решительно выступят за сокращение американского влияния, то американский империализм будет вырван с корнем, подобно дереву, которое, сколь бы велико ни было, падает, когда земля перестает его кормить»[114].

В этот момент могло показаться, что глава государства в очередной раз с успехом добился своей цели. Объявив США главным врагом Камбоджи, развязав антиамериканскую истерию в контролируемых им средствах массовой информации, он сумел «загнать в угол» и изолировать всех своих проамериканских оппонентов и критиков. Его

антиамериканские действия в экономической сфере нанесли нешуточный урон интересам предпринимателей-компрадоров, вызвав панику среди них и связанных с ними государственных чиновников. Вполне вероятно, что вскоре последовало бы громкое разоблачение еще одного заговора правых, служивших интересам США и спонсируемых ЦРУ. Но тут выяснилось, что в расчеты главы государства вкралась ошибка. В своих политических интригах он не сумел просчитать экономических последствий своих действий. Он вообще в экономике не был силен, а вся его хозяйственная стратегия была настолько политизирована, что приводила лишь к обострению существовавших в стране проблем. Последствия его антиамериканской политики сказались на положении страны и ее граждан, на состоянии национальной экономики самым пагубным образом, а без того нараставшие кризисные явления в обществе усилились. Сианук вдруг обнаружил, что многие в армии, которая собственно и существовала на американские деньги, в политически активных городских слоях, которые были тесно связаны с частным бизнесом, стали открыто осуждать его антиамериканские действия. Вместо оппозиции, проявлявшей себя лишь на верхних ступенях режима, он получил довольно многочисленные слои недовольных, составлявшие большинство городского населения Пномпеня.

С другой стороны, во время встреч со своими друзьями из Ханоя он не мог не почувствовать очевидную пропасть во взглядах между ним и коммунистами, холод и недоверие с их стороны к его действиям. Он, несмотря на свои антиамериканские эскапады, оставался для них чужим, временным попутчиком в их борьбе. Советские дипломаты отмечали: «...Обе стороны не доверяют друг другу, а Сианук в целом остается ярым антивьетнамцем», и только из тактических соображений «вьетнамские друзья намерены и впредь, как они выражаются, использовать положительные стороны Сианука»[115]. Вероятно, неожиданно для себя глава государства понял, что, продолжая затеянную интригу, он неизбежно превратится в заложника коммунистов, и поэтому решил быстро отыграть назад, вновь попытаться восстановить баланс интересов США и вьетнамских коммунистов, касающихся Камбоджи. Поэтому топор, казалось бы, уже занесенный над правыми проамериканскими политиками, так на них и не обрушился, а готовившееся раскрытие правого заговора так и не состоялось.

Непоследовательность и неуверенность главы государства, ослабление политической поддержки его действий, особенно в городах, очень быстро почувствовали его политические оппоненты из правого

лагеря. Уже в ноябре 1965 г., в ходе визита в Великобританию, заместитель премьер-министра Сон Санн заявил, что Камбоджа желает наладить тесные отношения с Западом[116]. Весной 1966 г. были предприняты попытки к восстановлению отношений с США. Неофициально, через дипломатов, аккредитованных в Пномпене, давали понять мотивы такого поворота: «Сианук испытывает страх перед американцами, очень обеспокоен угрозой расширения американской агрессии на территорию Камбоджи. Этим вызывается его стремление нормализовать отношения с США, чтобы отвести нависшую над Камбоджей угрозу»[117]. Курс на сближение с США внутри страны сопровождался очередной попыткой уничтожения «Прачеачун». Было «сфабриковано дело о пропагандистской, подрывной деятельности Прачеачун» и в различных провинциях страны арестовали около 180 человек, подозревавшихся в связях с коммунистами»[118]. Кроме того, Сианук стал распространять информацию о том, что он готов изменить характер своих отношений с Пекином и уже не рассматривает его как главного союзника. Об этом в августе 1966 г. сообщил советскому послу в Пномпене эксперт агентства Кхмер Пресс, «близкий к людям из окружения главы государства». Он, в частности, сказал, что «в последнее время Сианук не так относится к Китаю, как относился в прошлом, стремится установить определенную дистанцию по отношению к "*своему другу № 1*". В настоящее время наступил период охлаждения камбоджийско-китайских отношений»[119].

Быстро, однако, выяснилось, что репрессии против левых и охлаждение отношений с Китаем особого впечатления на США не произвели и что просто так вернуться к прежнему состоянию отношений невозможно. Для того чтобы подтвердить искренность своего стремления к примирению, Сианук должен был доказать свою приверженность демократии и дать возможность провести выборы 1966 г. без жесткого контроля со своей стороны. До сих пор не совсем ясно, то ли такое условие поставили ему США, то ли он сам ради примирения, будучи уверенным в своей популярности, решился на роковой для себя шаг, который он сделал накануне выборов 1966 г., когда демонстративно устранился от подбора кандидатов в Национальное собрание, в отличие от всех предыдущих выборов, когда он лично тщательно отбирал каждого депутата в Национальное собрание и заранее определял конфигурацию этого высшего законодательного органа.

О своем решении не заниматься подбором кандидатов в депутаты Национального собрания он официально объявил в августе 1966 г.[120]

Тем самым он отказывался от проверенной за долгие годы системы манипуляции составом народных избранников и фактически открывал правой оппозиции путь к власти. Дело в том, что победу правых можно было предсказать еще до выборов, так как они и среди политически активного городского населения и в целом по стране пользовались неизмеримо большей поддержкой, чем левые силы Сангкума. У главы государства не было никаких иллюзий насчет того, что новое Национальное собрание будет под контролем правых. Возможно, он рассчитывал, что, оказавшись у власти, они дискредитируют себя, пытаясь распутать клубок политических, социальных и экономических проблем страны. Такого мнения придерживались вьетнамские коммунисты, внимательно отслеживавшие все хитросплетения камбоджийской политики. Характеризуя ситуацию, член ЦК НФОЮВ Нгуен Ван Хиеу говорил советскому послу в Камбодже: «[Сианук] преследовал цель дать правой группировке возможность поработать в условиях, когда он сам не видит конкретных путей решения внутриполитических проблем, а также сделать жест в сторону Запада. При этом он считал, что глава камбоджийского государства затеял рискованную игру ... и мог потерять контроль над развитием событий»[121].

Сианук в возможность своего поражения не верил и полагал, что вероятный провал правых и их будущего правительства автоматически доказал бы его незаменимость как главы государства[122]. Он ожидал, что в ходе выборов часть кандидатов, которые выступали в поддержку его курса, не пройдут в Национальное собрание, однако не предполагал, что эта участь постигнет практически всех его сторонников и что те кандидаты, предвыборная платформа которых определялась полной и безусловной поддержкой внутриполитического курса главы государства, потерпят полное фиаско[123]. В целом мало кто из победивших на этих выборах кандидатов получил более 40% голосов, а в традиционных «красных» районах провинций Свайриенг, Прейвенг, Кампонгчам правым кандидатам удалось собрать 28%[124]. Из прежнего состава депутатов в новое Национальное собрание прошло только 28 человек[125]. Из новоизбранных депутатов почти третья часть не появлялась на политической арене страны с 1955 г. Они крайне отрицательно относились и лично к Сиануку, закрывшему им на десятилетие дорогу в политику, и к его экономическому и политическому курсу, особенно в связи с антиамериканскими и провьетнамскими пассажами. В новом Национальном собрании особенно усилились позиции генерала Лон Нола, что понятно, так как 13 депутатов нового созыва были некогда

членами Партии кхмерского обновления, которую он возглавляя в свое время[126].

Левых депутатов в парламенте осталось совсем мало — только Ху Ним, Ху Юн и Кхиеу Самфан и еще несколько человек. Оценивая сложившийся в результате выборов новый состав Национального собрания, Сианук говорил: «...Избранная палата депутатов состояла из заклятых врагов буддийского социализма, которые не могли забыть об американской помощи. Они тосковали по долларам, частной торговле, их интересы были близки желаниям военных получить новую американскую технику и вооружение»[127]. Получилось, что задуманные как «торжество демократии» выборы 1966 г. обернулись самым тяжким поражением Сианука за всю его политическую карьеру. Депутаты — сторонники его курса избраны не были, а его политические противники получили в Национальном собрании большинство, причем противовес правым в лице левых сангкумовцев был также утрачен. Сианук получил по большей части однородно правое большинство, выступавшее и против его внешней и его внутренней политики.

Первые же действия сформированного на основе выборов 1966 г. правительства (единственного за долгие годы избранного парламентом, а не назначенного Сиануком) показали главе государства всю уязвимость его положения. Правые проамерикански настроенные силы как никогда усилились, осмелели и от скрытого саботажа его решений перешли к открытой критике его единоличной власти. Оппозиционеры быстро нашли поддержку не только в среде гражданской бюрократии и деловых кругах, но и в офицерском корпусе вооруженных сил. Сианук явно недооценил рост недовольства во всех этих социальных группах, а главное, не ожидал, что они смогут составить единый фронт оппозиции его политике и власти.

К тому же выяснилось, что и левые, разочарованные слабостью и метаниями Сианука, начали заметно отдаляться от него. По сведениям советского посольства, Кхиеу Самфан, например, отказался от предложения Сианука занять пост председателя государственной экспортно-импортной компании «Сонэксим»[128]. Этот шаг молодого депутата оказался неожиданным для главы государства, поскольку ранее представители левых всегда охотно принимали его предложения занять тот или иной пост в правительстве. Он и не подозревал, что руководство нелегальной Компартии Камбоджи взяло новый политический курс, состоявший в активизации борьбы с существовавшим в стране режимом. Теперь вместо работы в правительстве

коммунисты, находившиеся на легальном положении, должны были переключиться на консолидацию масс для подготовки их к предстоящему вооруженному выступлению. В связи с этим выяснилось, что и попытки заручиться поддержкой левых Сианука также не удались, что все его попытки, «учитывая левые настроения внутри страны, опередить события и выбить почву из-под камбоджийской коммунистической партии "Прачеачун" путем постепенного налаживания отношений с НФОЮВ» ощутимого успеха ему так и не принесли[129]. Даже широкий жест — освобождение 29 «красных кхмеров» (так Сианук стал называть всех, кто так или иначе подозревался в связях с коммунистами. — *Д. М.*), «арестованных в феврале»[130], не помог ему изменить ситуацию. Оценивая обстановку и положение Сианука, советские дипломаты отмечали, что «он понимает, что угроза его режиму, как слева, так и справа, причем справа особенно, растет по мере возрастания трудностей в экономике»[131].

3. Последние попытки Сианука удержать власть

Последней попыткой главы государства вернуть себе лидерские позиции и показать всем оппонентам, что у него остаются еще рычаги власти, стало создание нового внеконституционного органа — так называемого «контрправительства». К осуществлению этого плана он привлек представителей левых сил и своих сторонников. «Контрправительство» было задумано как постоянно действующий орган Сангкума, призванный выражать критические суждения в адрес правительства и парламента. Эти замечания членов контрправительства подлежали публикации в специальном бюллетене, а Национальное собрание и кабинет министров обязаны были отвечать на эту критику, а также предоставлять все материалы и сведения о своей деятельности, запрашиваемые «контрправительством»[132].

Создание параллельной администрации изображалось как «новый этап расцвета сангкумовской демократии», как «маленькая революция внутри Сангкума»[133]. В беседе с журналистами глава государства так оценил плюсы образования нового органа: «Внутри Сангкума начала легально действовать оппозиция в лице "контрправительства", которая повысит эффективность деятельности правительства, улучшит процесс "оздоровления" кабинета министров и укрепит доверие народа к нему. Постоянный контроль со стороны учрежденного института создаст

гарантию стабильности Сангкума, так как в том случае, если парламент сделал неправильный выбор министров, народ через "контрправительство" укажет на это»[134]. На самом деле, все эти мало что значившие слова были пропагандистским прикрытием настоящей цели появления «контрправительства», которая заключалась в стремлении главы государства перехватить инициативу у своих политических оппонентов, ограничить их возможности пересмотра его курса, а также восстановить нарушенный политический баланс власти. Советский посол в Камбодже приводил мнение вьетнамцев на этот счет: «В обстановке политического кризиса в стране он (Сианук. — *Д. М.*) счел выгодным для себя опереться на левые силы с целью противодействия правой группировке»[135]. Кроме того, под прикрытием этой структуры он рассчитывал объединить всех противников правого лагеря.

Правительство Лон Нола, почувствовав угрозу своей власти, немедленно обрушилось с критикой новой затеи главы государства. Заместитель премьер-министра Сим Вар заявил, что образование «контрправительства» — это подрыв авторитета законного правительства[136]. В ответ на обвинения в незаконности создания «контрправительства» Сианук немедленно попытался превратить его в законный и вполне легитимный орган. Для этого созванный им Национальный конгресс высказался в поддержку контрправительства и утвердил его в качестве постоянно действующего органа внутри Сангкума. Одновременно с этим Сианук нанес правым удар с другой стороны: по его заданию организована была волна демонстраций учащейся молодежи, главным образом лицеистов, которые несли лозунги отставки правительства Лон Нола и роспуска «правого» Национального собрания[137].

Однако все эти попытки ограничить власть законного правительства и распустить «неправильное» Национальное собрание к успеху не привели. Реальной власти «контрправительство» так и не получило, и если бы не шумиха, поднятая вокруг него в контролируемой Сиануком прессе, то о его деятельности вообще мало что было бы известно. Попытки «членов» этого правительства ставить палки в колеса законному кабинету скорее компрометировали Сианука, чем помогали ему. Лон Нол и его министры твердо взяли курс на отказ от экономических экспериментов главы государства, все более открыто обвиняя его в неправильной экономической политике[138].

В этот момент Сианук, осознав ограниченность своей власти и неспособность добиться поставленных целей, решил изменить

тактику борьбы и сделать вид, что прекращает конфронтацию с правым правительством. Он объявил, что временно оставляет страну и отправляется на лечение во Францию. Бразды правления государством были вручены главе законного правительства генералу Лон Нолу. Он получил от Сианука огромные полномочия, став координатором деятельности министерства обороны, внутренних дел, национальной безопасности и иностранных дел. Все это должно было убедить его и оппозиционную политическую верхушку, что борьба главы государства с правым правительством закончилась, что Сианук полностью доверяет и кабинету и его председателю и рассчитывает на их лояльность. Вероятно, он надеялся еще и на личную преданность Лон Нола ему и королевской семье[139].

Таким неожиданным политическим ходом глава государства как бы выходил из проигрышной ситуации и мог ожидать, что за время его отсутствия правые совершат грубые промахи, окажутся неспособными контролировать страну, дискредитируют себя, наживут новых врагов. Тогда он сможет триумфально вернуться как спаситель Камбоджи от нового кризиса, и все поймут, что без него спокойствия в государстве не будет и только его присутствие во власти удержит страну от гражданской войны и политического хаоса. Все его расчеты, казалось, были вполне обоснованны, однако он явно недооценил решимость правых удержаться у власти, а также их позиции и в обществе, и в армии, и в силах безопасности. В его отсутствие правое правительство вполне успешно управляло страной, устанавливая военный контроль над наиболее беспокойными и традиционно «левыми» районами. Особенно жестко армия обращалась с крестьянами провинции Баттамбанг, где ей было приказано обеспечить сбор и заготовку риса. Из этой провинции шли многочисленные жалобы на солдат, которые просто отбирали зерно у крестьян.

Из Франции Сианук вернулся в Камбоджу в начале марта 1967 г., но за четыре месяца его отсутствия политический расклад сил в стране кардинально не изменился. Правые продолжали доминировать и в Сангкуме, и в Национальном собрании, и в правительстве. Более того, их критика как экономической политики, так и единовластия Сианука становилась все более популярной, особенно в городах. Пытаясь противостоять этому и сохранить себя в роли «отца нации», который никому не дает отчет в своих действиях, глава государства вновь попытался «свалить» правое правительство. С этой целью через два дня после его возвращения была организована массовая

демонстрация молодежи с требованиями отставки правительства Лон Нола и проведения новых выборов в Национальное собрание, а также вывода армейских подразделений из провинции Баттамбанг[140].

Сианук получил повод созвать чрезвычайный Национальный конгресс, «чтобы вместе с народом обсудить все проблемы». На открытии конгресса он заявил: «Я решил созвать чрезвычайный конгресс ... чтобы найти выход из политического кризиса, охватившего страну с приходом к власти правительства Лон Нола, новый этап в развитии которого ознаменовала вчерашняя демонстрация»[141]. После такого вступления все участники Национального конгресса ожидали, что он обрушится на правых. Однако этого не произошло, — Сианук почувствовал, что, не имея в руках реальных рычагов смены власти, это бессмысленно. Поэтому неожиданно для всех, вместо жесткой критики правых, Сианук обрушился на левых и попытался представить антиправительственные волнения и в столице и в провинциях как бунт «кучки левых экстремистов», подстрекавших население к «подрыву национального союза и солидарности», к «уничтожению Сангкума». Он открыто встал на сторону правых, отказавшись выполнить требования манифестантов о роспуске правительства и Национального собрания. Любые действия против кабинета министров и парламента, заявил он, означают наступление на демократию[142].

В своем выступлении Сианук взял под защиту и армию, отвергнув все обвинения в ее адрес. Депутаты из провинции Баттамбанг, отобранные и соответствующим образом подготовленные, выступили на конгрессе с опровержением утверждений о том, что армия плохо обращается с местным населением, а также выразили несогласие с требованиями манифестантов. Однако местное население Баттамбанга не простило им этого предательства — возвратившись домой, они нашли свои дома сожженными[143].

По всей видимости, своими неожиданными ходами Сианук вновь рассчитывал вернуть себе роль национального арбитра и продолжить политику балансирования между правыми и левыми силами. Поддержав правых на Национальном конгрессе, он тут же сделал и важные шаги навстречу левым, объявив об амнистии всех участников антиправительственных манифестаций. Более того, на своей пресс-конференции, созванной 22 марта, он обвинил «некоторых представителей военной и гражданской бюрократии, тоскующих по американской помощи», в связях с ЦРУ и стремлении при содействии США положить конец эре Сианука[144]. Ни одного имени заговорщика названо,

однако, не было. Он понимал, что не может просто обвинить кого-то конкретно в связях с ЦРУ, что для этого ему необходимы были очень весомые и убедительные аргументы и мощная поддержка как внутри страны, так и вне ее. Такой поддержки у него не было, поэтому его «выстрел» в сторону правых снова оказался холостым. Вместо масштабного процесса над «правыми предателями», которые «по указке ЦРУ» готовят заговор против главы государства, дело ограничилось лишь увольнением двух наиболее одиозных правых министров из правительства, обвиненных в коррупции. После этого все закончилось формальной церемонией демонстрации личной преданности, когда в Серебряной пагоде депутаты Национального собрания и члены правительства все вместе принесли ему присягу верности. Однако того, чего добивался Сианук, он не получил: уходить в отставку Лон Нол и его правительство категорически отказались и глава государства уже ничего не мог с этим поделать[145]. Между тем в разгар этой ожесточенной борьбы Сианук не забывал и о других сторонах своей многогранной деятельности. В анналах архива внешней политики России есть интересный документ, свидетельствующий о том, что в это время он, через камбоджийского посла в Москве, обратился к советским властям с необычной просьбой. Он предложил принять к показу на московском кинофестивале его фильм «Зачарованный лес», «который он поставил и где он и его супруга сыграли главные роли», причем камбоджийская сторона выразила заинтересованность в том, «чтобы фильм был отмечен какой-либо премией»[146].

Фильм Сианука никакой премии не получил, но это поражение можно считать булавочным уколом по сравнению с тем, что произошло в стране весной 1967 г. В начале апреля началось спровоцированное коммунистами крестьянское восстание в Самлауте, которое стало прелюдией гражданской войны. С этого момента левые окончательно отвернулись от главы государства и перешли к тактике партизанских действий против существовавшего в стране режима. Консолидация левых в рамках Сангкума и использование их как контрбаланс в политической борьбе стали теперь невозможны, а поле политического маневра для главы государства резко сузилось. Почувствовав это, противники главы государства справа перешли в наступление, обвиняя его в том, что в начале 60-х годов он пошел на соглашения с северовьетнамскими коммунистами. Они говорили, что Сианук предал подлинные интересы Камбоджи, продал кхмерские земли вьетнамцам, потакал коммунистам. Американские бомбардировки камбоджийской

территории, на которой находились северовьетнамские базы, давали дополнительный повод для раздражения против Сианука, нараставшего в политически активных слоях населения.

Обвинения США в агрессии против Камбоджи, с которыми регулярно выступал глава государства, выглядели в этой связи не совсем убедительно. Он приводил обычно массу цифр, касающихся американских вторжений на территорию и в воздушное пространство страны, сообщал о жертвах и страданиях кхмерского населения. Он любил указывать, что кхмеры — это народ героев, готовый умереть за свободу, народ, который не боится американской авиации, и «на него не произведет никакого впечатления, даже если американцы сбросят на Камбоджу атомную бомбу»[147]. Однако реальное наличие вьетнамских баз на камбоджийской территории нивелировало антиамериканский запал его выступлений. Американцы отвечали, что ведут войну с северовьетнамскими коммунистами, которые расположили свои базы на камбоджийской территории, и что бомбы падают не на гражданские, а на военные объекты.

В такой сложной политической ситуации у Сианука не оставалось другого выбора, кроме как хотя бы внешне солидаризоваться с правыми в борьбе против левых и прокоммунистических сил. Он сделал вид, что не замечает, как армия, провоцируя взаимное ожесточение, самым жестоким образом подавляет крестьянское восстание. В угоду правым Сианук заявлял, что восстание в Самлауте организовано «кучкой левых экстремистов», к которым он причислил и большинство левых депутатов в Национальном собрании. У арестованных повстанцев, по его словам, будто бы обнаружили документы, свидетельствовавшие об участии левых депутатов в организации этого выступления. Он потребовал, чтобы представители левой фракции в Сангкуме и Национальном собрании Ху Юн, Ху Ним и Кхиеу Самфан предстали перед военным трибуналом[148].

Итогом поворота Сианука вправо стало то, что эти популярные и известные особенно в молодежной среде люди, которые оказали ему полную поддержку во время всех его политических кампаний против правых и проамериканских сил, опасаясь репрессий в свой адрес, тайно покинули столицу. Ху Юн и Кхиеу Самфан сделали это в апреле, а Ху Ним — через несколько дней после них, потом он вернулся в Пномпень и окончательно ушел к партизанам осенью 1967 г.[149] Кроме них и многие другие левонастроенные интеллигенты присоединились в это время к политической организации и подпольной армии коммунистов.

Последний шанс перехватить у правых политическую инициативу появился у Сианука весной 1967 г., когда в стране стали известны жестокие методы, которыми армия и политики, с ней связанные, руководившие подавлением крестьянского восстания, действовали в провинции Баттамбанг. Сообщения об арестах, пытках и убийствах восставших крестьян подорвали престиж правого правительства и вызвали стихийные демонстрации протеста против произвола правых. В конце апреля 1967 г. почти 15 тыс. студентов и учащихся Пномпеня вышли на массовые митинги в лицеях и пагодах. Они выступили в поддержку левых депутатов, против США и правительства Лон Нола. Студенческие волнения, нападения кхмерских учащихся на преподавателей, попытки забаррикадироваться в своих учебных заведениях, требования реформ и ухода правого правительства приобрели такой масштаб, что у Сианука появились все основания обвинить, наконец, правительство правых в дискредитации власти и отправить его в отставку.

В то же время не вызывало сомнений, что эти волнения Сианук не контролировались, что за спиной кхмерских учащихся стояли агитаторы и пропагандисты прокоммунистических сил, связанных с Китаем. Ху Ним, Пхук Чхай и другие лидеры молодежного движения стремились во всем повторять уроки китайской «культурной революции», распространяли пропагандистские материалы китайских коммунистов. Все это доказывало, что остававшиеся на легальном положении левые политики — члены Сангкума окончательно вышли из-под контроля главы государства. Сианук это прекрасно понял и обвинил их не только в связях с Китаем, но и в том, что ошибался в них, выдвигая на посты в госаппарате, что они так и не внесли «свежей струи» в процесс управления государством[150].

Национальное собрание, пребывавшее в состоянии растерянности ввиду небывалых студенческих выступлений, предоставило главе государства всю полноту власти для разрешения кризиса, и 30 апреля появилось новое так называемое «чрезвычайное» правительство, подчинявшееся лично Сиануку. Основными его задачами стали разрешение политического кризиса и улучшение внутриэкономической ситуации. Глава государства снова попытался вести центристскую политику, найти новый компромисс между представителями правых и левых с добавлением в правительство своих сторонников. Однако ничего у него из этой затеи не вышло: представители левых уже либо ушли в подполье, либо собирались это сделать. Они, все более решительно

переходили к тактике прямого давления на власть и лично на главу государства. 28 мая 1967 г. левонастроенная молодежь, под впечатлением действий хунвейбинов в Китае, устроила погром в редакции журнала «Кхмае аекоритеть» («Независимый кхмер»), где публиковались статьи антикитайского содержания. При этом устроители погрома ссылались на заявления Сианука о том, что Китай — это лучший друг Камбоджи. В ответ глава государства вынужден был принять самые решительные меры и показать, что его заявление советскому послу в ноябре 1966 г. о том, что «если китайцы думают навязать "культурную революцию" камбоджийцам, то мы отвергнем ее»[151] — не было пустым обещанием. В сентябре, чтобы избежать нараставшего хаоса в молодежной среде, глава государства вынужден был распустить Общества дружбы — камбоджийско-китайской, камбоджийско-советской и камбоджийско-немецкой, которые, по словам Сианука, «превратились в орудие пропаганды и подрыва устоев режима»[152].

Вслед за этим начались преследования левонастроенных студентов и преподавателей. Был запрещен Всеобщий национальный союз студентов, распущена Ассоциация кхмерских журналистов, закрыты все частные газеты. Последние легальные представители левых сил были изгнаны из чрезвычайного правительства, аресту подверглись ректор Пномпеньского университета и десятки преподавателей и студентов. Французский исследователь этого периода истории Камбоджи Ж. Бриссе отмечал, что «давление правых на все дела королевства и в том числе на действия чрезвычайного правительства во главе с Пен Нутом оказалось настолько сильным, что вынуждало левых и крайне левых уходить в изгнание к партизанам»[153].

На практике получилось, что Сианук и его чрезвычайное правительство без участия левых проводили политику, которая мало чем отличалась от курса правых. Поэтому политический раскол не был преодолен, нового политического центра как опоры власти и влияния главы государства воссоздать так и не удалось. Экономическое положение не улучшалось, борьба с коррупцией и с контрабандой кхмерского риса в Южный Вьетнам никаких ощутимых результатов не дала. Более того, внутренняя стабильность становилась все более хрупкой, так как вылазки левых партизан стали охватывать все новые районы. Сианук не нашел ничего лучшего, как призвать расстреливать каждого, кого подозревали как «иностранного агента». Потом он распорядился, чтобы «не тратить патроны», «бить палками всех экстремистов», к которым отнес тех, кто выступал против существовавшего в стране режима[154]. Покоя

не было не только внутри страны, но и вокруг нее. Напряженность на рубежах, особенно на границе с Южным Вьетнамом, где продолжались широкомасштабные боевые действия вьетнамских коммунистов и противостоявших им американо-сайгонских войск, в 1968 г. усилилась, боевые операции все чаще переносились и на камбоджийскую территорию.

В 1968 г. стало очевидно, что Сианук свой шанс вновь укрепиться у власти так и не смог использовать. Его авторитет в стране сильно пошатнулся, он оказался под огнем критики и правых и левых, а его поддержка в правящей верхушке ограничивалась многочисленными родственниками его жены, сформировавшими собственный влиятельный клан, и несколькими особенно преданными ему политиками. Этот семейный клан стал объектом обвинений в коррупции и беззакониях, рикошетом задевавших и главу государства. Раньше он мог кого угодно обвинить в коррупции, сегодня в коррупции стали обвинять самого Сианука. В прессе писали о баснословных доходах клана его жены — Моник, члены которого контролировали национальную таможню и почти открыто занимались контрабандным ввозом в страну различных товаров. Глава государства не сделал ничего, чтобы развеять эти слухи, более того, по совету своих родственников открыл в Пномпене казино. У людей, даже продолжавших его поддерживать, это вызвало возмущение, так как противоречило всем концепциям так называемого кхмерского, буддийского пути к социализму и всем принципам национального общежития, которые он пропагандировал ранее. Кхмерское общество, по словам Чандлера, устало «от бесконечных монологов Сианука, от его самолюбования и отталкивающего окружения»[155].

Свидетельством падения авторитета Сианука и его пошатнувшейся власти стал состоявшийся летом 1969 г. Национальный конгресс, на котором все время звучала как завуалированная, так и вполне открытая критика его действий. Когда он поставил ключевой вопрос о доверии к себе как главе государства, то едва не потерпел крах: в результате развернувшихся дебатов была принята резолюция, хотя и выражавшая ему вотум доверия, но только при условии, что будет немедленно сформировано новое правительство, способное обеспечить преодоление возникших экономических и политических трудностей[156].

Поражение главы государства стало очевидным, когда Национальный конгресс вернул на пост премьер-министра генерала Лон Нола. Это означало реальную «реинкарнацию» оппозиционного ему правительства правых и очень существенное ограничение его власти. Более

того, его теперь обвинили во всех бедах, обрушившихся на страну. Новый премьер-министр сразу же заявил: «Сангкум не достиг ничего в области промышленности и торговли, более того, он терпел сплошные неудачи. Повсюду мы несем одни лишь убытки»[157]. Особенно острой критике подверглось состояние сформированного по инициативе Сианука государственного сектора экономики.

Внешняя политика также стала предметом неприятия и пересмотра. В начале июня новое правительство восстановило дипломатические отношения с США, тем самым подорвав всю внешнеполитическую стратегию Сианука. Началось быстрое сближение Камбоджи с США и, наоборот, резкое охлаждение отношений с ДРВ и с правительством Фронта национального освобождения Южного Вьетнама. Оказавшись под огнем жесткой критики, Сианук ради сохранения остатков власти попытался пойти рука об руку с правыми, забыв, как еще недавно заявлял: «Королевское правительство торжественно подтверждает, что на камбоджийской территории нет никаких военных баз» (имелись в виду базы северовьетнамских войск. — *Д. М.*)[158]. Теперь он «прозрел» и вместе с правыми политиками начал обвинять во всех бедах страны вьетнамских коммунистов, которые развязали гражданскую войну, оккупировали значительные приграничные области, пытаются втянуть Камбоджу в индокитайскую войну. В начале октября 1969 г. он признал, наконец, наличие 40 тыс. северовьетнамских войск в Камбодже[159], а в конце декабря 1969 — начале января 1970 г. глава государства даже опубликовал в журнале «Ле Сангкум» серию статей откровенно антикоммунистического содержания. Он писал, что «присутствие американцев в нашем регионе позволит нам заставить европейский социалистический лагерь и даже азиатский ... по крайней мере, уважать нас»[160]. Он даже отдал в июле 1969 г. специальное указание представителям кхмерской прессы «избегать "чрезмерной" критики американской политики в Азии и американских бомбардировок приграничных районов Камбоджи»[161]. Это распоряжение означало полную капитуляцию главы государства перед правыми, — ведь еще недавно он гневно обличал американские бомбардировки. Ш. Мейер, занимавший пост его советника, отмечал: «...Коммунизм становится в глазах главы государства врагом Камбоджи. В этих условиях американский империализм объективно выступал в качестве союзника»[162].

Однако все попытки объединиться с правыми и действовать с ними совместно к успеху не привели. Положение Сианука во власти

сильно пошатнулось. Никто не забыл про его заигрывания и дружбу с левыми и с вьетнамскими коммунистами, его антиамериканские заявления и демарши. Влиятельные правые политики, деятели правого толка и особенно такой авторитетный политик, как Сим Вар, не доверяли Сиануку, критиковали его самого и его окружение, некоторые даже предлагали добиваться его отставки с поста главы государства. Почувствовав, что его власть под реальной угрозой, глава государства вновь попытался сменить курс, продемонстрировать противникам свою популярность и поддержку в простом народе.

Последний бой за сохранение своей власти Сианук дал в конце декабря 1969 г., всего за три месяца до переворота, лишившего его всех постов. Эмиссары принца отправились в сельские районы, расположенные в окрестностях столицы, чтобы мобилизовать население для участия в манифестациях в поддержку «отца нации». Однако по указанию министерства внутренних дел, провинциальные власти, которые всегда раньше были готовы выполнить любой приказ Сианука, на сей раз «не рекомендовали крестьянам принимать участие в манифестациях»[163].

Не сумев организовать массы на антиправительственные выступления, столкнувшись с прямым противодействием правительства и местных органов власти, глава государства попытался использовать свой последний шанс переломить ситуацию и добиться отставки правящего кабинета. Он решил разыграть новую политическую комбинацию — созвать Национальный конгресс, а перед самым его открытием спровоцировать правительственный кризис путем дезорганизации работы кабинета: четверо лично преданных ему министров должны были подать в отставку.

План был реализован, отставка сторонников главы государства была принята, но падения правительства правых не последовало. Когда же три дня спустя, убедившись, что правительственный кризис так и не разразился, Сианук попросил вновь ввести четырех ушедших в отставку министров в состав правительства, — заменявший Лон Нола на посту премьера известный правый политик Сисоват Сирик Матак отказался это сделать. Фиаско главы государства было полным. В кабинете министров осталось теперь только два преданных ему лично человека — Ум Маннорин и Состен Фернандес — люди из его ближайшего окружения, входившие в клан его жены Моник Сианук. Один из них контролировал полицию, другой — провинциальную

охрану. Этого было явно недостаточно, чтобы хоть как-то влиять на действия исполнительной власти.

Надежды на поддержку испытанного Национального конгресса также не сбылись. Сторонники принца обеспечили участие в его заседаниях примерно 1,5 тыс. «своих» делегатов, готовых поддержать главу государства. К их помощи в ходе работы конгресса он и рассчитывал прибегнуть. Однако накануне открытия он неожиданно узнал, что его противники решили бороться с ним на его же поле, мобилизовав в качестве делегатов около тысячи военных, одетых в штатское, преданных правительству Лон Нола. В результате правые заблокировали любые попытки принять на Конгрессе резолюцию об отставке правительства, на что так надеялся Сианук. Новый удар он получил, когда во время голосования депутатов Национального собрания о лояльности ему только 11 человек проголосовали «за», а 76 поддержали одного из главных правых политиков — Сим Вара[164].

Такой результат голосования означал новое фиаско главы государства, и Сианук решил опять взять паузу и временно выйти из борьбы. Как и в 1967 г., он объявил, что отправляется на лечение во Францию и передает власть в руки премьер-министра. Как объяснял впоследствии свои действия глава государства, он «полагал, что в запасе у него еще есть время и после лечения во Франции ... собирался нанести политические визиты в Париж, Москву и Пекин и, получив экономическую, финансовую и военную помощь во время этих визитов, вернуться усиленным для новой попытки навести порядок собственными силами и с помощью настоящих друзей»[165]. Этот план так и не осуществился. Отъезд Сианука был воспринят правыми как бегство, как признание своего поражения. Правые почувствовали, что власть уже в их руках, и немедленно изгнали из правительства всех оставшихся преданных главе государства людей. Их удалили с громким скандалом как участников коррупционных схем и контрабанды. Сианук из Франции прислал письмо в их защиту, однако все было напрасно[166].

Получив в руки все рычаги власти, убедившись в беспомощности главы государства им противостоять, лидеры правых взяли курс на отстранение Сианука с его поста. Охваченные эйфорией от успехов, они не почувствовали всех скрытых угроз такого шага. Глава правительства Лон Нол отправился в приграничные провинции, уделив особое внимание Ратанакири, где вьетнамское присутствие, а также присутствие кхмерских коммунистических сил было особенно заметным. В военных гарнизонах он заявил о необходимости готовиться

к борьбе с «врагом №1 — вьетнамцами». Для нагнетания напряженности правые решили вызвать волну антивьетнамских и националистических настроений и получить поддержку населения. Они полагали, что обвинения главы государства в предательстве национальных интересов, в желании отдать земли Камбоджи Вьетнаму, в коррупции и забвении интересов народа будет вполне достаточно, чтобы кхмеры согласились с переменой власти.

Для нагнетания страстей стали распространяться слухи, что вьетнамцы вновь хотят подчинить себе Камбоджу, что они уже захватили часть ее территории, что они разжигают гражданскую войну. Правительство в этой связи организовало массовые народные выступления, задействовав, как всегда, безотказный и верно служивший Сианук механизм — устройства массовых манифестаций и движений протеста с помощью глав местных администраций. Эти чиновники имели большой опыт не только организации митингов на местах, но и направления людей в столицу.

Завершающий этап отстранения Сианука от власти начался 8 марта 1970 г., когда по приказу местных властей в районах, пограничных с Вьетнамом (Свайриенге, Ромдоуле и др.), состоялись антивьетнамские демонстрации, в которых приняло участие около 300 человек. 11 марта несколько тысяч демонстрантов устроили погромы посольств Демократической Республики Вьетнам и Временного революционного правительства Южного Вьетнама в Пномпене. Очевидец всех этих событий Ш. Мейер писал, что «учащихся учебных заведений и служащих под конвоем доставляли к месту манифестации для массовости»[167].

12 марта воинствующая молодежь устроила погромы во вьетнамских кварталах Пномпеня, и наконец, на пике внутриполитической напряженности 18 марта международный аэропорт Почентонг был закрыт, вокруг зданий правительственных учреждений размещены усиленные наряды войск и полиции. Национальное собрание объявило, что «нация находится в опасности», и наделило правительство чрезвычайными полномочиями «в связи с нестабильной политической обстановкой, вызванной действиями внутренних и внешних врагов Камбоджи»[168]. Депутаты Национального собрания единогласно выразили вотум недоверия принцу Нородому Сиануку как главе государства, тем самым положив конец его 29-летнему правлению. В стране установился режим во главе с генералом Лон Нолом.

ГЛАВА V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАМБОДЖИ В 1953–1970 гг.

1. Экономическая политика с середины 50-х по середину 60-х годов

В 1953–1970 гг. экономика Камбоджи развивалась в тесной связи с протекавшими в стране политическими процессами. Более того, можно без всякой натяжки сказать, что она оказалась заложницей политики, что политические интересы правящей верхушки явно превалировали над нуждами народного хозяйства. Это, естественно, сказывалось самым отрицательным образом на внутренней ситуации, которая была далека от стабильности.

Отмеченные тенденции стали особенно четко проявляться после ухода французской администрации: «сильный» режим протектората, с одной стороны, не давал особенно разрастаться коррупции, а с другой — при нем пресекались разрушительные действия любой политической оппозиции, тогда как сменивший его парламентский режим оказался в этом отношении гораздо слабее. Когда в 1955 г. власть перешла к Сиануку, опиравшемуся на Сангкум, это не слишком повлияло на ситуацию в национальной экономике: интересы политические, а именно, связанные с борьбой за власть, продолжали доминировать в правящих верхах над собственно экономическими. Глава Сангкума чрезмерно увлекся разнообразными политическими интригами и комбинациями и был уверен в том, что он способен правильно понимать стоящие перед страной экономические проблемы и самостоятельно находить им решение. В этом, как показала жизнь, он сильно заблуждался — экономическая политика в эпоху его правления оказалась оторванной от реальности, отодвинута на задний план. В результате власть не смогла длительное время поддерживать внутреннее равновесие и пропорции в перешедшей к ней «по наследству» от французов натурально-товарной экономике.

Свои экономические взгляды Сианук изложил в нескольких упомянутых выше теоретических работах, постулировавших основную

доктрину национального развития — как курс буддийского социализма. В брошюре «Линия политического поведения членов третьего кабинета Сангкума», опубликованной в 1956 г., он писал: «...Капитализм является в нашей стране одним из главных препятствий на пути социального прогресса. Не секрет, что наши капиталисты заинтересованы только в личном обогащении, что они бесстыдно эксплуатируют своих рабочих и ресурсы страны, не давая взамен ничего ни государству, ни рабочим. Капиталист, "убивающий" своих рабочих, походит на животное, которое, живя на дереве, грызет его ствол до тех пор, пока дерево не падает и не убивает его своей тяжестью»[1].

Подобные пассажи, разбросанные на страницах разного рода писаний о «буддийском социализме», по-видимому, служили для Сианука и его окружения экономической программой, на основе которой можно заставить капиталистов «гуманизироваться»: «Мы не будем лишать капиталистов их состояний, как это делают коммунисты, — заявлял в 1956 г. Сианук, — но нам следует добиться того, чтобы они сами открывали для своих рабочих медпункты, госпитали, школы, спортплощадки и т. д.»[2].

В качестве «хороших» капиталистов Сианук любил приводить в пример французов — владельцев каучуковых плантаций в Чупе, которые «заботились о благосостоянии и образовании своих рабочих»[3]. К разряду «плохих» он относил китайцев и сино-кхмеров, которые «не сделали ничего ни для своих рабочих, ни для социального и культурного развития Камбоджи»[4].

Глава государства, однако, быстро убедился, что, скрестив капитализм с буддизмом, ввести мораль и справедливость в национальную экономику ему не удается. К тому же сложившаяся в стране экономическая система предпринимательства в целом жила независимо от него и была ему неподконтрольна. Такое положение его не устраивало, и он внес кардинальные изменения в свою «экономическую программу». Теперь он не столько пытался убедить капиталистов стать гуманными, сколько призывал строить социализм, а это предполагало формирование сильного госсектора и контроль государства над частным бизнесом.

В связи с этим в своих публичных выступлениях он стал все больше склоняться к пропаганде социализма. Идею соединения в экономической программе положений социализма и буддизма глава государства обосновал в 1961 г. в новом теоретическом труде, посвященном экономике, который был им назван «Некоторые рассуждения

о кхмерском социализме». Он заявил, что «буддизм есть социализм с точки зрения борьбы со злом и социальной несправедливостью»[5]. Но главное в социализме для него было то, что построение социалистического общества предполагало формирование сильного госсектора, а также повышение роли государства во всех экономических процессах. Социализм для нас, отмечал он, это «такой строй, который предполагает сосредоточение управления экономикой в руках государства»[6]. И как глава государства, он рассчитывал, следовательно, через воздействие на экономику упрочить свою власть, устранить возможности формирования независимых от него политических центров силы, которые неизбежно бы возникли в частной и децентрализованной экономике.

В отличие от своей первой экономической работы, во второй он уже не только проклинал капитализм и алчных эксплуататоров, а попытался сформулировать и конкретные предложения, которые, с его точки зрения, могли бы реально продвинуть камбоджийскую экономику, и в первую очередь в ее аграрной части, вперед. Углублявшийся кризис в кхмерской деревне требовал более радикального вмешательства, чем предполагала прежняя программа Сианука, состоявшая в «гуманизации и буддизации».

Переломить кризисные тенденции в сельской экономике он рассчитывал, развивая кредитную и снабженческо-сбытовую кооперацию среди крестьян. Такая кооперация, опирающаяся на помощь государства, должна была способствовать вытеснению китайских ростовщиков и перекупщиков из традиционных сфер их контроля в деревне. Сианук указывал: «Вмешательство государства имеет в настоящее время главной целью дать крестьянам возможность избежать "услуг" частных торговцев, чаще всего иностранцев, которые в течение более чем векового периода практически обладали монополией на закупку сельскохозяйственной продукции и продажу предметов первой необходимости. Благодаря этому они получали огромные прибыли, к которым следует еще добавить доходы от ссуд и ростовщического налога»[7].

Другое предложение Сианука состояло в организации массового организованного переселения крестьян из густозаселенных центральных районов в отдаленные приграничные провинции на востоке и северо-востоке — Ратанакири, Мондолкири, Стынгтраенг, а также в Кохконг на юго-западе. Таким путем глава государства рассчитывал снизить социальное напряжение в центре страны, где процесс обезземеливания и разорения тысяч крестьян неумолимо развивался.

В 1960 г. левая газета «Аекопхиеп» отмечала: «Тысячи крестьян разоряются и покидают деревню по следующим причинам: а) низкая урожайность, так как из-за нехватки удобрений поле фактически ничего не дает; б) безземелье; крестьянин, который не имеет собственного участка земли, хотел бы арендовать его у помещика, но арендная плата очень высока, не имея денег на аренду, крестьянин вынужден работать по найму, но плата за его труд чрезвычайно низка; в) ростовщический гнет; если у крестьянина нет денег, он идет к ростовщику и берет все необходимое под очень высокие проценты; г) перекупщики; крестьянин, имеющий участок земли и благодаря тяжелому труду вырастивший урожай, вынужден по низким ценам продавать его перекупщику. В силу всех этих причин жизнь крестьянина становится все тяжелее, у него нет больше сил терпеть, он распродает свое небольшое имущество, бросает деревню...»[8].

Для этой категории крестьян предполагалось выделить в отдаленных районах земельные участки размером до 5 га, а также предоставить необходимые ссуды на приобретение рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Большое значение Сианук придавал и планам коммунального развития в деревне, предусматривавшим оказание государственной помощи сельским кхумам в подъеме агротехнического уровня земледелия и развития в деревне традиционных форм трудовой взаимопомощи крестьян[9].

Проблемы ирригации, строительства дорог и вообще развития инфраструктуры в деревне Сианук рассчитывал решить, используя так называемое «движение физического труда», т. е. добровольной, безвозмездной работы камбоджийцев «на благо родины». Предполагалось, что все категории населения должны будут определенное число дней в году участвовать в этом «движении»: работать в поле, на ирригационных стройках и т. д. Таким образом, население как бы возвращалось к традиционной практике «королевских работ»[10], и руководство страны рассчитывало без особых затрат обеспечить решение накопившихся в деревне проблем.

Комплекс экономических предложений, изложенных в работе «Некоторые рассуждения о кхмерском социализме», пропагандировался в Камбодже как «экономический курс, который развивается в буддийском духе по срединному пути мудрости и реализма»[11]. Но при более глубоком анализе очевидно, что ни мудрости, ни тем более реализма в предложениях Сианука не было. Например, сама по себе идея вытеснения ростовщического капитала из деревни и замена его

кредитной и снабженческо-сбытовой кооперацией представлялась привлекательной, но в конкретных условиях Камбоджи была малореальной хотя бы уже по чисто экономическим причинам. У государства и близко не было средств, чтобы как-то заменить ростовщический капитал в деревне, поскольку в это время только ростовщический кредит (без товарных поставок) оценивался примерно в 750 млн. — 1 млрд. риелей, что составляло 18–20% стоимости валовой продукции сельского хозяйства страны[12]. Что касается государства, то оно через сеть созданных в 1956 г. кредитных и снабженческо-сбытовых кооперативов могло предоставить крестьянам сумму в 10 раз меньшую, около 100 млн. риелей, что составляло примерно лишь 10% всего сельскохозяйственного кредита[13].

На самом деле громогласные заявления Сианука и других идеологов «кхмерского буддийского пути к социализму» о решительной борьбе с ростовщиками и перекупщиками имели перед собой вполне определенные политические цели, далекие от реальной экономики. Из ростовщиков и перекупщиков правительство страны сделало удобного внутреннего врага, к тому же инонационального. Борьба с этим недругом — главным эксплуататором камбоджийской деревни создавала вокруг Сианука, других приближенных к нему правительственных деятелей ореол народных защитников, что для целей их популистской политики было очень важно. Собственно экономический эффект всей этой кампании должен был состоять в том, чтобы под флагом общенациональной борьбы против ростовщиков и перекупщиков попытаться установить контроль над движением их капиталов.

На взаимоотношениях власти и ростовщического капитала (и связанной с ним так называемой компрадорской буржуазии) следует остановиться особо, так как эти отношения формировали становой хребет существовавшей социально-экономической системы. Ведь в Камбодже после обретения независимости реально существовало два центра власти: политическая находилась в руках главы государства и правительства, а экономическая — в руках компрадорской буржуазии и ростовщического капитала. С самого начала отношения между этими двумя центрами силы развивались сложно и неоднозначно. Компрадоры стремились сохранить свою независимость в сферах экономики и внешней торговли, правительство, наоборот, пыталось максимально подчинить себе ростовщический капитал и остававшийся как бы бесхозным после ухода французов товарный продукт, «изымавшийся ростов-

щиками из крестьянского хозяйства методами внеэкономического принуждения»[14].

Попытки устроить соревнование государственного капитала с ростовщическим в сфере сельскохозяйственного кредита успеха правительству не принесли, поэтому оно, не имея возможности победить ростовщиков экономическими средствами, прибегло к административному давлению, политике запретов и экономических репрессий. В процессе этой борьбы глава государства, как всегда, игнорировал очевидные реалии народного хозяйства, выдвигая на первый план политические и идеологические соображения. Показателен в этом отношении известный указ 1956 г. о запрещении выдачи земельных концессий всем иностранцам, включая лиц китайского и вьетнамского происхождения. С одной стороны, этот указ как бы продолжал былую политику французской администрации, которая запрещала китайцам иметь земельную собственность в Камбодже и не допускала к таковой также представителей ростовщического капитала. Но с другой стороны, при подготовке этого указа камбоджийские власти не учли одного существенного факта: в новых постколониальных условиях, когда экономическое пространство бывшего французского Индокитая распалось на отдельные части, доходы ростовщиков и компрадоров от их операций в Камбодже зачастую уходили за пределы страны. Этнические китайцы подчас просто не имели права вложить их в покупку земли. Иногда, правда, они делали это через подставных лиц, но это не могло в корне изменить ситуацию.

В период протектората деньги, которые выкачивались из камбоджийского сельского хозяйства, поступали в основном в Индокитайский банк в Сайгоне, т. е. сохранялись в сфере общего экономического пространства Индокитая. Теперь же эти деньги уходили в китайские банки в Южном Вьетнаме и уже в Камбоджу не возвращались. Иначе говоря, из-за решений, продиктованных чисто политическими соображениями — не допустить крупного китайского землевладения в Камбодже и сохранить в противовес ему мелкое кхмерское хозяйство, был поставлен фактически крест на развитии крупных товарных хозяйств, способных резко поднять эффективность сельскохозяйственного производства: без многомиллионных вложений компрадоров развитие сельской экономики по пути концентрации земли и роста товарного производства было невозможно.

Вместо того чтобы найти способ привлечь ростовщиков и компрадоров выгодно вкладывать свой капитал в Камбодже, правительство

в начале 60-х годов начало новую фазу антиростовщической и антикомпрадорской войны, которая обернулась, в конце концов, национальной катастрофой. Первый шаг к ней был сделан, когда в ноябре 1963 г. Национальное собрание приняло декрет о реформе банковской и внешнеторговой системы. Эта реформа предусматривала закрытие с 1 января 1964 г. всех частных коммерческих банков[15]. Так правительство пыталось перекрыть каналы, по которым денежные средства переводились за пределы страны. Между тем то были еще и основные каналы денежного обращения и связи Камбоджи с внешним миром.

В результате реформы прекратили свою деятельность несколько крупных французских торговых компаний. Почти одновременно в стране были закрыты иностранные коммерческие банки, в том числе три французских, несколько китайских, два английских, финансировавших, как писал журнал «Фар Истерн экономик ревью», «значительную часть внешнеторговых операций Камбоджи»[16].

Все экспортно-импортные функции упраздненных частных фирм были переданы национальной внешнеторговой компании «Сосьете насиональ д'экспортасьон» (сокращенно: Сонэксим) с капиталом в 240 млн. риелей. Основным пайщиком Сонэксим стало государство (60% акций), остальная часть акций этой компании была распределена среди кхмерских деловых кругов[17]. Вскоре выяснилось, что влиять на операции ростовщического капитала, создав одну подконтрольную государству внешнеторговую компанию, обладающую монополией на экспорт и импорт, правительству не удалось. Единственным «достижением» стала лишь резко возросшая коррупция и активизация контрабанды, а также существенное ограничение кредита, предоставляемого крестьянству. Кроме того, множество китайских оптовых фирм, финансировавших ростовщические операции деревенских лавок, лишились кредитной поддержки и их финансовые возможности существенно снизились. Получилось, что от этой реформы пострадали не только компрадорские круги и китайский капитал, — не менее большой урон она нанесла и сельскому хозяйству страны, которое лишилось десятков миллионов риелей ежегодного кредита.

Сельское хозяйство оказалось тем более в трудном положении, что в результате другой политико-пропагандистской кампании, развернутой в связи с очередной политической интригой главы государства, страна отказалась от получения какой-либо помощи от США. Заявляя, что США пытаются использовать Камбоджу в своих целях, Сианук под лозунгом защиты национальной независимости и традиционных

заклинаний о происках американских империалистов пошел на этот опрометчивый шаг, предпринятый без учета сложившихся политических и экономических реалий.

Значение же американской помощи для подъема экономики независимой Камбоджи было очень велико. Только с 1951 по 1961 г. благодаря этой помощи были проведены ирригационные работы на площади в 70 тыс. га. В реконструкцию одного из самых крупных камбоджийских водохранилищ — Западный Барай — США вложили 40 млн. риелей, а также более чем на 1 млн поставили различного оборудования[18]. На развитие сельского хозяйства страны в 1955–1961 гг. американцы направили почти 5 млн. долл., безвозмездно поставили разных товаров народного потребления, сельскохозяйственный инвентарь, удобрений на общую сумму 162 млн. долл. Общая же помощь США за 1955–1961 гг. составила почти 300 млн. долларов[19].

Прекращение ежегодного притока в страну 45–50 млн. долл. вкупе с дезорганизацией ее внутриэкономической жизни не могли не сказаться на показателях народного хозяйства. Например, в 1963 г. производство риса в натуральном выражении составляло 2700 тыс. т, в 1964–1965 — 2600 тыс., а в 1965/1966 оно не превысило 2400 тыс. т[20]. Несмотря на некоторый подъем в последующие два года, очевидно, что как раз с середины 60-х годов, то есть времени, когда стали сказываться последствия «решительных» шагов и кардинальных реформ 1963 г., кхмерская деревня вступает в период стагнации, когда стали сокращаться занятые под рис сельскохозяйственные площади, а прирост сборов зерна не поспевал за ростом населения. В стране начинает быстро нарастать социальная напряженность, а в 1967 г. в разных районах Камбоджи вспыхивают крестьянские волнения и восстания. Так что борьба с ростовщическим капиталом, радикальный антиамериканизм приносили правящей верхушке страны лишь чисто тактические дивиденды, а в стратегическом отношении все это, по существу, вело к подрыву важнейших элементов системы существования государства.

Непродуманным и малопродуктивным оказалось и другое экономическое «предложение», содержавшееся в программе «кхмерского буддийского пути к социализму». Смысл его, как уже отмечалось, состоял в том, чтобы организовать процесс миграции крестьянских семей из центральных районов страны в отдаленные приграничные области и тем самым снизить социальное напряжение, нараставшее в основных сельскохозяйственных регионах. В призывах и речах

идеологов буддийской доктрины это предложение выглядело вполне логичным, вполне в русле известных начинаний французских властей в этой области. Но при ближайшем рассмотрении оно, так же как и указ о запрещении выдачи земельных концессий иностранцам, было далеко от сложившихся реальностей.

Дело в том, что в период французского протектората страна располагала большим массивом довольно плодородных неиспользуемых земель, требовавших незначительных затрат на их освоение, а это позволяло обеспечить расселение крестьян в новых районах. В 60-х годах в независимой Камбодже положение было уже иным. Резервы целины в районах, благоприятных для освоения, были в основном исчерпаны, предпринятое же в 1956 г. упразднение концессионной собственности отдельных французских плантаторов и передача под контроль правительства нескольких тысяч гектаров принадлежавших им рисовых полей, включая 3 тыс. га в провинциях Сиемреап и Баттамбанг[21], не могли привести к решительному изменению ситуации.

Таким образом, как только резервы целины в местах, благоприятных для освоения, оказались исчерпанными, перестал существовать и последний социально стабилизирующий фактор натурально-товарной системы. Безземельные и разорившиеся крестьяне не переезжали на новые земли, а либо вынуждены были оставаться в деревне на правах арендаторов или поденщиков, либо уходить в поисках работы в города. По данным, приведенным Б. Кьернаном, только с 1958 по 1959 г. приток мигрантов в Пномпень составил 10 тыс. человек, в Кандал — 12 тыс., в Такео — 6 тыс., в Свайриенг и Кампонгчам по 4 тыс., в Кампонгопы — 2 тыс. Так, всего за один лишь не самый плохой по урожайности и климатическим условиям год деревню покинуло почти 40 тыс. человек[22].

Массовый отток крестьян из деревни, рост числа поденщиков, арендаторов и безземельных свидетельствовали о растущих диспропорциях и кризисе натурально-товарной системы. В этом стихийном долговременном процессе можно выделить несколько основных этапов.

Первый — конец 40-х — начало 50-х годов. Политические катаклизмы, гражданская война, насильственное разрушение тысяч крестьянских хозяйств, разрыв многих торговых связей сильно поколебали

устойчивость этой системы, обозначили глубокие противоречия, положенные в ее основу. Второй этап — относительная стабилизация, длившаяся примерно с 1955 по 1965 г. Системный кризис еще далеко не достиг своей кульминации. При общей стабилизации политического положения внутренние противоречия натурально-товарной модели постепенно нарастали, но социальная и экономическая стабильность еще не была подорвана. Этим, а также массированной американской помощью объясняется то, что в стране растет объем сельскохозяйственного производства. Приводимые ниже данные наглядно свидетельствуют об этом:

Таблица 1
Производство сельскохозяйственной продукции, *тыс. т*[23]

	1955 г.	**1965 г.**
Рис	1789,0	2376,0
Кукуруза	104,0	135,8
Пальмовый сахар	25,0	50,0
Табак	5,2	10,5
Кунжут	3,2	8,0
Каучук	31,8	48,9
Хлопок	0,4	5,1

Из табл. 1 следует, что валовой сбор необрушенного риса (падди) увеличился в Камбодже за 10 лет на 24%, кукурузы на 2,4%, однако производство кукурузы не достигло и половины от объема 1939 г. Производство табака увеличилось в 2 раза, каучука — на 35%. Рост валовой продукции сельского хозяйства позволил увеличить экспорт риса и каучука. За 1954–1965 гг. вывоз риса падди вырос с 300 тыс. до 547 тыс. т, а каучука соответственно — с 30 тыс. до 69 тыс. т[24].

Однако все эти успехи были достигнуты почти исключительно за счет экстенсивных факторов и, прежде всего, освоения еще имевшихся в стране новых пахотных земель, площадь которых увеличилась за 1955–1966 гг. на 36%. Средняя урожайность необрушенного риса практически не менялась и оставалась на уровне 10–12 ц/га[25].

О реальной ситуации в стране можно судить анализируя и материальное положение и уровень потребления подавляющего большинства крестьян. Крестьянское хозяйство оставалось мелким, полунатуральным, полностью зависящим от ростовщиков и перекупщиков. Более

того, как показывает статистика экспорта, к середине 60-х годов изъятие риса у крестьян даже увеличилось. Ведь общее производство риса выросло на 25%, а его экспорт — почти на 70%. Не произошло практически никаких изменений и в производственно-техническом оснащении крестьянского труда. Большая часть работ велась вручную, как и прежде, основными орудиями труда были средневековые плуг, борона, да упряжка буйволов.

По данным Р. Прюдомма, в стране насчитывалось лишь 600 тракторов, да и те в основном использовались в крупных хозяйствах провинции Баттамбанг[26]. В мелких же хозяйствах современных средств механизации не было совсем. В 1964 г. Ху Юн, известный камбоджийский политик и экономист левого толка, отмечал: «...Способы и орудия труда в хозяйствах крестьян-бедняков не изменились. Современная техника совершенно не используется. Кхмерский крестьянин не обеспечен полностью даже традиционными орудиями труда, так на один гектар обрабатываемой земли приходится 0,3 плуга, 0,8 бороны»[27]. Следует также добавить, что крестьянские хозяйства обычно не имели возможности регулярно применять химические удобрения. Стоимость их на внутреннем рынке была высока и лишь крупные собственники могли позволить себе их использование. В 1963 г. потребление удобрений составило 6,6 тыс. т, а к 1967 г. возросло до 13,3 тыс., а этого хватало лишь на 10% пахотных земель[28].

Изъятие все большего количества необрушенного риса (падди) из традиционного крестьянского хозяйства происходило как за счет увеличения ростовщического процента, так и за счет повышения цен на потребляемые крестьянами товары. В отдельных провинциях, как, например, в Баттамбанге, к этому добавлялся и откровенный произвол местных чиновников, беззастенчиво грабивших крестьян, отбиравших у них намного больше положенного. В условиях, когда объем производства в крестьянских хозяйствах практически не рос, это означало заметное увеличение степени их реальной эксплуатации. Этот вывод подтверждается и неуклонным возрастанием нормы ростовщического процента, на погашение которой и уходила львиная доля продукции. В начале 60-х годов ставка равнялась 50–60% ссуды в год, а в конце 60-х достигла уже 100%[29].

В это время общая задолженность деревенского населения составила огромную сумму — 500 млн. риелей, из них 300 млн. крестьяне были должны китайским ростовщикам, торговцам и перекупщикам[30]. По словам Дельвера, ситуация в деревне была такова, что «...даже

если крестьянин не имеет долгов и может продать урожай торговцу, он вынужден делать это на очень плохих условиях. Как правило, крестьянин не располагает необходимыми помещениями для складирования и хранения урожая... Он вынужден продавать его сразу же после уборки, когда цены низкие... Крестьянин вынужден продавать свой урожай на месте, так как его средства транспорта — лодка и повозка — имеют очень ограниченные возможности»[31]. Данные полевых исследований, приведенные в книге Р. Прюдомма, свидетельствуют, что в отдельных кхумах центральной провинции Кандал после сбора урожая 67% крестьян не могли полностью расплатиться с долгами[32] и им приходилось вновь обращаться к ростовщику. В обследованных деревнях долг крестьянина составлял в среднем 6,5 тыс. риелей[33].

Получилось, что вся борьба правительства с ростовщическим капиталом привела только к разбуханию этого капитала, перемещению многих его операций «в тень», в сферы, абсолютно неподконтрольные государству. На другом полюсе оказались нищавшие и разорявшиеся в условиях дефицитного и очень дорогого кредита крестьянские хозяйства. Такой разбалансированности натурально-товарной системы французская администрация никогда не допускала. Она, как уже отмечалось, шла подчас на самые решительные меры, вплоть до аннулирования всех крестьянских долгов ростовщикам ради сохранения основных пропорций системы. В период независимости системный подход к управлению государством, доказавший свою эффективность при протекторате, был фактически утрачен. Вместо этого сменявшие друг друга правительства прибегали к любым популистским мерам.

2. Проблемы аграрной политики: социальная дифференциация и обнищание кхмерской деревни

Массив мелких крестьянских хозяйств в стране оказался настолько велик, что вплоть до середины 60-х годов, несмотря на процесс расслоения и разорения крестьянства, они продолжали господствовать и выступать как основа сельскохозяйственного производства и особенно рисоводства. К 1963 г. в стране сложилось сле-

дующее распределение земельной собственности по разным группам хозяйств[34].

Таблица 2

Группы хозяйств по размерам земельной собственности, га	Число хозяйств		Земельный фонд	
	Тыс.	%	Тыс. га	%
Менее 1	256,3	30,7	126,8	5,2
1–2	186,4	22,3	260,3	10,7
2–5	272,5	32,6	926,6	37,9
5–10	86,9	10,4	608,5	24,8
10–20	28,4	3,4	386,5	15,8
Свыше 20 га	5,0	0,6	138,0	5,6
Всего	835,5	100	2446,7	100

Из приведенной табл. 2 следует, что в 1963 г. крестьянских хозяйств площадью менее 2 га было 53%, в том числе 30,7% имели менее 1 га и на их долю приходилось лишь 5,2% пахотного фонда страны. Крестьяне из этой группы балансировали на грани разорения и потери земли. Именно они ежегодно брали дополнительные участки земли на условиях издольной аренды. К этой социальной группе примыкала и довольно многочисленная часть крестьянских хозяйств размером в 1–2 га. Ведь на малоплодородных песчаных землях урожайность риса была крайне низкой (0,7–0,9 т/га) и эти владельцы также вынуждены были становиться арендаторами. Даже если предположить, что таких крестьян насчитывалось всего 40% от общего числа хозяйств размером в 1–2 га (а это минимальная цифра), то мы получим еще 75 тыс. хозяйств, балансировавших на грани разорения. Всего же к 1963 г. в таком положении находилось примерно 320 тыс. из 835 тыс. хозяйств.

Данные, полученные в результате обследования 1963 г., свидетельствуют все же, что в это время некоторый запас социальной стабильности в деревне еще сохранялся и держался он главным образом на массе достаточно устойчивых, средних по камбоджийским меркам, крестьянских хозяйств. В эту группу можно включить примерно 100–105 тыс. дворов с участком в 1–2 га, которые в отличие от тех, о ком упоминалось выше, располагались в районах с более высокой продуктивностью рисовых полей, а также там, где наряду с производством риса важным

источником доходов было рыболовство. По данным Г. Г. Сочевко, «крестьяне этих хозяйств избегают приарендовывать землю или работать по найму в крупных хозяйствах»[35]. Доходы этой категории крестьян были минимальны, а весь процесс посадки, выращивания и сбора риса осуществлялся ими на самом примитивном уровне. Вся жизнедеятельность таких хозяйств полностью зависела от регулярно возобновляемого ростовщического кредита.

К этой же группе примыкало еще 272 тыс. дворов, земельные владения которых, как следует из табл. 2, составляли от 2 до 5 га. Их хозяева обрабатывали почти 40% пахотных земель страны и, несмотря на зависимость от ростовщического кредита, их положение можно было считать более стабильным. В то же время при анализе этой группы хозяйств встает вопрос: почему их численность с 1956 по 1963 г. возросла более чем вдвое — с 90 тыс. до 272 тыс.? Ведь никакие документальные источники не свидетельствуют о таком стремительном росте числа середняков. Скорее наоборот, только за счет естественного демографического роста и дробления крестьянских наделов их численность должна была уменьшиться. Наиболее вероятный ответ на этот вопрос заключается в том, что, скорее всего, данные о группе с наделами от 2 до 5 га в документах обследования 1963 г. были искусственно завышены. Причина этого состояла, по всей видимости, в том, что именно такой хотел видеть эту статистику глава государства. Сианук убеждал себя, стремился убедить других, что Камбоджа — процветающая страна, где крестьян-середняков большинство и они вполне довольны своей жизнью. И данные о большом, даже преобладающем числе хозяйств, стоявших на грани разорения, были бы нежелательны. Поэтому численность беднейших хозяйств, которых в 1956 г. насчитывалось 402 тыс., искусственно уменьшили, а количество средних, соответственно, искусственно увеличили. Вполне очевидно, что данные обследования 1956 г. гораздо надежнее данных 1963 г., потому что первые были собраны при активном участии французских специалистов, а главное — собраны в то время, когда проблема землевладения и землепользования не была еще так политизирована.

При всех «улучшениях» пропорций, однако, общее число хозяйств размером от 0 до 5 га, приведенное в обследовании 1963 г., вполне согласуется с данными 1956 г. В первом случае таких хозяйств было 92%, а во втором, в 1963 г., — стало 85,3%. Уменьшение их числа на 7% вполне соответствовало реальным процессам, проходившим в аграрном секторе Камбоджи, в котором доля крупного по

камбоджийским меркам землевладения увеличивалась. Так, численность хозяйств размером от 5 до 10 га возросла с 48 тыс. в 1956 до 86,9 тыс. в 1963 г. Число хозяйств размером 10–20 га также выросло, причем сразу в три раза — с 9 до 28,4 тыс. В 4 раза больше появилось крупных землевладений площадью свыше 20 га — их было 1,2 тыс., а стало 5 тыс. Последние три категории хозяйств вместе составляли лишь 14,4% всех владений, а располагали 46,2% пахотной земли страны.

Приведенные данные опровергают широко распространенное представление о том, что «процесс концентрации земли в Камбодже не зашел настолько далеко, чтобы привести к образованию здесь широкой прослойки крупных землевладельцев»[36]. На самом деле такой достаточно «широкий» слой был и существовал он за счет сдачи принадлежавшей ему земли в аренду безземельным крестьянам, за счет торговли и ростовщических операций. По утверждению Н. Н. Бектемировой, «в группу крупных земельных собственников входили король, его родственники, дворцовая аристократия. Отдельные буддийские монастыри владели большими земельными участками»[37].

С конца 50-х годов к этой как бы первоначальной группе земельных собственников присоединилась верхушка гражданской и военной бюрократии. Верхние эшелоны кхмерского чиновничества, нажив большие капиталы на реализации программ иностранной помощи, злоупотреблениях и хищениях в аппарате и в государственном секторе экономики, начали вкладывать средства в земельные владения, скупая участки в окрестностях городов у разорившихся крестьян. Процесс концентрации земли в их руках препятствий не встречал, поскольку только иностранцам запрещалось приобретать в собственность земельные угодья в Камбодже. По данным, которые приводит в своей книге Ш. Мейер, «в 1962 г. около 30 тыс. чиновников владели землей и сдавали ее в аренду»[38].

Таким образом, даже общие цифры, характеризующие распределение земельной собственности в среднем по стране, свидетельствуют, что социальное расслоение в деревне уже в начале 60-х годов было вполне реальным. В отдельных же районах оно достигло крайней степени. По данным, приведенным в книге Ху Юна, в ряде деревень центральных провинций, особенно Кандал, Свайриенг, Прейвенг, крестьяне, имевшие менее 1 га (как правило, 0,4 га), составляли 92% населения. В большинстве кхумов центральных районов страны владения в 1–2 га охватывали не менее 70–90%[39]. Исследования,

проведенные в провинции Кампонгчам, также свидетельствуют о заметном социальном расслоении. В кхуме Крала, например, 80% крестьян владели лишь 36% земли, из них на долю 44% приходилось лишь 2% земельного фонда. Остальные 20% хозяйств располагали 64% пахотных земель. В кхуме Роанг у 66% крестьян было лишь 14% земли (причем 12% из них были беднейшими и почти безземельными), 28% хозяйств относились к категории богатых и владели 39% земельного фонда. Остальные 47% сельскохозяйственных угодий принадлежали 6% крупных земельных собственников[40].

Ху Юн, который специально занимался вопросами социального расслоения в деревне, в своем исследовании отмечал, что «если обобщить все имеющиеся статистические данные, то можно сказать, что в различных районах Камбоджи безземельные крестьяне составляют от 5 до 40%, а если включить в эту категорию и крестьян, имеющих мельчайшие участки земли, то от 5 и до 90%»[41]. Всего же он считал, что численность крестьян, живущих либо за счет аренды земли, либо за счет продажи собственного труда, составляла к середине 60-х годов 35% всего населения[42].

Ху Ним, другой известный теоретик коммунистического движения в Камбодже, который также занимался аграрными вопросами, пришел в результате своего исследования к следующим выводам: 16,83% крестьян не имели собственного участка земли и продавали свой труд, работая в хозяйствах крупных землевладельцев; у 36,17% был маленький участок земли (менее 1 га), но, как правило, не было достаточно орудий труда, тяглового скота, и они вынуждены были искать дополнительные источники дохода; доходы 29,34% из числа так называемых середняков (хозяйства в 2–5 га) из-за низкой продуктивности сельскохозяйственного производства и роста цен были ограниченны и они жили в стесненных условиях. И лишь 17,66% земельных собственников можно было отнести к категории зажиточных и богатых, которые сдавали свою землю или ее часть в аренду, сочетая этот источник дохода с использованием наемного труда и ростовщическими операциями[43].

Социальная напряженность в сельской местности усугублялась еще и тем, что в Камбодже действовал интерференционный феномен, отмеченный еще В.И. Глуниным и А.С. Мугрузиным в предреволюционной китайской деревне. Смысл его состоял в следующем: «...Наличие огромной массы бедноты и пауперов, составляющих примерно 60% деревенских жителей (в Камбодже существовали области

и с большей концентрацией бедноты. — *Д. М.*), оказывало громадное давление на остальное крестьянство и порождало такое характерное явление, как сдвиг характеристик социальных слоев на одну-две ступени... Например, часть мелких помещиков, жизненный уровень которых ненамного превосходил среднекрестьянский, в иных условиях была бы отнесена к сравнительно мелким арендодателям. Большая часть кулаков по скромным масштабам производства и применения наемной рабочей силы могла быть отнесена к зажиточным середнякам, а то и просто середнякам»[44].

3. Факторы углубления экономического кризиса: провал кооперации и разгул коррупции

Появление массы безземельных крестьян, которых выталкивала из деревни нужда, порождаемая отсутствием работы и средств к существованию, было лишь одним из факторов нарастания социальной напряженности в стране. Другими факторами были крах кооперативной политики и коррупция, во многом парализовавшая деятельность институтов государства.

С первых лет своего прихода к власти Сианук считал ключевым элементом своей политики в деревне курс на кооперацию крестьянства. Уже в 1956 г. по его инициативе в Камбодже была образована первая государственная кредитная организация — «Королевская служба кооперации» (сокращенно ОРОК) с учредительным капиталом 100 млн. риелей[45]. Она охватывала систему кредитных, снабженческо-сбытовых и производственных кооперативов, опиравшихся на финансовую поддержку государства. Важнейшей частью этой системы стали кредитные кооперативы, посредством которых ОРОК проводила свои ссудные операции в сельском хозяйстве. Г. Г. Сочевко, изучавший эту проблему, приводит такие данные: «Членами кредитных кооперативов являлись как индивидуальные, так и коллективные пайщики, представленные в последнем случае соответствующими снабженческо-сбытовыми, а также отдельными производственными кооперативами. Ссудный процент кредитных кооперативов составлял для краткосрочных займов от одного года — 1 % ежемесячно (12 % в год), для займов от 1 года до 5 лет — 8 % ежегодно, для долгосрочных кредитов от 5 до 15 лет — 7 % ежегодно»[46].

Финансовые операции ОРОК носили характер ипотечного кредита, т. е. предоставлялись обычно под залог земельной или иной другой недвижимой собственности. Обладание такой собственностью было главным условием вступления индивидуальных пайщиков в кредитные и другие кооперативные организации. Хотя размеры залоговой собственности в уставе ОРОК определены не были, очень быстро выяснилось, что кредиты в основном направлялись не мелким хозяевам, для которых они были бы единственным способом выживания, а средним и крупным землевладельцам. Таким образом, мелкие и мельчайшие хозяйства оказались отрезанными от процесса кооперации. Такая практика шла вразрез с заявлениями Сианука и его высших чиновников о том, что главная цель кооперации — поддержка именно мелких и слабых хозяйств. На практике все оказалось иначе.

В 1956–1961 гг. в Камбодже было создано 13 кредитных, 292 снабженческо-сбытовых, а также 11 производственных кооперативов, насчитывавших, по официальным данным, свыше 200 тыс. членов-пайщиков [47]. За первые шесть лет своей деятельности (1956–1962) кредиты ОРОК, предоставленные коллективным и индивидуальным пайщикам, составили 140,4 млн. риелей[48].

Таким образом, среднегодовые кредиты ОРОК не превышали 30–32 млн. риелей — сумма совершенно недостаточная для широкого развития в стране кооперативной системы.

Первая волна политики поощрения кооперативов спала к 1962 г., когда общая сумма кредитов, не погашенных с 1956 г., составила 350 млн. риелей, т. е. кооперативы фактически не вернули ни одного риеля из средств, полученных ими и через ОРОК и от своих пайщиков[49]. Главе государства стало ясно, что продолжать их кредитование бессмысленно. Однако в очередной раз политические соображения толкнули его к продолжению этой бессмысленной и расточительной кампании. Дело в том, что на волне похода против прозападных сил в политике и укрепления госсектора и роли государства в экономике Сианук возобновил борьбу с ростовщическим капиталом, с нелегальной торговлей рисом и перекупщиками. Крестьянские кооперативы снова понадобились как главная надежда и оплот этой политики.

В 1963–1965 гг. очередной виток кооперации дал стране свыше ста новых кооперативов, т. е. их общее число выросло более чем на 30%[50]. В 1965 г. система сельской кооперации насчитывала 457 организаций, охватывавших 275,4 тыс. хозяйств, или 32% всех сельских хозяйств Камбоджи[51]. За то же время общий объем кредитов, выданных ОРОК

кооперативам, увеличился почти в два раза: со 140 млн. до 265 млн. риелей[52]. Однако даже эта сумма, существенно превышавшая показатель конца 50-х годов, не шла ни в какое сравнение с теми масштабами, которые приобрел ростовщический кредит, многократно ее превосходивший.

Поскольку государство не располагало достаточными средствами, а кооперативы, как правило, не возвращали ему долгов, это привело к постепенному сокращению числа кооперативов. В 1967/68 г. сумма непогашенных кредитов составила 70 млн. риелей[53]. Эта относительно невысокая цифра задолженности не должна вводить нас в заблуждение — ее уменьшение по сравнению с показателем 1962 г. вызвано было тем, что из-за «невыплаты крестьянами части кредитов кооперативам, а кооперативами — государству, ОРОК запретила предоставление новых кредитов провинциальным и ликвидировала несколько сот снабженческо-сбытовых кооперативов»[54]. Получилось, что те кооперативы, долг которых оказался особенно велик, были просто ликвидированы и их долги перестали учитываться в общей статистике долга кооперативов. Ликвидация их свидетельствовала о полном развале всей системы. К концу 1968 г., например, только в объединении кооперативов провинции Баттамбанг дефицит бюджета достигал 300 млн. риелей[55].

К концу 60-х годов, как отмечает Н. Н. Бектемирова, «сохранение ОРОК диктовалось скорее политическими мотивами, нежели экономическими»[56]. Действительно, ни одной из поставленных перед ними целей кооперативы не выполнили. В социальном отношении — фактически не затронули наиболее бедных и разорявшихся крестьян, которых более зажиточный деревенский социум просто отказывался принимать в кооперативы. Тем самым они не способствовали уменьшению социальной напряженности в деревне, наоборот, еще более ожесточали низший слой деревенского сообщества.

В экономическом отношении кооперативы так и не стали достойным противовесом ростовщическому капиталу. Они лишь безвозвратно растратили значительные государственные кредиты. Да и в других отношениях — в пропагандистском и в идеологическом, как свидетельство заботы властей о крестьянах, они не принесли правительству ощутимых дивидендов.

Крах кооперативной системы был закономерен ввиду очевидной с самого начала нереальности задач, поставленных перед нею. Любой объективный анализ мог показать, что кхмерское государство, слишком

слабое экономически, не способно было конкурировать с ростовщическим капиталом, не спровоцировав в стране тяжелый кризис. Однако амбиции и политические расчеты Сианука взяли верх над экономическими реалиями, и кооперативы стали фактически разменной монетой в его политической борьбе.

Еще одна причина их крушения заключалась в том, что при существовавшей в стране натурально-товарной системе традиционные единоличники — кхмерские крестьяне — оказались психологически не готовы к восприятию идеи кооперации как таковой. Создаваемые государством кредитные кооперативы были, по сути, продуктом товарного хозяйства. Такое хозяйство предполагает, как известно, определенный тип поведения и определенный тип хозяина. Но никаких предпосылок к появлению таковых в камбоджийской деревне создано не было. Крестьяне продолжали вести натуральное и полунатуральное хозяйство. Средства, поступавшие через кредитные кооперативы, рассматривались ими скорее как государственная помощь, проявление традиционного покровительства и патронажа со стороны государства, а потому полученное совершенно не обязательно было возвращать.

Отношение к кредиту как к капиталу, правильное использование которого сможет принести дополнительный доход и позволит расширить хозяйство, кхмерской деревне было чуждо. Подтверждением этого может служить, например, анализ потребления воспроизводимого в сельском хозяйстве продукта. Если разложить его на составные части, то обнаружится, что значительное место в нем занимали свойственные только традиционному укладу жизни виды потребления производимого продукта вообще и прибавочного продукта в частности. По самым скромным расчетам, по меньшей мере 30–32% всех доходов крестьянской семьи в Камбодже поглощало выполнение традиционных обязанностей и обычаев. Это и обязательное вспомоществование буддийским монахам, регулярные дары и отработки в ближайшем буддийском монастыре, необходимая помощь более бедным родственникам, либо просто нуждающимся членам деревенского сообщества и т.д.

Система потребностей крестьян не укладывалась в систему товарного хозяйства. Вот почему в Камбодже «доминирующая общественная тенденция мелкого товарного производства… состояла не в обогащении производителя, а лишь в получении производителем потребительских стоимостей для самого себя (произведенный им продукт обменивался на рынке на предметы первой необходимости)»[57]. Таким образом, можно констатировать, что в Камбодже 60-х годов психология тысяч

крестьян, ориентированная на традиционные ценности, не была готова к восприятию товарных отношений.

Это объяснялось не только тем, что в деревне господствовало натуральное производство, но и политикой, проводимой самим камбоджийским правительством. Во многом по его вине в стране не состоялась классическая формула трех фаз разложения крестьянства в условиях развития товарных отношений в деревне, когда мелкое натуральное хозяйство перерастает в мелкотоварное, затем — развитие последнего по законам рынка приводит к появлению наемных сельскохозяйственных рабочих, с одной стороны, и крупных землевладельцев — с другой. Страна встала фактически на путь так называемого двухэтапного перехода, при котором мелкий натуральный производитель эволюционирует в паупера, а воспроизводственный процесс мелкого хозяйства не проходит стадии товаризации. Происходившая в Камбодже пауперизация крестьянства была на деле разорением мелкого производителя на основе натурального хозяйства.

Этот вывод представляется чрезвычайно важным, ибо объясняет причины необыкновенной привлекательности коммунистических лозунгов уравнительности, антиурбанизма и кхмерского национализма для тысячи крестьян. Наличие в стране масс разорившихся, выбитых из своей социальной ниши крестьян-пауперов, далеких от любых форм товарной психологии и товарной экономики, во многом предопределило и победу коммунистических сил в Камбодже в апреле 1975 г. и последующее установление в стране так называемой «бестоварной» системы аграрных отношений.

Среди факторов, способствовавших нарастанию кризиса экономической системы, прочное место занимала и коррупция, которая, по словам весьма добросовестного исследователя Ж. Шеверну, «охватывала весь госаппарат сверху донизу»[58]. Действительно, за короткое время после ухода французов банальное взяточничество превратилось в серьезнейшую государственную проблему. Огромная и все возраставшая армия государственных чиновников буквально обирала страну. Например, численность гражданских и военных чиновников, составлявшая в 1956 г. 66,5 тыс.[59], в 1961 г. уже достигла 71,8 тыс., тогда как за то же время личный состав армии сократился с 40 до 34 тыс.[60] Таким образом, общее число гражданских чиновников увеличилось за пять лет более чем на 10 тысяч человек.

На содержание чиновников, которые в основном были сосредоточены в Пномпене (вся провинциальная администрация не превышала

1 тыс. человек), уходила львиная доля расходной части бюджета. В 1956 г. это было 66,6%[61], а в 1961 г. — 53,6%[62]. Снижение своего жалованья чиновники компенсировали расхищением налогов, которые собирали от имени государства. Показательные цифры: в 1954 г. налоговые поступления составляли 60% доходной части бюджета, а лишь через три года, в 1957 г., при полном сохранении налоговой системы сократились до 25%, в некоторых же провинциях их доля стала еще меньше[63].

Поскольку коррупция набирала обороты — резко понизилась эффективность всего аппарата управления по сравнению с периодом французского протектората, фактически была парализована реализация многих важных государственных программ. Иллюстрирует это, например, состояние той же кооперации, которая, по словам Г.Г. Сочевко, «была отдана на откуп» чиновникам ОРОК, рассматривавшим свои служебные посты главным образом «с точки зрения возможностей личного обогащения»[64]. Этот факт признавал и Сианук, прямо говоривший, что из-за продажности административного аппарата ОРОК и казнокрадства эта организация «не выполнила своих задач — освобождения мелкого производителя от гнета торговцев-иностранцев и повышения покупательной способности крестьян». И он делал вывод: «Выгоды от ОРОК получила лишь небольшая группа лиц»[65]. Вот как комментировали ситуацию Ж.К. Помонти и С. Тьон: «...Кредиты, предоставлявшиеся кооперативам, не всегда использовались на производственные нужды. Иногда они просто разбазаривались и расхищались. Торговцы-ростовщики, богатые крестьяне, представители местных органов власти, захватившие руководство кооперативами, на ссуды, получаемые от государства, закупали товары, которые не были нужны крестьянам, а находили сбыт в городе, например, французскую парфюмерию, предметы роскоши»[66].

Бесконтрольное самоуправство чиновников в деревне, фактическое бесправие крестьян в условиях коррумпированной бюрократической системы, а по словам Ш. Мейера, в 60-е годы «из страны вообще исчезла всякая видимость правосудия»[67], — все это обостряло противоречия между органами власти на местах и крестьянством. Газета «Чхием кхмае» писала, например: «Сейчас Камбоджа страдает от серьезной болезни, которая все сильнее поражает страну — от взяточничества... Деятели высоких и низких рангов, используя свое положение, берут взятки у населения, обкрадывают казну. Они строят себе дома, покупают иностранные машины и получают новые чины

и звания. Население ненавидит чиновников, не хочет иметь с ними дела. Народ не желает платить налоги, так как знает, что они не поступят в казну, а будут разворованы»[68].

Во второй половине 60-х годов стало давать о себе знать и еще одно дестабилизирующее кхмерское общество явление, вызванное стремительным ростом городского населения. Обеспечить его в полной мере продуктами питания государство оказалось не в состоянии[69]. Впервые в Камбодже начались перебои с поставкой риса в города, цены на него резко выросли. Дефицит риса в стране обострился из-за его контрабанды в Южный Вьетнам, которая в середине 60-х годов достигла огромных масштабов. По данным Р. Прюдомма, «в 1966 г. 130 тыс. тонн риса, или 40% всего рисового экспорта, было нелегально переправлено в руки вьетнамских коммунистов и на "черный рынок" в Сайгоне»[70]. Цены на рис в Южном Вьетнаме были выше, чем в Пномпене, поэтому перекупщики и «купленные» ими кхмерские чиновники, имевшие свой процент прибыли от контрабандных операций, стремились всячески увеличить объемы незаконного вывоза риса. Для этого они максимально увеличивали нормы изъятия риса у крестьян. Поэтому общее повышение цен на рис в Камбодже не привело не только к улучшению, но даже к заметному ухудшению положения массы крестьянства, особенно беднейших слоев. Ведь в условиях натурально-товарной экономики рис, как уже отмечалось, превращался в товар не на уровне производства, а лишь попадая в руки ростовщиков, которые, чтобы получить большую прибыль, все время ужесточали условия предоставления кредитов. По сравнению с 50-ми годами крестьяне вынуждены были отдавать ростовщикам гораздо больше риса при практически неизменных показателях эффективности своего производства. Кхиеу Самфан, изучавший этот вопрос, писал в 1965 г., что 50–60% всего урожая изымаются у крестьян ростовщиками[71]. Такие объемы изъятия продукции у производителя не могли не стать для кхмерского государства угрозой неизбежных социальных потрясений.

Страну поразил также жестокий финансовый кризис. В 1960 г. Камбоджа получила иностранных кредитов на сумму 1600 млн. риелей, а в 1965 г. — лишь на 1038 млн.[72] С учетом же инфляции, приток финансовых средств из-за рубежа был на самом деле еще меньше. В связи с этим почти все планы экономического развития остались лишь на бумаге, поскольку, например, выполнение трехлетнего плана 1955–1958 гг. планировалось обеспечить на 97% за счет иностранной

помощи[73], доля которой в первом пятилетнем плане 1960–1964 гг. должна была составить 31% всех инвестиций[74]. Из-за нехватки средств для внутренних капитальных вложений и сокращения внешней помощи этот план был выполнен лишь на 70%[75].

Глава государства стремился показать экономические успехи страны и вынуждал правительство идти на увеличение государственных расходов, что приводило к росту дефицита государственного бюджета. В мае 1966 г. на семинаре по экономическим вопросам он заявил: «В данный момент мы отступаем в области экономики по всем направлениям и это отступление продолжается на протяжении всего периода 1965–1966 гг.»[76]. И Сианук потребовал переломить эту тенденцию. Однако в 1967 г. дефицит бюджета, по данным министерства финансов, составил рекордную цифру — 1 млрд. риелей[77], а к 1969 г. увеличился до 1,5 млрд. риелей. В 1969 г. было собрано риса лишь 2,29 млн. т — на 881 тыс. т меньше, чем в 1968 г., кукурузы — на 36 тыс. т меньше, сократился и сбор латекса [78]. А все это были главные экспортные продукты камбоджийского государства, доход от вывоза которых был критически важен для наполнения национального бюджета.

Неспособность государства разрешить нараставшие экономические и социальные диспропорции, повальная коррупция чиновничества вызывали недоверие к властям у миллионов камбоджийцев, недовольство практически всех слоев населения. Особенно сильно это проявлялось в беднейших слоях крестьянства, у людей, потерявших землю и средства к существованию, балансировавших на грани выживания. В таких условиях призывы коммунистов к революционному выходу из кризиса путем установления социальной справедливости, равенства, уничтожения коррупции и устранения ее носителей получали массовую поддержку. В камбоджийской реальности все, что предлагалось коммунистами, воспринималось как чуть ли не единственная альтернатива кризису.

А между тем кроме революционных путей выхода из кризиса натурально-товарной системы всегда существовали и другие эволюционные методы. Возможность их реализации предполагалась самой двойственной природой натурально-товарного хозяйства, в рамках которой существовали предпосылки развития по пути увеличения товарности крестьянских хозяйств их перерастания в конечном счете в современное фермерское производство. Но продвигаться по такому пути можно было только постепенно, в русле реалистичной и последовательно прорыночной аграрной политики. Именно так и происходило

в соседнем Таиланде, где однотипные с кхмерскими крестьянские хозяйства неуклонно наращивали свою товарность и постепенно превращались в элемент рыночной системы. В Камбодже такая политика стала претворяться в жизнь слишком поздно.

Только в конце 1968 г. Сианук вынужден был признать полный крах своего экономического курса и согласиться на формирование в связи с этим особого органа — так называемого комитета по подъему экономики и финансов. В него вошли ключевые министры правительства, представитель Национального собрания и Совета королевства. Этот комитет — фактически чрезвычайный экономический орган попытался резко повернуть курс развития камбоджийской экономики: принял решение о привлечении в страну иностранных инвестиций и обратился к международным финансовым организациям — Азиатскому банку развития, Международному банку реконструкции и развития с просьбой предоставить Камбодже кредиты на покрытие бюджетного дефицита. Одновременно в стране была объявлена политика строгой экономии: введены новые налоги, повышены цены на горючее[79]. В середине ноября 1969 г. правительство, в котором уже доминировали противники Сианука, приняло три декрета, означавшие окончательную отмену реформ 1963–1964 гг. Это были решения «о либерализации банковской системы», «о частичной либерализации внешней торговли» и «о разграничении сфер деятельности государственного и частного секторов экономики». Последний декрет предусматривал на деле денационализацию госсектора[80].

Однако все эти меры сильно запоздали по времени, а главное, мало кто верил, что те же самые люди, давно замешанные в коррупции и контрабанде, дискредитировавшие себя, смогут отныне управлять экономикой эффективно. Тем более что во многих провинциях Камбоджи происходили почти ежедневные столкновения отрядов Компартии, перешедшей с 1967 г. к партизанской войне с правительственными войсками, что свидетельствовало о том, что социальный кризис в деревне зашел уже очень далеко. Для стабилизации положения в стране требовались куда более радикальные экономические мероприятия, чем просто отказ от экономических постулатов «кхмерского буддийского пути к социализму».

Можно сказать, что в это время Камбоджа расплачивалась за то, что на протяжении многих лет ее власти, и прежде всего глава государства, проводили в высшей степени неэффективную экономическую политику, препятствовали развитию частного предпринимательства

и особенно — товарных форм в системе аграрных отношений. В результате без притока капиталов извне (из-за попыток «закрыть» дорогу в деревню ростовщическому капиталу) усилилась эксплуатация мелких производителей, земельные отношения потеряли внутреннюю динамику развития, началась консервация самых отсталых признаков натурально-товарного хозяйства. В стране в 60-е годы фактически действовал закон экстенсивного увеличения прибавочного труда, когда интенсивно потреблялась лишь рабочая сила производителя, тогда как применение овеществленного труда ограничивалось лишь совершенно необходимыми орудиями и средствами производства (семена, плуг, рабочий скот). Такая форма эксплуатации, подчиненная одной цели — присвоению максимально возможной доли чужого труда в виде меновой стоимости при сохранении натуральных основ воспроизводства хозяйственного организма, стала, по выражению В. Г. Растянникова, «мощным депрессором роста производительной силы труда»[81]. Усиление ростовщического гнета и увеличение внеэкономического изъятия продуктов крестьянского производства без последующей трансформации господствовавшей в стране системы издольной аренды в капиталистическое производство знаменовало, по его словам, «нарушение органической взаимосвязанности стадий единого социально-экономического процесса, их разрыв»[82].

Это была подлинная национальная катастрофа, последствия которой сказались практически немедленно: уже с конца 60-х годов Камбоджа превратилась в зону перманентной нестабильности, политических репрессий, обобществительных экспериментов и гражданских войн.

ГЛАВА VI

КХМЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СИАНУКА 1953–1970 гг.

1. Партия «Прачеачун» и ее борьба

Разгром и распад Кхмер Иссарака, эмиграция во Вьетнам ядра партийных кадров привели к тому, что в первые годы после получения страной независимости кхмерские коммунисты пребывали в состоянии глубокого кризиса. Единой партийной организации как таковой просто не существовало. Реально действовали три центра консолидации: один в Ханое, где пребывала основная часть партийных деятелей и членов партии, покинувших Камбоджу вместе с вьетнамской армией. Официально находились они там на «учебе», реально же — постепенно осваивались во Вьетнаме, получали работу в различных вьетнамских партийно-государственных и военных структурах. Лишь немногие из них возвратились в это время в Камбоджу. Наиболее известным лидером ханойских кхмеров был Сон Нгок Минь — бывший глава Кхмер Иссарака, многолетний соратник вьетнамских коммунистов, их прямая креатура в коммунистическом движении в Камбодже. Он пользовался определенным авторитетом среди кхмерских коммунистов, но долгие годы практически не выезжал из Вьетнама и не обладал всей информацией о положении в стране. В контактах с советскими дипломатами вьетнамские представители отмечали, что находящиеся в Ханое «товарищи из Камбоджи не имеют новых информаций и поэтому ЦК ПТВ (Партии трудящихся Вьетнама) недостаточно хорошо знает действительную обстановку в стране»[1]. Ханойские коммунисты, как показали дальнейшие события, долгое время оставались изолированными от событий в Камбодже и не имели возможности оказывать на них какое-либо серьезное воздействие.

Вторым центром консолидации коммунистов стала группа «Прачеачун», возникшая в 1955 г. как «легальное крыло Народной (Народно-революционной. — *Д. М.*) партии, объединившей бывших участников движения сопротивления и действовавшей в подполье»[2]. Легальное крыло этой партии — группа «Прачеачун» управлялась

так называемым Всекамбоджийским руководящим комитетом[3], куда вошли перешедшие на легальное положение некоторые высокопоставленные члены НРПК во главе с одним из ветеранов партии Кео Миа. Этот давно и тесно связанный с вьетнамскими коммунистами революционер возглавил «Прачеачун». Советские дипломаты считали, что благодаря этому «вьетнамские товарищи оказывали помощь партии "Прачеачун" и в пределах своих возможностей направляли ее работу»[4]. Другим свидетельством активного участия вьетнамских коммунистов в деятельности «Прачеачун» стали документы, захваченные полицией Сианука в 1962 г. и использованные во время суда над одним из партийных лидеров — Нон Суоном и его товарищами. Судя по содержанию этих документов, группа «Прачеачун» действовала в непосредственном контакте с вьетнамскими коммунистами, получала от них указания и конкретные задачи. При этом ею руководили не из ханойского центра кхмерских коммунистов, а непосредственно из Южного бюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ), находившегося в одном из освобожденных районов Южного Вьетнама[5]. Любопытно, что среди захваченных в 1962 г. документов «Прачеачун» не встретилось ни одной бумаги, которая бы говорила о связи с Сон Нгок Минем, с ханойским центром или с нелегальными структурами НРПК, действовавшими в Камбодже в глубоком подполье. Это может означать, что «Прачеачун» примыкала скорее не к кхмерским, а к вьетнамским коммунистическим структурам.

Остававшееся в подполье руководящее ядро НРПК было третьим центром консолидации кхмерских коммунистов. В нелегальной работе «принимали участие наиболее подготовленные и опытные члены партии»[6]. Судя по всему, эта часть коммунистов особенно сильно пострадала в результате краха Кхмер Иссарака. Нелегальная НРПК, и так небольшая по численности, распалась на отдельные изолированные по территории и характеру работы фракции, мало связанные между собой. Преследуемые полицией Сианука партийные лидеры, будучи на нелегальном положении и под угрозой неминуемого ареста, постоянно переходили с одной секретной базы на другую. Партийных документов той эпохи практически не сохранилось, что неудивительно, так как по свидетельству одного из партийных ветеранов Теп Хена, бывшего посла режима Хенг Самрина в Ханое, «вся документация партии находилась в школьном портфеле, с которым Генеральный секретарь партии Ту Самут и два его охранника передвигались по стране»[7].

В Камбодже оставалось тогда всего несколько сотен членов партии. Разделены они были в основном на городскую фракцию во главе с Ту Самутом и сельскую, которую возглавлял Сью Хенг — ветеран КПИК, давно связанный с Вьетнамом. Кроме того, внутри партии существовал и так называемый секретный отдел, который занимался установлением связей со студентами высших и средних учебных заведений[8]. Данных о том, кто именно руководил этим отделом, у нас нет, но можно предположить, что главой его был как раз Салотх Сар, преподававший в одном из пномпеньских лицеев. Обе партийные фракции работали совершенно отдельно друг от друга. Ту Самут и его группа находились в Пномпене, а Сью Хенг после возвращения в кхмерскую столицу в 1956 г. из эмиграции во Вьетнаме позже отправился в Баттамбанг. По информации Д. Чандлера, «на селе успехи коммунистов были неважными, поскольку в конце 50-х годов Сью Хенг утратил свой радикальный пыл»[9]. В конце концов, после бесконечных скитаний в подполье, он совершил предательство, раскрыв полиции Сианука все ячейки сельской НРПК. В результате, как вспоминал в 1977 г. Салотх Сар, ставший к тому времени Пол Потом, «около 90% революционных сил на селе были арестованы или убиты в 1959 г.»[10]. Крах сельской фракции НРПК превратил городскую фракцию в единственно реальную подпольную организацию партии. И эта фракция, которой руководил Ту Самут, не только выжила, но и была переименована в комитет, ответственный за общее состояние дел в стране, т. е. превратилась в номинальный партийный центр[11]. О том, что в это время Ту Самут стал единственным лидером нелегальной НРПК, говорится и в Краткой истории НРПК образца 1984 г.: «...В условиях постоянных преследований часть кадровых работников и членов партии выразили сомнение и неуверенность в правильности политических целей партии, часть оставила партийные ряды, часть была схвачена охранкой сианукovского режима. Были уничтожены многие революционные базы. Ослабли и руководящие органы ЦК НРПК, часть кадровых работников погибла, другая оставила работу, лишь один товарищ Ту Самут продолжал руководить партийной борьбой»[12].

Организационный кризис в рядах кхмерских коммунистов сопровождался и кризисом доверия к их ближайшим союзникам и покровителям из Партии Трудящихся Вьетнама (ПТВ). Крах и стремительный распад всех коммунистических структур в Камбодже, с таким трудом выстроенных в период войны за независимость, не мог не вызвать дискуссий о причинах и следствиях этого катастрофического явления.

В ходе дискуссий популярной стала идея о том, что в тяжелом поражении Кхмер Иссарака виноваты в первую очередь вьетнамские коммунисты, которые в решающий момент борьбы просто предали своих кхмерских соратников. Этого мнения придерживался Салотх Сар, разделяли его и некоторые исследователи на Западе. Так, например, У. Шоукросс отмечал, что «вьетнамские операции тех дней (1953–1954 гг. — *Д. М.*) можно рассматривать как фактическое предательство революции в Камбодже»[13]. В принципе такая позиция имеет под собой определенные основания, так как поражения, которые потерпели отряды Иссарака от королевских войск в кампании 1953–1954 гг., совсем не означали, что правительство в Пномпене одержало окончательную победу. В истории индокитайских войн было немало примеров, когда после тяжелых поражений войска коммунистов одерживали победы и выходили победителями из казалось бы безнадежных ситуаций. Представления о том, что если бы вьетнамское руководство захотело, то смогло бы добиться выделения Кхмер Иссараку районов перегруппировки, то есть части территории Камбоджи, где могли бы сосредоточиться войска и сохраниться политические, военные и административные структуры фронта, как это произошло в Лаосе, становились преобладающими среди коммунистов в Камбодже.

Даже через много лет люди, занимавшие важные посты в руководстве кхмерских коммунистов и зависевшие от Вьетнама, соглашались с тем, что вьетнамские товарищи были неправы, когда не добились в постколониальной Камбодже достойного положения для своих ближайших союзников и единомышленников[14], что им следовало бы больше учитывать интересы кхмерских революционеров. Уже в эпоху Народной Республики Кампучии в 1984 г. один из видных представителей правившей партийной элиты НРПК — исполнительный секретарь Единого фронта национального спасения Кампучии Чан Вен сказал автору этих строк, что «в 1953 г. вьетнамцы фактически бросили нас, оставив один на один с правящим режимом»[15].

Другая претензия кхмерских коммунистов состояла в том, что им продолжали навязывать тактику и стратегию политической борьбы, которая исходила в большей степени из целей ПТВ, чем из интересов НРПК. Для вьетнамских коммунистов сохранение у власти Сианука и продолжение его нейтралистского курса было одной из ключевых внешнеполитических задач. Как уже говорилось, по секретным соглашениям Сианук предоставил вьетнамским коммунистам возможность пользоваться кхмерской территорией для обустройства там тыловых

баз, а также переброски войск и вооружений из Северного в Южный Вьетнам. Кроме того, порт Сианукvилль стал центральным пунктом при переброске вооружения в районы дельты Меконга и прилегающие к Сайгону территории. Туда прибывали китайские, советские и чехословацкие суда с оружием, 10% которого передавалось кхмерской армии, а остальное на грузовиках доставлялось к южновьетнамской границе[16].

Агрессивный антиамериканизм Сианука, проявляемый в то время, когда расширялось американское присутствие в Южном Вьетнаме, импонировал Ханою: Камбоджа превращалась в его регионального союзника. И ДРВ всячески поддерживала камбоджийского правителя, особенно в его противодействии правым и проамериканским силам внутри страны и американским сателлитам — южновьетнамскому режиму и Таиланду вне ее. В Ханое полагали, что «вооруженная борьба коммунистов с правительством Сианука ослабляла его и открывала дорогу американскому империализму в Камбоджу»[17].

Рекомендации вьетнамских товарищей относительно тактики и стратегии политической борьбы воплощались в это время главным образом в деятельности «Прачеачун», которую они пытались построить первоначально как полноценную парламентскую партию, с местными организациями, органами печати, упорядоченным членством. В принятом уставе отмечалось, что ее главная цель «объединение всего камбоджийского народа в национальном сообществе без различия расы, классовой, политической и религиозной принадлежности, в целях борьбы за независимость, демократию и улучшение материального положения народа»[18]. О расширении классовой борьбы и о построении коммунистического общества ничего в этом документе не говорилось. Замысел вьетнамских кураторов относительно характера деятельности «Прачеачун» предполагал, что это должна была быть левая партия, которая служила бы твердой поддержкой Сиануку в его борьбе против американского империализма и его союзников вне и внутри страны. Расчеты строились на том, что в условиях многопартийности и сохранения демократических основ эта партия сможет стать выразителем левых настроений, опираясь на всех тех, кто участвовал в движении Кхмер Иссарак или симпатизировал ему.

Однако все эти планы разрушились после образования Сангкума как общенародного союза и смены парадигмы многопартийной парламентской демократии режимом единоличной власти. Вместо того чтобы оказаться лидером на левом фланге кхмерской политики,

«Прачеачун» превратилась в оппозиционную Сангкуму организацию, которая, по существу, мешала ему захватить все политическое поле страны. Бывший монарх не испытывал никакого доверия к «Прачеачун», рассматривал эту организацию как «пятую колонну» Вьетнама и всеми силами пытался удалить ее из камбоджийской политики. Партия стала для властей объектом постоянных преследований. Польские представители в МКК сообщали, например, что «в течение июня-июля 1956 г. прошла волна репрессий против местных левых активистов». Преследования эти «были организованы центром», так как арестованных бросили в центральную тюрьму[19]. Борьба Сианука с левыми, по их словам, «заключалась в том, что физическое уничтожение бывших членов Кхмер Иссарака сопровождалось террором и запугиванием последних»[20].

Уже выборы 1955 г. показали, что шансов на весомый успех у «Прачеачун» нет. Партия подверглась жесточайшему давлению в период подготовки к голосованию, а ее потенциальные избиратели запугивались местными властями[21]. В результате «Прачеачун» завоевала на выборах 1955 г. лишь 4% голосов, что стало тем не менее для партии наибольшим успехом за все время ее существования[22].

Провал на выборах 1955 г. оказался совершенно неожиданным для вьетнамских кураторов «Прачеачун». В закрытом партийном документе, подготовленном в Ханое по итогам волеизъявления кхмеров, особо выделялось то, что коммунисты в Камбодже «не разгадали раньше открытой мошеннической деятельности Сианука во время всеобщих выборов и думали, что реакционеры передерутся между собой, а мы и Демократическая партия сохраним по-прежнему большинство мест в Национальном собрании»[23]. Разочарование в неуспехе Демократической партии на всеобщих выборах объяснялось не только тем, что вьетнамские коммунисты видели в ней союзника «Прачеачун», но и тем, что по спискам демократов баллотировались 17 кандидатов от «Прачеачун». Это были камбоджийские студенты, возвратившиеся в страну после учебы во Франции[24].

Потрясение от электоральной неудачи было настолько велико, что в Ханое в первый момент решили выборы в Камбодже вообще не признавать. Главный рупор вьетнамских коммунистов газета «Нян Зан» заявила, что «прошедшие в Камбодже выборы недействительны, так как они не были свободными и камбоджийскому народу не было представлено возможности выбрать тех кандидатов, которые пользовались

бы его доверием». В статье звучало требование «вновь организовать всеобщие выборы в соответствии с духом Женевских соглашений»[25].

В закрытом порядке в Ханое внимательно анализировали причины поражения «своих» кандидатов и пришли к выводу, что ответственные за ситуацию в Камбодже вьетнамские товарищи «совершили левый перегиб, допустив устранение из ЦК Демократической партии представителей буржуазии и превращение буржуазной партии в интеллигентскую»[26]. Кроме того, было обнаружено, что «...программа "Прачеачун" содержала только лозунги политические, слабо отражала борьбу за улучшение жизни населения. Немаловажным стало и то, что Сианук, прикрываясь нейтралистскими позициями ... сумел обмануть народ, скрыть от него его подчинение Америке»[27]. Еще одним фактором неудачи была признана слабость организационных структур «Прачеачун»: «Всекамбоджийский комитет может рассылать указания и директивы только небольшому числу организаций, действующих поблизости от него. Руководство легальными организациями Пномпеня осуществляется слабо»[28]. Была названа и ключевая причина поражения, важная для понимания всего характера вьетнамско-камбоджийских межпартийных связей, состоящая в том, что «нахождение руководящих органов не на родине, а за границей приводит к тому, что друзья еще не целиком доверяют Вьетнаму»[29].

В новой ситуации, сложившейся в стране после выборов, перед «Прачеачун» и ее вьетнамскими кураторами встала проблема поиска наилучшей формы организации легальной деятельности. В то же время задача партии оставалась прежней: поддержка левыми антиимпериалистического курса Сианука, который подвергался давлению со стороны прозападных и проамериканских сил. Для этого было принято решение направить некоторых молодых коммунистов в состав Сангкума, с тем чтобы они смогли там возглавить левое крыло. Но было решено отказаться от самороспуска партии, чего так добивался Сианук, и сохранить «Прачеачун» как важную силу на левом фланге[30].

Решение о переходе группы молодых левонастроенных интеллектуалов в Сангкум, как показали дальнейшие события, оказалось вполне обоснованным и правильным, поскольку в рядах Сангкума уже упоминавшиеся Ху Юн, Ху Ним, Кхиеу Самфан и ряд других коммунистов сумели выдвинуться на авансцену кхмерской политики, стали известными и популярными политическими деятелями. Как члены Сангкума они активно участвовали в политической борьбе, имели возможность относительно свободно высказывать свои взгляды, входили и в состав

правительства, а позже и контрправительства. Благодаря своему участию в Сангкуме, они реально влияли на принятие важных решений и сделали очень много для распространения в стране левых идей.

Что касается «Прачеачун», то все попытки этой партии хоть как-то воздействовать на политический курс руководства страны самым решительным образом пресекались Сианук и его окружением. В преддверии выборов 1958 г. «Прачеачун», например, сделала попытку обозначить наравне с Сангкумом свое участие в предвыборной кампании. Было опубликовано заявление группы «Прачеачун», в котором она выражала свою полную поддержку внешнеполитическому курсу Сианука и выдвигала лозунг сплочения всех антиимпериалистических сил нации вокруг королевского дома для укрепления нейтралитета и национальной независимости[31]. В программе, в частности, отмечалось, что «империалисты, поджигатели войны, используют любой предлог для вмешательства во внутренние дела, прибегают к любым политическим, экономическим, военным средствам для того, чтобы подорвать миролюбивую политику нейтралитета, превратить нашу страну в свою военную базу, в свою колонию, поэтому, «исходя из внутренней и внешней обстановки, главная задача нашего народа — создать широкий союз всех слоев населения, независимо от социального состава, партийных убеждений, пола, возраста и национальности, на основе сплочения вокруг трона и принца Сианука»[32].

Цель этого верноподданического заявления партии «Прачеачун» заключалась, видимо, в том, чтобы, с одной стороны, заявить о себе как о независимой политической силе, а с другой — подтвердить полную лояльность Сиануку. В заявлении не содержалось даже осторожной критики политики Сангкума, не говоря уже об осуждении социального неравенства и призывов к классовой борьбе. Коммунисты из «Прачеачун» клялись Сиануку в том, что «только служа преданно и самоотверженно нации, только ставя национальные интересы выше классовых, партийных, мы сможем создать единый широкий национальный союз»[33]. Для того чтобы практически подтвердить свою лояльность действующей власти, «Прачеачун» выставила своих кандидатов только в пяти избирательных округах, как бы показывая, что не собирается оспаривать доминирование Сангкума.

Без сомнения, все эти подтверждения полной лояльности Сиануку, которые лишали «Прачеачун» даже призрачных шансов на хоть какую-либо общественную поддержку, отвечали не столько интересам членов этой партии, сколько интересам вьетнамских коммунистов. Те сначала

называли Сианука «фашистом в душе», а его принципы — «социальной демагогией и стремлением к диктатуре». Его именовали феодалом, политика которого «вполне соответствовала политике Дворца (т. е. монархических феодальных кругов. — *Д. М.*) и США»[34]. Опираясь на такие установки, «Прачеачун» поначалу, естественно, строила свою политику в том же русле. Ее члены демонстративно отказывались вывесить портрет короля и камбоджийский флаг в редакции партийной газеты[35], а сама партия проводила тактическую линию, выражавшуюся в полном недоверии к Сиануку, в отказе вступать в какой-либо контакт с членами Сангкума. Когда перед выборами 1955 г. «правительство начало репрессии, многие члены партии потребовали перехода от политической борьбы к вооруженной»[36]. К их неудовольствию, идея возобновления партизанской войны в Камбодже в Ханое поддержки уже не нашла. Дело было в том, что руководство ПТВ все более убеждалось, что освобождение Юга Вьетнама от власти проамериканского режима Нго Динь Зиема возможно только военным путем. В этой связи Сианук, с его антиамериканскими и антисайгонскими заявлениями, провозглашавший политику нейтралитета, мог бы стать очень полезным союзником. Он, как сообщали вьетнамцы советским представителям, стал человеком, нужным для проведения политики нейтралитета»[37].

Руководству ПТВ тогда вполне было достаточно, что Сианук не шел на сотрудничество Камбоджи с проамериканскими режимами в Сайгоне и Бангкоке и выступал против превращения страны в еще одного сателлита США в Индокитае. В Ханое опасались, что в случае нового вооруженного выступления коммунистов нейтральный Сианук, в отношении которого у вьетнамских товарищей были далекоидущие планы, превратится во врага. Поэтому руководство «Прачеачун» получило со стороны «вьетнамских и польских друзей» соответствующее разъяснение относительно неправильности антисианукского курса[38]. Разъяснение это, видимо, было настолько убедительным и жестким, что, как отмечали советские дипломаты, «руководство партии впало в другую крайность — выступать за полное сотрудничество с Сиануком»[39].

Продемонстрировав лояльность национальному вождю и не получив ни одного места в Национальном собрании на выборах 1958 г., «Прачеачун» благополучно отступила в тень, чтобы вновь напомнить о себе в 1960 г. — в период политического кризиса, когда Сианук занял пост главы государства. В этот сложный для бывшего монарха

момент партия вновь продемонстрировала полную поддержку его действий. На свет появилось заявление, в котором «Прачеачун» объявила, что «одобряет назначение Сианука главой государства и решительно осуждает маневры империалистических кругов, направленные на разжигание в стране внутриполитической борьбы»[40]. В этом документе говорилось также, что «враги Камбоджи вместе с национальными предателями ... готовят агрессию против независимой, мирной и нейтральной страны»[41]. В таких условиях «Прачеачун» особо подчеркивала «необходимость всемерного укрепления единого союза камбоджийского народа и призывала массы теснее сплотиться вокруг Сианука, быть готовыми отдать свою жизнь для отражения под руководством Сианука вражеской агрессии, защищать национального лидера и политику нейтралитета»[42].

Все эти заявления коммунистов, полные преданности национальному вождю, никакого позитивного отклика с его стороны не нашли. Он не доверял легальным коммунистам, видел в них и в их организации препятствие для консолидации левых под своим контролем и руководством. Он ждал только удобного момента, чтобы окончательно расправиться с «Прачеачун». Такой момент настал, когда «Прачеачун» выступила с предложением вынести на обсуждение Национального конгресса ряд вопросов общенационального значения, в частности — о коррупции, безработице, необходимости подъема уровня жизни народа. Эта осторожная попытка «Прачеачун» оказать влияние на внутреннюю политику и принять участие в делах Сангкума оказалась для партии роковой. Ответ Сианука на инициативу «Прачеачун» был крайне жестким. Он созвал Чрезвычайный Национальный конгресс, на котором поставил вопрос о «местных коммунистах», которые делают все возможное для «раскола единства нации»[43]. В дни проведения конгресса были организованы массовые манифестации, участники которых требовали запрета левых газет, «ведущих антиправительственную пропаганду»[44].

На конгрессе Сианук выступил с резкой критикой «Прачеачун», в очередной раз обвинив ее «в подрыве авторитета монархии, правительства и Сангкума»[45]. Нападкам подверглись и представители левого крыла Сангкума, которые, по его словам, не оценили эксперимента с назначением их на руководящие посты в государстве. Сианук грозил в случае дальнейшей, как он утверждал, раскольнической деятельности «Прачеачун» распустить Сангкум и даже не выставлять кандидатов от этой организации на выборах 1962 г.[46] Вполне лояльное

предложение коммунистов глава государства превратил чуть ли не в вызов всей существующей политической системе и лично себе. Делегатам Национального конгресса он предложил сделать выбор между Сангкумом и «Прачеачун», а самой этой партии или войти в народно-социалистическое сообщество, или открыто признать свое несогласие с политикой главы государства. Одновременно он потребовал от руководства партии изменить ее название ('Прачеаун' — Народ. — *Д. М.*), так как, по его мнению, партия не отражала интересов народа Камбоджи[47].

В то же время, несмотря на требования некоторых политиков правой ориентации вообще запретить деятельность «Прачеачун», Сианук отказался сделать это. Скорее всего, ввиду сближения с Ханоем, а также роста напряженности в отношениях и с США, и с Южным Вьетнамом, и с Таиландом он не хотел прибегать к такому откровенно антивьетнамскому жесту, зная о тесных связях «Прачеачун» с вьетнамскими коммунистами.

Установление дружественных отношений Сианука с Ханоем не помогло, однако, «Прачеачун» уцелеть. Убедившись в том, насколько высоко руководство Северного Вьетнама ценит взаимное партнерство, Сианук пришел к выводу, что уничтожение этой партии не отвратит от него вьетнамских коммунистов и что они готовы пожертвовать своими кхмерскими союзниками в лице «Прачеачун» ради поддержки его режима. Поэтому в 1962 г., как раз тогда, когда начались переговоры по ключевым для вьетнамских коммунистов вопросам относительно переброски войск и вооружения через камбоджийскую территорию из Северного в Южный Вьетнам, он и нанес «Прачеачун» смертельный удар. В январе 1962 г. в Кампонгчаме были арестованы, как уже говорилось, 14 членов группы «Прачеачун» во главе с членом ЦК Нон Суоном. Вслед за группой Нон Суона был арестован и Чу Чет, редактор партийной газеты «Прачеачун», которая после этого вообще перестала выходить. Всего этого «Прачеачун» выдержать не смогла и фактически распалась[48].

В Ханое преследования своих друзей и союзников в Камбодже старались никак не комментировать. Такая вялая реакция подтверждала правильность расчета Сианука на то, что сотрудничать с ним вьетнамские коммунисты считают более важным, нежели открыто поддерживать и защищать своих кхмерских единомышленников. Не выказав никакого протеста, вьетнамские товарищи продемонстрировали готовность и дальше сохранять самые дружественные отношения с главой

кхмерского государства. Можно сказать, что, осудив Нон Суона и уничтожив «Прачеачун», Сианук выиграл дважды. Он не только расправился с ненавистной оппозицией, но и с успехом продемонстрировал новым союзникам свою независимость и свободу в выборе политического курса страны.

Дружба с Ханоем, политическое и военное сближение с ним, одним из условий которого была лояльность кхмерских коммунистов к режиму, создали у главы камбоджийского государства иллюзию того, что он способен контролировать левый политический фланг. Успешный разгром «Прачеачун», полная поддержка левыми санкумовцами его политики, казалось, полностью подтверждали это представление. Он был настолько в себе уверен, что проигнорировал направленное на его имя письмо Центрального комитета группы «Прачеачун» за подписью некоего «Анг Меанга или Кео Меаса». В посольство СССР поступила копия этого документа и, как отмечали советские дипломаты, «в печати по данному вопросу никаких сообщений не публиковалось»[49]. В этом письме, датированном 4 февраля 1965 г., новый лидер партии, возникший как бы из ниоткуда, предлагал, чтобы «Прачеачун» приняла участие в конференции патриотических организаций народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи «в качестве законной политической организации, ведшей в прошлом и продолжающей сейчас неустанно вести решительную борьбу против врагов страны и народа»[50].

Это письмо сильно отличалось от всех предыдущих посланий «Прачеачун» — в нем не было и намека на восхваления мудрого курса национального вождя и заверений в полной ему преданности. Кео Меас от имени ЦК партии не просил, а почти что требовал участия в этой конференции. С некоторой издевкой он приписал в конце своего послания, что «если что не так, то нижайше прошу извинить», и далее продолжил, что, «поскольку ведется преследование группы "Прачеачун" тайными и официальными службами, я не могу сообщить действительный адрес». О согласии на участие «Прачеачун» в конференции Сианук должен был сообщить по национальному радио, тогда, писал Кео Меас, «я назначу представителей для участия в совещании»[51]. Трудно сказать, рассчитывал ли Кео Меас на привлечение «Прачеачун» к конференции, смысл этого послания на самом деле был, вероятно, несколько иным. Это было послание-предупреждение, весть о том, что партия не только не уничтожена, но и продолжает бороться с некими «врагами страны и народа», к которым мог быть легко причислен и глава Камбоджи.

Проблема Сианука в отношениях с представителями левых сил состояла в том, что он не знал сложной структуры организации на этом политическом фланге. Он и не подозревал, что кроме левых сангкумовцев, которых он контролировал, и беспомощной «Прачеачун», которую он уничтожил, существовала еще и нелегальная НРПК, членом Политбюро которой под номером шесть как раз и значился Кео Меас[52]. В структурах этой партии, в глубоком подполье, шли процессы организационной перестройки и консолидации, которые уже не вполне отвечали идущим из Ханоя политическим рекомендациям. Как мы увидим дальше, именно эти процессы и формировали совершенно новую конфигурацию политических сил на левом фланге и в целом во всей стране.

2. Нелегальная НРПК. Салотх Сар и его путь к власти

О политической борьбе нелегальной НРПК в конце 50-х годов известно очень немного. Находившиеся в подполье коммунисты вели главным образом пропагандистскую работу, пытались сохранить партийные ячейки, укрепить нелегальные связи и контакты. В условиях непрерывных преследований и угрозы арестов в партии и ее нелегальных структурах все более активно обсуждался вопрос об отношении к режиму Сианука. Вопрос состоял в том, продолжать ли, несмотря на репрессии и усиление авторитарных тенденций власти, курс на поддержку Сианука, в духе «Прачеачун», учитывая антиимпериалистическую направленность его внешней политики, или перейти к борьбе за его свержение. Обсуждалось и то, какой форме борьбы следует отдавать предпочтение, политической или вооруженной, и то, как коммунисты должны относиться к единому фронту патриотических сил Индокитая — оставаться в его рядах или вести борьбу обособленно[53].

На волне этой дискуссии, развернувшейся в партии в 1959 г., все большую популярность среди находившихся на нелегальном положении коммунистов стали завоевывать новые люди, выступавшие с радикальных позиций. Они доказывали, что политическая борьба коммунистов с режимом Сианука ни к чему, кроме их поражения, не приведет и что только ставка на вооруженное восстание и сопротивление этому режиму может быть успешной[54].

Аргументация в пользу изменения стратегии партии встречала поддержку в ее рядах, тем более что легальная борьба никаких успехов коммунистам не приносила. К тому же северные вьетнамцы, которые ее и навязывали кхмерским единомышленникам, сами с 1959 г. отказались от тактики политической борьбы за освобождение Юга в пользу силового свержения южновьетнамского режима[55].

Инициаторами формирования самостоятельной партийной политики, которая учитывала бы в первую очередь реальные условия Камбоджи и интересы кхмерских коммунистов, выступали в это время молодые члены партии, группировавшиеся вокруг последнего авторитетного лидера Кхмер Иссарака, находившегося в Камбодже, Ту Самута. Среди них выделялся Салотх Сар, вернувшийся в Камбоджу в январе 1953 г. после учебы из Франции. Он так и не получил там никакого формального диплома, так как «пренебрегал занятиями по радиоэлектронике, не сдавал экзаменов и в конце концов у него отобрали положенную кхмерским студентам во Франции стипендию». Вместо занятий он активно посещал кружок по изучению марксизма, организованный кхмерскими студентами во Франции, и, по некоторым данным, в 1952 г. вступил в Компартию Франции. В августе 1953 г. в одном из освобожденных районов на востоке Камбоджи он был принят в НРПК. Его наставником в партии стал сам Ту Самут, сделавший его своим личным помощником[56]. Сотрудничество с Ту Самутом определило дальнейшую политическую карьеру Салотх Сара. У него, не знавшего вьетнамского языка и не обучавшегося (в отличие от многих других партийных кадров) во Вьетнаме, не имевшего особых заслуг в антифранцузской борьбе, выходца из кругов, связанных с королевским дворцом, шансов пробиться в руководство коммунистического движения Камбоджи было немного. Однако, получив ответственную должность при партийном лидере, он автоматически поднимался на ключевые позиции в НРПК. Что касается вьетнамских кураторов, то для них, по-видимому, рекомендации Ту Самута относительно личности его ближайшего соратника оказалось в то время вполне достаточно, чтобы Салотх Сар остался в высших эшелонах власти в НРПК.

Другим новым человеком, который в это время занял пост заместителя Ту Самута, стал выходец из Баттамбанга по имени Лау Бен Кон, обучавшийся в свое время в Таммасатском университете в Бангкоке и вступивший в Кхмер Иссарак в 1951 г. При вступлении он взял себе революционный псевдоним Нуон Чеа. Заместитель Ту Самута пре-

красно владел вьетнамским языком и с 1952 по 1955 г. прошел курс политической подготовки во Вьетнаме[57].

Салотх Сар в своей легальной жизни преподавал французский язык в лицее Чамроунг Вичиа («Прогрессивное знание»), Нуон Чеа занимался преподаванием в Кампонгчхнанге. Будущий третий человек в иерархии «красных кхмеров» — Иенг Сари, приехавший в Камбоджу из Франции в 1957 г., также занимался учительской деятельностью — преподавал историю в одном из частных лицеев Пномпеня. Совершенно не случайно почти все будущие лидеры Демократической Кампучии служили и успешно пропагандировали свои воззрения в среде учащейся молодежи. Это был наиболее восприимчивый к радикальной пропаганде слой, который искал себе новых кумиров и в котором были очень сильны антиправительственные настроения, тем более что часто молодым людям даже после получения диплома шансов устроиться на работу в соответствии со своим новым статусом не было.

Характерна в этом смысле картина специализации студентов Пномпеньского университета, типичная и для других вузов страны: 75,2% обучаемых приходилось на факультеты гуманитарного профиля[58], а в целом высшая школа выпускала больше специалистов-гуманитариев, чем можно было их трудоустроить. Ежегодно на рынке труда появлялось 130–150 тыс. молодых людей старше 16 лет. Правительство могло предложить лишь 15–20 тыс. рабочих мест, причем главным образом в производственной сфере, связанной с тяжелым физическим трудом[59]. Видя невозможность найти достойную работу при существующей системе с ее коррупцией и непотизмом, молодежь готова была выступить в поддержку любых предложений, направленных на слом этой системы и построение новой, при которой можно было бы найти себе достойное применение. Правительственная газета «Реалите камбоджиен» констатировала: «Этот новый класс “незанятых” — хороший объект для подрывной деятельности коммунистов. Красные пропагандисты приманивают эту молодежь обещаниями “золотого века” для всех»[60]. Мнение газеты было недалеко от истины: именно это и пропагандировали преподаватели-коммунисты, быстро завоевавшие своим радикализмом популярность среди студентов.

Особенностью их деятельности в учебных заведениях было то, что официальные занятия будущие лидеры «красных кхмеров» сочетали с тайными, закрытыми семинарами, на которые участники отбирались и приглашались лично ими. На этих семинарах обсуждались

наиболее острые вопросы камбоджийской жизни, резко критиковалась политика Сианука и правительства страны. Салотх Сар вел несколько таких семинаров и, по воспоминаниям студентов, был с ними подкупающе откровенен. Он прямо говорил, что существующий режим прогнил и коррумпирован и что на смену ему должно прийти новое общество, где не нужно будет платить тунеядцам, потому что работать будут все[61]. Многие студенты, участвовавшие в этих семинарах, восхищались Салотх Саром, называли его *лук кру* (учителем) и, всецело доверяя ему, вступали в Компартию, расширяя тем самым сеть ее нелегальных ячеек. В самой же партии эти молодые кадры стали активными последователями своих политических гуру.

Приток молодых интеллектуалов в нелегальную НРПК обозначил начало нового этапа в ее истории, когда после хаоса и предательств вновь начали восстанавливаться ее организационные структуры, расширилась пропагандистская база, обновился кадровый состав. Все эти перемены сделали возможным проведение 30 сентября 1960 г. в Пномпене тайного собрания нелегальных членов НРПК. Состоялось оно в одном из подсобных помещений железнодорожного вокзала и было названо II съездом НРПК. На этом собрании присутствовало 7 делегатов от городских партийных организаций и 17 — от сельских. Задачей съезда стало «упорядочение и укрепление партийных организаций в целях повышения эффективности руководства революцией». На съезде были приняты программа и устав партии, переработанные в соответствии с новой обстановкой. Произошли изменения и в структуре партии. Вновь избранный ЦК состоял из восьми членов и двух кандидатов. Секретарем ЦК НРПК стал Ту Самут, членами — Салотх Сар, Нуон Чеа и Иенг Сари. Салотх Сар и Нуон Чеа к тому же вошли в состав Постоянного бюро[62].

Такая краткая информация, опубликованная об этом съезде в 1984 г. в эпоху Народной Республики Кампучии сначала в газете Пномпень, а потом и в идеологическом официозе партии журнале «Неак Кхусна», и близко не передает ни тревожной атмосферы этого съезда, ни его значения для камбоджийской революции. В 1977 г. ставший уже Пол Потом Салотх Сар в своей речи по поводу легализации Компартии так оценивал это событие: «Среди участников съезда было четырнадцать представителей крестьянства, ответственных за работу в различных сельских районах, и семь представителей городов, всего двадцать один делегат ... Участие двадцати одного представителя на партийном съезде было вопросом жизни и смерти. Если

бы враг раскрыл место проведения съезда, то все руководство партии было бы уничтожено, революция подверглась бы серьезной опасности, и ее будущее оказалось бы под угрозой»[63].

Действительно, собрание, состоявшееся в пакгаузе железнодорожной станции, имело огромное значение для выживания нелегальной НРПК и превращения ее в главный центр консолидации кхмерских коммунистов. Причем, в отличие от времен Кхмер Иссарака, принятый на съезде устав партии не был импортирован из Вьетнама и распространен среди участников съезда на вьетнамском языке, а был разработан самими кхмерами. Нуон Чеа в своих записках позже вспоминал, что возил проекты уставных документов в Тэйнинь (Южный Вьетнам), чтобы показать их должностным лицам вьетнамской компартии. «Вьетнамцы были недовольны, — писал он тридцать семь лет спустя, — так как они увидели, что мы могли и сами сформулировать стратегическо-тактическую линию и разработать (партийные) уставные документы»[64].

Еще одним важным результатом съезда стало признание того факта, что ханойский центр НРПК окончательно отошел на второй план. Сон Нгок Минь — старейший кхмерский коммунист и многолетний лидер Кхмер Иссарака хотя и вошел в Центральный комитет, избранный на съезде, однако даже формальным лидером не стал и по своему положению оказался лишь восьмым в иерархии власти. Бывший лидер «Прачеачун» Кео Миа занимал шестую позицию, в то время как Салотх Сар был третьим, а Нуон Чеа вторым в составе ЦК, который возглавил Ту Самут. После съезда для защиты революционных баз и охраны руководящих работников было воссоздано и военное крыло партии, которое стало называться Секретной гвардией[65].

Такие кардинальные перемены в жизни нелегальной НРПК не могли не пройти мимо внимания вьетнамских кураторов. По всей видимости, они, полагаясь на авторитет находившихся во Вьетнаме кхмерских коммунистов, на свои связи с «Прачеачун», поначалу не придали особого значения тому факту, что на вершине нелегальной НРПК хотя и остался давно испытанный и преданный им Ту Самут, но вокруг вершины группировались молодые непроверенные кадры, чья преданность Вьетнаму оставалась совершено неочевидной. Более того, действия и заявления новых лидеров показывали, что они мыслят намного более независимо от вьетнамцев, чем их предшественники в 40–50-е годы. Вполне вероятно, что в Ханое не верили, что молодые и неопытные, с точки зрения руководства ПТВ, кадры смогут вдохнуть

новую жизнь в нелегальную НРПК, и продолжали делать ставку на «Прачеачун», убеждая «своих камбоджийских товарищей включиться в политическую борьбу»[66]. Цель Ханоя по отношению к кхмерским коммунистам оставалась прежней — удерживать их от вооруженных акций против режима Сианука и направлять все их усилия в поддержку его внешнеполитического курса. Эта ставка была настолько важной, что несколько позже, уже во время антиправительственного восстания в Самлауте в 1967 г., их требования прекратить борьбу стали носить директивный характер. В изданной в 1978 г. Министерством иностранных дел Демократической Кампучии так называемой «Черной книге» указывалось, что «вьетнамцы были охвачены паникой и велели "красным кхмерам" прекратить сопротивление»[67]. Очевидно, что такой приказ отдан был с одной целью — не допустить ухудшения отношений вьетнамского руководства и Сианука.

После проведения II съезда коммунисты продолжали действовать в глубоком подполье, постоянно подвергаясь угрозе репрессий. В 1962 г. таинственно и бесследно исчез Ту Самут и партия осталась без своего руководителя. Относительно исчезновения лидера коммунистов до сих пор существует масса версий. Современная официальная кхмерская версия гласит, что «27 мая 1962 г. они (Салотх Сар и его подручные. — *Д. М.*) захватили Ту Самута, убили его и нескольких других партийных руководителей»[68]. Эта версия вызывает сегодня большие сомнения, поскольку при ближайшем рассмотрении выясняется, что мотивов убивать Ту Самута, который вывел свого любимца и помощника на самые верхи нелегальной НРПК, у Салотх Сара не было. Ту Самут прикрывал его своим авторитетом от недоверия со стороны вьетнамцев, а внутри партии проводил политику выдвижения молодых интеллектуалов, получивших образование во Франции вместе с Салотх Саром. Кроме того, у Салотх Сара не могло быть полной уверенности в том, что именно он в случае гибели Ту Самута окажется на его месте. Нуон Чеа, например, тесно связанный с вьетнамцами, представлялся не менее сильным претендентом на этот пост. Мог возникнуть и совсем неприятный для Салотх Сара вариант, когда во главе нелегальной НРПК был бы поставлен кто-то из коммунистов-ветеранов, присланных из Ханоя.

Реакция руководителей нелегальной НРПК, когда они узнали об исчезновении своего лидера, также свидетельствует об их непричастности к этому преступлению. Нуон Чеа, например, вспоминал, что, узнав о том, что Ту Самут исчез, он заперся у себя дома и долгое время

«никуда не выходил днем, ни разу не сходил даже поесть лапши в магазине»[69]. Наиболее вероятная версия гибели Ту Самута состоит в том, что он стал жертвой полицейской проверки, либо попал в засаду на нелегальной базе, которая стала известна полиции после предательства Сью Хенга.

Исчезновение Ту Самута, фактическое уничтожение Сианук легальной коммунистической организации — партии «Прачеачун» и связанное с этим резкое сужение возможностей для продолжения легальной деятельности коммунистов, сближение Сианука с Ханоем — все эти события, казалось, свидетельствовали о слабости и бесперспективности борьбы кхмерских революционеров. Единственный шанс им давало то, что все это происходило на фоне заметного роста в стране левых и антисианукковских настроений среди молодежи, часть которой твердо стала поддерживать коммунистов.

В такой сложной ситуации в январе 1963 г. был созван III съезд НРПК, на котором тон стали задавать молодые кадры, воспитанные Ту Самутом. Партию возглавил Салотх Сар и ввел в ее руководящие органы многих своих сторонников. Нуон Чеа занял пост его заместителя, а в Постоянное бюро ЦК был избран Иенг Сари, в ЦК прошел и Сон Сен (будущий министр обороны в Демократической Кампучии), учившийся с ним во Франции[70].

Что касается легальных коммунистов, входивших в «Прачеачун», то они оказались фактически на вторых ролях. Кео Миа, откровенно провьетнамский деятель, лидер неудачливой «Прачеачун», которого вьетнамцы считали «одним из наиболее идеологически зрелых руководителей», был выведен из состава ЦК под предлогом «возможного провала» в результате многолетней легальной деятельности[71]. Вывод Кео Миа из состава ЦК был не случаен — Салотх Сар резко выступил против политики, проводимой «Прачеачун». В краткой истории НРПК образца 1984 г. говорится, что «Пол Пот (Салотх Сар) считал, что политическая линия партии в поддержку политики Сианука, которая тогда была направлена на борьбу с американским империализмом, в защиту независимости и нейтралитета Камбоджи, являлась провьетнамской, он заявлял даже, что Сианук действует в интересах Вьетнама»[72]. Насколько правдивы эти антивьетнамские пассажи из выступления Салотх Сара образца 1963 г. сказать трудно, но то, что Кео Миа был выведен из состава ЦК НРПК в связи с очевидной беспомощностью, распадом и неудачами руководимой им «Прачеачун», могло вполне соответствовать действительности.

То, что из руководства нелегальной НРПК был выведен Кео Миа, отражало еще и реальную расстановку сил в партии. Кео Миа (он будет арестован и убит в 1976 г.) выступал за неукоснительное выполнение всех вьетнамских директив и готов был, как это он делал в «Прачеачун», жертвовать интересами кхмерских революционеров в пользу вьетнамских. Салотх Сар занимал другую позицию. В то время и он был готов сотрудничать с Вьетнамом, однако выступал за то, чтобы в первую очередь в партийной борьбе учитывались интересы кхмерских коммунистов. По всей видимости, третий человек в партии, которым на съезде стал Со Пхим, бывший член Кхмер Иссарака, скорее склонялся к позиции Салотх Сара, чем его оппонента.

Вообще, история с Кео Миа свидетельствует о том, что вьетнамские кураторы уже не в полной мере контролировали организационные вопросы в НРПК. Иначе чем объяснить, что на этом съезде НРПК по предложению своего нового руководителя изменила название, став с января 1963 г. Коммунистической партией Камбоджи (КПК).[73] Это было, несомненно, знаковое событие: в краткой истории НРПК образца 1984 г. указывается, что, объясняя причину смены названия, Пол Пот (Салотх Сар) говорил, что он пошел на это, так как «Компартия Индокитая и соответственно вышедшая из ее рядов НРПК были в свое время созданы вьетнамцами для захвата камбоджийских и лаосских земель»[74].

В такое объяснение и в такие слова Салотх Сара образца 1963 г. поверить трудно. Скорее всего, он объявил о создании Компартии, чтобы подчеркнуть ведущую роль нелегальной НРПК в революционном движении, отделить ее и от неудачливой «Прачеачун», и от членов НРПК, проживавших в Ханое. В любом случае переименование партии свидетельствовало о том, что новое руководство стремилось продемонстрировать, что коммунистическое движение в стране перешло на новый этап развития. В истории партии варианта 1974 г. отмечалось, что на «съезде перед партией были поставлены новые задачи и намечены новые направления работы»[75]. Не исключено, что уже тогда речь могла идти и о практических мерах, которые необходимо было предпринять для возобновления вооруженной борьбы с сианукковским режимом.

Однако прежде чем новое руководство нелегальной НРПК смогло взять политический курс, нацеленный на учет в первую очередь интересов кхмерских коммунистов, произошли события, которые, казалось, должны были надолго отодвинуть эту перспективу. Массовые

студенческие манифестации 1963 г., которые начались в Сиемреапе, а позже перекинулись на всю страну, проходили под левыми лозунгами и имели явно антисианукский подтекст. Масштаб выступлений, которые охватили и Пномпень, испугал главу государства и он решил нанести удар по всем преподавателям, известным своими левыми настроениями и симпатиями к левым взглядам и левым политикам.

Начавшиеся аресты прокоммунистических интеллектуалов проходили под предлогом того, что они постоянно критикуют Сангкум и тем самым подрывают национальное единство. Появились публикации о том, что «в листовках, у них найденных, ряд государственных деятелей именовались агентами американского империализма, а сам Сангкум — организацией, в которой противостоят друг другу угнетатели и угнетенные»[76].

Опасаясь арестов и репрессий, преподаватели-коммунисты и сочувствовавшие им были вынуждены скрыться из Пномпеня. Студенты и преподаватели искали убежище от преследований правительства в глухих районах страны, в районе гор Кравань, в лесистых местностях на севере и северо-востоке Камбоджи. Получилось, что Сианук сам подтолкнул левых к исходу из городов и к более решительным антиправительственным действиям, чем пропаганда и просветительство.

Тогда же покинул Пномпень и Салотх Сар. В беседе с югославскими журналистами в 1978 г. он объяснял: «Я больше не мог оставаться в Пномпене. Я должен был присоединиться к партизанам. Я соблюдал хорошую конспирацию. Однако полиция Лон Нола меня выследила. Они знали обо мне, но не знали кто я такой. В Пномпене я отвечал за движение в столице, кроме того, я осуществлял контакты с сельской местностью»[77]. Вместе со своими соратниками он укрылся от преследований полиции на так называемой базе 100 (мулотхан муой рой), которая в то время располагалась в южновьетнамской провинции Тэйнинь в десяти километрах от границы с Камбоджей[78]. За исключением Нуон Чеа, который еще некоторое время оставался в Пномпене, именно здесь сосредоточилось все будущее руководство Демократической Кампучии. Об их жизни на «базе 100» известно немного, но, видимо, это был наиболее тяжелый период в жизни Салотх Сара и его соратников. Никто из проживавших здесь кхмерских коммунистов позже не хотел и не любил вспоминать это время. Только отрывочные данные из не вполне достоверных «признаний» арестованных, уже во времена полпотовской диктатуры, высокопоставленных

партийцев дают возможность составить общее представление о том, как жили и чем занимались кхмерские коммунисты.

Особенность их существования в ту пору заключалась в том, что они, несомненно, чувствовали себя в полной зависимости от своих вьетнамских «братьев». Покинув Пномпень, они жили на «базе 100» под охраной вьетнамских солдат, которые даже не разрешали кхмерским эмигрантам свободно покидать ее территорию[79]. Салотх Сар совместно с Иенг Сари составлял партийные документы, печатал антиправительственные листовки. Психологическая атмосфера на этой базе, затерянной в джунглях, была, по всей видимости, напряженной. Об этом рассказывал в январе 1978 г. Нгуен Тхань Ле — первый заместитель заведующего отдела внешних сношений ЦК КПВ послу СССР во Вьетнаме Б. Н. Чаплину: «Раньше между Пол Потом и Иенг Сари были разногласия, так в 1963–1964 годах Иенг Сари покинул его в подполье и уехал в Пномпень. Тогда Пол Пот уговорил вьетнамских друзей помочь его вернуть»[80].

Если эта история, рассказанная Нгуен Тхань Ле в 1978 г., соответствовала действительности, то она свидетельствует не только о ссорах, происходивших среди кхмеров, но и показывает, насколько неформальными и дружественными тогда были отношения Салотх Сара с вьетнамскими соратниками. Думается, что будущему ненавистнику Вьетнама потребовалось использовать все умение скрывать свои истинные цели и взгляды, чтобы убедить вьетнамских кураторов в своей лояльности. В замкнутом мире этой базы он изучал вьетнамский язык и продолжал планировать революцию в Камбодже. Известно, что в конце 1964 г. Салотх Сар провел там учебно-методическую встречу, на которой обсуждались вопросы внешней политики, т. е. именно те, в которых вьетнамцы были наиболее заинтересованы. О собрании на «базе 100» говорилось в партийном документе 1978 г.: «Было решено проводить такую линию, чтобы противостоять любому возможному ходу американцев»[81].

Во время пребывания Салотх Сара на «базе 100» вьетнамские «старшие братья», вероятно, внимательно присматривались к новым кхмерским лидерам и довольно долго решали, можно ли сделать на них ставку. На них не мог не произвести впечатление «боевой настрой», с которым работали Салотх Сар и его партийные соратники. Один из очевидцев их жизни там писал: «Даже если их била лихорадка, они все равно работали. Я видел, как они сами писали документы и размножали их через трафарет»[82]. Выдержка и покладистость Салотх Сара,

продемонстрированная им готовность вести и дальше революционную борьбу вместе с вьетнамцами, убедили их, что Салотх Сар именно тот человек, с которым можно вести дело. Его стали уважительно называть Ань Хай — старший брат, а в неформальном общении даже Хай Тьен (добродушный)[83].

При выборе «Хай Тьена» в руководители Компартии Камбоджи в Ханое, скорее всего, учитывали, что члены НРПК, находившиеся с 1954 г. во Вьетнаме, и особенно их многолетний лидер Сон Ногок Минь, давно потеряли связь с родиной, и им было бы сложно поставить под свой контроль новое поколение коммунистов, действовавшее в Камбодже. Другие вьетнамские креатуры из партии «Прачеачун», вроде Кео Миа, себя во многом дискредитировали беспомощным заискиванием перед сианукoвским режимом, что не спасло эту партию от разгрома. В отличие от них Салотх Сар и его товарищи, которые сформировали в подполье новое ядро партии и при этом ничем своих антивьетнамских настроений и замыслов не показывали, выглядели явно предпочтительнее других претендентов на лидерство.

Долгие «смотрины» Салотх Сара как нового партийного лидера окончились в конце 1965 г., когда вьетнамские кураторы направили его в Ханой, где он должен был получить окончательное признание как лидер кхмерских коммунистов со стороны высших руководителей Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ). О его беседе в Ханое с Ле Зуаном — одним из высших руководителей ПТВ до сих пор существует противоречивая информация. Пол Пот в своей «Черной книге» утверждал, что спорил с вьетнамским руководителем относительно первоочередных целей кхмерской революции. Он якобы утверждал, что эта цель — свержение Сианука, а Ле Зуан считал главной целью борьбу с американским империализмом и желательность союза кхмерских коммунистов с Сианук. Ле Зуан представил кхмерам документ «на вьетнамском языке», в котором их призывали отказаться от революционной борьбы (в интересах Камбоджи) и дожидаться победы вьетнамцев. Далее в «Черной книге» говорится, что «споры по вопросу о партийной линии были крайне ожесточенными», но еще дальше подчеркивается, что камбоджийская делегация не сделала ничего такого, что вызвало бы... раздражение у вьетнамцев[84]. Очевидное противоречие в откровениях автора «Черной книги» можно объяснить тем, что в 1978 г. в разгар противостояния с Вьетнамом Пол Пот (Салотх Сар) не мог признать, что во время его встречи с Ле Зуаном он без борьбы согласился на все вьетнамские предложения. Поэтому и написал, что

боролся за независимый курс, спорил с высокими покровителями, и только общая обстановка заставила его согласиться с мнением вьетнамского лидера. Всем было понятно, что если бы он, в конце концов, не согласился с Ле Зуаном, его карьера как лидера Компартии оказалась бы под очень большим вопросом.

После беседы с Ле Зуаном Салотх Сар был представлен кхмерским коммунистам, жившим в Ханое, как лидер партии. На встрече он ознакомил их с подготовленными на «базе 100» документами по организации партии, ее политической линии и ее борьбе[85]. Значение этой встречи для Салотх Сара трудно было переоценить: кхмерские коммунисты в Ханое, которые находились до этого вне поля его формальной власти и группировались вокруг Сон Нгок Миня, были, хотя и формально, переданы в его подчинение. Тем самым три разделенных в 1954 г. центра консолидации кхмерских коммунистов вновь объединились под руководством Салотх Сара в одной партии. Без поддержки вьетнамского руководства добиться этого было бы невозможно. Не исключено даже, что аргументы Салотх Сара относительно реакционности внутренней политики режима Сианука, которые он изложил Ле Зуану, произвели определенное впечатление на вьетнамское руководство. Стратегической линии Ханоя на первоочередную поддержку режима Сианука они не изменили, однако в 1965 г. в традиционном обращении Отдела внешних связей ЦК ПТВ к камбоджийским коммунистам, проходящим подготовку в ДРВ, не было в отличие от предыдущих лет сказано ни слова о прогрессивной роли Сианука. Указывалось лишь на то, что их борьба будет в конечном счете победоносной[86]. Более того, в том же году впервые за долгое время «группа камбоджийских коммунистов была переправлена в Южный Вьетнам, чтобы потом начать действия в Камбодже»[87]. Все это свидетельствовало о том, что после визита Салотх Сара вьетнамцы стали вносить некоторые коррективы в свою политику относительно Камбоджи.

Не менее важным событием в жизни Салотх Сара, оказавшим огромное влияние на его политические взгляды, стала поездка в Пекин. Его визит туда был согласован с вьетнамским руководством и свидетельствовал о несомненном доверии, с которым в Ханое относились к Салотх Сару. В Пекин он прибыл в начале 1966 г. в момент, когда китайская «культурная революция» только набирала силу. По некоторым данным, особенно близко сошелся он там с Кан Шеном, начальником тайной полиции Мао. Этот деятель после своего возвращения из СССР в 1937 г. прославился болезненной подозрительностью

и жесткими чистками всех политических противников своего патрона[88]. Вполне возможно, что Кан Шен поддержал и радикализм Салотх Сара и дал много практических советов насчет того, где искать внутренних врагов и как с ними бороться.

Думается также, что Салотх Сара, еще недавно прозябавшего в полузаточении на безвестной базе в глухих джунглях, не мог не поразить размах политической борьбы, независимость и заряд социальной мобилизации, связанный с «культурной революцией» в Китае. Не исключено, что он там увидел то, о чем мог только мечтать: неограниченную власть вождя над огромными массами людей. Может быть, отсюда и пошло его желание принимать решения в таком же ключе, что и в Китае, и делать упор на те же идеологические постулаты: перманентная революция, непрерывная классовая борьба, социальная опора на беднейшие слои крестьянства. «Деревня окружает город», «винтовка рождает власть», «опора на собственные силы» — все эти и многие другие емкие лозунги Мао стали и его лозунгами. По крайней мере, после его поездки в Китай эти постулаты стали краеугольным камнем его политики.

И все же весомой материальной поддержки Пекина Салотх Сар, несмотря на тесное общение с Кан Шеном и высокопоставленными китайскими партийными деятелями, не получил. Максимум, на что он мог рассчитывать, так это на моральную поддержку, учитывая, что в Пекине продолжали делать ставку на Сианука, старались сохранить с ним самые тесные связи и не собирались их разрывать. Впрочем, Салотх Сару в то время особенно и не нужна была материальная помощь из Китая, важнее было то, что в КНР его признали лидером кхмерских коммунистов. Тем самым он прошел все этапы процесса легитимации его власти в партии.

Возвращение Салотх Сара из Пекина через Ханой в Камбоджу произошло в середине 1966 г. и совпало с кульминацией второй индокитайской войны. Сотни тысяч американцев и южновьетнамских солдат проводили операции против отрядов Фронта национального освобождения Южного Вьетнама по всей территории этой части страны, бомбили и приграничные районы Камбоджи и Лаоса. «База 100» оказалась под ударом и была покинута. Салотх Сар и другие руководители Компартии переправились на так называемую «базу 104», расположенную в горной и пустынной северо-Восточной провинции Ратанакири. Здесь уже не было вьетнамской охраны и жизнь была намного свободней, чем на «базе 100». Вплоть до 1969 г. именно эта провинция и эта

«база 104» станут главным штабом кхмерских коммунистов. Там находились Салотх Сар, Нуон Чеа, Иенг Сари, там проводились совещания и партийные конференции, в том числе и учебно-подготовительная встреча 1966 г., на которой, по всей видимости, и было принято решение о переходе к вооруженной борьбе[89].

После возвращения Салотх Сара из Пекина и Ханоя и до проведения учебно-подготовительной встречи произошло еще одно событие в жизни Салотх Сара, о котором нельзя не упомянуть. В конце 1966 г. он тайно прибыл в Пномпень с целью встретиться с кем-то из высших советских дипломатов, рассчитывая заручиться поддержкой Москвы. Такая встреча состоялась, однако главу компартии не устроило, что беседовал с ним ничего не решавший посольский чиновник (как рассказывал Ю. Н. Мякотных — бывший посол России в Камбодже, это был лишь третий секретарь посольства СССР в Камбодже)[90]. Попытка Салотх Сара выйти на прямые контакты с Москвой и заручиться поддержкой помимо вьетнамских еще и советских коммунистов успехом не увенчалась.

Анализируя эту ситуацию, сегодня можно сказать, что с самого начала это было малореальное предприятие: у советских представителей в то время не было практически никакой достоверной информации о положении дел в Компартии Камбоджи[91]. Например, в сопроводительной записке к беседе советского посла в Камбодже Крутикова В. А. с Кхиеу Самфаном (будущим президентом Демократической Кампучии) говорилось следующее: «Кхье Сампхан (так в тексте. — *Д. М.*) является наиболее последовательным и принципиальным среди левых деятелей Камбоджи; по некоторым данным является членом группы «Прачеачун»; по меньшей мере, в прошлом сочувствовал французским коммунистам и находился под их влиянием; до сих пор нам не приходилось слышать о его каких-либо прокитайских высказываниях[92]. Вся эта скудная и не вполне достоверная информация совершенно не отражала реального веса Кхиеу Самфана и его места в коммунистическом руководстве. Интересно здесь еще и другое: «красные кхмеры» — будущие ярые антисоветчики в то время с готовностью шли на контакты с советскими представителями. Более того, они передавали важную информацию о взглядах и деятельности коммунистов, которая на самом деле оказалась невостребованной в советском посольстве. Кхиеу Самфан, например, сказал советскому послу, что страна переживает серьезные экономические трудности, что в деревне крайне напряженное положение, там проводятся аресты и репрессии

по отношению к тем крестьянам, которые осмеливаются выражать недовольство и как-то сопротивляться эксплуатации. То, что крестьянское движение остается слабым, сказал он, — это результат «отсутствия организации, которая бы его возглавила с позиции политической классовой борьбы»[93]. Он дал понять послу, что под организацией, которая возглавит крестьянское движение, он не имеет в виду «Прачеачун», которая и так ведет «работу в массах крестьянства и молодежи»[94].

Кхиеу Самфан указал также и на то, что отношение левых к существующему режиму и его лидеру изменилось, так как «Сианук оказался в кольце реакционных сил, которое все более и более угрожающе смыкается вокруг него»[95]. Какой-либо реакции на информацию Кхиеу Самфана с советской стороны не последовало. Максимум на что было готово пойти советское посольство, так это «на посылку лектора для проведения курса лекций для представителей левых сил по социально-экономическим проблемам Камбоджи»[96].

Салотх Сару и Кхиеу Самфану в их контактах с советскими представителями не повезло еще и в том, что тогда еще СССР не вполне определился относительно форм и масштабов своего участия в Индокитайской войне. Если бы эти деятели вышли на контакт с советским посольством в 1968 или 1969 г., когда СССР быстро втягивался в индокитайские дела, помогая Вьетнаму в отражении американской агрессии, активно боролся с Китаем за влияние на Вьетнам, год за годом расширял свое экономическое и военно-политическое присутствие в регионе, — то результат их усилий мог быть совершенно иным.

Особенность ситуации в Камбодже тогда заключалась еще и в том, что тайная и подпольная деятельность Салотх Сара по реорганизации Компартии происходила параллельно с широкой пропагандой коммунистических идей в стране, распространением их и вообще левых взглядов среди молодежи и образованных слоев общества. Решающую роль в этом сыграли коммунисты, которые находились на легальном положении, но не в рядах «Прачеачун», а в Сангкуме. Они имели возможность свободно передвигаться по стране, выступать и агитировать за себя и свои взгляды, публиковать статьи и книги. К ним прислушивались даже власть имущие, поскольку социально-экономический кризис, коррупция, отчуждение большинства народа от власти — все это были проблемы, которые требовали скорейшего решения и грозили кхмерскому обществу крупными потрясениями. Нарастание кри-

зиса предоставило кхмерским коммунистам исторический шанс вновь выйти на политическую авансцену своей страны.

3. Идеологический фундамент кхмерской революции

Коммунисты, находившиеся в рядах Сангкума — Ху Юн, Ху Ним, Кхиеу Самфан, не только разработали и представили общественному мнению вполне аргументированную критику сложившейся ситуации, но и предложили реальный, как казалось тогда многим, путь выхода из возникшего тупика. После публикации в кхмерской печати их идеи получили довольно широкую известность в Камбодже. Суть их предложений сводилась к тому, чтобы на основе все более полного обобществления орудий и средств производства в аграрной сфере развернуть процесс индустриализации Камбоджи и превратить тем самым страну в подлинно независимое и современное процветающее государство. Сама по себе эта идея не была оригинальной. Среди коммунистов многих стран она пользовалась неизменной популярностью, а свое практическое воплощение уже получала в политике коллективизации в СССР и «большого скачка» в Китае. Для Камбоджи эта идея также выглядела привлекательной, ибо, как казалось, открывала прямой путь к модернизации и экономическому развитию.

Кхиеу Самфан, один из главных теоретиков камбоджийских «левых», отмечал в 1960 г., что «благодаря объединению крестьян в производственных кооперативах мы сможем установить контроль над объемом продукции, которая производится и потребляется в сельском хозяйстве, а установленные излишки использовать для промышленного развития»[97]. Он считал, что крестьяне в созданных кооперативах должны иметь лишь минимум средств для своего пропитания: «Уменьшив повинности крестьян и увеличив их доходы, можно побудить крестьян больше потреблять и они тогда не будут отдавать свой прибавочный продукт»[98]. А в максимальном изъятии прибавочного продукта из деревни для нужд индустриализации собственно и состояла главная цель аграрной политики по Кхиеу Самфану. «Чем больше отдачи будет от сельскохозяйственного производства, — указывал он, — тем успешней будет идти процесс индустриализации страны»[99]. Конечная же цель его плана экономического строительства состояла

в достижении полной независимости Камбоджи, поскольку «только путем индустриализации можно добиться этой великой цели»[100].

Наиболее глубоко и полно вопросы, связанные с процессом последовательного обобществления, анализировались и в работе одного из наиболее известных идеологов камбоджийских коммунистов — Ху Юна. Под заголовком «Панька сахако» («Проблема кооперативов») она была издана в 1964 г. Многие идеи из этого более чем двухсотстраничного труда легли в основу аграрной программы и политики камбоджийских коммунистов, стали идеологическим обоснованием как необходимости разрушения существовавшей, так и строительства принципиально иной системы аграрных отношений в стране.

Работа Ху Юна, в которой резко критиковалось положение в деревне и выдвигался ряд радикальных, в духе уравнительного коммунизма, набор идей, увидела свет едва ли не случайно. Она появилась в удачный момент очередной кампании против ростовщиков, и глава государства рассчитывал использовать ее как очередной обвинительный акт их преступной и антинародной деятельности.

Действительно, критический анализ экономической системы Камбоджи Ху Юн начинает с оценки роли и места ростовщического капитала в жизни страны, как бы развивая и поддерживая сианукovские «проклятия» в адрес «разоряющих камбоджийских крестьян» ростовщиков: «Ростовщичество — самая страшная язва камбоджийского общества. Оно связывает это общество, опутывает со всех сторон. Не дает возможности быстро развиваться. При этом крестьяне-бедняки берут в долг больше всех и страдают также больше всех». Ростовщичество, по мнению автора книги, — главная причина того, что крестьяне-бедняки попадают в «омут» рабства: «Многие крестьянские семьи теряют дом, различное имущество, скот, землю и превращаются в сельскохозяйственных рабочих-батраков, живущих за счет продажи своего труда. Часть среднего и бедного крестьянства теряет положение имущего класса и превращается в нуждающихся и неимущих людей». Ху Юн полагал, что именно ростовщичество — главный виновник имущественного и социального расслоения в деревне и что в случае ликвидации его процесс расслоения и разорения крестьян можно будет остановить[101].

Положительных, или хотя бы полезных для камбоджийского села, черт Ху Юн в ростовщичестве не увидел, он отмечает только негативные стороны этого явления: «...В области общественных отношений ростовщичество и аренда земли ведут к тому, что часть крестьян

находится на грани полного разорения, а многие попадают в рабство; ростовщичество препятствует развитию производительных сил страны; уменьшает и сужает внутренний национальный рынок, не позволяет промышленности и ремеслам быстро развиваться. Что же касается самих ростовщиков, то они — хозяева земли и капитала, транжирят свои средства на приобретение товаров иностранного производства»[102].

Осудив и отвергнув ростовщичество, Ху Юн переходит к другому ключевому пункту своего критического обзора — анализу распределения доходов от сельскохозяйственного труда между городом и деревней. Несправедливость этого распределения — это, с точки зрения Ху Юна, главная причина того, что «крестьянство — самый обделенный, эксплуатируемый класс камбоджийского общества»[103]. Для подтверждения своих слов он приводит данные, из которых следует, что если крестьянин, например, произвел продукции на 100 риелей, то из этой суммы ему достается лишь 26%, а перекупщикам 33,6%, различным органам управления 21%, хозяевам сельскохозяйственных машин 5%, административным органам — 14,4%»[104].

Данные эти могут быть и не вполне точны, так как Ху Юн не раскрывает, на чем основывал он свои расчеты. Но в целом эти показатели, вероятно, соответствовали реальному положению дел в деревне. По крайней мере, такой независимый исследователь аграрных отношений в Камбодже, как Л. Тиши, отмечал, что «на протяжении всего правления Сианука в стране существовали глубокие межструктурные различия, когда крестьяне получали доход в среднем в 10 раз ниже, чем в промышленности, и в два раза ниже среднего национального дохода»[105]. Он также указывал, что в неаграрный сектор экономики, где было занято менее 20% всего населения, шло 60% национального дохода[106].

Основываясь на результатах своего исследования, Ху Юн приходил к выводу, что в Камбодже город выступал как главный эксплуататор деревни. В «Паньха сахако» он писал, что «те, кто день и ночь трудятся на полях, выращивая рис, борясь с погодными условиями, получают лишь 1/4 часть дохода от реальной стоимости своего труда, а те, кто не принимает участия в процессе производства, получают 3/4 дохода. Причем эти 3/4 дохода, обманом отобранные у крестьян, аккумулируются в городе»[107].

Отрицательное отношение к городу как таковому, противопоставление «хорошей и бедной» кхмерской деревни «инонациональному»,

эксплуатирующему эту деревню городу, проходит через всю книгу. «То, что мы обычно называем городом или рынком, — пишет Ху Юн, — на самом деле — огромный насос, который выкачивает силы из кхмерской деревни. Необходимые для крестьян продукты, которые поступают из города, являются как бы наживкой. На самом же деле деревня дает городу гораздо больше, чем получает от него. Такой неправомерный обмен между городом и деревней сильнее всего бьет по наиболее бедным слоям в сельской местности. Вместо того чтобы помогать деревне, город ее безжалостно эксплуатирует»[108].

Как мы видим, Ху Юн и вслед за ним кхмерские коммунисты рассматривали город как фундамент той самой рыночной в их понимании системы, которая и эксплуатирует камбоджийскую деревню. Несомненно, что именно на основе этих рассуждений и представлений позже, когда коммунисты пришли к власти, последовали известные меры, направленные на отмену рынка и товарно-денежных отношений, на уничтожение городов, выселение тысяч людей для принудительных работ в сельскую местность. Согласно идеологической концепции, предложенной Ху Юном, все эти шаги были вполне логичны: в самом деле, если отменен рынок и все его атрибуты, то зачем нужны города, само существование которых воспроизводит «отмененный» рынок? Для автора книги город и рынок суть понятия идентичные и в своих рассуждениях он их просто объединяет. «Города-рынки, — пишет он, — привязывают к себе кхмерскую деревню, эксплуатируют ее. Все, что выращено в сельской местности, продается в городах и по городским ценам»[109].

Еще одним пунктом критического анализа Ху Юна стала сложившаяся в Камбодже система ценообразования на сельскохозяйственную продукцию. «Крестьяне, — указывал Ху Юн, — не имеют возможности установить контроль за ценами на свою продукцию. Пока такое положение будет продолжаться, они никогда не выберутся из нищеты и зависимости от тех, кто покупает»[110]. Автору книги вообще присуще полное отрицание рыночного механизма формирования цен. Он выступает также против того, чтобы цены на камбоджийский рис устанавливались за границей, а не в Камбодже. «Еще во времена колониализма, — пишет он, — крупные китайские торговцы, находясь за пределами нашей страны в южновьетнамском городе Шолоне, устанавливали цены на рис. Китайцы-перекупщики в Камбодже ориентировались на Шолон[111]. И до сих пор Шолон определяет экспортную цену нашего риса, а также стоимость многих товаров, которые ввозятся

в Камбоджу. Таким образом, наша страна не независима, не является полным хозяином собственных товаров»[112].

Такими радикальными умозаключениями один из главных идеологов кхмерских коммунистов фактически отвергал существовавшую экономическую систему и ее основные компоненты, связи и механизмы. Он бьет по натурально-товарной экономике в целом — и по ростовщическому капиталу, и по системе товарообмена город — деревня, и по системе ценообразования, зависимой от мирового рынка, т. е. по тем болевым точкам, где кризис был особенно очевидным. Актуальность и значимость его выводов была тем более явной, что в конкретных условиях сианукoвской Камбоджи никакой иной более или менее связной программы разрешения названных противоречий ни у правительства, ни у правящих кругов не было. Ху Юн тоже не предлагает конкретных мер для реорганизации и реформации этих кризисных точек. Он и не стремился указать в своей книге конкретные пути решения существовавших противоречий в рамках натурально-товарной системы. Он и разделявшие его взгляды камбоджийские коммунисты предлагали поменять весь механизм аграрных отношений в стране и одним махом разрешить «неразрешимые» противоречия и вывести экономику из кризиса.

В конкретных камбоджийских условиях середины 60-х годов такое радикальное предложение выглядело довольно привлекательным и вполне реальным. Особенно для левонастроенной интеллигенции, которая всей душой готова была поддержать такие положения из программы коммунистов, как отказ от капиталистического неравенства и несправедливости, от разлагавшей кхмерское общество жажды наживы и коррупции. Она также приветствовала провозглашение курса на социальное равенство, справедливость, на совместный производительный крестьянский труд. Эти же лозунги были близки и другим, довольно большим группам камбоджийского населения, особенно беднейшим крестьянам, буквально выталкиваемым экономической системой из сферы сельскохозяйственного производства.

В противовес натурально-товарной модели аграрных отношений Ху Юн выдвигает программу строительства иной, «бестоварной» в своей основе модели, которая в социальной сфере опиралась бы на беднейшее крестьянство как на «главный революционный, заинтересованный в переменах класс в стране, которым движут самые чистые и честные стремления»[113]. А в экономико-политической сфере эта модель предусматривала всеохватывающую систему производственных

кооперативов-коммун, идеологией которых должна была стать «коллективистская идеология кооператива, где нет классовых различий, привилегированных слоев, где никто не имеет личных выгод и все движимы общим интересом»[114].

Характерно, что из всего набора кооперативов, существовавших в Камбодже, Ху Юн в основу своей программы кладет не кредитные и даже не снабженческо-сбытовые кооперативы, а производственные. Эти кооперативы хотя и были созданы в стране еще в 1956 г., однако никаких особенных преимуществ не продемонстрировали, никакой популярности у крестьян не завоевали, с самого начала их число было невелико и практически не увеличивалось. Более того, обобществленный коллективный труд в деревне в рамках производственных кооперативов противоречил всей традиционной организации трудового крестьянского хозяйства в Камбодже, как хозяйства личного, где лишь самые трудоемкие работы, типа посадки и сбора урожая риса, выполнялись совместно, да и то не всегда. Ху Юн все это игнорировал, так как именно в производственных кооперативах и только в них он видел ячейку нового общества[115].

Оценивая кооперативную схему Ху Юна, основанную на идее господства в экономике производственных кооперативов с общим трудом и уравнительным распределением, надо учитывать его полную поглощенность доктриной марксизма, а также силу демонстрационного внешнего эффекта советских колхозов и передовых китайских больших коммун, которые своим примером и широко пропагандируемыми «успехами» как бы доказывали и правильность марксистской доктрины, и обоснованность его собственных взглядов на организацию сельскохозяйственного производства. С точки зрения Ху Юна, эти хозяйства в главных странах социалистического лагеря являлись по сути теми же крупными производственными кооперативами, за создание которых он так ратовал.

План строительства социализма в Камбодже через обобществление средств производства и коммунизацию деревни состоял из нескольких основных этапов. На первом этапе на базе мелких крестьянских хозяйств предполагалось создать так называемые «группы объединения труда». Эти группы должны были опираться на традиционные обычаи крестьянской взаимопомощи и представляли собой «начальную форму сотрудничества крестьян: совместный труд в интересах всей деревни, взаимная помощь и поддержка в трудные времена». Автор книги рассуждает далее: «Эти полезные, древние обычаи,

благодаря созданию групп, должны быть подняты на новый уровень и взаимопомощь среди крестьян должна быть превращена в постоянное явление»[116]. Исходя из твердого убеждения, что коллективный труд эффективней труда индивидуального, частного, Ху Юн полагал, что уже только появление таких групп «позволит увеличить производительность труда в сельском хозяйстве»[117].

Вторым этапом кооперативного строительства должно было, по мысли Ху Юна, стать образование на базе групп объединения труда полноценных кооперативов, в которых «обобществляется земля, животные, а также бороны, плуги, все орудия труда, вплоть до лопат и мотыг. Органы управления кооперативом контролируют производство продукции, следят за сохранностью обобществленного инвентаря и ведут всю работу в интересах крестьян»[118].

Полного обобществления, а значит и подлинного социализма, в понимании Ху Юна, в этих кооперативах еще нет. Для большей справедливости и эффективности доходы от их деятельности должны делиться еще на три части.

Первая часть распределяется среди членов кооператива в зависимости от количества имущества (земля, быки, буйволы и т.д.), переданного в общественный обобществленный фонд, а также по числу дней, отработанных для общественного хозяйства. Принцип распределения этой части дохода прост: «Кто работал мало — мало и получает, а кто много — много получает»[119].

Вторая часть распределяется в интересах всего кооператива для приобретения химических удобрений, сельскохозяйственных машин, расширения обрабатываемых площадей.

Третья часть средств расходуется на общественную и культурную деятельность кооператива, который должен иметь и содержать собственные больницы, школы, курсы по профессиональной подготовке своих членов[120].

По мнению Ху Юна, создание таких кооперативов будет шагом вперед в строительстве новой аграрной модели, но, как указывает он, подобные кооперативы достаточны для существующих условий, но не больше. «В действительности такие производственные кооперативы еще не настолько эффективны, особенно в отношении своей организации, чтобы значительно увеличить производительность труда в сельском хозяйстве»[121].

Такую цель, считает Ху Юн, может решить лишь кооператив с общим имуществом, который он называет «кооперативом высшего

типа»[122]. Члены такого кооператива, пишет он, полностью обобществляют свое имущество, отказываются от всех прав на свою бывшую собственность, которая передается в общественное пользование. Земля, быки, буйволы, весь сельскохозяйственный инвентарь становятся общей собственностью и используются в интересах всех членов кооператива. При этом процесс обобществления частной собственности, по мнению Ху Юна, мог происходить разными путями, но при условии ненанесения ущерба хозяевам этой собственности. Единственным критерием распределения доходов в таком кооперативе должно быть лишь число дней, отработанных его членами в интересах кооператива[123].

Преимущества кооперативов высшего типа по сравнению с отдельным крестьянским хозяйством для Ху Юна очевидны: «...Его члены могут применять современную технику, достижения науки, проводить правильную контролируемую аграрную политику, возводить плотины, строить дороги, выполнять другие необходимые работы. Главное же заключается в том, что на базе общественной собственности в этих кооперативах господствующей станет не индивидуалистическая, а общественная, коллективистская идеология»[124].

Схема постепенного перерастания одной формы кооперативов в другую, с более высокой степенью обобществления, предлагалась Ху Юном для центральных и освоенных районов страны. В новоосваиваемых местах он предлагал сразу же создавать кооперативы с общим имуществом, т. е. высшей формы[125].

Как мы видим, в кооперативной схеме Ху Юна нет ничего принципиально нового. Идеи последовательной кооперации в деревне как путь к социализму были сформулированы марксистскими теоретиками задолго до него. Более того, в своих основных чертах схема Ху Юна просто воспроизводит известное постановление ЦК КПК о развитии сельскохозяйственной производственной кооперации в деревне, принятое еще в декабре 1953 г. В нем, в частности, указывалось, что «кооперирование деревни должно проводиться поэтапно от его низших форм (групп взаимопомощи) через полусоциалистические производственные кооперативы, основанные на частичной коллективной собственности, к высшей форме с коллективной собственностью крестьян на землю»[126].

Из всего этого следует, что ничего оригинального Ху Юн в своих сочинениях не предлагал. Он лишь сумел адаптировать к камбоджийским реалиям хорошо известные марксистские идеи. Перенесенные

на камбоджийскую почву вместе с другими его предложениями — об уничтожении ростовщичества, ликвидации товарных отношений в деревне, всеобщем огосударствлении, — они составили привлекательную программу, которая нашла поддержку у немалой части кхмерского общества, усмотревшего в ней реальный выход из углублявшегося национального кризиса, связанного с обострением экономических и политических противоречий.

4. Восстание в Самлауте и начало вооруженной борьбы

В середине 60-х годов рост влияния коммунистов в стране стал настолько заметен, что на совещании по экономическим вопросам в Пномпене в мае 1966 г. Сианук заявил, что «если мы будем не в состоянии разрешить экономические трудности, то возникнет перспектива прихода коммунизма»[127]. Возможно, глава государства уже был осведомлен о переменах, происходивших в среде кхмерских коммунистов. В журнале «Сангкум» была опубликована статья главы государства, где он отмечал, что ему известно, что «"Прачеачун" приняла решение перейти от стадии парламентской (то есть безнадежной для нее борьбы) к стадии призыва к восстанию, устранения силой монархии и нашего режима и замены их марксистским коммунизмом»[128].

Однако из этой статьи следовало, что Сианук не знал и даже не догадывался о существовании нелегальной НРПК, а полагал, что он имеет дело все с той же беспомощной «Прачеачун». Не знал он и кто именно стоит во главе коммунистов, его несколько беспокоило лишь то, что их деятельность в стране заметно активизировалась. Про Салотх Сара он не имел никакой информации и понял, кто на самом деле руководил коммунистами, только в 1975 г. Не знал он об этом, так как в партии поддерживалась жесткая дисциплина и конспирация. Советские дипломаты, ссылаясь на «неофициальные источники», сообщали, что кхмерская Компартия в 1966 г. состояла «из небольших по количественному составу ячеек, связь которых с вышестоящей организацией поддерживается через связников, выступающих, как правило, под псевдонимами. Членам партии категорически запрещено раскрывать свою принадлежность к "Прачеачун" даже среди своих единомышленников — прогрессистов, не состоящих в партии. Это запрещение относится и к представителям социалистических стран... в том

числе представителям ДРВ и КНР»[129]. Такое требование, а главное неукоснительное его выполнение было вполне в стиле руководства Салотх Сара.

Радикализм и энергия лидера, заявлявшего, что «политическая борьба не принесет никаких результатов»[130], придал партийным кадрам очевидную цель — организовать народное восстание и свергнуть существующий режим. Эта задача была понятна всем членам партии, с нею соглашались и многие коммунисты, находившиеся во Вьетнаме. Характерен эпизод, когда авторитетный в партийных кругах член ЦК партии Кео Меас, который еще в 1958 г. из-за угрозы ареста эмигрировал во Вьетнам, в ответ на нежелание лидера ханойских кхмеров Сон Нгок Миня поддержать новый курс партийного руководства в Камбодже публично обвинил его в перерождении, поскольку «во время своего безопасного существования во Вьетнаме тот стал равнодушен к судьбе партии и основным целям ее борьбы»[131]. Сон Нгок Минь же в ответ указывал вслед за своими вьетнамскими друзьями, что «вооруженная борьба с правительством Сианука ослабляла его и открывала дорогу происках американского империализма против Камбоджи»[132].

Переход к вооруженной борьбе, как предлагал Салотх Сар, означал резкое изменение политики коммунистов, которые, находясь на «вторых ролях», будучи заложниками дружбы Ханоя и Пномпеня, не могли рассчитывать на весомую поддержку ни внутри страны, ни за ее пределами. Отказ от следования в русле политики «старших братьев», переход к «самостоятельному, особому курсу по основным вопросам теории и практики революционной борьбы»[133], о чем заявили молодые партийные лидеры, позволил компартии заметно активизировать свои действия.

Радикальные предложения Салотх Сара встречали и несогласие, особенно среди тех коммунистов, которые привыкли во всех случаях оглядываться на Вьетнам. Они выступали против того, чтобы без санкции из Ханоя переходить к вооруженной борьбе против режима Сианука. О некоторых противоречиях среди кхмерских коммунистов рассказал советскому послу Пок Доскомар — тогда руководитель отдела банка Инадана Джати, позже ставший одним из видных деятелей «красных кхмеров». Он сказал, что в Камбодже есть два вида прогрессистов. Пок Доскома (так в тексте. — *Д. М.*), сообщал далее посол, «воздерживался называть их коммунистами, но на самом деле, говоря о прогрессистах, он намекал на положение в местной Компартии

"Прачеачун"»[134]. Вот как характеризовал их Пок Доскомар: «Одни прогрессисты — это бывшие студенты, получившие образование во Франции. Другие — никогда не выезжали в европейские страны, они восприняли передовые идеи, изучая марксистско-ленинскую литературу на месте». Между прогрессистами первого и второго рода, по словам Пок Доскомара, возникло недоверие. Прогрессисты, которые не знакомы с европейским коммунистическим движением, обвиняют прогрессистов, вернувшихся из Франции, в том, что они, как и Французская компартия, якобы «подчиняются жезлу Москвы», и даже называют их «москвичами»[135].

Из этого сообщения следует, что положение Салотх Сара как лидера партии в середине 60-х годов было очень непрочным. Провьетнамские коммунисты, а именно их имел в виду Пок Доскомар, говоря о прогрессистах второго рода, во внутрипартийной борьбе называли своих противников профранцузскими или даже промосковскими деятелями. Такими ярлыками они снабжали Салотх Сара и его сторонников, стараясь, вероятно, затушевать идею самостоятельности и суверенности коммунистической организации в Камбодже, с которой выступали их оппоненты. На самом деле, «промосковскими» эти люди никогда не были. Кстати, к «москвичам» отнес себя и Пок Доскомар, по словам которого, «для него и людей его поколения Сталин был и остается символом периода строительства и победы (впервые в истории) социалистического общества»[136].

Увлечение Сталиным и его методами было, видимо, очень распространено в этой среде, судя по тому, что и другой известный левый политик — Ху Ним, который в интерпретации Пок Доскомара также относился к группе «москвичей», в беседе с советским послом высоко оценивал его деятельность и заявил, что «не понимает нынешней советской политики, она носит антикитайский характер, КПСС не поддерживает национально-освободительное движение»[137]. В итоге советский посол охарактеризовал его как «ярого прокитайца и недруга Советского Союза»[138].

В процессе внутрипартийной борьбы точка зрения Салотх Сара и его сторонников, выступавших за начало вооруженных действий в стране, взяла верх. Уже в 1966 г. в советское посольство в Пномпене стали поступать сообщения о том, что «Компартия готовит массы к вооруженному восстанию»[139]. Этим сообщениям, однако, мало кто верил, считая, что кхмерские коммунисты остаются под плотным контролем их вьетнамских «старших» товарищей. Оценивая в это время

ситуацию в стране, советские дипломаты сообщали, что «из бесед с лицами, близко стоящими к партии "Прачеачун", а также из неофициальных источников известно, что "Прачеачун" продолжает считать, что вопрос о вооруженном восстании и замене существующего режима революционным правительством не стоит на повестке дня партии. Для этого в стране нет революционной ситуации, международная обстановка вокруг Камбоджи не позволяет ставить этот вопрос даже в дискуссионном порядке. В этой связи можно заметить, указывали они, что "Прачеачун" не поддерживает китайского тезиса о том, что революционная ситуация имеет место во всех странах, где народ подвергается эксплуатации»[140]. Трудно сказать, на каких источниках основывались подобные умозаключения. Не исключено, что советских дипломатов намеренно дезинформировали, чтобы исключить возможность влияния Москвы на борьбу в рядах Компартии Камбоджи. С другой стороны, источники их сведений могли быть связаны с провьетнамским крылом коммунистов, а они рассматривали полученную от людей из этого «крыла» информацию как точку зрения всей партии. К этому следует добавить, что в это время любые факты, противоречившие представлениям советского посольства о ситуации в Компартии, трактовались им как исходящие из рук китайцев, а не кхмеров. Проводилась линия, что кхмерские левые поддерживают Сианука, а эмиссары из Пекина провоцируют их на восстание.

С таких позиций рассматривался и заметно ужесточившийся в то время тон статей в левых и прокоммунистических газетах. В них указывалось, например, что «современный этап является этапом мировой пролетарской революции» и что «кхмерский народ также находится в этом потоке»[141] или что «братья рабочие и крестьяне должны непременно объединиться, чтобы разгромить феодальных и реакционных правителей и их лакеев на земле Камбоджи... Против них могут быть использованы все формы борьбы... вплоть до применения оружия против чужеземцев и местных эксплуататоров. В борьбе с ними все методы хороши»[142]. Подобные тексты советские дипломаты называли «статьями явно китайского происхождения»[143]. Они не могли представить себе, что эти публикации отражали мнение руководства кхмерской Компартии. В сообщениях посольства говорилось, что «партия ("Прачеачун". — *Д. М.*) не ставит своей ближайшей задачей смещение Сианука. В целом партия очень осторожно относится к критике внешнеполитического курса Сианука»[144]. Одной из причин такой сдержанности называлось то, что «активная деятельность и критика

в адрес Сианука обострила бы отношения Камбоджи и НФОЮВ, так как Сианук заявлял о связях "красных кхмеров" с Вьетмином и он не без основания считает, что местные коммунисты до настоящего времени поддерживают связь с ПТВ и Народно-революционной партией Южного Вьетнама»[145]. Вьетнамские товарищи, отмечали советские дипломаты, «в целом стремятся к тому, чтобы избегать всяких конфликтов с Сиануком», и идут в настоящее время на любые уступки Сианука. В связи с этим не исключено, что вьетнамцы, которые, несомненно, сохранили свое влияние на «Прачеачун», дали камбоджийским коммунистам рекомендации не раздражать Сианука[146].

На самом деле, все эти вполне логичные умозаключения не соответствовали действительности, так как в марте 1967 г. Салотх Сар провел расширенное совещание Постоянного бюро ЦК, на котором было заявлено, что коммунисты завоевали абсолютное превосходство по сравнению с правящими классами, что национально-демократическое движение находится на подъеме и вступило в этап непосредственной революции. Исходя из таких оценок, Компартия приняла решение развернуть «гражданскую войну» против королевского правительства Сианука[147].

На первый взгляд, эти оценки и решения мартовского совещания выглядят нереалистичными, напрямую заимствованными из Пекина, где в это время рассчитывали, что Компартии стран ЮВА перейдут к вооруженной борьбе, свергнут существовавшие в этих странах политические режимы. Для не знающих кхмерскую специфику эти решения выглядят откровенно авантюрными и их можно расценить как попытку кхмерских коммунистов осуществить на практике советы, поступавшие из Китая, и вслед за коммунистами соседних стран развязать так называемую «народную войну». В краткой истории НРПК образца 1984 г. также указывается, что «Пол Пот неверно оценивал обстановку в Камбодже, придерживался принципов "народной войны", "гражданской войны" против сианукского режима, когда революционная база была еще слаба»[148].

На самом деле, если более внимательно проанализировать принятые на мартовском совещании документы, то выяснится, что расчеты их авторов не были беспочвенны. Дело в том, что решение о вооруженном восстании с опорой на беднейшее крестьянство было принято в момент, когда кризис существовавшего в стране режима и положенной в его основу экономической модели зашел очень далеко.

Внутреннее напряжение и социальные диспропорции в камбоджийском обществе нарастали. На одном полюсе росла армия разорившихся и безземельных крестьян, которые, по признанию Сианука, «живут в нищете, питаются только рисом и лишь изредка сушеной рыбой»[149], на другом — непрерывно продолжалось разбухание бюрократического аппарата. К 1967 г. его численность достигла 52,1 тысячи человек, т. е. по сравнению с 1956 г. возросла более чем в два раза[150]. На содержание чиновников тратилось теперь до 60% всей расходной части бюджета[151].

Социальная несправедливость отягощалась чиновничьим произволом, коррупцией, контрабандой, общим разочарованием тысяч людей в существующих порядках. Социально-экономическая ситуация в Камбодже усугублялась растущей политической нестабильностью, заметным ослаблением режима личной власти и политического авторитета Сианука. Это стало особенно заметно, когда на выборах 1966 г. его противники получили большинство в Национальном собрании, а в столичных газетах развернулась кампания критики внутри- и внешнеполитического курса главы государства. Раскол в правящих верхах давал коммунистам дополнительные шансы на успех.

Несомненно, что все это учитывалось руководством Компартии, принявшим решение о переходе к вооруженной борьбе. Более того, Салотх Сар прекрасно понимал, что лишь одним актом объявления войны существовавшему режиму коммунисты сразу же выходили не только на авансцену внутренней политики, привлекали в свои ряды множество новых сторонников из среды левонастроенной интеллигенции и обездоленных крестьян, но и выходили из фактической изоляции от международного коммунистического движения. Только после начала вооруженных действий о существовании в Камбодже коммунистов узнали в Европе, и в марте 1968 г. в статье в центральном органе Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) газете «Нойес Дойчланд» указывалось, что «Компартия Камбоджи — это одна из марксистско-ленинских партий, образованных после 1960 г.» и что ее представители должны быть приглашены участвовать в подготовке совещания коммунистических и рабочих партий[152].

Первым опытом реализации новой стратегии Компартии стало потрясшее Камбоджу в апреле 1967 г. крестьянское восстание в районе Самлаут в провинции Баттамбанг. Этот район, который на долгие годы станет одним из главных оплотов коммунистов, представлял для них идеальное место для начала антиправительственной борьбы.

Крестьянские хозяйства велись здесь на скудных песчаных землях, возделываемых почти без удобрений и пестицидов, при слабом развитии ирригации, что позволяло собирать лишь очень низкие даже по камбоджийским меркам урожаи.

Чтобы обеспечить существование семьи, крестьяне, как правило, вынуждены были либо арендовать дополнительные земли, либо регулярно осваивать новые участки, так как через 4–5 лет эксплуатации плодородие пахотных земель резко падало. Крестьянские хозяйства находились здесь в полной зависимости от местных ростовщиков, и никаких шансов на уменьшение этой зависимости у них не было. И здесь пропаганда коммунистов, их лозунги уравнительности и антиурбанизма против засилья иноземцев-ростовщиков падали на хорошо подготовленную почву.

Формальным поводом для крестьянского недовольства стало расселение в Самлауте кхмерских беженцев из Южного Вьетнама. Всего здесь появилось два новых поселения: в одном из них — Бенг Кхтуме разместилось 600, а в другом — Свайдонгкео еще 200 человек. В Бенг Кхтуме беженцам выделили земельные наделы по 2,5 га, а в Свайдонгкео — по 5[153]. Появление этих переселенцев, помощь им со стороны армии в освоении земель и строительстве домов вызвали возмущение местного населения, поскольку с изъятием целинных земель в пользу переселенцев существенно уменьшились возможности местных крестьян свободно, как они привыкли, переходить с одного на другой участок земли. Теперь они вынуждены были оставаться на своем малоплодородном наделе без каких-либо надежд поменять его.

Латентное недовольство крестьян своим положением особенно проявилось тогда, когда местные коррумпированные чиновники под защитой армейских подразделений, введенных в этот район, стали заставлять крестьян продавать рис по заниженным ценам, задерживая к тому же выплату денег. В ответ на это крестьяне восстали, причем к этому их подтолкнула «агитация партийных лидеров коммунистов северо-запада»[154].

С утра 2 апреля 1967 г. около 200 жителей кхума Самлаут, вооруженные в основном дубинками и холодным оружием, атаковали агрогородок членов Кхмерского королевского союза молодежи в Стунг Крантунге, который представлял в глазах местного населения олицетворение политики пномпеньских властей. Вслед за этим нападениям подверглись военные посты в Срае Понлы и Тасане. В течение следующих четырех дней восставшие крестьяне атаковали еще несколько

военных постов, сожгли два моста в Кратьяпе и Чраниенг Кроме, построенных армейскими подразделениями, а также часть домов в поселениях для беженцев в Бенг Кхтуме и Тьемлонг Куэе. Кроме того, они расправились с некоторыми старостами деревень[155].

На подавление восстания была брошена армия, которой был дан приказ оцепить повстанческий район и приступить к его «умиротворению». Уже в первые дни операции взводу парашютистов удалось обнаружить в лесу около деревни Срае Понлы лагерь повстанцев и арестовать 73 человека. 20 апреля 1967 г. каратели нашли еще один подпольный лагерь и захватили 93 крестьян[156].

Расчет правительства состоял в том, чтобы устрашением повстанцев, с одной стороны, и задабриванием их путем бесплатной передачи одежды и продуктов — с другой, погасить мятеж. Однако обстановка развивалась не в пользу властей, которые оказались явно не готовыми к такому размаху антиправительственных выступлений и ожесточению восставших. Опасаясь международной огласки, 18 июня 1967 г. правительство официально объявило, что восстание закончилось без кровопролития[157].

На самом деле это было не так. Восстание на Западе перешло границы района Самлаут, где ситуация на какое-то время действительно стабилизировалась, главным образом потому, что Компартия «приказала прекратить бой с тем, чтобы извлечь уроки из этих противоречий и вооруженной борьбы»[158]. Директива Салотх Сара о прекращении восстания, так же как и другие, шедшие из партийного центра в Ратанакири указания местным коммунистам «потерпеть некоторое время и дождаться момента, когда борьба приобретет общенациональный характер»[159], вероятно, сделаны были под нажимом вьетнамцев на Салотх Сара и его партийный центр, располагавшийся в этой провинции. Ведь в Ханое восприняли начало вооруженной борьбы против Сианука крайне негативно, — из-за этого все важнейшие договоренности с его режимом оказывались под угрозой. Сианук на это недвусмысленно намекнул, когда заявил, что «восстание не является делом народа, а результатом провокационных действий кхмер-вьетминов и "Прачеачун", которые выполняют волю своих хозяев в Ханое»[160]. В упомянутой выше «Черной книге» говорится, что вьетнамцы велели красным кхмерам прекратить сопротивление после «бунта в Самлауте»[161].

В то же время в Китае к восстанию в Самлауте и к началу вооруженной борьбы отнеслись крайне позитивно. По крайней мере

в информации советского посольства в Ханое от 19 февраля 1968 г. говорилось: «Используя тяжелое экономическое положение крестьян ряда провинций и опираясь на промаоистские и провьетнамские элементы левых сил, китайцы разжигают в северных и северо-западных провинциях выступления так называемых "красных кхмеров"»[162]. Такое поведение «друзей номер один», как любил называть китайцев Сианук, стало новым разочарованием главы государства. В своих планах он очень рассчитывал на поддержку Пекина. По мнению советского посольства, во внутренней политике он надеялся «использовать свою дружбу с КНР для подавления местной Компартии "Прачеачун", находящейся еще во многом под влиянием вьетнамских друзей»[163]. Во внешней политике эта дружба должна была послужить ему, так как «если вьетнамцы начнут проявлять неблагодарность к Камбодже, то КНР сумеет направить их в должную колею»[164]. Теперь все эти расчеты рухнули.

Выступления крестьян, начавшиеся в Самлауте, вскоре охватили значительную часть северных и восточных районов провинции Баттамбанг, где недовольство крестьян своим положением также было очень велико. В начале мая 1967 г. к партизанам ушло 90 семей из района Тьисанг, а за ними последовали жители еще двух деревень — Сналмон и Руссей Преах[165]. Восстание ширилось, несмотря на предпринятое военными систематическое «прочесывание» местности. Авиация бомбила базы повстанцев в лесах, были сожжены поселения Бенг Кхтум, Тхвак, Руссей Преах. По данным, которые приводит М. Осборн, войска окружали отдельные населенные пункты и устраивали там резню[166]. Ш. Мейер подтверждает жестокость властей, отмечая, что «армия и провинциальная охрана были направлены в сельскую местность... чиновники и горожане Баттамбанга также были мобилизованы на борьбу против "красных"»[167]. Вооруженные саблями, дубинками и некоторым количеством огнестрельного оружия, они «вынуждены были отправляться на преследование несчастных крестьян»[168]. Спасаясь от репрессий, около 4 тыс. крестьян покинули родные места и ушли к партизанам в район Кардамоновых гор[169].

Вслед за восстанием в Самлауте крестьянские волнения, по свидетельству С. Хедера, распространились на провинции Пурсат, Кампонгчхнанг, Кампонгтхом, Кампонгчам, Кампонгспы и Кампот — т. е. практически на большую часть основных сельскохозяйственных районов страны[170]. Стало очевидным, что «социалистические эксперименты» Сианука, его неразумная политика по отношению

к финансовому капиталу местных ростовщиков, приведшая к обнищанию деревни, вызвала повсеместное недовольство и потребовалась лишь искра, чтобы это недовольство вылилось в вооруженные мятежи.

В августе 1967 г. только незначительная часть крестьян вернулась в оккупированные армией родные места. Представителям буддийского духовенства удалось добиться для них амнистии. Однако очень многие так и остались в джунглях, создав ядро так называемой Революционной армии, которую собрали коммунисты. После Самлаута вопрос о тактике борьбы с Сианук для них уже не стоял на повестке дня — в стране вспыхнула гражданская война, и крестьяне из числа беднейших пошли за ними. Возникла логика борьбы, которая уже не оставляла места мирным переговорам и политическим урегулированиям.

Как это ни удивительно, но восстание в Самлауте, несмотря на свой размах и ожесточенность, почти никак не повлияло на политику кхмерских властей по отношению к крестьянству: ничего не было сделано, чтобы устранить причины, приведшие людей к антиправительственным действиям. В очередной раз в городах были развязаны репрессии против левонастроенной интеллигенции, открыто сочувствовавшей восставшим, введены запреты на свободу печати, усилилась тайная война против подпольных коммунистических групп и ячеек. В сельской местности политика также была заметно ужесточена: в деревнях запретили выборы деревенских старост, многих из них сместили, заменив назначенными «сверху» лояльными правительству «надежными» людьми.

Все эти репрессивные меры особого эффекта, однако, не дали. Крестьянские выступления, организованные при прямом участии коммунистов, охватывали все новые и новые районы. По данным С. Тьюна и Б. Кьернана, к началу 1968 г. в юго-западной части провинции Баттамбанг находилось около 15 хорошо укрепленных партизанских баз. Военные действия велись уже на 1/4 части территории провинции[171]. Восстание ширилось, и на руку коммунистам, которых к этому времени Сианук стал называть «красными кхмерами» (*кхмае крохом* — по-кхмерски. — *Д. М.*), сыграло то, что дружеские ранее отношения Пекина с Сиануком в 1967–1968 гг. обострились до предела. В связи с этим руководство КПК, в отличие от ПТВ, к восстанию в Самлауте и к началу вооруженной борьбы отнеслось в высшей степени одобрительно. КНР стала направлять помощь непосредственно кхмерским

коммунистам, которые таким образом в отношениях с Китаем стали быстро выходить и из тени Сианука и из-под покровительства вьетнамских товарищей. Есть масса свидетельств того, что китайские торговцы и перекупщики риса, постоянно находившиеся в движении и перемещавшиеся из одного пункта Камбоджи в другой, выступали в качестве поставщиков оружия и даже разведчиков, действовавших в интересах кхмерских коммунистических повстанцев. Кроме того, они передавали и финансовые средства для поддержки революционной борьбы. Чан Вен рассказывал мне об этой деятельности китайцев в Камбодже применительно к ситуации начала 80-х годов, когда существовали обоснованные опасения, что этнические китайцы, вновь вернувшиеся к своему традиционному бизнесу, снова по заданию из Пекина начнут выполнять такие же подрывные операции, как и в середине 60-х. Свидетельство Чан Вена о том, что китайцы в Камбодже активно участвовали в организации и снабжении партизанской борьбы, находит подтверждение и в документах советского посольства в Ханое. Так, в уже упоминавшейся информации советского посольства в Ханое от 19 февраля 1968 года указывалось, что в районы, охваченные восстанием, «китайцы завозят контрабандным путем оружие и создают небольшие вооруженные группы повстанцев[172].

Об активном участии Пекина в разжигании повстанческой борьбы рассказывал советским представителям и заместитель председателя совета министров Камбоджи по внутренним делам Унг Хон Сат. По его словам, «на вооружении у повстанцев новейшее оружие китайского производства (автоматы, гранатометы и 81-мм минометы) ... найдено оружие в ящиках, поступивших в адрес текстильной фабрики в Баттамбанге, где работают китайские специалисты»[173].

Несмотря на то что армейские части наносили восставшим тяжелые удары (в середине февраля 1968 г., например, в результате «прочесывания» местности было ликвидировано три партизанских лагеря), активность повстанческих сил, руководимых коммунистами, оставалась высокой. Свидетельством тому стал день 25 февраля 1968 г., когда вооруженные атаки были предприняты сразу в шести провинциях: Баттамбанге, Пурсате, Кохконге, Кампонгчхнанге, Такео и Кампоте. В Баттамбанге, например, были атакованы военные посты и около 90 крестьян ушли вместе с партизанами[174]. Как отмечала в то время камбоджийская пресса, «... совершенно очевидно, что действия повстанцев хорошо скоординированы, везде они выступают одновременно, атакуют деревни, где, по их сведениям, имеется "симпатизирующее

им население"...»[175]. Унг Хон Сат — заместитель председателя совета министров Камбоджи по внутренним делам, вернувшись из поездки по районам, охваченным волнениями, сообщил в беседе с советским представителем: что «...в Баттамбанге, Пурсате и Кампонгчхнанге распространяются листовки, отмечаются волнения среди молодежи. Многие семьи уходят в джунгли и организуются в повстанческие группы»[176]. По некоторым оценкам, около 10 тысяч крестьян пополнили в это время ряды партизан[177]. Например, только в южной части провинции Баттамбанг в джунгли ушли почти 3 тыс. крестьян, в кхуме Коук Бантей провинции Кампонгчхнанг — 1,3 тыс. жителей покинули родные места и присоединились к повстанцам, в провинции Кампот — на их сторону перешло также еще 3 тыс. человек. В некоторых местах жители целых деревень становились партизанами[178]. С. Тьюн и Б. Кьернан отмечали в этой связи, что в это время «кхмерское традиционное сельское общество, далекое от того идиллического образа "демократичных мелких собственников", каким его всегда изображал Сианук для внешнего мира, содрогнулось в первых конвульсиях, последствия которых были еще не совсем ясны иностранцам и даже большинству городского населения страны»[179].

В 1968 — начале 1969 г. армейские части нанесли партизанам ряд новых тяжелых поражений: в марте 1968 г. потери повстанцев составили 600 человек убитыми и 800 арестованными[180]. Позже, в апреле, после жестоких боев армейские подразделения разгромили крупную базу коммунистов в Пхном веай чхап (в полпотовские времена из этого сражения сделают легенду и это место будет называться «Гора героев». — *Д. М.*). В Пхном веай чхап было убито 90 и взято в плен 700 человек[181].

Последующие события, однако, показали, что победы армии не только не привели к подавлению восстания, но и не смогли даже предотвратить его дальнейшее распространение. В июле 1968 г. Сианук в письме на имя председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, объясняя, почему он откладывает запланированный ранее визит в Москву, так сформулировал причину: «Моя страна подвергается непрерывным нападениям американских вооруженных сил и их южновьетнамских и таиландских наемников и "кхмер серей". Кроме того, мы должны справиться с волнениями в ряде пограничных провинций»[182]. Последняя фраза в этом послании означала, что восстание, инспирированное коммунистами, вышло на уровень традици-

онных и главных врагов режима и превратилось в новую реальность камбоджийской общественной жизни и политики.

К середине 1969 г. коммунистические силы действовали в 12 из 18 провинций Камбоджи, вооруженные столкновения происходили ежедневно, а в пяти провинциях было объявлено военное положение. Салотх Сар и его соратники могли торжествовать. Их ставка на вооруженное восстание оказалась оправданной: «красные кхмеры» под их водительством превратились в главный центр консолидации всех оппозиционных режиму сил. В их ряды вступали и левонастроенные городские интеллигенты, и крестьяне из бедных и беднейших слоев, и представители национальных меньшинств, так называемых кхмае лы (горных кхмеров) — пнонгов, куи стиенгов, среди которых они вели особенно успешную работу. В «Черной книге» вполне справедливо говорится, что «если бы партия не вела вооруженную борьбу, то она была бы обречена на забвение»[183].

Действительно, Компартия, несмотря на понесенные в ходе боев потери, выросла численно и организационно. Проблема в расширении фронта гражданской войны заключалась лишь в том, что помощь, приходившая из Вьетнама, оставалась очень незначительной. Нуон Чеа вряд ли преувеличивал, когда писал, что в это время у повстанцев не было оружия, достойного упоминания, и они не получали никакой помощи извне: «Иногда у нас появлялось оружие, но не было боеприпасов. Порой даже не имея патронов, мы оружие носили для устрашения врага»[184]. В истории партии образца 1974 г. говорилось, что «до момента свержения власти Сианука коммунисты сражались сами по себе и только после переворота стали получать значительную помощь из Вьетнама»[185].

На самом деле это не совсем так. Лагеря «красных кхмеров» часто располагались в районах, где находились и вьетнамские отряды и военные базы, буквально нашпигованные оружием, которое нелегальным образом, чаще всего путем обмена на продовольствие, попадало в руки кхмерских коммунистов. Этот обмен был возможен, так как вьетнамские солдаты в Камбодже, находившиеся на этих базах и их охранявшие, по словам Нуон Чеа, «часто голодали»[186]. В словах Нуон Чеа есть доля правды — достаточное снабжение продовольствием солдат никогда не было сильной стороной вьетнамской армии. Справедливы и слова о том, что в 1968 г. «красные кхмеры» сражались на свой страх и риск, практически ничего не получая из Вьетнама. Судя по всему, в Ханое еще сохраняли надежду на то, что Сианук удастся остаться

у власти. Поэтому вьетнамская помощь кхмерским коммунистам в 1968 г. была действительно невелика: Вьетнам не видел смысла создавать своему союзнику в Камбодже новые проблемы для его власти, которая и так становилась все более непрочной.

Реально оценивая сложившуюся ситуацию и заглядывая в будущее, вьетнамское руководство приняло в 1969 г. решение несколько изменить свое отношение к кхмерским коммунистам и установить с ними более тесные связи. В Ханое отдавали себе отчет, что в случае переворота в Пномпене и перехода власти к правым и антивьетнамским силам роль и значение Компартии в большой индокитайской игре резко возрастет. При таком раскладе событий Салотх Сар превращался в фактически единственного защитника вьетнамских интересов и присутствия вьетнамских вооруженных сил в Камбодже.

Во второй половине 1969 г., когда в Пномпене у власти вновь оказалось правительство правых во главе с Лон Нолом, Салотх Сар был вызван в Ханой на переговоры. В «Черной книге» это приглашение объяснялось тем, что «вьетнамцы якобы хотели заставить кхмерских коммунистов прекратить борьбу»[187]. Далее, по версии «Черной книги», выстраивается совершенно неправдоподобная для 1969 г. ситуация: Салотх Сар отказывается выполнить вьетнамское требование, подчеркивая тем самым независимость кхмерских коммунистов[188].

На самом деле события, видимо, развивались несколько в ином ключе: вьетнамцы рассчитывали обсудить с лидером Компартии возможность координации сил и боевых действий в случае отстранения Сианука и прихода к власти правых сил. Существует информация также, что Салотх Сар вел переговоры, предметом которых было возможное расширение помощи вьетнамских войск отрядам коммунистов, поставки им вооружения, боеприпасов и отправки камбоджийских коммунистов, находившихся во Вьетнаме, домой для участия в борьбе с Сианук[189].

Последнее предложение Салотх Сара заслуживает особого внимания, так как характеризует его как мастера политической интриги: ведь в случае успеха он добивался сразу двух важных целей — резко ослаблял ханойский центр кхмерских коммунистов, их формальное подчинение ему становилось вполне реальным. Вьетнамцы прекрасно поняли, к чему клонит их кхмерский союзник, и отказались пойти навстречу просьбам Салотх Сара. Они решили не торопиться, и первые коммунисты из ханойского центра будут направлены в Камбоджу

вместе с вьетнамскими войсками только после свержения Сианука в марте 1970 г.[190]

Вьетнамские кураторы держали Салотх Сара «при себе» несколько месяцев с января 1970 г. Понимая, что власть Сианука держится на волоске, они вместе с Салотх Саром проигрывали различные варианты действий на случай переворота в Пномпене. Эти обсуждения закончились внезапно: получив сообщение об отстранении Сианука от власти, Салотх Сар вместе с северовьетнамским премьер-министром Фам Ван Донгом отправился в Пекин для обсуждения новой политической ситуации, сложившейся в Камбодже и в Индокитае после того, как к власти в Пномпене пришел генерал Лон Нол[191].

Отправляясь в Пекин, Салотх Сар и близкие к нему кхмерские коммунисты понимали, что их время наконец-то пришло и что выступают они уже не на вторых ролях, а как полноправные партнеры своих вьетнамских и китайских союзников. Это открывало перед ними совершенно новые перспективы и возможности для борьбы.

ГЛАВА VII

ПЕРЕВОРОТ ЛОН НОЛА И КРАХ НАТУРАЛЬНО-ТОВАРНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА (1970–1975 гг.)

1. Политическая ситуация и ход военных действий в стране в период после 18 марта 1970 г.

Переворот, который произошел в Камбодже 18 марта 1970 г., явился заключительным аккордом в борьбе за власть между Сианук и так называемой правой оппозицией. Продвижение к власти правых прозападных и проамериканских сил, как было показано выше, проходило постепенно и достигло кульминации во второй половине 60-х годов. В это время противоречия между главой государства и большей частью политического истеблишмента достигли особой остроты. Они касались и фундаментальных вопросов устройства государства и вопросов экономического развития, свободы частного предпринимательства, внешней политики и отношений с основными участниками вьетнамской войны. У Сианука и правых политиков на все эти вопросы были разные ответы: правые требовали многопартийной демократии, а Сианук не хотел отступать от схемы авторитарного правления, правые выступали за свободу частного предпринимательства, глава государства симпатизировал госсектору и государственному контролю, наконец, правые позиционировали себя как союзники США и антикоммунисты, а Сианук — как союзник Северного Вьетнама и НФОЮВ. Эти противоречия усугублялись факторами субъективного порядка: обе стороны совершенно не доверяли друг другу. Поэтому, когда Сианук начал с большой неохотой идти на уступки правым политикам, они не воспринимали это как движение к компромиссу, а скорее как игру, направленную на удержание власти ввиду ослабления политического влияния главы государства. Кстати, Сианук правым доверял больше и не предполагал, что они смогут решиться отстранить его от власти. К его несчастью, на волне всеобщего возмущения тем,

что глава государства позволил вьетнамским коммунистам использовать в своих целях кхмерскую территорию, правым политикам удалось побороть страхи, порожденные жестоким подавлением заговора Сам Сари — Дап Чхуона в 1959 г. и преодолеть соперничество, долгое время приводившее к расколу в рядах правых сил. Опираясь на немалые финансовые возможности и пустив в ход довольно аргументированную критику неэффективности самовластия главы режима, правые оппозиционеры сумели заручиться общественной поддержкой главным образом в политически активных и зажиточных слоях городского населения. После выборов 1966 г. они уже доминировали и в правительстве и в Национальном собрании.

Правую оппозицию поддерживали и средства массовой информации, сделавшие немало для дискредитации и главы государства и его непосредственного окружения. На волне критики политики Сианука, обвинений его ближайшего окружения в коррупции, правое правительство во главе с Лон Нолом все более энергично действовало в направлении сближения с Западом и, прежде всего, с США. Для этой державы, глубоко завязшей во вьетнамской войне, наличие военных баз и коммуникационных линий противника в Камбодже было очень серьезной проблемой. США рассматривали эти базы и коммуникации как важнейший элемент всей инфраструктуры коммунистических сил на Юге Вьетнама[1]. В этой связи они могли только приветствовать и всячески поддержать выдвинутое кхмерскими правыми требование о денонсации соглашений Сианука с вьетнамскими коммунистами и выводе вьетнамских войск и их баз с территории Камбоджи. Своей жестко антикоммунистической и антивьетнамской позицией кхмерские политики правой ориентации заинтересовали Белый дом уже с чисто практической точки зрения: с их помощью американское командование рассчитывало перенести боевые действия на те районы базирования северовьетнамских войск, которые были ему недоступны при сохранении политического курса и власти Сианука.

Глава Камбоджи с конца 1969 г. находился во Франции и, хотя его влияние на практический курс камбоджийского правительства в это время было уже минимальным, он оставался ключевой фигурой кхмерской политики, главой государства, и без его согласия объявить войну вьетнамским коммунистам было невозможно. А он, и это было понятно всем, ни при каких обстоятельствах не дал бы такого согласия и не одобрил бы разрыв отношений с Северным Вьетнамом и фактическое начало военных действий против вьетнамских войск в стране.

По всей видимости, именно это обстоятельство с учетом американского вмешательства во многом предопределило неизбежность происшедшего 18 марта 1970 г. военного переворота в Пномпене и отстранения главы государства от власти.

В этот день весь город находился на осадном положении, аэропорт Почентонг был закрыт, а собравшиеся на чрезвычайное заседание депутаты Национального собрания Камбоджи объявили, что «нация находится в опасности», и наделили правительство во главе с генералом Лон Нолом чрезвычайными полномочиями «в связи с нестабильной политической обстановкой, вызванной действиями внутренних и внешних врагов Камбоджи»[2]. Вслед за этим, депутаты единогласно выразили вотум недоверия Сианук как главе государства и положили тем самым конец его многолетнему правлению[3]. Еще через несколько дней правительство объявило, что «порт Сиануквилль закрыт для любых судов, перевозящих оружие для коммунистических войск, а также призвало ДРВ и НФОЮВ немедленно начать переговоры о выводе с камбоджийской территории частей вьетнамской армии»[4]. Об этом решении было сообщено еще даже до того, как бывшего главу государства исключили из Сангкума[5].

Во всех событиях, связанных с переворотом, внимание не может не привлекать тот факт, что отстранение Сианука от власти произошло буквально накануне его возвращения в страну, когда после длительного лечения во Франции и визитов в Париж и Москву ему оставалось сделать лишь одну остановку — в Пекине. Вероятно, в этой новой активности главы государства правые политики увидели его желание по возвращении вновь бороться за власть. Эти подозрения, как мы знаем, не были лишены оснований[6], тем более что в Пномпене могли опасаться, что возможные договоренности Сианука в Москве и Пекине относительно ограничения присутствия северовьетнамцев в Камбодже могут дать принцу важные козыри против националистической и антивьетнамской пропаганды правых. Поэтому противники Сианука решили действовать, не дожидаясь его возвращения в страну.

В заговоре против главы государства несомненную поддержку им оказали американские эмиссары из ЦРУ, с которыми правые политики были давно и тесно связаны[7]. В США Сианука никогда не симпатизировали и не доверяли, предполагая, что на самом деле его поворот к антикоммунизму связан не с его взглядами, а с политическими обстоятельствами, в которых он оказался. Поэтому с исключительной поспешностью — уже 19 марта, т. е. на следующий день после

переворота, госдепартамент США заявил о признании новых властей в Пномпене, а уже 30 марта администрация Никсона предоставила американскому командованию в Южном Вьетнаме право «санкционировать вторжение американских войск на территорию Лаоса или Камбоджи в случае военной необходимости»[8].

При внимательном анализе ситуации, сложившейся перед переворотом, не оставляет ощущение, что большинство правых политиков боялись брать на себя ответственность за последствия таких действий и стремились оттягивать решающей момент как можно дольше. Как показали дальнейшие события, в их опасениях был заключен большой смысл: после смещения главы государства выяснилось, что политическая ситуация в стране стала зыбкой и неопределенной, заключавшей в себе множество опасностей всякого рода для стабильности новой власти. Желая подтолкнуть правых политиков к действию, США даже использовали давно состоявших на содержании ЦРУ бандитов из группировки «Кхмер Серей», руководимой Сон Нгок Тханем. С января 1969 г. они в массовом порядке переходили на сторону властей и немедленно зачислялись в состав кхмерской армии[9]. При этом всем было понятно, что их капитуляция была притворной, и целью ее было укрепить проамериканские настроения в войсках. По некоторым данным, именно бывшие бойцы «Кхмер Серей» и стали организаторами погромов вьетнамских представительств в Пномпене, которые предшествовали перевороту[10].

Не вызывает сомнений, что главную роль в успехе всего заговора сыграла кхмерская армия. Она оправдала надежды заговорщиков, поддержав их, обеспечив контроль за ситуацией в стране во время и в первые дни после переворота. Полностью подтвердилась информация, которую еще в конце 1966 г. передал советскому послу кубинский дипломат Оскар Пино Сантос. По его данным, «примерно 40% состава камбоджийской армии недовольно своим положением и существующими порядками в стране». Армейская верхушка, сказал он, безусловно, является опорой правых[11]. В событиях 18 марта 1970 г. армия показала себя не только как инструмент захвата и удержания власти, но и как самостоятельная политическая сила. Ее руководство и офицерский корпус выступали за то, чтобы увеличить расходы на оборону и улучшить жизнь офицеров. Военные считали необходимым подавить общественный хаос и восстановить порядок в стране; искоренить злоупотребления чиновников и особенно коррупцию, которой попустительствовали глава государства и его ближайшее окружение.

Особенно существенным объединяющим фактором для армии накануне и во время переворота были вопросы защиты корпоративных интересов военнослужащих. Офицерский корпус прекрасно знал о разногласиях собственного руководства и Сианука по вопросам распределения бюджета и ассигнований на вооруженные силы и, соответственно, на увеличение жалованья офицерам. Глава государства относился к армии подчас откровенно пренебрежительно, рассчитывая в случае серьезного конфликта не на ее мощь, а скорее на свой авторитет и дипломатические способности. Поэтому он не раз сокращал военный бюджет, особенно чувствительно это было в 1963–1965 гг. после отказа от американской военной помощи, когда доходы кхмерских военных сократились более чем в два раза. Сианук вмешивался во внутреннюю жизнь армии, заставляя военных заниматься не столько боевыми учениями, сколько обеспечением заготовок риса, освоением новых земель в отдаленных провинциях Мондолкири и Ратанакири. Он также резко критиковал военных за излишние, по его выражению, жестокости при подавлении крестьянских выступлений, инициированных коммунистами. Недовольство армейской верхушки и офицерского корпуса действиями главы государства подстегивалось и антисиануковскими настроениями политической и интеллектуальной элиты, осуждавшей его малоэффективный экономический и военно-политический курс, непомерный авторитаризм и амбиции.

Действуя совместно, заговорщики в лице военной верхушки и правых оппозиционеров захватили власть в Пномпене практически бескровно, однако вскоре выяснилось, что социальная база нового режима — средние городские слои, бюрократическая и компрадорская буржуазия — явно недостаточна для стабильного контроля над ситуацией. События быстро стали развиваться в крайне неблагоприятном для участников переворота ключе. Правые полагали, что отстранение Сианука будет не более как формальным актом, отражающим реальный расклад внутриполитических сил. Но после переворота выяснилось, что для десятков тысяч крестьян Сианук — это не дискредитировавший себя провальной политикой лидер, а все еще *преах ау* — король и руководитель страны, гарант ее независимости. Монархическая традиция, опиравшаяся на незримую связь крестьян с королем, явно недооцененная правыми, стала работать против них.

Кхмерское крестьянство не только не приняло новый режим, но и активно выразило свое недовольство: в некоторых местах произошли массовые стихийные выступления в поддержку Сианука. В провинции

Кампонгчам, например, 26 марта 1970 г. более 25 тысяч человек протестовали против переворота. Позже они убили представителей нового режима, прибывших в город, и, захватив грузовики, двинулись на Пномпень[12]. Неменьший размах приобрели крестьянские выступления в провинции Такео. Там всего за два дня было убито 100 безоружных крестьян и столько же ранено[13]. Массовые волнения произошли и в провинциях Прейвенг и Свайриенг на востоке Камбоджи. Колонны крестьян, направлявшиеся к Пномпеню из Кампонгчама, были в упор расстреляны воинскими подразделениями, при этом 27 человек было убито[14].

Совсем иной была реакция на переворот кхмерской городской интеллигенции. Уже в апреле 1970 г. в Пномпене состоялся марш национального согласия, в котором приняли участие более 10 тысяч студентов и учащихся. Они заявили о своей полной поддержке правительства национального спасения. В мае в Пномпене было даже сформировано «три молодежных добровольческих батальона спасения численностью в 6 тысяч человек, которым поручалась охрана въездов в Пномпень, патрулирование в окрестностях столицы, а также ведение психологической войны против коммунистов»[15].

В поддержку «правительства национального спасения» выступил и созданный в это время комитет интеллигенции, в который вошли многие деятели кхмерской культуры. В манифесте этого комитета были четко сформулированы основные претензии образованных слоев кхмерского общества к бывшему главе государства: Сианук превратил страну в свою вотчину, разрушил экономику, уничтожил традиционные кхмерские ценности, основанные на добре, справедливости, честности, и насадил такие социальные пороки, как ложь, несправедливость, воровство, коррупция, гнилость, злоба, ... культ непогрешимого отца нации[16]. Объединившиеся в этом комитете интеллектуалы, игнорируя кровавое подавление крестьянских выступлений, объявили также о том, что «приветствуют превращение королевства Камбоджа» в Кхмерскую республику с идеалами свободы, справедливости и прогресса[17].

После переворота была объявлена амнистия (по которой, кстати, многие деятели левых сил, арестованные ранее, получили свободу) и развернута кампания так называемой «широкой демократизации», когда на развалинах сианукского Сангкума были образованы три новые партии: Социал-республиканская, Демократическая и Республиканская. Предполагалось, что именно они и составят

политическое ядро новой демократической власти. Этого, однако, не произошло, хотя различие в политических взглядах между партиями оказалось минимальным и представляли эти организации главным образом интересы одного и того же довольно узкого слоя лиц в столичной верхушке. В борьбе за власть лидеры переворота Сирик Матак и Лон Нол, возглавившие соответственно Республиканскую и Социал-республиканскую партии, больше ссорились, чем формировали новое политическое поле. Кроме того, особого влияния на развитие политических процессов в стране новосозданные партии оказать и не могли, потому что реальная власть сразу же оказалась не у Национального собрания, а у армии во главе с Лон Нолом.

Пользуясь тем, что в стране начались широкомасштабные военные действия, этот генерал и один из лидеров переворота быстро установил в стране свою единоличную власть. Правда, первое время он пытался скрыть это под лозунгами «демократизации власти» и своих заявлений о том, что «времена угнетения и диктатуры закончились»[18]. В русле этой политики Камбоджа 9 октября 1970 г. была провозглашена Кхмерской республикой, а еще через год 18 октября 1971 г. Лон Нол объявил о том, что парламент преобразовывается в Учредительное собрание, которому поручается подготовка новой «республиканской конституции». Однако через два дня после указа о разработке конституции Лон Нол объявил об установлении в стране военной диктатуры, ввел чрезвычайное положение, приостановил действие всех объявленных ранее демократических свобод[19]. Он объяснял свои шаги тем, что «внутриполитическая обстановка в Камбодже характеризуется существованием группировок и кланов, занимавшихся дискредитацией армии и политической пропагандой, игравших на руку иностранной подрывной деятельности. Необходимо было отстранить их от власти, так как они мешали мобилизации всех сил нации на борьбу с врагом»[20].

На самом деле, «в основе этих мероприятий лежало стремление Лон Нола нанести удар по оппозиции, влияние которой в парламенте было особенно сильным»[21]. Введя чрезвычайное положение, Лон Нол сумел под этим предлогом лишить парламент реальной власти, а также вывести из правительства своих критиков и наиболее опасных политических оппонентов. Среди них был и довольно популярный в Пномпене лидер Демократической партии Ин Там, занимавший посты заместителя премьер-министра и министра внутренних дел, которого многие рассматривали как возможную альтернативу Лон Нолу.

После роспуска парламента Лон Нол подчинил себе все полицейские силы, «объединив их в единую организацию под руководством военных. Ряд высших офицеров, его верных сторонников, были повышены в звании, а восемь преданных ему полковников — произведены в генералы. В соответствии с объявленной им программой всеобщей мобилизации, была создана широкая сеть комитетов, призванных контролировать в стране военную, экономическую и культурную деятельность. Этими комитетами лично руководил премьер-министр»[22].

Установление военной диктатуры в условиях ухудшения внутренней военно-политической ситуации, возможно, было рациональным решением Лон Нола и его американских советников. В 50-е годы в, казалось бы, безнадежной ситуации южновьетнамский правитель Нго Динь Зием, сосредоточив власть в своих руках, сумел серией жестких мер сплотить свой режим и остановить коммунистов, которые вот-вот должны были прийти к власти в Южном Вьетнаме. Лон Нол, однако, далеко не обладал качествами Нго Динь Зиема, который в конце концов оказался настолько самостоятельным, что вышел из-под американского контроля и был за это убит. Как политический лидер Лон Нол оказался слабым политиком, нерешительным, вечно окруженным астрологами, зависимый от людей, давно дискредитировавших себя участием в коррупции и разного рода сомнительных сделках. Американский посол в Пномпене Э. Сванк писал, что «Лон Нол — больной человек как в физическом, так и в умственном отношении... он все рубит с плеча... его методы руководства военными операциями порочны»[23]. Однако все эти недостатки не помешали ему оставаться мастером подковерной интриги, ловко убиравшим любых соперников, претендовавших на верховную власть. Для победы в гражданской войне этих качеств было явно недостаточно, он не был человеком, способным сплотить и консолидировать антикоммунистические силы.

Лон Нол сам выбрал для себя роль американской марионетки, утверждал, что только «американское военное вмешательство решило бы все наши проблемы», что камбоджийцев не волнует, что в результате этого их страна будет разрушена, так как «мы снова восстановим разрушенное»[24]. В связи с этим, он действовал скорее исходя из указаний американского посла в Пномпене, чем из собственно кхмерских интересов. И потому, несмотря на все поражения, Лон Нол при поддержке США цепко держался у власти, установив в стране режим личной диктатуры.

В начале марта 1972 г. Лон Нол обнародовал чрезвычайные меры, направленные на укрепление аппарата власти. Он объявил себя президентом республики, главнокомандующим вооруженными силами и главой правительства[25]. Этот шаг был с откровенным недовольством встречен политическими кругами в Пномпене и особенно интеллигенцией, убедившейся в том, что все надежды на демократию и справедливость в рамках Кхмерской республики оказались иллюзиями. Реакция политически активных слоев в Пномпене на установление единоличной диктатуры Лон Нола оказалась настолько резкой, что тот по рекомендации своих американских советников вынужден был вновь объявить о «вступлении страны в новый этап пути к демократии». 30 апреля 1972 г. в Пномпене и в районах, которые еще контролировались режимом, был организован референдум для одобрения новой конституции (в нем приняло участие лишь 14% населения страны). Выборы президента были проведены 4 июня, несколько позже прошли выборы новых членов Национального собрания и Сената. Оппозиционные силы в лице Республиканской партии Сирик Матака и Демократической партии Ин Тама эти выборы бойкотировали[26], но это ничего не могло изменить: президентом, естественно, был избран Лон Нол, присвоившей себе заодно звание маршала, а все места в Национальном собрании получила Социал-республиканская партия, которую он же и возглавлял[27].

В апреле 1973 г., когда правительственные силы терпели все новые поражения, многие наблюдатели в Пномпене полагали, что час отставки Лон Нола наступает и что американцы готовят ему замену на посту руководителя страны. В это время в беседе с советским представителем в Вашингтоне высокопоставленный американский дипломат сказал, что «в Камбодже положение очень серьезное, режим находится практически на грани падения»[28]. Выход из этой ситуации Вашингтон усматривал в том, чтобы воздействовать на Ханой, оказать «сдерживающее влияние на находящиеся если не под их (северовьетнамцев) контролем, то под их влиянием группировки внутри партизанского движения»[29]. В США полагали, что вьетнамцы вмешаются только тогда, когда обстановка в Пномпене «созреет» и «там появится влиятельная политическая фигура, оппозиционная Лон Нолу, с которой Ханой сочтет возможным для Сианука начать переговоры с целью достижения компромисса по военному и политическому урегулированию». Таким человеком, по словам американского дипломата, может стать Сирик Матак, «который устраивает США»[30].

Этот политик, любивший всюду появляться в военной форме и когда-то считавшийся «лучшим другом Лон Нола»[31], уже давно рассматривался многими как реальный претендент на верховную власть. Зная об этом и желая сохранить власть в своих руках, «с августа 1971 г. Лон Нол практически отстранил своего заместителя и министра обороны Сирик Матака и генштаб от решения всех военных вопросов»[32]. В ответ на это в декабре 1971 г. группа сторонников Сирик Матака «оказала прямой нажим на Лон Нола и безуспешно пыталась убедить его или уйти в отставку или отказаться от единоличного руководства армией». Это тогда вызвало тревогу у американских официальных лиц. «Не зная точно намерения группы Сирик Матака, (они) выражали опасение, что уход Лон Нола в отставку может нарушить и без того непрочное соотношение сил в стране и явиться толчком к смене политического курса Камбоджи, в результате формирования нового правительства на базе оппозиции. Это правительство может пойти на прямые переговоры с силами освобождения и, в первую очередь, с Ханоем с целью прекращения военных действий»[33].

Слухи о том, что в Вашингтоне готовят отставку Лон Нола, широко циркулировали по Пномпеню весной 1973 г.[34], однако никаких практических мер для этого так и не было принято. В последний момент в США, вероятно, снова решили, что Лон Нол более надежен, чем Сирик Матак, и в условиях наступления коммунистических сил производить крутые перемены в верхушке пномпеньского режима нецелесообразно, и к тому же еще неизвестно, сможет ли их новый протеже — давний противник Сианука вести с ним переговоры. Конец всяким пересудам о смене главы режима положило официальное сообщение министерства информации, появившееся 7 июля 1973 г., о том, что «близкие к президенту круги официально опровергли как необоснованные слухи, согласно которым Лон Нол якобы намеревался при сложившихся обстоятельствах уехать на лечение за границу»[35]. Сам Лон Нол и его окружение в свою очередь, почувствовав, что получили новый кредит доверия у американцев, немедленно приняли превентивные меры против возможного преемника, арестовав его и посадив под домашний арест вместе со многими родственниками Сианука — членами королевской семьи[36]. На этом интрига с отстранением Лон Нола от власти закончилась, и ободренный невмешательством американцев глава пномпеньского режима объявил в мае 1973 г. о формировании под своим руководством так называемого чрезвычайного правительства. В конце марта 1974 г. высший политический совет был им

же и распущен и вместо него создан Исполнительный совет, который он возглавил[37].

Регулярные кризисы и перестановки в верхушке режима самым непосредственным образом зависели от хода военных действий, которые развивались совсем не так, как предполагали заговорщики. После переворота, по словам Ф. Б. Дэвидсона, «Лон Нол немедленно взялся за коммунистов в Камбодже, возможно, даже слишком рьяно». Он запретил им пользоваться портом Сианукивилля и очень необдуманно заявил, что «вышвырнет их с насиженных мест на вьетнамско-камбоджийской границе»[38]. Уже через два дня после переворота там «было совершено одновременное нападение на 88-й полк ДРВ со стороны войск сайгонского режима и подразделений камбоджийской армии». Кроме того, южновьетнамские самолеты «атаковали позиции НФО на территории Камбоджи (напротив округа Анфу) по просьбе камбоджийских офицеров на границе»[39]. В ответ, по словам председателя национального собрания Камбоджи и номинального лидера пномпеньского режима Ченг Хенга, «Вьетконг начал действия против камбоджийского народа... примерно 300 вьетконговцев вступили в провинции Кампот и Кампонгчам и заставили жителей деревень слушать записанное на пленку заявление принца Нородома Сианука в Пекине, в котором он призывал народ вести партизанскую войну против нынешнего правительства»[40].

Так начал стремительно раскручиваться маховик новой войны. Быстро выяснилось, что генерал Лон Нол сильно переоценил возможности небольшой и малоопытной кхмерской армии. Она вполне успешно противостояла партизанам, но в столкновении с хорошо вооруженной и опытной вьетнамской армией шансы на победу были невелики. Однако Лон Нол бросил ее подразделения на северо-восток, где они немедленно попали под контрудар северовьетнамских войск и были разгромлены. После этого, северовьетнамские войска совместно с кхмерскими коммунистами сами перешли в наступление. Выяснилось, что численность северовьетнамцев, располагавшихся на востоке Камбоджи, составляла от 40 до 60 тыс. человек, что было больше, чем вся кхмерская армия. Теперь эти войска, вслед за отступавшими кхмерскими частями, «волной устремились на запад»[41].

Всего нескольких недель оказалось достаточно, чтобы камбоджийская армия показала свою полную неэффективность в борьбе против вьетнамских войск и оказалась на грани полного поражения. В связи с этим 16 апреля 1970 г. Пномпеньские власти вынуждены

были обратиться к США с просьбой о предоставлении военной помощи в виде поставок оружия и военного снаряжения[42]. Через пять дней после этого, по сообщению кхмерского правительства, «бои шли уже в провинциях Мондолкири, Такео, Кандал, Кампот, Кампонгчам, Прейвенг и Кампонгспы», т. е. охватили почти всю Восточную и Центральную Камбоджу[43].

Катастрофическое развитие событий — разгром кхмерских войск на северо-востоке вынудило США, для спасения режима Лон Нола, организовать совместно со своими южновьетнамскими союзниками вторжение в восточные районы Камбоджи. Началось оно 30 апреля 1970 г., когда 50-тысячная группировка войск вторглась в Камбоджу и попыталась уничтожить вьетнамские базы, находившиеся на территории страны. Бои развернулись на линии фронта более чем в 400 км в районах Сноул, Мемот, Суонг. Удар американцев оказался очень сильным и неожиданным. В результате вьетнамские войска вынуждены были приостановить свое наступление и бросить все силы на защиту своих баз, которые одна за другой стали переходить в руки противника. Когда бои на востоке Камбоджи временно прекратились, поражение северовьетнамских сил стало очевидным: они потеряли 11 тысяч человек убитыми и 2500 пленными, огромные запасы боеприпасов, амуниции и продовольствия также перешли к американцам[44].

Эта очевидная неудача северовьетнамцев вынудила их прекратить операцию окружения Пномпеня. Тем самым лонноловский режим был спасен от падения, грозившего ему еще в апреле-мае 1970 г., что позволило властям Пномпеня выиграть время и перегруппировать силы.

Однако надежды на спасительное американское присутствие у Лон Нола развеялись после того, как по требованию конгресса США американские войска были выведены из Камбоджи. Оставшиеся в стране более чем 40-тысячные войска южновьетнамского режима Нгуен Ван Тхиеу не отличались ни особой боеспособностью, ни желанием защищать пномпеньских правителей[45]. Более того, присутствие южных вьетнамцев в населенных пунктах на территории Камбоджи привело к тому, что излюбленные лозунги во внутриполитической борьбе — кхмерский национализм и традиционное недоверие кхмеров к вьетнамцам стали работать против Лон Нола. Получилось, что пномпеньский режим, объявивший себя националистическим, защищающим кхмерский буддизм от северовьетнамского коммунизма, опирается на вьетнамцев, так же как и его противники-коммунисты. Более того, бойцы из Северного Вьетнама вели себя в кхмерских селениях куда

более сдержанно, чем южные вьетнамцы, часто просто грабившие население[46].

Стремясь воспользоваться поражением северовьетнамцев в Камбодже и добиться перелома в ходе военных действий, войска Лон Нола предприняли несколько крупных наступательных операций. За короткое время при массированной финансовой помощи США[47] численность армии была доведена почти до 200 тысяч — она стала почти в десять раз больше, чем в середине 60-х годов[48]. Армию оснастили современным вооружением, и казалось, что тяжелые потери северовьетнамских войск в Камбодже во время вторжения войск США в мае 1970 г. открывали перед ней неплохие перспективы. Официальная кхмерская пресса в это время еще более ужесточила свой и без того крайне резкий тон по отношению к вьетнамцам и к бывшему главе государства. Газета «Камбоджа» отмечала, что «ханойские руководители — это несносная и ограниченная клика, упрямо стремящаяся завоевать и поработить весь Индокитай»[49]. Про Сианука официальное правительственное агентство сообщало, что он теперь «не более, чем обычный клоун, которого маоистские специалисты дергают за веревочки. Наш бывший вождь стал рупором своих хозяев, визгливой шавкой, которой наградой вместо сахара служат льстивые похвалы китайцев»[50].

Власти Пномпеня полагали, что Сианук «списанная фигура», и его бывшие подчиненные соревновались в том, как его лучше унизить и уязвить. Пересмотру было подвергнуто даже самое большое его достижение — получение страной независимости в ноябре 1953 г. Для того чтобы подчеркнуть незначительность этого события и окончательно разорвать все связи с предыдущим режимом, 19 октября 1970 г. на заседании Национального собрания было решено отменить введенное при Сиануке празднование дня независимости 9 ноября, поскольку «хотя Камбоджа и добилась независимости, но реакционно-феодальная монархия продолжала существовать». Вместо этого праздником было объявлено 9 октября, когда «народ через председателя Национального собрания высказался за республику»[51].

Лон Нол в то время отвергал саму возможность какой-либо реальной оппозиции своему режиму. У НЕФКа «...нет ни слушателей, ни национальных корней, у него чрезвычайно мало специалистов, которые способны управлять зонами, временно не контролируемыми властями Пномпеня, — заявлял он. — У них нет никакого подлинного представительства. НЕФК — искусственное сооружение, образованное

группой укрывшихся в Пекине приверженцев Сианука»[52]. Лон Нол даже пообещал, что «скоро, может быть, очень скоро враг, не имея больше сил, окончательно лишится своего оружия и снаряжения»[53]. Эта ничем не оправданная уверенность (так выразительно контрастировавшая с откровенной паникой, охватившей правящие круги Пномпеня в апреле-мае 1970 г., когда казалось, что ничто не сможет остановить победоносные действия северовьетнамских войск) длилась совсем недолго. Нанести новое поражение противнику Лон Нол и его окружение не сумели. Газета «Камбоджа» хотя и писала, что «результат разгрома... позволяет нам всюду удерживать инициативу и расширять наши военные действия против врага»[54], на самом деле выдавала желаемое за действительное. Военное руководство в Пномпене сильно затянуло с началом наступления и поэтому первые атаки, согласно задуманной операции «Ченла-1», начались только в начале ноября 1970 г. В правительственном сообщении говорилось, что «камбоджийские и южновьетнамские войска начали самую крупную совместную операцию к югу от Пномпеня»[55]. Но уже 10 ноября поступила информация о том, что «северный фронт войск Лон Нола отрезан от столицы»[56], а 27 ноября сам Лон Нол под впечатлением больших потерь и очевидных неудач заявил, что «с началом сухого сезона в Камбодже наступил второй этап борьбы за существование»[57].

Это заявление кхмерского правителя было недалеко от истины: лучшие части южновьетнамских и камбоджийских войск, участвовавших в операции, оказались отрезаны друг от друга, почти окружены и с трудом пробивались к хорошо защищенным городским центрам. Северовьетнамцы продемонстрировали, что они вполне оправились от поражений, понесенных в мае-июне 1970 г., и совместно с отрядами кхмерских коммунистов вполне способны остановить наступление войск Лон Нола и южновьетнамского диктатора Нгуен Ван Тхиеу. На территории Камбоджи на начало января 1971 г. северовьетнамское командование имело в своем распоряжении три полноценные дивизии и собиралось довести численность своих боевых частей до 70 тыс. человек, так чтобы «вместе с патриотическими силами Камбоджи общая численность войск, действовавших против Лон Нола, составила бы 140 тыс. человек»[58].

Имея перед собой такого мощного противника, вполне понятно, почему американским союзникам так и не удалось установить друг с другом безопасную сухопутную связь по дороге № 1, соединявшей Пномпень и Сайгон. Более того, потери наступавших оказались

настолько велики, что следующий удар они смогли нанести только в августе 1971 г. Новая наступательная операция именовалась «Ченла-2», и с ее помощью рассчитывали остановить и оттеснить кхмерские и вьетнамские коммунистические силы, которые шаг за шагом перехватывали военную инициативу и медленно, но верно занимали один сельский район за другим, постепенно блокируя ключевые города и создавая угрозу столице страны — Пномпеню.

Основные задачи операции «Ченла-2», которая продолжалась вплоть до декабря 1971 г., заключались в том, чтобы прорвать кольцо блокады, сжимавшееся вокруг кхмерской столицы, освободить сухопутные коммуникации между городами Центральной Камбоджи и обеспечить подвоз продовольствия в Пномпень, где из-за быстрого роста населения, пополняемого беженцами, создавалась угроза нехватки продовольствия[59]. В планировании этой операции лонноловское командование допустило грубый просчет, переоценив свои возможности и недооценив возможности противника. Наступление началось сравнительно небольшими силами и развивалось в расходящихся направлениях вдоль ключевых автомобильных дорог. В результате почти везде войска, выступившие в поход, быстро оказывались окруженными и вместо наступления с трудом, так же как это было в операции «Ченла-1», пробивались обратно к периметру обороны городских центров. Даже на главном направлении — от Пномпеня в сторону Баттамбанга, где действовали почти 40 тыс. лонноловских и южновьетнамских солдат, успеха добиться не удалось. Эти войска после первоначального продвижения были остановлены и в ноябре 1971 г. почти полностью разбиты и уничтожены. Другие операции, проведенные в это время против сил коммунистов в восточных районах Камбоджи — «Ангкор тей» в Сиемреапе, «Сорейя-1» и «Сорейя-2», «Бапном», также оказались неудачными.

Все эти сражения показали, что боевой дух и выучка войск коммунистов оказались на голову выше, чем у частей Лон Нола. Операции лонноловцев вообще могли бы стать для них фатальными, если бы не массированная поддержка сухопутных войск, обеспечиваемая американской авиацией. За три года она сбросила на Камбоджу около 500 тыс. т бомб, жертвами которых стали десятки тысяч людей [60].

Поражения войск пномпеньского режима в военной кампании 1971 г. обозначали важный рубеж в развернувшейся войне: стратегическая инициатива вновь перешла к северовьетнамским войскам и боевым частям кхмерских коммунистов. Теперь они стали определять ход

и основные направления операций[61]. Пномпеньские власти отныне надеялись уже не на успех боевых операций своей армии, а на вывод из страны войск вьетнамских коммунистов, которые с февраля 1973 г., по условиям парижской мирной конференции, должны были покинуть Камбоджу и Лаос. Министр информации пномпеньского правительства Кхеам Рет повторял как заклинание, что «вывод агрессоров — главное условие восстановления мира в нашей стране»[62].

В Пномпене рассчитывали, что после ухода вьетнамцев удастся заключить соглашение о перемирии и начать переговоры. При этом сам процесс достижения мира виделся либо как явка с повинной «красных кхмеров», освободившихся от опеки Северного Вьетнама, либо как процесс переговоров, в котором условия будет диктовать пномпеньская сторона. Вполне серьезно некоторые политики утверждали, что «красные кхмеры» «подготовлены и организованы северовьетнамцами, которые жестоко с ними обращаются», хотя на самом деле они — «националисты», которые «с готовностью вернутся с повинной после ухода северовьетнамцев»[63]. Другая, официальная точка зрения заключалась в том, что «кхмеры, принадлежащие "другой стороне", относятся к различным тенденциям и наша задача состоит в установлении контактов с каждой из этих групп до того, как состоится прекращение огня»[64]. Верить в то, что после ухода вьетнамцев война не только продолжится, но и станет еще более ожесточенной, в Пномпене никто не хотел.

Дабы создать условия для мирных контактов, Лон Нол даже отдал односторонний приказ армии о прекращении наступательных действий с 7 часов утра 29 января 1973 г.[65] Это была откровенно пропагандистская акция, так как наступательных операций лонноловская армия уже давно не вела, а с огромным трудом оборонялась от атак «красных кхмеров», которые с января 1973 г. наступали на всех фронтах. Свои поражения пномпеньское командование объясняло тем, что «днем нас атакуют "красные кхмеры", а ночью вьетнамские коммунисты, которые, подписав соглашение с американцами об уважении суверенитета Камбоджи, не уходят из нашей страны»[66]. Эти утверждения были откровенным самообманом — независимые наблюдатели и, в частности, советские дипломаты в Камбодже отмечали, что «активизация операций кхмерских патриотов по всей стране происходит при сокращении присутствия регулярных соединений ДРВ и НФО РЮВ»[67].

Лон Нол и его окружение попытались расколоть НЕФК и посеять недоверие между «красными кхмерами» и Сианук. В начале марта 1973 г. было объявлено, что «Лон Нол приказал правительству

рассмотреть возможность организации новых выборов в законодательные органы, в которых могли бы принять участие "красные кхмеры"»[68]. Вслед за этим министерство информации обнародовало 27 мая 1973 г. специальное заявление, в котором говорилось, что «правительство Ин Тама поддерживает контакты с "красными кхмерами", а не с лицами, предпочитающими жить за границей»[69]. Можно себе только представить, как смеялся Сианук, хорошо знавший готовность своих «союзников по борьбе» к переговорам с лонноловцами, этому «достоверному» сообщению.

Сами «красные кхмеры» немедленно опровергли слухи о таких тайных переговорах. На вопрос одного из корреспондентов, «вступали ли "красные кхмеры" в какие-нибудь контакты внутри Камбоджи с правительством Лон Нола», Иенг Сари, выполнявший функции «смотрящего за Сианук» и одновременно представителя «красных кхмеров» на международной арене, патетически воскликнул: «Никогда и ни с кем. Клянусь своей честью борца. В партизанском движении нет раскола, и принц (т. е. Сианук. — *Д. М.*) пользуется полной поддержкой как единственный глава камбоджийского государства»[70]. В начале августа правительство Лон Нола предприняло еще одну попытку начать переговоры. В Джакарту отправился министр иностранных дел Лонг Борет, где «он обратился к индонезийскому правительству, которое недавно направило своего посла в Ханой с просьбой прозондировать оппозиционные Лон Нолу силы по поводу путей урегулирования конфликта»[71]. Никакого ответа с противоположной стороны на эту инициативу так и не последовало.

Версия о том, что поражения кхмерской правительственной армии вызваны тем, что в стране остались северовьетнамские части, еще довольно долго официально провозглашалась в Пномпене. В сводке о боевых действиях от 1 августа 1973 г., например, утверждалось: «...Противник пытается массированными ударами атаковать Пномпень с запада, юга и севера. Силы противника состоят из 35–38 тысяч вьетнамцев и 40–45 тысяч "красных кхмеров"»[72]. Сообщение это не соответствовало действительности, на Пномпень наступали исключительно «красные кхмеры»[73], но даже такая официальная сводка была шагом вперед в признании правительством Лон Нола реальных сил своих противников. Ведь еще в июне 1972 г. Лон Нол утверждал, что из «красных кхмеров» вьетнамцы создали некоторые, но очень незначительные подразделения, «причем некоторых они силой заставляют поднять оружие против нас»[74]. Пномпеньские власти никак не могли

примириться с тем, что «красные кхмеры» оказались сильнее правительственной армии, что даже уход вьетнамцев не изменил военной ситуации в стране и что они, как и раньше, теряют все новые и новые территории. Военная инициатива, несмотря даже на неудачный штурм Пномпеня летом 1973 г. и большие потери, прочно оставалась в руках «красных кхмеров». Осенью 1973 г. они сосредоточили 17 батальонов, окружили и чуть не взяли крупный провинциальный центр город Кампонгчам. При этом, «ворвавшись в город, "красные кхмеры" гранатами и холодным оружием уничтожили сто раненых лонноловских солдат, находившихся в городском госпитале на излечении»[75]. Напряжением всех сил правительственная армия сумела удержать город, но ни на шаг не продвинулась от его границ. Запертым в Кампонгчаме, Пномпене и в других городах лонноловским солдатам оставалось лишь ожидать нового штурма и готовиться к обороне.

2. Программы развития кхмерской деревни Лон Нола и причины их крушения

Потеря стратегической инициативы и отказ от наступательных действий на поле боя предопределили глубокий кризис лонноловского режима. Правые политики оказались совершенно не готовы к жестокой и беспощадной войне. Решающий фронт этой борьбы проходил даже не на полях сражений, а в каждой кхмерской деревне, где крестьяне решали для себя вопрос, на чью сторону встать в этой войне. Вот тогда и выяснилось, что традиционное пренебрежение правых к кхмерской глубинке, их нежелание понять интересы крестьянства оказали самое роковое влияние и на их личную судьбу и на судьбу режима. Уже первые стихийные крестьянские протесты, так жестоко подавленные, должны были бы обеспокоить новые власти отсутствием социальной поддержки, вызвать активные поиски путей привлечения крестьян на свою сторону. Но этого не произошло и никаких новых привлекательных для крестьян идей по части реформирования аграрных отношений в Камбодже, охватывавших 85% населения страны, выдвинуто не было.

Программа «новых взглядов», разработанная участниками переворота в качестве противовеса сианукovскому «буддийскому социализму», учитывала главным образом интересы городских слоев и финансовых структур. В ней предусматривалась свобода частного

предпринимательства, разгосударствление национализированных ранее предприятий, активное участие Камбоджи в международных финансовых организациях. Рассчитывая на приток финансовых средств из-за рубежа, новые власти объявили свободу и неприкосновенность иностранных инвестиций, вновь разрешили создание частных банков и экспортно-импортных контор[76].

Что же касается аграрной политики, то программное заявление нового правительства содержало вполне традиционный еще со времен Сианука набор обещаний: о том, например, что ирригация будет развиваться как за счет самих крестьян, которые будут активнее возводить своими силами мелкие ирригационные сооружения, так и за счет средств государства и внешней помощи; намечалось повысить урожайность полей благодаря широкому использованию удобрений, применению новых методов ухода за рисом, механизации и т.д.; предусматривалось и более активное участие крестьян в движении по «дороге к прогрессу».

В программном заявлении особенно отмечалась полезность существовавших кооперативов. Единственным конкретным обещанием крестьянам были слова о «стабильных ценах и гарантированных рынках для сельскохозяйственной продукции»[77]. В результате осуществления всех названных мер планировалось в 1972 г. собрать 3320 тыс. т риса, главным образом за счет увеличения урожайности с 1,20 т/га до 1,32 т/га[78].

О главных проблемах камбоджийского села — землевладении и землепользовании в программе «новых взглядов» ничего нового сказано не было. Отсутствовали там всякие указания на решение таких острых проблем деревни, как ростовщический процент, долги крестьян ростовщикам, более справедливые ставки аренды, увеличение государственных кредитов крестьянским хозяйствам. Без определения политики по всем этим ключевым вопросам стабилизировать политическое положение и разрешить противоречия, лежавшие в самой основе камбоджийского кризиса, было делом невозможным. Предпринятые новым режимом попытки реанимировать давно дискредитировавшие себя кооперативы на том же фундаменте и принципах, что и при Сианук, свидетельствовали лишь об отсутствии всяких конструктивных подходов к проблемам деревни. Новые власти без конца утверждали, что крестьянские выступления против них спровоцированы вьетнамскими коммунистами. Официальное пномпеньское радио отмечало,

что «крестьянские волнения — это результат подрывных действий Вьетконга или ...людей со взглядами, как у Вьетконга»[79].

Это был очевидный самообман, и в условиях, когда новые власти отрицали наличие объективных предпосылок к крестьянским восстаниям, шансов у них получить поддержку в деревне с их программой «новых взглядов» не было. К тому же организаторы переворота явно недооценили влияние на крестьян как личности Сианука, так и многовековой монархической традиции страны вообще. Озлобленность крестьян против людей, отставивших монарха-правителя от власти, была столь велика, что когда в провинцию Кампонгчам прибыли представители Национального собрания для разъяснения своей позиции, то собравшиеся на площади провинциального центра г. Кампонгчам из окрестных сел крестьяне обвинили их в предательстве и зверски убили на территории местной текстильной фабрики. При этом был произведен обряд «съедания печени врагов», что означало высшую степень готовности крестьян жертвовать собой ради своего короля[80]. Такого неожиданного ожесточения людей, до этого вполне пассивно наблюдавших за борьбой за власть между Сианук и правой оппозицией, заговорщики явно не ждали. В своих расчетах они больше ориентировались на городских жителей, среди которых авторитет бывшего главы государства был, как уже говорилось, невысок.

Новая власть так и не приобрела легитимности и в крестьянском сознании выступала как символ далекого от крестьянских нужд, всегда им враждебного и в какой-то степени инонационального города. Ведь еще задолго до переворота у крестьян выработался устойчивый стереотип, что города — это, используя слова Ху Юна или другого видного коммуниста Ху Нима[81], который также занимался анализом отношений город — деревня, «своеобразные насосы», которые грабят кхмерскую деревню, выкачивают из нее не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого. Такое представление, как мы уже отмечали, было вполне справедливым, учитывая, что в 50-е и 60-е годы отток ресурсов из деревни на порядок превышал обратное движение. Стойкие антигородские настроения продолжали крепнуть в середине 60-х годов, когда начались крестьянские восстания и режим использовал отряды горожан для поддержки армейских операций против восставших.

Власти образовывали из горожан так называемые «группы действия», которые направлялись в районы крестьянских выступлений. Весной 1968 г. почти 15 тыс. жителей Баттамбанга приняли, как

сообщала пресса, «активное участие в борьбе против повстанцев»[82]. В Кампонгчаме по приказу губернатора служащие госаппарата также активно участвовали в уничтожении баз восставших[83]. Потом все эти «поисковые операции» против восставших крестьян возвратятся жителям городов сторицей, когда уже крестьяне, видя в них своих врагов, после победы коммунистов в 1975 г. с неприкрытой жестокостью погонят их из городов.

Враждебность крестьян к горожанам подпитывалась наличием заметно более высокого у тех уровня жизни и иного, чем в деревне, характера отношений между людьми. Противостояние крестьянского мира миру города активно использовалось коммунистическими агитаторами, утверждавшими, что патриархальные отношения в деревне — это и есть кхмерская национальная культура, а пропитанные жаждой наживы отношения в городах — это культура, чуждая кхмерам, и ее необходимо разрушить[84].

Таким образом, в сознании деревенских жителей горожане выступали как их противники, эксплуататоры кхмерской деревни, люди, к тому же подчас не кхмерской национальности, которые, не создавая ничего полезного, живут за счет ограбления крестьян. Ху Юн, имея в виду городских ростовщиков и перекупщиков, отмечал в своей книге, что «в поле и на рынке кхмеры вынуждены делать все, что им приказывают китайцы»[85].

Новые власти все-таки попытались разрушить этот антигородской стереотип. В июле 1970 г. было образовано министерство коммунального развития, задача которого состояла в том, чтобы «наладить диалог с крестьянским населением ...»[86]. Для этого были отобраны представители городской интеллигенции, в основном учителя и студенты, для направления в деревню в целях установления «взаимопонимания с народом и связей взаимного доверия между крестьянами и правительством»[87]. Автор этой идеи министр Ханг Тхун Хак так представлял себе процесс «завязывания» этого диалога: «Необходимо понимать нужды простых крестьян, ничего не навязывать им от имени правительства, просто создавать климат доверия. Когда наши представители определят нужды крестьян, министерство должно помочь им, но это должна по форме быть не такая помощь, которая стимулирует лень у крестьян, эта помощь должна побуждать их активно работать, чтобы улучшить свое материальное положение»[88]. Другая задача посланников министерства состояла в том, чтобы в каждой кхмерской деревне найти людей, пользующихся уважением в крестьянской среде,

и с их помощью укрепить власть, влияние и авторитет правительства на местах.

Поскольку военно-политическая ситуация становилась все хуже и зона контроля пномпеньского правительства под ударами «красных кхмеров» и северовьетнамских войск быстро сокращалась, на успех программы коммунального развития возлагались большие надежды. Ее называли чуть ли не альтернативой планам коммунистов, пресса сообщала о тысячах интеллигентов, готовых выехать из Пномпеня в деревню для воплощения ее в жизнь[89]. На практике к октябрю 1971 г., т. е. через год и три месяца после принятия программы коммунального развития, на местах в провинциях оказалось лишь 109 человек, в основном учителя пномпеньских школ и преподаватели высших учебных заведений[90]. Число волонтеров в разных провинциях было различным — как правило, не превышало 6, а в Кампонгтхоме, Кампонгспы и Такео и того меньше. Больше всего их приехало в провинцию Свайриенг — 40 человек[91].

Эмиссары правительства прилагали огромные усилия, чтобы перетянуть крестьян на сторону Пномпеня. В печати сообщалось, что «они без передышки колесили по своей провинции, жили в деревнях, устанавливали тесные связи с их жителями... Часто они выступали как посредники между крестьянами и местной администрацией»[92]. В январе 1972 г. произошло первое и последнее пополнение отряда правительственных агитаторов. 94 пномпеньских студента «после специальной подготовки и изучения стратегии, применяемой коммунистами, и тактики отправились в провинции для борьбы с ними и с их ставленниками»[93].

Борьба за симпатии и поддержку со стороны крестьянства, несмотря на все старания добровольцев, успеха правительству не принесла. И причина этого заключалась не только в недостаточном количестве агитаторов или в их неопытности и незнании деревенской специфики. Решающее поражение в борьбе за умы крестьян было связано с тем, что противопоставить что-либо конструктивное активной и целенаправленной пропаганде коммунистов никакие правительственные агитаторы не могли.

Коммунисты, входя в деревню в 1970–1972 гг., делали реальное дело: освобождали крестьян от всех налогов, делили земли крупных землевладельцев или крестьян, ушедших в город, собирали людей на так называемые политические митинги, на которых обещали оставшимся крестьянам, а это чаще всего были представители бедной части

деревенского сообщества, возвращение к традиционному патриархальному кхмерскому миру, где не будет богатых и бедных и все будут равны[94]. Поэтому уверенность властей в том, что «население, вынужденное жить "при красном режиме", отнюдь не поддерживает "красных кхмеров"», что все демонстрации в поддержку этой власти результат манипуляций «северовьетнамских агрессоров, которые способны устраивать мизансцены на всевозможные лады»[95], действительности не соответствовало. Другое дело, когда с 1973 г. в сельских районах начались широкие эксперименты обобществления, тогда ситуация в деревне стала меняться. Но к этому времени «красные кхмеры», в отличие от эмиссаров Пномпеня, обладали уже реальными рычагами воздействия на крестьян, а именно, разветвленным репрессивным аппаратом. У посланцев правительства никогда не было ничего подобного. При выполнении своей миссии им не на кого было опереться, у них не было даже денег, чтобы вести пропагандистскую работу, оплачивать деятельность людей, выдвинутых ими для руководства сельским сообществом, помогать наиболее пострадавшим от военных действий крестьянским семьям. Это неудивительно: в 1971 г., например, министерству коммунального развития было выделено лишь 0,1 % от всего бюджета — 18 млн. 650 тыс. риелей[96]. Это была просто смехотворная сумма для «реализации критически важной и деликатной задачи» — как называла пномпеньская печать[97] проблему установления диалога между крестьянами и правительством.

Фактический отказ от дальнейшего претворения в жизнь программ коммунального развития был вызван, по-видимому, тем, что власти в Пномпене вполне понимали их очевидную бесперспективность при сложившемся в стране положении. В течение 1970–1971 гг. «красные кхмеры» и северовьетнамские войска поставили под свой контроль примерно 70 % территории страны[98], т. е. как раз те сельские районы, с которыми и планировалось установить диалог. В связи с этим вместо программ коммунального развития правительство разработало иную, менее масштабную, но более соответствовавшую реальной ситуации аграрную программу. Цели ее были сугубо практическими: создать вокруг городов — Пномпеня и других провинциальных центров — так называемые зоны безопасности, с интенсивным сельскохозяйственным производством, способным обеспечить питание сотням тысяч беженцев, которые буквально заполонили города. У. Шоукросс отмечал, что «в первые месяцы после переворота несколько тысяч крестьян покинули места своего проживания, и к концу 1970 г. население только

Пномпеня удвоилось и составляло 1 млн. 200 тыс. человек»[99]. Десятки тысяч беженцев пришли и в основные провинциальные центры. По свидетельству очевидцев, в основном беженцы состояли из крестьян, бросивших свою землю и имущество и прибывавших в города подчас из самых отдаленных деревень[100].

Массовый исход кхмерских крестьян из деревни в 1970–1971 гг. в пномпеньских газетах обычно трактовался как «бегство от власти коммунистов и вьетнамских варваров, как нежелание людей жить на территории, временно занятой врагом»[101]. На самом деле причины крестьянского исхода были существенно иными. Известно, что в 1970–1971 гг. на территориях, занятых кхмерскими коммунистами и вьетнамскими войсками, никаких жестких реформ обобществления в духе коммунистической доктрины не происходило. О каких-либо крупных эксцессах в деревне в то время ни в каких заслуживающих доверия источниках не сообщается.

«Обвальный» исход тысяч людей из сельской местности в города объяснялся иными факторами — в первую очередь, так называемыми «ковровыми» бомбардировками камбоджийской территории силами американской и южновьетнамской авиации. По данным У. Шоукросса, в 1970 г. 8% всех боевых вылетов американской авиации (в том числе стратегической, использовавшей многотонные В-52) пришлось на камбоджийскую территорию. Причем интенсивность бомбардировок все время возрастала и в 1971 г. уже 14% всех вылетов пришлось на Камбоджу[102]. Бомбардировкам подвергались в основном главные рисопроизводящие районы страны, в которых разрушения были огромны. По словам того же Шоукросса, «к концу лета 1970 г. большая часть страны превратилась в зону свободного огня, где пилоты уничтожали практически любые цели по собственному выбору»[103].

Военные действия, развернувшиеся во всей стране, «ковровые» бомбардировки американской авиации, массовое разрушение аграрной инфраструктуры стали последним толчком к окончательному распаду натурально-товарной системы. И без того подорванные длительным кризисом экономические связи, скреплявшие ее изнутри, разрушились окончательно: крестьянские хозяйства исчезали, ростовщики не рисковали покидать городскую черту и сосредоточили свою деятельность в городах, а перерезанные вьетнамскими войсками и силами кхмерских коммунистов основные торговые пути были закрыты для доступа в деревню торговцев и перекупщиков. В условиях полного разрушения национального рынка, отсутствия необходимых товаров, крестьяне,

еще оставшиеся на земле, ограничивали свое производство исключительно уровнем самообеспечения.

Сельское хозяйство, лишившись традиционно сложившихся связей, оказалось охвачено хаосом. В недавней рисовой житнице запада Камбоджи — провинции Баттамбанг, например, из-за сокращения площади обрабатываемых земель в 2,5 раза за два года и связанного с этим разрушения всей структуры сельскохозяйственного производства экономика была отброшена на десятилетия назад. В сезон 1969/70 г. в этой провинции под рисом насчитывалось 474 тыс. га, в 1970/71 г. лишь 242 тыс. га, а в 1971/72 г. всего 180 тыс.[104] Это не слишком превышает данные за 1911 г., когда в названной провинции обрабатываемые площади составляли 122 тыс. га[105]. В целом же по стране только за один 1970 год площадь обрабатываемых земель сократилась катастрофически. В сезон 1969/70 г. она составляла 2 млн. 488 тыс. га, а в сезон 1970/71 г. — лишь 880 тыс.[106]

За один лишь год бомбовые удары буквально опустошили страну. К. Вебб — новозеландская журналистка, попавшая в плен к вьетнамцам и продвигавшаяся вместе с ними по нескольким в прошлом плотно заселенным сельским районам Камбоджи, писала, что «большинство встречавшихся ей на пути деревень были либо пусты, либо полностью разрушены бомбежками»[107].

В условиях, когда нарастал хаос и множились разрушения, в пномпеньском правительстве возник план перехода к самообеспечению городов и городского населения продовольствием на основе «зон безопасности», в которых должно было появиться защищенное от бомбовых ударов и вторжения коммунистов сельскохозяйственное производство. Этот план многим показался вполне логичным и заманчивым. Его активно поддержали и американцы, рассчитывавшие в случае его успеха существенно сократить поставки продовольствия в полуокруженный к тому времени Пномпень.

В соответствии с планом, который был принят пномпеньским правительством осенью 1970 г., предусматривался раздел всей территории, прилегавшей к Пномпеню, на две основные части. Одна, ближняя к городу, стала именоваться «зоной безопасности». Она включила в себя 13 сроков (уездов) центральных провинций Кандал, Кампонгчам, Такео и Кампонгспы. При проведении границ «зоны безопасности» часть территории сроков, не вошедших в ее границы, была включена в так называемую нейтральную зону, которая охватывала со всех сторон «зону безопасности». Нейтральная зона шириной

10 км, по замыслу авторов проекта, должна была выполнять функции своеобразного буфера, защитного барьера между «зоной безопасности» и остальной территорией страны[108]. На землях, входивших в обе эти зоны, пномпеньские власти рассчитывали создать район эффективного земледелия, способного обеспечить питанием почти три миллиона человек, сосредоточившихся в пномпеньском регионе.

Площадь обрабатываемых земель в обоих зонах составляла 240 тыс. га, а сельскохозяйственное население — 801 тысячу[109]. Территории, отнесенные к «зоне безопасности» и нейтральной зоне, были относительно плодородны, благоприятны для земледелия и плотно заселены. Их еще мало коснулась разруха в отличие от пространств вдали от городских центров, и в них еще сохранялось и стабильное население и сложившиеся структуры аграрных отношений. В «зоне безопасности», например, проживало 623 тыс. человек, а экономика являла собой сочетание мелких и мельчайших хозяйств и крупных землевладений. Более 50% крестьян работали на арендованных земельных наделах, урожай с которых составлял в среднем 1,3–1,6 т риса с гектара, что было несколько выше среднего по Камбодже уровня урожайности (1,0–1,1 т)[110].

Авторы плана считали, что если с каждого гектара обеих зон получать в среднем 1,663 кг необрушенного риса (падди), то удастся довести среднедушевое потребление риса на человека в день до 420 гр. Решить эту задачу они предполагали за счет повышения урожая. В документах программы аграрного развития предусматривалось: «При урожайности в 1,8 т с га мы будем иметь 432 тыс. т падди в год, при том, что нам для самообеспечения вполне может хватить и 430 тыс. т. При урожайности 1,6 т с га мы получим лишь 384 тыс. т падди в год и еще 48 тыс. т вынуждены будем импортировать»[111].

Анализ приведенных цифр вызывает закономерный вопрос, за счет каких средств планировалось поднять урожайность? Не имея капиталов, удобрений, необходимой техники, когда само правительство официально заявляло, что «в его распоряжении нет ни одного водяного насоса и лишь 6 маломощных тракторов, способных работать на рисовых плантациях»[112], авторы проекта делали ставку на максимальную интенсификацию крестьянского труда. Авторы программы полагали, что «если усовершенствовать все этапы сельскохозяйственных работ за счет обучения крестьян современным методам хозяйствования, контроля и помощи им в работе, то успех обязательно придет»[113].

Характерно, что и в этой программе практически полностью игнорировались главные проблемы кхмерского села. О ростовщиках, ростовщическом проценте, условиях аренды земли в ней не было сказано ни слова. Более того, даже чисто практические вопросы, напрямую затрагивавшие интересы крестьян «зон безопасности», остались за бортом. В программе, например, ничего не говорилось о прямой закупке государством риса у крестьян, хотя крестьяне в «зонах безопасности» выступали именно за это. Не было никакого упоминания и об отмене долгов государству со стороны еще сохранившихся с сианукoвских времен крестьянских кооперативов. А между тем такие решения могли бы быть политически очень выгодны пномпеньским властям, тем более что получить обратно государственные кредиты, давно истраченные кооперативами, не было все равно никакой возможности. Такой шаг сам по себе не привел бы ни к каким изменениям экономической ситуации в стране, но мог бы дать правительству сильные пропагандистские козыри в политической борьбе с коммунистической агитацией в прилегающих к Пномпеню сельскохозяйственных районах.

Вместо такого прагматичного и вполне реалистичного подхода в аграрной реформе доминировал иной принцип: провозглашалась отмена всех кредитов кооперативам со стороны государства и указывалось, что «крестьянские кооперативы должны вести свое хозяйство на свой собственный риск»[114]. По форме такой подход правительства, может быть, и был правильным, но исходя из сложившейся в стране конкретной ситуации, никакой ощутимой пользы пномпеньским властям он не принес. Более того, отказав в кредитах кооперативам, они как бы подтвердили общую антикрестьянскую направленность своей политики. Откровенно демагогические заявления о том, что «кооперативное движение должно исходить из интересов самих производителей, а не навязываться государством», положения не спасали[115].

При анализе этого ключевого в сфере аграрной политики документа пномпеньских властей становится ясно, что он был вообще подготовлен людьми, далекими от кхмерской деревни. Подтвердить это труда не составляет, достаточно разобрать так называемую «расчетно-временную таблицу отдельного сельскохозяйственного сезона», которая служила основным источником для всех последующих расчетов. В ней указывалось, что «для того, чтобы получить оптимальный урожай риса с одного гектара пахотной земли, необходимо, чтобы крестьяне проводили определенный тип сельскохозяйственных работ за

ограниченный и жестко очерченный отрезок времени»[116]. В таблице были установлены следующие сроки:

Вид работы	Время
Вспашка	15 дней
Боронование	3 дня
Ожидание	6 дней
Отбраковка семян	3 дня
Посадка	15 дней
Ожидание	10 дней
Сбор урожая	20+8 дней
Сушка	3 дня

Анализ данных, приведенных в этой таблице, дает основание утверждать, что они были взяты скорее из брошюры о внедрении достижений «зеленой» революции, издаваемой ФАО, а не из реальной практики ведения сельского хозяйства в Камбодже. Дело в том, что новые скороплодные сорта, не требующие пересадки (а именно об их выращивании идет речь в таблице), в Камбодже были мало распространены. Главное место всегда занимали так называемые тяжелые сорта риса с длительной, порядка 6–7 месяцев, вегетацией. Весь крестьянский быт, вся жизнь крестьян была рассчитана именно на график возделывания традиционных для страны сортов риса. Планировать, что за один год удастся переориентировать крестьян с традиционных сортов на новые, было по меньшей мере несерьезно. Строить же на подобных умозрительных расчетах аграрную политику было полной авантюрой.

Ни одну из целей, поставленных в «программе самообеспечения», достичь так и не удалось. В результате столица страны с ее жителями стала снабжаться американским и южновьетнамским рисом, который уже с середины 1971 г. поступал в Камбоджу. К 1974 г. количество ввозимого из-за границы риса достигло 282 тыс. т[117]. Но даже эта помощь при полном развале внутреннего производства не спасала людей от голода. Американцы, взявшие на себя поставки риса, не смогли обеспечить даже минимальные потребности населения, поскольку ежедневно Пномпеню требовалось 1000 т риса, а доставлялось лишь 500–700 т[118]. В связи с этим за четыре года (1970–1974) цены на рис увеличились в тридцать раз: в начале 1970 г. 1 кг риса стоил 10 риелей,

а к началу 1974 г. — уже 300[119]. Эти цены были недоступны для большей части жителей Пномпеня и беженцев. В городе, который к этому времени был плотно окружен войсками «красных кхмеров», начался голод. Представители Красного Креста в Камбодже свидетельствовали, что ежедневно «сотни людей умирали от голода»[120]. По сообщению Всемирной организации здравоохранения, в начале 1974 г. половина детей Пномпеня страдала от недоедания, а за последние 5 месяцев войны от голода умерло 15 тыс. человек[121].

Такова была цена просчетов, допущенных пномпеньскими правителями в экономической политике, особенно в решающей для исхода гражданской войны сфере — аграрной. Ни одна из выдвинутых в 1970 г. программ аграрного развития («новых взглядов», «коммунального развития», «самообеспечения на основе зон безопасности») так и не стала привлекательной для крестьян, не могла конкурировать с преобразованиями крестьянской жизни, которые проводили кхмерские коммунисты в 1970–1972 гг. Более того, попытки лонноловской администрации разделить страну на привилегированные и непривилегированные зоны, предпринятые в «программе самообеспечения на основе безопасности», привели лишь к тому, что и без того глубокая пропасть между правительством и крестьянами увеличилась еще больше. Получилось, что те хозяйства, которые не попали в границы «зон безопасности», автоматически лишались какой-либо опеки властей, отдавались фактически под власть коммунистов.

Только в конце 1972 г., когда в Пномпене было сформировано правительство во главе с Ханг Тхун Хаком — одним из авторов программы коммунального развития, в заявлении нового премьер-министра было впервые объявлено о проведении аграрной реформы в стране и о разработке для этого специальной программы. Она должна была основываться, по словам нового главы правительства, на переориентации кредитной политики в пользу отдельных крестьянских хозяйств[122].

Однако четвертой по счету программы аграрной реформы как целостного документа подготовлено так и не было. О ее возможной направленности можно судить по отдельным материалам, опубликованным в начале 1973 г. Предполагалось, в частности, распустить все еще остававшиеся кооперативы, ввести свободные цены, отменить обязательные госпоставки, кредитовать наиболее сильные хозяйства[123]. Если бы такая радикальная программа реформирования натурально-товарной системы была принята сразу же после переворота, то ход событий в стране вполне вероятно мог бы развиваться

по иному сценарию. Но эти меры опоздали: в 1973 г. было уже слишком поздно. В ходе боевых действий правительственные силы понесли тяжелые поражения, потеряли контроль над многими сельскохозяйственными районами, реальная угроза падения не раз нависала и над самим Пномпенем. В этом году сельское население страны в массе своей окончательно перешло под плотный контроль коммунистических сил и в так называемых «освобожденных районах» готовились реформы совершенно иного толка.

Оказавшись в военно-политическом и социально-экономическом тупике, превратившись в приложение к американской политике в Индокитае, лонноловский режим, коррумпированный и неэффективный, обрек себя на поражение. Даже жестокости коммунистов, начавших с 1973 г. свои эксперименты обобществления, не могли способствовать изменению его судьбы, хотя тысячи беженцев от коммунистического переустройства существенно повлияли на мнение многих камбоджийцев относительно перспектив существования под властью коммунистов.

По мере уменьшения американской помощи в правящие круги все более проникали пораженческие настроения. Первые лица начали покидать город еще тогда, когда отдельные части, противостоявшие коммунистам, продолжали упорно сражаться у Неаклуонга. Несмотря на это, 1 апреля 1975 г. президент Кхмерской Республики Лон Нол бежал из Пномпеня. Вместе с ним город покинули более 30 других высокопоставленных генералов и чиновников его режима, которые проследовали сначала на американскую базу Утапао в Таиланде, а позже переместились на Гавайские острова. Печальную участь капитулировать перед наступающими подразделениями кхмерских коммунистов взял на себя председатель сената Сау Кхам Кхой, оставленный в Пномпене исполняющим обязанности президента[124].

Спустя десять дней после бегства Лон Нола из Пномпеня были вывезены последние еще остававшиеся там граждане США. Американцы предложили и некоторым известным деятелям лонноловского режима, занесенным «красными кхмерами» в список главных предателей, также покинуть страну. Большая часть их, однако, отказалась, обвинив, как это сделал Сау Кхам Кхой, США в том, что те сначала ввергли Камбоджу в войну, а потом, когда эта война стала трудной для США, отвернулись от кхмеров[125]. После отъезда посла США приостановились и американские поставки в Пномпень продовольствия, горючего и боеприпасов. Было объявлено, что парламент

и политические партии прекратили свою деятельность, а позже, когда 17 апреля 1975 г. в город вошли боевые части коммунистов, руководители Кхмерской республики оставшиеся в Пномпене, объявили о капитуляции[126]. Последний премьер-министр Лонг Борет, принц Сирик Матак, брат Лон Нола — Лон Нон, — все они и десятки их сотрудников были расстреляны победителями[127], и это зловещее событие обозначило момент, когда Камбоджа вступила в новую еще более трагическую эпоху в своей истории.

ГЛАВА VIII

КХМЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ И ИХ БОРЬБА ПРОТИВ РЕЖИМА ЛОН НОЛА

1. Образование Национального единого фронта Камбоджи и его деятельность в 1970–1972 гг.

О перевороте 18 марта 1970 г. и своем отстранении от власти Сианук узнал в Москве, куда он прибыл из Парижа и где находился с официальным визитом. Уже на аэродроме перед отбытием из столицы СССР советские представители сообщили ему полученную информацию о беспорядках, происходящих в Пномпене, и порекомендовали немедленно вылететь в Камбоджу. Ему даже сказали, что его власть «висит на волоске» и переворот может случиться в любую минуту. Сианук в ответ попросил Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина, провожавшего его в аэропорту, разрешить ему остаться на некоторое время в Москве до прояснения ситуации на родине. На это ему было настоятельно порекомендовано покинуть Москву, и как это было запланировано ранее, отбыть с визитом в Пекин. Там, как ему сказали, находясь ближе к родине, он будет иметь намного больше возможностей влиять на ход политических событий в Камбодже, чем в столице СССР[1].

Довольно бесцеремонно выталкивая Сианука из Москвы, в советском руководстве, по всей видимости, полагали, что, отстраненный от власти, он вряд ли сможет вновь подняться и вернуть себе положение руководящего политического деятеля. Отправляя Сианука в Пекин против его воли, советское руководство демонстрировало уверенность, что на политических перспективах бывшего главы Камбоджи поставлен крест. Жесткость эта по отношению к принцу объяснялась, вероятно, и другими мотивами. В Москве не забыли и то, что в идеологическом споре КНР и СССР Сианук восхвалял Китай, и то, как он язвительно комментировал советскую политику, а в ответ на отсрочку его визита в Москву осенью 1965 г., на массовом митинге

в Пномпене — заявил, что СССР ищет в Камбодже лакеев, а «я вам не лакей»[2], и как он долгое время демонстративно отказывался принимать советского посла. Освобождаясь от Сианука, Москва показывала, что, несмотря на переворот в Пномпене, она не собиралась разрывать отношения с Камбоджей, наоборот, желала засвидетельствовать новым властям страны, что СССР готов убрать все препятствия для признания их политического режима. Лон Нол в свою очередь оценил усилия Москвы и в специальной телеграмме на имя А. Н. Косыгина заверил, что, «свергнув Сианука, мы имели в виду только эту личность», и необходимо, «чтобы советско-кхмерская дружба оставалась незыблемой во имя наивысшего блага наших народов»[3].

Ставка на новые камбоджийские власти, сделанная в это время в Москве, как показали дальнейшие события, оказалась ошибочной и, скорее всего, исходила из выводов советских дипломатов, находившихся в Камбодже. Они в это время в своих докладах, как, впрочем, и большинство западных политологов, утверждали, что шансов на сохранение бывшего главы государства у власти нет никаких и что приходящий ему на смену режим будет более сильным и стабильным, так как будет пользоваться поддержкой в обществе[4]. Вся последующая советская политика относительно Камбоджи, невзирая ни на какие послания Сианука из его резиденций в Пекине и в Пхеньяне, в которых он называл СССР «великим и справедливым государством, способным потребовать от США полностью прекратить воздушные налеты и иные виды вмешательства в Камбодже»[5], несмотря на совершенно иной, чем прогнозировалось ранее, ход событий в стране, исходила, как ни странно, из этих же представлений. СССР не только фактически признал лонноловский режим, сохранив свое посольство в Камбодже, но не прервал с ним дипломатических отношений даже позже, когда уже все было ясно относительно политических перспектив Лон Нола и его окружения. Советские представители выступили в поддержку Кхмерской Республики в 1971 г. на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в 1972 г. согласились пролонгировать на год заключенный еще с Сианук в 1957 г. договор о торговом и экономическом сотрудничестве между СССР и Камбоджей[6]. Дело дошло до того, что печать этой страны отмечала в 1972 г., что «в настоящее время создается впечатление, что Советский Союз ждет удобного момента, чтобы протянуть нам руку дружбы»[7]. В январе 1973 г. газеты в Пномпене сообщили, что «русские официально пригласили наших спортсменов в августе посетить Советский Союз»[8].

Вялотекущее сотрудничество с лонноловским режимом происходило параллельно с неафишируемыми попытками Москвы найти подходы к его противникам в лице руководства Компартии Камбоджи. В июне 1973 г. от имени ЦК КПСС через вьетнамских товарищей в адрес кхмерских коммунистов было направлено специальное послание с предложением о восстановлении межпартийных связей и оказании им поддержки, а еще в апреле этого года им также по каналам «вьетнамских друзей» просили передать мнение советских руководителей о том, что «товарищи из НРПК не совсем правомерно ставят свои связи с КПСС в зависимость от признания СССР Сианука. Нам необходима их помощь, чтобы лучше знать ситуацию в Камбодже»[9]. Однако лучше узнать эту ситуацию и вступить в контакт с руководством Компартии Камбоджи советским представителям в то время так и не удалось. Причина этого заключалась не только в том, что «кхмерские патриоты» опирались на помощь со стороны Китая, но во многом и из-за того, что в Москве никак не могли сделать окончательный выбор в пользу одной из борющихся камбоджийских сторон.

Только в феврале 1975 г., когда бесславный конец Кхмерской Республики стал очевиден, в Москве решили прервать все контакты, и один из госкомитетов, который собирался пригласить представителей пномпеньского режима на семинар-практикум, проводимый по линии ООН, получил специальное предписание: МИД «считает нецелесообразным» направлять приглашение пномпеньскому режиму, поскольку СССР выступает в поддержку камбоджийских патриотов, и их «правительство считает единственно законным представителем кхмерского народа»[10].

Этот поворот советской политики по отношении к сторонам кхмерского внутреннего конфликта, впрочем, как и последующее решение направить в помощь КПНЕК материальные средства в виде медикаментов и тканей[11], наступил слишком поздно и никоим образом не мог повысить акции СССР в глазах шедших к власти «красных кхмеров». Москва как была, так и осталась в стороне от развития политических процессов в Камбодже, не имея рычагов давления ни на лонноловское правительство, ни на кхмерских коммунистов, ни на Сианука, который в декабре 1972 г. в беседе с корреспондентом Агентства Франс Пресс назвал Советский Союз своим врагом. В другом интервью он сказал, что «никогда не простит Советский Союз» за позицию, занятую против него после мартовского переворота 1970 г. «Я надеялся, — говорил он, — что русские поддержат меня. Но когда они увидели, что у меня

нет никакого намерения возвращаться в Камбоджу, чтобы меня там казнили, они оставили меня»[12].

В этой связи показательна судьба нескольких советских дипломатов, остававшихся в посольстве в Пномпене вплоть до вхождения в город коммунистических частей. Они сначала были арестованы и чуть было не расстреляны, но потом вместе с другими иностранцами отправлены новыми хозяевами Камбоджи в Таиланд. Информация одного из них о том, что происходило с ними в Пномпене, полученная по специальному каналу в Москве, полна скрытого драматизма. «Сегодня (19 апреля 1975 г. — *Д. М.*) около 11 часов, — сообщал представитель советского Министерства обороны, — примерно 40 вооруженных кхмер-ромдосов (по-кхмерски *румдох* — освободители. — *Д. М.*) просихануковцев произвели погром нашего посольства. Мы, в течение 30 минут, старались доказать нападавшим, что это советское посольство, посольство дружественной им страны. Однако под угрозой расправы с нами они потребовали открыть двери посольства, угрожая открыть огонь из базук, и сделали необходимые приготовления. Все советские граждане были арестованы и вывезены в штаб кхмер-ромдосов в порту. ...Никакой встречи с руководством нападавшие не организовали, не назвали они и своего высшего командования. Вели себя по отношению к нам грубо, постоянно угрожали расправой»[13].

Сейчас понятно, что атаку на наше посольство организовали, скорее всего, не просихануковские «кхмер-ромдосы», а, по всей видимости, какой-то из отрядов «красных кхмеров» Восточной зоны. К 1975 г. отдельных воинских частей кхмер-румдохов уже не существовало, а кроме того, ни в одном из многочисленных свидетельств о первых днях после падения Пномпеня нет ни слова о том, что в городе действовали какие-то просихануковские отряды. Ошибка нашего представителя была вызвана скорее всего тем, что нападавшие носили зеленую форму, а не черную, как большинство солдат «красных кхмеров» из других зон. Однако в главном выводе своего послания он оказался удивительно точен: «Подобные акции могут продолжаться и впредь. Это подтверждается открыто враждебным отношением красных кхмеров к нам, в чем я убедился во время утреннего выезда в город»[14]. Таков оказался печальный результат политики СССР в Камбодже, где для «красных кхмеров» наши люди в Пномпене и в их лице СССР были чуть ли не пособники поверженных врагов, и ни о каких контактах с ними, на что, видимо, рассчитывали в Москве, и речи быть не могло.

Думается, что мало кто предполагал такой поворот событий, когда свергнутый Сианук под нажимом советских официальных лиц покидал Москву. Он прибыл в Пекин 19 марта 1970 г. «ошеломленный и разъяренный», в состоянии полной неопределенности и нерешительности[15]. В этот критический для него момент он оказался совершенно один и не был вполне уверен в том, что есть смысл продолжать борьбу за власть. Тем более что вне страны переворот Лон Нола без промедления поддержали американцы и все их многочисленные союзники, которые приветствовали «позитивные перемены в Камбодже»[16]. Судя по недавно открытым архивным документам, китайское руководство также было готово поддержать новые камбоджийские власти, тем более что у Лон Нола, вставшего во главе нового режима, были давние связи в Пекине. За год до переворота этого деятеля «с большой помпезностью встречали во время визита в Китай»[17]. Он посетил с официальным визитом Пекин, а также Гуанчжоу, где были похоронены его предки. Вероятно, что Лон Нол во время этого визита дал китайским руководителям определенные заверения и обещания, поэтому в Китае долго колебались, прежде чем сделать окончательную ставку на отстраненного от власти Сианука. Политическое будущее бывшего главы Камбоджи в этот критический для него момент спасли северовьетнамцы, которые с самого начала твердо выступили против Лон Нола и в поддержку Сианука. Это было и понятно: с Сиануком они всегда могли найти общий язык, а с Лон Нолом это было невозможно.

Министр иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тхать вспоминал в 1978 г.: «Когда Лон Нол сверг Сианука, то Китай просил Вьетнам поддержать не Сианука, а Лон Нола. 20 марта 1970 г. Фам Ван Донг (премьер-министр ДРВ. — *Д. М.*) приехал в Пекин и беседовал там с Сиануком. Сианук сказал ему, что если его поддержит Вьетнам, то поддержит и Китай. Фам Ван Донг ответил ему: «Теперь мы братья по оружию»[18]. Заявление Сианука от 23 марта 1970 г. (из пяти пунктов) Китай поддержал только 5 апреля, причем согласился лишь с четырьмя пунктами. Но Лон Нола Китай не поддержал»[19]. На то, что Китай занял сторону Сианука, а не Лон Нола, повлияли не только представители вьетнамского руководства, но и уговоры Салотх Сара, который в это время якобы тоже находился в Пекине, куда «прибыл для консультаций»[20]. По другим сведениям, он прибыл в китайскую столицу совместно с Фам Ван Донгом уже после переворота в Пномпене 20 марта 1970 г.[21] В уже упоминавшейся «Черной книге» утверждается, что именно «Салотх Сар убедил китайского премьер-министра Чжоу

Эньлая в том, что Сианук должен занять наступательную позицию по отношению к Лон Нолу»[22].

Это сообщение, в свою очередь, противоречит вьетнамской версии, согласно которой «руководители Кхмерской Компартии сначала решительно выступили против присоединения к бывшему главе государства, однако по совету Партии трудящихся Вьетнама все-таки поддержали его»[23]. Известно также, что Фам Ван Донг во время своей длительной беседы с Сианоуком «убеждал принца сопротивляться, обещая ему возвращение к власти в течение сорока восьми часов»[24].

Нельзя исключить и того факта, что многочисленные сообщения о причастности ЦРУ к перевороту в Пномпене и о тесных связях Лон Нола с представителями американского командования во Вьетнаме повлияли на окончательное решение Китая поддержать свергнутого правителя Камбоджи. Информация об этих контактах выглядела вполне правдоподобно, тем более что США не только сразу же признали новый пномпеньский режим, но и объявили его своим союзником по войне в Индокитае. Представитель Белого дома по вопросам печати Р. Зиглер заявил, что «американскому командованию предоставлено теперь право санкционировать вторжение американских войск на территории Лаоса и Камбоджи в случае военной необходимости»[25].

Пять дней многочасовых переговоров и консультаций, проходивших в Пекине, завершились тем, что Фам Ван Донг все-таки убедил Сианука продолжить борьбу, а своих китайских союзников — поддержать отстраненного от власти камбоджийского правителя. Бывший глава Камбоджи «перешел Рубикон» 23 марта 1970 г., когда выступил со специальным заявлением, в котором он охарактеризовал захват власти 18 марта 1970 г. как переворот, незаконный и неконституционный. Он объявил о роспуске действовавших в Пномпене правительства и парламента Камбоджи и о намерении создать Национальный единый фронт и Национально-освободительную армию[26].

Через несколько дней — 26 марта бывшие члены Сангкума и депутаты парламента Кхиеу Самфан, Ху Юн и Ху Ним, исчезнувшие из Пномпеня в 1967 г., которых после этого стали называть «тремя призраками», заявили о полной поддержке Сианука. 23 апреля 1970 г. было опубликовано аналогичное заявление от имени группы «Прачеачун»[27]. Оба эти заявления о поддержке прозвучали от лица кхмерских коммунистов и означали, что Компартия готова сотрудничать с бывшим главой государства в борьбе с лонноловским режимом. В то же время руководство Компартии продолжало сохранять свое инкогнито,

и Сианук об ее истинных руководителях, с которыми он фактически вступил в союз, так и не узнал, хотя вполне вероятно, мог встречаться с Салотх Саром в пекинских коридорах власти. Кроме коммунистов в это же время к Сиануку присоединились и некоторые его наиболее верные сторонники и личные друзья, вроде бывшего премьер-министра Пен Нута, покинувшие Камбоджу после переворота.

На территории Камбоджи в это время уже разгорелись ожесточенные бои, когда по приказу Лон Нола части кхмерской армии атаковали базы вьетнамских войск на северо-востоке страны в провинциях Ратанакири и Мондолкири. Объектами этих атак стали и места базирования боевых отрядов Компартии. В этой сложной ситуации кхмерские коммунисты обратились к Северному Вьетнаму с призывом о немедленной помощи. Интересно, что это историческое обращение было сделано не лидером партии — Салотх Саром, а его заместителем Нуон Чеа. Трудно сейчас понять, чем это было вызвано. Вполне вероятно, что для введения вьетнамских войск в Камбоджу ДРВ требовалось, чтобы этот призыв шел из самой страны, где в отсутствие Салотх Сара, который находился в Пекине, власть была в руках Нуон Чеа. Другая версия состоит в том, что Нуон Чеа считался «провьетнамским» человеком в руководстве партии и его призыв мог быть быстрее услышан. Можно предположить также, что Салотх Сар уже тогда не хотел ассоциировать себя с Вьетнамом и стремился от него дистанцироваться и поэтому переложил ответственность за приглашение вьетнамских войск в Камбоджу на своего заместителя. По воспоминаниям Нгуен Ко Тхатя, «Нуон Чеа попросил о помощи и за десять дней мы освободили пять провинций Камбоджи»[28]. Реально же в 1970 г. северовьетнамцы оккупировали почти четверть территории Камбоджи, разгромили лучшие силы кхмерской армии, и только вторжение американо-южновьетнамских войск, нанесших им поражение в сражениях на востоке Камбоджи, остановило победоносное движение сил ДРВ.

В зоне так называемых освобожденных районов, находившихся под вьетнамским контролем, административная власть передавалась представителям Национального единого фронта Камбоджи, который был образован к тому времени в Пекине после воззвания Сианука от 23 марта. Его первоначальное ядро составили кхмерские коммунисты и группа Сианука, которые объявили о начале борьбы против новых пномпеньских властей. Их союз получил свое официальное оформление, когда 3–4 мая 1970 г. в Пекине состоялся Национальный

конгресс Камбоджи, объявивший о создании Национального единого фронта Камбоджи (НЕФК). Конгресс избрал ЦК НЕФК и Политбюро ЦК НЕФК и создал Королевское правительство национального единства Камбоджи (КПНЕК). Председателем НЕФК был избран Нородом Сианук, а председателем Политбюро ЦК — Пенн Нут, один из ближайших сотрудников Сианука и его личный друг на протяжении многих лет. Он же занял пост премьер-министра КПНЕК. От Компартии на руководящие посты в НЕФК и КПНЕК были выдвинуты хорошо известные бывшему главе государства левые депутаты Кхиеу Самфан, ставший заместителем премьер-министра и министром обороны, Ху Ним и Ху Юн, занявшие соответственно посты министра информации и министра внутренних дел, ответственного за сельскохозяйственную политику и кооперативы. Все остальные места в КПНЕК остались за сторонниками Сианука[29].

Во время работы Национального конгресса была принята политическая программа, которая определяла основные направления деятельности НЕФК. Во вступлении к этой программе говорилось: «Наш опыт показал, что американские империалисты являются наиболее хитрыми и опасными противниками нашего народа. Против него они организовали многочисленные заговоры, такие как Дап Чхуона и Сам Сари в 1959 г. или возглавленный агентом ЦРУ банкиром Сонгсаком в 1963 г.»[30]. О перевороте 18 марта 1970 г. было сказано, что он «позволил американским империалистам поставить у власти в Пномпене фашистский и расистский режим во главе с предателями родины Лон Нолом и Сирик Матаком»[31].

В конструктивной части этого документа основные цели и задачи Фронта формулировались так:

— «объединить и мобилизовать все классы и слои общества, все политические партии, все профессиональные и религиозные организации, всех патриотов в стране и за рубежом без различия их политических взглядов, пола и вероисповедания, чтобы защитить национальную независимость, мир, нейтралитет, внутреннюю целостность страны в ее современных границах, чтобы успешно бороться против заговора американских империалистов, чтобы добиться победы над их марионетками Лон Нолом и Сирик Матаком;

— принять в свои ряды представителей народных масс, чиновников, полицейских, простых солдат армии марионеточной клики, интеллигентов, студентов — всех, кто решит присоединиться к НЕФК;

— координировать борьбу с борьбой братских народов Вьетнама и Лаоса. Кроме того, в этом пункте подчеркивалось: *"НЕФК считает, что защита и борьба за освобождение каждой страны — дело собственного народа и что взаимная поддержка трех народов должна основываться на взаимном уважении и учете законных интересов каждого народа";*

— создать Национально-освободительную армию, которая будет комплектоваться из отрядов подпольщиков, партизан, частей королевской армии, отказавшихся подчиняться приказам марионеточной клики Лон Нола — Сирик Матака;

— уничтожать вражеские силы, защищать и расширять освобожденные зоны, которые являются главной базой освободительной борьбы. В этом пункте говорилось также, что *"во время военных действий армейские части должны укреплять свой патриотизм, повышать политический уровень и свою преданность делу народа"»*[32].

И во вступлении к программе Фронта, и в перечислении основных его задач различий во взглядах между группировками, составившими НЕФК, практически не ощущается. Здесь изложена собственно та политическая основа, на которой был достигнут компромисс и возник НЕФК. Война против американских и сайгонских агрессоров, их пномпеньских марионеток, укрепление национального единства, создание боеспособной армии и расширение социальной базы Фронта — все это отвечало интересам и сторонников Сианука и Компартии. Другое дело, что каждый пункт был сформулирован настолько неконкретно, что каждая группировка могла трактовать его по собственному усмотрению. Особенно характерен в этом отношении раздел о будущем внутриполитическом устройстве страны. «Кхмерское общество, которое будет основано в освобожденных районах, а потом и на всей территории страны, — говорилось в нем, — будет избавлено от всех недостатков, препятствующих его быстрому и полному расцвету. Будут запрещены все плохие обычаи, все виды коррупции и контрабанды, все формы негуманной эксплуатации людей»[33].

Наиболее отчетливо двойственность принятой программы и различия во взглядах между политическими группировками, составившими НЕФК, видны в ее экономическом разделе. В него были включены многие положения как «кхмерского буддийского социализма», так и программы, которая разрабатывалась деятелями Компартии в 60-е годы.

В одной части экономического раздела, например, говорилось о необходимости гарантировать гражданам право личной собственности на землю и имущество, гарантировать крестьянам право собственности на землю, которую они обрабатывают. Здесь же в духе «буддийского социализма» провозглашалась необходимость уничтожить «негуманную эксплуатацию людей».

В другой части этого же раздела говорилось о намерении распределять земли и имущество, принадлежавшее предателям родины, среди беднейших крестьян и о том, чтобы «помочь крестьянам на основе совместного труда повысить продуктивность и эффективность своего труда, защищать и развивать кооперацию крестьян, а также традиционные обычаи взаимопомощи в деревне». Эти тезисы уже повторяли основные лозунги Компартии, касающиеся деревни.

Программа, кроме того, провозглашала: «Необходимо обеспечить условия ... для очищения кхмерской экономики от прибылей»[34]. Этот абсурдный тезис, с которым давно выступал тот же Ху Юн, опровергался следующим же пунктом программы: «Надо содействовать национальной буржуазии создавать предприятия прибыльные для народа»[35].

Во внешнеполитическом разделе программы такого разнобоя, как в разделе экономическом, не было. Установка в этой области гласила: «Внешняя политика НЕФК — это политика национальной независимости, мира, нейтралитета и неприсоединения, солидарности и дружбы со всеми народами и правительствами, стремящимися к миру и справедливости». В отношении будущего Индокитая было обещано, что «Камбоджа объединит свои усилия, чтобы превратить Индокитай в зону независимости, мира и прогресса, в которой каждая нация будет сохранять свою полную суверенность»[36].

Программа гарантировала кхмерам свободу слова, собраний, вероисповедания, причем особо оговаривалось, что «буддизм есть и будет государственной религией страны»[37]. Провозглашались также свобода выборов, равноправие мужчин и женщин.

В целом в этом документе подтверждались три главные задачи НЕФК, которые были выдвинуты в выступлении Сианука 23 марта 1970 г.: 1) освобождение Камбоджи от диктатуры со стороны клики предателей Лон Нола — Сирик Матака; 2) борьба против империализма США, который вторгся в Индокитай в попытке подчинить себе народы этого региона; 3) восстановление страны и ее развитие по пути прогресса.

На начальном этапе вооруженной борьбы эта противоречивая политическая программа отвечала целям и интересам всех политических групп, вошедших в НЕФК, и способствовала их временному объединению.

Следует отметить, что при анализе политических сил, составивших НЕФК, большинство исследователей выделяют не две группировки — Компартию и сторонников Сианука, — а в какой-то степени исходят из более глубокого анализа, включая в Единый фронт группировки, которые существовали в то время в Компартии и пользовались по многим признакам довольно большой автономией[38].

Среди кхмерских коммунистов выделяют, как правило, четыре группировки.

1. Первая из них была непосредственно подчинена партийному центру во главе с Салотх Саром. Зону ее влияния в основном составляли северные и частично северо-Восточные районы страны.

2. Вторая так называемая провьетнамская группа состояла из коммунистов-ветеранов еще первой национально-освободительной войны 1946–1953 гг. В 1954 г., после завершения Женевской конференции по мирному урегулированию в Камбодже, они покинули страну и обосновались во Вьетнаме. Их безусловным лидером был Сон Нгок Минь, который перешел к особенно активной деятельности после переворота в Пномпене, организовав уже через несколько дней в Ханое митинг протеста кхмерских коммунистов против режима Лон Нола[39]. На этом митинге было принято решение обязать членов партии, находившихся во Вьетнаме, вернуться на родину, чтобы вместе со всеми патриотическими силами вести борьбу за свободу и независимость. К несчастью для сторонников этой группировки и их вьетнамских покровителей, активность их лидера Сон Нгок Миня оказалась недолгой: заболев, он в 1971 г. был перевезен из Ханоя в Пекин, где и скончался в 1972 г.

Следует отметить, что многие кхмерские коммунисты, жившие в Ханое, возвращаясь в Камбоджу, не выходили из-под вьетнамского контроля, выполняли функции переводчиков и связных в рядах вьетнамских войск. Это их имела в виду пропаганда лонноловцев, утверждавшая, что «кхмеры, которые в настоящее время находятся в рядах северовьетнамских и вьетконговских войск — являются ставленниками вьетнамских коммунистов, как это было сделано в 1946–1954 гг. Вьетминем»[40]. Только небольшая их часть вошла в политические и административные структуры, подчиненные партийному центру

кхмерской Компартии. Впоследствии те, кто остался среди вьетнамцев, спасли себе жизнь, а перешедшие в структуры кхмерской Компартии подверглись почти поголовному уничтожению по приказам Салотх Сара.

3. Третья группа, существовавшая в Компартии и ее руководстве, представляла так называемых сторонников «китайской культурной революции» и возглавлялась довольно популярными среди кхмерской городской молодежи политиками — Ху Нимом и Пхук Чхаем, которые в прошлом были особенно известны как почитатели идей Мао Цзэдуна и лидеры Ассоциации кхмерско-китайской дружбы. В середине 60-х годов они, будучи связаны с китайским посольством в Пномпене, организовывали распространение «красной книжки» с цитатами Мао Цзэдуна и привлекали студентов для изучения революционного опыта Китая. Лидеры этой группы опирались на более чем 2 тысячи своих учеников и последователей, бывших студентов и преподавателей, вступивших в революционное движение[41]. Особенно высоких постов в партийной иерархии они не занимали, а их лидеры скорее принадлежали к верхнему слою среднего звена руководства, чем к партийной верхушке. Ху Ним как министр информации, судя по его признаниям, сделанным в Туолсленге, в основном занимался тем, что получал и выполнял указания партийного центра и лично брата номер один — Салотх Сара[42]. Что касается Пхук Чхая, то наивысшая должность, которой он удостоился, — политкомиссар войск Юго-Западной зоны; — он был скорее влиятельным региональным лидером, чем членом высшего руководства[43]. Благодаря своей образованности и революционному энтузиазму сторонники «китайской культурной революции» долгое время оставались заметной и влиятельной группой в Компартии.

4. Четвертая группировка, которую выделяют еще в Компартии, — так называемая прачеачуновская — бывшие члены партии «Прачеачун», которые хотя и были связаны с вьетнамскими коммунистами и действовали по их указаниям, но четко отличали себя от коммунистов, находившихся в Ханое. Они занимали важные посты в структурах Компартии, хотя никто из их лидеров — Чу Чета и Нонг Суона в самый верхний эшелон власти не входил. Эти люди после известного процесса над «Прачеачун», который состоялся в 1962 г., длительное время просидели в тюрьме и были освобождены по амнистии, объявленной после переворота Лон Нола. Хорошо зная их по работе в «Прачеачун», Салотх Сар рассматривал их как вьетнамских ставленников и агентов. В той же «Черной книге» говорилось: «... Некоторые

представители Прачеачун открыто атаковали Компартию Камбоджи (имеется в виду ее руководство. — *Д. М.*), в то время как другие изображали подчинение. Но все они предпринимали постоянные атаки, особенно тогда, когда партия еще не достигла своего единства по всей стране. Их подрывная деятельность внутри партии организовывалась вьетнамцами»[44].

Если провести еще более детальный анализ, то в Компартии Камбоджи можно будет выделить и другие неформальные группы — региональные и клановые, которые тоже играли определенную роль в ее деятельности. Но, думается, переоценивать роль и значение всех этих групп в борьбе за власть не следует. Все предыдущие события в жизни Компартии Камбоджи показывают, что абсолютно легитимный партийный центр в лице Салотх Сара и Нуон Чеа все время выступал как директивный орган для всех членов партии. Доказать это не сложно. Взять хотя бы проведение в июле 1971 г. так называемой «партшколы для всей страны», организованной в партийном штабе в лесу «Северной зоны». На учебу в эту «партшколу» прибыло более шестидесяти высших руководителей партии из всех регионов. Они принадлежали к разным группировкам, но прибыли по первому вызову в партийный штаб, проделав длинный и тяжелый путь. На открытии партшколы председательствовал сам Салотх Сар. Он назначил новых членов расширенного ЦК и объявил, что Компартия вступила в новую фазу своей истории, а именно национальную демократическую революцию, нацеленную на свержение феодализма и империализма. Все организационные решения Салотх Сара и его теоретические выкладки были приняты всеми участниками «учебы» как руководство к действию[45]. Так что говорить о самостоятельности группировок по отношению к партийному центру можно лишь с большой натяжкой. Другое дело, что в условиях партизанской войны случались моменты, когда контроль партийного центра ослабевал, но при первой же возможности он вновь начинал действовать с прежней силой.

В то же время нельзя не признать, что в это время Салотх Сар вынужден был мириться с тем, что в партии существовали неформальные группировки, претендовавшие на определенную автономность. Он воздерживался от репрессий против людей, причислявших себя к таким группам, стремясь использовать их опыт и влияние в своих целях. Партийный центр всячески скрывал от них свои истинные планы и намерения. Кео Чанда, принадлежавший к провьетнамской группировке и чудом спасшийся во время репрессий, признавал

позже: «Мы плохо знали Пол Пота. Он ловко скрывал свои истинные взгляды, говорил о необходимости решительной борьбы против марионеточного режима Лон Нола, о том, что в Камбодже непременно будет построено социалистическое общество, и люди ему верили»[46].

Так что можно вполне определенно сказать, что Компартия выступала в НЕФК как вполне организованная и консолидированная сила, которая делила власть с другой частью этого Фронта — сторонниками Сианука, или, как их еще называли по-кхмерски, «Кхмае румдох» («кхмеры-освободители»)[47]. К ним примыкала и довольно большая по численности группировка так называемых нейтралистов. Это были типичные идеалисты, выступавшие за возрождение страны, против американо-сайгонских агрессоров, в которых они видели большую угрозу, чем в коммунистах. Многие из нейтралистов примкнули к НЕФК довольно поздно, в 1971–1972 гг., убедившись в предательстве национальных интересов Лон Нолом, который, вводя и постоянно продлевая чрезвычайное положение, фактически установил в стране свою диктатуру. Среди нейтралистов было много представителей городской интеллигенции, студенческой молодежи. Главная слабость нейтралистов заключалась в отсутствии собственной организации и в неимении известных лидеров. Они были разбросаны по многочисленным базам, бюро, воинским частям НЕФК, где самостоятельной роли не играли, находясь в непосредственном подчинении коммунистов.

Разделение власти между группировками, входившими в НЕФК, было довольно четким. Представители «Кхмае румдох» — Чао Сенг, Чеа Сан, Чан Юран, Хуот Самбат, Кеат Чхон, — занимая высокие посты, будучи членами ЦК и Политбюро НЕФК, вели внешнеполитическую работу, боролись за международное признание НЕФК единственным законным представителем кхмерского народа, за полную изоляцию режима Лон Нола на международной арене. Они все время были в центре политической борьбы, их хорошо знали в мире.

В отличие от них представители Компартии предпочитали держаться в тени. За исключением Иенг Сари, представлявшего кхмерских коммунистов в Пекине, руководители этой группировки действовали на территории Камбоджи, где руководили боевыми операциями вооруженных сил НЕФК. Салотх Сар, например, возвратился в Камбоджу из Вьетнама и Китая еще в мае 1970 г. и основал свою ставку на «базе 102» на северо-востоке провинции Ратанакири. Позже он перенес глав-

ный партийный штаб ближе к центральным районам страны в район Пномсантука на границе провинций Кратие и Кампонгтхом[48].

Вскоре после своего прибытия туда он созвал руководящий состав партии на так называемую учебно-подготовительную встречу, где обсуждались итоги его поездки в Ханой и Пекин, политическая обстановка в стране, сложившаяся после переворота, функции руководящего звена Компартии и ее союз с вьетнамскими коммунистами. В партийных документах, которые обсуждались на этой встрече, постоянно встречаются слова «революционная этика», «краткосрочная стратегия», «солидарность с Вьетнамом»[49]. Такой очевидный крен в сторону Вьетнама Салотх Сар сделал в то время, вероятно, для того, чтобы удержаться на вершине власти в момент серьезных перемен. В страну стали возвращаться коммунисты, жившие в Ханое, из тюрьмы вышли известные и влиятельные бывшие лидеры «Прачеачун». Все они должны были найти свое место в Компартии и объективно могли создать угрозу единоличной власти «брата номер один». Поэтому Салотх Сар решил не делать резких шагов, которые могли бы испортить его отношения с вьетнамскими коммунистами. Он прекрасно понимал, что в любой момент они могли сделать ставку на другой состав партийного руководства и на другого руководителя. Этот выбор был бы для него и его планов смертельным ударом. Кроме того, северовьетнамские войска после своего наступления в марте-апреле 1970 г. уже занимали значительную часть территории Камбоджи и могли непосредственно решать, кому — кхмерским коммунистам или сторонникам Сианука передавать административную власть в этих районах.

Вообще, отношения с Вьетнамом и с Партией трудящихся Вьетнама (ПТВ) с этого момента превращаются в ключевой вопрос всей кхмерской политики. После отстранения Сианука от власти, отношения кхмерских коммунистов с ПТВ перешли на новый уровень, когда не только они, как это было раньше, зависели от вьетнамских союзников, но и те оказались в зависимости от них. Но при этом отношение к ним со стороны вьетнамцев практически никак не изменилось, они продолжали рассматривать их как «младших братьев» и относились к ним не всегда как к равным. Примером этого стали события в июне 1970 г., когда, согласно «Черной книге», Салотх Сара и Нуон Чеа вызвали на встречу с высшим командованием вьетнамской армии в Камбодже для обсуждения «проблемы укрепления солидарности и сотрудничества». Это обсуждение, которое с вьетнамской стороны «приняло форму требований, продолжалось в течение недели»[50].

Закончилось это совещание якобы тем, что кхмерские руководители отказались от вьетнамской помощи[51].

Маловероятно, что в июне 1970 г. Салотх Сар и Нуон Чеа посмели хлопнуть дверью перед вьетнамским военным руководством в Камбодже. Скорее всего, они согласились с большинством вьетнамских требований о сотрудничестве и о помощи вьетнамской армии в Камбодже. Но очевидно другое: их неприятно поразил высокомерный тон разговора, когда их рассматривали не как равноправных союзников, а как скорее помощников, что для Салотх Сара было совсем не одно и то же.

Другой раздражавший руководство кхмерских коммунистов факт состоял в том, что во многих местах, которые были заняты вьетнамцами, власть не сразу передавалась кхмерским коммунистам. Часто вьетнамцы, используя кхмеров, прибывших из Вьетнама, сами набирали кхмерских крестьян в армию, формировали из них органы местного управления и руководили ими. Раздоры из-за власти на местах иногда даже перерастали в вооруженные столкновения приверженцев Салотх Сара и их вьетнамских союзников[52]. Естественно, что все это больно било по самолюбию такого честолюбивого националиста, каким был Салотх Сар, и никак не укрепляло его симпатии к вьетнамским соратникам.

Еще более опасными для своих планов воспринимал он и вновь зазвучавшие в это время из уст вьетнамских политиков слова о возможности воссоздания индокитайской федерации, об особых отношениях, которые должны связывать вьетнамскую, лаосскую и камбоджийскую революции. Ведь в 1970–1971 гг. вьетнамское руководство даже и не скрывало того факта, что Компартии Камбоджи в союзе с ПТВ отведена роль «младшего брата», обязанного выполнять указания «старшего». Секретарь ЦК ПТВ Хоанг Ань, например, в своей речи на XX пленуме ЦК ПТВ, состоявшемся в январе 1971 г., заявлял: «Мы должны укрепить революционную базу в Камбодже и вести эту страну по пути к социализму. Таков курс нашей партии»[53]. Вся роль кхмерских коммунистов и Салотх Сара сводилась, таким образом, к тому, чтобы правильно проводить в Камбодже курс ПТВ. Как отмечали в том же году советские дипломаты, работавшие в Ханое «вьетнамские товарищи в последний год в осторожной форме поднимают одно из положений программы бывшей Компартии Индокитая, касающееся создания Социалистической федерации Индокитая»[54].

Смысл создания такой федерации состоял в том, чтобы после победы индокитайской революции объединить в едином государстве Вьетнам, Лаос и Камбоджу под руководством вьетнамских коммунистов в качестве «старших братьев». Естественно, что все эти планы ханойских лидеров были хорошо известны в Камбодже и не могли не вызывать определенной враждебности и недоверия среди кхмерских коммунистов вне зависимости от их взглядов на будущее Камбоджи. О настороженном и даже враждебном отношении кхмерских и лаосских коммунистов к планам Ханоя, состоявшим в ограничении независимости Лаоса и Камбоджи и новом переустройстве бывшей территории Французского Индокитая, было хорошо известно и советским представителям во Вьетнаме. В политическом письме за 1971 г. они отмечали, что «слишком узконациональный подход вьетнамских товарищей к решению проблем Индокитая, заметные попытки подчинения ими проблем Лаоса и Камбоджи интересам Вьетнама вызывают скрытое недовольство лаосских и камбоджийских друзей»[55].

Салотх Сар, думается, был прекрасно осведомлен обо всех этих планах, но вынужден был изображать доверие и преданность, так как понимал, что время для перехода к самостоятельной и независимой от Вьетнама политике еще не пришло. В это время коммунисты — его сторонники старались не акцентировать внимание на своих долговременных целях не только в отношениях с Вьетнамом, но и внутри страны. Они выступали как национальная просианукovская сила, которая в полном согласии с другими участниками движения ведет борьбу за восстановление законной власти, против иностранных агрессоров и их марионеток в Пномпене. Иенг Сари заявлял в 1971 г.: «Что касается военно-политического единства НЕФК, то оно сейчас полное. Всякое деление на красных и не-красных будет смертельным для будущей независимой и нейтральной Камбоджи»[56].

Старание коммунистов сохранить единство фронта объяснялось тем, что они в это время на территории освобожденных районов под флагом НЕФК создали собственное руководство, которое действовало независимо от председателя НЕФК и официального Королевского правительства национального единства Камбоджи. Это руководство включало в себя практически всех высших деятелей Компартии. Все они входили в КПНЕК в качестве вице-министров (назначение их на эти посты произошло 9 сентября 1970 г.) и формально, по иерархии, должны были подчиняться министрам КПНЕК. Однако с первых же дней их деятельности Сианук не раз заявлял, что эти руководители

полностью независимы от него. Так, в одном из своих интервью агентству Франс Пресс он подчеркивал: «Вице-министры королевского правительства, находящиеся в Камбодже, подчиняются мне лишь формально»[57].

Это внутреннее правительство, существовавшее наряду с правительством НЕФК, но обладавшее реальной властью, возглавлялось Салотх Саром, который был вице-министром КПНЕК, командующим частями НЕФК в Камбодже. Другие члены руководства: Сон Сен — вице-министр КПНЕК, занимавший пост начальника Генерального штаба НОАК; Сок Тхуок (бывший ученик Салотх Сара, впоследствии более известный под псевдонимом Ворн Вет) — вице-министр КПНЕК, ответственный за национальную безопасность; Кой Тхуон (бывший ученик Сон Сена) — вице-министр КПНЕК, ответственный за финансы; Кхиеу Поннари — вице-министр КПНЕК по делам образования, культуры и молодежи; Чу Чет — вице-министр КПНЕК, ответственный за здравоохранение; Пок Доскомар — вице-министр КПНЕК по иностранным делам[58]. В это внутреннее правительство из высшего звена партийного руководства не входил Нуон Чеа, который, будучи заместителем Салотх Сара по партии, ведал всей организационно-партийной деятельностью.

Действуя независимо от находившихся в Пекине министров королевского правительства и самого Сианука, вице-министры КПНЕК широко использовали лозунги НЕФК и имя Сианука для того, чтобы вовлечь камбоджийских крестьян в свои боевые части. Они заявляли, что выступают в его защиту и борются от его имени. На самом деле эти заявления были правдивы лишь отчасти, — в реальности у коммунистов в отношении будущего страны были собственные планы. Именем свергнутого главы государства они старались привлечь к себе население. Об этом сообщало кхмерское правительственное радио, свидетельствовавшее, что если коммунисты среди крестьян и ссылаются на имя Сианука, так это «делается в чисто пропагандистских целях»[59]. Сианук сам обеспечил эффективность этой пропаганды: после разгона крестьянских выступлений в его поддержку он призвал крестьян уходить к партизанам, то есть фактически дал зеленый свет для пополнения боевых отрядов Компартии[60].

Призыв Сианука особенно массовую поддержку получил на востоке Камбоджи, где сельские жители больше всего пострадали от американо-сайгонских войск, которые вошли в страну в мае 1970 г. и вели себя здесь как завоеватели. Они грабили и сжигали деревни,

убивали крестьян по первому подозрению в нелояльности по отношению к новому пномпеньскому режиму. Кроме того, начавшиеся массированные американские бомбардировки камбоджийской территории стоили многочисленных жертв среди сельского населения, разрушали дома и хозяйственные постройки, ирригационные сооружения. Часть крестьян ринулась от ужасов войны в Пномпень, другая же часть присоединилась к отрядам сопротивления. В беседе с журналистами Иенг Сари так определил причины массового пополнения рядов Фронта: «Крестьяне присоединяются к нам, так как ненавидят американцев за их вторжение и за страшные бомбардировки, проводимые их авиацией, так как ненавидят союзников американцев — солдат марионеточного южновьетнамского режима, зверства которых наводят ужас, так как ненавидят чиновников, помещиков, ростовщиков, всех участников нового режима... Клевета, которая распространяется властями Пномпеня, не имеет никакого эффекта среди жителей деревни»[61].

Коммунисты больше других группировок, входивших в НЕФК, выигрывали от притока крестьян в созданную ими на основе партийной Революционной армии Национально-освободительную армию Камбоджи (НОАК), которая находилась под их непосредственным контролем: Салотх Сар был ее главнокомандующим, а Сон Сен — начальником Генерального штаба. В высшем командовании армии представителей группировки Сианука не было вообще, — НОАК развивалась и формировалась на основе боевых отрядов компартии, которые еще с 1967 г. вели партизанскую войну в джунглях на севере и северо-западе страны. Эти сравнительно небольшие вначале боевые части (по разным оценкам, на 1970 г. в них насчитывалось 5–10 тысяч человек)[62], став ядром НОАК, не только выросли численно, но и получили более современное вооружение из Вьетнама. Командиры взводов Революционной армии становились во главе рот в армии НЕФК, командиры рот — во главе батальонов и т. д.

По мере того как росли и укреплялись вооруженные силы НЕФК, росла и военная мощь кхмерских коммунистов. При этом контроль коммунистов за ростом вооруженных сил и их боевой деятельностью сочетался с постоянным контролем за их политической подготовкой. Смысл ее состоял в том, чтобы превратить молодого крестьянина, вступившего в боевую часть НЕФК для защиты Сианука, в бойца, способного выполнять и разделять приказы, исходящие от партийного центра. Благодаря системе политического воспитания бойцов, влияние коммунистов в вооруженных силах постоянно росло. Новобранцы, которые

вливались в боевые части НОАК, должны были под руководством партийных комиссаров заниматься на краткосрочных и постоянных политических курсах, обязательно участвовать в различных митингах и конференциях, в посвященных критике и самокритике собраниях своего отделения, взвода, роты. Особую роль в идеологической работе играли политические школы. Каждый боец должен был пройти через них. Там новобранцы изучали, обсуждали на семинарах такие, например, темы: социальное деление кхмерского общества на классы, классовая борьба, критика и самокритика[63].

Контроль над НОАК позволил коммунистам к 1973 г. подмять под себя практически все иные политические силы, почти обеспечить себе преобладание в административных структурах, созданных на территориях освобожденных районов Камбоджи. Консолидируя свою власть, «красные кхмеры» стали «освобождаться» от своих политических союзников и «попутчиков». Первыми жертвами укрепившегося партийного центра и созданного к этому времени военно-репрессивного аппарата, подчинявшегося Салотх Сару, стали кхмерские коммунисты, которые прибыли в Камбоджу из Вьетнама и были включены в отряды и структуры Компартии. Доверия к ним у Салотх Сара не было никакого. Он их рассматривал как прямых вьетнамских агентов внутри партии и своих политических соперников и стремился тайно избавиться от них. «Это мы являемся хозяевами страны, — говорил он, — потому что они, приехавшие из-за границы, находятся под нашим контролем. Эти люди никогда не будут нами командовать»[64].

Практическая реализация этого императива выразилась в том, что «утвердив в 1971 г. свою власть в освобожденных районах, — как говорил чудом спасшийся от уготовленной ему участи быть убитым коммунист из провьетнамской группы Юх Пао, — полпотовская клика начала уничтожать революционные кадры, интеллигенцию, в первую очередь тех, кто учился в социалистических странах — Вьетнаме, Советском Союзе и др. Исчезновение людей объяснялось разными предлогами — переброской в другие районы, на новую работу и т. п.»[65].

В это же время стали происходить и другие знаковые события, свидетельствовавшие о том, что партийный центр готовился к смене курса. В некоторых освобожденных районах кхмерские коммунисты начали запрещать местному населению общаться с вьетнамцами, в других, якобы по ошибке, совершались нападения на отдельные вьетнамские отряды, совершавшие марши по камбоджийской территории, захватывались обозы с продовольствием, амуницией и военной

техникой[66]. Сейчас трудно сказать, было ли все это продуманной политикой руководства Компартии или следствием случайного стечения обстоятельств, отражая традиционное недоверие кхмеров к вьетнамцам. Более справедливой мне представляется первая версия, так как очевидно, что такими «ошибочными» нападениями Салотх Сар стремился лишний раз продемонстрировать вьетнамцам, что те на территории Камбоджи зависимы от кхмерских коммунистов и должны это учитывать в своих действиях и в своей политике.

Это едва сдерживаемое «скрытое» недовольство высокомерным, как он считал, отношением вьетнамских представителей в Камбодже к кхмерским коммунистам хорошо видно по переписке Салотх Сара с Генеральным секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном. В своем письме от 1974 г. он хоть и клялся, что «все наши победы неотделимы от помощи наших братьев и боевых соратников — вьетнамского народа и Партии трудящихся Вьетнама», но вместе с тем вполне определенно заявлял, что «отношения между нашими партиями основаны на взаимном уважении и невмешательстве во внутренние дела друг друга»[67]. Это было явное изменение позиции, которая в более ранних письмах формировалась так: «...Со всей искренностью и от всей души заверяю вас, что в любых условиях я буду верен курсу великой дружбы и великой братской революционной солидарности между Кампучией и Вьетнамом, несмотря ни на какие трудности и препятствия»[68].

Тон и содержание посланий Салотх Сара менялись в зависимости от развития военно-политической ситуации в стране. А она постепенно складывалась в пользу НЕФК. В течение одного года пномпеньский режим полностью утратил контроль над обширными сельскохозяйственными районами. В 1971 г. около 70% территории Камбоджи находилось уже под контролем северовьетнамских войск и сил НЕФК. За этот же год численность армии НЕФК намного увеличилась. К середине 1971 г. в ней было уже 30 тыс. бойцов[69]. Эта цифра, приведенная в исследовании Ф. Дебре, вполне коррелируется с данными Иенг Сари — представителя Компартии в Пекине, который заявлял в 1971 г.: «Что касается наших вооруженных сил, то они состоят из регулярных частей численностью в 12 тыс. человек, из провинциальных войск численностью в 15 тыс. человек и деревенской милиции, которая насчитывает примерно 5 тыс. человек»[70].

В это время на большей части освобожденных районов Камбоджи действовали уже администрации, руководимые представителями Компартии. Формально они считались административными органами

НЕФК на местах, но в силу того, что «кхмае румдох» внутри Камбоджи так и не сумели создать ни своего отдельного военного, ни политического руководства, параллельного коммунистам, то фактически эти структуры НЕФК являлись на деле структурами власти Компартии. Кхмерские коммунисты из разных группировок занимали руководящие посты на всех уровнях административной структуры того или иного освобожденного района или округа. В некоторых районах, освобожденных вьетнамскими войсками, административная власть передавалась коммунистам, прибывшим из Ханоя. «В центре страны и районе пров. Кратие, — писал Ф. Дебре, — партизаны возглавлялись кхмерскими прогрессистами (так западные авторы называли руководителей Компартии. — *Д. М.*), которые в 60-е годы покинули Пномпень. Что касается северо-востока Камбоджи, то там находились старые члены НЕФК, которые были связаны с северовьетнамскими частями»[71].

Положение этих людей, как уже отмечалось, было особенно сложным, так как они опирались на вьетнамцев и фактически противопоставляли себя кхмерскому партийному руководству. Тем самым они как бы подтверждали подозрения Салотх Сара и его окружения относительно того, что их цель — служить Вьетнаму, а не Камбодже. Но с другой стороны, переход под контроль партийного центра Компартии Камбоджи угрожал им репрессиями — исчезновением, расстрелом или тайным убийством. Такие методы стали практиковать репрессивные органы Компартии, выполняя приказы руководства. Самый сложный для ханойских коммунистов выбор был тогда, когда вьетнамские войска уходили из того или иного района и туда вступали подчиненные Салотх Сару части. Если кхмеры из провьетнамской группировки не успевали уйти вместе с ними, то они чаще всего становились жертвами репрессий. Очевидцы свидетельствовали, что переход власти в руки партийного центра сопровождался подчас физическим уничтожением многих коммунистов, бойцов НЕФК, выступавших за дружбу и сотрудничество с ПТВ и ДРВ[72]. Тхом Борет, бывший командир батальона из провинции Прейвенг, вспоминал в 1979 г., что в их уездной организации задолго до 1975 г. постоянно проходили собрания, на которых подвергались критике те, кто принимал участие в войне сопротивления против французских колонизаторов. Их обвиняли в том, что они сильно прониклись вьетнамской идеологией и не понимают местных условий ... Их увозили на политические курсы, а если кто-то интересовался, почему тот или иной товарищ долго не возвращался, ему отвечали, что он получил после курсов «назначение» в другую провинцию.

К 1975 г. в парторганизации, где состоял Тхом Борет, не осталось ни одного ветерана[73]. Тайная война против коммунистов провьетнамской ориентации получила довольно широкий размах. Например, в одном из партийных документов, датированном 3 июня 1978 г., перечисляются имена 18 руководящих работников, уничтоженных в 1972–1973 гг. Это были в основном перешедшие в ряды Компартии «ханойские коммунисты». Их уничтожение рассматривается в этом документе как важная победа партийного центра в борьбе за утверждение своей власти[74].

Радикально-репрессивные меры во внутрипартийной политике сочетались в период 1970–1972 гг. с относительно мягкими и компромиссными действиями в социально-экономической сфере. Здесь кхмерские коммунисты стремились всячески получить поддержку крестьян, которые рассматривались как главная социальная опора революции. Предложения немедленно претворить в жизнь основные положения программы радикального переустройства и обобществления в кхмерской деревне, с которыми выступали отдельные наиболее радикальные представители руководства, были отвергнуты на партийной конференции в июле 1971 г.[75] В освобожденных деревнях коммунисты даже не стали создавать ревкомы. Они ограничивались первое время лишь тем, что избирали сельский комитет НЕФК, создавали местную деревенскую милицию; крестьяне, женщины и молодежь объединялись в «освободительных ассоциациях». Кроме организационного оформления власти много внимания уделялось идеологической работе, объяснению крестьянам целей и задач революционной борьбы. Эти цели и задачи формулировались обычно так: «Защита независимости кхмеров от американских и сайгонских агрессоров, защита национальной культуры, свержение незаконного проимпериалистического режима Лон Нола, уничтожение чиновничьей элиты, ростовщиков и помещиков, жестоко эксплуатировавших крестьян»[76].

Были осторожно проведены и первые социально-экономические преобразования. Коснулись они главным образом сельского хозяйства и не выходили в общем за рамки программы НЕФК, практически не затрагивая традиционных основ и форм сельскохозяйственного труда в кхмерской деревне. Относительно аграрной политики коммунистов Иенг Сари на пресс-конференции в Пекине заявил в 1971 г.: «В освобожденной зоне мы уменьшили налоги на 50% по сравнению с периодом до 18 марта 1970 г. Некоторых крестьян, особенно активно участвующих в нашей борьбе, мы полностью от налогов освободили»[77]. Другими популярными и поддержанными крестьянами мерами стали

отмена всех долгов и обязательств ростовщикам, а также конфискация земель, «принадлежавших помещикам и предателям», и распределение их среди безземельных крестьян. Перераспределялся довольно большой земельный массив, поскольку хотя крупных землевладельцев в Камбодже было мало, зато крестьян, бежавших после начала военных действий в города, — много. Принадлежавшие им земли были объявлены землями «предателей» и отданы в пользование тем, кто их стал обрабатывать.

Таким образом, в районах, бывших под контролем коммунистов в 1970–1972 гг., вся аграрная политика состояла в том, чтобы максимально удовлетворить политические требования безземельных и малоземельных крестьян и привлечь их, таким образом, на свою сторону

Поддержку и симпатии крестьян кхмерские коммунисты стремились завоевать также хорошо продуманной стратегией поведения своих кадровых работников и военных формирований на территории освобожденных районов. В 1970–1971 гг., как свидетельствует Ит Сарин — преподаватель одного из пномпеньских лицеев, автор интереснейших записок о своем почти годичном пребывании на базах и в лагерях кхмерских коммунистов, — среди кадровых работников, а также среди крестьян распространялась следующая памятка: «Каждый руководитель должен любить, уважать и служить рабочим и крестьянам всем сердцем и душой. Он не имеет права диктовать что-либо людям, а должен быть с ними скромен и прост в обращении. Он обязан всегда защищать имущество людей, пресекать любые попытки отбирать у крестьян принадлежащие им вещи или продовольствие, не должен брать взяток»[78].

Вообще, политический курс «красных кхмеров» в 1970–1972 гг., их отношение к людям, поведение среди крестьян сильно отличалось от того, что наблюдалось в последующие годы. В то время они широко пропагандировали так называемую «народную философию», смысл которой состоял в том, чтобы «в максимальной степени помогать людям, особенно в базовых районах, решать стоящие перед ними проблемы». Когда крестьяне возводили дамбу или рыли канал, все местные функционеры «красных кхмеров» должны были работать вместе и наравне с ними. В наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ они «вновь приходили в деревни и предлагали свою помощь, причем всю работу выполняли бесплатно и больше всего помогали наиболее бедным крестьянским семьям»[79].

Другим аспектом «народной философии» была широко пропагандировавшаяся «помощь больным крестьянам». Ит Сарин рассказывал, что из партийной организации «красных кхмеров» обязательно направляли человека в семью для оказания ей необходимой поддержки. Все действия своих членов «красные кхмеры» строго контролировали, поэтому эффективность политики «быть с народом и служить ему» была высока. Ит Сарин пишет, что «открытость и дружелюбность коммунистов привлекла к ним больше людей, чем их малопонятные для крестьян лозунги о социалистической революции»[80].

Естественно, что вся эта забота о простых людях никак не отражала глубинную сущность движения и была, по сути, уловкой, элементарным обманом, при помощи которого «красные кхмеры» укрепляли свою власть. Очень скоро, как только они стали сильнее, почувствовали себя увереннее, все эти лозунги типа «служить народу», образцовые памятки функционерам, будут выброшены и забыты. Но в период 1970–1972 гг. «народная философия» оставалась реальной политикой, которой люди верили и за которой шли. Тем более что в тот период «красные кхмеры» предпочитали еще не трогать и деревенскую верхушку. Традиционная организация крестьянского социума оставалась неизменной, лишь монахам и деревенским старостам вменялось в обязанность пройти специальные курсы перевоспитания[81].

Осторожная и откровенно популистская аграрная политика сопровождалась мощной пропагандистской кампанией, цель которой состояла в том, чтобы убедить крестьян в том, что кхмерские коммунисты — истинные защитники не только национальной независимости от проамериканского лонноловского режима, но и защитники интересов и прав самих крестьян. В своем общении с ними партийные пропагандисты стремились максимально учесть ментальность низших слоев кхмерской деревни, или «здоровой основы нашего общества», как называли беднейших и малоземельных крестьян партийные лидеры[82]. Врагами объявлялись не только ростовщики, перекупщики и землевладельцы, но и национальная интеллигенция, которая-де служила проводником чуждого «западного» культурного влияния в Камбодже. В 1971 г. в одном из выступлений Кхиеу Самфан призывал: «Нам надо подавить тягу интеллигенции к западному образу жизни. Интеллигенции как таковой вообще быть не должно. Ее представители будут заниматься общественным трудом, жить совместно и учиться у народа»[83].

Нельзя не сказать, что обещания «красных кхмеров» уничтожить имущие классы и «перевоспитать» интеллигенцию были не только «приманкой» для беднейших крестьян, но вполне отвечали политической программе самих коммунистов, — ведь в задуманном партийным центром «государстве будущего» социальная структура общества сложной быть никак не могла. Бестоварная система, резко упрощавшая экономику, сводившая ее к изъятию методом внеэкономического принуждения произведенного крестьянами продукта и его дальнейшему распределению и перераспределению, не могла не упростить в свою очередь и социальные отношения. Эта экономическая система и строившийся на ее фундаменте тоталитарный режим уже заранее предопределяли архаизацию социальной структуры, возвращение страны к средневековому типу устройства общества, которое состояло из крестьян, чиновников и воинов. Что касается такого важного социального компонента средневековой Камбоджи, как монашество, то в условиях, когда «новая религия» распространялась через чиновников, буддийские монахи оказывались вне системы, впрочем, как и многообразные социальные элементы городского социума.

2. Превращение кхмерских коммунистов в сильнейшую политическую силу в стране

Ключевым событием, определившим пути к политическому будущему Камбоджи, стала первая победа Салотх Сара над вьетнамскими «старшими братьями». Случилось это в январе 1973 г., когда вопреки жесткому давлению его ханойских союзников он отказался участвовать в процессе мирного урегулирования конфликта в Индокитае. США, которые долгое время в Париже вели переговоры с ДРВ о завершении конфликта во Вьетнаме, рассчитывали закончить войну в регионе мирным урегулированием во всех странах Индокитая. Во Вьетнаме и Лаосе их план был реализован, и 27 января 1973 г. в Париже после почти пяти лет переговоров госсекретарь США Г. Киссинджер и член Политбюро ЦК ПТВ Ле Дык Тхо подписали соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Этот исторический договор предусматривал вывод всех американских войск из Индокитая, а также подписание мирных соглашений между Севером и Югом Вьетнама. Была достигнута договоренность и об урегулировании конфликта в Лаосе. Что касается Камбоджи, то все настойчивые

попытки члена Политбюро ЦК ПТВ Фам Хунга (ответственного за связи с Компартией этой страны во вьетнамском руководстве) убедить Салотх Сара подписать мирный договор с Лон Нолом оказались безуспешны. И после того, как он провел с Салотх Саром серию многочасовых встреч 24–26 января 1973 г., последнюю буквально за несколько часов до подписания мирного соглашения в Париже[84] — стало ясно, что глава Компартии Камбоджи ведет собственную, независимую от Ханоя игру.

Причины нежелания Салотх Сара действовать по вьетнамскому сценарию лежали на поверхности. Прежде всего, он и все его окружение не забыли о политической катастрофе своих предшественников в Женеве в 1954 г., когда вьетнамские представители пожертвовали интересами руководимого коммунистами фронта Кхмер Иссарак ради достижения своих целей. И Салотх Сар, не веривший в искренность своих вьетнамских союзников, решил ни в коем случае не повторять тот печальный опыт и не идти ни на какие договоренности, которые бы ограничили свободу действий возглавляемых им сил.

Кроме того, он реально оценивал способности и возможности своего главного военного и политического противника. Лонноловский режим к тому времени растерял социальную поддержку в Пномпене, его лучшие армейские части были разбиты в неудачных наступательных операциях 1971–1972 гг. Коррупция и предательство подтачивали силы этого режима, который сполна успел продемонстрировать свою неэффективность.

Отказываясь участвовать в мирных переговорах, Салотх Сар шел на большой риск, если учесть, что его армия всецело зависела от поставок вооружения из Вьетнама. Но он рассчитывал, что все равно вьетнамцы будут в нем нуждаться и будут продолжать оказывать помощь. Он справедливо полагал, что для них Парижский мирный договор имеет чисто тактическое, промежуточное значение — дать возможность американцам уйти из региона и оставить Южный Вьетнам один на один с Северным. После этого война в Индокитае продолжится и будет длиться до тех пор, пока северовьетнамские танки не войдут в Сайгон. А раз так, то вьетнамцы будут вынуждены поддерживать своих естественных союзников — кхмерских коммунистов вне зависимости от их позиции относительно переговоров в Париже. В крайнем случае Салотх Сар мог рассчитывать еще и на помощь со стороны Китая, где у него сохранялись старые контакты, особенно со все более набиравшими силу в руководстве КПК участниками леворадикальной

группы политиков (позже получившей известность как пресловутая «группа четырех») во главе с женой Мао Цзэдуна — Цзян Цзин[85].

Вероятно, все эти соображения позволили Салотх Сару устоять перед давлением северовьетнамских советчиков, и вьетнамцы с американцами подписали соглашение в Париже 27 января 1973 г. без участия кхмеров. Неуступчивость Салотх Сара способствовала заметному укреплению его авторитета в партии. Он показал себя сильным и независимым руководителем, ставящим превыше всего интересы возглавляемого им движения. Некоторые региональные деятели, стремившиеся к большей автономии, стали склоняться на его сторону. В его поддержку выступил и один из самых сильных военачальников — командующий войсками в Юго-Западной зоне Та Мок. Ветеран Кхмер Иссарака[86], он был известен своими радикальными и антивьетнамскими настроениями. Помощь Та Мока с его военной мощью оказалась во многом решающей для установлении диктатуры партийного центра и в партии и позже по всей стране.

Важным следствием заключенных в Париже соглашений стало то, что вьетнамские войска должны были покинуть Камбоджу. Это открывало возможности партийному центру добиться еще большей самостоятельности и проводить такую внутреннюю политику, какую там считали нужной и правильной. Уход вьетнамцев избавлял Салотх Сара и созданный им аппарат от плотной политической и идеологической опеки многочисленных вьетнамских советников. В их постоянном присутствии любые действия, направленные на радикализацию внутренней политики в духе «большого скачка» или «культурной революции», неизбежно бы вызвали подозрения в том, что камбоджийское коммунистическое руководство следует не советско-вьетнамским курсом, а склоняется к китайскому опыту. Вывод вьетнамских войск и советников автоматически «развязывал» руки камбоджийским радикалам, которые могли теперь претворять свои идеи в жизнь, не опасаясь особо ни жесткой критики, ни возможных оргвыводов или прямого давления с вьетнамской стороны.

Вместе с вьетнамскими войсками, выведенными в 1973 г. из Камбоджи, страну покинули и большинство членов так называемой «ханойской группы», уцелевших после тайных чисток. Для них оставаться в стране было равнозначно самоубийству, поэтому такие видные деятели постполпотовской Камбоджи, как Миех Сомнанг, Кео Чанда, вновь вернулись в Ханой. Другой известный член этой группы — Пен Сован, который после 1979 г. станет первым руководителем

воссозданной вьетнамцами НРПК, бежал во Вьетнам в 1973 г., покинув редакционный комитет радио «красных кхмеров»[87].

Те же, кто по разным причинам предпочел остаться в Камбодже, попали под сокрушительный удар новой волны репрессий, развязанной Салотх Саром. «Брат номер один» решил окончательно уничтожить оставшихся беззащитными членов «ханойской группы», в том числе и тех, кого можно было только подозревать в принадлежности или симпатии к ней. Хем Самин — командир батальона НОАК, впоследствии бежавший во Вьетнам и вошедший в первый состав Единого фронта национального спасения Кампучии (ЕФНСК) в 1979 г., вспоминал, что с 1973 года на армейских партийных собраниях только вступившие в партию люди развязали «грубую необоснованную критику в адрес провьетнамских ветеранов»[88]. Одновременно с этим партийные пропагандисты на собраниях стали говорить о вьетнамской угрозе, грозящей Камбодже как с Юга, так и с Севера[89].

Как мы видим, в новой ситуации всегда скрытный Салотх Сар пришел к выводу, что можно уже слегка приоткрыть свои истинные планы. Расправившись с «ханойской группой», он пошел дальше и впервые за всю свою революционную практику решился на проведение в партии пропагандистской кампании, открыто направленной против политики вьетнамских коммунистов. Ему был нужен пропагандистский повод, чтобы обосновать свое охлаждение к Вьетнаму и к ПТВ. Он вместе со своими сторонниками нашел его в утверждении, что вьетнамцы снова, как и в 1954 г., заключили соглашение с американцами за счет предательства интересов камбоджийской революции. «Ханой бросил нас», — так в беседе с Сианук оценил соглашение в Париже Кхиеу Самфан[90]. Миф о предательстве Вьетнама стал прекрасным предлогом для ограничения контактов и ухудшения отношений с ПТВ. Весной 1973 г. Ле Зуан в беседе с советским послом в Ханое сказал, что «в камбоджийских делах инициатива находится не в наших руках[91]. Это было несколько запоздалое признание вьетнамского руководящего деятеля, который неожиданно обнаружил, что недавно полностью зависимые от него камбоджийцы, скрывавшиеся под защитой вьетнамских сил на «базе 100», превратились в самостоятельных политиков, требовавших к себе особого подхода.

В апреле 1973 г. Ханой сообщил своим советским союзникам, что реального контроля над ситуацией в Компартии Камбоджи у него нет. В беседе с советским послом Ле Зуан заявил, что у НРПК (так в тексте. — *Д. М.*) есть разногласия и с Сианук и в собственных рядах.

Их организация находится в Пекине. Даже китайское посольство в Ханое имеет с ними больше контактов, чем мы. Однако кхмерские товарищи очень осторожны. Наша помощь им очень велика. Есть возможность постепенно с ними сближаться»[92].

О резком охлаждении отношений кхмерских и вьетнамских коммунистов говорил послу СССР в ДРВ и премьер-министр этой страны Фам Ван Донг. В их беседе, состоявшейся 14 апреля 1973 г., он пояснил, что со стороны Вьетнама «поддержка и помощь камбоджийским друзьям сокращается и ее масштабы в настоящее время невелики». На вопрос советского представителя о том, «существует ли возможность сговора по камбоджийской проблеме за спиной вьетнамцев», Фам Ван Донг ответил гораздо более оптимистично, чем Ле Зуан: «Нам известно, что существуют планы, направленные на создание трудностей в отношениях между народами Индокитая. У нас, однако, достаточно сил, чтобы противостоять этим планам. Руководство ДРВ постоянно работает над камбоджийским вопросом»[93].

Положение «красных кхмеров» еще более упрочилось после достижения первых результатов массированного наступления их отрядов, начавшегося на всех фронтах в конце января — начале февраля 1973 г. Салотх Сар, лично разрабатывавший план этого наступления, хотел показать, что у кхмерских коммунистов достаточно сил, чтобы самостоятельно одержать полную победу. За короткое время лонноловские войска оказались выбиты из важнейших рисопроизводящих районов в провинциях Такео и Кампонгтхом, окончательно была перерезана всякая сухопутная связь между Пномпенем и Баттамбангом, и камбоджийская столица оказалась в жесткой блокаде. Все это было достигнуто, несмотря на чудовищные по масштабам и разрушительности бомбардировки авиации США, которые с марта по июль 1973 г. сбросили на территорию Камбоджи 250 тыс. т бомб[94]. Ведя неограниченную воздушную войну в этой стране, американское руководство стремилось «наказать» кхмерских коммунистов за отказ участвовать в переговорах и искать пути мирного урегулирования камбоджийского конфликта. Не исключено, что американцы хотели также показать Ханою, что́ может последовать в том случае, если вьетнамские коммунисты нарушат парижские договоренности и продолжат вооруженные действия на Юге Вьетнама.

В марте 1973 г. жестокие бомбардировки сельских районов распространились на всю территорию Камбоджи. Вокруг Пномпеня за три недели было убито три тысячи гражданских лиц, а беженцы,

прибывавшие в столицу из районов, подвергшихся атакам американской авиации, рассказывали о десятках разрушенных деревень, примерно половина жителей которых погибла[95].

Удары американской авиации спасли в 1973 г. лонноловский режим. Лучшие части НОАК понесли огромные потери на подступах к Пномпеню, но город взять так и не смогли. Однако в других местах «красные кхмеры» сумели заметно расширить зоны своего контроля. К концу этого года их власть распространялась уже на две трети территории страны с населением не менее трех миллионов человек[96]. После ковровых ударов американской авиации это были сильно разрушенные районы, где господствовал страх и хаос и люди были готовы принять все, лишь бы наступил порядок и они были бы защищены. Разведка Лон Нола в это время сообщала, что «воздушные удары против крестьян привели к большим потерям среди гражданских лиц и оставшиеся в живых крестьяне после всех американских бомбардировок обращаются к Компартии за поддержкой»[97].

Военная кампания 1973 г. хотя и очень дорого далась «красным кхмерам» и не принесла им решающего успеха, однако знаменовала переломный момент во всей войне 1970–1975 гг. До этого наступления лонноловцы могли объяснять свои поражения тем, что они воюют против вьетнамских войск, прекрасно вооруженных и опытных. Теперь такие объяснения потеряли смысл, поскольку поражения армии Лон Нола наносили уже непосредственно силы НОАК, которые, как выяснилось, более мобильны, боеспособны и дисциплинированы, чем части Лон Нола. Их перевес стал настолько очевиден, что исход гражданской войны оказался предрешенным. Вопрос был только в том, когда коммунисты смогут предпринять решающую операцию против Пномпеня.

Такой оборот событий придал Салотх Сару большую, чем раньше, уверенность в собственных силах. Он теперь был готов на равных не только разговаривать с вьетнамцами, но и принять на освобожденной территории Сианука — формального главу НЕФК. Он уже не опасался просиануковских манифестаций, так как подчиненный ему аппарат вполне окреп и был способен контролировать действия крестьян.

Глава НЕФК прибыл в освобожденные районы Камбоджи в феврале 1973 г., проследовав туда по «тропе Хо Ши Мина» из северовьетнамского города Донгхой: «Он и его группа, под охраной 150 вьетнамских солдат на 20 советских джипах, нагруженных средствами радиосвязи и оборудованием для полевого госпиталя, выехали в сторону камбоджийской границы. Через восемь дней, проехав около

1000 километров, он пересек границу в районе Сиемпанга, откуда вместо северовьетнамцев его уже охраняли камбоджийские партизаны»[98]. Во время этой поездки Сианука сопровождала группа китайских кинооператоров, призванных показать, что он — реальный лидер НЕФК, который контролирует администрацию Фронта и его боевые части, действующие в Камбодже. На границе Сианука встретили, проявляя подобающие знаки почтения, известные ему бывшие левые депутаты Ху Юн, Ху Ним и Кхиеу Самфан. Далее он прибыл в ставку Салотх Сара, где его так же почтительно приветствовали и другие деятели Компартии, включая и самого Салотх Сара, который, однако, не стал открывать свой истинный статус[99].

Сианука вместе с женой поселили отдельно и какие-либо контакты с ними, не санкционированные свыше, были запрещены. Так он реально оказался в информационном вакууме, но всячески старался показать, как он рад находиться в своей стране, слушать народные песни и любоваться танцами. Но при внимательном изучении фотографий, сделанных во время этого визита, видно, что принц походит скорее не на главу НЕФК, приехавшего проверить работу своих подчиненных, а просто на сильно перепуганного человека, постоянно находящегося в напряжении. Думается, что бывший глава Камбоджи опасался не столько американских бомбежек, которые в это время были особенно интенсивны, сколько своих, так сказать, подчиненных. Их жесткий порядок и дисциплина, единая черная форма без знаков различий, а также наигранная радость крестьян, силой согнанных для встречи с ним, произвели глубокое впечатление на опытного политика. После трехлетней относительно спокойной жизни в Пекине, когда он вел переговоры о международном признании НЕФК и исключении из ООН лонноловского представителя, он вдруг обнаружил, ради кого он вел всю эту работу. Он понял также, что на самом деле отношение к нему совсем не такое теплое, как это демонстрировали Иенг Сари и Кхиеу Самфан во время встреч с ним в китайской столице.

Думается также, до Сианука уже дошли и сведения о том, что в 1972–1973 гг. среди крестьян освобожденных районов против него стала вестись активная пропаганда. Агитаторы Компартии целенаправленно развенчивали образ Сианука как феодала и эксплуататора, далекого от простого люда, явно не способного реализовать надежды и чаяния народа. Было запрещено вывешивать его фотографии, опасно даже стало вообще упоминать его имя[100]. В отсутствие какой-либо контрпропаганды подобная агитация оказывала свое действие. После 1973 г.

среди рядовых бойцов революционных сил все более утверждалось мнение, что как только они одержат победу над Лон Нолом, Сианук будет «сажать рис, как все»[101].

Пребывание в освобожденных районах и общение с верхушкой кхмерских коммунистов подействовало на Сианука ошеломляющим образом. Он находился под таким впечатлением от увиденного, что на какое-то время даже «потерял себя» и превратился в ретранслятор пропагандистских идей «красных кхмеров». До визита в Камбоджу он рассуждал о своей новой политике, в том числе, о попытках установить контакты с США, о планируемом снижении уровня боевой активности своих сторонников в Камбодже, о намерении объявить в стране общую амнистию, но теперь все это было прочно забыто[102]. Он объявил, что «ни при каких обстоятельствах не согласится на прекращение огня и компромисс с правительством Лон Нола»[103]. В начале августа он разослал правительствам ряда стран телеграммы, в которых указывал «на неминуемую конечную победу народных вооруженных сил национального сопротивления в недалеком будущем»[104]. Он опровергал как «лживые и пропагандистские» сообщения печати о том, что он никого не представляет и не имеет связи с «красными кхмерами»[105]. Апофеозом этого, так сказать, «оцепенения» стало его смехотворное высказывание, когда в июле 1973 г. в интервью американскому журналисту из «Ньюсуика» он назвал Кхиеу Самфана, которого считал главнокомандующим «красными кхмерами» и главным человеком в их властной иерархии, «не коммунистом, а антиимпериалистом, камбоджийским националистом, который борется за независимость, нейтралитет, демократию и социальную революцию». Сианук заявил: «Вы можете назвать его социалистом, основывающемся на той же идеологии, что и шведский премьер-министр»[106]. Видимо, картины работающих на полях крестьян под охраной солдат навеяли ему столь «удачное» сравнение. Еще более скандальным стал эпизод, когда в интервью другому американскому журналисту в июле 1973 г. Сианук заявил, что «он получил телеграмму от Кхиеу Самфана и по его совету снимает свое предложение о ведении прямых переговоров с США», которое он ранее выдвинул во время поездки по странам Африки. В это время Иенг Сари, также присутствовавший на интервью, «прошептал что-то принцу на ухо» и тот сказал: «Иенг Сари говорит, что имеется один нюанс. Телеграмма Кхиеу Самфана не является отменой моего предложения, меня просят просто заявить, что я больше не буду ничего пред-

лагать»[107]. Все эти подсказки на ухо стали достоянием прессы и только подтверждали наблюдаемую всеми эфемерность его власти.

Осенью 1973 г. Сианук, однако, несколько воспрял и даже попытался надавить на «красных кхмеров», когда объявил 20 октября о намерении перевести свое правительство из Пекина на территорию освобожденных районов[108]. Предполагалось, что столицей сил освобождения станет либо провинциальный центр Кратие на Меконге, либо она появится вблизи знаменитых храмов Ангкора[109]. Однако инициатива Сианука не встретила никакого одобрения со стороны «красных кхмеров». В связи с этим он публично пригрозил «подать в отставку» и сделал ряд довольно жестких заявлений[110], в частности о том, что «не поддерживает тесных отношений с "красными кхмерами" и не знает, что ему готовит будущее и движение сопротивления». Он добавил также, что ему неясно, что «красные кхмеры» намерены сделать с королевским правительством и почему они упорно держат его в Пекине. «Я хочу знать, — сказал он, — каким должен быть мой статус, по мнению красных кхмеров. Я хочу знать, являюсь ли я простым служащим или главой государства»[111].

«Бунт» Сианука оказался кратковременным. Несколько встреч в Пекине и заверения «красных кхмеров» в их лояльности, а также перевод нескольких министерств из Пекина на территорию освобожденных районов убедили бывшего главу государства в том, что он остается лидером патриотических сил. Он вновь стал рупором «красных кхмеров», заявлял о внутреннем единстве и о войне до победного конца, с подачи своих союзников отказывался от всех предложений вступить в переговоры с пномпеньским правительством и даже вновь возглавить Камбоджу еще до вступления в Пномпень войск своих союзников. Он превратился в пленника «красных кхмеров» даже не тогда, когда в 1976 г. оказался под домашним арестом, а раньше, в 1974 г., когда он смирился с подчиненной им ролью.

Однако иного выхода у него не было. Он мог либо резко выйти из НЕФК и при этом потерять все и в материальном и в политическом отношении, или принять объективную реальность и признать превосходство и власть своих союзников. В выравнивании своих отношений с ними он мог рассчитывать и на поддержку Чжоу Эньлая, своего «старого друга еще со времен Бандунгской конференции»[112]. В 1972–1973 гг. после неудачного заговора и гибели Линь Бяо, «второго человека» во властной иерархии Компартии Китая, считавшегося официальным наследником председателя Мао, находившийся в тени героев

«культурной революции» премьер Госсовета КНР, отношения с которым Сианук описывал «как случай любви с первого взгляда»[113], выдвинулся на вторую по значению позицию в китайском руководстве. Чжоу Эньлай способствовал реабилитации многих своих бывших партийцев, ставших жертвами хунвэйбинов, и в их числе Дэн Сяопина, который долгое время был одним из наиболее близких к нему людей. Все это был важный ресурс поддержки Сианука, который при любых обстоятельствах «красным кхмерам» нельзя было сбрасывать со счетов.

Военные возможности «красных кхмеров» неуклонно возрастали и к осени 1973 г. общая численность только их регулярных войск, несмотря на потери во время наступательных операций, достигла 60–70 тыс. человек, а всего под ружьем у кхмерских коммунистов находилось (если включить сюда и деревенскую милицию) 200 тыс. человек[114]. Это была уже серьезная военная сила, использовавшая в боевых действиях современное стрелковое и тяжелое вооружение, обеспеченная и достаточным количеством боеприпасов. До 1973 г. она в военном отношении играла вспомогательную роль, участвовала в боях совместно с северовьетнамскими частями, но не определяла направление операций, а уже после 1973 г. и по конец гражданской войны кхмерские коммунисты, оставив, по словам Ф. Дебре, «нескольких вьетнамских технических советников, стали главными бойцами революции»[115].

В самой НОАК также происходили существенные перемены. Салотх Сар и Сон Сен приступили к чистке так называемых региональных частей Освободительной армии. Они в отличие от старых кадровых частей Компартии, ведших свою историю еще со времен Революционной армии, состояли подчас из потенциально враждебных им политических элементов. На средних и особенно младших командных должностях здесь находились люди, не вызывавшие доверия, которые скорее симпатизировали Сианук, чем коммунистам. Их деятельность контролировалась через институт политкомиссаров, которые в этом случае обладали часто большей властью и влиянием, чем сам командир. Теперь офицеры и нейтралисты — сторонники Сианука — удалялись с командных постов, а на их место выдвигались новые, преданные, кадры — выходцы из беднейших крестьян, прошедшие идеологическую индоктринацию в армейских партийных школах.

В некоторых местах ликвидация «Кхмае румдох» превращалась в вооруженные столкновения отрядов Компартии и бойцов — сторонников Сианука. Например, на юго-западе Камбоджи отмечались даже

ожесточенные сражения между кадровыми частями Компартии, которыми руководил будущий глава Юго-Западной зоны Та Мок, и сторонниками «Кхмае румдох». После этих столкновений и без того малочисленные отряды «Кхмае румдох» перестали существовать[116].

Сианук ничего не сделал, чтобы защитить своих сторонников в Камбодже. Впрочем, к этому времени у него и не было таких возможностей — ведь для того, чтобы защитить их, он должен был еще в 1970 г. создать собственную военную и политическую организацию, которая действовала бы в Камбодже независимо от коммунистов и могла бы стать его военной опорой. А так, максимум, что он мог сделать, — это пожаловаться своим китайским друзьям и покровителям, которые содержали в Пекине и его и все его окружение.

3. Новое административное устройство и аграрные преобразования в освобожденных районах в 1973–1975 гг.

Военно-политическую обстановку, сложившуюся в 1973 г. в Камбодже, партийный центр оценивал как вполне благоприятную для реализации своих планов переустройства всей системы экономических, политических и административных отношений в стране. В середине 1973 г. была введена новая структура административного деления, не имевшая аналогов в национальной истории. Традиционные, исторически сложившиеся камбоджийские провинции ликвидировались и вместо них появились несколько больших административных зон. Юго-Западная включила в себя провинции Кохконг и Кампот на побережье Сиамского залива, а также расположенные севернее их провинции Такео, Кандал, Кампонгспы, Кампонгчхнанг. Восточная зона состояла из провинций Свайриенг, Прейвенг, Кампонгчам и Кратие, находившихся вдоль границы Камбоджи с Вьетнамом. Северо-Западная охватывала провинции Кампонгтхом, Сиемреап, Оддармеантьей и Бантейчхмар. Еще одна зона включала западные провинции Пурсат, Баттамбанг и Пайлин. Особую зону составили районы, непосредственно примыкавшие к столице страны — Пномпеню. Кроме того, в Северо-Восточную зону объединялись северные и северо-Восточные провинции Мондолкири, Ратанкири, Стынгтраенг и Преахвихеа[117].

Каждая из зон делилась на районы (*дамбан*), подразделявшиеся на округа (*срок*), объединения нескольких деревень (*кхум*) и отдельные

поселения (*пхум*). Во главе каждой административной единицы, начиная от пхума, стоял комитет. Он включал обычно председателя, заместителя председателя, членов комитета, ответственных за экономику, социальную политику, народную культуру и армию. Все члены комитета на уровне не ниже дамбана состояли в Компартии Камбоджи. В комитеты округов (сроков), и особенно кхумов и пхумов, в первое время еще входили люди, которые хотя и не были членами партии, но «активно участвовали в освободительной борьбе». Чем ниже был уровень комитета, тем меньше, по свидетельству очевидцев, был контроль над ним со стороны коммунистов, тем большей разнородностью он отличался[118].

В 1973 г. «красные кхмеры» начали активно консолидировать свою власть и на нижних уровнях административного управления. В сроках, кхумах и пхумах они создавали свои низовые партийные ячейки. Такая ячейка, называвшаяся *анусакха* — насчитывала обычно не менее двух человек. Множились они довольно быстро и к 1974 г. покрыли практически всю территорию освобожденных районов страны[119]. Их члены постепенно вытесняли все неблагонадежные, с точки зрения «красных кхмеров», политические элементы из административных комитетов сроков, кхумов и пхумов. Эти ячейки, непосредственно подчиненные вышестоящим партийным органам, стали фактически «второй и главной властью» на местах, образовав на самом нижнем административном уровне каркас будущей жесткой тоталитарной системы. Несколько низовых ячеек кхума объединялись в отделение партии, называвшееся *сакха пак*. В сакха пак могло входить более 10 человек. Три и более сакха пак образовывали окружной комитет — *кана срок*, состоявший из трех-пяти членов в зависимости от численности сакха пак в округе[120].

Руководитель партийного комитета зоны, района или округа одновременно возглавлял и всю местную администрацию. Его власть, особенно руководителя парткома зоны, была очень велика, однако не абсолютна, поскольку очень большим влиянием там также пользовались командующий вооруженными силами и армейский политкомиссар. Подчинялись они не только и не столько руководителю партийного комитета зоны, сколько своему непосредственному начальству в ЦК Компартии. Такая модель организации власти, когда все нити управления сходились в партийном центре и ни один из руководителей на всех промежуточных звеньях административной цепочки не мог чувствовать свое абсолютное полновластие в административном округе,

оказалась чрезвычайно эффективной. Она позволила Салотх Сару успешно противостоять всем сепаратистским попыткам руководства некоторых зон, стремившихся проводить собственную, независимую от ЦК Компартии политику.

Еще одной особенностью новой административной системы стало то, что в освобожденных районах был введен традиционный для феодальной Камбоджи механизм чиновничьих кормлений, когда административный аппарат данного округа обеспечивал себя путем изъятия продукции (обычно это был рис) в подведомственном районе. С 1970 и до первой половины 1972 г. аппарат получал еще и денежное содержание, и каждому кадровому работнику и офицеру «красных кхмеров» выдавалось примерно 130–135 риелей в месяц[121]. В дальнейшем, из-за разрушения экономической инфраструктуры, это денежное «кормление» было заменено натуральной формой. И хотя официально никто ставки административным работникам не отменял, они от денег отказались сами. Это следует из известного письма Ху Нима, Ху Юна и Кхиеу Самфана, направленного ими в 1972 г. в адрес Сианука, в котором эти руководящие деятели коммунистов подчеркивали: «Наши кадровые работники на всех уровнях работают и воюют, не получая никакого жалованья. Более того, они так преданы родине, что даже не думают о нем»[122].

По всей видимости, перевод кадровых работников аппарата и администрации на натуральное обеспечение был не только вынужденным, но и заранее продуманным шагом. Цель его заключалась в том, чтобы не допустить обращения денег, а значит, и коррупции в среде кадровых работников, приучить их к системе натурального обеспечения, органически входившей в будущую модель «чистой бестоварной экономики».

Административная реформа, создавшая организационный каркас тоталитарной системы, проводилась параллельно с главной реформой — аграрной. Она составляла ядро программы Компартии и должна была заложить фундамент новой экономической модели. Радикальные преобразования, задуманные «красными кхмерами», во многом облегчались тем, что аграрная экономика страны находилась в состоянии развала. И без того слаборазвитая инфраструктура кхмерской деревни подверглась тотальному разрушению, обширные площади пахотных земель, по словам находившегося в это время в Камбодже американского журналиста С. Шенберга, «были испещрены кратерами от бомб величиной с плавательный бассейн»[123]. Социальная структура деревни

пребывала в хаосе, по некоторым сообщениям, «практически все сельские общины в стране оказались уничтожены»[124]. В Камбодже рвались налаженные экономические связи, резко сократилось число стабильных крестьянских хозяйств, стали исчезать целые социальные группы сельского населения.

Внутренний рынок страны более не существовал, а вместе с этим закрылась дверь и к мировому рынку. Сфера денежного обращения в сельской местности резко сократилась. Деньги к началу радикальных реформ реально ходили в лонноловской зоне и в прифронтовых районах. В глубинке, где господствовали коммунисты, деньги оказывались ненужными — здесь практически вся экономика перешла на натуральный бартерный обмен. Общая разруха, охватившая страну, предоставила партийному центру шанс без какого-либо заметного противодействия приступить в освобожденных районах к осуществлению своих давно вынашиваемых планов.

Первые признаки отхода кхмерских коммунистов от политики «быть с народом и жить его жизнью» можно отметить уже в конце 1972 г., когда в некоторых районах Юго-Западной зоны были проведены первые подготовительные мероприятия к предстоящему обобществлению. В районе Компонгтрач, например, в бывшей провинции Кампот индивидуальные рисовые поля были ограничены 5 га, а приусадебные огороды — 1 га. Представители администрации конфисковали весь рис, производившийся на площадях сверх этого лимита, и раздали его крестьянам, чей надел был меньше 5 га, или передали в пользование разного рода «народных» ассоциаций деревни — созданных сверху так называемых общественных объединений, в которых должны были состоять все женщины или вся молодежь данной деревни. Освобожденное руководство этих организаций, так же как и кадровый аппарат «красных кхмеров», было переведено на натуральное «кормление»[125].

Несколько иначе реформа началась в расположенных неподалеку от Пномпеня более плодородных и плотно заселенных районах бывшей провинции Кандал. Земля там была отобрана у всех владельцев, а затем по принципу уравнительности поделена между находившимися в районе крестьянскими семьями, причем надел, предоставляемый каждой семье, не превышал 1 га[126]. В результате тысячи крестьян потеряли принадлежавшие им лично и обрабатывавшиеся на протяжении многих лет земельные наделы и превратились из собственников земли в ее держателей. Так были созданы условия для следующего

шага аграрной реформы — образования производственных крестьянских кооперативов.

Этот шаг был сделан в мае 1973 г., в самый разгар американских бомбардировок, когда ЦК Компартии принял постановление «О коллективизации и обобществлении в кхмерской деревне». В нем вносились важные изменения в аграрную политику: земли «предателей» и крупных землевладельцев, конфискованные ранее и переданные в пользование безземельным крестьянам, теперь отбирались и передавались в коллективную собственность создаваемых производственных кооперативов. Залежные и новоосваиваемые земли также намечалось передать в коллективную собственность земледельцев. Провозглашалось полное запрещение ростовщичества и национализация каучуковых плантаций. Другие пункты постановления, по сведениям Н. Чанды, предусматривали запрещение частной собственности на землю и использование денег, организацию сельскохозяйственных кооперативов, изгнание вьетнамских торговцев и рыбаков из Камбоджи[127].

Таким образом, «рубикон» между двумя принципиально отличными друг от друга типами аграрной политики был перейден. Игры в социальную справедливость, служение крестьянам, в опору на традиционализм закончились. «Красные кхмеры» взяли курс на реализацию собственной политической программы переустройства сельского общества, которая имела мало общего со всеми этими принципами. Уже к концу 1973 г. в стране было образовано 30 тысяч сельскохозяйственных кооперативов[128].

Процесс обобществления крестьянских хозяйств развивался в 1973 г. двумя различными путями. В одних районах создавались кооперативы так называемой «промежуточной формы»: каждая семья продолжала самостоятельно обрабатывать свой участок земли, но урожай собирался совместно всей деревней и складировался в одном месте. Руководитель группы, состоявшей обычно из 12–15 семей, распределял дневную норму риса. Он имел также специальный фонд для приобретения различного инвентаря и медикаментов. Изначально фонд этот был не денежный, а натуральный и необходимые товары не покупались, а обменивались на рис из фонда кооператива[129]. В кооперативах «промежуточной формы», которых особенно много было в Восточной зоне (провинции Прейвенг, Свайриенг), сохранялся семейный труд, сельскохозяйственный инвентарь и тягловый скот еще оставались в частном владении. Цель образования такого рода кооперативов, по мысли главного теоретика политики обобществления Ху Юна,

занимавшего в то время пост министра внутренних дел и по делам кооперативов в так называемом «королевском правительстве Камбоджи», состояла в том, чтобы подготовить почву для дальнейшей коллективизации в местах устойчивого земледелия. При этом планировалось, что кооперативы «промежуточной формы», как некая «школа коммунизма» для кхмерских крестьян, будут существовать неопределенно долго. Следующий шаг в коллективизации Ху Юн собирался сделать только после того, как будут подготовлены необходимые материальные условия и крестьяне сами почувствуют в этом потребность. Он был убежден, что кооперативы должны были строиться на свободной и демократической основе[130].

Второй тип обобществления, как предполагалось, судя по (уже упоминавшейся) книге Ху Юна «Паньха сахако», должен был иметь менее широкое распространение, чем первый вариант, и практиковаться лишь там, где осваивались новые земли[131]. В этом случае производственные кооперативы создавались путем передачи пахотных земель группе семей. И посадка, и выращивание, и сбор риса совершались совместно. Сельскохозяйственные орудия и тягловый скот подлежали обобществлению. Так же как и при первом варианте, весь полученный рис свозился в одно место на общественные склады и назначенный местным руководством начальник группы распределял среди крестьян дневную норму риса[132].

Именно этот более радикальный вариант коллективизации, когда сразу же без промежуточных этапов образовывались кооперативы с общим имуществом, оказался в стране доминирующим. Объединения крестьян, которые Ху Юн называл «кооперативами высшей формы обобществления»[133], быстро распространились не только на осваиваемых землях, но и в традиционных рисоводческих провинциях, особенно широко на Юго-Западе (Такео, Кампот) и Северо-Западе (Сиемреап). Этому способствовала и практика крупных перемещений населения, к которой здесь уже с июля 1973 г. широко прибегало руководство «красных кхмеров».

По информации Б. Кьернана, «наиболее интенсивная программа переселения крестьян на новые земли проводилась в бывших провинциях Кампот и Такео, а также в Кандале. Вначале снимались с родных мест лишь отдельные семьи, но с середины и по декабрь 1973 г. крестьян начали переселять целыми деревнями»[134].

Смысл подобного переселения состоял в том, что крестьян из обжитых, но сильно разрушенных и подвергавшихся интенсивным

бомбардировкам мест направляли на освоение новых земель в джунглях. Такой проект, несомненно, не был лишен логичности, учитывая, что новоосвоенные земли в джунглях в течение двух-трех первых лет могли дать урожай существенно более высокий, чем старые земли, истощенные и испорченные в результате военных действий. Переселяя людей в новые районы, «красные кхмеры» преследовали и чисто политические цели. В процессе переселения окончательно разрушались традиционные отношения внутри деревенского социума, крестьян сильно перемешивали, старались сделать так, чтобы люди из одних и тех же деревень оказались в разных кооперативах. Вырванных из традиционных сфер обитания людей было легче заставить принять без особого сопротивления новые, коллективистские формы жизни. К тому же переселенцам категорически запрещали брать с собой больше установленной нормы личных вещей, и, таким образом, зажиточные крестьяне лишались части своего имущества.

Радикальные меры, касающиеся переселения крестьян, проводились одновременно с первыми, открытыми репрессиями против буддийских монахов. Им запретили возводить пагоды на новых местах обитания, а главное, заставили обрабатывать землю наравне с крестьянами, рыть каналы, ухаживать за животными и выращивать овощи[135]. Более того, местные партийные функционеры стали называть их не иначе как «никому не нужными паразитическими членами общества, представителями класса эксплуататоров, которым в новом обществе нет места»[136]. Ликвидируя монашество как неотъемлемый и традиционный атрибут кхмерской духовной жизни, партийный центр не только избавлялся от конкурентов на идеологическом поле, но и показывал свою силу и способность к подавлению любого сопротивления. Салотх Сар был так уверен в себе, что начал осуществление насильственных радикальных реформ еще до взятия Пномпеня и ликвидации власти Лон Нола.

Действия партийного центра оказали самое негативное воздействие на отношение к коммунистам сельского населения. Тысячи крестьян при первой возможности предпочитали покидать зоны коммунистического контроля и переходить туда, где еще оставались лонноловские части. По свидетельству Д. Кирка, «в конце 1973 и в начале 1974 г. беженцы, которые из внутренних районов Камбоджи прибывали во Вьетнам или к Кампонгчаму (где находились отдельные изолированные зоны, которые еще контролировались правительством в Пномпене. — *Д. М.*), рассказывали о жестокостях властей

и происходивших частых убийствах. В 1974 г. почти 350 тысяч человек бежало из районов, занятых «красными кхмерами»[137]. В это же время сотни семей из районов, предназначенных для переселения, предпочли покинуть Камбоджу и обосновались в Южном Вьетнаме. За это «кадровые работники низшего административного уровня», которые допустили их бегство и «еще не вполне прониклись революционной идеологией», были репрессированы[138]. Особенно большой размах репрессии приняли на территории бывшей провинции Кампот (Юго-Западная зона), где были взяты под стражу практически все кадровые работники деревенского уровня. Их считали «либо провьетнамски настроенными, либо неспособными осуществить переселенческую программу»[139]. На самом деле причина этих арестов была, скорее всего, иная: командующий войсками этой зоны Та Мок, ставший самым влиятельным человеком в Юго-Западной зоне, убирал кадры, назначенные предыдущим руководством, и расчищал дорогу для своих ставленников.

Нельзя не сказать здесь и о том, что резкое сужение социальной базы и поддержки «красных кхмеров» в кхмерском сельском обществе предоставляло лонноловскому режиму шанс на выживание. Будь во главе режима человек иного склада, чем Лон Нол, он наверняка смог бы воспользоваться опрометчивостью коммунистов, раскрывших свои карты еще до окончания гражданской войны. Однако пномпеньский режим не предпринял ни с военной, ни с пропагандистской точки зрения ничего, что могло бы поколебать власть коммунистов. Режим настолько разложился, что офицеры, даже понимая, что их ожидает в случае победы «красных кхмеров», продолжали продавать им оружие и боеприпасы, продолжали торговать «мертвыми душами», предоставляя заведомо ложные данные о численности своих частей, чтобы получить дополнительные доллары из тех, что США выделяли на содержание солдат пномпеньской армии[140].

Отсутствие какого-либо ощутимого сопротивления крестьян радикальным преобразованиям в аграрной сфере подвигло партийный центр к продолжению и ускорению этой политики. Салотх Сара уже не устраивала ситуация, сложившаяся в 1973 г., когда на контролируемой коммунистами территории Камбоджи были образованы кооперативы двух типов, различавшиеся между собой уровнем обобществления. В самом начале 1974 г. это различие было ликвидировано и процесс обобществления в деревне перешел на новую ступень: уже созданные кооперативы были укрупнены и в освобожденных районах

появились новые кооперативы с общим имуществом, в полном соответствии с программой Ху Юна. Небольшие «группы солидарности за увеличение продукции», насчитывавшие от 10 до 15 семей, уступили место коммунам, которые стали объединять жителей нескольких деревень, включали в себя все население определенного района вместе с монахами, женщинами и детьми[141]. Различие между двумя типами объединения крестьян также было ликвидировано путем дальнейшего обобществления имущества в кооперативах «промежуточной формы». В новых, укрупненных «группах солидарности» обобществлялось все, начиная от земли, сельскохозяйственного инвентаря и вплоть до тягловых животных и домашнего скота. Распределение риса зависело здесь только от количества труда, выполненного за день, без учета материального вклада каждого крестьянина в кооператив. В беседе с американскими исследователями Дж. Гильденбрандом и Г. Портером представитель «красных кхмеров» пояснил им, что в этих кооперативах «хотя крестьяне и обрабатывают маленькие участки земли, выращивая фрукты и овощи, частная собственность на землю уже не существует»[142].

4. Внутрипартийная борьба на завершающем этапе гражданской войны

Аграрные преобразования 1973–1974 гг., ставшие важным этапом в строительстве «чистой» бестоварной экономики, сопровождались резким обострением внутренней борьбы на всех этажах партийной власти. Вели ее, вероятно, две основные группировки, которые сформировались к завершающему этапу гражданской войны: с одной стороны — так называемые умеренные (Ху Юн), мыслившие в целом в духе советско-вьетнамской социально-политической доктрины, выступавшие за постепенность и умеренность в экономических реформах, сохранение рынка и денежного обращения, хоть какой-то материальной заинтересованности крестьян в результатах своего труда; с другой — радикалы (Салотх Сар, Нуон Чеа), стремившиеся к быстрейшему и полному переустройству самих основ камбоджийской жизни, немедленному переходу к коллективному труду и уравнительному распределению, отмене денег, ликвидации городов и городского населения и началу бестоварного хозяйствования.

Первая схватка по всем этим вопросам произошла, как известно, еще в июле 1971 г., когда некоторые члены партийного руководства, близкие к «брату номер один», попытались предложить немедленно начать претворять в жизнь курс на радикальные преобразования кхмерского сельского общества. Тогда это предложение не получило поддержки — Салотх Сар и Нуон Чеа, занятые отражением наступлений лонноловских и южновьетнамских войск, решением сложных проблем сотрудничества с вьетнамскими коммунистами, решили не торопиться с аграрными преобразованиями. Позже они даже взяли на вооружение кооперативную программу Ху Юна, хотя он был одним из тех, кто в 1971 г. активно возражал Салотх Сару, который в какой-то момент был готов поддержать радикалов[143].

Проведение аграрных реформ в стране на рубеже 1972–1973 гг. можно рассматривать как результат нового компромисса, достигнутого в руководстве Компартии. Аграрной программе Ху Юна был дан «зеленый свет», а сам он вошел в высшие партийные структуры. По некоторым данным, он стал членом ЦК, ответственным за аграрную политику и пятым после Салотх Сара, Нуон Чеа, Иенг Сари и Со Пхима человеком во властной иерархии коммунистов[144]. Но резкое ускорение аграрных преобразований в 1974 г. стало свидетельством того, что расстановка политических сил в верхах Компартии вновь изменилась и радикальные элементы, получив, вероятно, поддержку Салотх Сара, обрели преобладающее влияние в этой сфере.

Особенно ярко характер этой борьбы виден на примере трагических событий, происходивших в 1974–1975 гг. в бывшей провинции Кохконг, вошедшей в Юго-Западную зону. Там еще в 1973 г. сохранялось определенное равновесие сил между «умеренными» и радикалами, которые подчинялись Та Моку. В районе Кампонг Сейла, где властвовали радикалы, жизнь, по свидетельству очевидцев, была очень тяжела. Люди там не имели ни своей земли, ни инвентаря, ни тягловых животных, работали совместно на полях под страхом наказания. Им запрещалось покупать, продавать или даже обмениваться продуктами своего труда, а чтобы куда-либо поехать, они должны были получать разрешение местной администрации[145].

По соседству с этим районом находился другой — Тхмар Сар, где власть была в руках «умеренных». Их возглавлял воевавший с 1968 г. еще против Сианука революционер Та Прачха (дословно: дедушка Прачха. — *Д. М.*), который ранее сотрудничал со стоявшими в этом районе северовьетнамскими войсками. В Тхмар Сар люди оставались,

по словам очевидцев, «хозяевами» своей судьбы, их не принуждали к работе, здесь действовали рынки, где люди покупали необходимые им вещи. Хотя крестьяне и должны были отдавать часть своей продукции (обычно продовольственной) «красным кхмерам», те никогда не принуждали их к этому и не прибегали к конфискации. Они сами обрабатывали свою собственную землю и даже помогали людям на полях[146].

В 1974 г. ситуация изменилась и равновесие было нарушено. Та Мок, заметно укрепивший свои позиции в руководстве этой зоны, направил вооруженные отряды из Кампонг Сейла в Тхмар Сар, как только бойцы вьетнамской армии покинули этот район. Когда войска радикальной группировки заняли всю территорию Тхмар Сара, они арестовали и уничтожили руководителей и всю администрацию этого района. Очевидцы рассказывали, что после этого переворота «все крестьяне в деревне должны были работать совместно». Немедленно начался и призыв в армию всех подростков в возрасте 16 лет и старше. Тех, кто отказывался вступать в армию, расстреливали[147]. Большая часть имущества и все продовольствие у людей были конфискованы, жизнь становилась все трудней, а всех, кто проявлял недовольство, радикалы стали расстреливать. Когда в 1975 г. были коллективизированы топоры, различный сельскохозяйственный инвентарь и личное имущество, вплоть до кружек и мисок, процесс обобществления в Тхмар Сар успешно завершился[148].

Кроме самой большой и самой сильной в военном отношении Юго-Западной зоны[149], борьба умеренных и радикальных коммунистов велась и в других камбоджийских регионах. В Восточной зоне, например, перевес оказался на стороне умеренных, которых, видимо, поддерживал глава этой зоны ветеран еще Кхмер Иссарака и один из наиболее влиятельных региональных лидеров — Со Пхим. Там долгое время крайне радикальные аграрные эксперименты не проводились. Глава Восточной зоны был довольно противоречивой личностью. Несмотря на известные связи Со Пхима с представителями руководства ПТВ, причислить его к разряду провьетнамски настроенных деятелей никак нельзя. Он хотя и поддерживал с вьетнамцами самые теплые отношения, несомненно, оставался кхмерским националистом и в этом отношении поддерживал Салотх Сара. В отличие от другого ветерана революционного движения Та Мока, который во всем следовал за Салотх Саром и получил мрачную известность своим радикализмом и жестокостями в Юго-Западной зоне[150], Со Пхим

больше ориентировался на вьетнамский опыт, особенно во внутренней политике. В связи с этим он не поддерживал попытки распространить в провинциях Восточной зоны радикальный вариант аграрной реформы. Опираясь на его позицию, партийное руководство в бывшей провинции Кампонгчам, ставшей частью Восточной зоны, отказалось выполнять решения о широком обобществлении в деревне, выступив за сохранение традиционного типа крестьянского хозяйства и лишь за запрещение торгового посредничества[151].

В противовес этому, в Северо-Западной зоне первые сообщения о репрессиях в отношении крестьян, которые пытались сопротивляться или просто выражать недовольство политикой насильственной коллективизации, датируются началом 1974 г. Такие же сообщения с середины 1974 г. стали приходить и из многих районов Северной зоны, из уездов Краланг (западный Сиемреап) и Барай (Кампонгтхом) и даже из некоторых мест отдаленной и малонаселенной Северо-Восточной зоны[152]. Все это свидетельствовало о том, что там власть оказалась в руках радикалов и в жизнь претворялась их программа переустройства аграрных отношений и кхмерского сельского общества.

В 1975 г. вопрос о дальнейшем углублении аграрной реформы в сторону тотального обобществления и такого же тотального контроля за трудом и даже жизнью крестьян вновь встал на повестку дня. «Умеренные» коммунисты, одним из бесспорных лидеров которых в высшем руководстве оставался Ху Юн, пытались остановить развивавшуюся по нарастающей аграрную реформу, не имели намерения идти дальше, к тотальному обобществлению в кооперативах. Они противились также отказу от денежного обращения и заработной платы, переходу к прямому товарообмену. В своих известных признаниях арестованный в 1977 г. Ху Ним показал: Ху Юн был тем, кто открыто оппонировал партии до и после освобождения. Он не уважал партию и не слушал никого... После переворота 1970 г. он считал, что необходимо обратиться за помощью к Вьетнаму ...на партийной конференции в 1970 г. он ругал братьев, говоря, что они используют его имя как прикрытие, превращая его в марионеточного министра. Он был сторонником того, чтобы во время войны партия вступила в контакт с Советским Союзом... «Он не соглашался с партией ни по какой проблеме. После освобождения, когда партия запретила деньги и зарплату, когда она эвакуировала людей из городов, он снова занял позицию противоположную партийной линии»[153].

Думается, что приведенный выше отрывок, посвященный Ху Юну, вполне соответствует действительности, — в той мере, в какой можно доверять признаниям, сделанным под пытками в тюрьме. Дело в том, что к 1977 г. Ху Юна уже давно не было в живых и Ху Ниму не имело никакого смысла зачислять его в команду шпионов, пытавшихся создать параллельные Компартии организационные структуры, как это он сделал в отношении многих еще живых и действующих членов партии. Ясно, что Ху Юн был личным врагом и соперником Салотх Сара, поскольку под общим понятием «партия», против которой он постоянно выступал, подразумевается «брат номер один» и окружавший его партийный центр. Невыясненный вопрос до сих пор состоит в том, почему в разгар его действительно принципиальной борьбы с Салотх Саром никто из тех, кого причисляют обычно к умеренным, его не поддержал. Ведь очевидно, что те взгляды, которые выражал Ху Юн, разделяли очень многие члены партийного руководства. В своих «воспоминаниях» Ху Ним пишет, что в 1974 г. глава Восточной зоны Со Пхим в разговоре с ним заявил, что необходимо «усилить борьбу с Постоянным комитетом Компартии, захватить власть в стране и править Камбоджей в точности так, как это происходило в Северном Вьетнаме и СССР»[154].

Отсутствие единства и взаимоподдержки среди, так сказать, «умеренных» можно объяснить тем, что этих деятелей разделяли личные амбиции, они подчас просто не доверяли друг другу, опасались разветвленной сети тайного шпионажа, когда люди из органов *сантесок* (безопасности), подчинявшихся лично Салотх Сару, следили за каждым их шагом. Их сплоченности мешала и очевидная закрытость партии, отсутствие доступа к информации о кадровых назначениях и передвижениях, когда даже высокопоставленные «товарищи» не знали, где находятся и как используются их друзья[155]. Все нити управления сходились к Салотх Сару и он, как опытный кукловод, управлял своими подчиненными.

Единственное, чего партийный центр мог опасаться, так это реальных действий вьетнамских коммунистов в поддержку всех его политических оппонентов. ПТВ была в состоянии предоставить им и организационные, и финансовые, и иные виды помощи и ультимативно потребовать от Салотх Сара уступок силам оппозиции. Но архивные документы свидетельствуют о том, что, к несчастью для Ху Юна, после охлаждения отношений кхмерских и вьетнамских коммунистов, проис-

шедшего в 1973 г., в 1974 г. их связи восстановились до уровня очень тесного сотрудничества.

В этот год Салотх Сар, казалось, забыл, что сам обвинял вьетнамцев в «предательстве интересов кхмерского народа», и вновь заговорил о боевой дружбе и солидарности освободительных сил Вьетнама и Камбоджи[156]. Фактически он вынужден был признать, что в свое время поторопился со своими обвинениями, потому что в начале 1974 г. стало очевидно, что из-за больших потерь в военной кампании 1973 г. «красным кхмерам» без весомой военно-технической помощи извне Пномпень не взять. Военная кампания 1974 г. закончилась в апреле, и Пномпень снова устоял перед атаками войск НОАК.

В поисках средств и вооружений для восстановления мощи армии и подготовки нового штурма кхмерской столицы Салотх Сар сначала обратился не в Ханой, а в Пекин, полагая, видимо, что там достойно оценят его жест. Однако Китай после встречи Мао с президентом США Р. Никсоном в феврале 1972 г. и достигнутых в Шанхае договоренностей не желал обострения ситуации в Индокитае, — это могло бы помешать восстанавливать отношения с США. Кроме того, в Пекине рассчитывали на определенные перемены в расстановке сил во вьетнамском руководстве и в политике в пользу углубления сотрудничества Вьетнама с Китаем и ослабления растущего там влияния СССР, поэтому не хотели осложнять свои отношения с Ханоем, действуя через его голову. Поэтому в руководстве КНР оказались глухи к призывам Салотх Сара о помощи. В 1978 г. заместитель министра иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тхать рассказывал в беседе с немецкими коммунистами: «В 1974 году камбоджийцы попросили помощь для взятия Пномпеня. Но китайцы ее не дали, и после этого они обратились к Вьетнаму»[157].

Получившему неожиданный отказ в Пекине Салотх Сару не оставалось ничего иного, как вновь повернуться в сторону Ханоя. Он решил разблокировать закрытый в 1973 г. северовьетнамский канал поставки вооружений[158]. При этом опять, как и в 1970 г., с призывом оказать помощь в Ханой обратился не сам Салотх Сар, а его заместитель по партии Нуон Чеа[159]. Это был вынужденный шаг «красных кхмеров», понимавших, что без широкой вьетнамской и китайской поддержки особых военных успехов от НОАК ожидать не приходится. Это доказали боевые действия в кампании 1974 г., когда отдельные части лонноловской армии, особенно те, в которых было много выходцев из

районов, охваченных аграрной реформой, стали сражаться лучше, чем в 1973 г.[160]

О новом сближении двух партий в конце 1974 г. свидетельствуют и сообщения советских дипломатов во Вьетнаме, которые в это время все более пристально следили за развитием событий в Камбодже. В политическом отчете посольства СССР в ДРВ за 1974 год указывалось, что «если в начале года в беседах с советскими дипломатами вьетнамские друзья отмечали наличие больших трудностей в работе с камбоджийскими коммунистами, то в конце года стали говорить об улучшении отношений»[161].

Так, в конце 1974 г. вьетнамские коммунисты вновь оказались ключевыми игроками в камбоджийском конфликте. В этой ситуации удивляет другое: почему вьетнамское руководство, которое было вполне информировано об особой позиции лидера «красных кхмеров» относительно отношений с Ханоем, ничего не предприняло, чтобы изменить в свою пользу расстановку сил в верхушке Компартии? Это был, пожалуй, последний шанс если не сместить «брата номер один», то по крайней мере укрепить властные позиции тех, кто выступал за сохранение кхмерско-вьетнамских отношений. Одно из возможных объяснений этого состоит в том, что свою роль сыграл здесь второй человек в Компартии — Нуон Чеа. Это была личность, которой в Ханое абсолютно доверяли и, видимо, считали «своим человеком» в руководстве Компартии. По крайней мере, вождь вьетнамских коммунистов Ле Зуан в беседе с советским послом называл его политиком «провьетнамской ориентации». Дословно же Ле Зуан сказал, что Нуон Чеа «говоря прямо — наш человек и мой персональный личный друг»[162].

Ле Зуан, по всей видимости, доверял своему личному другу и ориентировался на его информацию о положении в партии. Нуон Чеа же в то время уже самым тесным образом сотрудничал с Салотх Саром, с которым его связывали годы совместной борьбы и очевидное взаимное доверие. Что касается Ху Юна, то для Нуон Чеа он был и по происхождению, и по образованию, и по своей ментальности совершенно иным человеком. Нуон Чеа его знал много хуже и вполне справедливо опасался, что в случае его возвышения может лишиться своего высокого поста. Поэтому, на чьей стороне из этих двух деятелей были симпатии Нуон Чеа, представляется очевидным, и вьетнамский руководитель получал такую информацию, которая была предпочтительна для Салотх Сара и невыгодна для Ху Юна.

Другая версия заключается в том, что в 1974-м, так же как и в 1970 г., вьетнамцы крайне нуждались в спокойствии и безопасности на своих транспортных коммуникациях и базах, расположенных на «тропе Хо Ши Мина». В это время по ним перебрасывались войска, большое количество боеприпасов и топлива для подготовки решающего наступления на Сайгон, запланированного на начало 1975 г. Вьетнамцы поэтому не желали каких-то важных изменений в структуре и руководстве кхмерской Компартии, рассчитывая, что сумеют повлиять на расклад сил в камбоджийском руководстве в дальнейшем.

Осенью 1974 г. произошло, правда, одно событие, говорившее о том, что некоторые усилия, направленные на продвижение Ху Юна к верхней ступени власти, все-таки предпринимались. Ему доверили прочитать главный доклад на торжествах по случаю 23-й годовщины основания Компартии, которая праздновалась 30 сентября 1974 г. в местечке Амлеанг в провинции Кандал. Подобные доклады обычно всегда делал сам Салотх Сар. Теперь же он вынужден был присутствовать на торжествах и внимать иной, чем его, версии истории партии. Ху Юн назвал предшественниками Компартии Демократическую партию и движение Кхмер Иссарак[163]. Тем самым он четко связал историю Компартии с Вьетнамом и вьетнамскими коммунистами. Салотх Сар, как известно, всегда это отрицал.

Однако этот выход Ху Юна к вершине партийного руководства оказался случайным и к реальному возвышению его в партийной иерархии не привел, скорее, наоборот, лишь ускорил его падение и гибель. В Ханое предпочли не заметить антивьетнамской риторики и действий «брата номер один», которую тот демонстрировал в 1973 г., и предоставили военную помощь «красным кхмерам» безо всяких условий.

В решающий момент борьбы Ху Юн, противопоставив себя Салотх Сару и его окружению, оказался в изоляции, руководство Компартии обвинило его в ревизионизме, в том, что его революционные концепции были «недостаточно жесткими, скорее уступчивыми и либеральными»[164]. Несомненно, что Салотх Сар и его сторонники считали аграрную программу Ху Юна и проводимую на ее основе политику половинчатой, не доводящей, с их точки зрения, до логического конца процесс обобществления в деревне и образование «чистой» бестоварной модели. Противоречия усилились после того, как стали очевидны претензии Ху Юна на власть, на особое мнение по ключевым вопросам партийной политики. В начале 1975 г. он, занимавший еще все свои высокие посты, дал указание печатать новые камбоджийские деньги,

так называемые «риели освобождения», которые должны были иметь хождение в освобожденных районах, а позже, после победы в гражданской войне, — и по всей стране[165].

Радикалы расценили появление национальной валюты как выпад против проводимой ими политики, и Салотх Сар дал указание об аресте Ху Юна. Произошел ли этот арест до или после взятия «красными кхмерами» Пномпеня, сказать трудно. Бен Кьернан указывает, например, что его взяли под стражу в августе 1975 г.[166] Но если это действительно было так, то до сих пор неясно, продолжал ли он занимать к этому времени все свои высокие партийные посты или уже был в опале. Чан Вен говорил мне, «что Ху Юн не несет никакой ответственности за то, что произошло в стране после апреля 1975 г.[167] Словам Чан Вена, правда, можно доверять лишь отчасти, ибо в начале 80-х годов Ху Юн и его идеи были довольно популярны среди партийной верхушки, воссозданной после вьетнамского вторжения в Камбоджу НРПК. В нем пытались видеть «здоровое ядро в партии», политика, лояльного и к Вьетнаму и к СССР, и всячески отделяли от ответственности за действия «красных кхмеров»[168]. В любом случае не вызывает сомнения тот факт, что арест и убийство Ху Юна произошли тайно и партийный центр никак это не афишировал. Риели, выпущенные в 1975 г., так никогда и не были в хождении. Салотх Сар же праздновал победу, потому что при поддержке вьетнамцев наступление на столицу Камбоджи закончилось ее взятием 17 апреля 1975 г. Под его руководством «красные кхмеры» одержали верх в гражданской войне и стали, таким образом, хозяевами всей страны.

ГЛАВА IX

«КРАСНЫЕ КХМЕРЫ» У ВЛАСТИ (1975–1979 гг.)

1. Демократическая Кампучия: политическое оформление режима и борьба за власть (1975–1976 гг.)

Безоговорочная и полная капитуляция лонноловской армии и вступление войск «красных кхмеров» в Пномпень и другие кхмерские города обозначили момент окончания многолетней гражданской войны, в ходе которой Камбоджа была обращена в руины. Салотх Сар и его соратники одержали победу и взяли под свой контроль всю страну. Теперь перед ними открылась возможность реализовать свои самые смелые планы ее переустройства. Дезинтеграция всего кхмерского общества и послевоенная разруха в данном случае только облегчали проведение в жизнь самых сумасбродных и полуфантастических замыслов.

Дело в том, что после восьми лет гражданской войны и ковровых бомбардировок американской авиации в Камбодже сложилась уникальная ситуация, когда в стране не осталось ни одной устойчивой социальной группы, никаких организованных сил, способных хоть как-то влиять на политику победителей. Зажиточных крестьян и середняков, составлявших раньше многочисленные социальные группы, уже не было вообще. Они либо бежали в город, прекратив всякую хозяйственную деятельность, либо, потеряв свое имущество, лишившись всех прав на земельный надел, превратились в рядовых членов «групп солидарности за увеличение продукции», которые, как уже говорилось, с мая 1973 г. активно насаждались на территории освобожденных районов.

Традиционно влиятельные торговцы и ростовщики также утратили немалую часть собственности и имущества. Зона их деятельности постоянно сужалась, так что к концу войны представители этих социальных групп либо покинули страну, либо переместились в города, остававшиеся под контролем режима Лон Нола. Средние городские

слои, а также городская интеллигенция оказались в стане врагов революции и их жизнь и судьба зависели от воли победителей.

Традиционный правящий слой страны, высшие страты чиновничества и офицерства, собственно и составлявшие верхушку лонноловского режима, потерпели сокрушительное военное поражение. Они либо бежали из Камбоджи, либо сдавались в плен и безжалостно преследовались победителями. Известно, что практически все оставшиеся в стране когда-то влиятельные политики — представители руководства пномпеньского режима были расстреляны в первые дни после «освобождения».

Многолетняя жестокая война, как мы видим, сильно изменила социальную структуру кхмерского общества, — были разорваны устойчивые связи и отношения, возник социальный хаос, в людях появилось невиданное прежде взаимное ожесточение. Общество было раздроблено и превратилось в некое подобие аморфного вещества, способного принять любую форму, какую выберет «брат номер один». А у него, ставшего новым хозяином страны, были большие планы радикального переустройства Камбоджи.

При анализе действий Салотх Сара и его сторонников в первые недели после взятия Пномпеня возникает впечатление, что они пребывали в состоянии одновременно и неуверенности и эйфории: с одной стороны, они страшно опасались происков врагов и в любой момент ожидали провокаций, а с другой — старались убедить себя и свою аудиторию в величии победы, делали заявления о ее всемирном значении, о том, что это они благодаря своему умению, «жертвенности и силе сокрушили самую крупную и самую губительную империалистическую державу»[1].

Известно, что Салотх Сар находился за городом и оттуда руководил операцией изгнания из Пномпеня миллионов людей. Он прибыл в столицу только 23 апреля 1975 г.[2] Вероятно, действуя так, он в самом деле боялся, что в многомиллионном городе возникнут беспорядки, могут быть заложены мины, оставаться диверсанты, или город подвергнется американской бомбежке. Только после очищения Пномпеня от жителей, когда последние колонны несчастных горожан под дулами автоматов покидали его улицы, он въехал в поверженную столицу. Сделано это было тайно, — мало кто знал, что Салотх Сар расположил свой штаб неподалеку от железнодорожного вокзала и окружил его по периметру двойным кольцом обороны, из наиболее надежных и преданных ему подразделений[3], которые состояли в основном из горцев,

привлеченных им в ряды «красных кхмеров» во время своего пребывания в Ратанакири в 1968–1970 гг.

Решение о том, чтобы расположить свою первую ставку в поверженном городе близ железнодорожного вокзала, имело явно символическое значение: шаг, демонстрирующий огромный путь, пройденный им после подпольного партийного съезда 1960 г., состоявшегося примерно на том же месте. Однако надолго оставаться там он не захотел, по свидетельству очевидцев, «в страхе перед покушением Салотх Сар без предупреждений менял место своего расположения в Пномпене каждые два-три дня»[4]. Он не доверял «новым людям» (так стали называть жителей городов, освобожденных после 17 апреля 1975 г.), иностранцам, все более не доверял и своим ближайшим соратникам и друзьям, опасался военных провокаций со стороны объединяющегося Вьетнама, где в это время коммунистов отделял лишь шаг от окончательной победы. Он опасался Таиланда и американского империализма, который, по его убеждению, был повержен именно кхмерскими революционерами. В силу всех этих обстоятельств, он, несмотря на одержанную победу, по-прежнему оставался в тени, а весь партийный аппарат — действовал в условиях строгой конспирации. Салотх Сар и другие партийные руководители продолжали работать инкогнито, сложная система маскировки скрывала истинное распределение ролей в руководстве, сохранялись все подпольные клички и имена, проводились тайные заседания и принимались обезличенные документы за подписью «Партийный центр» или «Центр 870».

То, что Салотх Сар находился в то время в состоянии полной неуверенности, иллюстрирует инцидент с американским судном «Майагез», захваченным в территориальных водах Камбоджи в начале мая 1975 г. Сначала представители кхмерского руководства категорически отказались отпустить захваченных американских моряков, всячески демонстрируя уверенность в своих силах. Но после того как американцы прибегли к силовому нажиму, разбомбив камбоджийские катера, окружившие «Майагез», и заодно порт Кампонгсаом, — Партийный центр безо всяких условий приказал вернуть всех задержанных моряков[5].

В то же время победа 17 апреля утвердила Салотх Сара в мысли о том, что успех его основан на выработанной им «правильной революционной линии»[6]. Под этими словами он подразумевал курс на отказ от всяких компромиссов с врагами, ставку на безжалостность, на абсолютную власть, обеспечивающую существование тоталитарной

системы и бестоварной экономики. Хун Сен, который позже станет главным действующим лицом постполпотовской Камбоджи, а тогда был командиром одного из региональных подразделений армии «красных кхмеров», отмечал, что Салотх Сар «под социализмом понимал только уничтожение любых отношений обмена, частной собственности и введение собственности коллективной»[7].

Именно к решению этих ключевых вопросов Пол Пот решил приступить сразу же после победы. Первым шагом в этом стало «очищение городов» и выселение всех их жителей в сельскую местность. Замысел этого мероприятия обсуждался «красными кхмерами» задолго до апреля 1975 г. (как уже говорилось, такой вопрос стоял в повестке дня на заседании ЦК ККП летом 1971 г., но он тогда не получил одобрения). В феврале 1975 г. на закрытом заседании второго национального конгресса НЕФК[8] он был рассмотрен вновь и на сей раз одобрен. Более того, за исключением протестов терявшего власть Ху Юна, решение о выселении людей из Пномпеня практически не вызвало никакой оппозиции среди руководства «красных кхмеров»[9] — возможно, потому, что, по заверению Салотх Сара, эта акция рассматривалась как временная и вынужденная мера, поскольку после освобождения города американцы якобы не преминут его полностью разбомбить и могут быть огромные жертвы[10].

Кроме того, Салотх Сар при обсуждении плана выселения людей из Пномпеня оперировал несколькими вполне понятными и разделяемыми большинством ЦК Компартии доводами. Он утверждал: «Эвакуация городов — это один из важнейших факторов в сохранении плодов нашей победы. … Необходимо нейтрализовать имеющуюся в городе политическую и военную оппозицию. Если мы оставим людей в городе, то, несмотря на нашу победу, враги быстро поднимут голову и будут действовать против нас. В случае выселения их в сельскую местность, во вновь организованных кооперативах они попадут под наш контроль и инициатива окажется в наших руках»[11].

Другой довод его сторонников состоял в том, что победившие «красные кхмеры» просто не в состоянии прокормить такое количество людей, которое жило в Пномпене. Поэтому тезис о том, что «необходимо каждого заставить продуктивно работать», а для этого нужно переместить людей из города в деревню, в той ситуации выглядел вполне убедительным. К тому же, если учесть антигородской синдром, присущий практически всему коммунистическому руководству Камбоджи, уверенность его в том, что Пномпень ничего полезного не

производит, а лишь выкачивает из всей страны жизненные соки для содержания непродуктивной верхушки, то становится очевидным, что долго уговаривать «умеренных» членов ЦК не пришлось.

При внимательном анализе доводов, которые выдвигали Салотх Сар и радикалы, не оставляет ощущение, что главная фундаментальная причина ликвидации городов и выселения горожан в деревню названа на этом Конгрессе так и не была. Но несомненно, что о ней было известно тем, кто определял судьбу камбоджийских городов. Дело в том, что бестоварная модель, построить которую хотели «красные кхмеры», не оставляла «городам-рынкам» никакого места в будущей Камбодже. Города и горожане не вписывались в конструируемые по этой модели социально-политические структуры, и поэтому они должны были исчезнуть. Они и исчезали. В этой связи демонстративный поджог ряда пномпеньских рынков, сжигание денег, подрыв и последующее разрушение здания Национального банка Камбоджи могут восприниматься лишь как некое ритуальное действие. «Красные кхмеры» как бы стремились показать решимость уничтожить до конца все символы старой системы, продемонстрировать полный разрыв новой Камбоджи с прошлым.

25–27 апреля 1975 г. в опустевшем Пномпене был проведен Чрезвычайный Национальный конгресс, который как бы официально закреплял и узаконивал победу коммунистов. На нем было объявлено, что они собираются построить в Камбодже «национальное сообщество согласия, которое будет основано на равенстве и демократии, отсутствии эксплуататоров и эксплуатируемых, богатых и бедных, где все будут трудиться»[12]. Кроме этой расплывчатой формулировки, весьма далекой от их реальных планов, ничего более конкретного о будущем устройстве страны сказано не было. Да в этом и не было особой необходимости, поскольку это будущее обсуждалось не на Национальном конгрессе, а на расширенном совещании партийного актива, в котором принимали участие «партийные секретари всех зон и районов страны, а также представители от частей вооруженных сил»[13].

К этому заседанию Салотх Сар пришел как неоспоримый лидер победившей партии. Он мог с полным правом сказать, что практически все принятые им ключевые решения, носившие бескомпромиссный характер — переход к вооруженной борьбе с Сианук в 1967 г. и отказ от создания совместного с вьетнамцами командования освободительными силами в 1970 г., его неуступчивость в отношении мирных договоренностей с Лон Нолом в 1973 г. и приказ о решающем наступлении

на Пномпень в 1975 г., — были правильными и обеспечили конечный успех. Под его руководством удалось сформировать боеспособную партию и армию, объединить беднейших крестьян, привлечь их на сторону коммунистов, организовать собственную административную структуру, заложить основы новой экономической модели ... Именно после 17 апреля 1975 г. Салотх Сар превратился, по словам Д. Пайка, в «харизматического лидера кровавой, но успешной крестьянской революции, которая получила реальную народную поддержку»[14]. «Брат номер один» превратился теперь для тысяч молодых крестьян, победивших в этой войне под его руководством, в нового преах аы (верховного повелителя, наделенного божественной силой. — *Д. М.*), харизматического лидера, от которого исходит энергия успеха.

Совершенно по-иному относилась к нему верхушка партии, в которой ветераны, люди, давно работавшие с ним, прекрасно знали его слабости и колебания. Для них он оставался все тем же Салотх Саром, но никак не всезнающим властелином неизменно победоносной организации. Эти люди хотя и воздавали ему хвалу, как правило, были неспособны ни убедить его в своей преданности, ни проникнуться культом его личности, который стал насаждаться в Компартии. А это был совершенно особый культ: сам Салотх Сар оставался в тени, его имя не афишировалось. Говорили о победах и выдающихся способностях партийного центра или руководства организации, что и подразумевало как раз Салотх Сара.

Насаждение культа вождя началось сразу же после захвата «красными кхмерами» власти и особенно проявилось на расширенном совещании партийного актива, проведенном в знаменательный для Салотх Сара день — 20 мая 1975 г. (в 1973 г. он в этот день добился принятия партией решения о переходе к радикальной коллективизации). Это совещание состоялось в опустевшем Пномпене и по масштабу и важности принятых на нем решений его вполне можно приравнять к партийному съезду. Это был смотр, собравший всю верхушку и весь руководящий состав партии. С ключевыми докладами, посвященными будущему переустройству страны, выступили ее первые руководители. Теперь Салотх Сар особо и нее скрывал своих планов. В своем докладе он определил следующие основные направления в политике Компартии в послевоенный период: эвакуировать людей из всех городов; уничтожить все рынки; уничтожить деньги лонноловского режима и воздерживаться от использования уже напечатанных «революционных денег»; ликвидировать монашество, а самих буддийских монахов

заставить работать — выращивать рис; ликвидировать всех функционеров лонноловского режима, начиная с высокопоставленных; организовать кооперативы высшего типа по всей стране, предусмотрев в них общие кухни; изгнать из страны все вьетнамское население; расположить войска вдоль границ, особенно вдоль границы с Вьетнамом[15].

В выступлении Нуон Чеа — «второго» человека в партийной иерархии — тезисы, высказанные Салотх Саром, получили свое объяснение. Нуон Чеа заявил, например: «Если не уничтожить рынки и деньги, то не уничтожить и частную собственность. Там, где деньги и рынки, там всегда есть и люди, у которых много денег и собственности. Мы же должны уничтожить частную собственность, она не будет существовать»[16]. В отношении курса экономического развития Нуон Чеа заявил, что «строительство социализма в Камбодже будет опираться на развитие сельскохозяйственного и промышленного производства. Сельское хозяйство будет модернизовано в течение 10–15 лет путем развития ирригации и строительства каналов по всей стране, причем начало этому будет положено уже в 1976 г.»[17]. Второй человек в партии и «личный друг Ле Зуана» заявил также в своем докладе, что «мы не можем допустить в нашей стране существования вьетнамского меньшинства»[18].

Судя по воспоминаниям оставшихся в живых участников этого собрания, почти каждый из членов партийного руководства должен был выступить на нем со славословием в адрес «правильной стратегии партийного центра» и продемонстрировать тем самым лояльность вождю. Единственным «бунтовщиком» якобы оказался Ху Юн, который вышел к трибуне и заявил, что относится отрицательно к решению создать кооперативы высшего уровня с тотальным обобществлением, с коммунальными кухнями, с неограниченным рабочим днем, поскольку в стране нет условий для проведения такой политики. С этим выступлением Ху Юна, как и с его судьбой в этот период времени, много неясностей, так как другие участники совещания, опрошенные Беном Кьернаном, не подтверждают не только выступления, но даже самого факта присутствия Ху Юна на этом «съезде победителей»[19]. Скорее всего, если он еще и не был убит по приказу «брата номер один», то уже под надежной охраной перевоспитывался в деревне.

Расширенное совещание партийного актива завершилось тем, что основные тезисы, изложенные в выступлении Салотх Сара, превратились в программу, обязательную к выполнению всеми организациями партии. После этого «брат номер один» приступил к формированию

новой системы международных связей Камбоджи. Делать это ему приходилось в условиях, когда после взятия Сайгона вьетнамскими коммунистами ситуация в регионе изменилась самым коренным образом. Северовьетнамские деятели успешно выполнили один из главных заветов Хо Ши Мина — объединили Вьетнам под властью Ханоя и вплотную подошли к реализации еще одного пункта его знаменитого завещания — образования федерации социалистических государств Индокитая с главенствующей ролью Вьетнама. Но тут неожиданно выяснилось, что в отличие от Кейсона Фомвихана — лаосского лидера, согласного на такую роль Вьетнама в регионе, прибывшие 12 июня 1975 г. в Ханой Салотх Сар и Нуон Чеа категорически отказались от каких-либо форм «особых отношений» с Вьетнамом и не согласились подписывать договор о дружбе и сотрудничестве. Они потребовали официального признания Вьетнамом существующих границ Камбоджи. Вьетнамцы якобы отказались обсуждать этот вопрос[20], и в результате вместо «съезда победителей», совместно отмечающих общую победу и утверждающих планы развития взаимных связей на будущее, визит кхмерских лидеров в Ханой приобрел во многом протокольный характер. Общая атмосфера переговоров была омрачена также тем, что как раз перед этим произошли бои между кхмерскими и вьетнамскими силами за остров Фукуок и остров Пуло Вай. Высадку своих войск на вьетнамский остров Фукуок Салотх Сар объяснил незнанием командирами линии прохождения границы[21]. Вьетнамцы в свою очередь пообещали очистить занятый ими остров Пуло Вай и передать его кхмерам. Однако в ходе переговоров никакого решения по пограничным вопросам достигнуто не было, что также подстегнуло ухудшение отношений.

В завершение этого визита Салотх Сар произнес, правда, ритуальные фразы о том, что «без помощи и поддержки ПТВ мы не смогли бы одержать победу», выразил благодарность братьям в Северном и Южном Вьетнаме, особо отметил вьетнамскую поддержку в завершающем большом наступлении сухого сезона 1975 года, «когда мы встретили большие трудности»[22]. Однако никаких высказываний об установлении особых двусторонних отношений, о подготовке договора о дружбе и сотрудничестве, — того, чего, по всей видимости, ожидали вьетнамские товарищи, так и не последовало. Вероятно, перед ключевой поездкой в Пекин на встречу с Мао «брат номер один» не хотел связывать себя никакими обязательствами.

В Пекин Салотх Сар прибыл 21 июня 1975 г. и был там торжественно встречен как подлинный революционный герой и друг Китая. Во время пребывания в Пекине ему организовали встречу с Мао Цзэдуном, что означало резкое повышение его статуса в глазах китайцев (до этого во время его визитов в Пекин с Мао он никогда не встречался). Мао полностью поддержал его планы относительно переустройства Камбоджи и его политику, направленную на достижение независимости от Вьетнама[23]. В Пекине ему сообщили также, что Китай обеспечит Камбодже экономическую помощь на сумму в 1 миллиард долларов. Кроме того, Китай пообещал и военную поддержку поставками вооружений и боеприпасов кхмерской армии[24].

Без сомнения, китайцы, которые были обеспокоены падением сайгонского режима и объединением Вьетнама, увидели в кхмерском лидере естественного союзника на случай, если Вьетнам будет и дальше дрейфовать в сторону СССР в ущерб отношениям с Китаем. К тому времени свою поддержку Салотх Сару Пекин уже успел продемонстрировать, прислав, на следующий день после взятия Пномпеня, шесть самолетов, на которых прибыли советники и специалисты[25]. После успешного визита в Пекин Салотх Сар отправился в Северную Корею, где ему тоже пообещали прислать военных советников и оказать военную помощь[26].

Вернувшись в Пномпень, Салотх Сар почувствовал большую уверенность в своих силах и решил продемонстрировать свою независимость вьетнамцам. В одном из интервью он заявил: «Мы сумели одержать тотальную победу и добились ее без какой-либо помощи и поддержки из-за рубежа ... наша революционная борьба основывалась на принципах независимости, суверенитета и опоры на собственные силы»[27]. Тем самым Салотх Сар фактически дезавуировал даже те формальные слова благодарности вьетнамцам за помощь, которые он произнес во время визита в Ханой.

Для Вьетнама, где напряженно следили за развитием ситуации в Камбодже и за результатами визита Салотх Сара в Пекин, это было крайне неприятным сюрпризом. Настолько неприятным, что 6 августа 1975 г. генеральный секретарь ЦК Компартии Вьетнама Ле Зуан отправился с тайным визитом в Пномпень[28]. Одновременно с этим был сделан жест доброй воли в сторону кхмеров — объявлено, что вьетнамские войска покинули остров Пуло Вай, а Ле Зуан официально подтвердил принадлежность острова Камбодже[29].

Несмотря на очевидные уступки и готовность к компромиссу, проявленную вьетнамской стороной, никакого улучшения по части развития особых отношений двух стран достигнуто не было. Все переговоры завершились кратким сообщением вьетнамского и камбоджийского радио: «Сердечные беседы происходили между вьетнамской и кхмерской делегациями, происходили они в братской атмосфере и затрагивали вопросы, представлявшие взаимный интерес. Было достигнуто единство по всем поднятым вопросам»[30].

После визита Ле Зуана в Пномпене было открыто вьетнамское посольство. Послом в Камбоджу был назначен Фан Ван Ба, старый знакомый большинства кхмерских коммунистов[31]. Это он в свое время дал старт политической карьере Салотх Сара, одобрив его вступление в НРПК. Однако расчет на близкие отношения нового посла и Салотх Сара не оправдался и существенного улучшения отношений с Вьетнамом приезд Фам Ван Ба не принес. Не исключено, что для Салотх Сара общение с этим человеком было в тягость, так как он напоминал ему времена подполья и унылого пребывания на «базе 100», где вся жизнь и судьба Салотх Сара была в руках вьетнамцев.

Трудно сказать, почему, но ни в ходе визита Ле Зуана, ни после прибытия в Пномпень Фан Ван Ба вьетнамцы так и не настояли на подписании договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, открывавшего им возможность легально влиять на политику кхмерских властей. Без такого договора вся дипломатическая активность и давление на кхмеров особого результата не давали. В этом просчете позже признавались и сами вьетнамские лидеры. Член Политбюро и многолетний министр иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тхать, например, в своей беседе с немецкими коммунистами, состоявшейся в 1978 г., сказал, что «в 1975 году Вьетнам неверно оценивал ситуацию в Камбодже»[32]. Такое признание многоопытного вьетнамского министра неудивительно; не добившись ничего от Салотх Сара в 1975 г., не решив вопрос его отстранения от руководства, потеряв рычаги влияния за деятельностью кхмерской Компартии, вьетнамцы создали себе на будущее очень серьезные проблемы. В том, что одержавшие победу кхмерские коммунисты занимают особую позицию, убедились в то время и советские представители. В сентябре 1975 г. на празднование тридцатилетия победы Августовской революции во Вьетнаме в Ханой прибыла высокопоставленная советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцевым. По просьбе делегации была организована встреча М.С. Соломенцева с камбоджийскими

представителями, прибывшими в Ханой на эти торжества. Переговоры продолжались ровно пять минут, и все это время было занято коротким вступительным выступлением М. С. Соломенцева с поздравлениями кхмерских товарищей с победой и с предложением оказать им необходимую помощь в восстановлении страны. В ответ было молчание, после чего Иенг Сари, присутствовавший на этой встрече, сказал, что кхмерская сторона примет к сведению советские предложения. Потом вновь молчание, после чего М. С. Соломенцев спросил кхмеров: «Что передать товарищу Брежневу?» В ответ те вновь повторили, что приняли советские предложения к сведению, встали и молча вышли из переговорной комнаты. Такого поведения с высокопоставленными советскими представителями не позволял себе никто[33]. Очевидная враждебность, проявленная «красными кхмерами» на встрече с советской делегацией в Ханое, не остановила стремление Москвы установить дипломатические отношения с Пномпенем. 26 сентября 1975 г. заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин направил в адрес В. В. Кузнецова — первого заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко справку, где указывалось: «В последнее время камбоджийские власти ведут линию на постепенное развитие международных связей. В этих условиях полагали бы целесообразным предпринять с нашей стороны меры с целью организации в Пномпене советского посольства и запросить у камбоджийских властей агреман на назначение нового посла СССР»[34]. Внятного ответа камбоджийской стороны на все эти усилия так и не последовало.

Отношения с СССР не занимали Салотх Сара так, как другой вопрос, которому он посвящал свое время: определение дальнейшей судьбы главы НЕФК Нородома Сианука. Бывший монарх продолжал оставаться номинальным главой освобожденного от «власти предателей» государства, однако все еще находился вдали от него в китайской столице. Первое время Салотх Сар и не стремился вернуть главу НЕФК на родину, — предпочитал держать его на расстоянии, не будучи уверен, что сможет контролировать действия своего формального патрона. Избавиться от него он также не мог, так как Сианук был известной и международно признанной фигурой, за спиной которого к тому же стоял второй по значению лидер КНР Чжоу Эньлай. Однако тянуть с его возвращением в страну становилось все сложнее, учитывая, что во время визита Салотх Сара в Пекин китайские представители высказали мнение, что «без Сианука в Камбодже легитимность новой вла-

сти была бы неполной»[35]. Уступая китайскому давлению, он разрешил главе НЕФК в сентябре 1975 г. возвратиться в Пномпень.

Вернувшись в освобожденный от людей Пномпень, Сианук никакой реальной власти, естественно, не получил. Ни один человек из его окружения не вошел в тайное правительство, созданное в октябре 1975 г. для оперативного управления страной. «Товарищ Салотх Сар отвечал в нем за экономику и оборону, товарищ Нуон Чеа за организационную работу и за образование, товарищ Иенг Сари стал заведовать иностранными делами»[36]. Официально же об образовании правительства будет объявлено только после провозглашения Демократической Кампучии — так государство стало называться с 5 января 1976 г., когда вступила в действие выработанная по решению Чрезвычайного Национального конгресса новая конституция.

В соответствии с этим Основным законом, страна переименовывалась в «Демократическую Кампучию» и провозглашалась «независимым, единым, мирным, нейтральным, неприсоединившимся демократическим государством народа — рабочих, крестьян и всех других трудящихся». Все основные средства производства, начиная с земли, объявлялись общей собственностью народного государства и народных коллективов. Что касается предметов личного обихода, то они оставались в личной собственности населения. «Хозяевами заводов» провозглашались рабочие, а хозяевами полей — крестьяне[37].

После принятия конституции политическое обустройство нового режима продолжалось, и 20 марта 1976 г. кхмерское радио сообщило, что в соответствии с конституцией в стране прошли выборы в высший орган государственной власти — Собрание народных представителей. В него было якобы избрано 250 депутатов: «150 от крестьян, 50 от рабочих и других трудящихся, 50 от революционной армии»[38]. Как рассказывали мне позже в Пномпене, никаких выборов, естественно, не было, просто специальным решением партийного центра был подготовлен список наиболее уважаемых и проявивших себя в борьбе против Лон Нола людей, которые и были назначены депутатами[39].

В апреле 1976 г. состоялась первая сессия собрания народных представителей. На ней Сианук подал в отставку с поста главы государства и был образован Государственный Президиум, который возглавил Кхиеу Самфан. В отставку подал и премьер-министр КПНЕК Пенн Нут. Вместо него премьер-министром был объявлен никому не известный простой рабочий с каучуковой плантации по имени Пол

Пот[40]. Под этой кличкой, которая быстро стала зловещей, Салотх Сар будет действовать до конца своей жизни.

Все эти перестановки, определявшие официальный фасад режима, никак не влияли на истинный характер власти. Основные решения принимались исключительно партийным центром, который продолжал находиться в подполье и в обыденной жизни обозначался просто словом *ангка* (организация).

Интересны подробности того, как Ангка обсуждала те или иные вопросы. Вот, например, дошедшие до нас протоколы обсуждения отставки Сианука с поста главы НЕФК. Ситуация развивалась следующим образом: после смерти в январе 1976 г. премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая и опалы, которая обрушилась на его ближайшего сподвижника — Дэн Сяопина, Сианук лишился ощутимой поддержки из Пекина и фактически оказался в руках своих бывших союзников по борьбе. Салотх Сар и его соратники решили Сианука не трогать, но расправиться с его детьми и родственниками. Бывший монарх понимал, что и он в любой момент может стать их очередной жертвой. В такой неопределенной ситуации он решил уйти в отставку со всех постов, якобы для того чтобы дать возможность организации устроить систему власти по ее усмотрению. На одном из мартовских заседаний постоянного комитета ЦК Компартии Кхиеу Самфан обнародовал два письма, которые были написаны Сиануком на французском языке. В первом говорилось, что он уходит в отставку по состоянию здоровья, а в другом, адресованном уже не партии, а камбоджийскому народу, он сообщал о своей отставке как о свершившемся факте и датировал ее 20 марта 1976 г.[41]

Прослушав содержание этих писем, «брат номер один» сильно разгневался, так как уже забыл, когда кто-либо из камбоджийцев обращался к нему таким независимым и в этой связи вызывающим образом. Он сказал, что заявления бывшего главы НЕФК бессмысленны, поскольку партия больше в нем не нуждается. Его и его жену разделяют классовые противоречия с революцией, поэтому он не может жить с нами. Салотх Сар добавил также, что Сианук сам понимает, что с ним все кончено. В устах Салотх Сара это звучало зловеще, но он тут же указал, что, с другой стороны, если держать Сианука в Пномпене, то можно проучить вьетнамцев, которые утверждают, что мы леваки. К тому же, если он покинет страну, это приведет в замешательство китайцев, но если он останется, то на его жалобы можно еще целый месяц не обращать внимания. В заключение Салотх Сар сказал, что все-

таки принц показал себя как кхмерский патриот и предложил Кхиеу Самфану, чтобы тот встретился с ним, притворно похвалил и попросил забрать свое прошение об отставке и не возобновлять его до тех пор, пока это не потребуется партии[42].

Спустя два дня Кхиеу Самфан на очередном заседании постоянного комитета ЦК сообщил, что Сианук «ползал на коленях и умолял позволить ему уйти в отставку, утверждая, что своими письмами и не думал идти вразрез с интересами Организации». Салотх Сар выслушал это сообщение и сказал, что «Сианук старый тигр, нагоняющий на кого-то страх, но раз он присоединился к революции, то убивать его не стоит»[43]. Эта ремарка «брата номер один» спасла жизнь бывшему монарху и правителю страны.

В решении, принятом постоянным комитетом ЦК относительно Сианука, было сказано, что «он износился и не может идти вперед»[44]. В связи с этим было предложено запретить ему выезд из страны, а Совету министров НЕФК ратифицировать его отставку со всех постов. Бывший глава НЕФК, в свою очередь, должен был сделать заявление, что он поддерживает существующий режим, и эти слова должны быть записаны на магнитофон. Сианук сделал все, что ему приказала Ангка, и после своего ухода в отставку провел следующие тридцать три месяца своей жизни под домашним арестом в Королевском дворце в Пномпене, напряженно ожидая неизбежного, как ему казалось, ареста.

Изучение документов Партийного центра показывает, что в это время, кроме отставки Сианука, решения текущих задач партийно-государственной жизни, когда «братья» живо обсуждали лозунги и песни, которые должны петь их счастливые подданные во время всенародных праздников, в центре их обсуждения стояли вопросы отношений с Вьетнамом. Из совещания в совещание они постоянно указывали, что вьетнамские войска все еще оккупировали территорию Камбоджи на северо-востоке, там, где когда-то проходила «тропа Хо Ши Мина». Этот факт только укреплял недоверие кхмерского ЦК к Вьетнаму, вызывал протесты и подогревал антивьетнамские настроения. Как пример вьетнамской агрессии «братья» приводили соседний Лаос: «Вьетнам контролирует революцию в Лаосе и захватил его территорию. Мы должны сделать выводы из ситуации в Лаосе»[45]. Они разрабатывали полуфантастические планы окружения Вьетнама, утверждали, что Камбоджа сможет возглавить революцию в Юго-Восточной Азии и стать сильнее Вьетнама. Причем все эти вопросы обсуждались

совершенно серьезно, договаривались до утверждений вроде: «Мы должны искать своих сателлитов, например, в Африке»[46].

Во Вьетнаме, вполне вероятно, были прекрасно осведомлены о политических настроениях в Камбодже и о планах ее руководства. Там были явно неудовлетворены визитом Салотх Сара и Нуон Чеа в июне и поездкой Ле Зуана в Пномпень в августе 1975 г., когда, кроме открытия вьетнамского посольства, единственным реальным результатом переговоров стала договоренность о том, чтобы новая встреча в верхах прошла в июне 1976 г. Судя по вьетнамским источникам, она так и не состоялась[47].

На самом деле приводимые сведения не всегда верны: в первой половине 1976 г. такая встреча все-таки произошла. О некоторых ее подробностях советскому послу во Вьетнаме рассказал в 1978 г. председатель Госкомитета по науке и технике СРВ Чан Куинь. Он сообщил, что во время личной беседы Ле Зуана с Пол Потом в 1976 г. «Пол Пот говорил о дружбе, а Ле Зуан назвал существующий в Демократической Кампучии строй — «рабовладельческим коммунизмом». В беседе с Пол Потом вьетнамский лидер охарактеризовал камбоджийскую революцию как «уникальную, не имеющую аналогий»[48].

Как следует из архивных документов, в первой половине 1976 г. в Ханое всерьез рассчитывали на перемены к лучшему в отношениях с «красными кхмерами». В феврале 1976 г., по-видимому, накануне встречи в верхах, Суан Тхюи, один из партийных руководителей Вьетнама, сказал советскому послу, что «отношения Вьетнама и Камбоджи медленно улучшаются». Несколько позже, уже в мае этого года, он же сообщил, что «у Кхиеу Самфана нет власти и вся она сосредоточена в руках Пол Пота»[49]. В отношении «брата номер один» вьетнамские друзья готовы были, по словам заместителя министра иностранных дел ДРВ Хоанг Ван Лоя, проявлять «терпение и вести работу, чтобы постепенно усилить свое влияние в Камбодже»[50].

Доказательством усиления своего влияния в Пномпене вьетнамские лидеры считали, по всей видимости, известное интервью, которое Пол Пот дал в июле 1976 г. заместителю генерального директора Вьетнамского информационного агентства Чан Тхань Суану, который посетил Камбоджу во главе большой делегации вьетнамских журналистов. В нем он произнес все те слова, которые вьетнамцы так и не дождались в июне 1975 г. Он, в частности, сказал: «Дружба и солидарность между революцией Кампучии и вьетнамской революцией, между Кампучией и Вьетнамом — стратегическая проблема и священное

чувство. Только тогда, когда эта дружба и солидарность сильны, революция в наших странах может развиваться удовлетворительным образом. Тут нет никакой альтернативы. Вот почему, исходя из этих принципов, мы считаем, что обе стороны и мы лично должны стремиться сохранить эту боевую солидарность и это братство по оружию и добиваться, чтобы они росли и крепли с каждым днем»[51].

Совершенно очевидно, что после всего, что Пол Пот и его соратники говорили про Вьетнам на своих закрытых совещаниях, только чрезвычайно важные обстоятельства могли толкнуть его на новые изъявления верности «старшему брату». По всей видимости, «брат номер один» испытывал в то время сильное давление внутри Компартии со стороны довольно многочисленной и влиятельной, особенно на региональном уровне, группы активистов, выступавших против разрыва отношений с Вьетнамом. Под их воздействием в сентябре 1976 г. Пол Пот временно даже покинет свой пост. Оказавшись в сложной ситуации, он, желая избавиться от нажима и выиграть время, просто вынужден был сделать заявления, каких ждали от него оппоненты.

Как это ни парадоксально, но ему вновь удалось ввести вьетнамское руководство в заблуждение, заставить поверить в свое отступление и готовность идти рука об руку с Вьетнамом. Даже в марте 1977 г., когда в Камбодже уже не на заседаниях партийного центра, а по всей стране и во всем обществе стремительно раскручивалась антивьетнамская кампания, Чыонг Тинь — член Политбюро, председатель постоянного комитета Национального собрания СРВ говорил советскому послу: «Демократическая Кампучия в целом тоже строит социализм, но у руководителей Кампучии нет ясности относительно форм социалистического строительства. В руководстве Кампучии нет единства, и от того, какая линия победит, зависит многое»[52].

Нет сомнения, что в 1976 г., несмотря на видимое улучшение отношений с Пномпенем, Ханой фактически потерял не только контроль (это произошло много раньше), но даже источники достоверной информации о событиях в кхмерских верхах. По крайней мере этот факт признавали сами вьетнамские руководители. Так в июле 1976 г. по информации советского посла председатель Совета министров СРВ Фам Ван Донг «доверительно сообщил, что в Ханое сами не очень хорошо понимают положение в Камбодже, сложившееся к настоящему времени, так как сталкиваются с трудностями при наблюдении за развитием обстановки». При этом Фам Ван Донг добавил, что «надо проявлять терпение и сама действительность должна чему-нибудь научить кхмеров»[53]. О том,

что вьетнамское руководство в этот период действительно не вполне ясно представляло себе ход политической борьбы в Камбодже, свидетельствует и тот факт, что еще 16 ноября 1976 г. Ле Зуан говорил послу СССР, что Пол Пот и Иенг Сари отстранены от власти, что это «плохие люди». Ле Зуан еще добавил: «С Кампучией будет все в порядке. Рано или поздно она будет с Вьетнамом, другого выхода у кхмеров нет. Мы умеем с ними работать и проявлять где решительность, а где и мягкость»[54].

На самом деле информация о том, что Пол Пот и Иенг Сари отстранены от власти и она в руках «надежного» Нуон Чеа, совершенно не соответствовала ситуации, сложившейся в Пномпене к середине ноября 1976 г. Противники Пол Пота — известные и давно связанные с Вьетнамом кхмерские коммунисты Кео Меас (он долгое время представлял Компартию в Ханое) и Ней Саран, глава одной из наиболее крупных административных зон — уже находились в тюрьме и подвергались жестоким пыткам. Их обвиняли в том, что они пытались создать параллельную провьетнамскую Компартию. Кео Меас в своих письмах из тюрьмы товарищу Поуку (еще один из давних псевдонимов Салотх Сара) с отчаянием писал: «...Эти обвинения абсурдны. Они необъяснимы ... Я ... не делал ничего такого. Если товарищ Поук не простит меня, тогда мне остается лишь смерть»[55].

Вслед за ними по тем же обвинениям отправился в Туолсленг и на смерть другой партийный ветеран Кео Муни, который долгое время возглавлял «Прачеачун» и подвергся жесткой критике со стороны Салотх Сара еще на съезде в 1963 г. Главный удар по бывшим лидерам «Прачеачун» «брат номер один» нанес в ноябре, когда были арестованы Нон Суон и более двухсот его сподвижников в различных министерствах, армии и партийном аппарате[56]. Когда Ле Зуан сообщал советскому послу, что Пол Пот и Иенг Сари отстранены от руководства, они на самом деле крепко сидели в руководящих креслах в Пномпене и обладали всей полнотой власти.

Вообще обстоятельства, связанные с попыткой переворота, который якобы должен был возглавить Нон Суон, до сих пор еще недостаточно исследованы. Известно, что в сентябре 1976 г. под давлением антиполпотовской оппозиции (считается, что одним из ее лидеров был Нон Суон — бывший лидер «Прачеачун» и министр сельского хозяйства и торговли в правительстве Демократической Кампучии), выступавшей против бестоварной экономики, за введение денег, получение иностранной помощи, развитие многостороннего международного сотрудничества, за ослабление жестоких репрессий против кхмерского

народа[57], Пол Пот был вынужден объявить о своей временной отставке с поста премьер-министра Демократической Кампучии по состоянию здоровья. Второй человек в партийной иерархии Нуон Чеа был объявлен действующим премьер-министром[58].

В это же самое время в газете «Тунг крохом» (Красное знамя) — официальном органе союза Коммунистической молодежи Кампучии появилась статья, в которой утверждалось, «что Компартия была создана в 1951 г. при существенной помощи братских партий и особенно ПТВ»[59]. Такое утверждение шло вразрез с указаниями Пол Пота о том, что Компартия появилась на свет в 1960 г. и никакой помощи от ПТВ не получала. Публикация этой статьи свидетельствовала о борьбе, происходившей в верхушке партии по вопросу партийной истории и отношений с Вьетнамом. В западной прессе также в это время появились сообщения о том, что «по мнению большинства обозревателей, волна террора явно пошла на убыль ... количество беженцев, прибывавших в Таиланд, резко сократилось» и что «в Пномпене происходят перемены»[60].

Сообщение об отставке Пол Пота, вероятно, обнадежило вьетнамское руководство, которое сообщило своим советским друзьям, что хотя «обстановка в Камбодже неясна, но с Нуон Чеа работать легче, чем с Пол Потом и Иенг Сари»[61]. Советские друзья, в свою очередь, послали новому кхмерскому руководству важный знак: на октябрьском (1976 г.) пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев неожиданно заявил, что «путь независимого развития открылся и перед Демократической Кампучией»[62]. Однако надежды на закрепление положительных перемен в Камбодже быстро угасли — никакой ощутимой попытки как-то поддержать противников Пол Пота Ханой не сделал. Трудно определить причину подобной пассивности. То ли ПТВ считала произошедшие перемены необратимыми, то ли опасалась скомпрометировать «своих людей» в Пномпене, то ли не вполне ясно представляла, каким образом оказать им помощь, то ли действительно не обладала реальными возможностями эту помощь им оказать. В любом случае, попытка устранения Пол Пота от власти окончилась для Ханоя крайне плачевно: тысячи противников «брата номер один» оказались в тюрьме и были расстреляны, а сам победитель, вернувшись к власти, смог объявить об уничтожении очередной порции вьетнамских шпионов и провокаторов.

Такой печальный конец попытки отстранения Пол Пота от власти наводит на мысль, что на самом деле вся эта история с переворотом

была спровоцирована самим «братом номер один» с целью дать возможность своим противникам проявить себя. Вполне в духе лозунга Мао Цзэдуна «пусть расцветают все цветы — пусть соперничают все школы» (эта широко распропагандированная в Китае в 1956–1957 гг. возможность оппонентам коммунистов относительно свободно высказывать свое мнение, оказалась, по существу, ловушкой, заранее расставленной «великим кормчим» для того, чтобы в нее попали все, кто так или иначе критично относился к нему и к его курсу).

Мнимые и реальные враги продолжали, однако, будоражить воспаленное сознание «брата номер один». После сентября 1976 г. он все более начинает опасаться заговоров против себя. Механизм репрессий внутри партии все более раскручивается, а секретность в организации партийной работы превращается в оружие господства над всей партийной иерархией. Второй человек в партии Нуон Чеа сообщил в 1978 г. в конфиденциальной беседе датским коммунистам: «Секретная работа является существенным условием всего, что мы делаем. К примеру, назначение товарищей на руководящую работу проводится в тайне. Сведения, где живут наши руководители, не разглашаются ... Лишь благодаря секретности мы сможем сохранять контроль над ситуацией и одержать победу над врагами, которые не смогут выяснить кто есть кто»[63].

Судя по откровенной беспомощности вьетнамских руководителей, так и не сумевших поддержать оппонентов Пол Пота в борьбе за власть, по их неосведомленности о реальных настроениях и процессах в рядах кхмерской Компартии, политика секретности в ней оказалась действительно эффективной. Ведь даже в начале 1977 г., когда люди, заподозренные в связях с Вьетнамом, исчезали в камерах политической тюрьмы Туолсленг один за другим, в Ханое продолжали верить, что можно договориться с Пол Потом. Только после секретного визита заместителя министра иностранных дел Вьетнама Хоанг Ван Лоя в Пномпень в феврале 1977 г., когда Пол Пот отверг его предложение о встрече на высшем уровне лидеров двух стран[64] в Ханое, по всей видимости, убедились в том, что договориться с камбоджийскими верхами будет очень трудно. Не оправдались и надежды на то, что переломить ситуацию в пользу Вьетнама сумеет Нуон Чеа. Напрасные ожидания: этот деятель давно уже был настроен антивьетнамски, став как бы alter ego своего патрона. Вьетнамское руководство исходило из того, что «во время войны с США у Нуон Чеа было хорошее отношение к Вьетнаму и сейчас в личных контактах с руководителями

СРВ он проявляет в какой-то мере симпатию к Вьетнаму, однако при положении, сложившемся в Кампучии, такие люди ничего сделать не могут»[65].

Сейчас трудно сказать, какие причины — объективные или субъективные помешали «умеренным» коммунистам и в 1975, и в 1976, и в 1977 гг. несколько ослабить пресс бестоварной модели организации жизни общества, при которой страна была превращена в огромный концентрационный лагерь. Все их попытки организовать заговор и сместить «брата номер один», как это было, например, осенью 1976 г., либо вести независимую от партийного центра политику в подконтрольных им районах оказались безуспешными. Как мы увидим дальше, большая часть «умеренных» оппозиционеров была арестована во время чисток 1976–1978 гг. Они закончили свою жизнь признаниями в предательстве в тюрьме Туолсленг. Их судьба иногда порой до мельчайших подробностей напоминает печальную участь «умеренных» или, по коммунистической фразеологии, «правых» оппозиционеров в других странах, также вставших на путь строительства «светлого будущего».

Противостояние Ху Юна и Пол Пота можно сравнить с противостоянием Лю Шаоци и Мао Цзэдуна в период «большого скачка» и «культурной революции» или Бухарина и Сталина во время коллективизации в Советском Союзе. И в схватке между радикалами и умеренными везде — в Камбодже, как и в Китае и в СССР, — победа оставалась за представителями радикального крыла. Очевидно, что у этого исторического феномена существуют объективные причины, отражающие, возможно, общие закономерности развития революционного процесса в разных странах.

Дело, по всей видимости, в том, что тоталитарные режимы в Камбодже, Китае, как и в СССР, в строительство которых равную долю внесли и «умеренные» и радикальные коммунисты, возникли как продукт социальной революции, при этом, используя определение известного политолога М. Чешкова, «не просто как последовательное и радикальное отрицание капитала, но как абсолютное ему противоположение»[66]. Именно «противоположение капиталу» и стало, так сказать, тем генетическим принципом, который был положен сталинистами, маоистами и «красными кхмерами» в основание политического и экономического строя. Этот реально существовавший и развивавшийся в процессе гражданских войн и социальных революций генотип включал в себя принцип абсолютного противоположения не

только капиталу, но и его основе — рынку, выдвигая в противовес ему планово-натуральное хозяйство.

Противоположение, заложенное в саму основу бестоварной системы, стремилось к реализации по всем параметрам: экономическому (монополия госсобственности), социальному (примат общих интересов в ущерб интересам групповым, индивидуальным), политическому (монополизация политических функций вместо парламентской демократии), идеологическому (идеологический монизм) и культурному (официозная культура в противовес культурному плюрализму)[67].

Из сказанного следует, что радикальная группировка, последовательно выступавшая за тотальную реализацию коммунистической доктрины, оказывалась в более выигрышном положении, нежели ее противники, поскольку ее политика следовала в русле объективной логики событий, она вела к самореализации заложенного в этой доктрине генотипа. Остановить такую самореализацию во время набирающей силу социальной революции, как показывает исторический опыт, еще никому и нигде не удавалось. Во всех революциях XX века радикалы, ломая сопротивление «умеренных», приходили к власти, основывали режим, тотально противоположный капиталу, и лишь позже, когда этот режим оказывался мертворожденным, начинался медленный и постепенный откат к рыночным и товарным отношениям.

Таким образом, камбоджийская революция не могла не пройти этапа полного господства тоталитарного режима и бестоварной экономики. Строительство именно такого режима и такой экономики стало главным содержанием всей деятельности партийного центра в 1975–1978 гг., т. е. на протяжении всего времени пребывания «красных кхмеров» у власти.

2. Изгнание людей из городов и аграрные преобразования

Экономический курс новых властей состоял в проведении масштабных политических и экономических кампаний, которые, как рассчитывал Салотх Сар, должны были укрепить его власть и коренным образом изменить лицо страны.

Первой такой кампанией стала акция очищения городов от населения, когда к концу апреля 1975 г. 3,5 млн. горожан, в том числе

3 млн. жителей Пномпеня, были выселены в сельскую местность[68]. Это выселение проводилось беспорядочно, почти хаотически, хотя сам Пол Пот позже не раз утверждал, что «политика выселения городов была определена еще до победы»[69]. Проблема заключалась в том, что конкретного плана расселения людей по стране у «красных кхмеров» не было. Многие оставшиеся в живых очевидцы вспоминают полную неразбериху, царившую в городе во время выселения[70], когда тысячи людей под палящим солнцем и под дулами автоматов двинулись по дорогам, ведущим на север, юго-запад и восток от Пномпеня, т. е. на территории военно-административных зон, войска которых и заняли столицу. Сколько людей погибло в процессе этого марша смерти, сказать трудно. По одним сведениям, кампания проводилась без особых репрессий и убийств, — людей якобы таким образом спасали от возможных эпидемий и голода[71]. Эта версия всегда приводится адептами «красных кхмеров» на Западе: например Дж. Гильденбранд и Г. Портер, не считаясь с реальностью, пишут об этой вопиющей трагедии с позиций фактического одобрения действий полпотовцев.

На самом деле в это время в Пномпене происходили страшные события: больных и не способных двигаться людей убивали; студентов, которые носили очки или майки с латинскими буквами, расстреливали, — словом, в один момент закон оказался анахронизмом, и жизнь людей стала зависеть от расположения к ним одетых в черную униформу солдат[72]. Если кто-то им не нравился или недостаточно быстро исполнял их приказание, его могли расстрелять в любую минуту. В книге Дж. Баррона и А. Поля очевидцы, находившиеся на территории французского посольства, описывают, например, такую трагическую сцену: патруль полпотовских солдат, пробираясь через вереницу людей с узлами и чемоданами, оттеснил мать и отца от детей, которых тут же направили в другую колонну. В отчаянии родители бросились было за ними, но были убиты в упор выстрелами из пистолета … Вскоре дорога была буквально усеяна трупами, которые начали быстро разлагаться под яркими лучами солнца. Их никто не убирал[73].

Наиболее благополучно складывалась судьба тех изгнанных из Пномпеня горожан, кто был направлен в Восточную зону, в примыкавший к ней специальный район № 505 (бывшая провинция Кратие) и в восточную часть Юго-Западной зоны — район № 25 (бывшая провинция Кандал). Здесь отношение властей к новоприбывшим было вполне лояльным. По крайней мере, беженцам — уроженцам этих мест позволяли вернуться в свои родные деревни, а остальных просто

перемешали с так называемым «старым» населением, которое отнеслось к ним без какой-либо дискриминации. Более того, в этих районах новые власти призывали местных крестьян принять своих «братьев и сестер из городов и относиться к ним по-братски»[74].

Новые условия жизни и труда в «группах солидарности» и в производственных бригадах, образованных из числа горожан, были для многих тяжелы, особенно для тех, кто не имел навыков к крестьянскому труду, однако участь людей, попавших на Восток, была несравнима с судьбой тех пномпеньцев, которые были отправлены в Северную зону и примыкавшие к ней районы Северо-Западной зоны. На севере и северо-западе прибывавших людей обычно не подселяли к «старому» населению, а бросали на освоение новых земельных наделов в джунглях. И без того ослабленных после длительной войны и тяжелого марша людей заставляли выполнять наиболее опасную и трудоемкую работу — расчистку джунглей. Каждой семье давали обычно две недели, чтобы построить дом с максимально разрешенным размером — 4x4. Весь материал для этого «дома» люди должны были заготовить сами в лесу. При этом новоприбывших сразу же предупреждали: «Вы не будете владельцами этого дома, так как здесь никто ничем не владеет, все принадлежит всем»[75].

Положение перемещенных усугублялось еще и тем, что Северная зона считалась скудной, запасов продовольствия в ней было очень мало, поэтому непосильный труд сочетался там с очень низким продовольственным рационом, и люди вскоре начали голодать. Существуют следующие подтвержденные многочисленными свидетельствами сведения: «В 1975 г. в районе Сисопхона (на границе Северной и Северо-Западной зон) население было ослаблено отсутствием пищи, нормального жилья, антисанитарными условиями. Каждый день люди умирали здесь от малярии, тропической лихорадки, дизентерии и других болезней»[76].

По словам очевидцев, отношение местного населения к новоприбывшим здесь было особенно жестоким, потому что в этих традиционно «бедных» районах традиции антиурбанизма были очень сильны, к тому же их жители сильно пострадали от бомбардировок в ходе войны. Горожан здесь превратили в «класс париев, эксплуатировавшихся основным крестьянским населением»[77].

Уничтожение городов, «вливание» тысяч людей в аграрный сектор сопровождалось новым витком обобществления и реорганизацией аграрного строя. Ставка была сделана на формирование большой по

численности трудовой массы, организованной по тем же принципам, что и трудовые армии в Советской России в 1919–1920 гг., где люди были «перебрасываемы, назначаемы, командируемы точно так же, как и солдаты»[78]. Таковыми были народные коммуны в Китае в период «большого скачка», в которых «трудоспособное население образовывало дивизии, полки, батальоны народного ополчения, а из физически крепких молодых крестьян формировались ударные трудовые армии»[79].

Уже в августе 1975 г. кооперативы с общим имуществом были распущены и вместо них сельскохозяйственное сообщество было реорганизовано на новых принципах и подходах: в каждом поселении вновь были организованы «группы солидарности за увеличение продукции», объединявшие не более 10 семей. Но теперь эти группы входили уже не в кооператив (*сахако*), а в так называемые команды (*конг*). Обычно в рабочую команду включались три группы (кром) и в ней насчитывалось 30 человек. Но бывали и случаи, когда в рабочую команду включали более тысячи человек. Это зависело от стоявших перед ней производственных задач.

Каждую отдельную группу возглавлял руководитель, функции которого были примерно такими же, как и рядового бригадира. Он работал в составе группы и отвечал за выполнение порученных заданий и норм. В рабочей команде (*конг*) действовал уже комитет из трех человек. Члены этого комитета не трудились вместе с другими участниками команды, а несли ответственность: один — за организацию работ, выполнение дневной программы и общего производственного задания; другой — за политические настроения крестьян и так называемую пропагандистскую работу; третий — за обеспечение всех членов команды продовольствием, а также за отправку собранного урожая на централизованное хранение, где его принимали представители местной администрации[80].

Даже эти, нижние, посты в административной иерархии для представителей так называемого «нового» населения (переселенцы из городов) были малодоступны. «Красные кхмеры» им совершенно не доверяли и обычно в руководство рабочей команды назначались люди из «старого» населения, преимущественно выходцы из бедных и малообеспеченных семей, которым «красные кхмеры» доверяли больше других[81].

Руководителей рабочих команд назвать нижним слоем новой коммунистической номенклатуры все-таки было нельзя. В Камбодже

номенклатурный слой не включал низшие посты административной иерархии и он начинался только на уровне кхума, основного звена местного территориального управления. Кхум объединял сразу несколько близлежащих поселений. Его глава руководил местной партийной организацией, обладал всей исполнительной властью, нес полную ответственность за положение в своей административной единице. В его распоряжении был управленческий аппарат, состоявший из кадровых работников, ведавших вопросами экономики, внутренней безопасности, военной подготовки местных формирований.

Кхумы объединялись в округа (срок), а те в свою очередь составляли районы (*дамбан*), каждому из которых был присвоен свой номер. Среди административного аппарата кхума еще могли встречаться не члены Компартии, но уже для деятелей срока такое не допускалось[82]. Собственно с этого уровня и начиналась кадровая номенклатура, жившая совершенно иной по сравнению с остальными кхмерами жизнью. Ответственные работники округов, районов и зон свободно передвигались по стране, обеспечивались продовольствием без каких-либо ограничений, практически не участвовали в физическом труде (за исключением так называемых краткосрочных трудовых командировок, когда один или два раза в год они должны были неделю прожить вместе с крестьянами). Жили они со своими семьями в отдельных домах, имели, особенно руководство зоны, собственную обслугу и охрану.

В сфере производства номенклатурные должности начинались с руководителей так называемых больших рабочих команд (*конг тхом*), т. е. чаще всего объединения трех рабочих команд. Наиболее распространены были *конг тхом* численностью 99 человек[83]. Возглавлял это образование комитет из трех человек, выполнявших те же функции, что и руководство рабочей команды.

Конг тхом действовали главным образом в ирригационном строительстве, развернутом в то время по всей стране, и они подчас представляли собой коллективы численностью в 5–7 тыс. человек[84]. Естественно, что руководители такого крупного образования состояли в рядах КПК (обычно они входили в зональный комитет партии), и они, так же как и территориальные администраторы, не были ограничены ни в свободе передвижения, ни в рационе питания. Более того, их семьям разрешалось иметь собственные приусадебные участки, а кое-где даже специально выделялись люди из рабочей команды для обеспечения членов руководящего комитета *конг тхом* продовольствием. Еще одним нововведением реформы 1975 г. стало создание так

называемых «патриотических молодежных бригад», насчитывавших обычно по 800 человек. Эти бригады 13–15-летних подростков считались «ударными», их то использовали для помощи рабочим бригадам в уборке урожая, то перебрасывали на рытье каналов или постройку резервуаров[85].

Распорядок дня в рабочих бригадах обычно был следующим. Люди вставали в 5 часов утра, в 6 часов выходили на поля и работали до полудня. Затем часовой перерыв, обед и продолжение работы с 13 до 17 часов. В некоторых местах трудовой день определялся не по часам, а по солнцу. Постепенно, однако, режим становился все более жестким, и в ряде районов (особенно в Северной зоне) рабочий день уже продолжался с 3-х часов утра до 18 часов с часовым перерывом на обед. Бывало даже иногда, что людей заставляли работать при луне с 7 до 10 часов вечера[86].

Низшими структурами организации труда в новом бестоварном сообществе фактически были малая бригада (*кром*) и большая бригада (*конг*). Совершенно очевидно, что выбор именно этой формы организации труда вместо кооперативов с общим имуществом был неслучаен. В кооперативах с обобществленным имуществом, во-первых, не достигалось полного противоположения капиталу, так как в них сохранялись возможности натурального обмена, приусадебные участки, отдельное питание, отдельное проживание крестьянских семей, хотя и формальная, но выборность руководства кооператива. В этом смысле бригада намного больше соответствовала природе строившегося общества, поскольку как никакая другая форма позволяла контролировать жизнь и работу людей. Прав был социолог Е. Пауэлл, когда отмечал: «Бригада — основной вклад коммунизма в науку о наказаниях... Это коллективный организм, живущий, работающий, едящий, спящий и страдающий вместе в безжалостно-вынужденном симбиозе»[87]. Бригада оказалась универсальным средством массового принуждения к труду, причем принуждения не только со стороны ее руководства, а со стороны самих ее членов. Ведь рацион всей бригады зависел от выполнения дневного задания, и если кто-то работал плохо, то страдали все. Поэтому члены бригады следили друг за другом лучше, чем все надсмотрщики вместе взятые.

Трудно сказать, был ли выбор бригадной организации труда собственной находкой «красных кхмеров» или они позаимствовали богатый опыт сталинских лагерей или китайских образцовых коммун, очевидно одно: проведенная в 1975 г. реформа принесла желаемый

результат: общество оказалось структурно реорганизованным, полностью подконтрольным, а главное — готовым существовать в рамках бестоварной модели. За какой-то год страна превратилась в изолированные друг от друга сельскохозяйственные поселения, где все одетые в одинаковую черную форменную одежду много трудятся и мало потребляют и при этом вся жизнь людей полностью регулируется властями.

Что касается рациона питания, то практически по всей стране в 1975 г. ощущался острый недостаток продовольствия. Ведь за время войны были заброшены около 80% рисовых полей, погибло 60% основного тяглового скота[88]. Восполнить недостающий объем продовольствия оказалось нечем, возможная помощь из-за границы заранее отвергалась руководством партии по принципиальным соображениям, поскольку Пол Пот опасался попасть в зависимость от своих доноров. «Если мы попросим о помощи, то мы ее обязательно получим, — говорилось в одном из конфиденциальных документов партийного центра, — но такая помощь неизбежно затруднит проведение в жизнь выработанной политической линии ... Мы можем попросить русских о помощи, но ее предоставление нам они неизбежно увяжут с неприемлемыми для нас условиями»[89]. Пол Пот противился увеличению даже сравнительно небольшой по объему помощи своего главного союзника — Китая, утверждая, что «такова политика партии»[90]. В теории желание «брата номер один» быть независимым вполне понятно, однако на практике политика «*кхлуон ты пын кхлуон*» (опоры на собственные силы) оказалась сопряжена с новой трагедией для тысяч людей. Дело в том, что отказ от зарубежной помощи привел к тому, что в большинстве районов Камбоджи вплоть до ноября-декабря 1975 г., когда был собран очередной урожай риса, рацион питания людей был, как пишут Баррон и Поль, «ниже уровня голода»[91]. Из-за перманентного голода уже к концу 1975 г. огромная часть бойцов трудовых армий (в некоторых местах до 30% населения) оказалась неспособной к производительному труду[92]. Во многом именно по этой причине рухнул один из первых крупных хозяйственных проектов, задуманных «красными кхмерами» после победы в 1975 г.

Этот проект широко пропагандировался как «трудовая битва за земли Северной зоны». Информация о нем попала даже на страницы советской печати. В сентябре 1975 г. газета «Правда» сообщала со ссылкой на радиостанцию «Голос кампучийского народа», что в «одной лишь провинции Преахвихеа (Северная зона) введены в эксплуатацию

почти 400 ирригационных систем и везде создаются группы коллективного труда по освоению новых земель»[93].

План задуманной «трудовой битвы» строился на простом расчете: сотни тысяч людей, брошенных в районы Преахвихеа и северного Сиемреапа, должны были раскорчевать джунгли, возделать новые земли и обеспечить себя и страну рисом. Этот замысел был вполне логичен и опирался на опыт 1972–1973 гг., когда коммунисты благодаря освоению новых земель в джунглях сумели, хоть и минимально, но обеспечивать продовольствием и население окрестных районов и солдат своих вооруженных сил. Сделать это оказалось возможным потому, что в первые два года земля, очищенная от леса, была очень плодородной. В освобожденных районах провинции Кампонгтхом урожаи с земель, расчищенных от джунглей, были в два раза выше, чем с исконно возделываемых угодий[94].

В 1975 г., несмотря на то что «в бой были брошены ударные рабочие бригады», повторить опыт 1973 г. не удалось. Обессиленные от голода люди оказались не в состоянии раскорчевать лесные массивы на предусмотренной площади и существенно увеличить обрабатываемые поля. Установленная норма в 15 квадратных метров джунглей, которые должен был освободить от леса и засеять каждый взрослый человек, оказалась нереальной[95]. Поэтому в 1976 г. «бóльшая часть неподходящих для земледелия зон на севере страны была заброшена»[96], а не погибшие от голода и тропических болезней люди были переселены в более обжитые районы. Неназванные представители «красных кхмеров» сказали корреспонденту агентства Франс Пресс, что это было сделано, чтобы «повысить урожайность в традиционных сельскохозяйственных районах»[97].

Многочисленные очевидцы свидетельствуют и документы подтверждают, что практически 99% всех погибших от голода и болезней в 1975 г. составляли бывшие жители городов. И это неудивительно, учитывая, что десятки тысяч людей были абсолютно не готовы к новым условиям труда и жизни, тем более что бывших горожан посылали на самые тяжелые и трудоемкие работы. Представители «старого» населения хотя и были тоже организованы в рабочие бригады, но находились в несравненно более благоприятном положении, чем «новое население». В некоторых местах на них даже распространялось негласное право иметь и обрабатывать собственные приусадебные участки, что позволяло легче пережить голодные времена[98]. «Старое население» пользовалось особым доверием режима. В 1975 г. к нему стали

даже применять социальную терминологию: во время гражданской войны все жители освобожденных районов подразделялись на различные категории типа «средние крестьяне высшего уровня» (бывшие зажиточные) или «средние крестьяне низшего уровня» (бывшие малоземельные), просто «крестьяне-бедняки» (бывшие безземельные и батраки), — после прихода к власти «красных кхмеров» все «старое население» стало рассматриваться как социальная база режима. Показательна в этой связи реакция высшего партийного руководства на факты многочисленных побегов людей из сельскохозяйственных поселений за границу. Если уходили представители «нового» народа, то это воспринималось достаточно спокойно, как естественное предательство потенциальных врагов. Но если за границу бежали люди из «старого населения», то это говорило о неустойчивости местных партийных организаций и их чаще всего подвергали репрессиям[99].

Термины «старое население» и «крестьяне-бедняки» стали употребляться как синонимы, что и в самом деле было недалеко от истины, потому что население бывших освобожденных районов в основном состояло как раз из безземельных и малоземельных крестьян, а зажиточные сельские хозяева и середняки в большинстве своем, как уже отмечалось, во время войны бежали в города. Несомненно, что эти не обладавшие собственностью «бедняки» и «средние крестьяне низшего уровня» по своему социальному положению вполне могли быть отнесены к пауперизованной и деклассированной массе. И этот многочисленный социальный слой обеспечивал режиму «красных кхмеров» действительную поддержку как в годы гражданской войны, так и после войны.

В годы господства натурально-товарной системы и политического режима Сианука эти разорившиеся и выбитые из нормальной жизненной колеи крестьяне составляли самый низший пласт социальной иерархии. Революция «красных кхмеров» обеспечила их реинтеграцию в новую социально-политическую структуру, вознеся сразу же на высоту положения привилегированной социальной группы.

Тяжелые условия труда и жизни народа, которые неизменно сопутствовали всем этапам политического господства «красных кхмеров», воспринимались беднейшими и безземельными крестьянами совершенно иначе, чем «новым населением». Во-первых, за годы гражданской войны бывшие обездоленные уже успели к ним привыкнуть, а во-вторых, выгоды прямой причастности к власти (а многие представители низшего административного аппарата вышли из этой среды)

перевешивали для них любые жизненные трудности. Немалая часть «старого населения» считала режим «красных кхмеров» своим, поддерживала и репрессии по отношению к «продавшимся Западу горожанам», строгую уравнительность, ликвидацию рынков и денежного обращения[100].

Что касается «нового народа», то его поддержки новый режим особенно и не добивался, рассматривая этих людей исключительно как бессловесную рабочую силу, которую можно использовать в целях развития экономики. Новое рабовладение основывалось на сложной системе наказаний в группах и рабочих командах. Эта система была построена главным образом на манипулировании дневным рационом питания. Тот, кто по каким-либо причинам не проявлял максимального рвения на рисовом поле или ирригационных работах, кто не мог выполнить установленные производственные нормы, лишался определенной части дневного рациона питания. И наоборот, тот, кто, по мнению местного руководства, работал более интенсивно и перекрывал установленные нормы, получал дополнительное довольствие. «Красные кхмеры» хорошо понимали важность этого «рычага» для осуществления своих планов, поэтому чрезвычайно жестко следили за своей монополией на распределение продовольствия. Приведем мнение об этом польского историка В. Гурницкого, подробно изучавшего «полпотовский эксперимент». Он отмечал: «Производство продовольствия было на сто процентов централизовано, как и его распределение. Низкие нормы делали невозможным возникновение у людей каких-либо излишков, которые можно было бы обменять. Этим исключался натуральный обмен, ибо нет на свете товара более ценного, чем продовольствие, особенно в положении, которое немногим отличается от голода»[101].

Другой важный элемент контроля над людьми заключался в ограничении их передвижения. Под страхом смертной казни запрещалось покидать свое поселение. Даже переход в соседнее поселение требовал специального разрешения местной администрации. Таким путем люди жестко «привязывались» к земле, причем именно там, куда направили их «красные кхмеры». Высокая смертность во время «трудовой битвы за земли Северной зоны» (1975) и всех последующих «трудовых битв» была вызвана и действием этого правила: новоприбывшие не имели возможности покинуть гиблые малярийные леса и погибали там.

Но главным рычагом, приводившим в движение бестоварную систему, был сковывающий людей страх, распространившийся в это

время по всей Камбодже. Те, кто выжил из «старого населения», и те, кто уцелел из «нового», при всех различиях в деталях и оценках явлений камбоджийской жизни позже в один голос заявляли, что страх был самым мощным оружием в руках «красных кхмеров». Атмосфера страха, которая насаждалась и постоянно поддерживалась в стране, была неотъемлемой частью «чистой» бестоварной модели. Ведь если не существует денег, рынков, возможности приобрести необходимый товар, то у человека не остается интереса производить больше того, что необходимо для самообеспечения. Работать же столько, сколько требовалось власти, людей заставляли страхом.

Устойчивость бестоварной экономики, как показывают камбоджийские события, напрямую зависит от уровня страха среди населения. Чем ниже этот уровень, тем слабее действует модель, поскольку без угрозы репрессий практически все производители стремятся работать по минимуму. И наоборот, тотальный страх резко увеличивает возможности бестоварной модели к самоподдержанию, так как, опасаясь за свою жизнь, производители вынуждены работать по максимуму. Эта «формула страха» и выражает как раз неразрывную связь бестоварной экономической модели с тоталитарным политическим режимом, хотя обратной зависимости между ними и нет.

Значение страха как внутреннего регулятора бестоварной системы «красные кхмеры» всегда понимали и пользовались этим рычагом очень широко. Первым средством устрашения людей стали повсеместные расстрелы бывших лонноловских солдат и чиновников. В некоторых местах расстреливали за отказ от работы, но чаще всего «людей убивали вообще без каких-либо объяснений»[102]. В каждой рабочей команде и группе действовал свой осведомитель, практика взаимных доносов стала очень распространенной. Все это парализовывало людей, изолировало их друг от друга, лишало доверия и взаимной поддержки, позволяло «красным кхмерам» свободно ими манипулировать.

Для того чтобы выжить, люди должны были ежедневно не только выполнять трудовые нормы, но и соблюдать так называемый «революционный кодекс поведения». Обращен он был к каждому отдельному индивиду и формулировал новый тип его жизни. От человека требовалось: уважать дисциплину, неукоснительно выполнять директивы партии; действовать совместно и в единстве, уважать общую собственность, отчитываться за дневной труд и планировать свою работу на следующий день. Этот кодекс люди часто называли кодексом

безопасности, потому что политработники рабочих команд убеждали их: «Неукоснительное выполнение этого кодекса обезопасит вашу жизнь»[103]. Один раз в неделю в каждой бригаде проводились собрания для критики и самокритики, на которых отдельные члены должны были отчитываться о том, как они работают и как выполняют «революционный кодекс». Если кого-либо на этих собраниях уличали в неполном выполнении этого кодекса, то такого человека неизбежно ждали крупные неприятности, вплоть до смертной казни[104].

Революционный кодекс поведения призван был вытеснить из сознания народа традиционные буддийские моральные императивы, изменить представления кхмеров об отношениях между людьми, заставить их «испытывать радость от того, что они являются послушным инструментом в руках Ангки»[105]. Утверждение этого кодекса развивалось параллельно с антибуддийской пропагандой. Традиционная религия уничтожалась и дискредитировалась, удалялась из жизни и сознания крестьян. Новые власти претендовали на тотальный контроль не только над жизнью, но и над мыслями людей. В этой связи буддизм выступал как идеологический соперник, главная опора традиционной психологии и мировоззрения кхмеров. Буддизм в народе отождествлялся и с национальной культурой, традициями, поскольку другой культуры, кроме получаемой через религию, кхмерский земледелец не знал.

Буддизм, официально объявленный реакционной религией, искоренялся методом революционного насилия. Буддийских монахов стали называть «никому не нужными паразитическими членами общества, представителями класса эксплуататоров, которым в новом обществе нет места»[106]. Их отделили от остального населения, чтобы они не могли вести «подрывную пропаганду», запретили им любые формы общения с населением. Нарушение этого запрета расценивалось как заговор против государства и подлежало суровому наказанию[107]. Монастыри были закрыты, пагоды — либо разрушены, либо превращены в склады зерна и удобрений, в тюрьмы, в места пыток и массового истребления людей, которым категорически запрещалось отправлять религиозный культ[108]. Все эти меры позволили в 1977 г. министру культуры и просвещения «Демократической Кампучии» Юн Ят заявить, что «вопрос о буддизме в Кампучии больше не стоит»[109].

Ничто не должно было остаться вне контроля власти. Поэтому радикальной перестройке подверглись и семейные отношения. Супруги в коммунах были разъединены, жили отдельно, работали

большей частью далеко один от другого. Им запрещалось видеться и помогать друг другу, даже есть вдвоем. Все должны были питаться на «общих трапезах» в своих производственных бригадах, из одного общего котла. Детей отделяли от родителей. В 14–15-летнем возрасте их насильно отправляли в «мобильные производственные бригады» или призывали в армию. Партийный центр указывал, что в таком возрасте дети «чисты и лояльны» и поэтому организация может на них рассчитывать. В одном из обнаруженных документов партийной конференции Северной зоны отмечалось, например: «Кадровым ядром организации могут становиться даже дети. Без этого нельзя создать партию, создать основу»[110].

Как мы видим, в Демократической Кампучии государственная власть, как и в традиционной Камбодже, вновь превратилась в абсолютное верховное начало, деспотическую силу, достигавшую каждой крестьянской семьи. Все ее отличие от королевской состояло лишь в том, что в представлениях кхмеров о государственной власти идея обожествляемого всевластного царя (*преах аы*) — «хозяина земли и воды» была подменена идеей не менее всевластной *ангки* (партии) — как высшего распорядителя жизни каждого человека. Черты традиционного кхмерского строя можно усмотреть и в том, что государство непрерывно использовало пресс внеэкономического принуждения, в том, что практиковалась организация массового принудительного труда и ирригационных работ, которые всегда рассматривались в Камбодже как предпосылка обеспечения могущества страны. Можно даже сравнить группы и рабочие команды с доколониальными комлангами, а их устройство — с организацией членов комлангов для проведения так называемых королевских работ. Любопытно, что даже в официальной партийной пропаганде встречались ссылки на то, что Демократическая Кампучия в некотором смысле — это возвращение к традиционным ценностям кхмерской цивилизации. По свидетельству многих очевидцев, политработники разного уровня не раз заявляли людям в коммунах, что их труд не напрасен, что «наша цель — построить общество коммун без богатых и бедных, которое опиралось бы на возвращение к истокам нашей аграрной цивилизации»[111].

Можно еще долго искать черты сходства традиционной и бестоварной моделей организации общества, причем параллели и сравнения внешне могут выглядеть вполне убедительно, но если внимательно изучить общество, которое построили «красные кхмеры», то обнаружится, что все черты сходства между этими явлениями — чисто

внешние. На самом деле традиционная организация общества и бестоварная модель «красных кхмеров» — это качественно разные социально-экономические и политические системы.

Главное их отличие — в механизмах организации и функционирования. Камбоджийский традиционализм всегда покоился на статике традиционных социальных структур, основу которых составляла социально автономная крестьянская семья, которая рассматривала монарха как гаранта своих исторических прав и обязанностей. В противоположность этому, «тоталитарное государство стремится распространить свой контроль на все уровни социального организма, вплоть до индивидуального. С этой целью оно разрушает все промежуточные институты, призванные защитить индивида перед лицом государственной власти, фактически разобщает и атомизирует индивидов, а вместе с тем растворяет их в деперсонифицированном коллективе»[112].

К концу 1976 г. социальное переустройство в Камбодже зашло так далеко, что все промежуточные общественные институты, способные если не защитить, то существенно ограничить пресс государственной власти, а именно независимые судебные органы, религиозная община (*сангхи*) с ее моральными и этическим нормами, даже родственные и семейные отношения взаимной поддержки подверглись полному запрету и уничтожению. Устрашенные репрессиями, ослабленные полуголодным существованием люди остались один на один с властью, контролировавшей любое их действие, монопольно распоряжавшейся их жизнью и судьбой.

Все эти перемены в жизни кхмерского общества рассматривались Пол Потом и его окружением как огромный успех. В одном из документов партийного центра отмечалось: «В 1976 г. в деле строительства социализма мы были победоносны. Нам удалось распространить принципы коллективизма на все общество, на все кооперативы, на всю сельскую местность и сейчас у нас намного лучшие результаты, чем те, которые мы имели в 1975 г.»[113]. Пол Пот, выступая на совещании партийных руководителей Западной зоны, состоявшемся в июне 1976 г., отмечал, что «сегодня мы намного сильнее, чем раньше. Численность партии удвоилась, мы обладаем полной властью и над людьми и над экономикой … наши силы по сравнению с 1970 г. возросли в тысячу, в десять тысяч раз. Завоевав такие позиции, мы хотим построить социализм быстро, чтобы наша страна изменилась в кратчайшие сроки»[114].

Во внимание не принималось, что в 1976 г. по всей территории Камбоджи, за исключением Восточной зоны, прокатилась новая волна голода, что в Северо-Западной зоне, например, после урожая 1975 г. ситуация с продовольствием несколько улучшилась, однако с «февраля 1976 г. поступление риса для населения здесь резко сократилось и многие умерли от недоедания в течение весны»[115], что в некоторых районах Северо-Западной зоны, а также в Северной зоне голод тоже начался, хотя и несколько позже. По свидетельству Дж. Баррона и А. Поля, на территории бывшей провинции Баттамбанг «положение с продовольствием было лучше и риса хватило до мая, когда ежедневный рацион упал до одной миски риса в день (200–250 гр.)»[116]. Да и в одном из документов партийного центра признавалось, что «в 1976 г. нам остро не хватало пищи … на 3/4 территории страны не были созданы необходимые запасы продовольствия»[117].

Пол Пот воспринимал людские страдания, голод, гибель тысяч людей как неизбежные издержки радикального переустройства общества. Для него намного более существенным представлялось то, что к середине 1976 г. социально-экономические и политические структуры Камбоджи были перестроены в соответствии с логикой бестоварной экономики. Это дало возможность власти аккумулировать все национальные богатства, свободно ими распоряжаться и при необходимости ограничивать в стране внутреннее потребление. Если к этому добавить, что массы людей, перемещенных в сельскую местность, были принуждаемы к интенсивному, практически бесплатному труду, то становится очевидно, что страна подошла к новому и главному этапу движения к коммунизму — этапу «большого скачка», под которым понималось резкое ускорение развития производства и производительных сил.

3. Кхмерская деревня на пороге новых испытаний. Подготовка четырехлетнего плана развития аграрной экономики

«Красные кхмеры» приступили к разработке конкретного плана «большого скачка» еще осенью 1975 г. В конце июля 1976 г. рассчитанный на четыре года план социально-экономического развития Демократической Кампучии уже был обсужден на специальном заседании членов высшего руководства партии[118]. В августе на заседании

расширенного пленума Компартии с разъяснениями в отношении путей реализации основных целей плана выступил «брат номер один» — Пол Пот. Он, в частности, заявил, что «партийный центр принял решение построить социализм так быстро, как это возможно, превратить отсталое сельское хозяйство в современное за пять-десять лет, а страну из аграрной в индустриальную за десять-пятнадцать лет»[119].

После одобрения пленумом основных положений этого амбициозного плана он превратился в официальный партийный документ, определявший общий характер развития всей экономики страны. Существует, правда, мнение, которого придерживается, в частности, Д. Чандлер, что «из-за разочаровывавшего хода событий в Камбодже четырехлетний план был предан забвению»[120]. Это мнение ошибочно: многочисленные документы, факты, свидетельства очевидцев[121] служат подтверждением того, что и в 1976 и в 1977 и даже в 1978 г. от местных органов власти требовалось безусловное выполнение основных показателей плана.

Главным разработчиком «плана партии по строительству социализма во всех областях» был Сок Тхуок, человек, близкий к Пол Поту, выступавший в партийных документах под псевдонимом Ворн Вет. В свое время он был яростным оппонентом Ху Юна, и после его гибели стал отвечать за вопросы экономического строительства в руководстве «красных кхмеров». Осенью 1978 г. его расстреляли, и как говорили мне в Пномпене, при том, что Ворн Вет был казнен как участник антиправительственного заговора, в вину ему вменили в первую очередь неудачи с выполнением четырехлетнего плана[122].

Составляя этот документ, Ворн Вет исходил из убеждения, которое разделяли радикалы во главе с Пол Потом, что Камбоджа уже готова к «великому скачку вперед»[123]. В преамбуле четырехлетнего плана указывалось: «Перед нами открыты все пути для стремительного продвижения, так как необходимые условия для этого созданы: уничтожены старые отношения в сфере производства, построены новые, коллективистская система расширяется и укрепляется, ликвидированы деньги и уже исчезли основные противоречия старого кхмерского общества — между городом и деревней, управленческими кадрами и массой, между рабочими и крестьянами ...»[124]. Далее в этом документе утверждалось: «В нашем обществе уже господствуют коллективистские отношения и мы находимся на стадии продолжения революции... наше общество и в деревне и в городе является уже социалистическим... новые отношения эффективны, не носят

эксплуататорского характера, как в старом обществе, позволяют обобществить все производительные силы, мы можем размещать рабочие бригады, использовать скот и сельскохозяйственный инвентарь так, как считаем необходимым»[125]. Авторы плана также отмечали: «Нам не надо проводить ни земельную реформу, ни изменений в социальной структуре общества. Мы уже вошли в социализм и сейчас должны в кратчайшие сроки построить страну. Нужно ли нам три года, прежде чем приступить к осуществлению радикального плана? Ждать до 1979 г. слишком долго, да к тому же это идет вразрез с нашей стратегией. Мы должны осуществить резкий скачок вперед. Ждать три года нам не надо, так как характер нашей революции совершенно иной, чем в других странах. Степень обобществления у нас и в других социалистических государствах различны. С точки зрения социализма мы впереди них на 4–10 лет. У нас уже новые отношения в производстве и нам не мешает то, что мешает им»[126].

В преамбуле четырехлетнего плана интерес вызывает откровенная полемика автора плана с неназванными оппонентами, выступавшими против радикальных перемен и предлагавшими трехлетний период постепенного восстановления экономики. Наличие оппозиции плану и среди части центрального руководства, и особенно среди региональных лидеров подтверждают и удары по «умеренным», нанесенные осенью 1976 и в марте 1977 г., и документы, обнаруженные в главной тюрьме режима Туолсленге, где содержались наиболее высокопоставленные узники. Ху Ним в своих известных показаниях написал, например, что «потерял душевное равновесие при знакомстве с теоретическими документами партии на развитие «коллективизма»[127]. Сам он выступал за то, чтобы «люди имели к работе еще и материальные стимулы... для этого необходимо вновь ввести денежную систему в Камбодже»[128].

В системе координат, которую построили «красные кхмеры», осторожная оппозиция Ху Нима была, по существу, открытым вызовом социально-политическому курсу радикалов. А между тем нельзя не отметить, что планы и действия Пол Пота не лишены логики. Говоря о необходимости немедленного введения четырехлетнего плана, он объяснял это тем, что «с востока и запада нас атакуют враги, поэтому если мы будем медленными и слабыми, они подчинят нас себе»[129]. Модернизация страны мыслилась им как непрерывный процесс, на первом этапе которого происходит подъем сельского хозяйства, а на втором — подъем промышленности. Такой путь развития он называл

ноюбай кхлуон ты пын кхлуон — «политика опоры на собственные силы», благодаря которой Демократическая Кампучия сможет быстро развиваться избегая диктата других государств: «Мы будем сражаться на фронте сельскохозяйственного производства, так как обладаем сельскохозяйственными ресурсами. Мы займемся развитием других сфер экономики, когда битва в аграрном секторе будет завершена. Учитывая скорость нашего движения вперед, — это будет быстрая битва. Сельское хозяйство станет для нас фундаментом ... для укрепления и развития индустрии[130].

В соответствии с основными ориентирами четырехлетнего плана, за 1977–1980 гг. предполагалось удвоить производство сельскохозяйственной продукции. В документе указывалось, что «падди (необрушенный рис) — основная база, и увеличение его производства — главная задача... все другое — это второстепенные дополнительные продукты, производство которых будет увеличено в будущем»[131].

Расчеты, положенные в обоснование экономических показателей плана, были просты и примитивны: «...За 100 тыс. т падди мы получим 20 млн. долларов. Если у нас будет 500 тыс. т, то будет уже 100 млн. Чтобы получить капитал, мы, таким образом, должны в максимальной степени увеличить рисопроизводство». Всего за четыре года «красные кхмеры» рассчитывали получить 1,3 млрд. долларов от экспорта сельскохозяйственной продукции (в основном риса). При этом предполагалось, что цена одной тонны риса на мировых рынках останется неизменной — 200 долларов[132].

Уже из этих примитивных выкладок становится очевидным, что сельское хозяйство рассматривалось «красными кхмерами» не столько с точки зрения обеспечения продукции для внутреннего потребления, сколько как источник валютных поступлений. Поэтому объем экспорта риса приобретал в глазах правящей группы особое, самодовлеющее значение. В этом экспортном фетишизме и состоял парадокс социально-экономического эксперимента в Демократической Кампучии: отменив деньги, рынки и торговлю, закрыв страну для любых связей с другими государствами, «красные кхмеры» оказались в кабальной зависимости от мирового рынка продовольствия, а доллар фактически заменил при всех расчетах несуществующую национальную денежную единицу. Погоня за долларами за счет максимального увеличения экспорта в ущерб внутреннему потреблению стала для страны настоящим проклятием.

Стремление получить максимальное количество риса без учета реальных возможностей сельского хозяйства привело к тому, что базовые директивные показатели плана оказались сильно завышенными. В частности, планировалось с 1 гектара пашни, занятой под рис, получить 3 т зерна, а с 1 гектара, засеваемого дважды в год — в сезон дождей и в сухой сезон, — 6–7 т[133]. Насколько реальными были такие показатели, можно судить хотя бы по тому, что даже в предреволюционные годы 3 т риса с га получали лишь со своих полей специальные агротехнические станции. В среднем же по стране, как отмечалось, урожайность не превышала 1–1,1 т с га.

Таким образом, основная цель плана — получить 3 т риса с гектара — означала, что удвоения урожайности предполагалось достичь на прежней примитивной агротехнической базе. Эта задача, даже при максимальном использовании дешевой рабочей силы и широкой ирригации, была абсолютно нереальной. Но именно 3 т риса с гектара были заложены в конкретные планы, которые доводились до каждой административной зоны, каждого округа и отдельной бригады. Пол Пот, например, выступая на собрании партийного актива Западной зоны еще в июне 1976 г., потребовал «развернуть наступление, чтобы получить три тонны риса с гектара и, таким образом, совершить великий скачок вперед»[134]. Этот нереальный показатель стал главным мерилом работы партийных комитетов всех уровней, а от выполнения спущенных сверху планов стала зависеть судьба тысяч функционеров на местах.

Еще одним «базовым» показателем четырехлетнего плана стала цифра — 2,4 млн. гектаров. Такую площадь обрабатывали в Камбодже под рис в 1976 г.[135], столько же было запланировано и на 1977 г.

Приведенная ниже таблица, перенесенная без каких-либо поправок из документов плана, показывает, как распределялись эти земли по стране.

Зона	Население, тыс. чел.	Общая площадь, тыс. га	Поля (1 урожай в год)	Поля (2 урожая в год)	Сбор, тыс. т
Северо-запад	1790	662,9	400	60	1620
Восток	1700	521,4	350	40	129
Юго-запад	1500	466,2	300	40	1140
Север	1000	250,0	150	35	695
Запад	600	309,0	100	22	432
Северо-восток	200	29,4	18	3	73
Округ 106 (бывший Сиемреап)	400	144,2	80	11	306
Округ 103 (бывший Преахвихеа)	83	16,8	10	2	42
Остальные (центр и зона вооруженных сил)	60	11,0	11	–	57[1]
Всего	7333	2411	1419	217[2]	5555

[1] При планировании урожая центра и зоны вооруженных сил учитывались 4 тыс. гектаров, обрабатываемых в год.

[2] Эти же 4 тыс. гектаров учитывались и в итоговых данных о землях, используемых дважды в год[136].

Даже самый поверхностный анализ цифр, приведенных в таблице, свидетельствует о нереальности и утопичности четырехлетнего плана. Более того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что и сам документ, по сути, не более чем набор директивных показателей для каждой зоны, причем, как легко можно заметить, некоторые из них никак не стыкуются друг с другом.

Например, общая площадь обрабатываемых земель под рисом для Северо-Западной зоны на 1977 г. была установлена в размере 662,9 тыс. га. Дальше говорится, что земель одноразового урожая в этой зоне — 400 тыс. га, а земель, с которых собирают два урожая в год — 60 тыс. Вопрос: куда исчезли еще 200 тыс. га, которые числились как обрабатываемые земли? Загадки продолжаются дальше, когда мы увидим, что плановый сбор зерна, установленный на 1977 г. в объеме 1620

тыс. т, складывается из 3 т с гектара на площади в 400 тыс. га и 7 т — на площади 60 тыс. га, при этом опять 200 тыс. га никак не учитываются. Все эти очевидные огрехи и нестыковки показателей четырехлетнего плана представляются вполне закономерными. Отсутствие надежной статистики, а главное — нехватка квалифицированных специалистов, заранее предопределяли очевидные слабости подготовленного документа.

В то же время изучение его при всех недостатках и изъянах позволяет сделать некоторые довольно неожиданные выводы относительно аграрной политики «красных кхмеров» и их принципов планирования. Нельзя не заметить, например, что из заявленных к обработке в 1977 г. 2,4 млн. га земель в плановые расчеты попало лишь примерно 1,65 млн. га, а около 800 тыс. га, которые обрабатывались еще в 1976 г., просто исчезли из всех документов. В плане 1977 г. урожай с них вообще не учитывался ни в запланированных показателях для отдельных зон и округов, ни в общем показателе предполагаемого на этот год урожая в стране. Простейший расчет показывает, что ожидаемый сбор в 5 млн. 555 тыс. т риса в 1977 г. как раз и складывался из 1 млн. 419 тыс. га, с которых собирали один урожай в год, и 217 тыс. га, дававших два урожая в год.

В то же время, хорошо представляя ментальность «красных кхмеров», трудно поверить в то, что если бы с тех же 800 тыс. га, которые без каких-либо объяснений исчезли из всех плановых показателей 1977 г., можно было получить хоть что-то, хоть 0,6 т с га, то это было бы обязательно учтено в итоговой таблице. Между тем ни в самом плане, ни в комментариях к нему никаких пояснений по поводу судьбы почти 1/3 части всего пахотного клина 1976 г. не приводится. В тексте плана лишь указывалось, что «из-за проблем в рисопроизводящих районах мы учитываем только 1,42 млн. га, составляющих 58% всех занятых под рис земель, с которых планируется собрать урожай по 3 т с га»[137].

Судя по всему, 800 тыс. га пахотных земель низкого качества были попросту заброшены, причем по негласному указанию партийного руководства, потребовавшего оставить наиболее бедные и малоплодородные земли и сконцентрировать все силы на лучших. К такому выводу нас подталкивает тот факт, что брошенные пахотные земли находились на территории практически всех зон и округов. Больше всего обрабатываемых земель потеряла Северо-Западная зона — 202 тыс. га, Западная — 177 тыс. га. Меньшими были потери

в Восточной — 131 тыс. га, Юго-Западной — 126 тыс. га и Северной зоны с округами 106 и 103 — 112 тыс. га.

Анализ сведений, приведенных в таблице, полностью опровергает устоявшееся мнение о том, что аграрная политика и стратегия «красных кхмеров» сводилась лишь к безудержному расширению общей площади обрабатываемых земель, что это была политика, рассчитанная на чисто экстенсивное земледелие, на выкачивание хотя бы и небольшого количества риса с бедных по качеству земель. Попытки пойти таким путем действительно предпринимались, и наиболее трагичным примером такой политики стала уже упомянутая «трудовая битва за земли Севера», закончившаяся провалом и гибелью тысяч людей.

Несомненно, что «красные кхмеры» сумели сделать необходимые выводы из этой неудачи и при подготовке четырехлетнего плана сделали ставку не на экстенсивное расширение пахотных площадей за счет освоения малоценных и малопродуктивных земель в джунглях, а на максимально возможную в их положении интенсификацию сельскохозяйственного производства. Для каждой зоны они вывели даже специальный показатель: число людей, приходящихся на один гектар пахотной земли. В 1976 г. лидировала по этому показателю Северная зона, где на один гектар приходилось 4 человека. На востоке этот показатель составлял 3,26; на юго-западе — 3,22 и на северо-западе — 2,70[138]. Для того чтобы увеличить число людей на гектар пашни, они и пошли на такой радикальный, но вынужденный шаг, как оставление значительной части уже освоенного пахотного клина. Правда, часть оставленных земель планировалось впоследствии вернуть в оборот. В тексте плана указывалось, что «эти земли должны были быть переустроены и превращены в первоклассные угодья, способные дать два урожая в год»[139].

Особенность четырехлетнего плана заключалась еще и в том, что расширения угодий для одноразового урожая не предусматривалось. В 1977–1980 гг. прирост обрабатываемых площадей в стране планировалось обеспечивать только за счет введения в сельскохозяйственный оборот первоклассных земель, способных дать два урожая в год. Например, в Северо-Западной зоне сбор риса с земель, дающих один урожай в год, в 1977 и в 1980 гг. должен был составлять неизменные 1 млн. 200 тыс. т[140]. В то же время урожай, полученный с первоклассных полей, планировалось увеличить с 420 тыс. до 1 млн. 400 тыс. т риса[141]. Подобным же образом планировались показатели и для остальных зон. В Восточной зоне, например, сбор риса с первоклассных

полей за четыре года должен был возрасти более чем вдвое — с 240 тыс. до 570 тыс. т. Увеличение сбора с полей одноразового урожая также не предусматривалось[142].

Такого прироста продукции партийный центр рассчитывал достигнуть без использования машин и механизмов, исключительно благодаря максимальной эксплуатации живого труда людей, чье положение мало чем отличалось от рабского. В своих признаниях, написанных в Туолсленге, Ху Ним «вспоминал», что «товарищ номер один (Пол Пот) указывал мне, что необходимо шире пропагандировать те районы и округа, где видна сильная коллективистская линия партии, причем акцентировать внимание надо на том, что эти люди используют лишь ручной труд при минимуме механизации... а еще лучше приводить в качестве примера бедные районы, где земля суха и бесплодна, но где применяют только труд людей и нет никаких машин»[143].

Установка Пол Пота на исключительное использование ручного труда в сельскохозяйственном производстве вызывала резкую критику и протест со стороны руководства региональных партийных комитетов. Известный деятель Компартии, член ее ЦК Муол Самбат (Рос Нхим), глава администрации Северо-Западной зоны, в конфиденциальной беседе с Ху Нимом не скрывал своего мнения: «Точка зрения руководства ЦК на проблемы сельскохозяйственного строительства состоит в том, что главный упор мы должны делать на использование физического труда людей. Я с таким подходом не согласен. Опора на физический труд ведет нас назад. Необходимо использовать тракторы и различные механизмы»[144].

Муол Самбат считал также, что необходимо добиться получения любой возможной материальной помощи из-за границы. «Чтобы быстро построить Камбоджу, мы должны использовать тракторы, другую технику, которую можем получить как помощь от других стран»[145]. Подобные соображения, видимо, были не у одного Муол Самбата — многие руководители на местах понимали, что, используя только физический труд людей, выполнить показатели плана будет невозможно. Партийный центр подобные настроения объявлял «ревизионистской, капиталистической линией», поскольку использование машин и различной сельскохозяйственной техники привело бы к все возрастающей зависимости страны от заграницы. Кроме того, это означало и покушение на основополагающий для идеологии режима принцип опоры на собственные силы[146].

Этот принцип, как известно, активно проводился в практике многих коммунистических партий, стоявших у власти. Его популярность достигала апогея, когда «коммунистический эксперимент» проходил фазу восхождения, в пору его максимального противоположения плановой экономике, товарным, рыночным формам. Тогда принцип «опоры на собственные силы» пропагандировался обычно как определяющий всю внутреннюю и внешнюю политику того или иного коммунистического правительства. И это во многих случаях не было примитивной пропагандой, так как в период противоположения бестоварных форм товарным и тоталитаризма демократии значение политики «опоры на собственные силы» для самоутверждения и самосохранения коммунистического режима действительно было велико. Такая практика как бы подкрепляла национализмом реально существовавший социально-экономический строй, соединяла политику и экономику.

Тот же принцип в период становления бестоварной экономики служил обоснованием необходимости и возможности автаркии, полного разрыва связей с внешними рынками, создавая иллюзию, что замкнутая бестоварная система в состоянии успешно противостоять товарным формам. Да и в пропагандистском плане политика «опоры на собственные силы» почти всегда оказывалась эффективной, так как играла на тонких струнах патриотизма и стремления к независимости.

«Красные кхмеры» постоянно утверждали, что хозяйственные связи Камбоджи с другими более развитыми государствами неизменно приведут к экономической эксплуатации страны. Не допустить этого способна последовательно проводимая политика «опоры на собственные силы». Только на ее основе, отмечалось в партийных документах, «мы сможем добиться нашей стратегической цели — быть независимыми и самим определять судьбу страны»[147]. Любые попытки «посягательства» на основополагающий «принцип» рассматривались как прямой вызов политике партийного центра и пресекались самым решительным образом.

Поражение сторонников модернизации страны с расчетом на иностранную помощь (Муол Самбат, как и Ху Ним, был арестован и убит в 1977 г.) объяснялось и тем, что в рамках «перевернутой» логики бестоварной системы предложение использовать механизацию оказывалось экономически нецелесообразным. Механизированный труд, требовавший соответствующего оборудования, топлива и обслуживания, оказывался существенно дороже труда физического, особенно тогда, когда физический труд обретал по существу подневольную рабскую

форму. В условиях Демократической Кампучии для выполнения ирригационных работ, корчевки леса, посадки и сбора риса было выгоднее использовать не машины и механизмы, а десятки тысяч «мужчин и женщин, чье революционное сознание с точки зрения «красных кхмеров» оставалось сомнительным». Именно они, как отмечал Д. Чандлер, и «должны были выполнить основную работу для совершения «большого скачка»[148].

4. Основные цели и направления четырехлетнего плана

Осенью 1975 г., еще до принятия четырехлетнего плана, в Северо-Западную зону, которая, вероятно, уже тогда была выбрана как ключевая для «великого скачка вперед», были направлены массовые потоки переселенцев. Цель этого перемещения состояла в том, чтобы собрать достаточную массу организованных для труда людей и использовать их для подъема рисопроизводства в одном отдельно взятом районе. На этом базировалась экономическая стратегия «красных кхмеров».

О том, как проводилось второе переселение (первое — изгнание людей из Пномпеня), есть много убедительных свидетельств, собранных в известной книге Дж. Баррона и А. Поля[149]. Но даже без них, а только по известным документам партийного центра, можно убедительно воспроизвести историю тщательно спланированного «второго» массового переселения жителей страны.

На этот раз поток людей, прибывших из Пномпеня в Восточную и Юго-Западную зоны, в основном направлялся в Северо-Западную зону, в которой за короткое время численность населения разительно увеличилась. В 1968 г. на территории провинций Баттамбанг и Пурсат, которые собственно и составляли эту зону, проживало лишь 908 тыс. человек, в 1976 г. — почти в 2 раза больше — 1 млн. 790 тыс.[150] Естественно, что никакой, даже самый высокий естественный прирост не привел бы за столь короткое время к такому изменению всей демографической картины. Наоборот, война, постоянные бомбардировки должны были существенно уменьшить численность населения, так как во время всех этих катаклизмов часть местных жителей погибла. Однако эти потери были с лихвой перекрыты крупными волнами массового переселения, прокатившимися по северо-западу Камбоджи весной и поздней осенью 1975 г.

В апреле-мае 1975 г. в части приграничных с Северо-Западной зоной территорий уже отмечалось массовое передвижение тысяч пномпеньцев, направленных в два округа — № 103 (бывшая провинция Преахвихеа) и № 106 (бывшая провинция Сиемреап). Границы «трудовой битвы на Севере» охватили не только эти округа, но и районы № 4, 5 и 7 Северо-Западной зоны. Однако весенняя волна переселенцев оказалась лишь прелюдией к намного более мощной осенней волне, с которой на территорию Северо-Западной зоны прибыло от 800 тыс. до 1 млн. человек[151]. По своему происхождению новоприбывшие состояли в основном также из бывших жителей Пномпеня, попавших весной 1975 г. в Восточную и Юго-Западную зоны. По всей видимости, при подготовке четырехлетнего плана «красные кхмеры» пришли к выводу, что людей на востоке и юго-западе вполне хватает, а на северо-западе, который должен стать камбоджийской житницей, есть еще достаточный земельный клин, пригодный к освоению, и для этого необходимы лишь люди. В таком подходе была своя логика: действительно, до начала переселения соотношение числа людей к площади обрабатываемой земли именно на северо-западе было наименьшим. Ведь даже после переселения в этой зоне в среднем приходилось лишь 2,70 человека на гектар пашни, тогда как на востоке — 3,26, а на юго-западе — 3,22[152].

Массовое переселение сотен тысяч людей осенью 1975 г. можно рассматривать как первый предварительный этап подготовки условий для реализации четырехлетнего плана «большого скачка», в котором Северо-Западной зоне, как мы отмечали, отводилось особое, можно сказать, ведущее место. Это видно даже при самом поверхностном изучении основных показателей четырехлетнего плана: три ведущие зоны Демократической Кампучии — Северо-Западная, Восточная и Юго-Западная — должны были обеспечить стране 72% всех земель, которые давали один урожай в год, и 65% земель, дававших по два урожая[153]. Их совокупная продукция в 1977 г. должна была составить 4 млн. 500 тыс. т риса, из которых на северо-западе планировалось произвести 1 млн. 620 тыс. т. В 1980 г. общий сбор в трех зонах должен был составить уже 5 млн. 660 тыс.: при этом план для северо-запада равнялся 2 млн. 600 тыс., востока — 1 млн. 620 тыс., а юго-запада — 1 млн. 440 тыс. т риса[154]. Таким образом, за четыре года общий сбор риса в Восточной и Юго-Западной зонах планировалось увеличить соответственно на 330 тыс. и 300 тыс. т, а на северо-западе за это же время производство должно было возрасти на 980 тыс. т, т. е. почти

в три раза больше, чем в двух других основных сельскохозяйственных и рисопроизводящих зонах.

К выводу о том, что именно Северо-Западная зона планировалась как объект «главного удара» в выполнении программы «большого скачка», подводит нас и другая важная информация, почерпнутая из документов плана. В Северо-Западной зоне, например, площадь элитной пашни с двухразовым урожаем в год должна была возрасти с 60 тыс. га в 1977 до 200 тыс. в 1980 г. и составить 50% всех пахотных земель этой зоны[155]. На востоке и юго-западе площадь элитных земель должна была возрасти соответственно с 40 до 96 тыс. и с 40 до 90 тыс. га[156]. Иначе говоря, и в увеличении темпов роста площадей первоклассных пахотных земель показатели для северо-запада предусматривались почти в три раза более высокие, чем для других зон. С 1977 по 1980 г. поставки риса из этой зоны должны были возрасти с 450 тыс. до 850 тыс. т[157].

Выбор Северо-Западной зоны как основной базы для решения задач, поставленных четырехлетним планом, подтверждается и при анализе предусмотренной в этом документе структуры камбоджийского экспорта. Всего за четыре года «красные кхмеры» рассчитывали получить от экспорта 1 млрд. 300 млн. долларов[158], причем 90% этой суммы должно было дать рисопроизводство, а остальное приходилось на каучук (70 млн. долл., или 5%) и другие культуры[159]. Так вот, из отведенных собственно на рис 1 млрд. 170 млн. долл. — 520 млн., или 45%, от всего дохода должен был дать экспорт из Северо-Западной зоны[160]. Другие же зоны на массовый рост вывоза риса с их территории ориентированы не были. Их доля в совокупном экспортном доходе колебалась в пределах от 22% (Восточная зона) до 20% (Юго-Западная)[161].

Нереальный и откровенно амбициозный план «большого скачка вперед» в сфере производства риса был теснейшим образом связан с таким же неосуществимым планом ирригационного строительства. В «Предварительных объяснениях к четырехлетнему плану», с которыми Пол Пот выступил в августе 1976 г., он рассуждал: «...Для того чтобы стабильно получать один и два урожая риса в год, необходимо решить водную проблему. Эта проблема уже давно стоит перед страной и ныне мы готовы к тому, чтобы обеспечивать большую часть земельных угодий водой в любое время года»[162].

Соответственно в четырехлетний план было заложено императивное требование: за четыре года увеличить площадь орошаемых земель

в стране более чем в два раза. Причем сделать это — без использования машин и механизмов. Пол Пот прямо заявил, что «проблема обеспечения пахотных земель водой не может быть решена на основе применения машинной техники»[163].

В экономических реалиях бестоварной системы такое заявление не выглядело откровенным бредом сумасшедшего. Камбоджа тех лет представляла собой такой социально-экономический феномен, где никакие самые производительные машины и в самом деле не смогли бы конкурировать с многотысячной массой людей, превращенных в рабов. Это они должны были выработать сотни тысяч кубометров земли, возвести десятки магистральных и сотни местных каналов, построить дамбы и плотины. Впрочем, авторы, с симпатией относившиеся к Демократической Кампучии, — например, те же Дж. Гильдебранд и Г. Портер, искренне восхищались масштабами и характером затеянного в стране ирригационного строительства[164].

Действительно, план ирригационного строительства, предложенный партийным центром, мог произвести впечатление своим невиданным для страны размахом. Этот план назывался «стратегической линией партии в деле подъема сельского хозяйства», и цель его была — «превратить кхмеров в хозяев воды — независимых от погодных условий земледельцев»[165]. Его осуществление было объявлено «немедленной всенародной борьбой за водные ресурсы»[166]. Смысл этой «всенародной борьбы» был разъяснен: «На востоке, юго-западе, севере и западе на высоких и низких землях — всюду должны возводиться ирригационные каналы». Это, отмечал Пол Пот, — «наш стратегический приоритет»[167]. Глава Демократической Кампучии рассчитывал, вероятно, в явных традициях китайского «большого скачка» превратить страну в одну большую стройку, чтобы все и везде копали каналы и плотины, чтобы каждый округ или район возводил свою собственную ирригационную систему.

Нельзя не сказать, что предложенный партийным центром план «великого скачка в ирригационном строительстве» и методы его осуществления встретили открытое сопротивление со стороны «умеренных» членов партии. В беседах между собой они говорили, что не согласны с партийным центром, что лучше не распылять силы по огромному количеству строек, а начать с крупных магистральных каналов, которые гарантировали бы приток воды из Меконга, даже тогда, когда количество влаги в период основного сельскохозяйственного

сезона оставалось недостаточным. Такое мнение высказал в беседе с Ху Нимом упомянутый выше Муол Самбат[168].

Действительно, экономическая эффективность предложений Салотх Сара была сомнительной, поскольку вся история страны да и недавний опыт «северной битвы» свидетельствовали о том, что мелкие местные плотины, построенные, как правило, без надежного инженерного обоснования, были малоэффективны, зависели от выпавшего количества осадков и оказывались очень недолговечными. Несколько крупных ирригационных проектов могли бы принести куда больше пользы, однако такой подход к ирригации не соответствовал политическим взглядам и целям партийного центра.

Конкретный план ирригационного строительства в стране, принятый к исполнению на 1977–1980 гг., предусматривал следующие основные показатели[169].

Тип земли под рисом	1977	1978	1979	1980
Земли, дающие 2 урожая в год	50–60%	60–70%	70–80%	80–90%
Земли, дающие 1 урожай в год	10–20% или 10–15%	20–30% или 20–25%	30–40% или 25–30%	40–50% или 30–35%

Как мы видим, материалы об ирригации, сведенные в приведенную таблицу, носят общий и малоинформативный характер. Очевидно, что эта важнейшая в условиях Камбоджи часть четырехлетнего плана не была предварительно детально и всесторонне просчитана и проработана. Она отражает скорее пожелания, чем реальные возможности развития орошения в стране. По всей видимости, чисто волевым решением партийное руководство постановило, что если, например, в 1977 г. ирригация должна была охватывать 50–60% земель, дающих два урожая в год, то в 1978 г. эта цифра должна была вырасти до 60–70%, а в 1979 г. соответственно до 70–80%. Как, каким образом, за счет каких средств этот запланированный рост будет достигнут, указано не было.

Если же от этих мало что говорящих процентов мы обратимся к реальным величинам, то получится, что если в 1977 г. первоклассные пахотные земли составляли 217 тыс. га, то к 1980 г. их площадь должна была вырасти до 536 тыс. га и вместо 1,3 млн. т риса эти земли должны

были дать более 3,2 млн. т[170]. В плане утверждалось также, что с 1977 по 1980 г. «проблема воды должна быть решена на 80–90 %, что будет гарантировать нам независимость от природных сил»[171].

Другим ключевым элементом плана и базовой точкой всех расчетов была ставка на максимальное ограничение внутреннего потребления риса в стране. Это должно было стать долговременной политикой и никакие планируемые победы на «фронтах производства и ирригации» не должны были отразиться на рационе и нормах питания: предусматривались неизменные, минимально необходимые людям нормы потребления.

По уровню потребления продуктов питания все население страны было разделено на четыре категории: первая охватывала наиболее активно работавших людей, входивших в так называемые бригады авангарда (бригады ударников). С 1977 по 1980 г. их дневная норма должна была составлять три небольшие миски (500–600 г вареного риса в день). Вторая категория — основное трудоспособное население — должна была получать 2,5 миски в день (400–500 г). Третья и четвертая категории, охватывавшие стариков, детей, мужчин и женщин, не способных к активному труду, должны были получать соответственно по 2 и 1,5 миски в день (350–400 г и 300–450 г)[172]. Но даже эти минимальные нормы продовольствия были недостижимы для людей, потому что на практике свой рис отдельно не получал никто. Группы и рабочие команды питались совместно из одного большого котла сильно разбавленным рисовым супом — по-кхмерски он назывался бобо, — и было сложно установить, насколько количество содержавшегося в нем зерна соответствовало запланированным нормам.

Как свидетельствуют очевидцы, практически везде, за исключением Восточной зоны[173], жизнь людей поддерживалась на минимально необходимом физиологическом уровне. Поэтому эффективность их труда, несмотря ни на какое принуждение, оставалась очень низкой. Это признавали в своих конфиденциальных документах и члены руководства «красных кхмеров». Так, в секретном докладе по итогам деятельности Партийного центра в 1976 г. низкая производительность труда объяснялась хронической нехваткой питания: «Способность имеющейся во всех административных зонах рабочей силы к труду ничтожна. Лишь в большинстве районов Восточной зоны ее состояние более предпочтительное»[174]. Однако, констатируя этот факт, указывая в докладе на необходимость «максимально улучшить жизнь и питание людей», «ввести три выходных дня в месяц для всех работающих»[175],

руководство партии не сделало ничего для осуществления всех этих предложений на практике.

Выбирая между желанием быстрее получить иностранную валюту за счет максимального по объему экспорта риса за границу и необходимостью отдавать больше риса на внутреннее потребление, Партийный центр всегда предпочитал первый вариант. Тем самым руководство в погоне за миражами «большого скачка» фактически само, так сказать, рубило сук, на котором держалась экономика, поскольку обессиленное население не выполняло даже вполне реальные по камбоджийским условиям планы. В одном из документов международного суда над руководством «красных кхмеров», проведенного в августе 1979 г. в Пномпене, было отмечено, что «потребление риса кхмерским населением в 1975–76 гг. оценивалось в 600 тыс. т или одну тонну на 10 жителей в год; в 1976–77 гг. — 500 тыс. т; в 1977–78 гг. — 400 тыс. т»[176].

Падающий уровень внутреннего потребления и растущий уровень вывоза риса из страны на экспорт свидетельствовали о тупике, к которому подошла бестоварная система. Казалось бы, 1976–77 гг. — период ее пика, но именно в этот момент она оказалась в жесточайшей зависимости от цен мирового рынка и, как это ни парадоксально, от товарных рыночных законов, которые и формировали этот рынок. Пол Пот и его соратники хотя и продолжали твердить о том, что «революционное единство Камбоджи основывается на решении о запрете денег» и что «запрещение денег и коллективизация развязали творческие и продуктивные силы страны»[177], оказались на деле в плену реального фетишизма. Любым способом они стремились получить как можно больше долларов, ради этого приказывали даже увеличить посевные площади под наиболее дорогими на мировом рынке сортами риса — тяжелыми[178]. Традиционные для Камбоджи легкие сорта руководство страны больше не устраивали[179]. Указание о пересортировке семенного материала стало еще одним утопическим решением, заложенным в план, хотя в закрытых партийных документах признавалось, что «из-за голода селекционные работы в стране фактически не велись, а семена разных сортов в большинстве групп и рабочих команд перемешались друг с другом и выделить лишь тяжелые сорта в 1977 г. невозможно»[180].

Изучение различных разделов четырехлетнего плана показывает огромный разрыв, который существовал между желанием Пол Пота превратить Камбоджу в сильное и развитое государство и реальными возможностями добиться этого. Он пытался игнорировать

экономическую реальность и рассчитывал на факторы принуждения — жесточайшую дисциплину и подчинение, страх, тотальное насилие, которые должны были, по его мнению, дать ему возможность в кратчайшие сроки добиться своих целей. Поэтому четырехлетний план стал инструментом не столько экономического развития, сколько политической борьбы. Судя по некоторым высказываниям приближенных к Пол Поту людей, масштабные ирригационные работы по всей стране рассматривались не только как базовое условие сельскохозяйственного роста, но и как мощное средство политической мобилизации населения и контроля над ним. Кхиеу Самфан в 1977 г. говорил, что решения о развитии ирригации, принятые Партийным центром, необходимо неукоснительно выполнять на местах и «нет ничего страшного, если построенные дамбы и резервуары просуществуют всего 5–10 лет»[181].

Таким образом, четырехлетний план рассматривался как инструмент господства центрального руководства над руководством административных зон, поскольку, как не раз отмечали многие политологи[182], без центрального планирования (его качество — это уже другой вопрос) сверхбюрократизированное общество, каким была Демократическая Кампучия, существовать просто не могло.

5. «Большой скачок» в коммунизм и его последствия

В декабре 1976 г. на специальном заседании Партийного центра в Пномпене были одобрены основные направления экономического развития Камбоджи на 1977 г., которые полностью совпадали с установками четырехлетнего плана[183]. Задача добиться получения не менее трех тонн риса с гектара была объявлена ключевой на предстоящий год[184]. Пол Пот, выступая перед партийным активом, заявил об итогах 1976 г. и предстоящих целях: «Мы уже выполнили 75–80% от запланированного и еще рассчитываем получить рис, посаженный после уборки основного урожая. Если все это сложить вместе, мы полагаем, что сможем выполнить план на 90%»[185]. В официальной правительственной газете «Новости Демократической Кампучии» также утверждалось, что «урожай 1976 г. лучше, чем урожай 1975 г., и что эта победа была достигнута благодаря правильной линии в вопросах ирригации»[186]. На самом деле все эти утверждения не соответствовали истине, и реальное положение в стране было совершенно иным.

По данным практически всех независимых наблюдателей, климатические условия в 1976 г. были очень неблагоприятными для рисоводства по всему Индокитаю. Американский журналист Г. Камм отмечал в газете «Нью-Йорк таймс», что в Камбодже исключительно сильные ливни вызвали катастрофическое наводнение и не меньший ущерб урожаю нанесли разного рода сельскохозяйственные вредители[187]. Об этом же свидетельствовала и информация, полученная на основе анализа фотографий камбоджийской территории из космоса. Как передавало агентство Франс Пресс, «урожай в декабре 1976 г. в основных рисопроизводящих районах Камбоджи был плохим, и повсюду царил голод»[188]. Свидетельств о массовом голоде 1976 г. очень много. Дж. Баррон и А. Поль в своем исследовании пишут, например: «...Осенью 1976 г. улучшения продовольственной ситуации в стране не произошло. Во многих местах рацион питания оставался на уровне 1975 г., когда люди получали по половине миски риса в день (примерно 100–120 г)[189].

Положение в стране в конце 1976 г. стало настолько тяжелым, что по указанию Пол Пота план по экспорту риса был снижен с абсолютно нереальных 1 млн. 300 тыс. т до также нереальных 500 тыс. т[190]. Но это была единственная и мало что значившая уступка Партийного центра по части корректировки основных показателей плана. В остальном предписания неукоснительно выполнять все основные плановые показатели и в ирригации и в рисопроизводстве не отменялись.

Жесткие требования Партийного центра, подкреплявшиеся угрозой ареста и репрессий в отношении местных кадров, ответственных за выполнение плановых показателей, стали главной причиной нового витка массового голода, охватившего страну в 1977 г. Дело в том, что рис изымался из зон, округов и районов по квотам, установленным для каждой административной единицы отдельно, исходя из расчетных показателей четырехлетнего плана. После того как члены рабочих бригад завершали уборку урожая, немедленно появлялись представители местных властей, которые и определяли, какую часть риса оставить им на питание, а какую «централизовать». Эта «централизация» заключалась в том, что рис отправляли на специальные зональные склады для хранения и последующего распределения среди административного аппарата зоны и войсковых частей, расположенных на этой территории. Оставшийся после всей этой разнарядки рис отправлялся на центральные склады, расположенные в Пномпене[191].

Главное условие многоступенчатой системы распределения состояло в том, что руководство зоны не имело права отправлять в центр

меньше риса, чем это было определено показателями четырехлетнего плана. А они, как уже отмечалось, составляли нереальные 3 т риса с обычных полей и 6–7 т с полей, засеваемых дважды в год. В таких обстоятельствах выполнить производственный план было невозможно, поэтому, чтобы хоть как-то приблизиться к установленным объемам, административный аппарат зон и округов вынужден был отбирать у рабочих бригад и групп солидарности практически весь собранный ими рис. Масштабы изъятия были очень велики. Ведь даже если предположить, что средняя урожайность с гектара выросла с 1,1 т до 1,3 т, — а это маловероятно без использования минеральных удобрений и химических средств защиты растений, — все равно, чтобы выполнить установленные нормы администрации на местах, необходимо было добавить на каждый учтенный гектар по меньшей мере еще 1,7 т риса. Сделать это можно было только путем максимального сокращения внутреннего потребления в рабочих бригадах. Как рассказывал мне Кхиеу Муй, в 1977 г. в их бригаде бывали дни, когда в чане с традиционной рисовой похлебкой «бобо» плавало так мало рисинок, что их можно было сосчитать на пальцах[192].

Опросы очевидцев показывают, что больше всего от голода страдали чисто рисоводческие районы, где не было иных кроме риса источников пищи, тогда как люди, жившие в поселениях близ рек или в районе Тонлесапа, имели возможность ловить для себя рыбу[193].

Еще одна причина нехватки риса и массового голода 1977 г. состояла в том, что наводнения и обильные дожди, случившиеся осенью 1976 г., разрушили множество построенных ценой огромных жертв плотин, дамб и ирригационных каналов. Эти «великие победы в трудовых битвах» были легко сметены стихией, поскольку никаких серьезных инженерных проработок при строительстве не проводилось. Когда в руководстве «красных кхмеров» обсуждался вопрос о том, следует ли при возведении разного рода ирригационных объектов использовать инженеров, подготовленных при «старом режиме», Пол Пот выступил категорически против, заявив, что «предпочитает “красных” по идеологии людей» любым специалистам[194]. В результате во многих случаях непосильный труд, стоивший многих жертв, оказался напрасным. Как справедливо отмечал Д. Чандлер, «для миллионов кхмеров смысл всей их жизни стал заключаться в бесконечном рытье каналов и строительстве плотин в бешеном темпе»[195]. Лишь несколько крупных ирригационных объектов на территории Восточной зоны были возведены с необходимой инженерной подготовкой и, по оценке известного

специалиста по ирригации М. А. Мартина, были выполнены на должном уровне[196].

Вообще, на протяжении всего периода радикальных реформ руководство Восточной зоны стояло особняком, проводя во многом самостоятельную политику, освобожденную по возможности из-под пресса экономических решений Партийного центра. Особое положение Восточной зоны определялось во многом тем, что во главе ее партийной организации и вооруженных сил стоял Со Пхим — один из немногих уцелевших ветеранов Компартии Индокитая, авторитетный и влиятельный деятель, входивший вместе с Пол Потом, Нуон Чеа, Иенг Сари и Сон Сеном в секретную пятерку высших руководителей партии[197]. Нельзя сказать, что это был деятель, безоговорочно ориентированный на Вьетнам, хотя с вьетнамскими коммунистами его и связывало многолетнее успешное сотрудничество, но по своим взглядам на характер развития страны он сильно отличался от Пол Пота и его группы. Вместо радикальных и стоивших тысяч жертв политических кампаний он предпочитал медленное продвижение вперед, избегал массовых репрессий по отношению к «новым людям», сохранял на приемлемом уровне качество жизни населения. В определенном смысле он вместе с партийно-административным аппаратом Восточной зоны оказался как бы антиподом радикалов, по существу, проводя альтернативную хозяйственную и социальную политику. Обладая некоторой самостоятельностью, руководство Восточной зоны в период 1975–1977 г. сумело обеспечить «своему» населению наивысший уровень жизни в стране. Более того, под предлогом экономических трудностей Со Пхим фактически отказался выполнять нормы, установленные Восточной зоне четырехлетним планом. По достоверным свидетельствам, в то время как в 1976 г. рис в центр поступал в основном с востока, уже ни в 1977, ни в 1978 г. центр ничего с востока не получал»[198].

Долгое время между Партийным центром в Пномпене и Со Пхимом в Прейвенге поддерживалось статус-кво, поскольку арестовать Со Пхима так же, как других деятелей, которые были заподозрены в связях с Вьетнамом, было невозможно. Он контролировал границу с Вьетнамом, ему подчинялись хорошо вооруженные войска и все партийно-административные структуры Восточной зоны. Борьбу против него Пол Пот начал исподволь, постепенно подрывая его позиции в партийном и региональном руководстве. В 1976 г. были арестованы несколько сотрудников Со Пхима, которые после истязаний в Туолсленге дали признательные показания о подготовке заговора

в Восточной зоне. Со Пхим не сумел их выручить и вынужден был подчиниться партийному центру, назначив своим заместителем человека, направленного к нему Пол Потом[199]. После этого его власть оказалась существенно ограничена, однако, вплоть до майского восстания в Восточной зоне в 1978 г., Со Пхиму, несмотря на аресты части его сторонников, удавалось в целом сохранять основное ядро преданных ему партийных кадров. Именно эти люди, вроде Хенг Самрина и Чеа Сима, занимавшие важные позиции в подчиненном ему военно-административном аппарате, позже составят ядро властной верхушки в постполпотовской Камбодже.

Юго-Западная зона по своему значению, экономической и военной мощи ничем не уступала Восточной. Однако режим содержания людей в ней был более жестким, наказания за малейшие проступки — более частые и жестокие. Население в отдельных районах этой зоны все время балансировало на грани голода, хотя известно, что Партийный центр установил здесь очень низкие нормы изъятия риса. Такая поблажка объяснялась тем, что именно администрацию Юго-Западной зоны и ее лидера Та Мока Пол Пот рассматривал как людей наиболее ему преданных, всегда готовых поддержать центральное руководство. Сам Та Мок, так же как и Со Пхим, считался ветераном партии, вступившим в революционное движение еще в эпоху Кхмер Иссарака и Компартии Индокитая[200]. В отличие от Со Пхима он был известен своей враждебностью к вьетнамцам, а во всех внутрипартийных конфликтах всегда становился на сторону Пол Пота. Тот в свою очередь во всем поддерживал Та Мока, особенно в его противостоянии другим известным партийным деятелям, которые долгое время находились в руководстве этой зоны. К 1975 г. Та Мок полностью доминировал на юго-западе Камбоджи, контролируя весь военный и административный аппарат. Рассчитывая на поддержку Та Мока, «брат номер один» не мог и не хотел ставить перед ним невыполнимые задачи.

Как мы видим, реальная обстановка в стране сложилась таким образом, что две из трех основных рисопроизводящих зон по разным причинам оказались фактически вне рамок четырехлетнего плана. Что касается Северо-Западной зоны, то там так и не сформировалось столь сильной военно-административной структуры, способной противостоять Партийному центру, как на Востоке. Поэтому именно эта зона и стала главным объектом реализации положений четырехлетнего плана. От ее руководства Партийный центр потребовал полного выполнения установленных в плане норм передачи в центральные

зернохранилища полученного урожая. В партийных директивах указывалось, что «в 1977 г. зона должна произвести 1 млн. 620 тыс. т риса, бóльшая часть которого должна быть передана в центр и стать основой для экспорта»[201].

Точных данных о реальных объемах производства риса в 1977 г. в Северо-Западной зоне у нас нет, но очевидно, что даже при самом благоприятном урожае эта цифра должна была колебаться в пределах от 700 до 900 тыс. тонн. Эта оценка основывается на том, что даже в чрезвычайно удачном для рисоводства сельскохозяйственном сезоне 1969/70 г. на территории провинций Баттамбанг и Пурсат, составивших впоследствии Северо-Западную зону, собрано было лишь 913 тыс. т риса[202]. Таким образом, дефицит по сравнению с установленным для этой зоны плановым заданием составлял от 700 до 900 тыс. т. Несмотря на то что администрация Северо-Западной зоны попыталась выполнить установленные квоты за счет сокращения и без того мизерных пайков, выделявшихся членам кооперативов и рабочих команд, полностью выполнить задание оно не смогло. В конфиденциальной беседе с Ху Нимом секретарь партийного комитета этой зоны Муол Самбат прямо сказал: «Мы не можем выполнить поставленной партийными органами план по рису, так как у нас нет ни тракторов, ни сельскохозяйственной техники, ни горючего»[203].

Неспособность Северо-Западной зоны выполнить установки Партийного центра стала поводом для жесточайшей чистки и уничтожения всего партийно-административного аппарата зоны. Все руководство ее было обвинено в предательстве, в том, что глава зоны Муол Самбат и его кадры «специально морили голодом людей, а рис передавали вьетнамцам»[204]. После ареста и расстрела высшего руководства зоны, репрессии остановлены не были и на северо-запад были присланы работники из Юго-Западной зоны, аппарату которой руководство Компартии, как уже отмечалось, доверяло больше всего. Очевидцы так описывают последовавшие вслед за этим трагические события. В середине и в конце 1977 г. в Северо-Западную зону начали прибывать новые кадровые работники с юго-запада, в основном из бывших провинций Такео и Кампот. Они приезжали со своими семьями под охраной вооруженных отрядов. Все административные кадры северо-запада были объявлены предателями, их разоружили и арестовали, в том числе даже руководителей рабочих команд (*ме конг*). Их обвинили в том, что они привержены «старым идеям», а затем уничтожили[205].

После разгрома кадров Северо-Западной зоны, на какое-то время положение находившихся там людей несколько улучшилось. Однако вскоре и общие котлы с пустым супом «бобо», и безразмерный изнурительный труд, и тайные расстрелы — все это вернулось в еще более жестоком виде. Новые руководители Северо-Западной зоны обвинили рабочие бригады в том, что они «недостаточно напряженно работают», хотя они трудились на полях весь световой день[206].

Еще одним нововведением 1977 г. стала ликвидация всякого различия между «старым» и «новым» населением, — отныне всем запрещалось без специального разрешения покидать места расположения бригад[207]. Объединение «старого» и «нового» населения в одну социальную группу стало ключевой социальной реформой 1977 г. Власти объясняли это тем, что «старое» население тоже должно идти по пути коллективизма и социализма. Партийная газета «Конг Падевоат» (Революционная сила) писала: «На основе коллективизма мы строим социализм. Если мы будем придерживаться этой правильной линии, то империалистам нас не покорить. Если же мы станем индивидуалистами, то империалисты с легкостью нас подчинят. В силу этого надо повсеместно ввести коллективное питание, а также единую форму одежды для всех и общее жилище»[208].

На самом деле не только необходимостью «успешно противостоять империалистам», но в первую очередь экономическими причинами объяснялся перевод и «старого» и «нового» населения на питание по «системе общих котлов». Как уже отмечалось, за счет введения этой системы заметно увеличивались возможности отбора у населения большего, чем раньше, количества риса, поскольку в котлы, как рассказывал мне Кхиеу Муй, «рассчитанные обычно на группу (10 человек), закладывались нормы из расчета четырех-пяти, а то и того меньше людей»[209].

Состояние хронического голода населения распространилось в 1978 г. практически на все основные рисопроизводящие районы. Нормы питания были резко снижены даже в привилегированной Юго-Западной зоне[210]. В тринадцатом округе этой зоны люди стали получать в день порцию жидкой рисовой каши. В 1977–1978 гг. «почти треть населения округа погибла от недоедания»[211]. Еще большие испытания выпали на долю населения Восточной зоны, которая была полностью опустошена после поражения майского восстания 1978 г., а ее жители подверглись тотальному истреблению или переселению в новые районы в Западной Камбодже.

А между тем, по признанию самих полпотовских властей, «климатические условия 1977 г. хотя и были неблагоприятными, но урожай риса был выше, чем в предыдущие годы»[212]. По свидетельству очевидцев, «люди производили достаточно риса… но он передавался в распоряжение местных органов власти и исчезал»[213]. Запасы риса в 1978 г. были бóльшие, чем в 1977 г., и за счет конфискации его после подавления восстания в Восточной зоне. Пол Пот в одном из выступлений отмечал в этой связи, что «риса, конфискованного у предателей в Восточной зоне, вполне хватит и для экспорта и для увеличения рациона питания населения внутри страны»[214]. Увеличить рацион питания внутри страны «красные кхмеры» могли бы и вследствие демографических сдвигов, происшедших в период 1975–1977 гг., когда из-за голода и болезней численность населения особенно нетрудоспособных возрастов резко сократилась.

Однако питание людей не стало лучше, поскольку стратегия экономического развития, закрепленная в четырехлетнем плане, предусматривала сохранение внутреннего потребления на одном и том же неизменном минимальном уровне, с изъятием возрастающих излишков для экспорта[215]. Именно объем экспорта риса и стал главным ориентиром всей хозяйственной и социальной политики. В 1978 г., например, на экспорт (в основном в Китай в обмен на военную технику) планировалось направить более 1 млн. 628 тыс. т риса[216]. Учитывая, что, по самым оптимистическим оценкам, урожай вряд ли превышал 2–2,5 млн. т (вместо 6 млн. по плану)[217], выходило, что более половины производившегося в стране риса вывозилось за ее пределы, а остававшегося количества было явно недостаточно, чтобы прокормить население Камбоджи. Можно сделать вывод, что неоправданно большой объем экспорта продовольствия стал главной экономической причиной голода 1976–1978 гг. Рис в стране был, но он весь уходил за границу.

Первые неудачи с выполнением основных показателей четырехлетнего плана резко изменили весь тон партийной пропаганды. В начале 1977 г. в радиопередачах и статьях главного партийного органа газеты «Тунг падевоат» (Революционное знамя) еще утверждалось, что выполнение принятых в 1976 г. планов развивается успешно и повсюду рассчитывают получить по 3 т риса с гектара на обычных и по 6–7 т — с элитных полей, дающих по два урожая в год[218], однако вскоре в официальной пропаганде зазвучали новые мотивы. Теперь утверждалось, что страна переживает большие трудности, главная причина которых — происки внутренних врагов, «замаскировавшихся

в рядах партии», откровенный саботаж «правильных» решений центра местными организациями зон и округов, которые предают революцию и превратились во вьетнамских агентов в Камбодже. В начале 1978 г. официальные представители режима заявляли: «Враги всех цветов, рассеянные в наших кооперативах, занимались тем, что саботировали выполнение поставленных целей. Это они могли делать, так как ряд наших кадровых работников не обращали внимания на выявление вражеских агентов»[219].

Идея внутреннего врага, всегда актуальная в рядах «красных кхмеров», вышла теперь на авансцену внутренней политики в тесной привязке к показателям четырехлетнего плана. Неудачи с выполнением поставленных заданий объяснялись не их утопичностью, а действиями врагов. Под ударом оказалась вся иерархия партийной власти: невыполнение плана на местах означало предательство и вредительство, однако и голод людей, когда у них отбирали весь рис, чтобы можно было выполнить искомые показатели, также преподносился как результат антипартийных и подрывных действий[220]. Региональные и местные партийные кадры оказались, таким образом, в безвыходном положении. Их рассматривали как главных саботажников и врагов режима, и «большая чистка» стала только вопросом времени.

Уже осенью 1976 г. на «пленуме по изучению партийной политики» было заявлено, что «в стране продолжают существовать классовые враги, особенно в рядах партии»[221]. Пол Пот в своем выступлении на этом пленуме заявил, что «благодаря нашим наблюдениям за последние десять лет» стало ясно, что «такие изменнические засекреченные элементы никуда не делись. Это потому, что они постоянно проникают в партию. Кое-кто действительно предан, чья-то верность колеблется...». Далее он заявил, что «пришло время расширить и расчистить партию, чтобы ускорить темпы революции»[222]. В апреле 1977 г. на заседании постоянного комитета ЦК он вновь остановился на необходимости чистки партии. Он потребовал, чтобы «каждый совет, служба и министерство проявляли инициативу внутри своей организации, для продолжения чистки и изгнания вон всех противников»[223]. Естественно, что это указание было воспринято как руководство к действиям. И уже в протоколах конференции Северной зоны от 15 июля 1977 г. подчеркивалось: «...В первой половине текущего года... нам удалось разгромить реакционные силы по всей зоне — в партии, армии, государственных органах. Однако чистка в рядах партии не завершена, еще будут приняты самые серьезные и действенные меры»[224].

Сам механизм чистки был раскрыт в одной из резолюций Постоянного комитета ЦК относительно состояния дел в Восточной зоне. В принятом документе указывалось, что в том случае, когда подозревается районный комитет, комитет коммуны так же находится на подозрении. Между этими инстанциями существуют многообразные отношения. В целом они составляют единую систему. Когда район становится реакционным, то же происходит и с коммуной. Когда коммуна реакционна, такой же становится и деревня. «Это совершенно естественно»[225].

В ноябре 1977 г., подводя промежуточные итоги чистки партии, — кампанию, которую он приравнивал к борьбе с опасными болезнетворными микробами[226], Пол Пот заявил: «В текущем году мы одержали над нашими врагами важную победу. Мы последовательно и систематически избавлялись от противников в партийно-административном аппарате и армии»[227]. Масштабы проведенной чистки были настолько велики, что в 1977 г. в главной тюрьме режима — Туолсленге палачи не успевали уничтожать партийных работников и военных, которых свозили туда со всей страны. По данным международного трибунала над кликой Пол Пота — Иенг Сари, проходившего в августе 1979 г. в Пномпене, «1975–1976 гг. в этой тюрьме каждый день уничтожалось по 5–6 человек, а в 1977–1978 гг. число убитых достигало в отдельные дни 100–150 человек»[228]. Из документов, представленных Народно-революционному трибуналу в Пномпене, следует, что «с 1976 и по 9 апреля 1978 г. было уничтожено 242 высших руководящих работника, из них 2 члена ЦК Компартии, 4 партийных секретаря зон (из семи. — *Д. М.*), 24 секретаря районных комитетов, 4 министра, 5 заместителей министров, 8 дивизионных политических комиссаров»[229]. Среди этих людей были ближайшие соратники вождя, которые занимались его охраной, вели партийную канцелярию, сопровождали его в самых сложных и ответственных испытаниях.

Перед казнью от высокопоставленных заключенных требовали обычно признаний в своей связи с другими партийцами, которых они должны были обвинить в том, что те были вьетнамскими или американскими агентами. Иногда, правда, от них требовали признаний в связях с КГБ. В любом случае из тюремных признаний, которые ложились на стол «брата номер один», следовало, что все арестованные строили замыслы восстания или отравления или покушения на любимого руководителя, собирались продать страну вьетнамцам. Сотни папок таких

признаний, выбитых после ужасающих истязаний и пыток, я сам видел в Туолсленге в 1984 г.

Думается, что под влиянием всех этих документально зафиксированных признаний в антипартийной деятельности Пол Пот, видимо, совсем потерял чувство реальности, он стал всех и везде подозревать в заговоре против своей власти. А его ненависть и недоверие к Вьетнаму только укрепились, потому что в большинстве своем арестованные под пытками сообщали о том, что они вьетнамские шпионы и действуют по заданию вьетнамцев, которые хотят его, Пол Пота, извести. В ответ он развернул антивьетнамскую пропаганду внутри страны и, рассчитывая на волне национализма вернуть себе позицию общенационального лидера и заручиться поддержкой Китая, рискнул начать с Вьетнамом пограничную войну. Эта война вскоре окажется роковой как для него самого, так и для возглавляемого им движения.

6. Формирование внутренней оппозиции и начало сопротивления режиму «красных кхмеров» (1977–1978 гг.)

Массовые чистки и жестокие репрессии, охватившие с конца 1976 г. всю страну, свидетельствовали о глубоком кризисе режима и прежде всего его политической и административной верхушки. Преследования людей должны были еще больше сгустить атмосферу страха, которая составляла важную часть существовавшего механизма власти. Поэтому «чистки» носили систематический и превентивный характер: Партийный центр старался опередить своих потенциальных врагов ударить по ним до того, как они начнут объединяться и выступать против его власти. А к этому дело шло, и примером тут могут служить слова Муол Самбата, сказанные Ху Ниму в конфиденциальной беседе: «В невыполнении показателей плана нет нашей вины. Это вина непосредственно Центрального комитета»[230].

Очевидно, что такого мнения придерживались и выражали его в то время представители партийно-административного аппарата, особенно его среднего звена по всей стране. Реальность — массовый, но малорезультативный принудительный труд, видимая бесполезность приносимых жертв, жесткий диктат верхушки партийного руководства и постоянная угроза ареста и репрессий, не могли не вызвать у партийных кадров разочарования в системе организации власти и управления

страной. То что складывалась внутренняя оппозиция партийной политике, т. е. оппозиция со стороны непосредственных исполнителей этой политики, можно рассматривать как важнейший момент эволюции созданного в стране режима. Именно с общего разочарования результатами проводимой политики и внутреннего недовольства партийным руководством начинается процесс разрушения идеологической доктрины, обосновывающей существование и бестоварной экономической модели и тоталитарной власти. Через этот этап проходили в свое время и советские и китайские коммунисты, да и другие, пытавшиеся построить в обществе экономическую модель, противоположную товарным формам.

Началом этого процесса разочарования всегда становится тот кульминационный момент, когда противоположение «чистой» бестоварной модели товарным формам достигает своего апогея. Именно в это время и выясняется, причем первыми на свою беду это понимают руководители партийной администрации на местах, что желаемый идеал так же недостижим, как и раньше, что «безгрешное» твердо знающее путь к светлому будущему партийное руководство также допускает ошибки. Уже сам факт сомнения в непогрешимости политики правящей группы несет подлинный переворот в сознании кадровых работников, приводит, в конечном счете, к разрушению харизмы, окружающей образ «вождя» и его верных помощников. Повседневная работа шаг за шагом убеждает среднее административное звено, что многое делается не так, как надо. К тому же, по мере того как поставленные планы терпят провал, центральные партийные органы все более стремятся переложить всю ответственность за неуспех на административно-управленческие структуры на местах, сделать из них фактически заложников проводимого курса.

Поэтому именно в среде кадровых партийных работников начинается надлом революционной идеологии. То, что представляло для них раньше священный смысл, набор принципов и символов, все более вступает в конфликт с реальностью. Начинается, если можно так сказать, «десакрализация» революционной теории, в результате чего сомнению начинают подвергаться не только отдельные решения партийного центра, но и основополагающие принципы экономической и политической модели.

Вслед за приходом к власти и началом переустройства общества на коммунистических началах, в рядах самих революционеров возникает конфликт, несущий реальную угрозу существованию бестоварной

системы как таковой. Конфликт происходит обычно в тот момент, когда эта система достигает наибольшей силы, когда революционная инерция еще скрывает ее нежизненность, и поэтому чаще всего он разрешается в пользу центральных партийных структур. Путем террора и репрессий они уничтожают кадровых революционеров, если так можно сказать, «первого поколения», которые в наибольшей степени бывают охвачены разочарованием. Вместо них на руководящие должности выдвигаются люди из «второго поколения», которые в силу меньшего опыта, только начинающегося «причащения» к власти, остаются в плену харизматических представлений о партийном руководстве, легко верят в любые предлагаемые им объяснения текущих неудач.

В Камбодже, например, руководство «второй волны», пришедшее к власти на местах после массовых репрессий 1976–1977 гг., воспринимало бестоварную систему как некую данность, как единственно справедливую и возможную форму организации экономической жизни общества. Для этих людей Пол Пот был грозным и непогрешимым руководителем и они и не думали сомневаться в его утверждениях о том, что «причины наших неудач носят временный и субъективный характер, они могут быть устранены политическими методами» и что «все успехи и неудачи должны рассматриваться только в том смысле, что и те и другие дают партии бесценные уроки и опыт»[231].

Новое поколение руководителей, пришедшее на место сгинувших в Туолсленге кадров, действительно было более преданным Пол Поту. Они верили каждому его слову, они отлично умели убивать, доносить и подчиняться, но ни опыта, ни знаний, какими обладало первое поколение, у них не было. Они не умели организовать управление своим административным округом, особенно в ситуации, когда перед страной и властью возникли очень острые проблемы: стихийное антиполпотовское движение в Камбодже набирало силу, впрочем, как и вооруженные действия на границе с Вьетнамом. К тому же от этих администраторов, как и от их предшественников, требовали выполнения установленных показателей четырехлетнего плана. И настал их черед отправляться в Туолсленг по обвинению в саботаже и противодействии линии партии. В конце концов, в ноябре 1978 г. взошел на плаху и главный разработчик четырехлетнего плана Ворн Вет. Он был обвинен (помимо умысла погубить вождя) в разработке заведомо провального четырехлетнего плана, который, оказывается, был разработан с целью разорить и ослабить страну, передать ее в руки вьетнамцев[232].

Политика репрессий, массового голода, бессудных убийств, когда никто — ни рядовой работник бригады, ни его руководитель, ни самые высокие местные начальники — не могли чувствовать себя в безопасности, неизбежно рождала протест, вызывала сопротивление. Вначале это выражалось в попытках бегства людей на территорию сопредельных Таиланда и Вьетнама. Из года в год поток беженцев увеличивался, несмотря на все старания «красных кхмеров» перекрыть любые возможные пути бегства людей во Вьетнам[233]. Позже, особенно после того, как «старое население» поставили в те же условия жизни, что и «новое», в различных областях Камбоджи стали вспыхивать стихийные выступления против властей. Люди расправлялись с местной администрацией и старались уйти в джунгли, чтобы спасти свою жизнь. Большинство таких стихийных и локальных восстаний нам известны по сообщениям редких беженцев, которым удалось спастись, в то время как большинство участников этих выступлений становились жертвами беспощадного террора. Известно, например, что в марте 1977 г. люди, находившиеся в районе Стунга, атаковали охранявших их солдат и освободили свои поселения. Полпотовцам потребовался целый месяц карательных действий с использованием авиации, чтобы восстановить положение. Точно по такому же сценарию развивались события и в близлежащем Чикренге, где люди также выступили против войск и местной администрации. Позже волнения охватили население в районах Кратие и Кампонгтхома[234]. О том, насколько негативно люди относились к режиму Демократической Кампучии, говорит реакция тысяч простых кхмеров на появление вьетнамских войск при их первом после 1975 г. вступлении в Камбоджу. Произошло оно в конце декабря 1977 г. — начале января 1978 г. Тогда, в ответ на нападения камбоджийской стороны, вьетнамская армия нанесла контрудар и легко проникла далеко в глубь территории Камбоджи. При этом местное население, как сообщил советскому послу высокопоставленный вьетнамский дипломат, «встречало их хорошо»[235]. Более того, когда вьетнамские войска отошли на свою территорию, вместе с ними добровольно ушли во Вьетнам тысячи людей[236]. По мнению сингапурских политологов, изучавших эту ситуацию, «разрушение камбоджийского общества, массовые убийства людей, подозреваемых в нелояльности к режиму, катастрофическая нехватка продовольствия и других товаров первой необходимости создают атмосферу, при которой население приветствовало бы любые изменения». Они считали, что «нынешнее правительство может удержаться у власти лишь благодаря террору»[237].

Этот вывод не вполне соответствовал действительности: несмотря на террор и «чистки», в военно-партийном аппарате сложилась довольно сильная оппозиция режиму. Она дала о себе знать, попытавшись совершить переворот, когда в феврале 1977 г. против властей выступили 600 бойцов и командование 170-й дивизии, расквартированной под Пномпенем. Восстание было подавлено, участники его — расстреляны, а весь командный состав дивизии — заживо сожжен на пномпеньском стадионе[238]. Однако это стало лишь первым выступлением партийных администраторов и военных разного уровня. Многие из них, не дожидаясь своего ареста, либо уходили вновь в джунгли, где вместе с верными им людьми возобновляли борьбу, либо бежали за границу. В мае 1977 г., например, Хун Сен — молодой заместитель командира полка, вместе с пятью своими офицерами, чувствуя угрозу неминуемого ареста, перешел на вьетнамскую сторону. Тогда же поднял восстание Сай Бутхонг — один из партийных руководителей в провинции Кохконг. Спасаясь от ареста, он ушел в горы и организовал партизанский отряд. Постепенно его бойцы, расширяя зоны своего контроля, к середине 1978 г. перенесли боевые действия в район автомобильной дороги Пномпень — Кампонгсаом, по которой шел основной поток риса на экспорт[239].

Еще более опасные для режима события происходили на северо-востоке и востоке страны. Там против полпотовской власти попытались выступить не отдельные разрозненные отряды, а армейские части, подчиненные руководству Восточной зоны. Планировалось, что это будет решительное выступление, которое возглавит сам Со Пхим — глава Восточной зоны. Основную силу восставших должны были составить 11 дивизий и 4 полка специальных войск, входивших в Восточную зону и стоявших вдоль вьетнамской границы. Подготовка к восстанию началась еще в ноябре 1977 г., когда участники предстоящего выступления стали устраивать в джунглях тайные хранилища продовольствия[240]. Однако восстание сорвалось: накануне в результате предательства планы организаторов были раскрыты, а большая часть их 24 мая 1978 г. подверглась аресту. Выступления военных, начавшиеся 26 мая 1978 г., хотя и поддержанные местным населением, происходили разрозненно, сплошного фронта создать не удалось. Окружившие повстанцев войска из Юго-Западной и Центральной зон жестоко расправлялись не только с ними, но и с местными жителями, которые подозревались в симпатиях к ним. Позже, после подавления восстания,

более 40 тысяч человек будет выселено из этих районов и уничтожено в ходе массовых чисток[241].

Несмотря на гибель Со Пхима и разгром восстания в Восточной зоне, полностью стабилизировать ситуацию Пол Поту так и не удалось. Оставшиеся в живых военные и партийные функционеры, среди которых особенно активную роль играли Хенг Самрин и Чеа Сим — сумели вновь собрать отступивших в джунгли повстанцев и успешно атаковать верные режиму войска. Несмотря на прибытие в этот район десяти пехотных батальонов и танков, по всему 21 округу (Кампонгчам) действовало более трех тысяч партизан, которые нападали на конвои и военные посты «красных кхмеров» и постепенно вновь расширяли свою активность на всей территории Восточной зоны[242]. Более того, восстание постепенно распространялось и к северу, в район особого округа 505 (бывшая провинция Кратие). Там население целых деревень под руководством местных партийных комитетов уходило в джунгли[243].

После подавления восстания на Востоке, Партийный центр, рассчитывая предотвратить новые выступления, еще более расширил масштабы репрессий. Чу Чет — глава Западной зоны и один из лидеров «Прачеачун» в начале 60-х, был арестован 15 марта 1978 г. и позже расстрелян[244]. Вместе с ним в Туолсленг отправились и другие руководители этой зоны. Более того, тогда аресты охватили уже новый круг руководителей, тех, кто выдвинулся после первой волны репрессий, поднятой против старых партийных кадров в 1976–1977 гг. В августе, например, был арестован назначенный незадолго до этого секретарем Северной зоны Конг Чап. Его арест стал свидетельством того, что даже кадровые партийцы из верной Пол Поту Юго-Западной зоны (а Конг Чап отличился именно там) превратились в жертв террора. Молох массовых репрессий пожирал теперь тех, кто совсем недавно сам расправлялся с врагами режима. Прозрение, как всегда, наступало слишком поздно. Министр промышленности Камбоджи Чень Ан, например, только когда его арестовывали в одном из цехов механического завода, по свидетельству очевидцев, стал призывать людей к восстанию и свержению Пол Пота[245].

В августе назначенный Пол Потом специальный комиссар Пномпеня Хонг признал, что «половина страны попала уже в руки вьетнамцев»[246]. Учитывая, что активное проникновение вьетнамских сил в пограничные районы Камбоджи началось лишь в ноябре, а полномасштабное наступление лишь в декабре, то признание Хонга

можно рассматривать как подтверждение успехов антиполпотовских повстанцев.

7. Противостояние с Вьетнамом и крах режима

Во всех своих неудачах с реализацией четырехлетнего плана, во всех заговорах и восстаниях Пол Пот усматривал «руку Вьетнама». На противостоянии этому недругу и его планам, можно сказать, сконцентрировались и его личные антивьетнамские фобии и реальные политические интересы. Что касается фобий, то, несомненно, доставляемые ему тома признаний «вьетнамских агентов» из числа его ближайших соратников только усиливали, по словам Д. Чандлера, «паранойю партийного руководства»[247]. Что касается реальных политических интересов, то Пол Поту нужно было нагнетать максимальную напряженность в отношениях с Вьетнамом, с тем чтобы обостряющаяся конфронтация позволяла решать ключевые проблемы внутренней политики. На волне национализма он полагал возможным, с одной стороны, объединить кхмеров вокруг своей власти и тем самым ослабить оппозицию, а с другой — создав образ врага, списать на его происки экономические и политические неудачи и даже жестокие репрессии. Кроме того, он понимал, что для массы молодых и совершенно необразованных выдвиженцев националистические лозунги куда ближе и понятней, чем рассуждения о классовой борьбе. Свой переход к националистической риторике он объяснил тем, что в конкретных условиях Камбоджи «национальная борьба идентична классовой борьбе»[248]. Для того чтобы разжечь эту национальную борьбу, во всем стали обвинять Вьетнам и вьетнамцев: в подрывных действиях, агрессии, саботаже против Демократической Кампучии[249]. Партийные пропагандисты утверждали, что «цель поколений вьетнамцев — истребление кхмерского народа»... и что Кампучия не может сосуществовать с Вьетнамом[250]. Пол Пот, в свою очередь, обвинил Компартию Вьетнама в ревизионизме и объявил Демократическую Кампучию «истинно пролетарским государством»[251]. Во всем противопоставляя Вьетнам Камбодже, он заявил, что камбоджийский коллективизм одолеет вьетнамский индивидуализм[252] и что Вьетнам — это «наш враг номер один, наш традиционный враг и он должен быть разгромлен любой ценой»[253].

Кроме внутренних аспектов антивьетнамской кампании не менее существенными представлялись и аспекты внешние. В условиях противостояния Вьетнаму Пол Пот рассчитывал перевести на новый уровень свои отношения с Пекином, особенно по части расширения материально-технической и военной помощи из Китая. Он справедливо полагал, что китайское руководство, которое всегда с большим подозрением относилось к любым попыткам Вьетнама включить Камбоджу в сферу своего влияния, окажет в этом случае ему полную поддержку.

Таким образом, обострение отношений с Вьетнамом, вплоть до развязывания боевых действий на границе, могло представляться ему выгодным во многих отношениях. Что касается повода для конфликта, то таковой у него всегда был наготове: Вьетнам желает поставить Камбоджу под свой контроль путем создания Индокитайской Федерации. Эти тайные планы Ханоя подтверждаются томами признаний, полученных в тюрьме Туолсленг от разоблаченных вьетнамских шпионов. Для того чтобы сразу же обозначить наступательную и бескомпромиссную позицию «красных кхмеров», партийная пропаганда стала муссировать тему Кампучии кром (земли, некогда отторгнутые у кхмеров Вьетнамом)[254]. Делались заявления о том, что Демократическая Кампучия должна захватить Сайгон и освободить от Вьетнама и от вьетнамцев территории «Кампучии кром»[255]. Такие заявления, без сомнения, отражали общую точку зрения Пол Пота и его ближайших соратников. По воспоминаниям Сианука, еще в 1975 г. Кхиеу Самфан, Сон Сен и другие, улыбаясь, говорили ему, что их бойцы недовольны тем, что партия не открыла перед ними «зеленый свет» на возвращение вооруженным путем в состав страны «Кампучии кром» и пограничных районов Таиланда, которые раньше принадлежали кхмерам. Они утверждали, что в прошлом правители Камбоджи продали «Кампучию кром» вьетнамцам. «Наша армия не может согласиться с таким статус-кво, — заявляли они. — Мы должны начать войну с Вьетнамом, чтобы вернуть Кампучию кром»[256].

По свидетельствам очевидцев, с середины 1977 г. во многих сельскохозяйственных коммунах созывались специальные собрания, на которых партийные представители утверждали, что «Кампучия готова к войне с Вьетнамом за присоединение Кампучии кром»[257]. На самом деле еще раньше, с апреля 1977 г., подразделения кампучийских вооруженных сил стали нападать на вьетнамские населенные пункты вдоль всей линии границы[258]. Военные действия сразу же приобрели

чрезвычайно ожесточенный характер, а главным объектом нападений камбоджийцев стало мирное население. В сентябре 1977 г., например, «красные кхмеры» обрушили свой удар на несколько приграничных сел вьетнамской провинции Тэйнинь, где жестоко убили сотни мирных жителей[259]. Вьетнамцы в то время придерживались в целом оборонительной тактики и стремились нанести максимальные потери атакующей камбоджийской армии. Как отмечал в беседе с советским дипломатом побывавший в приграничной полосе корреспондент болгарского телеграфного агентства И. Гайданов, «в боях на границе просматривается нечто такое, что можно назвать заранее написанным вьетнамским сценарием: «красные кхмеры» атакуют, идут вперед, а потом следует сокрушительный вьетнамский контрудар»[260].

Необъявленная война, развязанная на границе с Вьетнамом, предоставила Партийному центру удобный повод отказаться и от части не оправдавших себя принципов организации власти и государства. Без лишней полемики был отставлен в сторону принцип опоры на собственные силы. Под флагом «священной войны» в страну были приглашены, по разным оценкам, от 5–8 до 20 тысяч китайских специалистов[261], которые должны были не только укреплять боеспособность армии, но и строить дороги, военные базы, пункты ремонта военной техники. С повестки дня был снят и лозунг «полной независимости», а заявления типа «мы должны остерегаться Китая»[262] старались в камбоджийских верхах больше не вспоминать. За короткое время страна из нейтральной и независимой, как это объявлялось в 1975 г., превратилась в стратегического союзника Китая и все более зависимое от него государство.

Зависимость эта оказалась такой степени, что Пекин стал даже диктовать Пол Поту, как ему действовать в тех или иных обстоятельствах. Например, Салотх Сар даже после победы «красных кхмеров» в апреле 1975 г. не хотел объявлять о легализации Компартии и о своем месте в ней. Он привык действовать в сумерках подполья, когда мало кому было известно, кто в действительности стоит у руля. Так же он рассчитывал действовать и дальше. В декабре 1976 г. в одном из выступлений он говорил: «Дружественные партии просили нашу Партию выйти из подполья… Враги тоже хотят, чтобы мы это сделали. Так они получат возможность беспрепятственно следить за нами»[263]. Эти доводы не убедили «дружественное» руководство в Пекине, недовольное тем, что камбоджийские коммунисты продолжали скрывать существование своей партии. Поэтому, вопреки своему нежеланию,

Пол Пот накануне официального визита в Пекин в октябре 1977 г. был вынужден объявить о существовании партии и наступлении ее семнадцатой годовщины[264]. После этого сообщения глава кхмерской Компартии получил телеграммы с поздравлениями от «братских партий», в том числе и от КПВ и от КПСС. В телеграмме из Ханоя говорилось, что «Вьетнам всегда считал особые отношения с Кампучией... своим священным делом»[265]. Это была недвусмысленная угроза, которую Пол Пот прекрасно понимал, но явно ее недооценивал. Не обратил он внимания, скорее всего, и на то, как резко изменился по сравнению с прежним и язык поздравительных телеграмм из Москвы. В апреле 1977 г. советские руководители, как и в предыдущем 1976 г., еще «выражали уверенность, что традиционно существующие отношения дружбы и сотрудничества будут и впредь укрепляться»[266]. В декабре 1977 г. в ответной телеграмме Л. И. Брежнева Кхиеу Самфану с благодарностью за послание по случаю 60-летия Октябрьской революции уже никаких намеков на традиционные отношения дружбы не было. Л. И. Брежнев лишь сухо извещал, что послание получил и благодарит за поздравление[267]. Таким демонстративно официальным ответом на панегирики «славному государству диктатуры пролетариата» и «мощной социалистической державе»[268] Москва тоже посылала свое предостережение кхмерским властям.

Пол Пот очень рассчитывал на то, что в случае крупных внутренних осложнений Китай придет ему на помощь. Выступая, например, на учебно-методическом семинаре осенью 1978 г., он говорил, что верит, что «дружественные страны внесут свой вклад в обеспечение безопасности Кампучии»[269]. Его уверенность основывалась на том, что во время визита в Пекин, где он находился с 28 сентября по 4 октября 1977 г., он получил недвусмысленные знаки поддержки. Председатель ЦК КПК и военного совета ЦК КПК Хуа Гофэн в своей речи заявил кхмерам, что «Демократическая Кампучия... проводит правильную линию с опорой на массы, направленную на сохранение независимости и упорное продолжение вооруженной борьбы»[270]. Он даже сказал, что «в Китае восхищаются успехами кхмерских братьев по оружию»[271]. Орган ЦК Компартии Китая газета «Жэньминь жибао» назвала дружбу Китая и Демократической Кампучии «нерушимой»[272], что означало, что страна вошла в самый ближний круг друзей КНР. Пол Пот в свою очередь предложил даже посылать в Камбоджу китайских добровольцев[273].

На это предложение внятного ответа он, однако, так и не получил — ибо при всех демонстрациях поддержки и заверений в боевом братстве Пекин не хотел напрямую участвовать в конфликте, который разгорался в Индокитае. Более того, набиравшая силу группировка партийных ветеранов во главе с недавно реабилитированным Дэн Сяопином повлияла на то, что на переговорах китайская сторона призвала Пол Пота несколько исправить свой, по выражению Н. Чанды, «кровавый имидж»[274]. Китайские друзья предложили кхмерам вернуть в политику казалось бы давно забытого Сианука[275]. В январе 1978 г. во время визита в Пномпень председателя Всекитайского собрания народных представителей Дэн Инчао руководству Демократической Кампучии было недвусмысленно указано на необходимость установления цивилизованных отношений со своими соседями на основе пяти принципов мирного сосуществования. Вдова Чжоу Эньлая даже высказалась за урегулирование конфликта с Вьетнамом путем переговоров[276]. Хотя «красные кхмеры» и приняли эти предложения в штыки, подчеркивая свою независимость[277], полностью игнорировать рекомендации из Пекина они не могли себе позволить и хотя бы часть их все-таки вынуждены были принять.

Встречаться с Сиануком и возвращать его в политику Пол Пот не стал, однако, как и желали в Пекине, в партийной пропаганде появились материалы, призывающие приостановить чистки, а Партийный центр даже распространил среди членов партии документ, в котором сообщались подробности амнистии многих потенциальных врагов. Там говорилось, что если враг совершал подрывные действия против партии до 1975 г., то он мог покаяться в этом и получить прощение. Те же, кто упорно боролся против партии с 1975 г., никакой амнистии не подлежали и должны были быть наказаны[278]. В реальности никакого влияния на размах репрессий это постановление не имело и Туолсленг в 1978 г. работал еще более напряженно, чем в 1977 г.

В духе китайских пожеланий летом и осенью 1978 г. Пол Пот пригласил в страну несколько иностранных делегаций из так называемых «братских» партий — небольшие группы маоистов, а также левых радикалов из США, Бельгии, Японии. Смысл посещения ими Камбоджи заключался в том, чтобы опровергнуть уже широко распространившиеся в мире слухи о массовых зверствах и убийствах, совершаемых в этой стране. В итоге один из побывавших здесь американских гостей написал в «Нью-Йорк таймс», что геноцид в Камбодже — это миф, сфабрикованный в Бангкоке[279]. Сам «брат номер один» встретился

с югославскими журналистами и впервые рассказал о своей революционной биографии. В духе новых веяний Иенг Сари, отвечавший в правительстве за иностранные дела, отправился в первую за всю историю Демократической Кампучии поездку по странам Юго-Восточной Азии. Он предлагал установить с ними более тесные отношения и в ноябре 1978 г. в результате переговоров даже дал согласие таиландской туристической компании организовать однодневные посещения туристами Ангкорвата...[280]

Все эти навеянные в Пекине перемены никак не повлияли на характер отношений с Вьетнамом. Еще в июне 1977 г. вьетнамское руководство направило официальное письмо в адрес ЦК Компартии Камбоджи с предложением об организации встречи руководителей двух стран[281]. В ответном письме руководство Компартии Камбоджи предлагало подождать с организацией такой встречи, с тем «чтобы положение нормализовалось и прекратились пограничные инциденты»[282]. Такое время все не наступало, наоборот, с конца 1977 г. пограничная война только усилилась, а после того как 31 декабря 1977 г. Демократическая Кампучия на весь мир объявила об актах агрессии Вьетнама[283], всякие политические отношения были окончательно разорваны... Правда, в феврале 1978 г. вьетнамская сторона предоставила Пол Поту последний шанс урегулировать отношения, предложив подписать соглашение из трех пунктов: немедленно прекратить столкновения и взаимно отвести войска от границы на пять километров; подписать двусторонний мирный договор о равенстве, дружбе и добрососедстве; ввести режим международных гарантий выполнения этого договора[284].

Пол Пот и его окружение просто проигнорировали эти предложения, а когда в апреле 1978 г. Вьетнам направил им уже официальную ноту, Иенг Сари от имени кхмерского правительства отказался ее принять[285]. Это был роковой шаг, после которого судьба Демократической Кампучии была предрешена. Сам Пол Пот и его окружение, вероятно, не верили в серьезность вьетнамских намерений, и кхмерский диктатор продолжал действовать в русле своей традиционной бескомпромиссной линии, которая приносила ему столько успехов в прошлом. На сей раз он сильно просчитался, пойдя на дальнейшее обострение отношений с Вьетнамом.

Развязанная Пол Потом пограничная война становилась для него и его соратников все более опасной, так как политика Вьетнама поменялась в отношении Демократической Кампучии самым решительным образом. Долгое время в Ханое с некоторой пассивностью

наблюдали за заговорами и контрзаговорами в Компартии Камбоджи. Эту политику демонстративного невмешательства вьетнамцы объясняли своим советским «друзьям» тем, что «считают необходимым проявить терпение и вести работу, чтобы постепенно усилить свое влияние в Камбодже»[286]. Как и в 1976 г., во Вьетнаме продолжали думать, что «Нуон Чеа все еще наш»[287], как еще раз повторил советскому представителю в апреле 1978 г. генеральный секретарь ЦК КПВ. Терпеливое ожидание победы Нуон Чеа и отстранения врагов Вьетнама во главе с Пол Потом от власти в Камбодже закончилось, когда за спиной «красных кхмеров» появились китайские военные, обучавшие и перевооружавшие их боевые части, возводившие дороги, военные базы, в том числе базу ВВС в Капонгчхнанге, откуда китайские МИГ-19 могли легко атаковать Хошимин. Ввиду этого и после демонстративных отказов кхмерской правящей верхушки хоть как-то урегулировать отношения с СРВ, вьетнамское руководство пришло к выводу, что нужно не только ждать выступления Нуон Чеа, но и переходить к активным действиям.

Ситуация складывалась теперь таким образом, что Ханою приходилось думать уже не об Индокитайской федерации, а о том, как устранить реальную угрозу своей национальной безопасности. Агрессия Пол Пота была тем более опасной, что происходила на фоне ухудшавшихся вьетнамо-китайских отношений. Новая обстановка, сложившаяся в Индокитае, требовала новых подходов к вьетнамской политике в Камбодже и к существовавшему в Пномпене режиму. В этой связи заслуживает внимания следующая информация, переданная венгерским послом во Вьетнаме своему советскому коллеге: «30 сентября 1977 года в Сайгоне (так в тексте. — *Д. М.*), как сообщили венгерскому журналисту, под руководством Ле Зуана, состоялось чрезвычайное заседание Политбюро ЦК КПВ, на котором обсуждался вопрос, когда опубликовать информацию об агрессии кампучийских реакционных сил»[288]. Уже сам термин «кампучийские реакционные силы» говорил о коренном повороте вьетнамской политики, о том, что в Ханое уже готовится новый план действий для изменения ситуации в Камбодже. Политика поисков компромиссов с Пол Потом, ожидание того, что он будет смещен в процессе внутрипартийной борьбы, сменилась теперь иным, куда более жестким курсом.

Первым его проявлением и открытой демонстрацией силы Вьетнама и его армии стало вторжение вьетнамских войск в Камбоджу, состоявшееся в конце декабря — начале января 1978 г.

Ввод вьетнамских сил стал недвусмысленным предупреждением Пол Поту, что последствия его политики могут стать для него плачевными. Вьетнамские вооруженные силы в ходе преследования войск «красных кхмеров» проникли в глубь территории Камбоджи и оказались всего в 30 километрах от Пномпеня. Войска Восточной и Специальных зон, которые им противостояли, были разбиты. В Ханое, где еще не успели заручиться поддержкой Москвы, не решились, однако, брать город, надеясь, видимо, что и проявленная решимость и мощь образумит верхушку Демократической Кампучии. Вьетнамские представители сообщили корреспонденту Болгарского телеграфного агентства И. Гайданову, что «войска стояли в 35 километрах от Пномпеня, но захватить всю Кампучию для них было невозможно политически»[289].

Реакция Пол Пота оказалась совсем не такой, как ожидали в Ханое. «Брат номер один» попытался превратить свое поражение в победу и назвал отвод вьетнамских войск чуть ли не бегством и крупнейшим успехом кхмерского оружия. В годовой сводке военных действий с апреля 1977 г. и по апрель 1978 г. об этих боях говорилось, что «мы продолжали бои до конца января 1978 г. В феврале мы снова повели наступательные действия и эти атаки были более мощными силами дивизий. После разгрома вражеских войск мы перенесли боевые действия на их территорию»[290]. Находясь в плену таких фантазий, в феврале 1978 г. кхмерский диктатор отверг уже упоминавшийся план урегулирования из трех пунктов и тем самым лишний раз убедил Ханой в том, что с кхмерским руководством договориться невозможно и выход из сложившейся ситуации следует искать в силовом отстранении его от власти. Для этого следовало собрать и поддержать все оппозиционные Пол Поту силы и сформировать из них широкий народный фронт, который и должен был возглавить борьбу за уничтожение полпотовского режима. Первый шаг в решении этой задачи был сделан весной 1978 г., когда вьетнамцы полностью пересмотрели свою политику в отношении кхмерских беженцев. Вьетнамская сторона фактически открыла границу для тысяч камбоджийцев, стремившихся перейти во Вьетнам. Это сильно контрастировало с действиями вьетнамцев в 1975 г., когда такие же тысячи бежавших от «красных кхмеров» людей даже не были допущены на вьетнамскую территорию[291]. В новой ситуации беженцы нужны были для того, чтобы сформировать массовую базу сопротивления режиму Пол Пота и создать из этнических кхмеров организационные и военные структуры будущего широкого народного фронта.

Подготовка к вооруженному свержению полпотовского режима не означала, что вьетнамское руководство совсем перестало надеяться на успешный переворот в Пномпене. В феврале 1978 г. Ву Хоанг, заведующий консульским отделом МИД СРВ, сказал советскому послу во Вьетнаме, что вьетнамское руководство рассматривает в отношениях с Камбоджей два пути: «один путь — это если "здоровые" силы внутри Демократической Кампучии одержат верх, а другой — если Пол Пот будет вынужден пойти на переговоры в связи с ухудшением своего положения»[292].

Вскоре, однако, выяснилось, что ни один из озвученных Ву Хоангом путей реализован быть не может — попытка организовать свержение Пол Пота вооруженным восстанием боевых частей Восточной зоны закончились неудачей, наступления на Пномпень восставших войск так и не произошло. Переговоров тоже не случилось, и у Ханоя остался, таким образом, лишь один путь воздействия на ситуацию в Камбодже, не озвученный Ву Хоангом, хотя подготовка к нему уже активно велась — формирование широкого антиполпотовского фронта и под его формальным прикрытием — наступление вьетнамских сил на Пномпень. В середине февраля 1978 г. высшие вьетнамские партийные деятели Ле Зуан и Ле Дык Тхо встретились с небольшой группой еще остававшихся во Вьетнаме кхмерских коммунистов, эмигрировавших в страну в 1954 г., а также с бывшими военными и гражданскими функционерами «красных кхмеров», перешедшими ранее во Вьетнам. Цель этих встреч заключалась в том, чтобы сформировать политическое руководство задуманного широкого антиполпотовского фронта, лидерами которого должны были стать кхмеры по национальности — майоры вьетнамской армии Пен Сован, Чан Си и Кханг Сарин, а также Кео Чанда — кхмерский диктор, работавший на ханойском радио, Чеа Сот — редактор Вьетнамского информационного агентства. Все они проживали во Вьетнаме много лет и пользовались абсолютным доверием в Ханое. К этой, можно сказать, проверенной группе присоединили тех, кто перешел во Вьетнам из рядов «красных кхмеров» в 1976–1977 гг. Из этой группы особо выделялся Хун Сен, прекрасно проявивший себя во время вторжения вьетнамских войск в Камбоджу в январе 1978 г., когда он все время находился в передовых частях на острие удара, и Бу Тхонг, выходец из горных кхмеров, хорошо владевший вьетнамским. Всех их собрали в «секретных лагерях, которые появились в Южном Вьетнаме для рекрутирования и подготовки партизанской армии». Главными из этих лагерей

стали бывшие американские военные базы в Хуанглоке и Лонгзяо[293]. Уже в апреле 1978 г. первая бригада антиполпотовской армии была секретно приведена к присяге, позже на территории Южного Вьетнама были сформированы еще несколько таких бригад, по численности не превышавших батальона[294].

Внешнеполитическому обеспечению готовившейся операции свержения Пол Пота в Ханое также придавали большое значение. В июне 1978 г. Политбюро ЦК КПВ приняло решение о целесообразности поездки генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана в Москву. Как сообщили из советского посольства, «по мнению вьетнамской стороны, поездка должна носить закрытый характер. Сопровождать Ле Зуана будет Ле Чонг Тан — заместитель начальника Генштаба»[295]. Во время этого визита в Москву были согласованы все вопросы, касающиеся военного и материального обеспечения плана свержения Пол Пота. Обсуждались и внешнеполитические аспекты. Более всего вьетнамцы опасались возможной жесткой реакции Китая на свержение своей креатуры в Камбодже. Советская поддержка в этой связи имела решающее значение, так как гарантировала в случае массированного китайского контрудара, что Вьетнам не останется один на один с Пекином[296].

Заручившись сначала неофициальной, а после заключения в ноябре 1978 г. договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ и официальной поддержкой Москвы, Ханой резко активизировал подготовку широкого антиполпотовского фронта. Вьетнамские представители попытались привлечь к участию в этом фронте даже сына Сианука принца Нородома Раннарита, проживавшего во Франции[297]. Тот отказался, однако это Вьетнам не остановило и уже в сентябре к ранее отобранным кадрам присоединились бывшие участники восстания в Восточной зоне Хенг Самрин и Чеа Сим, руководившие партизанскими отрядами на востоке Камбоджи. На своем секретном совещании в Мемоте, которое состоялось в сентябре 1978 г., они приняли решение войти в контакт с вьетнамцами и создать единый фронт всех антиполпотовских сил[298]. В декабре 1978 г. в небольшом городке Сноул близ вьетнамской границы этот фронт был создан и получил название Единый фронт национального спасения Кампучии (ЕФНСК). Хенг Самрин и Чеа Сим, как наиболее авторитетные на востоке Камбоджи партизанские деятели, были выдвинуты вьетнамскими кураторами на руководящие позиции: Хенг Самрин — бывший командир дивизии — стал его руководителем, а Чеа Сим, бывший секретарь партийного комитета 20-го округа Восточной зоны, занял пост его заместителя[299].

Ключевые посты в возрожденной Народно-революционной партии Камбоджи заняли выходцы из Вьетнама, — в ней Пен Сован возглавил комиссию партийного строительства, позже преобразованную в Центральный комитет.

В Ханое вынуждены были опереться на этих в целом малоизвестных в Камбодже деятелей, поскольку расчеты на то, что некоторые высшие руководители режима встанут во главе сил сопротивления, все не оправдывались. В октябре 1978 г. Нгуен Нгок Тинь — заместитель заведующего сектором Компартий ЮВА в Отделе внешних сношений ЦК КПВ так описывал советскому дипломату расклад сил в руководстве Демократической Кампучии: «В Пномпене на позициях близких к Вьетнаму стоят два крупных деятеля: Нуон Чеа и бывший 1-й секретарь Восточной зоны Со Пхим». Известно, сообщал с его слов советский дипломат, что «Нуон Чеа находится в оппозиции режиму Пол Пота, питает глубокие симпатии к КПВ, однако в настоящее время из-за опасений подвергнуться репрессиям не может открыто заявить о своих взглядах». Стараясь уберечь Нуон Чеа от репрессий, вьетнамцы в последнее время полностью прекратили с ним контакты. Про судьбу Со Пхима, сообщал советский дипломат, друзьям ничего неизвестно, полагают, что он бежал и скрывается где-то в джунглях. Как считают в ЦК КПВ, члены Политбюро ЦК Компартии Кампучии Нуон Чеа и Со Пхим являются широко известными среди кхмеров политическими деятелями и в «благоприятной обстановке могли бы стать лидерами подлинно революционных сил в этой стране»[300].

Действительно, если бы Со Пхим в паре с Нуон Чеа возглавили сопротивление, то изгнание Пол Пота из Пномпеня уже не выглядело бы как неприкрытое вьетнамское вторжение. Его можно было представить как победу провьетнамской группировки в борьбе за власть в Демократической Кампучии. Кроме того, переход власти к более умеренным и провьетнамски настроенным силам не сопровождался бы такими ожесточенными боями и разрушениями, как это произошло в 1979 г. И тот и другой руководитель вместе контролировали значительную часть военного и партийного аппарата и могли бы быстро взять под свой контроль основные районы страны. Однако расчеты вьетнамцев на то, что именно эти деятели возглавят антиполпотовский фронт и выступление против Пол Пота, оказались беспочвенными: Со Пхим погиб еще в ходе майского восстания 1978 г., а Нуон Чеа, как известно, оказался одним из наиболее преданных Пол Поту людей и так и не перешел на сторону Вьетнама.

История с Нуон Чеа вообще остается неясной до сих пор. Из слов Нгуен Нгок Тиня следует, что вьетнамцы постоянно, вплоть до 1978 г. поддерживали с ним неофициальные контакты. На этом основании они считали его «своим» человеком в Пномпене. В то же время в Ханое не могли не знать о том, что он всегда выступал рука об руку с Пол Потом, о его требованиях «не разрешать вьетнамскому меньшинству жить в Кампучии», о том, что он был инициатором переименования на кхмерский лад всех некхмеров, проживавших в Камбодже. Было известно и о его непомерной жестокости, о том, что «по сравнению с Нуон Чеа люди считали Пол Пота образцом доброты»[301]. То ли он искусно обманывал вьетнамцев, объясняя свою жестокость и антивьетнамизм условиями, в которых действовал, то ли обманывались сами вьетнамцы, которые не могли поверить, чтобы ветеран-коммунист, тесно сотрудничавший с ними еще в единой Компартии Индокитая, всем обязанный Ханою, мог оказаться предателем. Кстати, обманулись вьетнамцы не только в Нуон Чеа. Другие ветераны КПИК — Та Мок, например, да и тот же Со Пхим, также были настроены антивьетнамски.

Подготовка к вторжению в Камбоджу и формирование широкого фронта происходили настолько быстро и успешно, что уже осенью 1978 г. вьетнамские представители стали все более уверенно говорить своим советским коллегам, что «предстоящий сухой сезон может быть эффективно использован для нанесения мощных ударов по пномпеньскому режиму»[302]. На резонные вопросы советских представителей относительно реакции Китая на предполагаемое вторжение вьетнамцы твердо заявляли, что «Китай не успеет направить в Пномпень крупные вооруженные подразделения для спасения режима в Кампучии»[303]. В этом они оказались правы: Китай, даже зная о том, что вьетнамские ударные дивизии сосредоточиваются на границе с Камбоджей, смог нанести удар по Вьетнаму только в феврале 1979 г., когда главные бои в этой стране были уже позади.

25 декабря 1978 г. из-под вьетнамского города Банметхуота, расположенного на центральном плато по дороге на камбоджийский город Кратие и к переправе через Меконг, выступили вьетнамские мотострелковые и танковые части. Перейдя кхмерскую границу и не встречая серьезного сопротивления, они стали быстро продвигаться по территории Камбоджи. Главная группировка вьетнамских войск наступала на Пномпень, вспомогательные силы двигались на Кампонгтхом и далее к таиландской границе. Хотя Пол Пот заявлял: «Мы одержим

победу и изгоним вьетнамцев, потому что уже разгромили американских империалистов»[304], его расчеты оказались беспочвенными. Армия Демократической Камбоджи беспорядочно отступала, причем события развивались так быстро, что ожидать решающей поддержки от китайских союзников не приходилось. Уже 1 января 1979 г. артиллерийскую канонаду можно было услышать в Пномпене. 2 января вьетнамские диверсанты попытались захватить Сианука, однако охранявшие его солдаты отбили нападение[305]. После этого Сианука немедленно эвакуировали из города. К этому времени вьетнамские войска заняли уже семь камбоджийских провинций. 5 января Сианука неожиданно вернули в Пномпень, но только для того, чтобы эвакуировать его из страны. В этот день Пол Пот распространил заявление, «призывающее камбоджийцев к продолжительной народной войне с советской международной экспансией и Варшавским пактом»[306].

Несмотря на приближающийся полный разгром своих войск, Пол Пот все еще не отдавал себе отчета в том, что время его правления истекло. Как проигравшийся картежник, он никак не мог поверить в необратимость происшедшего. На встрече с Сиануком, которая состоялась 5 января 1979 г., менее чем за сутки до вступления в Пномпень вьетнамских частей, он пообещал «разделаться с вьетнамскими войсками за два месяца»[307].

До этой встречи Сианук всерьез опасался, что Пол Пот решит его уничтожить как соперника на легитимную власть в стране в будущем. Он был недалек от истины, хотя и не знал, что китайскому послу в Пномпене Сун Хао было сообщено для передачи председателю Хуа Гофэну, что «Сианук нетверд в своей позиции, он колеблется»[308]. Тем не менее без санкции из Пекина расправиться с бывшим монархом «брат номер один» так и не решился, только через своих представителей попросил китайских товарищей «вправить ему мозги»[309].

Пол Пот не зря опасался резкой реакции в Китае в случае убийства Сианука. Только что пришедший к власти в КНР Дэн Сяопин прекрасно понимал, что вьетнамское вторжение и изгнание «красных кхмеров» — это лишь часть, а совсем не финал большой политической игры, цель которой — доминирование и в Камбодже и в Индокитае. И так как Сианук в этой игре снова мог стать ключевой фигурой, он должен был быть спасен. Поэтому на встрече с ним Пол Пот был очень приветлив и вежливо попросил принца «помочь делу строительства социализма в Камбодже». Для этого ему следовало отправиться через

Пекин в Нью-Йорк, дабы представлять интересы Демократической Кампучии в ООН[310].

Когда китайский Боинг (он был специально послан за Сианоуком и стал последним самолетом, вылетевшим из города) унес бывшего монарха и его приближенных из Пномпеня, Пол Пот, скорее всего, еще не понимал, что на его власти в Камбодже поставлен крест и что «золотая птица вылетела из клетки» и он вряд ли сможет вернуть ее обратно. Сам он, веря в чудо, которое остановит вьетнамцев, покинул город только утром 7 января 1979 г., буквально за несколько часов до вступления в Пномпень вьетнамских войск и провозглашения Народной Республики Кампучии (НРК). Улетавший под грохот артиллерийской канонады серебристый вертолет с Пол Потом на борту, с одной стороны, и вьетнамские танки, въезжавшие на пномпеньские улицы, — с другой, обозначили новый поворот истории Камбоджи и следующий этап ее развития.

ГЛАВА X

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЭПОХУ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАМПУЧИЯ (1979–1991 гг.)

1. Формирование партийных и государственных структур НРК

Первые контуры новой Камбоджи были определены в начале декабря 1978 г., когда в кхмерском городке Сноуле противники Пол Пота учредили Единый фронт национального спасения Кампучии (ЕФНСК). В подготовке и проведении этого конгресса участвовали вьетнамские военные и политические советники, которые взяли на себя и организацию и финансирование этого события. В Ханое готовились и программные документы, подбирались кадры на руководящие должности для новой, третьей по счету за последние тридцать пять лет, оппозиционной официальным властям Камбоджи военно-политической организации, которая опиралась бы на Вьетнам.

За два дня работы съезда 2–3 декабря 1978 г. было объявлено о создании Фронта, его руководящих органов, вооруженных сил, а также принята политическая и социально-экономическая программа этой организации. Ее первоначальный вариант, по словам Чан Вена, подвергся определенным изменениям — «во все разделы программы кроме внешнеполитического были внесены некоторые коррективы нашими товарищами, которые участвовали в борьбе с Пол Потом в Восточной зоне»[1].

В политическом разделе принятой на этом съезде программы противники Пол Пота обещали камбоджийцам «провести всеобщие выборы в Национальное собрание, реорганизовать демократическую и народную власть на всех уровнях, выработать новую конституцию, ввести законодательство независимого и демократического государства, идущего к социализму». Особо выделялась необходимость соз-

дания революционных массовых организаций, которые примыкали бы к ЕФНСК[2].

Примечательно, что в свое время точно такие же обещания раздавали в своих манифестах и многочисленных пропагандистских заявлениях и лидеры «красных кхмеров». В восприятии характера власти и механизма ее организации их противники мало чем от них отличались. Для понимания истинного смысла политической декларации ЕФНСК достаточно обратиться к такому расплывчатому и двусмысленному пункту, как «реорганизация демократической и народной власти на всех уровнях». Судя по этой формулировке, противники Пол Пота полагали, что система власти в полпотовской Камбодже была демократической, и требовалось ее лишь правильно реорганизовать. Более того, если вспомнить, что в заявлении о создании Фронта содержался призыв к «патриотам, находящимся пока в рядах правящей ныне клики», переходить на сторону восстания (т. е. как бы подразумевалось наличие патриотов среди руководства «красных кхмеров»), то становится очевидно, что антиполпотовское выступление задумывалось скорее как верхушечный переворот, чем как антикоммунистическое движение. Действительно, противники Пол Пота и его режима готовы были оставить основные положения социально-экономического и политического курса — поменять они планировали лишь формы и методы его проведения и состав руководящих кадров. О таких понятиях, как свобода слова и печати, многопартийность, частная собственность и частный бизнес, в Программной декларации даже не упоминалось. Из документа видно, что авторы полагали возможным после устранения от власти полпотовской верхушки воссоздать в несколько смягченном виде тот же политический режим и примерно ту же модель экономики, что и раньше.

Однако, после разгрома «красных кхмеров» и провозглашения Народной Республики Кампучии (НРК), быстро выяснилось, что сделать это невозможно и что смена старой власти и формирование новой оказались намного более разрушительным и сложным процессом, чем предполагалось. Для того чтобы стабилизировать внутреннюю обстановку, новым хозяевам Камбоджи необходимо было как можно быстрее преодолеть очевидную слабость исполнительных структур новой власти. Лидеры ЕФНСК вместе с вьетнамскими военными и гражданскими советниками контролировали ситуацию в Пномпене, но на местах никаких органов власти не было. Поэтому учреждение органов власти на местах стало одной из первоочередных

задач, так как без этого говорить о строительстве нового государства было делом бессмысленным. В одном из первых номеров газеты «Кампучия», которая была тогда органом ЕФНСК, говорилось, что «Народно-революционный совет и Единый фронт выступают за то, чтобы в кратчайшие сроки организовать во всех городах и селах народные комитеты самоуправления как низшую ступень государственно-политической структуры страны»[3]. Они формировались медленно и не одновременно. Органы власти в районах, примыкающих к Пномпеню, возникли, например, вскоре после победы 7 января в восточных провинциях Прейвенг и Свайриенг к середине 1979 г., в западных, примыкающих к таиландской границе районах они стали появляться еще позже. В сентябре 1979 г. в документах II съезда ЕФНСК отмечалось, что «наша власть на всех уровнях, особенно на местах в сельской местности, где она только что появилась, немногочисленна, слаба с точки зрения эффективности и контроля за складывающимся положением»[4]. Слабость государственных структур связана была еще и с тем, что ядро новой власти — восстановленная вьетнамцами Компартия Кампучии численно была невелика и действовала полулегально. Советские дипломаты в Пномпене отмечали, что «в силу того, что КПК еще не вышла на открытую арену, партийные комитеты испытывают большие трудности»[5].

Слабость кхмерской власти компенсировалась тем, что опиралась она в немалой степени на вьетнамские войска и вьетнамскую военную администрацию, присутствие которых в Камбодже регулировалось Договором о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанном в феврале 1979 г. во время визита в страну премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга. Сотни вьетнамских советников были прикомандированы практически ко всем административным органам новой власти, а вьетнамские войска занимали ключевые точки во всех провинциях. Находившиеся в Пномпене советские дипломаты отмечали, что «в военной области главной опорой НРК в борьбе с контрреволюцией остаются части ВНА»[6]. Вьетнамские войска располагались по всей стране, особенно много их было на западной границе и вокруг кхмерской столицы. Вьетнамские патрули контролировали все основные районы города, а ночью, когда после десяти часов вечера начинался комендантский час, кроме них на улицах вообще никого из кхмеров встретить было невозможно. Это была оккупация, но оккупация своеобразная, когда большинство кхмеров выступали в поддержку своих оккупантов. Ужасы полпотовского правления были настолько свежи

в памяти, что относительная безопасность, воцарившаяся после изгнания «красных кхмеров», воспринимались людьми как огромное облегчение. В это время сотни камбоджийцев в частных беседах говорили, что они не очень любят вьетнамцев, но не хотят, чтобы они уходили, потому что вслед за этим вернутся «красные кхмеры».

Бен Кьернан, побывавший в стране в то время, отмечал: «Страх, что вывод вьетнамских войск откроет дорогу Демократической Кампучии, был широко распространен в кхмерских провинциях[7]. В 1984 г. в Пномпене хозяйка "Сантхакия Со" (Белой гостиницы), где я долго жил, откровенно говорила, что в случае изменения ситуации "готова уйти из Пномпеня вместе с вьетнамцами" и что они — "единственная преграда возвращению Пол Пота к власти"»[8].

Такие настроения, широко распространенные среди кхмеров, обеспечили новой власти большой кредит доверия, у нее сразу же появилась масса сторонников среди тех, кто боялся и ненавидел «красных кхмеров» больше, чем наводнивших страну вьетнамцев. И хотя этого доверия было недостаточно для превращения новой власти в самостоятельную и независимую политическую силу, оно стало важной предпосылкой для такого превращения.

С этой точки зрения существенным представляется то, что исполнительные структуры возникшего в 1979 г. режима оформлялись уже после кульминации социальной революции, когда коммунистический идеализм все больше подменялся прагматизмом, когда не столько теоретические конструкции, сколько реальные жизненные обстоятельства определяли характер политического курса. Характерно в этой связи то, что Хенг Самрин и особенно Чеа Сим и Хун Сен, которые впоследствии выступят как главные сторонники прагматичной политики, — все они, да и другие деятели, оказавшиеся создателями нового коммунистического режима, принадлежали в свое время как раз к среднему звену руководства «красных кхмеров». А именно в этом слое разочарование в доктрине и тяга к прагматизму, как уже отмечалось выше, проявлялись особенно сильно. У других членов руководства НРК, проживавших все время во Вьетнаме, такого опыта, однако, не было, и они были настроены более ортодоксально-коммунистически. В беседе со мной, например, министр промышленности Миех Сомнанг, говоривший на вьетнамском даже лучше, чем на кхмерском, рассказывал о своих планах строительства предприятий тяжелой промышленности в Камбодже. На мой вопрос, а собственно зачем это все кхмерам

нужно, он ответил: «Без тяжелой промышленности у нас не будет пролетариата. Без пролетариата мы не построим социализм»[9].

На первых порах такое различие в руководстве НРК ощущалось слабо, поскольку суровая действительность — всеобщий хаос и голод 1979 г. — заставила новые власти действовать исходя не из заранее подготовленных планов и манифестов, а из сложившегося положения. Дело в том, что, захватив Пномпень и изгнав «красных кхмеров» с большей части территории страны, новые власти и их вьетнамские союзники оказались в сложной ситуации: удар вторжения был так велик, что «реорганизовать демократическую и народную власть на всех уровнях», как это планировалось в Сноуле, оказалось невозможно. Власть подверглась дезинтеграции одновременно с развалом всего управленческого аппарата «красных кхмеров». Всю систему административного управления новым хозяевам страны надо было строить с нуля. Особенно разочаровывающим для вьетнамского руководства стало то, что, несмотря на вполне откровенный призыв к региональным функционерам «красных кхмеров» оставить Пол Пота и круг его ближайших сторонников и принять участие в так называемом III съезде НРПК, который при содействии вьетнамских советников состоялся с 5 по 8 января 1979 г.[10] в одном из освобожденных районов, никто из известных деятелей Демократической Кампучии так и не откликнулся.

В результате, вместо того чтобы занять контрольные позиции в действующих партийных и административных структурах с их налаженным механизмом власти, победителям пришлось создавать заново новую правящую партию, со всем ее административным аппаратом. Положение вьетнамцев, которые определяли ситуацию в то время, осложнялось еще и тем, что они вынуждены были делать ставку на мало кому известных кхмерских деятелей, которые в тот момент и для многих камбоджийцев, и для международных наблюдателей представлялись скорее марионетками, чем самостоятельными политиками. Проблема была также и в том, что между избранными ими во власть кхмерскими деятелями существовали разногласия, как объективные, так и субъективные. Личные амбиции кадров, прибывших из Вьетнама, которые полагали, что только им вьетнамцы могут полностью доверять, сталкивались с амбициями многочисленной группировки бывших «красных кхмеров», также желавших занять влиятельные позиции в руководстве НРК. Персональное соперничество вкупе

с различием взглядов на развитие страны сильно затрудняло процесс формирования единой и консолидированной власти.

Стратегия вьетнамцев учитывала эту ситуацию при формировании и распределении должностей в новой государственно-административной структуре: предстояло создать некий баланс сил из представителей двух группировок, которые собственно и составили ядро новой власти. На государственные должности предпочтительно выдвигались в первую очередь антиполпотовски настроенные партизаны из Восточной зоны (Хенг Самрин, Чеа Сим и т. д.), в полной лояльности которых еще не было большой уверенности. Нельзя было не учитывать и того, что многие из тех, кто входил в группировку бывших функционеров «красных кхмеров» Восточной зоны, участвовали в свое время во вторжениях во Вьетнам и выступали с антивьетнамскими призывами.

Поэтому вьетнамские кураторы доверили этим людям высокие посты и возложили на них представительские функции, но не наделяя реальной властью. Хенг Самрин, например, возглавил исполнительный орган — Народно-революционный совет, от имени которого принимались все важнейшие решения, но, по существу, не он принимал решения, так как подчинялся и Пен Совану — главе нелегальной Компартии, и вьетнамским кураторам, т. е. зачастую лишь подписывал документы, которые готовились другими[11]. Во главе восстановленных партийных структур, очень малочисленных в то время и тоже не совсем самостоятельных, встали те коммунисты, которые долго жили в Ханое, и своим руководителем всегда считали Сон Нгок Миня, а не Салотх Сара. Таких людей, которых вьетнамцы рассматривали как более им преданных, после полпотовских репрессий осталось очень немного, поэтому так называемая «ханойская группа» была мала и возглавлял ее Пен Сован, имевший, как уже отмечалось, чин майора вьетнамской армии. Ему доверили возглавить образованную на III съезде НРПК комиссию по строительству партии, которая позже была преобразована в Центральный комитет[12].

В списке руководящих деятелей НРК, составленном по принципу старшинства в октябре 1980 г. (список был передан в советское посольство в ноябре. — *Д. М.*), две группировки были представлены примерно в равной пропорции. Первым был назван Хенг Самрин, Чеа Сим числился третьим, а Хун Сен — шестым. Соответственно из числа «ханойцев» Пен Сован значился в списке вторым, Бу Тхонг — пятым, а Кео Чанда — седьмым. Четвертую позицию занимал стоявший как

бы особняком Сай Бутхонг — таец по национальности, возглавлявший сопротивление Пол Поту в провинции Кохконг[13]. Он не был связан ни с военно-административным аппаратом Восточной зоны, ни с «ханойскими коммунистами», начал борьбу с «красными кхмерами» в 1974 г., еще до их прихода к власти в стране. Он пользовался авторитетом среди других членов в руководстве НРК, располагал также доверием вьетнамских кураторов, которые поручили ему ведать вопросами партийного строительства и организационной работы и в партии и в ЕФНСК.

Думается, что этот список не вполне отражал реальное соотношение сил в кхмерских верхах. Дело в том, что Хенг Самрин и Чеа Сим были названы в первой тройке руководителей как личности известные, стоящие во главе нового государства, тогда как Компартия и ее вожди, все еще находившиеся как бы на полулегальном положении, вынуждены были оставаться в тени. Если бы Пен Сован, который в НРСК был лишь заместителем Хенг Самрина, оказался официально под номером первым, — это бы говорило о существовании подпольной партии как руководящей силы и указывало на него как на ее лидера. То же самое справедливо и по отношению к Сай Бутхонгу, который в Едином фронте занимал должность, подчиненную Чеа Симу, и поэтому до легализации партии не мог стоять в списке руководства впереди своего непосредственного начальника. Так что, если в этом списке под номером первым указать Пен Сована вместо Хенг Самрина, а под номером третьим вместо Чеа Сима — Сай Бутхонга, то перед нами откроется реальная картина соотношения сил. Из нее видно, что на самом деле бывшие «красные кхмеры» занимали в октябре 1980 г. вторую, четвертую и шестую позиции в кхмерском руководстве и во властных полномочиях явно уступали «ханойской группе».

Несмотря на очевидную малочисленность и организационную слабость организации кхмерских коммунистов, именно она стала ядром формирования новой политической системы. Дело в том, что в основу системы власти в НРК была положена советско-вьетнамская модель «общества, идущего по пути построения основ социализма». Эта модель предусматривала тотальный контроль со стороны правящей революционной, так называемой авангардной партии за положением в стране и развитием общества, а органам государственной власти, и без того выбранным формально, была уготована лишь роль внешнего фасада, причем заранее подразумевалось их подчиненная по отношению к партийным структурам роль. Национальное собрание

страны, состоявшее из 117 депутатов, выбранных, а точнее назначенных в марте-мае 1981 г.[14], было совершенно декоративным учреждением, постановления которого повторяли решения партийного руководства НРПК. То же можно сказать и об официальных административных органах новой власти на местах — народно-революционных комитетах. Сначала их деятельность была под контролем вьетнамских военных и советников, а позже — местных партийных руководителей НРПК[15]. По наблюдению советских дипломатов в Пномпене, «практически повсеместно секретарь парткома являлся и председателем народно-революционного комитета»[16].

Выбор советско-вьетнамской модели «общества, идущего по пути строительства социализма», означал фактический запрет на появление политических партий и общественных организаций, независимых от НРПК. Поэтому созданные отдельными группами интеллигентов, вернувшихся в Пномпень, политические организации типа монархической *Риеть сиха* («Королевские львы»), националистических и антивьетнамских *Пролоунг Кхмер* («Кхмерская душа»), *Кханг Чак* («Обсуждение») или *Неак тийет нийюм* («Националист»), которые выступали с критикой складывавшейся системы власти, рассматривались как контрреволюционные и подлежащие запрету[17]. Их участники были вынуждены уйти в подполье, а некоторые бежали в Таиланд. Другие были задержаны и арестованы властями, сумевшими полностью пресечь деятельность всех этих групп, зачастую связанных с «колонией местных китайцев, которые помогали в создании подпольных организаций и распространении листовок»[18].

В июне 1980 г. в Пномпене проходили заседания народно-революционного суда «по делу группы контрреволюционеров из организации *Серейка* («Свобода»), которые обвинялись в «подрывной деятельности с целью свержения существующего в НРК строя». Суд продолжался два дня, и «контрреволюционеры были приговорены в зависимости от степени ответственности к различным срокам (от 3 до 20 лет) тюремного заключения»[19]. Несколько позже, в ноябре 1980 г., в Пномпене состоялся новый судебный процесс, на сей раз над 16 членами «контрреволюционной организации “Националист”», в результате которого 14 человек были приговорены к различным срокам лишения свободы — от 2 до 20 лет[20].

К концу 1980 г. всякие попытки сформировать легальную или полулегальную оппозицию утвердившемуся режиму окончательно сошли на нет. Для тех, кто пытался продолжать критиковать новую

действительность и даже осмеливался прослушивать официально запрещенные передачи радио «красных кхмеров», которое вещало из Китая, а также западных, китайских и даже таиландских радиостанций[21], были созданы «лагеря перевоспитания» по вьетнамскому образцу, куда стали направлять так называемых заблуждающихся. В эту категорию обычно включали требовавших свобод немногочисленных интеллигентов, а также членов семей тех, кто остался сторонником или перешел на сторону Пол Пота. Наличие таких лагерей, вместе с почти двумя сотнями тюрем, где, как указывала организация «Международная амнистия», применялись пытки, приводило к тому, что в стране снова сгущалась атмосфера страха и запугивания, в которой только и могла возрождаться — в несколько ином, чем раньше, виде — политическая система с авангардной партией во главе[22].

Сами партийные пропагандисты объясняли воссоздание такой политической системы тем, что «государственная власть в Кампучии опирается на марксистско-ленинскую партию, которая на этапе движения вперед и развития нашей революции должна осуществлять руководство во всех областях»[23]. На самом же деле в стране в 1979–1980 гг. складывалась казавшаяся парадоксальной ситуация: политическая система, направляемая авангардной партией, существовала, а самой авангардной партии как таковой не было. Этой партией являлась небольшая по численности группа людей, находившихся главным образом в Пномпене и объединенных в закрытую организацию, которая в лучших традициях старой Компартии Салотх Сара действовала нелегально, официально о себе не заявляла. Так же, как и раньше, такая политика объяснялась происками врагов, многочисленными угрозами, но, скорее всего, причина закрытости была в слабости самой организации, которую составляли около 200 человек (на более чем шестимиллионную страну!)[24]. Из-за крайней малочисленности и организационной слабости партии объявлять о ее существовании и руководящей роли было очень рискованно.

Принцип авангардной партии как основы политического руководства был, тем не менее, заложен в фундамент новой политической системы страны. В Конституции НРК, принятой в июне 1981 г., отмечалось, что «Народно-революционная партия Кампучии является той силой, которая берет на себя прямое руководство всей революционной работой в стране»[25]. Эта «чеканная» формула конституции совершенно не отражала реальной действительности. Партия такой силой не являлась, а ее программа, принятая на так называемом III съезде[26], была не

просто неоригинальна, — ее буквально целыми разделами переписали из программы КПВ и документов других «братских» партий. В ней говорилось, в частности:

«НРПК — организованный авангард и высшая форма организации рабочего класса Камбоджи. Она объединяет самых сознательных, отважных и самоотверженных представителей рабочего класса, крестьянства и революционной интеллигенции, добровольно вступивших в ее ряды. В своей деятельности партия придает решающее значение делу строительства социализма и воспитания своих членов с целью превращения в подлинно марксистско-ленинскую партию»[27].

В ключевом идеологическом разделе программы утверждалось:

«Партия ведет непримиримую борьбу против буржуазно-националистических взглядов клики Пол Пота — Иенг Сари, против догматизма и всех проявлений «левого» оппортунизма в практике классовой борьбы, против любых попыток фальсифицировать историю, опорочить благородную цель борьбы партии и расколоть ее ряды».

Враждебными были названы также все проявления диктаторства, произвола и индивидуализма, а в партийном строительстве одной из самых неотложных задач объявлялось «искоренение антипролетарских, узконационалистических взглядов»[28]. Пожалуй, только последнее требование из процитированного выше текста программы отражало камбоджийские реалии, поскольку борьба с антивьетнамизмом, особенно среди тех, кто раньше находился в рядах «красных кхмеров», остро стояла на повестке дня. Еще один пункт, понятный всем, состоял в том, что партии «необходимо дальнейшее укрепление боевой солидарности с Коммунистической партией Вьетнама, Народно-революционной партией Лаоса, а также с другими марксистско-ленинскими партиями»[29].

Каких-либо свидетельств внутренней борьбы и острых разногласий между участниками III съезда у нас нет. Чан Вен говорил мне, что «на этом съезде наблюдалось полное единство его участников»[30]. Это и понятно, учитывая, что появившаяся на свет организация не была самостоятельной ни в организационной, ни в идеологической сфере. Все ее решения почти целиком зависели от кураторов из КПВ. Кроме того, в первых числах января 1979 г., когда состоялся этот съезд, вьетнамские войска взяли только Пномпень, еще весь запад Камбоджи оставался в руках Пол Пота. Предмета для споров и дискуссий не было, — еще неясно было, когда в руки участников съезда

перейдет хотя бы формальная власть в стране. Будущее и самой партии и участников съезда оставалось еще очень неопределенным.

Весь период 1979–1980 гг. НРПК (до своей легализации эта организация во всех документах называлась Кампучийской Коммунистической партией или сокращенно ККП, чтобы не путать с Компартией Кампучии Пол Пота. — *Д. М.*) действовала, как уже отмечалось, полулегально, в основном через организации и структуры ЕФНСК, который стал ее главным прикрытием. Решения прошедших в это время первого и второго пленумов, рассматривавших в основном хозяйственные вопросы, проводились как постановления Народно-революционного совета. Все это время численность партии, особенно в провинции, росла крайне медленно. Еще в 1981 г., например, «в некоторых провинциях Камбоджи имелось лишь по одному ее члену»[31]. При этом в партийном руководстве постепенно обострялись противоречия между бывшими «красными кхмерами» и «вьетнамской группой». Дело в том, что Пен Сован и его окружение стремились максимально ограничить и затруднить прием в партию новых членов, опасаясь уменьшения доли своих соратников в партии и, особенно, в ее высшем эшелоне. Они всеми силами выступали за такую модель организации власти, когда небольшая по численности НРПК, составленная в основном из их сторонников, оставалась бы в тени, а вся политика проводилась бы через Единый фронт и Народно-революционный совет. Близкий к «вьетнамской группе» по своим взглядам и ставший впоследствии главным идеологом НРПК Сай Бутхонг отмечал позже: «После своего возрождения НРПК поставила задачу стать партией трудящихся масс, но при этом не гнаться за количеством членов, видя в этом самоцель. Они должны полностью оправдывать свое назначение, быть настоящими представителями революционного авангарда, принявшими, глубоко усвоившими и умеющими творчески применять учение марксизма-ленинизма. Понятно, что для подготовки кадров такого уровня требуется время»[32].

В противовес «вьетнамской группе», бывшие «красные кхмеры» Хенг Самрин, Чеа Сим, а также Хун Сен, который в правительстве занял пост министра иностранных дел, стремились ускорить рост партии, быстрее выстраивать партийно-государственную структуру управления, принимать в нее реальных руководителей на местах. Хун Сен в своей известной книге «Десять лет развития Кампучии» позже писал, что НРПК в то время «допускала ошибки в партийном строительстве», и в ряде мест сложилось положение, когда «достойные

работники низшего звена не могли вступить в партию, так как должны были ждать, когда это сделают вышестоящие работники»[33].

Предложения бывших «красных кхмеров» в пользу выстраивания разветвленных и многочисленных партийных структур больше соответствовали условиям, сложившимся в стране, чем отстаиваемая их оппонентами ставка на небольшую по численности и полузакрытую правящую организацию. Причина этого состояла в том, что, желая продемонстрировать национальный характер кхмерской власти и отвергая обвинения со стороны многих стран об оккупации и завоевании Камбоджи, вьетнамцы стремились как можно быстрее передать конкретное руководство в руки кхмеров, оставив себе только контроль за ключевыми сферами жизнедеятельности кхмерского государства. Они хотели показать всем, что они эту страну освободили от кровавого режима и, по мере укрепления местной власти, выводят и войска и своих советников. В связи с этим, за относительно короткое время самостоятельность кхмерских властей, особенно на местах, заметно возросла, а количество вьетнамских советников резко сократилось. Например, в 1979 г. в провинции Такео находилось 40 вьетнамских советников, а к 1981 г. их там вообще не осталось. В Кампонгчаме их число за то же время сократилось с двадцати до восьми, в Кандале — с двадцати до двенадцати[34]. Все это происходило на фоне заметно улучшившегося политического положения в стране и в сфере безопасности. Дороги почти повсеместно были свободны, крупных нападений на них не отмечалось. Население стремилось быстрее возвратиться к привычной жизни и в целом совершенно не желало поддерживать свергнутых «красных кхмеров». В марте 1980 г. советские дипломаты сообщали, что «полпотовцы к настоящему времени фактически утратили политическое влияние среди камбоджийского населения, дискредитировали себя как враги собственного народа»[35]. В ноябре 1980 г. выступая в Ханое, заместитель министра иностранных дел Вьетнама Во Донг Зианг заявил: «...Если ситуация в Камбодже будет развиваться в том же направлении, что и сейчас, то мы сможем вскоре вывести из страны всех своих советников»[36].

Вьетнамцы так энергично взялись выводить из страны советников, что вызвали беспокойство у своих кхмерских союзников. Те, видимо, начали опасаться, что их могут бросить на произвол судьбы. В одном из своих выступлений в 1992 г. Хун Сен вспоминал даже, что «первоначально Вьетнам планировал покинуть территорию Камбоджи через год — в 1980 г., но я сам отправился к Ле Дык Тхо (член Политбюро

ЦК КПВ, ответственный за положение в Камбодже) и сказал, что вы можете вывести свои войска, но так как у Камбоджи недостаточно сил, чтобы самостоятельно предотвратить возвращение "красных кхмеров", Пол Пот вернется сразу же после вашего ухода»[37].

На самом деле в 1980 г. Вьетнам не собирался выводить из Камбоджи все свои войска и советников. Наоборот, в Ханое тогда подумывали реанимировать и начать воплощать старую идею Индокитайской федерации, только теперь — на базе особых отношений трех стран Индокитая. Такая перспектива казалась там более чем реальной. Но прежде чем приступить к ее достижению, вьетнамцы столкнулись с первым кризисом в рядах НРПК, который при определенных обстоятельствах мог оказаться роковым и для этой партии и для ее руководства.

2. Борьба группировок в НРПК: причины и результаты

Положение внутри партии стало обостряться по мере увеличения масштаба полномочий и объема власти кхмерской администрации и в центре и на местах. Споры и несогласия, которые раньше блокировались вьетнамскими советниками, состоявшими при каждом маломальски значимом органе камбоджийской власти, теперь все чаще выплескивались наружу. Ведь решение многих конкретных вопросов управления, особенно хозяйственных, перешло в компетенцию кхмеров и принималось ими самостоятельно, в зависимости подчас от принадлежности к той или иной группе в руководстве. Парадоксально, что не бывшие «красные кхмеры», а люди из «ханойской группы» были настроены наиболее ортодоксально коммунистически, и где только можно выступали за возвращение к коллективному труду и уравнительному распределению, восстановлению трудовых коммун, к ограничению влияния буддийской сангхи и численности монахов. Пен Сован, игнорируя кхмерскую реальность, в полном соответствии с заученной им теорией, стремился быстрее строить социализм в Камбодже, который он понимал исключительно как огосударствление промышленности, обобществление в деревне, возвращение там к практике сельскохозяйственных коммун, как формирование групп коллективного труда и уравнительного распределения в городе среди ремесленников[38].

Особенно откровенно планы «ханойцев» относительно будущего характера развития страны были изложены на состоявшейся 24 апреля 1981 г. второй городской отчетно-выборной конференции ЕФНСК Пномпеня. Первый секретарь городского комитета Компартии Кео Чанда заявил там, что «большая часть шпионов скрывается под прикрытием западных информационных агентств и организаций по оказанию помощи населению»[39], и фактически призвал ограничить их деятельность. Выступивший после него Чан Вен, занимавший пост председателя Народно-революционного комитета Пномпеня, высказался за то, чтобы выселить часть населения из кхмерской столицы: «У нас есть план выселения части населения из столицы, — сказал он, — к этой части относятся торговцы, спекулянты и те, кто не имеет специальности»[40]. К тому же, заявил он, «раз у рабочих нет денег, чтобы покупать золото, не должно быть и тех, кто его продает»[41]. Относительно частных предприятий Чан Вен обрисовал такую перспективу: «В будущем все кустарные мастерские перейдут в коллективное пользование, при этом государство будет регулировать этот процесс. Оно не даст частнику возможность скопить крупный капитал»[42]. Кульминацией его выступления стало предложение выселить из города вместе с торговцами, спекулянтами и лицами без профессии еще и всех проституток, «отправить их на остров Кохконг в Сиамском заливе»[43].

Трудно себе представить, как развивались бы события в Камбодже в случае выполнения даже части тезисов, изложенных в выступлениях руководства кхмерской столицы. Ведь те, кого они называли торговцами, спекулянтами и лицами без профессий, вместе со своими семьями составляли большую часть населения города. В условиях полуразрушенной экономики то, чем они занимались, было их единственным шансом найти работу и выжить. Их насильственное выселение стало бы повторением изгнания пномпеньцев 17–20 апреля 1975 г., когда «красные кхмеры» заняли город. Такой шаг вызвал бы всеобщее осуждение как внутри страны, так и в мире и похоронил бы окончательно все попытки добиться признания НРК на международной арене. Кроме того, он крайне негативно сказался бы и на международном престиже покровителей НРК — Вьетнаме и Советском Союзе. Предложение о том, чтобы прекратить деятельность западных благотворительных организаций, также было бы крайне негативно воспринято и в стране и в мире, поскольку привело бы к голоду тысяч людей, которым они предоставляли помощь.

Радикализм предложений столичного руководства угрожал стагнацией и экономической жизни в Пномпене. Дело в том, что перевод кустарных производств в коллективное пользование привел бы к тому, что и эта наиболее быстро развивавшаяся и аккумулировавшая тысячи людей сфера городской экономики вступила бы в полосу кризиса, потому что ремесленники, как показали последующие попытки их объединения, скорее свертывали свое производство, чем передавали его в коллективное пользование.

В противовес радикальным предложениям «ханойской группы» бывшие «красные кхмеры» выступали с намного более реалистической программой, смысл которой состоял в том, что необходима политическая стабильность и сохранение тех форм хозяйствования, которые традиционно были присущи Камбодже. Они высказывались против того, чтобы вновь путем непродуманных социально-экономических экспериментов восстанавливать людей против власти. Бывшие «красные кхмеры» не соглашались с Пен Сованом и его единомышленниками, указывали, как вспоминал потом Хун Сен, что «мелкие частные и кооперативные предприятия, самостоятельное хозяйствование крестьян на земле дает наибольший эффект, позволяет удовлетворять первоочередные потребности страны»[44].

Первые признаки нараставшей внутренней борьбы проявились на так называемом третьем пленуме ЦК Компартии Кампучии, который состоялся в январе 1980 г. В резолюции этого пленума указывалось, что «до настоящего времени еще не налажено правильное повсеместное распределение продовольствия в соответствии с указаниями партии», хотя «...в начале октября 1979 г. Постоянный комитет ЦК партии специально обсуждал с Председателем Народно-революционного Совета вопрос о ходе распределения риса и других сельскохозяйственных продуктов»[45]. Председателем НРСК, не названным в приведенной резолюции, был Хенг Самрин, который, как следовало из этого документа, не справился с возложенной на него Постоянным комитетом ЦК партии задачей. А так как председателем ПК Компартии был Пен Сован, — понятно, кто был инициатором критики одного из наиболее видных представителей бывших «красных кхмеров».

В мае 1981 г. в Камбодже безо всяких торжеств было объявлено о существовании авангардной партии, которая возглавляет строительство нового общества в стране. О том, что Компартия наконец-то вышла на свет, стало известно из краткого информационного сообщения, появившегося 19 мая. В нем отмечалось, что IV съезд НРПК

будет созван в конце мая 1981 г., а также то, что это решение было принято Центральным комитетом НРПК 15 марта 1980 г.[46] В тот день на очередном пленуме ЦК Компартии, видимо, было принято решение не только легализовать партию, но и впредь называть организацию кхмерских коммунистов не Компартией, а Народно-революционной партией. Такое название авангардной партии в слаборазвитой стране вполне коррелировалось с теоретическими воззрениями советских идеологов «некапиталистического пути развития» и «закономерностей строительства социализма в развивающихся странах». «Народно-революционными» были прокоммунистические правящие политические организации от Монголии — до Анголы и Мозамбика. В пользу перемены названия от ККП к НРПК говорило также и то, что это означало разрыв с Компартией Кампучии (КПК) Пол Пота и восстановление традиций старой НРПК. Тем самым новая партия освобождалась от «грехов» «красных кхмеров» и получала солидную предысторию.

Вопрос легализации партии и ее названия решался, по словам Ю. Н. Мякотных, при самом активном участии руководства КПВ, которое сумело «убедить» руководителя кхмерских коммунистов в необходимости этого шага. Поддержку он получил и в Москве, где, после визита в феврале 1980 г. Пен Сована и Хенг Самрина и подписания многочисленных соглашений о сотрудничестве в разных сферах[47], все активнее втягивались в камбоджийские дела. Покровители НРК стремились как можно быстрее представить Камбоджу как независимое государство, которое под руководством НРПК в союзе с КПВ и КПСС, другими братскими партиями успешно идет по пути социализма. Об этом Ле Зуан собирался заявить в Пномпене с трибуны IV съезда НРПК[48].

Объявление о существовании партии и о ее руководящей роли оказало двойственный эффект на политическую борьбу в кхмерских верхах. С одной стороны, оно стало ударом по планам Пен Сована сохранить во главе государства небольшую по численности тайную организацию революционеров. С другой — способствовало тому, чтобы он постепенно утверждал свою власть в партии и в государстве. Эта опасная для его противников тенденция особенно проявилась на IV съезде НРПК, который состоялся 26–29 мая 1981 г. Съезд был построен Пен Сованом и его сторонниками так, что практически любой обсуждаемый вопрос сводился к осуждению режима «красных кхмеров». Пен Сован в своем докладе отмечал, что «полпотовская группировка разрушила партию, заставила ее изменить принципам

марксизма-ленинизма», навязала ей реакционный экстремистский национализм и, в конечном счете, «превратила партию в контрреволюционную организацию, организацию палачей и убийц для проведения в стране массового террора, равному которому по жестокости не знала история человечества»[49].

Легко можно заметить, что в этом докладе Пен Сован говорил уже не только о клике Пол Пота — Иенг Сари, но и о вине всей полпотовской партии и всех ее членов. При этом не было сделано и намека на то, чтобы выделить тех, кто из рядов Демократической Кампучии перешел на сторону НРК. По свидетельству очевидцев, все время возникало ощущение, что Пен Сован критикует не столько отброшенных в джунгли полпотовцев, сколько своих политических соперников, которые в сложившейся ситуации не имели возможности ни ответить ему, ни перевести дискуссию в русло обсуждения практических задач и реально достигнутых результатов[50].

Кроме того, Пен Сован закрепил свои права на лидерство в партии утверждением о том, что с точки зрения революционных заслуг коммунисты из «ханойской группы» ничем не уступают бывшим «красным кхмерам». Он сказал, что «перед лицом предательства (имея в виду, что Пол Пот предал идеалы социализма. — *Д. М.*) многие кадровые работники и настоящие члены партии отделились от них, уехали за границу или поднялись против предателей»[51]. Получалось, что уехать за границу, как это сделал он и его приближенные, и пережидать правление Пол Пота в Ханое было равнозначно партизанской войне в джунглях на востоке Камбоджи, которую вел Хенг Самрин и другие бывшие «красные кхмеры».

Жесткая критика бывших «красных кхмеров» была продолжена и в других докладах, в которых указывалось, что под влиянием левацкой идеологии «сформировалась некоторая часть наших старых кадровых работников, которые хотя и подвергались репрессиям и сражались против режима полпотовцев, однако до конца не поняли суть их реакционного политического курса, восприняли от них плохое влияние в области идеологии и, сами того не зная, совершают непреднамеренные ошибки»[52]. Более того, Пен Сован в одном из своих выступлений даже заявил, что видит причину разногласий в НРПК в том, что «кадровый состав партии происходит из трех групп — «работников, вернувшихся из Вьетнама, тех, кто участвовал в борьбе против полпотовского режима, а также новых людей, выдвинувшихся в общественных организациях после 7 января 1979 г.»[53]. Из-за такого разделения,

по его словам, «кадровые работники, члены партии, собранные из разных групп, еще не вполне друг друга понимают ... и не всегда друг другу доверяют»[54].

Съезд завершился избранием Пен Сована Генеральным секретарем ЦК НРПК. В правительстве он занял пост министра обороны и совмещал эту должность с командованием камбоджийской армией. Большинство в Центральном комитете, состоявшем из 21 человека, также оказалось у сторонников Пен Сована. В Политбюро ЦК НРПК, избранное на съезде, вошли восемь человек, причем «ханойская группа» заняла в нем доминирующее положение. Из бывших «красных кхмеров» в Политбюро вошли лишь Хенг Самрин — вторая позиция, Чеа Сим — четвертая и Хун Сен — шестая. Все остальные места остались за «ханойцами», включая введенных в руководство Чеа Сота — министра планирования и Чан Си — заместителя министра обороны и начальника Главного политического управления армии. Еще более заметно сокращение числа бывших «красных кхмеров» в руководстве по списку секретариата ЦК. В этом ключевом партийном органе (состоявшем из 7 членов) их представлял только Хун Сен[55]. Несмотря на очевидное ослабление позиций своих соратников по партии, будущий лидер НРПК и Камбоджи Хун Сен в целом позитивно оценивал результаты съезда с точки зрения строительства партии. Он отмечал, что «IV съезд НРПК определил рубеж между двумя этапами в партийном строительстве, первым — «когда она была лишь группой передовых людей», и вторым — когда партия, не распространив еще свою структуру на местах, превратилась фактически в организацию кадровых работников центра и провинций»[56].

После съезда Пен Сован фактически превратился в диктатора, который стал вести себя все более независимо от своих вьетнамских кураторов. Он сосредоточил в своих руках такую власть, что за границей стали говорить о рождении режима Пен Сована[57]. Свидетельством его преобладающего влияния стало намного более скромное, чем в 1980 г., празднование дня взятия «красными кхмерами» Пномпеня 17 апреля 1975 г. Праздничные статьи в главных газетах были вполовину меньше, чем в 1980 г.[58] Такая тенденция понятна: ведь для выходцев из «красных кхмеров» этот день оставался их великой победой, «днем национального освобождения», а для Пен Сована, как и для многих других, это был день прихода к власти в стране Пол Пота.

Политическое полновластие позволило Пен Совану проводить такую экономическую политику, которая в полной мере

соответствовала взглядам нового вождя. Несмотря на очевидное замедление темпов восстановления страны, нарастающие проблемы в отношениях с крестьянами, выражавшими недовольство новым обобществлением, был объявлен курс на строительство общества на основе подлинного марксизма-ленинизма, строительство социализма провозглашалось закономерным процессом развития, предусматривалось дальнейшее обобществление в деревне и городе, наращивание государственного сектора экономики[59].

Однако господство Пен Сована закончилось разом в начале декабря 1981 г. В один день — 4 декабря он был снят со всех постов и отправлен в Ханой на переподготовку. По словам очевидцев событий, Пен Сован якобы решил окончательно расправиться с группировкой бывших «красных кхмеров». Он собрал верные ему отряды и окружил квартал, где находились его политические оппоненты — Хенг Самрин и Чеа Сим. Ситуация в Пномпене была очень острой. Позже некоторые очевидцы говорили мне, что 4 декабря 1981 г. в Пномпене даже стреляли[60]. Однако быстрое вмешательство вьетнамского спецназа спасло ситуацию и предотвратило кровопролитие и раскол. Ханой встал на сторону бывших «красных кхмеров», а Пен Сован был обвинен в излишнем радикализме, в том, что «маоистские элементы в пномпеньской администрации (имени Пен Сована они никогда прямо не называли) хотели быстро уничтожить частную торговлю ... что было политически ошибочным решением»[61].

Другая версия причины падения Пен Сована состояла в том, что он, как рассказывали мне в Пномпене, оказался слишком амбициозен, стремился навязывать свои решения и так и не сумел наладить нормальные отношения с бывшими «красными кхмерами» из Восточной зоны. Во время февральского визита в Москву, например, всех поразило, как во время встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым Пен Сован, который шел вторым после Хенг Самрина, официально возглавлявшего делегацию как глава НРСК, «неожиданно оттолкнул его и первым бросился в объятия советского лидера»[62]. Рассказывают также, что в августе 1979 г. на встрече с Ле Зуаном он даже пытался обвинить бывших «красных кхмеров» в отходе от «правильного марксизма» и в нелояльности к «большому брату» — Вьетнаму[63].

Существует и еще одна версия отставки Пен Сована: якобы глава кхмерских коммунистов предпринимал попытки установить отношения с советскими коммунистами напрямую, без вьетнамского

посредничества. У Ле Дык Тхо, который курировал камбоджийские дела в Политбюро ЦК Компартии Вьетнама, это вызвало подозрения в нелояльности Пен Сована, и было принято решение убрать его из камбоджийского руководства[64]. Сам же Ле Дык Тхо объяснял отставку Пен Сована тем, что он оказался «молодым и неопытным руководителем и ему еще надо было учиться, чтобы быть руководителем государства»[65].

Мне представляется более верной другая причина: вьетнамские коммунисты разочаровались в Пен Сован, обнаружив, что он не столько неправильный марксист, «желавший быстро уничтожить частную торговлю», сколько кхмерский националист, всячески препятствовавший укоренению в стране вьетнамской власти. Достаточно проанализировать принятый по его инициативе Постоянным комитетом ЦК Компартии Камбоджи в январе 1981 г. специальный циркуляр относительно прав иностранцев в стране, как многое в судьбе Пен Сована становится понятным. В этом циркуляре говорилось, что «всем кампучийским центральным и провинциальным министерствам и ведомствам не разрешается принимать на работу иностранцев в качестве кадровых работников и служащих и категорически запрещается принятие ими кампучийского гражданства». Кроме того, «кампучийским кадровым работникам и служащим категорически запрещалось вступать в брак с иностранными гражданами»[66]. Советские дипломаты в своем комментарии к этому циркуляру писали, что он «направлен против лиц китайской и вьетнамской национальности, не являющихся кампучийскими гражданами»[67].

Если же формулировать более жестко, — смысл циркуляра состоял в том, чтобы не допустить превращения вьетнамского советника в чиновника кхмерской администрации. А такая подмена была одним из способов закрепления вьетнамского присутствия в Камбодже, когда советников становится меньше, а реальное число вьетнамских администраторов в Камбодже растет. Действия Пен Сована в этой связи были не просто ошибкой, это была борьба с политической линией «старшего брата». Его отстранение от власти произошло примерно так, как в СССР в 1964 г. убрали Н. С. Хрущева. Так же, как в свое время советский лидер, Пен Сован накануне своего отстранения от власти находился вне столицы — 2 декабря — в провинции Баттамбанг, а 3 декабря — в провинции Пурсат[68]. За время его отсутствия и был созван пленум, на который его вызвали по приезде в столицу. Все попытки сопротивления были быстро пресечены, — в тот день вьетнамцы вновь

показали ему «кто в доме хозяин». Ле Дык Тхо, прибывший заранее в Пномпень, выступил на этом пленуме с критикой камбоджийского генсека, после чего «пленум обсудил и единогласно принял следующее решение: избрать товарища Хенг Самрина Генеральным секретарем ЦК вместо Пен Сована, которому необходим длительный отдых для лечения»[69]. Вслед за Пен Сованом в Ханой «на лечение» отправился и еще один влиятельный деятель «ханойской группы» — глава пномпеньской партийной организации Кео Чанда.

Отставки Пен Сована и Кео Чанды подорвали позиции «вьетнамской группы» в высшем руководстве НРК. Ее представители потеряли два важнейших поста, позволявших контролировать партийно-государственный аппарат и столицу. В их руках хотя и остался контроль над правительством — Чан Си, министерством обороны — Бу Тхонг, однако баланс власти в стране оказался нарушен. Место Пен Сована как главы партии занял Хенг Самрин, который за годы работы с вьетнамцами вполне убедил их в своей лояльности.

Мне несколько раз доводилось общаться с Хенг Самрином и брать у него интервью, и надо сказать, что вел он себя с журналистами довольно стесненно. Глава партии и государства отказывался говорить без заранее подготовленного текста и был всегда очень скован. Окружен он был вьетнамскими советниками, даже его охранники и личный врач, по крайней мере, во время его визита в Москву на XXVII съезд КПСС в 1986 г., тоже были вьетнамцами. В отличие от него Чеа Сим, который возглавлял Национальное собрание, а также Национальный совет ЕФНСК, ставший благодаря его энергии довольно влиятельной силой, был куда более общительным, хотя и он тщательно следил за тем, чтобы не сказать лишнего. Манера поведения этих людей хорошо передавала сложную иерархию зависимостей, в которых они жили.

В декабре 1981 г., после исчезновения Пен Сована, именно два этих деятеля заняли ключевые позиции во властных структурах — первая и вторая позиции в Политбюро ЦК НРПК[70] и стали постепенно вытеснять представителей «вьетнамской группы» на политическую периферию. Сделать это было очень сложно, поскольку кадровые вопросы находились на первоочередном контроле у вьетнамских советников, которые стремились сохранять некоторый баланс сил между двумя группировками. Однако чаша весов теперь явно клонилась на сторону бывших «красных кхмеров». После 1981 г. из высших постов в государстве им не принадлежал лишь пост премьера,

который занимал Чан Си, тесно связанный с вьетнамцами и «ханойской группой»[71].

Вполне вероятно, что после отставки Пен Сована многие его соратники на втором пленуме ЦК, который состоялся уже после событий 4 декабря 1981 г., лишились бы своих постов, но поддержка их со стороны вьетнамских советников в партии предотвратила такие радикальные перемены. В Ханое сочли, видимо, что необходимо восстановить баланс власти, дабы не допустить чрезмерного усиления «бывших красных кхмеров». Вьетнамский посол в Камбодже Нго Дьен, выступая 8 января 1982 г. на митинге в Пномпене, «сообщил, что бывший секретарь горкома партии, министр промышленности Кео Чанда, который недавно возвратился из Вьетнама, где находился на излечении, в ближайшее время будет восстановлен на посту секретаря горкома»[72]. Такое императивное заявление вьетнамский посол сделал еще до того, как об этом объявили кхмерские власти. Такой шаг преследовал несколько целей: с одной стороны — показать всей кхмерской правящей верхушке, кто принимает основные кадровые решения, а с другой — вновь призвав к власти одного из ближайших соратников Пен Сована, восстановить баланс сил. Кроме того, следовало развеять сомнения советских союзников относительно способности Ханоя контролировать ситуацию в руководстве Камбоджи. Вьетнамцы любили делать это в легкой, ненавязчивой манере. Так, например, во время беседы с советским послом о предстоящем в конце января 1982 г. визите в Камбоджу группы экспертов Всемирной продовольственной программы Нго Дьен как бы между делом заявил, что «кампучийцы сначала хотели возразить против того, чтобы в составе группы экспертов Всемирной продовольственной программы были бы представители ряда западных посольств, однако «мы им рекомендовали принять эту делегацию в предложенном составе»[73].

Перестановки в высших эшелонах камбоджийской власти мало повлияли на расклад сил на уровне провинциальных комитетов НРПК. На конец 1981 г., по данным М. Викери, «из 16 первых секретарей провинциальных комитетов партии к сторонникам "ханойцев" можно было отнести 4, Хенг Самрина и Чеа Сима — 7, а к неопределившимся — 5 человек»[74].

В 1982–1983 гг. вьетнамские кураторы, ликвидируя дисбаланс, старались постепенно продвигать представителей «ханойской группы» на вершину власти. Уже к 1 февраля 1983 г. их представители Сай Бутхонг[75], Чан Си и Бу Тхонг занимали соответственно третью,

четвертую и пятую позиции в Политбюро ЦК НРПК. Особенно высоко поднялся премьер-министр Чан Си, который ранее занимал только седьмую позицию в руководстве. Теперь «ханойская группировка» контролировала столицу, правительство, министерство обороны и важнейшие отделы ЦК партии — организационный и пропаганды, находившиеся в подчинении соответственно Сай Бутхонга и Бу Тхонга. В списке членов Постоянного комитета ЦК НРПК эти люди также следовали сразу же за Хенг Самрином[76]. Уступкой «бывшим «красным кхмерам», по всей видимости, стало то, что всегда резко против них выступавший Кео Чанда, так скандально восстановленный вьетнамским послом на своем посту, в руководство партии введен не был. Его имя не фигурирует ни среди членов Политбюро, ни в Секретариате ЦК, ни в составе ЦК партии[77]. Для главы столичной парторганизации это было неприкрытым выражением недоверия и подрывало его возможность влиять на решения высшего руководства.

Таким образом, борьба двух группировок на вершине власти НРК завершилась компромиссом, достигнутым исключительно под вьетнамским давлением. Кураторы противостоявших друг другу политических сил в НРПК показали своим подопечным границы их возможностей и собственную решимость не допустить ни новых репрессий, ни нового раскола в камбоджийской правящей верхушке. Они убедили их в абсолютной невозможности победы одной группы над другой и тем самым вынудили представителей разных групп договариваться между собой о сотрудничестве. В результате политический компромисс, который был так несвойствен камбоджийской политике, стал важным элементом построения НРПК. Для истории партии это было ключевое событие, во многом определившее ее превращение в наиболее организованную и действенную силу в политической жизни Камбоджи.

Сложная обстановка в стране, малочисленность партии, слабость ее основных структур также понуждали немногочисленных партийцев сохранять единство. В партийных документах признавалось, что «хотя НРПК и восстановила себя политически, идеологически и организационно, однако еще не вполне крепка... ее силы еще незрелы в области идеологии и политики, а революционные позиции рабочего класса, марксизма-ленинизма еще недостаточно сильны»[78].

События декабря 1981 г. и последующие перестановки в руководстве привели к тому, что в партии началась некоторая перегруппировка соперничавших сил. Кроме «вьетнамской группы» и бывших «красных кхмеров» стала оформляться и так называемая группа прагматиков,

которые консолидировались вокруг набиравшего политический вес министра иностранных дел Камбоджи Хун Сена. Этого очень молодого тогда политика нельзя было в полной мере отнести ни к «красным кхмерам» — участникам восстания в Восточной зоне, — ни к провьетнамским ветеранам. Для его восхождения к власти важным было то, что как министр иностранных дел он находился в постоянном контакте с высшим вьетнамским руководством и особенно с Нгуен Ко Тхатем — многоопытным и очень влиятельным министром иностранных дел Вьетнама, известным своими прагматичными взглядами. Хун Сен также проявил себя прагматиком и реалистом, вполне адекватно оценивающим сложившуюся ситуацию. Например, после того, как в 1981 г. было образовано коалиционное правительство Демократической Кампучии во главе с Сианук, он сразу же понял бесцельность борьбы за международное признание НРК в ООН и других международных организациях. Он не питал никаких иллюзий относительно возможностей СССР и Вьетнама переломить сложившееся отношение к НРК на международной арене. Поэтому он выступил за то, чтобы вообще пока не поднимать этот вопрос на международных форумах, потому что всякое отрицательное для правительства НРК голосование наносило ему ущерб и только придавало силы кхмерской оппозиции. Этого, кстати, не понимали советские дипломаты в Пномпене, которые с нескрываемым осуждением отмечали: «...Кампучийские товарищи в ряде случаев проявляли определенную сдержанность в вопросе о расширении участия НРК в международных неправительственных организациях. Они мотивируют свой подход сохраняющейся опасностью того, что развертывание мощной кампании по восстановлению членства Кампучии в международных организациях может привести к активизации усилий Китая, США и стран АСЕАН по укреплению позиций «коалиции». Это, по их мнению, с учетом нынешней ситуации вокруг Кампучии, неблагоприятно отразится на международных позициях НРК в целом»[79].

В 1980–1985 гг. Хун Сен и Нгуен Ко Тхать более десяти раз встречались только на регулярных конференциях министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. На этих встречах Хун Сен всегда старался проявлять себя и как лояльный к Вьетнаму и как достаточно самостоятельный политик. Он, как и все другие вожди НРК, постоянно заявлял, что «в настоящее время партия, как и весь народ, должны объединиться с СРВ и ЛНДР для нанесения поражения любым происка реакции...»[80] и в то же время предпринимал

шаги, которые характеризовали его как вполне независимого политика. Например, в мае 1982 г. он направил в Москву группу сотрудников МИД Камбоджи с тем, чтобы они могли получить независимую консультацию перед началом переговоров с Вьетнамом относительно разграничения морских границ между двумя государствами. При этом кхмерские представители попросили копии документов как лонноловской «Кхмерской республики», так и полпотовской «Демократической Кампучии», относящиеся к вопросам разграничения водного пространства на континентальном шельфе Камбоджи[81]. Такой шаг кхмерского министра никак не мог понравиться вьетнамским кураторам, но Хун Сен пошел на него, чтобы показать, что он союзник и друг Вьетнама, но не его марионетка и что он стремится на равных вести переговоры о морской границе. Такой подход не только не привел к ослаблению позиции министра иностранных дел в высшем руководстве Вьетнама, но получил поддержку у наиболее дальновидных политиков этой страны, понимавших, что скоро СРВ понадобится в Пномпене именно подобный руководитель.

Хун Сен, заручившийся поддержкой со стороны Нгуен Ко Тхатя, начал постепенно все более активно участвовать в решении вопросов внутренней политики, выступать за изменение стратегии экономического развития страны с учетом реальных проблем и условий, сложившихся в Камбодже. Тем самым он быстро расширял сферу своего влияния. Для подготовки своих предложений он стал привлекать к себе немногочисленных интеллектуалов, которые остались в стране после всех потрясений. Он предоставлял им важные посты, а те в свою очередь создавали ему авторитет прагматичного руководителя, способного самостоятельно мыслить и выдвигать новые идеи. На фоне других камбоджийских политиков, обладавших скорее житейским опытом и знанием приемов политической борьбы, Хун Сен и его команда собирали в правящей верхушке наиболее образованных и свободно мыслящих людей. Кроме того, они могли опереться и на довольно многочисленный слой руководителей второго уровня на местах, где доля образованных людей была даже выше, чем в высшем руководстве. Эту особенность устройства камбоджийской власти отмечал М. Викери, который указывал, что «вслед за верхним слоем руководства администрацию возглавляли главным образом бывшие чиновники, техники, представители интеллигенции времен правления Сианука и Лон Нола, те, кто рассматривался в качестве врагов при Пол Поте… Эти люди выдвинулись на такие высокие посты в администрации, о которых они не могли

мечтать перед 1975 г.»[82]. Сочетание всех этих условий, плюс личные качества лидера позволили Хун Сену подняться на самые верхи камбоджийской политики, а возглавляемой им группе — превратиться во влиятельную политическую силу в НРПК.

В это время сложился и тесный союз Хенг Самрина, Чеа Сима и Хун Сена. Лидеры бывших «красных кхмеров», особенно Чеа Сим, который вполне реалистично оценивал ситуацию в стране, увидели в Хун Сене сильного союзника в противостоянии своим политическим оппонентам. Такой политический союз, который позволил всем его участником и через 25 лет, пройдя через все политические битвы и временные взаимные разногласия, остаться на вершине власти, вряд ли однозначно устраивал вьетнамских советников, однако в силу того, что активизировалась кхмерская оппозиция, а отношение к событиям в Камбодже на международной арене ухудшалось, они вынуждены были все больше ставить во главу угла стабильность и предсказуемость в верхах камбоджийской власти. По крайней мере, на встречах высших руководителей стран Индокитая в декабре 1986 г. в Ханое, где Хенг Самрин и Хун Сен представляли НРК, Ле Зуан демонстрировал им всяческую поддержку. Вьетнамский лидер выразил свое удовлетворение положением в Камбодже и назвал представителей НРК искренними друзьями Вьетнама[83].

Первым политическим действием сложившегося в стране «нового властного триумвирата» стала кампания по увеличению квот для желающих вступить в НРПК. Как уже отмечалось, это был очень существенный вопрос, с точки зрения развития внутрипартийной борьбы. К тому времени несколько изменился расклад сил в руководстве НРПК. Оппонентами прагматиков и «бывших красных кхмеров» выступали уже не столько «вьетнамские ветераны», сколько довольно сильная группа консерваторов, — сторонников строительства понятного им уравнительного общества и социализма, основанного на государственной собственности и на обобществлении земли, скота и человеческого труда. Возглавил консерваторов Сай Бутхонг — авторитетный и влиятельный политик, которого многие за его ортодоксальные взгляды называли «серым кардиналом» в партии[84].

Консерваторы резко возражали против быстрого численного роста партии и попытались поставить этот процесс под свой контроль. Прагматики, и особенно Хун Сен, наоборот, стремились его ускорить, резко увеличить численность членов НРПК и количество ее организаций, поскольку новые члены партии обычно примыкали именно к их

фракции. В конце 1983 г. им удалось добиться своей цели, когда ЦК НРПК принял решение передать право приема в партию новых членов из центра местным и региональным партийным организациям. Журнал «Неак кхусна» отмечал, что «работа по расширению рядов партии широко развернулась с конца 1983 г., когда Центральный комитет передал право приема новых кандидатов в НРПК комитетам более низкого уровня и обязал их подготовить планы развития партийных организаций на местах»[85].

Однако Сай Бутхонг, занимавший посты члена Политбюро и секретаря ЦК НРПК, возглавлявший комиссию партийного контроля, выступал против такой практики расширения партийных рядов. Он заявил, что в основе роста численности партийных организаций должна лежать «кропотливая работа с людьми»[86]. Его цель состояла в том, чтобы полностью взять под свой контроль прием в партию, и он предложил вести прием через так называемые группы активистов.

«Партия, — отмечал он, — тесно связана с массами через группы активистов — это ее ближайший и главный резерв. Готовясь к вступлению в партию, активисты проходят проверку в практической деятельности, учатся, повышают свой идейный уровень. Когда человек подает заявление о приеме в НРПК, партийные комитеты тщательно рассматривают его деятельность, взгляды, поведение. Принятые проходят кандидатский стаж: шестимесячный — для рабочих, которые провели на предприятии не менее трех лет, и девятимесячный — для крестьян и выходцев из других слоев. По истечении этого срока, если кандидат подтвердил способность быть настоящим коммунистом, он становится членом партии. Расширение ее рядов идет без спешки, но последовательно»[87].

Таким образом, лидер консерваторов стремился сделать так, чтобы местные партийные органы могли принимать в партию только людей, прошедших проверку в группе активистов. Для многих интеллектуалов, которых хотел ввести в партию Хун Сен, сделать это было непросто, поскольку тон в этих группах чаще всего задавали выходцы из крестьян — всегда относившиеся к интеллигенции с большим недоверием. Непросто это было сделать и бывшим соратникам Хенг Самрина и Чеа Сима, которым приходилось все время доказывать свое неучастие в преступных деяниях полпотовцев.

Борьба вокруг этого ключевого для формирования партии вопроса завершилась в конце концов компромиссом. Сай Бутхонг, не желавший раскола партии, первый проявил готовность договариваться, заявив,

что «при приеме в партию и отборе кадровых работников имеются в виду наиболее достойные представители рабочего класса, крестьянства, революционной интеллигенции, не запятнавшие себя участием в злодеяниях против народа. Бывшие члены партии (имеются в виду те, кто состоял в Компартии в эпоху Салотх Сара и Демократической Кампучии), которые не совершили никаких преступлений и одобряют новую программу, признаются ее членами»[88]. Это была очень важная уступка: многие бывшие «красные кхмеры», связанные с Хенг Самрином и Чеа Симом, сумели быстро восстановить свое членство в НРПК в обход принятых правил.

Борьба развернулась и по поводу вступления в партию представителей кхмерской интеллигенции. Как правило, они явно симпатизировали Хун Сену, поэтому его противники стремились всеми силами усложнить их прием в партию. Прагматики призывали, чтобы «партия и народ, при оценке представителей интеллигенции, не обращали внимания на их социальное происхождение, положение, которое занимали они при старом режиме, наличие связей с родственниками, проживающими в капиталистических странах... Для нас важно лишь одно: кому интеллигенция оказывает помощь — революции или контрреволюции. Если революции, — то это революционная интеллигенция, если контрреволюции, — то это контрреволюционная интеллигенция»[89]. Они утверждали также, что «отдельные представители революционной интеллигенции идут в передовых рядах вместе с рабочим классом, а часть вступила в члены НРПК»[90]. Всех этих людей характеризуют «верность Родине, народу, принципу пролетарского интернационализма, постоянное повышение уровня своих знаний, совместная борьба со всеми трудящимися против происков контрреволюции, активное участие в защите и строительстве родины, идущей к социализму»[91].

Против широкого привлечения интеллигенции в партию выступали партийные ортодоксы, рассматривавшие ее представителей как элементы враждебные и ненадежные в деле социалистического строительства. Именно они требовали ввести процентный ценз для этой «прослойки» в партии, организовывали специальную проверку при приеме на работу, устраивали обязательные для посещения политические курсы, на которых разъяснялась «правильная в их понимании» политика НРПК. Сай Бутхонг повторял, что в партию надо принимать не столько интеллигенцию, сколько рабочий класс. «Важная задача — увеличение представительства рабочих в НРПК, — писал

он. — Пока оно еще недостаточно»[92]. В этом его поддерживал и возглавлявший Народно-революционный комитет Пномпеня Кео Чанда. Газета «Пномпень» — орган этого совета — указывала: «Именно в столице страны, где имеется значительное число рабочих, есть все условия для увеличения приема новых членов в НРПК. Партийная ячейка должна быть создана на каждом промышленном предприятии. Это должно привести к существенному укреплению партийной организации города»[93].

В результате довольно длительной борьбы прагматикам так и не удалось добиться отмены ограничительных квот на прием в партию представителей интеллигенции. В то же время в партийное постановление об интеллигенции было внесено положение о том, что «прежде чем решать какую-либо важную проблему, — руководящий работник партийного или государственного органа должен собрать мнения по этому вопросу представителей интеллигенции, и в первую очередь у тех, кто обладает опытом и знаниями»[94]. Здесь же отмечалась необходимость для партийных работников прислушиваться и «правильно направлять критику со стороны различных кругов интеллигенции в отношении партийного руководства и деятельности всех звеньев государственного аппарата»[95].

Еще один компромисс был достигнут между консерваторами и прагматиками и по другому ключевому вопросу, связанному с реформированием аграрной сферы. Коммуны и новое обобществление оказались крайне непопулярными среди крестьян и совершенно неэффективными экономически. Крестьяне жили очень бедно и с заметным раздражением относились к жителям городов и особенно Пномпеня, где люди жили намного богаче. Они были недовольны еще и тем, что у них отбирался рис по низким ценам, что их вновь заставляли трудиться коллективно и отдавать свой скот и инвентарь в общее пользование. В такой ситуации широкого социального недовольства восстановившие при китайской помощи свой боевой потенциал «красные кхмеры», сторонники Сианука и бывшего премьер-министра Сон Санна, осуждавшие все эти действия властей, получили возможность привлечь многих людей на свою сторону. В 1983 г. на западе Камбоджи и на севере появились целые зоны, в которых сильно ощущалось влияние как сторонников Сианука, так и особенно «красных кхмеров». Об этом советскому послу рассказал министр сельского хозяйства НРК Конг Самол, который, по его словам, «часто посещает отдаленные районы страны, переодевшись в крестьянскую одежду и используя

в качестве транспорта велосипед»[96]. Свидетельством растущей нестабильности и активизации полпотовцев стало и событие, которое произошло 23 августа 1983 г. в районе деревни Бол Наот в провинции Кампонгчам. Там в результате нападения полпотовцев, которое состоялось в 8.30 утра, были убиты восемь советских специалистов-каучуководов и один тяжело ранен. Также был убит следовавший с группой кампучийский переводчик[97]. Об этом нападении в прессе не сообщалось, однако после него целые районы Камбоджи оказались закрыты для любых поездок, а это означало, что там активно действуют «красные кхмеры»[98].

В ситуации очевидного кризиса сторонники прагматичного курса выступили с предложением «устранить разногласия, вызванные различиями между городом и деревней»[99]. Они считали необходимым остановить процессы обобществления в деревне и проводить политику в интересах большинства крестьян. Упоминавшийся уже министр сельского хозяйства НРК Конг Самол — сторонник Хун Сена заявил, что «нельзя слишком спешить с организацией ГТС-1» (групп с полным обобществлением и уравнительным распределением)[100]. В противовес ему газета «Пномпень», контролируемая Кео Чандой, наоборот, ратовала за «скорейшее и полное обобществление в деревне», объясняя нарастающие трудности в сельском хозяйстве «медленностью процессов обобществления»[101].

Борьба между сторонниками двух линий в НРПК завершилась временным компромиссом, и прошедший в декабре 1983 г. Пленум ЦК НРПК, с одной стороны, принял решение о фактическом роспуске большинства ГТС-1, а с другой — одобрил программу их восстановления в будущем. Такое парадоксальное решение отражало, тем не менее, объективную реальность: новое обобществление грозило окончательно дискредитировать режим, но отказ от него нарушал бы критерии «правильного социализма», строительство которого объявлялось главной целью коммунистов. Поэтому в программе, принятой на пленуме, отмечалось, что, «несмотря на объективные трудности» (так оценивался угрожавший стране голод), ГТС-1 остаются идеалом социалистической аграрной экономики и в перспективе крестьяне будут неизбежно объединены в них[102]. Все это были на самом деле пустые слова, так как еще в июле 1983 г. в частных беседах кхмерские ответственные товарищи довели до сведения советских дипломатов, что «руководство НРК не ставит на повестку дня в ближайшее время дальнейшее развитие кооперирования»[103].

Борьба вокруг политики в отношении крестьянства и форм организации их труда продолжилась через год на Всекампучийской конференции НРПК, которая состоялась 2–9 ноября 1984 г. Идея последовательного развития групп коллективного труда в деревне, несмотря на то, что, по словам Хун Сена, «народ отказывался принять эти группы»[104], вновь получила там существенную поддержку. Документы конференции констатировали: «Группы трудовой взаимопомощи вносят активный вклад в дело национального возрождения, обрабатывая почти три четверти сельскохозяйственных угодий. Благодаря их производственным успехам, удалось предотвратить угрозу голода»[105]. Это утверждение действительности соответствовало лишь отдаленно, поскольку падение сельскохозяйственного производства в стране было вызвано исключительно нежеланием крестьян расширять посевные площади и выращивать риса больше, чем это требовалось для минимального потребления. А угроза голода, нависшая над страной на пятый год «народной власти», была ликвидирована благодаря нараставшей международной помощи (в 1983 г. — 4 млн., а в 1985 — уже 20 млн. долл.), благодаря срочным поставкам продовольствия из СССР и Вьетнама[106]. Тем не менее на партийной конференции было принято решение о том, чтобы «при достижении благоприятных условий продвигать группы трудовой взаимопомощи с частичным обобществлением к группам трудовой взаимопомощи с полным обобществлением и уравнительным распределением»[107].

Однако успех консерваторов в ключевом вопросе экономического строительства был мнимым — новая коллективизация рассматривалась лишь как стратегическая перспектива на будущее. Успех прагматиков был более весом: им удалось провести решение о немедленном изменении политики партии по отношению к частному сектору. В постановлении говорилось: «...Государство разрешает вкладывать капиталы... открывать новые предприятия. Лица, поддерживающие политическую линию государства и активно участвующие в деле национального строительства, будут считаться патриотическими промышленниками и приниматься в структуры Фронта»[108]. Резолюция по частному сектору, принятая на Всекампучийской конференции НРПК, свидетельствовала, что влияние прагматиков все больше сказывается при принятии ключевых решений в хозяйственной сфере.

Позиции этой группы укрепились еще больше, когда в первых числах января 1985 г. скончался премьер-министр НРК Чан Си. С точки зрения сохранения внутрипартийного баланса власти между

группировками, ставший вакантным пост должен был занять кто-то из «ханойцев». Наиболее вероятными преемниками считались пятый человек в партии — Бу Тхонг и шестой — министр планирования Чеа Сот. Однако оба они были назначены лишь заместителями нового премьер-министра НРК, которым стал Хун Сен. Депутаты Национального собрания единогласно избрали его на этот пост 14 января 1985 г.[109] С утверждением Хун Сена премьер-министром он заметно поднялся и в списке главных руководителей НРПК. За его стремительным партийным ростом не успевали следить в советском посольстве. По сообщению из Пномпеня, по состоянию на 1 мая 1985 г. он был назван четвертым, уступая только Хенг Самрину, Чеа Симу и Сай Бутхонгу[110]. Но тут же посольство отправило «новый, уточненный список руководящих работников НРПК», в котором Хун Сен занимал уже третью позицию, а Сай Бутхонг переместился на четвертую[111].

Возвышение министра иностранных дел и шестого человека в партийной иерархии произошло при поддержке все того же Нгуен Ко Тхатя и прагматиков из вьетнамского руководства, которые как раз в это время готовились к пересмотру основных направлений внутренней политики Вьетнама в соответствии с новыми взглядами, которые они называли политикой *дой мой* (обновления). В ситуации, когда во Вьетнаме разрабатывалась программа кардинальных перемен, представитель консерваторов имел мало шансов на пост премьер-министра НРК. Хун Сен, который по своим взглядам был близок к вьетнамским реформаторам, оказался естественной кандидатурой на этот пост.

В результате всех перемен Хун Сен получил в свое распоряжение правительственный аппарат и рычаги для реализации своей политики. В этот момент и проявились наглядно характерные черты этого человека, которые позже обеспечат ему политическое долголетие и многочисленные победы в битвах за власть. Он не стал торопиться со сменой курса, не стал противопоставлять правительственный аппарат, в котором доминировали его сторонники, аппарату партийному, в котором они оставались в явном меньшинстве. Он выбрал путь проведения реформ через партию, сохраняя тем самым единство камбоджийской власти. Это было дальновидное решение, которое требовало идти на новые важные компромиссы с партийными консерваторами, да и своими союзниками из числа бывших «красных кхмеров», которые не всегда соглашались с его прорыночным курсом.

На V съезде НРПК, который состоялся в середине октября 1985 г., Хун Сен был избран вторым секретарем ЦК НРПК и окончательно

закрепился на третьей позиции в партийной иерархии. Сай Бутхонг, как и раньше, занимал четвертую, а вслед за ним шли еще два «ханойца» — Бу Тхонг, сохранивший пятую позицию, и Чеа Сот — шестую. На этом съезде был введен в Политбюро и еще один известный бывший «красный кхмер» — Мат Ли, который значился лишь под номером 12 в списке членов ЦК, избранных на предыдущем съезде[112]. Кроме того, состав Центрального Комитета был увеличен более чем на треть — с 21 до 45 человек, а Политбюро ЦК — с 6 до 11 человек. Большинство из «новобранцев» этих партийных органов были, по словам М. Викери, интеллектуалами, «не связанными с революцией»[113]. Скорее это были люди, связанные с кхмерской интеллигенцией, как министр образования Пен Навут, с финансово-торговыми кругами и патриотическими предпринимателями, как Нгуон Ньел, ставший председателем Народно-революционного комитета Пномпеня, вместо ушедшего окончательно в тень Кео Чанды, или Чен Пхон, возглавивший министерство экономики. Это все были люди совершенно другого происхождения и воспитания, чем члены бывшей «вьетнамской группы» или бывших «красных кхмеров». У них не было большого партийного стажа или опыта революционной борьбы. Нгуон Ньел, например, вступил в НРПК только в 1980 г.[114], заместитель министра иностранных дел, также ставший членом ЦК — Конг Корм «вступил в революцию после победы 7 января»[115], даже новый заведующий международным отделом ЦК Юх Сон «включился в борьбу» только после того, как в 1977 г. он, бывший учитель кхмерского языка, бежал во Вьетнам[116]. В то же время все они были намного более образованными и способными выполнить порученное им дело, чем их предшественники — профессиональные революционеры и пропагандисты. Кроме того, эти люди, державшиеся довольно независимо, придали НРПК большую интеллектуальность, раскованность и свободу, что выгодно изменило ее имидж по сравнению с предыдущим периодом.

Очевидное преобладание сторонников прагматичного курса выразилось на съезде в том, что в отчетном докладе, с которым выступил Хенг Самрин, было сказано, что «перерастание национально-демократической революции в революцию социалистическую в Кампучии потребует десятков лет»[117]. Перевод этих марксистских терминов на простой язык означал, что никаких новых обобществлений и коллективизаций не планируется, а будет сделана ставка на сохранение и развитие частного капитала и рынка под общим патронажем государства. Такой подход коренным образом отличался от решений

предыдущего съезда, на котором Пен Сован провозглашал обобществление и коллективизацию как дорогу Камбоджи к социализму. Теперь, явно намекая на сторонников этого пути, которые сохраняли в партии довольно влиятельные позиции, генсек НРПК сказал, что «посеянная Пол Потом маоистская идеология еще не изжита в сознании ряда людей»[118]. Это было серьезное предупреждение политическим оппонентам, которые после таких заявлений так и не решились выступить на съезде с критикой новой партийной политики по отношению к крестьянству. Ничего не было сказано в отчетном докладе и о развитии групп трудовой солидарности (ГТС). В нем было только подчеркнуто желание партии «поощрять развитие личного крестьянского хозяйства»[119]. Видный член «ханойской группы» и сторонник обобществления Чеа Сот и возглавляемый им комитет по руководству и укреплению ГТС, как и Управление коллективизации в министерстве сельского хозяйства, оказались в одночасье без работы[120].

Ввиду очевидного доминирования бывших «красных кхмеров» в структурах власти, выдвижения во власть новых людей, связанных с Хун Сеном, консервативные силы, ядро которых составили ортодоксально настроенные бывшие «ханойцы», попытались компенсировать утраченные позиции и сохранить свое влияние. На V съезде они сумели добиться принятия нового устава НРПК, в соответствии с которым в партии были резко расширены полномочия комиссий партийного контроля, а также была организована Центральная комиссия в составе 7 человек. Ее председателем был избран Сай Бутхонг, который рассчитывал превратить ее во влиятельный орган партийного контроля также и над деятельностью членов ЦК и членов Политбюро[121].

Необходимость расширения полномочий комиссий партийного контроля консерваторы мотивировали тем, что новые назначенцы и выдвиженцы оказались замешаны в делах о коррупции и взяточничестве. Своими обвинениями они вынудили властный триумвират в лице Хенг Самрина, Чеа Сима и Хун Сена согласиться с их предложениями и резко активизировать борьбу с «негативными явлениями», когда партийные администраторы за взятки предоставляли преференции тем или иным предпринимателям, незаконно сдавали в аренду или продавали государственное имущество, обирали торговцев, присваивали себе рис, отобранный у крестьян якобы для государственных нужд[122].

В документах V съезда НРПК слово «коррупция» нигде еще не встречается, однако на самом деле этот вопрос обсуждался на съезде. Подозрения во взяточничестве стали причиной отставки многолетнего

«хозяина» Пномпеня Кео Чанды[123]. Официально о его причастности к коррупции нигде сказано не было, однако все понимали, о ком шла речь в резолюции съезда, в которой говорилось: «Есть члены партии, которые плохо разбираются в политической обстановке, утратили связь с массами, не знают свой народ, презирают его, заботятся только о своем благосостоянии, гонятся за количественными показателями, чрезмерно увлекаются митингами и собраниями, занимаются бумаготворчеством и не ведут живой работы с людьми»[124].

Что касается полномочий комиссий партийного контроля, то в формулировке старого устава НРПК, который был принят еще III съездом партии в 1979 г., говорилось только, что «организации всех уровней должны помогать партийным комитетам в деле контроля над деятельностью тех членов партии, которые злоупотребляют порядком и дисциплиной»[125]. Принятая на V съезде формулировка звучала так: «...Комиссии партийного контроля создаются на уровне уездных организаций и выше, а для придания им большего авторитета в Центральную комиссию партийного контроля часть членов избирается ЦК партии из числа своих членов. Так же происходит и на уровне провинций, городов и уездов, где часть членов комиссий партийного контроля выбирается из числа членов партийного комитета». Специально подчеркивалось, что «все комиссии партийного контроля действуют под руководством соответствующих партийных комитетов»[126]. Это положение во многом перечеркнуло надежды Сай Бутхонга получить исключительные полномочия внутри партии.

В новом уставе с подачи консерваторов были намного увеличены кандидатские сроки для приема в партию. Для кадровых рабочих, занятых на одном предприятии более трех лет, для бойцов и командиров Народно-революционной армии Камбоджи, для кадровых работников, находящихся на своих постах более трех лет, — с шести до девяти месяцев, а для крестьян, представителей интеллигенции, других слоев общества — с девяти месяцев до одного года[127]. Был изменен и сам порядок приема в НРПК. Раньше для этого было достаточно согласия партийной ячейки и вышестоящей парторганизации. Теперь для приема в партию нового человека требовалось еще и единогласное одобрение всех членов комитета низовой парторганизации[128].

В связи с численным и организационным ростом НРПК существенно был дополнен раздел о низовых парторганизациях. В Уставе партии 1979 г. этот раздел был короток: «Партийная ячейка, в которой состоит от 3 до 6 человек, должна выбрать одного секретаря, а также

может иметь еще и заместителя. Если число членов превышает 7 человек, то надо выбрать партийный комитет ячейки, который руководил бы работой во всех областях в период между отчетными партсобраниями»[129]. В измененном уставе было дополнительно введено положение о низовой парторганизации, которая, как было сказано, «может состоять из одной или нескольких партийных ячеек»[130]. Была также рекомендована максимальная численность одной партийной ячейки — 20 человек. «Низовая парторганизация, насчитывающая меньше 20 человек, образует одну ячейку, если же больше 20 человек, то по необходимости может быть образовано несколько ячеек, которые должны избрать партийный комитет для общего руководства»[131].

Самым впечатляющим эпизодом съезда стало почти открытое столкновение по вопросу приема в партию новых членов. В отчетном докладе съезду, с которым выступал Хенг Самрин, говорилось о том, что численный рост партии позволил намного увеличить число низовых организаций на местах[132], что с 1979 по 1985 г. численность НРПК выросла с 200 человек в январе 1979 г. до 7,5 тыс. к октябрю 1985 г. — времени проведения V съезда партии[133]. Однако, продолжил он, во многих провинциях членов партии очень мало, поэтому мы вынуждены проводить работу через группы активистов, которые «являются центрами отбора и подготовки наиболее достойных людей в партию. Эти группы были созданы по специальному решению ЦК партии в апреле 1979 г., и «ко времени открытия V съезда НРПК в них насчитывалось 37 тыс. человек»[134]. Эти группы, по словам партийного лидера, «взяли на себя проведение в жизнь политики партии в тех районах, где еще не созданы партийные ячейки»[135]. Хенг Самрин также отметил, что сама «организационная структура партии еще тонка и слаба, малосовершенна на уровне уездов, и особенно на уровне низовых парторганизаций, и еще не проникла широко и глубоко в ряды рабочих на заводах и крестьян на селе»[136]. В выступлении Хенг Самрина содержался очевидный призыв к ускорению роста партийных рядов.

В ответ на этот призыв Сай Бутхонг заявил, что «у народа еще недостаточно высок дух, чтобы по-настоящему участвовать в строительстве партии»[137]. Он также отметил, что трудность в кадровой политике партии состоит в том, что в политическом плане «часть кадровых работников, особенно на местах, не прошла испытаний в революционной борьбе народа»[138]. Это был прозрачный намек на то, что представители интеллигенции, которых привлекли во власть, все равно остаются не совсем благонадежными для вступления в партию. Он заявил

также, что «ЦК НРПК будет принципиально отстаивать линию на качественное улучшение партийных рядов. В партию должны приниматься только самые достойные»[139].

При всей разности позиций в выступлениях и Хенг Самрина и Сай Бутхонга указывалось на необходимость компромисса и сохранения единства партии. Первый заявил о необходимости того, чтобы вся партия была едина, идеологически и духовно, и опиралась на принципиальную партийную политику. Все члены партии должны сплотиться и хорошо выполнять принципы и политическую линию партии, активно защищать ее правильную идеологию»[140]. О необходимости сохранения единства и выполнения всеми членами партии положений нового устава говорил и Сай Бутхонг. О том, что компромисс найден, свидетельствовала и редакционная статья журнала «Неак ккусна», в которой отмечалось: «В партийной политике следует соединять демократические и коллективные начала. Необходимо следить за организованностью и дисциплиной, способствовать укреплению единства парторганизаций. Ни один член партии не должен действовать вопреки уставу и находиться вне контроля со стороны партии»[141]. Не исключено, что этот пассаж относился к Хун Сену, который вел себя все более самостоятельно.

В 1986 г. достигла кульминации борьба двух групп относительно того, каким путем будет дальше развиваться кхмерская деревня. Осенью 1986 г. орган ЦК НРПК газета «Прачеачун», известная своими ортодоксальными взглядами, опубликовала передовую статью, в которой, в частности, говорилось: «В настоящее время работа по развитию системы ГТС (групп трудовой солидарности) сталкивается с многочисленными трудностями. Главная из них — недостаточное внимание к повышению уровня сознательности крестьян»[142]. Другая трудность, по мнению газеты, заключалась в том, что уровень управления со стороны председателей групп и их заместителей все еще низок, в их работе все еще нет плана или ясной программы. Кроме того, во многих группах распределение урожая непропорционально проделанной работе, неправильно ведется и распределение имеющихся трудовых сил. Работа ГТС никак не связывается с развитием семейной экономики, с другими сферами деятельности крестьян ...происходят и такие явления, когда крестьяне попадают в финансовую зависимость от других крестьян либо перекупщиков. Такое положение ведет к тому, что у народа слабеет вера в революцию, люди не хотят принимать участие в работе групп»[143]. В связи с этим: «Сложившееся в сельском хозяйстве

положение требует решительных изменений. Органы государственной власти на всех уровнях должны приложить усилия, чтобы воссоздать и укрепить ГТС-1 (группы с полным обобществлением и уравнительным распределением. — *Д. М.*), сделать их образцовыми, развивать ГТС-2 (группы с неполным обобществлением. — *Д. М.*) в правильном направлении, а также быстро ликвидировать ГТС-3 (группы, где никакого обобществления и коллективного труда не было. — *Д. М.*)[144].

Из приведенного отрывка следует, что консервативное крыло считало ситуацию в стране «критической и крайне сложной»[145]. Выход из нее усматривался в возвращении к опыту «второй коллективизации» образца 1980–1983 гг.[146] А главная причина всех трудностей виделась в существовании многочисленных ГТС-2 и ГТС-3, в которых не было достигнуто полного обобществления и которые в реальных условиях Камбоджи стали как бы рассадниками «частной экономики и частнособственнической идеологии». Слабость аргументации консерваторов состояла в том, что с чисто экономической точки зрения ситуация критической никак не была и что после фактического распада ГТС-1 в 1984–1985 гг. в стране наблюдался устойчивый рост сельскохозяйственного производства. В 1985 г. площадь обрабатываемых земель составляла 1 млн. 460 тыс. га и было получено 1807 т необрушенного риса при средней урожайности 1,23 т/га[147], а уже в 1986 г. площадь обрабатываемых земель возросла до 1 млн. 618 тыс. га, общий урожай впервые за годы НРК превысил 2 млн. т необрушенного риса, а средняя урожайность составила 1,28 т/га[148]. По сравнению с концом 60-х годов это были низкие показатели, но по сравнению с сезоном 1983/84 г. шаг вперед был очевиден.

Действительно, критическая ситуация в деревне заключалась в том, что процессы, развивавшиеся в аграрной сфере, отодвигали все дальше и дальше надежды сторонников уравнительности и бестоварной экономической модели вновь испытать свой шанс. Даже группы неполной коллективизации — ГТС-2 и ГТС-3 были на грани распада, а крестьяне стремились к индивидуальному отдельному хозяйствованию. Этот факт вынужден был признать и главный партийный идеологический орган — журнал «Неак кхусна», отмечавший, что «на селе сильны индивидуалистические настроения, тяга не к коллективному, а к отдельному труду»[149].

Очередная атака сторонников «подлинно социалистического пути» на формирующуюся рыночную экономику весомой поддержки в партии не получила. Сама партия и многие ее члены уже давно

участвовали в развитии частного бизнеса через своих родственников и знакомых, и бороться с ним означало для них бороться против себя. Кроме того, во Вьетнаме были объявлены рыночные реформы, в СССР заговорили о перестройке, поэтому поддержки извне в осуществлении своих планов консерваторы получить не могли.

3. Консолидация власти в руках Хун Сена и Чеа Сима и изменение политического и социально-экономического курса НРПК

Хун Сен и его сторонники, убедившись, что их оппоненты не могут рассчитывать на особую поддержку внутри и вне страны, предприняли решительную и последовательную атаку на консервативное крыло, критикуя не только предложенный им план новой коллективизации, но и многие решения, принятые НРПК ранее. В декабре 1987 г. в журнале «Неак кхусна», традиционном рупоре консерваторов, неожиданно была опубликована статья, в которой утверждалось, что «в аграрной политике необходимо исходить из традиций и обычаев нашего народа» и что «нынешние тенденции в развитии революции требуют, чтобы производство риса стало делом отдельной крестьянской семьи, а развитие экономики опиралось бы на рост и укрепление семейного хозяйства»[150].

Тезисы этой установочной статьи стали руководством к действию, побуждали к пересмотру многих прежних ключевых решений партии. В 1988 г. критике подверглись важные документы, принятые в пору Пен Сована на IV съезде НРПК в 1981 г. Критикуя в марте 1988 г. программу развития страны, утвержденную тем съездом, журнал «Неак кхусна» указывал: «Начинать экономическое строительство надо было с мелких предприятий в промышленности, сельском хозяйстве и городском производстве. Частный сектор у нас является объективной реальностью, перепрыгнуть через этот этап невозможно и пытаться сделать это было ошибочным»[151].

Даже в такой ключевой сфере внутрипартийной борьбы, как прием в партию, Хун Сен и его группа сломили сопротивление своих противников. Самый массовый по сравнению с прошлыми годами прием в НРПК в 1986 г. уже свидетельствовал о переменах в этой сфере. В этот год в волостях (*кхумах*) в партию было принято 815 человек, создано 246 организаций и групп. На промышленных предприятиях

в партию вступили 125 человек и было образовано 18 новых групп. В учреждениях было принято 176 человек и создано еще 8 партийных организаций. И, наконец, в армии было образовано 90 новых партийных организаций, а их общее число составило 160[152]. В целом за 1985–1987 гг. партия выросла почти вдвое и включала свыше 14 тыс. человек[153], а к марту 1988 г. эта цифра достигла уже 22 тысяч человек[154].

Таким образом, за короткое время численный состав партии возрос более чем втрое. При этом изменения происходили не только количественные, но и качественные: среди принятых в партию кадровых работников большая часть имела высшее, среднее и среднетехническое образование[155]. Приток тысяч новых людей, принадлежавших к образованным слоям кхмерского общества, кардинальным образом изменил лицо правящей партии. Она окончательно перестала быть небольшой полутайной организацией привезенных из Вьетнама коммунистов. Более того, «старые революционные бойцы», стоявшие у истоков, оказались теперь в явном меньшинстве, причем не только «ханойцы», но и бывшие «красные кхмеры». Такое соотношение кадров подтвердила в 1988 г. заведующая орготделом ЦК НРПК Мен Сам Он, признавшая, что в партии «невелик удельный вес кадровых работников, прошедших школу революционной борьбы»[156]. Новым членам партии были чужды идеологические противоречия ветеранов, они целиком разделяли прагматизм и практичность премьер-министра и составили массовую группу его поддержки внутри партии. Можно сказать, что на рубеже 1988–1989 гг. в стране фактически сформировалась новая массовая партия. По оценке Хун Сена, это знаменовало начало нового, третьего по счету этапа в строительстве НРПК, начавшегося после V съезда. Его особенностью, считал он, стало «распространение организаций партии на заводы, фабрики, больницы, школы, общины, а в армии на уровень батальона и роты»[157].

Добившись преобладающего влияния в партии, Хун Сен и его сторонники стремились не допускать ее раскола, не исключать из организации и тем более не преследовать своих политических оппонентов. Более того, тех, кто проигрывал, находясь на вершине власти, не лишали постов, они продолжали пользоваться всеми привилегиями руководящих деятелей. Сай Бутхонг, потерявший во многом былое влияние, оставался официально членом Политбюро и продолжал занимать этот пост и в 90-е годы. Другое дело, что от него отныне мало зависел ход событий, а партийную идеологию определяли люди из окружения его оппонентов. Точно так же мягко обошлись и с Бу Тхонгом. Этот

представитель консерваторов и активный сторонник Вьетнама, после того как его сняли с поста министра обороны, был назначен заместителем Хун Сена в правительстве. Впоследствии он остался на своем посту, хотя уже не участвовал в принятии важных решений. Судя по всему, столь либеральный подход к политическим оппонентам ввел в практику во многом Чеа Сим, взявший под свой контроль партийный аппарат, а позже возглавивший НРПК. Этот бывший «красный кхмер», один из вождей восстания в Восточной зоне, хотя и действовал в союзе с Хун Сеном, но не собирался расчищать тому дорогу к власти. Он сохранял противников премьер-министра как возможный противовес амбициям своего союзника, а также в силу того, что у каждого из высших руководителей были свои «заступники» в Ханое, без санкции которых вывести этих людей из состава высшего руководства было невозможно. Чеа Сим учитывал также, что в партии, особенно в ее среднем и низшем звене, многие выступают за уравнительность и социальную справедливость. В этих людях глава партийного аппарата увидел резерв своей собственной поддержки в противовес интеллектуалам Хун Сена. Он все больше стал позиционировать себя как их единомышленник, так чтобы его присутствие в руководстве как бы давало им гарантию стабильности собственного положения в партийной и административной иерархии. Чеа Сим — этот человек с неизменной широкой улыбкой на лице сумел сохранить в быстро растущей партии жесткую дисциплину и ответственность каждого члена, что позволило организации быть и дееспособной и управляемой[158].

Эти качества НРПК продемонстрировала в полной мере, когда внутриполитическая ситуация обострилась и объединенные силы кхмерской оппозиции при массированной поддержке Китая, США и стран АСЕАН попытались вооруженным путем захватить власть. Особенно опасными оставались «красные кхмеры», которые под флагом борьбы против вьетнамской оккупации и «марионеточного режима» активно действовали на большей части территории страны. В связи с постепенным выводом вьетнамских войск, тяжесть борьбы против враждебных происков полпотовцев ложилась на военные и управленческие структуры НРПК, и их укрепление, сохранение власти партии на местах превратилось в главную задачу. Журнал «Неак кхусна» отмечал в то время, что «все звенья партии, от Центрального комитета до первичных организаций, должны уделять особое внимание задачам партийного строительства на местах, отдавать себе отчет в том, что это направление деятельности является приоритетным»[159]. Тот же тезис

еще более жестко и определенно был сформулирован на страницах журнала в марте 1988 г.: «От результата борьбы за влияние в сельской местности зависит жизнь и смерть революции»[160].

Сознавая, что «80% кампучийцев плохо себе представляют существо происходящих событий и аполитичны»[161], НРПК разработала в 1986 г. специальную программу, направленную на то, чтобы обеспечить более широкое и прочное влияние партии на местах. Анализ этого документа чрезвычайно интересен, поскольку позволяет увидеть, как партия, которая изначально не пользовалась доверием крестьян, которая отбирала у них рис и скот и заставляла работать не так, как они желали, сумела добиться положения главной крестьянской партии, черпающей силу и авторитет прежде всего именно в деревне. В принятой программе предлагалось «создавать партийные ячейки, принимать крестьян в партию, а также проводить среди них политико-воспитательную и организационную работу, с тем чтобы они стали проводниками политики НРПК на местах»[162]. Это сильно контрастировало с положением, существовавшим в первые годы после победы революции, когда лишь единичные, «наиболее проверенные представители крестьянства» имели возможность стать членами партии. Теперь был фактически объявлен крестьянский набор в НРПК. Задача, выдвинутая в программе, предусматривала в первую очередь количественное пополнение партии за счет живущих в деревне и работающих на земле людей. На практике получилось так, что двери в партию открылись в основном перед сельской верхушкой — руководителями ГТС, хорошо проявившими себя на протяжении долгого времени. Кроме того, в партию вступали связанные с ними зажиточные и энергичные крестьяне. Все эти люди сколотили себе капитал в пору экспериментов обобществления, т. е. в начале 80-х, когда они получили под свой контроль и сельский инвентарь, и кредиты, выдаваемые ГТС. Эти крестьяне пользовались влиянием на местах, односельчане им доверяли, а многие и зависели от них в финансовом отношении.

В тесной связи с пополнением партии крестьянским элементом стала решаться и другая важная задача: объединить деятельность различных государственных и общественных организаций, всех так называемых «революционных сил в деревне» под руководством партийных органов. «У нас достаточно сил, — писал журнал «Неак кхусна», — чтобы оказать действенную и эффективную помощь администрации пхумов (деревень — низших административных единиц. — *Д. М.*). Пока ее результаты незначительны. Причина такого положения состоит

в том, что представляется эта помощь разобщенно. Необходимо объединить все наши усилия ввиду общих целей, выбранного пути развития и руководства в каждом пхуме»[163].

Еще один пункт программы касался вопросов строительства целостной партийной структуры на местах. Было признано необходимым «всячески укреплять отношения взаимопомощи между соседними *пхумами*», а также «единую связь между деревней (*пхумом*), волостью (*кхумом*) и уездом (*сроком*)»[164]. На одном из совещаний в ЦК НРПК, посвященном этому вопросу, в докладе Хун Сена отмечалось: «Существование пхумов, в которых позиции партии слабы, — главная причина общей слабости нашей социальной базы. Слабые пхумы расположены не только в отдаленных горных или лесных районах, но и во многих из 25 сроков, прилегающих к Пномпеню … Именно они снижают положительные результаты, достигнутые нами за последние годы, когда мы укрепляли наши организации на уровне срока и кхума»[165]. При анализе положения в «слабых пхумах» им указано было на три главных препятствия, мешающих укреплению в них партийных ячеек:

«В слабых пхумах кадровые работники не представляют себе, как надо руководить, не знают своих задач и обязанностей… их жители не всегда чувствуют себя здесь хозяевами, их революционный дух невысок, к тому же они постоянно находятся под давлением и угрозами врагов»[166].

Результатом обсуждения доклада премьер-министра стало решение о том, чтобы «выбрать ряд слабых пхумов, где враги особенно активны, направить на места "группы сотрудничества" из подготовленных кадровых работников уездного и провинциального звена и сосредоточить работу в них, получить необходимый опыт, а после этого распространить его на всю страну»[167]. Внешне все эти меры напоминали лонноловские, когда власти Пномпеня тоже отправляли группы активистов противостоять пропаганде «красных кхмеров». Только те приезжали практически безоружными, были связаны с властью лишь опосредованно и состояли в основном из студентов. В отличие от них группы сотрудничества НРПК были вооружены и готовы постоять за себя, а кроме того, включали опытных кадровых работников, тесно связанных как с местными, так и с центральными партийными органами. Для «красных кхмеров» выбить такой «десант» из пхума или кхума представляло непростую задачу.

А между тем их лидеры в это время всеми силами пытались захватить контроль над сельской местностью. Еще в апреле 1983 г. окопавшийся в приграничном с Камбоджей районе Таиланда Пол Пот издал специальный приказ о «действиях по уничтожению государственной власти в пхумах и кхумах и строительстве там органов власти Демократической Кампучии»[168]. В соответствии с этим приказом крупные силы его вооруженных сторонников были направлены на захват власти на местах. Комментируя эти действия, камбоджийская печать отмечала: «Сталкиваясь с трудностями, наши враги ищут любые возможности, чтобы проникнуть в пхум, оказать на его жителей давление, внедрить туда тайно своих сторонников, использовать их затем в вооруженной борьбе против нас. В пхуме активно ведется и психологическая война»[169].

Не исключено, что Пол Пот рассчитывал на повторение успеха своей «крестьянской войны» 1970–1975 гг., когда силы лонноловского режима оказались быстро выбиты из сельских районов и окружены в городах. Он не учел только того, что тогда вьетнамские дивизии выступали на его стороне, а теперь они действовали и вполне успешно против него и его боевиков. Все попытки создать устойчивые базы или освобожденные районы в духе 1970–1975 гг. заканчивались, как правило, их полным разгромом. Поэтому надолго закрепиться в сельской местности боевики Пол Пота не могли, а назначенные им подпольные руководители в пхуме или кхуме часто сами сдавались властям НРК[170].

Новая политика НРПК в сельской местности быстро принесла ощутимые результаты. К 1988 г. в 78% кхумов (волостей) появились члены партии, а в 42% — самостоятельные партийные ячейки. Укрепилось и уездное звено партийной структуры. К 1988 г. 94,4% всех уездов страны управлялись временными партийными комитетами[171]. Удалось и централизовать систему управления на всех административных уровнях. Выступая на конференции кадровых работников волостей, состоявшейся в мае 1988 г., генеральный секретарь ЦК НРПК Хенг Самрин отметил, что «партийные комитеты соответствующих административных единиц взяли на себя всю работу, касающуюся строительства и укрепления власти на местах»[172]. На это же указывал в марте 1988 г. и журнал «Неак кхусна», утверждавший, что «партийные комитеты срока (уезда) ведут всю организаторскую работу, обеспечивают неуклонное продвижение вперед во всех областях»[173].

В отличие от начала 80-х, когда выражение «неуклонное продвижение вперед» означало очередные шаги в деле коллективизации, на сей раз смысл этих слов был обратным и означал движение в сторону частного хозяйства и рынка. На сессии Национального собрания НРК, состоявшейся весной 1988 г., были внесены две существенные поправки в экономический раздел Конституции Камбоджи. Одна из них разрешала «создавать смешанные государственно-частные предприятия внутри страны», а другая — давала возможность «прямого выхода на внешние рынки не только государственным, но кооперативным и частным предприятиям при наличии у них государственных лицензий»[174]. Вслед за этим началось акционирование предприятий госсектора, причем акции свободно продавались не только владельцам капитала внутри страны, но и распространялись среди кхмерских эмигрантов за рубежом. На возражения консерваторов, считавших, что все эти решения не приближают страну к социализму, Хун Сен отвечал, что партии «не следует опасаться развития частного и капиталистического секторов, бояться следует безысходной бедности народа»[175].

В апреле 1989 г. была проведена II конференция кадровых работников НРПК, на которой ошибочными были признаны многие решения, принятые партийным руководством в первой половине 80-х годов, т. е. тогда, когда ортодоксальные коммунисты обладали наибольшим весом и влиянием в Центральном комитете и Политбюро ЦК НРПК. Принятое на конференции специальное заявление гласило: «Необходимо обеспечить крестьянам реализацию их прав стать подлинными хозяевами своей земли, средств и орудий труда, а также произведенной продукции ... повысить уровень их жизни и добиться увеличения производства. Для того чтобы выполнить это... программа обобществления в деревне и развития групп коллективного труда (ГТС. — *Д. М.*), которая была принята на VII пленуме ЦК НРПК (декабрь 1983 г.), отменяется. Вместо нее действуют принципы, изложенные в настоящем заявлении»[176].

Новый принцип партийной политики состоял в признании того, что «любой крестьянин имеет право взять в свое владение землю по закону, установленному государством, при этом он может свободно передавать и свою землю, и сельскохозяйственный инвентарь по наследству»[177]. Таким образом, отказавшись от «социалистического переустройства сельского хозяйства», руководство страны вернулось к традиционным формам землепользования и землевладения в Камбодже с той лишь разницей, что права монарха или *преах-ары*

на верховное владение землей было заменено таким же правом государства. В принятой на конференции специальной резолюции «О политике в отношении землепользования», которая, как было подчеркнуто, «отменяет решение IX пленума ЦК НРПК о запрещении купли-продажи земли и найма рабочей силы»[178], указывалось также, что «земля остается собственностью государства, а крестьяне имеют право владеть ею и использовать ее по своему усмотрению». Единственным ограничением права собственности стало традиционное для Камбоджи положение о том, что «если в течение двух лет крестьянин не обрабатывал свой земельный участок, то по решению народного комитета уезда он мог быть у него отобран и передан другому владельцу»[179].

Радикальные решения II конференции кадровых работников по переустройству аграрной экономики вскоре показались недостаточными руководству реформаторского крыла в НРПК. В преддверии начала процесса мирного урегулирования и возможных всеобщих выборов с участием всех противостоявших пномпеньским властям группировок кхмерской оппозиции — сторонников Сианука, бывшего премьера Камбоджи Сон Санна и «красных кхмеров», НРПК сделала решительный шаг, чтобы добиться еще большей поддержки крестьян. В октябре 1990 г. правительство Хун Сена объявило: «Обрабатываемые земли переходят в собственность тех, кто на них работает... Эта собственность считается неотчуждаемой... государство сохраняет за собой лишь функцию общего надзора за использованием земель»[180].

Наибольшую выгоду от передачи земли в частную собственность получили богатые и зажиточные крестьяне, у которых появилась возможность превратить свои хозяйства в товарные и рыночные. Тем более что одновременно с этим власти разрешили «нанимать рабочую силу в сезонные пики сельскохозяйственного производства... и продавать современную сельскохозяйственную технику, в первую очередь насосы для ирригации и тракторы, в частные руки»[181]. В городах в это время НРПК передала в частную собственность имущество и дома тем, кто ими реально владел. Разрешена была и купля-продажа недвижимости.

Нгуон Ньел в это время так объяснял мне смысл всех этих еще недавно немыслимых для НРПК действий. Партия, по его словам, как бы говорила людям: вы получаете всю эту собственность от нашей власти и вы будете ею владеть, пока мы у власти и являемся ее гарантами; другая власть, будь то «красные кхмеры» или сторонники Сианука и Сон Санна, наверняка попытаются эту собственность у вас отнять;

поэтому до тех пор, пока мы будем у власти, владение этой собственностью вам будет гарантировано[182].

Курс на переход к рыночной экономике в деревне сопровождался и изменением социальной политики НРПК, в основу которой был положен теперь союз партии не с беднейшим крестьянством, как декларировалось, а с зажиточными и влиятельными слоями города и деревни. Именно эти слои больше всего опасались возвращения к власти «красных кхмеров», стремились к сохранению своего уклада жизни и положения. Руководство партии увидело в них источник политической поддержки и пошло навстречу их интересам. За фасадом неизменных лозунгов, вроде «укрепление рабочего класса, его выдвижение на ведущие позиции в стране — одна из основных революционных задач»[183] или «беднейшее крестьянство — главная опора революции в деревне»[184], стал проводиться новый курс — на сближение с накопившим значительные материальные ресурсы и быстро развивавшимся национальным капиталом.

Советские дипломаты отмечали в то время: «В стране происходит имущественная дифференциация населения, как в городе, так и в сельской местности. Аккумулируются значительные состояния, исчисляемые миллионами риелей»[185]. Частные предприниматели, многие из которых находились в родственных или «дружеских» отношениях с представителями властей, получили в свои руки практически полный контроль над оптово-розничными рынками, наладили и торговые связи с Таиландом, Вьетнамом и Сингапуром. Крупный торговый капитал, как и в 60-е годы, принадлежал этническим китайцам, но в «демократическом капитале», быстро набиравшем силу посредством элементарного накопительства и мелкого предпринимательства, заметную роль, наряду с китайцами и вьетнамцами, стали играть и кхмеры — зажиточные представители сельской верхушки. Это были в основном бывшие председатели ГТС или их заместители и приближенные, сколотившие за время пребывания на руководящих должностях немалый капитал. У этих преуспевающих представителей кхмерской деревни был свой тягловый скот, весь необходимый набор орудий труда, иногда даже насосы для ирригации. Все это они сдавали в аренду своим более бедным односельчанам под довольно высокие проценты и так постепенно наживали свое богатство[186].

Естественно, что частное предпринимательство и «демократический капитал» развивались в тесной связи с деятельностью партийных функционеров и управленцев. Это, с одной стороны, поощряло

рост коррупционных тенденций в партии, но с другой — превращало ее в центральный элемент складывавшейся новой экономической и социальной системы. Особенностью было и то, что «демократический капитал» развивался в стране очень неравномерно. Наиболее активно он рос в экономически развитых провинциях центра страны, в Пномпене, где торгово-предпринимательские круги имели хорошо подготовленную почву для своей деятельности, где они быстро приобрели влияние и установили взаимовыгодные связи с представителями местных органов власти. Нередко здесь бывало так, что один член семьи находился на государственной службе или состоял членом партии, а его братья и родственники занимались бизнесом. Таким образом формировался круг новой региональной элиты. По словам Хун Сена, наиболее активно частная экономика развивалась в Пномпене и ряде других экономически развитых провинций, а «в некоторых районах ее развитие происходило намного более медленными темпами, ибо местные власти боялись там частной экономики, как чумы»[187]. Это происходило в основном в отдаленных и горных провинциях севера и северо-востока, слабо затронутых товарными отношениями. Там деятельность частных торговцев, как и появление зажиточных крестьян, вызывали активное противодействие местных властей. Именно там, кстати, и было особенно сильно влияние полпотовских сил.

В городах «демократический капитал» рос особенно быстро и пополнялся динамичными мелкими предпринимателями, расширявшими свое производство. Все эти социальные группы вместе с торговцами и перекупщиками составляли класс «новых богатых», которые по уровню жизни и потребления существенно превосходили средних камбоджийцев. Частью этого класса стали и чиновники партийно-государственной иерархии, причем в наиболее выгодном положении оказывались те, кто непосредственно или через родственников участвовал в смешанных государственно-частных компаниях. В основном это были «технократы и интеллектуалы», группировавшиеся вокруг Хун Сена. Их всех отличал «высокий уровень жизни, тесная связь с влиятельными кругами кхмерской эмиграции, предпринимательской средой, прежде всего в Таиланде»[188]. Они практически открыто демонстрировали свое богатство, скупали собственность и недвижимость в Пномпене, причем иногда это принимало скандальный характер. В начале 1991 г., например, «ЦК НРПК запретил Хор Намхонгу — ближайшему к Хун Сену человеку, заменившему его на посту министра иностранных дел, — покупать себе очередную виллу»[189]. Но это был

единичный пример — среди тех, кто особенно быстро обогащался, называли и жену Хун Сена и других людей из числа его ближайших сторонников»[190].

Таким образом, признав частный капитал, создав ему благоприятные условия развития, авангардная партия, так сказать, заключила с ним нечто вроде нового «социального договора», смысл которого состоял в сближении носителей политической (правящая верхушка) и экономической (национальный и «демократический» капитал) власти. Народно-революционная партия в своей политике стала защищать интересы «новых богатых», а те в свою очередь активно выступили в ее поддержку. Этот союз власти и капитала, который окончательно сложился к 1989 г., ознаменовал превращение НРПК в национальную политическую силу, опирающуюся на влиятельные и многочисленные сельские и городские предпринимательские слои.

Что касается беднейших слоев общества, выразителями интересов которых объявляла себя НРПК, то в это время беднейшие крестьяне объективно перешли в оппозицию правящей коммунистической партии. Именно из их среды шла подпитка полпотовских отрядов. Эти люди предпочитали служить Пол Поту и на полученные небольшие средства кормить семью, чем превращаться в безземельных крестьян и наниматься батраками к богатым односельчанам. Перемены в расстановке социальных сил в стране отметил такой внимательный наблюдатель, как М. Хайберт, указывавший, что «новое богатство и благосостояние рождают коррупцию и неравенство, ведут ко все большему недовольству, особенно среди беднейших крестьян, что подрывает опору правительства»[191]. Многие из бедняков сочувствовали «красным кхмерам», тем более что те стали широко практиковать «безвозмездное распределение продовольствия среди беднейших крестьян»[192]. Советские дипломаты докладывали, что в стране «отмечается медленный, но неуклонный рост влияния полпотовцев, в поддержку которых в настоящее время, по некоторым оценкам, выступает до 20% населения, главным образом сельских районов»[193]. Однако организовать и поставить под своей контроль всю эту массу людей, как было в 1970–1975 гг., «красные кхмеры» уже были не в состоянии. Это в прежние годы лонноловцы ничего не могли противопоставить им в сельской местности, теперь же здесь разворачивалась борьба, в которой у правительства НРК были не только экономические и социальные козыри, но и возможность демонстрации национального характера своей власти.

Убедить крестьян в последнем партии удалось тогда, когда на рубеже 1986–1987 гг. из страны стали активно выводиться вьетнамские войска. Только в 1987 г. ушло более 20 тысяч солдат[194]. С этого времени у НРПК появились все основания считаться национальной политической силой, а не марионеточной провьетнамской организацией.

Однако в одночасье все эти успехи оказались под угрозой, когда под объединенным давлением со стороны США, Китая и стран АСЕАН, требовавших, чтобы все вьетнамские войска полностью покинули Камбоджу, долго висевший в воздухе вопрос о мирном урегулировании камбоджийского конфликта был сдвинут наконец с мертвой точки. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что главный союзник и донор Вьетнама — СССР, сам переживавший глубокий кризис, стремился урегулировать свои разногласия и с Западом и с Китаем и также настаивал на поисках мирного решения камбоджийской проблемы. Особенно четко новая советская политическая позиция проявилась во время двух встреч советского генсека М. Горбачева с Хенг Самрином, состоявшихся в июле и ноябре 1987 г. На этих встречах советский лидер заявил, что «национальное примирение отвечает чаяниям камбоджийского народа»[195].

Это по форме ультимативное заявление означало, что Москва тоже начала проявлять настойчивое намерение добиться урегулирования камбоджийского конфликта. Соответственно и в Ханое стали все яснее осознавать, что через какое-то время и войскам и советникам СРВ придется окончательно покинуть Камбоджу. В связи с этим задача вьетнамской политики была переформулирована и должна была состоять теперь не в том, чтобы контролировать страну, а в том, чтобы после ухода войск и советников в ней сохранился дружественный Вьетнаму режим. Такой вариант был возможен только в том случае, если бы власть сохранялась у НРПК, которая для этого должна была убедить народ в своей национальной сути и стать привлекательной для тысяч камбоджийцев. Этого можно было добиться, только сбив накал «вьетнамского вопроса», который в это время превратился в острейшую проблему кхмерской политики. Дело в том, что даже кадровые работники НРПК на партийных собраниях открыто недоумевали, почему вьетнамская армия уходит и «не может разгромить бандформирования, почему в Кампучию в массовом порядке переселяется вьетнамское гражданское население»[196]. Камбоджийцы желали практического подтверждения того, что власть НРПК национальная. Это было учтено и вьетнамским руководством в Ханое и кхмерским

в Пномпене. В июле 1988 г. советские дипломаты стали отмечать, что после обнародования известного заявления правительства НРК о национальном примирении заметно сократилось упоминание в публичных выступлениях и материалах печати тезиса «об особом боевом союзе стран Индокитая»[197]. В связи с быстрым сокращением аппарата вьетнамских советников при комитетах НРК и министерствах изменился и порядок принятия управленческих решений: «если раньше советники готовили проекты резолюций, которые кампучийские партийные и государственные органы могли лишь одобрить или отвергнуть, то отныне вьетнамские эксперты, согласно их статусу, имеют право лишь давать рекомендации»[198].

Правительство НРК предприняло и целый ряд практических шагов, которые должны были показать всем, что оно все менее зависит от вьетнамских товарищей. Первым таким шагом стало решение Совета министров НРК о приостановке сотрудничества с Вьетнамом в области разработки лесных ресурсов. Вьетнамцев обвинили в том, что «они ведут сплошные вырубки в объемах не соответствующих разрешенным»[199]. Далее камбоджийцы обвинили вьетнамских строителей в том, что они медленно и некачественно «строят ирригационные объекты и объекты соцкультбыта... По настоянию кампучийской стороны, отмечали в советском посольстве в Пномпене, приостановлено было и использование вьетнамской рабочей силы на ряде народнохозяйственных объектов в НРК»[200]. Это объяснялось якобы тем, что «из-за высокой инфляции во Вьетнаме трудно согласовать курс риеля и донга»[201]. Все эти меры сопровождались и фактическим свертыванием сотрудничества «между вьетнамскими и камбоджийскими провинциями-побратимами». Раньше эти провинции, по данным советских дипломатов, могли свободно устанавливать взаимные связи, но с начала 1988 г. «кампучийская сторона» под предлогом малой эффективности и продуктивности таковых «приняла решение разрешать их только с одобрения центра»[202].

Все эти решения, направленные на сокращение в стране вьетнамского присутствия, закрывали приток «трудовых мигрантов» в Камбоджу и демонстрировали реальную независимость кхмерской власти, что, естественно, самым положительным образом принималось большинством кхмеров. Такие шаги способствовали росту популярности правительства НРК[203].

В марте 1988 г. мне довелось самому убедиться в том, что вьетнамцы теряют контроль за положением в стране. Еще три года назад,

в 1984 г., во время посещения провинции Прейвенг мы с моими коллегами обратились к местным властям с просьбой проехать далее на север в провинцию Кампонгчам. Они согласились, но сказали, что должны посоветоваться с руководством. Это руководство в лице вьетнамского советника находилось не далее как в соседней комнате. После переговоров с «руководством» нам было отказано по причине «угроз нашей безопасности». Иначе было дело в 1988 г. Во время поездки в провинцию Кампонгспы, считавшуюся опасной, так как граничила с горами Кравань, где гнездились базы полпотовцев, мы свободно меняли свой маршрут, связываясь исключительно с местными властями. Более того, во время встречи в Народно-революционном комитете на мой вопрос о том, какие проблемы решаются совместно с вьетнамскими советниками, мне сообщили, что во всей провинции не осталось ни одного вьетнамского советника и ни одного солдата. «Вся власть здесь в наших руках», — сообщил мне местный председатель[204].

То, что присутствие вьетнамских контингентов и советников в стране шло на убыль, с одной стороны, создавало реальные угрозы всевластию авангардной партии, но с другой — дало руководству НРПК невиданную ранее свободу действий. Хун Сен и его окружение быстро и решительно начали перестраивать философию деятельности правящей партии, превращая организацию из партии-лидера, навязывавшую стране и обществу определенную идеологическую модель, в партию, фактически отодвинувшую в сторону марксистско-ленинскую идеологию, апеллирующую к демократическим ценностям, которая ищет поддержку у населения. Вьетнамские советники, уже паковавшие чемоданы, не могли в этом помешать Хун Сену. Угроза могла исходить только от недовольных его действиями представителей консервативных сил в рядах НРПК, которых, как я убедился, побывав в Пномпене и в 1988, и в 1989, и в 1990 гг., было предостаточно. Эти люди мирились с политикой партийного реформатора особенно на начальном этапе мирного процесса, когда шли переговоры с Сианук и Сон Санном. Они полагали, что маневры премьер-министра помогают партии в борьбе за сохранение власти. Поэтому неудивительно, что прошедший в феврале 1988 г. VI пленум ЦК НРПК специально констатировал «укрепление единства в Центральном комитете и в партии в целом»[205]. Подтверждением этому стала и неизменность расстановки сил в Политбюро, которая, по данным советского посольства, практически не изменилась по сравнению с V съездом НРПК[206].

В сентябре 1989 г. Вьетнам вывел последнюю группу своих войск из Камбоджи (около 80 тыс. человек), оставив тайно в стране только технических советников и специалистов, которых так не хватало армии НРК[207]. В Ханое вслед за этим объявили, что отныне все военные, административные, политические решения находятся в полной компетенции правительства Камбоджи во главе с Хун Сеном. Этот шаг со стороны Вьетнама, по мнению Д. П. Чандлера, «способствовал упрочению позиции правительства в Пномпене»[208]. И это действительно было так: ведь многие камбоджийцы, вплоть до самого вывода вьетнамских войск, не вполне доверяли НРПК, справедливо полагая, что эта партия полностью зависит от соседнего государства. Они считали ее провьетнамской, что сильно умаляло ее привлекательность в глазах кхмеров. С другой стороны, всем в Камбодже было понятно, что реальной альтернативой возвращению «красных кхмеров» могут быть только структуры НРПК.

Это стало особенно ясно, когда армия НРК при минимальной помощи оставшихся вьетнамских военных и технических советников сумела отразить опасное наступление полпотовцев на Баттамбанг осенью 1989 г. Люди, пережившие беспримерные ужасы режима «красных кхмеров», ощутили в эти тревожные дни широкомасштабного наступления реальность возвращения призраков прошлого. И они убедились, что единственной силой, способной остановить их на пути к власти, оказалась только НРПК и ее армия. «Лучше Хун Сен, чем Пол Пот», — так можно было сформулировать общее мнение большинства кхмеров, с которыми мне довелось побеседовать в майские дни 1990 г. в Пномпене. Когда же я спрашивал, что может сделать в сложившейся ситуации Сианук, то общее мнение было таково, что подчиненные ему военные силы очень слабы и будет лучше, если он отойдет от союза с Пол Потом и вступит в союз с Хун Сеном[209].

В первой половине 1991 г. полпотовцы совместно с другими оппозиционными группировками предприняли новое масштабное наступление, однако, как и раньше, ощутимого успеха добиться не смогли. Их потери, по данным правительства в Пномпене, составили почти 2,5 тыс. убитыми, и 362 боевика попали в плен. Особенно ощутимыми оказались потери в боеприпасах и вооружении: правительственные силы захватили соответственно 851 т боеприпасов и 3 тыс. стволов различного стрелкового оружия[210].

Таким образом, НРПК и в политическом и в военном плане оказалась в целом вполне готовой к уходу вьетнамцев и к началу в полном

смысле самостоятельного правления. Свидетельством этого стало то, что в отличие от трагических событий 1954 и 1973 гг., когда вьетнамские военные и советники тоже были выведены из Камбоджи, на сей раз ни один из кхмерских партийных функционеров не ушел вместе с ними. В то же время нельзя не отметить, что уход вьетнамцев спровоцировал обострение противоречий в верхушке НРПК. Рост популярности Хун Сена и все более радикальные его предложения относительно реформы самой партии, ее идеологии и политики, неприкрытое богатство его окружения, «в среде которого рождалась внутри- и внешнеэкономическая политика страны и определялись шаги руководства в области урегулирования камбоджийской проблемы»[211], вызывали ревность у его «союзников», которые стали почти открыто ему возражать. Хенг Самрин, выступая в июне 1990 г. на митинге по случаю 39-й годовщины образования НРПК, заявил, например: «Мы выступаем против так называемой демократической идеологии по типу буржуазной, при которой пренебрегают сложностями нынешнего этапа развития страны, стремятся к созданию партий и группировок, в результате чего происходит подрыв внутреннего устройства страны, наносится ущерб национальному единству и открывается дверь для возвращения режима геноцида»[212]. Всем было понятно, в адрес какой политической фигуры были направлены все эти обвинения. Генсек НРПК сказал также, что «партия останется верна пути, начертанному великим Лениным, и сохранит в качестве основы своей деятельности марксизм-ленинизм»[213]. Демонстрируя, что все это — не пустые слова, Хенг Самрин добился смещения со своего поста многолетнего главного редактора газеты «Кампучия» Кхиеу Каньярита, близкого к Хун Сену, который «все более выходил из-под партийного контроля и превращал свое издание в рупор реформаторского движения»[214].

Однако подорвать позиции Хун Сена или даже остановить его действия, направленные на формирование нового имиджа партии, Хенг Самрин без поддержки своих вьетнамских кураторов так и не смог, тем более что его ближайший соратник Чеа Сим занимал по всем этим вопросам намного более компромиссную позицию. Он полагал, что необходимо сохранить единство партии в борьбе за власть, превратив эту борьбу в главную и единственную партийную цель. При такой постановке вопроса внутренние противоречия и еще недавно актуальные идеологические разногласия отходили на второй план — стремление сохранить высокое материальное и социальное положение,

достигнутое за годы НРК, должно было объединить всех кадровых работников и рядовых членов партии.

Несмотря на фактический переход Хенг Самрина в лагерь партийных консерваторов, курс на радикальные перемены сохранился и внутренняя политика НРПК в это время стала абсолютно популистской и деидеологизированной. Старое название страны — Народная Республика Кампучия, которое ассоциировалось с коммунистическим и вьетнамским прошлым, изменили на новое и политически нейтральное — Государство Камбоджа. Были внесены поправки в конституцию страны: отменена смертная казнь, буддизм объявили государственной религией. В столице и в городах расцвели частная торговля и предпринимательство. При этом были созданы самые благоприятные условия для деятельности бизнеса этнических китайцев, прибывавших в Пномпень с территории Южного Вьетнама. Советские дипломаты в Пномпене отмечали: «Китайцы сегодня располагают в ГК эффективными каналами для обеспечения своих экономических и политических интересов. Они занимают прочные позиции в экономике и тесно связаны с партгосаппаратом, включая его верхний эшелон»[215]. Ни при одном из предшествующих режимов, указывали они, «отношение к хуацяо не было таким либеральным»[216]. Столь подчеркнуто благожелательное отношение кхмерских властей к китайскому бизнесу можно рассматривать и как попытку показать Пекину готовность к диалогу, и как очередной укол в адрес уходивших вьетнамцев: китайцы активно действовали именно в тех сферах, где, казалось, прочно закрепились местные вьетнамцы.

Что касается положения внутри НРПК, то, как ни странно, угроза единству этой партии оказалась связана не столько с партийными консерваторами, которые так долго противостояли Хун Сену, сколько со сторонниками Хун Сена, которые стояли на еще более либеральных позициях, чем он сам. Эти люди, наблюдая за тем, что происходит в СССР и вот-вот произойдет во Вьетнаме, полагали, что необходимо ускорить процесс политического обновления НРПК в духе советской перестройки, реформировать политическую систему в сторону плюрализма и многопартийности. Попытки заставить Хун Сена действовать в этом направлении к успеху не привели. Ответ главного партийного либерала на все эти призывы оказался очень жестким. В октябре 1989 г. он заявил: «Мы не должны создавать оппозиционные партии внутри страны, а затем одновременно вести войну на “два

фронта". Многопартийной системы не будет, пока не будут узаконены оппозиционные военные группировки»[217].

Совершенно очевидно, что камбоджийский премьер-министр имел в виду переговоры относительно мирного урегулирования в Камбодже. Он сам вел эти переговоры и прекрасно понимал, что в результате их в стране сложится новая политическая реальность, исключающая монопольную власть авангардной партии. Было очевидно, что будущее партии, самого Хун Сена решится на выборах в условиях жесткой конкуренции с роялистами, республиканцами и, возможно, «красными кхмерами». Такая перспектива подстегивала не центробежные, а центростремительные процессы в НРПК, когда люди, даже недовольные по тем или иным причинам политикой партийного руководства, не поддерживали попыток некоторых членов руководства эту партию расколоть.

Критический для НРПК момент наступил в июле 1990 г., когда был арестован Ун Пхон — министр транспорта в правительстве Хун Сена, известный своими требованиями демократизировать НРПК, а также немедленно отказаться от партийной монополии на власть в стране. Еще на январском пленуме 1990 г. он ставил вопрос о необходимости исключения из конституции статьи четвертой, где говорилось о руководящей роли НРПК. Его предложение было отвергнуто, впрочем, как и попытки его сторонников поднять тот же вопрос на сессии Национального собрания в феврале. После этого он стал обвинять руководство НРПК в коррупции и агитировать за выход из состава НРПК и образование новой партии социал-демократического толка[218]. Опасаясь действий Ун Пхона, социал-демократическая партия которого, только появившись на свет, «набирала, похоже, значительное число сторонников, по крайней мере в Пномпене»[219], руководящий тандем Хун Сен — Чеа Сим принял решение его арестовать. Вслед за ним аресту подверглась и группа высокопоставленных государственных чиновников, которых обвинили в «попытке организовать контрреволюционный заговор и образовать противостоящую НРПК социал-демократическую партию». Один из главных разработчиков плана ООН по мирному урегулированию в Камбодже Ю. Н. Мякотных рассказывал мне позже, что многие специалисты и в нашем посольстве и дипломаты из других стран предполагали, что развитие событий в это время могло привести к расколу НРПК на три части — ортодоксально-коммунистическую, сторонников Хун Сена и сторонников Ун Пхона и демократии. В то же время, говорил мне Юрий Николаевич, распада

НРПК не желал никто, так как все понимали, что в этом случае перед «красными кхмерами» откроется дорога к власти[220].

Арест Ун Пхона и группы его сторонников не привел к расколу НРПК. Более того, когда стало ясно, что за Ун Пхоном почти никто в партии не пошел и «попытка группы либералов организационно сплотить сторонников демократических идей потерпела провал»[221], внутрипартийный кризис оказался исчерпан, и главный «дезертир» и поддерживавшие его люди были выпущены из тюрьмы. Это было сделано нарочито демонстративно, чтобы показать новый либеральный и демократический характер НРПК. Позже Ун Пхон и его сторонники воссоздали социал-демократическую партию, которая, однако, так и осталась малочисленной и маловлиятельной политической организацией. Это объяснялось тем, что «глухая неоформившаяся оппозиция режиму, в состав которой входила большая часть интеллигенции»[222], в новых условиях предпочла поддержать не бывших либеральных коммунистов, а антикоммунистов и националистов, возвратившихся из эмиграции и включившихся в политическую борьбу.

Единство НРПК, основанное на общем интересе и «прагматиков» и «ортодоксов» сохранить власть в целях грядущих перемен, подверглось новому испытанию во время подготовки и проведения внеочередного VI партийного съезда. Этот съезд, который должен был определить, какой станет в новых условиях НРПК, готовился очень долго. Хун Сен и его люди настаивали на радикальных переменах, Хенг Самрин и другие консерваторы выступали резко против. Да и как они могли согласиться, когда Хун Сен предлагал партии стать авангардом в защите прав человека ... чтобы «в интересах защиты прав человека она была готова к сотрудничеству с другими политическими партиями, ставящими перед собой такие же задачи, с целью создания единого фронта в защиту прав человека»[223]. Он предлагал сменить всю атрибутику партии, сменить ее название, убрать марксизм-ленинизм как основу ее идеологии и «выдвинуть в будущем Сианука на пост президента страны»[224].

Хенг Самрин был против этого. «До и после политического урегулирования, — считал он, — партия должна твердо осуществлять политическое руководство. До урегулирования она будет руководить всеми сферами, как и прежде, в политической, идеологической и организационной областях. После урегулирования партия будет осуществлять руководство через своих членов, которые будут находиться в госаппа-

рате»[225]. Кроме того, он твердо выступал за то, чтобы «НРПК и дальше проводила в жизнь принципы марксистско-ленинского учения»[226].

Борьба двух группировок достигла своей кульминации на внеочередном VI съезде НРПК, состоявшемся в середине октября 1991 г. за неделю до подписания в Париже мирных соглашений относительно урегулирования камбоджийского конфликта. Это, естественно, наложило отпечаток на все решения, принятые на этом съезде. Накануне форума, отмечали советские дипломаты, в Пномпене царили упорные слухи о намечающемся разделе НРПК, о крупных переменах в ее руководстве, касающихся устранения с политической арены деятелей провьетнамской ориентации[227]. Эти прогнозы, однако, не оправдались «во многом благодаря усилиям вьетнамцев, сумевших убедить местных партийных лидеров сохранить политическое и организационное единство»[228]. Убеждать Хун Сена, Хенг Самрина, Чеа Сима и стоявших за ними людей «жить дружно» в Пномпень прибыл с неофициальным и нигде не афишируемым визитом один из самых авторитетных в Индокитае коммунистов президент Вьетнама Ле Дык Ань[229]. Именно ему, отмечали в советском посольстве, «удалось не только предотвратить раскол партии, но и сформировать на базе ее новой политической программы в целом добротную предвыборную платформу»[230]. Как мне рассказывали позже, Ле Дык Ань выступил очень жестко и заявил, что у партии есть шансы остаться у власти только в случае сохранения ее внутреннего единства. От раскола, убеждал он, «не выиграет никто, все окажутся за бортом кхмерской политики». Именно он уговорил самого преданного Ханою кхмерского деятеля Хенг Самрина уйти в тень, дабы удалось избежать внутрипартийного раскола[231].

С согласия Ле Дык Аня, главный провьетнамски настроенный человек в партийном и государственном руководстве Камбоджи оказался жертвой внутрипартийного компромисса. На состоявшемся во время работы съезда пленуме ЦК НРПК, он был избран на «номинальную должность почетного председателя партии»[232]. Генсек явно не ожидал такого поворота событий: еще в августе 1991 г. на предыдущем, XIII пленуме ЦК НРПК он призывал к «необходимости укрепления справедливости и развития прогресса в обществе, требовал уделять внимание тем людям, которые пользуются влиянием на местах — монахам, настоятелям храмов, муллам и учителям, с тем чтобы привлечь их к пропагандистской работе»[233]. Кроме того, он был настолько связан с вьетнамцами, что его возможная опала казалась немыслимой. Однако после ухода из страны вьетнамских войск

и советников его позиции пошатнулись, попытки опереться на консервативное крыло особого эффекта не дали, а только обострили внутрипартийные противоречия между ортодоксами и реформаторами. Поэтому в Ханое решили, что наступило время увести Хенг Самрина в тень ради сохранения единства НРПК и ее власти в стране. Только такой вариант сохранял за Вьетнамом возможность и дальше влиять на события в Камбодже.

На том же состоявшемся во время съезда пленуме было принято и еще одно важное решение: не проводить на съезде выборов в ЦК партии, а перевести в состав Центрального Комитета его членов и кандидатов в члены, а весь состав Политбюро и Секретариата ввести в созданный по китайскому образцу Постоянный комитет ЦК[234]. Сделано это было, очевидно, для того, чтобы избежать противоречий и возможных сюрпризов при проведении выборов, сохранить статус-кво в расстановке сил в верхушке партии.

Вместо Хенг Самрина фигурой номер один в партии стал Чеа Сим, занявший пост Председателя ее ЦК, а его заместителем был избран Хун Сен. Советские дипломаты в Пномпене докладывали: «Выдвижение Чеа Сима на высший пост в партийной иерархии является официальным закреплением его реального политического веса внутри страны. Выход же Хун Сена на позиции «второго лица» в партии свидетельствует, с одной стороны, о признании его заслуг в деле камбоджийского урегулирования и авторитета на внутренних и внешних аренах, а с другой — о стремлении консервативного крыла удержать его в сфере своего влияния, дабы не ослаблять партию накануне решающих событий и не допустить его отделения в качестве самостоятельной политической фигуры». Консерваторы, делали вывод в советском посольстве, хотят «заставить Хун Сена поработать какое-то время в одной с ними упряжке»[235].

Все эти перемещения и организационные перемены сопровождались и радикальными решениями относительно всех сторон жизни партии. НРПК на своем внеочередном съезде продемонстрировала смену всех политических ориентиров и свой новый имидж борца за демократию и экономическую свободу. Такой резкий поворот в сторону еще недавно «чуждых ценностей» партийные пропагандисты объясняли тем, что «реализация курса на строительство свободно-рыночной системы, передача в частную собственность земельных наделов, домов, средств производства, требует адекватных перемен и в устройстве политического режима: признании прав граждан на

свободное высказывание своих мнений, создание партий и многопартийной системы, проведение в стране свободных и демократических выборов»[236]. Старые лозунги уравнительности, антиурбанизма, борьбы против коррупции и личного обогащения чиновников, верности идеалам революции при подготовке материалов VI съезда даже не упоминались. Более того, в этих материалах указывалось, что «необходимо изъять из названия партии слово "революционная", таким же образом поступить и со словом "социализм" и его производными во всех программных документах и в Уставе»[237]. В ряде статей встречались вообще недавно еще просто немыслимые указания на то, что «в новой программе партии должно быть сказано, что бывшая НРПК, выполнив свою историческую роль, становится одной из политических организаций в камбоджийском обществе, которому должны быть присущи многопартийность, приверженность демократии и примат человеческой личности»[238].

Принятая на VI съезде НРПК политическая программа Народной партии Камбоджи (таким стало новое название бывшей НРПК) фактически слово в слово повторяла основные мысли предсъездовских статей в цитированных выше партийных изданиях. В этой программе указывалось, что «политическая система страны основана на принципах демократии и будет состоять из конкурирующих между собой политических партий». Говорилось также, что НПК будет «уважать основные права и свободы людей»[239].

Экономический раздел программы открывался заявлением о том, что НПК в своей политике «будет осуществлять экономический режим свободного рынка, что партия полностью признает, гарантирует и решительно защищает частную собственность отдельных лиц, семей, компаний и фирм, а также собственность иностранных инвесторов на землю». Кроме этого, НПК обязалась «гарантировать всем гражданам свободный выбор сфер занятий» и, что особенно важно, «широко раскрыть двери для вложений в национальную экономику как камбоджийского, так и иностранного капитала»[240].

Не менее глобальные изменения были зафиксированы и в сфере аграрной политики. Всякие упоминания о пользе и преимуществах коллективного труда и общественной собственности из программы были удалены. Зато было сказано, что «НПК обязуется прилагать все силы для уменьшения разницы в уровне жизни между городом и деревней» и что «крестьяне имеют свободное право на ведение своего отдельного

хозяйства, а также право самостоятельно распоряжаться полученным урожаем»[241].

Кроме того, на съезде было объявлено, что НПК отказывается от всей атрибутики своей предшественницы НРПК и что «серп и молот, изображения Ленина и Маркса не следует больше использовать как символы партии, а следует их изъять из документов как местных, так и центральных парторганизаций»[242].

Съезд фактически сформулировал и предвыборную стратегию бывших коммунистов. Кроме защиты прав человека, о чем так много говорил Хун Сен, важная роль отводилась вопросам собственности и свободного предпринимательства. На съезде Хун Сен провозгласил: «Наша партия неизменно выступает за сохранение сложившейся к настоящему времени системы собственности. В любых условиях партия должна защищать интересы народа, базирующиеся на законном праве собственности на землю, жилища, средства производства, а также защищать интересы иностранных фирм, имеющих деловые связи с Камбоджей»[243]. Для многих тысяч камбоджийцев это были очень важные обещания, потому что некоторые оппозиционеры отказывались признавать даже законность камбоджийского риеля и собирались придумать какую-то новую валюту, не говоря уже о требованиях реституции собственности, утерянной после 1975 г. НПК выступила как гарант имущественного статус-кво и всей системы сложившихся в стране экономических отношений.

Для крестьян бывшие коммунисты также приготовили очень привлекательное обещание: «не взимать с них налоги на земельные участки в течение 5–10 лет, начиная с 1992 г.»[244].

К окончанию работы съезда стало ясно, что вместо ожидавшегося раскола и распада партии он завершается большим ее успехом. НРПК легко сменила свое название и имидж, приняла привлекательную для тысяч кхмеров политическую программу, а главное — сохранила внутреннее единство. Оценивая после этого съезда шансы НПК на победу, в советском посольстве отмечали: «В местном партгосаппарате по-прежнему процветают коррупция, протекционизм, местничество и другие негативные явления. Вместе с тем следует признать, что НПК занимает довольно прочные и выгодные исходные позиции, выступает как единая в организационном плане политическая сила с широко разветвленным на большей части территории страны аппаратом»[245].

Как видим, VI съезд НРПК стал логическим и в целом вполне предсказуемым завершением целой эпохи — эпохи НРК и многолетнего процесса внутренней эволюции партии. Хотя многие журналисты и писали, что на этом съезде бывшие коммунисты «присягнули плюрализму и рыночной экономике»[246], на самом деле сделали это они намного раньше, а на своем форуме лишь официально закрепили давно проводимый политический курс.

Этот курс позволил превратить малочисленную и полусектантскую организацию, зависимую от вьетнамских войск и советников, в политическую партию, опирающуюся как на многочисленную государственную бюрократию, так и на массовый слой новых собственников в городе и деревне. Люди, получившие собственность из рук партийной номенклатуры, как показали последующие события, уже в силу этого факта были готовы и дальше поддерживать ее пребывание у власти, хотя бы как гаранта своих прав на полученную собственность. Даже западная пресса, никогда не испытывавшая симпатий к НРПК, соглашалась, что «большинство населения Камбоджи воспринимает правительство Хун Сена как вполне легитимное»[247].

Признание этого факта независимыми наблюдателями на Западе свидетельствовало о том, что НПК вошла в процесс мирного урегулирования как наиболее влиятельная и сильная политическая фракция на бурном поле кхмерской политики.

ГЛАВА XI

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ НРК (1979–1991 гг.)

На протяжении всего существования Народной Республики Кампучии организация и развитие ее экономики во многом зависели от того, какая фракция в руководстве партии была у власти. На первый взгляд, это объясняется просто: при руководстве ортодоксальных коммунистов народное хозяйство ориентировалось на принципы обобществления и коллективизации, когда же власть перешла к прагматикам, то экономическая политика обрела противоположное направление, началось движение к рыночным отношениям. Но было бы ошибкой представлять дело столь схематично, не учитывая обратной связи, того, что положение в экономике, в свою очередь, влияло на ход политической борьбы.

1. Экономическая политика и формы организации экономики НРК в начале 80-х годов

Первоначальные взгляды новых властей на суть и направление экономических процессов можно обнаружить в программе ЕФНСК, принятой 2–3 декабря 1978 г. в Сноуле. В экономическом разделе этой программы провозглашалось, что в стране будет построен «истинный социализм». О возрождении в Камбодже каких-либо конкретных форм и видов частнопредпринимательской деятельности ничего не говорилось, так же как о возвращении в собственность крестьян наделов пахотной земли. И хотя в программе отмечалась необходимость «освободить людей от принудительной обязанности работать и есть сообща»[1], но под этим, как мы увидим дальше, подразумевалась не ликвидация коллективного труда в деревне вообще, а уничтожение наиболее одиозных форм такого труда. Судя по всему, основополагающие принципы бестоварной экономической политики противники «красных кхмеров» менять не собирались. По крайней мере, в марте 1980 г. в партийном издании утверждалось: «Мы будем строить общество,

где не будет угнетения, не будет богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых»[2]. В другом официальном документе строительство новой Камбоджи недвусмысленно определялось как «развитие по пути к социализму»[3]. Социализм этот, в противоположность полпотовскому, именовался теперь «подлинно марксистско-ленинским», а главным ориентиром для него стала советско-вьетнамская модель строительства «нового общества», объявленная подлинно марксистской.

Однако начало строительства социализма, заявленного в программе ЕФНСК, вынужденно откладывалось — развал полпотовского административного аппарата и медленный процесс формирования нового привели к тому, что на большей части территории страны воцарилась обстановка хаоса и безвластия. События явно пошли по незапланированному в Сноуле пути: общая площадь обрабатываемых земель в стране резко сократилась, в 1979 г., например, удалось обработать около 700 тыс. га пахотных земель и при средней урожайности примерно 1 т/га общий сбор составил лишь 696,85 тыс. т[4]. Этого количества риса было явно недостаточно для обеспечения даже минимальной потребности в продовольствии камбоджийского населения. По данным, приведенным Ю.В. Овсянниковым, потребление очищенного риса в 1979 г. в среднем на человека составляло лишь 51 кг[5], тогда как в 1968 г., например, этот показатель равнялся 239 кг[6]. Даже при том, что расчеты Ю.В. Овсянникова не всегда обоснованы и приводимые им цифры намного ниже того, что было в реальности[7], — среднедушевое потребление в стране оставалось на катастрофически низком уровне, не превышая 90–95 кг риса в год.

Положение с продовольствием осложнялось еще и тем, что большая часть имевшегося товарного риса, а также еще остававшийся на полях неубранным рис после основного сельскохозяйственного сезона 1978 г. был сожжен или уничтожен «красными кхмерами». По словам Хенг Самрина, «когда клика (т.е. "красные кхмеры". — *Д. М.*) покидала страну, то были сожжены все большие зернохранилища, чтобы вызвать голод среди населения и посеять недоверие к революционной власти»[8]. По оценкам первых западных экспертов по гуманитарной помощи, прибывших в Камбоджу в 1979 г., «во время отступления они ("красные кхмеры". — *Д. М.*) захватили или уничтожили четвертую часть всего урожая и одну треть тягловых животных»[9]. Сильно пострадала и ирригационная система страны. Каналы, подводившие воду к полям, разного рода плотины и водохранилища, насосные стан-

ции были разрушены. Тысячи гектаров плодородных земель оказались выведены из оборота.

В добавление ко всем трудностям, посевная кампания основного сельскохозяйственного сезона 1979 г. началась в стране слишком поздно и протекала в крайне неблагоприятных условиях. Дело в том, что в самый разгар полевых работ сотни тысяч крестьян, выселенных в эпоху «красных кхмеров» из родных мест, устремились назад. Из-за разрушенных дорог, почти полного отсутствия транспорта они вынуждены были проделывать многокилометровые марши пешком. Когда же, наконец, к середине июля бóльшей части людей удалось вернуться в родные места, они не могли включиться в сельскохозяйственные работы, так как не было орудий труда, рабочего скота, семян, продовольствия. Даже то немногое, что удалось посадить в конце августа, оказалось загублено, так как небывалый паводок затопил все сельскохозяйственные угодья в пойме Меконга и Тонлесапа. Особенно сильно пострадали основные рисопроизводящие центральные провинции — Прейвенг, Свайриенг и Кандал. К середине августа положение с продовольствием стало критическим. Из-за нехватки риса многие камбоджийцы питались, собирая дикие плоды, ягоды, корни растений. Тысячи голодных устремились за пределы страны, в Таиланд, где западные гуманитарные фонды организовали снабжение беженцев продовольствием.

В такой ситуации новые власти вынуждены были «отложить» строительство социализма и действовать исходя из реальных обстоятельств. Рассчитывали они, в первую очередь, на международную помощь, масштабы которой в 1979 г. были очень внушительны: только из СССР поставили товаров на общую сумму 134 млн. долл.: 112 тыс. т продовольствия, 130 тыс. т топлива, 8 млн. м тканей. Вьетнам направил в Камбоджу в основном продовольствие на 56 млн. долл., грузы прибывали в страну из Лаоса, Индии, стран Восточной Европы[10]. Поток потребительских товаров и продовольствия направляли в Камбоджу и международные организации, действовавшие под эгидой ООН, а также разных благотворительных фондов. Только от ЮНИСЕФ, Международного комитета Красного Креста, Мировой продовольственной программы и ФАО поступило более 82 тыс. т продовольствия, от ОКСФАМ — еще более 17 тыс.[11]

Международная помощь, поступавшая в Камбоджу в 1979 г., не только избавила население страны от угрозы голода, но и неожиданно для новых коммунистических властей нанесла удар по их планам

восстановления в будущем бестоварной экономики. После того как вьетнамское вторжение буквально смело полпотовскую административную систему, поток международной помощи прорвал «железный занавес» и вызвал к жизни невиданный по масштабам товарообмен. По всей стране стали возникать стихийные рынки, где главной меновой стоимостью был рис. Более того, политический хаос и безвластие привели к тому, что в относительно благополучных районах, таких как Прейвенг и Свайриенг, у многих крестьян оказались даже излишки риса. Ведь никаких реальных механизмов его изъятия у производителей новые власти в 1979 г. создать не успели, поэтому были вынуждены официально объявить о том, что разрешают оставить крестьянам весь рис в тех местах, где его удалось посадить[12]. Бедствующие районы (Кандал, Кампонгтхом, Кампонгчхнанг и др.) снабжались из государственных резервов, которые формировались главным образом за счет международной помощи. Сельские производители вновь вернулись к единоличному хозяйствованию, дававшему возможность обеспечить себя продовольствием. В кхмерской деревне стихийно возродилась традиционная система землевладения и землепользования. Никаких официальных распоряжений новой власти на этот счет, естественно, не было, однако неофициально сельские производители из бывших членов «бригад авангарда и арьергарда» вновь превратились в мелких землевладельцев, чье пользование землей основывалось на традиционном праве.

Период относительной хозяйственной свободы в деревне продолжался лишь несколько месяцев. Уже осенью 1979 г. ортодоксальные коммунисты во главе с Пен Сованом, задававшие тон в руководстве страной, попытались взять в свои руки контроль за производством и распределением продовольствия и создать предпосылки для восстановления бестоварной экономики. С сентября 1979 г. лозунг «контроль над рисопроизводством», слово в слово повторявший установку полпотовцев, стал надолго ключевым принципом аграрной политики новых властей. С этого времени началось непрерывное противостояние крестьян новой власти. Производители не хотели за бесценок сдавать рис государству, рассчитывая продать его частным перекупщикам. Власти же, не имея эффективной системы налогообложения, выколачивали рис посредством захватов и экспроприаций.

Так, на руинах бестоварной экономики складывался новый экономический порядок. Его отличительной чертой стало сосуществование двух взаимоисключающих систем: стихийно появившийся свободный

товарообмен действовал одновременно с попытками жесткого государственного контроля за сбором и централизованным распределением продовольствия. Парадоксальность ситуации состояла в том, что в одной системе по стране свободно передвигались частные торговцы и перекупщики, широко распространились вьетнамские донги и доллары США, а в другой — все никак не появлялась собственная камбоджийская валюта, поскольку отсутствие денег некоторые руководители НРК рассматривали чуть ли не как завоевание социализма. Эти деятели все еще рассчитывали на возвращение в перспективе к бестоварной экономике, к прямому изъятию риса у крестьян[13]. Камбоджийские деньги — риели НРК были выпущены только в марте 1980 г., когда возникла реальная угроза того, что общество вообще останется без национальной валюты, а будет использовать доллары и донги. По некоторым данным, в стране к этому времени уже находилось в обращении до 20 миллионов донгов, которые, по наблюдениям советских дипломатов, «использовались в качестве полноправного средства обмена и платежей»[14].

Уничтожить свободный товарообмен, ставший возможным благодаря росту производства риса в крестьянских хозяйствах, новый режим пытался постоянно. В середине 1980 г., например, по всей стране была обнародована программа «объединения крестьянских сил». Коммуны и рабочие команды «красных кхмеров» с их рабским и полурабским трудом, которые к тому времени и без того распались, были квалифицированы как «искажение марксизма-ленинизма»[15] и подлежали роспуску, а вместо них крестьянам предлагались намного более мягкие формы объединения, что-то вроде кооперативов с общим имуществом из программы Ху Юна. Возвращение к идеям этого известного деятеля «красных кхмеров» из числа «умеренных» было вполне закономерным: для руководства НРПК, в котором по существу сильных теоретиков не было, его программа представляла альтернативу политике Пол Пота.

В специальной директиве Народно-революционного совета Камбоджи «О распределении урожая в сельской местности» официально устанавливались две формы собственности: личная — передаваемые по наследству приусадебные участки крестьян (семейное хозяйство) и основная, коллективная, — землевладение восстанавливаемых групп трудовой солидарности (ГТС) (коллективное хозяйство)[16].

Более того, в первых правительственных декретах по аграрным вопросам, опубликованных осенью 1979 г., признавалось даже частное

владение крестьянских семей, не пожелавших вступить в ГТС. В упомянутой выше специальной директиве указывалось, что «эти семьи надо привлекать к совместному с ГТС труду на артельных началах (*провоах полокам*)[17]. В дальнейшем, однако, в постановлениях по аграрным вопросам, опубликованных осенью 1980 г.[18], о частном землевладении уже ничего не говорилось.

Весной 1980 г. правительство разрешило крестьянским семьям, вошедшим в ГТС, самостоятельно или в составе групп из двух-трех семей осваивать залежные и целинные земли. В этом решении просматривается двойственность аграрной политики в 1979–1980 гг.: с одной стороны, очевиден курс на коллективизацию, а с другой — налицо вполне прагматичный учет объективных реалий, разрешение семейного хозяйства и даже частной аренды крестьянской семьей освоенной ее трудом пахотной земли. Право частной аренды рассматривалось как аренда дополнительной земли у государства и у ГТС, т. е. как временное расширение семейного хозяйства. Право аренды дополнительной земли ограничивалось лишь одним условием — «добросовестным выполнением семьей, желающей арендовать землю, своих обязанностей в коллективном производстве ГТС»[19].

Так, вместо принуждения людей к коллективному труду страхом и репрессиями, как это было при «красных кхмерах», была сделана попытка привлечь в ГТС чисто материальными стимулами. Не менее характерной чертой «второй коллективизации» стало и то, что в принятом в 1980 г. специальном «положении о группах трудовой солидарности» лишь в начале указывалось, что «политика по организации таких групп основывается на хороших традициях трудящихся и должна соответствовать целям постепенного перехода к социализму». Главной же причиной коллективизации были названы объективные экономические условия, сложившиеся в стране: «нехватка людских ресурсов, частичная или полная потеря трудоспособности определенной частью сельского населения, большие потери тяглового скота, сельскохозяйственного инвентаря, разрушение ирригационных сооружений, дорог и жилищ»[20]. Все эти трудности могли быть преодолены только общими усилиями крестьян.

Официально было объявлено, что в отличие от коммун «красных кхмеров» новые группы должны формироваться на принципах добровольности вхождения в них крестьян. Официальный орган нового режима газета «Кампучия» отмечала: «Недопустимо силой заставлять крестьян вступать в ГТС. Они должны самостоятельно решать

этот вопрос... Соблюдение принципа добровольности при организации групп отвечает интересам укрепления революции»[21].

Очевидно, что подобные высказывания газеты были не более чем пропагандой, причем пропагандой вынужденной — ведь провести коллективизацию, подобную той, что устроили «красные кхмеры», у новых властей не было возможностей. Однако сам факт распространения информации о том, что коллективизация проводится на принципах добровольности, уже подразумевал возможность частного землевладения или отказа отдельных крестьян вступать в ГТС.

Все эти особенности «второй коллективизации» обеспечили ее «мягкость» и способствовали тому, что процесс нового обобществления прошел довольно быстро и безболезненно. За короткое время практически все крестьянское население основных рисопроизводящих районов вошло в новые группы коллективного труда. Это был несомненный успех властей, связанный на самом деле с несколькими малозависящими от них причинами. Во-первых, у крестьян, несомненно, еще не была изжита инерция страха, выработанная за годы правления «красных кхмеров», привычка к беспрекословному подчинению каждому решению начальства. Многие из них просто боялись не выполнить указания местного руководства. Во-вторых, тогда, в условиях послевоенной разрухи и угрозы голода, в деревне действительно существовала активная взаимопомощь людей, когда «крестьяне помогали друг другу не только в производстве риса, но и в строительстве домов, уходе за больными и истощенными людьми»[22]. Действия властей вписывались в реально существовавшие отношения в деревне и не противоречили интересам людей. В-третьих, основные рисопроизводящие районы в 1979–1980 гг. нуждались в масштабных восстановительных работах, которые предстояло провести крестьянам.

Дело в том, что в период правления «красных кхмеров» было изменено землеустройство: на обширных площадях разрушены традиционно небольшие рисовые чеки площадью от 23 до 60 аров и созданы обширные от 40 до 150 га, но малопродуктивные поля[23]. Необходимо было и восстановить ирригационные системы, вновь отстроить разрушенные в ходе переселений и вооруженных конфликтов деревни. Такие работы в Камбодже традиционно проводились всем миром, поэтому крестьяне тогда если и не стремились к созданию организации, способной объединить их для совместного труда, то, по крайней мере, и не были против этого.

Как мы видим, в 1979–1980 гг. курс новых властей на распространение коллективных форм организации труда не противоречил реальным интересам большинства крестьян и логике преодоления разрухи в деревне, поэтому ГТС и стали в этот период главной силой восстановления села.

Период 1979–1980 гг. интересен еще и тем, что появление семейной экономики и возможность аренды свободных земель наряду с набиравшим силу свободным товарообменом привели к тому, что впервые за долгие годы у людей появился личный интерес вырастить больше риса или овощей и возможность обменять их на соответственно большее количество товаров на свободном рынке. Этот рынок с конца 1979 г. стал насыщаться не только предметами, поступавшими в порядке международной помощи, но еще и подпитываться стремительно развивавшейся контрабандой из Таиланда и Вьетнама. Заинтересованность крестьян в результатах своего труда привела к тому, что в 1980 г. площадь обрабатываемых земель увеличилась уже до 1 441 470 га, т. е. более чем в полтора раза по сравнению с 1979 г. Валовый сбор риса возрос до 1 876 220 т, т. е. более чем на 1 млн. т. Выросла и урожайность: с 1 т в 1979 г. до 1,17 т с гектара в 1980. Расширились отводимые площади и под так называемые дополнительные культуры — кукурузу, батат, маниоку, а также под овощи[24].

В то же время объективно обусловленная, но временная заинтересованность крестьян в коллективной форме организации труда была истолкована руководством НРПК как их готовность к новому этапу обобществления. А это было не так, напротив, по мере стабилизации положения, восстановления инфраструктуры в деревне на первый план вышли проблемы перехода к традиционному семейному крестьянскому хозяйству. В противовес этой объективной тенденции власти предпринимали активные попытки продолжать обобществление дальше, вообще исключить в деревне единоличный крестьянский труд и вернуться к коллективному труду и уравнительному распределению.

Особенно полно курс на насаждение в стране коллективных форм труда и обобществления был сформулирован в документах прошедшего в конце мая 1981 г. IV съезда НРПК. Этот съезд, на котором доминировал Пен Сован, провозгласил: «Отныне мы будем строить социалистическое общество на основе принципов подлинного марксизма-ленинизма ... Это единственный путь к национальному и социальному освобождению, построению счастливой жизни для народа»[25].

Программа «движения к социализму», выдвинутая на съезде, предусматривала, как уже отмечалось, политическое развитие Камбоджи в условиях однопартийности, при руководстве авангардной партии. В экономическом разделе утверждалось, что в экономике Камбоджи существуют три сектора — государственный, коллективный и частный, ведущим из которых назывался государственный[26], призванный стать основой для становления нового строя. В этот сектор были включены промышленность, транспорт, практически все торговые и сельскохозяйственные предприятия. Какой-то системы в организации госсектора не было, так как его образование диктовалось идеологическими, а не практическими соображениями, — ведь новые власти не располагали ни капиталом, ни сырьем, ни квалифицированными управленцами, чтобы обеспечить восстановление национальной промышленности и торговли. Поэтому на протяжении всего периода политики жесткого государственного контроля и примата госсектора этим отраслям так и не удалось выйти даже на уровень 60-х годов.

Другой сектор экономики, названный коллективным (*самохопхиен*), охватывал в основном аграрную сферу — в него вошли группы трудовой солидарности, которые, как мы уже отмечали, были повсеместно созданы в 1979–1980 гг. В принятых на съезде документах настойчиво подчеркивалась необходимость развивать этот сектор «на путях перевода на социалистические рельсы»[27].

Таким образом, движение к социализму правившая верхушка понимала как процесс постепенного, все более полного обобществления в деревне, с одной стороны, и увеличения административно-распорядительных функций государственного и особенно партийного аппарата — с другой. В то же время в экономической программе, принятой на съезде, признавалось и наличие в стране частного сектора, который составляли крестьяне, не вошедшие в ГТС, торговцы, некооперированные кустари. Ничего не сказать об этом секторе было невозможно, поскольку, появившись стихийно, он, несмотря на постоянное давление и запреты, играл все более заметную роль в национальной экономике. В программе существование его рассматривалось как мера временная и вынужденная. Считалось, что по мере укрепления «социалистической экономики» он должен отмереть сам собой. Никакой поддержки частному сектору обещано не было, однако было отмечено и то, «что частная инициатива, особенно в торговле, на нынешнем этапе содействует оживлению экономики, улучшению материального положения населения»[28].

Уже подобное упоминание само по себе было шагом в сторону реализма в политике новых властей, первым убедительным свидетельством наличия в партии иных взглядов на развитие деревни. До этого ни в одном из партийных документов ни о частной инициативе, ни о частной торговле ничего положительного не говорилось. Налицо было лишь очевидное желание новых властей уничтожить все проявления, «чуждые истинному марксизму»[29].

О взглядах, господствовавших в партии в то время, довольно откровенно написал Хун Сен, бывший в начале 80-х членом Политбюро ЦК НРПК и министром иностранных дел. В своей книге, опубликованной в Пномпене в 1989 г., он отмечал: «Совершив народно-демократическую революцию, мы полагали, что сможем сразу же строить социалистическую экономику, разрешая только государственную, кооперативную форму собственности и только дополнительно семейную. Мы считали, что сможем избежать появления частной экономики, к тому же уничтоженной еще во время полпотовского режима, полагали, что ее и не требуется восстанавливать. Установка на запрещение частной экономики проводилась в жизнь длительное время, несмотря на то, что в реальной действительности такая экономика образовалась и развивалась в сельском хозяйстве, ремесленном производстве, в торговле и на транспорте. Мы игнорировали это вплоть до 1984 г., когда на первой конференции кадровых работников НРПК о существовании частной экономики в стране было официально заявлено, и она была признана»[30].

Особенно малопродуктивной борьба против частной экономики оказалась в аграрной сфере. Успех начального этапа «второй коллективизации» (1979–1980 гг.), когда по всей стране возникли группы трудовой солидарности (ГТС), породил иллюзии в руководстве, что с таким же успехом сможет пройти и новый этап коллективизации. Он должен был состоять в постепенном все большем обобществлении сельскохозяйственного инвентаря, земли, крестьянского труда на базе уже действовавших групп. В 1979 г., по данным официальной статистики, в стране насчитывалось 54 952 ГТС, в 1980 г. их число за счет разукрупнения увеличилось до 95 409. Группы по 40–60 семей оказались нежизнеспособными, ими было трудно управлять, организовывать их труд и распределять произведенный продукт. С 1980 г. число семей в ГТС уменьшилось до 10–15. Лишь некоторые группы включали менее 10 или более 20 семей[31]. В целом же с 1980 по 1984 г., несмотря на то что групп стало больше в полтора раза, число крестьянских

хозяйств, входивших в них, осталось фактически прежним. За пять лет число семей, объединенных в ГТС, возросло всего на пять с половиной тысяч — с 128 510 до 134 000[32].

Официальные данные о числе крестьян, не входивших в ГТС, никогда не публиковались. Однако простейшие подсчеты показывают, что в начале 80-х годов крестьянских семей, которые вели самостоятельное хозяйство с собственными орудиями труда, напрямую или через посредников связанных с рынком, насчитывалось лишь несколько тысяч. Как отдельная форма землевладения упоминались они очень редко. Например, в той же директиве Народно-революционного совета Камбоджи (НРСК) «О распределении урожая в сельской местности» говорилось, что «есть еще немного людей, не объединившихся в группы солидарности и добывающих средства к жизни единолично или работая артельно»[33]. О реальном существовании этой социальной группы после длительного перерыва было сказано и в опубликованных в газете «Пномпень» специальных разъяснениях к введенному в 1982 г. так называемому «патриотическому вкладу» (сельскохозяйственный налог): «Мы не можем позволить, чтобы крестьяне вступали в ГТС только из-за материальной выгоды. Членство в ГТС само по себе не дает и не будет давать преимущества перед единоличниками»[34]. Подтверждением стабильного существования на протяжении всех 80-х годов крестьян-единоличников может служить и свидетельство Хун Сена. В своей книге он отмечал, что «часть крестьян не состояла в группах солидарности и обеспечивала производство лишь силами своей семьи»[35].

Экономическое положение крестьян-единоличников, в отличие от большей части крестьян, состоявших в ГТС, характеризовалось двумя основными чертами: отсутствием общегрупповой организации и регулярного передела земли, т. е. выделенные или новоосвоенные участки пахотной земли возделывались на правах постоянного и, судя по практике, существовавшей кое-где на местах, даже наследственного владения. Вплоть до выхода в 1989 г. соответствующего закона, характерной чертой этой социальной группы оставалась неопределенность ее землевладельческих прав. Эта категория состояла из крестьян, которых не успели объединить в ГТС в 1979–1980 гг., а позже, когда ГТС проявили свою неэффективность и «вторая коллективизация» сошла на нет как бы сама собой, они так и остались при собственном хозяйстве.

В остальном же экономическое положение крестьян-единоличников мало чем отличалось от положения членов групп трудовой соли-

дарности третьей или низшей формы (ГТС-3). Эти группы в официальных документах причислялись к низшей форме коллективизации и были распространены в Камбодже довольно широко. В 1984 г. из всех 102 950 групп страны в ГТС-3 входило, по официальной статистике, 35% (36 032)[36].

Низшей формой коллективизации ГТС-3 называли потому, что до намечаемых в перспективе коммун «нового общества» им по всем параметрам было очень далеко. С общеэкономической точки зрения крестьяне в ГТС-3 по своему положению отличались от единоличников, как уже было отмечено, лишь общегрупповой организацией и регулярным, особенно в начале 80-х годов, переделом земли. Сам порядок этого передела не был официально зафиксирован ни в одном из правительственных документов и зависел во многом от воли конкретных представителей власти на местах. О том, что перераспределение земли в ГТС-3 проходило ежегодно, можно судить по сообщениям печати, утверждавшей, что «передел земли в группах носит в целом справедливый характер»[37]. Во время передела учитывалось качество выделяемых участков, размеры семьи, число трудоспособных членов. Орудия труда, тягловый скот, выращенный урожай — все это оставалось в полной собственности крестьянской семьи.

Несомненно, что и неопределенность землевладельческих прав и неоформленность четких и понятных правил земельных переделов, зависимость их от воли местных чиновников суть продолжение чисто кхмерской традиции, истоки которой уходят еще в доколониальные времена. Тогда тоже неопределенность земельного и налогового законодательства была одной из гарантий господства административного аппарата на местах и давала широкие возможности для разного рода злоупотреблений. На новом витке своей истории коммунистический режим, как это ни парадоксально, вынужден был вернуться к примерно такому же традиционному механизму, который принуждал крестьян признать новые властные структуры и вступить с ними в хозяйственные отношения: ведь каждая семья понимала, что качество получаемого во владение земельного надела и ее благополучие зависят от воли местных администраторов.

Таким путем новые власти восстановили традиционное для Камбоджи господство административного аппарата над крестьянами. Это, однако, стало первым и последним успехом аграрной политики. Добиться в ГТС-3 более высокого уровня обобществления властям не удалось, и на состоявшейся в феврале 1984 г. сессии Национального

собрания НРК было заявлено, что члены ГТС-3 «являются практически единоличниками»[38]. Эта же оценка групп этой категории была дана и в 1987 г. журналом «Неак кхусна», который констатировал, что «ГТС-3 имели форму и содержание, присущие частному, отдельному единоличному труду»[39]. Руководитель группы, действовавший в соответствии с указаниями местной администрации, мог предоставить отдельной семье кредит на нужды производства, взять на себя распределение минеральных удобрений, семян, орудий труда, передаваемых из государственных фондов. Но главные его функции состояли в том, чтобы следить за политической лояльностью крестьян, за их настроениями, вести агитацию в поддержку власти.

Группы трудовой солидарности второй категории почти не отличались от причисляемых к третьей категории, в 1984 г. их было 56 623, или 55 % всех групп, существовавших в стране[40]. ГТС-2 представляли собой одну из форм традиционной кхмерской сельскохозяйственной системы *провоах дай* (мера труда). Она состояла в том, что крестьяне объединялись лишь при выполнении наиболее трудоемких видов земледельческих работ (как правило, во время посадки и уборки урожая риса). Причем в кооперацию входили не просто соседи, а семьи, связанные родственными узами. Таким образом, ГТС-2 являли собой конгломерат нескольких семейных кланов, а иногда состояли из одного семейного клана. Французский исследователь Ж. Дельвер, изучавший основные сельскохозяйственные районы Камбоджи в 50-е годы XX века, в частности, выяснил, что все жители небольших деревень были родственниками, и хотя общинных земель как таковых не существовало, постоянным фактором деревенской жизни оставалась взаимопомощь между соседями-родственниками[41].

Система *провоах дай* (или, как ее называл Дельвер, *йок дай*, т. е. «одалживание рук»)[42] действовала следующим образом: каждый семейный клан получал в свое пользование участок земли и после совместно выполненной вспашки, а часто и высадки рассады, земля распределялась между семьями, а те уже самостоятельно ухаживали за посадками и собирали урожай, который и поступал в их распоряжение. Состоявшая в ГТС-2 крестьянская семья оставалась единоличным владельцем орудий труда и своего скота, а распределением земли по семьям занимался комитет, ежегодно избираемый общим собранием группы. Работу этого комитета должен был направлять представитель местной администрации.

В разгар «второй коллективизации» были попытки организовать еще и общий материальный фонд ГТС-2. Он должен был создаваться за счет взносов каждой крестьянской семьи, отчислявшей в него часть собранного риса. Этот фонд должен был предназначаться для расчетов при аренде тракторов, закупках, обмене инвентаря, а также для выплаты вознаграждения тем семьям, которые выполняли какие-либо работы в интересах всей группы. Широкого распространения общий материальный фонд в ГТС-2 не получил как из-за того, что «вторая коллективизация» быстро сошла на нет, так и потому, что на деле превратился в очередную «кормушку» для местного начальства. Нормы сдачи риса в этот фонд определены не были, впрочем, как и нормы расходов, а это, по свидетельству прессы, «открывало возможность многочисленных злоупотреблений»[43].

Как видим, и ГТС-3 и ГТС-2 практически по всем параметрам оставались далеки от желаемого партийным руководством идеала обобществления: принципы коллективизма в них были чисто формальными, искусственно навязанными сверху. Совсем иначе обстояло дело в группах солидарности первой категории (ГТС-1).

По своей численности ГТС-1 сильно уступали ГТС-2 и ГТС-3 и в 1984 г. таких групп насчитывалось 10 250 (10% общего числа ГТС)[44]. Это были небольшие сельскохозяйственные кооперативы, где производство велось совместным трудом крестьян на земле, выделенной им государством. В этом состояло первое существенное отличие ГТС-1 от групп других категорий, в которых земля был передана под обработку отдельным семьям. Первое время у членов ГТС-1 вообще не было собственного участка земли, лишь в 1980 г. им разрешили считать землю, прилегающую к их дому, личным приусадебным участком. Несколько позже при закате «второй коллективизации» отдельные семьи в ГТС-1 получили право аренды свободных земель, прилегающих к основным пахотным площадям.

Коллективное землевладение дополнялось, если можно так сказать, полуколлективным использованием сельскохозяйственного инвентаря. Личные орудия труда в ГТС-1, как правило, официально не обобществлялись. Однако в период основных сельскохозяйственных работ члены ГТС-1 обязаны были предоставить в общее распоряжение свой личный инвентарь, получая за это определенную компенсацию[45]. В этих группах был и коллективный фонд орудий труда, который обычно образовывался из двух источников — во-первых, простейший сельскохозяйственный инвентарь поступал в распоряжение

группы из государственного арсенала, и во-вторых, сюда же попадало имущество крестьян, так и не вернувшихся в родную деревню после полпотовских репрессий и переселений. Все принадлежавшие им орудия труда передавались в общий фонд ГТС-1.

Что касается тяглового скота, то его использование в ГТС-1 регулировалось специальным постановлением совета министров НРК «О стимулировании разведения быков и буйволов»[46]. Анализ этого постановления представляет определенный интерес, так как оно дополняет наше представление о масштабах обобществления в деревне. В этом документе, принятом в 1982 г., официально устанавливались две формы собственности: «коллективная собственность» (*камсат руом*) групп трудовой солидарности и «частная собственность» (*камсат аекочун*) крестьянских семей.

К коллективной были причислены тягловые животные, купленные ГТС или «добровольно» переданные ей крестьянами. К «частной» был отнесен скот, купленный крестьянскими семьями на собственные деньги, а также разобранный прежними владельцами после краха Демократической Кампучии. Любопытно, что сначала он передавался им только на условии «коллективного использования в ГТС». К частной собственности был отнесен и так называемый «бесхозный скот», пасшийся по лесам, который отдельные семьи стали держать также для «использования в ГТС».

В постановлении указывалось, что необходимо передавать «коллективный скот» семьям, имевшим опыт в животноводстве, и выплачивать им определенное вознаграждение за его содержание. Такие семьи получили право частного использования (*сыт праы прах аекогочун*) «коллективного скота» для развития своего собственного хозяйства при условии постоянной заботы о животных. За использование же в коллективных работах «частного скота» предусматривалось выплачивать вознаграждение хозяевам (за каждый день аренды, либо по окончании сельскохозяйственного сезона за все дни использования животных). Только после завершения коллективных работ в ГТС семьи — хозяева «частного скота» получали право использовать его на приусадебных участках. В период же основных сельскохозяйственных работ в обязательном порядке все тягловые животные, находившиеся и в частном владении, должны были использоваться в интересах всех членов ГТС[47].

Таким образом, можно сказать, что «различие между коллективным и частным владением скотом было чисто условным, поскольку

реальное положение семей — владельцев «частного скота» и семей, содержавших «коллективный скот», почти совпадало: и те и другие имели право использовать тягловый скот в семейной экономике лишь после завершения работ на землях ГТС»[48]. Разница же между ними сводилась к чисто количественной стороне проблемы — размерам и источникам вознаграждения за содержание скота. Семьи, содержавшие «коллективный скот», получали за это вознаграждение от ГТС, а владельцев «частного скота» вознаграждали за его использование в работах на землях ГТС, т. е. фактически за его, если можно так сказать, принудительную аренду.

Еще одной мерой, закреплявшей государственный контроль над «частным скотом», стало наложение запрета на его убой без разрешения соответствующих органов. Незаконный убой влек за собой конфискацию мяса и штраф в 100 риелей (6–8 долл. в ценах 1982 г.) за каждое забитое животное. Кроме этого, в тех районах, где, как считало руководство, тягловых животных было в избытке, вводилась система их принудительного изъятия из частного владения, правда, с определенной компенсацией. Эта игнорировавшая частновладельческие права крестьян мера объяснялась «государственной необходимостью более равномерного распределения скота по стране»[49]. Другой довод, приводимый в объяснение принудительного изъятия скота, состоял в том, что, «отдавая за бесценок свой собственный скот, крестьяне выполняют свой патриотический долг, оказывая помощь районам, где ощущалась его острая нехватка»[50].

Регламентации подверглась и вся система торговли тягловыми животными. Владелец личного скота не мог его продать по своему усмотрению, а мог сделать это только с разрешения народно-революционного комитета кхума, при условии, что потенциальный покупатель «действительно нуждается в приобретении животных»[51]. Тем самым был поставлен запрет на концентрацию тяглового скота у отдельных крестьян, к тому же сам процесс купли-продажи мог происходить только в установленное местной администрацией время и в установленном месте. Нарушители должны были преследоваться по закону, их сделки объявлялись недействительными, а животные конфисковывались в пользу государства.

Таким образом, несмотря на то что официально частное владение скотом запрещено не было, реальных прав распоряжения этим скотом как своей собственностью крестьяне не имели. Фактически государство взяло в свои руки решение всех вопросов, связанных с владением

и использованием тяглового скота, т. е. выступило в качестве его реального собственника. Бывшие же его собственники превратились во временных держателей, ограниченных в своих правах тотальной регламентацией. Подобная политика, фактически лишавшая крестьян всякого интереса к увеличению поголовья тяглового скота, имела крайне негативные экономические последствия для сельского хозяйства Камбоджи. Достаточно сказать, что даже к 1989 г., как следует из официальных статистических данных, общее число быков и буйволов в стране так и не достигло уровня конца 60-х годов[52].

Фактическая передача скота в собственность государства стала одной из составляющих процесса первоначального накопления, протекавшего под эгидой административного аппарата на местах. Дело в том, что долгое время права отдельных семей на общественный скот никак не конкретизировались, и распределение волов и буйволов по семьям входило в компетенцию местных руководителей. Злоупотребления при такой системе были неизбежны и постепенно местное руководство, как свидетельствовала кхмерская печать, «во многих местах просто присваивало себе общественный скот и сдавало его нуждающимся семьям за деньги либо за услуги»[53]. Особенно острые столкновения за контроль над общественным стадом между членами ГТС-1 развернулись после официального разрешения отдельным семьям обрабатывать пахотные земли, прилегавшие к основному общественному клину. Печать сообщала о многочисленных случаях, когда семьи отказывались передавать «своих» волов и буйволов на откорм другим членам ГТС-1, потому что это сразу же пагубно сказывалось на их материально-экономическом положении, особенно в условиях нараставшего развала ГТС-1[54].

ГТС-1 отличались от ГТС-2 и ГТС-3 также и системой оплаты и распределения. Принятая в ГТС-1 система распределения была утверждена еще в декабре 1979 г. известной директивой «О распределении урожая в сельской местности», затем дополнена осенью 1980 г. специальным постановлением НРСК «О распределении сельскохозяйственного урожая в группах трудовой солидарности»[55]. Эта система предусматривала три основных принципа распределения: по трудодням (в наиболее благополучных районах); по числу едоков в семье, т. е. чисто уравнительное (в районах, где ощущалась нехватка продовольствия); комбинированное (частью по трудодням, частью — уравнительное).

Организационная структура ГТС-1 во многом копировала казалось бы канувшие в лету в 1979 г. полпотовские «большие бригады» (*конг тхом*). Все крестьяне так же — в зависимости от физических кондиций, состояния здоровья, возраста — делились на три основные категории: ударную рабочую силу, вспомогательную рабочую силу и нетрудоспособных (старики, дети, больные и т.д.). Тем, кто интенсивно работал на полях, за смену начислялся один трудодень, кто работал неполный рабочий день, — 0,7–0,8 трудодня, те же, кто совсем не мог работать, получали 0,4–0,5 трудодня[56].

Очевидно, что такая система распределения лишала людей настоящих стимулов к труду. Получалось, что так или иначе хорошо работавшие крестьяне должны были брать на себя пропитание тех, кто работал хуже. Изначальная неэффективность подобной системы усугублялась чисто субъективным подходом к распределению выращенного урожая. Формально считалось, что урожай подлежал распределению на общих собраниях членов группы. Однако на самом деле этот процесс, по сообщениям камбоджийской печати, полностью контролировался председателем группы либо его заместителем[57]. Именно в их обязанности входил учет общего числа трудодней, а также выполненных крестьянами работ с указанием их вида и объема. Они могли зачесть одни дни работы и не зачесть другие, могли добавить трудодни за важность той или иной работы, а могли и вычесть их. На практике получалось, что крестьяне в ГТС-1 оказывались в полной зависимости от своих руководителей, которые в свою очередь зависели от чиновников районного уровня (кхума).

В 1984 г. на сессии Национального собрания НРК отмечалось, что «местные власти вынуждены часто освобождать от работы руководителей ГТС-1, так как они не только не способны правильно организовать труд членов ГТС-1, но и заняты личным обогащением и дискредитируют идеалы революции»[58]. Среди ГТС-1 выделялись и так называемые образцовые группы — наиболее «сильные» ГТС, в которых организация труда была, по словам кхмерской печати, «наиболее совершенной», а прибыль более высокая, чем у других групп. Их было немного, скорее всего, одна-две на целый уезд или провинцию[59], но «урожайность в них, благодаря правильной агротехнике и организации труда была в 4–5 раз большей, чем в среднем по стране»[60].

Такие рекордные для Камбоджи результаты (если они действительно были) достигались за счет того, что «образцовые» группы создавались на самых плодородных землях и фактически полностью

обеспечивались всем необходимым местными органами власти. Эти группы играли роль своего рода флагмана или маяка, они вели тракторную вспашку полей, пользовались чрезвычайно дефицитными в Камбодже минеральными удобрениями, высокоурожайными сортами семян. По замыслу властей, эти группы должны были продемонстрировать эффективность коллективного труда, создать и пропагандировать образец, к которому должны были стремиться и обычные ГТС-1 и группы других категорий.

В схеме построения «нового общества» ГТС-1 и «образцовые» ГТС-1 занимали чрезвычайно важное место. Влиятельные в руководстве партии сторонники «правильного социализма» желали видеть в них хозяйственные единицы нового кооперативного сектора социалистического уклада, некие плацдармы социализма в кхмерской деревне. Они утверждали, что на основе коллективного труда и коллективных форм собственности на базе этих групп появились возможности для образования новой социальной категории камбоджийского общества — кооперированного крестьянства. На сессии Национального собрания в 1984 г. указывалось, что возникновение этой новой социальной группы происходит в «образцовых» и так называемых «сильных» ГТС-1, где «традиции совместного труда достаточно укоренились, а его результаты хорошо видны». При этом отмечалось, что многие ГТС-1, по существу, суть переходная форма от ГТС-2. В них до сих пор существует практика, когда земля, выделенная государством в распоряжение группы, обрабатывается на принципах ГТС-1, а свободные земли вокруг группы, отданные отдельным семьям, возделываются по системе «провоах дай», то есть по форме групп второй категории»[61].

Подобного рода теоретические построения относительно кооперированного крестьянства как новой социальной группы камбоджийского общества сочетались с утверждениями о том, что новая коллективизация должна поднять экономические отношения в деревне на «правильный, подлинно социалистический уровень»[62]. Под таковым подразумевались производственные отношения в ГТС-1 и образцовых ГТС, которые должны были широко распространиться по всей стране. Газета «Кампучия» отмечала: «Наше продвижение вперед состоит в укреплении числа групп первой категории, которые являются базовым образцом социалистической экономики»[63]. Советские дипломаты сообщали в то время, что «по мнению кампучийских товарищей, подобная форма кооператива (ГТС-1. — *Д. М.*) является наиболее прогрессивной на

современном этапе, поскольку именно в ней создаются предпосылки перехода к следующему этапу кооперирования — созданию крупных социалистических хозяйств»[64]. Из этого сообщения можно однозначно заключить, что критерием прогрессивности для властей НРК, впрочем, как и раньше для «красных кхмеров», был уровень обобществления, а не эффективность производства. Например, ГТС-3 «кхмерские товарищи» называли «наиболее отсталой формой кооператива, которая распространена в наименее экономически развитых провинциях, расположенных на востоке и северо-востоке страны»[65].

Итак, судя по всему, руководство страны полагало, что высокий уровень обобществления и коллективный труд априори гарантируют и бóльшую эффективность производства, чем частное хозяйство. Такие представления препятствовали выбору прагматичного, отвечающего интересам большинства крестьян и национальной экономики экономического курса.

Ни в 1979, ни в 1980–1981 гг. никакой официальной статистики о числе групп первой, второй и третьей категории нигде не приводилось. В прессе сообщалось лишь об успехах ГТС-1 и совершенно не упоминалось о существовании ГТС-2 и ГТС-3. Только в 1983 г., когда по поводу «второй коллективизации» разгорелись дебаты в верхах НРПК, департамент управления сельским хозяйством при министерстве сельского хозяйства обнародовал данные, из которых следовало, что в 1979 г. из более чем 50 тыс. ГТС лишь 3 % относились к первой категории, 27 % — к второй и 70 % — к третьей[66].

Как видим, в 1979 г. группы коллективного труда и уравнительного распределения (ГТС-1) охватывали ничтожное число людей, а в массе своей крестьяне фактически сохранили единоличный тип хозяйствования, хотя и вошли формально в ГТС-3. В закрытом постановлении ЦК НРПК планировалось все группы второй и третьей категории за 2–3 года превратить в ГТС-1, число которых соответственно уже в 1980 г. увеличивается почти в 12 раз — с 3 до 35 %, тогда как ГТС-3 — падает с 70 до 25 %[67]. Эти меры немедленно вызвали массовое недовольство крестьян, и десятки тысяч людей, особенно в приграничных с Таиландом районах, спасаясь от насильственного обобществления, перешли камбоджийскую границу. Там, где это было невозможно, крестьяне начали сокращать площади земель, взятые для обработки. Последствия таких перемен сказались не сразу: урожай 1980 г., посаженный еще до начала «второго этапа» коллективизации, оказался на редкость удачным и более чем в два раза превосходил

полученный в 1979 г. В этот год пахотная площадь составляла 1 млн. 441 тыс. га, а необрушенного риса (падди) собрали 1 млн. 876 тыс. т при средней урожайности 1,17 т/га[68]. Однако уже посевная кампания 1980/81 г. показала, что насильственная коллективизация при примитивной материально-технической базе и использовании простейших орудий труда, тягловой силы животных, традиционной технологии выращивания риса завела страну в тупик. Полевые работы в новых ГТС-1 выполнялись, по признанию печати, очень медленно[69], а на деле крестьяне, особенно в основных сельскохозяйственных районах, начали сокращать обрабатываемый клин до таких размеров, которые удовлетворяли лишь их потребности. В 1981 г. посевная площадь еще увеличилась на 50 тыс. га по сравнению с 1980 г.[70], но лишь за счет освоения ранее заброшенных земель. Если учесть, что еще в 1968 г. под обработкой было почти 2,5 млн. га, то это означало фактически стагнацию процесса восстановления пахотных земель. Что же касается урожая 1981 г., то он оказался намного хуже, чем в 1980 г., составив лишь 1 млн. 678 тыс. т[71]. На 0,7 т уменьшилась и урожайность риса с гектара. Ни 1982, ни 1983 год ощутимого прогресса не принесли, а в 1984 г. над страной вновь нависла угроза голода: площадь обрабатываемых земель сократилась до 1 млн. 411 тыс. га, а риса собрали только 1 млн. 258 тыс. т при средней урожайности 0,90 т/га[72]. Министр сельского хозяйства НРК сказал послу СССР в Пномпене, что «неурожай 1984 г. из-за неблагоприятных погодных условий вызовет в текущем году определенную нехватку пищевого риса»[73]. Масштабы этой «нехватки» озвучил помощник Генерального секретаря ООН по вопросам координации международной помощи Кампучии Т. Кунуги, сообщивший, что продовольственный дефицит в Камбодже к осени 1985 г. составит 360–380 тыс. т[74].

Вся эта статистика подтверждает хорошо известную истину: «из-под палки» сельское хозяйство развиваться не может. Во многих областях Камбоджи крестьяне не хотели расширять посевные площади, увеличивать производство продовольствия, выращивать более одного урожая в год. В провинции Преахвихеа вообще население довольствовалось одним урожаем в 2–3 года[75]. В таких условиях простая кооперация не могла ни при каких обстоятельствах дать производительную силу, превосходящую количественно и качественно сумму индивидуальных производительных сил участников кооперации. Успех простой кооперации может быть достигнут только тогда, когда личностный фактор производства — рабочая сила — в обоих

случаях функционирует с одинаковым напряжением. А если этого нет, то и производительность труда и масса продукции, приходящаяся на одного работника, будут ниже в группах с формальным обобществлением, чем в единоличном хозяйстве.

Падение уровня сельскохозяйственного производства, уменьшение площади обрабатываемых земель правительство попыталось приостановить, введя сельскохозяйственный налог, громко названный *випхиекотиен снеха тийет* — патриотическим вкладом. Главной целью его введения было объявлено создание равных условий хозяйствования для всех ГТС, независимо от того, какие по плодородию земли ими обрабатывались. «Раз в ГТС существует равенство между всеми их членами, то это равенство должно существовать и между всеми ГТС», — писала по этому поводу газета «Кампучия»[76]. Но, по всей видимости, не столько идеологическими, сколько чисто прагматическими соображениями объяснялось введение «патриотического вклада». Власти стремились изъять больше риса у крестьян и, таким образом, хоть как-то компенсировать его недополучение в форме обязательных государственных поставок. Руководители режима полагали к тому же, что новый налог вынудит сельских производителей увеличить соответственно площадь обрабатываемых земель и тем самым вырастет и общий объем риса, получаемого в целом по стране.

Для взимания «патриотического вклада» Камбоджа была разделена на три основные зоны. К первой зоне, где урожайность достигала или превышала 1 т риса с 1 га, относились плодородные земли чамкар, расположенные вокруг озера Тонлесап, в пойме Меконга в провинции Кампонгчам, а также отдельные участки земель в провинциях Кандал, Прейвенг, Свайриенг, Баттамбанг, Кампонгтхом. К второй зоне, в которой урожайность не превышала в целом 0,8 т с 1 га, были отнесены так называемые «высокие земли», т. е. не затапливаемые водами ни Меконга, ни Тонлесапа рисовые поля, полностью зависящие от обилия дождей в основной сельскохозяйственный сезон. К третьей зоне, в которой урожайность оценивалась 0,6 т риса с 1 га, относились труднодоступные земли в горных районах провинций Ратанакири, Мондолкири, Преахвихеа, Стынгтраенг[77].

Выплата «патриотического вклада» должна была производиться раз в год — после сбора урожая в основной сельскохозяйственный сезон. В тех районах, где выращивали достаточное количество риса и в сухой сезон, налог разрешалось платить по частям два-три раза в год. От «патриотического вклада» освобождались земли,

пострадавшие от стихийных бедствий, а также ранее заброшенные и лишь недавно восстановленные участки. С них крестьяне могли не платить налог в течение двух лет, а с особо плодородных земель — пять лет[78].

Первоначально планировалось, что «патриотический вклад» должен иметь исключительно натуральное выражение и распределяться следующим образом: 10% — в центральный бюджет, 90% — в местные бюджеты (10% — кхуму, 15% — срока, 65% — провинции)[79]. Оценивая введенный налог, газета «Пномпень» отмечала, что, «хотя он и устанавливает определенное равновесие между ГТС в различных районах страны, он еще довольно несовершенен, приблизителен и требует дальнейших уточнений»[80]. Эти уточнения были сделаны в 1985 г.: наиболее плодородные земли, относившиеся к первой зоне, разделили еще на три категории — глинисто-песчаные почвы (дей лобей), все виды илистых почв (дей лобоб) и затапливаемые песчаные (дей ксать). Однако поскольку отсутствовал общий земельный кадастр, эффект от такой меры был невелик. Это признавали и власти. В одном из номеров газеты «Пномпень» отмечалось, например: «...Несмотря на введение "патриотического вклада", неравенство в положении групп сохраняется. Поэтому для большей справедливости местные административные органы сами должны устанавливать и определять величину налога в зависимости от состояния и качества земли, находящейся в распоряжении той или иной группы или отдельной семьи»[81].

Как мы видим, налог был отдан в руки местных администраций, которые получили возможность устанавливать величину «патриотического вклада» в широких пределах. Вся эта система очень походила на доколониальную практику сбора налогов, когда местный чиновник приходил к крестьянскому амбару и «на глазок» определял, сколько зерна следует отсыпать государству.

Такая практика порождала тогда масштабную коррупцию, то же самое повторилось при восстановлении этой системы в НРК. Официальные лица в Пномпене в частных беседах признавали, что крестьяне «сдержанно относятся к идее патриотического вклада»[82]. На деле они относились к ней не сдержанно, а резко отрицательно, и в большинстве своем, как могли, уклонялись от внесения «патриотического вклада». За все время его существования плановые сборы этого налога ни разу не были выполнены. По признанию журнала «Сахатип» (Профсоюзы), сделанному в 1985 г., «в деревне еще встречаются несознательные крестьяне, избегающие выплаты "патриотического

вклада", продающие выращенный ими урожай не государству, а частным торговцам»[83].

В середине 80-х, когда определяющее влияние на кхмерскую политику стали оказывать «прагматики», этот налог был резко видоизменен. С 1985 г. крестьянам было разрешено уплачивать его не в натуральном (рисом), а в денежном выражении из расчета государственной цены на рис[84]. Тем самым объявленные цели введения «патриотического вклада» оказались перечеркнутыми, так как крестьяне продавали свой рис частным торговцам по свободным ценам, а затем положенную часть вырученных денег передавали государству в порядке «патриотического вклада».

Что касается второй коллективизации, то поскольку она оборачивалась для развития сельской экономики катастрофическими последствиями, ее приостановили в 1983 г. Тогда, на пленуме ЦК НРПК, было принято решение о роспуске ГТС-1. В постановлении говорилось, что «в связи с тем, что конкретная ситуация и условия производства, квалификация управленческих и руководящих работников, а также уровень сознательности населения в разных провинциях и деревнях различны, то ГТС могут самостоятельно развиваться в поиске оптимальных форм управления и организации первого, второго и третьего типа[85]. Впрочем, приостановка коллективизации была названа «временной мерой» и объяснялась разными объективными и субъективными причинами. Среди объективных назывался «сохранившийся низкий уровень развития производительных сил в деревне, когда крестьянам в ГТС-1 не хватало минеральных удобрений, высокопродуктивного семенного материала и даже простых и необходимых орудий труда»[86]. В числе субъективных причин указывалось на слабую подготовку местного административного аппарата, на который и была возложена, прежде всего, вина за «временное замедление строительства основ социалистической экономики в деревне»[87].

Касаясь этого вопроса, газета «Кампучия» отмечала: «Наши управленческие кадры имеют большей частью низкий культурный уровень, им недостает опыта управления и поэтому им трудно руководить развитием сельскохозяйственного производства»[88]. В другом номере этой же газеты говорилось, что «руководство на уровне кхума (волости) часто не представляет, как надо управлять строительством нового общества в сельской местности»[89]. Проблема местных кадров заключалась в том, что чиновники на местах заставляли крестьян подчас жить и работать, как во времена Демократической Кампучии. Под обобществлением они

понимали не кооператив, а полноценную коммуну. Во многих кхумах и пхумах местные власти, желая, по-видимому, опередить новое постановление о дальнейшем обобществлении, проводили его сами, копируя опыт «красных кхмеров», тем более что прекрасно его освоили в недавние времена. Эта тенденция получила настолько широкое распространение, что состоявшаяся в ноябре 1984 г. Всекамбоджийская конференция руководящих работников, где уже ощущалось влияние «прагматиков» во главе с Хун Сеном, указала на невозможность организации жизни крестьян по принципу «вместе жить, вместе есть, как при режиме Пол Пота»[90]. Газета «Кампучия» в связи с этим писала, что «некоторые кадровые работники еще не до конца поняли коренное отличие групп солидарности от "коммун" Демократической Кампучии, не сознают еще, что главная цель этих групп — повышение уровня жизни народа»[91].

Характерно, что, критикуя местный административный аппарат, ни официальная пресса, ни партийное руководство не упоминали о коррупции и хищениях, которые стали буквально бичом большинства ГТС-1. Руководители групп и местная администрация не только обирали крестьян, но и расхищали практически весь рис, поступавший в так называемый «общий фонд группы», продавали его действовавшим полулегально торговцам и перекупщикам. Свое вмешательство в дележ урожая они часто объясняли тем, что «уровень понимания принципов ГТС у крестьян очень низок, что приводит к спорам вокруг качества и объема проделанной работы, вокруг распределения выращенного урожая»[92]. При этом они не скрывали своего растущего богатства, и, проезжая по камбоджийским деревням в 1984 г., я наблюдал, как рядом с соломенными хижинами простых крестьян возводится шикарный по камбоджийским понятиям дом на сваях с черепичной красной крышей. Почти всегда его хозяевами были либо местные руководящие чиновники, либо руководители ГТС и их родственники.

После ноябрьского 1983 г. пленума ЦК НРПК начался процесс буквально обвального распада ГТС-1. К середине 1984 г. они составили лишь 10%, а ГТС-3 — 35% от общего числа групп[93]. Вскоре ГТС-1 вообще исчезли, по крайней мере, в 1987 г. в провинциях Кандал и Кампонгспы их уже не стало[94].

Отход от политики новой коллективизации в деревне, которая должна была «открыть дорогу к построению подлинного и полного социализма в Кампучии»[95], в 1983–1984 гг. не только не афишировался, но всячески замалчивался властями. Это и понятно: результат

политической борьбы в верхах партии был еще неясен. Поэтому в практической политике был сделан резкий шаг в сторону товарных отношений и частнособственнического крестьянского хозяйства. В официальных же документах НРПК, в выступлениях ее руководителей не было и намека на то, что коллективизация остановлена, что она привела страну к серьезнейшему экономическому кризису. Предложение, сделанное близким к Хун Сену многолетним министром сельского хозяйства Конг Самолом о роспуске всех форм ГТС — как неэффективных, поддержки на пленуме не получило. Было достигнуто компромиссное решение о том, что в «интересах революции и всех земледельцев» крестьянам, покидавшим ГТС-1, разрешили лишь перейти на организацию труда на началах ГТС-2 и ГТС-3, но запретили вообще выходить из групп и переходить к индивидуальному хозяйству. Пленум отметил, что «строительство ГТС должно происходить по пути, намеченному партией, основными критериями их развития должно быть соответствие целям и задачам революции, интересам всех земледельцев»[96]. Такое решение свидетельствовало о том, что влиятельное консервативное крыло в партии рассчитывало в дальнейшем при более благоприятных обстоятельствах вновь скорректировать «цели революции» и вернуться к процессу коллективизации.

В принятом ЦК НРПК плане выполнения решений VII пленума предусматривалось, что «совершенствование системы ГТС пойдет по пути укрепления в них коллективистских основ» и что существующие три различные категории групп сольются в одну, единую для всей страны форму. «Необходимо всячески развивать и укреплять ГТС-1, — отмечалось в этом документе, — постепенно расширять их права по части руководства и управления производством, совершенствовать их материально-техническую базу»[97]. Группы второй категории, говорилось там, в настоящее время соответствуют в целом уровню развития хозяйства, интересам и целям большинства крестьян. Работу их членов необходимо направить на увеличение производства, тщательно ее контролировать, особенно процесс распределения урожая. В группах этой категории надо развивать привычку к коллективному труду, ослаблять частнособственнические интересы. Важная задача состоит и в подъеме уровня руководства в этих группах. Группы третьей категории по мере укрепления их материально-технической базы будут преобразованы в ГТС-2. Таким путем, на основе поступательного развития сельскохозяйственного производства в стране будет создана единая для всей Камбоджи форма ГТС»[98].

Нельзя не отметить, что аграрная программа 1983 г. почти полностью повторяла основные положения закрытого партийного постановления «О положении в деревне», которое было принято в конце 1979 г. В нем тоже речь шла о коллективизации, которая стала все шире разворачиваться в стране с первых месяцев 1980 г.[99] Однако постановление 1979 г. было документом непосредственного действия, оно фактически обозначило начало второй коллективизации. Постановление же 1983 г. как директивный документ выглядело несколько странным — оно не было сигналом к непосредственному действию. В нем говорилось, что новая коллективизация начнется лишь тогда, когда для этого будут созданы необходимые условия[100]. Кроме того, одобрение программы новой коллективизации почти совпало с распадом всей сложившейся за три года системы коллективного землевладения и труда. Напрашивается вывод, что документ, принятый на пленуме 1983 г., имел в основном пропагандистское назначение и должен был свидетельствовать о том, что, несмотря на решение о роспуске ГТС-1, стратегические цели и идеология партии остаются прежними.

2. Переход кхмерского села на рельсы рыночной экономики

Приостановка коллективизации и распад ГТС-1, распространение частной торговли и независимого от государства товарообмена формировали новую экономическую реальность для Камбоджи: на руинах так и не воссозданной бестоварной экономики вновь начала возникать и развиваться натурально-товарная система. Формировалась она стихийно и, несмотря на давление и зачастую открытое противодействие консервативной части партийной бюрократии, рассматривавшей ее элементы как «негативные явления, подлежащие полному искоренению»[101], быстро охватила почти все сферы крестьянской жизни. Так, в сфере землепользования и землевладения все шире практиковалась купля-продажа земли. Формально крестьянам было запрещено это делать, так как земля не была их собственностью, а принадлежала государству, которое предоставляло во временное пользование ГТС, а уже группа передавала ее во временное пользование отдельной семье. Преградой для купли-продажи земли служил и обязательный ежегодный передел в группе, широко распространенный в начале 80-х годов. Однако кризис сельскохозяйственного производства поломал эту

систему и, судя по ряду свидетельств во вновь образованных ГТС-2 и ГТС-3, земельные наделы передавались семьям в постоянное пользование[102]. Начиная с 1984 г. и вплоть до 1986 г. сообщения о переделах земли в группах вообще исчезают со страниц камбоджийской печати, что также говорит о том, что эта практика была прекращена.

Переход земельных наделов в постоянное пользование крестьян, прекращение земельных переделов в группах открыли возможности не только для купли-продажи земли, но и для возрождения издольной аренды, когда владелец земли сам ее не обрабатывает, а сдает в аренду. IX пленум ЦК НРПК, состоявшийся осенью 1984 г., отреагировал на это явление специальным решением, в котором говорилось, что «запрещаются любые формы купли-продажи земли, ее аренды или батрацкого труда на ней»[103]. В этом же постановлении особо подчеркивалось, что «земля является государственным имуществом, управление ею и использование должно гарантировать ее хорошее состояние и порождать производственные отношения, соответствующие движению к социализму»[104]. Попытки приостановить рост частной экономики на селе продолжались, и в июне 1985 г. решение пленума было подкреплено постановлением правительства НРК, доводившим до сведения населения, что «любой человек, который покупает, продает, арендует землю или нанимает работника для работы на своем земельном участке, под какой бы формой это ни делалось, должен быть осужден по декрету правительства»[105].

Несмотря на официальный запрет, купля-продажа земли и арендные отношения не только не прекратились, но приняли еще больший размах. В 1987 г., через три года после решения IX пленума ЦК НРПК, журнал «Неак кхусна» констатировал, что «есть районы, где хозяева земли на ней не работают, сдают ее в обработку, получая при этом значительную часть урожая»[106]. Отсюда можно заключить, что борьба с издольной арендой и куплей-продажей земли окончилась безрезультатно. Более того, есть масса свидетельств того, что на практике таковая вообще не велась, потому что в социальном отношении такая борьба означала бы преследование зажиточных и богатеющих людей деревни — местных начальников, глав ГТС и их родственников, тесно связанных с партийным аппаратом. В политическом отношении такая борьба могла бы серьезно ослабить позиции партии в деревне, так как все эти люди самим ходом событий объективно являлись ее сторонниками, выступали как основа ее политического влияния на селе.

Кроме того, власти прекрасно сознавали, что арендные отношения экономически более эффективны, чем ежегодный передел земли. Дело в том, что крестьяне, становясь хозяевами земельного надела лишь на год, использовали его хищнически, не были заинтересованы в сохранении плодородия земли. При издольной же аренде землепользование оказывалось более эффективным, к тому же крестьяне стремились к расширению пахотного клина, введению в оборот ранее оставленных участков. Поэтому вся «борьба» с издольной арендой шла лишь на страницах партийных изданий и имела скорее идеологический, нежели практический смысл, на практике же власти повсюду закрывали глаза на ее существование[107]. Наконец, в 1988 г. на очередной сессии Национального собрания было открыто заявлено, что «система издольной аренды, с точки зрения интересов нашего государства, более выгодна, чем практика ежегодных земельных переделов»[108].

Наряду с куплей-продажей земли, издольной арендой стал возрождаться и самый существенный, ключевой элемент натурально-товарной модели — ростовщичество. «Крестьяне в ряде пхумов, расположенных вокруг Пномпеня, вынуждены брать в долг с условием последующего возврата в двойном размере», — свидетельствовал в сентябре 1986 г. журнал «Неак кхусна»[109].

Главной питательной средой «нового ростовщичества» стала частная аренда, широко распространившаяся в ГТС-2 и ГТС-3. Камбоджийская печать отмечала: «Особенно часто частная аренда была связана с использованием тяглового скота, которым, разумеется, не все семьи были одинаково обеспечены. Под арендованную упряжку буйволов крестьянин должен отдать определенную часть собранного им риса, а если он по каким-либо причинам сделать этого не смог, то вынужден был брать в долг под проценты»[110].

Другой социальной группой, порождавшей «новое ростовщичество», были так называемые перекупщики — частные торговцы, которые, несмотря на запреты официальных властей, скупали рис у крестьян, перевозили его в город, где продавали не по фиксированным, а по свободным ценам. Как это практиковалось и при господстве Франции, и при Сиануке, они ссужали либо деньги, либо необходимые крестьянам товары под процент, который взимался не деньгами, а дополнительным количеством риса нового урожая.

Естественно, что власти рассматривали перекупщиков и ростовщиков как своих главных конкурентов в борьбе за контроль над рисом, и поэтому из года в год принимались самые решительные

постановления, направленные на искоренение этих «негативных явлений»[111]. Например, на первой конференции кадровых работников НРПК подчеркивалось, что «запрещается всякая деятельность, связанная с покупкой риса по низким ценам с последующей перепродажей его по более высоким»[112]. Вне закона были объявлены торговцы, которые «закупают урожай риса у крестьян по низким ценам, а продают им по высоким различные товары, купленные у государства по низким ценам и предназначенные крестьянам»[113].

Настоящая война была объявлена и частной аренде тяглового скота: устанавливалась единая для основных сельскохозяйственных районов страны фиксированно низкая цена на аренду отдельной семьей быков и буйволов.

Однако все эти запретительные и регулирующие меры ощутимого результата не дали — остановить стихийное развитие натурально-товарной системы со всеми ее атрибутами государство оказалось не в состоянии. Кроме того, коррумпированный местный аппарат, получавший регулярную мзду от уже появившихся «новых богатых» (ростовщики, перекупщики, торговцы), часто просто игнорировал шедшие «сверху» указания и постановления. Неэффективность аграрной политики, стагнация в расширении пахотных земель и в сборе урожая, очевидная враждебность большей части крестьян — все это далеко не способствовало упрочению позиций консерваторов в руководстве НРПК, требовавших продолжения и ужесточения антирыночных мер. «Если партия удовлетворится нынешним положением с ГТС, — утверждали эти деятели, — то мы не сможем избежать превращения коллективного производства в индивидуальное и столкнемся с социальным расслоением в деревне, а ГТС встретятся с трудностями в производстве и в жизни в тех районах, где враг ведет подрывную работу»[114]. Во многих публикациях 1984–1985 гг. эта тема постоянно поднималась, указывалось, что «принимаемые меры и в борьбе с арендой тяглового скота и с перекупщиками недостаточно эффективны и эти явления начинают приобретать угрожающий характер»[115].

Действительно, переход к рыночным отношениям в деревне приводил буквально к ломке не только ориентированной на коллективизм аграрной политики НРПК, но и социальной политики, всей системы идеологических приоритетов. Кроме того, разделение на бедных и богатых угрожало стабильности политической власти на селе. «Мы должны ясно видеть, — писал журнал «Неак кхусна», — что враги используют это явление, чтобы опорочить нашу власть, перетянуть

людей на свою сторону[116]. Особо опасным представлялся руководству НРПК процесс социальной и общественной дифференциации, охвативший кхмерскую деревню. Этот процесс развивался очень быстро и тем более успешно, что становление богатых и зажиточных крестьян в общей массе односельчан как бы заранее определялось их более высоким социальным статусом (председатель группы, его заместитель и т.д.). Тем самым сама государственная власть как бы укрепляла и институализировала отношения неравенства фактически в обход присущей кхмерской деревне традиции стихийного крестьянского равноправия, когда «преуспевание, бросающийся в глаза рост материального благополучия одной из семей воспринимались соседями крайне подозрительно»[117].

Другим обстоятельством, также облегчавшим и ускорявшим расслоение в деревне, было заметное изменение традиционной психологии крестьянина-индивида. Социальные катаклизмы словно встряхнули в массе своей пассивных и склонных к фатализму камбоджийских крестьян, которые не только сумели успешно «провалить» навязываемую сверху новую коллективизацию, но как бы выдвинули из своей среды новый тип инициативного и предприимчивого хозяина, готового и способного существовать в условиях товарных отношений.

Можно сказать, что эрозия традиционной «рыхлой» социальной структуры существенно облегчала развитие товарных отношений в деревне и формирование «демократического капитала». С другой стороны, социальное размежевание крестьянства привело к заметному росту напряженности в деревне, при которой полпотовские лозунги уравнительности и справедливости вновь зазвучали актуально. В 1987 г. мне довелось посетить несколько деревень в предгорной зоне провинции Кампонгспы, и повсюду руководители местных органов власти выражали очевидное беспокойство по поводу возраставшей популярности среди крестьян полпотовских лозунгов. В одной из деревень в частной беседе глава местной администрации рассказал даже, что несколько молодых крестьян ушли в лес к «красным кхмерам», база которых находилась, по его словам, километрах в пяти от деревни.

Несмотря на проблемы и опасности перехода к рыночным отношениям, руководство НРПК, обновленное после V съезда в 1985 г., вместо борьбы с «негативными явлениями» пошло по пути институализации и официального узаконения всего, что так или иначе было связано с утверждением системы рыночных отношений на селе. Первым

шагом здесь стала налоговая реформа, которая должна была упорядочить и перевести в иную плоскость отношения государства и крестьян. Хун Сен и его сторонники резко выступили против широко распространенной в стране практики конфискации риса у крестьян, когда их заставляли продавать урожай государству по мизерным ценам, которые, как отмечал М. Хайберт, «не покрывали даже их производственные расходы»[118]. Конфискация под дулами автоматов выращенного крестьянами риса только озлобляла его производителей, которые в отместку готовы были поддерживать вооруженные антиправительственные группы, главным образом из числа полпотовцев, которые действовали в сельской местности. Кроме того, получавшие щедрую помощь от своих покровителей «красные кхмеры», а также сторонники Сианука и Сон Санна почти перестали грабить крестьян, а начали «скупать рис у них по цене, в 4–7 раз превосходившей государственную, вплоть до 15 риелей за 1 кг риса»[119].

Конг Самол, ставший в правительстве заместителем Хун Сена, выступил за прекращение «борьбы за рис» и за введение эффективной налоговой системы, учитывавшей объективные реалии Камбоджи. Он заявил: «Государство еще не может предоставить крестьянину все необходимое, поэтому тот везет свои товары на свободный рынок. Рынки развиваются в новой Камбодже, но ее противники стремятся использовать их, чтобы распространять контрабанду, вызвать хозяйственную анархию. Отсюда задача: найти эффективные способы управления рынком через экономические рычаги»[120].

Первым шагом в этом направлении стало немедленное повышение в 2–2,5 раза официальной государственной закупочной цены на рис. Этой меры было явно недостаточно, но она имела определенный пропагандистский эффект. Власти как бы признали, что они уже не претендуют на абсолютный контроль над продажей риса, что политика конфискаций осталась в прошлом, а после того как вслед за первым повышением последовало новое — еще в 2,5 раза, стало ясно, что режим стремится получить рис цивилизованным способом.

Вторым шагом стало решительное изменение всей структуры государственных закупок. Была принята новая система, в которой частный торговец — скупщик риса, человек, которого на протяжении многих лет называли не иначе как «главным врагом народной власти», и даже предлагали 15% от его дохода тем, кто его схватит[121], превратился фактически в торгового представителя государства в деревне. Специальным постановлением местным органам власти было дано

разрешение назначить по своему усмотрению нескольких частных торговцев для ведения всех финансовых операций, связанных с закупкой риса у крестьян. Определенное, заранее оговоренное количество риса они должны были поставлять государству по твердым ценам, а с остальной продукцией могли выходить на свободный рынок. Таким образом, частные торговцы в один момент превратились в официальных посредников, стали выступать как связующее звено между органами власти и свободным рынком[122].

Новая система быстро доказала свою эффективность. Уже в 1987 г. впервые за все годы существования режима план по закупке риса оказался выполненным. Правительство сумело получить невиданное ранее количество товарного зерна — 350 тыс. т[123]. Заметно увеличился и общий товарообмен в системе государственной торговли. В 1985 г. «объем товарных продаж в этой системе вырос на 24% по сравнению с предыдущим годом[124], а только в первом полугодии 1988 г. он стал больше уже на 72% по сравнению с аналогичным периодом 1987 г.[125]

Однако все эти успехи, о которых сообщала официальная пропаганда, не могли скрыть того факта, что аграрная экономика Камбоджи все еще оставалась крайне отсталой и она далеко не достигла даже такого состояния, в каком она была в период, предшествовавший перевороту 18 марта 1970 г. На прошедшем в апреле 1989 г. в Бангкоке Международном симпозиуме «Индокитай: от поля боя к зоне свободной торговли» об этом сказал ставший кандидатом в члены Политбюро ЦК НРПК, министр сельского хозяйства Камбоджи Конг Самол. В своем сенсационном выступлении он заявил, что «необходимо немедленно отказаться и в сфере идеологии и в сфере экономики, а главное, в сфере политической организации общества от всего наследия схематизированного, навязанного Камбодже пути экономического развития»[126]. Он также впервые приоткрыл важнейшие статистические данные о развитии камбоджийской экономики, державшиеся ранее в строжайшем секрете. По его словам, в 1986 г. объем валового национального продукта Камбоджи достигал лишь 70% от ВНП 1968 г. Еще большим оказался разрыв при пересчете ВНП на душу населения, выросшего с 1968 г. на 20%[127].

Дезавуируя официальную статистику, сообщавшую о достижениях и победах в сфере сельскохозяйственного производства, Конг Самол заявил, что к 1989 г. в Камбодже использовалось лишь 2/3 всех имевшихся до войны пахотных земель, что более миллиона гектаров пригодных к земледелию площадей фактически заброшены, что

орошаемые земли не превышали 5–7 % пахотного клина, а средняя урожайность едва достигала 1,3 т с гектара[128].

Как показали дальнейшие события, резко критическое выступление министра было не случайным, а отражало позицию большинства в партийном руководстве. Вскоре после его откровенной речи сельская экономика вновь превратилась в объект радикального реформирования. На открывшейся в апреле 1989 г. Второй всекампучийской партийной конференции было объявлено об окончательном переходе на отдельное частновладельческое хозяйство в деревне. В соответствии с решениями этой конференции, кхмерский крестьянин приобрел все основные атрибуты частного собственника: мог продавать, покупать, сдавать в аренду, передавать по наследству свой земельный надел. Более того, крестьяне получили право полной и неотчуждаемой собственности на землю, на которой стояли их дома. «Земля, занятая под дом, общая площадь которой не превышает 20 кв. м, переходит к крестьянам в их полную собственность и ни при каких условиях не может быть у них отобрана»[129], — отмечалось в резолюции по землепользованию, принятой на этой конференции. В отношении пахотных земель на конференции указывалось, что выделять их нужно из расчета пять гектаров на крестьянскую семью. При этом оговаривалось, что должен обрабатываться весь земельный надел, предоставленный крестьянину, а следить за этим и выдавать разрешение на занятие земли должен народный комитет уезда[130].

Что касается самых плодородных в Камбодже земель, так называемых «чамкар», расположенных по берегам Меконга в провинциях Кандал и Кампонгчам, то их разрешено было сдавать в аренду крестьянским семьям только на определенное время и под определенную культуру. В уже упоминавшейся резолюции по землепользованию указывалось: «Срок аренды земель «чамкар» должен определяться вегетационным циклом выращиваемой на этой земле сельскохозяйственной культуры, но он может и продлеваться по согласованию с народным комитетом уезда»[131].

В 1990 г. во время поездки в провинцию Кандал я специально интересовался, как функционирует система краткосрочной аренды на землях «чамкар». Выяснилось, что договоры действительно заключаются с арендаторами каждый год, но арендаторами становятся обычно одни и те же люди — либо родственники местных руководителей, либо крестьяне, так или иначе с ними связанные и регулярно выплачивающие определенный процент от своих доходов местным

администраторам. Такая же система отношений возникла и на менее плодородных, но также очень привлекательных заливных землях. В связи с этим можно было сделать обоснованный вывод о том, что в сельской местности в период распада ГТС стихийно возродились традиционные для Камбоджи связи патрон — клиент, когда представитель власти становился покровителем-опекуном крестьянских хозяйств. Эти отношения имели не только собственно экономическое содержание, но и оказали влияние на политический процесс, поскольку поддержка крестьянством НРПК во многом зиждилась на этой хорошо понятной в деревне практике обмена услугами, когда чиновник-патрон помогает крестьянам, а они помогают ему.

На второй конференции кадровых работников было принято еще одно революционное решение — распустить группы трудовой солидарности всех категорий. Вместо них появились так называемые «административные народные группы», в ведении которых остались лишь «административные вопросы»[132]. Контроль над хозяйственной деятельностью крестьян был выведен из их компетенции. Руководители ГТС переводились на положение чиновников нижнего звена государственной администрации. Формально существовавшая выборность руководства групп была отменена и председатель «народной административной группы», как и любой чиновник, стал назначаться вышестоящими властями.

Все эти меры изменили социальную атмосферу в деревне. Получилось, что весь стихийно возникший слой «новых богатых» получил от НРПК все, что желал: самостоятельное отдельное хозяйство, умеренные налоги в денежной форме, свободу продавать рис по рыночным ценам, возможность спокойно развивать свой бизнес, выплачивая понятную любому камбоджийцу мзду местным властям. Более того, этот слой получил и общественное признание, когда перед его представителями открылась перспектива в потоке «деревенского призыва» вступить в НРПК. Когда же в 1990 г. партия отдала крестьянам в частную собственность землю, которую они до этого много лет арендовали, то трудно представить себе, что еще могли бы возжелать зажиточные и влиятельные люди кхмерского села.

О реальной численности этого социального слоя, об уровне его истинных доходов из-за отсутствия достоверной информации можно судить лишь по косвенным данным, — например, по числу продаж тракторов в частные руки. Так, за первое полугодие 1990 г. крестьяне купили более 420 машин, а всего с весны 1989 по июль

1990 г. тракторами обзавелись тысячи хозяйств. При этом, как сообщала печать, «желающих приобрести трактора оказалось больше, чем машин в государственной продаже, поэтому многие крестьяне, желавшие купить трактор в частное владение, так и не смогли этого сделать»[133]. Кроме того, в центре и на западе страны, а также на территориях вокруг Пномпеня крестьяне, как сообщало кхмерское информационное агентство СПК, «в большом количестве приобретали современный сельскохозяйственный инвентарь, особенно дизельные генераторы электрического тока, поступавшие в страну из Таиланда и Сингапура»[134].

Благодаря экономическим реформам второй половины 80-х в Камбодже сформировался комплекс товарных хозяйств, нацеленных не столько на расширение личного потребления, сколько на увеличение оборотного капитала. Именно эти хозяйства обеспечили стране ощутимый прирост сельскохозяйственного производства. Особенно это проявилось в 1990 г., когда, несмотря на неблагоприятные погодные условия и резкое сокращение помощи Камбодже со стороны СССР, внутренний валовой продукт вырос на 2%[135].

3. Переход к рыночной экономике во всех сферах экономической жизни

Постепенный переход к рыночным отношениям происходил в это время не только в аграрной сфере, но и в других важных областях экономики Камбоджи. Развивавшиеся товарные отношения и частное предпринимательство подрывали установленную в начале 80-х монополию государства в промышленности, торговле, производстве предметов потребления, стихийно формировали национальный рынок. Попытки режима здесь, как и в сельском хозяйстве, предпринять обобществление средств производства (в частности, кустарно-ремесленного) так же, как и там, успеха не принесли. В Пномпене в одном из районов из 109 семейных и частных мастерских было образовано 18 групп трудовой взаимопомощи ремесленников[136]: средства производства стали общей собственностью, а полученная прибыль делилась в зависимости от результатов труда каждого члена. Однако просуществовали эти группы недолго. Как только ослаб пресс со стороны возглавляемой Кео Чандой городской администрации, они немедленно распались. Как сообщала печать, «в то время, когда эти группы

существовали, некоторые несознательные владельцы частных мастерских занимались саботажем и не только не участвовали, но, наоборот, противодействовали работе групп»[137].

После того как премьер-министром НРК стал в 1985 г. Хун Сен, а во главе Пномпеня встал Нгуон Ньел, попытки создания кооперативов среди ремесленников были свернуты. Свое решение этого вопроса Хун Сен объяснил так: «Хотя основу ремесленного производства пытались построить в соответствии с принципами ГТС, либо вообще на базе общей собственности и уравнительного распределения, все эти попытки провалились, потому что ремесленное производство — это сфера частной экономики и должно развиваться как частнопредпринимательская деятельность»[138].

Вслед за этим правительство приняло целый ряд декретов: «О алоге на хозяйство», «О торгово-промышленном налоге», «О налогах на оборотные средства и о подоходном налоге»[139]. Все эти документы составили правовую основу развития в стране мелкого производства и частного предпринимательства. Новые налоги должны были стимулировать деловую активность частников. Были установлены низкие налоговые ставки и определено, что «для предприятий с малым оборотным капиталом или испытывающих трудности, налог на оборотные средства может быть снижен или даже отменен»[140].

Пересмотр целей и приоритетов развития затронул и сферу промышленной политики. В 1979–1980 гг. действовавшие в стране промышленные предприятия были объявлены собственностью государства, которые должны были развиваться за счет «государственного субсидирования, дотаций на все необходимые расходы, связанные с производственной деятельностью»[141]. Как и во всех моделях централизованных социалистических экономик, «прибыль, полученная предприятиями, должна была перечисляться в государственный бюджет»[142]. Такой экономический порядок быстро доказал свою неэффективность. Большая часть из 57 предприятий, которые оказались под управлением министерства промышленности[143], простаивали из-за отсутствия оборотных средств, сырья и запасных частей. К тому же их директорами назначались люди не по принципу профессиональных качеств, а исходя из их «высокой идейной подготовки и преданности делу партии»[144]. Только такие критерии были причиной того, что долгое время на посту министра промышленности оставался «старый революционный боец» Миех Сомнанг, никогда ранее не занимавшийся вопросами экономики. Во время наших встреч в Пномпене в 1984 г. он

открыто признавался, что в промышленности смыслит мало, но зато у него «чутье на врагов революции»[145].

В 1979–1985 гг. любая статистика, отражавшая реальную картину развития промышленного производства в стране, оставалась тайной за семью печатями. В газетах и официальных изданиях министерства промышленности приводились обычно проценты роста производства по отношению к предыдущему году, либо объем продукции той или иной отрасли в денежном выражении, — а такие показатели из-за высокой и постоянной инфляции мало что говорили о реальных процессах в экономике. Но, несмотря на скудость информации, даже по этим косвенным данным можно было прийти к выводу, что темпы развития производства оставались очень низкими. В печати приводились, например, такие цифры: стоимость промышленной продукции с 1982 по 1983 г. выросла с 361 млн. до 606 млн. риелей, т. е. более чем в полтора раза[146]. Но если пересчитать эти суммы, проиндексировав их с учетом инфляции (по меньшей мере 200% за год), то получится, что в постоянных ценах объем произведенной продукции не только не увеличился, но даже сократился.

Надо сказать, что Хун Сен и его сторонники еще с 1983 г. пытались изменить систему управления предприятиями госсектора, но сделать это им долгое время не удавалось. Причина их неудач, вероятно, состояла в том, что промышленность никогда не была ключевой отраслью камбоджийской экономики и ее кризис, в отличие, скажем, от рисопроизводства или налоговых сборов, прямого воздействия на положение дел в стране не оказывал и угрозу для режима не представлял. Именно поэтому распродажа предприятий госсектора и перевод их в частные руки произошла позже, чем реформы в землевладении, в землепользовании и налоговой системе. В своей книге Хун Сен отмечал, что «тенденция к смене форм управления госсектором пробивала себе дорогу шаг за шагом, развивалась постепенно и не привела к расколу в партии и среди кадровых работников, которые в большинстве своем выступали за то, чтобы предприятия были финансово независимы, а рабочие получали бы по результатам своего труда»[147].

Однако полностью сформировать рыночные механизмы для национальной промышленности и бизнеса Хун Сену не удалось. С переходом государственных предприятий в частные руки глава партийного аппарата НРПК Чеа Сим смирился, однако на предложение «образовать в стране в рамках экономических преобразований систему частных банков» ответил отказом[148]. Хун Сен не стал настаивать, проявив

себя в очередной раз политиком, признающим сложившиеся реалии[149]. Позже он вернулся к этой идее и на сей раз, с согласия своего «партийного начальника», полностью ее реализовал.

Реформы, нацеленные на развитие рыночных отношений, на рубеже 90-х годов затронули и другие сферы национальной экономики: были образованы зоны свободной торговли в приморской провинции Кохконг и в районе морского порта Кампонгсаома. В этих в прошлом главных центрах контрабандной торговли стали свободно оперировать многочисленные государственно-частные и просто частные торгово-посреднические фирмы. О масштабах их операций можно судить по такому факту: в 1989 г. лишь только через территорию свободной зоны в провинции Кохконг, по данным Р. Таскера, «ежемесячно проходило товаров на общую сумму порядка 12 млн. долл.»[150].

Реформы 1989–1991 гг. привели к тому, что развитие страны в очень сложный, с политической точки зрения, период 1990–1993 гг., когда неопределенность и угроза новой масштабной войны витала над Камбоджей, прирост ВВП достигал в среднем около 6% в год, тогда как в 1988–1990 гг. он составлял только 2%, а до этого, видимо, был еще меньше. И нельзя не учитывать, что этот рост происходил в условиях, когда после ухода вьетнамских войск вся тяжесть противостояния «красным кхмерам» легла на армию НРК, а военные расходы правительства Камбоджи выросли очень существенно — с 1,9% ВВП в 1988 г. до 4,7% ВВП в 1992 г. Соответственно государственные инвестиции в экономику уменьшились с 1,4% ВВП в 1988 г. до 0,3% — в 1992 г.[151] Эти данные свидетельствуют о том, что рост экономики в это время обеспечивался главным образом инвестициями национального частного капитала.

Этот вывод очень важен, поскольку, вкладывая свои средства, частные собственники как бы демонстрировали поддержку существовавшей власти. Реальная массовая поддержка влиятельных социальных сил позволила НРПК достаточно уверенно двигаться к мирному урегулированию камбоджийского конфликта и, несмотря на давление, получить очень много голосов на выборах 1993 г. Все эти успехи стали подтверждением правильности проводившихся правительством экономических реформ. Во многом благодаря им партия обеспечила себе выживание, а позже и политическое господство в новых исторических условиях.

ГЛАВА XII

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ: ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОЛ ПОТА, СИАНУКА И СОН САННА И ИХ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НРК В 1979–1987 гг.

1. Формирование коалиционного правительства кхмерской оппозиции

После того как вьетнамские танковые части 7 января 1979 г. захватили Пномпень, они без промедления продолжили движение к западным рубежам Камбоджи, практически без боя занимая один город за другим. Казавшаяся несокрушимой военная и административная машина Демократической Кампучии, построенная на слепом подчинении и страхе, почти полностью развалилась всего за несколько дней боев. Остатки войск «красных кхмеров» беспорядочно бежали на запад, стремясь успеть до того, как вьетнамские танковые колонны перекроют последние дороги, связывавшие столицу страны с Баттамбангом. Вместе с ними отходили и тысячи беженцев, часто родственники и члены семей полпотовских бойцов и командиров, опасавшиеся расправ со стороны новой власти. Бежали и местные начальники и «члены партии ... ибо запоздавших с отъездом нередко убивали разъяренные местные жители»[1]. Австралийский исследователь Келвин Роули отмечал: «Администрация "красных кхмеров" распалась по всей стране, даже там, где вьетнамцы не успели установить свой контроль. Местные кадры, которые остались лояльными режиму, бежали к тайской границе, захватив с собой столько людей, сколько могли собрать»[2]. Тысячи крестьян, которых полпотовцы по пути силой заставили покинуть свои дома, нескончаемым потоком продвигались к границе с Таиландом. Для полноты картины этого «великого исхода» нужно добавить еще колонны китайских советников, которые также стремились как можно быстрее достичь таиландской границы у Араньяпратхета.

По мере отступления части «красных кхмеров» редели, многие солдаты предпочитали дезертировать и вернуться в свои родные районы. Только отдельные отряды, которыми командовали военные лидеры режима, в относительном порядке отходили в горные юго-западные и северо-западные районы страны. Там были заранее подготовлены военные базы, куда еще до вьетнамского вторжения завозились продовольствие и боеприпасы. Наиболее укрепленной из них была база Тасань, затерянная в горной местности, близ границы с Таиландом[3]. Именно эту базу и выбрал Пол Пот для местоположения своей ставки и главного штаба антивьетнамской войны. Отсюда открывался удобный путь как на равнины Центральной Камбоджи, так и к рисовой житнице — провинции Баттамбанг.

Несмотря на воцарившийся хаос и очевидный разгром, Пол Пот, если судить по его заявлениям, полагал тогда, что еще не все потеряно и он сможет в будущем вернуться в Пномпень. Он не желал взглянуть правде в глаза и, встречаясь с журналистами, с «неизменной улыбкой на лице демонстрировал полнейший оптимизм, отрицая даже то, что его войска были изгнаны из Камбоджи»[4]. В декабре 1979 г. в беседе с японскими репортерами он утверждал, что свыше 50 тысяч его солдат опутали Камбоджу, как «паучья сеть, и что те же войска «недавно вывели из строя точно такое же количество вьетнамцев»[5].

После падения Пномпеня и своего поспешного бегства, Пол Пот, скорее всего, возлагал надежды не столько на раскинутую им якобы «паучью сеть», сколько на внезапный удар китайских войск по Вьетнаму. Он рассчитывал, что тогда 150-тысячная вьетнамская армия будет отозвана из Камбоджи, и он сможет вернуться победителем в свою столицу. Кроме того, он был убежден в том, что китайские покровители не бросят его на произвол судьбы и обеспечат его воинство всем необходимым для продолжения борьбы. Он ждал позитивного результата от переговоров, которые в это время вел в Пекине срочно отправившийся туда с официальным визитом Иенг Сари — «брат номер три» и министр иностранных дел Демократической Кампучии. Этот его ближайший соратник только 11 января 1979 г. добрался до таиландской границы голодный и оборванный, «потерявший в ходе своего бегства из Пномпеня даже свои сандалии»[6]. Китайские дипломаты в Бангкоке снабдили его свежей одеждой и обувью и вертолетом перевезли в аэропорт Бангкока, откуда через Гонконг отправили в Пекин[7].

В китайской столице ближайшего соратника Пол Пота принимали на самом высоком уровне, всячески демонстрируя миру решимость и далее поддерживать борьбу «красных кхмеров» против вьетнамского вторжения и «марионеточного режима», установленного в Пномпене. Тем не менее Китай с самого начала переговоров довольно жестко обозначил условия, на которых Пол Пот и его сторонники могли бы получать поддержку из Пекина. Переговоры Иенг Сари в Китае настолько интересны и важны для понимания будущего развития событий как в рядах «красных кхмеров», так и всей кхмерской оппозиции, что следует остановиться на них более подробно.

И Дэн Сяопин, и Хуа Гофэн, и другие китайские руководители, встречавшиеся с Иенг Сари, сразу же показали, что отношения двух сторон кардинально изменились. Еще в январе 1978 г. во время визита в Пномпень Дэн Инчао — вдовы Чжоу Эньлая, члена высшего китайского руководства, Пол Пот отказал ей во встрече с Сиануком и даже не выполнил просьбу Дэн Инчао передать бывшему монарху письмо от его дочери[8]. Таким поведением «брат номер один» демонстрировал Китаю свою независимость, решимость самому определять судьбу Сианука. Теперь в Китае решили показать, что это от КНР зависит судьба и Пол Пота и «красных кхмеров» и что отныне решать, как надо «красным кхмерам» воевать, как строить свою политику, как вести себя на международной арене, будут в Пекине. Китайские лидеры в жесткой и ультимативной форме поставили перед эмиссаром Пол Пота главный с их точки зрения вопрос — о необходимости объединения «красных кхмеров» со всеми антивьетнамскими силами независимо от их политических взглядов.

Дэн Сяопин сказал Иенг Сари: «В Париже есть организация, которая называется Правительством освобождения Камбоджи. Она опубликовала коммюнике из пяти пунктов. Четыре из этих пунктов хороши. Плохой пункт плох только в том, что эти люди противостоят режиму Пол Пота, который они называют диктаторским... Эта организация имеет своих людей в США и в других странах, например, в Таиланде»[9]. Понятно, что Дэн Сяопин рассказал Иенг Сари об этой организации не просто для примера. Он отдавал себе отчет в том, что представление о полпотовцах в мире одиозно, их режим и их политика ассоциировались с убийствами, пытками, военными авантюрами, поэтому оказывать им непосредственную поддержку и содействие охотников в мире будет мало. Пол Пот в это время «стал главной сенсацией» в мировых средствах массовой информации. Газеты практически всех стран

мира описывали ужасы, творившиеся в Камбодже во время его правления, некоторые исследователи называли его «фашистом, совершившим геноцид», и сравнивали с Гитлером. Другие заклеймили его как коммуниста, совершившего геноцид, и уподобили Сталину. В любом случае имя Пол Пота стало синонимом геноцида, хаоса и ужаса перед коммунизмом[10]. Все это вынуждало китайское руководство искать возможности объединить своих протеже с любыми, даже открыто антикоммунистическими фракциями, только бы как-то прикрыть их кровавое лицо.

В этом отношении Дэн Сяопин надеялся главным образом на восстановление партнерских отношений «красных кхмеров» с Сианук. Он предложил Иенг Сари: «Давайте рассмотрим в деталях образование единого фронта во главе с принцем Сианук. Таким путем мы сможем изолировать марионеточную организацию. Это же окажет влияние на многих людей за границей, которые также войдут в состав будущего фронта»[11]. Далее Дэн Сяопин, признававший, что, будучи в Пекине, Сианук наговорил много нехороших вещей, подчеркивал, что у него на то были свои причины[12]. Эти причины в довольно жесткой форме изложил в беседе с Иенг Сари другой китайский лидер Хуа Гофэн на встрече 15 января 1979 г. Проблема, связанная с Сианук, объяснил он, заключается в том, что после победы в 1975 г. и его возвращения в Камбоджу вы не сумели общаться с ним как положено и тем самым разозлили его. Он чувствовал, что, воюя на вашей стороне против американцев, борясь на международной арене, когда вы воевали в джунглях, он не получил той позиции, которую заслуживал после победы. А ведь он тоже ее добился. На пресс-конференции он сказал, что три года находился в заключении, что ему не давали встретиться ни с дочерью, ни с Пен Нутом, ему не давали читать прессу и принимать людей извне[13].

Любопытно, что Хуа Гофэн говорил обо всем этом так, как будто обо всех злоключениях Сианука узнал только из его пресс-конференции. Словно в Китае не знали об условиях жизни бывшего монарха на родине. Из стенограммы этой встречи видно, что Иенг Сари был буквально раздавлен жестким тоном и неприкрытым осуждением политики, проводимой по отношению к Сианук. Хуа Гофэн просто поучал его: «Из всего этого мы должны извлечь уроки. Если в ближайшее время Сианук будет говорить вещи невыгодные руководству Кампучии, все равно прошу вас быть к этому готовыми и принимать во внимание всю ситуацию, так как нам противостоит серьезный

враг. Помните: когда перед вами волки, не забивайте себе голову мыслями о лисах. Если вы сможете убедить Сианука вернуться на вашу сторону, то тем самым вы будете действовать в соответствии с предложениями товарища Дэн Сяопина. Вы дадите ему правильный статус и объединитесь с ним, чтобы воевать с Вьетнамом. Ни в коем случае не превращайте его в своего врага»[14].

Указание Дэн Сяопина кампучийский министр получил двумя днями ранее, на встрече 13 января: «В подходящее время вы должны обсудить этот вопрос и предложить возможное назначение Сианука главой государства, а товарища Пол Пота — премьер-министром, ответственным за национальную оборону, и главнокомандующим вооруженными силами»[15]. Дэн Сяопин, по всей видимости, рассчитывал, что в Камбодже будет продолжено антивьетнамское сопротивление, с учетом опыта войны с режимом Лон Нола 1970–1975 гг., когда Сианук и его правительство в Пекине, не обладавшее реальной властью, служили удобным прикрытием для Пол Пота и его сподвижников, пребывавших на партизанских базах внутри страны. Он сообщил далее Иенг Сари, что предполагает, что Сианук как глава государства будет действовать на международной арене, а проживать в Пекине. В будущее правительство, сказал он, войдут люди, которые живут за границей и которым не обязательно возвращаться в страну и участвовать в военных операциях. Они могут действовать на международной арене более эффективно, чем ваши товарищи, находящиеся сейчас там[16].

Не менее убедительно и жестко звучали и другие «советы» Дэн Сяопина руководству «красных кхмеров». Он, в частности, призвал их «переориентировать провозглашаемые цели и задачи правительства Демократической Кампучии с вопросов классовой борьбы и борьбы Компартии на вопросы нации, патриотизма и демократии». Дэн Сяопин дал своему собеседнику еще и такие предписания: «Сердцевина вашей политики должна лежать в идеях нации, демократии и патриотизма, вы должны сплотить вокруг именно этих идей максимальное количество людей[17]. … Вам надо изменить свою пропаганду и особенно стиль радиопередач. Сегодня они не отражают правду и реальное положение дел в стране. Содержание новостей должно быть посвящено не Коммунистической партии, но патриотизму национальной демократии — поднять этот флаг представляется сейчас наиболее важным»[18] … Далее он призвал «красных кхмеров» к реализму: «Сейчас на стороне марионеток есть люди, к которым надо относиться сдержанно.

Надо воздерживаться от обвинений в их адрес и завоевать их на свою сторону»[19].

Трудно сказать, кого из деятелей НРК Дэн Сяопин имел в виду, скорее это было сказано для того, чтобы показать Иенг Сари, что планируемый к созданию национальный фронт должен будет представлять собой самое широкое по общественному охвату объединение, где «красным кхмерам» придется сотрудничать даже со своими смертельными врагами. В ответ на эти рекомендации китайского лидера, Иенг Сари ничего не оставалось, как заявить о полном с ними согласии и заверить своих китайских советчиков: «Мы уже сменили лозунги социалистической революции и строительства социализма и сфокусируемся на лозунгах демократии, патриотизма и еще более тесном союзе с людьми»[20].

В этой беседе обращает на себя внимание еще и то, что третий человек в руководстве Демократической Кампучии как будто даже не замечает, что присутствует на этих переговорах как ученик, которого отчитывают и наставляют его учителя. Он не выказал и намека на протест, когда в Пекине ему демонстративно и открыто дали понять, что отказываются делать ставку только на Пол Пота и его структуры. Крайне неприятным было для него и то, что Дэн Сяопин вполне прозрачно намекнул: руководство КНР желало бы, чтобы Пол Пот отошел на второй план, а на первый должен выдвинуться Сианук. Китайский лидер не скрывал, что связывает успех всего сопротивления главным образом с ним, а не только с Пол Потом и с его укрывшимися на базах близ таиландской границы бойцами. И Дэн Сяопин и Хуа Гофэн несколько раз повторили Иенг Сари, что главное сейчас — это борьба на международной арене. «Важно, — указали они ему, — чтобы у вашей организации появилось новое лицо и это признали бы во всем мире. Если это произойдет, то сложатся очень благоприятные условия для победы дома»[21]. В их расчетах бывший кхмерский монарх и должен был стать этим новым лицом Демократической Кампучии.

Иенг Сари вынужден был безропотно выслушивать все эти наставления и советы, которые больше напоминали указания, так как понимал, что после всех поражений «красные кхмеры» оказались в безвыходном положении. Без денег, без вооружений, без поддержки китайских «друзей» они бы не продержались и года.

Интерес представляет в этой связи обмен мнениями о том, как лучше организовать материальную поддержку «красных кхмеров», который состоялся между Дэн Сяопином и Иенг Сари. Китайский

лидер спросил Иенг Сари: «Как вас снабжать деньгами: посылать ли их в Бангкок или прямо к Криангсаку (так фамильярно Дэн Сяопин называл премьер-министра Таиланда Криангсака Чаманана. — *Д. М.*)? Мы можем положить на депозит в тайском банке пять миллионов долларов и вы сможете снять их в любой момент. Мы можем оставить их в китайском посольстве или в камбоджийском посольстве в Таиланде». Иенг Сари ответил, что «лучше оставить их в китайском посольстве»[22]. «Вы можете начать тратить эти деньги прямо сейчас, — сказал далее Дэн Сяопин. — Когда они будут израсходованы, мы вернемся к этому вопросу. Мы хотим также регулярной радиосвязи с вами»[23].

Хуа Гофэн, который говорил с Иенг Сари в более резких тонах, чем Дэн Сяопин, поставил перед «красными кхмерами» еще одну задачу: «Вы должны завоевать симпатии Таиланда. Таиланд также не очень доволен вами»[24]. Думается, что слово «также» было сказано Хуа Гофэном не случайно — в Пекине были явно разочарованы беспомощностью «красных кхмеров» и не ожидали, что Демократическая Кампучия, куда посылали столько советников и направляли столько средств и с которой связывались далекоидущие политические замыслы, рухнет так быстро и так бесславно. Кроме того, касаясь позиции Таиланда, Хуа Гофэн сказал: «Когда Вьетнам вторгся в Камбоджу, отношение Таиланда к вашей борьбе в целом было хорошим, но в предоставлении помощи вам Таиланд не может действовать так открыто, как это делает Китай. Главное, что он на стороне Кампучии, и если он хочет помогать секретно, то мы в свою очередь не должны это разглашать. С учетом того, что помощь поступает транзитом через Таиланд, мы должны будем скрывать это еще длительное время, чтобы позволить Таиланду выполнять взятую на себя роль»[25]. На следующий после этой беседы день, 18 января 1979 г., заместитель министра иностранных дел КНР Хань Наньлун сообщил Иенг Сари, что в результате секретных таиландско-китайских переговоров было решено, что оружие и боеприпасы «красным кхмерам» не будут транспортироваться через камбоджийское побережье в Кохконге, а будут направляться в Бангкок под видом гражданских грузов. «Таиландские власти, — сказал Хань Наньлун, — примут все меры, чтобы обеспечить вам их доставку»[26].

Однако надолго скрыть тот факт, что Таиланд превратился в перевалочную базу для китайских военных грузов и через его территорию снабжаются всем необходимым боевые отряды «красных кхмеров», не удалось. Уже в октябре 1979 г. французский журнал «Париматч» сообщал: «Когда “красные кхмеры” в замешательстве перешли границу,

их на таиландских грузовиках отвезли в специальный лагерь. Там они отдохнули, получили пищу от таиландских военных, а затем были вновь доставлены в Камбоджу для продолжения войны»[27]. Поставка оружия, боеприпасов, продовольствия из Китая «красным кхмерам» также шла с участием таиландских военных. Малайзийская газета «Стар» 27 февраля 1979 г. сообщала, что «китайские и таиландские торговые суда тайно доставляют оружие, предназначенное полпотовским войскам, на таиландский остров Кут, откуда оно доставляется "красным кхмерам" таиландскими траулерами»[28]. Еще один способ доставки оружия и продовольствия описала английская «Гардиан»: «Таиландские власти помогают доставлять рис в пограничный с Таиландом район Камбоджи, прибегая к такому способу: грузчики "красных кхмеров", ожидающие в заранее определенных местах, после условного сигнала таиландских поставщиков — хлопков в ладоши — приходят и забирают этот рис. После этого те, кто его доставил, осторожно уходят»[29].

Расчеты Пол Пота на то, что поставки вооружения из Китая, помощь таиландских военных, вместе с превращением оставленных им в каждой провинции региональных командных пунктов в центры сопротивления вьетнамским войскам, дадут возможность быстро переломить военно-политическую ситуацию, оправдались лишь отчасти: «красным кхмерам» их китайско-таиландские друзья не дали окончательно развалиться и исчезнуть. В то же время столь долгожданное для полпотовцев наступление китайских войск на северные границы Вьетнама, предпринятое в феврале-марте 1979 г., которое должно было переломить ситуацию, не увенчалось успехом. Вьетнамские силы отбили их атаки в Лангшоне и Каобанге. К разочарованию «брата номер один» и других «братьев», боевые действия на севере Вьетнама закончились без решающего китайского успеха, что означало, что их скорого возвращения в Пномпень не предвидится. Прекращение огня и отвод войск КНР с вьетнамской территории свидетельствовал о том, что в Пекине совершенно не собираются втягиваться в полномасштабную затяжную войну с Вьетнамом ради возвращения «красных кхмеров» к власти. Дэн Сяопин, больше озабоченный вопросами модернизации страны и ее развития, предпочел добиваться истощения Вьетнама путем организации длительной партизанской войны в Камбодже и оказания всемерной помощи и поддержки своим союзникам в этой стране. Такое решение китайского руководства лишь отчасти могло устроить Пол Пота: оно хотя и обеспечивало ему на годы финансовую, военную

помощь и поддержку КНР, в то же время превращало его в абсолютно зависимого от этой страны политика. С учетом результатов переговоров Иенг Сари в Пекине, его возвращение к власти даже в случае успеха становилось делом все более неопределенным.

Между тем СРВ, успешно отразив китайские атаки на своей северной границе и убедившись в последовательной и решительной поддержке своей политики Москвой, почувствовала себя более уверенно и со второй половины марта 1979 г. начала новую фазу военных операций в Камбодже. В январе в ходе первой фазы вьетнамские войска заняли основные административные и городские центры. Теперь же ударам подверглись в основном укрепленные районы и региональные командные пункты, которые и были быстро разгромлены и уничтожены. Среди них — генеральный штаб полпотовской армии, находившийся в Амлеанге (провинция Кампонгспы), приморская база в Кохконге, несколько крупных лагерей в провинции Пурсат. В боях на этой стадии операции «красные кхмеры» потеряли более 40 тыс. человек[30]. Это был новый разгром, сравнимый с поражениями в январе 1979 г. Одной из главных мишеней нового наступления стала база Тасань, где вьетнамцы рассчитывали внезапным ударом захватить Пол Пота и все руководство «красных кхмеров». Сделать это не удалось, судьба вновь оказалась благосклонной к «брату номер один» и в последние минуты, когда вьетнамский спецназ уже ворвался на территорию этой базы, Пол Поту и его соратникам удалось ускользнуть в соседний Таиланд. Бегство их было настолько стремительным, что они бросили все свои партийные документы, в том числе и приведенную выше стенограмму переговоров, которые вел в Пекине Иенг Сари в январе 1979 г.[31]

После падения Тасани и других региональных центров и баз сопротивления «красных кхмеров» стало ясно, что их попытки вести успешную антивьетнамскую войну по модели войны с Лон Нолом безнадежны. Все так называемые «освобожденные районы» немедленно становились объектами вьетнамских атак и сконцентрированные там кадры и воинские силы «красных кхмеров» подвергались уничтожению. Поэтому Пол Пот перестроил свою тактику в русле указаний Дэн Сяопина, который еще до разгрома баз «красных кхмеров» в марте 1979 г. наставлял Иенг Сари: «Вы должны твердо стоять за продолжение партизанской войны. Когда условия позволят, можно будет перейти к мобильной войне. Вам надо вести народную войну, уничтожать противника в приграничных районах, перехватывать его линии

коммуникаций»[32]. Такую тактику «красные кхмеры» и стали применять начиная со второй половины 1979 г.

Другая «рекомендация» китайского руководства, относительно смены имиджа и руководящих фигур Демократической Кампучии, также была выполнена. В сентябре «красные кхмеры» объявили о создании так называемого Фронта национального единства Камбоджи (ФНЕК). Политическая программа фронта основывалась на принципах национализма и патриотизма и предусматривала борьбу против Вьетнама, за национальную независимость и свержение НРК. Кхиеу Самфан, который стал главным представителем Демократической Кампучии в мире, заявил, что «красные кхмеры» предлагают Сианука стать председателем формируемого фронта и что в случае согласия готовы изменить структуру своего правительства и даже предоставить Сианука пост председателя Государственного Президиума Демократической Кампучии»[33]. В ответ на это предложение ни Сианук, ни кто-либо из других деятелей кхмерской некоммунистической оппозиции не ответил согласием. С Пол Потом, хотя он и представлял себя национальным лидером, борющимся против оккупантов, никто из потенциальных участников будущего фронта не хотел иметь дело. После всех разоблачений «брат номер один» превратился в политического изгоя и персону «нон грата» во всем мире.

Такая репутация Пол Пота и нежелание сотрудничать с ним других кхмерских политиков стали главным препятствием в реализации китайских планов формировать легитимную и широкую оппозицию вьетнамскому присутствию и властям НРК. Поэтому в Пекине без колебаний предложили Пол Поту реорганизовать правительство Демократической Кампучии, с тем чтобы он мог окончательно уйти в тень. Пол Пот согласился, и в самом конце бурного 1979 г. было объявлено, что он уходит с поста премьер-министра Демократической Кампучии. Вместо него на эту должность был назначен Кхиеу Самфан[34]. На самом деле среди «красных кхмеров» ничего не поменялось: Пол Пот сохранил у себя все рычаги власти, оставаясь и главнокомандующим войсками ДК и лидером Компартии[35].

Проведя рокировку в руководстве Демократической Кампучии и формально отодвинув Пол Пота на второй план, китайское руководство вновь вернулось к идее объединения кхмерской оппозиции и стало уговаривать Сианука принять участие в антивьетнамской борьбе и возглавить создаваемый единый фронт. Сделать это было сложно, так как снова превращаться в политическое прикрытие «красных кхмеров»

бывший монарх не хотел, тем более что он относился к ним крайне критически. Еще в Пекине после своей эвакуации из Пномпеня он в беседе с американскими журналистами сказал: «Красные кхмеры говорят, что мы обязательно победим, но это полный обман … кхмеры не столько ненавидят вьетнамцев, сколько их боятся». На своей встрече с американскими журналистами Р. Дадменом и Э. Бейкер он даже предложил вступить в переговоры и достичь соглашения с Вьетнамом[36].

Прибыв в США и почувствовав себя более свободно, Сианук немедленно открестился от своего статуса представителя в ООН от Демократической Кампучии и попросил в США политического убежища[37]. В своей взволнованной речи в ООН он не только осудил Вьетнам за его вторжение в Камбоджу, но и сказал о жестокостях и зверствах «красных кхмеров». В беседе с госсекретарем США Сайрусом Вэнсом он заявил, что возвращается к частной жизни, а с вьетнамцами будет бороться частным образом[38]. Приставленные к нему Пол Потом «помощники» сообщали Иенг Сари о том, что «мораль Сианука пала так же, как пал Пномпень перед вьетнамцами»[39]. И далее они писали: «Если в Пекине мы могли еще справиться с ситуацией, то когда он прибыл в Нью-Йорк, то полностью отошел от нас». Кроме того, «помощники» предупреждали, что когда Сианук после обследования покинет госпиталь, он уже не попросит его сопровождать. «Но если случится обратное, и мы сможем сопровождать его еще некоторое время, то это будет соответствовать линии на создание национального фронта, провозглашенного партией»[40]. В этом сообщении впечатляет скорость, с какой предложение Дэн Сяопина о тактике единого фронта, высказанное им только 13 января на встрече с Иенг Сари, уже 19 января превратилось в политическую линию, провозглашенную партией.

Нельзя не обратить внимание и на полную беспомощность приставленных к Сиануку дипломатов, на их неспособность оказать на него какое-либо влияние. Они явно не понимали сути происходящих событий, когда рассуждали: «Порвав с нами, Сианук тем самым порывает с народом. Это приведет к тому, что в будущем он потеряет всякое влияние. Враги говорят, что великие державы прекращают использовать его в своих целях. В этом случае мы понесем лишь тактическое поражение, а Сианук пострадает в стратегическом плане»[41]. На самом деле, все было как раз наоборот, и это «красные кхмеры» под валом сообщений о совершенных преступлениях оказывались под огнем международной критики и изоляции.

Порвав с Пол Потом и его организацией, Сианук отправился во Францию, потом в Северную Корею к своему другу Ким Ир Сену. Он ждал дальнейшего развития событий. Не исключено, что он тянул с согласием на предложения Пекина возглавить формирование единого антивьетнамского фронта и ожидал предложений с вьетнамской стороны. Он сам давал понять это Вьетнаму. Осенью 1979 г. он собрал своих сторонников в Конфедерацию кхмерских националистов и предложил от ее имени провести переговоры с Вьетнамом о восстановлении независимой и нейтральной Камбоджи[42]. Он написал три письма своему старому другу премьер-министру Вьетнама Фам Ван Донгу, но не получил на них ответа[43]. Учитывая свои многолетние дружеские связи с вьетнамским руководством, он мог ожидать, что в условиях растущего международного осуждения оккупации Камбоджи в Ханое решат предложить ему пост главы государства. В апреле 1980 г. он даже заявил о своей готовности отправиться в НРК в качестве простого гражданина. Но и на этот жест никакого положительного ответа ни из Пномпеня, ни из Ханоя он не получил. В комментарии кампучийского правительственного агентства СПК говорилось, что «успехи НРК вынудили принца сделать подобное заявление, но Кампучия не место для предателей»[44]. Столь жесткий ответ свидетельствовал не только о нежелании вьетнамцев вести с ним переговоры, но и об их уверенности в это время в своей способности контролировать Камбоджу. В Ханое полагали, что им незачем делиться властью с Сиануком и зависеть от слабоуправляемого бывшего кхмерского монарха. Его сторонники в Камбодже, которых было чуть менее тысячи человек и которые объединились в организацию «Пролоунг Кхмер» («Кхмерская душа»), преследовались властями. Многих из них арестовали и предали суду в Пномпене. В деятельности этой политической группировки вьетнамцы увидели не меньшую угрозу, чем от вооруженной оппозиции. Дело в том, что в то время, по свидетельству советских дипломатов в Пномпене, «значительная часть крестьянского населения Кампучии продолжала симпатизировать Сиануку, что способствовало некоторой популярности движения "Кхмерская душа" в сельских районах»[45]. В камбоджийской прессе развернулась кампания развенчания Сианука. В ноябре 1980 г. агентство СПК в комментарии «Сианук — предатель нации» указывало, что «принц выступает все больше и больше самым гнусным образом в качестве слуги пекинских экспансионистов, гегемонистов, а также империалистов»[46].

Как показали дальнейшие события, такая позиция Вьетнама была ошибочной: прождав почти два года и не получив устраивавших его предложений, Сианук согласился, наконец, с уговорами руководства КНР вновь положить свой авторитет на борьбу за независимость Камбоджи. При этом он вынудил Кхиеу Самфана провести с ним несколько раундов бесплодных переговоров, на которых выдвигал условия, заведомо невыполнимые для «красных кхмеров», вроде «требования разоружения их боевых сил в случае проведения всеобщих выборов и ухода вьетнамских войск из страны»[47]. Все это он делал для того, чтобы показать своим новым старым союзникам, что повторения сценария 1975 г. не будет и они вынуждены будут с ним считаться. Кроме этого, чтобы окончательно обезопасить себя от ситуации, когда в 1970 г. он быстро остался не у дел, стал фактически заложником «красных кхмеров», на сей раз Сианук решил сформировать полноценную военно-политическую группировку, которая бы действовала от его имени и подчинялась бы только ему. Свое решение он осуществил в мае 1981 г. в Париже, когда объявил о создании Единого национального фронта за суверенную, независимую, нейтральную, мирную и открытую для сотрудничества Камбоджу (ФУНСИНПЕК)[48]. Военную основу этого движения составили отряды некоммунистического движения Мулинака[49], основанного в марте 1979 г. неким Конг Силеахом, который при неясных обстоятельствах был отравлен летом 1981 г.[50]

Американская администрация, которая рассматривала события в Камбодже сквозь призму глобального противостояния с СССР, вполне разделяла решимость руководства КНР объединить кхмерскую оппозицию и создать единый фронт борьбы против вьетнамской власти в Камбодже. За спиной Вьетнама стоял Советский Союз и возможное истощение сил Вьетнама означало, что СССР должен был выделять все более крупные ресурсы на поддержание своего главного союзника в Восточной Азии. Связываться с Пол Потом в США не желали, поэтому профинансировали создание эмигрантской группировки, которая ориентировалась бы на США и развивала традиции ушедшего в небытие лонноловского режима. В октябре 1979 г. при негласной поддержке из Вашингтона престарелый бывший премьер-министр Камбоджи Сон Санн сформировал Народный фронт национального освобождения кхмеров (НФНОК)[51]. В его состав вошли две тысячи бойцов, а также несколько националистически и антикоммунистически настроенных группировок, в том числе остатки организации «Кхмер серей» и примыкавшей к ней «Серейка», которые, по данным советских дипломатов,

«контролировались ЦРУ»[52]. Насчитывали они около 6 тыс. человек, которые находились на территории Таиланда, где управляли двумя крупными лагерями беженцев в районе Араньяпратхета[53]. Объединив всех своих «протеже», США рассчитывали влиять на политические процессы в Камбодже и вокруг нее. Для поддержки НФНОК близ его баз в таиландском приграничном городе Араньяпратхет была образована и оперативная база «спецгруппы по делам Камбоджи», находившаяся в непосредственном подчинении ЦРУ. Ее члены контролировали распределение американской помощи, наблюдали за ситуацией в Камбодже и на ее границах. По словам одного из сотрудников этой базы в интервью журналистам, «... то, что мы делаем здесь, — это своеобразное продолжение нашей войны во Вьетнаме»[54].

В результате усилий международных спонсоров стали проявляться первые контуры возможного объединения оппозиционных НРК сил. Для того чтобы убедить и Сон Санна и Сианука в том, что «красные кхмеры» могут стать им достойными партнерами по коалиции, что они стали уже совсем другими — сторонниками частной собственности, демократии и рыночной экономики, было официально объявлено, что в декабре 1981 г. Компартия Кампучии самораспустилась по решению ее Центрального комитета[55]. Кхиеу Самфан, выступавший главным партнером по переговорам двух некоммунистических лидеров, неожиданно заявил, что ему «нравится капиталистическая экономика» и что «в период Демократической Кампучии его заставляли работать против его воли»[56].

В конце концов, под общим давлением Вашингтона, Пекина и стран АСЕАН, которые также включились в камбоджийский конфликт на стороне кхмерской оппозиции, в июне 1982 г. в Куала-Лумпуре удалось собрать лидеров трех оппозиционных группировок: Сианука, Сон Санна и Кхиеу Самфана. После короткого общего заседания они объявили о своем согласии объединиться и создать Коалиционное правительство Демократической Кампучии (КПДК). Возглавил это правительство Сианук, и его присутствие придало новому политическому образованию печать некой легитимности. После этого в ООН за осуждение вьетнамской агрессии стало голосовать не 91 государство, как в 1979 г., а 114 государств, как в 1985[57]. В КПДК численно преобладали представители «красных кхмеров» и в их руках находилось министерство иностранных дел, наиболее важное для эмигрантского правительства[58].

Коалиционное правительство Демократической Кампучии провозгласило две главные цели своих усилий: сокрушение НРК и вывод из страны вьетнамских войск. Для этого объединившиеся кхмерские оппозиционеры объявили, что планируют развернуть свою деятельность в трех направлениях: первым называлось вооруженная борьба и создание районов, освобожденных от власти оккупантов, вторым — борьба за симпатии кхмеров внутри Камбоджи, разоблачение политики марионеточного режима и стоящего за его спиной Вьетнама и, наконец, третье — дипломатическая деятельность, направленная на изоляцию НРК на международной арене[59].

Пост президента фантомного государства Демократическая Кампучия занял Сианук (который, как и рассчитывал в свое время Дэн Сяопин, переехал в Пекин), премьер-министром стал Сон Санн, а заместителем премьер-министра — Кхиеу Самфан. В таком, несколько приниженном положении Кхиеу Самфана, который пусть и формально возглавлял самую сильную в военном отношении группировку, можно видеть попытку повторить опыт освободительной борьбы 1970–1975 гг., когда большинство руководителей Компартии выступали официально как заместители министров королевского правительства, на деле обладая, в отличие от официальных министров, реальной властью. Новое коалиционное правительство являло собой довольно внушительную силу: одна только объединенная военная группировка насчитывала около 50 тыс. человек — явно больше, чем вся армия НРК. По американским данным, в 1983 г. боевые силы полпотовцев превышали 30 тысяч человек, а в группировках Сианука и Сон Санна было соответственно 12 и 5 тысяч[60].

Однако попытки превратить КПДК в новое издание НЕФК образца 1970–1975 гг., несмотря на все старания китайцев и полпотовцев, им повторить не удалось. Вместо единого штаба у каждой группировки существовало свое командование, вместо руководящей политической структуры в виде Компартии Камбоджи существовали отдельные политические структуры каждой группировки, которые подчас жестоко конфликтовали друг с другом. Единство образованного правительства оставалось столь эфемерным, что, казалось, оно может развалиться от любого случайного инцидента. Этого с нетерпением ждали в Пномпене, где снова стали пристально следить за всеми передвижениями и заявлениями Сианука[61], а в частных беседах с послами «братских стран» — сообщать, что «Коалиционное правительство Демократической Кампучии пережило ряд провалов и оно

близко к развалу»[62]. Действительно, в то время казалось, что этот развал вот-вот произойдет. По словам Д. П. Чандлера, «лидеры фракций презирали друг друга»[63], между их подчиненными постоянно вспыхивали конфликты. «Красные кхмеры», например, регулярно нападали на вооруженные отряды Сианука или Сон Санна. В свою очередь, представители этих группировок не только отказывались создавать с «красными кхмерами» объединенное командование, но и старались воевать отдельно от них. Сианук демонстративно открещивался от «красных кхмеров», заявляя, что «никогда не простит им убийства своих пятерых детей и шестнадцати внуков»[64].

Иногда отношения между партнерами настолько обострялись, что руководству КНР, которое выступало как главный организатор и спонсор всего проекта, приходилось угрожать полным прекращением субсидирования своих протеже, чтобы заставить их хотя бы на время примириться. В октябре 1984 г., например, Дэн Сяопин, принимая Сианука, Сон Санна и Кхиеу Самфана, пригрозил, что Китай прекратит им всякую помощь, если хоть один из участников коалиции будет из нее исключен. Этот резкий ультиматум прозвучал после того, как Сианук и Сон Санн (которых поддерживали министры иностранных дел стран АСЕАН) потребовали, чтобы «красные кхмеры» окончательно и публично открестились от Пол Пота. Узнав об этом, Дэн Сяопин, по воспоминаниям Сианука, стал кричать, что он не понимает, почему кто-то хочет отодвинуть Пол Пота, который, правда, допускал определенные ошибки в прошлом, но сегодня это главная фигура в войне против вьетнамских агрессоров[65].

Несмотря на горячие речи главного китайского реформатора в поддержку Пол Пота, Дэн Сяопин всегда оставался реалистом, поэтому при всех возможных симпатиях к «борцу за свободу», скорее всего, именно он в августе 1985 г. инициировал уход Пол Пота на пенсию в день его шестидесятилетия. Позже, в мае 1987 г. в Пекине, в беседе с генсеком ООН Пересом де Куэльяром он сообщил ему, что «Пол Пот и Иенг Сари считаются неприемлемыми лицами для участия в переговорах, тогда как Кхиеу Самфан приемлемый»[66]. Так что, убирая Пол Пота, китайский лидер укреплял позиции своего протеже, с которым связывал надежды на улучшение имиджа «красных кхмеров».

Ушедший на пенсию «брат номер один» стал директором Высшего института национальной обороны, о деятельности которого ничего не было известно, и официально оставался им до выхода в отставку в 1989 г.[67] Трудно сказать, насколько уменьшилась его власть после

всех этих перестановок. Скорее всего, она нисколько не уменьшилась: он оставался генеральным секретарем Компартии, действовавшей в подполье[68].

Основными финансовыми донорами камбоджийской оппозиции выступали Китай и США. Главными объектами китайской помощи оставались «красные кхмеры», а получателем американской была группировка Сон Санна. Сианук и примкнувшие к нему партизаны получали средства и от Китая, и от США, и от некоторых стран АСЕАН. Несмотря на, казалось бы, обилие источников финансирования, группировке Сианука предоставляли меньше всех и ее лидер постоянно жаловался на нехватку материальных средств и оружия для ведения войны. Он говорил, что во время его первой войны за независимость хозяином Камбоджи была только Франция, однако «после того, как мы снова потеряли независимость, я вынужден иметь дело с восемью хозяевами — США, Китаем и асеановской шестеркой»[69]. Справедливость претензий Сианука подтверждают данные, приведенные в индийской газете «Телеграф», относительно того, как распределялась китайская помощь. «Китайские поставки кхмерским группировкам, — писала газета, — делились в таких пропорциях: 95% — "красным кхмерам" и лишь 5% — остальным двум группировкам»[70]. Объем китайских поставок вооружений особенно вырос в 1985 г. и был рассчитан на то, чтобы максимально компенсировать потери, понесенные войсками КПДК при разгроме их баз и укрепленных лагерей в ходе военных действий в сухом сезоне 1984–1985 гг. Когда стал очевиден масштаб их поражения, то в мае 1985 г. Китай направил самую большую партию военной помощи. Ее львиная доля предназначалась «красным кхмерам»[71]. Не обделили и силы, подчиненные Сиануку. Им было предоставлено новое вооружение — «1500 автоматов, гранатометы, противотанковые ружья, различная военная амуниция»[72]. Это был большой прогресс в расширении поставок из Китая этой группировке, — ведь ни о каких поставках гранатометов, противотанковых ружей, другой военной техники речь раньше не шла. Говоря об объемах поставок китайского вооружения и техники его собственной группировке, Сианук в 1984 г. уточнял: «В прошлом году мы получили от Китая стрелковое оружие для 3 тыс. человек. Недавно Китай предоставил оружие еще для 2 тыс.»[73].

Об американской помощи, поступавшей в распоряжение КПДК, долгое время было известно только то, что она предоставлялась тайно по каналам Центрального разведывательного управления. В индийском

журнале «Линк» утверждалось, например, что «ЦРУ, в течение нескольких последних лет, регулярно финансировала повстанческие организации, выступающие против нынешнего камбоджийского правительства»[74]. Причина такой скрытности американской поддержки заключалась в том, что общественное мнение в США выступало резко против любых форм контактов с «красными кхмерами» и поддерживающими их группировками. Поэтому США долгое время не афишировали своих связей с Сон Санном и Сианук. Помощь им поступала главным образом по так называемой системе «заменяемых фондов», то есть средства, которые американцами предоставлялись странам АСЕАН, соответственно передавались ими некоммунистическим группировкам. Такой способ поддержки позволял скрывать истинные размеры американской помощи и использовать эти деньги в целях прямо противоположных официально объявленным. В одной из статей, посвященных этой теме, отмечалось: «Официальные американские лица осторожны при обсуждении того, как выделяется "заменяемая помощь" камбоджийским силам сопротивления, но считается, что она поступает из фонда ЦРУ для тайных операций и направляется через некоторые страны АСЕАН. Деньги, предназначенные для "гуманитарной помощи", например, предоставляются странам АСЕАН, которые затем используют эквивалентную сумму из своих собственных бюджетов для приобретения движению сопротивления оружия и военной амуниции»[75].

Постепенно, однако, по мере того как вокруг некоммунистических группировок кхмерской оппозиции возникал ореол подлинных бойцов за независимость Камбоджи, которые противостоят как «вьетнамской оккупации, марионеточному режиму в Пномпене, так и "красным кхмерам" внутри КПДК», эта помощь наращивалась и постепенно перестала быть секретной. По некоторым подсчетам, «в 1984 г. США, например, удвоили свою помощь группировкам Сианука и Сон Санна, доведя ее до 15 млн. долл.»[76].

Более всего средств поступило из США в 1985 г. Разгром лагерей сонсанновской и сианукoвской группировок и бегство тысяч находившихся там людей на территорию Таиланда привели к тому, что американцы решили публично продемонстрировать свою поддержку некоммунистическим фракциям. В апреле 1984 г. Сон Санна и командовавшего группировкой Сианука — его сына Нородома Раннарита принимали в США. На встрече в госдепартаменте им было обещано, что Вашингтон обеспечит моральную и политическую поддержку

силам камбоджийского сопротивления[77]. После этого глава ЦРУ Уильям Кейси лично посетил лагеря беженцев с тем, чтобы выяснить реальную ситуацию и нужды кхмерского сопротивления. Тогда же конгресс США первый раз открыто проголосовал за выделение 5 млн. долл. группировкам Сон Санна и Сианука. Тем самым началось прямое субсидирование некоммунистических группировок, которым неофициально разрешили тратить эти деньги не только на собственно гуманитарные нужды, но и на закупку оружия[78].

Из членов АСЕАН наиболее активными донорами антиправительственных сил Камбоджи были Таиланд и Сингапур. Функции этих двух стран разделялись: «Сингапур стал крупнейшим из стран этого региона поставщиком вооружений кхмерским формированиям, а Таиланд взял на себя роль своеобразного "прифронтового" государства в необъявленной войне против НРК, предоставив кхмерской эмиграции убежище на своей территории и превратившись в перевалочный пункт для всех видов иностранной помощи антикамбоджийским элементам»[79]. Таиланду такая «прифронтовая позиция» оказалась очень выгодна: кроме того, что он превратился в один из центров мировой политики, ему с помощью американцев за короткое время удалось усилить и перевооружить свою армию, удвоить парк танков, модернизировать военно-воздушные силы. В 1983 г. американская военная помощь Бангкоку составляла 80 млн., в 1984 — уже 91 млн., а в 1985 — 110 млн. долл.[80] Не исключено, что и часть этих средств поступала в распоряжение кхмерских группировок. По данным премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, прекрасно осведомленного об истинных масштабах финансовых вливаний в дело кхмерской оппозиции, «общая сумма помощи Китая, США, Сингапура, Малайзии и Таиланда правительству КПДК за весь период 80-х годов составляла 1,3 млрд. долл.»[81].

В партизанской войне против НРК особую роль играли многочисленные лагеря беженцев, расположенные на небольшом расстоянии вдоль камбоджийско-таиландской границы. Основной приток людей в эти районы начался в связи с вьетнамским вторжением — с января по сентябрь 1979 г. на границе с Таиландом скопились десятки тысяч камбоджийцев. Многие из них границу тогда не переходили, а оставались в лагерях на камбоджийской территории. Верховная комиссия ООН по делам беженцев помогла наладить проживание и питание людей в этих лагерях. Там находили еду и кров все камбоджийцы, включая и «красных кхмеров». В 1983 г. в районе камбоджийско-таиландской границы оказалось уже более 200 тыс. человек и еще 73 тыс. — в лагерях на

таиландской территории[82]. Советские дипломаты в Пномпене объясняли такой поток беженцев из страны тем, что операции ООН и других благотворительных фондов «по распределению помощи на границе носили провокационный характер, так как вызывали приток в этот район значительной массы кампучийского населения, что в определенной степени дестабилизировало внутреннее положение в западных районах НРК»[83]. На самом деле у тысяч камбоджийцев причин бежать из страны было множество: голод, политика обобществления собственности и изъятие риса за бесценок, партизанские действия, присутствие вьетнамских войск, просто поиски лучшей жизни. Однако и в объяснении советских дипломатов была изрядная доля правды. В войне, развязанной против НРК, беженцам уготовили роль «пушечного мяса» для противостоявших Пномпеню группировок, а наличие лагерей мигрантов с находившимися там несчастными женщинами и детьми должно было свидетельствовать о том, что оккупация Камбоджи Вьетнамом и страдания камбоджийцев продолжаются.

Эти лагеря контролировались разными фракциями оппозиции и превратились в тыловые базы их вооруженных сил. В них формировались, вооружались и готовились к войне отряды боевиков, а окрестные территории, на которые не распространялась власть НРК, в международной печати стали громко называть освобожденными районами. Судьба этих районов, беженских лагерей и тысяч людей, там проживавших, оказалась незавидной: в 1984–1985 гг. в итоге серии последовательных операций вьетнамские вооруженные силы захватили все лагеря, расположенные с камбоджийской стороны границы, и заставили их обитателей бежать в Таиланд. На тайской территории, на расстоянии от 2 до 10 километров от границы появились новые лагеря, которые так же, как и старые, быстро стали центрами набора и подготовки бойцов для отрядов оппозиции. Наиболее крупные — Нонг Чанг, Нонг Самет, Кхао-и-данг — превратились в многотысячные поселения, жители которых снабжались и обслуживались за счет средств ООН и денег, поступавших из различных благотворительных фондов на Западе и в Японии. Поддержанием дисциплины в этих своеобразных населенных пунктах обычно занимались представители той группировки, которая контролировала этот лагерь. Особенно жесткая дисциплина поддерживалась там, где властвовали «красные кхмеры». Людям не давали возможности покидать лагерь без специального разрешения, заставляли участвовать в политических мероприятиях, запрещали даже давать интервью журналистам[84].

Борьба за контроль над тем или иным лагерем, а значит и за средствами, поступавшими на его содержание, стала важной частью деятельности камбоджийских группировок. «Красные кхмеры», будучи наиболее сильной фракцией, несколько раз, несмотря на то, что они входили в общую коалицию, пытались вытеснить администрацию своих союзников из лагерей беженцев, и только опасаясь применения силы со стороны таиландской армии и полиции и международного скандала, которого совершенно не желали покровители из КНР, они не решались на широкомасштабные вооруженные действия против своих партнеров по коалиции.

И все же, несмотря на внутренние разногласия и противоречия, объединенной оппозиции удалось постепенно превратиться в реальный фактор региональной и международной политики. Соединенными усилиями враждебные НРК и Вьетнаму силы в Пекине, Вашингтоне и в столицах стран АСЕАН не только сумели реанимировать кхмерскую оппозицию, но и придать ей некоторую легитимность, власть и влияние. Можно сказать, что план борьбы с вьетнамским присутствием в Камбодже, предложенный Дэн Сяопином в беседе с Иенг Сари еще в январе 1979 г., хоть и с огромными трудностями, но все-таки был реализован. Силы оппозиционеров были неизмеримо слабее вьетнамских войск, но после каждого поражения они возрождались, благодаря объединенной китайско-американской и асеановской помощи. Как и рассчитывал Дэн Сяопин, военные действия в Камбодже приобрели затяжную форму и превратились в войну на истощение Вьетнама, которая требовала от него все новых усилий для сохранения статус-кво.

2. Особенности формирования армии НРК. Боевые действия в стране в 1979–1987 гг.

Объединение глав оппозиционных НРК группировок в коалиционное правительство и расширение партизанских действий на территории Камбоджи побудило вьетнамских военных и политических советников ускорить формирование вооруженных сил НРК. Долгое время они обращали мало внимания на строительство армии НРК, и ее численность в начале 80-х годов вряд ли превышала 20–30 тыс. человек[85]. О реальном положении дел можно судить по выступлению Чан Вена — председателя Народно-революционного комитета Пномпеня на второй городской отчетно-выборной конференции ЕФНСК, состоявшейся

в апреле 1981 г. Вот что он заявил: «В настоящее время нет возможности увеличивать численность Национальных вооруженных сил, чтобы они сами обеспечивали безопасность страны. Не хватает средств, низок уровень сознания молодежи, недостает вооружений, на 10–15 человек приходится 5 автоматов и винтовок. Полиция малочисленна. Внутри страны обеспечением безопасности занимаются вьетнамские товарищи»[86].

Как это ни удивительно, но в первые годы существования НРК Вьетнам вполне устраивало такое положение дел. Нежелание наращивать численность и боевую мощь собственно камбоджийских войск объяснялось и политическими и экономическими причинами. Что касается политики, то начало 80-х годов совпало с расцветом идеи «особых отношений боевой солидарности» трех индокитайских государств, предусматривавшей фактически постоянное военное присутствие вьетнамских войск в Камбодже и их боевое взаимодействие с камбоджийскими, а в Лаосе с лаосскими частями. Естественно, ввиду этих «особых отношений» проблемы ускоренного роста собственно камбоджийской армии не были первоочередными, поскольку вьетнамские вооруженные силы надежно защищали создававшиеся структуры власти, обеспечивали стране безопасность. Например, Пен Сован и его сторонники рассчитывали на то, что вьетнамцы останутся в Камбодже неопределенно долго и защитят НРК от внешних угроз. А внутренние угрозы, полагали они, вполне можно было отразить и небольшими преданными руководству вооруженными отрядами[87].

Не исключено, что и вьетнамское руководство долгое время не особенно стремилось увеличивать численность камбоджийской армии, поскольку не было уверено в ее лояльности, тем более что содержать ее предстояло в основном за счет вьетнамского военного бюджета. Все эти аргументы перевешивали доводы, говорившие в пользу формирования в Камбодже массовой армии, так что регулярные войска НРК, ядро которых составляли боевые подразделения ЕФНСК, долгое время комплектовались по принципу ограниченного добровольного набора. Их боеспособность была невысока, и в операциях вьетнамских сил против отрядов оппозиции им отводились вспомогательные и второстепенные функции. В армии НРК ощущалась также острая нехватка подготовленных командных кадров всех ступеней, у нее была слабая материальная база и существовали трудности в снабжении продовольствием. Камбоджийцы не стремились идти в армию, которая выполняла в конечном счете приказы вьетнамского командования.

Еще в апреле 1979 г., на первом крупном совещании по военным вопросам, организованном руководством страны, говорилось о необходимости комплектования такой народной армии, которая состояла бы из регулярных частей, территориальных войск, сил безопасности и самообороны[88]. Однако в начале 80-х годов армия НРК скорее напоминала боевые отряды партии, чем полноценные вооруженные силы. В этой армии влияние партии и партийных органов было определяющим. Территориальные войска, например, которые должны были взять на себя весь груз ответственности за положение в сельской местности, подчинялись здесь не военному, а партийному руководству[89]. Плохо вооруженные, не имеющие четкой мотивации, эти части были настолько плохи, что долгое время вообще никак не учитывались как реальная сила в вооруженной борьбе. Перед регулярной армией, руководимой помимо командиров множеством политработников и комиссаров разного уровня, ставилась задача не столько укрепить свою боеспособность, сколько увеличить число членов партии и сознательных бойцов в подразделениях. Главная военная газета камбоджийской армии «Кон тоап падевоат» в статье, озаглавленной «Активнее готовить в армии кандидатов в члены НРПК», писала, например: «Укрепление партийного влияния в армии неразрывно связано с увеличением в ней числа кандидатов в члены и членов НРПК. В первой половине 1984 г., — отмечала газета, — как и предусматривалось партией, 370 человек стали кандидатами в члены НРПК, а 69 членами партии. В армейских подразделениях за этот короткий срок образовано 7 новых партийных ячеек... В каждом подразделении должны быть отобраны лучшие солдаты и военнослужащие, хорошо проявившие себя в боях, для подготовки их к вступлению в партию»[90].

В реальных условиях Камбоджи ее воинские части подчас были вынуждены кормить себя сами — т. е. заниматься не столько боевой подготовкой, сколько сельскохозяйственным трудом, выращивать рис. Например, в 1984 г. в печати сообщалось: «[Части НРАК], расквартированные в провинции Кратие, занимаясь рисоводством, получили около 25 т риса с засеянных ими 20,5 га земли. Кроме риса они возделывали дополнительные продовольственные культуры, в частности кукурузу, бананы, разводили скот, занимались рыболовством и охотой»[91]. В том же номере газеты «Кон тоап падевоат» (Революционная армия) отмечалось, что «к настоящему моменту жизнь солдат... стала значительно лучше по сравнению с первыми годами после образования НРАК»[92]. Это улучшение состояло в том, что, по сообщениям западной печати,

«кхмерские солдаты стали получать жалованье 300–600 риелей в месяц и рис для своей семьи»[93].

Некоторое улучшение положения армии объяснялось еще и тем, что каждую камбоджийскую провинцию обязали поставлять часть собранного продовольствия для снабжения вооруженных сил. Та же газета «Кон тоап падевоат» писала: «В соответствии с политикой НРПК и камбоджийского государства, направленной на укрепление рядов армии, улучшение условий жизни бойцов, все провинции страны теперь принимают участие в оказании помощи НРАК. Только за первую половину 1984 г. провинция Кандал предоставила вооруженным силам 36 быков, более 130 голов свиней, 10 т пальмового сахара и другие продукты. Большая помощь армии оказывается и в провинциях Баттамбанг, Пурсат и Прейвенг»[94].

Несмотря на эту помощь, улучшение материального обеспечения армии было настолько незначительным, что идти служить в ней находилось мало охотников. Тем более что над армией, особенно офицерским корпусом, довлела зависимость от вьетнамского командования. К 1985 г. выяснилось, что армия НРК численно не только не превосходит полпотовские боевые отряды, но даже уступает им. Выучка бойцов, как показали военные действия 1983–1985 гг., также оставляла желать лучшего. В ситуации затяжного конфликта, когда наряду с вьетнамской все более стала ощущаться необходимость формирования более многочисленной и боеспособной кхмерской армии, принятую еще во времена Пен Сована модель «небольшая армия добровольцев — вооруженный отряд, преданный партии» признали неэффективной. От набора на добровольных началах решили отказаться. В сентябре 1985 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности: каждый мужчина в возрасте от 18 до 30 лет должен был пройти службу в НРАК в течение 5 лет. Призывные округа были образованы по территориально-производственному принципу, а для контроля и координации призыва при народно-революционных комитетах были созданы специальные советы[95].

Решение о введении всеобщей воинской обязанности означало крутое изменение в сфере военного строительства и укладывалось в общее русло перемен, начавшихся после того, как одержала верх группировка прагматиков в руководстве НРПК. Это была непопулярная мера и она не встретила поддержки у большей части кхмеров. Келвин Роули отмечал, что «введение всеобщей воинской повинности, как и строительство бамбуковых заграждений вдоль границы с Таиландом

(так называемый план К-5), вызывали сильное недовольство в кхмерском обществе»[96]. Ситуация усугублялась и другими обстоятельствами. Газета «Кон тоап падевоат», в частности, отмечала: «В ряде мест нарушаются правила призыва в армию. Введена система жеребьевки, даются взятки, чтобы избежать призыва на военную службу»[97]. Однако, несмотря на эти очевидные политические издержки, своей цели правительство НРК добилось: введение всеобщей воинской обязанности привело к росту численности армии НРК. По подсчетам западных специалистов, к моменту вывода вьетнамских войск в ней насчитывалось уже «более 50 тыс., но, возможно, и около 100 тыс. человек»[98].

Армия НРК существенно укрепилась в это время еще и за счет того, что часть вооружения вьетнамцы при своем уходе оставляли в распоряжении боевых частей НРАК. Кроме того, всюду в танковых частях, войсках связи, специальных частях оставались вьетнамские советники, которые восполняли нехватку офицеров нужного профиля. Боеспособность частей несколько выросла также и за счет того, что уход вьетнамцев все более превращал армию в главную преграду к возвращению полпотовцев к власти. Это меняло отношение к армии в народе, ее стали рассматривать не столько как провьетнамскую, сколько как антиполпотовскую силу. К 1988 г. общая численность вооруженных сил правительства НРК уже намного превышала силы КПДК, которые, если судить по данным в американской печати, насчитывали в то время около 60 тыс. человек: «"красные кхмеры" держали под ружьем 30–40 тыс. человек, у Сианука было 12–19 тыс., а у Сон Санна около 5 тыс.»[99].

В 1979–1991 гг. военное противостояние между правительством в Пномпене и его противниками прошло несколько этапов. На первом главными действующими силами были вьетнамская армия, с одной стороны, и вновь собранные и заново вооруженные с помощью Китая «красные кхмеры» — с другой. Борьба между ними проходила с явным преимуществом вьетнамцев, которые последовательно пресекали любые попытки «красных кхмеров» создать в Камбодже освобожденные районы и превратить их в базы для дальнейших действий. Однако разгром боевых отрядов этого движения не привел к краху самого движения, так как благодаря китайской военной и материальной помощи разбитые части вновь приводили себя в порядок и атаковали вьетнамские посты. К 1983 г., например, «красные кхмеры» сумели восстановить 9 своих дивизий[100] и даже создали специальную группировку «Ронсае»[101] для действий в глубоком тылу камбоджийской территории.

Численность этой группировки, которая была разделена на небольшие ударные отряды, могла, по некоторым данным, составлять 10 тыс. человек, при том что «общее число контрреволюционеров внутри страны (по оценке Чеа Сима) составляло приблизительно 12–15 тысяч»[102].

Первоначально главная цель некоммунистических формирований кхмерской оппозиции, действовавших внутри страны, заключалась в свержении правительства НРК путем вооруженного переворота в Пномпене. В 1979–1980 гг. в город засылались специальные боевые группы, которые и должны были вести пропаганду и организовать выступление. Одни формирования с громкими названиями, вроде «Новый кхмер», «Националист», «Черный орел», представляли силы Сон Санна и Сианука и были раскрыты органами безопасности НРК еще в процессе подготовки самой акции. Другим, вроде «Лиги освобождения Кхмерской Республики», связанной с Сон Санном, удалось предпринять в начале 1980 г. реальные антиправительственные действия, выразившиеся в попытке атаковать вьетнамскую военную базу в одном из районов кхмерской столицы. Выступление было быстро подавлено, а руководитель этой лиги Хем Кришна и 17 его сообщников были арестованы[103].

В отличие от Сианука и Сон Санна «красные кхмеры» изначально сосредоточили свою основную деятельность в сельских районах. Во многом благодаря их активности боевые действия в Камбодже приобрели в 1983–1984 гг. особенно широкий размах. Велись они главным образом в приграничных районах, однако и вокруг Пномпеня и других провинциальных центров ситуация становилась все более напряженной. Многие дороги стали небезопасны, нападения на отдельные укрепленные пункты вьетнамской армии совершались не только ночью, но и днем.

Причин, приведших к столь резкой дестабилизации обстановки в стране, было несколько: экономическая политика властей не пользовалась популярностью, малочисленным и слабоуправляемым был партийный и административный аппарат, в обществе стихийно нарастали антивьетнамские настроения, что было следствием засилья советников и военных этой страны, а также довольно интенсивного переселения в Камбоджу этнических вьетнамцев. Кроме того, благодаря поддержке Китая, полпотовцы сумели переформировать свои отряды, перевооружиться и вернуть себе уверенность в собственных силах. Им удалось перерезать многие важные коммуникации, и уже спокойно проехать на машине из Пномпеня в Баттамбанг стало делом небезопасным

и рискованным. Еще более непросто стало попасть из Пномпеня в главный порт страны Кампонгсаом. После нескольких успешных диверсий боевиков движение по этой дороге почти прекратилось, а наиболее опасный участок в Кардамоновых горах преодолевали только караваны с мощной вьетнамской охраной. Лаосский посол в это время жаловался советскому о том, что «проект перевозок товаров в Лаос через Кампонгсаом тормозится неразвитой инфраструктурой, а также трудностями с обеспечением безопасности перевозок»[104].

Все эти успехи очень дорого обходились полпотовцам. Несмотря на все их усилия, за пределами районов, прилегающих к камбоджийско-таиландской границе, им не удавалось создать полноценные «освобожденные районы», где можно было бы наладить снабжение, медицинское обеспечение солдат, расположить центры военного управления и пропаганды. Чем дальше в глубь страны проникали ударные отряды «Ронсае», тем больше они страдали от нехватки провианта и отсутствия медицинской помощи. Это вынуждало их переправлять больных и раненых обратно в район кампучийско-таиландской границы, теряя таким образом множество людей. Отсюда, пояснял Чеа Сим в беседе с советским послом в Пномпене, — и сравнительно невысокие боевые качества полпотовских боевиков: «При столкновениях с частями НРК они не выдерживают и 15 минут боя и обращаются в бегство»[105].

Столь оптимистичные оценки председателя Национального собрания НРК лишь отчасти соответствовали действительности. На самом деле, несмотря на все трудности, «красные кхмеры» активно расширяли свои операции, и в докладе министра обороны НРК Бу Тхонга на сессии Национального собрания, состоявшейся в Пномпене в августе 1984 г., зазвучали уже совсем иные ноты. Он признал, что в последнее время ситуация с безопасностью в стране ухудшилась и в 1983 г. «враги предпринимали усилия, чтобы захватить ряд наших укрепленных пунктов вдоль дороги №25 на севере провинции Кохконг». Бу Тхонг сказал также, что «“красные кхмеры” развивали боевые действия в приграничных зонах, стремясь расширить имеющиеся базы, превратить их в так называемый “освобожденный район”... их силы пытались преодолеть наши пограничные укрепления и выйти в тыл страны, перерезать основные магистрали, вести борьбу в каждой провинции и каждом уезде...»[106]. Газета «Кампучия» также отмечала: «...В сезон дождей 1983 г. и с начала нынешнего года вооруженные силы наших врагов значительно активизировали свои подрывные действия против народной власти. Возникла острая необходимость мобилизовать весь

народ и нанести тяжелые удары по базам и лагерям врага, защитить безопасность страны»[107]. Трудно сказать, сумела бы устоять в это время НРК, если бы не мощь и опыт вьетнамских сил, которые по всем показателям превосходили партизан КПДК.

Крупномасштабные операции против основных баз кхмерской оппозиции вьетнамское командование разбило на два этапа: те базы и лагеря, что подлежали уничтожению в сухой сезон 1983–1984 гг., и те, что предстояло ликвидировать в сухой сезон 1984–1985 гг. Главные операции на первом этапе были направлены против «красных кхмеров», которые были наиболее активны и представляли наибольшую угрозу власти. Операции развивались успешно и привели к ликвидации укрепленного полпотовского района, расположенного на юго-западе провинции Баттамбанг в горной местности Пхном Стынг, и разгрому базировавшейся там дивизии. Две другие передовые базы «красных кхмеров» были разбиты в провинции Сиемреап, а в конце 1983 г. в провинции Пурсат прекратила существование и так называемая 401-я войсковая часть группировки Сон Санна[108]. Но самым большим успехом на первом этапе действий стало уничтожение так называемого «передового штаба» Пол Пота в провинции Преахвихеа. Камбоджийская печать приводила такие данные: «Территория этой базы простиралась на 10–12 км вдоль камбоджийско-таиландской границы и служила главным центром для переброски через границу вооружений и боеприпасов. Опираясь на нее, полпотовцы в 1983 г. стали продвигаться во все районы провинции Преахвихеа. Они убивали людей, сжигали дома, творили зверства»[109]. Итогом операций первого этапа стало «существенное улучшение обстановки в приграничных районах, уничтожение более 5 тыс. бандитов»[110].

Несмотря на эти успехи, ситуация в стране продолжала оставаться очень напряженной. На состоявшейся в июле 1984 г. «общенациональной конференции по массовому движению» Чеа Сим докладывал: «…В настоящее время деревни и сельские волости (пхумы и кхумы. — *Д. М.*) превратились в арену напряженной борьбы между нами и врагом. Идет трудная борьба за создание и укрепление народной власти на местах. Именно там враги наносят главные удары. Цель противника — привлечь на свою сторону население сельских районов, захватить их и там утвердиться… Положение в стране мы оцениваем следующим образом: в 69 уездах народная власть обладает прочными позициями, в 48 — наши позиции средние и в 30 — слабые»[111]. Простой арифметический подсчет показывает, что власти НРК более половины всех

уездов страны или не контролировали, стыдливо называя свои позиции там слабыми, или контролировали лишь частично, когда днем власть была у них, а ночью у их противников.

Некоторая стабилизация положения наступила только тогда, когда в сухой сезон 1984–1985 гг. силы КПДК потерпели новые поражения и были последовательно уничтожены все еще остававшиеся на территории Камбоджи вдоль границы с Таиландом военные базы. Первоначально наступление вьетнамских сил было развернуто не против «красных кхмеров», а против баз группировки Сон Санна. В течение января 1985 г. пали все принадлежавшие ей укрепленные районы в Камбодже, в том числе наиболее крупные — Ритисиен, Обок, Нонг Самет. Разгрому подверглась и главная база сонсанновцев — Ампил в провинции Баттамбанг. Около 15 тыс. солдат этой группировки спаслись бегством, перебравшись на территорию Таиланда[112]. После этого вьетнамское командование обратило удар на еще остававшиеся в Камбодже полпотовские базы и одновременно с этим разбила отряды группировки Сианука в укрепленном лагере близ Татума. Из этого района более 3 тыс. человек бежали на таиландскую территорию[113].

Своими действиями на разных направлениях вьетнамское командование стремилось посеять иллюзию, что основная укрепленная зона «красных кхмеров» на территории Камбоджи — Пхном Малай не станет объектом нового удара. Этот район, покрытый тропическими лесами, занимал 280 кв. км[114]. Здесь находилось несколько баз и лагерей, расположенных в труднодоступной горной местности. Здесь же располагалась и небольшая деревушка Пхном Тхмей, провозглашенная временной столицей «Демократической Кампучии». Именно там разыгрывались спектакли с вручением верительных грамот послами стран, признававших КПДК законным представителем камбоджийского народа. Вьетнамское командование стремилось, чтобы в этом, как казалось «красным кхмерам», относительно безопасном районе собралось больше всего боевиков, перешедших сюда с ранее разгромленных баз и лагерей. Как и планировали вьетнамские военные, собранные в Пхном Малай дивизии «красных кхмеров» не смогли противостоять массированной атаке танков и спецназа. В ходе операции вьетнамские войска прорвались в центр этого района, захватили новоявленную столицу, вынудив около 30 тыс. полпотовцев бежать из тщательно подготовленного к обороне горного комплекса[115].

Общим итогом операций 1983–1985 гг. стало полное уничтожение крупных военных баз сил КПДК в приграничье Камбоджи и Таиланда. Значение этих побед для судьбы НРК было огромно, ибо новая власть в Пномпене получила передышку и, следовательно, возможность стабилизировать ситуацию во многих районах страны. Газета «Пномпень» отмечала: «Разгром сил контрреволюции в сухой сезон 1984–1985 гг. стал самой крупной нашей победой после 7 января 1979 г.»[116]. Стабилизировалась обстановка и в приграничных районах, но особенно заметно упала активность вооруженных групп в самой стране, поскольку они лишились коммуникаций и баз снабжения внутри Камбоджи.

Разгром 1984–1985 гг. окончательно развеял надежды «красных кхмеров» на повторение столь удачной в период 1970–1975 гг. стратегии «ползучей войны», когда освобожденные районы медленно и последовательно расширяли свои границы, окружая городские центры плотной осадой. Вьетнамское командование вынудило противника отказаться не только от масштабных операций в Камбодже, но и создало серьезные препятствия для нападений на Камбоджу извне с территории Таиланда. Проникать через границу, вдоль которой была устроена укрепленная полоса препятствий и минных полей[117], представляло все большую сложность, и только немногие группы боевиков, так называемых «кром чолат», рисковали проникать в глубь Камбоджи. Эти бандиты устраивали засады на дорогах, минировали их, нападали на отдельные посты, главным образом в отдаленных и труднодоступных приграничных районах.

В стране наступила некоторая пауза, характеризовавшаяся снижением общей военной активности. В 1987 г. журнал «Неак кхусна» отмечал: «...Случаи нападения вооруженных группировок противника на деревни, автомашины, поезда все еще продолжаются. Бандиты разрушают школы, ирригационные сооружения. Тем не менее, активность вражеских сил снижается. За три месяца 1987 г. она упала примерно на 30% по сравнению с тем же периодом 1986 г.»[118].

На самом деле напряженность борьбы не уменьшилась, она только перешла больше в сферу пропаганды и агитации, началась борьба за симпатии людей. Теперь оппозиционные силы сосредоточили свои действия на расширении пропагандистской войны против правительства, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнение, сформировать свои «зоны влияния». Полпотовцы, например, развернули пропаганду среди многочисленных представителей беднейших

слоев крестьян, которые в 1975–1979 гг. занимали ведущее социальное положение в структуре камбоджийского общества. Именно из их числа в свое время формировались основные кадры полпотовской партии и армии, органов безопасности, административного аппарата. Руководство «красных кхмеров» разработало также подробные планы того, как привлечь на свою сторону и другие слои населения. В секретном документе «О расстановке сил в стране и наших задачах», полученном от одного из перебежчиков и опубликованном на Западе, утверждалось, что настроенные поддержать «красных кхмеров» крестьяне составляют самую многочисленную часть населения Камбоджи. «Мы должны воспитывать этих людей, — заявляли авторы этого документа, — чтобы они стали нашей стратегической силой сегодня и в будущем». Вторую, менее многочисленную группу по классификации «красных кхмеров» составляли «люди, настроенные антивьетнамски. Они ненавидят вьетнамцев, но боятся погибнуть». К третьей категории были отнесены «люди со средним и высшим достатком», которые «выступают за мир и свободный рынок». К четвертой категории причислялись те, кто «не любит вьетнамцев и в то же время коммунистов и социалистов»[119]. Объединить всех этих людей полпотовцы надеялись, апеллируя к кхмерскому национализму, через своих агитаторов и сторонников, которые указывали на засилье в стране вьетнамцев, на иммиграцию тысяч вьетнамцев на территорию Камбоджи, на угрозу гибели кхмерской нации[120].

Все это находило отклик у многих кхмеров и даже армейская газета «Кон тоап падевоат» признавала, что «психологическая война, развернутая оппозицией, приносит ей определенный успех» и что «особую опасность несет распространение враждебной пропаганды среди сельского населения». Далее газета писала: «Реакционеры передают заведомо ложные сведения о своих победах, порочат и извращают политическую линию НРПК и государства, стараются войти в доверие к народу. Они постоянно повторяют главный лозунг своей пропаганды — "кхмеры не должны воевать против кхмеров". Таким путем они пытаются ослабить волю народа к борьбе, расколоть единство армии и народа, армии и органов народной власти. Особенно упорно они стремятся подорвать камбоджийско-вьетнамскую солидарность»[121].

Однако успех этой полпотовской пропаганды, впрочем, как и усилий группировок Сон Санна и Сианука, оказался относительным и явно не таким, как ожидали лидеры КПДК. Дело в том, что их противники в Пномпене своей прагматичной политикой успели привлечь

на свою сторону и часть крестьянства и другие социальные группы камбоджийского общества. К тому же начавшейся вывод из страны вьетнамских войск положительно сказался на имидже и режима и его армии в камбоджийском обществе. Националистическая и антивьетнамская пропаганда перестала быть такой действенной, как раньше.

Новый этап в военном противостоянии начался с конца 1987 г., когда по мере вывода вьетнамских войск главная роль в военных операциях перешла к правительственной армии. А так как ее боеспособность была во много раз ниже, чем у вьетнамских частей, у руководства «красных кхмеров», которые вполне оправились от предыдущих поражений, вновь забрезжила надежда на захват власти военным путем. Пояс приграничных укреплений был во многих местах прорван, а сторонники оппозиции «проникли в сотни камбоджийских деревень, особенно вокруг озера Тонлесап и в провинции Баттамбанг... бои с правительственными силами происходили в провинциях Пурсат, Кампонгчхнанг, Кампонгтхом и Баттамбанг»[122]. В это время кхмерское руководство предоставило Б. Н. Чаплину (который прибыл в Пномпень в начале июня 1988 г. как специальный посланник Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева) следующие сведения: «Формирования противника (сил КПДК. — *Д. М.*) насчитывают 54 тыс. человек, в том числе 21 тысяча действует на территории Кампучии. В составе боевых подразделений насчитывается 39 тыс. человек. Со стороны НРК им противостоят более 100 тыс. военнослужащих регулярной армии и территориальных войск, а также порядка 120 тыс. вооруженных ополченцев»[123].

В реальных условиях, сложившихся в стране, такое решительное преобладание правительственных сил еще ни о чем не говорило. Боеспособность правительственной армии была намного ниже, чем у ее противников. Советские дипломаты сообщали: «Военнослужащих Народно-революционной армии Кампучии (НРАК), по оценке друзей (вьетнамских военных советников. — *Д. М.*), больше волнуют проблемы задержек выплаты жалованья и несвоевременное снабжение. Усилились среди них и пацифистские настроения»[124]. Радиостанция «красных кхмеров» с регулярностью сообщала о десятках солдат, переходивших на сторону оппозиции: «За период с 23 мая по 20 июня 1987 г. из НРАК дезертировало 577 человек, большинство из которых присоединилось к Национальной армии Демократической Кампучии (полпотовские силы. — *Д. М.*)»[125]. В августе передавались сообщения «о восстании курсантов военной школы в провинции Кампонгчхнанг,

при этом 70 человек из восставших присоединились к полпотовской Национальной армии»[126]. В июле 1987 г. сообщалось «о выступлении камбоджийского населения провинции Кампонгспы против расселения в этой провинции вьетнамских поселенцев»[127], в октябре — о «восстании и боях с вьетнамскими агрессорами полков 5-й и 7-й армий пномпеньского режима в провинции Сиемреап», о том, что силы оппозиции освободили от власти пномпеньского режима 25 волостей[128].

Даже если не все в этих сообщениях соответствовало действительности, они в большей или меньшей степени отражали достаточно напряженную обстановку в стране. По мере все более очевидного и довольно значительного вывода из Камбоджи вьетнамских сил, боевики «красных кхмеров», казалось, обрели новую энергию и попытались взять в свои руки стратегическую инициативу. В декабре 1986 г. они атаковали пномпеньский аэропорт Почентонг, в январе 1987 г. разгромили вьетнамский конвой с продовольствием, атаковали вьетнамский военный лагерь в Баттамбанге[129]. В марте 1987 г. во время обстрела ракетами расположения вьетнамских войск в Сиемреапе было убито два советских военных советника[130]. В ноябре полпотовское радио сообщило, что «все солдаты армии режима Хенг Самрина, захваченные в плен в боях под Сисоспхоном (близ камбоджийско-таиландской границы. — *Д. М.*), были отпущены к своим семьям»[131].

Такие сообщения свидетельствовали об определенных успехах «красных кхмеров», которые во многих местах, воспользовавшись отсутствием вьетнамских частей и нестойкостью частей НРК, прорвали оборонительную приграничную линию и перенесли боевые действия в глубь страны. Однако решающих успехов добиться они не смогли, и происходившие сражения показали, что армия НРК хотя и с трудом, но сдерживала атаки сил оппозиции. У полпотовцев явно не хватало тяжелого вооружения и в первую очередь артиллерии и танков, чтобы захватывать хорошо укрепленные города. А между тем «красные кхмеры» атаковали всей своей мощью, доведя численность войск до 40 тысяч человек[132]. Их отряды несколько раз были близки к тому, чтобы овладеть Баттамбангом — крупнейшим городом на западе Камбоджи. К городу они подходили, но взять его так и не смогли, и были отброшены на исходные позиции частями НРАК.

Эти успехи правительственной армии и неудачи «красных кхмеров» не могли изменить общего негативного в целом для Вьетнама вектора развития камбоджийского конфликта. Дело в том, что расходы на содержание армии, ведение боевых действий и помощь правительству

НРК опустошали и без того небогатый вьетнамский бюджет. В условиях перманентного экономического кризиса советская помощь далеко не покрывала расходов Вьетнама на войну в Камбодже. Ситуация для Ханоя сложилась так, как еще в октябре 1979 г. предсказывали многие аналитики. Западные дипломаты считали тогда, что «Китай попытается найти способ заставить вьетнамскую армию увязнуть в Кампучии, создать для правительства и экономики Вьетнама трудности, вплоть до их развала»[133]. Вьетнамцы были осведомлены об этих прогнозах и сами прекрасно понимали, чего и как добивается Пекин, но сделать ничего не могли.

Бесконечная война на истощение, навязанная Китаем и США, вела к консервации крайне низкого уровня жизни большинства населения, усиливала негативные тенденции во вьетнамской экономике, которая развивалась крайне медленно, особенно по сравнению с соседями Вьетнама государствами — членами АСЕАН. Кроме того, международная изоляция Вьетнама из-за присутствия в Камбодже его войск приводила к тому, что авторитет СРВ в мире был подорван и дорога во многие международные политические и экономические организации закрыта. Надо сказать также, что начало перестройки в СССР, главном доноре СРВ, объявление в Москве о намерении примирения с Китаем и поиске путей ликвидации противостояния с США не могли не породить неуверенности в Ханое относительно геополитических планов нового Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. В ситуации растущей неопределенности во Вьетнаме пришли к выводу, что необходимо изменить позицию, касающуюся Камбоджи, и выбрать путь политического компромисса. Но для этого следовало подтолкнуть правительство НРК существенно скорректировать принятую в Пномпене формулу урегулирования камбоджийского конфликта, которую в 1983 г. четко обозначил Хун Сен: «Решить проблему кхмерских реакционеров, к числу которых относится Сианук, можно только одним путем — их полного уничтожения с помощью оружия. Это единственная стратегическая линия НРПК, и мы можем вести переговоры с китайцами, американцами, либо с любой другой страной. Однако мы не пойдем на переговоры с их лакеями»[134]. Теперь следовало найти новую формулу урегулирования, исключить из числа «лакеев» Сианука и начать переговоры с этой, как выяснилось, ключевой фигурой кхмерской политики.

ГЛАВА XIII

ПРОЦЕСС МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В КАМБОДЖЕ

1. Начало мирного диалога камбоджийских сторон

Выбор Сианука в качестве наиболее предпочтительного партнера по переговорам, сделанный в Ханое и Пномпене, был вполне понятен: договоренность с ним о разделе власти немедленно привела бы к расколу объединенной оппозиции. А это была главная цель всех, так сказать, мирных усилий НРПК. «Наша задача добиться раскола сил врага», — говорил Хенг Самрин А. А. Громыко в июле 1988 г. в Москве[1]. Кроме того, НРК с Сиануком во главе немедленно превратилась бы в легитимного и международно-признанного представителя народа Камбоджи, а КПДК, с ее неприкрытым господством «красных кхмеров», — в изгоя международной политики. Вот почему начать мирный диалог в Пномпене решили только с бывшим кхмерским монархом и предпочли проигнорировать вполне реалистичный план мирного урегулирования конфликта, который был выдвинут КПДК еще в 1986 г. В нем, в частности, говорилось, что «КПДК призывает Вьетнам вступить с ним в непосредственные переговоры о выводе войск и о прекращении боевых действий под контролем ООН», предлагалось создать четырехстороннее правительство Камбоджи с участием НРПК, в котором все стороны получили бы равные права. В этом плане предусматривалось и проведение демократических выборов под эгидой ООН и образование после них нейтральной и мирной Камбоджи, связанной с Вьетнамом договором о мире и ненападении[2].

Многие предложения из этого документа впоследствии будут воспроизведены в плане ООН относительно Камбоджи и будут приняты властями Пномпеня, но в 1986 г. ни в Ханое ни в Пномпене еще не были готовы и категорически не хотели вступить в переговоры с «красными кхмерами», т. е. фактически признать их, впрочем, как и не хотели проводить выборы в Камбодже под контролем ООН. Вариант сепаратного соглашения с Сиануком представлялся более надежным с точки зрения сохранения и власти НРПК и вьетнамского влияния в Камбодже.

Надежды на сепаратные договоренности стали еще реальнее, когда в мае 1987 г. Сианук, в ответ на очередное нападение сил «красных кхмеров» на бойцов своей Национальной сианукovской армии (НСА), объявил, что «прекращает на 12-месячный период с 7 мая 1987 г. по 7 мая 1988 г. всякую дипломатическую и другую деятельность в пользу Демократической Кампучии»[3]. Он обвинил также «красных кхмеров», что они «продолжают с большой жестокостью и цинизмом нарушать права человека» и угнетают кхмерское гражданское население в зонах своего контроля[4].

Подготовка к переговорам с бывшим монархом и президентом КПДК началась в первые месяцы 1987 г. Тон и пропагандистская начинка радиопередач и газетных статей в государственных средствах информации моментально изменились. Бывший глава государства в одночасье перестал быть виновным в полпотовском геноциде, перестал быть «самым гнусным предателем»[5], китайским агентом и вообще «врагом кхмерской нации»[6]. Тогда же было официально объявлено, что «в целях национального согласия» готовятся переговоры с отдельными представителями или организациями антиправительственных сил, ведущих вооруженную борьбу против НРК[7].

Переговоры готовились довольно долго, так что иногда казалось, что они никогда не начнутся. Неторопливость их подготовки объяснялась опасениями верхушки НРПК внести раскол в правящий в стране класс. Ведь отнюдь не все в партии были в восторге от начала переговорного процесса. Хорошо информированные о положении в стране советские дипломаты отмечали в этой связи: «Большинство кадровых работников и населения в целом выражали поддержку курсу партии, определенная часть кхмеров, включая и кадровых работников, высказывала несогласие с политикой национального примирения. По их мнению, условия для политического урегулирования еще не созрели»[8].

Только более чем через полгода, в течение которого в Ханое и Пномпене продолжались дискуссии о том, иметь или не иметь дело с Сиануком и в каких пределах допустим с ним компромисс[9], переговорный процесс стал приобретать реальные очертания. Правительство НРК 29 августа 1987 г. приняло декларацию «О политике национального примирения», в которой предложения кхмерской стороны были конкретизированы и воплотились в повестку дня для переговоров с Сиануком. В этом документе отмечалось, что «политика национального примирения преследует долгосрочные цели и предполагает объединение всех камбоджийцев, приверженных патриотическим идеалам,

в монолитный блок»[10]. Эту расплывчатую формулировку журнал «Неак кхусна» разъяснял так: «НРК готова к переговорам с руководителями противостоящих сил, исключая Пол Пота и нескольких наиболее близких к нему единомышленников»[11]. Из самой декларации и из комментариев к ней в кхмерской прессе оставалось неясным, что за монолитный блок собирались создать власти НРК и кого из полпотовских единомышленников они готовы были простить, а кого собирались судить. Без ответа на эти вопросы предложение о начале переговорного процесса оставалось пустой декларацией, тем более что власти НРК никаких принципиально новых предложений не выдвинули. Фактически они просто вернулись к тезисам программы ЕФНСК образца 1979 г. Там тоже высказывалось намерение судить главарей режима, а полпотовцев-патриотов простить и принять в ряды Фронта.

Более того, если внимательно вчитаться в кхмерский текст этого заявления, то мы увидим, что термин *бонру бонруом*, который обычно переводили на русский как «примирение», скорее следовало бы переводить как «объединение», а не примирение (*сомрох сомруол*). Последний термин фигурировал в кхмерской официальной прессе, когда речь шла об урегулировании конфликта в Афганистане, и никогда не применялся к Камбодже[12]. Выбор слова «бонру бонруом» применительно к процессу мирного урегулирования в стране был неслучаен. Он отражал представление руководства НРК о том, что мирный процесс означает объединение всех патриотических сил если не вокруг НРПК, то уж точно вокруг Национального фронта, контролируемого НРПК. «Ни о каком другом режиме в Кампучии не может быть и речи», — заявила в то время член Политбюро ЦК НРПК, секретарь ЦК НРПК Мен Сам Он[13]. Ей вторил и один из руководителей провинции Такео: «Мы должны сражаться с врагом до переговоров, продолжать борьбу во время переговоров и не ослаблять после»[14].

Такие настроения, доминировавшие в кхмерских правящих кругах, никак не могли способствовать продвижению в деле урегулирования конфликта. Отсутствие позитивного интереса со стороны оппозиционных сил к мирной инициативе НРК не сильно беспокоило пномпеньские власти, рассматривавшие свое августовское заявление как еще одну декларацию в ряду множества других, сделанных ранее мирных предложений и инициатив. Но неожиданно для руководства Камбоджи отсутствие прогресса в урегулировании камбоджийского конфликта сильно озаботило Москву, где новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев все более проникался мифологией «нового

политического мышления», означавшего на практике путь оправданных, а со временем все более неоправданных уступок СССР своим политическим противникам. Именно давление со стороны Москвы вынудило Пномпень к разъяснению своей позиции в отношении мирных переговоров. Как говорилось в заявлении правительства НРК от 8 октября 1987 г., «проводя политику национального примирения, НРК готова к встрече с принцем Нородомом Сиануком, а также с руководителями других противостоящих группировок для переговоров об урегулировании камбоджийской проблемы мирными средствами и о национальном примирении»[15]. Было отмечено также, что «Кампучия готова предоставить принцу Сиануку высокий пост в органах государственного руководства, соответствующий его вкладу в дело мира, национального примирения и независимости родины»[16]. Этот тезис сильно контрастировал с тем, что предлагалось Сиануку раньше. В 1983 г., например, официальный представитель МИД НРК Чум Бунрунг говорил совсем иное о Сиануке: «Если он прекратит деятельность, направленную против НРК, заявит о признании конституции НРК, то он сможет возвратиться в страну в качестве рядового гражданина. У него нет каких-либо оснований претендовать на особое положение и тем более на участие в руководстве НРК»[17]. Неизменным в новой декларации осталось условие «исключить из переговоров Пол Пота и его ближайших пособников»[18].

В документе были сформулированы условия и очередность шагов при поэтапном выводе всех вьетнамских войск из Камбоджи и последующем урегулировании положения в стране. «Вьетнамские добровольческие войска, — говорилось в заявлении, — будут полностью выведены одновременно с прекращением всяческого вмешательства извне в дела Камбоджи и использования иностранной территории против НРК»[19]. После вывода войск «должны будут состояться всеобщие выборы в присутствии иностранных наблюдателей, будет сформировано коалиционное правительство для строительства мирной, независимой, демократической, нейтральной и неприсоединившейся Кампучии, имеющей дружественные отношения с соседними странами и всеми государствами мира»[20]. Было предложено также «созвать международную конференцию с участием обеих противостоящих камбоджийских сторон, стран Индокитая и АСЕАН, Советского Союза, Китая, Индии, Франции, США, Великобритании, а также других государств, вносящих вклад в мирное урегулирование камбоджийской проблемы»[21].

После публикации этой программы, которую в Пномпене старались выдать чуть ли не за единственно возможный путь достижения мира в Камбодже[22], последовали и практические шаги. Состоялись две встречи Хун Сена с Сианук во Франции в декабре 1987 и в январе 1988 г. В ноябре 1988 и в апреле 1989 г. состоялись их новые встречи, уже с участием другого лидера КПДК Сон Санна. В советском МИДе полагали, что «Н. Сианук заинтересован в том, чтобы играть определяющую роль в урегулировании и получить реальную власть в стране. Видя главную угрозу для осуществления своих планов в негибкой позиции «красных кхмеров», он склонен к блоку с правительством НРК. В то же время он не может пойти на сохранение ныне существующей политической структуры в силу своей зависимости от западных стран и Китая»[23]. Этот анализ, который давал мало шансов на успех сепаратных переговоров пномпеньских «друзей», оправдался в полной мере. Убедить главу КПДК и Сон Санна сменить союзников и действовать вместе с НРК Хун Сен не смог. Сианук и Сон Санн улыбались, выказывали дружеские чувства, но на уступки не шли. В свою очередь, и Хун Сен не собирался подстраиваться под своих партнеров и в ответ на их неприкрытый национализм и антивьетнамизм твердо и недвусмысленно заявил, что «народ Кампучии не пойдет по пути национального примирения на антивьетнамской основе»[24]. После серии бесплодных встреч стало ясно, что на планах сепаратного привлечения на сторону Пномпеня бывшего монарха и бывшего премьер-министра Камбоджи можно поставить крест.

Думается, что решение обратиться к Сианук и попытаться найти с ним компромисс принято было в Ханое и Пномпене слишком поздно. В 1979–1980 гг. бывший король мог вполне согласиться на почетное возвращение в страну в роли ее формального лидера. Да и в 1984 г. коалиция НРПК с Сианук и Сон Санном была еще вполне возможна. Тогда, во время визита в Пномпень делегации института общественных исследований Аспена во главе с бывшим сенатором Д. Кларком, американцы «высказались в пользу создания коалиции, в которую вошли бы нынешние руководители НРК, Сианук и Сон Санн». С их точки зрения, «только такой шаг мог бы способствовать решению кампучийского вопроса»[25]. Представитель НРК ответил им, что «Сианук и Сон Санн могут вернуться в НРК в качестве частных лиц», но что «коалиция с их участием совершенно исключена»[26].

К 1988 г. ситуация изменилась настолько, что этот вариант урегулирования, на который сторона НРК дала свое согласие, уже не

устраивал ни кхмерских оппозиционеров, ни их покровителей. Они прекрасно видели, что положение самой НРК и ее главных спонсоров и друзей уже не казалось таким прочным, как в 1979–1980 гг. Такому опытному в политике человеку, как Сианук, было вполне очевидно, что самые важные уступки Пномпеня еще впереди. Он готов был ждать, тем более что самим ходом событий он все больше превращался в ключевую фигуру для разрешения камбоджийской проблемы, расположения которой ищут представители всех участвующих в конфликте сторон. Впервые, пожалуй, после эпохи 60-х годов перед ним открылась возможность диктовать свои условия всем участникам политического процесса.

Переговоры Хун Сена и Сианука, несмотря на то, что стороны так и не смогли прийти к согласию, открыли дорогу к прямому диалогу кхмерских группировок и дали толчок новому этапу урегулирования камбоджийской проблемы. При этом правительство НРК оказалось в довольно сложном положении и вынуждено было на ходу корректировать свои предложения, поскольку его главные спонсоры и в Ханое и особенно в Москве выступали за безусловное продолжение мирного диалога и прекращение конфликта в Камбодже на принципах раздела монопольной власти НРПК с оппозиционными ей силами. Такой подход главных «друзей» НРК сильно контрастировал с их предыдущими заявлениями о том, что в Камбодже нет другой законной власти, кроме НРК, и что ситуация в этой стране необратима[27]. О новом советском подходе к урегулированию положения в Камбодже Горбачев сообщил Хенг Самрину на их встречах в Москве в июле и ноябре 1987 г. Советский лидер настойчиво убеждал главу НРК «продолжать переговоры и искать мирные пути решения конфликта»[28]. Еще более откровенным был с Хенг Самрином влиятельнейший член Политбюро, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко. В ходе их встречи, состоявшейся 14 июля 1988 г., он недвусмысленно указал, что «Советский Союз поддерживает идею созыва международной конференции по Кампучии, подтверждает готовность принять в ней самое плодотворное участие и вместе с другими государствами выступить гарантом договоренностей между конфликтующими сторонами»[29].

В этом заявлении НРК была названа лишь одной конфликтующей стороной в камбоджийском конфликте, о недопущении «красных кхмеров» и особенно их главарей к участию в переговорах, на чем настаивала кхмерская сторона, также ничего сказано не было. Кроме того,

упоминание о других государствах как гарантах будущих договоренностей подразумевало, что СССР готов договариваться по камбоджийским вопросам с Китаем, который занимал наиболее жесткую позицию относительно легитимности правительства НРК. Хенг Самрин прекрасно понял своего собеседника и сообщил ему, что «до конца текущего года намечается стопроцентное сокращение вьетнамского советнического аппарата»[30]. Далее он сказал, что «сегодня лишь на одном участке передовой еще находятся вьетнамские добровольцы»[31], поэтому вся тяжесть боев ложится на кхмерскую армию, которая ощущает нехватку оружия, боеприпасов и средств связи, прочего военного снаряжения. В этой связи, указал Хенг Самрин, им «подготовлено письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, в котором содержится просьба с пониманием отнестись к запросу кампучийской стороны относительно предоставления дополнительной безвозмездной военной помощи, имеющей для НРК жизненное значение»[32].

По всей видимости, эта просьба была рассмотрена положительно, так как в завершение беседы Хенг Самрин отметил, что «встречи с представителями советского руководства всегда воодушевляют и настраивают кампучийских руководителей на хорошую волну»[33]. Во время своего следующего приезда в Москву в ноябре 1987 г. Хенг Самрин на встрече с М. С. Горбачевым решил и сам воодушевить своего советского друга. Он сообщил ему, что «движимые чувством доброй воли и ответственности за судьбу страны, НРПК и правительство НРК приняли принципиальное решение взять курс на политическое решение кампучийской проблемы путем национального примирения». В ответ М. С. Горбачев «с удовлетворением отметил единство взглядов и оценок СССР и НРК, касающихся обстановки вокруг Кампучии, и подчеркнул, что СССР солидарен с курсом правительства НРК на национальное примирение, который отвечает чаяниям кампучийского народа»[34].

В своем стремлении нормализовать отношения Москвы с Пекином и Вашингтоном и быстрее разрешить мешавшие этому международные конфликты советское руководство настойчиво побуждало Ханой и Пномпень пойти на более существенные уступки в деле урегулирования положения в Камбодже. В некотором смысле Москва фактически стала играть «на другой стороне», доводя — с разной степенью эффективности — требования США и Китая до руководства Вьетнама и Камбоджи. Например, на специально созванной в мае 1988 г. пресс-конференции в Москве под названием «Положение в Индокитае

и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом» Ханою был дан сигнал, когда заместитель министра иностранных дел СССР И. А. Рогачев заявил: «Мы, конечно, приветствовали бы прямые переговоры между Пекином и Ханоем»[35]. Еще более откровенен был близкий к генсеку Е. М. Примаков, пообещавший, что «если принимаемые сейчас Вьетнамом меры будут создавать импульс к дальнейшему развитию советско-китайских отношений, то это с нашей стороны однозначно вызовет позитивный отклик»[36]. Совершенно по-новому был представлен и Нородом Сианук, про которого И. А. Рогачев сказал: «Мы хорошо помним заслуги принца в 50-х, 60-х годах в антиколониальной и антиимпериалистической борьбе... отдаем должное гражданскому мужеству принца, который пошел на переговоры с руководителем НРК Хун Сеном»[37]. Такие реверансы советская сторона делала перед бывшим кхмерским монархом, несмотря на то, что тот без обиняков публично называл СССР «врагом Кампучии ... сообщником Вьетнама» в деле оккупации страны[38].

Для того чтобы подтолкнуть своих союзников к уступкам, в Индокитай отправился и Б. Н. Чаплин — специальный представитель Генсека ЦК КПСС, бывший многолетний советский посол в Ханое, ставший заместителем министра иностранных дел СССР. Трудно сказать, насколько ему удалось выполнить свою миссию, однако нельзя не отметить явную иронию в словах Хенг Самрина, который после всех его уговоров ответил советскому представителю: «Руководство НРК удовлетворено тем, что на советско-американских переговорах на высшем уровне обсуждаются региональные проблемы, в том числе и камбоджийская. Такое обсуждение способствует справедливому урегулированию региональных конфликтов»[39].

В июле 1988 г. Москва послала еще один недвусмысленный сигнал своим союзникам в Индокитае. Она решила довести «до сведения вьетнамских и камбоджийских друзей»[40] содержание письма американского госсекретаря Дж. Шульца в адрес советского министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Носило оно отчасти неофициальный, дружеский характер и начиналось со слов «Дорогой Эдуард». В этом послании Шульц сообщал, что страны АСЕАН достигли полного консенсуса относительно ряда ключевых вопросов: «Вьетнам должен полностью уйти из страны; необходимо организовать международное наблюдение в целях контроля за положением и предотвращения насилия после вывода вьетнамских войск; роль «красных кхмеров» должна

быть строго ограничена; Сианук должен стать новым руководителем Камбоджи»[41].

Шульц писал далее: «Я сообщил своим коллегам из стран АСЕАН о своем согласии с этими требованиями и, в частности, подчеркнул важность надежных гарантий против повторного установления контроля над Камбоджей со стороны "красных кхмеров". Я указал, что точки зрения США и Советского Союза по этому вопросу полностью совпадают»[42].

В завершение своего послания американский госсекретарь отметил, что «мы на деле продвигаемся к политическому урегулированию в Камбодже», и призвал советского министра «сделать все возможное в Ваших контактах с Ханоем для достижения этой цели»[43].

Переправляя это письмо безо всяких комментариев в Ханой и Пномпень, Москва тем самым как бы подписывалась под всеми изложенными там положениями и выступала за американско-асеановский план мирного урегулирования. Этого в Ханое и в Пномпене не могли не отметить. Не имея в то время альтернатив, там вынуждены были идти на новые переговоры и новые уступки своим противникам.

Под откровенным давлением своих союзников и главных спонсоров Хун Сен в июле 1988 г. отправился в Джакарту на так называемую неформальную встречу представителей всех противостоящих друг другу кхмерских сторон, в том числе и главарей «красных кхмеров». Это была важнейшая уступка руководителей НРК, поскольку тем самым Пномпень фактически отказывался от своей принципиальной позиции не иметь с ними никакого дела. Итогом этого стало то, что полпотовцы безо всяких условий и покаяний превратились в полноправных участников переговорного процесса. Других существенных результатов эта встреча не принесла, несмотря на то, что Хун Сен в телеграмме советскому премьер-министру «тов. Рыжкову» сообщал, что «делегация НРК сумела добиться бесспорного успеха, который превзошел ожидания и стал нашей общей очередной дипломатической победой»[44]. Наигранный оптимизм Хун Сена был понятен, так как он прекрасно знал, что именно в Москве, которая собственно и организовала его приезд в Джакарту[45], с нетерпением ждали позитивных известий с «фронта» урегулирования положения в Камбодже. Когда стало ясно, что ничего позитивного добиться не удалось, что все сообщения о том, что «на начальной стадии ситуация была как 1:3 в пользу оппозиции, то в конце — как 3:1 (в одиночестве — "красные кхмеры")», реальности не соответствовали[46], в Москве осознали, что все дело

опять зашло в тупик, поскольку «Сианук и Сон Санн стали уклоняться от контактов с НРК и хотели вести переговоры с Вьетнамом, чего тот не хотел»[47].

В результате Москва совместно со своими новыми друзьями в Вашингтоне и Пекине выступила за то, чтобы в феврале 1989 г. неформальная встреча была повторена в том же формате. На эту встречу делегации НРК, СРВ и ЛНДР вновь прибыли на самолете, предоставленном СССР[48]. И снова усилия Москвы пошли прахом, так как особого продвижения в сторону мирного урегулирования достигнуть не удалось. Почувствовав, что на Ханой и Пномпень оказывается давление, кхмерская оппозиция только ужесточила свои претензии. Сианук «выступил с серией нападок на СРВ, НРК и Индонезию (за "провьетнамскую позицию"), отказался сам прибыть на ДЖИМ-2 (так советские дипломаты называли вторую неформальную встречу кхмерских сторон в Джакарте. — *Д. М.*) или приехать в Джакарту в качестве гостя президента Сухарто на время проведения встречи». Он также заявил, что «возвращается на пост президента коалиционного правительства Демократической Кампучии»[49]. С более жестких позиций стал выступать и Китай, потребовавший «четко выраженных уступок от НРК и СРВ»[50]. Для правительства Хун Сена ситуация на ДЖИМ-2 складывалась даже хуже, чем на первой неформальной встрече. Единственным реальным результатом «второй Джакарты» стало лишь то, что великие державы заявили о решимости разрешить камбоджийский конфликт на основе взаимных компромиссов.

Оценивая роль СССР — во многом ключевую для успеха всего мирного процесса в Камбодже, — нельзя и упрощать политику Москвы, сводить ее только к «выкручиванию рук» своим бывшим союзникам ради дружбы с бывшими врагами. Все было намного сложнее. Дело в том, что сама возможность давления со стороны советского руководства на правительство в Пномпене щедро вознаграждалась безвозмездными военными поставками из СССР в НРК. В 1988 г., начиная переговорный марафон, Хенг Самрин заручился согласием Москвы на дополнительное предоставление вооружения и боеприпасов своему режиму. В 1989 г., продолжая переговорный процесс, правительство в Пномпене получило новую партию советского оружия. В последних числах февраля 1989 г. Хун Сен сообщил Э. А. Шеварднадзе, что передает «глубокую благодарность КПСС, правительству СССР и всему братскому советскому народу за своевременное решение о поставках уже в самое ближайшее время значительного количества оружия

и боевой техники». Как он отметил, «это имеет жизненно важное значение для кампучийской революции и народа НРК, особенно в нынешний решающий момент поиска разумного политического урегулирования кампучийской проблемы»[51].

Как мы видим, СССР, с одной стороны, принуждал камбоджийские власти идти на переговоры и уступки, но с другой — вынужден был оказывать правительству НРК немалую военную помощь, что в условиях развернувшихся в стране боевых действий имело «жизненно важное значение» для его политического выживания. При этом СССР совсем не хотел афишировать факт своих военных поставок и активизации контактов по военной линии. В этой связи интерес представляет позиция советского министра обороны Д. Ф. Язова, выраженная в письме, адресованном Э. А. Шеварднадзе: «Я полностью разделяю Ваше мнение о несвоевременности осуществления визита в Советский Союз министра обороны Государства Камбоджа Тие Баня в текущем году. В связи с этим тов. Тие Баню направлено соответствующее письмо»[52]. В Москве, видимо, опасались, что визит Тие Баня будет истолкован новыми «друзьями» СССР как публичная демонстрация поддержки правительства НРК и его военных усилий. Москва этого явно не хотела.

Кхмерское руководство, естественно, чувствовало двойственность советской политики и испытывало все бóльшие сомнения относительно надежности поддержки со стороны СССР. В упомянутом письме Хун Сена в адрес Э. А. Шеварднадзе кхмерский премьер-министр сообщает, что «поручил послу НРК в Москве тов. Хор Намхонгу проинформировать Вас об усилиях НРК, СРВ и ЛНДР в направлении поиска разумного политического решения кампучийской проблемы, а также о тех шагах, которые мы намереваемся предпринять в предстоящий период в целях ускорения процесса урегулирования обстановки вокруг Кампучии, т. е. в сфере, где мы неизменно проявляли добрую волю и последовательно шли на максимально возможные компромиссы»[53].

В этом своем официальном послании Хун Сен дважды повторяет фразу о необходимости «разумного политического урегулирования камбоджийского конфликта». Очевидно, что подразумевает он под этим сохранение в стране власти правительства НРК. Будучи не вполне уверенным в том, что Москва подразумевает то же самое, лидер Камбоджи ищет возможность повлиять на ставшую непредсказуемой советскую внешнюю политику, связать ее шаги в деле урегулирования камбоджийской проблемы с интересами его правительства. Ему это

представляется критически важным, поскольку во время проведения второй неформальной встречи в Джакарте китайцы «пугали делегации НРК и СРВ да и индонезийцев возможностью достижения договоренности с Советским Союзом о кампучийском урегулировании»[54]. Он справедливо опасается, что СССР, в своей дружбе с Пекином, может пойти на совершенно неприемлемые для правительства НРК уступки, и поэтому заранее сообщает о том, что собирается предпринять, чтобы «ускорить процесс урегулирования», рассчитывая, что это будет учтено в Москве. При этом Хун Сен заранее отвергает возможные обвинения со стороны своего могущественного союзника в том, что правительство НРК действует не так, как того хочет Москва.

Такие обвинения после неудачи «второй Джакарты» наверняка прозвучали, так как, по мнению советских дипломатов, «интересам поступательного развития переговорного процесса отвечало бы проявление Пномпенем большей гибкости в подходе к «красным кхмерам» и, в частности, отказ от прежних пропагандистских стереотипов и пересмотр своей позиции в сторону более реального учета роли этой группировки в урегулировании и интересов стоящего за ней Пекина»[55]. Посольство СССР в Пномпене прямым текстом советует руководству в Москве заставить Пномпень признать «красных кхмеров», добавляя, что «жесткая позиция ГК по отношению к «красным кхмерам» становится фактором, ведущим к тупиковой ситуации»[56]. В ответ на эти обвинения Хун Сен и подчеркивает, что неизменно проявляет «добрую волю», идет на переговорах на «максимально возможные компромиссы».

Надо сказать, что премьер-министр Камбоджи писал это письмо в ситуации, которая складывалась для НРК не лучшим образом. В Пномпене многие рассчитывали на то, что «красные кхмеры», которыми, несмотря на все свои отставки, тайно продолжал руководить Пол Пот, переговоры отвергнут и сами себя загонят в изоляцию. Но этого не произошло, и, несмотря на всю свою бескомпромиссную риторику, они заявили о готовности участвовать в консультациях. Кхиеу Самфан всячески демонстрировал готовность к переговорам, что опровергало утверждения правительства НРК относительно его «негибкой» позиции. Находившийся за сценой вождь «красных кхмеров» никаких публичных заявлений от имени своей фракции не делал, однако его представители присутствовали на всех встречах договаривающихся сторон. На переговорах Пол Пот появился позже, в июне 1991 г. в Паттае, во время их решающего этапа, когда, по свидетельству

очевидцев, «его подчиненные не могли принимать никаких решений, не проконсультировавшись с ним»[57].

Представляется, что Пол Пот пошел тогда на компромисс и изменил свою позицию относительно неучастия в переговорах с «вьетнамскими марионетками», рассчитывая, что этот шаг принесет пользу его борьбе. Переговоры его ни к чему не обязывали, а участвуя в них, он действовал в соответствии с интересами своих китайских покровителей, которые, демонстрируя поддержку предпринимаемых ООН миротворческих усилий, явно толкали и его к демонстрации миролюбия. Кроме того, он имел возможность держать руку на пульсе переговоров и мог предпринять оперативные действия в том случае, если его ненадежные союзники окажутся нелояльными по отношению к его фракции в коалиционном правительстве. По свидетельству перебежчиков из его стана, Пол Пот в то время был «уравновешенным, себе на уме» и хранил невозмутимость[58].

Поиск компромиссного решения относительно урегулирования конфликта в Камбодже активизировался после встречи на высшем уровне руководителей СССР и Китая, которая состоялась в Пекине в октябре 1988 г. В ходе переговоров китайские лидеры назвали камбоджийскую проблему «одним из препятствий на пути урегулирования советско-китайских отношений»[59]. В результате очевидного сближения Москвы и Пекина, происходившего во многом на китайских условиях, Ханой оставался в одиночестве. Чтобы избежать изоляции, вьетнамское руководство вынуждено было также пойти по пути примирения с Китаем. В январе 1989 г. во время встречи с вьетнамскими представителями в Пекине китайские руководители обусловили нормализацию вьетнамо-китайских отношений прежде всего — выводом вьетнамских войск из Камбоджи и политическим урегулированием положения в этой стране. Вьетнам, опасавшийся остаться в одиночестве перед китайским давлением, вынужден был согласиться с тем, чтобы «всякая помощь извне камбоджийским противоборствующим группировкам была прекращена, а в Камбоджу прибыли международные наблюдатели»[60].

Уступки Ханоя в ключевом для него вопросе — помощи своим союзникам в Пномпене вызваны были не только давлением со стороны Пекина и сомнениями в надежности поддержки со стороны СССР, но и тем, что этот шаг сулил СРВ и ощутимые выгоды. Уход из Камбоджи означал возможность нормализации отношений не только с Китаем, но и с США, которые твердо придерживались позиции, заявленной

в свое время госсекретарем А. Хейгом: «США не восстановят дипломатические отношения с СРВ до тех пор, пока вьетнамские войска не будут выведены из Кампучии»[61]. Такую же позицию занимали и члены АСЕАН, поэтому вывод войск из Камбоджи позволял вьетнамскому руководству рассчитывать и на приток крупных американских инвестиций в национальную экономику, и на готовность АСЕАН также инвестировать средства во Вьетнам и развивать с ним торговлю и сотрудничество.

Все эти соображения подтолкнули вьетнамское руководство заявить в апреле 1989 г. о том, что «Вьетнам собирается полностью вывести все свои войска из Камбоджи в сентябре 1989 г.»[62]. Это ключевое заявление стало поводом для того, чтобы Франция и Индонезия — страны, которые принимали самое активное участие в посредничестве между кхмерскими сторонами, объявили о созыве мирной конференции по Камбодже, которая открылась в июле 1989 г. в Париже[63].

В течение месяца камбоджийские группировки пытались выработать схему мирного урегулирования положения в стране. По некоторым частным вопросам было достигнуто согласие, но по основному вопросу, а именно — как будет формироваться и как действовать будущее коалиционное правительство, согласия достигнуто не было. Объединенная оппозиция в лице Сианука, Сон Санна и Кхиеу Самфана требовала раздела власти между всеми четырьмя фракциями, которые бы совместно управляли Камбоджей под верховным руководством Сианука, вплоть до проведения выборов. Со своей стороны, Хун Сен, проявляя готовность к компромиссу с Сианоуком и Сон Санном, категорически отказался делить власть с «красными кхмерами». Он заявил, что «не желает иметь дело с теми, кто уничтожал кхмерский народ»[64].

Сказав это, Хун Сен подтвердил свою прежнюю позицию, — недопущения любой формы участия верхушки «красных кхмеров» в распределении власти в стране. Сделал он это намеренно, желая показать своей жесткой позицией сотням тысяч камбоджийцев, опасавшихся возвращения Пол Пота и его подручных, что именно НРК и его правительство — наиболее последовательные борцы против этого зла. Не исключено также, что Хун Сен своей неуступчивостью стремился затянуть переговоры и превратить их в длительный вялотекущий процесс. Ему необходимо было выиграть время, чтобы провести в Камбодже задуманные им реформы и подготовить НРПК к возможному разделу власти и к всеобщим выборам. Неожиданно ему в этом помогли сами

полпотовцы: Кхиеу Самфан, представлявший Пол Пота, в свою очередь отказался идти на соглашение с Хун Сеном, обвиняя правительство НРК в том, что оно действует в интересах Вьетнама, который продолжает оккупировать страну[65].

Объяснить непримиримую позицию Кхиеу Самфана можно только одним: руководство «красных кхмеров» надеялось, что избавление от вьетнамского присутствия неизбежно откроет перед ними, как наиболее сильной в военном отношении фракцией, возможность если не войти в Пномпень, то, по крайней мере, захватить значительную часть территории страны и диктовать свои условия. Поэтому они не были заинтересованы в достижении соглашения и не желали идти на какие-либо уступки, ожидая момента, когда вьетнамские войска уйдут из страны, чтобы начать вторжение. Переговоры в Париже завершились фактически безрезультатно, мало что значившей декларацией, в которой говорилось лишь о возможности их продолжения в будущем. Как только вьетнамские войска покинули Камбоджу, всякие переговоры прекратились и начался новый виток ожесточенного военного противостояния.

Последние части регулярной вьетнамской армии ушли из Камбоджи в сентябре 1989 г., а уже в начале октября вооруженные отряды оппозиции, сосредоточившиеся на таиландской территории, начали широкомасштабное вторжение. Его цель состояла в том, чтобы захватить всю Западную Камбоджу вместе с ее главным центром — городом Баттамбангом и создать предпосылки для дальнейшего продвижения на Пномпень. На северном участке фронта в общем направлении на Свайтьек — Сисопхон наступали отряды группировок Сианука и Сон Санна. Южнее, в общем направлении на Пайлин — Баттамбанг, действовали полпотовцы. На первых порах силы оппозиции сумели добиться некоторых успехов: на севере — заняли Свайтьек и подошли к Сисопхону, на юге — захватили важный центр добычи алмазов — город Пайлин и, по некоторым сообщениям, сумели приблизиться на расстояние 30 км к Баттамбангу. Две дивизии правительственных войск (196-я и 95-я) понесли при этом существенные потери[66].

С начала декабря 1989 г., перегруппировавшись, подтянув подкрепления, в том числе танковые части, правительственные войска нанесли ряд контрударов и сумели стабилизировать положение. Наступление войск коалиционного правительства было остановлено. В результате боев никаких стратегически важных объектов

противникам НРК занять не удалось. Однако во многих местах они сумели оттеснить подразделения правительственных сил от границы. Особенно преуспели в этом «красные кхмеры». За время своего наступления они захватили около 15% камбоджийской территории и поставили под свой контроль примерно 400 тыс. человек из восьмимиллионного населения страны[67]. Однако заняли «красные кхмеры» главным образом труднодоступные и малонаселенные районы, примыкавшие к таиландской границе. Ни одного важного города, за исключением Пайлина, взять им не удалось. Армия НРК оказалась вполне боеспособной и даже в ходе своих наступательных операций сумела вернуть под свой контроль Свайтьек.

Под Баттамбангом, где в основном развернулись сражения, «красные кхмеры» понесли ощутимые потери в людях и боевой технике и наступать дальше на восток были не в состоянии. В беседе с советскими парламентариями, находившимися в то время в Пномпене с визитом, кхмерские руководители сообщили: «За пять месяцев после окончательного вывода вьетнамских войск оппозиции удалось закрепиться в отдельных районах, прилегающих к границе с Таиландом, и активизироваться в некоторых внутренних провинциях страны. Вместе с тем противник уже задействовал все наличные силы, ему становится все труднее развивать боевую инициативу»[68]. То что такая оценка ситуации была верна, вскоре подтвердилось, поскольку после отступления «красных кхмеров» от Баттамбанга наступило затишье и стало ясно, что активная фаза боевых действий завершилась и что, несмотря на напряжение всех сил, добиться решающих успехов на военных фронтах силам КПДК так и не удалось. В своем докладе советские парламентарии особо отметили, что после всех сражений «в стратегическом плане Пномпень остается хозяином положения»[69]. Впоследствии боевые действия стали все более локальными. Правительственная армия учла уроки своих первоначальных поражений и осенью 1989 г. сменила тактику, так как разбросанные для защиты отдаленных территорий военные гарнизоны оказались неспособны противостоять сосредоточенным ударам боевых отрядов оппозиции. Армия НРК уплотнила боевые порядки и сосредоточила силы для защиты главных административных центров запада Камбоджи и рисопроизводящих районов с многочисленным населением. Такая тактика себя полностью оправдала, так как все дальнейшие попытки «красных кхмеров» атаковать крупными силами и продвигаться в глубь страны никаких ощутимых успехов им так и не принесли.

Военные действия 1989–1990 гг. показали, что всякие расчеты решить камбоджийский конфликт военным путем бесперспективны. Объединенным силам оппозиции так и не удалось опрокинуть армию НРК. Но и правительству НРК также не удалось разгромить «красных кхмеров» и их союзников. Сложившаяся патовая ситуация на военных фронтах вновь подстегнула переговорный процесс, тем более что международные посредники продолжали активно искать приемлемый для всех сторон компромисс. В поисках выхода из переговорного тупика они пришли к выводу, что добиться мирного урегулирования положения в стране можно, если вернуться к идее, которую выдвинул еще в далеком 1981 г. американский конгрессмен С. Соларз. В противовес мнению Р. Холбрука — тогда помощника госсекретаря США по делам Азии и Тихого океана, считавшего, что «ни режим Хенг Самрина, ни полпотовская группировка не должны быть допущены к участию в поисках политического решения камбоджийского конфликта»[70], С. Соларз, сам позже сменивший Р. Холбрука на его посту, указывал, что путь к миру лежит не в их роспуске, а в возможности временного управления Камбоджей посредством структур Организации Объединенных Наций[71]. Международные посредники и страны — постоянные члены Совета Безопасности приняли решение вернуться к предложению Соларза[72].

Так, вместо старого плана, который предусматривал создание общего коалиционного правительства четырех кхмерских фракций и раздела власти между ними, был выдвинут новый, имевший в виду, что ООН сама возьмет на себя временное управление страной. Цель этого шага заключалась в том, чтобы разоружить боевые отряды всех партий, подготовить и провести в стране выборы, а затем передать власть легитимно созданному камбоджийскому правительству. Схема реализации этого нового плана урегулирования была самым подробным образом проанализирована в подготовленной МИД Австралии так называемой «Красной книге». В этом многостраничном документе были не только указаны цели операции ООН и основные гражданские и военные структуры, которые необходимо создать, но и названы примерные суммы, необходимые для полной реализации мирного урегулирования положения в Камбодже[73].

Камбоджийским сторонам новая «дорожная карта к миру» была впервые представлена в январе 1990 г. на посвященной Камбодже очередной неформальной встрече, которая состоялась в Джакарте. Несмотря на то что определенного согласия на реализацию этого плана

конфликтующие силы Камбоджи так и не дали, пятерка постоянных членов Совета Безопасности ООН — США, Китай, СССР, Франция и Великобритания — приняла возможный проект урегулирования положения в Камбодже, который опирался именно на австралийские наработки. Затем, используя все возможности своего влияния на враждующие стороны, постоянные члены СБ добились того, чтобы этот план одобрили все камбоджийские фракции на их новой неформальной встрече, состоявшейся в Джакарте в сентябре 1990 г.[74] Там же было достигнуто согласие сформировать Высший национальный совет. Роль этого органа должна была быть чисто номинальной — являть собой символ сохраняющейся камбоджийской государственности. ВНС не мог принимать никаких решений, а мог только давать советы структурам ООН, которые должны были быть развернуты в стране. В его состав вошли шесть членов правительства Хун Сена и по два представителя от других камбоджийских фракций. Главой ВНС был избран Сианук. Во время формирования ВНС противоречия камбоджийских сторон чуть не сорвали весь переговорный процесс. Сианук неожиданно потребовал, чтобы его группировка получила еще одно место в ВНС, который бы, таким образом, включал не 12, а 13 человек. Хун Сен выступил категорически против этого. Он, в свою очередь, вновь без особого успеха поднял вопрос об ответственности «красных кхмеров» за геноцид 1975–1978 гг. Но исключить на этом основании полпотовцев из мирного процесса и лишить их представителей права участвовать в ВНС не удалось[75].

Встреча в Джакарте показала, что процесс мирного урегулирования развивается совсем не так, как рассчитывали в Пномпене. Во-первых, фракции КПДК и особенно «красные кхмеры» проявили невиданную ранее солидарность в противостоянии претензиям делегации НРК. Во-вторых, представители пномпеньского правительства убедились, что они оказались в опасной международной изоляции. Голос Вьетнама в решении вопросов мирного урегулирования почти не учитывался, и их судьба, таким образом, фактически оказалась в руках постоянных членов Совета Безопасности, где мнение главных спонсоров КПДК — Вашингтона и Пекина и действовавшей в тесном контакте с ними Москвы оказалось преобладающим. Неформальная встреча в Джакарте показала, что «надежных» и влиятельных союзников в лице Вьетнама и СССР у пномпеньских властей больше нет, а это вызвало очевидное смятение в руководстве НРК, которая к тому времени была переименована и стала называться Государством Камбоджа.

Лидеры этого государства почувствовали реальную угрозу разоружения своих военных сил и потери власти. Президент ГК Хенг Самрин в сердцах заявил даже, что «мирный план ООН предлагает нам совершить собственное самоубийство»[76].

В феврале 1991 г. «красные кхмеры», ободренные своими успехами на дипломатическом поприще, вновь попытались начать наступательные операции против сил пномпеньского правительства. Они стремились максимально расширить зоны своего контроля до того, как вступит в действие соглашение о прекращении огня. Однако взять Баттамбанг или добиться военных успехов где-либо еще им снова не удалось. Правительственная армия, обеспеченная в достатке советским оружием, еще более уверенно, чем в 1990 г., дала им отпор и их атаки были отбиты, а жертвы оказались многочисленны[77]. Избежать контрудара своих противников «красным кхмерам» удалось только благодаря тому, что с первого мая 1991 г. по добровольному согласию всех камбоджийских группировок в стране было объявлено всеобъемлющее перемирие[78].

Однако этот шаг к миру оказался эфемерным, и на очередной встрече ВНС в Джакарте в июне 1991 г. неопределенность в камбоджийских делах вновь дала о себе знать. Согласия не было ни по поводу будущих отношений ВНС с ооновскими структурами, ни по части плана и сроков разоружения камбоджийских фракций. Вновь был поднят вопрос об ответственности «красных кхмеров» за геноцид, а Хун Сена и его партии — за вьетнамскую оккупацию Камбоджи[79]. Участники ВНС так и не пришли к общему согласию, и казалось, что в который раз надежды на мирное урегулирование повисли на волоске.

В этот критический момент на политическую авансцену неожиданно вновь вышел Сианук. После стольких лет скитаний, арестов и разочарований он почувствовал, что в его руках оказался ключ к решению камбоджийских проблем: в условиях жесткого противостояния «красных кхмеров» и партии Хун Сена он превратился в ключевую фигуру процесса мирного урегулирования. И внутри страны и за ее пределами он приобрел себе репутацию символа независимости. Без его участия любая власть, установленная в Камбодже, рассматривалась бы международным сообществом как незаконная и нелегитимная. Он в той или иной степени был связан со всеми участниками переговорного процесса и мог рассчитывать на их понимание и поддержку. Самим ходом событий он превратился в главного медиатора, ведущего переговоры и поддерживающего сложившийся баланс сил, и любой

его шаг мог бы склонить чашу весов в противостоянии двух наиболее сильных в военном отношении группировок на ту или иную сторону. Итак, он взял инициативу в свои руки и с 24 по 26 июня 1991 г. в Паттае в Таиланде вновь собрал ВНС. Там, бросив на чашу весов весь свой авторитет и влияние, он сумел убедить все стороны конфликта в том, что необходимо убрать все препятствия на пути осуществления плана мирного урегулирования. Под его давлением все камбоджийские фракции сумели договориться об окончательном прекращении огня, об отказе от всякой военной помощи извне, о переносе штаб-квартиры ВНС в Пномпень[80].

Добившись успеха в Паттае, бывший монарх стал действовать еще более решительно. Встретившись с Хун Сеном в Пекине в июле 1991 г., Сианук договорился с ним о том, что, будучи главой ВНС, он выходит из ФУНСИНПЕК и становится нейтральным по отношению ко всем фракциям советником. В обмен на это Хун Сен отказался от своего требования стать заместителем председателя ВНС[81]. Уступка Хун Сена позволила Сиануку в один момент де-факто превратиться вновь в верховного правителя страны, стать над всеми фракциями и формализовать свое реальное положение в кхмерской политике.

По словам одного из французских журналистов, «Сианук вновь стал королем на посту президента, что стало возможным в результате консенсуса мировых держав и китайско-вьетнамским договоренностям»[82]. Хун Сен за свою уступчивость тоже получил дивиденды: в Китае его признали как партнера, а не как вьетнамскую марионетку и даже проявили готовность иметь с ним дело. Более того, неожиданная благосклонность Пекина к правительству Государство Камбоджа вызвала в Пномпене бурю положительных эмоций. В специальном информационном сообщении говорилось, что «Политбюро ЦК НРПК выражает глубокую и искреннюю признательность правительству, деятелям всех уровней и великому народу Китая за теплое всестороннее содействие, позволившее делегации членов ВНС от ГК успешно выполнить свою миссию в КНР»[83]. Далее было сказано, что руководство НРПК «дает высокую оценку позиции КНР, признающую ГК на равных основаниях с другими сторонами ... проявляющую добрую волю к скорейшему урегулированию кампучийской проблемы»[84]. Были забыты недавние обиды, когда Китай считался главным врагом НРК, стоящим за спиной полпотовцев, впрочем, как и то, что Советский Союз еще недавно считался чуть ли лучшим другом пномпеньских властей. Нельзя было не обратить внимание на то, что в официальном

сообщении о заседании Политбюро ЦК НРПК ни разу не упоминалось о Москве, даже в длинном списке стран, которым руководство ГК выражало благодарность за поддержку в мирном урегулировании положения в Камбодже[85].

Успех Хун Сена состоял еще и в том, что при поддержке китайцев он сумел восстановить свои отношения с Сианук и даже завоевать его расположение. В советском посольстве в Камбодже в это время отмечали, что «Китай взял курс на постепенное развитие своих отношений с Вьетнамом и Пномпенем и в связи с этим нацелил Сианука на конструктивный диалог с руководством ГК»[86]. Новое качество отношений с Сианук открывало перед Хун Сеном и новые возможности продолжить борьбу, цели которой состояли в переходе этой ключевой политической фигуры на его сторону, расколе КПДК и в изоляции «красных кхмеров».

Упрочив свои политические позиции, руководство ГК стало все более активно влиять на условия реализации плана мирного урегулирования. Хун Сен, например, при негласной поддержке главы ВНС, заявил, что если «красные кхмеры» уберегут свои войска от демобилизации, то они смогут вновь диктовать Камбодже свои условия. В связи с этим он потребовал изменить уже принятое положение о стопроцентной демобилизации всех военных сил противостоящих группировок. После обсуждения этого вопроса Совет Безопасности ООН принял решение, что в рамках миротворческой операции демобилизованы должны быть не 100 процентов, а только 70 процентов воинских контингентов[87]. Эта была большая победа НРПК, которая теперь при любых обстоятельствах гарантировала себе сохранение лучшей части своих войск.

2. Парижская мирная конференция и начало миротворческой операции ООН

С середины 1991 г. перспектива мирного урегулирования положения в Камбодже стала приобретать все более реальные очертания. Переговоры кхмерских сторон вступили в решающую фазу, и 21 октября 1991 г. в Париже возобновила свою работу мирная конференция по Камбодже. На ней и были зафиксированы основные договоренности сторон и приняты важнейшие решения. В отличие от первого этапа этой конференции, который проходил в 1989 г. и не привел ни к чему,

на сей раз все стороны оказались вполне согласны с предложенным им вариантом урегулирования. К тому же выбора ни у одной из кхмерских фракций и не было, поскольку великие державы, которые и финансировали своих кхмерских протеже, решительно намеревались заставить своих подопечных подписать все документы. Даже «красные кхмеры», которые с большим сомнением относились к миротворческой операции, после поездки Кхиеу Самфана в Пекин выразили согласие со всеми подготовленными документами[88].

Основные положения миротворческого процесса были зафиксированы в четырех ключевых документах: Финальном акте, Соглашении о решении камбоджийского вопроса мирным путем, Соглашении относительно суверенитета и национальной целостности и нейтралитета Камбоджи, Декларации о восстановлении страны. Они содержали тщательно прописанный план крупнейшей за всю историю ООН миротворческой миссии и все были подписаны участниками мирной конференции 23 октября 1991 г. Главным элементом этого плана стало учреждение Временной администрации ООН в Камбодже — ЮНТАК (UN Transitional Authority in Cambodia), которой придавались самые широкие полномочия. Высший национальный совет Камбоджи был признан единственным легитимным представителем народа Камбоджи, который в переходный период должен символизировать независимость, единство и суверенитет страны. ВНС передавал ЮНТАК все права, необходимые для выполнения подписанных кхмерскими сторонами соглашений[89].

Возглавить ЮНТАК должен был специальный представитель Генерального секретаря ООН, который получал полномочия направлять персонал ООН в любые места Камбоджи, иметь полный доступ ко всем административным камбоджийским структурам и их документации. Он мог также менять, назначать или увольнять любого представителя камбоджийской администрации в центре и на местах. ЮНТАК должен был организовать проведение в Камбодже свободных выборов, добиться возвращения в страну беженцев, координировать экономическое и финансовое развитие страны. Ввиду этого миссии ООН в Камбодже предстояло развернуть контингент военных и гражданских сил. Для подготовки и размещения ЮНТАК из бюджета ООН сразу же было выделено 200 млн. долл. (эта сумма затем постоянно увеличивалась и в конечном счете вся миротворческая операция обошлась ООН примерно в 1,5 млрд. долл.)[90].

Однако главная проблема миротворческого процесса была не финансовой, а организационной — ООН и ее структуры оказались совершенно не готовы оперативно приступить к реализации мирных соглашений. Только 9 ноября 1991 г. официально приступили к работе передовые силы ООН, состоявшие из 268 гражданских и военных сотрудников. Они должны были наладить связи со штабами всех камбоджийских группировок, собирать информацию и готовить почву для развертывания основных сил ЮНТАК[91].

Прибытие горстки ооновских чиновников и военных, которые никак не были способны взять ситуацию в стране под свой контроль, разочаровало многих камбоджийцев, с нетерпением ожидавших миротворцев. Первую группу встречали в Пномпене с музыкой и цветами, ее появление вызвало подлинную эйфорию, люди верили, что сбывается обещание Сианука, что «вскоре ООН направит многие тысячи своих гражданских и военных представителей, чтобы помочь нам обеспечить благополучие»[92]. Однако малозаметное существование представителей международного сообщества, «занимавших выжидательную позицию стороннего наблюдателя, избегавших собственной активности в процессе урегулирования»[93], совершенно не соответствовало уровню ожиданий кхмеров. То, что не прибывали новые контингенты посланцев ООН, только усиливало атмосферу неопределенности и вакуума власти, ощущавшуюся в стране[94]. Никто не знал, как будут развиваться события, сможет ли НПК удержаться у власти, какое место займут в новой Камбодже «красные кхмеры» и будут ли они отвечать за свои злодеяния. На все эти вопросы определенных ответов не было, и в обстановке напряженного ожидания в стране стал нарастать хаос. Во многих местах отмечались перестрелки, нередки были случаи бандитизма и нарушения перемирия между фракциями[95]. Оставленные без жесткого контроля чиновники местных и региональных администраций стремились как можно быстрее обогатиться, новые собственники пытались продать полученное во времена НРПК имущество, опасаясь реституции. «По мнению многих, — отмечали в то время в советском посольстве, — главным лозунгом дня для руководства как в центре, так и на местах является обогащение в ожидании серьезных перемен, обеспечение своего прочного материального положения на будущее»[96].

Партия Хун Сена, которой многие предрекали тогда близкий конец, оказалась в какой-то момент парализованной из-за массовых демонстраций против коррупции, распространившейся в административных структурах НПК. Противники партии стремились таким

образом ее расколоть, отстранить от власти. В ответ подконтрольная ей полиция применила против манифестантов силу, начались кровопролитные столкновения, которые еще больше подрывали авторитет власти[97]. Ситуация в стране в целом оценивалась советскими дипломатами «как близкая к анархии»[98].

В таких условиях руководство НПК получило неожиданную поддержку со стороны Сианука. Прибыв в Камбоджу в середине ноября 1991 г. и обнаружив очевидный вакуум власти, он принялся готовить заключение альянса между НПК и ФУНСИНПЕК, рассчитывая в противовес Парижским соглашениям сформировать коалиционное правительство еще до проведения всеобщих выборов. Сепаратные переговоры закончились тем, что руководство НПК пошло на все условия председателя ВНС и даже признало Сианука законным главой государства, несмотря на то, что президентом страны оставался Хенг Самрин. Камбоджа, таким образом, получила сразу двух глав государства[99].

Кроме того, НПК и ФУНСИНПЕК заключили отдельное соглашение о перемирии между своими военными силами. В это же время НПК установила с Сианук, можно сказать, и личные отношения: принц Нородом Чакрапонг, один из сыновей Сианука, долгое время командовавший войсками ФУНСИНПЕК, вышел из этого движения и вступил в ряды НПК. Официально он сделал это из-за разногласий с другим сыном Сианука Нородомом Раннаритом, который после отставки отца возглавил ФУНСИНПЕК. В один миг новобранец партии Нородом Чакрапонг превратился в члена ее Постоянного Комитета. Свои действия новоизбранный член партийного руководства объяснял тем, что в ФУНСИНПЕК он вступил только из-за своего отца и что «у НПК гораздо больше положительных качеств, чем ошибок и недостатков, которые она к тому же неизменно стремится исправлять»[100]. Для Хун Сена приход Чакрапонга был просто подарком, и, возвышая принца в своих рядах, руководство НПК демонстрировало отход от коммунистических доктрин и, проявляя уважение к королевской семье, — новое лицо партии.

Трудно сказать, как дальше развивалась бы интрига по формированию коалиции ФУНСИНПЕК — НПК, если бы представители ООН не вмешались и не заявили, что отказываются поддержать их коалиционные инициативы[101]. В связи с этим Сианук и Хун Сен временно отложили уже готовое соглашение о разделе власти. При всей нереализованности этого плана демонстративный шаг Сианука навстречу именно НПК, несомненно, был неслучаен. Глава ВНС показывал, что

не доверяет полпотовцам и не просто готов действовать, но и действует против их интересов. С этого момента говорить о единстве группировок, составивших КПДК, было уже бессмысленно. Сианук показал, что отныне каждый будет бороться за себя сам. Его действия очень помогли Хун Сену, который в сложный для него момент неопределенности и ослабления власти добился главной политической цели своих многолетних усилий — КПДК распалась и Сианук перешел если не на его сторону, то по крайней мере на нейтральные позиции.

Другим событием, всколыхнувшим всю страну, стали массовые демонстрации, организованные на сей раз уже активистами НПК в Пномпене и направленные против открытия там штаб-квартиры «красных кхмеров». Сотни родственников жертв полпотовского геноцида при поддержке сторонников НПК собрались и разгромили офис полпотовцев. Полиция в их действия даже не вмешивалась. Специальный представитель Пол Пота на переговорах Кхиеу Самфан, которого чуть не линчевали участники манифестации, вынужден был бежать из города. После этого Сианук обратился к жителям столицы с призывом обеспечить представителям «красных кхмеров» безопасность. В своем обращении он разъяснял: «Международное сообщество просит привезти их («красных кхмеров». — *Д. М.*), чтобы они могли работать в рамках ВНС. Они согласны на это, но просили гарантировать, что им ничего не будет угрожать. Я и господин Хун Сен дали все гарантии»[102]. В обращении глава ВНС упомянул не только Хун Сена, но и указал, что просьба о спокойствии исходит также и от НПК, «во главе которой стоит славный руководитель Чеа Сим»[103]. Трудно сказать, чего было больше в этом документе — призыва к спокойствию или демонстративной поддержки НПК.

Обращение Сианука не убедило Кхиеу Самфана в том, что он может спокойно вернуться в Пномпень. Под предлогом того, что безопасность его и его сотрудников там не обеспечена, он обусловил свое возвращение присутствием 1000 миротворцев[104]. Только после очередного заседания ВНС, которое состоялось в Таиланде в Паттае, этот вопрос был урегулирован и Кхиеу Самфан и Сон Сен согласились вновь прибыть в город. Опасаясь новых массовых акций жителей Пномпеня, они не рискнули открыть свой офис на старом месте в центре, а перенесли его непосредственно в здание миссии ООН. Многие это расценили как признак их слабости и неуверенности в своих силах[105].

На самом деле проблема заключалась не в том, что они были слабы, а в том, что они стали все более враждебно относиться и к ооновским миротворцам и к тому, что происходило в стране. Это сильно контрастировало с первоначальными настроениями представителей «красных кхмеров», когда они, казалось, были настроены пройти весь путь мирного урегулирования до конца. Они тогда настаивали на скорейшем развертывании ЮНТАК, а Кхиеу Самфан участвовал в работе ВНС в Пномпене, одобрил программу репатриации беженцев, хотя это означало угрозу утраты контроля со стороны группировки над тысячами людей, находившихся в управляемых ею лагерях. Есть, правда, мнение, что «красные кхмеры» согласились на репатриацию беженцев из своих лагерей, рассчитывая, что их расселят в тех местах, над которыми они уже установили свой контроль. Надеялись полпотовцы и на то, что «их» беженцы, попав в районы правительственного контроля, будут продолжать оказывать содействие их борьбе.

Другим свидетельством того, что «красные кхмеры» намеревались участвовать в процессе мирного урегулирования, служит и тот факт, что их представители принимали участие и в специальной программе, проводившейся ЮНТАК для подготовки национальных полицейских сил[106]. Сначала они выражали готовность сотрудничать и с людьми из передовых сил ООН, прибывавшими в Камбоджу. Они даже допустили на свои территории некоторое число военных наблюдателей ООН, хотя «так строго следили за их передвижением, что те больше походили на заложников, чем на наблюдателей»[107]. В Пайлине, например, представители ЮНТАК были фактически заключены под домашний арест: они покидали свое жилище только для того, чтобы купить на рынке продукты, — и то под дулами автоматов вооруженного эскорта[108].

Несмотря на такое отношение к сотрудникам ЮНТАК, в ее руководстве полагали, что даже такие действия все равно свидетельствуют о готовности «красных кхмеров» сотрудничать с временной администрацией ООН[109]. Это мнение в тот момент было недалеко от истины: Пол Пот тогда действительно убеждал своих соратников соглашаться на подписание Парижских соглашений, так как мирный процесс мог дать их движению определенные преимущества. Стратегия, предложенная им, состояла в том, чтобы, воспользовавшись Парижскими соглашениями, максимально ослабить позиции режима Хун Сена и проникнуть в сельские районы, находившиеся под контролем НПК, чтобы подорвать там ее власть[110]. В декабре 1991 г. Пол Пот объявил о «наступательной стратегии в деревне» и поставил перед соратниками

задачу — к марту 1992 г. удвоить численность крестьян, находящихся под контролем сил ПДК[111]. «Брат номер один» связывал с этой стратегией большие надежды и в этой связи в феврале 1992 г. он даже заявил, что соглашения, подписанные в Париже на мирной конференции, выгодны «красным кхмерам». Однако некоторые сомнения в правильности выбранной политики у него все-таки оставались: он заявил своему окружению, что при всей выгоде этих соглашений, «если они не будут выполнены полностью, то для нас это означает смерть»[112].

Под полным выполнением Парижских соглашений Пол Пот понимал прежде всего роспуск основных административных структур и институтов бывшей НРК и формирование новых, не подконтрольных правительству Хун Сена. Он попытался сам начать такую реорганизацию и в феврале 1992 г. издал даже специальную директиву, в которой говорилось: «Только разрушив политическую администрацию вьетнамских врагов и их лакеев на уровне деревни, мы сможем консолидировать и расширить территории освобожденных деревень». Далее он призывал «создавать на местах так называемые Национальные советы, цель которых — консолидировать и укрепить нашу силу, а также заставить вьетнамских врагов и их лакеев сдавать позицию за позицией»[113]. Такое понимание политического процесса в корне противоречило Парижским соглашениям, согласно которым ЮНТАК должен был ограничиться только контролем над существовавшими в Камбодже органами власти, сформированными еще в период НРК, и обеспечить их нейтралитет по отношению ко всем группировкам. В тексте соглашений не предусматривалось роспуска существовавших органов власти или формирования неких конкурирующих административных и управленческих структур. Если бы Пол Пот и его окружение более адекватно оценивали ситуацию, то у них на этот счет не было бы никаких иллюзий. Еще в самом начале миротворческого процесса помощник госсекретаря США по вопросам Азии и Тихого океана Ричард Соломон недвусмысленно заявил в своем выступлении в американском конгрессе: «Никто не собирается распускать структуры пномпеньской администрации, так как у ООН нет ни достаточно людей, ни знаний, чтобы управлять страной. ООН будет делать только то, что необходимо, чтобы провести свободные и честные выборы в нейтральной политической обстановке»[114].

Не исключено, что Пол Пот в своем лесном лагере так и не сумел разобраться в полномочиях и задачах ЮНТАК. Экспансия его группировки в сельских районах и в целом по стране встретила жесткое

противодействие не только со стороны Хун Сена и его правительства, но и со стороны главы ВНС Сианука, который в январе 1992 г. на заседании Совета резко осудил действия «красных кхмеров», заявив, что они не имеют права создавать «национальные советы» и таким образом расширять контролируемые ими территории[115]. Тем самым глава ВНС лишний раз показал, на чьей стороне оставались его симпатии в миротворческом процессе.

Неудачная затея с «национальными советами», которые так и не стали альтернативной властью на местах, только подчеркнула, что в сельской местности сохраняется власть исполнительных структур НПК. Ни разрушить, ни подорвать их влияние Пол Пот так и не смог, а временная администрация ООН, другие участники миротворческого процесса взяли их под защиту. Такой поворот событий, вероятно, стал для него неприятным сюрпризом, он оказался в одиночестве и, наконец-то, понял, что никакой смены власти на местах не предвидится, что правительство Хун Сена продолжает не только действовать, но и превращается в административное ядро будущего режима.

Оценив ситуацию, Пол Пот принял решение резко изменить отношение своей группировки ко всему миротворческому процессу. Теперь он увидел в нем угрозу поражения, распада и раскола движения. В противовес своим предыдущим заявлениям он неожиданно стал утверждать, что «неидеальное выполнение Парижских соглашений наносит вред "красным кхмерам", так как политические и военные структуры Хун Сена остаются в прежнем состоянии»[116]. В подобных условиях, по мнению Пол Пота, разоружение военных формирований «красных кхмеров» и допущение в подконтрольные им районы сил ЮНТАК лишь создаст угрозу моральному духу бойцов и населения, «которые подвергнутся враждебному влиянию»[117]. В связи с этим Пол Пот принял решение не допускать военных наблюдателей ООН в свои районы и не соглашаться на роспуск вооруженных отрядов, которые оставались главной силой, способной защитить движение как от соперничающих фракций, так и от «внешних сил, представленных ЮНТАК»[118]. Он понял, что в сложившейся в стране ситуации только факт их существования придавал вес и влияние и ему лично и всей группировке «красных кхмеров», что без тысяч хорошо вооруженных партизан, готовых наступать и обороняться, вскоре с ним и его движением считаться никто не будет.

Такой поворот в полпотовской стратегии не встретил, однако, единодушной поддержки в верхушке движения. Против Пол Пота

неожиданно выступил его многолетний соратник министр обороны Демократической Кампучии Сон Сен. Этот деятель долгое время находился в Пномпене вместе с Кхиеу Самфаном, где вел переговоры с представителями ЮНТАК по всем вопросам военного урегулирования и сотрудничества[119]. Он лучше, чем его непосредственный начальник, разбирался в реальной обстановке. Кроме того, Сон Сен еще со времен пограничной войны с Вьетнамом 1977–1978 гг. был тесно связан с высокопоставленными деятелями в Пекине и хорошо представлял себе намерения и цели китайского руководства. И Сон Сен полагал, что «красным кхмерам» следует выполнять принятые на себя обязательства, продолжать участвовать в мирном процессе, в частности пойти на демобилизацию вооруженных сил. В перспективе он видел неизбежность превращения движения в политическую партию. Хорошо знавший расклад сил в руководстве «красных кхмеров» журналист Нейт Таер в связи с этим писал: «В мае-июне 1992 г. Сон Сен считал, что перспективы "красных кхмеров" во многом зависят от того, насколько они будут искренни и тверды в желании следовать путем мирного урегулирования конфликта и будут ли они участвовать в деятельности демократически выбранного коалиционного правительства. По мнению Сон Сена, выход из мирного процесса будет означать окончательную дискредитацию движения в глазах как мирового сообщества, так и рядовых камбоджийцев. Он был убежден, что именно восстановление доверия к "красным кхмерам" должно стать важнейшей предпосылкой их политического долголетия, гарантирующей им возвращение своего легального места в институтах власти будущей Камбоджи»[120].

Однако в мае 1992 г. на совещании руководства «красных кхмеров» Сон Сен подвергся самой жесткой критике. По мнению Д. П. Чандлера, Сон Сен всегда был под подозрением у Пол Пота из-за своего интеллектуального превосходства[121]. Теперь это подозрение получило реальные основания, и выступившего против Пол Пота оппозиционера объявили капитулянтом. Сон Сен был выведен из состава ЦК и снят со всех постов. Думается, что если бы все это происходило в лучшие времена Демократической Кампучии, то бывший министр обороны и начальник Генерального штаба, член Политбюро ЦК Компартии, как и многие другие до него, был бы направлен в Туолсленг, где написал бы перед казнью обстоятельные мемуары о своей шпионской деятельности. В новые времена Пол Пот проявил милосердие и отправил своего старого соратника на «перевоспитание». Оно продолжалось

сравнительно недолго — с июня по декабрь 1992 г., после чего Сон Сен раскаялся и «признал» ошибочность своих прежних взглядов[122]. Таким образом, в результате внутрипартийной борьбы «брат номер один» в очередной раз мог торжествовать: он одержал полную победу и теперь уже никто не смел выступать против избранной партийным вождем самоубийственной политики в отношении ЮНТАК и мирного урегулирования в целом.

Первым свидетельством того, что линия Пол Пота в руководстве «красных кхмеров» окончательно возобладала, стало резко ужесточившиеся отношения со всеми без исключения структурами ЮНТАК. Зоны контроля его группировки были окончательно закрыты для посещения любыми ооновскими сотрудниками, даже представителями гуманитарных организаций. Все чаще приходили сообщения о случаях обстрелов миротворческих постов или полицейских пунктов, не говоря уже о подразделениях правительственной армии[123]. Видя слабость вооруженных сил и структур временной администрации ООН, «красные кхмеры», в нарушение соглашения о прекращении огня, в январе 1992 г. нанесли удар по частям НПК в глубине страны в провинции Кампонгтхом — на родине Салотх Сара — Пол Пота. В ходе развернувшихся боев они сумели несколько расширить территории своего контроля, но не смогли перерезать основной путь между центральной и северо-западной Камбоджей. Свои неудачи «красные кхмеры» восприняли очень болезненно и объясняли их якобы сохранявшимся присутствием вьетнамских военных в Камбодже. В связи с этим они отказались участвовать в заседании смешанной военной группы, в которую входили представители всех фракций и военные наблюдатели ООН[124]. Стремясь подчеркнуть значимость своей позиции и самостоятельность своих действий, отдельные группы «красных кхмеров» начали нападать на подразделения ООН. Первой их жертвой среди миротворцев стал австралийский военный, получивший ранение, когда «красные кхмеры» обстреляли вертолет, в котором он находился[125]. Другим объектом для своих нападений они выбрали мирных вьетнамцев, на которых в местах их компактного проживания они совершили несколько жестоких нападений. Вероятно, они рассчитывали, что «эти убийства вызовут волну насилия над вьетнамцами»[126], что продемонстрирует непреклонную решимость кхмеров изгнать их из страны. Однако на деле эти их действия вызывали только всеобщий страх и еще большее недоверие к ним.

Сложное и неустойчивое положение в Камбодже, грозившее сорвать миротворческую операцию, заставило Совет Безопасности ускорить процесс формирования ЮНТАК. Официально эта организация была учреждена решением Совета Безопасности от 28 февраля 1992 г. Руководить ею был назначен Ясуси Акаши — японский дипломат, долгое время работавший в ООН. Новая структура должна была включать в себя семь так называемых компонентов, которые охватывали бы все сферы ее будущей деятельности — от соблюдения гражданских прав, подготовки выборов, военной и гражданской администрации, гражданской полиции и до репатриации беженцев и восстановления страны. Самым большим был военный компонент, численность которого на самом пике операции составляла 15 900 человек плюс 3600 так называемых гражданских полицейских[127]. Задача этих сил состояла в том, чтобы стабилизировать военную ситуацию в Камбодже, организовать наблюдение за прекращением огня, а также контролировать разоружение боевых сил противостоящих фракций. Кроме того, военный компонент должен был гарантировать, что вьетнамские войска и их вооружение выведены из страны и в нее больше не возвращаются.

Перед компонентом гражданской администрации, — вторым по численности в ЮНТАК, стояли задачи установления прямого контроля над существующими камбоджийскими правительственными структурами в сфере общественной безопасности, внутренних и иностранных дел, финансов и информации. В других государственных учреждениях сотрудники этого компонента осуществляли контроль второго (факультативный) и третьего (выборочный) уровня[128]. В июле 1992 г. компонент гражданской администрации открыл свои учреждения во всех провинциях страны, а к началу сентября 1992 г. финансовые контролеры ЮНТАК присутствовали уже во всех министерствах, в Национальном банке Камбоджи и во всех провинциальных администрациях[129].

Важную роль в деятельности ЮНТАК стал играть и информационный компонент, состоявший из нескольких служб, которые занимались выпуском и распространением информации, контролем, мониторингом и анализом информационного поля. Он насчитывал около 100 сотрудников, в том числе 40 иностранцев[130]. Другие компоненты, меньшие по численности, выполняли более локальные и конкретные задачи вроде репатриации беженцев, подготовки кадров для национальной полиции и управленческих структур[131].

Еще одно важное решение, которое принял в связи с Камбоджей Совет Безопасности ООН, заключалось в том, что были определены даты ключевых событий, фиксировавших завершение миротворческой операции и деятельности ЮНТАК. Согласно принятому документу, выборы в Камбодже намечались на апрель-май 1993 г., а до августа 1993 г. следовало утвердить новую конституцию страны. На всю миротворческую операцию, таким образом, ООН отводила чуть больше года. В условиях, сложившихся в Камбодже, это был минимальный срок, который многим представлялся совершенно нереальным, тем более что ни должной численности военного компонента, ни комплектации персоналом других компонентов достигнуть не удалось. К тому же и отношение к ооновским миротворцам в Камбодже заметно ухудшилось, поскольку прошло почти пять месяцев после конференции в Париже, а никаких перемен к лучшему в стране не наблюдалось. Это сразу же почувствовал Ясуси Акаши, когда он 15 марта 1992 г. прибыл в камбоджийскую столицу[132].

Дело в том, что к его приезду произошло событие, которое грозило перевернуть весь миротворческий процесс — «красные кхмеры», все более открыто пренебрегая соглашениями, подписанными в Париже, игнорировали прибывавших в страну администраторов и военных ООН. Свидетельством тому стала безуспешная попытка расположить голландский миротворческий батальон в контролируемом «красными кхмерами» районе близ Пайлина. Сначала голландцев под угрозой применения оружия просто не допустили до места положенной дислокации, а позже, когда сам специальный представитель генсека ООН вместе с военным руководителем ЮНТАК генералом Сандерсеном прибыли в район Пайлина, боевики «красных кхмеров» остановили и задержали их. Два высших чина ЮНТАК, словно заложники, провели несколько часов в бамбуковой хижине под охраной полпотовских солдат на контрольном пункте между Пайлином и таиландской границей[133].

Произошло это событие 30 мая 1992 г., и многие полагают, что оно определило поворотный момент во взаимоотношениях руководства ЮНТАК и «красных кхмеров». По свидетельству очевидцев, из этого «временного плена» глава ЮНТАК вернулся с полным пониманием реального отношения Пол Пота и его соратников к миротворческому процессу и ООН[134]. «Красные кхмеры» в свою очередь также сделали из этого инцидента свои выводы: 9 июня 1992 г., в нарушение подписанных в Париже договоренностей, Кхиеу Самфан направил

главе ЮНТАК специальное послание, в котором заявил, что «красные кхмеры» не допустят размещения сил ООН в подконтрольных им районах[135].

Убедившись, что у ЮНТАК нет реальных рычагов давления на них, полпотовцы не только запретили любое присутствие подразделений ООН в подконтрольных им районах, но и отказались предоставить сведения о численности своей армии и в конце концов заявили, что вообще не намерены сводить свои войска в какой-либо район, чтобы их могли там разоружить. Это было еще одно нарушение обязательств, взятых ими в соответствии с Парижскими соглашениями. Свой отказ «красные кхмеры» объясняли тем, что якобы вьетнамские войска все еще остаются на территории Камбоджи и должны быть выведены, а позже потребовали, чтобы страну покинули вообще все вьетнамцы[136]. Присущая Пол Поту ненависть к вьетнамцам подогревалась еще и тем, что он, по всей видимости, не мог поверить, что войска НПК без участия вьетнамцев успешно отражают удары его лучших батальонов и что в Камбодже появилась военная сила, сравнимая по боевым возможностям с его отрядами и даже превосходящая их.

Другое его требование состояло в том, чтобы ЮНТАК взяло на себя полный контроль над деятельностью правительства Хун Сена. Роспуск правительства НПК был одной из главных целей участия «красных кхмеров» в переговорном и миротворческом процессе. Поэтому они выдвинули ультиматум, чтобы ЮНТАК не просто контролировал, но и распустил это правительство. В своих претензиях они зашли так далеко, что добавили еще и требование к ЮНТАК содействовать в изменении границы между Камбоджей и Вьетнамом[137]. В ответ на это глава ЮНТАК, желая сохранить полпотовцев в переговорном процессе, попытался хотя бы частично пойти на удовлетворение их требований. Он сообщил им, что дал указание увеличить число пунктов контроля на вьетнамо-камбоджийской границе и провести инспекцию войск НПК. В результате всех этих мер выяснилось, что во всей армии Хун Сена нашлось лишь три человека, которых можно было отнести к вьетнамским офицерам. Позже были обнаружены еще четверо, которые официально были гражданами Камбоджи[138].

Данные о числе вьетнамцев в подразделениях НПК, приведенные после обследования, разочаровали «красных кхмеров». Они потребовали продолжить инспекцию, заявив, что «Хун Сен ловко скрывает своих вьетнамцев», а ЮНТАК ему в этом подыгрывает[139]. В ответ на их неприкрытый шантаж ООН ужесточила свою позицию. Совет

Безопасности объявил, что «никакой помощи в реконструкции не получит та группировка, которая отказывается сотрудничать с ЮНТАК»[140]. Напряжение в отношениях «красных кхмеров» и миротворцев достигло такой остроты, что заместитель военного командира ЮНТАК французский генерал Лориндон ушел в отставку в знак протеста против того, что его требование использовать военный компонент ЮНТАК для обуздания «красных кхмеров» было отвергнуто Ясуси Акаши[141]. В одном из интервью он заявил, что «покидает Камбоджу из-за невозможности выполнить мандат ООН». По его мнению, «необходимо было военной силой побудить "красных кхмеров" к выполнению соглашений, которые они уже подписали»[142].

Глава ЮНТАК не стал ни следовать советам французского генерала, ни идти на поводу у «красных кхмеров», которые фактически провоцировали миротворцев на военные меры, чтобы потом свалить на них неудачу всего проекта урегулирования конфликта. К этому времени триумвират в составе Пол Пота, Нуон Чеа и Та Мока, управлявший движением еще с конца 70-х, пришел к заключению о «желательности выхода движения из договорного процесса» и уже не желал вести переговоры с «вьетнамскими марионетками в Пномпене»[143]. «Красные кхмеры» все больше склонялись к убеждению, что только военные действия смогут привести их к власти. После снятия Сон Сена со всех постов и отправки его на «перевоспитание», единственным ограничителем свободы действий полпотовской группировки оставались китайцы, которые уже много лет, начиная с исторической встречи Иенг Сари с Дэн Сяопином 13 января 1979 г. в Пекине, практически полностью содержали их. Но в отличие от Пол Пота и его соратников, Китай поддерживал усилия ЮНТАК и не мог одобрить их действия, подрывающие мирное урегулирование.

Непомерные претензии Пол Пота, его стремление разорвать отношения с ЮНТАК оказались большим подарком для Хун Сена и его партии. Своими агрессивными действиями руководитель «красных кхмеров» сам поставил себя в положение изгоя. Отказавшись разоружаться, он фактически сорвал важнейший этап в выполнении Парижских соглашений, связанный с демобилизацией вооруженных сил соперничавших группировок. Тем самым он позволил и своему заклятому врагу — НПК почти в целости сохранить свою армию, так как в сложившихся условиях руководство ЮНТАК вынуждено было принять решение об изменении масштабов перегруппировки и разоружения других противостоявших друг другу камбоджийских сил. Сокращать

свои войска предстояло только трем группировкам, сотрудничавшим с ЮНТАК. Но это сокращение должно было носить ограниченный характер и не привести к их разоружению, так чтобы не оставить беспомощными перед лицом «красных кхмеров», предоставив тем шанс снова захватить всю страну[144].

К 10 сентября перегруппировке подверглось 52 тыс. солдат, было складировано около 50 тыс. единиц оружия[145]. Это составляло примерно 50% боевых сил ФУНСИНПЕК и отрядов Сон Санна и только 25% армии НПК. Министр внутренних дел ГК Со Кхенг сказал, что его фракция «сократила свою армию на 38 тыс. человек... и что разоружение носило односторонний характер, и потому оно было приостановлено с согласия ЮНТАК»[146]. В результате ударные силы НПК фактически не были затронуты сокращением[147]. Получилось, что «красные кхмеры», отказавшись разоружаться, остались в одиночестве, противопоставив себя и трем другим фракциям и ЮНТАК. Их место в коалиции сторон, выступавших за выполнение Парижских мирных соглашений, заняла НПК, которой удалось таким путем изменить начальную конфигурацию мирного процесса, когда эта партия противостояла трем другим камбоджийским фракциям, входившим в коалиционное правительство. Теперь на месте НПК и под огнем жесткой критики оказались «красные кхмеры».

Несмотря на очевидный провал в выполнении ключевого положения Парижских мирных соглашений (демобилизация вооруженных сил всех группировок), руководство ЮНТАК после некоторых колебаний[148] 12 августа 1992 г. обнародовало закон о выборах и тем самым решило продолжить миротворческую операцию. Расчет состоял в том, что за время подготовительных мероприятий представители Таиланда и Японии смогут убедить Пол Пота и его соратников принять участие в выборах и возобновить полномасштабное сотрудничество с ЮНТАК. Надеялись, что «приманкой» здесь станет возможность получить дополнительную финансовую помощь от Японии. Прислушаться они должны были и к предложениям Таиланда, от позиции которого, по существу, зависело их существование, поскольку все военные грузы шли к полпотовцам через территорию этой страны. Кроме того, из районов, находившихся под контролем «красных кхмеров», в Таиланд непрерывно поставлялись древесина, драгоценные камни, а оттуда взамен поступали продукты питания и средства на закупку новых вооружений и экипировку отрядов. Более того, то, что отношение Таиланда к «красным кхмерам» менялось, должно было

бы их насторожить — ведь отношение этой страны к камбоджийскому вопросу всегда было соответственно позиции Китая.

Воздействовать на «красных кхмеров» с тем, чтобы заставить их участвовать в выборах, пытались в это время и другие страны. В сентябре 1992 г. Австралия внесла предложение, чтобы Совет Безопасности ООН ввел санкции против этой группировки в случае отказа ее руководства подчиниться решениям ЮНТАК. И как самая действенная мера предлагалось провести выборы вообще без ее участия. В ответ на эту инициативу Кхиеу Самфан, в письме на имя Генерального секретаря ООН, обвинил австралийских представителей в «нарушении целостности Парижских соглашений»[149]. Эти обвинения приняты во внимание не были, и 13 октября 1992 г. Совет Безопасности ООН подтвердил, что выборы в Камбодже должны проводиться согласно принятому графику, и потребовал от «красных кхмеров» сотрудничать с ЮНТАК. Принятая резолюция впервые констатировала, что именно политика «красных кхмеров» препятствует достижению мира в Камбодже[150].

Тем не менее все попытки склонить Пол Пота к сотрудничеству с ЮНТАК и к участию в выборах оказались безрезультатными. Япония и Таиланд сообщили в ООН о неудаче своего посредничества. Тогда генеральный секретарь ООН Бутрос Гали перепоручил эту миссию Франции и Индонезии как сопредседателям Парижской конференции[151]. Надежды на то, что удастся убедить Пол Пота участвовать в миротворческом процессе, связывались в это время не столько с миссией этих стран, сколько с проведением 7–8 ноября 1992 г. в Пекине новой встречи, в которой должны были участвовать все камбоджийские стороны и сопредседатели Парижской конференции. Расчет был на то, что китайские руководители, от которых полпотовцы всегда зависели и к мнению которых не могли не прислушиваться, смогут в неформальной обстановке убедить своих протеже изменить позицию. Но, к очевидному неудовольствию хозяев встречи, «красные кхмеры» подтвердили свое нежелание сотрудничать с ЮНТАК и участвовать в выборах, заявив, что до тех пор, пока они не убедятся, что в стране создана нейтральная политическая обстановка, ни о каком их участии в выборах не может быть и речи[152].

Однако, несмотря на всю непреклонность своей позиции и активность своих боевиков, повлиять на изменение сроков выборов или добиться их отмены «красные кхмеры» так и не смогли. 30 ноября 1992 г. Совет безопасности ООН вновь подтвердил, что выборы в Камбодже должны состояться не позднее мая 1993 г., и это позволило

ЮНТАК продолжить подготовку к ним. Ясуси Акаши принял также решение изменить принципы дислокации войск, входивших в военный компонент. Было решено перегруппировать их так, чтобы они не столько контролировали ситуацию в целом по стране, сколько защищали центры по организации выборов в провинциях, обеспечивали доставку в них всего необходимого для проведения голосования. Вместо контроля и наблюдения за территориями, военный компонент ООН сосредоточивал силы на защите коммуникаций и избирательных участков[153].

Начавшийся вывод миротворцев ООН из районов их прежней дислокации «красные кхмеры» рассматривали как новое проявление слабости своих противников и перешли к тактике непрерывного давления на руководство ЮНТАК. Смысл их действий состоял в том, чтобы, захватывая ооновских офицеров в заложники, а потом освобождая их, продемонстрировать свою силу и возможность влиять на весь выборный процесс[154]. Вполне вероятно, что Пол Пот рассчитывал таким путем заставить миротворцев свернуть свои операции в стране или вообще покинуть Камбоджу. Однако он явно недооценил упорство главы ЮНТАК, его твердую решимость при любых обстоятельствах обеспечить в Камбодже всеобщие выборы, даже если они не вполне будут соответствовать всем критериям, прописанным в плане мирного урегулирования конфликта. В одном из своих интервью Ясуси Акаши однозначно заявил, что «не может позволить себе не добиться успеха»[155].

В ответ на неприкрытый шантаж полпотовцев руководство ЮНТАК сделало неожиданный и сильный ход. Оно объявило, что для обеспечения безопасности избирательных участков силам НПК и других двух фракций будет разрешено наносить ответные удары по отрядам «красных кхмеров»[156]. Более того, чтобы дать им для этого реальную возможность, глава временной администрации ООН распорядился вернуть охраняющим часть оружия, изъятого при демобилизации[157]. Эти решительные действия, без сомнения, были серьезным нарушением принципов Парижских мирных соглашений, однако они соответствовали сложившейся ситуации. Без таких мер предосторожности возможность сохранить в стране относительный порядок и провести выборы была бы минимальной.

Дело в том, что направить войска ООН против полпотовцев или даже приказать им защищать мирное население глава временной администрации ООН не имел права, так как это расходилось бы с обязанностями военного компонента ЮНТАК. Его глава — генерал

Сандерсон — говорил об этом недвусмысленно: «Миссия ООН создана была не для того, чтобы защищать Камбоджу. Военный компонент ЮНТАК не будет использоваться в операциях по обеспечению безопасности внутри страны. Он будет действовать не для того, чтобы защищать политический процесс, мы здесь для того, чтобы защищать электоральный процесс. Мы ответственны за то, чтобы обеспечивать безопасные рамки для деятельности других компонентов сил ООН по организации выборов»[158]. Получилось, что «красные кхмеры» своими провокациями не оставили главе ЮНТАК иного выбора, как доверить Хун Сену и его армии задачи защиты населения и поддержания статус-кво в Камбодже. Это был еще один шаг к укреплению позиций премьер-министра и его правительства.

Противостоять давлению «красных кхмеров» на миротворцев Ясуси Акаши рассчитывал и прибегнув к жестким экономическим мерам. Он принял решение наложить эмбарго на поставки нефтепродуктов этой группировке, которые шли через территорию Таиланда. Кроме того, под предлогом защиты природы было объявлено о запрете вывоза из Камбоджи необработанной древесины, что могло больно ударить по хорошо налаженным деловым связям команды Пол Пота[159]. Обсуждался и вопрос о том, чтобы заморозить все счета «красных кхмеров» в таиландских и иностранных банках[160]. В ответ на решительность и жесткость руководителя ЮНТАК радио «красных кхмеров» развернуло против него пропагандистскую кампанию под лозунгом «Ясуси Акаши потерял здравый смысл и храбрость и он должен уйти в отставку»[161].

Борьба, развернувшаяся между ЮНТАК и «красными кхмерами», предоставила НПК возможность сблизиться с главой ЮНТАК и все более активно сотрудничать с его основными структурами. Встречи Хун Сена и Ясуси Акаши участились, поскольку в силу сложившихся обстоятельств эти деятели оказались очень нужны друг другу. Хун Сену необходимо было хотя бы добиться нейтрального отношения ЮНТАК к его партии, без чего вряд ли приходилось рассчитывать успешно выступить на выборах. А главе ЮНТАК был необходим Хун Сен с его правительством и армией, способный не только управлять страной, но и противостоять вылазкам «красных кхмеров».

Почувствовав свою незаменимость в деле подготовки выборов, НПК стала стремиться нейтрализовать активность кандидатов других группировок, особенно в тех районах, где она сохраняла свой административный контроль. Несколько кандидатов ФУНСИНПЕК, которая

рассматривалась бывшими коммунистами как главный соперник на предстоящих выборах, подверглись нападениям в районах, где распоряжались административные креатуры партии Хун Сена. Наибольшую огласку получили налет на штаб-квартиру партии Сон Санна в провинции Кохконг и обстрел партийного офиса ФУНСИНПЕК в Баттамбанге. Полиция, подчиненная Хун Сену, отказалась арестовывать участников этих акций[162].

В феврале 1993 г. уже армия НПК начала наступление на позиции полпотовской группировки на территории десяти провинций. Официально эта операция объяснялась необходимостью защитить мирное население от вылазок «красных кхмеров» и создать предпосылки для успешного проведения предвыборной кампании. На самом деле Хун Сен и его соратники стремились показать силу и возможности своей армии, ее способность наступать на противника и защищать граждан. Сообщая о своих успехах, сторонники Хун Сена называли ЮНТАК «бумажным тигром», организацией, которая не в состоянии контролировать деятельность «красных кхмеров», а потому НПК приходится делать за нее работу, с которой она не справилась[163].

Сианук, ревниво наблюдавший из Пекина, как растут ставки Хун Сена, после очередного нападения сторонников НПК на кандидата ФУНСИНПЕК сделал неожиданный ход — опубликовал специальное заявление о том, что он «в условиях эскалации военных действий в стране отказывается от поста председателя ВНС». Бывший монарх заявил, что ЮНТАК, желая убедить ООН и весь мир в своем успехе, собирается проводить выборы, несмотря на то, что никаких условий для них не создано. «Это настоящая комедия», — заметил он в одном из интервью[164]. Демарш Сианука, несомненно, объяснялся тем, что он хотел показать руководству ЮНТАК, что успех в организации выборов зависел не только от Хун Сена, но и от него, и поэтому ФУНСИНПЕК должна также пользоваться особой защитой и расположением главы временной администрации ООН.

В ООН прекрасно поняли мотивы председателя ВНС, и лично Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали отправился в Пекин уговаривать его забрать заявление об отставке. После встречи с ним Сианук согласился остаться на посту председателя ВНС и продолжать сотрудничество с ЮНТАК. Однако его согласие вернуться на свой пост не могло изменить ситуацию — ЮНТАК все более запутывался в хитросплетениях кхмерской политики. Стремясь во что бы то ни стало выполнить свою миссию и провести выборы, временная

администрация ООН из органа надзирающего и организующего политический процесс, стоящего как бы над местными политическими группировками, превратилась фактически в зависимую от них организацию. Авторитет ЮНТАК и доверие к нему тысяч камбоджийцев заметно упали. В руководстве ЮНТАК эта перемена не осталась без внимания, и в секретном отчете Совету Безопасности и Генеральному секретарю ООН Ясуси Акаши отмечал: «В Камбодже люди все меньше верят в способность временной администрации ООН развивать мирный процесс, они считают солдат ЮНТАК наемниками, прибывшими в Камбоджу только ради высокой зарплаты. В докладе также отмечалось, что «камбоджийцы рассматривают как реальную угрозу возвращение к власти "красных кхмеров" после скорого ухода ЮНТАК». Относительно партии Хун Сена в докладе говорилось, что она «всячески препятствует всем остальным силам вести легальную политическую работу»[165].

О том, как это происходило, поведал в специальном письме Бутросу Гали глава ФУНСИНПЕК принц Раннарит. Как он писал в своем послании, «политический террор» НПК по отношению к ФУНСИНПЕК «стал невыносим»: с ноября 1992 по январь 1993 г. из членов ФУНСИНПЕК 18 было убито и 22 ранено[166]. Однако даже после этого письма, в котором были изложены факты нападений и убийств, совершенных структурами партии Хун Сена, никаких суровых последствий для сторонников премьер-министра это не имело. В Совете Безопасности ООН и в ЮНТАК понимали, что исключение из процесса подготовки к выборам Хун Сена и его партии означало бы крах всех миротворческих усилий и повлекло бы за собой подрыв авторитета ООН в мире.

Значение партии Хун Сена для успеха всего дела выросло настолько, что руководство ЮНТАК вынуждено было мириться и с тем, что НПК активно противодействовала попыткам ооновских структур взять под контроль органы местного управления. По словам Ясуси Акаши, после того как ЮНТАК развернула мобильные отряды, которые должны были следить за тем, чтобы местные администраторы строго придерживались нейтралитета в политической борьбе, Хун Сен обвинил его в том, что методы миротворцев ООН напоминали те, которые применял Пол Пот[167]. При попытках малейшего давления на себя и свою партию Хун Сен немедленно разворачивал активную пропагандистскую кампанию против ЮНТАК, заявляя о ее неспособности навести порядок в стране и о том, что лишь его фракция «сможет положить

конец насилию со стороны "красных кхмеров" и обеспечить политическую стабильность»[168]. Действительно, гражданский компонент ЮНТАК был не в состоянии контролировать деятельность местной администрации, мог оказывать лишь некоторое «влияние» на характер принимаемых на местах решений. Посланцам ООН в Камбодже так и не удалось вникнуть в механизм политической власти, они не знали языка, особенностей менталитета камбоджийцев и кхмерской политической культуры, не разбирались в разветвленных клановых и родственных связях и отношениях, так характерных для этой страны.

Кроме того, у руководства НПК всегда была возможность так называемого «неформального» давления на местную администрацию и на население через систему традиционных связей патрон — клиент, установившихся еще в период существования НРК и совершенно недоступных влиянию ЮНТАК[169]. В свое время НРПК, а потом и НПК сама расставляла чиновников на посты в местных органах власти. Многие из них были членами партии и подчинялись партийной дисциплине, другие были связаны родственными или дружески-клановыми отношениями с членами центрального руководства. Через такую систему неформальных связей НПК легко доводила до местных чиновников свои установки. В отчетах представителей временной администрации ООН не раз отмечалось «широкое и постоянное использование государственного аппарата для проведения политических кампаний и политики НПК»[170].

Хун Сен стремился сохранить сложившуюся систему власти, и в этой связи сотрудничество с ЮНТАК ему было очень выгодно, потому что временная администрация ООН не только не собиралась ее разрушать, но, наоборот, фактически подтвердила ее легитимность. Премьер-министр ГК в своей критике действий ЮНТАК никогда не переходил за определенные границы, и все его критические высказывания были в целом частными и компромиссными. Он только в крайних ситуациях угрожал ЮНТАК возможностью выхода из миротворческого процесса, старался всегда подчеркивать, что, несмотря на некоторые издержки, полностью поддерживает деятельность структур ООН и готов действовать по тем правилам, которые устанавливает ЮНТАК[171].

В отличие от Хун Сена и его партии, «красные кхмеры», как уже отмечалось, месяц за месяцем все более ужесточали свое отношение к ЮНТАК. Они уже и не скрывали, что своими активными действиями рассчитывают подорвать миротворческий процесс, вновь ввергнуть

страну в хаос и гражданскую войну и таким путем вернуться к власти. При этом создавалось впечатление, что действуют они уже по собственному плану, не спрашивая совета и одобрения у своих главных покровителей в Пекине[172].

Трудно сказать, откуда у Пол Пота и его окружения взялась уверенность в том, что Китай в любом случае будет на их стороне. Не исключено, что, провоцируя ООН, Пол Пот рассчитывал шантажировать и Китай, полагая, что китайцы «никуда не денутся» и вынуждены будут его поддержать, чтобы иметь преданных союзников в Камбодже. Но тут Пол Пот сильно просчитался. Ведь если разобраться в ситуации, то выяснится, что мотивы, которые главным образом побуждали КНР содержать и обеспечивать всем необходимым «красных кхмеров», отпали. Вьетнамские войска были выведены из Камбоджи, реванш за унижение 1978–1979 гг. состоялся. Китай продемонстрировал свою мощь и влияние и совместно с другими великими державами выступал за мирное решение камбоджийского конфликта. Престиж КНР вырос и в Азии и во всем мире и жертвовать им в интересах наиболее одиозной из всех кхмерских группировок он явно не желал. Пол Пот не понимал, что задачи вернуть «красных кхмеров» к власти в Пномпене Пекин уже давно перед собой не ставил. Наоборот, китайское руководство всячески стремилось продемонстрировать свой новый имидж сильной и ответственной державы. Поддерживать «красных кхмеров» со всем грузом их тяжких преступлений значило бы только затруднить себе эту задачу. Пекин с каждым днем все сильнее раздражали действия его былых протеже, тем более что после нормализации отношений с Вьетнамом КНР вполне устраивала ситуация, когда бы Камбоджу возглавил Сианук, а правящей партией там стала бы фракция, которая одержит победу на выборах.

То, что в Китае по-новому подходят к ситуации в Камбодже, ясно показал визит в Пномпень в феврале 1992 г. министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня, который провел переговоры с Сиануком и с Хун Сеном, а также с представителями временной администрации ООН. После этих встреч глава китайского МИДа сделал несколько сенсационных высказываний. Он, в частности, заявил, что «его страна больше не будет поставлять оружие “красным кхмерам” и готова оказать финансовую поддержку Высшему национальному совету (ВНС) Камбоджи»[173].

Руководству «красных кхмеров» дали понять, что в Пекине решили изменить привычный характер сложившихся за многие годы

отношений. Позиция китайского министра свидетельствовала также, что в отношениях Пол Пота и китайского руководства не все обстоит благополучно. По-видимому, нарастающее раздражение было обоюдным: Пол Пот в свою очередь все более убеждался в предательстве Пекина, когда увидел, что Китай поддерживал такой путь решения конфликта, который шел вразрез с чаяниями «красных кхмеров» вновь прийти к власти. Поддерживая ВНС, китайское руководство недвусмысленно показывало, что отказалось от требований восстановить свергнутый в 1979 г. режим Демократической Кампучии, который Пол Пот и его соратники продолжали считать единственно легитимным.

Китайское руководство отодвинуло «красных кхмеров» даже не на второй план политической борьбы, а чуть ли не на третий или четвертый после ЮНТАК, Сианука и ВНС. В сложившейся ситуации Пол Пот решил действовать самостоятельно — без китайской опеки он получал большую свободу действий. Его интересы явно разошлись с задачами китайского руководства, и на рубеже 1991–1992 гг. и он и его соратники окончательно стали отдавать себе отчет в том, что успешное проведение всеобщих выборов таит в себе смертельную угрозу для их организации, которая вряд ли сможет получить более или менее весомое число голосов. Прийти к финишу третьими или четвертыми они также не могли себе позволить — это означало бы подорвать авторитет движения, претендовавшего на роль выразителя интересов большинства народа[174]. Получилось, что Пол Пот, отойдя от своего принципиально непримиримого курса и пойдя на мирное урегулирование, совершил фатальную ошибку, сам загнал движение в тупик, когда и участие и неучастие в выборах равно не сулило ему ничего хорошего.

Единственным выходом из положения руководящая тройка «красных кхмеров», в которую входили Пол Пот, Нуон Чеа и Та Мок, за время войны против НРК заметно повысивший свой статус и влияние в движении и ставший фактическим шефом вооруженных сил[175], видела в том, чтобы добиться срыва выборов. Для этого необходимо было совершить крупные террористические операции, развернуть наступление в глубь Камбоджи, посеять в стране хаос и страх. Главным центром своей деятельности они выбрали провинцию Кампонгтхом «с задачей последующего расширения зон контроля в восточном и северном направлении»[176]. Основной формой боевой тактики руководство группировки объявило «наступательные партизанские действия»[177]. Советские дипломаты в Пномпене отмечали, что «красные кхмеры»

фактически не скрывают намерения возвратиться к власти военным путем. Это подтверждает, — указывали они, — «развиваемый в поступающих документах тезис о необходимости вести военную работу с тем, чтобы подорвать власть врагов и установить свою — народную»[178]. В своих дальнейших планах «красные кхмеры» собирались сформировать широкий Национальный фронт, идейной основой которого должен был стать «подъем кхмерского национального сознания и расширение борьбы с Вьетнамом и его приспешниками в виде нынешнего пномпеньского режима»[179].

В случае реализации этого плана выборы бы не состоялись, ЮНТАК, который «красные кхмеры» стали называть Йоунтак за его якобы провьетнамскую деятельность (от презрительного кхмерского названия вьетнамцев йоун, т. е. варвар. — *Д. М.*)[180], был бы с позором выдворен на Запад, и перед «красными кхмерами» могли бы открыться перспективы военного решения вопроса о власти. В переходе к такому способу действий, собственно, и выразилась самостоятельность Пол Пота и его соратников в определении политического курса, стратегии и тактики движения.

Свой первый удар боевики «красных кхмеров» направили против мирных вьетнамцев, проживавших в Камбодже. Расчет был на то, что националистически и враждебно настроенные к вьетнамцам кхмеры поддержат эти атаки, а «красные кхмеры» подтвердят свой имидж решительных борцов против любых форм вьетнамского присутствия. В марте 1993 г. их операции против этнических вьетнамцев приобрели широкий размах. За несколько дней было убито более 100 человек, в основном беззащитных рыбаков на озере Тонлесап, совершено несколько нападений на вьетнамские семьи в провинциальных центрах. Это вызвало панику, и после этих нападений более 20 тысяч этнических вьетнамцев, бросив все свое имущество и под защитой войск ООН, бежали на территорию СРВ[181].

«Красные кхмеры» активно действовали и в Пномпене. Их боевики несколько раз забрасывали ручные гранаты в бары и рестораны, где любили бывать миротворцы ООН. Никто из них особенно не пострадал, лишь несколько человек получили ранения, но главное — в городе воцарилась атмосфера неопределенности и неуверенности: никто не знал, когда и откуда последует новая атака. Начались и скоординированные нападения на личный состав военного компонента ЮНТАК, в результате которых были убиты четверо миротворцев — один представитель Бангладеш и трое — Болгарии[182]. Сотни

добровольцев из разных стран, прибывшие в Камбоджу для помощи ЮНТАК в организации выборов, начали в панике покидать Пномпень. Руководитель гуманитарного компонента ЮНТАК Деннис Макнамара заявил тогда, что «жестокие акции буквально захлестнули нас, и мы не имели возможности расследовать все случаи насилий и убийств»[183].

В такой и без того чрезвычайно напряженной и накаленной ситуации Кхиеу Самфан от лица руководства «красных кхмеров» официально объявил, что его партия не будет участвовать в выборах и что она закроет все свои представительства в Пномпене. Он объяснял это тем, что «вьетнамские силы агрессии все еще продолжают оккупацию Камбоджи и нейтральная политическая обстановка в стране так и не создана»[184]. Демарш Кхиеу Самфана стал одним из самых критических моментов всей миротворческой операции: отказ от участия в ней «красных кхмеров» мог вообще свести ее на нет. В этой ситуации Ясуси Акаши проявил непреклонность и принял решение несмотря ни на что продолжить подготовку к выборам и провести их в назначенные сроки. На одном из самых драматичных заседаний ВНС, которое состоялось 10 апреля 1993 г., он твердо ответил Кхиеу Самфану, что «никакая партия или группа не имеют права остановить эти выборы». Доводы представителя ООН были сформулированы четко: «Камбоджийский народ ясно показал, что он желает выборов, и мы их проведем. Вопрос о переносе или отмене выборов не стоит в повестке дня...» Глава временной администрации ООН предупредил представителя «красных кхмеров», что именно они и их лидеры будут напрямую ответственны за все атаки, направленные против ЮНТАК и за все будущие возможные провокации. «Мир не простит партии Демократической Кампучии попытки срыва выборов в Камбодже, — заявил Ясуси Акаши. — У этой партии не будет ни безопасных убежищ, ни политических шансов, она окажется в международной и внутренней изоляции»[185].

Эмоциональная речь Ясуси Акаши не смогла изменить сложившуюся ситуацию, тем более что определял политику «красных кхмеров» не Кхиеу Самфан, который присутствовал на заседании, а неизменно отсутствовавший Пол Пот. А он и его соратники уже сделали свой выбор в пользу конфронтации и неучастия в голосовании и ничто не могло заставить их свернуть с этого пути, даже специальная декларация в поддержку ЮНТАК и камбоджийских выборов, которая была принята 23 апреля 1993 г. странами — участниками Парижской конференции по Камбодже и в том числе Китаем. «Красные кхмеры»

отказались участвовать в чрезвычайном заседании ВНС в Пекине, которое организовали Китай, Франция и Япония[186]. Это был их новый публичный вызов своим главным союзникам и покровителям. В то время как НПК, ФУНСИНПЕК и Сон Санн, твердо заявившие, что примут участие в выборах, получили полное международное признание, «красные кхмеры» его окончательно лишились.

Предвыборная кампания официально началась 7 апреля 1993 г. под аккомпанемент террористических акций, проводимых боевиками «красных кхмеров». В принятой тогда резолюции Совета Безопасности ООН, касающейся Камбоджи, отмечалось, что «в стране не созданы идеальные условия для проведения выборов, однако этот факт не является достаточным основанием для того, чтобы их вовсе не проводить»[187]. При этом в ООН отмечали, что в деятельности ЮНТАК были не только неудачи, но и очевидные успехи, особенно по части разминирования территории, а также в организации возвращения тысяч беженцев из лагерей. В течение 1992 г. эта огромная работа была в целом завершена и более 360 тыс. камбоджийцев из лагерей в Таиланде и пограничных с этой страной районов самой Камбоджи вернулись к себе домой[188]. Кроме того, на состоявшейся в Токио международной конференции, посвященной вопросам восстановления и реконструкции Камбоджи, государства-участники создали, как это было прописано в Парижских соглашениях, Международный комитет реконструкции Камбоджи и выделили на восстановление страны 800 млн. долл. вместо 593 млн., как запрашивал в своем обращении Генеральный секретарь ООН[189].

Эти позитивные перемены, вкупе с твердой решимостью и административным опытом Ясуси Акаши, который добился полной поддержки своих действий всеми постоянными членами Совета Безопасности ООН и всеми камбоджийскими фракциями, за исключением «красных кхмеров», позволили ЮНТАК подвести мирный процесс к финальной стадии, когда 20 политических партий вступили в предвыборную борьбу. Несмотря на обилие партий — участниц политического соперничества, реально претендовали на места в Национальном собрании, по прогнозу ЮНТАК, лишь две из них: ФУНСИНПЕК во главе с Раннаритом и Буддийская либерально-демократическая партия (БЛДП), возглавляемая Сон Санном. Первой из названных сулили примерно 30% голосов, второй — около 18,5%. Третью позицию прогнозисты из ЮНТАК отдавали Демократической партии, «традиции которой уходят в историю» (10%), и лишь четвертое место, по их мнению,

должна была занять НПК (9%)[190]. Против НПК, считали они, работают обвинения в коррупции и непрекращающаяся внутренняя борьба между Хун Сеном и Чеа Симом. Трудно сказать, на каких основаниях ЮНТАК строила свой прогноз, который оправдался, как мы увидим дальше, лишь в том, что ФУНСИНПЕК действительно оказалась на выборах первой. Все остальные предположения так и остались в пределах фантазий. Кстати, в российском представительстве в Камбодже не были согласны с этим прогнозом[191]. Это и понятно: исследователям ЮНТАК был неведом и совершенно ими не учитывался разветвленный и эффективный аппарат власти НПК, поддерживаемой многими камбоджийцами, которые опасались возвращения страшного режима «красных кхмеров». Кроме того, аналитики почему-то учитывали лишь противоречия в руководстве НПК, но игнорировали непрекращавшуюся ожесточенную внутреннюю борьбу в партии Сон Санна между престарелым лидером и амбициозным командиром боевых отрядов группировки Иенг Мули. Эта борьба уже после выборов в конечном счете привела к расколу и почти полному исчезновению организации Сон Санна с политической арены страны.

Что касается «красных кхмеров», то они, несмотря на все предупреждения главы ЮНТАК, придерживались своего «бескомпромиссного плана» и 13 апреля 1993 г. демонстративно закрыли свое представительство в Пномпене и покинули столицу. Как это ни странно, но этот их шаг, как и многие предыдущие, в очередной раз сыграл на руку НПК. После отъезда Кхиеу Самфана и его сотрудников в Пномпене тысячи людей со страхом ожидали решительного наступления армии «красных кхмеров» прямо на столицу. Горожане понимали, что «красные кхмеры» объявили всем войну и опасались, что никакие международные силы ЮНТАК против них не смогут устоять. Все надежды возлагались на армию и структуры НПК, уже показавшие свою способность давать отпор противнику и даже контратаковать полпотовских партизан[192]. В такой напряженной атмосфере политическая кампания НПК, заявлявшей о себе как о последовательной противнице «красных кхмеров», оказалась в высшей степени актуальна. Хун Сен и его команда объявляли важнейшим достижением своего десятилетнего правления разгром режима Пол Пота. Считая себя спасителями народа от жестоких репрессий, лидеры НПК обосновывали длительное присутствие вьетнамских войск в Камбодже как меру вынужденную, но единственно возможную гарантию от реставрации режима «красных кхмеров». Своего рода программным выступлением стала речь

Хун Сена в провинции Кандал 22 апреля, когда он, в частности, заявил: «Если бы мы в 1979 г. не обратились за помощью к Вьетнаму, могли бы мы освободить страну? Если бы мы не опирались на вьетнамскую армию, то наша страна вообще бы не дожила до нынешнего дня»[193].

О накале предвыборной борьбы и напряжении, царившем в НПК, можно судить по эмоциональному пассажу из выступления всегда закрытого и сдержанного Хенг Самрина. Почетный председатель ЦК НПК на митинге, посвященном празднованию кхмерского Нового года, заявил: «Один голос избирателя может решить судьбу нашего народа. Один голос может означать смерть или жизнь нашей Родины. Голосуя за НПК, вы голосуете за жизнь нашей страны. Ведь НПК — единственная сила, которая сумела покончить с режимом геноцида Пол Пота, и единственная сила, которая гарантирует его невозвращение к власти»[194]. Другой лидер — Чеа Сим в своих выступлениях всячески превозносил Сианука, убеждая всех в том, что НПК, как и ФУНСИНПЕК, — партия промонархическая и просианукoвская. На открытии сессии Национального собрания ГК, состоявшейся в начале февраля 1993 г., он заявил: «Весь наш народ следует и будет единодушно следовать по пути, определенному Нородомом Сиануком — отцом нации, главой государства и председателем ВНС»[195]. Его не смущало, что не так давно он то же говорил о пути Хо Ши Мина, Ленина и Карла Маркса. Демонстрировал он и полную лояльность к ЮНТАК, выступая за то, чтобы «административные органы всех уровней активизировали свое сотрудничество с миротворцами ООН»[196]. Раньше он требовал теснее сотрудничать с «вьетнамскими братьями», которые теперь также были отодвинуты на задний план. «В настоящее время, — отмечали российские дипломаты, — между СРВ и ГК имеются расхождения по целому ряду вопросов, а часть из них, в том числе пограничные, отложены для рассмотрения новым камбоджийским правительством». В российской дипломатической миссии полагали, что «Вьетнам уже не может влиять на ГК, как раньше, и, напротив, ГК не прислушивается к Вьетнаму, если его предложения не отвечают интересам ГК—НПК»[197].

Нервозность, беспринципность и приспособленчество бывших коммунистов были вполне объяснимы: они, по всей видимости, до конца не были уверены, что симпатии ЮНТАК и великих держав окажутся на их стороне и что результаты выборов будут для них вполне благоприятными. Тем более что, как отмечали советские дипломаты, руководство ЮНТАК не раз «стремилось "додавить" ГК»[198], лишить ее влияния в стране. К тому же и для Китая и для США Народная партия

Камбоджи оставалась чуждой и особых симпатий к ней ни те ни другие выказывать не собирались. Но и здесь в пользу НПК говорила ее способность поддерживать порядок в стране и тем самым обеспечить успех всего миротворческого процесса. ФУНСИНПЕК, на которую делали ставку великие державы, добиться этого в одиночку не могла.

Проблеме «красных кхмеров» уделялось много внимания и во время предвыборной кампании ФУНСИНПЕК. Роялисты выступали под лозунгом мира, убеждая избирателей, что победа Хун Сена на выборах будет означать возврат к войне. Выступая на митинге в провинции Прейвенг, принц Раннарит заявлял, что «если НПК одержит победу на выборах, то она будет продолжать борьбу с "красными кхмерами". Война же — это вновь страдания. К тому же, в случае начала войны, нет гарантии того, что вьетнамская армия опять не вернется в Камбоджу»[199]. А вот если роялисты придут к власти, то они смогут урегулировать все спорные вопросы с «красными кхмерами» мирным путем. Однако главным козырем ФУНСИНПЕК в предвыборной кампании была идея возрождения монархии и то, что их партию поддерживал глава ВНС Нородом Сианук. Практически каждое свое выступление в ходе предвыборной кампании принц Раннарит заканчивал одним и тем же вопросом, обращенным к рядовым кхмерам: «Хотите ли вы возвращения на политическую арену Сианука? Нравилась ли вам жизнь при Сиануке?». Восторженная толпа всегда отвечала криками: «Да!»[200]. Такая реакция на упоминание имени Сианука была вполне понятна: после всех перенесенных людьми испытаний бывший монарх воспринимался многими кхмерами как символ независимости, стабильности и процветания страны. Его личные невзгоды и борьба, его очевидный патриотизм и преданность интересам страны обеспечивали ему симпатии тысяч людей. Раннарит совсем не обладал таким обаянием, и поддержка со стороны отца была решающей для успеха ФУНСИНПЕК.

Вся эта политическая предвыборная борьба происходила в условиях, когда еще было совершенно неясно, состоятся ли вообще выборы в стране. Дело в том, что Пол Пот в своем лесном лагере, затерянном в джунглях, продолжал играть по ранее принятому сценарию, не обращая внимания ни на какие предупреждения. Он намеревался еще шире практиковать подрывные и террористические действия и отдал приказ организовать нападения своих войск на провинциальные центры. Первая такая атака состоялась 3 мая 1993 г., когда 100 боевиков «красных кхмеров» попытались захватить город Сиемреап на западе

страны. Они были отброшены, однако в городе возникла паника и страх. Через два дня 5 мая полпотовцы убили полицейского ЮНТАК, японца, а несколько его коллег были ранены из засады, устроенной «красными кхмерами»[201]. Это нападение произвело такое сильное впечатление, что японский премьер Миядзава заявил, что в случае ухудшения ситуации все японские силы, включенные в ЮНТАК, будут выведены из страны[202]. Еще через три дня полпотовцы совершили еще более дерзкий террористический акт. Боевики «красных кхмеров» остановили мирный пассажирский поезд, направлявшийся из Пномпеня в Баттамбанг, и стали обстреливать беззащитных пассажиров. Было убито 30 человек и около 100 ранено, движение по железной дороге прекращено[203]. Эскалация насилия завершилась тем, что 21 мая жертвами «красных кхмеров» стали два китайских миротворца, а трое получили серьезные ранения. Нападение на них вызвало особый резонанс в Камбодже. Дело в том, что всем было прекрасно известно, что в полицейском участке Кампонгчама служат китайцы. Нападение на них и их убийство носило знаковый характер — было равнозначно объявлению войны Пекину[204].

Неожиданная атака на китайских полицейских должна была, вероятно, продемонстрировать решимость Пол Пота идти до конца. Это была опасная политика, свидетельствовавшая о том, что лидер «красных кхмеров» окончательно утратил чувство реальности. В ответ на действия полпотовцев китайский представитель в ООН заявил: «Наша позиция ясна — мы не будем ни с одной фракцией, выступающей за гражданскую войну. Все фракции должны действовать в рамках правил ООН и только так может быть достигнут мир»[205]. Китайцы этим заявлением не ограничились и номинальный глава «красных кхмеров» Кхиеу Самфан был немедленно вызван в Пекин, где его, а в его лице и Пол Пота и других членов руководства этой группировки, предостерегли от попыток сорвать выборы[206].

После предупреждения китайских властей среди «красных кхмеров» стали проявляться серьезные разногласия и колебания. Одно дело — демонстрировать свою независимость от Китая, в расчете на то, что в конечном счете отношения с ним все равно наладятся, другое — решительно и окончательно порвать с ближайшим и единственным политическим союзником, который в самые тяжелые времена обеспечивал и военную, и политическую, и организационную деятельность «красных кхмеров». Скорее всего, китайское руководство нашло очень убедительные аргументы, чтобы в самый решающий

момент «красные кхмеры» остановили исполнение своего плана дестабилизации Камбоджи и срыва выборов. Когда началась регистрация избирателей, а потом и само голосование, происходившее с 23 и вплоть до 28 мая 1993 г., «красные кхмеры» неожиданно взяли спасительную для ЮНТАК и всего мирного процесса паузу в своей террористической активности. В связи с этим бойкот выборов, к которому постоянно призывала население радиостанция «красных кхмеров», полностью провалился. Голосование было настолько массовым, что даже сами «красные кхмеры» вынуждены были признать неудачу в реализации своих планов. В первый же день выборов проголосовало 2,2 млн. человек, или 46% избирателей. Всего же в них приняло участие более 4,2 млн. камбоджийцев, или почти 90% зарегистрированных избирателей[207].

В последние дни голосования в стране можно было наблюдать удивительную картину, когда бойцы и мирные жители из подконтрольных «красным кхмерам» районов стали прибывать на избирательные участки и голосовать. Не сумев сорвать выборы и убедившись в реальных предпочтениях населения, «красные кхмеры» неожиданно приоткрыли существовавший в их среде глубокий внутренний раскол. В то время как радиостанция, подконтрольная Пол Поту, называла проходившие выборы фарсом, представитель группировки в Пайлине, где власть находилась в руках Иенг Сари, когда-то верного соратника Пол Пота, заявил, что «красные кхмеры» признают итоги голосования, если партия ФУНСИНПЕК придет к власти и сформирует правительство[208]. Пайлинские «красные кхмеры» надеялись занять место в этом правительстве, поскольку, подчеркивали они, «сам Сианук обещал им это в случае своей победы»[209]. Наблюдатели ООН подтвердили, что «красные кхмеры» послали сотни своих людей на избирательные участки, чтобы они проголосовали за ФУНСИНПЕК[210].

Однако надежды руководства Демократической Кампучии найти путь для вхождения в правительство оказались крайне далеки от реальности. Дело в том, что НПК во главе с Хун Сеном выступила на выборах настолько сильно, что и речи не могло быть о любых формах участия полпотовцев во власти, тем более после только что совершенных жестоких террористических актов и нападений.

После подсчета голосов было объявлено, что ФУНСИНПЕК получила 45,4% голосов и соответственно 58 из 120 мест в парламенте, НПК — 38,2% голосов и 51 депутатское место. Буддийская либерально-демократическая партия Сон Санна завоевала 3,8% голосов и 10 депутатских мандатов и движение Молинака — 1,3% голосов

и 1 депутатское кресло[211]. «Красным кхмерам» места на политическом олимпе Камбоджи не нашлось. Такой исход выборов и всего миротворческого процесса вызвал вздох облегчения всех его участников. Их общее мнение выразил с некоторой долей иронии американский посол в Камбодже Чарльз Твайнинг, заявивший, что неучастие в выборах «оставляет "красных кхмеров" в лесу, и я надеюсь, что им там понравится»[212]. Было понятно, что результаты выборов окончательно превращают полпотовцев в изгоев кхмерской политики и предопределяют глубокий кризис и скорый распад этой группировки.

Что касается НПК, то после окончательного подсчета голосов выяснилось, что верхи партии разочарованы полученным результатом, так как рассчитывали на большее. Российские дипломаты отмечали, что руководство НПК — «было застигнуто врасплох поражением и пыталось "спасти лицо", доказывая, что проигрыш является результатом не ее слабости, а подтасовок»[213]. Хун Сен и Чеа Сим надеялись все-таки быть первыми и сохранить тем самым место во власти для себя и своей организации. Первыми они не стали, но, с другой стороны, тот факт, что их партия, опровергнув расчеты прогнозистов ООН, пришла на выборах второй, получив более трети всех голосов, можно было рассматривать как огромный успех. Бывшие члены руководства «марионеточной» и крошечной в свое время НРПК, обвиняемые чуть ли не в предательстве и провьетнамских устремлениях, сумели обеспечить себе массовую поддержку в такой сложной обстановке, когда казалось, что все поворачивается против них. После выборов им, правда, пришлось несколько потесниться у власти в пользу победившей ФУНСИНПЕК. Однако, как показали дальнейшие события, это было лишь временное отступление.

ГЛАВА XIV

КАМБОДЖА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ XX ВЕКА

1. Принятие конституции и оформление государственной власти

После проведения выборов и подсчета голосов ситуация в стране продолжала оставаться очень напряженной. Хун Сен и все руководство НПК категорически отказывались признать обнародованные результаты и требовали повторного голосования в Баттамбанге, Кампонгчхнанге, Прейвенге и столице — Пномпене. Хун Сен заявил, что «ООН и иностранные государства тайно подготовили массовые послевыборные фальсификации» и тем самым «украли победу» у его партии[1]. Кхиеу Канньярит, пресс-секретарь Хун Сена, открыто угрожал военным мятежом, утверждая, что солдаты «поднимут бунт, если только узнают о результатах выборов»[2]. Другой видный политик — сын Сианука принц Чакрапонг, ставший членом Постоянного комитета ЦК НПК и желавший продемонстрировать свою лояльность новым партийным товарищам, совместно с министром внутренних дел в правительстве Хун Сена Син Сонгом заявили, что «если НПК будет отстранена от власти, то семь камбоджийских провинций, где победу на выборах одержала НПК, провозгласят автономию и отделятся от остальной страны»[3]. Вслед за этим, о своей отставке объявили тридцать видных депутатов во главе с Сай Бутхонгом, избранных по спискам НПК[4]. Роялисты во главе с Раннаритом праздновали победу на выборах, делили между собой власть и не проявляли никакого интереса к формированию коалиционного правительства и компромиссу с партией Хун Сена. Накал страстей с обеих сторон был так велик, что никто не знал, смогут ли две партии-победительницы прийти к согласию относительно управления государством и раздела власти.

Напряженность в Камбодже проистекала не только от неопределенности политических перспектив, никто не знал, что будут делать дальше «красные кхмеры». Несмотря на их международную изоляцию и неудачные попытки сорвать выборы, они оставались еще достаточно сильными и не собирались складывать оружие. Эта группировка

контролировала 20% территории Камбоджи с 5% населения и имела под ружьем более 10 тыс. бойцов[5]. Стремясь компенсировать прекращение помощи со стороны Китая, они на подконтрольной территории расширили активную коммерческую деятельность, занимались беспорядочной вырубкой лесов и продажей древесины, а также вывозом драгоценных камней в Таиланд. По самым приблизительным оценкам, доход от этой торговли составлял от 10 до 20 млн. долл. ежемесячно[6]. Принц Чакрапонг, в бытность свою заместителем премьер-министра ГК, приводил еще большую цифру и утверждал, что только на вывозе древесины «красные кхмеры» зарабатывают 600 млн. долл. в год[7]. В любом случае доходы, которые они получали от своего бизнеса, плюс накопленные вооружения, позволяли им существовать и поддерживать свою боевую активность еще неопределенно долгое время.

В такой непростой ситуации, когда в политическом развитии страны наметился опасный тупик, глава временной администрации ООН самым активным образом вмешался в политический процесс. Сделал он это в непростой для себя ситуации, когда некоторые наблюдатели критиковали его за то, что он никак не реагировал на откровенный шантаж со стороны НПК, которая оспаривала итоги голосования[8]. Действительно, сразу после выборов Ясуси Акаши обозначил свою позицию и, как бы не замечая обвинений и угроз со стороны Хун Сена, в своем выступлении об итогах прошедших выборов высоко оценил его деятельность[9]. Прекрасно разбираясь в реальностях камбоджийской политики и желая закрепить свой миротворческий триумф, обратив его в цивилизованный политический процесс, он был убежден, что без участия НПК в будущем правительстве добиться этого невозможно. Поэтому он начал негласные переговоры с принцем Раннаритом, убеждая его предложить Хун Сену управлять страной объединенными усилиями. Он употребил на это весь свой авторитет и после долгих уговоров в итоге убедил Раннарита в необходимости направить письмо Хун Сену и Чеа Симу с предложением разделить с ними власть[10].

Итогом его дальнейших усилий стало достижение соглашения между Сиануком, Раннаритом и Хун Сеном о формировании временного национального правительства Камбоджи с участием представителей всех четырех партий, получивших места в Конституционной ассамблее. «В этом правительстве, которому ООН выделила экстренную экономическую помощь в размере 100 млн. долл. для реструктуризации и объединения военных и административных структур, «красные кхмеры» представлены не были[11]. Мотивы своих действий в это

время Ясуси Акаши объяснял так: «Мы должны были признать практическую пользу в соединении свежего ветра перемен со стороны победившей ФУНСИНПЕК, в которую входили в основном высшие слои общества и интеллектуалы, выступавшие за восстановление монархии, с опытом и силой НПК, которая, конечно, была авторитарной организацией, но при этом обладала четырнадцатилетним опытом административной власти. Кроме того, бóльшая часть армии и полиции находилась под ее контролем[12].

Позиция главы временной администрации ООН нашла понимание и у Сианука, который «осудил любые действия по расколу страны со стороны НПК и в то же время отправил послание Раннариту, в котором просил его согласиться со своей формулой ВНПК (Временного национального правительства Камбоджи)»[13]. Эта формула, как оказалось, фактически восстанавливала соглашение о сотрудничестве НПК и ФУНСИНПЕК, подписанное в ноябре 1991 г. Тогда руководство ЮНТАК не позволило осуществить этот проект как противоречивший плану достижения мира, но после выборов и завершения миротворческой миссии для воплощения в жизнь этого соглашения уже не было никаких препятствий. После того как Сианук встретился с Раннаритом, тот заявил: «Партия не очень довольна решением о союзе с НПК, но мы принимаем его, так как оно исходит от Нородома Сианука — отца нации»[14]. Так в очередной раз бывший кхмерский монарх продемонстрировал реалистический подход в оценке ситуации и прагматически отнесся к выбору пути дальнейшего управления страной.

Он, как и глава ЮНТАК, понимал, что только союз двух ведущих партий позволит стране окончательно отправить в небытие «красных кхмеров», которых считал главной угрозой стабильности и безопасности. Прекрасно зная возможности своего главного врага, он всегда действовал по отношению к Пол Поту и его группировке очень осторожно и расчетливо, предлагая им такие компромиссы, на которые «красные кхмеры» никогда бы не согласились. Например, после выборов 1993 г. он предложил создать правительство с равным представительством НПК и ФУНСИНПЕК, а «красных кхмеров» пригласить в это правительство как советников[15]. Реверанс, сделанный им в сторону своих бывших союзников, был чисто показным, — так как всем было понятно, что представители «красных кхмеров» в советники к Хун Сену или Чеа Симу никогда не пойдут. Да и сам Пол Пот и его окружение, давно и тесно с ним общавшиеся, прекрасно понимали внутренний смысл всех его действий. В интервью газете «Бангкок пост»,

которое Пол Пот дал в мае 1993 г., он назвал Сианука «на 90% параноиком, приверженным ко всем видам гедонизма, коррупции, финансовых преступлений, дебоширом и хулиганом»[16]. В этих эпитетах относительно своего врага, потом союзника, потом фактически заключенного, затем снова союзника и снова врага слышится искреннее сожаление по поводу того, что Пол Пот не расправился с ним тогда, когда бывший король был, можно сказать, у него в руках. Теперь Пол Пот мог только скрежетать зубами, узнав, что Сианук в ответ на его обвинения заявил, что «красные кхмеры» «потерпели историческое поражение и уже не оправятся от такого удара»[17].

Сианук после выборов действовал как наиболее авторитетный и влиятельный национальный лидер. Успех выборов и миротворчества Организации Объединенных Наций он с полным правом мог приписать и себе. В оценке его роли мнение большинства наблюдателей едино: «В ключевые моменты процесса мирного урегулирования, особенно после всеобщих выборов, он брал на себя руководство и выступал как единственный объединяющий фактор всей камбоджийской политической жизни. Он был тот, с кем ЮНТАК и международное сообщество могло иметь дело как с символом или даже скорее ответственным представителем камбоджийского народа»[18].

Роль Сианука в разрешении политических противоречий и после выборов оставалась ключевой, благодаря тому, что его власть зиждилась не только на моральном авторитете и традиционной «харизме» кхмерского монарха, но и на связях с «сильными мира сего» в Вашингтоне, Париже и Пекине. Советские дипломаты отмечали в декабре 1993 г.: «Пекин продолжает активно культивировать личные связи с Н. Сиануком. Сохраняется финансовое содействие Китая королю “на представительские цели и функционирование секретариата” (около 300 тыс. ам. долл. в год), в ближайшем окружении Н. Сианука по-прежнему немало китайцев, не говоря о том, что жизнь монарха доверена китайским медикам»[19].

О влиянии бывшего кхмерского монарха можно было судить хотя бы по тому, что на первом же заседании Конституционной ассамблеи, состоявшемся в июне 1993 г., он добился официального объявления незаконным переворота 1970 г. и решения о своем возвращении на пост главы государства, с которого был смещен Лон Нолом[20]. В заявлении Конституционной ассамблеи по этому вопросу отмечалось, что «члены Конституционной ассамблеи от имени всего кхмерского народа решили вновь возложить на Нородома Сианука полномочия главы

государства, чтобы он мог спасти камбоджийскую нацию и повести ее к прогрессу и процветанию»[21]. В своем ответном слове новый глава государства заявил о начале в Камбодже эры либеральной демократии[22]. Под либеральной демократией он, видимо, понимал создание уникального по своему составу коалиционного правительства с примерно равным представительством ФУНСИНПЕК и НПК. Особенность этого кабинета состояла в том, что возглавить его должны были два премьер-министра — Раннарит и Хун Сен, которые обладали равными полномочиями. ФУНСИНПЕК получила 11 министерских постов, НПК — 10 и 3 поста отдали представителям Буддийской либерально-демократической партии (бывшая группировка Сон Санна). В министерствах, которые возглавлялись членами НПК, посты заместителей занимали члены ФУНСИНПЕК и наоборот. Ключевые министерства — обороны и внутренних дел возглавляли со-министры от двух партий. Паритетный принцип был соблюден и в провинциальной администрации, где двадцать губернаторских мест были поделены поровну между сторонниками Хун Сена и Раннарита.

По всеобщему мнению, созданная на основе компромисса административная конструкция была слишком громоздкой, чтобы рассчитывать на ее эффективность и долговечность. Отвечая на насмешливые замечания относительно того, что нигде в мире нет такой сложной конструкции власти, Хун Сен заявил, что важно не то, какая выстроена конструкция, а то, что она вообще существует. «Некоторые люди, — сказал он, — считают, что форма организации нашей власти странная... Однако это потому, что странно, как Камбоджа не стала второй Анголой, Югославией или Сомали, где внутренняя война только усиливается»[23].

Компромисс, достигнутый между НПК и ФУНСИНПЕК, позволил Конституционной ассамблее сформировать рабочую группу, которая должна была подготовить окончательный вариант новой конституции. В основу ее предполагалось положить демократическую конституцию 1947 г., переработав ее с учетом рекомендаций, зафиксированных в Парижских соглашениях, где особо оговаривалась необходимость включить в нее вопросы, связанные с правами человека, гарантиями их соблюдения, а также с проведением внешней политики, основанной на принципах «нейтралитета» и неприсоединения к военным блокам.

В начале сентября на рассмотрение главы государства было представлено два проекта конституции — один, в соответствии с которым Камбоджа должна была стать республикой, другой — конституционной

монархией. Выбор был исключительно за самим Сианук, авторитет которого как общенационального лидера уже никем не оспаривался. Признавая это, один из его в прошлом непримиримых критиков престарелый Сон Санн, избранный председателем Конституционной ассамблеи, заявил 15 сентября 1993 г.: «Мы должны принять конституцию, отражающую волю народа и указания главы государства принца Сианука»[24].

Из двух предложенных ему вариантов государственного устройства страны глава государства после некоторого колебания остановился на восстановлении монархии. Соответственно он должен был вновь взойти на трон и стать новым — старым королем Камбоджи. Выбрал он этот вариант, скорее всего, потому, что полагал, что монархия больше соответствовала камбоджийским традициям и реалиям. Думается также, что он не особо верил и в прочность политического союза Раннарита с Хун Сеном и полагал, что конституционная монархия может стать тем обручем, который не позволит стране вновь вернуться к гражданской войне. Кроме того, возвращая себе монаршее достоинство, он как бы замыкал круг своей нелегкой жизни, только теперь он из монарха — участника политического процесса становился монархом, стоящим над политическими интригами и дрязгами, гарантом базовых ценностей новой Камбоджи.

21 сентября 1993 г. Конституционная ассамблея почти единогласно проголосовала за принятие монархического варианта Конституции. За него было подано 113 голосов, против — 5, при 2 воздержавшихся[25]. С этого момента Камбоджа вновь стала королевством, а Конституционная ассамблея, выполнив свою миссию, трансформировалась в Национальное собрание. Пост его председателя занял один из самых влиятельных людей в Народной партии Камбоджи, ее председатель — Чеа Сим. Появление второго по значению лидера НПК на одном из высших государственных постов служило подтверждением того, что в результате послевыборных ультиматумов бывшие коммунисты сохранили свои позиции и продолжали твердо удерживать реальную власть в своих руках. Кроме того, избрание Чеа Сима председателем нового парламента было в некотором смысле и символическим актом, демонстрировавшим неразрывную связь королевской Камбоджи с эпохой НРК, когда Хун Сен был премьер-министром, а Чеа Сим — председателем парламента Народной Республики Кампучии.

Новая конституция провозгласила установление в Камбодже многопартийного либерально-демократического режима, гарантирующего

соблюдение прав человека и власть закона[26]. В ее преамбуле указывалось на «великое ангкорское прошлое Камбоджи» и подчеркивалось стремление вновь «превратить страну в "оазис мира"... продвигать ее по пути прогресса, развития, благосостояния и славы»[27]. По конституции, страна становилась конституционной монархией, в которой монарх «царствует, но не правит»[28]. Монархия объявлялась «символом единства нации, гарантом национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности, защитницей прав и свобод граждан»[29]. Она рассматривалась как стабилизирующая сила общества, защитница и покровительница традиций и культуры. Монарх не вмешивается в политику и экономику, так как подобное вмешательство «способно лишь нанести ущерб авторитету трона»[30]. Однако он может в случае возникновения критической ситуации взять на себя роль арбитра между противостоящими друг другу общественными силами[31].

Конституция особо оговаривала вопросы престолонаследия. Камбоджийская монархия, как и в 1950–1970-е годы, основывалась на принципе выборности. После смерти короля Совет Трона, в который входили председатель Национального собрания, два его заместителя, премьер-министр и главы двух основных буддийских сект, должен был выбрать нового монарха из лиц королевской крови не моложе 30 лет, принадлежащих к одной из трех ветвей королевского дома: Анг Дуонга, Нородома или Сисовата[32].

Исполнительная власть, согласно основному закону, принадлежала Совету министров. Особо оговаривалось, что в период с 1993 по 1998 г. правительство будут возглавлять два премьер-министра, а после выборов 1998 г. — только один. Чтобы исключить возможность участия в правительстве «красных кхмеров», предусматривалось, что Совет министров подлежит формированию только из партий, представленных в парламенте[33]. Законодательная власть была представлена Национальным собранием[34], а судебная — Верховным судом и системой судов на местах[35].

В сфере экономики Конституция провозгласила курс на рыночную экономику[36], в сфере внешней политики — принцип нейтралитета и неприсоединения[37]. Главной идеологической установкой стала триада «нация — трон — религия», которая была заимствована из арсенала времен правления Сианука 1953–1970 гг.[38]

Нородом Сианук как глава камбоджийского государства подписал текст конституции 24 сентября 1993 г. и тем самым ввел ее в действие. В этот же день состоялось еще одно ключевое для оформления власти

событие. Совет Трона избрал Сианука кхмерским королем. Однако бывший глава государства заранее оговорил, что он не будет коронован[39], поскольку одной церемонии коронации было вполне достаточно в его жизни, а кроме того, «отец нации», видимо, хотел показать себя демократичным государем, верным своей давно забытой концепции «народной монархии» 60-х годов.

Первым своим актом король Преах Бат Самдеть Преах Нородом Сианук Варман издал декрет о формировании королевского коалиционного правительства, состав которого был фактически идентичен составу временного правительства. Одновременно с этим было объявлено и о самороспуске Высшего национального совета, который передал свои полномочия королевскому правительству. Это решение имело самые важные последствия — ВНС был последним общенациональным органом, в котором были представлены, хотя и формально, «красные кхмеры». Теперь они потеряли последнюю возможность на равных выступать с другими группировками, лишились даже формального права оказывать влияние на политические решения, принимаемые руководством страны. В то же время фактическое исключение «красных кхмеров» из пределов политического поля и их еще большая изоляция говорили о том, что коалиционное правительство уверено в своей способности противостоять исходившей от них угрозе.

Через два дня после принятия конституции было объявлено об официальном завершении миссии ЮНТАК. После прощальной церемонии Ясуси Акаши 26 сентября покинул Пномпень. Вслед за ним стали сворачивать свою деятельность в Камбодже и остальные структуры миротворческой миссии ООН[40]. Крупнейшая миротворческая операция ООН успешно завершилась: в стране были проведены международно признанные выборы, она приняла новую конституцию, получила легитимное правительство и, таким образом, вступила в новый этап своей истории.

2. Раскол и распад «красных кхмеров»

Первоочередной вопрос, стоявший перед новой властью, заключался в том, чтобы найти пути решения проблемы «красных кхмеров», которые сохраняли свои немалые силы и продолжали хозяйничать на довольно обширных территориях. Несмотря на то что они оказались фактически в изоляции, Пол Пот и его соратники пытались вести

собственную политическую игру. Они заявили о том, что признают Сианука королем Камбоджи, но в то же время выступили резко против новой конституции и коалиционного правительства. Они не собирались складывать оружие, даже после того, как лишились поддержки Китая, который, кроме своего давнего протеже Сианука, теперь, как отмечали в российском посольстве, «активно работал и с другими камбоджийскими руководителями, пытаясь заблаговременно создать задел на будущее»[41]. Брошенные китайскими союзниками и оставшиеся в одиночестве Пол Пот и его соратники могли полагаться только на свои силы и рассчитывать на доходы от вывоза леса и драгоценных камней в Таиланд. Хотя осенью 1993 г. боевые силы «красных кхмеров» сократились с 30 до 15 тыс. и только в августе-сентябре около 2 тысяч боевиков прекратили борьбу и перешли на сторону правительства[42], все же полпотовцы были вполне способны возобновить вооруженные действия.

В Пномпене это прекрасно понимали и в свою очередь готовились к военным действиям. «Новое правительство, — отмечали в это время в Москве, — склонно к решению проблемы "красных кхмеров"... силовыми методами»[43]. В связи с такой задачей правительственной коалиции потребовалось укрепить национальную армию, ядро которой составляли боевые части НПК, а 70–90% всего вооружения было в свое время поставлено из СССР. Оба премьер-министра — Раннарит и Хун Сен — совместно обратились к послу России в Пномпене с просьбой «направить в ближайшее время в Камбоджу группу военно-технических специалистов для дефектации (так в тексте. — *Д. М.*) вооружений и военной техники и оказания помощи в составлении перечня необходимых запасных частей для их восстановления»[44]. Эта просьба и направление делегации наших военных, казалось, открывали перед российскими властями возможность вновь активно влиять на положение в Камбодже, превратить эту страну в рынок для своей военной техники. Однако, когда выяснилось, что кхмеры рассчитывают по-прежнему получать военную помощь безвозмездно, в порядке материальной поддержки Россией новой Камбоджи, начавшееся было военно-техническое сотрудничество тут же застопорилось. Помогать кхмерам безвозмездно в Москве уже никто не хотел, о чем свидетельствовало послание министра иностранных дел РФ А. Козырева в адрес австралийского министра иностранных дел Г. Эванса, горячо ратовавшего за оказание Россией военной помощи Камбодже. В нем А. Козырев писал, что «с учетом нынешнего сложного экономического

положения России наши возможности в оказании Пномпеню военно-технической помощи на безвозмездной основе весьма ограниченны»[45]. Вслед за этим российские власти отвергли и другую просьбу кхмеров — направить в страну специальную группу для разминирования. Вместо действующих офицеров министерства обороны, оплачиваемых из российского бюджета, начальник Генштаба через МИД РФ ответил кхмерской стороне рекомендацией заключить на коммерческой основе контракт с некоей частной российской фирмой, «имеющей в наличии подготовленные кадры из числа офицеров запаса инженерных войск»[46].

С формальной точки зрения, мотивы всех этих отказов и причины минимального вклада России в принятую ООН программу помощи Камбодже были вполне понятны и объяснимы. Страна действительно переживала в 90-е годы непростое время, когда и общество и экономика погрузились в хаос. Но даже в этой ситуации при желании российские власти могли бы попытаться извлечь какую-то если не материальную, то политическую пользу от потраченных в советское время в Камбодже миллиардов долларов. Причина такого безразличия состояла не только «в сложном экономическом положении России», но и в том, что в Москве потеряли всякий интерес к Камбодже (как, впрочем, и в Пномпене — к России, когда там убедились в том, что от нее в мире мало что зависит). Таков был грустный финал «вечной дружбы» и «особых отношений», от которых остались лишь вялотекущие споры относительно суммы камбоджийской задолженности Москве.

Коалиционное правительство нашло возможность укрепить армию и без российской помощи, благо после распада СССР продавцов советской техники из бывших советских республик и стран социалистического лагеря было достаточно. Без вьетнамской помощи также уже можно было обойтись, так как страны-доноры исправно выделяли деньги на нужды правительства, а новые армейские генералы от ФУНСИНПЕК не желали иметь с вьетнамскими военными никаких отношений. Времена изменились и теперь НПК, вместе со своими союзниками по коалиции, всерьез обсуждала вопрос о «создании политической оси Пномпень — Вьентьян — Пекин», которая рассматривалась как противовес Вьетнаму. В правительственных кругах утверждали, что такая ось «отвечала бы долгосрочным интересам Камбоджи»[47].

К военным действиям против «красных кхмеров» коалиционное правительство приступило осенью 1993 г. В первых же столкновениях

правительственные войска показали свою боеспособность, «осуществив ряд успешных операций по возвращению территорий, захваченных полпотовцами после начала операции ООН»[48]. Эти неожиданные для «красных кхмеров» атаки на подконтрольные им районы обозначили начало нового этапа гражданской войны. Теперь уже трехсторонней коалиции в составе партий Раннарита, Хун Сена и Сон Санна противостояли оставшиеся в полном одиночестве и изоляции полпотовцы. Симпатии подавляющего большинства кхмеров, желавших скорейшего прекращения войны, были явно на стороне правительства, которое постепенно, шаг за шагом, распространяло свою власть на всю территорию страны. К концу 1993 г., в разгар этого «ползучего» наступления, руководящим деятелям «красных кхмеров» стало окончательно ясно, что надеяться им не на кого, что никто в Пномпене не пригласит их к участию во власти и что единственным шансом заставить с собой считаться и добиться для себя хоть чего-то остается организация контрнаступления против правительственных сил. Только их серьезное поражение могло бы изменить ситуацию в стране в пользу Пол Пота и его «братьев».

В конце января 1994 г. Кхиеу Самфан обнародовал так называемое «Обращение к согражданам». В этом документе он утверждал, что избранная власть незаконна, и призывал ее свергнуть. Из этого заявления следовало, что «красные кхмеры» готовятся возобновить полномасштабные боевые действия против правительства[49]. Свои немалые возможности отряды этой группировки продемонстрировали, когда правительственные войска нанесли удары по их основным базам. На первых порах королевская армия захватила было «столицу» полпотовцев Анлонгвенг на севере Камбоджи, однако затем под давлением контратак вынуждена была отступить. Такая же ситуация повторилась и в Пайлине, когда захватившие город правительственные силы также были отброшены «красными кхмерами». Весной 1994 г. сражения перекинулись на провинцию Баттамбанг. На этот раз правительственные части действовали более успешно и отразили атаки «красных кхмеров». Из-за этих боев почти 40 тысяч человек вынуждены были покинуть свои дома[50].

Борьба против «красных кхмеров» способствовала сплочению правящей коалиции. Другой причиной сплочения стал общий интерес обеих партий к распределению огромных средств, поступавших в страну по каналам международной помощи. За 1992–1999 гг. Камбодже было предоставлено 3152 млн. долл., в том числе 2627 млн.,

или 83 %[51], безвозмездно. Раздел этого «пирога» не стал камнем раздора, а, наоборот, с лихвой компенсировал взаимное недоверие и отчуждение между двумя премьер-министрами. Оба они, впрочем, как и их соратники, были заинтересованы в сохранении мирного статус-кво, поскольку понимали, что в случае конфликта или столкновения между ними этот «золотой поток» от международных спонсоров может немедленно иссякнуть.

Благодаря консолидации исполнительной власти правительству удалось принять в это время важнейшие решения, которые привели к тому, что организационные и военные формирования «красных кхмеров» стали быстро распадаться. Последний их шанс найти мирный компромисс и сохранить свои политические структуры был упущен Кхиеу Самфаном в мае 1994 г. в Пхеньяне, после того как он из-за своей непомерно амбициозной позиции фактически сорвал мирные переговоры, которые проводились при посредничестве Сианука. Срыв этих переговоров окончательно поставил Пол Пота и его группировку «вне игры». В начале июля 1994 г. Национальное собрание приняло специальный указ относительно «красных кхмеров», по которому эта организация и ее деятельность были объявлены вне закона. Правительство установило шестимесячный срок амнистии для рядовых бойцов этой группировки, которым гарантировалась личная безопасность, неприкосновенность имущества и возможность служить в королевских вооруженных силах в местах своего проживания с сохранением прежних воинских званий. Королю же предоставлялось право амнистировать лиц, принадлежавших к верхушке группировки[52]. В случае неповиновения и продолжения сопротивления для полпотовских боевиков были предусмотрены длительные — от 20 лет до пожизненного — сроки тюремного заключения[53].

В ответ на этот декрет Кхиеу Самфан объявил о воссоздании в стране правительства Демократической Кампучии, «как единственно законного». На этот его шаг отчаяния мало кто обратил внимание, ибо о каком таком правительстве могла идти речь, когда после публикации указа около 7 тысяч бойцов перешли на сторону правительства, а более двух тысяч из них вступили в ряды королевской армии?[54] Такой массовый исход из джунглей объяснялся тем, что многие рядовые члены этого движения почувствовали, что ни каких-либо перспектив, ни внятных целей у их руководства больше нет. Более того, у Пол Пота и его соратников возникли и большие финансовые проблемы, так как доходы от торговли лесом, которая к тому же оказалась

под угрозой из-за действий правительственных сил, далеко не покрывали потребностей вооруженной борьбы. Полпотовские партизаны, денежное довольствие которых сократилось до минимума, видели все меньше смысла в борьбе, тем более что вьетнамцы давно покинули Камбоджу, а Сианук вновь стал ее главой. Вопросы классовой борьбы, которые когда-то вдохновляли «красных кхмеров», уже давно не стояли на повестке дня, вопросы борьбы национальной против засилья вьетнамцев были в сознании большинства кхмеров успешно решены. Так долго служивший Пол Поту и его соратникам лозунг о том, что «война в Кампучии — это война всей кхмерской нации против вьетнамской оккупации»[55] уже не находил никакого отклика не только у мирных кхмеров, но даже среди военных и кадровых работников партии Демократической Кампучии. В 1996 г. один из бывших активных полпотовцев, служивших в так называемой 450-й дивизии в беседе с политологом Дэвидом Эшли, рассказывал, что «после выборов руководство стало говорить о борьбе до "конца света", до следующих поколений. После выборов не было ясного представления о том, как будет закончена война и за что мы сражаемся. У Пол Пота и других очень хорошо получалось строить теории, но когда дело доходило до главного вопроса — как закончить войну, — у них не находилось на него ответа»[56].

В ответ на массовый исход своих бывших сторонников «брат номер один» попытался «вспомнить старое», вновь вернуться к жесткой дисциплине, к репрессиям против всех, кто подозревался в нелояльности. Он решил также восстановить практику закрытой, бестоварной экономики в районах, где еще сохранялась власть его группировки. «Такая политика, — рассказывал бывший боец «красных кхмеров» Ай Чхеан, — была личным решением Пол Пота. ... Он вернулся назад, чтобы вновь приняться за старое»[57].

Из своего лесного лагеря Пол Пот отправил приказ о том, чтобы запретить всякую торговлю подконтрольных ему районов с остальной частью Камбоджи и трансграничную с Таиландом. Это было самоубийственное решение, свидетельство того, что Пол Пот окончательно потерял чувство реальности, потому что после прекращения китайской помощи только эта торговля и позволяла сохранять боеспособность подчиненных ему войск. Он приказал также немедленно закрыть буддийские храмы, ликвидировать товарные рынки, а имущество торговцев конфисковать в пользу «красных кхмеров»[58]. Было заявлено также, что предстоит ограничение размеров сельскохозяйственных участков,

обрабатываемых крестьянами в зонах, подконтрольных «красным кхмерам». Всем этим мерам давали следующее объяснение: из-за длительного контакта с внешним миром люди якобы заразились вирусом всемирной коррупции, и для победы группировки требовалось этот вирус ликвидировать[59]. На самом деле, в предвидении все более очевидного поражения и распада Пол Пот и его соратники, по меткому замечанию Д. Чандлера, «перевели часы назад и попытались вновь развязать единственную выигранную ими войну»[60].

«Брат номер один» попытался остановить массовое дезертирство путем новой активизации жестоких и бессмысленных террористических актов. Он хотел кровью невинных людей повязать своих бойцов, чтобы они, опасаясь мести, и не думали переходить на сторону его врагов. Проявлением этой политики стало взбудоражившее всех нападение в январе 1995 г. на гражданский поезд и убийство трех западных туристов, обвиненных полпотовцами в шпионаже в пользу Вьетнама[61]. Но все усилия спасти движение и себя от поражения шли прахом. Даже не вступая в бои, отряды «красных кхмеров» быстро слабели и разваливались. Это было настолько очевидно, что в 1995 г. оба премьер-министра заявили, что «красные кхмеры» как политическое движение и военная организация перестали существовать и представляют собой лишь группу боевиков численностью не более 2 тыс. человек, контролирующую от 2 до 5% кхмерской территории[62]. Это заявление было явным преувеличением, «красных кхмеров» было еще существенно больше, однако оно отражало реальное уменьшение численности и влияния этой группировки.

Между двумя премьер-министрами началось даже некое соревнование в том, на чью сторону — Хун Сена или Раннарита перейдет больше «красных кхмеров». Хун Сен преуспел больше, его подлинным триумфом стал август 1996 г., когда вся так называемая пайлинская группировка этого движения во главе с Иенг Сари в присутствии второго премьер-министра перешла на сторону правительства. Хун Сен правильно рассчитал, что «красные кхмеры» в Пайлине, давно и тесно связанные с таиландскими военными, которым они сбывали лес и сапфиры, будут недовольны сумасбродными действиями Пол Пота, командовавшего ими из его лагеря в Анлонгвенге. Они и особенно их лидеры прочувствовали вкус мирной жизни и материального достатка и не желали менять сложившееся статус-кво, вновь возвращаться к бестоварной экономике, к практике безжалостных расправ и к бесконечной войне. Гарантии, данные им Хун Сеном, бывших боевиков полностью

устраивали. К тому же предусматривалось вполне почетное для них окончание войны: было обещано оставить этот район под контролем амнистированных и разрешить им продолжать свободную торговлю с Таиландом. Таких обещаний оказалось достаточно, чтобы вместе с бывшим «братом номер три» в иерархии «красных кхмеров» сложили оружие еще почти 4 с половиной тысячи бойцов[63].

Прекращение боевых действий в Пайлине стало огромной победой правительства, после которой оба премьер-министра обратились к королю с просьбой предоставить амнистию Иенг Сари, учитывая, что его переход на сторону властей спас жизни сотням солдат. В сентябре 1996 г. Сианук даровал это помилование, и Иенг Сари создал в Пайлине собственную политическую организацию — Единое и демократическое национальное движение, которое и стало управлять этим районом[64].

Разлад в рядах «красных кхмеров» оказался настолько неостановим, что войска, посланные из полпотовской цитадели Анлонгвенга наказать Иенг Сари, по пути к нему сами дезертировали[65]. За следующие два месяца «красные кхмеры» потеряли еще несколько тысяч испытанных бойцов и две из трех главных опорных территорий[66]. И тогда Пол Пот решил, что спасение может быть только в одном — радикально очистить ряды своих соратников, которые, по его мнению, были виновны в том, что группировка оказалась в столь плачевном состоянии. Пол Пот выступил против всегда верного ему Та Мока, который в 1995 г. сменил на посту второго человека в партии бессменного Нуон Чеа. Преданность и решимость Та Мока сражаться до конца была вполне объяснима: по своей жестокости и размаху совершенных преступлений он лишь немногим уступал своему непосредственному начальнику. Та Мок понимал, что не может рассчитывать на амнистию — ему пощады не будет, так как отряды под его командованием уничтожали администрацию и военное командование Восточной зоны во время восстания 1978 г. и убили многих личных друзей и соратников Хун Сена, Чеа Сима и Хенг Самрина, которые теперь оказались на вершине власти[67]. (Действительно, впоследствии из всех бывших лидеров «красных кхмеров», оказавшихся в руках правительства, Хун Сен не простил только Та Мока, — тот был посажен в тюрьму до начала суда, где и умер в 2006 году[68].)

В 1996 г. Пол Пот стал сомневаться в преданности Та Мока, особенно после того как зять его ближайшего соратника перешел на сторону правительства. Он приказал арестовать Та Мока, и его

вместе с бывшим министром обороны Демократической Кампучии Сон Сеном, который уже с 1992–1993 гг. находился в опале, посадили под домашний арест на базе в Анлонгвенге[69]. Убить своих старых соратников сразу же после ареста Пол Пот не решился — влияние одного и популярность другого среди рядовых членов движения были очень велики. К тому же он опасался возможного раскола движения в тот момент, когда бескомпромиссное противостояние королевскому правительству достигло своего апогея: в феврале 1997 г. по приказу Пол Пота были убиты безоружные члены делегации ФУНСИНПЕК, которые прибыли для переговоров о прекращении боевых действий и о включении отрядов «красных кхмеров» в состав частей королевской армии. После этого убийства более двадцати сторонников Та Мока были арестованы и убиты в Анлонгвенге по подозрению в предательстве, в том, что они собирались дезертировать и перейти в партию Раннарита. Пол Пот при этом лично проконтролировал, чтобы дома этих людей были сожжены[70].

Своими жестокими и бессмысленными действиями, взятыми из эпохи Демократической Кампучии, он попытался остановить время и отдалить свой полный крах. Роковой для себя шаг он сделал тогда, когда отдал приказ убить Сон Сена, почти не уступавшего ему по популярности среди участников движения. Трудно однозначно сказать, что толкнуло его на этот шаг. Пол Пот мог подозревать, что Сон Сен был готов возглавить движение вместо него, тем более что уже было ясно, что его предложения 1992–1993 гг. — сотрудничать с ЮНТАК, принять участие в выборах и превратиться в политическую партию — были единственным шансом для выживания «красных кхмеров». Пол Пот был против его предложений, снял Сон Сена со всех постов, отправил на переподготовку, однако от этого его авторитет среди «красных кхмеров» почти не пострадал. Пол Пот, возможно, решился на убийство Сон Сена еще и потому, что подозревал его в контактах с НПК и опасался предательства, особенно после того, как его братья, находившиеся в Пайлине, перешли на сторону правительства[71]. По приказу Пол Пота убили не только Сон Сена, но и его жену, родственников и детей — всего были казнены 14 человек. Ненависть его к убитым была так велика, что он приказал тяжелым грузовиком проехать по уже безжизненным телам[72].

Убийство Сон Сена стало последним злодеянием «брата номер один». Узнав о происшедшем, находившиеся на базе боевики, доверявшие Сон Сену, взбунтовались и освободили своего командира Та Мока,

после чего бросились преследовать Пол Пота. Однако тот успел сбежать из Анлонгвенга вместе с семьей и несколькими приверженцами. Вскоре их поймали, и 17 июня 1997 г. радиостанция «красных кхмеров» объявила их предателями[73].

Все эти кровавые схватки и убийства на отдаленных затерянных в джунглях военных базах означали последние конвульсии когда-то мощного и влиятельного политического движения. «Брат номер один» был заключен под стражу, а Та Мок и его люди устроили над ним показательный процесс. На суде его обвинили в убийстве Сон Сена и его семьи, покушении на жизнь других лидеров группировки, а также в незаконности его последних указов о том, чтобы отбирать у людей собственность, сжигать их дома, препятствовать национальному примирению. По словам присутствовавшего на процессе журналиста Нейта Таера, все это действо началось с того, что небольшая кучка людей, собравшаяся перед простой деревенской хижиной, где должен был состояться суд, стала кричать «*сомлап неак кбот Пол Пот!*», т. е. «смерть предателю Пол Поту!», требовать расправы над ним, повторяя, что «у него руки в крови». Самого Пол Пота посадили на обычный деревянный стул. Он сидел там, сжимал в руках длинную бамбуковую трость и столь любимый им ротанговый веер и смотрел… как рушится его жизнь, терпит абсолютное и окончательное поражение[74].

После суда, который приговорил Пол Пота к пожизненному заключению, он прожил еще чуть больше года и в июле 1998 г. в глубине джунглей, на базе, где его содержали под охраной, скончался от сердечного приступа. Его так и не удалось «вытащить на свет божий» и передать в распоряжение Международного трибунала. Но косвенно все же этот трибунал свершил свое дело. Рассказывают, что перед своей неожиданной кончиной Пол Пот, слушая радио, узнал, что якобы начались переговоры о его выдаче как подсудимого Международному суду. Это сообщение на него подействовало самым фатальным образом[75].

После его смерти оставшиеся «красные кхмеры» недолго находились в джунглях, предпочтя почетную капитуляцию под амнистию короля. В декабре 1998 г. правительственным войскам сдалась последняя группа «красных кхмеров», в том числе руководители движения Кхиеу Самфан, Нуон Чеа и Ке Паок. Из лидеров в джунглях продолжал скрываться лишь один Та Мок. В начале марта 1999 г. он был схвачен правительственными войсками в убежище близ камбоджийско-таиландской границы и заключен в тюрьму вместе с Ке Паоком[76].

В тюрьме он обвинил в геноциде Пол Пота, Кхиеу Самфана и Нуон Чеа, с которыми он якобы никогда не имел дела… Он назвал себя руководителем низшего звена, невиновным в репрессиях. Его адвокат позже рассказывал, что при этих словах «следователь, который его допрашивал, только рассмеялся»[77]. Впоследствии, как и предполагали многие наблюдатели, главные каратели партийных и военных кадров Восточной зоны, поднявших майское восстание 1978 г., до суда так и не дожили. Ке Паок, бывший командующий войсками Центральной зоны, скончался в тюрьме в 2002, а Та Мок — в 2006 г.[78]

К Кхиеу Самфану и Нуон Чеа руководство НПК отнеслось иначе. В декабре 1998 г. им был устроен прием в Пномпене. Прибыв в столицу через неделю после своей капитуляции, Кхиеу Самфан впервые заявил, что сожалеет о погибших соотечественниках в годы пребывания у власти режима Пол Пота. «Я хочу принести народу свои извинения, — сказал Кхиеу Самфан на пресс-конференции, куда он приехал совместно с Нуон Чеа. — Пожалуйста, забудьте прошлое и простите меня. Братья и сестры, давайте объединимся ради будущего нашей страны». А Нуон Чеа на этой же конференции высказался так: «Геноцид — это старая история, которую надо оставить в покое»[79].

К неудовольствию короля и тысяч камбоджийцев, выступавших за то, чтобы отдать под суд оставшихся в живых первых лиц Демократической Кампучии, премьер-министр Хун Сен удовлетворился их извинениями и сожалениями по поводу собственных «ошибок». Он согласился с ними, что следует «забыть прошлое»[80], несмотря даже на то, что король возражал против такого решения и требовал предать этих деятелей суду[81]. Под предлогом того, что их арест может вызвать новую вспышку конфликта внутри страны, премьер-министр уклонился от их заключения под стражу и отпустил на жительство в Пайлин. Под давлением камбоджийских и международных правозащитных организаций арестовали их только через девять лет — в 2007 г., с тем чтобы все-таки предать суду Международного трибунала[82].

3. Политическая борьба в Камбодже в 1994–1998 гг.

Изоляция и распад «красных кхмеров» под ударами правительственных сил не означали, однако, что угроза нового витка гражданской войны в стране исчезла. Дело в том, что чем слабее становилась

полпотовская группировка, тем больше давали о себе знать другие, временно забытые, но реальные противоречия в политической жизни: стали обостряться отношения между роялистами и бывшими коммунистами.

Уже соглашение о формировании коалиционного правительства и разделе власти, подписанное сразу же после выборов 1993 г., таило в себе многочисленные подводные камни. Формально, как известно, в рамках коалиционного соглашения весь административно-управленческий аппарат оказался почти поровну разделен между двумя партиями. На деле же все обернулось иначе, так как большая часть органов власти на местах была под контролем НПК. По вполне достоверным данным, партия Хун Сена сохранила за собой 172 руководящих поста в сроках (уездах) и 1000 в кхумах (волости)[83]. Люди, реально знавшие расстановку сил в камбоджийской системе власти, утверждали: «Официальные должности — это лишь сцена. Главное — глубинка, а там НПК сохранила очень мощные корни. Она контролирует все административные структуры, если не на 100%, то на 90% наверняка. И лишь 10% досталось ФУНСИНПЕК, власть которой распространяется лишь на свои офисы, но отнюдь не на чиновников»[84].

Получалось, что в верхних эшелонах — министерствах и ведомствах власть делилась на паритетных началах, а на местах губернаторы, представлявшие ФУНСИНПЕК, были просто номинальными фигурами, потому что реальная власть принадлежала НПК. Например, губернатор Кампонгсаома от ФУНСИНПЕК Бун Срон заявил в одном из интервью: «Вся администрация провинции контролируется НПК. Это их люди и их система... Структура власти не изменилась. Люди привыкли к власти НПК, они даже уважают ее, но это уважение всегда сопряжено со страхом. И это реальность»[85]. Другие губернаторы, назначенные от ФУНСИНПЕК, также жаловались на «пассивный саботаж» со стороны подвластных НПК управленческих структур, утверждали, что их распоряжения не выполнялись, им не предоставлялась необходимая информация, они фактически были в стороне от руководства и лишь штамповали решения, подготовленные чиновниками, представлявшими НПК. А в тех провинциях, где члены ФУНСИНПЕК были заместителями губернаторов — членов НПК, мнение этих заместителей вообще не принималось в расчет[86].

Еще меньше влияние ФУНСИНПЕК сказывалось на созданной 10 июня 1993 г. единой королевской армии, в состав которой вошли 45 тысяч солдат и офицеров из регулярных войск НПК,

100 тысяч — из милиции НПК и 10 тысяч бойцов Раннарита и Сон Санна[87]. Хотя в армии и появились генералы от ФУНСИНПЕК, реальных рычагов управления у них не было. Такое же положение сложилось и в других силовых ведомствах. Везде и численно, и по масштабу власти члены НПК превосходили своих коллег по коалиционному правительству.

Соотношение политических сил в стране во многом складывалось и под влиянием ситуации внутри главных партий. Бывшие коммунисты, почувствовав, что самый сложный период борьбы за власть остался позади, успешно пошли по пути укрепления в своих рядах внутренней дисциплины и властной вертикали. В 1994 г. они успешно избавились от амбициозного принца Чакрапонга, ставшего после выборов 1993 г. обузой для партии. Энергичный аристократ был явно чужим в сплоченном коллективе крепко державшихся за власть бывших «красных кхмеров», которые старались вслед за Хун Сеном представлять партию подлинно народной организацией, руководство которой, в отличие от ФУНСИНПЕК, вышло из сельских низов. В этот новый имидж НПК принц Чакрапонг явно не вписывался.

По всей видимости, он ощущал это отчуждение и грядущую отставку и решил с помощью своего старого союзника министра внутренних дел Син Сонга упредить своих партийных соратников, устроить переворот и в партии и в государстве и сместить не только Хун Сена, но и Раннарита. В отличие от их предыдущего путча, когда после выборов 1993 г. эти двое угрожали, что в случае исключения НПК из правительства они немедленно обеспечат отделение Восточной Камбоджи от всей страны, на сей раз добиться успеха они не сумели. В июле 1994 г. их заговор был раскрыт, а сами организаторы его арестованы. Впоследствии их амнистировал Сианук, но к политической деятельности они больше так и не вернулись.

Устранение Чакрапонга из высшего руководства НПК привело к тому, что на верхушке партийной пирамиды вновь остались Хун Сен, Чеа Сим — председатель партии и Хенг Самрин — ее почетный председатель. Авторитет этой тройки среди соратников был очень высок, поскольку правильность их курса была проверена жизнью. Союз, заключенный ими в далеком 1985 г. и основанный на абсолютной ценности верховной власти, продолжал быть столь же успешным, как и десятилетием раньше. Все разговоры о том, что между Хун Сеном и Чеа Симом вновь возникли разногласия, которые могли привести к расколу партии, остались досужими слухами. На деле этот тандем,

проверенный в горниле суровых испытаний, уверенно вел НПК к политическому доминированию в стране.

Достичь этой цели, восстановить всю полноту властных полномочий партии, заметно сократившихся в результате раздела власти с роялистами, верхушка НПК рассчитывала путем максимального ослабления своего главного политического противника и временного союзника ФУНСИНПЕК. Лидеры НПК даже не скрывали того, что рассматривают эту партию как временного попутчика и что намерены делать все, чтобы ослабить своего союзника по правительственной коалиции. В июне 1996 г. на пленуме ЦК НПК руководители партии открыто рассуждали о том, как можно быстрее подорвать позиции ФУНСИНПЕК. Из разнообразных предложений выбрали самое простое: применить тактику переманивания сторонников Раннарита на сторону НПК, привлекая их предоставлением гарантий личной безопасности и возможностью занимать выгодные административные посты[88]. Практическая реализация этой нехитрой идеи дала немедленный эффект: уже в июле 1996 г. на сторону НПК одновременно перешли 200 бывших членов ФУНСИНПЕК — сотрудников министерства внутренних дел. Они не скрывали, что соблазнились надеждой на лучшие перспективы в жизни и карьере, которые сулило членство в НПК[89]. В дальнейшем действия, направленные на ослабление ФУНСИНПЕК, получили одобрение внеочередного, состоявшегося в начале 1997 г., съезда НПК и были названы «тактикой борьбы и сотрудничества»[90]. Смысл этой тактики НПК состоял в том, чтобы, не уничтожая партию Раннарита, превратить ее в своего младшего партнера по коалиции и тем самым надолго обеспечить себе, по существу, роль правящей партии.

ФУНСИНПЕК оказалась очень удобным партнером. Лидеры этой партии, получившие образование в странах Запада и проведшие в этих странах много лет жизни, слабо ориентировались в реалиях Камбоджи, особенно в жизни ее сельских районов. По признанию Сам Рэнси — одного из наиболее активных политических деятелей Камбоджи, входившего в ФУНСИНПЕК, — «члены этой партии были едва знакомы с тем, что происходило на местах»[91]. Это и неудивительно, поскольку лишь 20% членов ФУНСИНПЕК составляли кхмеры, постоянно проживавшие в Камбодже, а 75% были кхмеры, которые длительное время провели в лагерях для беженцев и вернулись в страну только после национального примирения, и 5% (в основном верхушка партии) — реэмигранты из Канады, США, Австралии, Западной Европы[92]. Часть этих людей сохранила иностранное гражданство,

у многих семьи продолжали жить за границей. Роялисты, как отмечала Н. Н. Бектемирова, «не были уверены в прочности мира и необратимости политических перемен в Камбодже, а потому они не решались сбрасывать со счетов перспективу новой эмиграции». Большая часть этих деятелей, по ее сведениям, использовали свой статус не столько для утверждения в стране демократических принципов и установления прочных контактов с населением, сколько для укрепления своего материального положения, напрочь забыв о своих предвыборных обещаниях, а это подрывало авторитет ФУНСИНПЕК в обществе[93].

В отличие от сплоченной НПК, партия Раннарита стала быстро распадаться на части. Сначала в ней развернулась борьба между лидером и Сам Рэнси, который выступал как главный народный обличитель и борец с коррупцией в высших эшелонах власти, неподкупный и честный политик-националист, ориентированный на западные ценности. В октябре 1994 г. в связи с перестановками в правительстве Сам Рэнси был выведен из состава кабинета. В мае 1995 г. по настоянию Раннарита, которого Сам Рэнси успел обвинить в причастности к коррупции, тот был исключен из рядов ФУНСИНПЕК и выведен из состава Национального собрания.

Вслед за ним покинул ФУНСИНПЕК и ее генеральный секретарь принц Нородом Сиривуд. Он поддерживал Сам Рэнси и в знак протеста против его удаления из правительства подал в отставку с поста министра иностранных дел. Осенью 1995 г. принца Сиривуда даже арестовали по обвинению в причастности к заговору с целью устранения Хун Сена. Только вмешательство короля позволило ему покинуть Камбоджу. Позже его заочно приговорили к 10 годам тюремного заключения[94].

Таким образом, за короткое время ФУНСИНПЕК лишилась двух своих самых популярных и в полном смысле слова ключевых фигур. Более того, осенью 1995 г. Сам Рэнси объявил о создании собственной Кхмерской национальной партии, которая к 1996 г. насчитывала уже 100 тыс. членов[95]. Борьба между двумя бывшими соратниками приняла во многом характер личного противостояния: Сам Рэнси был сыном Сам Сари — многолетнего ближайшего советника отца Раннарита — Нородома Сианука. В 1959 г. отца Сам Рэнси обвинили в подготовке заговора и объявили чуть ли не главным врагом кхмерской нации, а его мать арестовали. В непримиримости главы Кхмерской национальной партии, обвинявшего Раннарита в причастности к коррупции и неспо-

собности управлять государством, многие увидели попытку отомстить за унижение своего отца.

В любом случае, жесткая борьба, развернувшаяся в лагере политических противников НПК, оказалась на руку бывшим коммунистам. Электорат партии Сам Рэнси состоял в основном из бывших сторонников ФУНСИНПЕК, которая таким образом лишилась части своих потенциальных избирателей. Кроме того, эмоциональные выступления этого политика, обвинявшего Раннарита и верхушку роялистов в коррупции, во многом лишили их партию «имиджа» честной и неподкупной организации, выгодно отличавшейся в этом от коррумпированной НПК.

4. Подоплека июльских событий 1997 г.

Самым большим вызовом ФУНСИНПЕК стало, однако, не противостояние с Сам Рэнси, а события, происшедшие в стране 5–6 июля 1997 г. Вооруженные столкновения, которые привели к разгрому этой партии и гибели многих ее наиболее активных функционеров, оказались кульминацией борьбы двух партий и двух премьер-министров за политическое верховенство. Непосредственным поводом для двухдневной гражданской войны[96] стало то, что глава ФУНСИНПЕК попытался привлечь на свою сторону самых непримиримых «красных кхмеров», окопавшихся в районе Анлонгвенга. Раннарит, не желая в чем-либо уступать своему сопернику Хун Сену, который торжествовал после умиротворения Пайлина, отправил делегацию своих сторонников в Анлонгвенг к Та Моку и Кхиеу Самфану, чтобы убедить их сложить оружие и перейти на его сторону. Попытка вступить в переговоры с вождями непримиримых «красных кхмеров» не удалась — охрана Пол Пота узнала о прибытии делегации и перебила всех ее участников. После этого попытки установить контакт с группировкой «красных кхмеров» в Анлонгвенге были прерваны. Возобновились они только после того, как «брат номер один» был окончательно лишен власти своими бывшими соратниками и арестован. В конце июня 1997 г. появился первоначальный вариант соглашения между Раннаритом и Кхиеу Самфаном. Этот документ предусматривал заключение военного союза, в рамках которого около 2 тысяч боевиков «красных кхмеров» из Анлонгвенга должны были объединиться с вооруженными силами ФУНСИНПЕК. Одновременно

оформлялся и соответствующий политический союз — присоединение Кхиеу Самфана к Объединенному национальному фронту, который Раннарит сколотил, заключив предвыборный союз ФУНСИНПЕК с несколькими карликовыми партиями, предводители которых, по старой практике 50-х годов, рассчитывали занять после выборов депутатские или министерские посты.

Сам факт такого договора Раннарита с Кхиеу Самфаном, тем более — о заключении военного союза между ними, означал явное нарушение постановления Национального собрания от 1994 г., объявившего «красных кхмеров» вне закона. Кроме того, все достигнутые двусторонние договоренности были прямым вызовом НПК как партнеру Раннарита по коалиционному правительству. Ситуация усугублялась еще и тем, что Кхиеу Самфан всячески демонстрировал, что ведет переговоры не с коалиционным правительством, а только с Раннаритом. Радиостанция, вещавшая под его контролем, продолжала призывать кхмеров к «борьбе против вьетнамцев и их марионеток»[97], а его боевики даже напали на правительственные войска, которые к тому времени подступили уже к самому Анлонгвенгу. Получалось, что желая превзойти Хун Сена, Раннарит спасал от полного разгрома отряды Кхиеу Самфана и Та Мока, т. е. фактически подыгрывал наиболее жестоким и одиозным лидерам Демократической Кампучии. Он шел на явно неоправданные компромиссы, причем тогда, когда всем было ясно, что эти политические деятели проиграли и вот-вот вынуждены будут сдаться властям.

Раннарит, вероятно, почувствовал, что заключение военного союза с непримиримыми «красными кхмерами» может быть истолковано как нарушение закона, поэтому из окончательного текста совместной декларации, которую он подписал с Кхиеу Самфаном, пункт о заключении военного союза был изъят. В новой редакции речь шла только о политическом объединении, о том, что Кхиеу Самфан и его сторонники официально признают Конституцию Камбоджи, поддерживают короля и присоединяются к Объединенному национальному фронту[98].

Раннарит возлагал особые надежды на успех своих договоренностей: это позволило бы ему пополнить свои вооруженные силы опытными бойцами, а главное — выступить в роли истинного победителя «красных кхмеров», политика, который добился фактической и бескровной капитуляции этой группировки. Не учел он только того, что в своем желании во что бы то ни стало заключить договор с Кхиеу

Самфаном он явно перешел все разумные рамки компромисса. Хун Сен в своих переговорах с «красными кхмерами» всегда подчеркивал, что выступает от имени правительства и короля и, например, прошение о помиловании Иенг Сари он направил королю совместно с Раннаритом. Глава же ФУНСИНПЕК под давлением Кхиеу Самфана и с уверенностью, что Хун Сен не сможет его остановить, подписывал договор от себя лично, и из этого документа следовало, что «красные кхмеры» Та Мока и Кхиеу Самфана переходят не на сторону правительства, а на сторону Раннарита и его организации. В западной прессе такие шаги Раннарита окрестили «стратегией провокаций»[99].

Ситуация достигла кульминации, когда в мае 1997 г. бывшие «красные кхмеры» из отрядов Кхиеу Самфана и Та Мока прибыли в Пномпень якобы для охраны штаб-квартиры ФУНСИНПЕК, резиденций первого премьер-министра и высших руководителей его партии[100]. По столице немедленно поползли слухи о том, что в город нелегально просачиваются вооруженные «красные кхмеры» из района Анлонгвенга. Эта информация мгновенно вызвала рост политической напряженности. Хун Сен заявил: «Если возникнет необходимость, то мы предпримем решительные действия в любом районе страны, где будет замечено нелегальное скопление сил “красных кхмеров”»[101]. Уже 17–18 июня в столице произошли ожесточенные перестрелки между охраной Раннарита и сотрудниками национальной полиции, поддерживавшей НПК. Все ждали новых столкновений в день 6 июля 1997 г., когда первый премьер-министр должен был подписать свой договор с Кхиеу Самфаном, так как знали, что НПК и Хун Сен, наряду с многими жителями столицы, решительно не желали, чтобы непримиримые «красные кхмеры» вновь оказались в Пномпене с оружием в руках. Д. Чандлер комментировал последующие события в стране так: «Перспектива выстраивания огрубевших бойцов Та Мока вместе с войсками, верными ФУНСИНПЕК, по-видимому, лишила Хун Сена присутствия духа. Он возглавил жестокий переворот… в результате которого было убито свыше ста членов ФУНСИНПЕК, а роялистская партия была устранена от власти»[102]. Между тем действия Хун Сена 5–6 июля 1997 г. совсем не свидетельствуют о том, что он был в панике. Скорее в панику впал Раннарит, который, видимо, осознал, что Хун Сен вот-вот пошлет против него и его союзника Кхиеу Самфана лучшие военные силы НПК, включая и танковые части, подтянутые к Пномпеню. Не дожидаясь этого, он срочно отбыл во Францию.

Отъезд первого премьер-министра стал сигналом к тому, чтобы утром 5 июля 1997 г. второй премьер-министр Хун Сен отдал распоряжение ввести в столицу танки, занять кварталы вокруг резиденции Раннарита, штаб-квартиры ФУНСИНПЕК и генерального штаба роялистской армии. Обвинив своего союзника по коалиции в нелегальном ввозе оружия и тайном сговоре с «красными кхмерами», он объявил о его смещении с поста главы правительства. После этих решений кхмерская столица почти на двое суток погрузилась в хаос. В городе шли бои, в которых противостоящие стороны применяли минометы и танки. Когда рассеялся пороховой дым, выяснилось, что погибло более 150 человек, многие функционеры ФУНСИНПЕК вынуждены были бежать из города[103], другие были арестованы, а оппозиционные НПК газеты — закрыты. Члены Национальной партии, Буддийской либерально-демократической партии Сон Санна также вынуждены были покинуть свои дома и скрываться, опасаясь расправы за свои политические взгляды[104]. Вооруженные столкновения произошли и в Сиемреапе, Такео, Кохконге, где было объявлено чрезвычайное положение[105].

За два дня Хун Сен и его партия превратились в полновластных хозяев Пномпеня и всей страны. В его распоряжении был вполне отлаженный управленческий аппарат, на его стороне выступали армия и службы безопасности. Оппозиция оказалась разбита. Смещенный первый премьер-министр, прилетевший в Нью-Йорк, с трибуны ООН обвинил своего бывшего политического союзника в совершении государственного переворота и установлении диктаторского режима[106]. Хун Сен в ответ заявил о своей приверженности конституции, о том, что все его действия были вызваны необходимостью бороться против угрозы анархии и он не собирается устанавливать в стране режим личной власти. Всем бежавшим из страны сторонникам Раннарита он предложил вернуться на родину под гарантии безопасности правительства. Самому Раннариту были предъявлены обвинения в преступлении против безопасности страны, в нелегальном ввозе оружия и сговоре с преступниками из Анлонгвенга[107].

Обвиняя Раннарита в совершенных преступлениях, Хун Сен одновременно заявил о своей готовности продолжать сотрудничать с ФУНСИНПЕК на прежних основаниях. Он предложил этой партии вернуться во власть, занять свои посты в административных и управленческих структурах. Тем самым Хун Сен убедительно показал, что он продолжает соблюдать условия соглашения о коалиции

с ФУНСИНПЕК и не стремится узурпировать власть. На это предложение откликнулись те бывшие соратники Раннарита по партии, которые выступали против союза Раннарита с Кхиеу Самфаном и, как и многие тысячи кхмеров, поддержали решительные действия Хун Сена. Вслед за этим Национальное собрание, в отсутствие двух десятков депутатов — сторонников Раннарита в ФУНСИНПЕК, лишило бывшего главу партии депутатской неприкосновенности и вместо него избрало первым премьером министра иностранных дел роялиста Унг Хуота[108]. Всем было понятно, что это чисто декоративная фигура, а вся реальная власть сосредоточилась в руках Хун Сена.

Назначение Унг Хуота не могло считаться легитимным без согласия на это короля, который находился в Пекине на лечении. В связи с этим 11 августа 1997 г. Хун Сен, Чеа Сим и Унг Хуот прибыли в китайскую столицу для консультаций с монархом. На встрече с ними Сианук заявил, что считает смещение Раннарита неконституционным и готов в знак протеста отречься от престола. Этого он, однако, не сделал, получив заверения Хун Сена урегулировать конфликт и восстановить существовавшее до июльских событий статус-кво. В этих сложных переговорах в его пекинской резиденции проявилось новое качество Сианука — он действовал как полноценный «отец нации», мирящий поссорившихся друг с другом детей. Сделать это ему было несложно, так как он понимал, что что бы он ни решил, все равно власть в стране останется в руках Хун Сена и его партии. К тому же второй премьер-министр безошибочно ему подыгрывал, всячески выказывая уважение и готовность к компромиссу. В результате Сианук не только «простил» Хун Сена, но даже направил в ООН письмо, в котором сообщил, что делегацию Камбоджи возглавят два премьер-министра — Унг Хуот и Хун Сен. Это означало, что король признал свершившиеся перемены. С присущей ему иронией он так обрисовал ситуацию: «У нас сейчас три первых премьер-министра: один — в изгнании, второй — марионеточный, а третий — настоящий хозяин страны»[109].

Довольно быстро Хун Сен сумел договориться со странами — донорами Камбоджи, которые сначала резко отреагировали на события в Пномпене. По примеру США, они собирались заморозить программы помощи, требуя от новых властей гарантий того, что запланированные на 1998 г. выборы будут в Камбодже проведены. Убедившись, что Хун Сен не собирается эти выборы отменять, готов на компромисс и выступает за восстановление в стране демократии, страны-доноры активно включились в новый миротворческий процесс. Япония, главный донор

Камбоджи — предложила свою формулу урегулирования внутриполитического конфликта: суд над Раннаритом следовало провести в его отсутствие, а после суда принцу с согласия Хун Сена король должен даровать амнистию. Японцы предлагали прекратить перестрелки между частями ФУНСИНПЕК и НПК и вновь их объединить в единую армию, а затем, как и было запланировано, провести выборы в 1998 г. и разрешить Раннариту принять в них участие[110].

Хун Сен согласился с этой формулой урегулирования, и в начале марта 1998 г. состоялся суд. Раннарита приговорили к 30 годам заключения и уплате штрафа в 54 млн. долл. США[111]. В конце марта, как это и было согласовано раньше, он был помилован королем, и ему было позволено участвовать в выборах.

Несмотря на то что, казалось бы, инцидент 5–6 июля 1997 г. был исчерпан, он имел очень важные последствия: двоевластие, продолжавшееся в стране с 1993 г., закончилось в пользу НПК, которая показала всем «кто в доме хозяин». К тому же ФУНСИНПЕК так и не смогла оправиться от удара и даже после того, как на родину вернулся принц Раннарит, роялисты остались младшими партнерами в правительственной коалиции.

5. Выборы 1998 г. и положение в Камбодже на рубеже веков

Выборы 1998 г. стали завершающим этапом в бурных событиях камбоджийской истории XX века. Они характеризовались очень жесткой конкуренцией, так как в ходе предвыборной кампании выяснилось, что ФУНСИНПЕК, несмотря на внутренние расколы и поражение в событиях 5–7 июля 1997 г., продолжает пользоваться весомой поддержкой населения, особенно в городах, где многие опасались безраздельной власти НПК. Почти десять тысяч человек пришли в аэропорт Почентонг, чтобы приветствовать возвратившегося из эмиграции в марте 1998 г. Раннарита[112]. Это была мощная демонстрация поддержки, которая показала НПК, что ее победа на выборах совсем не так очевидна, как это могло бы показаться ранее.

В организационном отношении ФУНСИНПЕК не выдерживала никакого сравнения со своим главным соперником и партнером по коалиции, особенно после июльского разгрома 1997 г., когда «политическая структура партии была разрушена, сильно подорван ее

человеческий потенциал, ущерб, нанесенный материально-технической базе, исчислялся десятками тысяч долларов»[113]. Средства на проведение избирательной кампании роялисты рассчитывали собрать за рубежом в среде неизменно симпатизировавшей им кхмерской эмиграции. Самой трудной задачей стало восстановление партийных структур на местах. В разгар июльского кризиса 1997 г. почти везде они были либо разогнаны, либо самораспустились. Высокопоставленный функционер ФУНСИНПЕК признавался: «Численность наших рядовых активистов составляла до переворота 100 тыс. человек. Сейчас мы не знаем, где они. Во время событий 1997 г. были уничтожены дома даже рядовых членов нашего движения. Люди просто спрятались, так как боялись за свою жизнь»[114].

В то же время для роялистов не все складывалось плохо. ФУНСИНПЕК, как и в 1993 г., многие считали партией Нородома Сианука. Кроме того, она стала центром притяжения всех тех, кто выступал против бывших коммунистов — НПК. В своей предвыборной программе роялисты подчеркивали неразрывную связь с королем и монархией, заявляли, что именно их партия — гарант сохранения в стране и монархической традиции, и демократии. Сианук именовался в партийных призывах не иначе как «отец народа, отец мира, отец национального возрождения»[115].

Удачному выступлению ФУНСИНПЕК на выборах могли помешать не столько интриги НПК, сколько собственная негибкость и неспособность консолидироваться с Национальной партией Сам Рэнси, которая прибегала в своей агитации к неизменно актуальным в Камбодже популистским лозунгам борьбы с коррупцией, а также апеллировала к откровенному национализму и антивьетнамизму. В интерпретации ее активистов вьетнамцы превращались в главных виновников всех политических и экономических бед кхмерского народа, а Хун Сен — в марионетку Вьетнама. Выступая на многотысячных митингах, Сам Рэнси восклицал: «Нынешние лидеры получили власть в 1979 г. от вьетнамцев, и они в долгу перед ними. В знак благодарности они отдают вьетнамцам наши земли...»[116]. Затем он заявлял: «Вьетнамцы вырубают наши леса, они ловят нашу рыбу, разрушают рыболовецкие угодья. Наша страна исчезнет с лица земли, если у власти останется прежний руководитель»[117]. НПК он называл мафией, Хун Сена — коммунистическим диктатором, а верхушку роялистов — коррупционерами[118]. С точки зрения лидера националистов, в коррумпированности камбоджийцев были виновны все те же вьетнамцы, которые

«привнесли в кхмерское общество этот социальный порок». Борьба с коррупцией увязывалась с необходимостью возврата к традиционным моральным устоям кхмеров, «с моральным возрождением камбоджийского общества, которое возможно лишь с уничтожением вьетнамского влияния в стране»[119].

Предвыборная кампания НПК, несмотря на активность ее политических оппонентов, оказалась сильной и эффективной. Лидеры партии учли, что прежнее представление партии как единственной силы, способной противостоять угрозе возвращения к власти «красных кхмеров», уже потеряло свою актуальность и мобилизационный эффект. Демократическая Кампучия окончательно распалась, и на предвыборных митингах можно было говорить только о заслугах НПК в этой победе. Но партия не собиралась апеллировать к прошлому. НПК подготовила новую программу, которая, как показали выборы, соответствовала требованиям политической ситуации и отвечала настроениям большинства кхмеров. Ядром новой программы стали вопросы установления социального равенства и справедливости, а партия стала выступать как политическая сила, которая «говорит с народом на одном языке». Борьба с бедностью, экономический рост и рост уровня жизни людей — все эти лозунги партия превратила в центральное звено своей предвыборной кампании. А основным в этой кампании стал лозунг: «Только бедные могут понять бедных, рожденным во дворцах чужды интересы бедняков». Это был, помимо прочего, недвусмысленный намек на Раннарита и его происхождение, на его откровенно расточительный образ жизни, аристократизм и неуважение к простому человеку. Хун Сен, будучи сам совсем не бедным[120], прекрасно овладел политической демагогией. Он заявлял, например, что для его народа «важнее, чтобы не было голода, чтобы дети учились в школах, чтобы были построены дороги, чем выделение эфирного времени для речей Сам Рэнси»[121].

Обещания «победить бедность» сочетались в политике НПК с организационными мерами. В сельских районах, составлявших оплот партии, была развернута кампания призыва крестьян в ряды НПК. При этом новые члены брали на себя обязательство агитировать среди своих односельчан в пользу партии. Новый крестьянский призыв в партию был, как и раньше, ориентирован на богатых и зажиточных крестьян, влиятельных в своих общинах. Эти люди пополнили ключевой для бывших коммунистов электоральный слой, изначально включавший местную деревенскую верхушку в лице бывших председателей «групп

трудовой солидарности», их близких и родственников, получивших власть и богатство в период коллективизации. Включенные в местные структуры НПК, они, как авторитетные на селе люди, побуждали односельчан голосовать за партию.

Верхушка сельского общества и в 1998 г., так же как и в конце 80-х, охотно вступала в НПК и голосовала за нее, так как видела в ее лице партию реальной власти. Членство в НПК было делом престижным и выгодным, поскольку повышало социальный статус человека, а главное — позволяло получить доступ к правительственным инвестициям, направлявшимся для проведения различных социально-экономических проектов на селе. Немало таких проектов, относящихся к сооружению объектов инфраструктуры (дорог, колодцев, ирригационных сооружений) и социальной сферы (школ, больниц, жилых домов), патронировали и финансировали страны-доноры. Но этим же занимался и лично премьер-министр Хун Сен. Он вел предвыборную кампанию НПК в лучших традициях Сианука начала 60-х годов: неутомимо передвигался по стране, встречался с крестьянами, решал в присутствии журналистов их насущные вопросы, делал подарки, возглавлял церемонии открытия новых объектов. Его энергичные и продуманные действия обеспечили НПК широкую поддержку населения в провинции.

В общенациональных выборах, состоявшихся в июле 1998 г., приняло участие 4,9 млн. камбоджийцев, или 93,5% избирателей. НПК получила 41,1% голосов и 64 депутатских места в парламенте, ФУНСИНПЕК — 31,7% и 43 места, Партия Сам Рэнси соответственно — 14,3% и 15. Мелкие партии собрали в общей сложности 12,6% голосов и не получили в парламенте ни одного места[122].

Результаты выборов свидетельствовали, что по сравнению с 1993 г. НПК сильно продвинулась вперед, получив наибольшую поддержку избирателей. Тем не менее набрать необходимых для формирования однопартийного правительства двух третей голосов ей так и не удалось. Оказавшиеся вторыми и третьими партии Раннарита и Сам Рэнси не только не согласились с результатами выборов и отказались войти в коалицию с НПК, но и объявили победу Хун Сена следствием запугивания избирателей и мошенничества при подсчете голосов. Сам Рэнси объявил Хун Сена мошенником и обманщиком и обратился к США с просьбой бомбардировать штаб своего заклятого врага американскими ракетами[123]. Оба проигравших деятеля потребовали проведения специального расследования всех нарушений, зафиксированных во время голосования. Свои требования они подкрепили массовыми

манифестациями в Пномпене, каждый день регистрировались столкновения оппозиционных демонстрантов и полиции, а город захлестнула волна грабежей и насилия[124].

Атмосфера в стране была столь накалена, что сразу же после того как при посредничестве короля все-таки состоялась церемония открытия нового парламента, оба главных оппозиционера срочно выехали за пределы Камбоджи, опасаясь ареста. Столь поспешное бегство объяснялось тем, что накануне открытия парламента на Хун Сена было совершено покушение. Когда он направлялся на открытие Национального собрания, по его машине была выпущена ракета, Хун Сен не пострадал, — ибо ракета разорвалась в 10 метрах от его кортежа, но разбила дом и убила находившегося там мальчика[125]. В организации этого террористического акта представители НПК обвинили оппозицию. Говорили, что около взрывного устройства была якобы найдена записка на кхмерском и английском языках, предупреждавшая, что «сегодня не станет главного диктатора»[126].

Раннарит и Сам Рэнси, отрицая свою причастность к покушению, заявили, что согласны вести переговоры о создании правительственной коалиции только за пределами страны. Сам Рэнси предложил Токио, а Раннарит — Пекин. Хун Сен с этим не согласился, и официальный представитель НПК заявил, что «переговоры с лидерами оппозиции должны вестись только в Камбодже», а их предложения провести встречу за границей служат лишь для того, чтобы «показать миру, что им якобы угрожает в стране насилие и угроза ареста»[127].

При сложившейся тупиковой ситуации в политический процесс вынужден был опять вмешаться Сианук как король и верховный арбитр. Он заявил, что любые демократические процедуры должны иметь целью прежде всего благо народа, его процветание. Главным же благом для камбоджийского народа, по его мнению, был мир и политическая стабильность, а поэтому оппозиция должна признать результаты выборов и сотрудничать с победившей партией на коалиционной основе. «Камбоджа пока не стала страной, где правит закон, — заявил король. — Демократия у нас только нарождается. Я могу лишь посоветовать более слабым политическим лидерам избрать такую политическую линию, которая дает возможность избежать несчастий и кровопролития нашей родине, моему народу, да и самим политикам»[128].

В ходе переговоров, инициированных королем, Хун Сен согласился вновь сформировать коалиционное правительство с ФУНСИНПЕК. Пошел на это и Раннарит, особенно после того, как идею коалиционного

правительства поддержал и Европейский Союз, который направил ему специальное послание, призывая его согласиться на предложение Хун Сена и принять участие в формировании нового правительства[129]. Еще более явное давление на оппозицию оказала Япония — основная страна-донор Камбоджи. Как заявил МИД этой страны, «оппозиции следует войти в новое правительство, а Япония усилит поддержку экономическому развитию Камбоджи, предоставив ей необходимую помощь»[130]. Общее давление, оказанное на оппозиционеров, способствовало тому, что, в конце концов, политический кризис был разрешен и во главе страны вновь появилась двусторонняя правительственная коалиция в составе НПК и ФУНСИНПЕК. Сам Рэнси, оставшийся в одиночестве, согласился не бойкотировать работу Национального собрания, но в правительство войти отказался.

Новое коалиционное правительство существенным образом отличалось от того, которое действовало в 1993–1998 гг. Хун Сен стал единственным премьер-министром, а в сформированном кабинете всю внешнеполитическую сферу и весь финансово-экономический блок взяли под свой контроль представители НПК. Роялистам в правительстве достался лишь социальный блок, а также позиции со-министра обороны и внутренних дел, которые на паритетных началах разделили ФУНСИНПЕК и НПК. Возвращение представителей роялистов в силовые ведомства было чисто формальным — вся полнота власти в них осталась в руках Хун Сена и его партии.

Итоги выборов 1998 г. свидетельствовали о том, что НПК самым легитимным образом превратилась в доминирующую партию камбоджийской политики. При этом в ней продолжалась борьба за лидерство между двумя группировками. Одна ориентировалась на Хун Сена, другая, более многочисленная, — на председателя партии Чеа Сима. Этим двум течениям в НПК, отмечал долгое время проработавший в российском посольстве в Пномпене П. Гончаров, «удается находить баланс интересов и не доводить партию до раскола. Однако закулисная борьба ведется постоянно, то затухая, то усиливаясь вновь»[131]. В камбоджийской столице с регулярностью распространялись слухи, что Народная партия вот-вот расколется. Этого, однако, не произошло ни до выборов 1998 г., ни после них. НПК, сохраняя внутреннее единство, оставалась не только лучше других организованной и дисциплинированной, но и обладала широкой структурой низовых организаций, а кроме того, имела за собой негласную поддержку как местного, так и иностранного бизнес-сообщества, а также влиятельных друзей

во Вьетнаме и в Китае. И в Ханое и в Пекине «из всех камбоджийских партий предпочитали видеть у власти именно НПК»[132]. Если вспомнить, сколь негативным было отношение к Хун Сену в Китае в 80-е годы, то можно сказать, что этот политик сделал невозможное, убедив китайских коммунистов в том, что он может стать одним из гарантов их интересов в стране.

Тенденция к господству НПК на политическом поле, обозначившаяся после выборов 1998 г., вызвала консолидацию так называемой новой непримиримой оппозиции, которая собиралась, заменив «красных кхмеров», с оружием в руках вести борьбу с восстанавливаемой, по ее мнению, диктатурой коммунистов. В отдаленных, пограничных с Таиландом районах на севере страны «появились не очень многочисленные, но неплохо вооруженные антиправительственные группировки «Борцы за свободу Камбоджи» и «Свободные кхмеры», ставившие своей целью свержение существующего строя»[133]. В конце ноября 2000 г., просочившись в Пномпень, они организовали нападения на «важные правительственные объекты, в результате чего имелись убитые и раненые с обеих сторон. Внутренние силы безопасности быстро подавили выступление, явно демонстрируя свою осведомленность о планах нападавших. Были произведены многочисленные аресты. Среди арестованных оказались многие бывшие "красные кхмеры", а также члены партии ФУНСИНПЕК, недовольные сотрудничеством своей партии с НПК. Удалось схватить одного из руководителей "Борцов за свободу". Им оказался американский гражданин кхмерского происхождения»[134].

Разгром сил непримиримой оппозиции еще более укрепил позиции НПК в стране. Проявилось это очень скоро на выборах местных органов власти, которые состоялись в 2002 г. На этих выборах бывшие коммунисты победили в 1597 кхумах из 1621. Националисты Сам Рэнси — в 13, а роялисты — в 10 кхумах[135]. Теперь в пользу бывших коммунистов говорили достигнутые в стране позитивные результаты в экономическом строительстве. Началом такого строительства можно считать 1994 г., когда была принята национальная программа восстановления и развития Камбоджи. Опиралась она в значительной мере на планы и соображения международных экспертов, которые по инициативе стран-доноров изучали пути выхода страны из кризиса. Было понятно, что самостоятельно стране не подняться, поэтому главную роль тогда сыграли инвестиции стран-доноров, среди которых «первую скрипку» играли Япония и США. За 1993–2005 гг. от

них в страну поступило около 5 млрд. долл.[135] Это позволило добиться довольно существенного роста инвестиций в экономику. Начиная с 1994 г. их объем быстро увеличивался и в 1999 г. достиг примерно 21,5% ВВП. Этого оказалось достаточно, как считает камбоджийский экономист Чау Сометхия, чтобы заложить основы устойчивого роста экономики[136].

В то же время не все средства использовались так, как это первоначально планировалось. Согласно принятому в 1996 г. плану социально-экономического развития, 65% всех инвестиций должно было быть направлено на развитие сельских районов, на строительство там дорог и прочей инфраструктуры. Однако в 2000 г. выяснилось, что все планы реализовались с точностью до наоборот: 65% всех инвестиций, предусмотренных планом, пошли на развитие городов и только 35% достались кхмерскому селу[137].

Рост инвестиций сопровождался жесткими бюджетными и денежно-кредитными ограничениями, которые правительство практиковало под давлением международных экспертов. Благодаря сочетанию этих двух факторов уровень инфляции, который в 1991 г. составлял 160%, сократился и стабилизировался на уровне чуть больше 4% в 1995 г. и 3% — к началу XXI века[138]. Темпы экономического роста в 1994–1997 гг. достигали 7% ВВП[139]. Устойчивость новой экономической политики была проверена азиатским финансовым кризисом 1997–1998 гг. В то время как Таиланд и Малайзия балансировали на грани финансового краха, а в Индонезии царила паника, ширились антиправительственные выступления, которые привели в конечном счете к отставке многолетнего правителя страны генерала Сухарто, в Камбодже кризис отозвался лишь некоторым замедлением темпов экономического роста.

В сфере промышленного производства главным двигателем развития стали две отрасли промышленности — текстильная и швейная. За 1994–1999 гг. было создано около 300 швейных предприятий, а объем экспорта готовой одежды увеличился в 22 раза — с 28 млн. до 640 млн. долл. в 1999 г.[140] Текстильные и швейные изделия стали составлять 80% всего экспорта страны, а, по оценке Всемирного банка, увеличение производства в этих отраслях прямо или косвенно влияло на рост уровня жизни каждого пятого камбоджийца, учитывая, что в швейном производстве было занято более 250 тыс. рабочих и действовало 247 фабрик[141].

Такой рост производства в этих отраслях объяснялся тем, что США и Евросоюз открыли фактически беспошлинный ввоз текстильных изделий из Камбоджи на свои рынки, чтобы оказать помощь этой стране в экономическом восстановлении. США, например, в 1999 г. заключили с Пномпенем специальное соглашение, которое гарантировало камбоджийским швейным и текстильным изделиям предпочтительный доступ на американский рынок в обмен на гарантии повышения трудовых стандартов и уровня жизни производителей[142]. Этим немедленно воспользовался китайский капитал, который вложил существенные средства в строительство небольших швейных мастерских в Пномпене и ряде других городов страны, что обеспечило резкое расширение занятости и отчасти помогло ослабить остроту проблем, связанных с обезземеливанием части крестьян и скупки их земель богатыми горожанами и сельскими предпринимателями. Те, кто получил работу и возможность повысить уровень своей жизни, связывали это с деятельностью правительства и премьер-министра Хун Сена[143].

Борьба с обезземеливанием крестьян против появления в стране крупных частных земельных владений стала в середине и в конце 90-х годов также важным элементом политики правительства. Дело в том, что по мере накопления средств в сфере торговых операций кхмерский и китайский капитал начал скупать земельные наделы, особенно в наиболее плодородных и богатых районах. Возобновился приостановленный событиями 70–80-х годов процесс обезземеливания крестьян и социального расслоения в деревне. Правительство сразу же постаралось взять эти тенденции под свой контроль, поскольку крестьяне оставались главным электоральным резервом НПК, тогда как в городских слоях многие симпатизировали роялистам и националистам. Хун Сен добился принятия закона, который ограничивал возможность концентрации пахотных земель и тем самым охранял в деревне права мелких земельных собственников. Этот закон был принят исключительно по политическим и электоральным соображениям, так как на практике он стал препятствием для инвестиций в аграрное производство. Из-за такой политики темпы роста сельскохозяйственного производства в 1994–1996 гг. составляли лишь 1,4%, т.е. отставали от темпов роста населения, которые составляли примерно 3%. Однако в то же время этот закон предотвратил массу социальных и имущественных конфликтов, которые неизбежно обрушились бы на камбоджийскую деревню в случае его отсутствия[144].

Прагматизм в социально-экономической политике сочетался со стремлением бывших коммунистов разыграть и националистическую карту, до этого бывшую в руках оппозиции. При этом их национализм был направлен не против Вьетнама, как у роялистов и партии Сам Рэнси, а против Таиланда. Для того, чтобы доказать свой патриотизм, НПК умело использовала неосторожное заявление популярной в Таиланде актрисы о том, что Ангкор Ват построили не кхмеры, а тайцы. После широкого распространения этого мнения в Камбодже в Пномпене в январе 2003 г. за полгода до выборов были организованы массовые тайские погромы, Хун Сен от имени камбоджийцев потребовал извинений и показал себя во время этого конфликта преданным борцом за национальные интересы[145].

Все эти действия в сфере политики и экономики плюс работа мощного пропагандистского аппарата НПК, который сумел во многом развеять впечатление от обвинения партийных функционеров в коррупции, и обеспечили партии Хун Сена голоса большей части электората. На парламентских выборах в июле 2003 г. бывшие коммунисты вновь добились уверенной победы, получив более 47% голосов. На второе место вышла партия Сам Рэнси, за которую выступили 21,4% избирателей, третьими оказались роялисты, получившие 20,7% голосов[146]. Все попытки двух проигравших партий, объединившихся в так называемый «Союз демократов», не признать результаты выборов и потребовать в ультимативной форме ухода Хун Сена со своего поста окончились ничем. В конце концов, роялисты во главе с Раннаритом вышли из «Союза демократов» и сформировали очередное коалиционное правительство с НПК. Этот опрометчивый шаг, за который, по утверждению Сам Рэнси, глава роялистов якобы получил 30 млн. долл.[147], стал главной причиной развала роялистской партии. Раннарит со скандалом был смещен с поста лидера ФУНСИНПЕК, после чего массы рядовых членов его организации перешли в партии Сам Рэнси и НПК. После этого ФУНСИНПЕК, которая так много на самом деле сделала для приобщения страны к демократическим процедурам организации политической жизни и для предотвращения новой гражданской войны, отошла на периферию камбоджийской политики.

На вершине власти в государстве произошла невероятная, казалось бы, смена фигур, когда после ухода Раннарита с поста председателя Национального собрания на этот пост поднялся его заместитель — почетный председатель НПК и бывший лидер Народно-революционного совета НРК Хенг Самрин. В этот момент все три

высших поста в стране заняли не просто представители НПК, но те же самые люди, которые стояли во главе Народной Республики Кампучии с 1985 г. Это стало символом полного триумфа как политики этой партии, так и когда-то никому не известных людей — гонимых перебежчиков из лагеря «красных кхмеров», превратившихся в международно-признанных лидеров Камбоджи. Они и сотни людей, вместе с ними пришедших во власть из, казалось бы, самых низов кхмерского общества, сумели сформировать новую правящую элиту, которая в отличие от традиционной, связанной с королевской семьей и высшими слоями общества, при всех обстоятельствах сохраняла внутреннее единство и дисциплину, и на основе прагматизма и способности к компромиссам смогла сплотить страну и вывести ее на курс национального развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После очередной победы партии Хун Сена на выборах в 2003 г. и формирования нового коалиционного правительства, в политической жизни Камбоджи произошло еще одно очень важное событие: в сентябре 2004 г. король Нородом Сианук, находясь на лечении в Пекине, неожиданно для всех окружавших его людей объявил о своем отречении от трона по состоянию здоровья. На встрече с прибывшими к нему премьер-министром Хун Сеном и председателем нижней палаты принцем Раннаритом, которые попытались убедить короля остаться и не уходить, он ответил: «Стране пришло время заняться выборами нового монарха, поскольку я не собираюсь менять принятого решения»[1]. Сианук заявил, что из всех возможных претендентов на трон желает видеть на нем своего младшего сына от брака с королевой Моник — Сихамони. Этот принц, в отличие от старшего брата Раннарита, никогда не интересовался политикой, в 1962 г., когда ему было девять лет, он был направлен учиться в Чехословакию, где и получил высшее образование, окончив Национальную Академию искусств. С отцом он особенно сблизился, когда был рядом с ним в самый тяжелый для Сианука период жизни, — во время его пребывания пленником «красных кхмеров» с 1975 по 1979 г.

Мало кому из кхмеров были известны политические взгляды и личная жизнь этого кандидата в короли. Большая часть населения вплоть до коронации вообще не знала в лицо нового монарха[2]. Неудивительно, что король Сихамони не обладал и частью популярности, харизмы, политического опыта своего отца, место которого в камбоджийской политике с момента его отречения осталось вакантным навсегда. Это ощущение конца целой эпохи почувствовали многие в Камбодже, и даже Хун Сен признал, что, «к сожалению, у кхмеров уже не будет короля, который сыграл бы такую роль в истории страны, как Нородом Сианук»[3].

Многоопытный политик ушел с политической сцены в тот момент, когда понял, что его посредничество вряд ли понадобится в дальнейшем, что наиболее острые рифы на пути развития страны позади, что политическая система обрела искомую устойчивость, а правящие круги проявили склонность к постепенной консолидации. Свидетельством последнего стало историческое примирение Сам Рэнси и его партии

с НПК. Лидер националистов вдруг намного смягчил свою риторику и заявил, что его конфликт с премьер-министром исчерпан и что тем самым Камбоджа открыла новую страницу в своей истории. Он выступил за диалог с властью, добавив: «Мы не любим друг друга, но мы терпим друг друга»[4].

Новый курс партии Сам Рэнси позволил Национальному собранию в марте 2006 г. принять поправку к конституции, согласно которой для формирования правительства вместо прежней нормы в две трети голосов депутатов вводилась новая — 50 плюс один голос. То, что такая поправка была принята, знаменовало успех НПК: ведь, если учесть, что практически на всех после 1993 г. выборах эта партия получала больше половины депутатских мандатов, вероятность того, что ей опять не придется уговаривать оппозиционеров вступать с ней в коалицию, стала высока, как никогда. Впервые после эпохи НРК перед Хун Сеном и Чеа Симом открылась возможность формирования собственного однопартийного правительства. Высокую вероятность этого подтвердили и вторые коммунальные выборы (местных органов власти), которые состоялись в стране в апреле 2007 г. Как отмечали в госдепартаменте США, прошли они на редкость спокойно и в результате НПК получила 61 % всех мест, партия Сам Рэнси — 25,5 % и оставшаяся далеко позади ФУНСИНПЕК — около 6 %[5].

Таким образом в первом десятилетии XXI века в стране сложилась довольно устойчивая двухпартийная система, в которой на роль главной оппозиционной силы вместо ФУНСИНПЕК выдвинулась партия Сам Рэнси. В то время как НПК объединяет консервативную и традиционалистскую часть электората, партия Сам Рэнси привлекает националистов, сторонников организации общества и экономики по западным политическим схемам и экономическим моделям. О судьбе ФУНСИНПЕК можно сказать только то, что в октябре 2006 г. на внеочередном съезде этой партии принц Раннарит был смещен с поста ее президента. К этому времени бóльшая часть ее руководящих деятелей, занимавших кресла министров и губернаторов, были сняты со своих постов премьер-министром Хун Сеном под предлогом их коррумпированности и некомпетентности. Отстранение от власти вызвало глубокий кризис в рядах партии и ее фактический распад. Это событие имело и своего рода символическое значение как свидетельство окончания переходного периода в кхмерской политике: выступая «младшим партнером» в коалиции с НПК, партия Раннарита сыграла ключевую роль в утверждении нового демократического механизма власти

в Камбодже и перехода страны к двухпартийной системе. Однако в новых условиях роялисты, зажатые между прозападными и традиционалистскими слоями камбоджийского общества, оказались на периферии кхмерской политики.

В октябре 2004 г. парламент Камбоджи принял закон о ратификации соглашения с ООН об учреждении Международного трибунала для суда над лидерами «красных кхмеров». Это решение опровергло мнения скептиков, считавших, что кхмерские власти под давлением Китая и из опасения внутренних беспорядков не склонны устраивать международный трибунал[6]. Председатель НПК Чеа Сим, которого особенно подозревали в нежелании возвращаться к полпотовскому прошлому, от имени партии заявил, что поддерживает все усилия ООН и королевского правительства, направленные на совместную организацию такого суда ради торжества справедливости по отношению к 1,8 млн. человек, «погибших в период правления "красных кхмеров" от голода, болезней, принудительного труда»[7]. Это было важное заявление, поскольку считалось, что идея организации трибунала, вынесенная на повестку дня камбоджийской политики в 2001 г., встретила оппозицию именно со стороны НПК. Такое отношение было неудивительно, если вспомнить, что почти все руководящие деятели этой партии так или иначе состояли раньше в рядах «красных кхмеров» и могли справедливо опасаться, что обвинения, предъявляемые этому движению, коснутся и их. Хун Сен объяснял свою осторожность в деле проведения такого процесса необходимостью умиротворения страны, чтобы те люди, которые вышли из джунглей, не вернулись туда вновь под угрозой ареста и суда. Выступая перед бывшими боевиками в последней и главной базе «красных кхмеров» — Анлонгвенге, он убеждал их ничего не опасаться и не уходить обратно в джунгли, а остаться жить на своих землях. «Во мне еще свежи воспоминания собственной юности, — сказал он, — и я по собственному опыту знаю, что из-за отсутствия политического плюрализма люди уходят в джунгли, начинают вооруженную борьбу»[8].

После выборов 2003 г., однако, отношение правительства к идее организации суда над бывшими сподвижниками Пол Пота коренным образом поменялось, и Хун Сен выступил за то, чтобы его больше не откладывать. В декабре 2005 г. он сказал, что как только страны-доноры внесут деньги в фонд проведения трибунала, судебный процесс будет начат[9]. Доказательством того, что руководство Камбоджи полно решимости приступить к организации трибунала, стал арест в июле 2006 г. бывшего начальника печально знаменитой тюрьмы Туолсленг

Дуча, а вслед за ним и его начальника — бывшего второго человека «красных кхмеров» Нуон Чеа. Этот «друг вьетнамцев» совершенно не ожидал ареста, полагая, что давно договорился с Хун Сеном «забыть прошлое». Однако 82-летнего бывшего «брата номер два» арестовали и на вертолете под конвоем доставили в пномпеньскую тюрьму[10]. Как сообщала кхмерская печать, задержали его с согласия главы Пайлина И Чхеана, который, по некоторым данным, являлся бывшим телохранителем Пол Пота и близким к другому возможному фигуранту международного трибунала Иенг Сари[11]. По всей видимости, И Чхеан пошел на этот шаг в обмен на обещание Хун Сена, что он сам не будет арестован и останется на свободе. Кроме того, бывшие «красные кхмеры» не захотели и не пожелали защитить своего прежнего начальника, поскольку прекрасно понимали, что шансов противостоять правительству у них больше нет. Поэтому разговоры, которые начались в Пномпене после кончины Та Мока в тюрьме, о том, что когда Международный трибунал приступит к своей работе, то все, кого предстояло судить, будут уже в могилах, не вполне справедливы[12]. Хотя, учитывая слабое здоровье и преклонный возраст и Нуон Чеа и арестованных позже Кхиеу Самфана и Иенг Сари, эти сомнения все равно остаются...

В 2008 г. на новых выборах, которые по признанию международных наблюдателей оказались самыми мирными после 1991 г., НПК завоевала еще больше голосов, чем в 2003 г. — более двух третей всех мест в Национальном собрании. В количественном выражении НПК получила 90 из 123 мест, партия Сам Рэнси — 26, а когда-то влиятельный ФУНСИНПЕК — лишь 2[13]. Бывшие коммунисты наконец-то добились того, что, не вступая ни в какие коалиции, получили возможность самостоятельно формировать правительство.

О политических настроениях большинства кхмеров в начале XXI века свидетельствует социологический опрос, проведенный в 2002 г. На вопрос об оценке существования в стране отношений патрон — клиент, провоцирующих коррупцию, больше половины опрошенных заявили, что считают эти отношения «культурным наследием кхмеров, которое следует сохранить»[14]. Трудно себе представить, чтобы таким был ответ большинства в предгрозовые 60-е годы, когда общество искало выход из противоречий и кризиса, в утверждении иных, чем традиционные, форм своей организации и правления. Сегодня, наоборот, многие кхмеры видят источник стабильности в сложившейся коррупционно-компромиссной системе, когда правящая партия отдает либо часть власти, либо контроль над каким-нибудь

прибыльным бизнесом своим политическим оппонентам, в ответ, рассчитывая на их лояльность. Результатом таких негласных договоренностей становится то, что оппозиция из непримиримой превращается в системную. Эволюция партии Сам Рэнси особенно после выборов 2003 г. более чем убедительно подтверждает этот процесс.

Политическая стабильность позволяет Камбодже довольно динамично развиваться. В 2005 г., например, экспорт только изделий текстильной промышленности принес около 2 млрд. долларов, а приток иностранных инвестиций составил 215 млн.[15] ВВП страны в двухтысячные годы растет ежегодно на 6–8%, инфляция не превышает 5%, доход на душу населения в 2008 г. превысил 2 тыс. долл. и удвоится после начала эксплуатации открытых на шельфе Камбоджи месторождений нефти[16].

* * *

Проанализированный более чем столетний период камбоджийской истории следует рассматривать как процесс модернизации традиционного кхмерского общества, который начался с реформ, проведенных Францией в 1884–1886 гг., и закончился через сто с лишним лет утверждением современной политической и социально-экономической модели развития. Через подобную модернизацию, то есть заимствование и аккультурацию восточными обществами западных политических институтов, норм, правил и представлений о власти, прошли в XX веке большинство стран Востока. Этот процесс везде, от Китая и Японии и до Индонезии и Филиппин, сопровождался гражданскими войнами, переворотами и революциями, в которых традиционализм и модернизм противостояли друг другу. В этой борьбе происходили существенные изменения как в сфере политической психологии, так и в самой структуре и идеологии восточных сообществ. В какой-то момент этого длительного противостояния происходил синтез старого и нового, который фиксировал иное, чем раньше, состояние восточного общества, далеко ушедшего от феодальных отношений, которые служили общим для большинства стран Востока фундаментом для перемен.

Первоначально и Камбоджа шла тем же самым путем, однако в определенный момент времени — в середине 60-х годов процесс модернизации в стране принял катастрофический характер. Причина этого заключалась, по всей видимости, в специфичности ее национальной истории, когда после окончания Второй мировой войны страна оказалась в эпицентре международных конфликтов. Внешние воздействия — индокитайские войны и связанные с ними американское

и вьетнамское вмешательство во внутренние дела — создавали серьезные проблемы национальному развитию, что усугублялось конкретными ошибками политического руководства Камбоджи в 50–60-е годы. Вина за эти ошибки в значительной степени лежала не только на главе государства Нородоме Сиануке, но и на всей традиционной правящей и интеллектуальной элите, раздираемой внутренним недоверием, борьбой за власть, богатство и влияние. В такой ситуации общество балансировало на грани гражданской войны, противоречия только нарастали, политические силы занимали бескомпромиссные позиции, а синтез и выход на новое качество политической системы, способной не только к стабильности, но и к саморазвитию и саморегулированию, оказывались невозможными.

В условиях полномасштабного национального кризиса конца 60-х и начала 70-х годов, когда сначала был свергнут Сианук, а потом после разрушительной гражданской войны власти лишились и его противники, контроль над Камбоджей перешел к выходцам из социальных низов кхмерского общества. В определенном смысле это была естественная реакция общества на неспособность правящих классов разрешить ключевые проблемы национального развития. Произошла резкая смена элит, к власти в 1975 г. пришли новые люди, противостоявшие старой элите. Возник мощный социальный «лифтинг», связанный в первую очередь с распространением в Камбодже марксистской доктрины и деятельностью Коммунистической партии.

Теперь Компартия стала главным двигателем национальной модернизации, ее победа в гражданской войне создала условия для радикальных перемен. Однако по мере реализации Пол Потом доведенного до абсурда марксистского эксперимента страна превратилась по сути в огромный концентрационный лагерь. Общее число погибших в период 1975–1979 гг. до сих пор еще точно не установлено и колеблется между 1,6 и 2,3 миллиона человек. Гибель этих людей — чудовищная плата кхмерского общества за модернизацию в рамках определенным образом трактуемой коммунистической доктрины, которая в конечном счете выразилась в бесконечных рядах трудовых бригад, работавших на полях от рассвета до заката, в голоде, охватившем целые районы, обернулась жестокими репрессиями, когда определяющим элементом жизни общества стал всеобщий страх. Другие страны — Китай, Вьетнам, СССР, Северная Корея, опыт которых использовала Демократическая Кампучия, также в свое время переживали разрушительный этап отрицания любых товарных форм организации жизни

и экономики, тотального противостояния западному миру. В Камбодже, в силу субъективных качеств пришедших к власти людей, этот период был особенно разрушительным и кровавым.

В 1979 г. благодаря вьетнамскому вмешательству ситуация переменилась. Вьетнамские коммунисты к этому времени уже прошли период тотального отрицания товарной экономики, и объективная реальность подталкивала их к поиску компромиссных форм организации политической и социально-экономической системы, где товарные отношения могли бы господствовать в экономике при сохранении власти Компартии в политике. Поставленная руководством КПВ у власти вторая волна кхмерских коммунистических функционеров придерживалась в целом тех же подходов и в новых условиях выбрала иной, чем при «красных кхмерах», вариант национального развития.

Важную роль сыграл в этом, как и в Китае и во Вьетнаме, общесоциальный позитивизм марксизма, импульс к переменам и развитию, заложенный в этой доктрине, который дал возможность проводить прагматичную политику, направленную на обновление всех сторон жизни общества. Прагматизм в политике позволил новой национальной элите, представлявшей в это время сложный конгломерат выходцев из всех слоев кхмерского общества, выбрать реалистический и сбалансированный курс в экономике и компромиссный в политике. Такой подход предопределил реальный синтез традиционалистских и западных политических институтов и выразился в успешном проведении в 1991–1993 гг. уникальной миротворческой операции под эгидой ООН, достижении национального примирения, восстановлении конституционной монархии и одновременно с этим утверждении в стране демократической по форме, но традиционной по сути (т. е. понятной большинству) политической системы.

Сегодня все социологические опросы среди кхмеров показывают, что люди не хотят перемен, радикально-мессианские идеи их уже больше не привлекают, никто не хочет уходить в джунгли и умирать за идею, как это было в 60-е годы. Такие настроения, впрочем, как и стабильный экономический рост, повторяемость демократических процедур, — важные признаки того, что долгий и кровавый путь модернизации Камбоджи в целом завершен. Более чем столетняя многоактная пьеса, полная миллионов жертв, человеческих страданий, трагедий и катастроф, подошла в конце концов к относительно счастливому завершению. Но история Камбоджи продолжается, и важно, чтобы в XXI веке кхмеры не повторяли заблуждений и ошибок века XX.

Глава I

1. Э. Дудар де Лагре, один из выдающихся французских исследователей Индокитая, в 1863–1866 гг. был французским резидентом в Камбодже. В 1866 г. во главе экспедиции он отправился исследовать верховья Меконга и пути из Индокитая в китайскую провинцию Юннань. Во время экспедиции умер от тропической лихорадки.
2. Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958, с. 440.
3. Thompson S. The French protectorate over Cambodia. — Far Eastern quaterly 1945, №8, с. 330–331.
4. Дементьев Ю. П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе 1852–1907. М., 1960, с. 25.
5. Doudart de Lagrée. Explorations et missions, papiers et documents mis en ordre et publiés par M. de Villemereuil. P., 1883, с. 95–101.
6. Название Сиемреап (по-кхмерски «тайцы на коленях») за этой провинцией закрепилось позже, когда она по франко-сиамскому соглашению 1907 г. вновь вместе с Баттамбангом вошла в состав Камбоджи. Провинция была названа так в честь победы кхмеров на этой территории в одной из битв XVI в.
7. Reinach L. Recueil des traités conclus par la France en Extrême-Orient 1684–1902. P., 1902, с. 98.
8. Там же, с. 99. См. также: Дементьев Ю. П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе 1852–1907. М., 1960, с. 62.
9. Reinach L. Recueil des traités ... с. 102.
10. К середине XIX в. традиционная социально-политическая модель Камбоджи уже не обеспечивала ни нормального воспроизводства населения, которое постепенно уменьшалось и к моменту установления протектората не превышало, по всей видимости, 800 тыс. — 1 млн. (см.: Delvert J. Le paysan cambodgien. P., 1961, с. 434), ни даже сохранения постоянного клина обрабатываемых земель (тенденция его неуклонного сокращения также была отчетливо выражена). См. об этом подробнее: Garnier F. Voyage d'exploration en Indochine. Tour du Monde. P.-L., 1870–1871, с. 38–39.
11. Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа. М., 1967, с. 180.
12. Там же, с. 148.
13. История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981, с. 122.
14. Там же.
15. Цит. по: Osborne M. The French presence in Cochinchina and Cambodia Rule and Response 1859–1905. Ithaca-L., 1969, с. 195.
16. Там же, с. 203.
17. Там же.
18. Там же, с. 192.

19. Reinach L. Recueil des traités ... с. 208.
20. Reinach L. Recueil des traités ... с. 209–210; см. также: Дементьев Ю.П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе ... с. 67–68.
21. Там же, с. 210.
22. История Кампучии ... с. 129.
23. Провотесах сонкхеп протех Кампутиа (Краткая история Камбоджи). М., 1985, с. 269.
24. Osborne M. The French presence ... с. 213–219.
25. История Кампучии... с. 132.
26. Osborne M. The French presence ... с. 216.
27. Провотесах сонкхеп, с. 269–270.
28. История Кампучии ... с. 123.
29. Там же, с. 124.
30. *Комланг* — система клиентельных отношений, при которой каждый свободный крестьянин (*неак тиа*) состоял в личной, но не наследственной зависимости либо от крупного чиновника (*ниамын*), либо от члена королевской семьи (*преах вонгса*). В составе комланга *неак тиа* обычно отрабатывал трудовую повинность (так называемые королевские работы).
31. История Кампучии ... с. 126–127.
32. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française. P., 1981, с. 506.
33. Там же, с. 101.
34. Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Проект отчетного доклада IV съезду НРПК. 7 июля 1981 г., л. 187.
35. Modern Asian Studies, 1978, № 12, с. 217–243.
36. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981 (ed. By Ben Kiernan and Chanthou Boua). London—New-York, 1982, с. 3.
37. Там же.
38. См.: Milton Osborne. Politics and Power in Cambodia. Melbourne, 1973.
39. David P. Chandler. Seeing Red: Perceptions of Cambodian History in Democratic Kampuchea. D.P. Chandler and Ben Kiernan. Revolution and its aftermath in Kampuchea. New Haven, Conn., 1983, с. 37.
40. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Указ. ист., л. 191.
41. Чандлер Д.П. Брат номер один. Екатеринбург, 2005, с. 38–39.
42. Там же, с. 41.
43. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981 ... с. 118.
44. Там же.
45. Там же.
46. Боевой авангард вьетнамского народа. М., 1981, с. 31.
47. Peasants and Politics ... с. 18, 26.
48. Колледж Сисовата, образованный в 1911 г., стал одним из центров светского образования в Камбодже.
49. То Кюен. Народно-революционная партия Кампучии — авангард кампучийского народа. — Вопросы истории КПСС. М., 1984, № 10, с. 64.
50. Там же. См. также: Сай Бутхонг. Верность избранному пути. — Проблемы

мира и социализма. 1985, №2, с. 25.
51. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии. М., 1989, с. 13.
52. Там же.
53. То Кюен. Народно-революционная партия Кампучии — авангард кампучийского народа — Конг Шан. Ханой. 1983, №11–12 (на вьетн. языке).
54. Сай Бутхонг. Верность избранному пути, с. 25.
55. Peasants and Politics … с. 18.
56. Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004, с. 177.
57. Чандлер Д.П. Брат номер один … с. 40.
58. Там же.
59. Там же, с. 41.
60. Там же.
61. Там же.
62. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии. М., 1989, с. 14–15.
63. Там же, с. 15.
64. Peasants and Politics … с. 118.
65. Там же, с. 124.
66. Там же, с. 119.
67. История Востока. Т. 5: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М., 2006, с. 479.
68. Там же, с. 480.
69. АВП РФ. Фонд 569, опись 5а, дело 2 (700 том 1). Перевод статьи Сианука из журнала «Неак тийет нийюм» (Националист), №2, от 19.09.1959, с. 93.
70. Чандлер Д.П. Брат номер один… с. 48–49.

Глава II

1. Reinach L. Recueil des traités … с. 208.
2. Там же, с. 210.
3. Detroyat L. La France dans L'Indochine. P., 1886, с. 73.
4. Цит. по: Forest A. Le Cambodge et la colonisation française. P., 1981, с. 355.
5. История Кампучии …. с. 124.
6. Rousseau A. Le protectorat Française du Cambodge. Organisation politique, administrative et financière. Dijon 1904, с. 46.
7. История Кампучии … с. 139.
8. Там же.
9. См., например: Forest A. Le Cambodge et la colonisation française … с. 219.
10. Там же, с. 501.
11. Bell H. Foreign colonial administration in the Far East. L., 1928, с. 258–259.
12. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, с. 223.
13. Там же.

14. Там же, с. 354.
15. Там же, с. 355.
16. *Кхнем крау* — категория крестьян (букв. — 'рабы вне дома'), которые, попав в долговую зависимость, оставались на земле, перешедшей к кредитору. Своему хозяину они обязаны были выплачивать установленный им оброк.
    Каун кхмуой — категория крестьян (букв. — 'мои сыновья'), которые под угрозой разорения и рабства добровольно переходили в зависимое состояние. Они могли не платить налоги, не отбывать трудовую повинность. Доходы с земли *каун кхмуой* делились между крестьянином и его хозяином.
    Кхнем робох сдать — категория крестьян (букв. — 'рабы короля'), которые обрабатывали земли, принадлежавшие непосредственно королю.
17. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, c. 244.
18. История Кампучии ... с. 140.
19. Площадь каждого поля зависела от района его расположения: от 1,1–1,2 га на землях «чамкар» (самые плодородные в Камбодже) до 8–10 га на «низких» землях (заливные и относительно плодородные).
20. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française ... с. 333–335.
21. Сочевко Г.Г. Об аграрных отношениях в Камбодже. — Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968, с. 47.
22. Delvert J. Le paysan cambodgien, c. 507.
23. Там же, с. 503.
24. Там же, с. 504.
25. Сочевко Г.Г. Об аграрных отношениях в Камбодже ... с. 46.
26. Delvert J. Le paysan cambodgien, c. 504–506.
27. Там же, с. 506.
28. История Кампучии ... с. 140.
29. Там же.
30. Подробнее об этом см.: Агропромышленная сфера стран Индокитая. М., 1986, с. 91–92.
31. История Кампучии... с. 142.
32. Цит по: Henry Iv. Economie agricole de l'Indochine. Hanoi, 1932, c. 195.
33. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, c. 289.
34. Там же, с. 340.
35. Там же.
36. Там же, с. 341.
37. Там же.
38. Reuter. L., 3.07.1932.
39. Там же, 15.05.1933.
40. Delvert J. Le paysan cambodgien, c. 510.
41. Enquête démographique d' avril 1958. Цит. по: Delvert J. Le paysan cambodgien, c. 510. Данные Дельвера о числе китайских лавок в Камбодже, приведенные за 1953 г., вполне отражают и действительность сельской Камбоджи 20–40-х годов.

42. Delvert J. Le paysan cambodgien, c. 510.
43. Enquête démographique d' avril 1958. Цит. по: Delvert J. Le paysan cambodgien, c. 510.
44. Высокие земли — наименее плодородные в Камбодже, которые не попадают под затопление в результате разливов рек в сезон дождей, а покрываются дождевой водой только в самый пик влажного сезона.
45. Données statistiques essentielles pour 1 semestre 1966. Phnompenh, 1966, c. 51.
46. Сочевко Г. Г. Об аграрных отношениях в Камбодже. — Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968, с. 49.
47. Там же.
48. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, c. 356.
49. Сочевко Г. Г. Об аграрных отношениях в Камбодже, с. 50.
50. Там же, с. 49.
51. L' Office du crédit populaire. Phnompenh, 1952, c. 2.
52. Tiers-Monde. T. 4. P., 1963, c. 201.
53. История Кампучии ... с. 141.
54. Там же.
55. Там же.
56. L' Asie du Sud-Est. Vol 2. P., 1971, c. 579–581.
57. История Кампучии ... с. 141.
58. Forest A. Le Cambodge et la colonisation francaise, c. 290. См. также: Direction de l'agriculture. Bulletin de la statistique et des études agricoles. Phnompenh, 1963, c. 36.
59. История Кампучии ... с. 141.
60. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, c. 290.
61. Delvert J. Le paysan cambodgien ... c. 434.
62. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, c. 290.
63. Агаджанян А. С. Бирма: крестьянский мир и государство. М., 1989, с. 30.
64. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française, c. 369.
65. Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 39.
66. Агаджанян А. С. Бирма: крестьянский мир ... с. 33.
67. Зарубежный Восток и современность. Т. 2, с. 38–39.
68. История Востока. Т. 5, с. 479.

Глава III

1. Proclamation Royale, 13 avril 1946. — Sam Sary. La Grande figure de Norodom Sihanouk, Phnompenh, 1955, c. 8–10.
2. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая истории Кампучии, с. 18.
3. Proclamation Royale, 13 avril 1946, c. 8.
4. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение монархического режима в Кампучии. М., 1987, с. 7.
5. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один. Екатеринбург, 2005, с. 52.

6. См. об этом: Vandy Kaonn, Ly Kimsok. Les intellectuels Khmers. Phnompenh, 1982, с. 28.
7. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение ... с. 10.
8. Там же.
9. Preschez Ph. Essai sur la démocratie au Cambodge. P. 1961, с. 45.
10. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981. Ed. By B. Kiernan and Chanthou Boua. N.-Y., 1982, с. 92.
11. Preschez Ph. Essai sur la démocratie ... с. 45.
12. Peasants and Politics in Kampuchea ... с. 91.
13. Там же, с. 92.
14. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, с. 21–22.
15. Preschez Ph. Essai sur la démocratie ... с. 61.
16. Steinberg D. Cambodia its People, its Society, its Culture. New Haven, 1957, с. 94–95.
17. Kiernan B. How Pol Pot came to power. L., 1985, с. 163.
18. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, с. 24–25.
19. Peasants and Politics in Kampuchea ... с. 132.
20. L'Action de S.M. Norodom Sihanouk pour l'indépendance du Cambodge, 1941–1955. Phnompenh, 1959, с. 10.
21. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, с. 25.
22. Peasants and Politics in Kampuchea ... с. 16.
23. Цит. по: Поповкина Р.А. Французские монополии в Индокитае. М., 1960, с. 9.
24. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, с. 30.
25. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один ... с. 80.
26. Preschez Ph. Essai sur la démocratie ... с. 30.
27. Прачеатхипатай Пномпень, 1955, №3.
28. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer. P., 1971, с. 119.
29. L'Action de S.M. ... с. 27.
30. Preschez Ph. Essai sur la démocratie ... с. 47.
31. L'Action de S.M. ... с. 28.
32. Там же, с. 30.
33. Там же, с. 35.
34. АВП РФ. Фонд 0569, опись 4, дело 4. Запись беседы посла СССР в Камбодже Аникина А.С. с Тринь Хоаном, депутатом Национального собрания Камбоджи, 17 октября 1958 г., л. 76.
35. L'Action de S.M. ... с. 39–40.
36. Там же, с. 41.
37. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, с. 32.
38. АВП РФ. Фонд 0569, опись 4, дело 4. Запись беседы посла СССР в Кам-

бодже Аникина А.С. с Ван Ю Пингом, послом КНР в Камбодже, 28 октября 1958 г., л. 98.
39. Там же.
40. L'Action de S.M. … с. 57.
41. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer, с. 122.
42. Цит. по: Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру. М., 1977, с. 228.
43. Там же.
44. То Кюен. Народно-революционная партия Кампучии — авангард кампучийского народа. — Конг Шан, Ханой, 1983, №11–12 (на вьет. яз.), с. 7.
45. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один … с. 54.
46. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7. Некоторые сведения о партии «Прачеачун» («Народ») в Камбодже (Справка). 19 октября 1956 г., л. 133.
47. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981 … с. 18.
48. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979, с. 4.
49. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Краткая история НРПК — авангарда рабочего класса и народа Кампучии. 19 января 1985 г., л. 29–30; См. также: Бектемирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд: тенденции политического развития. М., 2007, с. 41.
50. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один … с. 54.
51. АВП РФ. Указ. ист., л. 30.
52. Peasants and Politics in Kampuchea … с. 127.
53. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один … с. 54.
54. В 1959 г. в журнале «Неак тийет нийюм» («Националист») Сианук, например, отмечал, что «с 1947 по 1954 г. группа кхмерских иссараков и вьетнамского "Вьетминя" своей пропагандой пытались запугать духовенство и граждан, даже убивая мирных жителей, чтобы вынудить их отречься от монархии и выступить против меня». — Неак тийет нийюм («Националист»), №2, 19 сентября 1959 г.
55. Khmer armed resistance [б.м.], 1952, с. 16.
56. См.: Конг Шан, 1983, №11–12. См. также: Cambodia and Laos Fight Hand in Hand with Viet-Nam for Freedom. Published by the Viet-Nam Central Information Service. April 1951, с. 13–16.
57. Kiernan Ben. How Pol Pot came to Power. A history of communism in Kampuchea. 1930–1975. L, 1985. См. также: Провотесах сонкхеп ней пак протиатюн падевоат Кампутиа даель тиа кон чхиен мук робох вонах кммако нын протиатюн Кампутиа (Краткая история Народно-революционной партии Кампучии — передовой силы рабочего класса и всего народа Кампучии). Пномпень, 1984, с. 4.
58. Выступление Нгуен Тань Шона приводится по: Дэвид П. Чандлер. Брат номер один … с. 69–70.
59. Подробнее об этом: Kiernan Ben. How Pol Pot came to Power … с. 98–99.
60. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру … с. 226.
61. Провотесах сонкхеп … с. 3–4.
62. История Кампучии … с. 159–160.

63. Там же.
64. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один ... с. 98.
65. Там же, с. 98–99, 135.
66. Вопросы истории КПСС. 1984, №10, с. 66.
67. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта, с. 4.
68. Chanda N. Brother enemy. The war after the war. A History of Indochina since fall of Saigon. New-York, 1988, с. 58.
69. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один ... с. 71.
70. Chanda N. Brother enemy ... с. 57.
71. W. Burchett. The China — Cambodia — Vietnam Triangle. L. 1981, с. 54.
72. История Кампучии ... с. 161.
73. Документы по истории партии. Т. 2. 1945–1954. Ханой, 1976, с. 261–262.
74. Вопросы истории КПСС. №10, 1984, с. 66.
75. Самакки («Солидарность»). Пномпень, 10.02.1954, с. 39.
76. Беседа автора с кхмерским коммунистом-ветераном Чан Веном — Генеральным секретарем Единого фронта национального строительства и защиты Кампучии. Пномпень, 24 июля 1984 г.
77. Le Cambodge, Phnompenh, 1954, janvier, с. 35.
78. Delvert J. Le paysan cambodgien ... с. 208–209.
79. Ляхс М. Женевские соглашения 1954 г. об Индокитае. М., 1956, с. 45.
80. Интервью с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
81. См.: Правда. М., 15.05.1954.
82. Отрицательный ответ на просьбу представителей Кхмер Иссарака об участии в конференции был связан во многом с тем, что в Москве крайне скептически относились к их политическим и военным возможностям, считали, что «относительно народно-освободительной Армии Кхмера вряд ли можно сказать, что она превратилась в крупную военную силу». АВП РФ, фонд 79, опись 7, дело 3, л. 69. См. также: Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, с. 33.
83. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру ... с. 229–230.
84. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer ... с. 126.
85. Laurent M. L'armee au Cambodge et dans les pays en voie de developpement du Sud-Est Asiatique. P., 1968, с. 69.
86. Сай Бутхонг. Верность избранному пути. — Проблемы мира и социализма. 1985, №2, с. 37. В Архиве внешней политики РФ приводятся несколько другие цифры. В докладе «О положении в Камбодже после перемирия и до настоящего времени» указывалось, что «из прежнего числа в 4 тыс. человек как камбоджийцев так и вьетнамцев, теперь осталось только 292 вьетнамских товарища и 1190 камбоджийских». Там же отмечалось, что «почти все члены партии не знакомы с методами подпольной и легальной работы и в трудной обстановке с трудом обеспечивают активность движения». АВП РФ. Фонд 0569, опись 1, дело 1 (720-к), 15 апреля 1955 г., л. 63.
87. Пномпень (на кхмерск. яз.). 1984, №172.
88. Сочевко Г.Г. Об аграрных отношениях в Камбодже. — Аграрные отноше-

ния в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968, с. 52.
89. Сочевко Г. Г. Современная Камбоджа 1941–1965 гг. … с. 31.
90. Enquête démographique d' avril 1958. Цит. по: Delvert J. Le paysan cambodgien, с. 500–501.
91. Там же, с. 501.
92. Там же.
93. Delvert J. Le paysan cambodgien … с. 496.
94. Сочевко Г. Г. Об аграрных отношениях в Камбодже. — Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии … с. 51.
95. История Кампучии … с. 142.
96. Там же.
97. См.: Henry Iv. Economie agricole de l'Indochine. Hanoi, 1932, с. 195.
98. Там же.

Глава IV

1. АВП РФ. Фонд 0569, опись 1, дело 1 (720-к). Посольство СССР в ДРВ. Изложение информации полковника ВНА Тхань Шона о положении в Камбодже, сделанное 3 и 11 февраля по поручению Фам Ван Донга, л. 15–16.
2. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один… с. 105.
3. Миетопхум Пномпень (на кхмерск. яз), 15.02.1955.
4. АВП РФ. Указ. ист., л. 16.
5. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 57.
6. Gour G.G. Institutions constitutionnelles et politics du Cambodge. P., 1965, с. 78.
7. АВП РФ. Фонд 0569, опись 1, дело 1 (720-к). О проведении всеобщих выборов в Камбодже (справка), 14 июля 1955 г., л. 61.
8. Tong A. Sihanouk: La fin des illusions. P., 1972, с. 75.
9. Brisse J. Le Cambodge de Norodom Sihanouk. — L'Année Politique et Economique, №220. P., avril 1971, с. 4.
10. Leifer M. Cambodia. The search for security. N.Y., 1967, с. 68.
11. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 58.
12. Leifer M. Cambodia. The search for security… с. 68.
13. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer… с. 132.
14. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 59.
15. Там же.
16. Gour G.G. Institutions constitutionnelles et politics… с. 71.
17. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение… с. 30.
18. АВП РФ. Фонд 0569, опись 3, дело 4 (035-км). Запись беседы советского посла А.С. Аникина с Кхим Титом, бывшим председателем Совмина Камбоджи, 17 марта 1957 г., л. 54.
19. Там же, л. 55.
20. Устав Демократической партии. Пномпень, 1955, с. 1.
21. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 60.
22. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение… с. 32.

23. Preschez Ph. Essai sur la démocratie... с. 60.
24. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 31.
25. Gour G.G. Institutions constitutionnelles et politiques... с. 170.
26. Preschez Ph. Essai sur la démocratie... с. 63.
27. История Кампучии... с.170.
28. Leifer M. Cambodia. The search for security... с. 70.
29. Там же.
30. Peasants and Politics in Kampuchea... с. 98–99.
31. Там же, с. 99.
32. Preschez Ph. Essai sur la démocratie... с. 62.
33. Заменивший Суонг Сенга другой представитель «Прачеачун» — Мел Ван, намного менее известный и популярный в округе, получил на выборах 1955 г. 2900 голосов из 7000. Preschez Ph. Essai sur la démocratie ... с. 132.
34. Кампучия. Пномпень, 22.12.1955.
35. Кампучия. Пномпень, 18.11.1955; см. также: Peasants and Politics in Kampuchea... с. 132, 216.
36. Там же, с. 98.
37. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7. Посольство СССР в ДРВ. Сокращенный перевод вьетнамских материалов о положении в Камбодже, 26 июля 1956 г., л. 51.
38. Интервью автора с кхмерским коммунистом-ветераном Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
39. Кампучия. Пномпень, 03.01.1956.
40. Верин В. П. Государственный строй Камбоджи. М., 1958, с. 40.
41. Конституции стран ЮВА, Дальнего Востока и Тихого Океана. М., 1960, с. 172, 182, 186, 191–194.
42. Réalités Cambodgiennes. Phnompenh, 1964, №432.
43. Неак тийет нийюм («Националист»), 1960, №208.
44. Réalités Cambodgiennes, 1966, №502.
45. L' Asie du Sud Est. T. 2. P., 1971, с. 10.
46. Ligne de conduite politique des membres du Troisième cabinet Sangkum. Phnompenh, 1956, с. 2.
47. Les idées discours-programme presentées par le prince N. Sihanouk devant Assamblée Nationale lors de l' investiture du 3-ème gouvernement Sangkum. Phnompenh, 1956, с. 1, 6. См. также: Plan de l' exposé du Prince N. Sihanouk devant le 3-ème Congrès National 20.04.1956 au Palais Royal, Phnompenh, 1956, с. 7.
48. Ligne de conduite politique des membres du Troiséme cabinet Sangkum... с. 3.
49. Preschez Ph. Essai sur la démocratie... с. 83.
50. Нородом Сианук. Воззвание к нации. Пномпень, 1957, с. 11.
51. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 72.
52. АВП РФ. Фонд 0569, опись 3, дело 4. Запись беседы посла СССР в Камбодже Аникина А. С. с тов. Е. — руководителем экономической миссии

КНР в Камбодже, 25 января 1958, л. 133.
53. Там же. Запись беседы посла СССР в Камбодже Аникина А.С. с Пен Нутом — дуайеном Высшего совета короля Камбоджи, 22 августа 1957 г., л. 129.
54. La depêche du Cambodge. Phnompenh. 15.09.1957.
55. Чхием Кхмае. Пномпень, 25.08.1957.
56. АВП РФ. Фонд 0569, опись 3, дело 4. Запись беседы посла СССР в Камбодже Аникина А.С. с Пен Нутом… л. 130.
57. La depêche du Cambodge. 16.08.1957.
58. Réalités Cambodgiennes. 13.01.1961.
59. La depêche du Cambodge. 25.01.1958.
60. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 89.
61. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer… с. 147.
62. АВП РФ. Фонд 0569, опись 1, дело 1 (720-к). Посольство СССР в ДРВ. Изложение информации полковника ВНА Тхань Шона о положении в Камбодже, 3 и 11 февраля по поручению Фам Ван Донга, л. 21.
63. Нородом Сианук. Политический курс. Пномпень, 1959, с. 2, 8.
64. Там же, с. 12.
65. История Кампучии… с. 110.
66. Etudes et Documentations. Phnompenh. 1959, №16, с. 6.
67. Там же.
68. Предательство Сон Нгок Тханя — Сам Сари. Пномпень (б.г.), с. 2–3.
69. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer… с.147.
70. Les Cahiers du Sangkum. Phnompenh, 1959, №3–4, с. 28.
71. Сам Сари лично без согласия Сианука вел переговоры с американцами об установлении контроля США над кхмерскими финансами и с представителями Южного Вьетнама о репрессиях против находившихся в Камбодже противников южновьетнамского диктатора Нго Динь Зиема. Все эти инициативы были «вовремя пресечены Сиануком». АВП РФ. Фонд 0569, опись 3, дело 15. Справка посольства СССР в Пномпене: «V Национальный конгресс», 22 августа 1957 г., л. 71.
72. Там же, с. 92.
73. Tong A. Sihanouk: la fin des illusions. P., 1972, с. 144.
74. Cambodian Commentary. Phnompenh, 1960, №8, с. 8.
75. Там же.
76. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 94.
77. Цит. по: Smith R. Cambodia's foreign policy. N.Y., 1965, с. 135.
78. Cambodian Commentary… 1960, №9, с. 21.
79. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 94; см. также: Cambodian Commentary… 1960, №9, с. 21.
80. Там же.
81. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение… с. 108.
82. Там же.
83. L' Observateur. Phnompenh, 17.06.1960.
84. Там же.

85. Сборник статей, опубликованных в «левых» газетах «Аекопхиеп» (Единство), «Мыттопхиеп» (Дружба), «Прачеачун» (Народ). Пномпень, 1961, с. 14, 25, 26.
86. Preschez Ph. Essai sur la démocratie… с. 95.
87. Там же, с. 96.
88. Там же.
89. Международные отношения в Южной и Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. М., 1978, с. 82.
90. Caldwell M. Lek Tan. Cambodia in the South East Asian War. N.Y.–L., 1973, с. 231 и 385.
91. Les nouvelles de Kampuchea Démocratique. Phnompenh, 1977, № 9, с. 1–3.
92. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 134.
93. Les élites Khmers. Phnompenh, 1966, с. 96–97.
94. Риетькеть протех Кампутиа. Пномпень, 03.06.1964, с. 4381–4382.
95. Там же.
96. Там же, 03.06.1964, с. 4381–4383.
97. Там же, 03.06.1964, с. 4388–4389.
98. Там же, 03.06.1964, с. 4383; 09.06.1964, с. 4511.
99. Leifer M. Cambodia. The search for security… с. 144.
100. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer…, с. 218.
101. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 4. Запись беседы Н. А. Булганина и Д. Т. Шепилова с принцем Камбоджи Сиануком. Москва, 6 июля 1956 г., л. 43–44.
102. Smith R. Cambodia's foreign policy… с. 123.
103. См.: Le rejet de l'aide américaine. Trois exposés de S.A.R. Le Prince Norodom Sihanouk. Phnompenh, 1964, с. 3–5.
104. См.: Nayan Chanda, Brother Enemy, N.Y., 1986, с. 61, 420.
105. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 7. Посольство СССР в Камбодже. К вопросу о перевозке военной и экономической помощи НФОЮВ через камбоджийскую территорию. Справка. 30 декабря 1965 г., л. 85.
106. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 1. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и проблема Южного Вьетнама (политическое письмо за III квартал 1965 г.), 4 ноября 1965 г., л. 126.
107. АВП РФ. Фонд 569, опись 13, дело 4. Беседа А. А. Громыко с послом США в СССР Ллуэллином Томпсоном 28 декабря 1967 г. Приложение № 5. Данные о наличии в Камбодже баз Вьетконга и северовьетнамских вооруженных сил (пер. с английского), л. 34.
108. Там же, с. 37.
109. Там же, с. 34–35.
110. АВП РФ. Фонд 569, опись 11, дело 4. Из дневника Громыко А. А. Прием заместителя председателя Совета Министров Камбоджи Сон Санна 13 сентября 1965 г., л. 1–2.
111. Nayan Chanda, Brother Enemy… с. 61.
112. История Кампучии… с. 203.
113. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer… с. 241.

114. Там же, с. 242.
115. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 1. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и проблема Южного Вьетнама (политическое письмо за III квартал 1965 г.), 4 ноября 1965 г., л. 128–129.
116. Leifer M. Cambodia. The search for security… с. 177.
117. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с экспертом Совета Министров Камбоджи Шарлем Мейером. 12 августа 1966 г., л. 239–240.
118. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.), 28 июля 1966 г., л. 54.
119. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с экспертом агентства Кхмер Пресс Фуксом. 23 августа 1966 г., л. 256.
120. Lancaster D. The decline of Prince Sihanouk's regime. In Zasloff J., Coodman A. Indochina in conflict. Ithaca. 1972, с. 53.
121. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с членом ЦК НФОЮВ т. Нгуен Ван Хиеу. 21 декабря 1966 г., л. 316.
122. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение… с. 176.
123. Meyer Ch. Derrière le sourire Khmer… с. 154.
124. Peasants and Politics in Kampuchea… с. 215.
125. Réalités Cambodgiennes 30.09.1966.
126. Peasants and Politics in Kampuchea… с. 208.
127. Lacouture J. L' Indochine: Sihanouk vue de Pekin. P., 1972, с. 96.
128. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.), 28 июля 1966 г., л. 52.
129. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 1. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и проблема Южного Вьетнама (политическое письмо за III квартал 1965 г.), 4 ноября 1965 г., л. 125.
130. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.), 28 июля 1966 г., л. 58.
131. Там же, л. 49.
132. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение… с. 183.
133. Réalités Cambodgiennes 28.10.1966.
134. Etudes Cambodgiennes. Phnompenh, 1966, № 8.
135. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с членом ЦК НФОЮВ т. Нгуен Ван Хиеу. 21 декабря 1966 г., л. 314.
136. La depêche du Cambodge. Phnompenh, 21.10.1966.
137. Réalités Cambodgiennes. 11.11.1966.

138. Там же, 04.11.1966.
139. Военный министр Сирик Матак — лучший друг начальника Генштаба генерала Лон Нола, который предан Сиануку и королевской семье. АВП РФ. Фонд 0569, опись 3, дело 4 (035-км). Запись беседы посла СССР Аникина А.С. с Тринг Хоанем, депутатом Национального собрания и членом ЦК Сангкума. 22 августа 1957 г., л. 124.
140. Réalités Cambodgiennes, 17.03.1966.
141. Там же.
142. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение... с. 189.
143. Tong A. Sihanouk: la fin des illusions... с. 107.
144. Réalités Cambodgiennes. 24.03.1967.
145. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение... с. 190.
146. АВП РФ. Фонд 569, опись 13, дело 4. Из дневника Н.П. Фирюбина. Запись беседы с послом Камбоджи в СССР Ху Кантулом. 21 марта 1967 г., 25 марта 1967 г., л. 1.
147. Brisse J. Le Cambodge de Norodom Sihanouk... с. 29.
148. Réalités Cambodgiennes. 28.04.1967.
149. The forced confessions of Hu Nim. In Pol Pot Plans the Future. Confidential Leadership Documents from Democratic Kampuchea, 1976–1977, Yale University, Southeast Asia Studies, 1988, с. 246.
150. Réalités Cambodgiennes. 21.04.1967.
151. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5 (035-к). Из дневника Ратанова А.П. Запись беседы с Нородомом Сиануком. 9 ноября 1966 г., л. 298.
152. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение... с. 203.
153. Brisse J. Le Cambodge de Norodom Sihanouk... с. 25.
154. Réalités Cambodgiennes, 28.05.1971.
155. Дэвид П. Чандлер. Брат номер один... с. 175.
156. История Кампучии... с. 211.
157. Réalités Cambodgiennes, 15.08.1969.
158 Новое время, 1967, № 50, с. 33.
159. Американское агентство ЮПИ сообщало 8 октября 1969 г. из Сайгона, что «принц Н. Сианук впервые признал, что на территории Камбоджи находятся 40 тыс. войск Северного Вьетнама». АВП РФ. Фонд 540, опись 17, дело 10, л. 30.
160. Цит. по: Meyer Ch. Derriere le sourire Khmer... с. 296.
161. Там же, с. 285.
162. Там же, с. 298.
163. Там же, с. 302.
164. Realites Cambodgiennes 28.05.1971.
165. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Лаосе. Нородом Сианук, Вильфред Барчет (так в тексте. Принято Уильфред Бэрчетт. — *Д. М.*). «Моя война с ЦРУ» (аннотация), с. 54.
166. Realites Cambodgiennes, 06.03.1970.
167. Meyer Ch. Derriere le sourire Khmer... с. 307.
168. Там же, с. 317.

Глава V

1. Ligne de conduite politique des membres du Troisème cabinet Sangkum. Phnompenh, 1956, с. 4.
2. Там же, с. 5.
3. Там же, с. 4.
4. Там же.
5. Considération sur le socialisme khmer. Phnompenh., 1961, с. 6.
6. Там же, с. 9.
7. Цит. по: Brisse J. Le Cambodge de Norodom Sihanouk... с. 15.
8. Аекопхиеп, Пномпень, 21.08.1960.
9. Considération sur le socialisme khmer, с. 17–19.
10. Королевские работы — одна из наиболее распространенных повинностей кхмерского крестьянства до установления французского протектората. Примерно 90 дней в году крестьяне должны были безвозмездно трудиться на пользу короля — рыли каналы, строили и ремонтировали дороги, выполняли поручения местных начальников.
11. Réalités Cambodgiennes, №434, 1964.
12. Delvert J. Le paysan cambodgien ... с. 523.
13. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение .... с. 156.
14. Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 37.
15. Сочевко Г.Г. Современная Камбоджа 1941–1965 гг. М., 1967, с. 78.
16. Far Eastern Economic Review (FEER). Hong Kong, 16.04.1964.
17. Réalités Cambodgiennes, 18.09.1964.
18. The American aid program in Cambodia. Washington. 1962, с. 24.
19. Там же, с. 65.
20. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.). 28 июля 1966 г., л. 37. По камбоджийским данным, падение производства риса в натуральном выражении составило в 1965 г. 1,8%, а в 1966 — 4%. См.: Institut National de la statistique et des reshershes economique. Phnompenh, 1967, с. 6–7.
21. Delvert J. Le paysan cambodgien... с. 499.
22. Peasants and Politics in Kampuchea... с. 76.
23. Données statistiques essentielles pour 1 semèstre 1966. Phnompenh, 1966, с. 9–11.
24. Le Cambodge. Phnompenh, с. 53–54; см. также: Banque Nationale du Cambodge. Phnompenh, 1966, с. 22.
25. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение... с. 151.
26. Prudhomme R. L'économie du Cambodge. P., 1968, с. 73.
27. Ху Юн. Паньха сахако (Проблема кооперативов). Пномпень, 1964, с. 28.
28. Prudhomme R. L'économie du Cambodge... с. 73.
29. Études vietnamiennes. Hanoi. №39, 1974; см. также: Чадомук. Пномпень. №1, 1970.

30. Wilmott W.E. The Chinese in Cambodia. Vancouver, 1967, c. 59.
31. Delvert J. Le paysan cambodgien... c. 512.
32. Prudhomme R. L'économie du Cambodge... c. 83.
33. Там же.
34. Dirèction de l'agriculture. Bulletin de la statistique et des études agricoles. Phnompenh, 1963, №3, c. 50.
35. Сочевко Г.Г. Об аграрных отношениях в Камбодже. — Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968, с. 56.
36. Сочевко Г.Г. Современная Камбоджа 1941–1965 гг. ... с. 68.
37. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение... с. 153.
38. Meyer Ch. Derrière le sourire khmer... c. 72.
39. Ху Юн. Паньха сахако... с. 34.
40. Delvert J. Le paysan cambodgien .... c. 456; 462–463.
41. Ху Юн. Паньха сахако .... с. 35.
42. Там же.
43. Цит по: Prudhomme R. L'économie du Cambodge... c. 83.
44. Глунин В.И., Мугрузин А.С. Крестьянство в китайской революции. — Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982, с. 129.
45. Réalités Cambodgiennes, 21.08.1964.
46. Сочевко Г.Г. Об аграрных отношениях в Камбодже ... с. 58.
47. Agence Khmer de Presse. Phnompenh. 6.08.1961.
48. Banque Nationale du Cambodge. Phnompenh, 1964, 1966, №6, c. 57.
49. Pomonty J.C., Thion S. Dès courtisans aux partisans. Essai sur la crise cambodgienne. P., 1971, c. 41.
50. Réalités Cambodgiennes, 9.04.1965.
51. Banque Nationale du Cambodge №6, 1964, c. 57.
52. Réalités Cambodgiennes, 9.04.1965.
53. Pomonty J.C., Thion S. Dès courtisans aux partisans... c. 41.
54. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение.... с. 157.
55. Pomonty J.C., Thion S. Dès courtisans aux partisans... c. 42.
56. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение.... с. 157.
57. Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 50.
58. Цит. по: Meyer Ch. Derrière le sourire khmer... c. 172.
59. Риеткеть протех Кампутиа. Пномпень, 30.01.1956, с. 251.
60. Journal officiel du Cambodge. Phnompenh, 6.03.1961, c. 644.
61. Риеткеть протех Кампутиа, 30.01.1956, с. 252.
62. Journal officiel du Cambodge, 6.03.1961, c. 644.
63. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение.... с. 81.
64. Цит. по: История Кампучии.... с. 195.
65. Les cahiers du Sangkum. Phnompenh, 1961, №6, c. 196.
66. Pomonty J.C., Thion S. Dès courtisans aux partisans... c. 42.
67. Meyer Ch. Derriére le sourire khmer... c. 174.
68. Чхием Кхмае. Пномпень. 19.06.1957.

69. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение.... с. 152.
70. Prudhomme R. L'économie du Cambodge... с. 255.
71. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 3, том II. Запись беседы посла СССР в Камбодже Крутикова В. А. с депутатом Национального собрания Камбоджи Кхье Сампханом (Кхиеу Самфан. — *Д. М.*), 10 мая 1965 г., с. 5.
72. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Архив ЦК КПСС. Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Фонд № 5, опись 58, дело 324. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже. Политическое письмо посольства СССР в Камбодже за II квартал 1966 г., л. 59.
73. Prudhomme R. L'économie du Cambodge .... с. 171.
74. Там же, с. 172.
75. Там же.
76. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.). 28 июля 1966 г., л. 37.
77. Réalités Cambodgiennes 24.02.1967.
78. История Кампучии... с. 210; см. также: Réalités Cambodgiennes, 08.08.1969 и 01.08.1969.
79. Неактийетнийюм, № 411.
80. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 223.
81. Растянников В. Г. Проблемы воспроизводства в сельском хозяйстве на доиндустриальной стадии. — Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 44.
82. Там же, с. 45.

Глава VI

1. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Посольство СССР в ДРВ, сокращенный перевод с вьетнамского информации о положении в Камбодже. 26 июля 1956 г., л. 51.
2. Там же. Камбоджа (справка). 30 октября 1956 г., л. 22.
3. Там же. Некоторые сведения о партии «Прачеачун» (Народ) в Камбодже (справка). 19 октября 1956 г., л. 135.
4. Там же, с. 139.
5. См., например, выдержки из воспоминаний Нуон Чеа. Д. П. Чандлер. Брат номер один... с. 140.
6. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Некоторые сведения о партии «Прачеачун»... л. 135.
7. Беседа с Теп Хеном 10 марта 1985 г. Москва. Теп Хен — известный кхмерский дипломат начального периода истории НРК, в 1985–1986 гг. готовил в Москве свою кандидатскую диссертацию. Беседы с ним, человеком очень

осведомленным и близким к руководству Компартии Вьетнама, проливают свет на многие не совсем ясные аспекты кхмерской истории.

8. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Некоторые сведения о партии «Прачеачун», л. 135.
9. Чандлер Д. П. Брат номер один … с. 119.
10. Kiernan B. How Pol Pot came to Power. London, 1985, с. 175.
11. Чандлер Д. П. Брат номер один … с. 121; см. также: Kiernan B. How Pol Pot came to Power … с. 186–188.
12. Провотесах сонкхеп ней пак протеатюн падевоат Кампутиа даель кон чхиен мук робох вонах каммако нын протиатюн Кампутиа (Краткая история НРПК — передовой силы рабочего класса и всего народа Кампучии). Пномпень, 1984, с. 6.
13. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the Destruction of Cambodia, N.Y., 1987, с. 238.
14. Беседа с Теп Хеном 10 марта 1985 г., Москва.
15. Беседа с Чан Веном 15 июля 1984 г., Пномпень.
16. См.: Nayan Chanda, Brother Enemy, N.Y., 1986, с. 61, с. 420.
17. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979, с. 9.
18. Цит. по: История Кампучии… с. 169.
19. АВП РФ. Фонд 569, опись 2, дело 13. Сообщения польских товарищей в Международной комиссии о репрессиях в Камбодже, 16 октября 1956 г., л. 28.
20. Там же, л. 26.
21. Peasants and Politics in Kampuchea… с. 132.
22. Кампучия, Пномпень, 18.11.1955.
23. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 4, том 1. Посольство СССР в ДРВ. Предварительные материалы, разработанные отделом ЦК ПТВ о положении в Камбодже. Проект доклада об общем положении в Камбодже за 1955 г. 10 марта 1956 г., л. 28–29.
24. АВП РФ. Фонд 0569, опись 1, дело 1. Посольство СССР в ДРВ. Результаты выборов в Камбодже (справка). 24 сентября 1955 г., л. 85.
25. Там же, л. 91.
26. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 4, том 1. Посольство СССР в ДРВ. Предварительные материалы, разработанные отделом ЦК ПТВ о положении в Камбодже. Проект доклада об общем положении в Камбодже за 1955 г. 10 марта 1956 г., с. 28; л. 22.
27. Там же.
28. Там же, л. 32.
29. Там же.
30. Беседа с Чан Веном, 15 июля 1984 г. Пномпень. См. также: АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Посольство СССР в ДРВ. Сокращенный перевод вьетнамских материалов о положении в Камбодже. 26 июля 1956 г., л. 51.
31. Déclaration du group Pracheachon. Phnompenh, 1958, с. 8.
32. Там же, с. 5.

33. Там же, с. 7.
34. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 6, том 1. Посольство СССР в ДРВ. Справка, переданная вьетнамскими друзьями об экономическом и политическом положении Камбоджи. 11 февраля 1956 г., л. 7.
35. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Некоторые сведения о партии «Прачеачун», л. 136.
36. Там же, л. 136.
37. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Посольство СССР в ДРВ. Сокращенный перевод вьетнамской информации о положении в Камбодже. 26 июля 1956 г., л. 49.
38. АВП РФ. Фонд 0569, опись 2, дело 7, том 2. Некоторые сведения о партии «Прачеачун», л. 136.
39. Там же.
40. L'Observateur. Phnompenh, 17.06.1960.
41. Там же.
42. Там же.
43. Leifer M. Cambodia. The search for security. N.Y., 1967, с. 127.
44. Cambodian Commentary. Phnompenh, 1960, №10.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Чандлер Д.П. Брат номер один... с. 127.
49. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 7. Посольство СССР в Камбодже. Заместителю министра иностранных дел Лапину С.Г., 4 февраля 1965 г., л. 3.
50. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 7. Посольство СССР в Камбодже. Перевод письма ЦК группы «Прачеачун» Сиануку. 4 февраля 1965 г., л. 5.
51. Там же.
52. Ben Kiernan The Pol Pot regime... с. 331.
53. Провотесах сонкхеп... с. 6–7.
54. Там же, с. 7.
55. В мае 1959 г. XV пленум ЦК ПТВ одобрил партийный курс на вооруженное восстание в Южном Вьетнаме. В июле авангард из 4000 подготовленных на Севере боевиков начал просачиваться в Южный Вьетнам. См. подробнее об этом: Ф.Б. Дэвидсон. Война во Вьетнаме 1946–1975. М., 2002, с. 298–299.
56. Чандлер Д.П. Брат номер один... с. 63, 98, 126.
57. Там же, с. 116–117.
58. Кампучия. Справочник. М., 1985, с. 142.
59. Le Sangkum. Phnompenh, 1967, №25.
60. Réalités Cambodgiennes, 19.09.1959.
61. Чандлер Д.П. Брат номер один... с. 130.
62. Пномпень 1984, №173; см. также: Неак кхусна. Пномпень, 1985, №10, с. 9–10.

63. Pol Pot. Long live the 17th Unniversary of the Communist Party of Kampuchea. Chicago, 1977, c. 23.
64. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 140.
65. Неак кхусна, 1985, № 10, с. 10. См. также: Kiernan Ben. How Pol Pot came to Power… с. 190.
66. Там же, с. 120.
67. Democratic Kampuchea. Ministry of foreign affaires. Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression… du Vietnam. Paris, 1978, с. 28, 47.
68. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Проект отчетного доклада IV съезду НРПК. 7 июля 1981 г., л. 261. См. также: Бектемирова Н. Н. Кризис и падение … с. 119.
69. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 142.
70. Там же, с. 133. См. также: Kiernan B. How Pol Pot came to Power, с. 201.
71. Вопросы истории КПСС. Москва, 1984, № 10, с. 68.
72. Провотесах сонкхеп… с. 7–8.
73. Там же, с. 7.
74. Там же.
75. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 133.
76. Réalités Cambodgiennes, 09.04.1964.
77. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 134.
78. Там же, с. 181.
79. Там же, с. 150.
80. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Запись беседы советского посла с первым заместителем заведующего отдела внешних сношений ЦК КПВ Нгуен Тхань Ле, 14 января 1978 года, л. 6.
81. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 151.
82. Признание Чхим Самаука в тюрьме Туолсленг. Цит. по: Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 181.
83. Там же, с. 143.
84. Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression… du Vietnam… с. 26, 50.
85. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 153.
86. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 50, дело 721. Документ посольства СССР в ДРВ, л. 142.
87. Там же.
88. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 156.
89. Там же, с. 162.
90. Беседа с послом России в Камбодже Ю. Н. Мякотных. Санаторий Барвиха, 14 августа 1993 года.
91. Там же.
92. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 3, том II. Посольство СССР в Камбодже. Запись беседы посла СССР в Камбодже Крутикова В. А. с депутатом Национального собрания Камбоджи Кхье Сампханом. 10 мая 1965 г., л. 5.
93. Там же, л. 6–7.

94. Там же, л. 7.
95. Там же.
96. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 58, дело 324. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства СССР в Камбодже за II квартал 1966 года), л. 84.
97. L'Observateur. Phnompenh, 2.08.1961.
98. Khiey Samphan. The economy of Cambodia and its problems with industrialisation. Univ. Of Paris, 1959, с. 172.
99. Там же, с. 57.
100. Там же, с. 39.
101. Ху Юн. Паньха сахако (Проблема кооперативов). Пномпень, 1964, с. 48–53.
102. Там же, с. 54–55.
103. Там же, с. 62.
104. Там же, с. 63.
105. Tichit L. L'agriculture au Cambodge. P., 1981, с. 31.
106. Там же.
107. Ху Юн. Паньха сахако... с. 64.
108. Там же, с. 61.
109. Там же, с. 64.
110. Там же, с. 60.
111. Пригород столицы Южного Вьетнама — Сайгона (ныне — Хошимин), населенный преимущественно этническими китайцами.
112. Ху Юн. Паньха сахако... с. 60.
113. Там же, с. 180.
114. Там же, с. 179.
115. Там же.
116. Там же, с. 73.
117. Там же, с. 80–81.
118. Там же, с. 85.
119. Там же, с. 86–89.
120. Там же, с. 89.
121. Там же, с. 90.
122. Там же, с. 92.
123. Там же, с. 92–94.
124. Там же, с. 100–101.
125. Там же.
126. Новейшая история Китая. М., 1972, с. 243.
127. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС, опись 58, дело 324. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (Политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.), л. 84.
128. Там же, л. 88.
129. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Экономические проблемы и обо-

стрение внутриполитической обстановки в Камбодже (политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.). 28 июля 1968 г., л. 58–59.
130. Провотесах сонкхеп... с. 7.
131. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981, с. 194.
132. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979, с. 9.
133. Провотесах сонкхеп... с. 6.
134. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с руководителем отдела банка Инадана Жати Пок Доскомой. 5 апреля 1966 г., л. 108.
135. Там же.
136. Там же, л. 109.
137. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с депутатом Национального собрания и заместителем председателя правления общества камбоджийско-китайской дружбы Ху Нимом 16 марта 1966 г., л. 74.
138. Там же.
139. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в Камбодже. Из политотчета посольства СССР в Камбодже за 1966 г., опись 58, ролик 009540, дело 324, л. 340.
140. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (Политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.). 28 июля 1968 г., л. 55.
141. Там же, л. 56.
142. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в Камбодже. Из политотчета посольства СССР в Камбодже за 1966 г., опись 58, ролик 009540, дело 324, л. 341.
143. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (Политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.), 28 июля 1968 г., л. 56.
144. Там же, л. 57.
145. Там же.
146. Там же.
147. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 191.
148. Провотесах сонкхеп ... с. 7.
149. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 2. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже (Политическое письмо посольства за II квартал 1966 г.), 28 июля 1968 г., л. 38.
150. Риеткеть протех Кампутиа. Пномпень, 15.11.1967, с. 6327.
151. Там же, 15.11.1967, с. 6399.
152. Peasants and Politics... с. 205.
153. Réalités Cambodgiennes, 3.03.1967.
154. Чандлер Д. П. Брат номер один (признание Чу Чета) ... с. 187.

155. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 195–196.
156. Thion S., Kiernan B. Khmers rouges! Materiaux pour l'histoire du communisme au Cambodge. P., 1981 ... с. 108.
157. Études cambodgiennes. Phnompenh, 1.10.1967.
158. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 187.
159. Там же.
160. АВП РФ. Фонд 569, опись 13, дело 8 (042). Хроника событий за апрель 1967 г., л. 15.
161. Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression... du Vietnam... с. 47.
162. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в ДРВ. Подрывная деятельность китайцев в Камбодже (справка). Фонд 5, опись 60, дело 365, 19 февраля 1968 года, л. 8.
163. АВП РФ. Фонд 0569, опись 11, дело 1 (0–22к). Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и проблема Южного Вьетнама (политписьмо за III квартал 1965 г.), 4 ноября 1965 г., л. 128.
164. Там же.
165. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 200.
166. Osborne M. Before Kampuchea. Preludes to tragedy. Sydney, 1979, с. 43.
167. Meyer Ch. Derriere le sourire khmer... с. 192–193.
168. Там же.
169. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 201.
170. Indochina in Conflict. Ithaca, 1972, с. 52.
171. Thion S. Kiernan B. Khmers rouges! Materiaux pour l'histoire du communisme au Cambodge. P., 1981, с. 122–123.
172. Беседа с Чан Веном 24 июля 1984 г. Пномпень; РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в ДРВ. Подрывная деятельность китайцев в Камбодже (справка). Фонд 5, опись 60, дело 365, 19.02.1968, л. 8.
173. Там же, л. 9–10.
174. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 208.
175. Réalités Cambodgiennes, 1.03.1968.
176. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в ДРВ. Подрывная деятельность китайцев в Камбодже (справка). Фонд 5, опись 60, дело 365, 19.02.1968, л. 9–10.
177. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 209.
178. Thion S. Kiernan B. Khmers rouges!... с. 130.
179. Там же, с. 131.
180. Там же, с. 133.
181. Там же, с. 131.
182. АВП РФ. Фонд 569, опись 14, дело 6, перевод послания главы государства Камбоджи Нородома Сианука на имя Председателя Совета Министров СССР тов. Косыгина А. Н. от 5 июля 1968 г., л. 7.
183. Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression... du Vietnam... с. 34.
184. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 189.
185. Kiernan B. How Pol Pot came to Power... с. 112.
186. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 189.

187. Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression... du Vietnam... c. 33.
188. Там же, с. 33–37.
189. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 190.
190. Там же.
191. См.: Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression... du Vietnam... c. 35; Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 179.

Глава VII

1. Дэвидсон Ф. Б. Война во Вьетнаме... с. 606–607.
2. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 228.
3. Там же.
4. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5 (042). Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за март 1970 г., л. 39.
5. Там же.
6. См., например: АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Лаосе. Нородом Сианук, Вильфред Барчет (Уильфред Бэрчетт. — *Д. М.*). «Моя война с ЦРУ» (аннотация), л. 54.
7. Михеев Ю. Я. Индокитай: путь к миру ... с. 256.
8. Там же, с. 256–257.
9. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение... с. 227.
10. Интервью автора с кхмерским коммунистом-ветераном Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
11. АВП РФ. Фонд 0569, опись 12, дело 5. Из дневника Ратанова А. П. Запись беседы с послом Кубинской Социалистической Республики в КНР и Камбодже товарищем Оскар Пино Сантосом. 21 ноября 1966 г., л. 309.
12. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981... с. 207.
13. Там же, с. 214. По данным советского посольства, в Такео было убито и ранено более 200 крестьян. См.: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5 (042). Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за март 1970 г., л. 43.
14. Там же, л. 39. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981, с. 217.
15. Кон тоап (Армия). Пномпень, 1970, № 1, л. 14.
16. Bulletin de l' Agence Khmer de presse (AKP). Phnompenh, 01.04.1970.
17. Там же.
18. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5 (042). Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за март 1970 г., л. 37.
19. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии... с. 118–119.
20. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 6. Посольство СССР в США, г. Вашингтон. Оценка США внутриполитического положения в Камбодже (справка), 7 апреля 1972 г., л. 57.
21. Там же.
22. Там же, л. 58.
23. Там же, л. 60.

24. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5 (042). Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за август 1970 г., л. 139.
25. Bulletin de l'Agence Khmer de presse (AKP). Phnompenh, 14.03.1972.
26. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 6 (715/к). Посольство СССР в Камбодже. Партия кхмерских женщин (краткая справка), 11 августа 1972 г., л. 1.
27. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии… с. 119.
28. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в США, г. Вашингтон. Запись беседы второго секретаря советского посольства Бони И.Н. с заместителем заведующего отделом координации и планирования международной экономической и технической помощи Госдепартамента США Дугласом Маршаллом. 17 апреля 1973 г., л. 17.
29. Там же.
30. Там же.
31. В беседе с послом СССР в Камбодже Аникиным А.С., состоявшейся в Пномпене еще в августе 1957 г., депутат Национального собрания и член ЦК Сангкума Тринг Хоань сказал, что «военный министр Сирик Матак является лучшим другом начальника Генштаба генерала Лон Нола». АВП РФ. Фонд 0569, опись 3, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Из дневника Аникина А.С. Запись беседы с Тринг Хоанем, депутатом Национального собрания и членом ЦК Сангкума. 22 августа 1957 г., л. 124.
32. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 6 (Посольство СССР в США, г. Вашингтон.) Оценка США внутриполитического положения в Камбодже (справка), 7 апреля 1972 г., л. 58.
33. Там же, л. 59.
34. Газета «Сомленг Пномпень» (Голос Пномпеня. — *Д.М.*) в номере от 2 марта 1973 г. в аллегорической форме изложила муссируемые в камбоджийской столице слухи о возможной перетасовке в верхах режима, инициатива которых приписывалась американскому посольству. «Минувшей ночью, — писал автор статьи, — мне снилось, будто маршал Лон Нол 5 марта отбудет на Гавайи, Сирик Матак (приглянувшийся Вашингтону) вскоре станет вице-президентом, а может быть, даже президентом, а Ин Там будет премьер-министром». Через несколько дней после публикации этих «снов» газета была закрыта. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и Парижская конференция. 12 марта 1973 г., л. 14.
35. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за июль 1973 г., 8 сентября 1973 г., л. 33.
36. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в США, г. Вашингтон. К вопросу о посещении Сианук освобожденных районов Камбоджи (информация), 19 апреля 1973 г., л. 20.
37. История Кампучии… с. 215–216.
38. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме… с. 607.
39. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5. Посольство СССР в Камбодже. Хро-

ника событий за март 1970 г., л. 36.
40. Там же, л. 40.
41. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме ... с. 607.
42. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру... с. 257.
43. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за апрель 1970 г., л. 53.
44. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме... с. 610.
45. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии... с. 117.
46. 8 декабря 1970 г. правительство Лон Нола заявило резкий протест Сайгону по поводу мародерства и незаконной оккупации камбоджийской территории сайгонскими властями. См.: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий в Камбодже за декабрь 1970 г. 29 января 1971 г., л. 241; 21 декабря этот вопрос был поднят вновь и министерство информации сообщило, что правительство Кхмерской Республики довело до сведения правительства Южного Вьетнама о действиях южновьетнамских солдат в Камбодже. См. там же: л. 235.
47. Всего, по американским данным, США за пять лет предоставили лонноловскому режиму помощь 1,75 млрд. долл. См.: The New-York Times, March 5 1975. По другим данным, США выделили лонноловскому режиму 3 млрд. и израсходовали на военные действия 7 млрд. долл. См.: Михеев Ю. Я. Индокитай: путь к миру... с. 259.
48. Михеев Ю. Я. Индокитай: путь к миру... с. 259.
49. Цит. по: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. Перевод статьи из газеты «Камбоджа» от 20 ноября 1970 г., л. 136.
50. Цит. по: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. Кхмерское агентство печати АКП, 6 ноября 1970 г., л. 140.
51. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 7. Посольство СССР в Камбодже. Информационное сообщение о заседании Национального собрания в Камбодже 19 октября 1970 г., л. 8
52. Цит. по: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. Перевод статьи из газеты «Камбоджа» от 27 ноября 1970 г., л. 178.
53. Цит. по: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. Перевод статьи из газеты «Камбоджа» от 30 ноября 1970 г., л. 178.
54. Цит. по: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. Перевод статьи из газеты «Камбоджа» от 4 ноября 1970 г., л. 175.
55. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 5. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий в Камбодже за ноябрь 1970 г., 29 января 1971 г., л. 225.
56. Там же, л. 226.
57. Там же, л. 229.
58. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 89, перечень 54, документ № 8. Доклад секретаря ЦК ПТВ Хоанг Аня на XX пленуме ЦК ПТВ, декабрь 1970 — начало января 1971 г., л. 22.
59. См. об этом: «Chenla-2» au faillite de la khmerisation de la guerre d'agression de impérialisme américain au Cambodge. Royame du Cambodge. FUNK. Б.м.

1971. См. также: Etudes vietnamiennes. Hanoi. №33.

60. The New-York Times, 27.12.1976.
61. Эти операции вьетнамских войск в Камбодже развивались в рамках нескольких стратегических планов. Об их существовании упоминалось в докладе заместителя начальника Генштаба ВНА генерал-лейтенанта Чан Ван Куанга, который был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК ПТВ 26 июня 1972. В его докладе, в частности, указывалось, что «мы уже подготовили план СР-8 — план боевых действий в Камбодже. В настоящее время Верховное командование и Госсовет обороны рассматривают этот план. Готов и план «Неаклуонг-10» (NL-10), который развивает план СР-8». — РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 64, дело 478. Выдержки из доклада зам. Начальника Генштаба ВНА генерал-лейтенанта Чан Ван Куанга «Об итогах наступательных действий в Южном Вьетнаме и задачах дальнейшей вооруженной борьбы», рассмотренного на заседании Политбюро ЦК ПТВ 26 июня 1972 г., л. 147. Исходя из названия плана, основные действия вьетнамских сил в 1972 г. планировалось сосредоточить на захвате Неаклуонга — ключевого пункта на Меконге, контролируя который можно было прервать снабжение Пномпеня и добиться полной блокады города.
62. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и парижская конференция 12 марта 1973 г., л. 13.
63. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 6. Посольство СССР в Камбодже. Перевод обращения объединения «Голос кхмерской молодежи», полученного в июле с.г., 11 августа 1972 г., л. 5.
64. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджийская печать о прекращении огня в Лаосе. 12 марта 1973 г., л. 5.
65. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за январь 1973 г. 6 февраля 1973 г., л. 3.
66. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджийская печать о прекращении огня в Лаосе. 12 марта 1973 г., л. 7.
67. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Камбодже. Камбоджа и парижская конференция. 12 марта 1973, л. 10.
68. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за март 1973 г., 6 апреля 1973 г., л. 16.
69. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за май 1973 г. 9 июня 1973 г., л. 23.
70. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 3. Посольство СССР в Лаосе. Камбоджийские повстанцы отрицают, что ведут переговоры; США сообщают о приближении мира. 14 июля 1973 г., л. 89.
71. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за август 1973 г. 8 сентября 1973 г., л. 39.
72. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за август 1973 г. 8 сентября 1973 г., л. 43.
73. В сентябре 1973 г. начальник Генштаба правительственной армии С. Фернандес сообщит, что до 15 августа 1973 г. «красные кхмеры» в составе 62

батальонов (30 тыс. человек) наступали на Пномпень с шести направлений. См.: АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за сентябрь 1973 г. 9 сентября 1973 г., л. 48.

74. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 3. Посольство СССР в Камбодже. Переводы выступлений официальных деятелей, опубликованных в местной прессе. 2 июня 1972 г., л. 72.
75. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Хроника событий за сентябрь 1973 г. 9 октября 1973 г., л. 49.
76. Подробнее об этом см.: Мосяков Д.В. Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский эксперимент. М., 1986, с. 22–28.
77. Le Cambodge. Phnompenh. 1970, 06, №2, с. 58–59.
78. Там же, с. 59.
79. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981 … с. 207.
80. Там же.
81. См., например: Ху Ним. Миэкиа сетхокеть даой кхлуон ты пын кхлуон (Экономическая политика опоры на собственные силы). Неак тийет нийюм (Националист). 6.12.1964.
82. Réalités Cambodgiennes. Phnompenh. 22.03.1968.
83. Бектемирова Н.Н. Кризис и падение… с. 211.
84. См., например: Ху Юн Паньха сахако… с. 64.
85. Там же, с. 60.
86. The Republic. Phnompenh, 1972, № 1, с. 2.
87. Réalités Cambodgiennes. Phnompenh, 11.06.1971.
88. The Republic. Phnompenh, 1972, №1, с. 3.
89. Le courrier phnompénhois. Phnompenh, 22.12.1971, с. 1.
90. The Republic. Phnompenh № 1, 1972, с. 4.
91. Там же.
92. Там же.
93. Там же, с. 5.
94. См., например: Lacouture J. L' Indochine: Sihanouk vue de Pekin. P., 1972, с. 123–124.
95. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 6. Посольство СССР в Камбодже. Перевод обращения объединения «Голос кхмерской молодежи». 11 августа 1972 г., с. 6.
96. Le courrier phnompénhois. Phnompenh. 9.09.1971, с. 2.
97. Там же.
98. Débré F. Cambodge: la révolution de la forêt. P., 1977, с. 122.
99. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction of Cambodgia. N.Y., 1987, с. 222.
100. Там же.
101. Le courrier phnompénhois. Phnompenh, 24.11.1971.
102. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon… с. 218.
103. Там же, с. 174.
104. Khmer Republic. Phnompenh, т.1, № 1, 09.1971, с. 44.
105. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française. P., 1981, с. 289.

106. Khmer Republic. Phnompenh, т.1, № 1, 09.1971, с. 44.
107. Там же, с. 72.
108. Le Cambodge. Phnompenh. 1970, 09, № 5, с. 46.
109. Там же.
110. Там же, с. 46–47.
111. Там же, с. 46.
112. Le Cambodge. Phnompenh, 1970, 11, № 7, с. 66.
113. Там же, 1970, 09, № 5, с. 51.
114. Там же, 1970, 10, № 6, с. 71.
115. Там же, 1970, 09, № 5, с. 51.
116. Там же, с. 50.
117. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution. N-Y. and L., 1976, с. 70.
118. Там же, с. 71.
119. Там же, с. 29.
120. Bulletin de l'information de la republique Khmer. Phnompenh, 29.03.1975.
121. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution… с. 29.
122. Revue de l' armée. Phnompenh. № 26, 11.1972, с. 4.
123. Там же, № 2–5, 01.03.1973.
124. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру… с. 262.
125. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction of Cambodia. N.Y., 1987, с. 361.
126. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру … с. 264.
127. Shawcross W. Sideshow… с. 367.

Глава VIII

1. Беседа с бывшим ответственным работником Международного Отдела ЦК КПСС, советником-посланником посольства СССР во Вьетнаме И. А. Огнетовым. Москва, 19 марта 2008 г.
2. АВП РФ. Фонд 569, опись 11, дело 10. Посольство СССР в Камбодже. Перевод речи Сианука, произнесенной им 17 октября с.г. по возвращении из поездки в КНР и КНДР. 23 октября 1965 г., л. 37.
3. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 7 (110). Телеграмма из Пномпеня Его превосходительству Алексею Косыгину Председателю Совета Министров СССР. 29 марта 1970 г., л. 2.
4. Беседа с послом России в Камбодже Ю. Н. Мякотных. Санаторий Барвиха, 15 августа 1993 г.
5. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 7. Телеграмма из Пхеньяна Н. Сианука, главы государства и Председателя Национального Единого Фронта Камбоджи. 1 июля 1970 г., л. 4.
6. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 4. Посольство СССР в Камбодже. Ноты посольства СССР в Камбодже в МИД Камбоджи, связанные с продлением договора о торговом и экономическом сотрудничестве между СССР и Камбоджей до 14 октября 1973 г. 4 ноября 1972 г., л. 29.

7. АВП РФ. Фонд 569, опись 18, дело 3. Посольство СССР в Камбодже. Обзор камбоджийской прессы за первую неделю февраля 1972 г. 11 февраля 1972 г., л. 5.
8. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 3 (040/к). Посольство СССР в Камбодже. Перевод статьи «Признает ли СССР Кхмерскую республику», опубликованной в газете «Кхмер Анскярнеть» 5 января 1973 г. 10 февраля 1973 г., с. 2.
9. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Щербакова И.С. Запись беседы посла СССР в ДРВ Щербакова И. С. с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом, состоявшейся 14 апреля 1973 г. Фонд 5, опись 66, дело 782, л. 85. Еще одна попытка установить контакты с руководством кхмерских коммунистов была сделана 16 июня 1973 г., когда советник-посланник посольства СССР в ДРВ «в соответствии с поручением Центра передал текст письма ЦК КПСС к ЦК НРПК (так по старинке Компартию Камбоджи именовали в Москве. — *Д. М.*) заместителю заведующего отделом ЦК ПТВ Чан Хи Хиену». Тот в ответ сказал, что «пока трудно предугадать реакцию камбоджийских друзей, как они отнесутся к инициативе КПСС». — РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Из дневника советника-посланника посольства СССР в ДРВ Подольского М.Г. Запись беседы с зам. зав. отделом ЦК ПТВ Чан Хи Хиеном, состоявшейся 16 июня 1973 г. Фонд 5, опись 66, дело 782, л. 132. Не получив никакого отклика на послание ЦК КПСС, в Москве решили побеседовать с Сиануком. В октябре 1973 г. во время встречи с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом советский посол во Вьетнаме отмечал, что «со своей стороны информировал Фам Ван Донга, что в духе договоренности с вьетнамскими товарищами Посол СССР в Пекине разъяснил Сиануку, что СССР никогда не заявлял о прекращении отношений с Королевским правительством Камбоджи и никогда не заявлял о признании Лон Нола». — РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Из дневника Щербакова И.С. Запись беседы с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом, состоявшейся 13 октября 1973 г. Фонд 5, опись 66, дело 782, л. 173. Сианук выслушал советского представителя, но, как и раньше, ничего конкретного кхмерская сторона для развития связей не сделала. При всей двусмысленности советской позиции, думается, что опасения вызвать неудовольствие и раздражение в Пекине служили главным соображением, не позволившим ни окружению Салотх Сара, ни Сиануку вступить в действенные контакты с советскими представителями.
10. АВП РФ. Фонд 569, опись 21, дело 3 (110/к). Информация Заведующего Отделом ЮВА МИД СССР Немчины С. С. 7 февраля 1975 г., л. 1.
11. АВП РФ. Фонд 569, опись 21, дело 3 (110/к). Записка Немчины С. С. Фирюбину Н. П. 4 апреля 1975 г., л. 5.
12. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 5 110/к. Об антисоветских высказываниях Сианука (справка), 9 июля 1973 г., л. 7–8.
13. АВП РФ. Фонд 569, опись 21, дело 3 (110/к). Телефонограмма по ВЧ из Пномпеня 21 апреля 1975 г., л. 7.
14. Там же.

15. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 179.
16. The New York Times, 20.03.1970.
17. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979, с. 11.
18. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Лаосе. Нородом Сианук. Вильфред Барчет (Уильфред Бэрчетт. — *Д. М.*). «Моя война с ЦРУ» (аннотация), л. 56.
19. РГАСПИ, Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Информация о беседах немецких товарищей с заместителем министра иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Тхатем, находившимся на отдыхе в ГДР с 1 по 6 августа 1978 г. 17 августа 1978 г., л. 70.
20. Livre noir: Faits et preuves des actes d'agression... du Vietnam... с. 35.
21. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 179.
22. Livre noir: Faits et preuves... с. 35–36.
23. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта... с. 10.
24. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 179.
25. Михеев Ю. Я. Американцы в Индокитае. М., 1972, с. 174–175.
26. Message and Solemn Declaration of Samdech Norodom Sihanouk, Head of State of Cambodia (March 23, 1970). Published by the Royal Government of National Union of Cambodia (RGNUC). 1970.
27. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта... с. 10.
28. РГАСПИ, Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Информация о беседе немецких товарищей с зам. министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатем, находившимся на отдыхе в ГДР с 1 по 6 августа 1978 года. 17 августа 1978 г., л. 70.
29. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру... с. 261.
30. Programme politique du Front Uni Nationale du Kampuchea (б.г., б.м.), с. 3.
31. Там же.
32. Там же, с. 4–5.
33. Там же, с. 7.
34. Там же, с. 12.
35. Там же.
36. Там же, с. 13.
37. Там же, с. 7.
38. См. например: Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981. Ed. By B. Kiernan and Chanthoy Bous, N.-Y., 1982; Kiernan B. How Pol Pot came to power. L., 1985; Caldwell M. Lek Tan. Cambodia in the South East Asian War. N.Y-L., 1973; Hedder S. Kampuchean occupation and resistance. Cornell University Press. 1979.
39. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии... с. 115.
40. Цит по.: АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. АКП №7 176 10.XI.1970. Перевод статьи из армейского журнала, л. 128.
41. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981... с. 228. Ху Ним был известен также как автор перевода на кхмерский язык сборника работ Мао Цзэдуна ... «Империализм и реакция — бумажные тигры». РГАСПИ.

Архив ЦК КПСС. Посольство СССР в Камбодже. Экономические проблемы и обострение внутриполитической обстановки в Камбодже. Политическое письмо Посольства СССР в Камбодже за II квартал 1966 г. Фонд 5, опись 58, дело 324, л. 84.

42. The forced confessions of Hu Nim. in Pol Pot Plans the Future … с. 273, 276, 305.
43. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981… с. 270.
44. Там же, с. 269.
45. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 198.
46. Цит по: Комсомольская правда, 05.03.1979.
47. Такое название этой группировки часто встречается в документах НЕФК начала 70-х годов. После 1973 г. и консолидации власти в руках коммунистов оно практически исчезает из оборота.
48. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 196.
49. Там же.
50. Livre noir: Faits et preuves… с. 55–57.
51. Там же.
52. Наиболее крупное вооруженное столкновение «красных кхмеров» и северовьетнамских войск произошло 5 декабря 1970 г. в провинции Такео. См.: Réalités Cambodgiennes. Phnompenh, №725 11.XII.1970.
53. РГАСПИ, Архив ЦК КПСС. Фонд 89, перечень 54, документ 8. Посольство СССР в ДРВ. Доклад секретаря ЦК ПТВ Хоанг Аня на XX пленуме ЦК ПТВ, состоявшемся в конце декабря — начале января 1971 г., л. 21.
54. РГАСПИ, Архив ЦК КПСС. Фонд 89, перечень 54, документ 10. Посольство СССР в ДРВ. О политике ПТВ в решении проблем Индокитая и наших задачах, вытекающих из решений XXIV съезда КПСС (политическое письмо). 21 мая 1971 года, л. 14.
55. Там же, л. 5.
56. Цит. по: Lacouture J. L' Indochine… с. 122.
57. Bulletin de l'agence France Press. March. 1971.
58. См. об этом: Ith Sarin, "Nine Months with the Maquis" in Communist Party Power in Kampuchea. Ed by Timothy Carney Cornell University, Ithaca, 1977, с. 6, 44.
59. АВП РФ. Фонд 569, опись 16, дело 4. Политический комментарий кхмерского радио от 28 сентября 1970 г., л. 144.
60. Le Monde, 19.04.1970.
61. Цит. по: Lacouture J. L' Indochine… с. 123.
62. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981… с. 196. Нельзя не отметить здесь, что известный исследователь Стивен Хедер в своей работе дает другие данные о численности вооруженных сил коммунистов: около 50 тыс. и говорит, что уже до переворота от военных сил коммунистов исходила главная угроза сианукovскому режиму. См.: Bulletin of Concerned Asian Scholars, Vol. 11, 1979, №1, с. 14. К сожалению, никаких доказательств справедливости этой цифры он не приводит, поэтому я склоняюсь к более реалистичным данным, которые дает Б. Кьернан и которые под-

утверждаются открытыми недавно документами ЦРУ. К тому же и Чан Вен в беседе со мной сказал, что до переворота вооруженные силы коммунистов оставались численно небольшими. Думается, что 10 тыс. бойцов — это максимум, который они могли иметь к марту 1970 г.
63. Communist Party Power in Kampuchea. Ithaca, 1977, с. 50–51.
64. Kiernan B. The Pol Pot Regime. Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975–1979, с. 82.
65. Проблемы мира и социализма. 1980, № 10, с. 72.
66. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта ... с. 7.
67. Там же, с. 20 (из письма Салотх Сара Ле Зуану от 3 октября 1974 г.).
68. Там же (из письма Салотх Сара члену Политбюро ЦК ПТВ Ле Дык Тхо от 4 марта 1974 г.).
69. Debre F. Cambodge: la revolution de la forét ... с. 122.
70. Цит. по: Lacouture J. L' Indochine... с. 123.
71. Debre F. Cambodge: la revolution de la forét ... с. 123.
72. Communist Party Power in Kampuchea ... с. 8.
73. Цит по: Комсомольская правда. 05.03.1979.
74. Шубин В.В. Кампучия: суд народа. М., 1980, с. 144.
75. Kiernan B. How Pol Pot came to power, с. 327–328.
76. Цит. по: Lacouture J. L'Indochine... с. 124.
77. Там же.
78. Communist Party Power in Kampuchea ... с. 50.
79. Там же, с. 46.
80. Там же, с. 49.
81. Цит. по: Lacouture J. L' Indochine ... с. 123.
82. Аекоса ней ранасей аекопхиеп тийет Кампутия уттых дол пхиорокеть робох панявоан. Документ Национального Единого фронта Камбоджи, посвященный задачам, стоящим перед интеллигенцией (б.м.), 1971. 10.08.1971, с. 1.
83. Там же, с. 2.
84. Chanda N. Brother enemy. The war after the war. New-York, 1988, с. 68.
85. Там же, с. 69.
86. Нгуен Ко Тхать в беседе с советским послом, состоявшейся в январе 1978 года, сказал, что Та Мок — бывший член Компартии Индокитая. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Запись беседы совпосла с зам. министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатем, 21.01.1978, л. 20.
87. Скворцов В. Кампучия: спасение свободы. М., 1980, с. 93.
88. Там же, с. 68.
89. Дементьев Ю.П. Кампучия: крах маоистского эксперимента. М., 1979. с. 24.
90. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction of Cambodgia. N.Y., 1987, с. 281.
91. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 66, дело 782. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Щербакова И.С. Запись беседы совпосла с секрета-

рем ЦК ПТВ Ле Зуаном, 19 апреля 1973 года, л. 78.
92. Там же.
93. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 66, дело 782. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Щербакова И.С. Запись беседы совпосла с членом Политбюро ЦК ПТВ, премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом, 14 апреля 1973 года, л. 80.
94. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon… с. 280.
95. Kiernan B. The Pol Pot Regime… с. 21.
96. Débré F. Cambodge: la révolution de la forét… с. 141.
97. Kiernan B. The Pol Pot Regime… с. 20.
98. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9 (716/к). Посольство СССР в США, г. Вашингтон. К вопросу о посещении Сианука освобожденных районов Камбоджи (информация), 19 апреля 1973 г., л. 23. Интересно, что в отношении поездки Сианука в освобожденные районы интересы Салотх Сара и вьетнамского руководства совпали. В политическом письме посольства СССР в ДРВ говорилось, например, что «вьетнамцы и камбоджийские патриоты хотят отправить Сианука в освобожденные районы и этим не дать осуществиться американским и китайским планам. (Речь шла о попытках представителей этих стран убедить Сианука начать мирные переговоры в поисках компромисса с Лон Нолом и условий его возможного возвращения в Пномпень. — *Д. М.*) Думаем, что следует посоветоваться с вьетнамскими товарищами, поддержать их планы». (РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 64, дело 472. Из политического письма посольства СССР в ДРВ за 1972 г., л. 70).
99. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 208–209.
100. Chanda N. Brother enemy… с. 71.
101. Дементьев Ю. П. Кампучия: крах маоистского эксперимента… с. 21.
102. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в США, г. Вашингтон. К вопросу о посещении Сианука освобожденных районов Камбоджи (информация), 19 апреля 1973 г., л. 24.
103. Там же, с. 25.
104. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Отдел ЮВА МИД СССР. О недавних заявлениях Н. Сианука об отношениях с руководством патриотических сил Камбоджи и ДРВ. 5 ноября 1973 г., л. 37.
105. Там же.
106. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 3. Посольство СССР в Лаосе. Бывший и будущий принц? Интервью Н. Сианука журналу «Ньюсвик» от 16 июля 1973 г. Перевод с английского 26 июля 1973 г., л. 97.
107. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 3. Посольство СССР в Лаосе. Камбоджийские повстанцы отрицают, что ведут переговоры; США сообщают о приближении мира. Трибьюн от 2 июля 1973 г. 14 июля 1973 г., л. 91.
108. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Отдел ЮВА МИД СССР. О недавних заявлениях Н. Сианука об отношениях с руководством патриотических сил Камбоджи и ДРВ. 5 ноября 1973 г., л. 38.

109. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в США, г. Вашингтон. К вопросу о посещении Сиануком освобожденных районов Камбоджи (информация), 19 апреля 1973 г., л. 20.
110. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Отдел ЮВА МИД СССР. О недавних заявлениях Н. Сианука об отношениях с руководством патриотических сил Камбоджи и ДРВ. 5 ноября 1973 г., л. 38.
111. Там же, л. 37–38.
112. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Посольство СССР в Лаосе. Нородом Сианук. Вильфред Барчет (Уильфред Бэрчетт. — *Д. М.*). «Моя война с ЦРУ» (аннотация), л. 56.
113. Там же.
114. Peasants and Politics in Kampuchea… c. 311.
115. Débré F. Cambodge: la révolution de la forét … c. 148.
116. Communist Party Power in Kampuchea… c. 38; Thion S. Kiernan B. Khmers rouges! Materiaux pour l'histoire du communisme au Cambodge … c. 166.
117. Communist Party Power in Kampuchea… c. 43.
118. Там же, с. 53.
119. Там же, с. 58.
120. Там же, с. 59.
121. Там же, с. 43.
122. Caldwell M. Lek Tan. Cambodia in the South East Asian War… c. 352.
123. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution … c. 70.
124. Там же.
125. Communist Party Power in Kampuchea… c. 18.
126. Там же.
127. Chanda N. Brother enemy… c. 71–72; См. также: Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 212.
128. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution … c. 72.
129. Communist Party Power in Kampuchea … c. 18–19.
130. Ху Юн. Паньха сахако … с. 156.
131. Там же, с. 103.
132. Communist Party Power in Kampuchea …. c. 19.
133. Ху Юн. Паньха сахако … с. 100.
134. Peasants and Politics in Kampuchea … c. 278–279.
135. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution … c. 72.
136. Newswéek. N.Y. 23.01.1978.
137. Kirk D. Revolution and political violence in Cambodia. In Zasloff J., Coodman A. Indochina in conflict. Ithaca. 1972, c. 222–223.
138. Peasants and Politics in Kampuchea … c. 279; См. также: Chanda N. Brother enemy… c. 72.
139. Peasants and Politics in Kampuchea … c. 279.
140. Ежемесячно в руки коррумпированных лонноловских командиров поступало от 750 тыс. до одного миллиона долларов, как плата за фантомных солдат. По данным, приведенным в газете «Нью-Йорк таймс», эта цифра доходила до 2 млн. долл. См.: Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation

and revolution … с. 30.
141. Communist Party Power in Kampuchea … с. 19.
142. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution … с. 72.
143. Kiernan B. How Pol Pot came to power … с. 327–328.
144. Интервью автора с кхмерским коммунистом-ветераном Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
145. Peasants and Politics in Kampuchea … с. 275.
146. Там же, с. 274–275.
147. Там же, с. 275–276.
148. Там же, с. 276.
149. Там же, с. 273.
150. Нгуен Ко Тхать в беседе с советским послом, состоявшейся в январе 1978 года, сказал, что Со Пхим и Та Мок — бывшие члены Компартии Индокитая. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Запись беседы советского посла с зам. министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатем, 21.01.1978, л. 20.
151. Peasants and Politics in Kampuchea … с. 278.
152. Там же, с. 277.
153. The forced confessions of Hu Nim. in Pol Pot Plans the Future … с. 304.
154. Там же, с. 272.
155. См., например: The forced confessions of Hu Nim. in Pol Pot Plans the Future … с. 304.
156. См.: письма Пол Пота к Ле Зуану и Ле Дык Тхо. — К истории вьетнамо-кампучийского конфликта … с. 20.
157. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Запись беседы заместителя министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя с немецкими товарищами на отдыхе в ГДР с 1 по 6 августа 1978 года. 17 августа 1978 года, л. 72.
158. АВП РФ. Фонд 569, опись 19, дело 9. Отдел ЮВА МИД СССР. О недавних заявлениях Н. Сианука об отношениях с руководством патриотических сил Камбоджи и ДРВ. 5 ноября 1973 г., л. 38.
159. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Запись беседы заместителя министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя с немецкими товарищами на отдыхе в ГДР с 1 по 6 августа 1978 года. 17 августа 1978 года, л. 72.
160. Чандлер Д. П. Брат номер один … с. 213.
161. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 67, дело 655. Политический отчет посольства СССР в ДРВ за 1974 год, л. 49.
162. РГАСПИ. Фонд 5, опись 69, дело 2314. Из дневника Чаплина Б. Н. Запись беседы советского посла с первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном 16 ноября 1976 года, л. 113.
163. Чандлер Д. П. Брат номер один … с. 213.
164. Communist Party Power in Kampuchea… с. 35.
165. Интервью автора с кхмерским коммунистом-ветераном Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г. Чан Вен, кстати, отметил, что из всех людей,

входивших в руководство Компартии в это время, он с особой симпатией относился именно к Ху Юну. Он сказал, что будь тот во главе партии, то он бы проводил правильную политику и «мы бы избежали многих несчастий».

166. Peasants and Politics in Kampuchea..., с. 304.
167. Беседа с Чан Веном 24 июля 1984 г., Пномпень.
168. Чан Вен говорил мне, что в Центральной партшколе собирались организовать лекции о Ху Юне и о его взглядах. Беседа с Чан Веном 24 июля 1984 г., Пномпень.

Глава IX

1. Чандлер Д.П. Брат номер один... с. 216–217.
2. Там же, с. 218.
3. Там же, с. 219.
4. Там же, с. 242.
5. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction ... с. 373.
6. См., например: Pol Pot Plans the Future, с. XV.
7. Хун Сен. Доп бей тусанавоат ней домнаы Кампутиа (Тринадцать лет развития Камбоджи). Пномпень, 1992, с. 195.
8. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction ... с. 373.
9. Thion S., Kiernan B. Khmers rouges! Materiaux pour l'histoire du communisme au Cambodge... с. 152.
10. Kiernan B. The Pol Pot Regime... с. 35.
11. Цит. по: Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction... с. 374; См. также: Vickery M. Cambodia 1975–1982, B. 1985, с. 153.
12. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру... с. 264.
13. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 55.
14. Цит. по: Vickery M. Cambodia 1975–1982... с. 65.
15. Kiernan B. The Pol Pot Regime... с. 55.
16. Там же, с. 57.
17. Там же, с. 56.
18. Там же, с. 58.
19. Там же, с. 59–60.
20. Chanda N. Brother enemy... с. 14.
21. Там же.
22. Скворцов В. Кампучия: спасение свободы. М., 1980, с. 52.
23. Chanda N. Brother enemy... с. 17.
24. Там же.
25. См. документы, рассекреченные в фильме «Убить Пол Пота», показанном по каналу «Россия» 6 августа 2007 г.; См. также: Чандлер Д.П. Брат номер один... с. 221.
26. Kiernan B.. How Pol Pot came to Power... с. 416.
27. Peasants and politics in Kampuchea... с. 233.
28. Chanda N. Brother enemy... с. 14–15.

29. Там же, с. 15.
30. Там же.
31. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 222.
32. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Запись беседы заместителя иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатя с немецкими коммунистами на отдыхе в ГДР с 1 по 6 августа 1978 года. 17 августа 1978 года, л. 72.
33. Беседа с бывшим ответственным работником Международного отдела ЦК КПСС, советником-посланником посольства СССР во Вьетнаме И. А. Огнетовым. Москва, 19 марта 2008 г. В принципе такого поведения кхмеров в отношении советских представителей можно было ожидать с учетом опыта предыдущих безуспешных попыток наладить с ними хоть какой-то контакт.
34. АВП РФ. Фонд 569, опись 21, дело 3 (110/к), л. 8.
35. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 222.
36. Там же, с. 225–226.
37. Ротхомомнунь ней Кампутиа протхиатхипатей (Конституция Демократической Кампучии). Пномпень, 1976, с. 5–13.
38. Михеев Ю. Я. Индокитай: путь к миру… с. 265.
39. Беседа с Чан Веном 15 июля 1984 г., Пномпень.
40. Михеев Ю. Я. Индокитай: путь к миру… с. 265.
41. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 227.
42. Там же, с. 228.
43. Там же.
44. Pol Pot plans the Future. Confidental Leadership Documents from Democratic Kampuchea, 1976–1977. New Haven, 1988, с. 6–7.
45. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 229.
46. Там же.
47. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979, с. 16.
48. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Запись беседы совпосла с членом ЦК КПВ, председателем комитета по науке и технике СРВ Чан Куинем, 24 марта 1978 года, л. 39–40.
49. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 69, дело 2314. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Беседа совпосла с секретарем ЦК ПТВ, зав. Отделом внешних сношений ЦК ПТВ Суан Тхюи, 16 февраля 1976 года, л. 16. Там же. Беседа совпосла с Суан Тхюи, 17 мая 1976 г., л. 56.
50. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 69, дело 2312. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Беседа совпосла с зам. министра иностранных дел ДРВ Хоанг Ван Лоем, июль 1976 г., л. 90.
51. Nhan Dan. Hanoi. 29.VII.1976.
52. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 73, дело 1409. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Запись беседы советского посла с членом Политбюро ЦК КПВ, председателем Постоянного комитета

Национального собрания СРВ Чыонг Тинем, 15 марта 1977 года, л. 34.
53. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 69, дело 2314. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Чаплина Б.Н. Беседа советского посла с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом, 13 июля 1976 г., л. 72.
54. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 69, дело 2314. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Чаплина Б.Н. Запись беседы советского посла с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном, 16 ноября 1976 г., л. 113.
55. Чандлер Д.П. Брат номер один... с. 270.
56. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 335.
57. Там же, с. 350–351.
58. Там же, с. 331.
59. К истории вьетнамо-камбоджийского конфликта. Ханой, 1979, с. 8.
60. АВП РФ. Фонд 569, опись 22, дело 2 (040-к). Аннотация статей о Демократической Кампучии в журнале «Фар Истерн экономик ревью», в номере от 29 октября 1976 г., л. 14.
61. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 69, дело 2314. Из дневника Чаплина Б.Н. Беседа совпосла с Нгуен Зуй Чинем, 15 октября 1976 г., л. 88.
62. Правда, 26.10.1976.
63. См.: Statement of the Communist Party of Kampuchea. Journal of Communist Studies 3, 1 (March, 1987), с. 19–36.
64. Chanda N. Brother enemy... с. 186.
65. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б.Н. Запись беседы совпосла с заместителем министра иностранных дел СРВ Хоанг Бить Шоном, 31 декабря 1977 года, л. 10.
66. Чешков М.А. Сталинский тоталитаризм или идеальный тип общества несвободы. — Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 1989, № 7, с. 82.
67. Там же, с. 82–83.
68. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land. N.-Y., 1977, с. 39.
69. Цит. по: Шубин В.В. Кампучия: суд народа. М., 1980, с. 148.
70. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land... с. 28.
71. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution... с. 46.
72. Беседа автора с Кхиеу Муем, работавшим водителем в Пномпене в 1984 г. и видевшим своими глазами весь ужас этой эвакуации. Беседа происходила в Пномпене 12 марта 1984 г.
73. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land... с. 28.
74. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 153–154.
75. Matin. P. 23–24, 01.1979.
76. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land... с. 142.
77. Vickery M. Cambodia 1975–1982 ... с. 154.
78. IX съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960, с. 93.
79. Мугрузин А.С. Аграрные отношения в Китае в 20–40 гг. XX в. М., 1970, с. 319.

80. Chandler D., Kiernan B. Muy Hong Lim. The Early phases of liberation in North-Western Cambodia. Monash University Centre of South East Asian Studies, working paper no. 10, 1976, с. 3–5.
81. Там же, с. 5.
82. Там же.
83. Там же, с. 6.
84. Там же, с. 7.
85. Там же.
86. Chandler D. Kiernan B. Muy Hong Lim. The Early phases of Liberation... с. 8; см. также: Barron J. Paul A. Murder of a gentle land... с. 198–199.
87. Nation. N.Y. 2.02.1963.
88. Far Eastern Economic Review. Hong Kong. 27.01.1973.
89. Pol Pot plans the future... с. 47.
90. Там же.
91. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land... с. 173.
92. Там же.
93. Правда, 19.09.1975.
94. Vickery M. Cambodia 1975–1982... с. 153.
95. Matin. P. 23–24.01.1979.
96. Bulletin d'Agence France-Press. P. 25.01.1977.
97. Там же.
98. Vickery M. Cambodia 1975–1982... с. 158.
99. Pol Pot plans the future... с. 209–210.
100. О психологическом настрое людей из «старого населения» в период правления «красных кхмеров» рассказала мне Кхуон Судари — известная камбоджийская журналистка, главный редактор партийной газеты «Прачеачун», с которой я беседовал в феврале 1986 г. в Москве.
101. Гурницкий В. Песочные часы. М., 1983, с. 220.
102. Chandler D., Kiernan B. Muy Hong Lim. The Early phases of liberation in North-Western Cambodia... с. 9.
103. Там же, с. 10.
104. Там же.
105. Дементьев Ю.П. Кампучия: крах... с. 37.
106. Newswéek 23.01.1978.
107. Tribunal populaire révolutionnaire siegeant à Phnompenh pour le jugement du crime de génocide, commis par la clique Pol Pot — Ieng Sary. Phnompenh, 1979. Doc. 21203, с. 4.
108. Там же. Doc. 2.401, с. 12–13.
109. Шубин В.В. Кампучия: суд народа... с. 106.
110. Tribunal populaire revolutionnaire... Doc. 2.5. 10.
111. Kampuchea Dossier. Vol. 1–2, Hanoi, 1978. т. 1, с. 27.
112. Мигранян А.М. Обоснованные и необоснованные исторические параллели. МЭиМО, 1989, №7, с. 81–82.
113. Pol Pot plans the future... с. 186.
114. Там же, с. 25.

115. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land… с. 198.
116. Там же.
117. Pol Pot plans the future… с. 286; см. также: с. 188.
118. Там же, с. 36.
119. Там же, с. 120.
120. Там же, с. 36.
121. Беседа с Чан Веном Пномпень. 24 июля 1984 г. В отношении четырехлетнего плана он сказал, что «Партийный центр требовал выполнения контрольных показателей вплоть до начала народного восстания».
122. Там же.
123. Pol Pot plans the future… с. 66.
124. Там же, с. 222.
125. Там же, с. 45.
126. Там же, с. 46.
127. The forced confessions of Hu Nim. — In Pol Pot Plans the Future … с. 230.
128. Там же, с. 231.
129. Kiernan B. The Pol Pot Regime… с. 329.
130. Там же, с. 48.
131. Там же, с. 51.
132. Там же.
133. Там же. См. таблицы на с. 52–53.
134. Там же, с. 14.
135. Там же, с. 51.
136. Составлено по: «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the Future, tables 1, 2, 3, с. 52–54.
137. Там же, с. 51.
138. Там же. См. табл. 1, с. 52.
139. Там же, с. 51.
140. Там же. См. табл. 8, с. 59.
141. Там же.
142. Там же. См. табл. 11, с. 62.
143. Peasants and politics in Kampuchea… с. 243.
144. The forced confessions of Hu Nim. In Pol Pot Plans the Future… с. 290.
145. Там же.
146. Там же, с. 231.
147. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future… с. 42.
148. Там же, с. 38.
149. Barron J., Paul A. Murder of a gentle land… с. 151–155.
150. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future… table 1, с. 52.
151. Там же, с. 38.
152. Там же. См. табл. 1, с. 52.
153. Там же. См. табл. 3, с. 54.
154. Там же.

155. Там же. См. табл. 7, с. 58.
156. Там же. См. табл. 10, с. 61; табл. 13, с. 64.
157. Там же, с. 38.
158. Там же. См. табл. 6, с. 57.
159. Там же, с. 40.
160. Там же, с. 38.
161. Там же.
162. Preliminary explanation before reading the plan, by the Party secretary (party center 21 august 1976). — In Pol Pot Plans the future, c. 145.
163. Там же, с. 146.
164. См. например: Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution... с. 72–73.
165. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future... с. 38.
166. The forced confessions of Hu Nim. — In Pol Pot Plans the Future... с. 291.
167. Preliminary explanation before reading the plan, by the Party secretary (party center 21 august 1976). — In Pol Pot Plans the future ... с. 146.
168. The forced confessions of Hu Nim. In Pol Pot Plans the Future... с. 290–291.
169. Составлено по: «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future... с. 89.
170. Там же. См. табл. 2, с. 53.
171. Там же, с. 38.
172. Там же, с. 111.
173. В беседе со мной Чан Вен сказал, что глава Восточной зоны Со Пхим «всегда думал и заботился о простом народе». Пномпень, 24 июля 1984. Его слова подтверждаются и данными, приведенными в исследовании М. Викери. См.: Vickery M. Cambodia 1975–1982... с. 133.
174. Report of Activities of the Party Center According to the General Political Tasks of 1976. — In Pol Pot Plans the future... с. 197.
175. Там же.
176. Tribunal populaire révolutionnaire... док. 2401, с. 3.
177. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future... с. 40.
178. В Камбодже традиционно выращивали пять сортов риса: «обычный рис с пересадкой, рис обычный прямой посадки, рис сезона дождей, рис сухого сезона и плавающий рис» [Tichit L. L' agriculture au Cambodge. P., 1981, с. 75]. Все эти сорта подразделялись соответственно на семь видов по скорости созревания: очень быстрые (90–120 дней), площади, под которыми были обычно чрезвычайно незначительны — в 1968 г., например, 7800 га — 3,1% всего пахотного клина; другие сорта — быстрые (120–150 дней), полусезонные (150–180 дней), сезонные (180–210 дней), тяжелые (более 210 дней) и плавающий рис составляли основу камбоджийского рисопроизводства. В 1968 г., например, сезонные сорта занимали общую площадь в 1 млн. 80 тыс. га — 43%, тяжелые соответственно

487 тыс. — 19,4%, а плавающий рис 390 тыс. — 16,9% всех пахотных земель [Tichit L. L' agriculture au Cambodge. P., 1981, с. 79]. Рис среднего срока созревания (*сре́у кандал*) доминировал на высоко расположенных участках, а тяжелый рис и плавающий — на полях, попадавших под затопление.

179. Report of Activities of the Party Center According to the General Political Tasks of 1976. — In Pol Pot Plans the future… с. 197.
180. Там же.
181. Vickery M. Cambodia 1975–1982… с. 159.
182. См. например: Beissinger Marc R. Scientific managment, socialist discipline and Soviet power. L., 1988. с. 151.
183. Les nouvelles de Kampuchea Démocratique. Phnompenh, №3, 1977, с. 5.
184. Report of Activities of the Party Center According to the General Political Tasks of 1976. — In Pol Pot Plans the future… с. 192.
185. Там же, с. 192–193.
186. Les nouvelles de Kampuchea Démocratique. Phnompenh, № 11, 1977, с. 9.
187. The New York Times. N.Y., 01.11.1976.
188. Bulletin d' Agence France-Press. P., 25.01.1977.
189. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land… с. 201.
190. Report of Activities of the Party Center According to the General Political Tasks of 1976. — In Pol Pot Plans the future… с. 178.
191. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 168.
192. Беседа с Кхиеу Муем 12 марта 1984 г.
193. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 158.
194. Preliminary explanation before reading the plan, by the Party secretary (party center 21 august 1976). — In Pol Pot Plans the future … с. 122.
195. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future… с. 38.
196. Études rurales. P., №83, с. 27.
197. Peasants and politics in Kampuchea… с. 290.
198. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 158.
199. Kiernan B.. The Pol Pot regime… с. 329–330.
200. РГАСПИ, Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б.Н. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатем, 21.01.1978 г., л. 20.
201. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future… с. 54.
202. Рассчитано по: Annuelle statistique. Division de la statistique agricole. Phnompenh, 1972, с. 27.
203. The forced confessions of Hu Nim. — In Pol Pot Plans the Future… с. 293.
204. Peasants and Politics in Kampuchea… с. 362.
205. Там же.
206. Там же.
207. Kiernan B. The Pol Pot Regime… с. 341.
208. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot

Plans the future... с. 121–122.
209. Беседа с Кхиеу Муем, 12 марта 1984 г.
210. Kiernan B. The Pol Pot Regime... с. 434.
211. Там же.
212. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 156.
213. Kiernan B. The Pol Pot Regime... с. 434.
214. Tribunal populaire révolutionnaire... Doc. №301. B №1.
215. «The Party's Four Year Plan to Build Socialism in All Fields». — In Pol Pot Plans the future... с. 111.
216. Там же. См. табл. 5, с. 56.
217. Там же.
218. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 156.
219. Там же.
220. Там же, с. 157.
221. Summary of the Results of 1976 Study Session (party center undated). — In Pol Pot Plans the Future... с. 166.
222. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 273–274.
223. Шубин В.В. Кампучия: суд народа. М., 1980, с. 36.
224. Tribunal populaire révolutionnaire... Doc. 2510, с. 2.
225. Там же. Doc 3.02, с. 7.
226. «Report of Activities of the Party Center According to the General Political Tasks of 1976». — In Pol Pot Plans the future... с. 183.
227. Шубин В.В. Кампучия: суд народа... с. 110.
228. Tribunal populaire révolutionnaire... Doc. 2.4.10, с. 3–5.
229. Там же. Doc. 2524.
230. The forced confessions of Hu Nim. — In Pol Pot Plans the Future... с. 293.
231. Summary of the Results of 1976 Study Session (party center undated). — In Pol Pot Plans the Future... с. 166–167.
232. Беседа с Чан Веном. Он сказал даже, что Ворн Вет заслужил свою смерть, так как всегда был с Пол Потом, выступал вместе с ним против Ху Юна и виновен в гибели последнего. Пномпень, 24 июля 1984 г.
233. Kampuchea Dossier. Vol. 2. Hanoi, 1978, с. 56.
234. Там же, с. 65.
235. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Посольство СССР в СРВ. Запись беседы совпосла с заведующим консульским отделом МИД СРВ Ву Хоангом, февраль 1978 г., л. 15–16.
236. Chanda N. Brother enemy... с. 213.
237. Asia Research Bulletin. Singapore, vol. 7, №9, с. 412.
238. Kampuchea Dossier. Vol. 2. Hanoi, 1978, с. 65.
239. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 442.
240. Kampuchea Dossier. Vol. 2. Hanoi, 1978, с. 63–64.
241. Скворцов В.Н. Кампучия: спасение свободы. М., 1980, с. 65–66.
242. Kampuchea Dossier. Vol. 2. Hanoi, 1978, с. 65. См. также: Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 441.
243. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 402.

244. Там же, с. 390.
245. Там же, с. 437.
246. Там же.
247. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 276.
248. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 365.
249. Chanda N. Brother enemy... с. 199.
250. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 366.
251. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 73, дело 1415. Из политотчета посольства СССР в СРВ за 1977 г., л. 37.
252. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 311.
253. Kampuchea Dossier. Vol. 2, с. 28.
254. *Кампучия кром* или «нижняя Камбоджа» — бывшие камбоджийские провинции, в XVIII веке завоеванные Вьетнамом. Центр *Кампучии кром* — Прейнокор, позже Сайгон, ныне Хошимин.
255. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 370.
256. Peasants and Politics in Kampuchea... с. 236.
257. Там же, с. 235.
258. Chanda N. Brother enemy... с. 229.
259. Там же, с. 193.
260. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Посольство СССР в КНР. Запись беседы советника посольства СССР в КНР Федотова В. П. с корреспондентом БТА И. Гайдановым. 4 апреля 1978 г., л. 23.
261. Chanda N. Brother enemy... с. 448.
262. Kiernan B. The Pol Pot regime... с. 135.
263. «Report of Activities of the Party Center According to the General Political Tasks of 1976». — In Pol Pot Plans the future... с. 204.
264. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 283.
265. Там же, с. 285.
266. АВП РФ. Фонд 569, опись 23, дело 2. Телеграмма Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в адрес Председателя Государственного Президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфана от 17 апреля 1977 г., л. 5.
267. АВП РФ. Фонд 569, опись 23, дело 2. Телеграмма Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в адрес Председателя Государственного Президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфана, врученная 24 декабря 1977 г. послу Демократической Кампучии в Пекине, л. 24.
268. АВП РФ. Фонд 569, опись 23, дело 2. Телеграмма Председателя Государственного Президиума Демократической Кампучии Кхиеу Самфана по случаю 60-летия Великого Октября. 13 декабря 1977 г., л. 12.
269. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 323.
270. Там же, с. 298.
271. Chanda N. Brother enemy... с. 102.
272. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 298.

273. Kiernan B. The Pol Pot regime… с. 324.
274. Chanda N. Brother enemy… с. 334.
275. Там же, с. 210.
276. Там же, с. 210–211. В брошюре «К истории вьетнамо-кампучийского конфликта» (Ханой, 1979 г.) дается несколько иная трактовка этого визита и говорится, что, по словам Дэн Инчао, «с точки зрения КНР, Камбоджа является жертвой вьетнамской агрессии», с. 21–22.
277. В ответ на столь неприятную для Партийного центра риторику Дэн Инчао относительно возможности мирного урегулирования конфликта с Вьетнамом пномпеньское радио во время ее визита в специальной передаче обрушилось со скрытой критикой на Китай. Было заявлено, что камбоджийский народ твердо придерживается политики опоры на собственные силы, на независимость и самостоятельность в определении своих друзей и врагов. Далее было сказано, что в борьбе с Вьетнамом Кампучии необходимы друзья, но только те, которые «относятся к нам как к равным». Chanda N. Brother enemy… с. 211.
278. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 311–312.
279. Kiernan B. The Pol Pot regime… с. 33.
280. Chanda N. Brother enemy… с. 334.
281. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта… с. 18.
282. Там же.
283. Kampuchea Dossier. Vol. 2, с. 103–104.
284. Там же, с. 14–15.
285. Там же, с. 104.
286. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 69, дело 2312. Посольство СССР в ДРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Беседа совпосла с зам. министра иностранных дел ДРВ Хоанг Ван Лоем, июль 1976 г., л. 90.
287. РГАСПИ. Фонд 5, опись 75, дело 1061, л. 100.
288. РГАСПИ. Фонд 5, опись 73, дело 1407. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Информация посла ВНР во Вьетнаме Л. Харшаи по вопросу вьетнамо-кампучийских отношений. 1 ноября 1977 года, л. 99.
289. РГАСПИ. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Посольство СССР в КНР. Запись беседы советника посольства СССР в Пекине Федотова В. П. с корреспондентом БТА И. Гайдановым. Пекин, 4 апреля 1978 года, л. 23.
290. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта … с. 23.
291. Kiernan B. The Pol Pot regime… с. 109.
292. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1061. Посольство СССР в СРВ. Из дневника Чаплина Б. Н. Запись беседы совпосла с заведующим консульским отделом МИД СРВ Ву Хоангом, февраль 1978 года, л. 15–16.
293. Chanda N. Brother enemy… с. 217–218. Что касается Хун Сена, то он вместе с несколькими другими, перешедшими на вьетнамскую сторону кхмерами оказался тогда далеко впереди продвигавшихся вьетнамских войск. На двух танках они исколесили всю Восточную зону, чтобы найти

Со Пхима, вступить с ним в контакт и убедить перейти на их сторону. См.: Kiernan B. The Pol Pot regime… с. 375.

294. Chanda N. Brother enemy… с. 219.
295. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Посольство СССР в СРВ. Запись беседы советника-посланника посольства СССР во Вьетнаме Огнетова И. А. с членом Политбюро ЦК КПВ, министром иностранных дел СРВ Нгуен Зуй Чинем. 15 июня 1978 г., л. 35.
296. Юрий Николаевич сказал также, что не все члены Политбюро ЦК КПСС склонялись к подписанию договора с Вьетнамом. Переговоры происходили сложно, и только согласие Вьетнама вступить в СЭВ переломило ситуацию. Беседа с послом России в Камбодже Ю. Н. Мякотных. Санаторий Барвиха, 14 августа 1993 года.
297. Chanda N. Brother enemy … с. 335–336.
298. Kiernan B. The Pol Pot regime… с. 440.
299. О гибкости вьетнамской позиции при формировании кхмерского сопротивления можно судить хотя бы по тому факту, что вьетнамцы согласились с кандидатурой Хенг Самрина на высший пост в ЕФНСК, хотя им было прекрасно известно, что именно он командовал 4-й дивизией Восточной зоны, которая прославилась особенно жестокими действиями во время атак на южновьетнамскую провинцию Тэйнинь в сентябре 1977 г.
300. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Посольство СССР в СРВ. Запись беседы советского дипломата с Нгуен Нгок Тинем — заместителем заведующего сектором Компартий ЮВА в Отделе внешних сношений ЦК КПВ. 20 октября 1978 г., л. 108.
301. Kiernan B. The Pol Pot regime… с. 58.
302. РГАСПИ. Архив ЦК КПСС. Фонд 5, опись 75, дело 1062. Посольство СССР в СРВ. Запись беседы советского дипломата с Нгуен Нгок Тинем — заместителем заведующего сектором Компартий ЮВА Отдела внешних сношений ЦК КПВ. 20 октября 1978 года, л. 108.
303. Там же, с. 109.
304. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 307.
305. Chanda N. Brother enemy… с. 301.
306. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 328.
307. Там же, с. 329.
308. Some Evidence of the plots hatched by the Beijing expansionists and hegemonists against the Kampuchean people. Ministry of foreign affairs People's Republic of Kampuchea. Phnom Penh, September 1982, с. 16.
309. Там же.
310. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 329. См. также: Chanda N. Brother enemy… с. 300–303.

Глава X

1. Беседа автора с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
2. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта… с. 40.

3. Кампучия. Пномпень, 1979, №12.
4. Аекоса срау чриеу (Документы для анализа). Пномпень, 1979, с. 5.
5. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Становление местных органов государственной власти в НРК (справка). 10 мая 1980 г., л. 83.
6. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О кхмерских контрреволюционных силах, действующих против НРК (справка). 17 марта 1980 г., л. 65.
7. Peasants and Politics in Kampuchea... с. 375.
8. Беседа автора с Сак Си. Пномпень, 14 августа 1984.
9. Беседа автора с Миех Сомнангом. Пномпень, 15 апреля 1984 г.
10. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа (Десять лет развития Камбоджи). Пномпень, 1988, с. 409.
11. Об этом мне рассказывала Кхуон Судари — главный редактор газеты «Прачеачун», с которой я работал во время XXVI съезда КПСС. Москва, 22 февраля 1986 г.
12. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии... с. 165.
13. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Список руководящих деятелей НРК по состоянию на октябрь 1980 г., переданный в посольство министерством иностранных дел НРК. 23 ноября 1980 г., л. 173.
14. Авторы «Новейшей истории Кампучии» полагают, правда, что эти выборы «были первыми в истории Кампучии свободными и демократическими». См.: Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии, л. 171.
15. См., например: Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 222.
16. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Становление местных органов государственной власти в НРК (справка). 10 мая 1980 г., л. 83.
17. Vickery M. Cambodia 1975–1982, с. 227.
18. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О мероприятиях правительства НРК по противодействию китайской пропаганде (справка). 30 сентября 1981 г., л. 323.
19. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучия за июнь 1980 г. 7 июля 1980 г., л. 32.
20. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучия за ноябрь 1980 г. 22 декабря 1980 г., л. 69.
21. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О мероприятиях правительства НРК по противодействию китайской пропаганде (справка). 30 сентября 1981 г., л. 324.
22. Млечин Л. Кровь льется в сухой сезон. — Новое время. М., 1991, №15.
23. Неак кхусна (Пропагандист). Пномпень, 1985, №11, с. 51.

24. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа… с. 409. Вьетнамский историк То Кюен называет еще меньшее число членов партии — 66 человек. См.: То Кюен. НРПК — авангард кампучийского народа. — Вопросы истории КПСС. М., 1984, №10, с. 72.
25. Constitution de la République Populaire du Kampuchea. Phnompenh, 1981, с. 2–3.
26. Его порядковый номер III — объяснялся тем, что вошедшие в НРПК коммунисты признавали первый съезд 1951 г. и второй съезд 1960 г. Все, что было дальше и было связано с деятельностью Салотх Сара, они отвергали.
27. То Кюен. НРПК — авангард кампучийского народа. — Вопросы истории КПСС. М., 1984, №10, с. 72.
28. Там же.
29. Там же.
30. Беседа автора с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
31. Vickery M. Cambodia 1975–1982 … с. 243.
32. Сай Бутхонг. Верность избранному пути. — Проблемы мира и социализма. Прага, 1985, №2, с. 28.
33. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа… с. 409.
34. Peasants and Politics in Kampuchea… с. 382.
35. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О кхмерских контрреволюционных силах, действующих против НРК (справка). 17 марта 1980 г., л. 62.
36. Там же.
37. Цит. по: Бектемирова Н.Н., Дольникова В.А. Камбоджа и Таиланд: Тенденции политического развития (1980–2000). М., 2007, с. 54.
38. Чан Вен, близкий в свое время к Пен Совану, говорил мне, что тот верил, что в Камбодже можно быстро построить подлинный социализм, но реальные трудности как внутри страны, так и вне ее, помешали ему осуществить план. У Пен Сована в связи с этим даже были столкновения с вьетнамскими советниками, которые не одобряли его действий, направленных на новое обобществление крестьянских хозяйств, считая, что это только отвращает людей от новой власти, заставляет их уходить в Таиланд. Беседа с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
39. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Об итогах работы второй городской отчетно-выборной конференции Фронта Пномпеня (справка), 24 апреля 1981 г., л. 76.
40. Там же, л. 89.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же, л. 92.
44. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа … с. 236.
45. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Постоянный комитет ЦК Компартии Кампучии. Резолюция 3-го пленума ЦК Компартии Кампучии, январь 1980 г. 3 марта 1980 г., л. 42–43.

46. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучия за май 1981 г. 17 июня 1981 г., л. 29.
47. См. подробнее об этом: АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 7 (042/к). Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучии за февраль 1980 г. 15 марта 1980 г., л. 6.
48. Беседа автора с послом России в Камбодже Ю. Н. Мякотных. Санаторий Барвиха, 14 августа 1993 года.
49. Цит. по: Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии… с. 173.
50. Беседа автора с главой пномпеньского городского комитета партии, кандидатом в члены ПБ ЦК НРПК Нгуон Ньелем. Пномпень, 30 апреля 1990 г. Выходец из аристократической семьи, сильно пострадавшей в период Демократической Кампучии, он принадлежал к прагматикам, к новым членам партии, вступившим в нее уже после 7 января 1979 г. Хорошо образованный, он быстро выдвинулся и в 1985 г. вошел в состав ЦК НРПК. Мне довелось с ним близко познакомиться еще в Москве в 1989 г., где он в неформальной обстановке рассказывал мне, что обстановка на съезде была настолько напряженной, что он опасался ареста Хенг Самрина и Чеа Сима сразу же после съезда.
51. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Проект отчетного доклада IV съезду НРПК. 7 июля 1981 г., л. 262.
52. Каниа косан пак (Работа по строительству партии). Пномпень, 1981, с. 40.
53. Там же, с. 36.
54. Там же.
55. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучия за май 1981 г. 17 июня 1981 г., л. 30.
56. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа … с. 417–418.
57. Vickery M. Cambodia 1975–1982… с. 204.
58. См.: Кампучия №35 и Кампучия №83–84 от 16 апреля 1981 г.; Конг тоап падевоат (Революционная армия) №5, апрель 1980 г. и Конг тоап падевоат за апрель 1981 г.
59. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии… с. 176.
60. Беседа автора с главой пномпеньского городского комитета партии, кандидатом в члены ПБ ЦК НРПК Нгуон Ньелем. Пномпень, 30 апреля 1990 г.
61. Indochine Issues. Washington, №64, February-March 1986, с. 5.
62. Беседа автора с Е. В. Кобелевым, много лет отвечавшим за камбоджийские дела в ЦК КПСС. Он был очевидцем этого события. Москва, 2 июля 1989 г.
63. Беседа автора с И. А. Огнетовым. Москва, 19 марта 2008 г.
64. Far Eastern Economic Review (FEER). Hongkong, 1981, December 11.
65. Игорь Александрович Огнетов рассказывал мне, что встретил Ле Дык

Тхо в ханойском аэропорту, куда тот вернулся из Пномпеня, в день, когда сняли с поста Пен Сована. Объяснив причины его отставки, Ле Дык Тхо добавил, что Хенг Самрин — более опытный руководитель, прекрасно относящийся к Вьетнаму и к СССР. Беседа с И. А. Огнетовым. Москва, 19 марта 2008 г.

66. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Циркуляр Постоянного комитета Компартии Кампучии (перевод с кхмерского). 1 мая 1981 г., л. 337.
67. Там же, л. 336.
68. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучия за декабрь 1981 г. (по материалам агентства СПК). 7 января 1982 г., л. 79.
69. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 6. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Информационное заявление ЦК НРПК от 5 декабря 1981 г., л. 235.
70. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Состав руководящих кадров партийного и государственного аппарата НРК (по состоянию на 1 февраля 1983 г.), с. 33.
71. Чан Си, как и Пен Сован, был в прошлом майором вьетнамской армии. См. Chanda N. Brother enemy… с. 217.
72. АВП РФ. Фонд 569, опись 28, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в НРК Босторина О.В. Запись беседы с послом СРВ в Пномпене Нго Дьеном 8 января 1982 г. 13 января 1982 г., л. 2.
73. АВП РФ. Фонд 569, опись 28, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в НРК Босторина О.В. Запись беседы с послом СРВ в Пномпене Нго Дьеном 11 января 1982 г. 16 января 1982 г., л. 6.
74. Vickery M. Cambodia 1975–1982… с. 243.
75. В списке ПБ после IV съезда он значился третьим. См.: АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучия за май 1981 г. 17 июня 1981 г., л. 30.
76. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Состав руководящих кадров партийного и государственного аппарата НРК (по состоянию на 1 февраля 1983 г.), л. 33.
77. Там же, л. 33–34.
78. Кампучия, 28.06.1984, №250.
79. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Об участии НРК в международных неправительственных организациях (МНПО) (информация). 15 октября 1983 г., л. 131.
80. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О IV сессии Национального собрания НРК первого созыва (информация). 6 марта 1983 г., л. 82.
81. АВП РФ. Фонд 569, опись 28, дело 15. Информация о консультациях с представителями МИД НРК по вопросам морского права. 24 сентября

1982 г., л. 24–26.
82. Vickery M. Cambodia 1975–1982… с. 244.
83. Беседа автора с главой пномпеньского городского комитета партии, кандидатом в члены ПБ ЦК НРПК Нгуон Ньелем. Пномпень, 30 апреля 1990.
84. Нгуон Ньел сказал мне, что даже несогласные с ним уважали его за твердость и за то, что не только никогда не служил Пол Поту, но всегда воевал с ним. Нгуен Ньел рассказал также, что Сай Бутхонг был очень дружен с Чыонг Тинем — одним из главных консерваторов в Политбюро ЦК Компартии Вьетнама. Беседа с главой пномпеньского городского комитета партии, кандидатом в члены ПБ ЦК НРПК Нгуон Ньелем. Пномпень, 30 апреля 1990.
85. Неак кхусна (Пропагандист). Пномпень, 1988, №6, с. 47.
86. Сай Бутхонг. Верность избранному пути… с. 28.
87. Там же.
88. Там же.
89. Сеть кдей сомретътят кул ноюбай чомпух панявоан (Об основных принципах политики по отношению к интеллигенции). Пномпень, 1986, с. 5–6.
90. Там же, с. 4.
91. Там же, с. 6.
92. Сай Бутхонг. Верность избранному пути… с. 28.
93. Пномпень, №171, 29.06.1984.
94. Сеть кдей сомретътят… с. 8.
95. Там же.
96. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР Босторина О.В. Запись беседы с министром сельского хозяйства НРК Конг Самолом 28 мая 1983 г. 3 июня 1983 г., л. 42.
97. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР Босторина О.В. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел НРК Конг Кормом 23 августа 1983 г. 17 сентября 1983 г., л. 49.
98. Я сам имел возможность убедиться в этом в бытность свою в Камбодже в 1984 г. На машине можно было отправиться исключительно на восток в направлении Свайриенга и дальше к камбоджийско-вьетнамской границе. Даже путешествие в Прейвенг считалось небезопасным, хотя на пути туда в Пием Ро находилась база вьетнамских войск. В Кампонгсаом можно было добраться только на вертолете. Поездки в Кампонгтхом или в Кампонгспы в предгорьях гор Кравань считались опасными, хотя и там находились базы вьетнамских войск. Полного окружения Пномпеня, как в 1973–1974 гг., конечно, не было, но ситуация оставалась крайне тревожной, поскольку на дорогах в любой момент можно было ожидать появления полпотовских боевиков.
99. Кампучия, 20.12.1984. №275.
100. Проблемы мира и социализма. Прага. №10, 1985, с. 80.
101. Пномпень, №207, 22.02.1985.

102. Кампучия, №237, 29.03.1984.
103. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Группы трудовой взаимопомощи (справка). 2 июля 1983 г., л. 113.
104. АВП РФ. Фонд 569, опись 30, дело 11. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Интервью министра иностранных дел НРК Хун Сена бангкокскому корреспонденту агентства Дзи-Дзи Пресс (Япония), данное 22 августа с.г. 11 сентября 1984 г., л. 63.
105. Мхасамакки краом тун ранасей (Великая солидарность под знаменем Фронта). Пномпень, №18, 1984, с. 50–52.
106. АВП РФ. Фонд 569, опись 30, дело 12. Материал к беседе с Р. Джексоном 20 февраля с.г. 17 февраля 1984 г., л. 10; АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в Пномпене Раздухова Ю.И. Запись беседы с помощником Генерального секретаря ООН по вопросам координации международной помощи Кампучии Т. Кунуги. 22 апреля 1985 г., л. 16.
107. Мхасамакки краом тун ранасей (Великая солидарность под знаменем Фронта). Пномпень, №18, 1984, с. 50–52.
108. Там же, с. 41–44.
109. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. К итогам работы восьмой сессии Национального собрания НРК (информация). 14 февраля 1985 г., л. 71.
110. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Список руководящих органов НРПК (по состоянию на 1 мая 1985 г.). 18 мая 1985 г., л. 123.
111. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Уточненный список руководящих работников НРК. 18 мая 1985 г., л. 104–105.
112. Неак кхусна, №11, 1985, с. 1–3. См. также: АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Состав руководящих органов НРПК, избранных на V съезде НРПК. 19 октября 1985 г., л. 173. См. относительно Мат Ли: АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Состав ЦК НРПК, избранный IV съездом партии. 17 июня 1981 г., л. 191.
113. Indochine Issues. Washington, №63, January 1986, с. 4.
114. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в Пномпене Раздухова Ю.И. Запись беседы с кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК пномпеньского городского комитета НРПК Нгуон Ньелем. 27 ноября 1985 г., л. 45.
115. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Краткая биография министра иностранных дел НРК Конг Кома (так в тексте. Обычно принято Конг Корм. — *Д. М.*). 5 февраля 1987 г., л. 2.
116. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Краткая биография члена ЦК НРПК, заведующего международным отделом ЦК НРПК Юх Сона. 5 февраля 1987 г., л. 3.

117. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 13. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Политический отчет ЦК НРПК V съезду партии (неофициальный перевод). 18 октября 1985 г., л. 189.
118. Там же, с. 226.
119. Там же, с. 196.
120. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Социально-экономическое положение НРК (справка). 12 марта 1988 г., л. 229.
121. Неак кхусна. 1985, № 11, с. 92.
122. Беседа автора с главой пномпеньского городского комитета партии, кандидатом в члены ПБ ЦК НРПК Нгуон Ньелем. Пномпень, 30 апреля 1990.
123. Нгуон Ньел даже в 1990 г. не решился прямо обвинить Кео Чанду в коррупции, но из его слов о продажности пномпеньских властей, которая угрожала безопасности жителей города, и так все было понятно. Думается, что требовались очень весомые доказательства вины, чтобы друзья Кео Чанды в КПВ согласились на его отставку и уход с политической арены.
124. Неак кхусна. 1986, № 6, с. *чхо-то* (во вводной статье журнала страницы обозначаются часто буквами кхмерского алфавита). См. также: Неак кхусна. 1985, № 11, с. 63–64.
125. Неак кхусна. 1985, № 11, с. 92.
126. Там же.
127. Там же, с. 79.
128. Там же, с. 77.
129. Там же, с. 81.
130. Там же, с. 82–83.
131. Там же, с. 83.
132. Правда. М., 15.10.1985.
133. Там же.
134. Там же.
135. Там же.
136. Неак кхусна. 1985, № 11, с. 63.
137. Там же.
138. Там же.
139. Правда. М., 15.10.1985.
140. Неак кхусна. 1985, № 11, с. 66.
141. Неак кхусна. 1986, № 6, с. *чхо-то* (во вводной статье журнала страницы обозначаются часто буквами кхмерского алфавита).
142. Прачеачун. Пномпень, № 107, 24.10.1986.
143. Там же.
144. Там же.
145. См., например: Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты доп муой. Робайка сороп летхопхол касекам. (Национальное собрание НРК. Девятая сессия. Доклад о результатах

сельскохозяйственного производства). Пномпень, 1986, с. 1.
146. Подробнее об этом см. главу XI.
147. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1985 нын тых даы пхирокеть чхнам 1986 (Общий доклад о сельскохозяйственном производстве в 1985 г. и задачах на 1986 г.). Пномпень, 1985, с. 6.
148. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1986 нын тых даы пхирокеть чхнам 1987. Пномпень, 1986, с. 4.
149. Неак кхусна. 1987, №4, с. 77.
150. Там же, 1987, №12, с. 40; с. 44.
151. Там же, 1988, №3, с. 68–69.
152. Там же, 1987, №6, с. 47.
153. Правда, 01.08.1987.
154. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа ... с. 421.
155. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О состоянии дел в области использования и укрепления кадрового аппарата НРПК (информация). 12 марта 1988 г., л. 22.
156. Там же, л. 24.
157. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа ... с. 419.
158. Моя встреча с Чеа Симом состоялась в конце апреля 1990 г. в Пномпене, когда он принял нашу делегацию, прибывшую в Пномпень по линии общества дружбы. Он все время улыбался, но не скрывал, что ситуация в стране остается сложной: «От нас требуются осторожные, реалистичные и глубоко продуманные решения. Мы не должны идти на чрезмерные компромиссы, но должны учитывать интересы оппозиции». Это заявление контрастировало с декларациями других деятелей, с которыми я встречался, утверждавшими, что НРПК сильна, оппозиция слаба, и если идти с ней на переговоры, то только на условиях партии». Пномпень, 27–30 апреля 1990.
159. Неак кхусна. 1986, №6, с. чхо.
160. Там же, 1988, №3, с. 24.
161. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в Пномпене Раздухова Ю.И. Запись беседы с министром информации и культуры НРК Чхенг Пхоном. 23 мая 1985 г., л. 26.
162. Неак кхусна. 1986, №9, с. 6.
163. Там же, с. 8.
164. Там же, с. 7.
165. Там же, с. 2–3.
166. Там же, с. 4.
167. Там же, с. 17.
168. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа... с. 74.
169. Неак кхусна. 1986, №9, с. 9.
170. Беседа автора с министром обороны НРК Бу Тхонгом. Пномпень, 23 марта 1988 г.
171. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа... с. 421. См. также: Неак

кхусна. 1988, №3.
172. Неак кхусна. 1988, №6, с. 23.
173. Там же, 1988, №3, с. 21.
174. Прачеачун, №286, 12.07.1988.
175. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. Выступление Председателя Совета министров ГК Хун Сена на внеочередном съезде партии 17 октября 1991 г. 8 ноября 1991 г., л. 102.
176. Неак кхусна. 1989, №5, с. 98.
177. Там же, с. 110.
178. Там же, 1989, №9, с. 43.
179. Там же.
180. Прачеачун. 24.10.1990.
181. Неак кхусна. 1989, №9, с. 46.
182. Беседа автора с главой пномпеньского городского комитета партии, кандидатом в члены ПБ ЦК НРПК Нгуон Ньелем. Пномпень, 30 апреля 1990.
183. Неак кхусна. 1987, №6, с. 44.
184. Кампучия, №275, 20.12.1984.
185. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Социально-экономическое положение НРК (справка). 12 марта 1988 г., л. 229.
186. Кампучия, №162, 21.10.1982; См. также: Неак кхусна, 1986, №9, с. 5.
187. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа ... с. 271.
188. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции (справка). 11 октября 1991 г., л. 219.
189. Там же.
190. Там же, с. 221.
191. FEER. 1989, 05.10, с. 17.
192. АВП РФ. Фонд 569, опись 36, дело 8. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О подходе Пномпеня к «красным кхмерам» в процессе камбоджийского урегулирования (справка). 14 мая 1990 г., л. 109.
193. Там же.
194. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии... с. 194.
195. Там же, с. 212.
196. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О реакции в НРК на политику национального примирения (информация). 2 ноября 1987 г., л. 101.
197. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О некоторых новых моментах в отношениях НРК с СРВ и ЛНДР (информация). 18 июля 1988 г., л. 157.
198. Там же, с. 161.
199. Там же, с. 162.

200. Там же.
201. Там же, с. 161–162.
202. Там же.
203. Мне довелось в это время быть в Пномпене и вместе с писателем А. Кулешовым участвовать во встречах с представителями образованных кругов кхмерского общества. Участники этих встреч были настроены критически в отношении к власти, однако ставили правительство НРК выше Сианука, которого называли марионеткой в руках Пол Пота и, конечно, «красных кхмеров», которых в принципе не принимали. И хотя вывод вьетнамских войск их беспокоил, они не скрывали удовлетворения по поводу сокращения в стране вьетнамского присутствия. Как сказал мне один из собеседников, «когда в Пномпене исчезли вьетнамские военные патрули и стали останавливать и штрафовать вьетнамские военные машины, я понял, что власть перевернулась и находится теперь в руках кхмеров».
204. Поездка в провинцию Кампонгспы 15 октября 1988 г. Кстати, в этой провинции мы посетили и военную базу правительственной армии, которая заняла ее после ухода вьетнамских войск. Там нам показали бронетехнику, переданную на вооружение кхмерских частей их вьетнамскими союзниками. Было очевидно, что СРВ делала все, чтобы быстро укрепить национальные кхмерские вооруженные силы.
205. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О VI пленуме ЦК НРПК (информация). 11 февраля 1988 г., л. 7.
206. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Список руководящих деятелей НРК (по состоянию на март 1987 г.). 9 марта 1987 г., л. 12–14.
207. Evans G.and Rowley K. Red Brotherhood at War. London, 1990, с. 301–304.
208. Чандлер Д. П. Брат номер один… с. 362.
209. Беседы автора с Мей Сином, Кханг Мином, Кхиеу Муем. Пномпень, 27–29 апреля 1990.
210. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. Материалы XXI сессии Национального Собрания ГК. Доклад об итогах деятельности в военной сфере в I полугодии 1991 г. (аннотация). 13 сентября 1991 г., л. 203.
211. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции (справка). 11 октября 1991 г., л. 219.
212. АВП РФ. Фонд 569, опись 35, дело 8. Посольство ССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. Выступление Генерального секретаря ЦК НРПК Хенг Самрина на митинге по случаю 39-й годовщины образования НРПК 28 июня 1990 г. 13 июля 1990 г., л. 119–120.
213. Там же, л. 120.
214. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции

(справка). 11 октября 1991 г., л. 219.

215. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. О китайской общине в Камбодже (информация). 21 декабря 1991 г., л. 249.
216. Там же.
217. Прачеачун, 4.10.1989.
218. См.: Бектемирова Н.Н., Дольникова В.А., Новакова О.В. Политика обновления в странах Индокитая (вторая пол. 80-х — начало 90-х гг.). — Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 1996.
219. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции (справка). 11 октября 1991 г., л. 219.
220. Беседа с послом России в Камбодже Ю.Н. Мякотных. Санаторий Барвиха, 14 августа 1993 года.
221. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции (справка). 11 октября 1991 г., л. 221.
222. Там же.
223. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. Выступление Председателя Совета министров ГК Хун Сена на внеочередном съезде партии 17 октября 1991 г. 8 ноября 1991 г., л. 93.
224. Там же, л. 101–102.
225. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. Доклад Генерального секретаря ЦК НРПК Хенг Самрина о положении в Камбодже в 1981–1991 гг. и задачах на предстоящий период (XIII пленум ЦК НРПК 11 августа 1991 г.), л. 53.
226. АВП РФ. Фонд 569, опись 35, дело 8. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. Выступление Генерального секретаря ЦК НРПК Хенг Самрина на митинге по случаю 39-й годовщины образования НРПК 28 июня 1990 г. 13 июля 1990 г., л. 120.
227. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. О внеочередном съезде НРПК (информация). 8 ноября 1991 г., л. 84.
228. Там же.
229. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. О подготовке НПК к предстоящей избирательной кампании (информация). 8 ноября 1991 г., л. 239.
230. Там же.
231. Беседа автора с послом России в Камбодже Ю.Н. Мякотных. Санаторий Барвиха, 14 августа 1993 г.
232. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. О внеочередном съезде НРПК (информация). 8 ноября 1991 г., л. 89.
233. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Государстве

Камбоджа, г. Пномпень. Доклад Генерального секретаря ЦК НРПК Хенг Самрина о положении в Камбодже в 1981–1991 гг. и задачах на предстоящий период (XIII пленум ЦК НРПК, 11 августа 1991 г.), л. 57.

234. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. О внеочередном съезде НРПК (информация). 8 ноября 1991 г., л. 89.
235. Там же.
236. Прачеачун, 17.10.1991, спец. номер.
237. Известия. М., 15.10.1991.
238. Там же.
239. Прачеачун, 19.10.1991, спец. номер.
240. Там же.
241. Там же.
242. Там же.
243. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. Выступление Председателя Совета министров ГК Хун Сена на внеочередном съезде партии 17 октября 1991 г. 8 ноября 1991 г., л. 98.
244. Там же, л. 105.
245. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Государстве Камбоджа, г. Пномпень. О внеочередном съезде НРПК (информация). 8 ноября 1991 г., л. 90.
246. Комсомольская правда. М., 20.10.1991.
247. Brown M., Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers 1979–1998. Ithaca. 1998, c. 31.

Глава XI

1. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта… с. 41.
2. Бомпхлы Мирокиа падевоат (Осветим Революционный путь). Пномпень, 1980, с. 59.
3. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта … с. 50.
4. Сомэтхипхол касэкам 1979–1983 (Достижения сельского хозяйства НРК в 1979–1983 гг.). Пномпень, 1984, с. 1.
5. Агропромышленная сфера стран Индокитая. М., 1985, с. 165.
6. Там же.
7. Ю. В. Овсянников исходил из того, что численность населения Камбоджи в 1979 г. составляла 7 млн. 166 тыс. [Агропромышленная сфера стран Индокитая, с. 165]. В своих расчетах он опирался на известный прогноз Ж. Миггози, основанный на нормальных и стабильных темпах прироста камбоджийского населения — 2,8 % ежегодно. Но очевидно, что после всех социальных катаклизмов, сопряженных с голодом, террором, десятками тысяч беженцев, вычисленная им величина камбоджийского населения в 1979 г. реальности соответствовать не могла. Общая численность камбоджийцев вряд ли превышала в то время 5,5–6 млн.

8. Ти пхнек ниа сароподомиен Кампутиа (Информационное агентство Камбоджи). СПК, Пномпень, 27.08.1980.
9. Bull D. The poverty of diplomacy. Oxford, 1983, с. 8.
10. Проблемы мира и социализма, 1980, № 10, с. 74.
11. Там же.
12. Правда, 7.01.1981.
13. Чан Вен говорил мне, что распространившиеся позже слухи о том, что это Вьетнам препятствовал выпуску в обращение камбоджийских денег, не соответствовали действительности. «У нас в руководстве, — сказал он, — было несколько людей, не желавших этого». — Беседа автора с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
14. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О введении в НРК денежного обращения (информация). 13 апреля 1980 г., л. 71.
15. Кампучия, 1980, № 27.
16. Там же.
17. Там же.
18. Кампучия, 1980, № 53–54–56–57.
19. Кампучия, 1980, № 27.
20. Кампучия, 1980, № 57.
21. Кампучия , 1980, 5.02.
22. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа … с. 232.
23. Tichit L. L' agriculture au Cambodge … с. 84.
24. Кампучия. Справочник. М., 1985, с. 122.
25. Советская Россия. М., 10.07.1981.
26. Правда, 28.05.1981.
27. Там же. См. также: Каниа Косан Пак, с. 27–28.
28. Кампучия. Справочник … с. 81.
29. Кампучия, 1980, № 55.
30. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа … с. 236–237.
31. Кампучия. Справочник … с. 115.
32. Там же, с. 116.
33. Кампучия, 1980, № 27.
34. Пномпень, 12.02.1984.
35. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа … с. 241.
36. Кампучия, 20.12.1984.
37. Кампучия, 15.03.1984.
38. Кампучия, 13.12.1984.
39. Неак кхусна, 1987, № 4, с. 77.
40. Кампучия, 15.03.1984.
41. Delvert J. Le paysan cambodgien… с. 218–219.
42. Там же, с. 487.
43. Пномпень, 26.02.1984.
44. Кампучия. Справочник … с.116.
45. Кампучия, 21.10.1982.

46. Там же.
47. Там же.
48. Агропромышленная сфера стран Индокитая… с. 96.
49. Кампучия, 28.10.1982.
50. Там же.
51. Кампучия, 21.10.1982.
52. Робайка сороп робох станопхиеп касекам неу даым чхнам 1989 (Доклад о положении в сельском хозяйстве в начале 1989 г.). Пномпень, 1989, с. 69. В этом документе общее поголовье скота оценивалось в 2 млн. 370 тыс. (В 1968 г. в стране насчитывалось 3 млн. 200 тыс. голов крупного рогатого скота.)
53. Кампучия, 27.12.1984.
54. См., например: Пномпень, № 158, 1984.
55. Кампучия, 1980, № 54.
56. Кампучия, 29.03.1984.
57. Кампучия, 27.12.1984.
58. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты прам пыл. Робайка сороп летхопхол касекам (Национальное собрание НРК. VII сессия. Доклад о результатах сельскохозяйственного производства). Пномпень, 1984, с. 6.
59. В 1984 г. в Прейвенге, например, заместитель председателя народно-революционного комитета провинции рассказывал мне, что во всей провинции у них насчитывалось лишь четыре «сильные» ГТС (меньше, чем одна, на уезд). Беседа с Сак Сакхоном. Прейвенг, 21 марта 1984.
60. Кампучия, 22.10.1984.
61. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты прам пыл. Робайка сороп летхопхол касекам (Национальное собрание НРК. VII сессия. Доклад о результатах сельскохозяйственного производства). Пномпень, 1984, с. 4.
62. Кул ноюбай чомух сетхокеть аекочун (Основные направления политики в отношении частной экономики). — В сб.: Сеть кдей сомретьтят санибат комапхибал ту теан протех (Решения конференции кадровых работников НРПК). Пномпень, 1984, с. 60.
63. Кампучия, 21.10.1982.
64. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 13. Посольство СССР в НРК. Группы трудовой взаимопомощи (справка). 2 июля 1983 г., л. 110.
65. Там же.
66. Агропромышленная сфера стран Индокитая… с. 106.
67. Там же.
68. Сомэтхипхол касэкам 1979–1983 (Достижения сельского хозяйства НРК в 1979–1983 гг.). Пномпень, 1984, с. 1–2.
69. См., например: Кампучия, 26.09.1982.
70. Сомэтхипхол касэкам 1979–1983… с. 1–2.
71. Там же, с. 1.
72. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1984 нын тых

даы пхирокеть ... чхнам 1985, с. 5.

73. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в Пномпене Раздухова Ю.И. Запись беседы с министром сельского хозяйства НРК Конг Самолом. 21 марта 1985 г., л. 6.
74. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в Пномпене Раздухова Ю. И. Запись беседы с помощником Генерального секретаря ООН по вопросам координации международной помощи Кампучии Т. Кунуги. 22 апреля 1985 г., л. 16.
75. АВП РФ. Фонд 569, опись 31, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника посла СССР в Пномпене Раздухова Ю. И. Запись беседы с главным редактором газеты «Кампучия» Кхиеу Каньняритом. 23 апреля 1985 г., л. 18.
76. Кампучия, 7.03.1985.
77. Пномпень, 10.02.1984.
78. Там же.
79. Кампучия. Справочник ... с. 18. См. также: Пномпень, 10.02.1984.
80. Пномпень, 17.02.1984.
81. Там же.
82. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с министром информации и культуры НРК Чанг Пхыном. 30 октября 1983 г., л. 85.
83. Сахатип Пномпень, 1985, №9, с. 10.
84. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты прам буон. Робайка сороп летхопхол касекам (Национальное собрание Кампучии. Девятая сессия. Общий доклад о положении в сельском хозяйстве). Пномпень, 1985, с. 6.
85. Кампучия, 29.03.1984.
86. Кампучия, 26.01.1984.
87. Пномпень, 22.02.1985.
88. Кампучия, 26.01.1984.
89. Кампучия, 21.10.1982.
90. Махасамакки краом тун ранасей, 1984, №18, с. 53.
91. Кампучия, 26.01.1984.
92. Кампучия, 21.10.1982.
93. Кампучия, 20.12.1984.
94. Во время поездки по этим провинциям я специально интересовался существованием ГТС-1. Местные руководители сказали мне, что все ГТС-1 самораспустились или были преобразованы в ГТС-2 еще в конце 1984 г. Беседа автора с Сован Кхаем, работником сельскохозяйственного отдела народно-революционного комитета провинции Кампонгспы. Кампонгспы, 15 марта 1989 г.
95. Кампучия, 1980.
96. Кампучия, 29.03.1984.
97. Кампучия, 29.03.1984.

98. Там же.
99. О секретном постановлении 1979 г. известно немного. Оно никогда не публиковалось, так как в 1979 г. партия находилась на нелегальном положении, и все ее документы были засекречены. Позже публиковать его стало невыгодно, поскольку, как сообщил мне Чан Вен, в этом постановлении было много ошибочного. Беседа автора с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984. Подтверждением тому, что такое постановление существовало, служат и реальные события в деревне, обобществление крестьянских хозяйств началось как раз после принятия этого партийного документа.
100. «Программа, принятая на VII пленуме, не рассчитана на немедленное выполнение, — говорил мне Чан Вен. — Мы будем ее выполнять, когда решим, что для этого сложилась подходящая ситуация». — Беседа автора с Чан Веном. Пномпень, 24 июля 1984 г.
101. Кампучия, 21.10.1982.
102. Махасамакки краом тун ранасей, 1985, №14, с. 17.
103. Неак кхусна, 1984, №10, с. 7.
104. Там же, с. 3.
105. Неак кхусна, 1985, №6, с. 12.
106. Неак кхусна, 1987, №4, с. 77.
107. В Прейвенге в 1984 г. испольной арендой называли помощь более зажиточных крестьян бедным, которые, работая на их земле, могли обеспечить свою семью. Беседа автора с Сак Сакхоном. Прейвенг, 21 марта 1984 г.
108. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты доп прам. Робайка боук сороп станопхиеп касекам (Национальное собрание НРК. XV сессия. Доклад о положении в сельском хозяйстве). Пномпень, 1988, с. 2.
109. Неак кхусна, 1986, №9, с. 5.
110. Кампучия, 21.10.1982.
111. Махасамакки краом тун ранасей, 1984, №18, с. 53.
112. Там же.
113. Там же.
114. Кампучия, 20.12.1984.
115. Кампучия, 13.12.1984; См. также: Неак кхусна, 1984, №10, с. 9; Неак кхусна, 1985, №7, с. 12.
116. Неак кхусна, 1986, №9, с. 3.
117. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989, с. 132.
118. FEER, 1987, №19, с. 38.
119. Известия, 31.10.1987.
120. Проблемы мира и социализма, 1986, №10, с. 80.
121. Прачеачун, 15.01.1988.
122. Кампучия, 16.05.1985.
123. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм

лык ты доп прам. Робайка боук сороп станопхиеп касекам. Пномпень, 1988, с. 2.
124. Прачеачун, 14.02.1986.
125. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты доп прам. Робайка боук сороп станопхиеп касекам. Пномпень, 1988, с. 3.
126. Ти пхнеак ниа сароподомиен Кампутиа (СПК — Информационное агентство Камбоджи). №303, 28.04.1989.
127. Там же.
128. Там же.
129. Неак кхусна, 1989, №9, с. 45.
130. Там же.
131. Там же, с. 46.
132. Неак кхусна, 1989, №5, с. 108.
133. Прачеачун, 20.10.1991.
134. Ти пхнеак ниа сароподомиен Кампутиа, 9.08.1990.
135. IMF Economie Reviews. Cambodia, Washington, №8, 1994, с. 17.
136. Пномпень, №222, 11.07.1985.
137. Неак кхусна, 1987, №1, с. 36.
138. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа ... с. 266.
139. Кампучия, 15.08.1985; 22.08.1985.
140. Кампучия, 22.08.1985.
141. Кампучия, 16.05.1985.
142. Там же.
143. Indochine Issues, №63, 1986, January, с. 6.
144. Кампучия, 29.09.1984.
145. Беседа автора с Миех Сомнангом, 21 июня 1984 г.
146. Кампучия, 17.11.1983.
147. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа ... с. 263.
148. Неак кхусна, 29.06.1988.
149. Нгуон Ньел сказал мне, что для некоторых руководителей, в том числе для самого влиятельного человека в партии (имелся в виду Чеа Сим), такие меры казались очень революционными. Беседа с Нгуон Ньелем. Пномпень. 30 апреля 1990 г.
150. FEER, 12.10.1989, с. 36.
151. Чау Сометхия. Рыночные преобразования экономики Камбоджи в 90-е годы. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. М., 2001, с. 6.

Глава XII

1. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 341.
2. Kelvin Rowley Second life, Second death: The Khmer Rouge since 1978. Неопубликованная работа известного австралийского историка. Нью-Хейвен, март 2002, с. 1. Я благодарен Келвину за экземпляр этой статьи.
3. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кам-

пучии... с. 168.
4. Bangkok Post, 11.12.1979.
5. Там же.
6. Chanda N. Brother enemy... с. 347.
7. Там же.
8. Там же, с. 210.
9. Some Evidence of the plots hatched by the Beijing expansionists... с. 4.
10. Чандлер Д. П., с. 348.
11. Some Evidence of the plots hatched by the Beijing expansionists... с. 4.
12. Там же, с. 5.
13. Там же, с. 16.
14. Там же, с. 17–18.
15. Там же, с. 5.
16. Там же, с. 5–6.
17. Там же, с. 5.
18. Там же, с. 12.
19. Там же, с. 4.
20. Там же, с. 5.
21. Там же, с. 7.
22. Там же, с. 12.
23. Там же.
24. Там же, с. 18.
25. Там же, с. 19.
26. Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea. Ministry of Foreign Affairs of the PRK. Phnom Penh, 1985, с. 14.
27. Paris-match, 26.10.1979.
28. Star, 27.02.1979.
29. The Guardian, 24.11.1979.
30. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии... с. 168.
31. Эта стенограмма на кхмерском языке была опубликована в брошюре «Some Evidence of the plots hatched by the Beijing expansionists...», изданной министерством иностранных дел НРК в 1982 г.
32. Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea... с. 15.
33. Le Monde, 2.09.1979.
34. Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea... с. 16.
35. Там же.
36. Some Evidence of the plots hatched by the Beijing expansionists... с. 23.
37. Там же.
38. Там же, с. 26.
39. Там же, с. 23.
40. Там же, с. 26–27.
41. Там же, с. 26.
42. Chanda N., с. 385.
43. Там же.

44. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Хроника событий в Народной Республике Кампучии за апрель 1980 г., 5 июня 1980 г., л. 21.
45. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. «О кхмерских контрреволюционных силах, действующих против НРК» (справка). 17 марта 1980 г., л. 63–64.
46. АВП РФ. Фонд 569, опись 25, дело 5. Посольство СССР в НРК. Бюллетень переводов материалов агентства СПК, №4, ноябрь 1979 г., л. 65.
47. Chanda N., с. 386.
48. Нородом Сианук занимал пост председателя ФУНСИНПЕК с 1981 по 1989 г., когда его сменил сын — принц Раннарит.
49. Аббревиатура Мулинака произошла от французского Mouvement pour la libération Nationale du Kampuchea. См.: Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea... с. 21.
50. Там же.
51. Там же, с. 20.
52. АВП РФ. Фонд 569, опись 26, дело 17. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. «О кхмерских контрреволюционных силах, действующих против НРК» (справка). 17 марта 1980 г., л. 62–63.
53. Там же.
54. Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea... с. 26.
55. Чандлер Д. П., с. 348.
56. Там же, с. 349.
57. Chanda N., с. 392.
58. Чандлер Д. П., с. 349.
59. Бектемирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд... с. 37.
60. Hearing and markup before Commitée on Foreign Affairs. Washington, 1983, с. 3.
61. Вьетнамский посол Нго Дьен в беседе с послом СССР в Камбодже сообщал, что, «по имеющимся у него сведениям, Сианук по прибытии в Бангкок имел встречу с послом Китая, а после этого с послами асеановских стран». АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с послом СРВ в Пномпене Нго Дьеном. 27 января 1983 г., л. 10.
62. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел НРК Конг Кормом. 21 января 1983 г.
63. Чандлер Д. П., с. 348.
64. АВП РФ. Фонд 569, опись 30, дело 15. Посольство СССР в Дании. О визите в Данию Н. Сианука (краткая информация). 13 сентября 1984 г., л. 57.
65. Chanda N., с. 394.
66. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. О подходах стран Индокитая и Китая к кампучийской проблеме (справка). 17 мая 1988 г., л. 141.
67. Чандлер Д. П., с. 354.

68. Там же.
69. Chanda N., с. 394.
70. Telegraf. Delhi, 1.11.1984.
71. Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea... с. 44.
72. Там же.
73. Там же, с. 43.
74. Link. Delhi.16.08.1984.
75. FEER, 16.08.1984, с. 16.
76. Там же.
77. Undeclared War... с. 48.
78. Там же, с. 51.
79. Там же, с. 45.
80. Там же, с. 46.
81. International Gerald Tribune, 29.09.2000.
82. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с координатором программы международной помощи Кампучии Робертом Джексоном, 2 апреля 1983 г., л. 29.
83. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 10. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О международной чрезвычайной помощи Кампучии в 1979–1982 гг. (справка). 2 апреля 1983 г., л. 16.
84. Подробнее об этом см.: M. Vickery. Refugée politics: The Khmer Camp system in Thailand. — In Cambodian Agony M.E. Sharpe, 1990, с. 293–331.
85. FEER, 2.08.1984, с. 26.
86. АВП РФ. Фонд 569, опись 27, дело 14. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Об итогах работы второй городской отчетно-выборной конференции Фронта Пномпеня (справка). 24 апреля 1981 г., л. 90.
87. Бу Тхонг сказал мне в 1984 г., когда я встречался с ним перед первым выводом вьетнамских войск из Камбоджи: «Мы очень осторожно относимся к уходу наших братьев, так как наша армия еще не обладает возможностями защищать народную власть». Беседа с министром обороны НРК Бу Тхонгом. Пномпень, 9 апреля 1984 г.
88. Кампучия, 14.06.1984.
89. Мохасанибат чолона мохачун. Робайка сороп робох самамыт Чеа Сим (конференция по массовому движению. Доклад Чеа Сима). Пномпень, 1984, с. 2.
90. Кон тоап падевоат. Пномпень, 27.05.1984.
91. Там же, 22.02.1985.
92. Там же.
93. The Independent, 7.09.1988.
94. Кон тоап падевоат, 3.06.1984.
95. Кон тоап падевоат, 30.09.1985.
96. Kelvin Rowley Second life, Second death: The Khmer Rouge since 1978, с. 15.
97. Кон тоап падевоат, 23.10.1987.
98. Independent. L. 7.09.1988.

99. The New York Times, 8.10.1988
100. Dassé M. Cambodge la tutelle vietnamienne, Defense Nationale Paris, Avril 1983, с. 98.
101. Кампучия, №246, 31.05.1984.
102. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с членом Политбюро ЦК НРПК, Председателем Национального собрания НРК Чеа Симом. 19 августа 1983 г., л. 47.
103. La grande conspiration anti-Kampuchéenne (б.м. б.г.) с. 12–19.
104. АВП РФ. Фонд 569, опись 30, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с послом ЛНДР в НРК Тхонтсеном Сукласенгом. 23 марта 1984 г., л. 26.
105. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с членом Политбюро ЦК НРПК, Председателем Национального собрания НРК Чеа Симом. 19 августа 1983 г., л. 48.
106. Ротсопхиа ней сатхиаронарот протиамианыт Кампутиа. Самай протюм лык ты прам пыл. Робайка сороп летхопхол сакамопхиеп родеу чхнам 1983–1984 робох кон комлан продап авут протиатюн. (Национальное собрание НРК, VII сессия. Общий доклад о деятельности вооруженных революционных сил Кампучии в сезон 1983–1984 гг.) Пномпень, 1984, с. 1–2.
107. Кампучия, 31.05.1984.
108. Кампучия, 3.05.1984.
109. Кампучия, 31.05.1984.
110. Кампучия, 3.05.1984.
111. Мохасанибат чолона мохачун. Робайка сороп робох самамыт Чеа Сим (Конференция по массовому движению. Доклад Чеа Сима). Пномпень, 1984, с. 2.
112. Krishnaswami. Realites on the ground in Kampuchea. Frontline. Madras, 20 april — 3 may. 1985, vol. 2, №8, с. 51.
113. Там же.
114. Там же, с. 52.
115. Там же, с. 53.
116. Пномпень, 22.03.1985.
117. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии... с. 217.
118. Неак кхусна, 1987, №7, с. 79.
119. Indochine Issues, №86, 1988, December, с. 3.
120. Беседа автора с Кхуон Судари. Москва, 7 марта 1986 г.
121. Кон тоап падевоат, 26.04.1984.
122. Indochine Issues, №86, 1988, December, с. 3.
123. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Отчет о встрече специального представителя Генсека ЦК КПСС, заместителя министра иностранных дел Б.Н. Чаплина с руководством НРПК—НРК. 9 июня 1988 г., л. 41.

124. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. «О реакции в НРК на политику национального примирения» (информация). 2 ноября 1987 г., л. 101.
125. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за июнь 1987 г. 13 июля 1987 г., л. 50.
126. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за август 1987 г. 7 сентября 1987 г., л. 56.
127. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за июль 1987 г. 10 августа 1987 г., л. 54.
128. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за октябрь 1987 г. 16 ноября 1987 г., л. 59.
129. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за январь 1987 г. 16 февраля 1987 г., л. 36.
130. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за апрель 1987 г. 11 мая 1987 г., л. 45.
131. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за ноябрь 1987 г. (справка-досье), л. 61.
132. Indochine Issues, №86, 1988, December, с. 6.
133. АВП РФ. Фонд 569, опись 25, дело 5. Посольство СССР в НРК. Обзор событий в Народной Республике Кампучии (по информационным бюллетеням агентства СПК). Бюллетень переводов материалов СПК, №2, 2 октября — 28 октября 1979 г. Бюллетень СПК от 21.10.1979 г., 22.11.1979, л. 36.
134. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 9. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Интервью министра иностранных дел НРК Хун Сена корреспонденту АФП Мишелю Бланшару (стенограмма), 31 января 1983 г., л. 38–39.

Глава XIII

1. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Запись основного содержания беседы А. А. Громыко с Генеральным секретарем ЦК НРПК, председателем Госсо-

вета НРК Хенг Самрином. 14 июля 1988 г., л. 2.
2. Исаев М. П. Внешняя политика стран Индокитая. М., 1989, с. 155.
3. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Заявление камбоджийского Нородома Сианука 7 мая 1987 г. 27 мая 1987 г., л. 142.
4. Там же.
5. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О IV сессии Национального собрания НРК первого созыва (информация). 6 марта 1983 г., л. 82.
6. Бектемирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд… с. 37.
7. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю. П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии… с. 194.
8. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О реакции в НРК на политику национального примирения (информация). 2 ноября 1987 г., л. 100.
9. Нгуон Ньел говорил мне, что в партии существовало довольно влиятельное ядро, выступавшее резко против любых соглашений и компромиссов с Сиануком. Некоторые руководители искренне полагали, что он виновник многих бед, выпавших на долю кхмерского народа. Беседа автора с Нгуон Ньелем. 30 апреля 1990 г.
10. Неак кхусна, 1987, №9, с. 36–37.
11. Там же, с. 37.
12. Работая в архиве, я с некоторым удивлением обнаружил и собственный аналитический материал «Концепция социально-экономического развития Кампучии в условиях борьбы с внутренней и внешней реакцией», отправленный в МИД в 1988 г. Там как раз рассматривалась подоплека вопроса о терминах, а кроме того, я не без чувства некоторого удовлетворения отметил, что правильно спрогнозировал будущее, указав в начале 1988 г., что в предстоящие годы именно Хун Сен превратится в центральную фигуру кхмерской политики. См.: АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Мосяков Д. В. «Концепция социально-экономического развития Кампучии в условиях борьбы с внутренней и внешней реакцией». 13 июня 1988 г., л. 239.
13. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. «О реакции в НРК на политику национального примирения» (информация). 2 ноября 1987 г., л. 102.
14. Там же.
15. Правда, 9.10.1987.
16. Там же.
17. АВП РФ. Фонд 569, опись 29, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с заведующим отделом печати МИД НРК Чум Бунрунгом. 6 февраля 1983 г., л. 14.
18. Правда, 9.10.1987.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.

22. Неак кхусна, 1988, №6, с. 11.
23. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. О кампучийском урегулировании (справка). 14 декабря 1988 г., л. 116.
24. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. О ходе переговоров Сианука с Хун Сеном (Обзор основных событий по кампучийской проблеме из закрытых бюллетеней агентства СПК за декабрь 1987 г., 16 января 1988 г., л. 31). От этой принципиальной позиции Хун Сен не отступил на протяжении всей своей долгой политической карьеры.
25. АВП РФ. Фонд 569, опись 30, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Из дневника Босторина О.В. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел НРК Конг Кормом. 18 февраля 1984 г., л. 14.
26. Там же.
27. См. например: Кобелев Е.В. Народная Республика Кампучия, в сб.: Кампучия: жизнь после смерти. М., 1985, с. 7–8.
28. Хенг Самрин был разочарован своей первой встречей с М.С. Горбачевым. Беседа автора с Ю.Н. Мякотных. Барвиха, 14 августа 1993 г.
29. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Запись основного содержания беседы А.А. Громыко с Генеральным секретарем ЦК НРПК, председателем Госсовета НРК Хенг Самрином. 14 июля 1988 г., л. 9.
30. Там же, л. 5.
31. Там же, л. 2.
32. Там же, л. 4.
33. Там же, л. 9.
34. Бектемирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В. Новейшая история Кампучии... с. 212.
35. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Запись пресс-конференции «Положение в Индокитае и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом» для советских и иностранных журналистов. 26 мая 1988 г., л. 81.
36. Там же, л. 78.
37. Там же, л. 81.
38. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 7. Заявление камбоджийского Нородома Сианука 7 мая 1987 г. 27 мая 1987 г., л. 139.
39. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Отчет о встрече специального представителя Генсека ЦК КПСС, заместителя министра иностранных дел Б.Н. Чаплина с руководством НРПК—НРК. 9 июня 1988 г., л. 40.
40. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Тов. Чаплину Б.Н. 15 июля 1988 г., л. 23.
41. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Письмо Дж. Шульца Э.А. Шеварднадзе. Вручено Чаплину Б.Н. 14 июля 1988 г. во время беседы с временным поверенным в делах США в СССР М. Джойсом, л. 24.
42. Там же.
43. Там же.
44. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 4. Письмо Председателя Совета Министров НРК Хун Сена, Пномпень, 2 августа 1988 г. Получено из посольства

НРК в Москве 5 августа 1988 г., л. 27.
45. Там же.
46. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в Таиланде. Встреча представителей посольств социалистических стран в Бангкоке по итогам Джакартской неформальной встречи (2 августа 1988 г.), л. 206.
47. АВП РФ. Фонд 569, опись 34, дело 7. Посольство СССР в Индонезии. О заседании рабочей группы по Кампучии (информация) 11 ноября 1988 г., л. 211.
48. АВП РФ. Фонд 569, опись 35, дело 1. Письмо Хун Сена Э. А. Шеварднадзе. Вручено послом НРК в СССР Хор Намхонгом И. А. Рогачеву. 4 марта 1989 г., л. 6.
49. АВП РФ. Фонд 569, опись 35, дело 8. Посольство СССР в Индонезии. Индонезия и вторая Джакартская неформальная встреча (ДЖИМ-2) (справка). 10 апреля 1989 г., л. 190.
50. Там же.
51. АВП РФ, опись 35, дело 1. Письмо Хун Сена Э. А. Шеварднадзе. Вручено послом НРК в СССР Хор Намхонгом И. А. Рогачеву. 4 марта 1989 г., л. 6.
52. АВП РФ. Фонд 569, опись 36, дело 5. Министру иностранных дел СССР товарищу Шеварднадзе Э. А. 10 июня 1990 г., л. 34.
53. АВП РФ, опись 35, дело 1. Письмо Хун Сена Э. А. Шеварднадзе. Вручено послом НРК в СССР Хор Намхонгом И. А. Рогачеву. 4 марта 1989 г., л. 7.
54. АВП РФ. Фонд 569, опись 35, дело 8. Посольство СССР в Индонезии. Индонезия и вторая Джакартская неформальная встреча (ДЖИМ-2) (справка). 10 апреля 1989 г., л. 190.
55. АВП РФ. Фонд 569, опись 36, дело 8. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О подходе Пномпеня к «красным кхмерам» в процессе камбоджийского урегулирования (справка). 14 мая 1990 г., л. 109.
56. Там же.
57. Чандлер Д. П. Брат номер один... с. 365.
58. Там же, с. 366.
59. Tsyganov Y. Russia and China: what is in the pipeline? — In: Russia and Asia-Pacific Security. SIPRI, Stockholm, 1999, с. 137.
60. The Independent, 2.09.1988.
61. Asia Pasific Community Summer, 1981, с. 11.
62. Canberra Times, 6.04.1989.
63. Кроме четырех камбоджийских сторон в конференции принимали участие пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, шесть стран АСЕАН, Лаос и Вьетнам, а также Австралия, Канада, Индия и Япония. Присутствовали и представители Зимбабве, которое тогда возглавляло Движение неприсоединения.
64. Evans G., Grant B. Australia's Foreign relations in the world of the 1990th. Melbourne, University Press, Carlton, 1991, с. 210.
65. Findlay T. Cambodia the Legacy and Lessons of UNTAC. SIPRI Research Report, №9. Oxford, 1995, с. 5–6.
66. Newswéek, 16.08.1989.

67. International Gerald Tribune, 14–15.11.1992.
68. АВП РФ. Фонд 569, опись 36, дело 5. О пребывании делегации Верховного Совета СССР в Государстве Камбоджа (информация). 11 марта 1990 г., л. 6.
69. Там же.
70. АВП РФ. Фонд 569, опись 25, дело 5. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Бюллетень переводов материалов СПК, ноябрь 1979 г. (СПК от 31.10.1979 г.), л. 85.
71. Solars S. Cambodia and the international community Foreign Affairs spring, 1990, с. 106.
72. FEER, 20.04.1989, с. 11.
73. См.: Australian Department of Foreign Affaires and Trade. Cambodia: An Australian Peace Proposal. Canberra, February 1990.
74. Findlay T., с. 7.
75. Там же, с. 8.
76. The Australian, 26–27.01.1991.
77. Time (Australia), 15.04.1991, с. 24.
78. FEER, 30.05.1991, с. 15.
79. Financial Times, 1–2.06.1991.
80. FEER. 4.07.1991, с. 13.
81. Guardian wéekly, 28.07.1991.
82. Там же.
83. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Камбодже г. Пномпень. Информационное сообщение Политбюро ЦК НРПК. 14 августа 1991 г., л. 29.
84. Там же.
85. Там же, л. 30.
86. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 11. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О подходе руководства НРПК—ГК к политической роли Сианука в камбоджийском урегулировании (информация). 18 августа 1991 г., л. 33.
87. International Herald Tribune, 20–21.07.1991.
88. Ю. Н. Мякотных рассказывал мне, что Кхиеу Самфан выглядел очень разочарованным после поездки в Пекин. Он, по всей видимости, не ожидал, что китайцы так решительно выскажутся в пользу мирных договоренностей, достигнутых в Париже. Как и его соратники, он все-таки надеялся, что подписанные там документы лишь завеса, за которой скрываются планы по возобновлению вооруженной борьбы и свержения провьетнамского режима в Камбодже. Они явно не верили, что то, о чем они договариваются, предстоит в будущем выполнять. Беседа автора с Ю. Н. Мякотных. Барвиха, 14 августа 1993 г.
89. Findlay T., с. 12.
90. Там же, с. 156.
91. UN Peace keeping. United Nations, New York, 31.05.1993, с. 52.
92. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже,

г. Пномпень. Обращение Самдека Н. Сианука, главы Государства Камбоджа, председателя ВНС, к соотечественникам. 7 декабря 1991 г., л. 268.

93. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже г. Пномпень. О передовой миссии ООН в Камбодже (информация). 23 декабря 1991 г., л. 276.
94. Лонг Сеам, известный кхмерский филолог, долгое время живший в Москве, а позже возглавивший Институт кхмерского языка в Пномпене, в беседе со мной рассказывал, что пномпеньцы не понимали, почему миротворцев ООН оказалось так мало, и некоторые влиятельные люди стали даже говорить, что у ООН вряд ли что-нибудь получится. Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г.
95. См.: FEER, 27.02.1992, с. 23.
96. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции (справка). 11 октября 1991 г., л. 219.
97. The Independent, 11.03.1992.
98. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. О настроениях в среде камбоджийской интеллигенции (справка). 11 октября 1991 г., л. 219.
99. International Herald Tribune, 21.11.1991.
100. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Генеральное консульство Российской Федерации в г. Сианукville. О некоторых моментах внутриполитического положения в Камбодже (на основе выступления члена Постоянного комитета ЦК НПК, зам. премьер-министра ГК Н. Чакрапонга) (информация). 18 января 1993 г., л. 1.
101. Findlay T. Cambodia the Legacy and Lessons of UNTAC… с. 24.
102. АВП РФ. Фонд 569, опись 37, дело 10. Посольство СССР в Камбодже, г. Пномпень. Обращение Самдека Н. Сианука, главы Государства Камбоджа, председателя ВНС, к соотечественникам. 7 декабря 1991 г., л. 269.
103. Там же.
104. International Herald Tribune, 29.11.1991.
105. Там же, 4.12.1991.
106. Bangkok Post, 29.11.1992.
107. Asia Watch. New York, 09.1992, с. 6.
108. Bangkok Post, 2.02.1993.
109. Akashi Y. The challenges faced by UNTAC… с. 189.
110. Phnom Penh Post, 24.03–6.04; 7–20.04.1995.
111. Там же.
112. Brown M., Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers… с. 143.
113. Phnom Penh Post, 24.03–6.04; 7–20.04.1995.
114. Это заявление (Findlay. T., с. 13) во многом объясняет успех неофициального визита в США Хун Сена в марте 1992 г. Подробнее см. Jeremy J. Stone. Every Man Should Try. New York 1999, с. 285–289.

115. Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 262.
116. Brown M., Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers... с. 143.
117. Там же.
118. Там же.
119. Чандлер Д. П., с. 366.
120. Phnom Penh Post, 28.01–10.02.1994.
121. Чандлер Д. П., с. 367.
122. Phnom Penh Post, 28.01–10.02.1994.
123. Asia Watch, September 1992, с. 9.
124. Findlay T., с. 37.
125. International Herald Tribune, 6.03.1992.
126. Чандлер Д. П., с. 367.
127. UN. Yearbook of the United Nations 1992. United Nations, New York, 1993, с. 245.
128. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Дипломатическая миссия РФ при ВНС Камбоджи, г. Пномпень. Об усилиях ЮНТАК по созданию и поддержанию нейтральной политической среды (информация). 15 февраля 1993 г., л. 130.
129. Бутрос Бутрос Гали. ООН и Камбоджа. Информационный центр ООН в Москве, 1996, с. 31.
130. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Дипломатическая миссия РФ при ВНС Камбоджи, г. Пномпень. О деятельности компонента ЮНТАК по информации и образованию (информация). 15 февраля 1993 г., л. 127.
131. См.: Findlay T., с. 27–31.
132. «Находясь в Камбодже в должности российского посла и зная всю сложность ситуации в Камбодже как бы изнутри, я был настроен довольно пессимистически относительно успешного завершения миротворческой операции, — рассказывал мне позже Ю.Н Мякотных. — Когда Ясуси Акаши приехал и собрал нас, то таких же пессимистов, как и я, оказалось большинство». Беседа автора с Ю. Н. Мякотных. Барвиха. 14 августа 1993.
133. UN Special Report of the Secretary — General on the United Nations Transitional Authority in Cambodia. United Nations document S 24090. 12 june 1992, с. 3.
134. По мнению Ю. Н. Мякотных, Ясуси Акаши за время своего своеобразного временного пленения и пребывания в окружении партизан сумел «почувствовать атмосферу этого движения, его полную противоположность тем принципам, которые он отстаивал». После 30 мая 1992 г. он стал реалистом, считал Юрий Николаевич. Беседа автора с Ю. Н. Мякотных. Барвиха, 14 августа 1993 г.
135. UN special report of the Secretary — General... 12 June 1992, с. 3.
136. Phnom Penh Post, 24.07.1993.
137. Asia Watch. May 1993, с. 7.
138. Bangkok Post, 2.03.1993.
139. Кхиеу Самфан заявил это в лицо Ясуси Акаши в присутствии ино-

странных дипломатов, в том числе Ю.Н. Мякотных. Беседа автора с Ю.Н. Мякотных. Барвиха, 14 августа 1993 г.

140. UN Security Council resolution 766 UN Document S/ Res/ 766, 21 July 1993.
141. The Independent, 5.08.1992.
142. FEER, 23.07.1992.
143. Чандлер Д.П., с. 367.
144. Findlay T., с. 37.
145. UN, United Nations Focus: Cambodia, United Nations Transitional Authority in Cambodia. New York, February 1993, с. 8.
146. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Генеральное консульство РФ в Сианукville. О позиции ГК по вопросам урегулирования на современном этапе в свете выступления члена ЦК НПК, заместителя председателя Совета Министров и министра внутренних дел ГК Со Кхенга (информация). 18 января 1993 г., л. 4.
147. Findlay T., с. 39.
148. В руководстве ЮНТАК существовало мнение, что без разоружения «красных кхмеров» любые действия по организации выборов смысла не имеют. Были даже предложения свернуть миротворческую операцию. Беседа автора с Ю.Н. Мякотных. Барвиха, 14 августа 1993 г.
149. Бектемирова Н.Н., Селиванов И.Н. Королевство Камбоджа. М., 2002, с. 260.
150. Findlay T., с. 40.
151. Бектемирова Н.Н., Селиванов И.Н. Королевство Камбоджа. М., 2002, с. 260.
152. Там же.
153. Findlay T., с. 41.
154. См.: The Nation Bangkok, 6.12.1992, International Gerald Tribune, 1992, Bangkok Post, 1992.
155. Doyle. M.W. UNTAC sources of success and failure Canberra. 1994, с. 97.
156. Akashi Y. The challenges faced by UNTAC. Japan review of international affairs summer, 1993, с. 197.
157. Findlay T., с. 41.
158. Там же, с. 43.
159. The Australian, 2.12.1992.
160. Bangkok Post, 20.11.1992.
161. New York Times, 4.10.1992.
162. The United Nations in Cambodia: A Vote for Peace. United Nations. New York, 1994, с. 29.
163. Akashi Y. The challenges... с. 196.
164. FEER, 4.02.1993, с. 21.
165. FEER, 11.02.1993, с. 11.
166. Brown M., Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers 1979–1998, Ithaca, 1998, с. 146.
167. Akashi Y. The challenges... с. 192.

168. Brown M., Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers... с. 147.
169. Известно, что на 140 тыс. работников местного административного аппарата приходилось всего 123 переводчика, работавших на ЮНТАК. См.: Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 264.
170. Findlay T., с. 62.
171. См., например: The Independent, 7.05.1993. См. также: Cambodia: From UNTAC to Royal Government, Southeast Asian Affairs, 1994, Singapore, 1994, с. 84.
172. Начиная примерно с осени 1992 г., как говорил мне Ю. Н. Мякотных, складывалось впечатление, что Китай не вполне владеет ситуацией и очень слабо контролирует действия «красных кхмеров». Беседа автора с Ю. Н. Мякотных. Барвиха, 14 августа 1993 г.
173. Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 256–257.
174. По словам Д. Эшли, Пол Пота долгие годы поддерживало чрезмерно оптимистическое представление о политической и военной силе движения. Phnom Penh Post, 24.04.–7.05.1998.
175. Чандлер Д. П., с. 367.
176. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС Камбоджи. О программных и идеологических установках «красных кхмеров» (информация). 15 марта 1993 г., л. 22.
177. Там же.
178. Там же.
179. Там же, л. 23.
180. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС Камбоджи. Об отношении камбоджийских сторон к деятельности ЮНТАК (информация). 21 апреля 1993 г., л. 150.
181. Findlay T., с. 48.
182. Phnom Penh Post, 9–22.04.1993.
183. The Independent, 6.04.1993.
184. Findlay T., с. 49.
185. The United Nations in Cambodia: A Vote for Peace. United Nations, New York, 1994, с. 10.
186. Findlay T., с. 80.
187. The United Nations and Cambodia 1991–1995. United Nations, New York, 1995, с. 43.
188. The Australian, 31.03.1993.
189. The United Nations in Cambodia: A Vote for Peace... с. 27. Findlay T., с. 70.
190. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС Камбоджи. Начальнику первого управления АТР МИД РФ Белому М. М. 15 февраля 1993 г., л. 118–119.
191. Там же, л. 117.
192. Лонг Сеам рассказывал мне, что тысячи людей стали собирать свои вещи, бросились к ооновским представительствам в желании немедленно покинуть страну. Люди считали, что вот-вот начнется артилле-

рийский обстрел Пномпеня «красными кхмерами». Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г.
193. Phnom Penh Samleng Pracheachun Kampuchea. Радиостанция «Голос кампучийского народа» 22.04.1993.
194. Там же, 13.04.1993.
195. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС Камбоджи, г. Пномпень. Речь Председателя Национального собрания ГК Чеа Сима на открытии XXIV сессии Национального собрания I созыва. 15 февраля 1993 г., л. 12.
196. Там же, с. 18.
197. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС Камбоджи, г. Пномпень. О вьетнамской оценке процесса урегулирования камбоджийского конфликта и стратегии СРВ по отношению к Камбодже (справка). 18 января 1993 г., л. 178.
198. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС Камбоджи, г. Пномпень. Об отношении камбоджийских сторон к деятельности ЮНТАК (информация). 21 апреля 1993 г., л. 152.
199. Nation, Bangkok, 7.05.1993.
200. Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 269.
201. Financial Times, 6.05.1993.
202. Bangkok Post, 25.05.1993.
203. Findlay T., с. 80.
204. Bangkok Post, 24.05.1993.
205. Там же.
206. Akashi Y. The challenges... с. 198.
207. Бутрос Бутрос Гали. ООН и Камбоджа. Информационный центр ООН в Москве, 1996, с. 57–58.
208. Findlay T., с. 84.
209. Bangkok Post, 27.05.1993.
210. Там же.
211. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Первое управление АТР МИД РФ «О выборах в Конституционную Ассамблею Камбоджи». 15.06.1993 г., л. 43. См. также: Phnom Penh Post, 18.06–1.07.1993.
212. International Gerald Tribune, 24.05.1993.
213. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Первое управление АТР МИД РФ «О выборах в Конституционную Ассамблею Камбоджи». 15.06.1993 г., л. 44.

Глава XIV

1. Phnom Penh Post, 18.06–1.07.1993.
2. New York Times, 2.06.1993.
3. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС, г. Пномпень. О начале работы Конституцион-

ной Ассамблеи Камбоджи (информация). 22 июня 1993 г., л. 46. См. также: Phnom Penh Post, 18.06–1.07.1993.

4. Там же.
5. Brown M., Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers... с. 171.
6. Там же, с. 251.
7. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Генеральное консульство Российской Федерации в г. Сианукville. О некоторых моментах внутриполитического положения в Камбодже (на основе выступления члена Постоянного комитета ЦК НПК, зам. премьер-министра ГК Н. Чакрапонга) (информация). 18 января 1993 г., л. 2.
8. Findlay T., с. 92.
9. Phnom Penh Post, 18.06–1.07.1993.
10. Findlay T., с. 92.
11. Canberra Times, 28.07.1993.
12. Akashi Y. The challenges of peace-kéeping in Cambodia: lessons to be learned. Paper presented to the School of International and Public Affairs, Colombia University. New York, 29 november 1993, с. 8.
13. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Дипломатическая миссия Российской Федерации при ВНС, г. Пномпень. О начале работы Конституционной Ассамблеи Камбоджи (информация). 22 июня 1993 г., л. 47.
14. New York Times, 4.06.1993.
15. Findlay T., с. 94.
16. Bangkok Post, 22.05.1993.
17. Time (Australia), 7.06.1993, с. 37.
18. Findlay T., с. 109.
19. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Посольство Российской Федерации в Королевстве Камбоджа, г. Пномпень. Об азиатской составляющей внешнеполитической концепции Камбоджи (информация). 21 декабря 1993 г., л. 139.
20. Phnom Penh Post, 16–23.07.1993.
21. The Cambodia daily, 14.06.1993.
22. Там же.
23. Findlay T., с. 97.
24. The Cambodia Times, 16.09.1993.
25. Phnom Penh Post, 24.09–7.10.1993.
26. The Constitution of the Kingdom of Cambodia. — In Findlay T., Documents, с. 193.
27. Там же.
28. Там же, ст. 7, с. 194.
29. Там же, ст. 8.
30. Росмей Кампучия Пномпень, 28.01.1997.
31. The Constitution of the Kingdom of Cambodia... ст. 9, с. 194.
32. Там же, ст. 13–14, с. 194–195.
33. Там же, ст. 13–14, с. 204.
34. Там же, ст. 76–98, с. 200–204.

35. Там же, ст. 109–116, с. 205
36. Там же, ст. 56, с. 199.
37. Там же, ст. 53, с. 198.
38. Там же, ст. 4, с. 194.
39. The Times, 25.09.1993.
40. Phnom Penh Post, 8–21.10.1993.
41. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Посольство Российской Федерации в Королевстве Камбоджа, г. Пномпень. Об азиатской составляющей внешнеполитической концепции Камбоджи (информация). 21 декабря 1993 г., л. 139.
42. Независимое военное обозрение, № 19, 31.05.–6.06.1997.
43. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. I Управление АТР МИД России. О положении в Камбодже. 4 ноября 1993 г., л. 98.
44. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Совет Министров — Правительство РФ. О военно-техническом сотрудничестве с Камбоджей. 9 августа 1993 г., л. 28.
45. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Министру иностранных дел и внешней торговли Австралии господину Гаррету Эвансу. 7 октября 1993 г., л. 56.
46. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 04. Заместителю министра иностранных дел РФ Г.Ф. Кунадзе. 12 ноября 1993 г., л. 58.
47. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. Посольство Российской Федерации в Королевстве Камбоджа, г. Пномпень. Об азиатской составляющей внешнеполитической концепции Камбоджи (информация). 21 декабря 1993 г., л. 139.
48. АВП РФ. Фонд 569, опись 39, дело 05. I Управление АТР МИД России. О положении в Камбодже. 4 ноября 1993 г., л. 98.
49. ИТАР-ТАСС. М., сер. АК. 24.02.1994.
50. Sorpong Peou. Intervention and Change in Cambodia towards Democracy? Singapore, 2000, с. 233–234.
51. Чау Сометхия. Рыночные преобразования экономики Камбоджи в 90-е годы. Автореф. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. РУДН, М., 2001, с. 8.
52. Brown M. Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers… с. 252–256.
53. The Cambodia Times, 16.09.1994.
54. Бектемирова Н.Н., Селиванов И.Н. Королевство Камбоджа… с. 293.
55. АВП РФ. Фонд 569, опись 33, дело 4. Посольство СССР в НРК, г. Пномпень. Обзор передач радиостанций «Голос Демократической Кампучии» и «Голос Пекина» на кхмерском языке за январь 1987 г. 16 февраля 1987 г., л. 36–37.
56. Цит. по: Чандлер Д.П., с. 377.
57. Там же, с. 376 и 393.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же.
61. Там же, с. 374.

62. Brown M. Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers... с. 257.
63. Bangkok Post, 11–12.08.1994.
64. Бектемирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд... с. 77.
65. Чандлер Д. П., с. 377.
66. Там же, с. 378.
67. Лонг Сеам рассказывал мне, что многие в НПК считали Та Мока еще большим преступником, чем сам Пол Пот. Особенно после того, как войска под его командованием самым жестоким образом подавили майское 1978 г. восстание в Восточной зоне, руководили и активно участвовали в котором многие будущие члены руководства НРПК—НПК. Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г.
68. Всех остальных амнистированных лидеров «красных кхмеров» взяли под стражу под давлением международного сообщества только через 11 лет, в 2007 г.
69. FEER, 7.08.1997.
70. Там же.
71. Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 295.
72. Чандлер Д. П., с. 378.
73. FEER, 7.08.1997.
74. Phnompenh Post, 2–15.01.1998, FEER, 07.08.1997.
75. Чандлер Д. П., с. 383.
76. International Gerald Tribune, 15.03.1999.
77. Moscow Times, 09.03.1999.
78. Газета, 20.09.2007.
79. ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. АТР, 30.12.1998, с. ак-7.
80. Там же.
81. Там же.
82. Коммерсант, 20.09.2007.
83. Сенг Синит. Внешняя политика Камбоджи с 1979 по 2003 г. и ее отношения с АСЕАН. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Москва, РУДН, 2004 г., с. 65–66.
84. The United Nations and Cambodia 1991–1995. New York, 1995, с. 47.
85. Phnom Penh Post, 24.02–9.03.1995.
86. Roberts D.W. Political transition in Cambodia 1991–1999. Richmond, 2001, с. 122.
87. Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 275.
88. Phnom Penh Post, 9–22.08.1996.
89. Росмей Кампучия, 25.07.1996.
90. Сенг Синит. Внешняя политика Камбоджи с 1979 по 2003 г. ... с. 71.
91. Phnom Penh Post, 19.11.–2.12.1993.
92. White paper background to the July 1997 Crisis Prince Ranariddh's Strategy of provocation. Phnompenh, July 1997, с. 6.
93. Бектемирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд... с. 64.
94. Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа... с. 290.
95. Сенг Синит. Внешняя политика Камбоджи с 1979 по 2003 г. ... с. 70.

96. Лонг Сеам именно так называл эти события и говорил, что Камбоджа исчерпала лимит длительных гражданских войн, поэтому в стране возможны только очень короткие по времени конфликты. Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г.
97. FEER, 17.08.1997.
98. Phnom Penh Post, 15–28.08.1997.
99. См.: FEER, 17.07.1997.
100. Phnom Penh Post, 3–15.05.1997.
101. Phnom Penh Daily, 15.06.1999.
102. Чандлер Д. П., с. 379.
103. Amnesty International Report. ASA Cambodia. Human rights at stake. 23.04.1998.
104. Там же.
105. Там же.
106. Откровения Раннарита я имел возможность слышать в Будапеште, где как раз в это время проходил Всемирный конгресс востоковедов. Агентство Си-Эн-Эн показывало его выступление в прямом эфире. Бывший первый премьер-министр был явно потрясен размахом происшедших событий. Во время телевизионного интервью в Нью-Йорке он выглядел абсолютно потерянным и все время твердил о незаконности переворота, о поддержке со стороны «друзей» Камбоджи и о наступившей в стране диктатуре.
107. Бектемирова Н. Н. Политическое развитие Королевства Камбоджа в 1993–2001 гг. — В сб. Индокитай на рубеже веков. М., 2001, с. 105.
108. Там же.
109. Phnom Penh Post, 15–28.08.1997.
110. Brown M. Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers… с. 303.
111. Там же.
112. Лонг Сеам рассказывал, что многие функционеры НПК были непрятно удивлены такой откровенной демонстрацией симпатии к опальному руководителю. Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г. См., также: Бектемирова Н. Н., Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа… с. 307.
113. Phnom Penh Post. 10–23.07.1998.
114. Там же.
115. Kenapak FUNCINPEK, с. 1–2.
116. Sam Rainsy Campaign speech Kandal Province, 27.06.1998.
117. Там же, 5.07.1998.
118. The Straits Times, 26.07.2003.
119. Critical Asian Studies, 2002, №34, с. 548.
120. Судя по его многочисленным пожертвованиям буддийским храмам, по строительству школ и больниц на личные средства, по его обширной собственности, второй премьер-министр сейчас — один из богатейших людей Камбоджи.
121. Brown M. Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers… с. 294–295.
122. 1998 Election Results. www.Cambodia.com

123. Asiawéek, 11.09.1998.
124. The Straits Times, 08.10.1998.
125. The Moscow Tribune, 25.09.1998.
126. Известия, 5.11.1998.
127. The Straits Times, 16.10.1998.
128. Phnom Penh Post, 16–29.10.1998.
129. Human Rights Watch. World Report: Cambodia defending human rights, 1998, с. 2.
130. Там же.
131. Гончаров П. Л. Современное политическое развитие Камбоджи. — В сб. Юго-Восточная Азия в 2000 г. Актуальные проблемы развития. М., 2001, с. 143–144.
132. The Straits Times, 26.07.2003.
133. Гончаров П. Л. Современное политическое развитие Камбоджи. — В сб. Юго-Восточная Азия в 2000 г. Актуальные проблемы развития. М., 2001, с. 140.
134. Там же.
135. Phnompenh Post, 1–14.03.2002.
136. Ronald Bruce St. John. «Cambodia's Failing Democracy» Foreign Policy in Focus. 23.01.2006.
137. Чау Сометхия. Рыночные преобразования экономики Камбоджи в 90-е годы... с. 8.
138. The Kingdom of Cambodia from reconstruction to sustainable development. Institute for International Cooperation, Japan International Cooperation Agency. Tokyo, 2002, с. 7.
139. IMF Staff country report №2/156, 2002, July, с. 17.
140. Чау Сометхия. Рыночные преобразования экономики Камбоджи в 90-е годы... с. 7.
141. Там же, с. 8.
142. См.: Cambodia garment mills face impasse. — Yahoo news, 5, 09.2007.
143. Там же.
144. Лонг Сеам рассказывал, что новый всплеск популярности Хун Сена и его партии пришелся на первые годы нового века, когда в Пномпене «каждый день открывалось по швейной фабрике и тысячи людей получали там работу». Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г. Чау Сометхия. Рыночные преобразования экономики Камбоджи в 90-е годы... с. 8.
145. Позже Хун Сен извинился за погромы и даже частично компенсировал потери граждан Таиланда. В 2008 г., перед очередными выборами, кхмерский лидер еще раз успешно разыграл «тайскую карту» и демонстрировал свой патриотизм, направив кхмерскую армию на защиту древних развалин храма Преах Вихеар от посягательств Таиланда, претендовавшего на владение его территорией.
146. Phnom Penh Post, 15–28. 08.2003.
147. Phnom Penh Post, 22.08–9.09.2004.

Заключение

1. ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. АТР, 11.10.2004.
2. Бектемирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд... с. 114.
3. Phnom Penh Post, November 5–18.2004.
4. New Straits Times, 11.02.2006.
5. U.S. Department of State. Bureau of East Asian and Pacific Affairs. June 2007, с. 7 (www.state.Gov/r/pa/ei/bgn/2732.htm).
6. См., например: The Washington Post, 6.05.1998.
7. Southeast Asia Affairs. 2006, с. 75.
8. The Cambodia Daily, 1.01.2002.
9. Там же, 20.12.2005.
10. Bangkok Post, 07.10.2007.
11. KI MEDIA. September 20, 2007/ki media.blogspot.com/2007/09
12. В декабре 2006 г. Лонг Сеам говорил мне, что, по всей видимости, в правящих кругах нет полной определенности относительно сроков и процедуры проведения трибунала. По его словам, вряд ли таковой состоится в ближайшее время. Беседа автора с Лонг Сеамом. Москва, 3 декабря 2006 г.
13. Straits Times, 29.08.08.
14. Phnom Penh Post, 25.02–10.03.2005.
15. U.S. Department of State. Bureau of East Asian and Pacific Affairs... с. 1–4.
16. Там же, с. 6–7.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

на русском, английском и французском языках

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Москва. — АВП РФ.
2. Боевой авангард вьетнамского народа. М., 1981.
3. Бутрос Гали. ООН и Камбоджа. Информационный центр ООН в Москве, 1996.
4. Кампучия. Справочник. М., 1985.
5. Кампучия: От трагедии к возрождению. М., 1979.
6. К истории вьетнамо-кампучийского конфликта. Ханой, 1979.
7. Конституции стран ЮВА, Дальнего Востока и Тихого океана. М., 1960.
8. Документы по истории партии. Т. 2. 1945–1954. Ханой, 1976.
9. Нородом Сианук. Воззвание к нации. Пномпень, 1957.
10. Нородом Сианук. Политический курс. Пномпень, 1959.
11. Предательство Сон Нгок Тханя — Сам Сари. Пномпень (б. г.).
12. Российский государственный архив социально-политической истории (Архив ЦК КПСС). Москва — РГАСПИ.
13. Сборник статей, опубликованных в изданиях левых сил газетах «Аекопхиеп» (Единство), «Мыттопхиеп» (Дружба), «Прачеачун» (Народ). Пномпень, 1961.
14. Устав Демократической партии. Пномпень, 1955.
15. IX съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960.
16. Akashi Y. The challenges faced by UNTAC. Japan review of international affairs, Summer, 1993.
17. Amnesty International Report. Human rights at stake. 1998.
18. Affaire Sam-Sary. Phnompenh, 1959.
19. Annuaire statistique pour L'Asie et le Pacifique. Nations Unies, New York, 1980.
20. Comission économique et sociale pour L'Asie et le Pacifique. Bangkok, 1981.
21. L'Action de S.M. Norodom Sihanouk pour l'indépendance du Cambodge, 1941–1955. Phnompenh, 1959.
22. L' Asie du Sud-Est. Vol. 2. P., 1971.
23. The American aid program in Cambodia. Washington, 1962.
24. Annuelle statistique. Division de la statistique agricole. Phnompenh, 1972.
25. Aymonier E. Le Cambodge, vol. 1; 2; 3. P., 1890.
26. Aymonier E. Notice sur le Cambodge. P., 1875.
27. Australian Department of Foreign Affaires and Trade. Cambodia An Australian Peace Proposal. Canberra, February 1990.
28. Banque Nationale du Cambodge. Phnompenh, 1966.
29. Bouillevsux E. L'Annam et le Cambodge. Voyage et notices historiques accompagnes d' une carte géographique. P., 1874.

30. Bulletin de l'Agence Khmer de presse (AKP). Phnompenh, 14.03.1972.
31. Bulletin de l' information de la République Khmer. Phnompenh, 29.03.1975.
32. Bulletin de l'Agence France-Press. Paris, 1971. Mars.
33. Bulletin de l'Agence France-Press. 25.01.1977.
34. Cambodia and Laos Fight Hand in Hand with Viet-Nam for Freedom. Published by the Viet-Nam Central Information Service. April, 1951.
35. Cambodia: From UNTAC to Royal Government, Southeast Asian Affairs 1994. Singapore, 1994.
36. Cambodia garment mills face impasse. Yahoo news, 5.09.2007.
37. «Chenla-2» au Failllite de la khmerisation de la guerre d'agression de impérialisme américane au Cambodge. Royame du Cambodge. FUNK. Б.м. 1971.
38. Communist Party power in Kampuchea. Documents and discussion. Edited by Timothy Carney. Ithaca, 1977.
39. Sihanouk N. Considérations sur le socialisme buddhique khmer. Phnompenh, 1961.
40. Constitution de la République Populaire du Kampuchea. Phnompenh, 1981.
41. The Constitution of the Kingdom of Cambodia. Phnompenh, 1993.
42. Les codes cambodgiens. Vol. 1–2. P., 1898.
43. Déclaration du groupe Pracheachun. Phnompenh, 1958.
44. Livre Noir: Faites et preuves des actes d'aggrésion et d'annexion du Vietnam contre le Kampuchea. Ministry of Foreign Affairs of Democratic Kampuchea, Phnom Penh, September 1978.
45. Detroyat L. La France dans L' Indochine. P., 1886.
46. Direction de l'agriculture. Bulletin de la statistique et des etudes agricoles. Phnompenh, 1963.
47. Données statistiques essentielles pour premier semestre 1966. Phnompenh, 1966.
48. Doudart de Lagree Explorations et missions, papiers et documents mis an ordre et publiés par M de Villemereuil. P., 1883.
49. Enquête démographique d'avril 1958. Цит. по: Delvert J. Le paysan cambodgien. P., 1961.
50. Enquéte agricole 1948–1949. Цит. по: Delvert J. Le paysan cambodgien. P., 1961.
51. Evans G. Grant B. Australia's foreign relations in the world of the 1990th. Melbourne University Press. Carlton, 1991.
52. Findlay T. Cambodia the Legacy and Lessons of UNTAC. SIPRI Research Report, №9, Oxford, 1995.
53. Garnier F. Voyage d' exploration en Indochine. Tour du Monde. P.-L., 1870–1871.
54. Groslier B. Angkor et le Cambodge au XVI siecle d'après les sources portugaises et espagnoles. P., 1958.
55. Gourou P. L'utilisation du sol en Indochine Française. P., 1909.
56. Gour G.G. Institutions constitutionnelles et politique du Cambodge. P., 1965.
57. Hearing and markup before committee on foreign affairs. Washington, 1983.

58. Henry Iv. Économie agricole de l'Indochine. Hanoi, 1932.
59. Heudebert L. L'Indo-Chine Française. P., 1909.
60. Human Rights Watch. World Report: Cambodia defending human rights. 1998.
61. Les idées discours-programme presentées par le prince N. Sihanouk devant Assamblée Nationale lors de l'investiture du 3-me gouvernement Sangkum. Phnompenh, 1956.
62. IMF Economic Reviews. Cambodia, Washington, 1994, №8.
63. IMF Staff country report №02/156, Washington, July 2002.
64. Institut National de la statistique et des reshershes économiques. Phnompenh, 1967.
65. Journal officiel du Cambodge. Phnompenh, 1961.
66. Kampuchea Dossier. Vol. 1–2. Hanoi, 1978.
67. Кепарак FUNCINPEK (Партия ФУНСИНПЕК). Phnompenh, 2001.
68. Khmer armed resistance (б.м.), 1952.
69. Khiey Samphan. The economy of Cambodia and its problems with industrialisation. University of Paris, 1959.
70. Khiey Samphan. Cambodia: economy and industrial development. N.-Y., 1969.
71. The Kingdom of Cambodia from reconstruction to sustainable development. Institute for International Cooperation, Japan International Cooperation Agency. Tokyo, 2002.
72. Ligne de conduite politique des members du Troisième cabinet Sangkum. Phnompenh, 1956.
73. Maspero G. Un empire colonial français. L'Indochine. Vol. 1–2. P., 1929–1930.
74. Message and Solemn Declaration of Samdech Norodom Sihanouk, Head of State of Cambodia (March 23 1970). Published by the Royal Government of National Union of Cambodia (RGNUC) 1970.
75. Mouhot H. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos et autres parties de l'Indochine. P., 1872.
76. Morison R. L' immatriculation foncière de la propriété individuelle au Cambodge. P., 1934.
77. L'Office du credit populaire. Phnompenh, 1952.
78. Les paroles de Samdech Norodom Sihanouk, oct.-dec. 1968. Phnompenh, 1968.
79. Peasants and Politics in Kampuchea 1942–1981. Ed. by B. Kiernan and Chanthoy Bous. London — New York., 1982.
80. Pol Pot plans the future. Confidental leadership documents from Democratic Kampuchea. 1976–1977. Translated and edited by David P. Chandler, Ben Kiernan and Chanthou Boua. Yale University. New Haven, 1988.
81. Pol Pot. Long live the 17th Anniversary of the Communist Party of Kampuchea. Chicago, 1977.
82. Programme politique du Front Uni Nationale du Kampuchea. 1970 (б.м.).
83. Reinach L. Recueil des traités conclus par la France en Extreme-Orient 1684–

1902. P., 1902.
84. Le rejet de l'aide americaine. Trois exposés de S.A.R. Le Prince Norodom Sihanouk. Phnompenh, 1964.
85. Rousseau A. Le protectorat Française du Cambodge. Organisation politique, administrative et financiere. Dijon, 1904.
86. Russia and Asia-Pacific Security. SIPRI. Stockholm, 1999.
87. Sam Sary. La Grande figure de Norodom Sihanouk. Phnompenh, 1955.
88. Sihanouk N. Notre socialisme boudghique. Phnompenh, 1965.
89. Sihanouk N. Chroniques de guerre et d'espoir. P., 1979.
90. Solars S. Cambodia and the international community Foreign Affairs spring, 1990.
91. Some Evidence of the plots hatched by the Beijing expansionists and hegemonists against the Kampuchean people. Ministry of foreign affairs, People's Republic of Kampuchea. Phnom Penh. September 1982.
92. Tiers-Monde. T. 4. P., 1963.
93. Tribunal populaire révolutionnaire siégeant a Phnompenh pour le jugement du crime de genocide, commis par la clique Pol Pot — Ieng Sary. Phnompenh, 1979.
94. Vandy Kaonn, Ly Kimsok. Les intellectuels Khmers. Phnompenh, 1982.
95. Undeclared War against the People's Republic of Kampuchea. Ministry of Foreign Affairs of the PRK. Phnom Penh, 1985.
96. UN Peace keeping. United Nations. New York, 31 May, 1993.
97. UN. Yearbook of the United Nations 1992, United Nations. New York, 1993.
98. UN Special Report of the Secretary — General on the United Nations Transitional Authority in Cambodia. United Nations Document S 24090, 12 june 1992.
99. UN Security Council resolution 766 UN Document S/Res/766, 21 July 1993.
100. UN, United Nations Focus: Cambodia, United Nations Transitional Authority in Cambodia. New York, February 1993.
101. The United Nations in Cambodia: A Vote for Peace. United Nations. New York, 1994.
102. The United Nations and Cambodia 1991–1995 United Nations. New York, 1995.
103. U.S. Department of State. Bureau of East Asian and Pacific Affairs. June 2007, c. 7 (www.state. Gov/r/pa/ei/bgn/2732.htm).
104. White paper background to the July 1997 Crisis. Prince Rannariddh's Strategy of provocation. Phnompenh, July 1997.
105. 1998 Election Results. www.Cambodia.com

На кхмерском языке

106. Аекоса ней ранасей аекопхиеп тийет Кампутия уттых дол пхиорокеть робох панявоан. Документ Национального Единого фронта Камбоджи, посвященный задачам, стоящим перед интеллигенцией. Б.м., 1971.
107. Аекоса срау чриеу (Документы для анализа). Пномпень, 1979.

108. Атхобат псень мохасанибат лык ты пи ней Ранасей самакки сонкрух тийет Кампутиа (Материалы II съезда Единого фронта Национального Спасения Кампучии). Пномпень, 1979.
109. Канниа Косан Пак (Работа по строительству партии). Пномпень, 1981.
110. Кул ноюбай чомух сетхокеть аекочун (Основные направления политики в отношении частной экономики). — В сб.: Сеть кдей сомретьтят санибат комапхибал ту теан протех (Решения конференции кадровых работников НРПК). Пномпень, 1984.
111. Провотесах сонкхеп протех Кампутиа (Краткая история Камбоджи). Москва, 1985.
112. Провотесах сонкхеп ней пак протеатюн падевоат Кампуиа даель кон чхиен мук робох вонах каммако нын протеатюн Кампутиа (Краткая история НРПК — передовой силы рабочего класса и всего народа Кампучии). Пномпень, 1984.
113. Прием ней ротхомонунь ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа (Проект Конституции Народной Республики Кампучии). Пномпень, 1980.
114. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1983 нын тых даы пхирокеть витхинока сомрап анувуат чхнам 1984 (Общий доклад о сельскохозяйственном производстве в 1983 г. и задачах на 1984 г.). Пномпень, 1985.
115. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1984 нын тых даы пхирокеть ... чхнам 1985. Пномпень, 1984.
116. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1985 нын тых даы пхирокеть ... чхнам 1986. Пномпень, 1985.
117. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1986 нын тых даы пхирокеть ... чхнам 1987. Пномпень, 1986.
118. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1987 нын тых даы пхирокеть ... чхнам 1988. Пномпень, 1987.
119. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1988 нын тых даы пхирокеть ... чхнам 1989. Пномпень, 1988.
120. Робайка боук сороп кания пхолытокам нын касекам чхнам 1989 нын тых даы пхирокеть ... чхнам 1990. Пномпень, 1990.
121. Робайка сороп робох станопхиеп касекам неу даым чхнам 1989 (Доклад о положении в сельском хозяйстве в первой половине 1989 г.). Пномпень, 1989.
122. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты прам пыл. Робайка сороп летхопхол касекам (Национальное собрание НРК. VII сессия. Доклад о результатах сельскохозяйственного производства). Пномпень, 1984.
123. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты прам буон. Робайка сороп летхопхол касекам. Пномпень, 1985.
124. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты доп муой. Робайка сороп летхопхол касекам. Пномпень, 1986.
125. Ротсопхиа ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа. Самай протюм лык ты доп прам. Робайка боук сороп станопхиеп касекам. Пномпень,

1988.
126. Ротхомонунь ней Кампуиа Протхитхипотей (Конституция Демократической Кампучии). Пномпень, 1976.
127. Ротхомонунь ней сатхиронарот протимиэныт Кампутиа (Конституция НРК). Пномпень, 1981.
128. Сарачонае ноам сдей пи ка дак ноам бонко бонкаын цхол родеу воса чхнам 1986 (Директива о руководстве сельскохозяйственным сезоном 1986 г.). Пномпень, 1986.
129. Сеть кдей сомретьтят сдей пи кул ноюбай чомпух вонах касеко (Решение ЦК НРПК об основах политики в отношении крестьянства). Пномпень, 1986.
130. Сеть кдей сомретьтят сдей пи кул ноюбай чомпух панявоан (Решение ЦК НРПК об основах политики в отношении интеллигенции). Пномпень, 1986.
131. Сет кдей сомретьтят как косан вонах каммако Кампутиа аой кхлай тиа вонах чхиен мук пыт пракот кнон бопохает падевоат Кампутиа (Решение ЦК НРПК о формировании рабочего класса Кампучии как подлинно передового класса в интересах камбоджийской революции). Пномпень, 1986.
132. Сомэтхипхол касэкам 1979–1983. (Достижения сельского хозяйства в 1979–1983 гг.). Пномпень, 1984.
133. Ти пхнек ниа сароподомиен Кампутиа (Информационное агентство Камбоджи). СПК.
134. Туо ниа ти пхиорокеть робох ангка мулотхан пак (Задачи партийных организаций на местах). Пномпень, 1981.
135. Ху Ним. Миэкиа сетхокеть даой кхлуон ты пын кхлуон (Экономическая политика опоры на собственные силы). Неак тийет нийюм (Националист). 6.12.1964.
136. Ху Юн. Паньха сахако (Проблема кооперативов). Пномпень, 1964.
137. Хун Сен. Доп чхнам ней домнаы Кампутиа (Десять лет развития Камбоджи). Пномпень, 1988.
138. Хун Сен. Доп бей тусанавоат ней домнаы Кампутиа (Тринадцать лет развития Камбоджи). Пномпень, 1992.

ЛИТЕРАТУРА

на английском, кхмерском и французском языках

139. Barron J. Paul A. Murder of a gentle land. N.-Y., 1977.
140. Beetham D. Bureaucracy. Minneapolis, 1987.
141. Beissinger Marc R. Scientific managment, socialist discipline and Soviet power. L., 1988.
142. Bell H. Foreign colonial administration in the Par East. L., 1928.
143. Bernard P. Le problème économique indochinoise. P., 1934.
144. Brisse J. Le Cambodge de Norodom Sihanouk. L'Année Politique et Économique, № 220. P., Avril 1971.

145. Brown M. Zasloff J. Cambodia Confounds the Peacemakers 1979–1998? Ithaca, 1998.
146. Bull D. The poverty of diplomacy. Oxford, 1983.
147. Burchett W. The China Cambodia Vietnam Triangle. L., 1981.
148. Burchett W. Second Indochina War.
149. Caldwell M. Lek Tan. Cambodia in the South East Asian War. N.Y. — L., 1973.
150. Chanda N. Brother enemy. The war after the war. A History of Indochina since fall of Saigon. New York, 1988.
151. Chandler D. The land and people of Cambodia. Philadelfia, 1972.
152. Chandler D. Kiernan B. Muy Hong Lim. The Early phases of liberation in North-Western Cambodia. Monash University Centre of South East Asian Studies, working paper № 10, 1976.
153. Chandler D.P. and Kiernan Ben. Revolution and its aftermath in Kampuchea. New Haven, Conn., 1983.
154. Dauphin-Meunier A. Le Cambodge de Sihanouk ou la difficulté d'être neutre. P., 1965.
155. Debre F. Cambodge: la révolution de la forêt. P., 1977.
156. Delvert J. Le paysan cambodgien. P., 1961.
157. Ebhihara M. Khmer-Ethnic Groups of Meinland Southeast Asia. New Hawen, 1964.
158. Forest A. Le Cambodge et la colonisation française. P., 1981.
159. Genocide and Democracy in Cambodia. The Khmer rouge, the United Nations and the international community. New Hawen, 1994.
160. Hedder S. Kampuchean occupation and resistance. Cornell University Press., 1979.
161. Hildebrand G., Porter C. Cambodia: starvation and revolution. N.-Y. and L., 1976.
162. Zasloff J., Coodman A. Indochina in conflict. Ihaca, 1972.
163. Jeanneau G. Le Cambodge d' autrefois — Revue Indochinoise, t. XXI, №3. Hanoi, 1914.
164. Kiernan B. The Pol Pot regime. Race, power and genocide in Cambodia under the Khmer Rouge 1975–1979. New Hawen, 1996.
165. Kiernan B. How Pol Pot came to power. A history of communism in Kampuchea. 1930–1975. L., 1985.
166. Kirk D. Revolution and political violence in Cambodia. — In: Zasloff J., Coodman A. Indochina in conflict. Ithaca, 1972.
167. Lacouture J. L' Indochine: Sihanouk vue de Pekin. P., 1972.
168. Lancaster D. The decline of Prince Sihanouk's regime. — In: Zasloff J., Coodman A. Indochina in conflict. Ithaca, 1972.
169. Laurent M. L'armée au Cambodge et dans les pays en voie de développement du Sud-Est Asiatique. P., 1968.
170. Leifer M. Cambodia. The search for security. N.Y., 1967.
171. Lefort C. The political forms of modern society. Cambridge, 1986.
172. Long N. An introduction to the sociology of rural development. L., 1977.

173. Nallet S. Bureaucracy and technocracy in the socialist countries. Nottingham, 1974.
174. Masol L. Brown R. Rice, rivalry and politics. L., 1983.
175. Meyer Ch. Derrière le sourire khmer. P., 1971.
176. Migozzi J. Cambodge: feits et probléms de population. P., 1973.
177. Myrdal J. Why there is famine in Kampuchea. Southeast Asia Chronicl. №77.
178. Mosyakov D. The Khmer Rouge and Vietnamese Communists: A History of Their Relations as Told in the Soviet Archives. In Genocide in Cambodia and Rwanda: new perspectives Yale Center for International and Area Studies. New Hawen, 2004.
179. Osborne M. The French presence in Cochinchina and Cambodia Rule and Response 1859–1905. Ithaca — L., 1969.
180. Osborne M. Politics and Power in Cambodia. The Sihanouk Years. Hong Kong, 1973.
181. Osborne M. Before Kampuchea. Preludes to tragedy. Sydney, 1979.
182. Page E.C. Political and Bureaucratic power. Brighton, 1985.
183. Pomonty J.C. Thion S. Dès courtisans aux partisans. Essai sur la crise cambodgienne. P., 1971.
184. Ponchaud F. Cambodia Year Zero Penguin books, 1977.
185. Preschez Ph. Essai sur la démocratie au Cambodge. P., 1961.
186. Prudhomme R. L' économie du Cambodge. P., 1968.
187. Robequin Ch. The economic development of French Indochina. L., 1944.
188. Roberts D.W. Political transition in Cambodia 1991–1999. Richmond, 2001.
189. Scott J.C. The moral economy of the peasant. Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Hawen — L., 1976.
190. Scott J.C. Hegemony and the peasantry in the South East Asia in a changing world. Tokyo, 1980.
191. Sharp L. Hanks L.M. Bang Chan: Social history of a rural community in Thailand. Ithaca — L., 1978.
192. Shawcross W. Sideshow: Kissinger, Nixon and the destruction of Cambodia. N.Y., 1987.
193. Sheldon S. War and Politics in Cambodia. Durham, 1974.
194. Smith R. Cambodia foreign policy. N.Y., 1965.
195. Southeast Asia: The politics of national integration. N.Y., 1973.
196. Steinbach J. et Steinbach J. Phnom Penh Liberée. P., 1976.
197. Steinberg D. Cambodia, its People, its Society, its Culture. New Hawen, 1957.
198. Tichit L.L. Agriculture au Cambodge. P., 1981.
199. Thion S., Kiernan B. Khmers rouges! Materiaux pour l' histoire du communisme au Cambodge. P., 1981.
200. Thionne S. Dans les maquis cambodgienne. P., 1977.
201. Tong A. Sihanouk: La fin des illusions. P., 1972.
202. Vickery M. Cambodia 1975–1982. Boston, 1985.
203. Vickery M. Kampuchea. Politics, Economics and Culture. L., 1986.

204. Williems M. The land in Between. The Cambodian dilemma. N.-Y., 1970.
205. Wilmott W. E. The Chinese in Cambodia. Vancouver, 1967.
206. Wilmott W. E. The political structure of the Chinese community in Cambodia. L., 1970.
207. Wolf E.R. Peasant wars of the Twentieth century. L., 1973.
208. Wright E. O. Class, Crisis and the State. L., 1978.
209. Yathey P. L'Utopie meurtrière. P., 1980.

на русском языке

210. Агаджанян А. С. Бирма: крестьянский мир и государство. М., 1989.
211. Агропромышленная сфера стран Индокитая. М., 1985.
212. Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968.
213. Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977.
214. Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. М., 1981.
215. Александров Ю. Г. Юго-Восточная Азия: проблемы аграрной эволюции. М., 1979.
216. Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М., 1988.
217. Берзин Э. О. История Таиланда: краткий очерк. М., 1973.
218. Берчетт У. Вверх по Меконгу. М., 1958.
219. Бектемирова Н. Н. Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.
220. Бектемирова Н. Н. Кризис и падение монархического режима в Кампучии. М., 1987.
221. Бектемирова Н. Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е. В. Новейшая история Кампучии. М., 1989.
222. Бектемирова Н.Н, Селиванов И. Н. Королевство Камбоджа. М., 2002.
223. Бектемирова Н. Н., Дольникова В. А. Камбоджа и Таиланд: Тенденции политического развития (1980–2000). М., 2007.
224. Васильев В. Ф. Бирманский путь к социализму: институционализация власти и проблема национального единства — Юго-Восточная Азия. Современное политическое развитие. М., 1984.
225. Верин В. П. Государственный строй Камбоджи. М., 1958.
226. Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983.
227. Гаврилов Ю. Н. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М., 1970.
228. Гордон А. В. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии (научно-аналитический обзор дискуссии американских этнографов о социальной организации и межличностных отношениях в тайской деревне). М., 1980.
229. Гордон А. В. Личность в крестьянском обществе. — Азия и Африка сегодня, 1981, № 12.
230. Гордон А. В., Хорос В. Г. Крестьянство на современном этапе. Революци-

онный процесс на Востоке. История и современность. М.,1982.
231. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.
232. Глунин В.И., Мугрузин А.С. Крестьянство в китайской революции. — Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982.
233. Гурницкий В. Песочные часы. М., 1983.
234. Государство и аграрная революция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.
235. Данилов В.П., Данилова Л.В., Растянников В.Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства. — Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977.
236. Дементьев Ю.П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе 1852–1907. М., 1960.
237. Дементьев Ю.П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского Союза 1858–1907. М., 1975.
238. Дементьев Ю.П. Кампучия: крах маоистского эксперимента. М., 1979.
239. Деревня Востока: от социальной напряженности к политической борьбе. М., 1987.
240. Деревня современного Востока: основные пути эволюции. М., 1963.
241. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме 1946–1975. М., 2002.
242. Зарубежный Восток и современность. Т. 1–2. М., 1980.
243. Индокитай на рубеже веков. М., 2001.
244. Иоанесян С.И. Сельское хозяйство стран Юго-Восточной Азии. М., 1980.
245. Исаев М.П. Внешняя политика стран Индокитая. М., 1989.
246. История Востока. Т. 5: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М., 2006.
247. История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981.
248. Кадымов Г.Г. Путь к независимости. М., 1966.
249. Кампучия: жизнь после смерти. М., 1985.
250. Кобелев Е.В. Народная Республика Кампучия. М., 1981.
251. Косиков И.Г. Кампучия. М., 1982.
252. Ли В.Ф. «Необюрократия» как субъект модернизации послеколониального общества. МЭиМО, 1989, №2.
253. Ляхс М. Женевские соглашения 1954 г. об Индокитае. М., 1956.
254. Малетин Н.П. АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1967–1997). М., 1999.
255. Международные отношения в Южной и Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. М., 1978.
256. Мигранян А.М. Обоснованные и необоснованные исторические параллели. МЭиМО, 1989, № 7.
257. Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру. М., 1977.
258. Мосяков Д.В. Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский эксперимент. М., 1986.

259. Мосяков Д. В. Камбоджа: внутреннее развитие. М., 1991.
260. Мосяков Д. В. Социально-экономическое развитие Камбоджи в XX веке. Деревня и власть. М., 1999.
261. Мосяков Д. В., Тюрин В. А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004.
262. Мугрузин А. С. Аграрные отношения в Китае в 20–40 гг. 20 в. М., 1970.
263. Новейшая история Китая. М., 1972.
264. Огнетов И. А. На вьетнамском направлении. М., 2008.
265. Панарин С. А. Социальные конфликты в деревне стран Востока в 70-е — первой половине 80-х годов: предпосылки, виды, особенности. Национальные и социальные движения на Востоке. История и современность. М., 1986.
266. Перегудов С. П. Бюрократия, госсобственность и огосударствление в советском обществе. — МэиМО, 1989, № 5.
267. Поповкина Р. А. Французские монополии в Индокитае. М., 1960.
268. Проблемы экономической самостоятельности стран ЮВА. М., 1970.
269. Растянников В. Г. Развивающиеся страны: Продовольствие и политика. М., 1968.
270. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
271. Растянников В. Г. Проблемы воспроизводства в сельском хозяйстве на доиндустриальной стадии. — Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980.
272. Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982.
273. Сенг Синит. Внешняя политика Камбоджи с 1979 по 2003 г. и ее отношения с АСЕАН. Дисс. на соиск. ст. канд. ист. наук. М.: РУДН, 2004.
274. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
275. Скворцов В. Н. Кампучия: спасение свободы. М., 1980.
276. Смиренская Ж. Д. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба. М., 1979.
277. Сочевко Г. Г. Современная Камбоджа 1941–1965 гг. М., 1967.
278. Сочевко Г. Г. Об аграрных отношениях в Камбодже. — Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968.
279. Спекторов Л. Д. Феодальные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората. М., 1979.
280. Степанов Е. Д. Пекин против Ханоя (60-е — начало 80-х годов). М., 1983.
281. Страны Индокитая в борьбе за независимость и социальный прогресс 60–70-е годы. М., 1980.
282. Традиционный мир Юго-Восточной Азии: малая группа и социальная динамика. М., 1991.
283. Фурсов А. И. Бюрократия как исторический тип организации власти. — МЭ и МО, 1989, №7.
284. Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
285. Хорос В. Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся

странах. М., 1980.
286. Чандлер Д. П. Брат номер один. Екатеринбург, 2005.
287. Чау Сометхия. Рыночные преобразования экономики Камбоджи в 90-е годы. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. М., 2001.
288. Чешков М. А. Концепция бюрократии: необходимость пересмотра. — МЭ и МО, 1989, №2.
289. Чешков М. А. Сталинский тоталитаризм или идеальный тип общества несвободы. — МэиМО, 1989, №7.
290. Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа. М., 1967.
291. Шубин В. В. Кампучия: суд народа. М., 1980.
292. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
293. Юго-Восточная Азия в 70-е годы. М., 1979.
294. Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие. М., 1984.
295. Юго-Восточная Азия: развитие капитализма. М., 1987.
296. Юго-Восточная Азия: параметры безопасности в конце XX столетия. М., 1995.
297. Сборники «Юго-Восточная Азия в 1998–2006: актуальные проблемы развития». М., 1999–2007.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

на русском, английском и французском языках

298. Азия и Африка сегодня. Москва.
299. Вопросы истории КПСС. Москва.
300. Восток. Москва.
301. Вестник МГУ. Серия «Востоковедение». 1996. Москва.
302. Газета, Москва.
303. Деловой мир. Москва.
304. Известия. Москва.
305. ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. АТР. Москва.
306. Коммерсант. Москва.
307. Комсомольская правда. Москва.
308. Мировая экономика и международные отношения. Москва.
309. Независимое военное обозрение. Москва.
310. Новое время. Москва.
311. Правда. Москва.
312. Проблемы Дальнего Востока. Москва.
313. Проблемы мира и социализма. Прага.
314. Советская Россия. Москва.
315. Agence Khmer de Presse. Phnompenh.
316. Asia Reserch Bulletin. Singapore.
317. Asia Watch. New York.
318. Asiaweek. Hong Kong.
319. The Australian. Canberra.

320. Bangkok Post. Bangkok.
321. Bulletin d'Agence Khmer d'information. Phnompenh.
322. Bulletin d'Agence France-Press. Paris.
323. Bulletin de l' information de la République Khmer. Phnompenh.
324. Les Cahiers du Sangkum. Phnompenh.
325. Cambodian Commentary. Phnompenh.
326. The Cambodia daily. Phnompenh.
327. The Cambodia Times. Phnompenh.
328. Le Cambodge. Phnompenh.
329. Canberra Times. Canberra.
330. Le Courrier phnompenhois. Phnompenh.
331. La depêche du Cambodge. Phnompenh.
332. Études cambodgiennes. Phnompenh.
333. Études et Documentations. Phnompenh.
334. Études rurales. Paris.
335. Études vietnamiennes. Hanoi.
336. Far Eastern Economic Review. Hong Kong.
337. Financial Times. London.
338. Frontline. Madras.
339. The Guardian. London.
340. The Independent. London.
341. Indochine Issues. Washington.
342. International Gerald Tribune.
343. Khmer Republic. Phnompenh.
344. Link. Delhi.
345. Matin. Paris.
346. Le Monde. Paris.
347. The Moscow Times. Moscow.
348. Nation. Bangkok.
349. New Straits Times. Kuala Lumpur.
350. The New York Times.
351. Newsweek. New York.
352. Les nouvelles de Kampuchea Démocratique. Phnompenh.
353. L'Observateur. Phnompenh.
354. Paris-match. Paris.
355. Phnompenh Daily.
356. Phnom Penh Post. Phnompenh.
357. Réalités Cambodgiennes. Phnompenh.
358. The Republic. Phnompenh.
359. Revue de l'armée. Phnompenh.
360. Le Sangkum. Phnompenh.
361. Star. Kuala-Lumpur.
362. The Straits Times. Singapore.
363. Telegraf. Delhi.
364. The Times (Australia). London.

365. Tribune d'Indochine. Hanoi.
366. Reuter. London.
367. The Washington Post. Washington.

на кхмерском языке

368. Аекопхиеп. Пномпень.
369. Аекоса срау чриеу. Пномпень.
370. Бомпхлы Мирокиа падевоат. Пномпень.
371. Кампучия. Пномпень.
372. Кон тоап. Пномпень.
373. Кон тоаап падевоат. Пномпень.
374. Махасамаки краом тун ранасей. Пномпень.
375. Миетопхум. Пномпень.
376. Мыттыпхиеп. Пномпень.
377. Неак ккусна. Пномпень.
378. Неак тийет нийюм. Пномпень.
379. Пномпень. Пномпень.
380. Прачеачун. Пномпень.
381. Риеткеть протех Кампутиа. Пномпень.
382. Росмей Кампучия. Пномпень.
383. Самакки. Пномпень.
384. Сахатип. Пномпень.
385. Сомленг Пномпень. Пномпень.
386. Чадомук. Пномпень.
387. Чхием Кхмае. Пномпень.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ай Чхеан 597
Акаши Ясуси 563, 564, 566, 569, 570, 572, 577, 578, 586, 587, 592, 704, 705
Анг Дуонг 13, 19, 45, 591
Аникин А.С. 654
Ачар Панг Кат 31
Ачар Суа 13, 21
Ачар Ук Чеа 31
Ачар Хем Чиеу 31, 38, 39

Бао Дай 78, 99
Баррон Дж. 338, 343, 351, 361, 369
Бейкер Э. 509
Бектемирова Н.Н. 112, 131, 172, 176, 606
Брежнев Л.И. 327, 334, 387, 416
Бриер де Лиль 13
Бриссе Ж. 108, 152
Бу Тхонг 392, 403, 418–420, 429, 430, 438, 696
Будда 11, 119
Бун Срон 603
Буор Хорнг 36
Бутрос Гали 568, 571
Бухарин Н.Н. 336
Бхававарман 10

Вебб К. 258
Викери М. 419, 422, 430, 671
Во Донг Зианг 409
Ву Хоанг 392
Вэнс С. 509

Гайданов И. 386, 391
Гильденбранд Дж. 308, 338, 364
Гитлер 502
Глунин В.И. 173

Годар Ж 34
Гончаров П. 617
Горбачев М.С. 447, 530, 532, 535, 538, 539, 700
Громыко А.А. 139, 327, 533, 538
Гур Г. 112
Гурницкий В. 346

Дадмен Р. 509
Даллес Дж.Ф. 78
Дап Чхуон 69, 125, 126–128, 134, 135, 235, 272
Дарлан 38
Дебре Ф. 285, 286, 299
Деку 37, 38
Дельвер 48, 49, 56, 103, 168, 472, 633
Дементьев Ю.П. 21
Джаяварман II 10
Джаяварман VII 11
Джаяварман VIII 11
Дудар де Лагре 14
Дуч 626
Дэвидсон Ф.Б. 244
Дэн Инчао 388, 501, 675
Дэн Сяопин 299, 329, 388, 396, 501–507, 509, 513, 514, 519, 566

Зиглер Р. 270

И Чхеан 626
Ие Коесс 73, 88
Иенг Мули 579
Иенг Сари 68, 198, 199, 202, 205, 209, 250, 278, 281, 283, 285, 287, 296, 297, 309, 327, 328, 333, 334, 371, 377, 389, 407,

414, 500–505, 507, 509, 514, 519, 566, 583, 598, 599, 609, 626
Ин Там 240, 242, 250, 654
Индраварман II 11
Ит Сарин 288, 289
Йем Самбур 107

Камбу 10
Камм Г. 369
Кан Шен 207, 208
Ке Паок 601, 602
Кеат Чхон 278
Кейси У. 517
Кейсон Фомвихан 324
Кенг Вансак 114
Кео Меас 195, 196, 220, 333
Кео Миа 100, 124, 185, 200, 202, 203, 206
Кео Муни 89, 333
Кео Чанда 277, 292, 392, 403, 411, 418–420, 426, 427, 495
Ким Ир Сен 510
Кирк Д. 306
Киссинджер Г. 290
Кларк Д. 537
Кобелев Е. В. 679
Козырев А. 593
Кой Тхуон 282
Конг Корм 430, 682
Конг Самол 426, 427, 485, 491, 492
Конг Силеах 511
Конг Чап 383
Коссамак 129, 130
Косыгин А. Н. 230, 265, 266
Криангсак Чаманан 505
Крутиков В. А. 209
Кузнецов В. В. 327
Кулешов А. 686
Кунуги Т. 480
Кханг Сарин 392
Кхеам Рет 249
Кхиеу Каньярит 451, 585
Кхиеу Муй 370, 374, 668
Кхиеу Поннари 282
Кхиеу Самфан 68, 135, 144, 150, 180, 190, 209–211, 270, 272, 289, 293, 296, 297, 302, 328–331, 368, 385, 387, 508, 511–514, 544, 546, 547, 554, 557, 558, 561, 564, 568, 577, 579, 582, 595, 596, 601, 602, 607–609, 611, 626, 646, 674, 702, 704
Кхим Тит 110
Кхуон Судари 669
Кьернан Бен 35, 113, 166, 228, 230, 305, 316, 323, 401, 662

Ла Грандьер 14, 15
Ле Дык Ань 455
Ле Дык Тхо 290, 392, 409, 417, 418, 662, 665, 680
Ле Зуан 206, 207, 285, 293, 294, 314, 323, 325, 326, 331, 333, 390, 392, 393, 413, 416, 423, 662, 665
Ле Чонг Тан 393
Ленин В. И. 88, 93, 451, 458, 580
Летурно М. 77
Ли Куан Ю 517
Линь Бяо 298
Ллуэллин Томпсон 139
Лон Нол 69, 97, 99, 127, 143, 146–149, 151, 153, 155–157, 204, 232–236, 240–251, 263–266, 269–276, 278, 287, 291, 295, 297, 306, 307, 317, 321, 338, 422, 503, 507, 588, 643, 654, 655, 659, 663
Лон Нон 264
Лонг Борет 250, 264
Лонг Сеам 703, 706, 707, 710–713
Лориндон 566
Лю Шаоци 336

Макнамара Д. 577
Мао Цзэдун 276, 292, 325, 335, 336, 661

Маркс Карл 88, 93, 119, 458, 580
Мартин М. А. 371
Мат Ли 430, 682
Мейер Ш. 80, 154, 157, 172, 179, 227
Мен Сам Он 437
Миех Сомнанг 292, 401, 496
Мича Фуа 47
Миядзава 582
Монгкут 14, 15
Моник Сианук 155
Монипонг 69, 73
Монирет 36, 37, 66, 69, 79, 129
Монтана 69
Мугрузин А. С. 173
Муол Самбат (Рос Нхим) 359, 360, 364, 373, 378
Мякотных Ю. Н. 209, 413, 453, 676, 700, 702, 704–706

Нго Динь Зием 192, 241, 640
Нго Дьен 419, 695
Нгуен Ван Тхиеу 245, 247
Нгуен Ван Хиеу 143
Нгуен Ко Тхать 269, 313, 326, 421, 660, 662
Нгуен Нгок Тинь 394
Нгуен Тхань Ле 205
Нгуен Тань Шон 88, 89, 100
Нгуон Ньел 430, 443, 496, 679, 681, 683, 693, 699
Неак Тиулонг 99
Ней Саран 333
Никсон Р. 237, 313
Нон Суон 133, 134, 185, 194, 195, 333
Нориндет 68, 69, 112
Нородом 13–16, 18, 20, 21, 23, 24, 46, 591
Нородом Пхуриссара 123
Нородом Раннарит 393, 516, 556, 578, 585, 586, 587, 589, 590, 595, 598, 600, 604–612, 614, 615, 621, 623, 624, 711
Нородом Сиривуд 606
Нородом Суримарит 36, 37, 129
Нородом Чакрапонг 556, 585, 586, 604
Нуон Чеа 197–202, 204, 209, 231, 271, 277, 279, 280, 282, 308, 309, 313, 314, 323, 324, 328, 331, 333–335, 371, 390, 394, 395, 566, 575, 599, 601, 602, 626, 646

Овсянников Ю. В. 461
Огнетов И. А. 658, 667, 679
Ориоль Венсан 77
Осборн Милтон 28, 227
Оскар Пино Сантос 237

Пайк Д. 322
Пауэлл Е. 342
Пен Навут 430
Пен Нут 76, 79, 81, 111, 123, 152, 271, 502
Пен Сован 292, 392, 394, 403, 404, 408, 410, 412–419, 431, 436, 463, 467, 520, 522, 678, 680
Перес де Куэльяр 514
По Камбао 13, 21
Пок Доскомар 220, 221, 282
Пол А. 338, 343, 351, 361, 369
Помонти Ж. К. 179
Портер Г. 308, 338, 364
Прешец Ф. 76, 112
Прюдомм Р. 168, 169, 180
Пхук Чхай 151, 276

Растянников В. Г. 183
Рогачев И. А. 540, 701
Роули Келвин 499, 522
Руссо А. 43
Рыжков Н. И. 541

Сай Бутхонг 382, 404, 408, 419, 420, 423–425, 429–434, 438, 585, 681

Салотх Сар 92, 94, 134, 186, 187, 196–210, 220, 221, 223, 224, 226, 231– 233, 269, 271, 275–286, 290–296, 299, 302, 306–310, 312–331, 333, 337, 365, 386, 403, 406, 425, 562, 659, 663, 678
Пол Пот 29, 68, 92, 134, 186, 199, 202, 203, 205, 206, 223, 278, 320, 331–336, 338, 343, 350–353, 355, 359, 363, 364, 367–372, 375–378, 380, 383, 384, 385–399, 401, 402, 404, 406–408, 410, 413–415, 422, 431, 441, 446, 450, 464, 484, 499–504, 506–511, 514, 526, 535, 536, 544–547, 550, 557–562, 564–570, 572, 574–577, 579–583, 587, 588, 592, 593, 595–602, 607, 625, 626, 628, 673, 681, 686, 706, 710
Сам Рэнси 605–607, 613–618, 621, 623, 624, 627
Сам Сари 79, 107, 125–128, 134, 135, 235, 272, 606, 640
Сандерсон 570
Сау Кхам Кхой 263
Сванк Э. 241
Си Ватха 13
Сианук Нородом 29, 35, 37, 40, 66, 68, 71–82, 86, 90, 95–101, 105–112, 114–162, 164, 171, 174–176, 179, 181, 182, 185–196, 199, 201, 202, 204, 206–208, 210, 213, 219, 220, 222–224, 226–236, 238, 239, 242–244, 246, 247, 249, 250, 252, 253, 265–267, 269–275, 278, 279, 281–283, 293, 295–300, 302, 309, 321, 327–330, 345, 385, 388, 393, 396, 397, 421, 422, 426, 443, 444, 449, 450, 454, 488, 491, 501–504, 508–517, 523, 524, 527, 529, 532–534, 536–538, 540–542, 546, 547, 550–553, 555–557, 560, 571, 574, 575, 580, 581, 583, 585–588, 590–593, 596, 597, 599, 604, 606, 611, 613, 615, 616, 623, 628, 636, 640, 643, 659, 663, 686, 695, 699
Сим Вар 36, 11, 112, 146, 155, 156
Син Сонг 585, 604
Сирик Матак с.155, 240, 242, 243, 264, 272 –274, 643, 654
Сисоват 19, 27, 36, 37, 47, 591
Сихамони 623
Со Кхенг 567, 705
Со Пхим 203, 309, 310, 312, 371, 372, 382, 383, 394, 395, 665, 671, 676
Сок Тхуок (Ворн Вет) 282, 352, 380, 673
Соларз С. 549
Соломенцев М.С. 326
Соломон Р. 559
Сон Нгок Минь 83, 85, 89, 92, 93, 184, 200, 207, 220, 275, 403
Сон Нгок Тхань 31, 36, 38, 39, 40, 65, 75, 76, 126, 129, 135, 237
Сон Санн 111, 139, 142, 426, 443, 449, 491, 499, 511–517, 523, 524, 526, 527, 529, 537, 542, 546, 547, 567, 571, 578, 579, 583, 589, 590, 595, 604, 610, 641
Сон Сен 202, 282, 283, 299, 371, 385, 557, 561, 562, 566, 600, 601
Сонгсак 272
Состен Фернандес 155, 656
Сочевко Г.Г. 48, 49, 57, 58, 103, 170, 174, 179
Сталин И.В. 221, 336, 502
Суан Тхюи 331
Сун Хао 396
Суон Сенг 114
Сурьяварман II 11

Сухарто 542, 619
Сью Хенг 85, 89, 186, 202

Та Куанг Быу 99
Та Мок 292, 300, 307, 309, 310, 372, 395, 575, 599, 600, 601, 609, 626, 662, 710
Та Прачха 309
Таер Н. 561, 601
Таскер Р. 498
Твайнинг Ч. 584
Теп Хен 185, 646
Тие Бань 543
Тиши Л. 213
То Кюен 82, 678
Тонг А. 129
Тринь Хоань 77
Ту Самут 89, 92, 100, 185, 186, 197, 199–202
Тхач Чхоен 33
Тхом Борет 286
Тьон С. 179

Ум Маннорин 155
Ун Пхон 453, 454
Унг Хон Сат 229, 230
Унг Хуот 611

Фам Ван Ба 93, 326
Фам Ван Донг 81, 82, 233, 269, 270, 294, 332, 400, 510, 638, 659
Фам Хунг 291
Фирюбин Н. П. 327
Форест А. 45, 46, 54, 57, 62

Хайберт М. 446, 491
Ханг Тхун Хак 254
Хань Нанлун 505
Хедер С. 227, 661
Хейг А. 546
Хем Кришна 524
Хем Самин 293
Хенг Самрин 185, 372, 383, 393, 401, 403, 404, 408, 412, 414–416, 418–420, 423, 424, 429, 430, 431, 433, 441, 451, 452, 454–456, 461, 531, 533, 537–540, 542, 549, 551, 676, 700
Хо Ши Мин 85, 138, 295, 315, 324, 330, 580
Хоанг Ань 280
Хоанг Ван Лой 331, 335
Холбрук Р. 549
Хонг 383
Хор Намхонг 445, 543, 701
Хрущев Н.С. 417
Ху Кантхоул 74
Ху Ним 68, 135, 144, 150, 151, 173, 190, 211, 221, 253, 272, 276, 296, 302, 311, 312, 353, 359, 378, 651, 661
Ху Юн 135, 136, 144, 150, 168, 172, 173, 190, 211–218, 253, 254, 270, 274, 296, 302, 304, 305, 308, 309, 311, 312, 314–316, 320, 323, 336, 352, 464, 666, 673
Хуа Гофэн 387, 396, 502, 505
Хун Сен 29, 320, 382, 392, 408, 409, 412, 415, 421–425, 427–430, 436–438, 440, 442, 443, 445, 446, 449–456, 458, 459, 469, 470, 491, 496, 497, 532, 537, 538, 540–544, 546, 550–553, 555–560, 565, 566, 570–575, 579–581, 584–586, 589, 590, 595, 598, 599, 602–604, 606–617, 620, 621, 623–626, 675, 682, 685, 699, 700, 701, 712
Хуот Самбат 278

Цзян Цзин 292
Цянь Цичэнь 574

Чан Вен 98, 115, 187, 229, 316, 398, 407, 411, 519, 637, 661, 665, 666, 670, 671, 673, 678, 689, 692
Чан Куинь 331
Чан Си 392, 418–420, 429

Чан Тхань Суан 331
Чан Хи Хиен 659
Чан Юран 278
Чанда Н. 304
Чандлер Д. 84, 92, 153, 186, 352, 361, 370, 384, 450, 514, 561, 598, 609
Чао Сенг 135, 278
Чаплин Б.Н. 205, 530, 540, 698, 700
Чау Кхонг 79
Чау Сометхия 619
Чеа Сан 278
Чеа Сим 401, 403, 404, 408, 415, 418, 423, 429, 431, 438, 451, 453, 455, 456, 497, 524– 526, 557, 580, 587, 590, 599, 604, 611, 617, 625, 693
Чеа Сот 392, 415, 429, 431
Чен Пхон 430
Ченг Хенг 244
Чень Ан 383
Чешков М. 336
Чжоу Энь Лай 298, 299, 327, 329, 388, 501
Чу Чет 194, 276, 282, 383, 651
Чум Бунрунг 536
Чхеан Вам 67
Чыонг Тинь 332

Шарнэ 13
Шеварднадзе Э.А. 540, 542, 543, 700
Шеверну Ж. 178
Шенберг С. 302
Шено Ж 18
Шоукросс У. 187, 256, 257
Шульц Дж. 540, 541

Щербаков И.С. 659

Эванс Г. 593
Энгельс Ф. 119
Эссаровонг 47
Эшли Д. 597, 706

Юн Ят 348
Ютевонг 67, 68, 88
Юх Пао 284
Юх Сон 430, 682

Язов Д.Ф. 543

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австралия 549, 568, 605, 701
Азия 39, 81, 130, 154, 511, 549, 559, 574
Амлеанг 315, 507
Ампил 527
Ангкор 10, 11, 15, 16, 28, 29, 298
Ангкор Ват 11, 29, 389, 621
Ангкор Тхом 12
Англия 17, 98, см. также Великобритания 125, 536, 550
Ангола 589
Анлонгвенг 595, 598, 599, 600, 601, 607, 608, 609
Араньяпратхет 499, 512
Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) 421, 438, 447, 512, 514–517, 519, 532, 536, 540, 541, 546, 701
Афганистан 535

Байон 11
Бангкок 15, 16, 126, 192, 197, 388, 492, 500, 505, 517, 587
Бангладеш 576
Банметхуот 395
Бантейчхмар 300
Бапном 10, 248
Бассак 60
Баттамбанг 15, 16, 27, 48, 49, 51, 52, 60, 70, 79, 85, 97, 103, 114, 129, 147, 148, 151166, 168, 176, 186, 197, 224, 227, 228, 229, 230, 248, 253, 258, 294, 300, 351, 359, 361, 373, 417, 450, 481, 499, 500, 522, 524, 526, 527, 530, 531, 547, 548, 551, 571, 582, 585, 595
Бенг Кхтум 225–227
Бирма (Мьянма) 12, 81
Бол Наот 427
Болгария 576

Вашингтон 78, 241, 243, 511, 512, 516, 519, 539, 542, 550, 588, 654
Виши 37–39
Восточная Европа 462
Вьентьян 594
Вьетбак 82
Вьетнам 11–13, 17, 27, 28, 32–34, 39, 54, 78, 80–86, 91, 93, 94, 98–100, 138, 140, 156, 157, 184–187, 189, 190, 195, 197, 198, 200, 202, 203, 205, 206, 210, 220, 231, 232, 269–271, 273, 275, 278–281, 283–286, 290, 291, 293, 294, 300, 306, 313–316, 319323–326, 330–336, 371, 378, 380, 381, 384–395, 399–403, 407, 409–411, 414, 416, 417, 419, 421–423, 429, 430, 436–438, 444, 447, 448, 450, 455, 456, 462, 467, 500, 503, 505, 506, 508–511, 513518–520, 531, 532, 539, 540, 542, 545–547, 550, 553, 561, 565, 574, 576, 580, 594, 598, 613, 618, 621, 628, 629
Северный Вьетнам 94, 98, 100, 128, 129, 134, 138, 140, 188, 194, 234, 236, 245, 249, 271, 290
Южный Вьетнам 13, 14, 16, 27, 33, 83, 85, 86, 92, 126, 130, 135, 138–140, 152–154, 157, 163,

180, 185, 188, 192, 194, 200, 207, 208, 223, 225, 234, 235, 237, 241, 290, 291, 294, 307, 392, 393, 452
Вьядхапура 10

Гавайские острова 263
Гуанчжоу 269

Дайвьет 11
Дангрек 75
Джакарта 250, 542, 544, 549, 550, 552
Донгкхой 295
Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) 85, 98, 99, 140, 154, 157 188, 207, 220, 236, 244, 249, 269, 271, 286, 290, 294, 314, 331
Дьенбьенфу 96

Европа 37
Европейский Союз 617

Женева 98

Запад (в смысле западный мир как целостность) 9, 136, 137, 142, 143, 187, 235, 346, 447, 459, 518, 529, 576, 605, 629
Западная Европа 605
Западный Барай 165

Индия 99, 462, 536, 701
Индокитай 10, 12–14, 17, 18, 29, 30, 32–40, 63, 66, 73, 76–78, 80, 82–85, 90, 92–94, 98, 100–102, 133, 140, 163, 192, 196, 203, 233, 246, 263, 270, 274, 280, 281, 290, 294, 324, 369, 371, 372, 388, 390, 395, 396, 410, 423, 448, 455, 492, 539, 540
Индокитайский полуостров 9, 10, 12, 38
Индокитайский союз 23, 25, 37, 81
Индонезия 81, 546, 568, 619, 627
Индрапура 10

Камбуджадеша 10, 11, 28, 29
Кампонг Сейла 309, 310
Кампонгспы 15, 52, 106, 227, 245, 255, 258, 300, 449, 484, 490, 507, 531, 681
Кампонгтхом 37, 126, 127, 227, 255, 279, 294, 300, 311, 344, 381, 395, 463, 481, 530, 562, 575, 681
Кампонгчам 22, 33, 34, 45, 47, 50–53, 59, 60, 97, 104, 133, 143, 165, 172, 194, 227, 239, 244, 245, 251, 253, 254, 258, 300, 306, 311, 383, 403, 427, 449, 481, 493, 582
Кампонгчхнанг 29, 198, 227, 229, 230, 300, 463, 530, 585
Кампот 54, 55, 60, 95, 97, 106, 227, 229, 230, 244, 245, 300, 303, 305, 307, 373
Кампучия кром 12, 385, 674
Канада 78, 701
Кандал 33, 47, 51–53, 103, 104, 166, 169, 172, 245, 258, 300, 303, 305, 315, 338, 409, 462, 463, 481, 484, 493, 522
Каобанг 506
Кардамоновы горы (Кравань)
Китай 11, 90, 127, 128, 131, 142, 151, 152, 208, 210, 223, 226, 229, 265, 267, 269, 270, 276, 278, 291, 298, 313, 325, 335, 336, 340, 343, 375, 378, 385–387, 390, 395, 396, 406, 421, 438, 447, 501, 502, 505, 506, 514, 515, 517, 523, 524, 532, 536, 537, 539, 542, 545, 550, 552, 553, 566, 568, 574, 575, 577, 578, 580, 582, 586, 588, 593, 618, 625, 627, 629, 695

Китайская Народная Республика (КНР) 98, 208, 220, 227, 228, 265, 299, 313, 327, 329, 387, 396, 501, 504–507, 511, 514, 552, 574, 675
Кохинхина 13, 14, 19, 20, 21, 82, 92
Кохконг 160, 229, 300, 309, 362, 404, 411, 498, 505, 507, 525, 571, 610
Кратие 33, 53, 67, 97, 98, 279, 286, 298, 300, 338, 381, 383, 395, 521
Куала-Лумпур 512
Кут 506
Кхао-и-данг 518

Лазурный берег 76
Лангшон 506
Лаос 11, 17, 28, 32, 33, 37, 39, 80, 83, 84, 91, 93, 94, 96, 98, 99, 138, 140, 187, 196, 208, 237, 249, 270, 273, 281, 290, 330, 407, 421, 462, 520, 525
Лаосская Народно-демократическая республика (ЛНДР) 421, 542, 543
Ловек 12, 47
Ломпхат 97
Лонгзяо 393

Малайзия 10, 11, 517, 619
Малаккский полуостров 28
Махендрапарват 10
Меконг 10, 12, 14, 47, 50, 53, 102, 104, 188, 298, 364, 395, 462, 481, 493, 630, 656
Мемот 245, 393
Мондолкири 160, 238, 245, 271, 300, 481
Монгколборей 27
Москва 125, 128, 129, 149, 156, 209, 221, 222, 230, 236, 265–269, 327, 387, 391, 393, 413, 416, 418, 422, 447, 507, 532, 533, 535, 536, 538–545, 550, 553, 593, 594, 637, 647, 659, 679, 703

Нам Лир 139
Неаклуонг 263, 656
Нонг Самет 518, 527
Нонг Чан 518
Нью-Йорк 78, 369, 388, 665 — газета; 397, 509, 610, 711 — город

Оддармеантьей 300
Обок 527

Пайлин 300, 547, 548, 558, 564, 583, 595, 598–600, 602, 607, 626
Пакистан 81
Париж 16, 18, 20, 35, 41, 71, 79, 114, 156, 236, 265, 290–293, 455, 501, 511, 546, 547, 553, 559, 564, 588, 702
Паттая 544, 552, 557
Пекин 125, 128, 129, 142, 156, 207–209, 222, 223, 227–229, 233, 236, 244, 247, 265, 266, 269–271, 275, 278, 279, 282, 285, 287, 294, 296, 298, 300, 313, 324, 325, 327, 329, 371, 377, 382, 383, 385–389, 391–397, 400–402, 405–407, 452, 500–510, 512–514, 519, 532, 539, 540, 542, 544, 545, 550, 552, 554, 561, 566, 568, 571, 574, 575, 578, 582, 588, 594, 611, 616, 618, 623, 659
перешеек Кра 28
Пномпень 12, 13, 17, 21, 24, 25, 27, 30–35, 38–40, 50, 59, 60, 65, 75, 79, 80, 86, 90, , 92, 93, 105, 110, 123, 134, 138, 140–142, 150, 151, 153, 157, 166, 178, 180, 186, 187, 190, 198, 199,

204, 205, 209, 219–221, 232, 233, 236– 238, 240–242, 245–251, 255–258, 262–266, 268–270, 272, 275, 276, 281, 286, 291, 294, 295, 298, 303, 306, 313, 316–322, 325–335, 338, 352, 361, 362, 367–369, 371, 377, 382, 383, 390–392, 394–397, 399–402, 405–407, 411–413, 415, 416, 418, 419, 421, 422, 426, 427, 429, 430, 432, 440, 445, 446, 448–452, 455, 456, 469, 470, 480, 482, 488, 495, 496, 499, 500, 501, 506, 509, 510, 513, 516, 518, 519, 523– 525, 528– 530, 532–534, 536, 537–539, 541, 542, 544, 545, 547, 548, 550–553, 555, 557, 558, 566, 574–577, 579, 582, 585, 592–595, 602, 609–611, 616–618, 620, 621, 626, 656, 680, 686
Польша 99, 108
Почентонг 157, 236, 531, 612
Преахвихеа 85, 300, 343, 344, 356, 362, 480, 481, 526
Прейвенг 27, 45, 48, 51–53, 60, 87, 89, 106, 143, 172, 239, 245, 286, 300, 304, 371, 400, 449, 462, 463, 481, 522, 581, 585, 681, 690, 692
Прейнокор 12, 674
Пуло Вай 324, 325
Пуло-Кондор 39
Пурсат 15, 227, 229, 230, 300, 359, 361, 373, 417, 507, 522, 526, 530
Пхеньян 266, 596, 658
Пхном Веай Чхап 230
Пхном Малай 527
Пхном Стынг 526
Пхном Тхмей 527
Пхонгсали 99
Ратанакири 139, 156, 160, 208, 226, 238, 271, 278, 319, 481
Ритисиен 527
Ромдоул 157
Российская Федерация (РФ) Россия 149, 209, 340, 593, 594, 666

Сайгон 12, 14, 40, 59, 65, 86, 163, 180, 188, 247, 291, 315, 324, 385, 390, 643, 650, 674
Самлаут 149, 150, 201, 224–228
Самнеа 99
Свайдонгкео 225
Свайриенг 48, 51–53, 87, 89, 103, 104, 127, 143, 157, 166, 172, 239, 255, 300, 304, 400, 462, 463, 481, 681
Свайтьек 547, 548
Северная Корея (КНДР) 628, 658
Сиам 12–15
Сиамский залив 37, 300, 411
Сианувилль (Кампонгсаом) 138, 188, 236 — Сианувилль; 319, 382, 498, 525, 603, 681 — Кампонгсаом
Сиемреап 16, 28, 37, 70, 85, 86, 90, 125–127, 166, 204, 248, 300, 305, 344, 356, 362, 526, 531, 581, 610, 630
Сингапур 444, 495, 517
Сисопхон 37, 339, 547
Сноул 245, 390, 398, 402, 460, 461
Советский Союз (СССР) 98, 110, 127, 128, 131, 137, 139, 195, 205, 207, 209–211, 221, 230, 265–268, 294, 312–314, 316, 325, 327, 333, 336, 393, 417, 421, 428, 436, 447, 452, 462, 480, 495, 511, 532, 536, 538–545, 550, 552, 593, 594, 628
Сомали 589
Срае Понлы 225, 226

Стынгтраенг 27, 37, 87, 160, 300, 481
Сукотаи 11
Суонг 245
США 78, 79, 98, 99, 125, 126, 128–131, 134–137, 139–142, 148, 150, 151, 154, 164, 165, 192, 194, 198, 234–237, 241–243, 245, 246, 263, 266, 270, 274, 276, 290, 294, 297, 307, 313, 335, 388, 407, 421, 428, 438, 447, 464, 501, 509, 511, 512, 515–517, 532, 536, 539, 541, 545, 546, 549, 550, 559, 580, 605, 611, 612, 615, 618, 620, 624, 640, 655, 656

Таиланд 10, 11, 31, 37, 38, 79, 85, 126, 181, 194, 319, 381, 385, 441, 467, 495, 505, 507, 512, 516, 517, 527, 528, 567, 570, 619, 621, 712
Такео 97, 127, 229, 239, 245, 258, 294, 300, 305, 373, 409, 535, 610, 661
Тасань 500, 507
Татум 527
Токио 38–40, 79, 616
Тонлесап 33, 370, 481, 530, 576
Туолсленг 335, 336, 353, 377, 385, 625
Тхмар Сар 309, 310
Тэйнинь 204, 386, 676
Тяудок 27

Утапао 263

Франция 13–17, 19, 20, 23, 27, 28, 34, 37–39, 41, 42, 59, 66–69, 71– 81, 85, 92, 95, 98, 99, 147, 156, 189, 197, 198, 201, 202, 221, 235, 236, 393, 488, 515, 536, 537, 546, 550, 568, 578
Французский Индокитай 17, 18
Фукуок 324
Фунань 10

Ханой 140, 141, 188, 196, 201, 207, 208, 220, 242, 275, 281, 286, 291, 293, 294, 313, 322, 324, 334, 385, 387, 390–393, 395, 416, 419, 444, 455, 495, 510, 517, 532, 539, 540, 542, 545
Харипунджая 11
Хатьен 88
Хуанглок 393

Чампа 11, 12
Ченла 10
Ченла воды 10
Ченла земли 10
Чехословакия 623
Чи Чам 139

Шанхай 313
Шолон 214

Юго-Восточная Азия (ЮВА) 10, 29, 31, 37, 39, 223, 330, 389
Югославия 589

Ява 10
Япония 37–40, 64, 65, 388, 567, 568, 611, 617, 618

SUMMARY

This book embraces more then one hundred years of Cambodian history from the year 1863 when this country became French protectorate and till general elections to Cambodian Parliament in the year 2003. The central place in this book is devoted to the historical events that took place in Cambodia after the Second World War. Under analysis are political and social events that led to dramatic changes in political life of Cambodia. Among them : fight for independence and for Sihanouk domination in Khmer politics in 1945–1953, the establishment of Sangkum and Sihanouk leadership in 1953–1970, his internal and external policy, mistakes and reasons of the military upheaval of the year 1970. After that there is the study of the civil war in Cambodia in 1970-1975 and reasons and consequences of Lon Nol's defeat in 1975.

The special attention in this book is devoted to the history of Cambodian Communist movement, its beginnings, first organizations, the role of Vietnam, China and the USSR on its historical evolution. How Saloth Sar (Pol Pot) came to power, what were the reasons of his social economical and political experiment that led to national catastrophe in the years 1975–1979 when more then one million people died of repressions, hunger and diseases, why internal party opposition to Pol Pot power was totally defeated — the answers on these questions one can find in central chapters of this book.

The next stage of Cambodian history the period of the Peoples Republic of Kampuchea (PRK) 1979–1993 is also in the centre of this research. The internal political fight of the two groups in the leadership, the evolution of PRK economic policy, Hun Sen move to real power and his relations with Vietnamese and Soviets attracts special attention. Also shown the changes in Vietnamese position from 1979 to 1989 on the future of PRK regime, the role of China in economical and political blockade of PRK, and in support of Khmer opposition forces in Thailand. On the basis of new archive documents one can see that it was USSR and its leaders, that gave real impulse to the peaceful process in Cambodian conflict.

In the last chapters of this book one can find the description of the main stages of the peaceful process, how Hun Sen and his party ousted Khmer Rouge from their union with Sihanouk and Son Sann fractions, the activities of UNTAC in Cambodia, the total success of the year 1993 general elections and total defeat of Pol Pot and his Khmer Rouge faction. Also here are the

analysis of the political and social events that took place in Cambodia in the latest years of the XX century and first years of the XXI century. The main point here is the explanation of the great success of Hun Sen — Chea Sim People's Party, when its popularity rose fro740m year to year from one election campaign to another.

The special feature of this book is in its historical foundation — all authors conclusions are based on documentary materials that for the first time used in the scientific research on Cambodia. The archive materials embraces all parts of the book from secret discussions of Sihanouk with Soviet leaders in Moscow in 1955, special telegram of Soviet representatives, stayed in Phnom Penh in April 1975, till secret visit of Vietnamese president to Cambodian capital before General elections in the year 1993 with the purpose to convince Hun Sen and Chea Sim not to split the People's Party, and to save their unity. All these documentary materials were taken from Russian Archive of Modern Political History (РГАСПИ) and from the Archive of Foreign Policy that belongs to the Ministry of foreign affairs of Russia (АВП). Many thanks for them.

Сианук на пике своей популярности на рубеже 50–60-х годов

Сианук и вьетнамский премьер Фам Ван Донг в лучшие годы дружбы

1965 г. В Пекине Мао Цзэдун принимает Сианука. О культурной революции в Камбодже ни слова

Март 1970 г. Советский премьер А. Н. Косыгин выпроваживает фактически потерявшего власть Сианука из Москвы

Сианук среди своих коммунистических друзей. Гуаньчжоу. Май 1970 г. Слева направо: Фам Ван Донг, Сианук, Чжоу Эньлай, «красный» лаосский принц Суфанувонг и один из коммунистических лидеров Южного Вьетнама Нгуен Хыу Тхо. Антиамериканский союз создан

Лон Нол в первые дни после мартовского переворота 1970 г. излучал уверенность

Принц Сисоват Сирик Матак

Южновьетнамские военные вертолеты во время операции «Ченла-2»

1973 г. Поездка Сианука в освобожденные районы Камбоджи. Демонстрация единства с Кхиеу Самфаном

Март 1973 г. Поездка Сианука в освобожденные районы. В кругу «заклятых» друзей: Ху Юн слева, Сон Сен справа. Ангкор Ват

1973 г. Одна из редких фотографий высшего руководства «красных кхмеров»

1974 г. Мао Цзэдун принимает Кхиеу Самфана

Пол Пот

Иенг Сари

1974 г. Пномпень в осаде. Голодающий мальчик

«Красные кхмеры» занимают пригороды Пномпеня

«Красные кхмеры» входят в центральную часть Пномпеня

17 апреля 1975 г. Изгнание сотен тысяч людей из Пномпеня

Герб Демократической Кампучии

Брошенные в одном из помещений тюрьмы «Туолсленг» «признания» ее узников

1987 г. Пномпень. Советская партийная делегация в тюрьме Туолсленг, превращенной в музей. На стенах фотографии замученных полпотовцами людей, в центре специальное пыточное приспособление, с помощью которого палачи заставляли заключенных признаваться в чем угодно. Крайний слева — переводчик (автор этой книги)

1977 г. Встреча Пол Пота и Иенг Сари в пекинском аэропорту

Дэн Сяопин во время своего визита в США в январе 1979 г. Ответ на агрессию Вьетнама будет очень жестким

Июнь 1979 г. Пол Пот (первый) и Нуон Чеа (третий) на марше в джунглях на юго-западе Камбоджи

Хун Сен в начале 80-х: самый молодой министр иностранных дел в мире

Члены высшего руководства Народной Республики Кампучия. Слева направо — Бу Тхонг, Сай Бутхонг, Хун Сен, Чеа Сим. Пномпень. 1989 г.

Заседание правительства Камбоджи в начале 2000-х годов. В центре — премьер-министр Хун Сен

Король Камбоджи Сихамони во время коронации 29 октября 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАМБОДЖИ В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА (1863–1945 гг.) 14

1. От подписания договора о протекторате Франции и до окончания Первой мировой войны (1863–1919 гг.) 14
2. Политическая борьба в 1919–1945 гг. 28

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАМБОДЖИ В 1863–1945 гг. 41

1. Реформы 1877 и 1884 гг. и становление новой экономической модели в Камбодже 41
2. Ростовщический капитал и его роль в формировании натурально-товарного типа хозяйства Камбоджи 54

ГЛАВА III. БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ СТРАНЫ И ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ (1945–1953 гг.) 65

1. Противостояние короля и его политических оппонентов по поводу путей достижения независимости 65
2. Борьба кхмерских коммунистов за власть и независимость страны 82
3. Некоторые аспекты экономического положения в стране 101

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАМБОДЖИ 1953–1970 гг. 105

1. Стремление Нородома Сианука к установлению режима единоличной власти 105
2. Политика балансирования между правыми и левыми силами и ее печальный финал 128
3. Последние попытки Сианука удержать власть 145

ГЛАВА V. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАМБОДЖИ В 1953–1970 гг. 158

1. Экономическая политика с середины 50-х по середину 60-х годов 158
2. Проблемы аграрной политики: социальная дифференциация и обнищание кхмерской деревни 169
3. Факторы углубления экономического кризиса: провал кооперации и разгул коррупции 174

ГЛАВА VI. КХМЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СИАНУКА 1953–1970 гг. 184
1. Партия «Прачеачун» и ее борьба 184
2. Нелегальная НРПК. Салотх Сар и его путь к власти 196
3. Идеологический фундамент кхмерской революции 211
4. Восстание в Самлауте и начало вооруженной борьбы 219
ГЛАВА VII. ПЕРЕВОРОТ ЛОН НОЛА И КРАХ НАТУРАЛЬНО-ТОВАРНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА (1970–1975 гг.) 234
1. Политическая ситуация и ход военных действий в стране в период после 18 марта 1970 г. 234
2. Программы развития кхмерской деревни Лон Нола и причины их крушения 251
ГЛАВА VIII. КХМЕРСКИЕ КОММУНИСТЫ
И ИХ БОРЬБА ПРОТИВ РЕЖИМА ЛОН НОЛА 265
1. Образование Национального единого фронта Камбоджи и его деятельность в 1970–1972 гг. 265
2. Превращение кхмерских коммунистов в сильнейшую политическую силу в стране 290
3. Новое административное устройство и аграрные преобразования в освобожденных районах в 1973–1975 гг. 300
4. Внутрипартийная борьба на завершающем этапе гражданской войны 308
ГЛАВА IX. «КРАСНЫЕ КХМЕРЫ» У ВЛАСТИ (1975–1979 гг.) 317
1. Демократическая Кампучия: политическое оформление режима и борьба за власть (1975–1976 гг.) 317
2. Изгнание людей из городов и аграрные преобразования 337
3. Кхмерская деревня на пороге новых испытаний. Подготовка четырехлетнего плана развития аграрной экономики 351
4. Основные цели и направления четырехлетнего плана 361
5. «Большой скачок» в коммунизм и его последствия 368
6. Формирование внутренней оппозиции и начало сопротивления режиму «красных кхмеров» (1977–1978 гг.) .. 378
7. Противостояние с Вьетнамом и крах режима 384
ГЛАВА X. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЭПОХУ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАМПУЧИЯ (1979–1991 гг.) 398
1. Формирование партийных и государственных структур НРК 398
2. Борьба группировок в НРПК: причины и результаты 410

3. Консолидация власти в руках Хун Сена и Чеа Сима и изменение политического и социально-экономического курса НРПК 436
ГЛАВА XI. ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ НРК (1979–1991 гг.) 460
1. Экономическая политика и формы организации экономики НРК в начале 80-х годов 460
2. Переход кхмерского села на рельсы рыночной экономики 486
3. Переход к рыночной экономике во всех сферах экономической жизни 495
ГЛАВА XII. ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ: ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОЛ ПОТА, СИАНУКА И СОН САННА И ИХ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НРК В 1979–1987 гг. 499
1. Формирование коалиционного правительства кхмерской оппозиции 499
2. Особенности формирования армии НРК. Боевые действия в стране в 1979–1987 гг. 519
ГЛАВА XIII. ПРОЦЕСС МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В КАМБОДЖЕ 533
1. Начало мирного диалога камбоджийских сторон 533
2. Парижская мирная конференция и начало миротворческой операции ООН 553
ГЛАВА XIV. КАМБОДЖА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ XX ВЕКА 585
1. Принятие конституции и оформление государственной власти 585
2. Раскол и распад «красных кхмеров» 592
3. Политическая борьба в Камбодже в 1994–1998 гг. 602
4. Подоплека июльских событий 1997 г. 607
5. Выборы 1998 г. и положение в Камбодже на рубеже веков 612
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 623
ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ 630
БИБЛИОГРАФИЯ 714
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 728
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 734
SUMMARY 739

Научное и учебное издание

Дмитрий Валентинович Мосяков

История Камбоджи. XX век

Редактор *А. З. Алмазова*
Корректор *Л. В. Хохлова*
Компьютерный набор *З. А. Исаева*
Верстка *А. В. Ельцева*
Эмблема серии *А. Е. Жуков*

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.
Сдано в набор 15.01.09. Подписано в печать 05.07.10.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 47. Уч-изд. л. 42. Тираж 150 экз. Заказ № 1137

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев
107031, Москва ГСП, ул. Рождественка, 12

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ИСТОРИЯ КАМБОДЖИ XX век